

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute for Linguistic Studies

ACTA
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

TRANSACTIONS
OF THE INSTITUTE FOR LINGUISTIC STUDIES

Vol. VIII, part 2

Edited by N. N. Kazansky

St. Petersburg
Nauka
2012

АСТА
LINGUISTICA
PETROPOLITANA

ТРУДЫ
ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Том VIII, часть 2

Ответственный редактор Н. Н. Казанский

Санкт-Петербург
Наука
2012

УДК 81
ББК 81.2
А 38

ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований РАН / Отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012.

Т. VIII. Ч. 2. Исследования по теории грамматики. Выпуск 6: Типология аспектуальных систем и категорий / Отв. ред. В. А. Плунгян. — 2012. — 1024 с.

ISBN 978-5-02-038306-7

РЕДКОЛЛЕГИЯ
«ТРУДОВ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ»:

академик РАН Н. Н. Казанский (председатель),
чл.-кор. РАН А. В. Бондарко, д. филол. наук Н. Б. Вахтин,
д. филол. наук М. Д. Воейкова, чл.-кор. РАН Е. В. Головкин,
к. филол. наук С. Ю. Дмитренко, к. филол. наук Н. М. Заика (секретарь),
д. филол. наук, проф. С. А. Мызников,
д. филол. наук, проф. В. С. Храковский

РЕДКОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА

чл.-кор. РАН Е. В. Головкин, к. филол. наук М. А. Даниэль,
чл.-кор. РАН В. А. Плунгян (отв. ред.), Кс. П. Семёнова

Выпуск подготовлен при поддержке
Научно-образовательного центра ИЛИ РАН «Языковые ареалы России»
(ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной
России»; государственный контракт № 14.740.11.0227).

Материалы сборника доступны в электронном виде на сайте
<http://iling.spb.ru/materials.html>

ISBN 978-5-02-038306-7 © Коллектив авторов, 2012
© ИЛИ РАН, 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство «Наука», 2012

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ТЕОРИИ ГРАММАТИКИ**

Выпуск 6:

Типология аспектуальных систем
и категорий

В. А. Плунгян

ПРЕДИСЛОВИЕ

1. Вводные замечания: предыстория

Настоящий сборник является совместной публикацией Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург) и проблемной группы по теории грамматики при Институте языкознания РАН (Москва); он издается одновременно как очередной том «Трудов ИЛИ РАН» и как шестой выпуск серии «Исследования по теории грамматики»¹. Такое соединение не случайно: оно отражает давно сложившееся тесное сотрудничество московских и петербургских типологов, как идейное, так и организационное.

Непосредственно выходу данного сборника предшествовало несколько подготовительных мероприятий. В 2009–2010 учебном году на Отделении теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова действовал семинар по актуальной типологии, на заседаниях которого обсуждались общие принципы типологического подхода к категории аспекта и проблемы описания аспектуальных систем различных языков мира (преимущественно таких, аспектуальное поведение которых почти или вовсе не было ранее объектом типологических исследований). Семинаром руководили М. А. Даниэль и В. А. Плунгян; в работе семинара принимали самое активное участие многие авторы настоящего сборника — в том числе Т. А. Архангельский, О. И. Беляев, И. А. Виноградов, О. С. Волков, В. Ю. Гусев, С. В. Малышев, В. А. Панов, Д. А. Рыжова — а также М. Ю. Десятова,

---

¹ Предыдущие выпуски серии: «Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории» (М.: Русские словари, 2001); «Исследования по теории грамматики, вып. 2: Грамматикализация пространственных значений» (М.: Русские словари, 2002); «Исследования по теории грамматики, вып. 3: Ирреалис и ирреальность» (М.: Гнозис, 2004); «Исследования по теории грамматики, вып. 4: Грамматические категории в дискурсе» (М.: Гнозис, 2008) и «Исследования по теории грамматики, вып. 5: Объектный генитив при отрицании в русском языке» (М.: Пробел, 2008).

К. М. Корчагин, М. В. Кюсева, Кс. П. Семёнова, и ряд других. В качестве предварительного итога этих обсуждений было решено провести рабочее совещание по аспектуальной типологии. Программа совещания, первоначально рассчитанная на один день, в конце концов заняла три полных дня, и совещание, организованное совместно ИЛИ РАН и Проблемной группой по теории грамматики при ИЯз РАН, состоялось в Санкт-Петербурге 16–18 сентября 2010 г. Петербургская типология была представлена на нем докладами Н. Н. Казанского, Д. В. Герасимова, Е. В. Головки, Е. Ю. Груздевой (Хельсинки), А. М. Певнова, Е. В. Перехвальской, М. Ю. Пупыниной, А. Ю. Русакова; из московских авторов, помимо большинства из уже названных участников семинара, присутствовали также П. М. Аркадьев и А. Ю. Урманчиева. Не все доклады, к сожалению, удалось включить в настоящий сборник; однако в сборник дополнительно вошли специально для него написанные статьи В. Ф. Выдрина (Париж), Е. В. Горбовой (Санкт-Петербург), Т. А. Майсака (Москва), А. А. Ростовцева-Попеля (Франкфурт), Н. В. Сердобольской, Н. М. Стойновой, А. Б. Шлуинского (все — Москва) и А. В. Эрман (Санкт-Петербург).

Таким образом, появление сборника — результат длительных усилий и взаимодействия большого коллектива исследователей из разных городов и даже стран. Редколлегия благодарна всем авторам статей за эффективное сотрудничество (почти все авторы представили по нескольку вариантов, зачастую внося по просьбе редакторов существенные изменения). И авторы, и редакторы сборника также хотели бы выразить глубокую признательность Н. Н. Казанскому, при поддержке которого стала возможной публикация этого сборника в качестве Трудов ИЛИ РАН. На всем протяжении работы над сборником неоценимую техническую и организационную помощь оказывал В. Ю. Гусев, которым выполнен и оригинал-макет издания, а также Н. М. Заика.

Как следует из сказанного, в центре внимания авторов всех статей сборника — грамматическая категория аспекта, или глагольного вида. Читатель не найдет здесь единой теории вида, которой бы следовали все включенные в сборник работы (равно как и пространного обсуждения аспектологических проблем, связанных с созданием такой теории — пожалуй, самого распространенного жанра современных аспектологических работ). Нам представля-

лось более плодотворным на настоящем этапе сосредоточиться на описании фактов, не стремясь к насильственной унификации инструментов такого описания. Сказанное не означает, разумеется, что теоретические рассуждения на страницах сборника отсутствуют — просто они максимально подчинены дескриптивным задачам. Не означает сказанное и того, что в подходе к аспекту у авторов нет единства: ниже мы попытаемся кратко перечислить те существенные для современной аспектологии положения, которые в той или иной мере разделяются всеми (или подавляющим большинством) авторов, а также те выводы, которые могут быть сделаны на основе представленных в сборнике подходов к типологически ориентированному описанию аспекта; наши рассуждения опираются на идеи, более подробное изложение которых можно найти в книге [Плунгян 2011a: 376–422] и в статье [Плунгян 2011b].

2. Об универсальной категории аспекта

Существенным этапом исследований по аспектуальной типологии было понимание того, что категория аспекта, с одной стороны, является универсальной (иными словами, грамматическое выражение значений, принадлежащих к аспектуальной семантической зоне, встречается в подавляющем большинстве языков мира), но, с другой стороны, в разных языках может существенно различаться. Однако то обстоятельство, что первоначальное теоретическое осмысление понятия грамматического вида происходило в основном с опорой на материал славянских языков, наложило на ранние аспектологические работы заметный отпечаток. Долгое время было принято считать, что универсальная категория вида — это явление, которое должно быть так или иначе похоже на «славянский вид»; отсюда многочисленные утверждения (до сих пор еще иногда встречающиеся) об отсутствии «полноценной» категории вида за пределами славянского языкового пространства или об уникальности видового противопоставления в славянских языках. При таком подходе отдельные идиосинкратичные черты выражения славянского вида принимались за универсальные свойства этой категории, а аспектуально значимым явлениям в других языках присваивались расплывчатые и вводящие в заблуждения термины наподобие «способа действия», «совершаемости» или даже «грамматического времени» (как это было долгое время принято в традиции описания романских и германских языков).

В современной грамматической типологии эти заблуждения, в целом, можно считать уже преодоленными; однако полного единства по поводу устройства универсальной семантической зоны аспекта пока не наблюдается, и, более того, количество конкурирующих трактовок категории аспекта в универсальном плане по-прежнему довольно велико. Наиболее распространенной при этом, по-видимому, следует считать так называемую «бинарную» трактовку, восходящую сразу к нескольким влиятельным исследованиям по аспектуальной типологии — так, один из вариантов указанного подхода был представлен уже в наиболее раннем обобщающем исследовании [Comrie 1976], а позднее сходные идеи нашли поддержку в рамках «двухкомпонентной теории вида» Карлоты Смит (см. [Smith 1991] и др.). Суть бинарной трактовки заключается в том, что грамматическая категория вида на универсальном уровне рассмотрения сводится к бинарной оппозиции двух «ракурсов» (viewpoint aspects, в терминологии К. Смит), называемых обычно «перфективным» и «имперфективным». Иными словами, аспект в качестве универсальной категории, пусть и косвенно, но в каком-то смысле все-таки уподобляется именно тому грамматическому типу, который наиболее характерен для славянских видовых систем с их бинарной оппозицией совершенного и несовершенного вида ².

---

² Мы оставляем в стороне те весьма существенные утверждения К. Смит, благодаря которым ее теория собственно и получила название «двухкомпонентной»: согласно этим утверждениям, в универсальном плане следует различать «лексический аспект» (чаще называемый в современных работах «акциональным классом предиката») и грамматический «аспектуальный ракурс», которому как раз и приписывается бинарное устройство. Не вдаваясь подробно в обсуждение проблематики акциональности, которой посвящена весьма обширная литература, заметим лишь, что отождествление акциональных характеристик с аспектом, пусть даже и «лексическим», не представляется нам удачным: такое отождествление скорее провоцирует смешение грамматических значений (являющихся элементами универсального грамматического набора) и лексических характеристик предиката (безусловно, имеющих многообразные связи с аспектом, но являющихся элементами иной природы). Примерно такая же терминологическая проблема в типологии возникла бы, если бы, например, такие семантические признаки существительных, как исчисляемость или абстрактность, стали бы называть «лексическим числом» — очевидным образом, адекватному описанию грамма-

Между тем, с универсально-типологической точки зрения бинарное устройство категории вида не кажется ни самым распространенным, ни самым центральным в аспектуальных системах. Более того, в тех языках, где представлена бинарная оппозиция, семантика соответствующих граммем обычно оказывается сложной и неоднородной, распадаясь (как и в славянских языках) на целый ряд частных видовых значений, которые в некоторых случаях могут иметь друг с другом весьма мало общего. Не случайно наиболее распространенная в ранних работах по аспектологии (но практически в неизменном виде воспроизводимая и у К. Смит) семантическая интерпретация оппозиции перфективности и имперфективности делалась в не раз критиковавшихся терминах «целостного» vs. «внутреннего» рассмотрения ситуации, сводящихся к непрозрачной и не имеющей объяснительной силы метафоре (подробнее к критике таких понятий, как «целостность», см., например, [Гловинская 1982; Klein 1994]³ и др.).

«Бинарной» трактовке категории вида (неудачной, на наш взгляд, как в качестве кандидата на типологическую универсальность, так и в связи с эксплицитной или имплицитной опорой на метафору «целостности») в типологии издавна противостоит традиция, исходящая из идеи иного устройства универсальной семантической зоны аспекта. Согласно этой «множественной» трактовке, число элементарных аспектуальных граммем, обслуживающих ту часть универсального грамматического набора, которая соотносится с аспектом, существенно больше двух, а их классификация имеет весьма сложную структуру. Наряду с этим, в конкретно-языковых аспектуальных системах мы наблюдаем, как правило, выражение нескольких универсальных значений с помощью одного полисемичного показателя (так называемое «совмещение значений», порождающее грамматические класте-

---

тической категории числа такое терминологическое решение не способствовало бы, хотя не подлежит сомнению, что исчисляемость для описания категории числа существительного является крайне важной лексической характеристикой.

³ В работе В. Клейна, в частности, обосновывается полезность такого понятия, как «окно наблюдения» («topic time») для описания аспектуальной семантики; по замыслу автора, это понятие призвано служить более эффективной альтернативой понятиям «внешнего» и «внутреннего» аспектуального ракурса.

ры, число которых, как можно полагать, не очень велико, и которые могут совпадать в разных, в том числе неродственных, языках). Но даже и конкретно-языковые системы с полисемичными аспектуальными показателями кластерного характера в большинстве случаев насчитывают более двух таких показателей, т. е. и на конкретно-языковом уровне аспектуальная бинарность вовсе не является преобладающей тенденцией. Так, типичный набор аспектуальных показателей в глагольной системе может включать, например, перфектив, дуратив, перфект и хабитуалис, что весьма непохоже на бинарную аспектуальную систему.

Идея гетерогенности аспектуальной семантической зоны и множественности базовых граммем аспекта (как в универсальном, так и в конкретно-языковом плане) имеет давнюю историю и в той или иной форме обсуждалась в таких, например, работах, как [Friedrich 1974; Coseriu 1976, 1980; Cohen 1989; Dik 1989, 1994; Мельчук 1998]; из более новых работ можно указать, в частности, [Johanson 2000] и [Tournadre 2004]. Как представляется, эта линия типологических исследований в целом более адекватно отражает типологическую специфику аспектуальных категорий и лучше учитывает действительное многообразие аспектуальных систем в языках мира.

В рамках такого подхода отметим некоторые терминологические инструменты, полезные, на наш взгляд, для описания универсальной семантической зоны аспекта. К ним прежде всего относятся: на *универсально-типологическом* уровне — различение граммем «первичного» (или «линейного») и «вторичного» аспекта, а на *конкретно-языковом* уровне — классификация полисемичных «аспектуальных кластеров».

Для описания различных граммем *первичного аспекта* наиболее существенна позиция окна наблюдения по отношению к тому фрагменту на оси времени, который соотносится с ситуацией, обозначаемой предикатом. В рамках такого подхода противопоставляются граммемы, выражающие «вложенность» окна наблюдения в ситуацию (в зависимости от того, в какой именно фрагмент ситуации вложено окно наблюдения, выделяется *проспектив*, *инцептив*, *прогрессив* / *дуратив*, *комплетив*, *результатив*) и граммемы, выражающие «вложенность» ситуации в окно наблюдения (*пунктив* / *лимитатив*). Дополнительную роль при выборе аспектуальной граммемы играет акциональный класс

предиката: так, прогрессив соотносится с процессами, тогда как проспектив — с состояниями, срединная («интратерминальная») часть которых находится в окне наблюдения; с другой стороны, пунктив соотносится с событиями, а лимитатив — с состояниями и процессами, полностью вложенными в окно наблюдения. В других случаях акциональная интерпретация ситуаций однозначна: проспектив и результатив соотносятся с состояниями, инцептив и комплетив — с событиями.

Что касается универсальных граммем *вторичного аспекта*, то они указывают прежде всего на изменения исходного акционального класса предиката; в частности, переход динамических ситуаций в класс стативов выражается *хабитуалисом*, переход событий в класс процессов — *мультипликативом*, обратный переход процессов в события выражается *семельфактивом* (подробнее об этой группе значений см. прежде всего Храковский 1989 и 1998, Долинина 1996; синтез более новых исследований можно найти в Шлуинский 2006). Наконец, крайне важный в том числе и для славянской аспектологии, но распространенный и в глагольных системах многих других языков мира переход неопредельной ситуации в предельную выражается такой граммемой вторичного аспекта, как *трансформатив* или *ограничитель* (bounder); ср. [Brinton 1988; Bybee, Dahl 1989; Johanson 2000; Майсак 2005: 293–345].

Перечисленные выше универсальные аспектуальные граммемы редко выражаются в глагольных системах в полном составе и при этом специализированными грамматическими показателями; как уже было сказано, практически в каждом языке с грамматикализацией аспекта представлены те или иные аспектуальные кластеры, т. е. полисемичные конкретно-языковые грамматические показатели. Наиболее распространены такие кластеры, как *имперфектив* (совмещающий дуратив, прогрессив и хабитуалис), *перфектив* (совмещающий пунктив, лимитатив, инцептив и комплетив), *расширенный перфект* (совмещающий результативный перфект и элементы перфективного кластера), однако встречаются и другие комбинации, в настоящее время описанные явно недостаточно. Изучение моделей кластеризации аспектуальных значений остается, на наш взгляд, одной из наиболее актуальных задач грамматической типологии; одна из первых работ, в которой важность этой задачи была эксплицитно отмечена — известная статья [Bybee, Dahl 1989].

Используя подобный универсальный метаязык, можно несколько по-иному описать и особенности славянских видовых систем — в результате чего будет более ясно, в чем эти языки следуют универсальным тенденциям выражения вида, а в чем отступают от того, что можно было бы считать типологическим эталоном. Конечно, говорить об эталоне или норме в области грамматической типологии довольно сложно, и убедительных попыток обосновать это понятие применительно к языкам мира до сих пор, как представляется, сделано почти не было. Тем не менее, учитывая тот факт, что наличие грамматикализованных аспектуальных показателей (т. е. показателей, выражающих значения из семантической зоны аспекта) признается для глагольных систем очень большого количества языков мира практически во всех языковых ареалах (в том числе в Европе, Центральной и Южной Азии, на Кавказе, в Западной и Восточной Африке, Северной и Центральной Америке, Океании), типологический фон для оценки славянских систем получается достаточно представительным. От этого фона мы и будем отталкиваться.

Начнем с более известных *формально-грамматических* особенностей выражения вида в славянских языках. К ним относятся *бинарность* видовой оппозиции и *непарадигматический характер* категории вида.

Хорошо известная и многократно обсуждавшаяся морфологическая бинарность категории вида сводится к тому, что в формальном отношении имеется только одна оппозиция совершенного и несовершенного вида, но при этом каждая из двух граммем категории вида является в высокой степени полисемичной по отношению к значениям из универсального грамматического набора ⁴.

---

⁴ При этом в ряде случаев аспектуальные граммы, по-видимому, выражают и другие, не аспектуальные значения, что тоже не всегда осознается в аспектологических исследованиях. Однако для конкретно-языковых грамматических показателей вполне естественно совмещать значения из разных семантических зон — например, аспектуальные и модальные, аспектуальные и залоговые, и т. п. В частности, как представляется, рост так называемых общефактических употреблений несовершенного вида в восточнославянских языках (ср. [Князев 2007: 66 и след.]) можно интерпретировать и как появление у аспектуальной граммы имперфектива неаспектуальных значений, ее «деаспектуализацию».

Подчеркнем еще раз, что в языках мира такая формально редуцированная система является далеко не самой распространенной.

Вместе с тем, утверждение о формальной бинарности славянской аспектуальной оппозиции (даже применительно к восточно- и западнославянским языкам, т. е. исключая более сложные системы «болгарского типа») требует некоторых комментариев. По-видимому, более точной все же будет более осторожная характеристика бинарности аспектуальной оппозиции как преобладающей *тенденции* в славянском ареале: дело в том, что наряду с центральной бинарной оппозицией существуют и более маргинальные, но тем не менее заметные «точки роста» новых грамматических противопоставлений — или же сохраняющиеся длительное время грамматические архаизмы, увеличивающие число аспектуальных граммем.

К архаическим противопоставлениям, с которыми, тем не менее, славянские языки расстаются в разной степени неохотно, относится прежде всего специализированное морфологическое выражение хабитуалиса (или, может быть, точнее — «прекращенного хабитуалиса»), обозначающего неактуальную в настоящем ситуацию и являющегося одной из разновидностей так называемого «прекращенного прошлого», о котором см. подробнее [Плунгян 2001] и [Plungian, van der Auwera 2006]). Особый показатель хабитуального аспекта в большинстве славянских языков включился в систему выражения несовершенного вида (в рамках так называемой «вторичной имперфективации»), так как несовершенный вид представляет собой имперфективный кластер, в составе которого хабитуальность также выражается. Прекращенный хабитуалис как особая категория лучше всего сохранился в чешском (ср. известные примеры типа *Za dávných časů tam stával kostel* ‘Прежде там стояла церковь’) и в лужицком. В русском подобные формы употреблялись в литературном языке еще в XIX в. (ср. примеры типа *Я за уши его дурала, только мало* из «Горя от ума» А. С. Грибоедова) и до сих пор устойчиво сохраняются в северных диалектах [Пожарицкая 1991]. Специализированное выражение итеративного и хабитуального значений характеризует и небольшую реликтовую группу русских так называемых «моторно-кратных» глаголов типа *ходить, ползать, летать* и др. (так, выражение типа *птицы летают* допускает как актуально-итеративную интерпретацию, обозначая актуальное разнонаправленное движение, так и хабитуальную, обозначая способность пере-

мещаться по воздуху; аналогично обстоит дело и с другими лексемами этой группы). Далеко не всем славянским языкам свойствен этот лексико-грамматический архаизм (подробнее о современном состоянии исследований в области моторно-кратных глаголов см. в сборнике [Hasko, Perelmutter 2010]).

О древности хабитуальных значений свидетельствует и их распространенность в неславянских языках, входящих в западно- и восточнославянский ареал. Бросающейся в глаза параллелью являются прежде всего литовские «многократные» формы с суффиксом *-dav-* (в диалектах используются и аналитические конструкции с вспомогательными глаголами). Обращает на себя внимание также и сильно грамматикализованная хабитуальная конструкция с *fleg* в идише. Таким образом, тенденция к грамматическому выражению хабитуальности является достаточно устойчивой, хотя в диахронической перспективе использование специализированных средств ее выражения в славянских языках постепенно сходит на нет. Это, между прочим, отчасти объясняет отсутствие в славянских языках специализированных форм прогрессива даже на уровне начальных тенденций (при том, что разные стадии грамматикализации прогрессива отмечены практически для всех романских и германских языков): славянский прогрессив совмещается с хабитуалисом, «теряющим» собственные показатели.

Если специализированное выражение хабитуалиса является в славянском ареале грамматическим архаизмом, то специализированное выражение *результатива* или *перфекта*, напротив, должно быть признано грамматической инновацией, точнее, может быть, повторной инновацией (в духе «цикла Есперсена»). Наиболее древняя из засвидетельствованных славянских глагольных систем как раз содержала оппозицию перфекта и аориста, в дальнейшем в той или иной степени утраченную (меньше всего — в южнославянском ареале). Тем не менее тенденция к созданию форм «нового перфекта» в славянском ареале существует: примерами таких образований могут служить и литературный русский «объектный результатив» или «пассивный перфект» типа *дверь открыта* [Князев 2002, 2007: 497 и след.]), и — в гораздо большей степени — новый перфект северных русских диалектов типа *зять в город уехавши / у зятя в город уехано* (этим конструкциям посвящена обширная литература, в обзор которой мы не имеем возможности здесь углубляться). В противоположной об-

ласти славянского ареала данная тенденция реализована в македонском с его новым *habere*-перфектом типа *имам дојдено*, в дополнение к общеславянским моделям старого *Л*-перфекта и *esse*-результатива (ср. [Fici Giusti 1995; Graves 2000]).

Таким образом, формальная бинарность аспектуальных систем славянских языков почти нигде не является ни чистой, ни абсолютной: это лишь доминирующая тенденция. Полное описание аспектуальных категорий в славянских языках не должно исключать особенностей выражения хабиитуалиса и результатива / перфекта, зачастую выходящих за рамки двувидовой модели.

Другая, крайне интригующая и запутанная проблема славянской аспектологии состоит в том, что славянский вид оказывается такой грамматической категорией, у которой нет собственного морфологического показателя. Мы разберем эту проблему на русском материале, хотя сходные утверждения (с теми или иными поправками) можно сделать и относительно других славянских языков.

Действительно, легко убедиться, что значение вида не может быть локализовано в определенной морфеме (для русского языка единственным — хотя и важным — исключением могло бы быть семельфактивное *-ну-* в глаголах типа *крикнуть*, однако своеобразная грамматическая ирония состоит в том, что у этого суффикса имеется омонимичный показатель, широко употребляемый как раз при глаголах несовершенного вида типа *мерзнуть*). Хорошо известно, что наличие — или отсутствие — таких морфем, которые в традиционных описаниях чаще всего выступают кандидатами на выражение видовых значений, т. е. глагольных префиксов и суффиксов вторичного имперфектива, само по себе не является свидетельством той или иной видовой принадлежности глагола: префиксальные глаголы, вообще говоря, могут быть несовершенного, а суффиксальные — совершенного вида. Так, лексемы типа *собирать* выражают несовершенный вид, несмотря на наличие префикса (*мы долго собирали*^{IPF} *хворост*), а лексемы типа *насобирать* ⟨много⟩ выражают совершенный вид, несмотря на наличие суффикса вторичного имперфектива (*за час мы насобирали*^{PF} *целую кучу хвороста*). Очевидно, что вид выражается не той или иной морфемой как таковой, а, так сказать, фактом присоединения этой морфемы на определенном деривационном этапе, иными словами — переходом лексемы из одной словообразовательной модели в другую. Действительно,

непроизводная основа русского глагола может быть как имперфективной (в подавляющем большинстве случаев), так и перфективной (у нескольких глаголов типа *дать* и *лечь*); далее присоединение к непроизводной основе приставки из определенного набора или семельфактивного суффикса перфективирует ее; присоединение имперфективирующего суффикса — вызывает имперфективацию, а присоединение приставки из некоторого другого набора, не полностью совпадающего с тем, который применялся на первом этапе, вызывает повторную перфективацию. Следует заметить, что в общей теории морфологии практически не описан такой тип морфологических средств. Ближе всего описанный способ выражения видов — к *конверсии* ([Мельчук 2000]; см. также [Плунгян 2000: 67–70]), однако конверсия в языках мира, как принято считать, не сопровождается аффиксацией, а характеризуется просто изменением набора грамматических признаков лексемы. По-видимому, морфологическая теория нуждается в специальном термине для обозначения такого явления; заслуживает также исследования вопрос о его уникальности: существуют ли еще в языках мира такие случаи, когда грамматическое значение некоторой категории меняется, а связанный с этим значением сегментный показатель остается в словоформе, семантически, так сказать, «зачеркиваясь»?

С указанной структурной особенностью вида тесно связана и другая, относящаяся в равной степени к плану выражения и к плану содержания: как опять-таки хорошо известно, вид не может быть без существенного насилия над материалом признан словоизменятельной категорией того же типа, что и, например, категория времени или лица. Этому препятствует отсутствие видовых парадигм, т. е. возможности разбить всю глагольную лексику языка на множество пар, таких, что внутри каждой из них глаголы будут отличаться только значением вида. Некоторое количество таких пар в славянских языках имеется (в разных языках их доля различна), однако очевидным образом очень большое количество глаголов остается вне таких видовых парадигм. Вместе с тем, вид является грамматической категорией: всякая глагольная форма принадлежит к какому-то виду, и при этом только к одному⁵. Та-

---

⁵ В случае так называемых двувидовых глаголов типа *казнить* или *организовать* представлена регулярная омонимия грамматических

кая ситуация наиболее типична для так называемых словоклассифицирующих категорий — термин, также не слишком популярный в теории грамматики, однако необходимый для описания таких категорий, как род существительных (а в русском языке, по-видимому, также и залог глагола, за счет втягивания в залоговую оппозицию возвратных форм). Действительно, в общем случае у существительных не существует родовых парадигм, хотя в отдельных точках такие парадигмы возможны (в русском это, в частности, субстантивированные прилагательные типа *чужой* ~ *чужая* ~ *чужое*, а также фамилии и топонимы типа *Иванов* ~ *Иванова* ~ *Иваново*). Очевидно, однако, что ни родовые парадигмы, ни видовые пары не характеризуют русский род и, соответственно, вид в целом.

Рассмотрим теперь (более сложные) семантико-грамматические особенности категории вида в славянских языках.

Очень важным свойством категории вида (особенно в восточнославянских языках и в польском) является тесная семантическая связь между *перфективностью* и двумя акциональными характеристиками предиката, а именно *предельностью* лексемы и ее *событийностью*, т. е. способностью обозначать представителей акционального класса (моментальных) событий. Но если про связи совершенного вида и предельности писали много практически с самого зарождения славянской аспектологии, то связь между совершенным видом и событийностью долгое время оставалась в тени (ср. на эту тему в особенности [Зализняк, Шмелёв 2000]). Между тем, эта связь является одной из важнейших характеристик славянского перфективного кластера, отличающего его от перфективных показателей в большинстве языков мира.

Дело в том, что глаголы совершенного вида тяготеют не просто к описанию перфективных ситуаций (с точки зрения по-

---

форм; однако в каждом конкретном употреблении у словоформ этих глаголов обязательно выражается граммема вида, при этом в каждом случае только одна из двух. Тем самым, само существование двувидовых глаголов (число которых, например, в современном русском языке достаточно велико) не может рассматриваться как непосредственный аргумент против грамматического характера видовой оппозиции, хотя тенденция к росту таких глаголов (если она имеется), безусловно, может иметь значение для оценки грамматического статуса вида.

зиции окна наблюдения), а таких перфективных ситуаций, которые с акциональной точки зрения являются мгновенными; иными словами, в число значений, образующих, например, русский перфективный кластер, входит в первую очередь пунктив (*вспыхнул*), инцептив (*понял*), комплетив (*открыл*), но присутствие среди них лимитативного значения не столь очевидно: оно является отчетливо более маргинальным. Разумеется, нельзя сказать, что лимитативность в русской аспектуальной системе не может быть грамматически выражена, т. е. что предельные процессы и состояния не могут быть перфективированы, оставаясь внутри своего акционального класса. Однако верно, что перфективация непредельных процессов и особенно состояний сопряжена в русском языке с нетривиальными «грамматическими усилиями», а зачастую действительно невозможна: так называемые *imperfectiva tantum* (типа *зависеть*, *принадлежать* или *весить*) почти все принадлежат к этим акциональным классам. Имеющиеся в русской морфологической системе относительно недавнего происхождения делимитативы (*постоять*) и пердуративы (*простоять*), конечно, не обозначают события и с акциональной точки зрения являются почти всегда процессами, но они, как правило, сочетают лимитативную перфективацию с дополнительными семантическими приращениями и от многих глаголов не образуются. Перфективация же непредельных процессов, как правило, возможна лишь с дополнительным переводом их в предельные, т. е. с более или менее значительным семантическим изменением. «Естественные» лимитативные перфективы типа *отдохнул* (*две недели*) в русском языке единичны. Это противопоставляет русский, в частности, романским и германским языкам, где такие перфективы (при всех различиях между романскими и германскими аспектуальными системами) частотны, находятся в центре аспектуальной системы и где в общем случае жесткой связи между акциональным классом глагола и возможностью его перфективации нет. Так, в русском нет точного грамматического эквивалента для выражающих лимитативную перфективность словоформ типа англ. *walked* или *danced*, исп. *camínó* или *bailó*, и т. п.: их наиболее естественным русским переводом в лимитативных контекстах будет, скорее всего, нечто вроде *шел / танцевал (некоторое время)*, т. е. формы несовершенного вида. В старосла-

вянском языке (и в сохранившем эту особенность современном болгарском) стандартным средством для выражения лимитативной перфективности является, как известно, аорист несовершенного вида: ср., например, такой характерный контекст, как *Дъни же бывъшоу розьства Иродова, **пласа**^{AOR} дъшити Иродигьдина по срѣдъ и оугоди Иродови* (Mar., Мф. 14: 6; в современном болгарском переводе: *А когато настана рожденият ден на Ирода, Иродиадината дъщеря **игра**^{AOR} всред събраните и угоди на Ирода*).

Косвенным доказательством особой зависимости между мгновенностью и перфективностью является и то, что в русском языке именно семельфактивный суффикс *-ну-* оказывается наиболее тесно связан с видовой характеристикой лексемы: семельфактивные глаголы всегда совершенного вида, и никакие другие морфемы не способны «зачеркнуть» этот семантический эффект.

Напротив, говоря о славянских глагольных префиксах, следует, по-видимому, признать, что их грамматическая функция состоит в общем случае не в перфективации, а в превращении ситуации в предельную, т. е. в ее «ограничении»; перфективация является лишь частным эффектом этого преобразования, проявляющимся в некоторых контекстах. Тем самым, славянские префиксы правомернее рассматривать как показатели в общем случае не первичного, а вторичного аспекта (с трансформативной семантикой). В класс показателей перфективности они попадают лишь посредством изменения акциональной характеристики ситуации: предельный процесс может иметь в качестве финала событие достижения предела, и тем самым ему оказывается доступен комплетивный перфектив (вспомним то, что говорилось выше о связи между перфективностью и событийностью).

Заметим, что выражение предельности с помощью пространственных модификаторов глагола — явление, распространенное чрезвычайно широко, и здесь славянские языки входят в очень обширное семейство других языков мира. Особенность их состоит в том, что связь между трансформативностью и перфективацией оказывается гораздо более тесной, чем в большинстве других систем (в том числе и наиболее близких генетически и типологически балтийских, ср. [Аркадьев 2008] и его же статью в настоящем сборнике), где обязательного изменения видовой принадлежности при появлении у глагольной лексемы «ограничителя» не происходит.

Как хорошо известно, важной областью перфективной деривации являются пары глаголов, исходный элемент которых обозначает предельный процесс, а префиксальный элемент — связанное с этим процессом событие, состоящее в достижении финала (типа *гореть* ~ *сгореть* или *будить* ~ *разбудить*). Стронники теории видовой парности обычно включают такие пары (наряду с суффиксальными вторичными имперфективами) в число «чисто видовых пар», полагая, что между этими глаголами имеется только видовое различие, а приставка является «семантически пустой» (такова, в частности, и позиция традиционной русской грамматики). Однако эта точка зрения не учитывает следующих обстоятельств. Во-первых, если приставки семантически пусты, то как объяснить, что разные глаголы при перфективации выбирают разные приставки (ср. примеры выше)? Во-вторых, как объяснить, что одна и та же приставка постоянно оказывается то «семантически пустой», то несущей вполне определенное значение, ср. приставку *с-* в *сгореть* и *срезать* (в отличие от *нарезать* или *перерезать*) или приставку *раз-* в *разбудить* и *разломать* (в отличие от *выломать* или *переломать*), и т. п.? При этом практически любая приставка может быть «чистовидовой» (ср. *пере-* в *перекреститься*, *под-* в *поджарить* или *подмести*, *за-* в *замерзнуть*, *вы-* в *выпить*, и т. п.). Таким образом, более внимательный анализ фактов показывает слабость гипотезы о чистовидовых приставках. Некоторые слависты уже давно предлагали отказаться от этого понятия и считать, что значение у приставки всегда есть (причем ни в каком случае приставка не может быть показателем вида, о чем шла речь выше). Объяснение же наблюдаемым явлениям следует искать в так называемом «классифицирующем эффекте», или «эффekte Вея-Схоневельда», названного так по имени двух исследователей, независимо открывших его в середине XX в.: французского слависта Марка Вея (см. [Vey 1952]) и нидерландского слависта Корнелиса ван Схоневельда (см. [van Schooneveld 1958] и более позднюю работу [van Schooneveld 1978]). Эффект состоит в том, что значение перфективирующей приставки может быть частью значения глагольной основы, и в этом случае при перфективации оно как бы «гасится» основой, а остается заметным только грамматический компонент, связанный с приставкой — прежде всего, предельность. Так, приставка *под-* оказывается «чистовидовой» у тех глаголов, которые и сами по

себе обозначают обработку объекта снизу или внизу (ср. *жарить* ⟨на углях⟩ или *местить* ⟨пол⟩), но не, например, *варить* ⟨в воде⟩ или *вытирать*); приставка *раз-* — у тех глаголов, которые выражают «увеличение активности» (*будить* или *дразнить*, но не, например, *прятать* или *мучить*), приставка *с-* — у тех глаголов, которые выражают «концентрацию» или «соединение частей в целое» (*мастерить*, *клеить*, *делать*), и т. п. Такая ситуация, вообще говоря, означает, что в славянских языках глагольные лексемы разбиваются на относительно небольшое число классов (около полутора десятков), каждый из которых имеет общий семантический компонент, совпадающий с каким-либо значением одной из приставок — глаголы «обработки нижней поверхности», «увеличения активности», «концентрации», и т. п., и в соответствии с этим компонентом выбирает приставку для образования предельных перфективных коррелятов с минимальным лексическим отличием. Подобный механизм свидетельствует о начальном этапе грамматикализации видового противопоставления в славянских языках, пока еще тесно связанного со словообразовательными механизмами и недостаточно унифицированного, хотя определенная тенденция к сокращению числа продуктивных перфективирующих приставок и их семантической генерализации отмечается во всех славянских языках. Словообразовательный характер «славянской модели» вида эксплицитно отмечался Э. Далем [Dahl 1985], подобные явления (имеющиеся и в других языковых ареалах) можно обозначить общим термином «классифицирующая перфективация». Полного описания модели префиксации в соответствии с эффектом Вея-Схоневельда пока не было предложено ни для одного славянского языка (на некоторые трудности такого проекта указывается в [Кронгауз 1998: 79–84]), но это остается привлекательной задачей для славистов и типологов ⁶.

Таким образом, многое в особенностях славянской видовой системы (в первую очередь тесная связь с лексическими классами

---

⁶ Для русского языка такая задача в настоящее время решается в рамках международного проекта «Exploring emptiness» (см. <http://emptyprefixes.uit.no>; ср. также [Janda 2007]). На сайте проекта доступна база данных русских «чистовидовых» приставок; готовится к публикации монография, детально описывающая механизм приставочной перфективации в русском [Endresen et al. in prep.].

глаголов и словообразовательными механизмами) указывает на ее сравнительно недавнюю (в исторических масштабах) грамматикализацию. Действительно, есть основания считать, что классифицирующая перфективация, основанная на использовании ограничителей, возникла в славянских языках относительно поздно, вытеснив более древнюю систему, напоминающую аспектуальные системы других индоевропейских языков (например, древнегреческого или древнеармянского), со словоизменительными противопоставлениями перфекта, имперфекта (= хабитуально-дуративного кластера) и аориста, главным образом относящимися к формам прошедшего времени. Именно такая система функционировала и в старославянском языке. Восточные и западные славянские языки полностью утратили эту оппозицию, южные — частично сохранили, совместив ее с более новой системой словообразовательной перфективации и вторичной имперфективации (на основе старых хабитуальных словообразовательных показателей). При этом аорист продолжал использоваться как лимитативный перфектив (практически отсутствовавший в новой модели), но формы аориста несовершенного вида и особенно имперфекта совершенного вида постепенно маргинализировывались или вовсе выходили из употребления (из всех южнославянских наиболее архаична в этом отношении система болгарского языка⁷).

Для понимания исторических особенностей славянской видовой системы также существенно ее рассмотрение в ареальном и типологическом контексте. Дело в том, что славянские языки оказываются не единственными языками со словообразовательной перфективацией классифицирующего типа на основе глагольных ограничителей. Интересным образом, вокруг славянских языков имеется периферийный ареал, в котором в той или иной степени прослеживаются аналогичные тенденции, не достигшие однако той же степени грамматикализации (на этот факт одним из первых обратил внимание тот же Э. Даль). Таким образом,

---

⁷ В болгарском языке инновации в наибольшей степени коснулись системы перфекта, у которого развились эвиденциальные и таксисные употребления. Кроме того, существенные различия между всеми славянскими языками касаются аспектуального поведения форм будущего времени (формировавшихся, по-видимому, в каждой ветви славянских языков независимо; ср., в частности, [Fici Giusti 1997]).

можно говорить об общих тенденциях преобразования системы глагольных ограничителей в систему с классифицирующими аспектуальными показателями (событийной) перфективности. Тенденции эти коснулись практически всех языков, располагавших показателями глагольной ориентации. Наиболее близкими к славянским языкам по степени грамматикализованности деривационного вида являются грузинский и особенно осетинский языки. В меньшей степени эта тенденция прослеживается в балтийских языках (при этом в литовском бóльшую роль играет глагольная префиксация, а в латышском — наречные модификаторы глагола, ср. [Wälchli 2001]) и в венгерском. Наконец, в современных германских языках едва ли можно говорить о словообразовательной перфективации, но наличие аспектуально релевантных свойств у глагольных ограничителей и в этих языках несомненно (ср., в частности, [Brinton 1988] об английском). Любопытно, однако, что тенденции к созданию системы с классифицирующей перфективацией на основе превербов были достаточно сильны в готском IV–VI вв. и в поздней латыни примерно того же периода (т. е. буквально накануне почти полной утраты всей системы глагольной префиксации в романских языках; деталям этого процесса посвящена статья В. А. Панова в настоящем сборнике).

За пределами восточноевропейского ареала системы с классифицирующей перфективацией также встречаются — так, похожие модели засвидетельствованы в чадских языках (в частности, как указывал еще Э. Даль, в марги), в языках помо (в частности, в кашайя) и др. «Классифицирующая перфективация» свойственна и многим языкам Юго-Восточной и Южной Азии; в них показателями перфективации являются, как правило, вспомогательные глаголы (ср. понятие «аналитической перфективации», обсуждаемое в [Майсак 2005: 293–345]). Именно с системами такого рода славянские модели перфективации на основе глагольных префиксов обнаруживают наибольшую типологическую близость.

Таким образом, славянский вид как ареальное и типологическое явление демонстрирует целый ряд своеобразных и редких особенностей, как в плане выражения, так и в плане содержания. К ним относятся в первую очередь следующие:

— бинарная оппозиция с имперфективным и перфективным кластерами широкой семантики;

— перфектив «комплетивного» типа, ориентированный на событийность;

— особая система средств выражения предельности в рамках «вторичного аспекта»: деривационные префиксы-ограничители, совмещающие выражение предельности с функцией классификаторов ситуации (в части славянских языков эта система сосуществует с более традиционной тернарной словоизменительной оппозицией *аорист* ~ *имперфект* ~ *перфект* «романского» или «греческого» типа).

Обращает на себя внимание тот факт, что системы с деривационным выражением комплетивности на основе глагольных ограничителей-классификаторов в языках мира присутствуют как на периферии славянского ареала — в осетинском, грузинском, венгерском, балтийских и др. языках, так и в совершенно иных ареалах (Калифорния, Юго-Восточная и Южная Азия, Западная Африка). Тем не менее, такие системы в целом являются достаточно редкими и нуждаются в более детальном изучении.

3. Об этом сборнике

Охарактеризуем теперь более подробно тематику и структуру настоящего сборника.

В отношении охвата языков существенно, что наиболее подробно здесь рассматриваются, так сказать, аспектологически «проблемные» языки и ареалы, т. е. такие, для которых либо еще недавно было неочевидным само существование категории аспекта, либо эта категория мало напоминает тот тип аспекта, который представлен в славянских системах. Как уже говорилось, исследований «неславянского» вида по-прежнему немного (за исключением, может быть, материала нескольких наиболее распространенных европейских языков), и настоящий сборник призван отчасти восполнить этот пробел. Типологически корректная теория вида может опираться только на всю совокупность известных фактов, а языковое разнообразие в этой области оказывается гораздо более значительным, чем это может предположить даже искушенный аспектолог.

Неслучайно поэтому славянские системы в сборнике не рассматриваются вовсе: как относительно хорошо изученные (из недавних работ см. прежде всего монографии [Петрухина 2000] и

[Dickey 2000]). Они присутствуют во многих статьях в качестве своего рода естественного фона для нового материала. Преимущественное же внимание уделяется системам «экзотических» ареалов — Африки, Америки, Дальнего Востока и т. п. Из европейских языков подробно описана система литовского (в котором, как считается, каноническое видовое противопоставление отсутствует), а также греческого (наиболее близкого к славянским в способе трактовки видовых оппозиций, но с рядом весьма существенных отличий) и испанского (имеющего, по-видимому, наиболее развитую и сложную аспектуальную систему из всех романских языков).

Все статьи в сборнике могут быть, с некоторой долей условности, разделены на два класса: исследования, описывающие совокупность видовых противопоставлений определенного языка или группы близких языков — т. е. то, что можно назвать *аспектуальной системой* языка, — и исследования, описывающие какую-то одну *аспектуальную категорию* на материале одного языка или же в типологической перспективе. Соответственно этому тематическому различию, в сборнике выделяются две части: «Аспектуальные системы» и «Аспектуальные категории».

Статьи **первой части**, посвященной аспектуальным системам, сгруппированы в четыре раздела, в соответствии с ареальным принципом. Следует, впрочем, сразу предупредить читателя, что степень содержательного сходства описываемых языков в каждом из этих четырех случаев сильно различается — иногда действительно можно говорить о некотором едином грамматическом пространстве со сходным набором базовых противопоставлений и сходными средствами их выражения, а иногда в один и тот же раздел попадают языки, объединенные, помимо географической близости, лишь чисто отрицательными свойствами — непохожестью на системы других ареалов. В любом случае, проблема ареальной типологии аспектуальных систем интересна и важна, и ее детальное изучение — дело будущего (можно надеяться, что недалекого).

В первом разделе («Восточная и Южная Европа») представлены европейские языки, пожалуй, никогда не бывшие центральным объектом исследований по аспектуальной типологии, однако по многим параметрам сопоставимые с более известными аспектологам восточноевропейскими системами.

Данные *литовского языка* (представленные в обстоятельной и во многих отношениях новаторской статье П. М. Аркадьева) признавались важными для общей и славянской аспектологии начиная уже с первых описаний конца XIX в., однако преимущественно в рамках сравнительно-исторической парадигмы. Считалось, что литовский язык фиксирует то состояние глагольной системы со слабо грамматикализованной категорией вида, которое могло быть свойственно и славянским языкам на ранних этапах их истории. Последующие описания литовского глагола в основном также находились в идеологической зависимости от славянской аспектологической проблематики: сходство со славянскими системами то подчеркивалось (вплоть до утверждений об отсутствии принципиальных различий в отношении аспектуальной семантики), то, напротив, почти полностью отрицалось. Однако независимое типологическое исследование литовской системы, ориентированное на более широкий круг фактов и более общую грамматическую проблематику, по-прежнему остается актуальной задачей. В статье П. М. Аркадьева, как представляется, сделаны существенные шаги в этом направлении. Показано, в частности, что литовский язык безусловно может рассматриваться как язык с грамматикализованным аспектом, но в очень своеобразном варианте. В литовском практически отсутствует грамматикализация «первичного аспекта», но важную роль играют морфологические средства выражения акциональной характеристики глаголов («вторичный аспект») и хорошо представлен целый ряд маргинальных категорий, почти или вовсе не засвидетельствованных в европейском ареале: континуатив, авертив, прекращенный хабитуалис и некоторые другие. Этим литовский язык отличается как от восточно- и западнославянских (где вторичный аспект выражается сходным образом, но первичный аспект грамматикализован в гораздо большей степени, хотя исторически и структурно сохраняет сильную связь с глагольным словообразованием), так и от многих западноевропейских, где первичный аспект находится в центре глагольного словоизменения, а вторичный аспект играет подчиненную роль. Литовский морфологический континуатив и подобные формы практически не имеют типологических параллелей в Европе и, скорее всего, являются относительно недавним результатом внутреннего развития литовской глагольной системы.

Положение *греческого языка* (глагольная система которого анализируется в совместной статье Т. А. Архангельского и В. А. Панова) в типологическом пространстве отчасти сходно с положением литовского: исследователи не раз отмечали особую близость греческой системы к славянским по ряду параметров (например, возможность видового противопоставления в императиве и в будущем времени), подчеркивая в то же время словоизменительный характер видовой оппозиции в греческом, неизменный на протяжении всей его истории. В статье анализируется эта типологическая специфика греческого, причем сопоставляются особенности как древнегреческой, так и новогреческой системы, что может быть весьма полезно для исследований по диахронии аспектуальных систем — это еще одна область аспектуальной типологии, детальная разработка которой только предстоит. Аспектуальных систем, надежные данные о диахроническом развитии которых доступны, не так много, и это делает факты греческого языка, имеющего двухтысячелетнюю письменную историю, особенно ценными.

Наконец, данные об аспектуальной системе *испанского языка* (рассматриваемой в статье Е. В. Горбовой) интересны тем, что испанский известен как один из самых богатых аспектуальными категориями среди романских языков, причем большинство этих категорий являются относительно поздними инновациями. В первую очередь, это перфект и прогрессив, к которым примыкают ряд менее грамматикализованных значений из аспектуальной семантической зоны, выражаемых так наз. «глагольными перифразами» (не все из них рассматриваются в статье подробно). Испанский материал существен и как иллюстрация богатой, но относительно слабо грамматикализованной аспектуальной системы, где широко распространена частичная синонимия аспектуальных показателей, а правила их употребления в значительной степени носят дискурсивный характер. Тем самым, уже данные самого первого раздела сборника наглядно свидетельствуют о том, что даже среди европейских языков имеется достаточное разнообразие систем, обладающих богатым набором аспектуальных показателей и при этом во многих существенных отношениях не тождественных славянским.

Это представление подтверждают и статьи второго раздела, посвященные некоторым языкам Кавказа — к сожалению

нию, далеко не всем, которые могли бы представлять интерес для аспектологии в этом практически неисчерпаемом для типолога ареале. В двух статьях рассматриваются особенности аспектуальных систем дагестанских языков: *аштынского даргинского* (О. И. Беляев) и *агульского* (Т. А. Майсак); статья А. А. Ростовцева-Попеля содержит обзор *грузинского* материала. Безусловно, этот список крайне далек от исчерпывающего и может лишь проиллюстрировать некоторые сложнейшие аспектологические проблемы языков кавказского ареала. Однако уже приведенного материала достаточно, чтобы убедиться в том, что языки Кавказа, принадлежа к языкам с бесспорной аспектуальной доминантой глагольной системы, демонстрируют крайне разнообразные типы выражения аспектуальных категорий. Наибольшее разнообразие, видимо, свойственно нахско-дагестанским языкам (далеко не достаточно изученным в этом отношении); однако аспектуально несколько более бедные абхазо-адыгские и индоевропейские языки Кавказа (в первую очередь, армянский и осетинский) также заслуживают самого пристального внимания.

Даргинская система достаточно типична для данного ареала, она демонстрирует богатство как морфологических возможностей глагола, так и относительно менее грамматикализованных аналитических конструкций с различными типами нефинитных форм и вспомогательных глаголов. Такой тип глагольной системы с сильно грамматикализованным морфологическим аспектом и обширной, но более слабо грамматикализованной грамматической периферией (выражающей не только аспектуальные, но также модальные и дискурсивные значения) встречается в данном ареале повсеместно, а из европейских систем к нему структурно наиболее близка испанская. Дополнительной особенностью дагестанских языков является широко развитая синонимия форм с близкими аспектуальными значениями и тонкими, зачастую с трудом формулируемыми правилами выбора одной из форм внутри узкой семантической зоны. Так, здесь распространены системы с несколькими типами результативных, прогрессивных, хабитуальных показателей. Эту особенность хорошо иллюстрирует не только даргинский, но и *агульский* материал: хотя в статье Т. А. Майсака анализ ограничен конструкциями с причастиями, уже и этот фрагмент глагольной системы наглядно показывает все нетривиальное богатство инвентаря аспектуальных значений,

грамматически выражаемых в агульском. Хорошо видно, что одному полисемичному показателю европейских языков в дагестанских системах, как правило, соответствует несколько различных эквивалентов, выражающих лишь определенную «узкую» разновидность результативной, хабитуальной или какой-то иной семантики. Для описания аспектуальной семантической зоны универсального грамматического набора данные языков такого типа представляют особую ценность.

В ином отношении интересен *грузинский* материал. С одной стороны, грузинский принадлежит к числу немногих языков с относительно хорошо засвидетельствованной длительной письменной историей (около полутора тысяч лет). Исследованию процессов диахронического развития грузинской системы способствуют и данные других современных картвельских языков (в первую очередь, мегрельского и сванского), демонстрирующих различные варианты преобразования той общей более древней системы, основные черты которой можно реконструировать с опорой на древнегрузинские данные. С другой стороны, развитие грузинской аспектуальной системы шло в направлении, во многом сходном с тем, которое представлено в славянских языках, а также в осетинском (и отчасти в литовском, венгерском и нек. др.). Это грамматикализация пространственных префиксов глагола, из показателей вторичного аспекта (предельности) постепенно превращавшихся в показатели первичного аспекта — событийного перфектива, но при этом сохранявших тесную и нетривиальную связь с лексической семантикой глагола. В обзорной статье А. А. Ростовцева-Попеля прослеживаются этапы этой эволюции.

Центральным по объему и степени детальности рассмотренная аспектуальной проблематики можно считать третий раздел сборника, в котором представлен весьма интересный и необычный материал ряда языков Дальнего Востока и Северной Евразии: *нганасанского* (В. Ю. Гусев), *удэгейского* (Е. В. Перехвальская), *чукотского*, *корякского* и *алюторского* (совместная статья О. С. Волкова, М. А. Даниэля, М. Ю. Пупыниной и Д. А. Рыжовой) и *нивхского* (Е. Ю. Груздева; в данной статье, в отличие от других исследований, представленных в настоящем сборнике, рассмотрена в основном акциональная проблематика). Эти исследования хорошо иллюстрируют возможность существования полноценных и сложных систем выражения аспектуальных значений в гла-

голе, основанных на совсем иных принципах, чем системы европейских и кавказских языков.

Так, подробно рассмотренный В. Ю. Гусевым (фактически, впервые в самодистике) материал *нганасанского языка* демонстрирует существование системы, в которой аспект (как и в славянских языках) является не словоизменительной, а словоклассифицирующей категорией, выражающей перфективность событийного типа, но при этом совсем по-иному связанной с категориями времени и актантажной деривации. Тем самым, системы типа нганасанской расширяют наши представления о разнообразии так наз. модели «деривационного вида», показывая, что даже в рамках этой модели славянские языки реализуют не единственно возможный вариант. Существенная для языков данного ареала связь между аспектуальной характеристикой глагольной лексемы и суффиксальными словообразовательными моделями показана также в статье Е. В. Перехвальской об *удэгейском*.

Совсем в другую проблематику погружает читателя пространная статья четырех авторов об особенностях аспектуальных систем *языков чукотско-коряжской группы*, где впервые так подробно рассмотрены все основные представители чукотско-камчатской семьи (исключая ительменский, положение которого в любом случае является маргинальным, в том числе и в отношении грамматических характеристик глагола). Вопрос о категории вида в данных языках уже поднимался в ряде предыдущих исследований, однако исчерпывающего ответа на него до сих пор дано не было. Очевидным образом, наблюдаемые в чукотско-коряжских языках противопоставления могут быть отнесены к видовым только при широкой типологической трактовке этого явления. К типологически существенным чертам чукотско-коряжских систем относится, прежде всего, слабая грамматикализация категории времени (а возможно, и отсутствие грамматического выражения времени как такового), что делает более важной в грамматическом отношении связь вида не с временем (как во многих других системах, в том числе и в европейских), а с модально-дискурсивными значениями. Такое устройство аспектуальных систем напоминает скорее тип, представленный во многих языках Юго-Восточной Азии и Океании, где доминирующими категориями являются аспект и модальность (а не время) и где аспектуальные показатели легко вторгаются в семантическую зону мо-

дальности — выражая, в частности, значения нарушенного ожидания, эпистемической оценки и ряд других, несвойственных европейским аспектуальным граммемам. Далее, важную роль в чукотско-корякских системах играет выражение результативности (возможно, опять-таки, с дополнительным эвиденциально-модальным компонентом, хотя этот вопрос требует дальнейших исследований) — по-видимому, более важную, чем привычное для аспектологов-славистов противопоставление «широкой» перфективности и имперфективности. Напомним, что грамматическое выражение результативности является существенной чертой многих языков данного ареала, причем результативные показатели в ряде случаев обнаруживают необычную для европейских систем полисемию со значениями из дуративно-прогрессивного кластера. Важным вкладом данной статьи в аспектуальную проблематику является и попытка диахронического анализа трех близкородственных систем с демонстрацией основных путей возникновения существующих грамматических противопоставлений, восходящих к гипотетическому общему источнику.

Наконец, последний, четвертый раздел первой части объединяет наиболее «экзотические» для аспектологов глагольные системы отдельных языков Африки и Америки. В разделе представлены статьи, посвященные аспектуальным показателям в *коптском* (С. В. Малышев), в *южных манде* в целом (В. Ф. Выдрин) и, более детально, в одном из представителей этой группы, *дан-бло* (статья А. В. Эрман, посвященная, главным образом, значениям дуративно-прогрессивного кластера), а также в языках *майя* (И. А. Виноградов).

Данные *коптского языка*, являющегося, как известно, последним письменно засвидетельствованным этапом существования афразийского египетского, чрезвычайно интересные с общелингвистической точки зрения, пожалуй, никогда не входили в «джентльменский набор» среднего типолога. Это связано как с трудностями филологического характера, касающимися издания и интерпретации сохранившихся коптских памятников, в основном относящихся к периоду IV–VI вв. н.э. (раннехристианские и гностические сочинения, преимущественно переведенные с греческого и содержащие большое количество греческой лексики), так и с закрытостью египтологической традиции, ориентированной, как и многие традиции такого рода, на собственную, не все-

гда ясную терминологию и, в основном, на проблемы исторической грамматики. Задача «погружения» коптских данных в общетипологический контекст практически никогда не ставилась, и публикуемую статью можно рассматривать как важный шаг в этом направлении. С точки зрения типологии аспектуальных систем, коптский демонстрирует достаточно необычный вариант системы с аспектуальной доминацией — из всех нереляционных глагольных категорий аспект в коптском выражается наиболее многообразно. В частности, заслуживающими внимания чертами коптской системы являются: связь именной инкорпорации с выражением перфективности (в языках мира, как кажется, для конструкций с инкорпорацией более обычно выражение хабитуальности); широкое использование типичного и для многих языков Тропической Африки показателя ретроспективного сдвига (префиксальное *ne-*); совмещение результата и имперфектива (по «океанийскому» типу), свойственное некоторым глагольным основам, и нек. др. Дополнительная трудность при анализе коптской системы связана с формальными особенностями устройства глагольной синтагмы: как правило, речь идет о клитическом комплексе, включающем единицы с не всегда ясным линейно-синтагматическим статусом и характеризующем активным использованием инкорпорации и других видов корнесложения, а также наличием категорий «местоименного субъекта» и «местоименного объекта» (то, что в англоязычной традиции часто называется *subject/object cross-referencing*). Многие из этих проблем рассмотрены в статье достаточно подробно.

Аспектуальные системы *южных манде* (исследованные в статье В. Ф. Выдрина в основном в рамках сравнительно-исторической проблематики) также демонстрируют ряд типологически интересных свойств — в частности, сочетание редуцированной морфологии (смещенное выражение глагольных граммем в составе субъектных местоименных комплексов, с частым использованием тоновых противопоставлений) и обширной грамматической периферии, включающей многообразные аналитические конструкции различной степени грамматикализованности. В семантическом отношении заслуживает внимание значительная диверсификация значений из имперфективной зоны (в статье А. В. Эрман рассмотренная более подробно на материале одного языка этой подгруппы), отчасти напоминающая ситуацию в дагестанских языках.

Подробный и типологически ориентированный обзор *языков майя*, представленный в статье И. А. Виноградова, также по существу впервые знакомит типологов с особенностями устройства глагольных систем этой центральноамериканской семьи. Языки майя изучены к настоящему времени относительно неплохо (по крайней мере, по сравнению с многими другими языками Центральной и Южной Америки), однако как раз грамматическая семантика глагольных категорий в существующих исследованиях, как правило, оставалась в тени — отчасти из-за традиционного приоритета сравнительно-исторической и формально-синтаксической проблематики (как известно, большой объем литературы посвящен выражению эргативности в языках майя), отчасти в силу нетривиальности и сложности как плана выражения, так и плана содержания этой категории в разных языках майя. В статье убедительно показано, что типологическая специфика выражения аспекта в майя связана прежде всего с тем, что аспект, передаваемый как средствами глагольной морфологии, так и — в основном — аналитическими показателями, оказывается (как и в ряде других неевропейских систем) структурно связан не с временем, а с модальностью. Сходные черты, напомним, из языков, описанных в настоящем сборнике, выделялись в чукотско-корякской группе. Яркой отличительной чертой языков майя является то, что аспект в них сближается прежде всего с категорией ирреалиса и должен рассматриваться в связи с особенностями выражения именно этой категории (преимущественно, ее «реальных» граммем). На наш взгляд, для типологии грамматических систем представляют большой интерес рассуждения автора о так называемой «двухурневой стратегии» оформления грамматических категорий в майя, при которой в глагольной синтагме предусмотрены самостоятельные средства выражения как для некоторой общей «макрокатегории», так и для уточняющей ее категории «второго уровня». Системы с грамматическим выражением ирреалиса устроены в языках мира, как правило, именно таким образом (имеющиеся в системе глагольные категории помечаются как реальные или ирреальные с помощью особого набора показателей, но при этом выражаются и самостоятельно), однако существование аспектуальных систем подобной структуры, как кажется, ранее никогда специально не отмечалось.

Статьи **второй части** сборника несколько отличаются по своей тематике. В них рассматривается не вся совокупность аспек-

туальных показателей данного языка (или группы языков), а более детально исследуется какая-то одна определенная аспектуальная категория или ряд близких категорий, формирующих гомогенную семантическую зону внутри универсального грамматического набора.

В части статей основное внимание автора сосредоточено на мало изученном аспектуальном феномене одного конкретного языка. К этой группе относятся работы В. А. Панова о латинских провербах, Н. В. Сердобольской о показателях глагольной множественности в бесермянском и А. Ю. Урманчевой об имперфективных показателях в эвенкийском.

Материал *латинского языка* рассматривается В. А. Пановым с не вполне традиционных позиций. Исследователи латинской глагольной системы, отмечая в латинском существование обычного словоизменительного перфектива и имперфектива (в прошедшем времени), обычно не касаются роли в этой системе глагольной префиксации (традиционно относимой к словообразованию и изученной в целом крайне скудно). Между тем, в латинском языке всегда существовала тенденция к грамматикализации глагольной префиксации, так сказать, по «славянскому» типу — в направлении от пространственных префиксов, развивающих трансформативные значения вторичного аспекта, к словоклассифицирующему событийному перфективу. Примеры подобных употреблений отмечаются уже у самых ранних авторов, но количество их особенно возрастает в позднелатинский период, предшествующий появлению новых романских языков. Об этом свидетельствует материал ряда памятников IV–V вв., анализ которого содержится в статье. Параллелизм между развитием провербов в поздней латыни и в славянских языках (а также в балтийских, картвельских, осетинском и ряде других) особенно примечателен ввиду того, что при переходе к современному романскому состоянию глагольная префиксация, как известно, повсеместно оказалась полностью разрушена, и дальнейшая грамматикализация средств выражения классифицирующего перфектива стала невозможной. Более того, сам принцип выражения значений глагольной ориентации был в романских языках полностью изменен. Как показано в статье, эти два процесса в истории языка тесно связаны.

В статье Н. В. Сердобольской подробно описана семантика показателей глагольной множественности в *бесермянском удмуртском языке* (в основном, по данным полевых исследований

автора). С типологической точки зрения, глагольная множественность образует самостоятельную семантическую зону, не тождественную аспектуальной, хотя и связанную с ней достаточно тесно (впрочем, в разных языках это происходит по-разному); отношения эти нуждаются в дальнейшем изучении. Для бесермянского, как и для многих других языков, характерна связь показателей глагольной множественности со значениями вторичного аспекта (семельфактива, мультипликатива, итератива), как кажется, укрепляющаяся в ходе диахронической эволюции языка.

Статья А. Ю. Урманчиевой посвящена детальному описанию подсистемы имперфективных показателей в *эвенкийском языке*, известном, как и другие тунгусо-маньчжурские языки, сложностью и богатством глагольных категорий. По проблематике статья отчасти перекликается с вошедшими в первую часть исследованиями О. И. Беляева, Т. А. Майсака и особенно А. В. Эрман, но, в отличие от них, уделяет особое внимание не столько семантическому противопоставлению имперфективных форм в собственно аспектуальной сфере, сколько их использованию для организации нарративного текста (основным материалом исследования являются записи традиционного эвенкийского фольклора), т. е. их дискурсивным функциям, у разных имперфективных форм, как показано в статье, различным. Эта проблематика, очень важная для аспектуальной типологии (напомним, ей был целиком посвящен 4 выпуск данной серии), в других статьях сборника практически не затрагивается.

Две последние статьи второй части имеют более отчетливую типологическую направленность: обе они представляют собой систематическое исследование какой-то одной универсальной категории. В работе Н. М. Стойновой впервые с такой степенью подробности описан глагольный *рефактив* (однократное повторение ситуации, возможно, с рядом определенных модификаций) на основе специально составленной выборки из языков практически всех крупных ареалов. Рефактив является периферийной категорией не только по отношению к аспекту, но и по отношению к глагольной множественности (куда его обычно относят в типологических классификациях). Вместе с тем, как показано в статье на основании анализа полисемии рефактивных показателей в языках мира, разнообразные связи существуют между рефактивом и целым рядом других смежных семантических зон — включая не только (и, может быть, не столько) аспект, сколько, например,

фазовость, модальность и актантную деривацию. Особенно интересны с типологической точки зрения, на наш взгляд, наблюдения автора о связи между показателями рефактива и континуатива, засвидетельствованной в целом ряде разных языковых ареалов.

В статье А. Б. Шлуинского также анализируется глагольная категория, практически не бывшая до сих пор предметом детального типологического исследования: это так называемый *фактатив* (термин принадлежит африканисту У. Велмерзу), впервые описанный на материале языков Тропической Африки, но, как показано в работе, распространенный и далеко за ее пределами. По существу, фактатив является одной из разновидностей аспектуального кластера, показатели которого совмещают выражение перфективности и имперфективности, распределенное в зависимости от акциональных характеристик глагола. В статье рассматриваются и некоторые другие варианты определения фактативного кластера, а также близкие к фактативу грамматические явления. Данная работа является важным вкладом в типологию аспектуальных категорий, еще раз демонстрируя разнообразие структуры универсальной семантической зоны аспекта и несводимость ее к нескольким привычным моделям кластеризации. Интересно, что некоторые явления, описанные в статьях первой части сборника в других терминах, могут быть во многом отождествлены именно с фактативным кластером; для самодийских языков такая возможность отмечается автором эксплицитно (но ср., однако, материал в статье В. Ю. Гусева); по существу, близкие свойства обнаруживают тунгусо-маньчжурские языки и целый ряд других.

Таким образом, представленные в сборнике статьи охватывают большой и разнообразный материал и, как можно надеяться, способствуют лучшему пониманию типологического многообразия универсальной категории аспекта.

Заметим в заключение, что наиболее сложные случаи описания аспектуальных категорий связаны, что совершенно естественно, с синонимией и полисемией глагольных грамматических показателей в языках мира. Синонимия близких по значению показателей часто создает эффект «сверхдифференциации» внутри сравнительно гомогенной семантической зоны, когда распределение показателей основано либо на несемантических факторах, либо связано с тонкими и трудно выделемыми семантическими и дискурсивными различиями. Примеры подобного рода можно

обнаружить в описании таких систем, как, например, испанская, даргинская, агульская, дан-бло, эвенкийская. С другой стороны, полисемия аспектуальных показателей связана с возникновением грамматических кластеров, описание инвентаря которых — важнейшая и до конца не решенная задача аспектуальной типологии. До сих пор актуальная возможность «открытия» новых аспектуальных кластеров в языках мира (наподобие фактативного) это наглядно подтверждает.

В некотором смысле на пересечении обоих явлений находится важная структурная проблема описания глагольных систем, которую можно определить, в первом приближении, как *расхождение между формальным устройством и семантической организацией* глагольной парадигмы. Это расхождение возникает, когда формально однородные значения (прежде всего, речь идет о таких значениях, показатели которых находятся в парадигматических отношениях) с семантической точки зрения не обнаруживают такой же близости, относясь, например, к разным семантическим зонам: временной и модальной, аспектуальной и таксисной, и т. п. Если говорить о языках, представленных в сборнике, то подобного рода расхождения составляют, как можно полагать, одну из главных проблем описания чукотско-корякских глагольных систем; заметно их влияние и в системе агульского языка, а также ряда других. Расхождения между формальной и семантической структурой возникают, как правило, в ходе диахронической эволюции, когда скорость семантических изменений сильно опережает скорость изменений системы формального выражения грамматических значений: «новые» значения попадают в другие грамматические кластеры, вытесняя «старые» значения, но одновременно продолжая участвовать в формальных оппозициях, свойственных именно старым грамматическим значениям. Так, показатель гипотетической модальности, развившийся из показателя будущего времени, может по-прежнему противопоставляться показателям настоящего и прошедшего времени, хотя семантических оснований входить в категорию времени у него, по существу, уже нет. Многообразие таких случаев еще раз подтверждает важность диахронического описания аспектуальных систем и необходимость построения «диахронической аспектологии» — раздела аспектологии, для создания которого особую роль будут играть наблюдения над языками с хорошо документи-

рованной длительной историей, такими, в частности, как рассмотренные в настоящем сборнике латинский, греческий, грузинский и коптский, и не рассмотренные в нем армянский, индоарийские, иранские и немногие другие языки.

Литература

- Аркадьев 2008 — П. М. Аркадьев. Уроки литовского языка для славянской аспектологии // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 28–43.
- Гловинская 1982 — М. Я. Гловинская. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М.: Наука, 1982.
- Долинина 1996 — И. Б. Долинина. Количественность в сфере предикатов (категория «глагольной множественности») // А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб: Наука, 1996. С. 219–245.
- Зализняк, Шмелёв 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелёв. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки славянских культур, 2000.
- Князев 2002 — Ю. П. Князев. Пассивный перфект в русском языке // А. В. Бондарко (ред.). Основные проблемы русской аспектологии. СПб.: Наука, 2002. С. 80–98.
- Князев 2007 — Ю. П. Князев. Грамматическая семантика: русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
- Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Языки русской культуры, 1998.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II (Часть вторая: Морфологические значения). М.; Вена: Языки русской культуры, Wiener Slavistischer Almanach, 1998.
- Мельчук 2000 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Т. III (Часть третья: Морфологические средства; Часть четвертая: Морфологические синтактики). М.: Языки русской культуры, 2000.
- Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. 2000. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: МГУ, 2000.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология: введение в проблематику. М.: УРСС, 2000 (2 изд. 2003, 3 изд., испр. и доп. 2009).
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

- Плунгян 2011a — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян 2011b — В. А. Плунгян. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме) // *Scando-Slavica*, 57.2, 2011. P. 290–310.
- Пожарицкая 1991 — С. К. Пожарицкая. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Ю. С. Азарх (ред.). *Современные русские говоры*. М.: Наука, 1991. С. 84–94.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. С. 5–53.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Типология семельфактива // М. Ю. Черткова (ред.). *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 485–489.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // *Вопросы языкознания*, 2006. № 1. С. 46–75.
- Brinton 1988 — L. J. Brinton. *The development of English aspectual system*. Cambridge: Cambridge U. Press, 1988.
- Bybee, Dahl 1989 — J. L. Bybee, Ö. Dahl. 1989. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // *Studies in Language* 13, 1989. P. 51–103.
- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976 (rev. ed. 1981).
- Cohen 1989 — D. Cohen. *L'aspect verbal*. Paris: Presses Universitaires de France, 1989.
- Coseriu 1976 — E. Coseriu. *Das romanische Verbalsystem / Hrsg. und bearb. von H. Bertsch*. Tübingen: Narr, 1976.
- Coseriu 1980 — E. Coseriu. Aspect verbal ou aspects verbaux? // J. David, R. Martin (eds.). *La notion d'aspect*. Paris: Klincksieck, 1980. P. 13–26.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. 1985. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dickey 2000 — S. M. Dickey. *Parameters of Slavic aspect: A cognitive approach*. Stanford: CSLI publications, 2000.
- Dik 1989 — S. C. Dik. *The theory of functional grammar. Part I: The structure of the clause*. Dordrecht: Foris, 1989.
- Dik 1994 — S. C. Dik. *Verbal semantics in functional grammar* // C. Bache et al. (eds.). *Tense, aspect and action: empirical and theoretical contributions to language typology*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1994. P. 23–42.
- Endresen et al. in prep. — A. Endresen, L. Janda, J. Kuznetsova, O. Lyashevskaya, A. Makarova, T. Nessel, S. Sokolova. *Why Russian aspectual prefixes aren't empty: prefixes as verb classifiers*. Bloomington (IN): *Slavica*. In preparation.

- Fici Giusti 1995 — F. Fici Giusti. The perfect in Slavic // P. M. Bertinetto et al. (eds.). Temporal reference, aspect and actionality. Vol. 2: Typological perspectives. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995. P. 221–237.
- Fici Giusti 1997 — F. Fici Giusti. The future tense in Slavic: the limits of grammaticalization // U. Junghanns, G. Zybatow (Hrsg.). Formale Slavistik. Frankfurt am Main: Vervuert, 1997. S. 275–284.
- Friedrich 1974 — P. Friedrich. On aspect theory and Homeric aspect. (IJAL, Mem. 28. 1974.)
- Graves 2000 — N. Graves. 2000. Macedonian — a language with three perfects? // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 479–494.
- Hasko, Perelmutter 2010 — V. Hasko, R. Perelmutter (eds.). New approaches to Slavic verbs of motion. Amsterdam: Benjamins, 2010.
- Janda 2007 — L. Janda. Aspectual clusters of Russian verbs // Studies in Language, 31.3, 2007. P. 607–648.
- Johanson 2000 — L. Johanson. 2000. Viewpoint operators in European languages // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 27–187.
- Klein 1994 — W. Klein. Time in language. London: Routledge, 1994.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // Sprachtypologie und Universalienforschung, 59.4, 2006. P. 317–349.
- Smith 1991 — C. Smith. The parameter of aspect. Dordrecht: Kluwer, 1991. (2nd ed. 1997).
- Tournadre 2004 — N. Tournadre. Typologie des aspects verbaux et intégration à une théorie du TAM // Bulletin de la Société de linguistique de Paris, 99.1, 2004. P. 7–68.
- van Schooneveld 1958 — C. H. van Schooneveld. The so-called ‘préverbes vides’ and neutralization // Dutch contributions to the Fourth international congress of slavists. s³-Gravenhage: Mouton, 1958. P. 159–161.
- van Schooneveld 1978 — C. H. van Schooneveld. Semantic transmutations: Prolegomena to a calculus of meaning. Vol. 1: The cardinal semantic structure of prepositions, cases, and paratactic conjunctions in contemporary standard Russian. Bloomington: Phylax, 1978.
- Vey 1952 — M. Vey. Les préverbes ‘vides’ en tchèqu moderne // Revue des études slaves, 29, 1952. P. 82–107.
- Wälchli 2001 — B. Wälchli. Lexical evidence for the parallel development of the Latvian and Livonian verb particles // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). Circum-Baltic languages: typology and contact. Vol. 2: Grammar and typology. Amsterdam: Benjamins, 2001. P. 413–441.

Часть I

**АСПЕКТУАЛЬНЫЕ
СИСТЕМЫ**

I. ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ ЕВРОПА

П. М. Аркадьев

АСПЕКТУАЛЬНАЯ СИСТЕМА ЛИТОВСКОГО ЯЗЫКА (С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ АРЕАЛЬНЫХ ДАННЫХ)

0. Вступительные замечания

В настоящей статье я рассматриваю аспектуальную систему литовского языка (в его литературной разновидности), входящего в балтийскую группу индоевропейской семьи¹. Литовский язык довольно хорошо изучен со сравнительно-исторической точки зрения, он обладает кодифицированной нормой, — существует ряд нормативных («академических») грамматик литовского языка (укажу в первую очередь русскоязычную грамматику [Амбразас (ред.) 1985] и ее расширенную и дополненную англоязычную версию [Ambrazas (ed.) 1997]). Несмотря на это, литовский язык на протяжении длительного времени оставался по сути дела за пределами внимания типологов и лингвистов-теоретиков. Многие стороны его структуры, как ни парадоксально, описаны плохо или не описаны вовсе. Это касается отчасти и аспектуальных категорий. В связи с этим данная статья фактически совмещает два жанра — с одной стороны, отдельные ее разделы носят во многом компилятивный характер, в них излагаются сведения и трактовки, известные из существующей литературы; с другой стороны, в некоторых разделах будут изложены результаты (иногда лишь предварительные) собственных исследований автора.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации». Я благодарю всех моих консультантов — носителей литовского языка за терпение и помощь, а также Б. Вимера, Э. Ш. Генюшене, К. Ленартайте, Р. Микулскаса, Г. А. Мороза, Ю. Пакериса, В. А. Плунгяна и А. Хольфута за разнообразную помощь в работе, частью которой является настоящая статья, в том числе за ряд ценных замечаний и поправок к предварительным вариантам текста.

Структура статьи такова. В разделе 1 я кратко охарактеризую литовскую глагольную систему в целом, чтобы создать у читателя общее представление об ее основных чертах и особенностях. В разделах 2 и 3 я остановлюсь на многократно обсуждавшемся в литературе вопросе о наличии в литовском языке категории вида «славянского типа» и об интерпретации сходств и различий между балтийской и славянской глагольными системами. В разделе 4 будут рассмотрены морфологические (синтетические) аспектуальные категории литовского глагола, а в разделе 5 я остановлюсь на аспектуальных категориях, выражающихся аналитически. Такой способ изложения обусловлен логикой устройства литовской глагольной системы, в которой разные типы морфологических средств выражают четко противопоставленные группы значений².

В статье используются следующие источники языкового материала: опубликованные научные работы; Корпус литовского языка (*Dabartinės lietuvių kalbos tekstynas*, <http://tekstynas.vdu.lt/>), примеры из которого помечены знаком LKT; иные интернет-источники, примеры из которых снабжены точной гиперссылкой; примеры, полученные методом прямого опроса носителей языка (они никак специально не отмечаются).

1. Общая характеристика литовской глагольной системы

Глагольная система литовского языка весьма богата и нетривиальна, в том числе и в сравнении с системами генетически и/или ареально близких языков, в частности, славянских, а также других балтийских языков — латышского и латгальского. Эта система сочетает в себе как черты, имеющие параллели в других индоевропейских языках (в особенности в древних), и, по всей видимости, восходящие к праязыку, так и многочисленные следы кардинальных перестроек и инноваций, часть из которых литовский язык не разделяет даже со своими ближайшими балтийскими родственниками (об исторической интерпретации балтийских глагольных систем см. [Stang 1942; Schmalstieg 2000]; о типологически нетривиальных чертах литовского глагола см. [Аркадьев в печати]).

---

² Отмечу, что я практически не буду касаться вопроса о функциях тех или иных литовских аспектуальных категорий в дискурсе; подробнее о дискурсивных употреблении основных аспектуальных категорий в литовском языке см. [Sawicki 2010].

Как и всякая развитая грамматическая система, литовская глагольная система включает центр с четкой парадигматической организацией и более размытую и нечеткую периферию. Последняя особенно интересна, поскольку именно к ней относится ряд аспектуальных категорий, о которых пойдет речь в основной части статьи.

Словоизменительная морфология литовского глагола организована вокруг трех основ, от которых образуются все словоизменительные формы, в то время как сами основы в той или иной степени невыводимы друг из друга по каким-либо простым и общим правилам (см., например, [Амбразас (ред.) 1985: 254 и след.], а также [Бульгина 1977: 238–269; Аркадьев 2003; Arkadiev 2012]). Это основы — инфинитива (от которой образуется основной массив форм), настоящего времени и простого прошедшего времени. Несколько особняком стоит форма пассивного (результативного) причастия прошедшего времени (о ней см. подробнее [Arkadiev 2012]). Основы образуются при помощи таких морфологических процессов, как суффиксация, инфиксация, качественн-ый и количественный аблаут, палатализация согласных.

Центр литовской глагольной системы составляют синтетические финитные и нефинитные формы времен и наклонений, продуктивно образующиеся от всех без исключения глаголов. Литовский язык различает четыре граммы времени — настоящее, простое прошедшее (традиционно именуемое «прошедшим однократным»), хабитуальное прошедшее (традиционное название — «прошедшее многократное») и будущее — а также три граммы наклонения: индикатив, императив и конъюнктив (или, следуя более семантически-ориентированной терминологии, ир-реалис, ср. [Holvoet 2007]). Времена морфологически различаются лишь в индикативе (комбинация грамм прошедшего времени и конъюнктива выражается аналитически). О системе аспектуальных, временных и модальных категорий в литовском языке в сопоставлении с латышским см. [Mathiassen 1996a]).

В рамках каждой подпарадигмы времени-наклонения (кроме, естественно, императива) различается два числа (единственное и множественное)³ и три лица; яркая черта, разделяемая все-

---

³ Формы двойственного числа, строго говоря, существуют, однако в современном литературном языке практически вне особых жанров не употребляются.

ми балтийскими языками, — повсеместная нейтрализация числа в 3-м лице. В индикативе, помимо личных форм, каждая временная подпарадигма имеет также ряд нефинитных форм, которые традиционно называются причастиями (о литовских причастиях см., в частности, [Амбразас 1990; Klimas 1987, 1993; Wiemer 2000; Вимер 2009: 179–200]). Литовские причастия различают, помимо таких «традиционных» категорий, как залог (активный и пассивный; пассивные причастия, которые свободно образуются от любых глаголов, в том числе непереходных, не имеют хабикуального прошедшего) и именных категорий падежа, числа, рода и определенности, также связанную с кросс-клаузальными синтаксическими отношениями категорию «наличие vs. отсутствие согласования» (об этом см. [Вимер 2009: 183 и след.]). При обсуждении аспектуальных категорий нам понадобятся лишь согласуемые причастия настоящего и простого прошедшего времени.

Имеются также другие нефинитные формы: инфинитив, деепричастие одновременности, согласующееся по роду и числу с субъектом главной клаузы (о нем см. [Вимер 2004]), причастие долженствования, ряд непродуктивных и малоупотребительных форм.

В центр литовской глагольной системы также входит ряд явлений, которые можно отнести скорее к области словообразования. Во-первых, это продуктивный и весьма полисемичный (см. [Генюшене 1983; Geniušienė 1987]) рефлексивный показатель *-s(i)*, демонстрирующий типологически нетривиальное морфологическое поведение. Если глагол не содержит префикса, рефлексивный показатель занимает последнюю позицию в словоформе, после лично-числовых окончаний, выступающих перед ним в особой «длинной» форме, ср. *bučiuj-u* ‘целую’, *bučiuj-i* ‘целуешь’, *bučiuj-a-me* ‘целуем’ vs. *bučiuj-uo-si* ‘целуюсь’, *bučiuj-ie-si* ‘целуешься’, *bučiuj-a-mė-s* ‘целуемся’. Форма самого показателя рефлексива (наличие или отсутствие последней гласной *-i*) также обусловлена морфологически. Появление в словоформе префикса вызывает «перескок» рефлексивного показателя в позицию перед корнем, ср. *pa-bučiovome* ‘мы поцеловали’ vs. *pa-si-bučiovome* ‘мы поцеловались’, *ne-si-bučiovome* ‘мы не целовались’.

Во-вторых, это развитая и «многоярусная» система глагольной префиксации, демонстрирующая ряд сходств со славянской (см. об этом, например, [Wiemer 2002; Аркадьев 2007, 2008, рукопись; Tomelleri 2008]). В структуре литовской глагольной

словоформы можно выделить пять префиксальных позиций, которые могут быть заполнены следующими элементами: ближайшая к корню позиция отведена для рефлексивного показателя *si-*, который, как уже было сказано, может появиться в ней лишь при условии, что заполнена одна из остальных префиксальных позиций. Вторую позицию занимают словообразовательные превербы, воздействующие на лексическое и аспектуальное значение глагола (о них подробнее пойдет речь в следующем разделе). Остальные три позиции заполняют относящиеся скорее к периферии системы словоизменительные префиксы (иногда ошибочно именуемые частицами; см. о них [Paulauskas 1958: 321–323; Senn 1966: 245; Otrębski 1965: 368–369; Mathiassen 1996b: 171–172]): «континуативный» префикс *be-* (о его свойствах см. [Ostrowski submitted; Arkadiev 2011a] а также разделы 4 и 5), отрицательный префикс *ne-* и пермиссивно-рестриктивный префикс *te-* (см. о нем [Arkadiev 2010]). Префиксы *be-* и *te-* настолько полисемичны, что для них, фактически, невозможно подобрать никакого удовлетворительного единого ярлыка. В разных своих значениях эти префиксы демонстрируют неодинаковые ограничения на сочетаемость друг с другом и с глагольными лексемами, однако неизменно следуют в порядке *te-ne-be-*. Примеры, где в глагольной словоформе выступали бы все три словоизменительных префикса, исключительно редки, однако попарно они легко сочетаются как друг с другом, так и с собственно превербами, ср. такие формы как *ne-be-per-raš-o* ‘больше не переписывает’, где *ne-* выражает отрицательную полярность, *be-* — континуативность (‘все еще’), а *per-* — словообразовательный преверб.

В-третьих, это суффиксальные словообразовательные показатели с аспектуальным значением, в первую очередь семельфактивные суффиксы *-telė-* и *-terė-* и итеративный суффикс *-inė-*, отчасти сходный с показателями вторичной имперфективации в славянских языках (о нем см., в частности, [Галнайтите 1966; Kardelis, Wiemer 2002]).

Помимо этого необходимо сказать о целом ряде аналитических форм. Во-первых, это финитные формы пассива (см. [Генюшене 1974; Geniušienė 2006; Wiemer 2006a]), в которых используются пассивные причастия настоящего и прошедшего времени в сочетании со вспомогательным глаголом *būti* ‘быть’ в форме любого времени (в настоящем времени вспомогательный глагол нередко опускается). Различие между пассивом с причас-

тиями настоящего и прошедшего времени изучено недостаточно и, по-видимому, является аспектуально значимым: конструкции с причастиями прошедшего времени выражают результирующий пассив, а конструкции с причастиями настоящего времени — акциональный пассив, ср. следующие примеры:

- (1) *Ritual-as*   *bū-dav-o*   *baigi-a-m-as*
ритуал-NOM.SG   AUX-HAB-PST[3]   кончить-PRS-PP-NOM.SG.M
karali-ui   *per.lauž-us*⁴   *duon-os*
король-DAT.SG   переломить-PST.PA   хлеб-GEN.SG
kepal-q.
буханка-ACC.SG
‘Ритуал завершался (букв. «бывал завершаем»), когда король переламывал буханку хлеба’ (LKT).
- (2) *Kaip man-o-te,*   *kada*   *mergait-ės*
как думать-PRS-2PL   когда   девушка-GEN.SG
portret-as   *bu-s*   *baig-t-as?*
портрет-NOM.SG   AUX-FUT[3]   кончить-PST.PP-NOM.SG.M
‘Как вы думаете, когда портрет девушки будет закончен?’
(LKT)

Пассив с причастиями прошедшего времени смыкается с собственно результирующе-перфектными формами, образующимися посредством причастий прошедшего времени (как пассивных, так и активных) и все того же вспомогательного глагола. Эти формы получили довольно подробное освещение в литературе (см., в первую очередь, [Генюшене, Недялков 1983; Генюшене 1989a]) и будут рассмотрены в разделе 5.1. Существует также новый и пока еще довольно маргинальный посессивный результирующий пассив со вспомогательным глаголом *turėti* ‘иметь’, о котором см. там же.

Кроме того, имеется система так называемых «начинательных сложных времен» (о них см. [Sližienė 1995: 227–228; Mathiasen 1996a: 8–9; Arkadiev 2011a]), о значении и морфосинтаксических особенностях которых пойдет речь в разделе 5.2.

Наконец, необходимо сказать о категории эвиденциальности (косвенной засвидетельствованности), которая в литературном литовском языке не имеет самостоятельных морфологиче-

---

⁴ Здесь и далее точкой отделяются от основы лексикализовавшиеся превербы.

ских средств выражения. В эвиденциальной функции используются (в первую очередь активные) причастия, выступающие в синтаксической роли сказуемого; употребление финитного предиката в эвиденциальной функции исключается. Кроме того, имеется ряд причастных конструкций на основе безличного пассива. О категории эвиденциальности в литовском см. в первую очередь [Вимер 2008; Wiemer 2006b; Holvoet 2007: Ch. 4].

В заключение данного раздела, необходимо подчеркнуть, что литовский язык не обладает грамматикализованной категорией аспекта «европейского» типа, т. е. не противопоставляет тем или иным способом перфективные и имперфективные словоизменительные или аналитические формы. В частности, литовский претерит может иметь как имперфективное, так и перфективное (аористическое) значение, выбор между которыми обусловлен в первую очередь лексическим классом глагола (тем, что в традиционной грамматике принято называть «видом», см. следующий раздел) и, существенно реже, контекстом. Проиллюстрирую оба случая стандартным тестом с придаточным (в данном случае нефинитным), обозначающим точечное событие. В примере (3a) претерит глагола *atsistoti* ‘встать’ имеет перфективное прочтение, а все предложение описывает последовательность ситуаций; напротив, в примере (3b) претерит глагола *stovėti* ‘стоять’ интерпретируется имперфективно, а все предложение обозначает длительную ситуацию, во время течения которой происходит событие, выраженное в придаточном. В примерах (4a) и (4b) из [Аркадьев 2009] претерит глагола *patikti* ‘нравится’ демонстрирует оба аспектуальных значения, разграничиваемых лишь более широким контекстом (ср. также аналогичные корпусные примеры ниже).

(3) a. *Mokytoj-ui*   *į-ėj-us*   *į*   *klas-ę*
 учитель-DAT.SG   PRV-идти-PST.PA   в   класс-ACC.SG
vis-i   ***at-si-stoj-o.***
 весь-NOM.PL.M   **PRV-RFL-стать-PST[3]**
 ‘Когда учитель вошел в класс, все встали’.

b. *Mokytoj-ui*   *į-ėj-us*   *į*   *klas-ę*
 учитель-DAT.SG   PRV-идти-PST.PA   в   класс-ACC.SG
vis-i   ***stovėj-o.***
 весь-NOM.PL.M   **стоять-PST[3]**
 ‘Когда учитель вошел в класс, все стояли’.

(4) a. *Kai Aldon-a su-si-pažin-o su*
 когда Алдона-NOM.SG PRV-RFL-знакомиться-PST[3] с
Algird-u, j-is j-ai pa.tik-o.
 Альгирдас-INS.SG 3-NOM.SG.M 3-DAT.SG.F **нравиться-PST[3]**
 ‘Когда Алдона познакомилась с Альгирдасом, он ей понравился’.

b. *Kai aš su-si-pažin-a-u su Aldon-a,*
 когда я:NOM PRV-RFL-знакомиться-PST-1SG с Алдона-INS.SG
j-ai pa.tik-o Algird-as.
 3-DAT.SG.F **нравиться-PST[3]** Альгирдас-NOM.SG
 ‘Когда я познакомился с Алдоной, ей нравился Альгирдас’.

Таким образом, сами по себе литовские временные формы являются аспектуально нейтральными. О том, можно ли выделять в литовском языке грамматическую категорию вида «славянского» (деривационного или словоклассифицирующего) типа, пойдет речь в следующем разделе.

2. Проблема категории вида в литовском языке

Вопрос о наличии в литовском языке категории вида «славянского типа», точнее, о том, как следует интерпретировать морфосемантические отношения между глагольными лексемами, связанными словообразовательными отношениями, в первую очередь, префиксацией, — один из наиболее дискуссионных и хорошо разработанных в литуанистической литературе. Дальнейшее изложение ни в коей мере не претендует на обзор всех существующих точек зрения по этой проблеме; заинтересованного читателя отошлю к библиографии в работе [Аркадьев 2009]. Ниже я кратко изложу традиционную концепцию «видов» в литовской лингвистике и основные аргументы против нее, а затем, в разделе 3, охарактеризую соответствующий фрагмент литовской глагольной системы в более типологически-ориентированных терминах.

Со времен первых нормативных грамматик литовского языка, во многом следовавших славянским (в первую очередь, польским и русским) образцам, в традиционной литуанистике бытует представление о том, что в литовском языке имеется категория вида, во многом сходная с таковой славянских языков. Эти

сходства обусловлены в первую очередь тем, что в балтийских языках, как и в славянских, глагольная префиксация способна влиять на аспектуальное значение глагола (наиболее ранние систематические описания см. в работах [Ульяновъ 1891–1895; Эндзелин 1971/1906]). Литовские лингвисты признавали, что категория вида в литовском не грамматикализована в той мере, что в славянских языках, и трактовали ее не столько как грамматическую, сколько как лексико-семантическую (ср., например, [Галнайтите 1963; Paulauskienė 1979: 55–84; Амбразас (ред.) 1985, 199–202]). В какой-то степени исключением являлись работы Л. Дамбрюнаса [Dambriūnas 1960; Дамбрюнас 1960], который трактовал «вид» как семантико-грамматический признак, присущий в литовском языке не лексеме, а той или иной конкретной временной форме. Тем не менее, ни само существование в литовском языке вида как релевантной для этого языка категории, ни ее двучленный характер не ставились под сомнение.

Традиционно выделяются два «вида»: несовершенный (*eigos veikslas*, букв. «процессуальный вид») и совершенный (*įvykių veikslas*, букв. «событийный вид») ⁵. Принадлежность глагола к тому или иному «виду» определяется на основании интерпретации его временных форм: глаголы «процессуального» вида в синтетических формах презенса, простого претерита и футурума обозначают длительные процессы и состояния, ср. (5); напротив, глаголы «событийного» вида в формах прошедшего и будущего времени обозначают (моментальные) события, а их презенс имеет лишь хабитуальное или историческое, но не актуально-длительное значение, ср. (6).

(5) a. *Jon-as*   *raš-o*   *laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG   писать-PRS[3]   письмо-ACC.SG
 ‘Йонас пишет письмо’.

b. *Jon-as*   *raš-ė*   *laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG   писать-PST[3]   письмо-ACC.SG
 ‘Йонас писал письмо’.

---

⁵ Ср. пронизательное замечание в работе [Булыгина, Синёва 2006: 115]: «перевод этих литовских терминов как соответственно “несовершенный” и “совершенный вид” следует признать вводящим в заблуждение».

- c. *Jon-as rašy-s laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG писать-FUT[3] письмо-ACC.SG
 ‘Йонас будет писать письмо’.
- (6) a. *Jon-as pa-raš-ė laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG PRV-писать-PST[3] письмо-ACC.SG
 ‘Йонас написал письмо’.
- b. *Jon-as pa-rašy-s laišk-q.*
 Йонас-NOM.SG PRV-писать-FUT[3] письмо-ACC.SG
 ‘Йонас напишет письмо’.
- c. *Jeī autori-us pra.ded-a-nt-is —*
 если автор-NOM.SG начать-PRS-PA-NOM.SG.M
rektori-us pa-raš-o įvad-q...
 ректор-NOM.SG PRV-писать-PRS[3] введение-ACC.SG
 ‘Если автор начинающий, ректор [обычно] пишет (букв.
 «напишет») введение’ (LKT).

Легко видеть, что литовская пара *rašyti* ~ *pa-rašyti* является на первый взгляд точным морфологическим и семантическим соответствием русской паре *писать* ~ *написать*. В обоих случаях простой глагол обозначает длительный процесс, а его префиксальный дериват — событие, состоящее в том, что этот процесс достиг своего предела. Аналогичные пары весьма многочисленны и образуются как при помощи различных префиксов, так и посредством семельфактивного суффикса *-telė-/terė-*, ср. таблицу 1.

Таблица 1

«Несовершенный вид»	«Совершенный вид»
<i>dainuoti</i> ‘петь’	<i>su-dainuoti</i> ‘спеть’
<i>gerti</i> ‘пить’	<i>iš-gerti</i> ‘выпить’
<i>rakinti</i> ‘отпирать’	<i>at-rakinti</i> ‘отпереть’
<i>griauti</i> ‘разрушать’	<i>nu-griauti</i> ‘разрушить’
<i>moti</i> ‘махать’	<i>mostelėti</i> ‘махнуть’

Ниже, однако, будет показано, что эта литовско-славянская параллель не простирается дальше центральных и в наибольшей степени семантически мотивированных контекстов употребления соответствующих глаголов (впрочем, важный параметр, по которому литовский отличается от русского, замечен уже в примере (6с)).

К «совершенному» виду относятся в основном префиксальные глаголы, а также глаголы с семельфактивными суффиксами (см. ниже). Основная масса глаголов «несовершенного» вида — беспрефиксальные. Наряду с глаголами, однозначно относящимися к одному из видов, выделяется также весьма обширный класс «двувидовых» глаголов, демонстрирующих смешанное поведение. К этому классу относятся как префиксальные, так и простые глаголы, в том числе целый ряд очень употребительных лексем.

Концепция, подразделяющая литовские глаголы на три больших класса — «процессуальный вид», «событийный вид» и «двувидовые глаголы», — может быть подвергнута критике сразу на нескольких основаниях (см. подробнее [Вимер 2001; 2004; Аркадьев 2008; 2009]). Во-первых, у «категории вида» в литовском языке, в отличие от славянских, нет никаких собственно грамматических, т. е. морфосинтаксических, не выводимых непосредственно из семантики, коррелятов. Так, все литовские глаголы, независимо от «вида», демонстрируют одинаковый набор синтетических и аналитических финитных форм и причастий; различия между «видами» наблюдаются лишь в интерпретации и частотности употребления тех или иных форм, которые легко выводимы из семантики глагола. Нет в литовском языке и строгих синтагматических ограничений, например, запрета на использование глаголов «совершенного вида» в конструкциях с фазовыми предикатами (ср. [Dambriūnas 1960: 94]). Тем самым, грамматическая система литовского языка не нуждается в морфосинтаксическом признаке «вид», к значениям которого апеллируют те или иные морфологические или синтаксические правила, — все явления, связанные в литовском языке с «видом», могут быть описаны в терминах акциональной семантики глагольных лексем и ее взаимодействия с грамматическими формами и контекстом.

Во-вторых, сами по себе лексико-семантические оппозиции, традиционно трактуемые как «вид», в литовском языке не имеют такой степени общности, какая присуща видовым противопоставлениям в славянских языках (см. об этом подробнее [Вимер 2001]). Разные лексико-семантические и словообразовательные группы глаголов вступают в семантические оппозиции различных типов; при этом обычной является ситуация, когда

простой глагол соотносится сразу с целой группой префиксальных дериватов, в которых префикс не только меняет аспектуальное значение глагола, но и определенным образом сужает, конкретизирует его лексическое значение. При этом простой глагол может выступать в актуально-длительном значении в качестве процессуального коррелята для всех своих префиксальных дериватов, в отличие от русского языка, где обычно в такой функции выступают вторичные имперфективы, сохраняющие приставку и ее семантический вклад. Ср. глагол *eiti* 'идти', который в примере (7b) выступает как коррелят префиксального *per-eiti* 'перейти'.

(7) a. *Jon-as per-ėj-o per gatv-ę.*
 Йонас-NOM.SG **PRV-идти-PST[3]** через улица-ACC.SG
 'Йонас перешел улицу'.

b. *Jon-as ėj-o per gatv-ę.*
 Йонас-NOM.SG **идти-PST[3]** через улица-ACC.SG
 'Йонас переходил (букв. «шел через») улицу'.

Кроме того, в литовском языке нет контекстов систематической нейтрализации «видов». В разных формах и контекстах глаголы употребляются в соответствии со своим лексическим значением: при необходимости обозначить узуальное повторение целостной законченной ситуации используется форма настоящего времени глагола «совершенного вида», см. (8), и она же используется в контекстах *praesens historicum* (о настоящем историческом в литовском см., среди прочего, [Sawicki 2000]), ср. выше пример (6c). В этом литовский демонстрирует сходство с такими славянскими языками, как чешский и словацкий, см. [Dickey 2000; Петрухина 2000].

(8) *Tėv-as irgi su-rand-a viet-os*
 отец-NOM.SG тоже **PRV-найти-PRS[3]** место-GEN.SG
ir pri-riš-a kumel-ę...
 и **PRV-вязать-PRS[3]** кобыла-ACC.SG
 'Отец тоже [всегда] находит место и привязывает кобылу'
 (LKT).

В-третьих, при более детальном анализе выясняется, что даже тернарная классификация глаголов на «совершенный вид», «несовершенный вид» и «двувидовые» оказывается недостаточ-

ной для адекватной характеристики литовской ситуации. Так называемые «двувидовые глаголы» распадаются по крайней мере на два существенно отличающихся друг от друга типа (этот факт отмечен и подробно описан уже в монографии [Dambriūnas 1960]). К первому относятся глаголы, которые можно охарактеризовать как глаголы «совершенного вида», допускающие актуально-длительную (процессную) интерпретацию презенса. В прошедшем и будущем времени эти глаголы, подобно обычным глаголам «совершенного вида», обозначают события, ср. (9a), однако в форме настоящего времени ведут себя как глаголы «несовершенного вида», ср. (9b).

(9) a. *Jon-as*   *ati.dar-ė*   *lang-q.*
 Йонас-NOM.SG   открыть-PST[3]   окно-ACC.SG
 ‘Йонас открыл (*открывал) окно’.

b. *Jon-as*   *ati.dar-o*   *lang-q.*
 Йонас-NOM.SG   открыть-PRS[3]   окно-ACC.SG
 [Чем занят Йонас?] ‘Йонас открывает окно’.

Двувидовые глаголы этого типа весьма многочисленны; среди них встречаются как простые глаголы, так и префиксальные; к этому типу, в частности, относится ряд префиксальных глаголов перемещения, а также многие глаголы с лексикализированными префиксами (как глагол *atidaryti* ‘открыть’, образованный от глагола *daryti* ‘делать’).

Второй класс «двувидовых» глаголов составляют предикаты, допускающие неоднозначную интерпретацию претерита и футурума. В зависимости от контекста они могут обозначать как событие, так и длительную ситуацию (состояние или реже процесс). Ср. примеры (10a) и (10b) с глаголом *pa.tikti* ‘нравиться/понравиться’, а также пример (10c), где вне более широкого нарративного контекста возможны как длительное («несовершенное»), так и событийное («совершенное») прочтения.

(10) a. *J-ai*   *labiau pa.tik-o,*   *kai t-ie*
 3-DAT.SG.F больше **нравиться-PST[3]** когда тот-NOM.PL.M
pašnekesi-ai   *vyk-o*   *be j-os.*
 разговор-NOM.PL   происходить-PST[3]   без   3-GEN.SG.F
 ‘Ей больше нравилось, когда эти разговоры происходили без нее’ (LKT).

- b. *Tai, k-q iš.vyd-a-u, man pa.tik-o.*
 то что-ACC.SG увидеть-PST-1SG я:DAT **нравиться-PST[3]**
 ‘То, что я увидел, мне понравилось’ (LKT).
- c. *J-am pa.tik-o š-is tilt-as.*
 3-DAT.SG.M **нравиться-PST[3]** этот-NOM.SG.M мост-NOM.SG
 ‘Ему нравился // понравился этот мост’ (LKT).

В-четвертых, в литовском языке отсутствует продуктивный механизм «вторичной имперфективации» глаголов, который по мнению ряда исследователей лежит в основе грамматикализации категории вида в славянских языках. Итеративный суффикс *-inė-*, способный превращать глаголы «совершенного вида», в том числе префиксальные, в глаголы «несовершенного вида» (см. о нем в первую очередь [Галнайтите 1966]), с одной стороны, не является полностью продуктивным, демонстрируя значительное число лексических ограничений, а с другой стороны, имеет более широкую сочетаемость, чем его славянские аналоги. Так, этот суффикс вполне свободно сочетается с глаголами «несовершенного вида», сообщая им итеративное значение (как правило с аттенуативным оттенком), ср. (11).

- (11) *O t-uo tarpu jaun-i talent-ai*
 а тот-INS.SG.M между молодой-NOM.SG.M талант-NOM.PL
raš-inėj-o š-i bei t-q, bet
писать-ITER-PST[3] этот-ACC.SG.M и тот-ACC.SG но
daugiausia ... gėr-ė!
 более.всего пить-PST[3]
 ‘А между тем молодые таланты пописывали то и это, но больше всего ... пили!’ (LKT)

Стоит обратить внимание на то, что в этом примере описываются две итеративные ситуации — ‘писать’ и ‘пить’, — однако лишь первая из них обозначается с помощью итеративного суффикса; видимо, это связано именно с дополнительным оценочным значением незначительности результата действия, который отсутствует в ситуации ‘пить’ (ср. об этом значении [Roszko, Roszko 2006: 165, 167–169], а также ниже).

Основное значение глаголов с этим суффиксом — итеративное; их вовлечение в область выражения длительной однократной ситуации — предельного процесса в развитии, — по всей

видимости, определяется влиянием славянских языков и особенно характерно для литовских диалектов, находящихся в интенсивном контакте со славянскими идиомами (см. об этом, в частности, [Kardelis, Wiemer 2002]). Предложения вроде (12) встречаются в ненормированной разговорной речи, а также в интернете и эквивалентны стандартному (7b); в литературном языке они не допускаются, да и в субстандартных разновидностях не являются особенно частотными, хотя и отмечаются в справочниках по «культуре речи» как типичные «ошибки» (см., например, [Завьялова, в печати]).

- (12) ...*pa.puol-ė* *po* *automobili-o* *rat-ais*,
 попасть-PST[3] под автомобиль-GEN.SG колесо-INS.PL
kai per-ei-dinėj-o gatv-ę...
 когда PRV-идти-ITER-PST[3] улица-ACC.SG
 ‘...попал под колеса автомобиля, когда переходил улицу...’⁶

Кроме того, в литовском языке нет ограничения на образование итеративов от глаголов «совершенного вида» с «чисто аспектуальными» префиксами. Так, от глагола *pa-rašyti* ‘написать’ образуется итератив *pa-raš-inėti* ‘периодически писать (до конца)’, ср. пример (13).

- (13) — *O iš k-o gyven-i?..*
 а из что-GEN.SG жить-PRS.2SG
 — *Kai k-q pa-raš-inėj-u...* —
 кое что-ACC.SG PRV-писать-ITER-PRS.1SG
at.sak-ia-u.
 ответить-PST-1SG
 ‘— А на что ты живешь?... — Кое-что пишу (букв. «написываю»), — ответил я’ (ЛКТ).

Все вышеперечисленное приводит к выводу о том, что адекватная характеристика литовской аспектуальной системы, с одной стороны, не нуждается в грамматических признаках «совершенный вид» и «несовершенный вид», а, с другой стороны, тре-

⁶ <http://www.facebook.com/pages/ABA-BOKSAS/214505118233>. Стоит отметить, что все крайне немногочисленные примеры глагола *pereidinėti* ‘переходить’ в ЛКТ демонстрируют итеративное, а не дуративное значение.

бует более тонкой и разработанной системы понятий, способной отразить разные типы семантических противопоставлений между глагольными лексемами. Описанию литовской аспектуальной системы в терминах акциональности (т. е. аспектуально-значимых компонентов лексического значения глагола, см. [Tatevosov 2002; Татевосов 2005]) и аспектуальной деривации посвящен следующий раздел.

3. Акциональная классификация и аспектуальная деривация

3.1. Акциональные классы глаголов

Акциональные классы глаголов в литовском языке выделяются, фактически, по тому же принципу, по которому определяются традиционные «виды», — на основании интерпретаций форм презенса и претерита. Такой методологический параллелизм лишний раз подтверждает, что традиционные «виды» суть лишь более огрубленный аналог акциональной классификации.

В таблице 2 приводятся наиболее важные и представительные акциональные классы; более подробно об аспектуальных типах литовских глаголов и о теоретических и типологических импликациях литовской акциональности см. [Аркадьев 2009; Arkadiev 2011b].

Ниже приводятся примеры из корпуса, демонстрирующие соответствующее поведение представителей каждого из акциональных классов и подклассов (примеры приводятся в том числе и для тех классов, которые были проиллюстрированы выше).

- стативный
- (14) a. *Marij-a gul-i lov-oje.*
Мария-NOM.SG **лежать-PRS[3]** кровать-LOC.SG
'Мария лежит в кровати'.
- b. *J-o šautuv-as gulėj-o šalia man-ęs.*
3-GEN.SG.M ружье-NOM.SG **лежать-PST[3]** рядом я-GEN
'Его ружье лежало около меня' (LKT).
- процессуальный
— неопределенный
- (15) a. *Dabar kalb-a-me ne apie man-e, o apie tav-e.*
сейчас **говорить-PRS-1PL** не о я-ACC а о ты-ACC
'Сейчас мы говорим не обо мне, а о тебе' (LKT).

Таблица 2

Класс	Презенс	Претерит	Примеры
Стативный	состояние	состояние	<i>gulėti</i> ‘лежать’, <i>laukti</i> ‘ждать’
Процессуальный а. неопределенный б. ингерентно предельный с. мультипликативный	процесс	процесс	а. <i>suktis</i> ‘крутиться’, <i>kalbėti</i> ‘говорить’ б. <i>rašyti</i> ‘писать’, <i>tirpti</i> ‘таять’ с. <i>kosėti</i> ‘кашлять’, <i>moti</i> ‘махать’
Сильный предельный	процесс	вхождение в состояние	<i>atidaryti</i> ‘открыть’, <i>ateiti</i> ‘прийти’
Слабый предельный	процесс	вхождение в состояние, процесс	<i>mirti</i> ‘умереть’, <i>padėti</i> ‘помочь’
Моментальный а. без предшествующего процесса б. с предшествующим процессом	хабитуалис/ praesens historicum, *процесс	вхождение в состояние	а. <i>rasti</i> ‘найти’, <i>susirgti</i> ‘заболеть’ б. <i>parašyti</i> ‘написать’, <i>ištirpti</i> ‘растаять’
(Слабый) инцептивный	состояние	вхождение в состоя- ние, состояние	<i>patikti</i> ‘(по)нравиться’, <i>suprasti</i> ‘понять, понимать’
Лимитативный	хабитуалис / praesens historicum, *процесс	(ограниченный во времени) процесс/состояние	<i>pamiegoti</i> ‘поспать’ <i>pavaikščioti</i> ‘погулять’

- b. *Mes ilgai kalbėj-o-me apie kūrybingum-q*
 мы:НОМ долго **говорить-PST-1PL** о творчество-ACC.SG
ir kūrim-q.
 и созидание-ACC.SG
 ‘Мы долго говорили о творчестве и созидании’ (LKT).

— ингерентно предельный

- (16) a. *mokslinink-ai ne-kalt-i, kad tirp-sta*
 ученый-NOM.PL NEG-виноват-NOM.PL что **таять-PRS[3]**
Arkt-ies led-ai ...
 Арктика-GEN.SG лед-NOM.PL
 ‘ученые не виноваты в том, что тают льды Арктики...’ (LKT).

- b. *saul-ės atokait-oje snieg-as*
 солнце-GEN.SG припек-NOM.SG снег-NOM.SG
pamažu tirp-o ...
 понемногу **таять-PST[3]**
 ‘на солнцепеке снег понемногу таял..’ (LKT).

— мультипликативный

- (17) a. *Sapnav-a-u, kad ten gul-i*
 видеть.ВО.СНЕ-PST-1SG что там лежать-PRS[3]
tėt-is ir moj-a mu-ms su Klar-a
 папа-NOM.SG и **махать-PRS[3]** мы-DAT с Клара-INS.SG
rank-a.
 рука-INS.SG
 ‘Мне снилось, что там лежит отец и машет нам с Кларой
 рукой’ (LKT).

- b. *Keleivi-ai stovėj-o den-uje*
 путешественник-NOM.PL стоять-PST[3] палуба-LOC.SG
ir moj-o j-iems.
 и **махать-PST[3]** 3-DAT.PL.M
 ‘Путешественники стояли на палубе и махали им’ (LKT).

сильный предельный

- (18) a. *...mat-a-u du veid-us — at-ein-a*
 видеть-PRS-1SG два:ACC.M лицо-ACC.PL **PRV-идти-PRS[3]**
Rim-a ir Elvyr-a!
 Рима-NOM.SG и Эльвира-NOM.SG
 ‘я вижу два лица — сюда идут Рима и Эльвира!’ (LKT)

- b. *Skambut-is paprastai reikš-dav-o, kad*
 звонок-NOM.SG обычно значить-НАВ-PST[3] что
at-ėj-o pacient-as.
PRV-идти-PST[3] пациент-NOM.SG
 ‘Звонок обычно значил, что пришел пациент’ (LKT).

слабый предельный

- (19) a. *Žmon-ės gal-i su.pras-ti, kad j-ų*
 люди-NOM.PL мочь-PRS[3] понять-INF что 3-GEN.PL
kalb-a miršt-a...
 язык-NOM.SG умирать-PRS[3]
 ‘Люди могут понимать, что их язык умирает...’ (LKT).

- b. *J-is mir-ė pirmiau nei j-i.*
 3-NOM.SG.M умирать-PST[3] раньше чем 3-NOM.SG.F
 ‘Он умер раньше, чем она’ (LKT).

- c. *Turbūt keistai skambė-s, jei saky-si-u,*
 должно.быть странно звучать-FUT[3] если сказать-FUT-1SG
kad mir-ia-u vis labiau ir labiau.
 что умирать-PST-1SG все больше и больше
 ‘Наверное, странно прозвучит, если я скажу, что умирал
 все больше и больше’ (LKT).

моментальный

— без предшествующего процесса

- (20) a. *Taip, ir kar-o met-ais žmon-ės*
 да и война-GEN.SG время-INS.PL люди-NOM.PL
rand-a k-q švęs-ti.
найти-PRS[3] что-ACC праздновать-INF
 ‘Да, и в годы войны люди находят, что праздновать’ (LKT).

- b. *Šoferi-ui ilgai ne-grįžt-a-nt, ein-a*
 шофер-DAT.SG долго NEG-вернуться-PRS-PA идти-PRS[3]
pa-si-žiūrė-t ir rand-a j-i
 PRV-RFL-смотреть-INF и **найти-PRS[3]** 3-ACC.SG.M
virtuv-ėj ant suol-o už-mig-us-į...
 кухня-LOC.SG на скамья-GEN.SG PRV-спать-PST.PA-ACC.SG.M
 ‘Поскольку шофер долго не возвращается, он идет по-
 смотреть и находит его на кухне уснувшим на скамье’
 (LKT).

- c. *Bet aš rad-a-u labai paprast-q*
 но я:NOM **найти-PST-1SG** очень простой-ACC.SG
išeit-į.
 выход-ACC.SG
 ‘Но я нашел очень простой выход’ (LKT).

— с предшествующим процессом

- (21) a. *Snieg-as iš-tirp-sta, smėl-is — ne.*
 снег-NOM.SG **PRV-таять-PRS[3]** песок-NOM.SG нет
 ‘Снег тает (букв. «растаяет»), песок — нет’ (LKT).

- b. *Snieg-as seniai iš-tirp-o, at-ėj-o*
 снег-NOM.SG давно **PRV-таять-PST[3]** PRV-идти-PST[3]
pavasari-is.
 весна-NOM.SG
 ‘Снег давно растаял, пришла весна’ (LKT).

инцептивный

- (22) a. *Tiki-i-uo-si, jud-u su.prant-a-te,*
 надеяться-PRS-1SG-RFL вы.двое-NOM.M **понимать-PRS-2PL**
k-q tai gal-i reikš-ti?
 что-ACC это мочь-PRS[3] значить-INF
 ‘Я надеюсь, вы оба понимаете, что это может значить?’
 (LKT)

- b. *Ar su.prat-o-te mano klausim-q?*
 Q **понимать-PST-2PL** мой вопрос-ACC.SG
 ‘Вы поняли мой вопрос?’ (LKT)

- c. *Vyniaut-as jau labai daug su.prat-o*
 Виняутас-NOM.SG уже очень много **понимать-PST[3]**
rusiškai...
 по-русски
 ‘[в то время] Виняутас уже очень хорошо понимал по-русски..’ (LKT).

лимитативный

- (23) a. *...j-is vėl pa-kyl-a iš*
 3-NOM.SG.M снова PRV-подниматься-PRS[3] из
viet-os, pa-vaikščioj-a.
 место-GEN.SG **PRV-ходить-PRS[3]**
 ‘... он снова поднимается с места, прохаживается’ (LKT)

- b. *Elz-ė*   *truputį pa-vaikščioj-o,*   *paskui*
 Эльзе-NOM.SG   чуть   PRV-ходить-PST[3]   потом
sėdėj-o   *ir žiūrėj-o.*
 сидеть-PST[3]   и   смотреть-PST[3]
 ‘Эльзе немного походила, потом сидела и смотрела’ (LKT).

Описываемая система требует ряда комментариев. Во-первых, в отличие от акциональных систем языков со словоизменной категорией аспекта «европейского» (в весьма широком понимании этого термина) типа, т. е. таких, где противопоставлены, например, имперфект и аорист в системе форм прошедшего времени и где, согласно работе [Татевосов 2005], преобладают глаголы предельных акциональных классов, для литовского языка «сильные» и в особенности «слабые» предельные глаголы нехарактерны. Аналогом предельных глаголов других языков в литовском обычно служат пары однокоренных лексем, одна из которых относится к процессуальному классу, а другая (образованная от первой с помощью префикса) — к моментальному (ср. табл. 1 выше). Семантические отношения между членами таких пар устроены так, что процессуальный глагол обозначает действие в развитии, моментальный же глагол обозначает событие, являющееся закономерным финалом этого процесса. «В сумме» эти глаголы «покрывают» целостную предельную ситуацию. Сама возможность такого «лексического расщепления» казалось бы семантически единой ситуации обусловлена комплексной структурой предельных ситуаций, включающих как минимум два подсобытия — собственно предельный процесс и достижение предела (см. [Levin, Rappaport Novav 1998; Pustejovsky 2000; Татевосов и др. 2006: 298–329]).

К собственно предельным в принятом здесь «техническом» понимании относятся по большей части глаголы, префиксы в составе которых вносят те или иные дополнительные значения, помимо семантики достижения процессом предела. От моментальных глаголов они отличаются лишь тем, что допускают актуально-длительное значение презенса. Так, глагол *pa-rašyti* ‘написать’ является моментальным, поскольку единственный семантический вклад префикса в его семантику состоит в том, чтобы указывать на достижение процессом ‘писать’ предела; напротив, глагол *per-rašyti* ‘переписать/переписывать’, в котором префикс имеет

не только акциональное, но и лексическое значение, — предельный, ср. пример (24) с актуально-длительным презентом.

- (24) *Galima saky-ti, jog Nepal-o gyventoj-ai*
можно сказать-INF что Непал-GEN.SG житель-NOM.PL
ši-omis dien-omis per.raš-o
этот-INS.PL.F день-INS.PL переписать-PRS[3]
šal-ies istorij-q.
страна-GEN.SG история-ACC.SG
‘Можно сказать, что жители Непала в эти дни переписывают историю страны’ (LKT).

Аналогично ведут себя, в частности, многие (но не все) префиксальные глаголы движения, в которых приставки выступают в своих пространственных значениях, а также некоторые беспрефиксные глаголы. О литовских префиксах и их роли в аспектуальной системе подробнее пойдет речь в разделе 3.2.

К инцептивному классу, основное свойство которого состоит в акциональной (состояние vs. вхождение в состояние) и обусловленной ею аспектуальной (имперфектив vs. перфектив) неоднозначности, относятся, насколько можно судить, лишь префиксальные глаголы с сильно лексикализованными превербами. Можно предположить, что первоначально эти глаголы обозначали вхождения в состояние, а способность выражать соответствующее состояние получили в результате метонимического сдвига значения. Такая гипотеза косвенно подтверждается наличием значительного числа глагольных пар, в которых один из членов (без префикса) обозначает состояние, а другой (с префиксом, и как правило, относящийся к другому словоизменительному типу) — вхождение в это состояние, ср. *girdėti* ‘слышать’ vs. *išgirsti* ‘услышать’ (подробнее см. [Аркадьев 2010]). У таких инцептивных глаголов, как *patikti* ‘понравиться / нравиться’, *sutikti* ‘согласиться / быть согласным, соглашаться’, *suprasti* ‘понять / понимать’ и др. нет соответствующих беспрефиксных стативных корелятов, поэтому им «приходится» брать на себя оба значения.

Особый интерес представляет собою лимитативный класс, аналогичный делимитативному «способу действия» в славянских языках (см., например, [Галнайтите 1959]). С точки зрения акциональности он выделяется тем, что, подобно процессуальным или стативным глаголам, лимитативные предикаты обозначают

процессы и состояния, однако представляемые как целостные события с внешними границами. Тем самым лимитативные глаголы ведут себя по отношению к аспектуальным значениям так же, как моментальные, не допуская актуально-длительного употребления презенса (и вообще редко употребляясь в форме презенса). С другой стороны, лимитативные глаголы, будучи несобытийными, сочетаются с темпоральными обстоятельствами длительности типа *два часа*, ср. (25a), точно так же, как их бесприставочные корреляты, ср. (25b). В этом отношении литовские лимитативные глаголы ничем не отличаются от своих русских переводов.

(25) a. *J-ie dar valandėl-ę pa-sėdėj-o drauge...*
 3-NOM.PL.M еще минутка-ACC.SG PRV-сидеть-PST[3] вместе
 ‘Они еще минутку посидели вместе’ (LKT).

b. *J-is vėl at-si-sėd-o ir tylė-dam-as valandėl-ę sėdėj-o kėd-ėje.*
 3-NOM.SG.M снова PRV-RFL-сесть-PST[3] и
 молчать-CNV-NOM.SG.M минутка-ACC.SG сидеть-PST[3]
 стул-LOC.SG
 ‘Он снова сел и молча минутку посидел (букв. «сидел») на стуле’ (LKT).

Уже из сделанных выше фрагментарных замечаний очевидно, что основной механизм выражения аспектуальных значений в литовском языке — это лексические акциональные классы глаголов и продуктивные деривационные процессы, переводящие глаголы из одного класса в другой. Переходим к их более систематическому обсуждению.

3.2. Аспектуальные деривации

Важнейшую роль в аспектуальной системе литовского языка играет префиксация, служащая средством «телисизации», т. е. изменения акционального класса глагола на предельный или моментальный. Если глагол без префикса обозначает состояние или процесс, то его префиксальные дериваты (за исключением наиболее лексикализованных) способны выражать событие, каким-либо образом связанное с этим состоянием или процессом: вхождение в состояние, вхождение в процесс, достижение процессом предела и т. п. Как правило, помимо собственно акциональной

префикс несет также определенную дополнительную семантику, изменяющую лексическое значение исходного глагола. Все перечисленное — типичные признаки так называемых *bounder-based perfectives* по [Bybee et al. 1994: 87–90], распространенных в различных языках восточно-европейского ареала, в частности, в ближайших родственниках литовского — латышском (где, насколько можно судить, аспектуальные оппозиции грамматикализованы в еще меньшей степени, чем в литовском, см. [Hauzenberga-Šturma 1979; Holvoet 2000; Wälchli 2001]), латгальском и славянских (о типологии таких систем см., в частности, [Breu 1992; Tomelleri 2008; Аркадьев 2007, Аркадьев рукопись]).

Опишу в общих чертах систему литовских превербов (под превербами я понимаю лишь «акциональные» префиксы, занимающие вторую префиксальную позицию и меняющие лексическое значение глагола; подробнее о них см. статью [Paulauskas 1958]). Строгое научное изучение семантики и сочетаемости литовских приставок находится в зачаточном состоянии, поэтому нижеследующие замечания носят сугубо предварительный и во многом неточный характер.

В литовском литературном языке представлено двенадцать превербов: *ap(i)-, at(i)-, į-, iš-, nu-, pa-, par-, per-, pra-, pri-, su-, už-*. Все они имеют пространственные значения, проявляющиеся (не всегда единообразно) с глаголами движения и перемещения, ср. табл. 3.

Кроме того, имеется не признаваемый кодифицированной нормой, но активно употребляющийся в диалектах и в ненормированной речи преверб *da-*, по-видимому, заимствованный из славянских языков (разные точки зрения на происхождение этого префикса см. в работах [Мажюлис 1958; Брейдак 1972]). Он используется в тех же значениях, что и соответствующая русская приставка, — ‘достижение конечной точки ситуации’ (26a) или ‘добавление’ (26b) (подробнее о семантике этого префикса см. [Kozhanov 2011]).

- (26) a. *Kolumb-as su keli-om geld-om*
Колумб-NOM.SG с несколько-INS.PL.F корыто-INS.PL
iki Amerik-os da-plauk-ė...
до Америка-GEN.SG PRV-плыть-PST[3]
‘Колумб на нескольких корытах до Америки доплыл...’¹

---

¹ http://forum.lrytas.lt/topic_show.pl?pid=1540227;hl=

Таблица 3

<i>ap(i)-</i>	‘движение вокруг ориентира’	<i>ap-eiti</i> ‘обойти’
<i>at(i)-</i>	‘движение к ориентиру’	<i>at-eiti</i> ‘прийти’
<i>į-</i>	‘движение внутрь ориентира’	<i>į-eiti</i> ‘войти’
<i>iš-</i>	‘движение изнутри ориентира’	<i>iš-eiti</i> ‘выйти’
<i>nu-</i>	‘удаление от ориентира’	<i>nu-eiti</i> ‘пойти’; <i>nu-imti</i> ‘снять, убрать’
<i>pa-</i>	‘движение под поверхность ориентира’	<i>pa-dėti</i> ‘подложить’
<i>par-</i>	‘движение домой или вниз’	<i>par-eiti</i> ‘вернуться домой’; <i>par-blokšti</i> ‘сбросить наземь’
<i>per-</i>	‘движение через ориентир’	<i>per-eiti</i> ‘перейти’
<i>pra-</i>	‘движение мимо ориентира или по всей его протяженности’	<i>pra-eiti</i> ‘пройти’
<i>pri-</i>	‘движение к области около ориентира’	<i>pri-eiti</i> ‘подойти, дойти’
<i>su-</i>	‘движение с разных сторон к ориентиру’	<i>su-eiti</i> ‘сойтись’; <i>su-dėti</i> ‘сложить’
<i>už-</i>	‘движение вверх или сверху на поверхность ориентира’	<i>už-bėgti</i> ‘взбежать’; <i>už-dėti</i> ‘наложить’

b. *Kad j-am vien-am ne-bū-tų*
 что 3-DAT.SG.M один-DAT.SG.M NEG-быть-IRR:3
liūdna, žmog-us da-pirk-o dar
 грустно человек-NOM.SG PRV-купить-PST[3] еще
vien-a papugėl-į.
 один-ACC.SG попугайчик-ACC.SG
 ‘Чтобы ему не было одному грустно, человек докупил еще одного попугайчика’².

Все превербы, за исключением *par-*, сочетающегося почти исключительно с глаголами с семантикой перемещения (важное исключение — *parduoti* ‘продать’ < *duoti* ‘дать’), имеют широкий круг непространственных значений, часть которых на синхронном уровне представляются весьма далекими от пространственных. В зависимости от семантики глагольной основы, разные глаголы сочетаются с различными превербами в тех или иных их значениях, иногда образуя целые «гнезда», ср. примеры в (27) и (28).

² [http://www.biteplus.lt/lt/2content.diary_view_other/2094207.328730-=\(399940142](http://www.biteplus.lt/lt/2content.diary_view_other/2094207.328730-=(399940142).

- (27) *rašyti* ‘писать’: *ap-rašyti* ‘описать’, *at-rašyti* ‘отписать, ответить на письмо’, *į-rašyti* ‘вписать’, *iš-rašyti* ‘выписать (из книги); исписать (страницу); расписать (свод)’, *nu-rašyti* ‘списать’, *per-rašyti* ‘переписать’, *pri-rašyti* ‘приписать’, *su-rašyti* ‘записать’, *už-rašyti* ‘надписать’ (+ *da-rašyti* ‘дописать’)
- (28) *degti* ‘гореть; жечь’: *ap-degti* ‘обгореть; обжечь’, *į-degti* ‘разжечь’, *iš-degti* ‘выгореть; выжечь’, *nu-degti* ‘загореть, догореть’, *pa-degti* ‘поджечь’, *per-degti* ‘перегореть’, *pra-degti* ‘прогореть’, *pri-degti* ‘пригореть’, *su-degti* ‘сгореть’, *už-degti* ‘зажечь’.

С аспектуальной точки зрения особенно интересны несколько префиксов. Во-первых, это уже упоминавшийся выше префикс *pa-*, который является наиболее грамматикализированным из литовских превербов. Помимо уже описанного делимитативного употребления с процессуальными и стативными глаголами, этот префикс в очень многих случаях превращает глагол в моментальный, ср. такие пары как *rašyti* ‘писать’ ~ *pa-rašyti* ‘написать’, *daryti* ‘делать’ ~ *pa-daryti* ‘сделать’, где *pa-* дериват обозначает достижение процессом предела, или *klausti* ‘спрашивать’ ~ *pa-klausti* ‘спросить’, *pirštis* ‘свататься’ ~ *pa-si-piršti* ‘посвататься’, где глагол с этим префиксом обозначает завершенное целостное событие, или *matyti* ‘видеть’ ~ *pa-matyti* ‘увидеть’, *remtis* ‘опираться’ ~ *pa-si-remti* ‘опереться’, где приставочный глагол обозначает вхождение в состояние, выраженное простым глаголом.

Кроме того, префикс *pa-* используется для выражения значения, которое можно назвать деминутивным, обозначая ситуацию, воспринимаемую как незначительную или не достигающую нормы интенсивности, длительности или результата. Деминутивные глаголы образуются сочетанием преверба *pa-* с суффиксом *-ė-*, ср. *pa-bėg-ėti* ‘сбегать недалеко’, *pa-kyl-ėti* ‘приподнять’ и др.

Префикс *ap-* со многими глаголами, обозначающими инкрементальные (см. [Kriška 1992; Падучева 2004; Татевосов 2005]) процессы, постепенно затрагивающие объект, выражает разновидность аттенуативного значения — неполную вовлеченность объекта в процесс либо недостижение признаком полной степени (*ap-gyti* ‘немного зажать’, *ap-juosti* ‘немного почернеть’). Интересно, что с другими глаголами, нередко семантически

близкими, тот же префикс может обозначать, напротив, полный охват объекта действием, ср. *ap-raikyti* ‘обрезать (со всех сторон)’, *ap-virti* ‘обвариться’. Сходная «двойственность» наблюдается и у префикса *at-*, который может выражать как приближение, так и удаление, причем иногда с одним и тем же глаголом [Paūlauskas 1958: 338], ср. *at-blokšti* ‘бросить сюда; отбросить (от себя)’.

Сочетание префикса *at-* и рефлексива в ряде случаев дает сатуративное или кумулятивное значение, сходное с соответствующим значением славянской приставки *на-*, ср. *at-si-gerti* ‘напиться’, *at-si-kalbėti* ‘наговориться’. Кумулятивное значение имеется также у префикса *pri-*, причем уже независимо от рефлексивности, ср. *pri-kepti* ‘напечь’, *pri-si-maudyti* ‘накупаться’, *pri-važiuoti* ‘понаехать’. При кумулятивных глаголах аргумент, подвергаемый квантификации, выражается либо кванторной группой (29а), либо генитивом (29b).

(29) а. *Į miestą pri-važiav-o daug visoki-ų viršinink-ų...*
 в город-ACC.SG PRV-ехать-PST[3] много всякий-GEN.PL
 начальник-GEN.PL
 ‘В город понаехало много всяких начальников..’ (LKT).

б. *Blyn-ų pri-kep-ė mokykl-os valgykl-a...*
 блин-GEN.PL PRV-печь-PST[3] школа-GEN.SG столовая-NOM.SG
 ‘Блинов напекла школьная столовая...’ (LKT).

Преверб *per-*, наряду с пространственным значением ‘через, сквозь, соединяя две точки’, выражает также связанные с ним «рефактивные» значения повторного действия (как правило с дополнительным значением исправления результата предшествующего действия), ср. *per-kalbėti* ‘переубедить’ (букв. «переговорить»), *per-dirbti* ‘переработать, переделать’, а также значение ‘ситуация осуществилась с превышением нормы признака’ (это значение связано также с наречием *per* ‘слишком’), ср. *per-kepti* ‘перепечь, пережарить’, *per-nokti* ‘перезреть’, *per-varyti* ‘загнать, переутомить’ (подробнее об этих значениях см. [Стойнова, настоящий сборник]).

Одно из значений чрезвычайно многозначного преверба *su-*, особенно часто проявляющееся с глаголами, обозначающими процессы с чувственно воспринимаемым эффектом — звукопро-

изводство, свечение и под., — моментальное и начинательное, ср. *su-kaukti* ‘завыть’, *su-tviksti* ‘засверкать’.

Как уже было сказано, литовская система глагольных префиксов изучена недостаточно; в частности, я не располагаю надежной информацией о продуктивности тех или иных значений префиксов. Судя по имеющимся словарям, степень продуктивности литовских «способов глагольного действия» ниже, чем их славянских аналогов, а лексические ограничения на них, напротив, более многочисленны. Однако важнейшее ограничение на сочетаемость префиксов в литовском языке носит не лексико-семантический, а чисто морфологический характер: в балтийских языках не допускается более одного преверба в глагольной словоформе (ср. [Эндзелин 1971/1906: 541; Paulauskas 1958: 418–419]). Немногочисленные исключения из этого правила составляют сильно лексикализованные образования, в которых один из префиксов уже не выделяется как таковой, а также некоторые диалектные явления, представляющие собою славянские заимствования (см. [Paulauskas 1958: 419; Wiemer 2009]). Этим балтийские языки отличаются от славянских, которые все в той или иной степени разрешают сочетание в одной глагольной форме нескольких префиксов [Ройзензон 1974], ср. рус. *по-над-писывать*, *пере-за-писать* или чеш. *po-od-stoupit* ‘немного отступить’ [Gehrke 2008: 148].

Одно из возможных объяснений этой лакуны в системе балтийского глагола могло бы состоять в том, что в ней, в отличие от славянских языков, отсутствуют так называемые «внешние» употребления префиксов (о противопоставлении «внешних» и «внутренних» префиксов в славянских языках см. [Татевосов 2009]), т. е., упрощенно говоря, такие, значение которых композиционально и предсказуемо, в отличие от «внутренних» префиксов, прихотливо и подчас значительно воздействующих на семантику глагола. К типичным «внешним» префиксам в славянских языках относятся, например, делимитативный префикс *по-*. Хотя данный вопрос требует более детальной разработки, на первый взгляд представляется, что «внешние» префиксы в балтийских языках все же имеются; наиболее очевидным кандидатом на этот статус является делимитативный *pa-*. Этот префикс, будучи весьма близок по значению соответствующему славянскому, не

способен, однако, присоединяться к глаголам, уже содержащим преверб, даже если они модифицированы итеративным суффиксом *-inė* (см. ниже). Так, в литовском есть формальные аналоги русским глаголам *пере-писать* (*per-rašyti*) и *пере-пис-ывать* (*per-raš-inėti*), однако нет аналога русскому *по-пере-пис-ывать* (*pa-per-raš-inėti).

Перейдем теперь к описанию наиболее важных аспектуальных дериваций литовского языка. Выше уже обсуждались и иллюстрировались примерами такие деривации, как (1) телисизирующая префиксация, превращающая процессуальные глаголы в моментальные, и (2) делимитативная префиксация, создающая из процессуальных и стативных глаголов предикаты с особыми акциональными свойствами. К описанию телисизирующей префиксации можно добавить, что в современном языке она иногда применяется также и к глаголам предельных классов, которые и сами по себе способны выражать достижение ситуацией предела (ср. такие пары как *baigti* ‘кончить, кончать’ vs. *užbaigti* ‘закончить’³, *mirti* ‘умереть, умирать’ vs. *numirti* ‘умереть’). В таких случаях префиксация служит не модификации значения глагола, актуализующей те компоненты его значения, которые в бесприставочной основе заложены лишь потенциально, но сужению его семантики, «выделению» уже имеющихся в ней компонентов.

Еще одна важная разновидность префиксальной аспектуальной деривации — это (3) начинательная (ингрессивная и инхоативная) деривация, превращающая стативные и непредельные процессуальные глаголы в моментальные, обозначающие вхождение в соответствующие процесс или состояние. В этой функции используются различные префиксы, частично распределенные в зависимости от класса исходного глагола и от конкретной разновидности начинательного значения. С глаголами направленного движения используется префикс *nu-*, ср. *eiti* ‘идти’ ~ *nu-eiti* ‘пойти’, *plaukti* ‘плыть’ ~ *nu-plaukti* ‘поплыть’; следует отметить, что глаголы движения с этим префиксом имеют также и

---

³ Нельзя не обратить внимания на во многом параллельное развитие в русском языке, где приставочный глагол *закончить* в течение последних нескольких десятилетий значительно потеснил бесприставочный *кончить*; в русском языке, однако, оба глагола идентичны по своим акциональным и аспектуальным свойствам.

другие значения, в частности, достижения цели движения (ср. *nu-plaukti nuo kranto* ‘отплыть от берега’ vs. *nu-plaukti iki kranto* ‘доплыть до берега’). С глаголами, не обозначающими движения, начинательность может выражаться префиксами *pra-* (ср. *kalbėti* ‘говорить’ ~ *pra-kalbėti* ‘заговорить’ и собственно глагол ‘начать’ — *pra-dėti*, образованный от *dėti* ‘класть’), *su-* (особенно этот префикс продуктивен при мультипликативных глаголах, с которыми он нередко способен обозначать не только вхождение в процесс, но и единичный квант процесса), ср. *šlamėti* ‘шелестеть’ ~ *su-šlamėti* ‘зашелестеть; прошелестеть’, *baubti* ‘мычать, реветь’ ~ *su-baubti* ‘замычать, зареветь; прореветь’, ср. примеры (30а), где употреблен целый ряд начинательных глаголов, и (30б), иллюстрирующий моментальное значение деривата с префиксом *su-*.

(30) а. *Nu-si-kvatoj-o*, *su-mosav-o* *rank-omis*,
 PRV-RFL-хохотать-PST[3] PRV-махать-PST[3] рука-INS.PL
nuo kuri-ų *vėjeli-o* *su-šlamėj-o*
 от который-GEN.PL ветерок-GEN.SG PRV-шелестеть-PST[3]
popieri-ai, *ir nu-gin-ė* *Rik-į*
 бумага-NOM.PL и PRV-гнать-PST[3] Рики-ACC.SG
reikiam-a *krypt-imi*.
 нужный-INS.SG.F направление-INS.SG
 ‘Расхохотался, замахал руками, от ветерка от которых зашелестели бумаги, и погнал Рики в нужном направлении’ (LKT).

б. *tams-oje* *prie j-o* *lov-os*
 темнота-LOC.SG около 3-GEN.SG.M кровать-GEN.SG
su-šlamėj-o *ap-si-velk-a-m-as*
 PRV-шелестеть-PST[3] PRV-RFL-надеть-PRS-PP-NOM.SG.M
chalat-as *ir tyliai už.si.dar-ė*
 халат-NOM.SG и тихо закрыться-PST[3]
kambari-o *dur-ys*
 комната-GEN.SG дверь-NOM.PL
 ‘в темноте около его кровати прошелестел надеваемый халат и тихо закрылась дверь комнаты’ (LKT).

С префиксом *su-* образуются и инцептивные глаголы от стативов, ср. *sirgti* ‘болеть’ (болезнью) ~ *su-sirgti* ‘заболеть’, *domėtis* ‘интересоваться’ ~ *su-si-domėti* ‘заинтересоваться’. Начи-

нательность также выражается префиксами *už-*, ср. *pykti* ‘сердиться’ ~ *užpykti* ‘рассердиться’, *i-*, ср. *dūkti* ‘беситься’ ~ *i-dūkti* ‘придти в бешенство’ и др.

Аспектуальная деривация, выражающаяся как префиксацией, так и суффиксацией, — (4) семельфактивная, превращающая мультипликативные глаголы, обозначающие процессы, являющие собою серию идентичных «квантов», в моментальные, выражающие единичный такой «квант». Из префиксов в этой функции в основном используется *su-*, который, как уже упоминалось, совмещает семельфактивное значение с начинательным, ср. *kosėti* ‘кашлять’ ~ *su-kosėti* ‘кашлянуть; закашляться’. Специализированным продуктивным средством выражения семельфактивности является суффикс *-telė-* и его диалектный вариант *-terė-*, ср. *knarkti* ‘храпеть’ ~ *knarktelėti* ‘всхрапнуть’.

Из весьма многочисленных суффиксальных дериваций я остановлюсь лишь на наиболее продуктивном итеративном суффиксе *-inė-*, о котором уже шла речь выше. Основное его значение — обозначение серии событий с одними и теми же или частично переменными участниками (иными словами, данный суффикс выражает не только собственно итеративное, но и дистрибутивное значения). По своим акциональным свойствам итеративные глаголы могут быть отождествлены с процессуальными. В принципе, этот суффикс может быть присоединен практически к любому глаголу, кроме разве что стативных, однако на практике в его употреблении действуют разнообразные ограничения, по большей части, по-видимому, лексического и нормативного характера. В некодифицированной (разговорной, диалектной, представленной в интернете) речи итеративные производные, в особенности от префиксальных глаголов, встречаются чаще, чем в более строго нормированных письменных жанрах, и именно здесь особенно распространено расширение значения *-inė-* глаголов от итеративного к дуративному (см. выше раздел 2).

Следующие примеры иллюстрируют употребление глаголов в суффиксом *-inė-* в различных разновидностях итеративного значения. В (31a) представлена серия, состоящая из неопределенного числа отдельных однотипных действий, совершаемых одним и тем же субъектом над разными частями одного и того же объекта; в (31b) одно и то же действие совершается определенное

число раз. В (32a) действие совершается одним и тем же субъектом с серией сходных объектов, в (32b), напротив, разные субъекты совершают действие с одним и тем же объектом.

(31) a. *Lukausk-o rankrašt-i j-i*
 Лукаускас-GEN.SG рукопись-ACC.SG 3-NOM.SG.F
per-raš-inėj-o laisv-u nuo
PRV-писать-ITER-PST[3] свободный-INS.SG.M от
kit-ų darb-ų laik-u.
 другой-GEN.PL работа-GEN.PL время-INS.SG
 ‘Рукопись Лукаускаса она переписывала в свободное от других трудов время’ (LKT).

b. *Beje, Habaner-a kompozitori-us*
 кстати хабанеру-ACC.SG композитор-**NOM.SG**
per-raš-inėj-o 13 kart-ų!
PRF-писать-ITER-PST[3] раз-GEN.PL
 ‘Кстати, Хабанеру композитор переписывал 13 раз!’ (LKT)

(32) a. *Šalia vaikšt-inėj-o sen-is su žibint-u*
 возле ходить-ITER-PST[3] старик-**NOM.SG** с фонарь-INS.SG
ir už.dar-inėj-o vagon-ų dur-is.
 и закрыть-ITER-PST[3] вагон-GEN.PL дверь-ACC.PL
 ‘Возле расхаживал старик с фонарем и закрывал двери вагонов’ (LKT).

b. *Leis-ki-te man pa-saky-ti,*
 позволить-IMP-2PL я:DAT PRV-сказать-INF
gerbiam-ieji deputat-ai.
 уважаемый-NOM.PL.M.DEF депутат-NOM.PL
Dabar iš dešin-ės irgi per.trauk-inėj-a...
 теперь из правый-GEN.SG.F тоже **перепить-ITER-PRS[3]**
 ‘Позвольте мне сказать, уважаемые депутаты. Теперь справа тоже перебивают...’ (LKT)

Необходимо отметить, что процессуальные глаголы, в отличие от моментальных, могут выражать итеративное значение и без суффикса *-inė-*, ср. пример (33), где в одном и том же контексте употреблены непроездовые глаголы *rinkti* ‘собирать’, *komentuoti* ‘комментировать’, *rašyti* ‘писать’ и итеративный дериват (от префиксального глагола) *perrašinėti* ‘переписывать’.

- (33) *Mokyt-i žmon-ės rink-o ir*
 ученый-NOM.PL.M люди-NOM.PL **собирать-PST[3]** и
per-raš-inėj-o rankrašči-us,
PRV-писать-ITER-PST[3] рукопись-ACC.PL
komentav-o Švent-ąji
комментировать-PST[3] святой-ACC.SG.M.DEF
rašt-ą, raš-ė gramatik-as...
 писание-ACC.SG **писать-PST[3]** грамматика-ACC.PL
 ‘Ученые люди собирали и переписывали рукописи, коммен-
 тировали Священное Писание, писали грамматики...’ (LKT)

Не исключено, что параллелизм между простыми и итеративными глаголами в контекстах множественности ситуаций мог быть одним из факторов, способствовавших появлению у последних и дуративного значения, которое иллюстрируют примеры (34) и (35), ср. также (12).

- (34) *Klotild-a pri.siek-ė vien-q*
 Клотильда-NOM.SG поклясться-PST[3] один-ACC.SG
vakar-q mač-ius-i veidrođ-yje
 вечер-ACC.SG видеть-PST.PA-NOM.SG.F зеркало-LOC.SG
labai graž-iq dam-q, kur-i
 очень красивый-ACC.SG.F дама-ACC.SG который-NOM.SG.F
nu.si.reng-inėj-o, tačiau niek-uo
раздеться-ITER-PST[3] однако ничто-INS.SG.M
ne-buv-o panaš-i i j-q.
 NEG-быть-PST[3] похож-NOM.SG.F в 3-ACC.SG.F
 ‘Клотильда поклялась, что однажды вечером увидела в зер-
 кале очень красивую даму, которая раздевалась, однако не
 была ничем на нее похожа’ (LKT).
- (35) *Žin-a-u ne vien-q žmog-ų,*
 знать-PRS-1SG не один-ACC.SG человек-ACC.SG
kur-ie t-uo met-u
 который-NOM.PL.M тот-INS.SG.M время-INS.SG
baig-inėj-o raš-y-ti disertacij-as...
кончить-ITER-PST[3] писать-INF диссертация-ACC.PL
 ‘Я знаю многих людей, которые в то время заканчивали пи-
 сать диссертации...’ (LKT)

Как уже говорилось выше, дуративные употребления итеративных глаголов в еще большей степени ограничены и подвержены давлению нормы, и для многих глаголов либо маргинальны, либо вовсе не допускаются.

На этом я завершаю по необходимости фрагментарное описание аспектуальных дериваций литовского языка и перехожу к словоизменительным и аналитическим аспектуальным категориям.

4. Словоизменительные аспектуальные категории

Таким образом, литовский язык не обладает полностью грамматикализованными и регулярным средствами выражения для противопоставления имперфективного и перфективного видовых ракурсов (ср. понятие *aspectual viewpoint* в работах [Smith 1997/1991, Смит 1998]). Тем не менее, в литовском имеются грамматические, в частности морфологические категории высокой регулярности, выражающие менее «тривиальные» аспектуальные значения. Это встроенная в систему времен граммема «хабитуалис-в-прошедшем» и, напротив, независимая от нее категория континуативности. О них и пойдет речь в этом разделе.

4.1. *Хабитуалис-в-прошедшем*

Хабитуалис-в-прошедшем (*past habitual*) — типологически довольно частотная категория (см. [Dahl 1985: 100–102; Bybee et al. 1994: 153–158]), совмещающая собственно аспектуальное значение (хабитуальное или узуальное: ‘ситуации типа V обычно имели место’, когда обозначенные глагольной группой ситуации рассматриваются как свойство субъекта или мира) с темпоральным (отнесенностью данного свойства в план прошлого, нередко с дополнительным смысловым компонентом неактуальности для настоящего, см. [Plungian, van der Auwera 2006: 323–324] и ниже).

В литовском языке это значение выражается специальной формой с суффиксом *-dav-* и флексиями прошедшего времени — так называемым «прошедшим многократным» временем [Амбразас (ред.) 1985: 213–214], ср. также не вполне корректный термин «фреквентатив» (*Frequentative*), используемый рядом авторов, см. [Mathiassen 1996a: 9–10; Roszko, Roszko 2006]. Данная форма и ее семантика сравнительно хорошо описаны, см. помимо уже упомянутых также работы [Генюшене 1989b: 127–128; Sakurai, sub-

mited], так что ниже я лишь кратко изложу известные факты и проиллюстрирую их корпусными примерами, а также сделаю ряд ареально-типологических замечаний.

Хабитуалис-в-прошедшем указывает на обычное повторение ситуации без какой-либо контекстной поддержки, ср. (36a), в отличие от простого претерита, который вне специального контекста обозначает однократное событие, ср. (36b).

(36) a. *Vien-as kit-as turėj-o automobil-į,*
 один-NOM.SG другой-NOM.SG иметь-PST[3] автомобиль-ACC.SG
bet daugum-a at-važiuo-dav-o autobus-u.
 но большинство-NOM.SG PRV-ехать-НАВ-PST[3] автобус-INS.SG
 ‘У некоторых был автомобиль, но большинство приехало на автобусе’ (LKT).

b. *J-ie buv-o keturiese. At-važiav-o*
 3-NOM.PL.M быть-PST[3] вчетвером PRV-ехать-PST[3]
automobili-u.
 автомобиль-INS.SG
 ‘Они были вчетвером. Приехали на автомобиле’ (LKT).

В предложениях с хабиутальным прошедшим может эксплицитно сообщаться, что рассматриваемая ситуация случалась редко (37a), часто (37b), а также указываться более точная частота события (37c) или его привязка к конкретным временным моментам или промежуткам (37d).

(37) a. *At-važiuo-dav-o j-is retai, tik per*
 PRV-ехать-НАВ-PST[3] 3-NOM.SG.M редко только через
didži-uosius atlaid-us...
 большой-ACC.PL.M.DEF праздник-ACC.PL
 ‘Приезжал он редко, только по большим праздникам’ (LKT).

b. *Rachel-ė pa-si-slėp-us-i dažnai*
 Рахель-NOM.SG PRV-RFL-прятать-PST.PA-NOM.SG.F часто
verk-dav-o.
 плакать-НАВ-PST[3]
 ‘Рахель часто плакала, спрятавшись’ (LKT).

c. *Dėdži-ų nam-uose Uos-is kasdien*
 дядя-GEN.PL дом-LOC.PL Уосис-NOM.SG каждый.день

iš-bėg-dav-o *kiem-an...*
PRV-бежать-НАВ-PST[3] двор-ILLAT
'В доме дяди и тети Уосис каждый день выбегал во двор...' (LKT)

- d. *Apimt-as* *baim-ės* *šeštadieni-ais*
объятый-NOM.SG страх-GEN.SG суббота-INS.PL
grįž-dav-a-u *namo, o pirmadien-į*
вернуться-НАВ-PST-1SG домой а понедельник-ACC.SG
su nauj-om *baim-ėm* *vėl*
с новый-INS.PL.F страх-INS.PL снова
iš-važiuo-dav-a-u *į Brno.*
PRV-ехать-НАВ-PST-1SG в Брно
'Объятый страхом, по субботам я возвращался домой, а в понедельник с новыми страхами опять уезжал в Брно' (LKT).

Тем не менее, с обстоятельствами точной кратности хабитуа-лис-в-прошедшем сочетается лишь при условии их узкой сферы действия, ср. пример (38), где 'три раза за ночь' входит в описание обычной ситуации, повторявшейся неопределенное число раз.

- (38) *O anksčiau mažiau* *3 kart-us*
а раньше по.меньшей.мере раз-ACC.PL
at-si-kel-dav-o *pieneli-o*
PRV-RFL-поднимать-НАВ-PST[3] молочко-GEN.SG
at-si-ger-ti.
PRV-RFL-пить-INF
'А раньше, бывало, по меньше мере три раза [за ночь] просыпался молочка напиться'⁴.

Период, в течение которого имели обыкновение происходить описываемые в предложении ситуации, может быть ограничен эксплицитными временными рамками, ср. (39).

- (39) *Kai mok-ia-u-si* *pradin-ėje* *mokykl-oje*
когда учить-PST-1SG-RFL начальный-LOC.SG.F школа-LOC.SG
ir namo grįž-dav-a-u *anksti,*
и домой вернуться-НАВ-PST-1SG рано

---

⁴ <http://www.supermama.lt/forumas/lofiversion/index.php/t134888-300.html>

miest-as at.rody-dav-o visiškai kitaip.
 город-NOM.SG **выглядеть-НАВ-PST[3]** совсем по-другому
 ‘Когда я учился в начальной школе и возвращался домой
 рано, город выглядел совсем по-другому’ (LKT).

Употребление хабитуального прошедшего как правило имплицитует, что описываемые ситуации, обычные для прошлого, неактуальны для настоящего [Генюшене 1989b: 127]. Такая интерпретация особенно характерна с глаголами, которые обозначают ситуации, в норме не способные повторяться, ср. пример (40), где собственно неоднократные ситуации обозначает лишь первый глагол в хабитуальной форме (*дожидались*), а следующие (*были, любили*) описывают скорее длительное состояние, оставшееся в прошлом.

(40) *Taip pat, kad ir retai, su-lauk-dav-o-me*
 так же что и редко PRV-ждать-НАВ-PST-1PL
Vilni-uje sveči-ų ir iš “anapus”.
 Вильнюс-LOC.SG гость-GEN.PL и из по.ту.сторону
Tai bū-dav-o brang-ūs sveči-ai,
 это **быть-НАВ-PST[3]** дорогой-NOM.PL.M гость-NOM.PL
ir mes j-uos labai mylė-dav-o-me.
 и мы:NOM 3-ACC.PL.M очень **любить-НАВ-PST-1PL**
 ‘Также, хотя и редко, нам удавалось дожидаться (букв. «мы
 ожидали») в Вильнюсе и гостей «с той стороны». Это
 были дорогие гости, и мы их очень любили’ (LKT).

Необходимо остановиться на вопросе о противопоставлении форм хабитуального прошедшего и обсуждавшихся выше итеративных образований с суффиксом *-inė-*. При всех вполне очевидных различиях между ними (хабитуалис в прошедшем является словоизменительной формой, свободно образующейся от всех без исключения глаголов, а на образование итеративных производных, напротив, накладываются различные лексические ограничения; хабитуальные формы имеются лишь в прошедшем времени, в то время как итеративные глаголы обладают полной парадигмой), эти два типа выражения глагольной множественности сходны по значению. Различия между ними описываются, в частности, в статье [Roszko, Roszko 2006: 168–169], авторы которой утверждают, что по крайней мере с бесприставочными глаго-

лами итеративная и хабитуальная формы имеют разные оценочные компоненты значения: итеративный глагол указывает на нерегулярность ситуации и на то, что субъект участвовал в ней без особенного усердия, ср. (41a), в то время как хабитуальная форма обозначает регулярное и «добросовестное» осуществление ситуации, ср. (41b). Возможно также одновременное употребление обоих показателей, обозначающее, что субъект имел обыкновенное время от времени выполнять действие, рассматриваемое как незначительное, ср. (42).

- (41) a. *Jon-as*   *raš-iněj-o*   *recenzij-as*.
Йонас-NOM.SG **писать-ИТЕР-PST[3]** рецензия-ACC.PL
'Йонас пописывал рецензии'. [Roszko, Roszko 2006: 167]
- b. *Jon-as*   *rašy-dav-o*   *recenzij-as*.
Йонас-NOM.SG **писать-НАВ-PST[3]** рецензия-ACC.PL
'Йонас [регулярно] писал рецензии'. [ibid.]
- (42) *Vėliau visoki-us*   *reklamini-us*   *niekaliuk-us*
позже всякий-ACC.PL.M рекламный-ACC.PL.M халтурка-ACC.PL
ant lang-ų   *ir dur-ų*   ***raš-inė-dav-o***.
на окно-GEN.PL и дверь-GEN.PL **писать-ИТЕР-НАВ-PST[3]**
'Позже он то и дело пописывал всякую рекламную халтурку на окнах и дверях' (LKT).

Оценочное противопоставление, однако, ограничено в основном лишь процессуальными глаголами; с моментальными и предельными предикатами, как уже было сказано выше при обсуждении итеративных глаголов, значения незначительности и низкой оценки ситуации, как правило, нет. В этих случаях также легко обнаружить противопоставление между хабитуальными и итеративными формами: итеративные глаголы обозначают множество однотипных ситуаций, связанных в определенную серию, рассматриваемую как единая длительная комплексная ситуация, занимающая определенный промежуток времени, ср. пример (43a); напротив, хабитуалис-в-прошедшем обозначает неопределенное множество ситуаций, каждая из которых существует по отдельности и не связана с другими, ср. (43b).

- (43) a. *miest-e*   ...   ***at.stat-iněj-o***
город-LOC.SG   **восстановить-ИТЕР-PST[3]**

sugriaut-as *gynybin-es*
 разрушенный-ACC.PL.F оборонительный-ACC.PL.F
sien-as *ir bokšt-us.*
 стена-ACC.PL и башня-ACC.PL

‘В городе ... восстанавливали разрушенные оборонительные стены и башни’ (LKT).

- b. *Po gaisr-o žmon-ės visk-q*
 после пожар-GEN.SG люди-NOM.PL все-ACC.SG
at.staty-dav-o t-uo pači-u
ВОССТАНОВИТЬ-НАВ-PST[3] тот-INS.SG.M самый-INS.SG.M
stili-umi kaip j-ų tėv-ai ir seneli-ai.
 стиль-INS.SG как 3-GEN.PL отец-NOM.PL и старик-NOM.PL
 ‘После пожара люди [обычно] все восстанавливали в том самом стиле, как [строили] их отцы и деды’ (LKT).

И в этом случае возможно использование хабитуального прошедшего от итеративного глагола; данная форма обозначает, что в прошлом обычно имела место серия однотипных событий, ср. (44).

- (44) *Motin-a ėm-ė kep-ti padėkl-q po*
 мать-NOM.SG взять-PST[3] печь-INF поднос-ACC.SG после
padėkl-o nuostab-iųjū vokišk-ų
 поднос-GEN.SG изумительный-GEN.PL.DEF немецкий-GEN.PL
pyragaiči-ų. Duktė par.dav-inė-dav-o
 пирожное-GEN.PL дочь(NOM.SG) **продать-ITER-НАВ-PST[3]**
j-uos „Tavern-os” vestibul-yje
 3-ACC.PL.M таверна-GEN.SG вестибюль-LOC.SG
švenči-ų dien-omis.
 праздник-GEN.PL день-INS.PL

‘Мать начала печь поднос за подносом [этих] изумительных немецких пирожных. Дочь [обычно] продавала их в вестибюле «Таверны» в дни праздников’ (LKT).

В заключение обсуждения литовского хабитуального прошедшего рассмотрим эту форму в более широком ареальном контексте. Несмотря на то, что, как было сказано в начале этого раздела, хабитуалис-в-прошедшем является хорошо засвидетельствованной граммемой, в языках Европы он представлен лишь спорадически и по преимуществу аналитическими конструкциями вроде английского *used to V*, идиш *flegn V* и под. (см. [Thieroff

2000: 295–297]). Литовская суффиксальная граммема является, по сути дела, единственной специализированной морфологической формой с данным значением в языках Европы. Интересно, однако, что ей нет прямых параллелей ни в одном из ближайших к литовскому языков, и даже в рамках собственно литовской лингво-географической области эта форма оказывается ограниченной аукштайтскими (верхнелитовскими) диалектами [Топоров 1961: 55; Zinkevičius 1966: 356–358]. В жемайтских (нижнелитовских) диалектах (см. [Eckert 1996]) и в латышском языке для обозначения хабитуальности используются аналитические формы со вспомогательными глаголами с исходным значением ‘любить’⁵, ср. (45) и (46), причем если в жемайтском, насколько можно судить, семантика конструкции с глаголом *liuobėti* ограничена прошедшим временем, т. е. функционально эквивалентна стандартной литовской, то в латышском языке конструкция с глаголом *mēgt* может сочетаться с различными временами и соответственно менять свою темпоральную референцию.

ЖЕМАЙТСКИЙ

- (45) *Tu liuob-i ne-klausy-ti motin-os.*
ты:НОМ любить-PRS:2SG NEG-слушать-INF мать-GEN.SG
‘Ты, бывало, не слушался матери’ [Eckert 1996: 54].

ЛАТЫШСКИЙ

- (46) *Es mēdz-u lasī-t vakar-os.*
я:НОМ любить-PRS:1SG читать-INF вечер-LOC.PL
‘Я имею обыкновение читать по вечерам’ [Ceplīte et al. 2008: 764].

Не менее интересен также факт нетривиального параллелизма между жемайтским хабитуалисом-в-прошедшем с глаголом *liuobėti* и конструкцией с *fleġn* в идиш: обе граммемы содержат вспомогательный глагол в настоящем времени, однако имеют временную референцию к прошлому, ср. пример (47) из идиш. Не исключено, что жемайтский диалект литовского мог оказать здесь влияние на несомненно контактировавший с ним идиш, однако для верификации этой гипотезы требуется более детальное диалектологическое изучение последнего.

---

⁵ В современном латышском языке глагол *mēgt* употребляется только как вспомогательный.

(47) Идиш

Ix fleg *zog-n.*

я **НАВ:PRS:1SG** говорить-INF

‘Я, бывало, говорил’. [Gold 1997: 119]

В славянских языках ближайшим аналогом (если оставить за скобками аналитические конструкции с «частицей» *бывало*, о которых см., например, [Сичинава в печати]) литовского хабиутуального прошедшего могут служить многократные («итеративные») глаголы с суффиксом **-va*, подобные уже упомянутому выше русским *хаживать* или *бывать* (ср. [Топоров 1961: 55])⁶, которые в тех славянских языках, с которыми контактировал литовский, т. е. в польском, белорусском и русском, употребляются преимущественно в прошедшем времени. Продуктивность таких глаголов в названных языках, однако, никогда не достигала уровня продуктивности литовского хабиутуального суффикса *-dav-*.

4.2. *Континуатив*

Еще одна представленная в литовском языке глагольная категория, имеющая аспектуальное значение, — синтетический континуатив, образующийся при помощи уже упомянутого префикса *be-*. Строго говоря, данный префикс имеет целый ряд употреблений, которые не всегда легко охарактеризовать с семантической точки зрения и которые остаются практически не описанными в литуанистической литературе (в наиболее полной литовской академической грамматике ему посвящено всего несколько строк, см. [Ulvydas (red.) 1971: 295]). Континуативное значение (‘ситуация все еще имеет место’) является наиболее четко выделяемой и, видимо, наиболее частотной функцией данного префикса. См. также раздел 5 о категории авертива, также образующейся с использованием префикса *be-*. О семантике и сочетаемости литовского континуатива см. также [Arkadiev 2011a].

Строго говоря, континуативное значение относится не собственно к аспекту, а к самостоятельной категории фазы (см. [Плунгян 2000: 303–308, 2011: 416–422; Plungian 1999]). Рассмотр-

⁶ О возможной этимологической связи литовских форм на *-dav* со славянскими образованиями на **-va* в связи с эпендетическим характером *-d* и вариациями *-d/-l*, наблюдающимися в форме хабиуталиса-в-прошедшем в литовских говорах, см. [Stang 1942: 172–174].

рение литовского континуатива в контексте обсуждения аспектуальной системы оправдано тем, что, во-первых, фазовые значения очень близки собственно видовым и, во-вторых, литовский континуатив нетривиальным образом взаимодействует как с акциональными классами глаголов, так и с другими аспектуальными формами.

Континуатив в литовском языке существует в двух вариантах, отличающихся полярностью: положительном (к префиксу *be-* в таком случае присоединяется слева префикс *te-*) и отрицательном (перед префиксом *be-* здесь выступает отрицательный префикс *ne-*, см. об этом сочетании [Ostrowski 2010]), ср. примеры (48a) и (48b).

(48) a. ... *miestel-yje*   ***te-be-gyven-o***   *daug našli-ų.*
 городок-LOC.SG POS-CNT-жить-PST[3] много вдова-GEN.PL
 ‘... в городке все еще жило много вдов’ (LKT).

b. *Tada j-is*   *jau ne-be-gyven-o*   *su žmon-a...*
 тогда он-NOM.SG.M уже NEG-CNT-жить-PST[3] с жена-INS.SG
 ‘Тогда он уже больше не жил с женой...’ (LKT)

Континуатив сочетается практически со всеми глагольными формами, включая аналитические и нефинитные, и является довольно употребительной грамматической категорией. Ср. употребления континуатива с инфинитивом (49a), с атрибутивным причастием (49b,c) и с несогласованным причастием в роли зависимого сказуемого (49c).

(49) a. *Nė kart-o*   *ne-su-abejo-ja-u*   *dėl savo*
 ни раз-GEN.SG NEG-PRV-сомневаться-PST-1SG из-за свой
apsisprendim-o   ***ne-be-dalyvau-ti***   *rinkim-uose.*
 решимость-GEN.SG NEG-CNT-участвовать-INF выборы-LOC.PL
 ‘Я ни разу не усомнился в своей решимости больше не участвовать в выборах’ (LKT).

b. ...*tai stipr-us*   *sukrėtim-as dar*
 это сильный-NOM.SG.M шок-NOM.SG еще
te-be-gyven-a-nt-iems   *prieškari-o*
 POS-CNT-жить-PRS-PA-DAT.PL.M довоенное.время-GEN.SG
karinink-ams.
 офицер-DAT.PL
 ‘... это сильный шок для все еще живущих офицеров довоенных времен’ (LKT).

- c. *Lavon-am* — *visa vis tiek pat, o šiandien dar*
 труп-DAT.PL все все столько же а сегодня еще
te-be-s-a-nt-iem gyv-iem dėl
 POS-CNT-**БЫТЬ-PRS-PA-DAT.PL.M** живой-DAT.PL.M из-за
t-o nei šilta, nei šalta, —
 то-GEN.SG.M ни тепло ни холодно
kok-s skirtum-as?
 какой-NOM.SG.M разница-NOM.SG
 ‘Трупам все равно, а тем, кто сегодня еще живет
 (букв. сегодня все еще сущим живым), от этого ни жар-
 ко, ни холодно — какая разница?’ (Balys Sruoga. “Dievų
 miškas”⁷)
- d. *Tok-s priežod-is buv-o*
 такой-NOM.SG.M поговорка-NOM.SG AUX-PST[3]
aplit-ęs Rom-oje dar
 распространиться-PST.PA.NOM.SG.M Рим-LOC.SG еще
te-be-gyven-a-nt ši-am filosof-ui
 POS-CNT-**ЖИТЬ-PRS-PA** этот-DAT.SG.M философ-DAT.SG
patriot-ui.
 патриот-DAT.SG
 ‘Такая поговорка была распространена в Риме еще при
 жизни этого философа-патриота (букв. «все еще живущему»)
 (LKT).

Интересно, что сочетаясь с аналитическими формами, континуативные префиксы *tebe-* и *nebe-* могут присоединяться как ко вспомогательному глаголу, так и к причастию, ср. параллельные примеры в результате активного залога (50), в пассиве (51), а также в контрфактивных конструкциях (52), без очевидных различий в значении. В корпусе, правда, существенно чаще встречаются примеры с континуативными префиксами на вспомогательном глаголе, особенно в результате.

- (50) a. *Kai par-ėj-a-u, Kaz-ys*
 когда PRV-идти-PST-1SG Казис-NOM.SG
te-be-buv-o iš-ėj-ęs.
 POS-CNT-AUX-PST[3] PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M

⁷ <http://antologija.lt/texts/39/tekstas/49.html>

- b. *Kai par-ėj-a-u, Kaz-ys buv-o*
 когда PRV-идти-PST-1SG Казис-NOM.SG AUX-PST[3]
te-be-iš-ėj-ęs.
POS-CNT-PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M
 a=b букв. ‘Когда я пришел, Казиса все еще не было (букв.
 «все еще был ушедши / был все еще ушедши»)’.
- (51) a. *Apie t-as serij-as ir pakartojim-us*
 о этот-ACC.PL.F серия-ACC.PL и повторение-ACC.PL
jau buv-o daug kalbė-t-a ir
 уже AUX-PST[3] много говорить-PST.PP-DF и
te-bėra kalb-a-m-a.
POS-CNT+AUX.PRS.3 говорить-PRS-PP-DF
 ‘Об этих сериях и повторениях уже много говорилось и
 все еще говорится’⁸.
- b. *ir kalb-a apie daug k-q, apie k-q*
 и говорить-PRS[3] о много что-ACC о что-ACC
jau buv-o kalbė-t-a ir yra
 уже AUX-PST[3] говорить-PST.PP-DF и AUX.PRS.3
te-be-kalb-a-m-a.
POS-CNT-говорить-PRS-PP-DF
 ‘... и говорят о многом, о чем уже говорилось и все еще
 говорится’ (LKT).
- (52) a. *...gal ir šiandien dar bū-tų*
 может и сегодня еще AUX-IRR:3
te-be-dirb-us-i t-a
POS-CNT-работать-PST.PA-NOM.SG.F тот-NOM.SG.F
pat-i koalicij-a.
 самый-NOM.SG.F коалиция-NOM.SG
 ‘... может и сегодня еще продолжала бы работать та самая
 коалиция’ (LKT).
- b. *Bet jei Lietuv-a te-be-bū-tų*
 но если Литва-NOM.SG **POS-CNT-AUX-IRR:3**
buv-us-i SSSR sudėt-yje...
быть-PST.PA-NOM.SG.F СССР состав-LOC.SG
 ‘Но если бы Литва все еще была в составе СССР...’⁹

⁸ <http://www.kulturizmas.net/forumas/t1899-bico-ilginimas>

⁹ <http://www.supermama.lt/forumas/index.php?showtopic=532670&st=36>

По своей семантике континуативные формы сближаются с такими обстоятельствами и частицами, как (*всe*) *еще* (лит. (*vis dar*)), которые нередко встречаются в тех же контекстах, ср. (52a); они содержат пресуппозицию, что ситуация, обозначаемая глаголом, имела место в некоторый момент до точки отсчета, и ассерцию, что в точке отсчета эта ситуация имеет место (*tebe-*) или не имеет места (*nebe-*). Кроме того, в случае позитивной полярности ситуация должна быть непрерывна между обоими моментами наблюдения. Таким образом, литовский континуатив имеет не только собственно фазовое, но и аспектуальное — имперфективное значение, обозначая ситуацию, длящуюся в точке отсчета (о связи между континуативом и прогрессивом см., например, [Bybee et al. 1994: 127, 164–174; Mortier 2010: 429–431]). Тем самым, континуативный префикс *tebe-* сочетается лишь с обозначениями ситуаций, имеющих длительность (отрицательный континуатив на *nebe-* не имеет такого ограничения и демонстрирует не вполне тривиальное семантическое и морфологическое развитие, о котором отдельно пойдет речь ниже).

Наиболее наглядно ограничения на сочетаемость континуатива видны в форме претерита; континуатив сочетается с претеритом стативных (53a), процессуальных (53b), инцептивных (53c) глаголов, а также с претеритом итеративных глаголов с суффиксом *-inė-* (53d).

- (53) a. *Ir kai šiandien j-os su-kil-o,*
и когда сегодня 3-NOM.PL.F PRV-подниматься-PST[3]
j-is te-be-miejoj-o.
3-NOM.SG.M POS-CNT-спать-PST[3]
'И когда сегодня они встали, он все еще спал' (LKT).
- b. *Ne-pa-ke-l-dam-as galv-os,*
NEG-PRV-поднимать-CNV-SG.M голова-GEN.SG
at.sak-ė i j-os pasisveikinim-q,
ответить-PST[3] в 3-GEN.SG.F приветствие-ACC.SG
pa.rod-ė kėd-ę, te-be-raš-ė.
показать-PST[3] стул-ACC.SG POS-CNT-писать-PST[3]
'Не поднимая головы, он ответил на ее приветствие, показал на стул, продолжал писать' (LKT).
- c. *Paskiau, kai aš j-os ir ne-be-mylėj-a-u,*
позже когда я:NOM 3-GEN.SG.F и NEG-CNT-любить-PST-1SG

tačiau iš veid-o ir lyt-ies
однако из лицо-GEN.SG и внешность-GEN.SG
j-i man te-be-pa.tik-o.

3-NOM.SG.F я:DAT POS-CNT-нравиться-PST[3]

‘Позже, хотя я больше и не любил ее, однако лицом и внешностью она мне все еще нравилась’ (Antanas Vienuolis. “Pati”¹⁰).

d. *O j-i vis dar te-be-at-si-kirt-inėj-o*

a 3-NOM.SG.F все еще POS-CNT-PRV-RFL-резать-ITER-PST[3]

j sen-as pašaip-as, replik-as...

в старый-ACC.PL.F насмешка-ACC.PL реплика-ACC.PL
‘А она все еще продолжала отвечать на старые насмешки, реплики’ (LKT).

Напротив, с претеритом моментальных (54a) и предельных (54b) глаголов позитивный континуатив не сочетается.

(54) a. **Kai aš par-ėj-a-u, Kaz-ys*
когда я:NOM PRV-идти-PST-1SG Казис-NOM.SG
te-be-pa-raš-ė laišk-q.

POS-CNT-PRV-писать-PST[3] письмо-ACC.SG

букв. «Когда я пришел, Казис все еще написал письмо».

b. **Kai aš par-ėj-a-u, vaik-as*
когда я:NOM PRV-идти-PST-1SG ребенок-NOM.SG
te-be-už.mig-o.

POS-CNT-уснуть-PST[3]

букв. «Когда я пришел, ребенок все еще заснул».

Ограничения на сочетаемость континуатива, однако, снимаются в контексте других форм от тех же самых глаголов, — презенса и хабитуального прошедшего, которые обозначают длительные «производные» ситуации (ср. [Vikner 1994]), ср. примеры (55a)–(55c) и (56a)–(56b).

(55) a. **Kaz-ys te-be-ati.dar-ė lang-q.*
Казис-NOM.SG POS-CNT-открыть-PST[3] окно-ACC.SG
букв. «Казис все еще открыл окно».

---

¹⁰ <http://www.antologija.lt/texts/34/tekstas/24.html>

- b. *Kaz-ys*   ***te-be-ati.dar-o***   *lang-q*
 Казис-NOM.SG   POS-CNT-открыть-PRS[3]   окно-ACC.SG
prieš už.mig-dam-as.
 перед уснуть-CNV-SG.M
 ‘Казис все еще открывает окно перед сном’.
- c. *Kaz-ys*   ***te-be-ati.dary-dav-o***   *lang-q*
 Казис-NOM.SG   POS-CNT-открыть-НАВ-PST[3]   окно-ACC.SG
prieš už.mig-dam-as.
 перед заснуть-CNV-SG.M
 ‘Казис все еще имел обыкновение открывать окно перед сном’.
- (56) a. *Ukrain-a ...*   *iš kur j-am*   *vis dar*
 Украина-NOM.SG   из где 3-DAT.SG.M   все еще
te-be-at-ei-dav-o   *t-ie*
 POS-CNT-PRV-идти-НАВ-PST[3]   тот-NOM.PL.M
laišk-ai   *su širdel-ëm.*
 письмо-NOM.SG   с сердечко-INS.PL
 ‘Украина, ... откуда ему все еще порой приходили эти письма с сердечками’ (LKT).
- b. *Suaugus-ieji*   *vis dar te-be-su-serg-a*
 взрослый-NOM.PL.M.DEF   все еще POS-CNT-PRV-болеть-PRS[3]
vėži-u dėl patirt-os   *radiacij-os,*
 рак-INS.SG   из-за испытанный-GEN.SG.F   радиация-GEN.SG
o vaik-ai   ***te-be-gim-sta***   *su*
 а ребенок-NOM.PL   POS-CNT-родиться-PRS[3]   с
genetini-o   *pobūdži-o*   *defekt-ais.*
 генетический-GEN.SG.M   характер-GEN.SG   дефект-INS.PL
 ‘Взрослые все еще заболевают раком от перенесенной радиации, а дети все еще рождаются с дефектами генетического характера’ (LKT).

С глаголами, которые сами по себе обозначают длительные ситуации (т. е. с процессуальными и стативными), сочетание континуатива с хабитуалисом может иметь две интерпретации: ‘все еще обычно имеет место V’ (континуатив имеет хабитуалис в своей сфере действия), ср. (57a), и ‘обычно все еще имело место V’ (континуатив находится в сфере действия хабитуалиса), ср. (57b).

- (57) а. *Vėliau at.si.rad-o medin-ė*
позже возникнуть-PST[3] деревянный-NOM.SG.F
pakyl-a, kad bū-tų aukščiau,
возвышение-NOM.SG что быть-IRR:3 выше
tačiau kin-ai te-be-sėdė-dav-o
однако китаец-NOM.PL POS-CNT-сидеть-НАВ-PST[3]
su-kryžia-v-ę koj-as arba
PRV-скрещивать-PST.PA.NOM.PL.M нога-ACC.PL или
klūpomis...
на.коленях
‘Позже появилось деревянное возвышение, чтобы было выше, однако китайцы все еще обычно сидели скрестив ноги или на коленях’¹¹.
- б. *Dažnai, hobit-ams jau seniai į.mig-us,*
часто хоббит-DAT.PL уже давно уснуть-PST.PP
į-ie te-be-sėdė-dav-o drauge po
3-NOM.PL.M POS-CNT-сидеть-НАВ-PST[3] вместе под
žvaigžd-ėmis...
звезда-INS.PL
‘Часто, когда хоббиты уже давно уснули, они бывало все сидели вместе под звездами...’¹²

Аналитические перфектно-результативные формы демонстрируют сочетаемость с континуативом, «зеркальную» в сравнении с распределением форм простого претерита. Поскольку разумную семантическую интерпретацию может иметь лишь комбинация континуатива с результативом (‘все еще имеет место результирующее состояние’), но не с перфектом (см. об этом, например, [Недялков, Яхонтов 1983: 12; Bybee et al. 1994: 69]), континуатив сочетается с конструкциями, образованными от предельных и моментальных глаголов, ср. (50) и (58) с активным и пассивным причастиями прошедшего времени, но не от процессуальных или стативных глаголов, ср. неграмматичные примеры (59), которые, по словам моих консультантов, не имеют никакой разумной интерпретации.

---

¹¹ <http://www.tiukobaldai.lt/baldai-graiku-romenu-kinu.html>.

¹² http://katekizmas.group.lt/text/kitakalbiai/tolkien/karaliaus_sugrizimas.html.

- (58) a. *J-is*   *te-be-buv-o*
 3-NOM.SG.M   POS-CNT-AUX-PST[3]
pa-skend-ęs   *apmąstym-uose...*
 PRV-тонуть-PST.PA.NOM.SG.M   размышление-LOC.PL
 ‘Он всё ещё был погружён (букв. погрузившись) в раздумья...’ (LKT)
- b. *Jon-o*   *lov-a*   *iš vakarykšči-os*
 Йонас-GEN.SG   кровать-NOM.SG   из   вчерашний-GEN.SG.F
te-be-buv-o   *pa-klo-t-a.*
 POS-CNT-AUX-PST[3]   PRV-стелить-PST.PP-NOM.SG.F
 ‘Кровать Йонаса со вчерашнего всё ещё была застелена’
 (LKT).
- (59) a. *Kaz-ys   *te-be-buv-o*   *gyven-ęs*
 Казис-NOM.SG   POS-CNT-AUX-PST[3]   жить-PST.PA.NOM.SG.M
Vilni-uje.
 Вильнюс-LOC.SG
- b. *Kaz-ys   *buv-o*   *te-be-gyven-ęs*
 Казис-NOM.SG   AUX-PST[3]   POS-CNT-жить-PST.PA.NOM.SG.M
Vilni-uje.
 Вильнюс-LOC.SG

По сути дела, результативные конструкции типа (50), (58) можно трактовать аналогично высокочастотным конструкциям со связкой и именным предикатом, выраженным существительным (60a) или прилагательным (60b)¹³.

- (60) a. *Te-be-buv-o-me*   *kalini-ai*   *ir kalintoj-ai...*
 POS-CNT-быть-PST-1PL   узник-NOM.PL   и   тюремщик-NOM.PL
 ‘Мы все еще были узниками и тюремщиками..’ (LKT).
- b. *Tik k-as sav-a vali-a par.duo-s*
 только кто-NOM   свой-INS.SG.F   воля-INS.SG   продать-FUT[3]
žem-ę, jeigu j-i te-be-bu-s
 земля-ACC.SG   если   3-NOM.SG.F   POS-CNT-быть-FUT[3]
pig-i?
 дешевый-NOM.SG.F
 ‘Но только кто по своей воле продаст землю, если она все еще будет дешевой?’ (LKT)

¹³ Ср. замечания о синтаксической однородности результативных причастий и прилагательных в работе [Servaitė 1988: 87].

Контрфактивные формы допускают как акциональную, так и результивную интерпретации, каждая из которых совместима с континуативом при подходящем акциональном классе глагола — в первом случае стативном или процессуальном, см. (52) выше, во втором — моментальном или предельном, ср. (61) ниже.

- (61) ...*tarsi j-ie te-be-bū-tų*
будто 3-NOM.PL.M POS-CNT-AUX-IRR:3
su-si-tuok-ę.
PRV-RFL-жениться-PST.PA.NOM.PL.M
'как если бы они все еще были женаты (букв. вступившие в брак)' ¹⁴.

Нужно отметить, что континуативные префиксы способны присоединяться непосредственно к прилагательным, как предикативным (62a), так и атрибутивным (62b); скорее всего, такие употребления развились по аналогии с континуативными формами причастий.

- (62) a. *Pra-ėj-o 40 met-ų, Brigitte Bardot mit-as*
PRV-идти-PST[3] год-GEN.PL миф-NOM.SG
te-be-gyv-as.
POS-CNT-живой-NOM.SG.M
'Прошло 40 лет, а миф Бриджит Бардо все еще жив' (LKT).

- b. *Men-q galima kur-ti iš*
искусство-ACC.SG можно создавать-INF из
panaudot-ų ir civilizacij-os
использованный-GEN.PL и цивилизация-GEN.SG
progres-ui ne-be-aktuali-ų
прогресс-DAT.SG NEG-CNT-актуальный-GEN.PL
medžiag-ų ir gamini-ų.
материал-GEN.PL и предмет-GEN.PL
'Искусство можно создавать из уже использованных и не нужных более для прогресса цивилизации материалов и предметов' (LKT).

Изложенные выше обобщения о сочетаемости литовского континуатива касаются во многом лишь «позитивного» конти-

---

¹⁴ <http://whatson.delfi.lt/news/celebrities/article.php?id=23330515>.

нуатива на *tebe-*. Напротив, отрицательный континуатив («дисконтинуатив», ‘больше не V’) на *nebe-* свободно сочетается с обозначениями моментальных событий, ср. (63).

(63) a. *Motin-a pa-liet-ė rank-a j-o*
 мать-NOM.SG PRV-трогать-PST[3] рука-INS.SG 3-GEN.SG.M
koj-as, j-is ne-be-krūptelė-jo.
 нога-ACC.PL 3-NOM.SG.M NEG-CNT-вздрыгнуть-PST[3]
 ‘Мать дотронулась рукой до его ног, он больше не
 вздрогнул’ (LKT).

b. *Bet į kit-ą susitikim-ą j-is*
 но в другой-ACC.SG встреча-ACC.SG 3-NOM.SG.M
ne-be-at-ėj-o.
 NEG-CNT-PRV-идти-PST[3]
 ‘Но на следующую встречу он уже не пришел’ (LKT).

В этом употреблении *nebe-* сдвигается из собственно аспектуальной семантической зоны в область дискурсивных категорий, оперирующих скорее ожиданиями участников речевого акта, нежели развертыванием ситуаций во времени (о связи фазовых значений с семантикой нарушенного ожидания см., например, [Plungian 1999: 317–318; Mortier 2010: 425–427, 431–432]). Ср. примеры (64a–b), которые не предполагают, что описываемые ситуации (‘написать статью’, ‘испортить’) вообще имели место раньше.

(64) a. *...j-is reng-ė-si t-uo klausim-u*
 3-NOM.SG.M собирать-PST[3]-RFL тот-INS.SG.M вопрос-INS.SG
pa-rašy-ti straipsn-į. Tačiau, at.rod-o,
 PRV-писать-INF статья-ACC.SG однако казаться-PRS[3]
t-o straipsni-o ne-be-pa-raš-ė,
 тот-GEN.SG.M статья-GEN.SG NEG-CNT-PRV-писать-PST[3]
nes po pusmeč-io mir-ė.
 потому.что после полгода-GEN.SG умереть-PST[3]
 ‘... он собирался написать по этому вопросу статью. Однако, кажется, он уже не написал этой статьи, потому что через полгода умер’ (LKT).

b. *Mes esa-me taip į-klimp-ę,*
 мы:NOM AUX.PRS-1PL так PRV-вязнуть-PST.PA.NOM.PL.M
kad kažkok-s tip-as iš laikrašči-o
 что какой.то-NOM.SG.M тип-NOM.SG из газета-GEN.SG

niek-o   **ne-be-su-gadin-s.**

ничто-GEN   NEG-CNT-PRV-портить-FUT[3]

‘Мы так влипли, что какой-то тип из газеты уже ничего не испортит’ (LKT).

Такое значение отрицательного континуатива возможно не только в простом претерите, но и в хабиитуалисе-в-прошедшем, ср. пример (65).

(65) *Todėl t-ie lageri-ai pradžioje, su*
поэтому тот-NOM.PL.M лагерь-NOM.PL сначала с
Dachau pirm-ojoje viet-oje, buv-o
Дахау первый-LOC.SG.F.DEF место-LOC.SG AUX-PST[3]
beveik be išimt-ies uždar-i tai
почти без исключение-GEN.SG закрытый-NOM.PL.M то
yra, tok-ie, iš kuri-ų niek-as
есть такой-NOM.PL.M из который-GEN.PL никто-NOM
gyv-as ne-be-iš-ei-dav-o.
живой-NOM.SG.M NEG-CNT-PRV-идти-НАВ-PST[3]

‘Поэтому эти лагеря с самого начала, с Дахау на первом месте, были почти без исключения закрытыми, то есть такими, из которых никто живым уже не возвращался’ (Balys Sruoga. “Dievų miškas”¹⁵).

Для выяснения этапов семантического развития литовского отрицательного континуатива на *nebe-* необходимо провести отдельное диахроническое исследование, однако можно предположить следующие гипотетические стадии этого процесса:

- (66) a. ситуация V больше не длится (48a), (53c) →
b. ожидаемая ситуация V не произошла заново (63) →
c. ожидаемая ситуация V не произошла (64).

Согласно диахроническому сценарию (66), дисконтинуатив утратил пресуппозицию (‘ситуация V имела место до точки отсчета’), а на первый план вышел компонент значения ‘ожидалось, что ситуация V будет иметь место’, который у собственно аспектуального употребления был лишь имплицатурой.

¹⁵ <http://antologija.lt/texts/39/tekstas/02.html>.

Наряду с префиксом *nebe-* существует частица *nebe*, которая пишется раздельно и сочетается с единицами самых разных синтаксических классов, ср. примеры (67a–b).

(67) a. *Todėl mir-ti antr-q kart-q j-am*
 поэтому умереть-INF второй-ACC.SG раз-ACC.SG 3-DAT.SG.M
bū-tų nebe taip skausminga ir gal netgi
 быть-IRR:3 уже.не так больно и может даже
visai malonu.
 совсем приятно

‘Поэтому умереть второй раз ему было бы уже не так больно и может даже и вовсе приятно’ (LKT).

b. *j-i pri.min-ė man, kad nebe už*
 3-NOM.SG.F напомнить-PST[3] я:DAT что уже.не за
kaln-ų pavasar-is...
 холм-GEN.PL весна-NOM.SG

‘она напомнила мне, что уже не за горами весна...’ (LKT).

Хотя отсутствие в современном языке параллельных употреблений показателей *tebe-* и *be-* наталкивает на предположение, что частица *nebe* может быть вторичной по отношению к глагольному префиксу, являя собою случай «деграмматикализации» (*debonding* по [Norde 2009]), тем не менее, в старолитовских текстах отмечается континуативное употребление частицы/наречия *be* ‘еще’, ср. пример *kolei be diena* ‘пока еще день’ из первого литовского перевода Библии, выполненного Й. Бретке (1579–1590). По всей видимости, именно эта лексическая единица послужила источником как современного континуативного префикса, так и частицы *nebe-*, см. [Ostrowski submitted].

В заключение данного раздела отмечу тот факт, что на литовский континуатив до сих пор практически не обращали внимания ни авторы грамматических описаний литовского языка (так, в монографии [Paulauskienė 1979], специально посвященной обсуждению статуса и состава грамматических категорий литовского глагола, эти формы даже не упоминаются), ни типологи, ни специалисты по балтийской и европейской ареальной лингвистике. Между тем, наличие в литовском языке морфологического показателя для значения, которое в других языках Европы выражается лишь лексическими или аналитическими средствами (ср. [Mortier 2010] о континуативных конструкциях во французском и

нидерландском), делает глагольную систему этого языка типологически весьма нетривиальной. Никакие аналоги литовского континуатива ни в других балтийских языках, ни в славянских или прибалтийско-финских мне неизвестны. Некоторые соображения о происхождении этой категории см. в работах [Ostrowski to appear, Ostrowski submitted].

5. Аналитические аспектуальные категории

В данном разделе будут рассмотрены две основные группы аналитических аспектуальных форм, употребляющихся в литовском языке, — перфект/результатив и авертив. Помимо этого, в литовском имеются также не связанные непосредственно с аспектом аналитические формы пассива и контрфактива, проиллюстрированные в предыдущем разделе при обсуждении континуатива; их я рассматривать не буду.

5.1. Перфект/результатив

Перфект/результатив в литовском языке образуется при помощи причастий прошедшего времени (как активных, так и пассивных) и вспомогательного глагола *būti* ‘быть’ (имеется также новый перфект со вспомогательным глаголом *turėti* ‘иметь’). Эти формы довольно хорошо изучены, см. [Генюшене, Недялков 1983; Генюшене 1989а; 1990; Servaitė 1986; Geniušienė, Nedjalkov 1988; Sližienė 1995: 224–227; Petronienė 2009], поэтому здесь я изложу лишь наиболее общие факты.

Начнем с морфосинтаксиса. Вспомогательный глагол в перфектных формах может стоять в любом времени: в презенсе (68а) (напомню, что вспомогательный глагол в презенсе свободно опускается), простом претерите (68b), хабитуальном претерите (68с) и в футуруме (68d), а также в ирреалисе (68е) и в императиве (68f).

- (68) а. *Žod-is* “komunikacija” *yra*
слово-NOM.SG коммуникация AUX.PRS:3
at-ėj-ęs *iš lotyn-ų*
PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M из латинский-GEN.PL
kalb-os.
язык-GEN.SG
‘Слово «коммуникация» пришло из латинского языка’¹⁶.

---

¹⁶ <http://lt.wikipedia.org/wiki/Komunikacija>

- b. *Prieš Odisėj-ui at-vyk-sta-nt j*
 перед Одиссей-DAT.SG PRV-направляться-PRS-PA в
sal-q, j Polifem-o nam-us buv-o
 остров-ACC.SG в Полифем-GEN.SG дом-ACC.PL AUX-PST[3]
at-ėj-ęs kit-as kiklop-as.
 PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M другой-NOM.SG.M циклоп-NOM.SG
 ‘Перед тем, как Одиссей прибыл на остров, в дом Поли-
 фема пришел другой циклоп’¹⁷.
- c. *Korespondent-as, ap-si-ginklav-ęs*
 корреспондент-NOM.SG PRV-RFL-вооружать-PST.PS.NOM.SG.M
redakcij-os palaikym-u, vyk-dav-o
 редакция-GEN.SG поддержка-INS.SG направляться-НАВ-PST[3]
j koki-q nors viet-q, iš kuri-os
 в какой-ACC.SG.F нибудь место-ACC.SG из который-GEN.SG
bū-dav-o at-ėj-ęs „signal-as“ ...
 AUX-НАВ-PST[3] PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M сигнал-NOM.SG
 ‘Корреспондент, заручившись поддержкой редакции, от-
 правлялся в какое-нибудь место, из которого приходил
 «сигнал»...’¹⁸
- d. *Lauki-u pavasari-o, kai bu-s*
 ждать-PRS.1SG весна-GEN.SG когда AUX-FUT[3]
at-ėj-us-i didži-oji
 PRV-идти-PST.PA-NOM.SG.F большой-NOM.SG.F.DEF
ši-ų met-ų kriz-ė — egzamin-ai...
 этот-GEN.PL год-GEN.PL кризис-NOM.SG экзамен-NOM.PL
 ‘Жду весны, когда придет большой кризис этого года —
 экзамены...’¹⁹
- e. *Pra-ein-a-m pro vien-s kit-q,*
 PRV-идти-PRS-1PL мимо один-NOM.SG.M другой-ACC.SG
lyg bū-tumė-m su-si-pyk-ę.
 словно AUX-IRR-1PL PRV-RFL-гневаться-PST.PA.NOM.PL.M
 ‘Мы проходили друг мимо друга, словно мы поссорились
 (букв. «были бы поссорившись»)’ (LKT).

¹⁷ <http://lt.wikipedia.org/wiki/Odis%C4%97jas>

¹⁸ <http://www.tekstai.lt/tekstai-apie-tekstus/4919-rasa-drazdauskiene-literaturinis-turizmas.html?catid=94:bendroji-literatros-kritika>

¹⁹ <http://jurgamagic.blogas.lt/>

- f. *Visada bū-k pa-si-ruoš-ęs*
всегда AUX-IMP(2SG) PRV-RFL-готовить-PST.PA.NOM.SG.M
man-e pri-im-ti, nes at-ei-si-u slapčia.
я-ACC PRV-взять-INF потому.что PRV-идти-FUT-1SG тайком
'Всегда будь готов (букв. «будь приготовившись») меня
принять, потому что я приду тайком' (LKT).

Следует отметить, что перфект будущего времени (как и в ряде европейских языков) часто имеет не временное, а модальное значение предположения [Вимер 2009: 172], ср. (69).

- (69) *Pa-žiūrė-k nurodyt-oje pašt-o*
PRV-смотреть-IMP(2SG) указанный-LOC.SG.F почта-GEN.SG
dėžut-ėje gal jau bu-s
ящик-LOC.SG может уже AUX-FUT[3]
at-ėj-ęs.
PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M
'Посмотри в указанном почтовом ящике, может, уже при-
шло' ²⁰.

В общем случае время вспомогательного глагола устанавливает точку отсчета, относительно которой ситуация, выраженная смысловым глаголом, или ее последствия оцениваются как релевантные.

В собственно перфектных формах используются активные причастия от любых типов глаголов, как переходных, так и непереходных, ср. пример (70a) с переходным глаголом. Перфект с пассивными причастиями «совмещается» с собственно пассивом, ср. пример (70b) с перфектно-результативным значением и (70c) с акционально-пассивным значением. Такое совмещение особенно характерно для конструкций с прошедшим временем вспомогательного глагола (ср. аналогичную полисемию и в русском языке). В обоих типах конструкций причастие согласуется по роду, числу и именительному падежу с подлежащим предложения (если таковое имеется в аргументной структуре глагола; в перфекте от «безличных» глаголов причастия выступают в особой форме с дефолтным согласованием, ср. (70d)).

---

²⁰ <http://dratas.lt/2010/02/25/atiduodu-keleta-demonoid-com-pakvietimu/>

- (70) a. *Iki ši-os dien-os es-u*
 до этот-GEN.SG.F день-GEN.SG AUX-PRS.1SG
pa-stat-ęs tr-is spektakli-us.
 PRV-ставить-PST.PA.NOM.SG.M три-ACC.PL спектакль-ACC.PL
 ‘До этого дня я поставил три спектакля’²¹.
- b. *Park-e yra pa-staty-t-as*
 парк-LOC.SG AUX.PRS:3 PRV-ставить-PST.PP-NOM.SG.M
pa-minkl-as kunig-o V. Dambrausk-o
 памятник-NOM.SG священник-GEN.SG В. Дамбраускас-GEN.SG
žūt-ies viet-oje.
 гибель-GEN.SG место-LOC.SG
 ‘В парке стоит (букв. «поставлен») памятник на месте гибели священника В. Дамбраускаса’²².
- c. *Dublin-o pil-is buv-o*
 Дублин-GEN.SG замок-NOM.SG AUX-PST[3]
pa-staty-t-a XIII a. angl-u
 PRV-ставить-PST.PP-NOM.S.F 13 в. англичанин-GEN.PL
ir normand-u.
 и нормандец-GEN.PL
 ‘Дублинский замок был построен в XIII в. англичанами и нормандцами’²³.
- d. *Buv-o jau pra-švit-ę, į.dienoj-ę.*
 AUX-PST[3] уже рассвети-PST.PA.DF заняться-PST.PA.DF
 ‘Уже рассвело, занялся день’. [Servaitė 1988: 85]

Литовские перфектные формы имеют два основных и обычно довольно четко противопоставленных значения — результативное (‘результатирующее состояние ситуации имеет место в точке отсчета’) и собственно перфектное (‘прошедшая ситуация релевантна для точки отсчета’). В собственно перфектном значении могут выступать любые перфектные формы, на результативное же значение накладываются ограничения, связанные с акцио-

²¹ <http://www.15min.lt/naujiena/zmones/zurnalas-zmones/kirilas-glusajevas-man-bloga-buti-vienam-159-100026>.

²² <http://www.pakalbekim.lt/6532>.

²³ <http://www.kelioniumanija.lt/lt/salys/europa/airija/miestai/dublinas.html>.

нальным классом глагола (см. об этом в первую очередь [Генюшене 1989а, 1990]) и с залогом причастия (о диатетических типах результата в литовском см. в первую очередь [Servaitė 1986, 1988, 1993]): результатив образуется только от глаголов, обозначающих событие (моментальных и предельных), при этом от переходных глаголов результативное значение обычно имеют лишь пассивные причастия, ср. (70b), а от непереходных — активные, ср. (71). Исключение из этого распределения составляют переходные глаголы с объектом, связанным с субъектом отношениями обладания или части-целого, от которых с использованием активных причастий образуется посессивный результатив, см. [Servaitė 1988: 84–85], ср. (72a,b).

(71) *J-i at-si-sėd-us-i patogiai.*
 3-NOM.SG.F PRV-RFL-сесть-PST.PA-NOM.SG.F удобно
 ‘Она удобно сидит (букв. «усевшись»)» [Servaitė 1988: 84].

(72) a. *Aš es-u pra-rad-ęs savo ideal-us.*
 я:NOM AUX.PRS-1SG потерять-PST.PA.NOM.SG.M свой
 идеал-ACC.PL
 ‘я утратил (букв. «есмь потерявши») свои идеалы» [ibid.].

b. *T-q vasar-q Ūl-a buv-o ap-si-vilk-us-i nauj-a*
 тот-ACC.SG лето-ACC.SG Ула-NOM.SG AUX-PST[3]
 PRV-RFL-надевать-PST.PA-NOM.SG.F новый-INS.SG.F
 платье-INS.SG
 ‘В то лето Ула была одета в новое платье» [ibid.].

Как и в русском языке, результативные формы могут обозначать состояние, de facto не связанное ни с каким предшествующим событием [Servaitė 1988: 87], ср. (73).

(73) *Ner-ies krant-as pri-si-glaud-ęs*
 Нярис-GEN.SG берег-NOM.SG PRV-RFL-жать-PST.PA.NOM.SG
 prie gatv-ės asfalt-o.
 к улица-GEN.SG асфальт-GEN.SG
 ‘Берег Няриса прижимается (букв. «прижавшись») к уличному асфальту» [ibid.].

Семантическая интерпретация собственно перфекта во многом зависит от времени вспомогательного глагола. Наиболее яркое и частотное значение перфекта презенса — экспериентивное (общефактическое): ‘индивид участвовал в ситуации по крайней мере один раз’ [Вострикова 2010: 4]. Ср. следующие примеры.

- (74) а. *Ne-nor-i-te iš.girs-ti, k-q*
 NEG-хотеть-PRS-2PL услышать-INF что-ACC
turi-u pa-saky-ti?
 иметь-PRS.1SG PRV-сказать-INF
 — *Vis-a tai jau es-u*
 весь-DF это уже AUX.PRS-1SG
girdėj-ęs anksčiau.
 слышать-PST.PA.NOM.SG.M раньше
 ‘Вы не хотите услышать, что я имею сказать? — Я все это уже слышал раньше’ (LKT).

- б. *Juk ir jūs niek-o blog-o*
 ведь и вы:NOM ничто-GEN.SG плохой-GEN.SG.M
man ne-s-a-te pa-dar-ę.
 я:DAT NEG-AUX-PRS-2PL PRV-делать-PST.PA.NOM.PL.M
 ‘Ведь и вы ничего плохого мне не сделали’ (LKT).

Перфект прошедшего времени (плюсquamперфект) имеет как такисное (предшествование ситуации в прошлом), ср. (68b), (75a), так и абсолютные употребления, относящиеся к сфере так называемого «сверхпрошлого» (см. [Плунгян 2001; Сичинава 2007, 2009; Plungian, van der Auwera 2006]), например, отмененный результат (75b) [Генюшене 1990] или более общее значение неактуальности прошлой ситуации для настоящего (75с).

- (75) а. *Pa-trauk-ia-u atgal link barak-o,*
 PRV-тянуть-PST-1SG назад к барак-GEN.SG
kuri-ame buv-a-u
 который-LOC.SG.M AUX-PST-1SG
pa.lik-ęs Altr-os draug-es
 оставить-PST.PA.NOM.SG.M Алтра-GEN.SG подруга-ACC.PL
ir draug-us.
 и друг-ACC.PL
 ‘Я направился назад к бараку, в котором <до этого> оставил подруг и друзей Алтры’ (LKT).

b. — *Pas man-e kontor-on šiandien buv-o*
 к я-ACC контора-ILLAT сегодня AUX-PST[3]
už-ėj-ęs Kaz-ys...
 PRV-идти-PST.PA.NOM.SG.M Казис-NOM.SG
 ‘Ко мне в контору сегодня заходил (и уже ушел) Казис’
 (LKT).

c. — *O aš buv-a-u galvoj-ęs*
 а я:NOM AUX-PST-1SG думать-PST.PA.NOM.SG.M
šiņnakt ei-ti pa-si-vaikščio-ti.
 эта.ночь идти-INF PRV-RFL-гулять-INF
 ‘А я думал было этой ночью пойти погулять’ (Говорящий
 не может реализовать свое желание) (LKT).

Перфект со вспомогательным глаголом в хабитуальном прошедшем употребляется редко и может обозначать, например, экспериментив, отнесенный в план прошлого, как в примере (76).

(76) *Dar nedaug k-as bū-dav-o*
 еще немного кто-NOM AUX-НАВ-PST[3]
girdėj-ęs apie neseniai
 слышать-PST.PA.NOM.SG.M о недавно
iš-leis-t-q knyg-q, o Šimait-is
 PRV-пустить-PST.PP-ACC.SG книга-ACC.SG а Шимайтис-NOM.SG
jau spė-dav-o j-q per-skaity-ti...
 уже успеть-НАВ-PST[3] 3-ACC.SG.F PRV-читать-INF
 ‘Бывало, еще мало кто слышал (букв. «бывал слышавши») о недавно выпущенной книге, а Шимайтис уже успевал ее прочесть...’ (LKT)

Перфект будущего времени, наряду с уже отмеченным выше модальным значением, употребляется для обозначения ситуаций, предшествующих точке отсчета в будущем времени, ср. (77).

(77) *Po keli-ų dien-ų jau bū-si-me*
 после несколько-GEN.PL день-GEN.PL уже AUX-FUT-1PL
pa.siek-ę savo kelion-ės
 достичь-PST.PA.NOM.PL.M свой путешествие-GEN.SG
tiksl-q...
 цель-ACC.SG
 ‘Через несколько дней мы уже достигнем (букв. «будем достигши») цели своего путешествия’ (LKT).

Отдельно нужно сказать о перфектных формах со вспомогательным глаголом *turėti* ‘иметь’, которые являются, по-видимому, сравнительно новым образованием и не до конца грамматикализовались (см. о них, в частности, [Geniušienė, Nedjalkov 1988: 385–386; Servaitė 1988: 85]). Чаще всего эти конструкции употребляются с глаголами, обозначающими приобретение, такими как *gauti* ‘получить’, *rasti* ‘найти’, а также с рефлексивно-бенефактивными глаголами [Geniušienė 1987: 129] вроде *nu-sipirkti* ‘купить себе’, *pa-si-statyti* ‘построить себе’ и т. п., и конструкция тем самым выражает не просто совершение соответствующего действия, но и обладание его результатом, ср. следующие примеры.

(78) a. *Dar po savait-ės aš jau turėj-a-u*
 еще после неделя-GEN.SG я: NOM уже **иметь-PST-1SG**
gav-ęs vis-us pinig-us
получить-PST.PA.NOM.SG.M весь-ACC.PL.M деньги-ACC.PL
už savo sklypel-į.
 за свой участок-ACC.SG
 ‘Еще через неделю я уже получил (букв. «имел получивши») все деньги за свой участок’²⁴.

b. ...*ši-ose respublik-ose Maskv-os*
 этот-LOC.PL.F республика-LOC.PL Москва-GEN.SG
mer-as tur-i pa-si-stat-ęs
 мэр-NOM.SG **иметь-PRS[3] PRV-RFL-строить-PST.PA.NOM.SG.M**
keli-as vil-as.
 несколько-ACC.PL вилла-ACC.PL
 ‘В этих республиках мэр Москвы построил себе (букв. «имеет построивши») несколько вилл’²⁵.

Встречается употребление этой конструкции с глаголом *prarasti* ‘потерять, лишиться’, ср. (79), обусловленное, по всей видимости, его близкой связью с семантическим полем обладания.

(79) *Našlait-is — vaik-as, kur-is*
 сирота-NOM.SG ребенок-NOM.SG который-NOM.SG.M

²⁴ <http://www.skundai.lt/?act=comments&sid=12371>.

²⁵ <http://www.uzsidirbkpats.lt/article/articleview/2565/1/214/>.

tur-i   *pra.rad-ęs*   *vien-q*
иметь-PRS[3] **потерять-PST.PA.NOM.SG.M** **один-ACC.SG**
ar ab-u   *tėv-us.*
 или оба-ACC.M отец-ACC.PL

‘Сирота — это ребенок, которой лишился (букв. «имеет потерявши») одного или обоих родителей’²⁶.

С глаголами, не допускающими посессивной интерпретации результата, конструкция с глаголом *turėti*, насколько можно судить, не употребляется.

Нужно отметить, что употребление активных причастий в перфектно-результативных конструкциях является яркой чертой балтийских языков, которая отличает их от прочих европейских языков (как к западу, так и к востоку), где в перфекте и/или результате используются пассивные причастия. Активные причастия в перфектных формах отмечены в основном в тех славянских диалектах, которые находились либо находятся в контакте с балтийскими языками, — в белорусских, северо-западно великорусских, восточно-польских (см., например, [Кузьмина, Немченко 1971: 116 и след.; Адомавичюте, Чекман 1984]).

5.2. *Авертив*

Авертивом я называю конструкцию со вспомогательным глаголом *būti* ‘быть’ и активным причастием настоящего времени с обязательным префиксом *be-*, которая обозначает событие, которое назревало, но не было реализовано (“an action which was potentially imminent but did not ultimately get realized” [Kuteva 2001: 78]), ср. пример (80). В традиционной литуанистике такие аналитические формы именуются «сложными начинательными временами» (см. [Амбразас (ред.) 1985: 217–218; Sližienė 1961; Ulvydas (red.) 1971: 145–148; Petronienė 2009]; другие названия: “Continuative” [Sližienė 1995: 227–228], “Thwarted Inceptive” [Mathiassen 1996a: 8–9]; об этих формах см. также [Dambriūnas 1960: 103–108; Arkadiev 2011a]).

- (80) *Skubiai už-si-met-ė*   *rūb-q*   *ir buv-o*
 спешно PRV-RFL-бросить-PST[3] одежда-ACC.SG и AUX-PST[3]
be-iš-ein-a-nt-i,   *tačiau pri.si.min-ė,*
CNT-PRV-идти-PRS-PA-NOM.SG.F однако вспомнить-PST[3]

²⁶ <http://lt.wikipedia.org/wiki/Na%C5%A1laitis>

- (82) *Kai j-ie at-ei-dav-o mūs-ų*
 когда 3-NOM.PL.M PRV-идти-НАВ-PST[3] мы-GEN
kvies-ti, mes jau bū-dav-o-me
 приглашать-INF мы:NOM уже AUX-НАВ-PST-1PL
be-ein-q iš nam-ų.
 CNT-идти-PRS.PA.NOM.PL.M из дом-GEN.PL
 ‘Когда они приходили приглашать нас, мы уже собирались
 выходить из дому’. [Slizienė 1995: 228]
- (83) *Aš bū-si-u be-mieg-ąs, kai*
 я:NOM AUX-FUT-1SG CNT-спать-PRS.PA.NOM.SG.M когда
at-ei-s-i man-ęs guldy-ti.
 PRV-идти-FUT-2SG я-GEN укладывать-INF
 ‘Я уже буду спать, когда ты придешь меня укладывать’.
 [Ambrazas (ed.) 1997: 250]

В связи с этим надо отметить, что именно прогрессив, точнее его «фокализованная» разновидность, выражающая длительную ситуацию, служащую фоном для точечной [Bertinetto et al. 2000: 517], послужил диахроническим источником для литовского авертива (см., например, [Ulvydas (ed.) 1971: 146]). В старолитовских текстах конструкция с причастием настоящего времени (обычно с префиксом *be-*) использовалась именно в контекстах фокализованного прогрессива, ср. пример (84) из Библии Бретке (1579–1590). Возникновение авертивного значения, по видимому, было связано с обобщением имплицатуры прерывания ситуации, присутствующей в такого рода примерах.

- (84) *Tawa tarn-as buw-a be-gan-ans*
 твой слуга-NOM.SG AUX-PST[3] CNT-пасти-PRS.PA.NOM.SG.M
aw-is sawa Tiew-o, ir at-eij-a Lęw-as.
 овца-ACC.PL свой отец-GEN.SG и PRV-идти-PST[3] лев-NOM.SG
 ‘Раб твой пас овец у отца своего, и приходит лев...’ (1 Цар
 17:34, цит. по [Амбразас 1990: 181])

Собственно прогрессивное значение конструкции с причастиями настоящего времени и префиксом *be-* сохраняют, во-первых, со стативными предикатами (см. ниже), и, во-вторых, в нефинитных (без вспомогательного глагола) клаузах, где, насколько можно судить, префикс *be-* подчеркивает именно темпоральную связь между ситуациями. Так, в примере (85а) причастие

без префикса *be-* выражает не столько одновременность событий, сколько их обусловленность, а в параллельном ему примере (85b) представлена именно таксисная интерпретация.

- (85) a. *ties-a*   *pa.siek-ia-m-a*   *tik*
 истина-NOM.SG достигать-PRS-PP-NOM.SG.F только
steb-i-nt   *ar*   ***eksperimentuoj-a-nt***,
 наблюдать-PRS-PA или экспериментировать-PRS-PA
o ne vien tikėjim-u...
 а не только вера-INS.SG
 ‘Истины можно достичь, лишь наблюдая и экспериментируя, а не одной лишь верой...’ (LKT)
- b. *Gal-i*   *bū-ti*   *taip, jog*
 мочь-PRS[3] быть-INF так что
be-eksperimentuoj-a-nt   *su-deg-s*
 CNT-экспериментировать-PRS-PA PRV-гореть-FUT[3]
visk-as, k-as nu.maty-t-a.
 все-NOM что-NOM наметить-PST.PP-DF
 ‘Может быть так, что во время эксперимента сгорит все, что намечено’ (LKT).

С разными акциональными классами глаголов авертив имеет два значения: прерывание предельного процесса без достижения результата и прерывание подготовительной стадии перед началом состояния или процесса. Первое значение возможно с предельными (86a) и теми моментальными глаголами, которые обозначают достижение процессом предела (86b). С процессуальными — как ингерентно непредельными (87a), так и ингерентно предельными (87b), — и моментальными глаголами, не предполагающими предшествующего процесса (87c), авертив имеет значение подготовительного этапа.

- (86) a. *Jau buv-a-u*   ***be-ati.dar-q-s***
 уже AUX-PST-1SG CNT-открыть-PRS.PA.NOM.SG.M
automobili-o   *dur-is,*   *kai*   *man-e*
 автомобиль-GEN.SG дверь-ACC.PL когда я-ACC
pa-šauk-ė.
 PRV-звать-PST[3]
 ‘Я уже открывал двери автомобиля, когда меня позвали’ (LKT).

- b. *Tai aišku tamsu — saul-ė jau buv-o*
 так ясно темно солнце-NOM.SG уже AUX-PST[3]
be-nu.si.leidž-ia-nt-i!

CNT-спуститься-PRS-PA-NOM.SG.F

‘Так ясное дело темно — солнце уже почти село!’²⁷

- (87) a. *At.rod-ė truputį*
 выглядеть-PST[3] чуть-чуть
su-si-erzin-ęs ir jau, matyt,
 PRV-RFL-раздражать-PST.PA.NOM.SG.M и уже видеть
buv-o be-ein-ąs sau, kai
 AUX-PST[3] CNT-идти-PRS.PA.NOM.SG.M себе когда
Rik-is at.rakin-o dur-is.
 Рикис-NOM.SG отпереть-PST[3] дверь-ACC.PL
 ‘Он выглядел чуть раздраженным и уже, видимо, соби-
 рался идти по своим делам, когда Рикис отпер дверь’ (LKT).

- b. *Buv-a-u be-raš-ąs*
 AUX-PST-1SG CNT-писать-PRS.PA.NOM.SG.M
komentar-ą bet per-skait-ęs
 комментарий-ACC.SG но PRV-читать-PST.PA.NOM.SG.M
jūs-ų mint-is su.prat-a-u kad geriau
 вы-GEN мысль-ACC.PL понять-PST-1SG что лучше
ne-pa-saky-si-u...
 NEG-PRV-сказать-FUT-1SG
 ‘Я собрался было написать комментарий, но перечитав
 ваши мысли, понял, что лучше не скажу...’²⁸

- c. — *Man čia pa.tink-a, — pagaliau, kai jau*
 я(DAT) здесь нравится-PRS наконец когда уже
buv-a-u be-už.miršt-ąs mūs-ų
 AUX-PST-1SG CNT-забыть-PRS.PA.NOM.SG.M мы-GEN
buvim-ą, pa-sak-ė, — bet...
 бытие-ACC.SG PRV-сказать-PST[3] но
 ‘Мне здесь нравится, — наконец, сказал он, когда я уже
 почти забыл о нашем существовании, — но...’ (LKT)

Интересно, однако, обратить внимание на то, что авертив от некоторых процессуальных глаголов в контексте, имплицитно

²⁷ <http://fotokudra.lt/img.php?img=239215>.

²⁸ <http://www.lrytas.lt/?id=11714605141170042357&view=9&p=2>.

рующем потенциальную предельность, может обозначать и прерванный, начатый, но не доведенный до конца процесс, ср. (88).

- (88) *Pon-as*   *Kalvait-is*   *buv-o*
 господин-NOM.SG   Калвайтис-NOM.SG   AUX-PST[3]
be-ein-qs   *i savo kambar-i*
 CNT-идти-PRS.PA.NOM.SG.M   в свой   комната-ACC.SG
antr-ame   *viešbuči-o*   *aukšt-e, bet*
 второй-LOC.SG.M   гостиница-GEN.SG   этаж-LOC.SG   но
kažkodėl   *netrukus grįžt-a*   *atgal.*
 почему-то   вскоре   вернуться-PRS[3]   назад
 ‘Господин Калвайтис пошел было в свою комнату на втором этаже гостиницы, но вскоре почему-то возвращается назад’ (LKT).

Подобное распределение значений авертива по акциональным классам предикатов вполне естественно: авертив обозначает событие, которое назревало, но не реализовалось²⁹, и такое событие является либо конечной точкой предельной ситуации, либо начальной точкой длительной ситуации (процесса или состояния).

Со стативными глаголами авертивная конструкция практически не употребляется, а немногочисленные засвидетельствованные примеры имеют прогрессивное или континуативное значение, ср. (89), где авертивная интерпретация исключается наличием наречия *dar* ‘еще’.

- (89) *J-is*   *dar buv-o*   *be-mieg-qs,*
 3-NOM.SG.M   еще   AUX-PST[3]   CNT-спать-PRS.PA.NOM.SG.M
taigi at-si-sėd-o-m ...   *ir lauk-ė-m.*
 так.что   PRV-RFL-сесть-PST-1PL   и   ждать-PST-1PL
 ‘Он еще спал, так что мы сели ... и стали ждать’³⁰.

Аналогов литовского авертива нет ни в других балтийских языках, ни в данном ареале в целом. В принципе, авертивная семантика может быть выражена русской конструкцией с частицей *было* (ср. некоторые переводы литовских примеров в этом разделе

²⁹ Впрочем, примеры вроде (86b), где контрафактивность логически исключается, указывают на то, что данная конструкция может иметь и проспективное значение, см. ниже.

³⁰ <http://road.lt/2007/03/15/kaip-as-autostopinau-i-italija/>.

ле), однако для нее данное значение скорее является периферийным по отношению к обозначению ситуации, которая началась, но была прервана, или имела место, но ее результат стал впоследствии неактуальным (см. подробнее [Сичинава 2007: 113 и след.; 2009]). Конструкция, демонстрирующая определенные черты формального и семантического сходства с литовским авертивом, представлена в эстонском и ряде других прибалтийско-финских языков (см. [Tamm 2011: 888–895]). Это так называемая «абессивная» конструкция, состоящая из бытийного вспомогательного глагола и инфинитива на *-ta* в форме инэссива; одно из ее значений близко, но не тождественно авертивному, а именно, проспективное: ‘имеются предпосылки к осуществлению ситуации в ближайшем будущем’. Важное отличие проспектива от авертива состоит в том, что первый не ограничен временным планом прошлого и не содержит семантического компонента контрфактивности. Интересно, однако, что, как и литовские «сложные начальные времена», эстонская конструкция может иметь и прогрессивное значение [ibid.]. В совмещении прогрессива и проспектива в одной форме нет ничего экзотического: проспективное значение естественным образом возникает во многих языках у форм прогрессива с предикатами определенных акциональных типов (например, с моментальными), ср. английское *he is reaching the summit* ‘он вот-вот достигнет вершины’, см., например, [Smith 1997/1991: 75]. Авертивное же значение, возможно, может возникнуть в результате одновременного сужения и обогащения проспективного. Тем не менее, о возможном влиянии эстонской конструкции на литовскую по очевидным географическим и историческим причинам говорить не приходится.

6. Заключение

Итак, рассмотрев в деталях литовскую аспектуальную систему, суммирую ее основные характеристики.

1. Литовский язык не обладает систематическими грамматикализованными средствами противопоставления видовых ракурсов (перфектива и имперфектива «романского типа»), а деривационные аспектуальные категории «славянского типа» в литовском грамматикализованы лишь в незначительной степени. Тем самым, основой выражения аспектуальных противопоставлений в литовском языке служат акциональные классы глагольных лек-

сем и продуктивные словообразовательные процессы, переводящие лексемы из одного класса в другой.

2. Кроме того, в литовском языке представлены словоизменительные аспектуальные категории хабиуталиса-в-прошедшем и континуатива, которые в других языках Европы морфологически не выражаются. При этом если литовский хабиуталис-в-прошедшем является представителем типологически сравнительно неплохо изученной категории, то детальное изучение семантики, сочетаемости и развития литовского континуатива вполне могло бы лечь в основу типологического анализа этой малоисследованной аспектуальной категории.

3. Наконец, в литовском имеется по крайней мере два типа аналитических форм с аспектуальным значением. Это, во-первых, нетривиальный с точки зрения своего происхождения и отсутствия у него аналогов в родственных и географически близких языках авертив с «остаточным» значением фокализованного прогрессива. Во-вторых, это система перфектных форм, в рамках которой четко противопоставлены по своим семантическим и даже морфосинтаксическим характеристикам (сочетаемость с аспектуальными классами, обстоятельствами и другими глагольными категориями) результатив и собственно перфект, базовым значением которого является экспериментивное.

Сокращения

ACC — аккузатив; AUX — вспомогательный глагол; CNT — континуатив; CNV — конверб; DAT — датив; DEF — определенность; DF — дефолтная форма; F — женский род; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабиуталис; ILLAT — иллатив; IMP — императив; INF — инфинитив; INS — инструменталис; IRR — ирреалис; ITER — итератив; LOC — локатив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PA — активное причастие; PL — множественное число; POS — положительная полярность; PP — пассивное причастие; PRS — настоящее время; PRV — преверб; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; RFL — рефлексив; SG — единственное число

Литература

Адомавичюте, Чекман 1984 — И. Э. Адомавичюте, В. Н. Чекман. Грамматические литуанизмы в польских периферийных говорах белорусско-литовского пограничья // *Studia nad polszczyzną kresową* 3, 1984. С. 7–21.

- Амбразас 1990 — В. Амбразас. Сравнительный синтаксис причастий балтийских языков. Вильнюс: Мокслас, 1990.
- Амбразас (ред.) 1985 — В. Амбразас (ред.). Грамматика литовского языка. Вильнюс: Мокслас, 1985.
- Аркадьев 2003 — П. М. Аркадьев. Фрагмент модели литовского спряжения (материалы к возможному Грамматическому словарю литовского языка) // Материалы международной конференции Диалог-2003 (электронная публикация на сайте <http://www.dialog-21.ru/Archive/2003/Arkadjev.htm>)
- Аркадьев 2007 — П. М. Аркадьев. Заметки к типологии префектива // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Пробел-2000, 2007. С. 17–30.
- Аркадьев 2008 — П. М. Аркадьев. Уроки литовского языка для славянской аспектологии // Славянское языкознание. XIV международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М.: Индрик, 2008. С. 28–43.
- Аркадьев 2009 — П. М. Аркадьев. Теория акциональности и литовский глагол // Балто-славянские исследования, Вып. XVIII. М.: Языки славянских культур, 2009. С. 72–94.
- Аркадьев 2010 — П. М. Аркадьев. Еще раз о семантике литовских *n/st*-глаголов: от непереходности к начинательности // М. В. Завьялова, Т. В. Цивьян (ред.). Топоровские чтения. I–IV. Избранное. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2010. С. 309–324.
- Аркадьев в печати — П. М. Аркадьев. О типологическом своеобразии литовской глагольной системы // Вяч. Вс. Иванов (ред.) Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб.: Алетейя, в печати.
- Аркадьев рукопись — П. М. Аркадьев. Префиксальный префектив: опыт ареально-типологического исследования. Рукопись.
- Брейдак 1972 — А. Б. Брейдак. Происхождение предлога *da* и приставки *da-* в балтийских языках // Известия Академии наук Латвийской ССР 4 (297), 1972. С. 137–142.
- Булыгина 1977 — Т. В. Булыгина. Проблемы теории морфологических моделей. М.: Наука, 1977.
- Булыгина, Синёва 2006 — Т. В. Булыгина, О. В. Синёва. Литовский язык // Языки мира. Балтийские языки. М.: Academia, 2006. С. 93–155.
- Вимер 2001 — Б. Вимер. Аспектуальные парадигмы и лексическое значение русских и литовских глаголов // Вопросы языкознания 2, 2001. С. 26–58.
- Вимер 2004 — Б. Вимер. Таксис и коинцидентия в зависимых предикациях: литовские причастия на *-damas* // В. С. Храковский,

- А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе. М.: Знак, 2004. С. 53–73.
- Вимер 2008 — Б. Вимер. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Эвиденциальность в языках Европы и Азии. СПб.: Наука», 2008. С. 197–240.
- Вимер 2009 — Б. Вимер. Таксис в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология таксисных конструкций. М.: Знак, 2009. С. 161–216.
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериентивного значения. Диссертация ... кандидата филол. наук, МГУ, ОТиПЛ, 2010.
- Галнайтите 1959 — Э. Галнайтите. Лексические значения глагольной приставки *no-* в соответствии с литовской приставкой *pa-* // В. В. Виноградов (ред.). Славянское языкознание. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 59–71.
- Галнайтите 1963 — Э. Галнайтите. Особенности категории вида глаголов в литовском языке (в сопоставлении с русским языком) // *Kalbotyra* 7, 1963. P. 123–143.
- Галнайтите 1966 — Э. Галнайтите. К вопросу об имперфективации глаголов в литовском языке // *Baltistica* 2, 2, 1966. P. 147–158.
- Генюшене 1974 — Э. Ш. Генюшене. Диатезы и залогии в современном литовском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974. С. 203–231.
- Генюшене 1983 — Э. Ш. Генюшене. Рефлексивные глаголы в балтийских языках и типология рефлексивов. Вильнюс: Изд-во Вильнюсского университета, 1983.
- Генюшене 1989а — Э. Ш. Генюшене. О взаимодействии перфекта и вида в литовском языке // *Baltistica* 3, 2, 1989. P. 285–291.
- Генюшене 1989b — Э. Ш. Генюшене. Мультипликатив и итератив в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989. С. 122–132.
- Генюшене 1990 — Э. Ш. Генюшене. Перфект и вид в литовском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология и грамматика. Л.: Наука, 1990. С. 135–140.
- Генюшене, Неद्याлков 1983 — Э. Ш. Генюшене, В. П. Неद्याлков. Результатив, пассив и перфект в литовском языке // Неद्याлков (ред.) 1983, 160–166.
- Дамбрюнас 1962 — Л. Дамбрюнас. Глагольные виды в литовском языке // Ю. С. Маслов (ред.). Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 365–381.
- Завьялова в печати — М. В. Завьялова. Механизмы адаптации славянских заимствований в литовском языке (на современном этапе) // Вяч. Вс. Иванов (ред.) Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб.: Алетейя, в печати.

- Кузьмина, Немченко 1971 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. Синтаксис причастных форм в русских говорах. М.: Наука, 1971.
- Мажюлис 1958 — В. Мажюлис. Происхождение приставки *da-* в балтийских языках // С. Б. Бернштейн (ред.), Вопросы славянского языкознания. Вып. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 127–133.
- Маслов 1981 — Ю. С. Маслов. Грамматика болгарского языка. М.: Высшая школа, 1981.
- Недялков (ред.) 1983 — В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983.
- Недялков, Яхонтов 1983 — В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Типология результативных конструкций // Недялков (ред.) 1983, 5–41.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996.
- Падучева 2004 — Е. В. Падучева. «Накопитель эффекта» и русская аспектология // Вопросы языкознания 5, 2004. С. 46–57.
- Петрухина 2000 — Е. В. Петрухина. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. М.: Изд-во МГУ, 2000.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС.
- Плунгян 2001 — В. А. Плунгян. Антирезультатив: до и после результата // В. А. Плунгян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Грамматические категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Ройзензон 1974 — Л. И. Ройзензон. Многоприставочные глаголы в русском и других славянских языках. Самарканд, 1974.
- Сичинава 2007 — Д. В. Сичинава. Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // Вяч. Вс. Иванов (ред.). Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М.: Пробел-2000, 2007. С. 102–130.
- Сичинава 2009 — Д. В. Сичинава. ‘Стремиться пресекать на корню’: современная русская конструкция с *было* // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел, 2009. С. 362–396.
- Сичинава в печати — Д. В. Сичинава. Частицы *было* и *бывало*: русские «вторичные модификаторы» в свете типологии и диахронии // Вяч. Вс. Иванов (ред.) Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков. СПб.: Алетейя, в печати.

- Смит 1998 — К. Смит. Двухкомпонентная теория вида // М. Ю. Чертова (ред.). Типология вида. Проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 404–421.
- Татевосов 2005 — С. Г. Татевосов. Акциональность: типология и теория // Вопросы языкознания 1, 2005. С. 108–141.
- Татевосов 2009 — С. Г. Татевосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // К. Л. Киселёва и др. (ред.). Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел-2000, 2009. С. 92–156.
- Татевосов и др. 2006 — С. Г. Татевосов, Е. А. Лютикова, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский (2006). Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. Москва: ИМЛИ РАН, 2006.
- Топоров 1961 — В. Н. Топоров. К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // В. Н. Топоров (ред.). Вопросы славянского языкознания. Вып. 5. М.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 35–70.
- Ульяновъ 1891–1895 — Г. Ульяновъ. Значенія глагольныхъ основъ въ литовско-славянскомъ языкѣ. Ч. I–II. Варшава, 1891–1895.
- Эндзелин 1971/1906 — Я. Эндзелин. Латышские предлоги. Ч. II // Я. Эндзелин. Избранные труды. Т. I. Рига: Зинатне, 1971. С. 521–655. (1-е изд. Юрьевъ, 1906).
- Ambrazas (ed.) 1997 — V. Ambrazas. Lithuanian Grammar. Vilnius: Baltos Lankos.
- Arkadiev 2010 — P. M. Arkadiev. Notes on the Lithuanian restrictive // Baltic Linguistics 1, 2010. P. 9–49.
- Arkadiev 2011a — P. M. Arkadiev. On the aspectual uses of the prefix *be-* in Lithuanian // Baltic Linguistics 2, 2011. P. 37–78.
- Arkadiev 2011b — P. M. Arkadiev. Aspect and actionality in Lithuanian on a typological background // D. Petit et al. (ed.), Langues baltiques, langues slaves. Paris: Éditions CNRS, 2011. P. 57–86, 5, 1, 2012. P. 7–27.
- Arkadiev 2012 — P. M. Arkadiev. Stems in Lithuanian verbal inflection (with remarks on derivation) // Word Structure.
- Bertinetto et al. 2000 — P. M. Bertinetto, K. Ebert, C. de Groot. The progressive in Europe // Dahl (ed.) 2000, 516–558.
- Breu 1992 — W. Breu. Zur Rolle der Präfigierung bei der Entstehung von Aspektsystemen // M. Guiraud-Weber, Ch. Zarella (éd.), Linguistique et slavistique. Melanges offerts à Paul Garde, t.1. Paris, Aix-en-Provence: Presses universitaires de Provence, 1992. P. 119–135.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. D. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar. Tense, Aspect and Modality in the Languages of the World. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1994.
- Ceplīte et al. 2008 — B. Ceplīte, A. Darbiņa, H. Kalniņš, D. Nātiņa. Krievu-latviešu / latviešu-krievu vārdnīca. Rīga: Avots, 2008.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.

- Dahl (ed.) 2000 — Ö. Dahl. (ed.). *Tense and Aspect in the Languages of Europe*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dambriūnas 1960 — L. Dambriūnas. *Lietuvių kalbos veiksmažodžių aspektai*. Boston: Lietuvių enciklopedijos spaustuvė, 1960.
- Dickey 2000 — S. M. Dickey. *Parameters of Slavic Aspect. A Cognitive Approach*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000.
- Eckert 1996 — R. Eckert. *The analytic frequentative past in Samogitian and its typological correspondences // Res Balticae 2, 1996. P. 51–63.*
- Gehrke 2008 — B. Gehrke. *Ps in Motion. On the Semantics and Syntax of P Elements and Motion Events*. Utrecht: LOT Publications, 2008.
- Geniušienė 1987 — E. Geniušienė. *The Typology of Reflexives*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1987.
- Geniušienė 2006 — E. Geniušienė. *Passives in Lithuanian (in comparison with Russian) // W. Abraham, L. Leisiö (eds.), Passivization and Typology. Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 29–61.
- Geniušienė, Nedjalkov 1988 — E. Geniušienė, V.P. Nedjalkov. *Resultative, passive, and perfect in Lithuanian // V. P. Nedjalkov (ed.), Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1988. P. 369–386.
- Gold 1999 — E. Gold. *Aspect, Tense and the Lexicon: Expression of Time in Yiddish*. Doctoral Dissertation, University of Toronto, 1999.
- Hauzenberga-Šturma 1979 — E. Hauzenberga-Šturma. *Zur Frage des Verbalaspekts im Lettischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung 93, 1979. S. 279–316.*
- Holvoet 2000 — A. Holvoet. *Perfectivization in Latvian // Linguistica Baltica 8, 2000. P. 89–102.*
- Holvoet 2007 — A. Holvoet. *Mood and Modality in Baltic. (Baltica Varsoviensia, T. 6)*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007.
- Kardelis, Wiemer 2002 — V. Kardelis, B. Wiemer. *Ausbildung von Aspekt-paarigkeit in litauischen Grenz- und Inseldialekten (am Beispiel von Sprechverben) // Linguistica Baltica 10, 2002. S. 51–80.*
- Klimas 1987 — A. Klimas. *The Lithuanian participles: Their system and functions // Litanus 33, 1, 1987. P. 38–73.*
- Klimas 1993 — A. Klimas. *Lietuvių kalbos dalyvių vartoseną*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidykla, 1993.
- Kozhanov 2011 — K. Kozhanov. *Lietuvių kalbos priešdėlio da- sematika arealiniam kontekste. Доклад, прочитанной на международной конференции «Балты и славяне: Пересечения духовных культур»*. Вильнюс, 14–16 сентября 2011 г.
- Krifka 1992 — M. Krifka. *Thematic relations as links between nominal reference and temporal constitution // I. Sag, A. Szabolsci (eds.), Lexical Matters*. Stanford: CSLI Publications, 1992. P. 29–53.

- Kuteva 1998 — T. Kuteva. On identifying an evasive gram: Action narrowly averted // *Studies in Language* 22, 1, 1998. P. 113–160.
- Kuteva 2001 — T. Kuteva. Auxiliation. An Enquiry into the Nature of Grammaticalization. Oxford: Oxford University Press, 2001.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 — B. Levin, M. Rappaport Hovav. Building verb meanings // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors*. Stanford (CA): CSLI Publications, 1998. P. 97–134.
- Mathiassen 1996a — T. Mathiassen. Tense, Mood and Aspect in Lithuanian and Latvian. (Meddelelser av Slavisk-baltisk afdeling, Universitetet i Oslo. Nr. 75, 1996).
- Mathiassen 1996b — T. Mathiassen. *A Short Grammar of Lithuanian*. Columbus, OH: Slavica, 1996.
- Mortier 2010 — L. Mortier. The semantic field of continuation: Periphrastic *blijven* and *continuer à* // *Folia Linguistica* 44, 2, 2010. P. 401–438.
- Norde 2009 — M. Norde. *Degrammaticalization*. Oxford: Oxford University Press, 2009.
- Ostrowski 2010 — N. Ostrowski. Negacja zewnętrzna / negacja wewnętrzna, czyli o historii lit. *nebe-*. Talk at the conference *Perspectives on Baltic Philology* 2, Poznań, May 2010.
- Ostrowski to appear — N. Ostrowski. Pochodzenie litewskiego afiksu duratywnego *teb(e)-* // To appear in S. Schab, D. Skrzypek, P. Zborowski (eds.), *Logos et mundus*. Poznań.
- Ostrowski submitted — N. Ostrowski. On the origin of the Lithuanian verbal prefix *be-* // Submitted to P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Otrębski 1965 — J. Otrębski. *Gramatyka języka litewskiego*, T. 3. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe, 1965.
- Paulauskas 1958 — J. Paulauskas. Veiksmazodžių priešdėlių funkcijos dabartinėje lietuvių literatūrinėje kalboje // *Literatūra ir kalba* 3, 1958. P. 301–453.
- Paulauskienė 1979 — A. Paulauskienė. *Gramatinės lietuvių kalbos veiksmazodžio kategorijos*. Vilnius: Mokslas, 1979.
- Petronienė 2009 — S. Petronienė. The status of Lithuanian compound past tenses and their equivalents in English // *Kalbų studijos* 15, 2009. P. 16–24.
- Plungian 1999 — V. A. Plungian. A typology of phasal meanings // W. Abraham, L. Kulikov (eds.). *Tense-Aspect, Transitivity and Causativity. Essays in Honour of Vladimir Nedjalkov*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 1999. P. 311–321.
- Plungian, van der Auwera 2006 — V. A. Plungian, J. van der Auwera. Towards a typology of discontinuous past marking // *Sprachtypologie und Universalienforschung* 59, 4, 2006. P. 317–349.

- Pustejovsky 2000 — J. Pustejovsky. Events and the semantics of opposition // C. Tenny, J. Pustejovsky (eds). *Events as Grammatical Objects*. Stanford (CA): CSLI Publications, 2000. P. 445–482.
- Roszko, Roszko 2006 — D. Roszko, R. Roszko. Lithuanian frequentativum // *Études cognitives (Warszawa)* 7, 2006. P. 163–172.
- Sakurai submitted — E. Sakurai. Verbal aspect and past habitual tense (with suffix *-dav-*) in Lithuanian // Submitted to P. Arkadiev, A. Holvoet, B. Wiemer (eds.), *Contemporary Approaches to Baltic Linguistics*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter.
- Sawicki 2000 — L. Sawicki. Remarks on the category of aspect in Lithuanian // *Linguistica Baltica* 8, 2000. P. 133–142.
- Sawicki 2010 — L. Sawicki. Preverbatation and narrativity in Lithuanian // *Baltic Linguistics* 1, 2010. P. 167–191.
- Schmalstieg 2000 — W. R. Schmalstieg. *The Historical Morphology of the Baltic Verb*. Journal of Indo-European Studies, Monograph 37. Washington, DC: Institute for the Study of Man, 2000.
- Senn 1966 — A. Senn. *Handbuch der Litauischen Sprache*. Bd. I. Grammatik. Heidelberg: Winter, 1966.
- Servaitė 1986 — L. Servaitė. Rezultatinės būsenos reikšmė lietuvių kalbos veiksmažodžių sudurtinių formų sistemoje (rezultatyvas) // *Kalbotyra* 36, 1, 1986. P. 63–71.
- Servaitė 1988 — L. Servaitė. Subjektinis rezultatyvas lietuvių kalboje (Perfekto formos su rezultatinės būsenos reikšme) // *Kalbotyra* 39, 1, 1988. P. 81–89.
- Servaitė 1993 — L. Servaitė. Diateziniai rezultatyvo tipai lietuvių ir latvių kalbose // *Kalbotyra* 42, 1, 1993. P. 42–45.
- Slišienė 1961 — N. Slišienė. Apie sudurtines pradėtines veiksmažodžių formas // *Lietuvių kalbotyros klausimai* 4, 1961. P. 67–72.
- Slišienė 1995 — N. Slišienė. The tense system of Lithuanian // R. Thieroff (ed.), *The Tense Systems in European Languages*, V. II. Tübingen: Niemeyer, 1995. P. 215–232.
- Smith 1997/1991 — C. Smith. *The Parameter of Aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer, 1997. (1st ed. 1991)
- Stang 1942 — Chr. S. Stang. *Das slavische und baltische Verbum* // *Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo*. II. Hist.-Filol. Klasse 1, 1942. S. 1–280.
- Tamm 2011 — A. Tamm. Cross-categorial spatial case in the Finnic non-finite system: focus on the absentive TAM semantics and pragmatics of the Estonian inessive *m*-formative non-finites // *Linguistics* 49, 4, 2011. P. 835–944.
- Tatevosov 2002 — S. G. Tatevosov. The parameter of actionality // *Linguistic Typology* 6, 3, 2002. P. 317–401.

- Thieroff 2000 — R. Thieroff. On the areal distribution of tense-aspect categories in Europe // Dahl (ed.) 2000, 265–303.
- Tomelleri 2008 — V. Tomelleri. L'aspetto verbale slavo fra tipologia e diachronia // A. Alberti et al. (eds.), *Contributi italiani al 14. congresso internazionale degli Slavisti*. Firenze, 2008. P. 11–61.
- Ulvydas (red.) 1971 — K. Ulvydas (red.). *Lietuvių kalbos gramatika. II tomas. Morfologija*. Vilnius: Mintis, 1971.
- Vikner 1994 — C. Vikner. Change in homogeneity in verbal and nominal reference // C. Bache, H. Basbøll, C.-E. Lindberg (eds.). *Tense, Aspect and Action. Empirical and Theoretical Contributions to Language Typology*. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1994. P. 139–164.
- Wälchli 2001 — B. Wälchli. Lexical evidence for the parallel development of the Latvian and Livonian verb particles // Ö. Dahl, M. Koptjevskaja-Tamm (eds.). *The Circum-Baltic Languages. Typology and Contact*. Vols. I–II. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, Vol. 2, 2001. P. 413–442.
- Wiemer 2000 — B. Wiemer. Partizipien zwischen Syntax, Semantik und Pragmatik: Ein Überblick zu aspektuellen, diathesebezogenen und diskursrelevanten Eigenschaften im modernen Litauischen // B. Wälchli, F. Zúñiga (Hrsg.), *Sprachbeschreibung und Typologie*. (Universität Bern. Institut für Sprachwissenschaft. Arbeitspapiere 38.) Bern: Universität Bern, 2000. S. 65–81.
- Wiemer 2002 — B. Wiemer. *Grammatikalisierungstheorie, Derivation und Konstruktionen: am Beispiel des klassifizierenden Aspekts, des Passivs und des Subjektimpersonals im slavisch-baltischen Areal*. Habilitationsschrift, Universität Konstanz, 2002.
- Wiemer 2006a — B. Wiemer. Relations between Actor-demoting devices in Lithuanian // W. Abraham, L. Leisiö (eds.), *Passivization and Typology. Form and Function*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 274–309.
- Wiemer 2006b — B. Wiemer. Grammatical evidentiality in Lithuanian (A typological assessment) // *Baltistica* 41, 1, 2006. P. 33–49.
- Wiemer 2009 — B. Wiemer. Zu entlehnten Verpräfixen und anderen morphosyntaktischen Slavismen in litauischen Insel- und Grenzmundarten // L. Scholze, B. Wiemer (Hrsg.), *Von Zuständen, Dynamik and Veränderung bei Pygmäen und Giganten*. Festschrift für Walter Breu zu seinem 60. Geburtstag. Bochum: Brockmeyer, 2009. S. 347–390.
- Zinkevičius 1966 — Z. Zinkevičius. *Lietuvių dialektologija. Lyginamoji tarmių fonetika ir morfologija*. Vilnius: Mintis, 1966.

Т. А. Архангельский, В. А. Панов

АСПЕКТ В ГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ: ПРОБЛЕМНЫЕ ЗОНЫ И ТИПОЛОГИЯ

1. Введение

Греческий язык (как ново-, так и древнегреческий) обладает типологически необычной системой выражения аспектуальных значений. Ее особенность состоит в следующем: и в древне- и в новогреческом языках аспектуальные противопоставления грамматикализованы и выражаются регулярно (являются словоизменительной категорией): практически каждый глагол способен образовывать основы перфектива и имперфектива, а в древнегреческом языке — и перфекта с помощью более или менее регулярных морфологических средств.

Греческое перфективное прошедшее время, или аорист, является примером т. н. *anterior-based perfective* по терминологии Эстена Даля [Dahl 1985]. Такие перфективы в языках мира обычно характеризуются несколькими особенностями. Во-первых, они морфологически регулярны и сочетаются со всеми акциональными классами глаголов. Во-вторых, центром видового противопоставления является прошедшее время (в других временах и неиндикативных формах аспектуальные противопоставления могут нейтрализовываться). Ситуация рассматривается как завершенная в прошлом и не связанная с моментом речи. Перфективы же другого типа (*bounder-based perfectives*), основанные на сочетании глаголов с «ограничителями», обычно превербам, напротив, морфологически нерегулярны (каждый глагол сочетается с одним из «ограничителей» из обширного набора, выбор ограничителя зависит от множества семантических факторов) и образуются обычно от предельных глаголов, сигнализируя, прежде всего, достижение ситуацией предела. Такие перфективы сочетаются обычно с формами всех времен и наклонений. Типичные языки первого типа — романские, семитские, второго типа — славянские, балтийские. Существуют языки, где эти два типа аспектуальных противопоставлений сочетаются (например, южнославянские или грузинский).

Аспектуальная система греческого языка интересна тем, что имеющийся в ней изначально первый тип аспектуальных противопоставлений вышел далеко за рамки прошедшего времени и распространился почти на всю парадигму глагола (в частности, на будущее время и императив и, в древнегреческом, на инфинитив), что сближает греческий с языками второго типа (bounder-based), где сходные по значению формы имеют совершенно другой диахронический источник. К примеру, западно- и восточнославянские языки потеряли древнее противопоставление аориста, перфекта и имперфекта в прошедшем времени, развив новую аспектуальную систему из двух граммем (перфектива и имперфектива), противопоставление которых распространяется на всю глагольную парадигму (кроме настоящего времени).

В данной статье будут даны общая характеристика аспектуальных систем древне- и новогреческого языков, их сопоставление и характеристика диахронического перехода из одной системы в другую, а также будут особо рассмотрены проблематичные моменты аспектуальной семантики обоих языков, а именно — семантики аспектуальных противопоставлений вне плана прошедшего времени.

2. Краткая характеристика аспектуальной ситуации в новогреческом языке

Грамматические категории новогреческого глагола, относящиеся ко времени и аспекту, можно представить в виде комбинации трех параметров: наклонение (индикатив, «кондиционалис», зависимое, императив), время (настоящее и прошедшее — о будущем см. чуть ниже) и вид (имперфектив, перфектив, перфект). Остальными словоизменительными категориями новогреческого глагола являются, как и в древнегреческом, залог (активный и пассивный), лицо и число. Для простоты в дальнейшем мы будем рассматривать изменение глаголов только в действительном залоге.

Таблица с формами индикатива (1 л., ед. ч.) глагола $\alpha\upsilon\omicron\rho\acute{\alpha}\zeta\omega$ «покупать/купить» приведена ниже. Императив образуется синтетически, остальные два наклонения — с помощью сочетания проклитик и форм индикатива. «Кондиционалис» выражается частицей $\theta\alpha$. Основным (но не единственным) значением этой

частицы при употреблении с презентными формами является будущее время; значения ее с другими формами разнообразны и более подробно разобраны в п. 4.2. Наклонение, традиционно именуемое «зависимым», маркируется проклитикой *να*, которая может отсутствовать при наличии одного из «показателей зависимого наклонения» (союзы *πριν* «перед тем как», *μόλις* «как только» и т. п.). В большинстве контекстов, где в русском используется инфинитив — как зависящий от другого глагола, так и не зависящий, в новогреческом используется зависимое наклонение (более подробно о его значениях см. 4.1):

(1) Θέλω **να** **το** αγοράσω.
хотеть.IPFV.PRES.1SG **να** это купить.PFV.PRES.1SG
'Я хочу это купить'.

(2) Να αγοράσει κανείς σπίτι ή **να**
μην αγοράσει;
NEG купить.PFV.PRES.3SG кто-нибудь дом или **να**
'Покупать дом или нет?'

Форма перфектива настоящего времени (как в примерах выше) может быть использована только в кондиционалисе и зависимом, но не в индикативе, поэтому в таблице она заключена в скобки.

вид \ время	наст.	прош.
имперфектив	αγοράζω	αγόραζα
перфектив	[αγοράσω]	αγόρασα
перфект	έχω αγοράσει	είχα αγοράσει

Кондиционалис: θα αγοράζω **и т. п.**

Зависимое: να αγοράζω **и т. п.**

Императив:

вид \ число	ед.	мн.
имперфектив	αγόραζε	αγοράζετε
перфектив	αγόρασε	αγοράστε

Как видно из таблицы, в действительном наклонении у новогреческого глагола имеется две основы, перфективная и имперфективная (в случае глагола «купить» это $\alpha\upsilon\rho\rho\alpha\zeta\text{-}$ и $\alpha\upsilon\rho\rho\alpha\sigma\text{-}$), и два набора окончаний, соответствующих настоящему и прошедшему времени. К глаголам с одно- и двусложной основой в прошедшем времени присоединяется префикс из одного гласного (в подавляющем большинстве случаев это $\epsilon\text{-}$), называемый аугментом.

Перфект образуется с помощью глагола $\acute{\epsilon}\chi\omega$ «иметь» и неизменяемой формы глагола (с перфективной основой). В подавляющем большинстве случаев перфект можно заменить на аорист (прошедшее время + перфектив). Разница в употреблении может зависеть от диалекта, идиолекта конкретного носителя и других факторов. Пожалуй, единственный случай, когда употребление перфекта очень желательно, — это экспериенциальное значение глагола («Бывал ли ты в Греции?»). Новогреческий перфект существует уже приблизительно тысячелетие¹, что вообще необычно для этой довольно нестабильной категории и тем более удивительно, учитывая, что новогреческий перфект всегда занимал периферийное место в аспектуальной системе языка.

Новогреческий язык различает имперфектив и перфектив абсолютно во всех формах, что делает его аспектуальную систему похожей на славянскую. Перфект сочетается со всеми наклонениями, кроме императива.

3. Акциональные классы лексем в новогреческом

Из четырех универсальных акциональных классов предикатов два — события и предельные процессы — оказываются в греческом формально неотличимыми из-за словоизменительного характера вида: $\lambda\acute{\iota}\nu\omega$ «я пью» и $\acute{\eta}\lambda\iota\alpha$ «я выпил» — формы одного и того же глагола «пить/выпить». Таким образом, если словоформа в перфективе является с точки зрения акциональной классификации событием, в имперфективе она практически всегда может быть проинтерпретирована как предельный процесс — «растянутое» со-

---

¹ «The modern perfect tense consisting of the verb ‘have’ with a remnant of the older infinitive (e.g. ‘I have kissed’) did not develop until the Medieval period, though there were some formal predecessors to this, with different functions, in earlier post-Classical Greek» [Joseph 2001].

бытие; наоборот, если имперфективная словоформа обозначает предельный процесс, в перфективе он может быть «свернут» до события достижения предела. Таким образом, если говорить об акциональных классах **лексем**, в греческом языке выделяется единый класс событий / предельных процессов. Два других акциональных класса выделяются в новогреческом на основании допустимых для лексемы значений перфектива (и перфекта).

Имперфектив при употреблении с любым из классов практически всегда имеет одно стандартное значение — прогрессив/дуратив. Перфектив же с лексемами разных классов интерпретируется по-разному; ниже приведены его значения в сочетании с глаголами разных акциональных классов.

1. **Стативы**: инцептивное или лимитативное значение перфектива

(3) στην όχθη του ποταμού Πιέδρα **κάθησα**
на+DEF берег DEF реки (назв.) сидеть.PFV.PAST.1SG
κι **έκλαψα**
и плакать.PFV.PAST.1SG
‘На берегу Рио-Пьедра села я и заплакала’ — инцептив.

(4) **Κάθησα** 5 σκληρούς μήνες εκεί
сидеть.PFV.PAST.1SG 5 тяжелых месяцев там
‘Там я провел пять тяжелых месяцев’ — **лимитатив**.

2. **Непредельные процессы**: лимитативное значение перфектива (действие началось и закончилось — внутри данного промежутка времени, если он упоминается)

(5) **Δούλεψα** 13 χρόνια στην Ελλάδα.
работать.PFV.PAST.1SG 13 лет в+DEF Греции
‘Я проработал в Греции тринадцать лет’.

(6) Στα 16 **δούλεψα** υλοτόμος, σε βενζινάδικο
в+DEF 16 работать.PFV.PAST.1SG плотником на заправке
και καθαριστής.
и уборщиком
‘В шестнадцать лет я работал плотником, на заправке и уборщиком’².

---

² В данном примере обстоятельство «в шестнадцать лет» играет роль временного ограничителя, т. е. буквально «в тот период, когда мне

являть' и другими [Hesse 2003: 38]. В примере ниже вместо имперфектива мог быть употреблен и перфектив:

- (11) Την ίδια ώρα, ο πρωθυπουργός
DEF тот же час DEF премьер-министр
δήλωνε ότι η κατάσταση
заявлять.IPFV.PAST.3SG что DEF ситуация
σταδιακά σταθεροποιείται
постепенно стабилизироваться.IPFV.PRES.3SG
'В то же время премьер-министр заявил, что ситуация по-
степенно стабилизируется'.

4. Перфектив и имперфектив в новогреческом языке: асимметрия употребления

Основная функция аспекта при описании уже произошедших событий — показать взаимное положение описываемой ситуации и окна наблюдения на временной оси. Именно так противопоставление перфектива и имперфектива используется в древнегреческих и новогреческих предложениях, где глагол стоит в прошедшем времени (здесь мы для простоты исключим из рассмотрения перфект). В прошедшем времени перфектив и имперфектив симметричны в том смысле, что говорящий, описывая ситуацию, почти всегда может выбрать один из видов в зависимости от положения окна наблюдения. Однако противопоставление этих двух видов в греческом выходит за пределы прошедшего времени, в новогреческом распространяясь вообще на все времена и наклонения. В результате противопоставленными по виду оказываются формы, описывающие ирреальные события или используемые в контекстах, где понятие окна наблюдения теряет смысл (императив). В таких случаях видовое противопоставление либо теряет симметрию, делая возможным употребление только одного вида, либо переходит в другую плоскость, выражая противопоставления между какими-то другими, неаспектуальными значениями. Кроме того, представляет интерес употребление аспекта в отрицательных предложениях: с теоретической точки зрения, поскольку при описании не произошедших / не имеющих произойти событий не очень понятно, как определить окно наблюдения, а также с практической, поскольку в греческом прави-

Другая функция форм «θα + прошедшее» — описание события, которое с точки зрения говорящего вероятно имело место, хотя достоверно это неизвестно. Часто используется вместе со словами μάλλον «вероятно», φαίνεται «кажется» и т. п.

- (15) Δεν ξέρω, μάλλον θα
не знать.IPFV.PRES.1SG вероятно θα
είπα λάθος τραγούδι.
сказать.PFV.PAST.1SG неправильную песню
‘Не знаю, видимо, я сказал тебе не ту песню’.
- (16) **Θα** το **είπα** πιστεύω
θα это сказать.PFV.PAST.1SG верить.IPFV.PRES.1SG
δεκάδες φορές.
десятки раз
‘Да я это, кажется, уже десятки раз говорил’.

Судя по всему, чаще всего в таких контекстах употребляется перфектив (как в примерах 15–16), но имперфектив тоже возможен. Как указано в [Mackridge 2003], форма «θα + Ipfv.Past» тоже может быть употреблена в вероятностном значении: одно из значений фразы «θα της μιλούσε», согласно этой грамматике, по-английски выражается словами «he must have been talking to her»; грамматика [Τριανταφυλλίδης 2002] также приводит пример с имперфективом. Ниже приведено несколько примеров с имперфективом:

- (17) Το χωριό έμοιαζε αδειανό.
DEF деревня выглядеть.IPFV.PAST.3SG опустевшей
ήταν πολύ νωρίς κι' όλοι **θα κοιμώνταν**
быть.PAST.3SG очень рано и все θα спать.IPFV.PAST.3PL
‘Деревня выглядела опустевшей; было очень рано, и все, вероятно, спали’.
- (18) βούιζαν τ' αφτιά του, κάπου **θα**
гудеть.IPFV.PAST.3PL DEF уши его, где-то θα
φώναζαν ή **θα έκλαιγαν** ή
кричать.IPFV.PAST.3PL или θα рыдать.IPFV.PAST.3PL или
θα τραγουδούσαν — δεν μπορούσε να
θα петь.IPFV.PAST.3PL не мочь.IPFV.PAST.3SG να

καταλάβει

понять.PFV.PRES.3SG

‘У него гудело в ушах, где-то, видимо, кричали, или плакали, или пели — он не мог понять’.

(19) Μάλλον την ταμπέλα θα διάβαζε...

вероятно DEF табличку θα читать.IPFV.PAST.3SG

‘Видимо, табличку читал...’ (подпись под фотографией автомобиля, врезавшегося в столб с табличкой «Thank you for driving carefully through the village»).

Таким образом, формы «θα + прошедшее» могут иметь два разных значения, в одном из которых видовое противопоставление нейтрализовано, а в другом по-прежнему существует.

4.3. Императив/прохибитив

Правила употребления вида в греческих императиве и прохибитиве особенно интересны, поскольку, во-первых, свою основную функцию в таких контекстах он выполнять не может, а во-вторых, правила употребления вида в этих двух формах сильно различаются. В новогреческом языке перфектного императива не существует, поэтому, как и в предыдущих пунктах, речь будет идти о противопоставлении имперфектива и перфектива.

Как и в древнегреческом, в современном языке императив и прохибитив оформляются по-разному. Императив представляет собой особое наклонение, тогда как прохибитивное значение выражается формой зависимого наклонения с отрицательной частицей μη(v), заменяющей частицу να или стоящей после нее. (Простое зависимое наклонение также может иметь побудительное значение.)

Одним из значений, влияющих на выбор вида, является хабитуальность действия. Согласно Р. Бенаккио, в следующем примере заменить имперфектив на перфектив невозможно ([Бенаккио 2010: 163]):

(20) **Γράφετε** μας κάθε μέρα ένα γράμμα.

писать.IPFV.IMP.2PL нам каждый день одно письмо

‘Пишите нам каждый день по письму’.

Однако проверка показывает, что в контекстах с обстоятельствами вроде «каждый день» перфективный императив не только возможен, но и довольно часто используется:

- (21) **Κέρδισε** κάθε μέρα ένα αυτοκίνητο!
 выигрывать.PFV.IMP.2SG каждый день один автомобиль
 ‘Выигрывай автомобиль каждый день!’
- (22) **Γράψε** κάθε μέρα για κάτι που σε
 писать.PFV.IMP.2SG каждый день о чем-то что тебя
 ενθουσίασε
 обрадовать.PFV.PAST.3SG
 ‘Записывай каждый день то, что тебя обрадовало’.

На данный момент мы не можем сказать, каковы семантические различия в употреблении перфективного и имперфективного императива в таких контекстах и насколько часто каждый из них употребляется.

В случаях побуждения к ограниченному по времени действию в подавляющем большинстве случаев используется перфектив.

Имперфектив может быть использован для побуждения к продолжению (или к завершению в случае прохибитива) уже имеющего место действия:

- (23) **Τρώετε, τρώετε,** καπετάνιε,
 есть.IPFV.IMP.2SG есть.IPFV.IMP.2SG капитан
μη ντρελόσαστε...
 NEG стыдиться.IPFV.PRES.2SG
 ‘Кушайте, капитан, кушайте, не стесняйтесь!’ (А. И. Солженицын, «Один день Ивана Денисовича»)

Важным параметром, влияющим на выбор вида в императиве, как и в славянских языках, является вежливость. Имперфективный императив может выражать побуждение сделать что-либо немедленно (особенно если это побуждение уже звучало и адресат медлит его исполнить), что, согласно [Mackridge 2003], приводит к тому, что имперфективный императив считается в целом менее вежливым; например, при обращении на «Вы» он используется крайне редко.

В императивах со значением разрешения, согласно [Бенакио 2010], используется только перфектив.

Однако описанная картина осложняется наличием множества аномалий. Так, например, а) у некоторых спряжений глаголов отсутствует форма имперфективного императива единственного числа; б) существуют глаголы, вообще не имеющие императива (μτορώ

«мочь», ἀνήκω «принадлежать», πεθαίνω «умирать»); в) существуют глаголы, всегда употребляющиеся с одним из аспектов (κοίταξε, κοιτάξετε «смотри, смотрите-PFV») и даже глаголы, обычно употребляющиеся с разными аспектами в разных числах: ξύπνω «просыпаться.IPFV.IMP.2SG» vs. ξύπνήστε «просыпаться.PFV.IMP.2PL».

Что касается прохибитива, то здесь аспект используется иначе. Как и в русском, имперфектив в прохибитиве употребляется значительно чаще, чем в императиве, и в целом не является менее вежливым. Однако, в отличие от русского, перфектив здесь столь же употребителен. Указать разницу в значениях видов в прохибитиве довольно сложно; кажется, что во многих случаях два вида взаимозаменяемы. В частности,

- оба вида могут использоваться при побуждении не делать чего-то как в данный момент, так и вообще;
- оба вида могут употребляться со словами καθόλου «отнюдь, вообще», ποτέ «никогда» и обстоятельствами времени;
- оба вида могут употребляться с дополнениями, со словом πολύ «много», с разными зависимыми клаузами;
- выбор аспекта в прохибитиве не зависит от акционального класса лексемы;
- как и перфектив, имперфектив совершенно естественно воспринимается как отрицание перфективного императива:

(24) «Στέλλα μη φεύγεις, δεν
 Стелла NEG уходить.IPFV.PRES.2SG NEG
 κρατάω μαχαίρι»
 держать.IPFV.PRES.1SG нож
 ‘«Стелла, не уходи, у меня нет ножа»’ — название статьи о фильме, где обыгрывается фраза из него:

(25) «Στέλλα φύγε, θα σε
 Стелла уходить.PFV.IMP.2SG θα тебя
 σκοτώσω! (...) Κρατάω μαχαίρι»
 убивать.PFV.PRES.1SG держать.IPFV.PRES.1SG нож
 ‘«Стелла, уходи, я тебя убью! (...) У меня нож!»’

Ниже приводится несколько примеров, показывающих взаимозаменяемость видов и иллюстрирующих сказанное выше:

ή παιδιά.

или детьми

‘Никогда не работай с животными и детьми’.

Одним из случаев, когда желательное употребление имперфектива, как уже было сказано, является побуждение прекратить действие, которое уже происходит.

Таким образом, в императиве и прохибитиве аспект почти полностью теряет свою основную функцию, приобретая взамен нее другие, типологически более естественные для этого наклонения. Ситуация с греческим аспектом в императиве/прохибитиве напоминает славянскую — аспектуальное противопоставление используется для выражения вежливости; в прохибитиве имперфектив употребляется значительно более широко, чем в императиве, — но во многих деталях от нее отличается.

5. Диахрония греческого аспекта

Рассмотрим теперь некоторые черты диахронии аспектуальных категорий в греческом языке. Видо-временная система древнегреческого языка (аттического диалекта, к которому восходит общегреческое койне эллинистической эпохи и, в конечном счете, новогреческий язык) в целом сходна с новогреческой, однако имеется и ряд достаточно существенных отличий. В древнегреческой системе категория аспекта тесно переплетена с категорией таксиса, времени и наклонения, образуя сложную систему кластеров. В общих чертах, она имеет следующий набор форм. Противопоставлены шесть основ:

1. **Имперфективная** (в традиционной грамматике — «основа презенса»). От нее образуются формы настоящего времени, имперфекта, имперфективного императива, имперфективного инфинитива, имперфективного причастия, имперфективного конъюнктива и опатива. Имеет два залога: активный и медио-пассивный.
2. **Перфективная активная** (в традиционной грамматике — «основа аориста»). От нее образуются формы перфективного прошедшего времени (аориста), перфективного императива, перфективного инфинитива, перфективного причастия, перфективного аориста и опта-

тива. Имеет два залога: активный и медиальный. Семантика медиального залога — рефлексив и реципрок.

3. **Перфективная пассивная** основа имеет тот же набор форм, что и перфективная активная основа, аспектуальная семантика которых не отличается от активных форм. Некоторые глаголы имеют особенность: при активной основе имперфектива основа перфектива может быть только пассивной или наоборот. При этом залоговая семантика пассивной формы может не отличаться от активной.
4. **Перфектная активная** (основы для актива). Образует формы перфекта, перфектного инфинитива, перфектного причастия, плюсквамперфекта.
5. **Перфектная медио-пассивная** основа не отличается аспектуальной семантикой от активного эквивалента. Так же, как и в случае с перфективом, многие глаголы имеют только одну основу перфекта, залог которой формально может отличаться от залога основ имперфектива и перфектива.
6. **Футуральная** основа имеет формы активного и медио-пассивного залога, имеющие разные набор флексий. Формы будущего времени не имеют аспектуальных противопоставлений.

Формально основы образуются с помощью различных операций над первичной «глагольной» основой, имеющей, как правило, структуру «согласный — плавный — гласный со степенями аблаута — согласный» или «согласный — гласный со степенями аблаута — согласный». Основа может получать различныеращения — суффиксы и инфиксы. Для большинства основ перфекта характерна редупликация первого слога (практически всегда с гласным ε). Для различных форм характерны разные ступени аблаута (с кратким или долгим гласным). Зная одну из основ глагола, нельзя автоматически вывести все остальные. «Правильные» глаголы составляют абсолютное меньшинство — как правило, это отыменные глаголы. В целом, при описании морфологии образования основ выделяются классы глаголов. Классификация основана на тенденции глаголов иметь сходные комбинации показателей. Так, отыменные глаголы с суффиксом -ευ- имеют тен-

денцию к образованию сигматического аориста (πιστεύω — ἐπί-στεινσα ‘верить’), в то время как глаголы с инфиксом -v- и суффиксом -av- в имперфективной основе обычно образуют «корневой» аорист: μάθάνω — ἔμαθον ‘учиться, узнавать’.

Вне сложной системы аффиксов и редупликаций, используемой для деривации основ, для глагольной морфологии древнегреческого языка в целом характерны морфологически более регулярные показатели наклонения (суффиксы, не зависящие от «класса» глагола) и несколько наборов «окончаний», т. е. кумулятивных показателей лица, числа и залога. Аффиксы наклонения и окончания часто сливаются в неделимые флексии. Наборов окончаний несколько — так, одинаковые окончания характерны для имперфекта и «корневого аориста», для презенса и футурума, свои наборы имеют оптатив, конъюнктив, два разных набора окончаний имеют перфективный и имперфективный императивы, перфективный и имперфективный инфинитивы. Имеется также особый префиксальный показатель прошедшего времени, независимый от аспектуальных характеристик словоформы, — он присоединяется к формам аориста, имперфекта, плюсквамперфекта. В традиционной грамматике он называется «аугментом» или «приращением».

Резюмируя вышеперечисленное, следует отметить характерную черту древнегреческой глагольной морфологии — морфологическую избыточность, то есть во многих случаях одно и то же грамматическое значение выражается в словоформе несколькими разными показателями, отвечающими за разные граммы, но значение их может частично пересекаться. Например, во всех без исключения формах, относящихся к прошедшему времени индикатива, на прошедшее время указывает и особая форма окончания, и присутствие аугмента. Следует отметить, что наборы окончаний в диахронической перспективе восходят к бинарной системе «первичных» и «вторичных» окончаний.

Для наглядности представим таблицу основных форм глагола γράφω ‘писать’ (только активного залога, только первого лица единственного числа) на с. 139.

Несмотря на сложность морфологического выражения кумулятивных аспектуально-временно-модально-залоговых категорий, аспектуальная семантика вполне вычленима и демонстрирует стандартную для индоевропейских языков полисемию.

Основные формы глагола γράφω

основа	Без аугмента	С аугментом
«презентная» (имперфектив)	презенс (γράφω), конъюнктив (γράφω), оптатив (γράφουσι), инфинитив (γράφειν), причастие (γράφων) (act., med.-pass.)	имперфект (ἔ-γραφον)
«аористная» (перфектив)	конъюнктив (γράψω), оптатив (γράψουσι), инфинитив (γράψαι), причастие (γράψας) (act., med., pass.)	аорист (ἔ-γραψα)
«перфектная» (результатив)	перфект (γέ-γραφά), инфинитив (γε-γραφήναι), причастие (γε-γραφώς) (act., med.-pass.)	плюсквамперфект (ἔ-γε-γράφειν)
«футуральная» (нейтральная аспектуальность)	футурум (γράψω), конъюнктив (γράψω), инфинитив, причастие	

Выделяются три аспектуальных граммемы: перфектив, имперфектив и результатив (несмотря на то, что в традиционной грамматике он называется «перфектом», реально в перфектных значениях эта форма практически не встречается).

Противопоставление двух аспектуальных категорий (перфектива и имперфектива) наблюдается в плане прошедшего времени, в инфинитиве, императиве, оптативе и причастиях. Перфект (результатив) обладает ограниченной временной сочетаемостью, образуя собственно форму «перфекта», «плюсквамперфекта» и инфинитив с таксисным значением предшествования.

Охарактеризуем теперь кратко весь процесс перехода от древнегреческой видо-временной системы к новогреческой. Следует отметить, что система греческого глагола потерпела значительные изменения в целом. Без изменения остались разве что категории лица и числа (если не считать довольно раннее, еще в период койне, исчезновение двойственного числа), в особенности же они коснулись системы наклонений. Изменение видо-временной

системы, как будет видно, отчасти связано и с изменением системы наклонений. Наклонение и время в древнегреческом языке передавалось в основном с помощью флексий, аспектуальные же категории кодировались типом основы. Поэтому кажется целесообразным рассмотреть по отдельности эволюцию основ, эволюцию флексий, а также появление новых аналитических форм.

Основы имперфектива и перфектива сохраняются в новогреческом языке, но несколько меняют свои функции. Основа имперфектива продолжает использоваться для образования настоящего времени, имперфекта, но используется также в новом кондиционализе (не дифференцированном по виду), а также в новом имперфективном будущем времени. Основа перфектива продолжает использоваться в форме аориста, в форме дифференцированного по виду императива и начинает использоваться при образовании нового перфективного будущего. Основы старого перфекта и старого будущего, не имевшего аспектуальных противопоставлений, утрачиваются (кроме некоторых застывших форм перфектных причастий).

Флексии претерпели радикальные изменения. Полностью утрачиваются флексии опатива (вместе с самой категорией), флексии конъюнктива и индикатива сливаются (по-видимому, вследствие фонетических изменений — стяжения дифтонгов и утраты долготы гласных). Флексии нового будущего времени и зависимого наклонения, хотя и совпадают на синхронном уровне с флексиями настоящего времени, восходят к флексиям конъюнктива (а сами формы с аналитическими частицами — к конструкциям **подчинительный союз + конъюнктив**). Утрачиваются флексии имперфекта — их место занимают флексии аориста, которые начинают присоединяться и к основе имперфектива, и к основе перфектива. Таким образом, перфективное и имперфективное прошедшее время оказываются в подавляющем большинстве случаев противопоставленными только типом основы (ср. н.-гр. 1sg ipf διάβαζα — аор διάβασα; ipf έγραφα — аор έγραψα, но др.-гр. ipf έγραφων VS аор έγραψα).

Новые аналитические формы: 1) аналитический перфект (глагол έχω ‘иметь’ + особая форма, образованная от основы перфектива и восходящая к древнему инфинитиву); 2) аналитическое будущее, дифференцированное по виду (θα + основа IPFV/PFV-флексии настоящего времени); 3) аналитический кондиционалис (θα + ipf).

Преемственность между видо-временными формами др.-гр. и н.-гр. или отсутствие таковой можно условно изобразить на схеме. Не значимые для нас в данном случае некоторые различия в формообразовании в схеме не учитываются:

ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ		НОВОГРЕЧЕСКИЙ
презенс	→	презенс
аорист	→	аорист
имперфект	→	имперфект
будущее	→	—
перфект, плюсквамперфект	→	—
оптатив (PFV и IPFV)	→	—
конъюнктив (PFV и IPFV)	→	—
инфинитив (PFV, IPFV и PF)	→	—
императив (PFV и IPFV)	→	императив (PFV и IPFV)
—	→	будущее (PFV и IPFV)
—	→	зависимое наклонение (PFV и IPFV)
—	→	кондиционалис (не дифф. по виду, основа IPFV)
—	→	перфект

6. Семантика аспектуальных категорий в древнегреческом языке

Противопоставление аориста и имперфекта в прошедшем времени напоминает аналогичное противопоставление в новогреческом языке и аналогичные пары в романских языках. Как аорист, так и имперфект сочетаются с глаголами всех акциональных классов. Ситуация с акциональными классами в целом не отличается от новогреческой. С классом предельных процессов/событий аорист обозначает достижение ситуацией внутреннего предела или ее однократное выполнение: (примеры из грамматики [Smyth 1920] и из Нового Завета):

(33) **ἐνίκησαν** οἱ Κερκυραῖοι καὶ ναῦς πέντε καὶ δέκα **διέφθειραν**
 ‘Победили керкирцы и уничтожили пятнадцать кораблей’
 [Smyth 1920].

(34) οὗτος **ἐξήγαγεν** αὐτοὺς
 ‘Сей вывел их [из Египта]’ (Деян 7:36).

с непредельными процессами — ограничение ситуации во времени, т. е. лимитатив:

(35) ἐκεῖνοι πέντε καὶ τετταράκοντα ἔτη τῶν ἐλλήνων ἤρξαν
‘Они **правили** греками сорок лет’.

(36) καὶ ἐζήτησαν ἐπιβαλεῖν ἐπ’αὐτὸν τὰς χεῖρας
‘И **искали** в это время [первосвященники и книжники], что-
бы наложить на Него руки, но побоялись народа’ (Лк 20:19).

с состояниями — вхождение в состояние:

(37) Πεισιστράτου τελευτήσαντος Ἰππίας ἔσχε τὴν ἀρχήν.
‘После смерти Писистрата он **взял** власть’ (форма аориста
глагола ἔχω ‘иметь’) [Smyth 1920].

или лимитатив, как и с неопредельными процессами:

(38) ἐπείνασα γὰρ καὶ ἐδώκατέ μοι φαγεῖν
‘ибо **алкал** Я, и вы дали Мне есть’ (Мф 25:35).

Имперфект обозначает действие в его срединной стадии
(с предельными и неопредельными процессами, состояниями):

(39) Μιθριδάτης ἐβασίλευε βαρβάρων τῶν περὶ τὸν Πόντον τὸν
Εὐξεινον (Paus., Graec. discr., 1, 20)
‘Митридат **правил** варварами вокруг Эвксинского Понта’.

Такое употребление характерно для описания состояния дел на какой-то момент, для создания фона событий, обозначаемых, как правило, формами аориста. Тот же самый глагол в аористе интерпретируется как инцептив:

(40) ὀλίγον τε πρὸ τῶν Μηδικῶν καὶ τοῦ Δαρείου θανάτου, ὃς μετὰ
Καμβύσην Περσῶν ἐβασίλευσε (Thuc., Bell. Pel., 1, 14)
‘Незадолго до мидян и до смерти Дария, который **воцарился**
(аог.) после Камбиса’.

Характерной функцией имперфекта в древнегреческом языке является способность передавать начинательные значения — инхоатива и инцептива. Так, инхоативное значение имперфекта возможно даже с предельными процессами:

(41) Γόργος μὲν δὴ στερηθεὶς τῆς πόλιος ἔφευγε ἐς Μήδους (Herod.,
Hist., 5, 104)
‘Горг, **потеряв** (Pfv.Part) свой город, **пустился в бегство**
(Ipf) к мидянам’.

Тот же самый глагол в форме аориста обозначает уже завершённую ситуацию в прошлом, достижение предела подразумевается:

(42) ὁ βασιλεὺς τῶν Λακεδαιμονίων εἰς Αἰτωλίαν ἔφυγε (Polyb., Hist., 5, 29)

‘Царь лакедемонян убежал в Этолию’.

Инхоативное значение имперфекта является своеобразной особенностью древнегреческого языка по сравнению с новогреческим языком, где такие употребления отсутствуют и употребляется только аорист. Можно сказать, что новогреческий попадает в «европейский» контекст, в частности, в соседствующих с греческим романскими языками употребление имперфекта с инхоативном значении также невозможно. Так, в итальянском переводе Геродота (см. пример б) использована форма Passato remoto, т. е. перфективное прошедшее время:

(43) Gorgo, perduta la propria città, **si rifugiò** presso i Medi.

В древнегреческом нередко случаи, когда, казалось бы, моментальный глагол употребляется в имперфекте, обозначая, при этом, не повторяющееся действие, как можно было бы ожидать, а однократное выполнение действия (хотя примеров с хабитуальными или итеративным значением тоже много). См., например, употребление имперфекта с моментальным глаголом κελεύω ‘приказывать’:

(44) εὐθὺς οὖν τῇ ὑστεραία ἅμα τῇ ἡμέρᾳ ὁ ὑπηρετής ἐλθὼν ἐκέλευέ με καλεῖν εἰς τὴν ναῦν τοὺς ναύτας (Demosth., kata Polyklen, 50, 46)

‘Уже на следующий день помощник, придя, **приказал** позвать моряков на корабль’.

Древнегреческий «перфект» семантически является результатом:

(45) Τα οἰκήματα **ὠκοδόμηται**
‘Дома **построены**’ [Smyth 1920].

Возможно, впрочем, также и экспериенциальное значение:

(46) τίς οὐκ **ἀκήκοε** τῶν τραγωδοδιδασκάλων Διονυσίοις;
‘Кто {никогда} не слушал учителей пения на Дионисиях?’
(Isocr., Panathenaecus, 168).

Императив в древнегреческом, как и в новогреческом³, может быть перфективным и имперфективным. Однако, если форма перфектива является единственно возможной нейтральной формой (если только действие не носит хабитуальный характер), формы перфективного и имперфективного императива встречаются примерно в равных пропорциях, или даже, скорее, имперфективный императив встречается немного чаще. Так, например, в корпусе Perseus Digital Library мы находим 6 примеров использования в древнегреческой литературе перфективной формы императива 2Sg глагола **открывать** (ἄνοιξον) и 8 примеров использования имперфективной формы. Имперфективные формы, по-видимому, имеют значение призыва к немедленному совершению действия (подобно аналогичным формам несовершенного вида русского языка):

(47) ὁδὶ δὲ καὐτός: ἀλλ' **ἄνοιγε** τὴν θύραν (Aristoph., Acham., 1189)
'Вот и он: ну **открывай** же дверь'.

(48) **ἄνοιγε** τὴν θύραν: παραχωρεῖν οὐ θέλεις; ὑμεῖς τί κάθησθε (Aristoph., Neb., 1217)
'**Открывай** дверь: отойти не хочешь? А вы что сидите?'

Перфективный императив употребляется, видимо, в нейтральном контексте просьбы или приказа:

(49) τὴν θύραν **ἄνοιξον** τήνδ': εἰ δὲ μή, καταλεσῶν κείσομαι (Aristoph., Eccl., 962)
'**Открой** эту дверь, а если не [откроешь], я упав буду лежать'.

Иногда могут следовать подряд два императива, первый — перфективный, второй — имперфективный, например:

(50) σὺ δέ μοι, φίλτατον, ὦ ἱκετεύω, **ἄνοιξον** ἀσπάζου με: διὰ τοι σὲ πόνους ἔχω. (Aristoph., Eccl., 969)
'Милая, ой, умоляю, ты мне **открой** (Pfv) и **прими** (Prfv) меня, я по тебе страдаю'.

---

³ Следует отметить, что в некоторых новогреческих диалектах, например, в диалектах Южной Италии, возможна лишь одна форма императива — перфективная. То же относится и к формам зависимого наклонения [Rohlf's 1977].

Р. Бенаккио высказывает идею о том, что выбор несовершенного вида в древнегреческом императиве в значении «приступа к действию» является выбором «субъективного типа»: важно, считает ли сам говорящий, что действие должно быть непременно выполнено немедленно, в то время как в новогреческом языке представлен выбор «объективного» типа — имперфектив употребляется только в случае, если сама ситуация действительно требует немедленного выполнения действия. Похожее различие наблюдается в выборе вида в императиве между южными с одной стороны и восточно- и западно-славянскими языками с другой стороны [Бенаккио 2010].

Также представляет интерес употребление форм древнегреческого инфинитива. Различаются три аспектуальных граммы: имперфектив, перфектив, перфект. Перфектный инфинитив, по-видимому, выражает то же результативное значение:

- (51) ἐθέλω **τεθνηκένα**, ἢ 'κλεψα τῶν σῶν ἄξιόν τι καὶ τριχός. (Aristoph., *Ranae*, 614)

‘Я бы хотел **быть мертвым**, если я украл хоть волосок из твоих ценностей’.

Разница между перфективным и имперфективным инфинитивом достаточно тонка и не всегда ясна. Их частотность примерно равна. В нейтральном случае, кажется, выступает перфективный инфинитив (*infinitivus aoristi activi*), напр.:

- (52) Ὀδυσσεὺς δὲ αὐτῷ δίδωσιν ἐκ τοῦ Μάρωνος οἴνου **πιεῖν** (Apolod. *Epitome*, 1,9)

‘Одиссей дает ему **выпить** вина Марона’.

Имперфектив употребляется, когда говорится о действии отвлеченно от конкретной ситуации, вообще, например:

- (53) ἐν δὲ Σκύθαις οὐκ ἐξῆν **πίνειν** ἐν ἑορτῇ (Aristot., *Polit.*, 7, 1324b)

‘У скифов не принято **пить** во [время] праздника’.

В [Smyth 1920] отмечены случаи «согласования» по виду (обычно понимается как аттракция), когда инфинитив употребляется в форме того же вида, что и управляющий глагол, например ἦρχετο γίγνεσθαι ‘он начал появляться’ с обоими глаголами в имперфективе и ἦρξάτο γενέσθαι ‘то же’ с обоими глаголами в перфективе, т. е. в аористе.

Инфинитив будущего времени находится вне аспектуальной семантики и употребляется только в конструкции *accusativus cum infinitivo*, обозначая предстояние (в противоположность имперфективу, обозначающему одновременность, и перфективу, обозначающему предшествование). Аналогичная — таксисная — семантика характерна и для системы причастий — причастия от основы перфектива обозначают предшествование главному действию, имперфектива — одновременность, футурума — предстояние и желательность или намерение совершить действие. Перфектное (результативное) причастие обозначает состояние, являющееся результатом предшествовавшего действия, как и сама форма перфекта:

- (54) *καταλαμβάνουσι Βρασίδαν ἐπιπλοῦτα*
'они обнаруживают, что Брасид уже прибыл'.

7. Выводы

Наиболее интересными для типологии аспекта являются следующие факты, обнаруживаемые в греческом языке. И в древнегреческом, и в новогреческом словоизменительная категория аспекта выходит далеко за пределы своей естественной области — прошедшего времени⁴, в новогреческом распространяясь на всю глагольную парадигму, что является достаточно необычным явлением. В новогреческом парадигма глагола значительно сократилась по сравнению с древнегреческим, но обрела большую последовательность: в частности, вид здесь различается и в будущем времени, чего нет в древнегреческом. Категория аспекта стала для новогреческого глагола, безусловно, центральной, в то время как для древнегреческого глагола центральной является, скорее, категория модальности. Новогреческая система в этом смысле ближе к славянским системам, в которых, однако, аспект

---

⁴ Многие древние индоевропейские языки имеют основы имперфектива, перфектива и аориста, но нигде, кроме греческого и отчасти древнеармянского (императив) и латинского (инфинитив), эти основы не различаются вне прошедшего времени индикатива. Типичные примеры — санскрит и старославянский языки. Распространение аспектуального противопоставления на большую часть парадигмы в древнегреческом можно считать инновацией по сравнению с праиндоевропейским состоянием.

является словообразовательной категорией⁵. В этом можно усмотреть ареальную черту. Так, использование вида в императиве в новогреческом примыкает к использованию вида в императиве в южнославянских языках [Бенаккио 2010], в то время как древнегреческий императив типологически ближе к восточно- и западнославянским языкам (это касается, прежде всего, значений имперфективного императива). Подобным же образом сузилось и значение формы имперфекта: в новогреческом ее значение ограничивается хабиуталисом и дуративом в прошедшем времени, в то время как древнегреческая форма имеет и иные интерпретации, такие, например, как начало действия.

Однако несмотря на то, что формально система глагольных категорий в новогреческом устроена максимально симметрично, аспект, будучи употребленным не в индикативе, приобретает различные не свойственные ему функции, становясь выразителем таксисных, модальных значений, вежливости, а иногда полностью утрачивая свою исходную семантику. То же верно и для неиндикативных форм древнегреческого.

Интерес представляет изменение семантики имперфекта. В древнегреческом имперфект представлен шире, чем в новогреческом, и выполняет порой весьма своеобразную для имперфекта функцию начала действия, сочетаясь со всеми акциональными классами глаголов. Трансформация семантики имперфекта связана, возможно, с влиянием соседних романских языков.

Интересно также то, что при формально разных способах выражения одного и того же значения (например, перфекта-результатива или будущего времени), сами эти значения постоянно присутствовали в греческом языке и были грамматикализованы.

Литература

- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Basil, Blackwell, 1985.
Hesse 2003 — R. Hesse. Syntax of the Modern Greek verbal system. Copenhagen: Museum Tusulanum Press, University of Copenhagen, 2003.
Joseph 2001 — B. D. Joseph. Pros ta nea elinika [“Towards Modern Greek”] // A. Ph. Christides (ed.) Istoriat is elinikis glosas apo tis arxes eos tin is-

---

⁵ Имеется в виду оппозиция СВ — НСВ. Аорист и имперфект старославянского, болгарского, македонского, сербско-хорватского языков представляет как раз аспект флективного типа.

- teri arxeotita [History of the Greek language from the beginnings up to later antiquity]. Thessaloniki: Centre for the Greek Language, 2001. P. 516–520.
- Mackridge 2003 — P. Mackridge. An Essential Grammar of the Modern Greek Language. London: Routledge, 2003.
- Rohlf's 1977 — G. Rohlf's. Grammatica storica dei dialetti italogreci. München: C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1977.
- Smyth 1920 — H. W. Smyth. A Greek Grammar for Colleges. American Book Company, 1920.
- Бенаккиo 2010 — P. Бенаккиo. Вид и категория вежливости в славянском императиве. Сравнительный анализ. München; Berlin: Verlag Otto Sagner, 2010.
- Τριανταφυλλίδης 2002 — Μ. Τριανταφυλλίδης. Νεοελληνική γραμματική (της δημοτικής). Θεσσαλονίκη: Αριστοτέλειο Πανεπιστήμιο Θεσσαλονίκης, Ινστιτούτο Νεοελληνικών σπουδών, 2002.

Е. В. Горбова

О СТРОЕНИИ АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА ¹

0. В данной работе предлагаются к рассмотрению две теоретические модели представления аспектуально-темпоральной системы испанского языка (ИЯ), изложению которых предшествует краткий обзор литературы, посвященной вопросам испанской аспектологии. В разделе 1 представлена модель, в основе которой лежит понятие бинарной грамматической оппозиции и положение о теоретически допустимой множественности аспектуальных оппозиций, в том числе и в рамках одной языковой системы. Данная модель опирается на теоретические построения Ю. С. Маслова [Маслов 1978, 2004] и Б. Комри [Comrie 1976]. В разделе 2 кратко представлена многоуровневая модель описания аспектуальности ИЯ.

0.1. Прежде чем приступить к описанию аспектуальной системы одного конкретного языка уместно рассмотреть некоторые общие теоретические (и методологические) вопросы.

0.1.1. Одним из важнейших представляется вопрос о бинарности (или небинарности) аспекта. При этом бинарность допускает, по-видимому, более чем одно толкование. О бинарности можно говорить, например, как о принципиально двухкомпонентном устройстве аспектуального домена языка в духе К. Смит (см. [Smith 1991, 1997; Смит 1998]). Но чаще, по-видимому, под бинарностью понимают деление аспектуальной системы языка либо (узко) на две противопоставленные граммы — перфектива и имперфектива, либо (шире) — на две зоны — перфективности и

---

¹ Работа выполнена при поддержке грантов РГНФ № 10-04-00168а, Президента РФ для государственной поддержки ведущих научных школ РФ «Школа общего языкознания Ю. С. Маслова» НШ-3688.2010.6 и Тематического плана фундаментальных НИР СПбГУ «Петербургская лингвистическая традиция в свете современных направлений мировой лингвистики».

имперфективности, каждая из которых может включать в себя множество (находящихся в разной степени грамматикализации) аспектуальных значений, объединенных некой общей семантикой в каждой зоне.

Узкий подход явным образом ориентирован на славянскую, точнее, русскую систему грамматикализованной аспектуальности, которая, как известно, отличается тем, что в ней наличествует ровно одна бинарная грамматическая оппозиция с противопоставлением СВ и НСВ (собственно перфектива и собственно имперфектива, т. е. перфектива и имперфектива в узком смысле). Широкий подход, предполагающий наличие в аспектуальности двух зон, каждая из которых содержит некое множество частично различающихся аспектуальных значений, представлен, например, в [Comrie 1976; Плунгян 1998, 2000, 2011]. В книге Б. Комри субкатегоризации подвергается только зона имперфектива, а в работе В. А. Плунгяна 1998 года субкатегоризация предлагается и для зоны перфектива, в которую включаются такие значения, как, в частности, комплетив, пунктив, моментатив, лимитатив. В некоторых случаях, по-видимому, практикуется и недифференцированная по отношению к указанным узкому и широкому пониманию трактовка бинарности как деления на перфектив и имперфектив.

На чем же может быть основана идея о бинарности аспекта? Является ли она всего лишь уже имеющим традицию механическим перенесением в общую аспектологию и типологию специфики устройства аспектуальной оппозиции в одной конкретной (русской) языковой системе или за бинарностью аспекта стоит что-то более существенное и эмпирически оправданное?

Второе предположение представляется более правдоподобным, и вот на каком основании. Аспектуальные граммы обладают высокой чувствительностью к бинарному противопоставлению достижения ~ недостижения предела у соотнесенных с пределом (т. е. предельных) глагольных предикатов (о данных семантических оппозициях в зоне качественной аспектуальности см., в частности, [Маслов 1978, 2004: 312]). Используя терминологию акциональных классов, можно утверждать, что бинарность, прежде всего, характерна для класса терминативов (у З. Вендлера — Accomplishments), т. е. глаголов типа *'надевать — надеть'*. Наиболее «естественным» деление на перфектив ~ имперфектив (PF ~ IPF) является именно для этого класса глаголов: PF марки-

рует достижение предела (кульминацию), а IPF — недостижение этого предела при соотнесенности с ним. В первую очередь это верно для русской оппозиции СВ (PF) ~ НСВ (IPF), т. е. для противопоставления перфектива и имперфектива в узком смысле. Однако аналогичным эффектом по отношению к соотнесенным с пределом глаголам обладают, по-видимому, любые граммы, входящие в перфективную и имперфективную зоны. Безусловно, последнее утверждение нуждается во введении ряда оговорок: имеются в виду, во-первых, простые (некомбинированные) граммы (ср. с имперфективно-перфективными комбинациями граммем в ИЯ, см. ниже); во-вторых, сформулированное положение верно либо в случае минимальности контекста (при отсутствии блокирующих достижение предела компонентов), либо контекста, реализующего партнерский по отношению к грамматической семантике сценарий взаимодействия (о данном понятии см. [Горбова 2007]).

Думается, что зачастую интуитивное стремление аспектологов к бинарному представлению аспектуального домена, конституируемого значениями из Универсального грамматического набора — УГН (см., в частности, [Плунгян 2000: 234]), продиктовано именно бинарностью семантической оппозиции достижение ~ недостижение предела, актуальной для обладающего специфическими акциональными характеристиками подкласса глаголов (с возможной кульминацией, обусловленной развитием предшествующего процесса), поскольку именно это семантическое противопоставление (кульминация ~ ее невыраженность) наиболее прототипично для аспекта как грамматической категории естественного языка.

0.1.2. Уместно обсудить еще один вопрос, имеющий отношение как к представлению аспектуальной зоны ИЯ, так и к общим положениям типологической аспектологии. Наиболее правомерным подходом к выделению значений, включаемых в общую типологическую «копилку» (как бы она ни называлась — «Универсальный грамматический набор» [Плунгян 2000: 234], «Универсальный набор семантических признаков» [Чвани 1998: 490], или «Универсальная Грамматика» [Смит 1998: 406]), представляется следование принципу отбора для нее тех значений, которые зафиксированы в естественных языках как имеющие специализированную форму выражения, специализированный показатель.

Желательно, по-видимому, чтобы также соблюдалось условие встроенности данного значения в грамматическую категорию, другими словами — его статус (бесспорной) грамлеммы. Квазиграмлемматический статус должен, по-видимому, служить поводом для дополнительного обсуждения вопроса о целесообразности включения соответствующего значения в УГН.

Если мы принимаем предложенный принцип формирования типологической «копилки» (аспектуальных) значений, то, например, включение в наш набор экспериенциалиса будет возможно исключительно после обнаружения в каком-то естественном языке грамлеммы с экспериенциальной семантикой, причем эта семантика должна, по-видимому, играть роль если не инвариантного значения (что, как известно, не всегда оказывается возможным), то, по крайней мере, роль базового значения в соответствующей семантической сети. В том случае, если интересующее нас экспериенциальное значение, к примеру, не отвечает сформулированным выше требованиям, но при этом фигурирует как одно из периферийных значений в семантической сети другой грамлеммы, возникает проблема. Сформулируем ее в виде вопроса: имеет ли смысл говорить об экспериенциалисе и использовать его как типологический инструмент (как это сделано, например, в [Черткова 2004: 110]) в том случае, если, предположим, экспериенциальное значение обнаружено в каком-то естественном языке лишь как периферийное в семантической сети перфекта? Или же следует воздержаться и использовать в качестве ярлыка наименование базового значения грамлеммы (т. е. перфект)? Или следует отдать предпочтение комбинированному наименованию, в первой части которого наличествует базовое значение, а во второй — интересующее нас в рамках данного анализа, но периферийное значение (для обсуждаемого случая — перфектно-экспериенциальное значение, например)? Думается, что вопрос пока можно считать открытым, но с нашей точки зрения более предпочтителен либо не умножающий сущности отказ от использования в типологии в качестве ярлыка периферийного значения, либо — в случае необходимости — использование комбинированного наименования.

Может быть поставлена и еще одна проблема, отчасти носящая терминологический характер: следует ли (особенно без специальных оговорок) снабжать одним и тем же ярлыком спе-

циализированное средство выражения данного значения в языке и неспециализированные показатели, у которых соответствующее значение является периферийным, а базовым является отличное от него? Например, в ИЯ имеется специализированная аналитическая конструкция с базовым результативным значением *tener* 'иметь' + PART, напр. *tengo leído* 'имею прочитанным, прочитал', но результативное значение может появляться и у Перфекта² (*he leído* 'прочитал') и у Аориста (*leí* 'прочитал'). Кроме того, в плане будущего результативность можно усмотреть и у Футурума (*leeré* 'буду читать, читаю'), и у Проспектива (*voy a leer* 'читаю')³. Думается, что за пределами сугубо функционального ракурса рассмотрения материала, при котором в фокусе внимания исследователя находятся именно семантические единицы, а в его задачи входит исчерпывающее описание способов выражения данной семантики различными средствами языка, такая практика не может приветствоваться.

1. Предлагаемая модель, в рамках которой в ИЯ выделяют три бинарные грамматические видовые оппозиции, не является традиционной ни в зарубежной, ни в отечественной испанистике (и, шире, романистике и типологически ориентированной аспектологии). Впрочем, говорить о какой-либо традиции в описании строения аспектуально-темпоральной системы в ИЯ, равно как и о традиции употребления аспектологической терминологии в исследованиях на материале данного языка, к сожалению, не приходится. Представляется совершенно справедливым мнение Б. П. Нарумова, отметившего, что «[в] романистике аспектом может быть

---

² Здесь практикуется принятое в типологически ориентированной литературе различие на письме граммы, рассматриваемой скорее семантически (= crosslinguistic gram type), как один из элементов универсальной грамматики («Универсального грамматического набора» по В. А. Плунгяну, см. [Плунгян 2000: 234]), название которой передается только строчными буквами, и граммы, свойственной некоему конкретному языку (= «грамм» (gram) в терминологии Дж. Байби и Э. Даля), наименование которой дается с прописной буквы. См. об этом, в частности [Dahl 2000: 7], где возникновение этой традиции связывается с именем Б. Комри.

³ Все четыре возможности (Перфект, Аорист, Футурум, Проспектив как репрезентации Результатива) реализованы в статье [Черткова 2004].

названо все что угодно, не только такие признаки самого действия, как его конкретность или абстрактность, единственность или множественность, точечность или длительность и т. д., но даже временные признаки предшествования, одновременности и следования. Чаще всего романский термин “аспект” соответствует русскому “способ действия”» [Нарумов 1980: 79]. О том же свидетельствует, в частности, статья «Аспект» в «Словаре филологических терминов» Фернандо Ласаро Карретера [Lazaro Carreter 1971], где в качестве синонима к термину *аспект* дан термин *Aktionsart*. Там же упоминаются работы аспектологов, различающих эти два понятия, но констатируется, что в романской аспектологии эти термины зачастую употребляются как абсолютные синонимы. Ниже отмечается, что «в романском глаголе, как и в латинском, категория аспекта совмещена с категорией времени», что «для выражения аспектуальных оттенков, или способов действия, используются морфологические средства (аффиксы и перифразы, прежде всего)» и что «выделяются различные классы аспектов и *Aktionsart*’ов: дуративный, моментативный, ингрессивный, комплексивный, перфективный, итеративный, фреквентативный, терминативный, имперфективный, синтагматический, аористический, результативный, интенсивный, точечный, прогрессивный, курсивный» и т. д. [Lazaro Carreter 1971: 64]. Соответствующее негативное отношение к наличию в ИЯ аспектуальной грамматической категории (или категорий) представлено и в недавних работах, например, в [Pawlak 2008]. А. Павляк солидаризируется с теоретическими позициями В. Новикова (см., напр., [Nowikow 2003]). Суть их вкратце сводится к тому, что термин аспект (= вид) резервируется исключительно за противопоставлением имперфектив / перфектив (НСВ / СВ), характерным для славянского глагола, а термином *Aktionsart* предлагается обозначать «все остальные характеристики, как, например, инхоативность, семельфактивность, дуративность и т. д., которые свойственны глаголам всех языков» [Pawlak 2008: 265].

Как следует из приведенных цитат, наличие аспектуальности (как совокупности самых различных средств выражения «внутреннего времени» ситуации) у испанского глагола не ставится под сомнение, но мнения по вопросу о структурированности этих средств, об определении их статуса могут быть самыми различными.

1.1. Обозначим основные тенденции в области анализа аспектуально-темпорального домена, представленные в испанской грамматике:

1) идущая от академической грамматики 1931 года (см. [Gramática 1931]) традиция усматривать аспектуальную противопоставленность темпоральных форм испанского глагола⁴ (при этом выстраивается абсолютно симметричная система оппозиций простых и сложных временных форм)⁵; в настоящее время эта линия просматривается в работах [Rojo 1988, 1990; Rojo, Veiga 1999] (см. также более раннюю работу [Weinrich 1974]), авторы которых приходят к выводу о том, что аспектуальные значения временных форм испанского глагола являются производными от их темпоральных значений. Ср., напр.: «следует думать, по крайней мере, что мы имеем дело со случаем избыточности оппози-

⁴ Ср.: «[Испанский язык] отличает законченное, или совершенное, действие от незаконченного и располагает двумя полными сериями времен для выражения данного различия: имперфективными и перфективными временными формами» [Gramática 1931, §288a].

⁵ Ср.: «Как видим, соответствие не может быть более точным: каждому простому времени, выражающему несовершенное действие (acción imperfecta), соответствует сложное, обозначающее совершенное (acción perfecta)» [Gramática 1931, §288b]. Чуть ниже в цитируемой грамматике приводится следующая таблица:

Tiempos que presentan la acción como no terminada		Tiempos que presentan la acción como terminada	
modo indicativo			
Presente	DIGO	Pretérito perfecto	HE DICHO
Pretérito imperfecto	DECÍA	Pretérito pluscuamperfecto	HABÍA DICHO
Pretérito indefinido	DIJE	Pretérito anterior	HUBE DICHO
Futuro imperfecto	DIRÉ	Futuro perfecto	HABRÉ DICHO
modo potencial			
Potencial simple o imperfecto	DIRÍA	Potencial compuesto o perfecto	HABRÍA DICHO
modo subjuntivo			
Presente	DIGA	Pretérito perfecto	HAYA DICHO
Pretérito imperfecto	DIJERA, DIJESE	Pretérito pluscuamperfecto	HUBIERA DICHO, HUBIESE DICHO
Futuro imperfecto	DIJERE	Futuro perfecto	HUBIERE DICHO

ции: первичное (=основное) темпоральное отношение предшествования и перфективность настолько взаимосвязаны, что достаточно считать релевантной лишь одну из этих характеристик. (...) Аспектуальное значение перфективности, которое мы обнаруживаем в *he llegado, había llegado, hube llegado, habría llegado* и *llegué*, — это всего лишь то, что мы и должны ожидать как привнесенное первичным темпоральным отношением предшествования» [Rojo 1988: 208]. Близкий подход (относительно признания наличия в ИЯ аспектуально-темпоральных форм, способных выразить — при участии лексической семантики глагола — «аспектуальный признак») обнаруживается в [Нарумов 2001], хотя в данной работе он характеризуется большей категоричностью и ориентированностью на признание аспектом (у В. П. Нарумова — видом) той (и только той) разновидности аспекта, которая наличествует в славянских языках. Ср.: «в ИЯ, как и в других романских языках, за исключением истрорумынского, отсутствует лексико-грамматическая категория вида, подобная виду в русском языке, и глаголы не образуют видовых пар; соответствующие аспектуальные признаки, будучи логически связаны с временными, закреплены за временными формами глагола, и аспектуальные противопоставления последовательно проводятся почти во всей глагольной системе» [Нарумов 2001: 434]. Здесь же можно упомянуть и «примирительный» подход, принятый в [Репина 1996], в соответствии с которым факт «объединения двух грамматических значений (относительно времени и вида) в одних и тех же глагольных формах свидетельствует о «сопряженном» характере грамматической категории времени-вида в рамках рассматриваемой оппозиции. Грамматические значения времени и вида в данном случае нерасторжимы» [Репина 1996: 99]⁶;

2) линия «лексической аспектуальности», родоначальником которой в испанистике стал Андрес Бельо (см. [Bello 1951]), выделивший две аспектуально значимые группы глаголов: *desi-*

---

⁶ Следует оговорить тот факт, что в цитируемой работе приводимое положение имеет отношение, во-первых, только к противопоставлениям синтетических и аналитических глагольных форм типа презенс/перфект, имперфект/плюсквамперфект (т. е. без учета прогрессива), а во-вторых, то, что речь идет (обобщенно) о пяти рассматриваемых романских языках — французском, итальянском, испанском, португальском, румынском.

nentes и permanentes (предельные и неопредельные) — см., в частности, [De Miguel 1999; Nueva gramática 2009: 1692–1709];

3) направление, признающее аспектуальным только одну оппозицию испанского глагола — противопоставленные в рамках словоформы Имперфект ~ Аорист, см. [Westerholm 2010: 193–195];

4) направление, ориентированное на рассмотрение в качестве центрального компонента аспектуальности ИЯ так называемых перифрастических конструкций (см., напр., [Dietrich 1973; Bosque, Demonte (eds.) 1999; Nueva gramática 2009]) и, как наиболее концентрированное выражение сущности этого направления, концепция авторов работ [Васильева-Шведе 1957; Васильева-Шведе, Степанов 1963, 1990], усматривающих в грамматикализованной конструкции *estar + gerundio* с прогрессивным значением грамматическую категорию вида⁷. (Ср. с мнением Б. П. Нарумова, характеризующего данную конструкцию как «высокочастотную» и отмечающего, что она «полностью грамматикализовалась; (...) не имеет лексических ограничений и по существу стала частью аспектуально-временной системы глагола». При этом, однако, далее следует утверждение: «Нередко ее ошибочно трактуют как видовую» [Нарумов 2001: 434–435].)

Необходимо отметить, однако, что «в чистом виде» указанные концепции практически не представлены, и это закономерно, так как они принципиально не исключают друг друга, если исходить из положения о возможности наличия в языке нескольких аспектуальных оппозиций, базирующихся на различных аспектуальных признаках, а также признания того факта, что упомянутые средства выражения аспектуальных значений могут относиться к различным уровням: от грамматической категории до акциональных классов. Так, например, в «Проекте новой академической грамматики...» [Esbozo 1978], не отказывающемся от деления временных форм на имперфект(ив)ные и перфект(ив)ные, в параграфе “Aspecto de la acción verbal” перечисляются такие средства выражения «вида», как присоединение возвратного местоимения *se* к инфинитиву глагола, а также перифраза *ir + gerundio* [Esbozo 1978: 461–462]. С. Хили-и-Гайа, называя импер-

---

⁷ В работе [King 1992] эта линия продолжена, причем автор идет и дальше, ср.: “[I]n essence, we are going to argue that *estar* is the ‘progressive’ of *ser*” [King 1992: 103].

фективными и перфективными аспектами неопределённые и определённые глаголы, выделенные А. Бельо, излагает вместе с тем и концепцию академической грамматики 1931 года об имперфектных и перфектных временах, не соглашаясь лишь (как и А. Бельо) с отнесением *Prétérito Simple* (= *Prétérito Indefinido*, Аорист) к группе имперфектных времен [Gili y Gaya 1955].

Очень интересны разработанные в рамках отечественной испанистики варианты структурированного представления строения аспектуально-темпоральной системы испанского языка. Прежде всего, здесь следует назвать работы В. И. Силецкого (см. [Силецкий 1971a, 1971b]), в которых автор представляет центром поля аспектуальности оппозицию Претерит (Аорист + Перфект) ~ Имперфект, действующую в плане прошедшего, а в качестве средства распространения значения Имперфекта на другие участки системы испанского глагола, конструкцию *estar* + *gerundio* (при этом отмечается роль и «семантических видовых групп глаголов» — имеются в виду «предельные, неопределённые и некоторые другие» глаголы, «видовые оттенки которых безразличны к их парадигматическому поведению» [Силецкий 1971a: 137]).

В концепции А. А. Правдзивого (см. [Правдзивый 1974]) аспектуальный характер (совершенный или несовершенный в терминах автора) выражаемого глаголом действия проявляется в конкретных контекстуальных условиях и является результатом взаимодействия временной формы и «лексических аспектуально релевантных значений» глагольного слова, каковыми являются процессуальность и предельность, подразделяющаяся на терминативность и ингрессивность⁸.

Одним из вариантов строения аспектуальности ИЯ является концепция О. К. Васильевой-Шведе и Г. В. Степанова (см. [Васильева-Шведе, Степанов 1990]), заслуживающая особого внимания как одна из первых, провозгласивших наличие в системе испанского глагола грамматической категории аспекта (в авторской

---

⁸ «Аспектуально-релевантными значениями» временных форм автор считает «значения предшествования и одновременности, представляющие в современном испанском языке содержание сложных и простых глагольных форм»; к выражающим значения предшествования исследователь относит также «простую форму претерита» (= *Prétérito Simple* = Аорист. — Е. Г.) [Правдзивый 1974: 24].

терминологии — вида). Сущность этой концепции заключается в следующем: «Видовая оппозиция представлена в морфологической системе испанского глагола противопоставлением имперфективного и нейтрального видов, выраженного видовыми формами глагола *estar* + герундий и невидовыми, временными формами глагола *estar* + герундий (PROG.PRS) — *escribo* (NONPROG.PRS). — *Е. Г.*), а также по другой оси — оппозицией имперфективного и перфективного видов, выраженной видовыми формами глагола *estar* + герундий и противопоставленными им формами грамматизованной конструкции глагола *tener* + причастие переходного глагола, ср.: *estoy escribiendo una carta* ('я (в данный момент) пишу письмо', PROG.PRS. — *Е. Г.*) и *tengo escrita la carta* ('письмо у меня написано', RES. — *Е. Г.*)» [Васильева-Шведе, Степанов 1990: 197].

Отметим конфигурацию аспектуальных граммем ИЯ, предлагаемую Б. Комри в рамках разработанной им концепции общей аспектологии (см. [Comrie 1976]). Согласно его схеме, в ИЯ наличествуют три бинарные оппозиции: перфектив ~ неперфектив (имеется в виду противопоставление Аорист ~ Имперфект), перфект ~ неперфект и прогрессив ~ непрогрессив [Comrie 1976: 126–127].

В [Черткова 2004] в рамках сопоставительного представления аспектуальных систем русского и испанского языков испанская система представлена как дихотомия зон IPF и PF. В первую входят «презент, имперфект, пр(остой) и англ. (вероятно, аналитический). — *Е. Г.*) футурумы, прогрессивы: *estar* + герундий во всех временах, *llevar* + герундий, *solar* (по-видимому, *soler*. — *Е. Г.*) + инфинитив». Во вторую — «аорист, перфект, плюсквамперфект, футурум-2» [Черткова 2004: 119, схема 5]. При этом ранее выделенное в работе значение конклюдива было проиллюстрировано исключительно конструкцией *llevar* + герундий, значение итератива — конструкцией *soler* + инфинитив, а значения экспериенциалиса и результатива — Перфектом (результативное значение обнаружено также, как уже указывалось в разделе 0.1.2, у Аориста, Футурума и Проспектива [Черткова 2004: 107–110]).

В недавней «Новой академической грамматике испанского языка» [Nueva gramática 2009] предлагаемый подход (с множественностью бинарных аспектуальных оппозиций) зафиксирован как один из возможных. В частности, в качестве бесспорного признается аспектуальный статус противопоставления прогрес-

сивных и непрогрессивных форм испанского глагола, см. [Nueva gramática 2009: 1685, 1687]⁹, а противопоставление Имперфект ~ Аорист авторами грамматики дипломатично рассматривается как одновременно и темпоральное и аспектуальное [Там же: 1687–1688, 1762–1767]. В то же время существующая в литературе трактовка этого противопоставления как (чисто) аспектуального также признается возможной. Относительно Перфекта также констатируется наличие в испанистической литературе разногласий по поводу трактовки этой граммы либо как аспектуальной, либо как темпоральной [Там же: 1690], и вместе с тем в этом же параграфе по отношению к форме *ha cantado* используется термин ASPECTO PERFECTO.

Вместе с тем, в грамматике [Nueva gramática 2009], носящей одновременно и дескриптивный и нормализаторский характер, приводится и исчерпывающий перечень так называемых перифрастических глагольных конструкций, относительно которых можно утверждать, что они, формально являясь сочетанием финитного глагола и вербоида, не образуют двух различных предикаций [Nueva gramática 2009: 2105]. Довольно традиционно данные конструкции классифицируются по двум основаниям: 1) синтаксической структуре и 2) значению [Там же: 2107]. Следуя данной грамматике [Nueva gramática 2009: 2105–2222], приведем несколько сокращенный список¹⁰ глагольных аналитических образований (перифраз) современного ИЯ, организовав его в соответствии со структурой и ограничиваясь исключительно теми явления-

---

⁹ Ср.: “En efecto, lo que diferencia la oración *Arturo lee el periódico* de *Arturo está leyendo el periódico* no es el tiempo (*presente* en los dos casos), sino el aspecto” [Nueva gramática 2009: 1685] (Действительно, то, что отличает предложение *Arturo lee el periódico* ‘*Артуро читает*’ (NONPROG.PRS) *газету*’ от *Arturo está leyendo el periódico* ‘*Артуро читает*’ (PROG.PRS) *газету*’, это не время (*настоящее* в обоих случаях), а аспект. — Перевод мой. — Е. Г.)

¹⁰ В приводимый ниже список не были включены те аналитические образования, относительно которых в [Nueva gramática 2009] было отмечено, что они являются американизмами, т. е. неупотребительны в иберийском варианте ИЯ (например, *abrir a* + INF, *entrar a* + INF, *tener* + GER, *vivir* + GER, *parar* + GER), а также конструкции с очень узкой сочетаемостью (напр., *quedarse* + GER, употребительная только с глаголами *ver* ‘видеть’ и *mirar* ‘смотреть’).

ми, которые семантически относятся к аспектуальности и/или темпоральности (включая временную дистанцию). Также предлагаются наименования для соответствующих (квази)граммем.

Таблица 1

**Аналитическое формообразование испанского глагола
в сфере аспекта и времени**

№ №	Конструкция	Предлагаемое наименование	Примечание
I. Инфинитивные аналитические конструкции (общее и специфическое свойство — принципиальная совместимость друг с другом, т. е. возможность комбинирования)			
1.	<i>ir a + Inf.</i>	проспектив	«старая» граммема, тенденция к преобразованию в футурум
2.	<i>soler + Inf.</i>	хабитуалис	модальная окраска семантики
3.	<i>acabar de + Inf.</i>	1. финитив (=терминатив) 2. ходиернал	1. фазовое значение — финальной фазы 2. недавнее прошедшее
4.	<i>volver a + Inf.</i>	реститутив	возвращение ситуации к предшествующему состоянию
5.	<i>venir a + Inf.</i>	1. кульминатив 2. аппроксиматив	1. ‘в конце концов’, синоним — <i>acabar por</i> ; 2. значение носит модальный характер
6.	<i>estar a punto de + Inf.</i>	проспектив	«молодая» (квази)граммема
7.	<i>estar por + Inf.</i>	проспектив	характерен, скорее, для американских вариантов
8.	<i>empezar (comenzar) a + Inf.</i>	инхоатив	фазовое значение — ‘начать что-то делать’
9.	<i>ponerse a + Inf.</i>	инцептив	фазовое значение с акцентированием левого предела — ‘взяться, приняться за...’
10.	<i>pasar a + Inf.</i>	транспозитив	переход в новое состояние
11.	<i>dejar (cesar, parar) de + Inf.</i>	интерруптив	(внезапное) прекращение наличествующей ситуации
12.	<i>terminar (acabar) de + Inf.</i>	финитив (= терминатив)	фазовое значение — финальной фазы

№ №	Конструкция	Предлагаемое наименование	Примечание
13.	<i>tardar en + Inf.</i>	тардатив	обязательно указание на временной интервал, в течение которого ситуация не имела места
14.	<i>llegar a + Inf.</i>	кульминатив	с модальной окраской: реализация обозначенной инфинитивом ситуации оценивается положительно, как достижение
II. Герундиальные конструкции (несовместимы друг с другом, но совместимы с инфинитивными конструкциями)			
1.	<i>estar + Ger.</i>	прогрессив/ дуратив	близость к дуративу вследствие полного охвата глагольной лексики
2.	<i>ir + Ger.</i>	градуатив	имеет векторный характер, с компонентом 'постепенно', не сочетается с неопределёнными глаголами
3.	<i>andar + Ger.</i>	фреквентатив	дистрибутивность относительно временных промежутков и/или участников
4.	<i>venir + Ger.</i>	прогрессивный инклюзив	обозначает заполненный поступательно развивающейся ситуацией временной интервал, начавшийся ранее момента речи (референциальной точки) и включающий эту точку
5.	<i>llevar + Ger.</i>	инклюзив	синонимична предыдущей, но обязательно наличие в контексте указания на временной интервал или начальную точку
6.	<i>seguir (continuar) + Ger.</i>	континуатив	антоним — <i>dejar de + Inf.</i>
III. Причастные конструкции (их статус как средства аналитического формообразования наиболее сомнителен)			
1.	<i>estar + Part.</i>	субъективный результатив	только с предельными глаголами, которые большей частью являются переходными
2.	<i>tener + Part.</i>	объективный результатив	только с переходными предельными глаголами
3.	<i>llevar + Part.</i>	делимитатив	«широкая» делимитативность — не только временная, но и пространственная

1.2. В рамках предлагаемой модели ИЯ трактуется как язык с грамматической категорией аспекта (*aspect-prominence*). Избранная модель испанского аспекта конституируется шестью граммами, попарно организованными в виде трех бинарных оппозиций. При этом из достаточно богатого набора аналитических средств выражения аспектуальных значений отбор осуществлялся по принципу наибольшей грамматикализованности, в частности, с учетом полноты охвата глагольной лексики. Именно поэтому в качестве (семантически маркированных) членов оппозиций выступают только те образования, относительно которых можно утверждать, что существует традиция их включения в глагольную парадигму. Соответственно, предлагается рассматривать в качестве наиболее грамматикализованной части аспектуальности испанского глагола следующие три оппозиции: Имперфект ~ Аорист, Перфект ~ Неперфект, Прогрессив ~ Непрогрессив. Наличие же среди формальных средств выражения аспектуальных значений в ИЯ трех видовых оппозиций на фоне стандартных темпоральных противопоставлений¹¹ естественным образом ставит задачу анализа условий их сосуществования и взаимодействия¹².

---

¹¹ Вопреки мнению Б. Бичакджана, согласно которому в ходе эволюции языка аспектуальные противопоставления «в рамках *здесь и сейчас*», от «оков» которых «освободились говорящие», были заменены более прогрессивными темпоральными, ср.: «Языковая “видеокамера” появилась, когда исконная аспектуальная система преобразовалась в преимущественно временную» [Бичакджан 2008: 77]. Из трех наличествующих в ИЯ аспектуальных оппозиций две (с участием маркированных граммем Перфекта и Прогрессива) являются новообразованиями, отсутствовавшими в латинском языке.

¹² Взаимодействие понимается в соответствии с постулатами, изложенными в [Храковский 1996: 24–25]: «1) *взаимодействие* — одна из разновидностей *отношения*, связывающего две грамматические категории, 2) другие разновидности этого отношения — *взаимообусловленность*, *взаимозависимость* и *взаимосвязь* (хотя я не убежден, что взаимозависимость и взаимосвязь достаточно четко отличаются друг от друга по понятийному содержанию), 3) *взаимодействие* — это такое *отношение* между грамматическими категориями, при котором обе категории функционируют согласованно и влияют друг на друга таким образом, который может приводить к видоизменениям обеих грамматических категорий (в частном случае — одной грамматической категории), 4) *взаим*

Рассматривая в качестве исходного пункта такого анализа сравнение сфер функционирования указанных оппозиций, стоит отметить, что если оппозиция Прогрессив ~ Непрогрессив¹³ делит пополам «жизненное пространство», занимаемое каждым из членов противопоставления двух других оппозиций (возможны Прогрессивный и Непрогрессивный Имперфект, Прогрессивный и Непрогрессивный Аорист, Прогрессивный и Непрогрессивный Перфект, Прогрессивный и Непрогрессивный Неперфект (в частности, Презенс и Футурум)), то последние лишены таких широких возможностей, функционируя на гораздо более ограниченном «пространстве». Так, оппозиция IMPF ~ AOR, как известно, действует исключительно в плане прошедшего индикатива (именно то обстоятельство, что и Имперфект, и Аорист являются субъектами плана прошедшего, причем, будучи соотнесены непосредственно с моментом речи, а не с каким-то другим временным ориентиром, могут быть квалифицированы как абсолютные временные формы, служит основанием для их рассмотрения в качестве членов аспектуального противопоставления¹⁴). При этом сфера

действие следует отличать от *взаимообусловленности*, которая имеет место в случае обязательного сосуществования двух категорий» (выделение авторское. — Е. Г.).

¹³ Постулирование оппозиции типа прогрессив ~ непрогрессив (бинарной и привативной) – это всего лишь один из возможных подходов к проблеме. Если же, например, вслед за И. А. Мельчуком [Мельчук 1997b: 286–288], В. А. Плунгяном [Плунгян 2000: 133–136] и Н. В. Перцовым [Перцов 2001: 247, 2004: 458] использовать понятие квазиграммемы, то как испанский Прогрессив, так и Перфект следует, по видимому, рассматривать как квазиграммемы. Так как различие в этих двух подходах не представляется существенным для обсуждаемых вопросов взаимодействия граммем (или граммем и квазиграммем), представляется возможным последовательно не переходить на введение оговорки о квазиграммематической сущности испанского Прогрессива и Перфекта. (В скобках отметим, что при реально существующих в ИЯ формах Прогрессивного Перфекта мы получаем, следовательно, комбинацию двух квазиграммем.) См. ниже раздел 2 и сноску 24.

¹⁴ При сравнении компонентов, составляющих семантическое содержание Имперфекта и Аориста ИЯ, оказывается, что они различаются исключительно по признаку непресеченности ~ пресеченности действия; набор семантических признаков Имперфекта включает: «1) предшествование моменту речи; 2) непресеченность (неограниченность пре-

номерность подобного распределения сфер их функционирования. Признак, лежащий в основе оппозиции PRF ~ NONPRF («актуальность последствий действия для более позднего временного плана»¹⁵), несовместим с базовыми значениями членов оппозиции IMPF ~ AOR, содержащими общий компонент ‘неконтактность с моментом речи’, т. е. отсутствие связи «с более поздним временным планом», обычно — планом настоящего, где локализован момент речи. По этой причине функционирование оппозиции IMPF ~ AOR возможно лишь в сфере Неперфекта, характеризующегося «неактуальностью последствий действия для более позднего временного плана».

С другой стороны, характеристика действия относительно признака конкретности, составляющая семантическую основу оппозиции PROG ~ NONPROG (см. [Касевич 1988, 2006: 548]), не вступает в какие бы то ни было противоречия с базовыми значениями членов двух других видовых оппозиций: как конкретное (актуализированное) или неконкретное (неактуализированное) может быть охарактеризовано принципиально любое действие, вне зависимости от того, являются ли актуальными его последствия для более позднего временного плана или нет (содержание оппозиции PRF ~ NONPRF), рассматривается ли оно как непресеченное, интратерминальное, или как пресеченное, лимитированное (содержание оппозиции IMPF ~ AOR).

Следовательно, в силу особенностей своей семантики, только оппозиция PROG ~ NONPROG принципиально совместима со всеми четырьмя членами двух других аспектуальных оппозиций ИЯ, и на этом основании, а также благодаря проникновению во все участки аспектуально-темпоральной системы испанского глагола, может занять верхнее положение в иерархии видовых оппозиций этого языка. (Здесь, однако, наблюдается своеобразный парадокс, так как в силу тех же семантических причин — специфики признака, лежащего в основе аспектуального противопоставления (конкретность явления, обозначаемого глаголом, т. е. его актуализация говорящим) — можно говорить и о сомнениях относительно признания этого признака аспектуальным, так как он лишь с некоторой натяжкой может быть включен в круг

---

¹⁵ Цитата из [Бондарко 1983: 78], но А. В. Бондарко отмечает, что автором данного определения является Ю. С. Маслов.

аспектуальных значений, отражающих «внутреннее время» действия, и, следовательно, о несколько периферийном положении данной оппозиции в зоне аспектуальности, что, впрочем, в полной мере относится и к оппозиции PRF ~ NONPRF ¹⁶).

Следует также отметить, что наличие в зоне аспектуальности ИЯ оппозиции IMPF ~ AOR, основанной на отношении к признаку ограниченности протекания или повторения действия, позволяет испанскому Прогрессиву сохранить свойственную ему функцию обозначения конкретности действия (его актуализации), не расширяясь до представления конкретного действия в процессе его протекания, что привело бы к обязательности использования прогрессивных форм для обозначения, в частности, фоновых действий в плане прошедшего (что характерно для английского Прогрессива). Логическим следствием подобного пути развития аспектуальной системы является преимущественное (а в некоторых случаях и обязательное) использование прогрессива для обозначения действия в настоящем актуальном, так как за прогрессивом закрепляется функция обозначения не просто конкретности действия, а конкретности протекания действия (что, опять же, свойственно английскому Прогрессиву). Характерно, что Х. Мэрченд также связывает отсутствие запрета на использование не-прогрессивных форм в настоящем актуальном в ИЯ с сохранением в его аспектуальной системе оппозиций IMPF ~ AOR в плане прошедшего (см. [Мэрченд 1962: 363]): Непрогрессивный Презенс уравнивается Непрогрессивным Имперфектом, способным обозначать не только неограниченную повторяемость действия, но и однократное действие в процессе его протекания. По этой причине Непрогрессивный Презенс в ИЯ служит не только для «1) констатации фактов (событий или результатов действия),

---

¹⁶ Ср. следующее замечание Б. Комри относительно особого положения перфекта в рамках аспектуальности: «Под видом <...> понимаются различные способы представления внутреннего временного строения ситуации. Перфект несколько отличается от аспектуальных категорий этого типа, так как непосредственного он ничего не сообщает нам о самой ситуации, а, скорее, устанавливает связь некоего состояния с предшествующей ему ситуацией». Следовательно, рассматривая перфект в качестве аспектуальной граммы, нужно иметь в виду, что «он является аспектуальной граммой в несколько ином смысле, чем другие аспектуальные категории, рассмотренные выше» [Comrie 1976: 52].

либо 2) описания того, что является обычным или имеет общую значимость» [Bodelsen 1974: 222–223] (что характерно для английских непрогрессивных форм настоящего), но и для «выражения одного отдельного действия, наблюдаемого в динамическом процессе его развития» [Мэрченд 1962: 358] (что является прерогативой формы PROGR.PRS в английском языке).

Таким образом, наличие в ИЯ оппозиции IMPF ~ AOR, противопоставляющей рассмотрение действия «изнутри» (Имперфект) взгляду на него «извне» (Аорист)¹⁷, позволяет сохранить

---

¹⁷ Оппозиция IMPF ~ AOR рассматривается здесь как нейтрализуемая с учетом отсутствия контекстов, запрещающих появление представителя того или иного члена противопоставления, ср.: «Результаты исследования показали, что все анализируемые временные формы (Плюсквамперфект, Перфект, Аорист, Имперфект, Презенс. — Е. Г.), абстрагировано от семантики их лексического наполнения, характеризуются как синтагматически совместимые с указанными аспектуально значимыми словами, независимо от принадлежности последних к микрополю совершенности или несовершенности» [Правдивый 1974: 9]. («[К]ак конstituенты поля совершенности в работе были использованы: а) временные союзы с дифференцирующим семантическим значением *en cuanto* ‘как только’, *apenas* ‘как только, едва’, *desde que* ‘с тех пор как, после того как’, *hasta que* ‘до тех пор, пока не’, etc.; б) наречия *por completo* ‘полностью’, *de pronto* ‘вдруг, внезапно’, etc., как конstituенты поля несовершенности использовались а) временные союзы с дифференцирующим семантическим значением *mientras* ‘пока, в то время как’, *entre tanto que* ‘в то время как’, etc., б) наречия *sin cesar* ‘безостановочно, непрерывно’, *a medida que* ‘по мере того как’, а также обстоятельственные словосочетания типа *durante mucho tiempo* ‘на протяжении долгого времени’, *largo rato* ‘долгое время, долго’, etc.» [Правдивый 1974: 8]). Приведем примеры, подтверждающие выводы исследователя: *Lloró* (NONPROG.AOR) **largo rato**, *desahogándose de muchas tristezas y soledades pasadas, de la mano de Clara, que le ayudaba* (NONPROG.IMPF) *a sonarse y entre sollozo y sollozo le daba* (NONPROG.IMPF) *más pedazos de pastel y sorbos de té* (Isabel Allende, *La casa de los espíritus*) ‘Она (про)плакала **долго**, задыхаясь от множества пережитых печалей и одиночества, на руке Клары, которая помогала ей сморкаться и подносила к ее рту куски пирога и чашку с чаем между всхлипываниями’; *Mientras duraron* (NONPROG.AOR) *en casa de Isidora las abundancias y el regalo, Mariano hizo* (NONPROG.AOR) *la vida de señorito holgazán* (Pérez Galdós) ‘**Пока** в доме Исидоры длились излише-

испанскому Прогрессиву категориальное значение, основанное на единственном релевантном признаке — признаке конкретности действия, его актуализации, и не вводить в него признак процессности, оставив за последним роль дополнительного, проявляющегося лишь в части случаев, причем в прямой зависимости от акциональной характеристики (в частности, от наличия семы процесс(уаль)ности) у того или иного конкретного глагола, употребленного в прогрессивной форме.

1.3. Представим реализацию аспектуально-темпоральных возможностей испанского глагола на примере глагола терминативного класса CONSTRUIR ‘строить’. (Еще раз отметим, что представленный ниже перечень форм далеко не полностью отражает аспектуальные возможности ИЯ, чрезвычайно богатого и гибкого вследствие наличия большого количества аналитических образований с аспектуальной семантикой.) Этот глагол в индикативе имеет полную видо-временную парадигму, образуемую пересечением аспектуальных оппозиций Прогрессив ~ Непрогрессив (маркированный член — Прогрессив), Имперфект ~ Аорист и Перфект ~ Неперфект (маркированный член — перфект) с темпоральной оппозицией Презенс ~ Претерит ~ Футурум и таксисной оппозицией одновременность ~ предшествование. Результатом является следующий набор форм¹⁸: 1. Непрогрессивный Презенс (*construye* ‘(он/она) строит’), 2. Прогрессивный Презенс (*está construyendo* ‘(он/она) строит (в данный момент)’), 3. Непрогрес-

---

ства и довольство, Мариано вед жизнь праздного барчука’ (пример Б. Комри, см. [Comrie 1976: 114]).

¹⁸ Предлагаемый перечень видо-временных (в действительности — аспектуально-темпорально-таксисных) форм содержит только употребительные в современном языке глагольные формы. В частности, в него не включаются простая и прогрессивная формы так называемого Pretérito Anterior (*hubo consruído, hubo estado construyendo*), обозначавшего непосредственное предшествование относительно референциальной точки в плане прошедшего, поскольку (по свидетельству [Bosque, Demonte (eds.) 1999: 2951–2952]) эти формы вышли из употребления в современном языке (в том числе и в языке художественной литературы). Вернее было бы сказать, что их появление в художественных текстах является настолько редким, что, несколько забегаая вперед, можно говорить об их неупотребительности.

сивный Перфект (*ha construido* ‘(он/она) построил(а)’), 4. Прогрессивный Перфект (*ha estado construyendo* ‘(он/она) строил(а) (в течение какого-то времени и это событие/его последствия актуально в момент речи)’), 5. Непрогрессивный Имперфект (*construía* ‘(он/она) строил(а)’), 6. Прогрессивный Имперфект (*estaba construyendo* ‘(он/она) строил(а)’), 7. Непрогрессивный Аорист (*construyó* ‘(он/она) построил(а)’)¹⁹, 8. Прогрессивный Аорист (*estuvo construyendo* ‘(он/она) строил(а) (в течение какого-то времени)’), 9. Непрогрессивный Плюсквамперфект (*había construido* ‘(он/она) построил(а) (ранее заданной контекстом референциальной точки в плане прошедшего)’), 10. Прогрессивный Плюсквамперфект (*había estado construyendo* ‘(он/она) строил(а) (в течение какого-то промежутка времени ранее заданной контекстом референциальной точки в плане прошедшего)’), 11. Непрогрессивный Простой Футурум (*construirá* ‘(он/она) будет строить / построит’), 12. Прогрессивный Простой Футурум (*estará construyendo* ‘(он/она) будет строить’), 13. Непрогрессивный Сложный Футурум (*habrá construido* ‘(он/она) построит (ранее заданной контекстом референциальной точки в плане будущего)’), 14. Прогрессивный Сложный Футурум (*habrá estado construyendo* ‘(он/она) будет строить (ранее заданной контекстом референциальной точки в плане будущего)’).

В приведенном перечне три видо-временные глагольные формы (ВВГФ) являются своеобразными имперфективно-перфективными «гибридами» (это PROGR.AOR, PROGR.PRF и

---

¹⁹ При сравнении двух граммем перфективной зоны в испанском языке — Перфекта и Аориста — оказывается, что они противопоставлены исключительно по отношению к признаку наличия / отсутствия актуальности расположенной в плане прошедшего ситуации для плана настоящего. При этом актуальность оценивается как таковая самим говорящим и поэтому может быть вполне субъективной. Некоторым образом выбор между этими граммемами относится к области прагматики.

Ср. также с характеристикой перфекта на фоне результата и претерита: «В отличие от результата, перфект уже обозначает не состояние аргумента в момент речи, а некоторую предшествующую моменту речи ситуацию, но, в отличие от стандартного прошедшего времени (или таксисной граммы предшествования), перфект обозначает не всякую предшествующую ситуацию, а лишь такую, последствия которой (не обязательно естественный результат!) существуют в момент речи» [Плунгян 2011: 388–389].

PROGR.PLQPRF), а форма PROGR.IMPf — дважды имперфективна (о «гибридных» имперфективно-перфективных формах ИЯ см. в работах [Горбова 2009, 2010: 152–180]).

Граммема Прогрессива переводит действие в фокус, что в плане настоящего и прошедшего эквивалентно его (действия) представлению как актуализированного в момент наблюдения. При соотнесенности с пределом (что имеет место в случае переходного глагола CONSTRUIR ‘строить’) оно представляется как недостигшее предела (равного естественному результату) — (1), (2). В непрогрессивной форме действие представлено — в зависимости от совместно выражаемой темпоральной граммемы и других аспектуальных грамем — либо как достигшее предела, законченное (3), либо как единичное незаконченное (4), (5) (тем самым Непрогрессивный Презенс может иметь значение актуального настоящего), либо как хабитуальное (6), (7). Хабитуальное значение реализуется в контексте нереферентного объекта.

- (1) *El albañil está construyendo la casa* ‘Рабочий **строит** дом’ (PROG.PRS)²⁰
- (2) *El albañil estaba construyendo la casa* (PROG.IMPf) / *El albañil estuvo construyendo la casa* (PROG.AOR) / *El albañil ha estado construyendo la casa* (PROG.PRF) / *El albañil había estado construyendo la casa* (PROG.PLQPRF) — ‘Рабочий **строил** дом’
- (3) *El albañil construyó la casa* (NONPROG.AOR.) / *El albañil ha construido la casa* (NONPROG.PRF.) / *El albañil había construido la casa* (NONPROG.PLQPRF.) — ‘Рабочий **построил** дом’
- (4) *El albañil construye la casa* ‘Рабочий **строит** дом’ (NONPROG.PRS)
- (5) *El albañil construía la casa* ‘Рабочий **строил** дом’ (NONPROG.IMPf)

---

²⁰ Языковые иллюстрации, не снабженные информацией об их источнике, принадлежат автору данной работы. Отметим также, что в дальнейшем при введении в языковые иллюстрации грамматической информации (в круглых скобках) упоминание о непрогрессивной форме (NONPROG) последовательно проводится только в рамках личных форм индикатива активного залога. В других случаях отсутствие информации о Прогрессиве (PROG) эквивалентно непрогрессивной характеристике.

- (6) *El albañil construye casas* ‘Рабочий **строит** дома’
(NONPROG.PRS)
- (7) *El albañil construía casas* ‘Рабочий **строил** дома’
(NONPROG.IMPF)

Возможность имперфективной реализации, таким образом, имеется у всех прогрессивных форм, а также у Непрогрессивного Презенса и Имперфекта. Имперфективную интерпретацию формы Непрогрессивного Аориста (а также Перфекта и Плюсquamперфекта) не влечет за собой даже использование обстоятельства длительности *durante X tiempo* ‘в течение промежутка времени X’ (8). Это связано с тем, что при глаголе с семантикой ‘строить’ возможен только один семантический тип Пациенса/Темы — квантованный, а при референтном и единичном квантованном Пациенсе/Теме любая интерпретации грамемы Аориста (лимитатива в рамках УГН), отличная от законченности (достижения предела), исключена (см. [Bosque, Demonte (eds.) 1999: 3000–3001]). Единственной возможностью получить имперфективную интерпретацию, при которой появляется значение незаконченности, является использование Прогрессива (9)²¹.

- (8) *El albañil construyó la casa durante un año* (NONPROG.AOR)
‘Рабочий **построил** дом **за год**’ *‘Рабочий **строил** дом **в течение года**’
- (9) *El albañil estuvo construyendo la casa durante un año*
(PROG.AOR) ‘Рабочий строил дом в течение года / год’^{22,23}

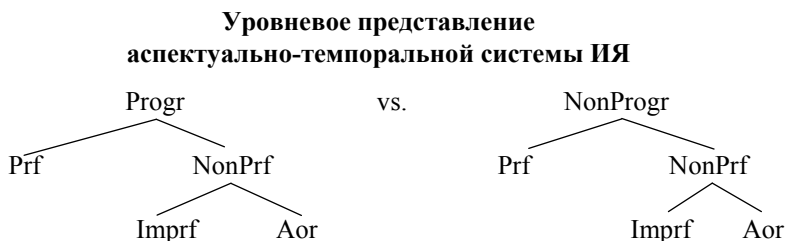
²¹ Здесь можно видеть достаточно редкое явление «обратного» влияния семантики грамматической категории на адвербиальный контекст, когда обстоятельственное выражение *durante X tiempo* ‘в течение промежутка времени X’ претерпевает трансформацию своей собственной семантики в зависимости от видо-временной формы глагольного предиката: ‘в течение X’ → ‘за X’. Этим наблюдением я обязана В. С. Храковскому (устное обсуждение), которому приношу за него свою благодарность.

²² Языковые иллюстрации из КИЯ к вышеприведенным формам глагола *construir* ‘строить’ см. в [Горбова 2010: 72–85].

²³ Приведем мнение одного из авторов грамматики [Bosque, Demonte (eds.) 1999] относительно результирующего аспектуального значения PROG.AOR от предельного глагола и его отличия от значения NONPROGR.AOR: «С *estar* в перфективном времени (простом пер-

2. Перейдем к представлению многоуровневой модели аспектуальности испанского глагола, имея в виду исключительно те (квази)граммемы, которые рассматривались в разделе 1.2 как конституирующие три бинарные аспектуальные оппозиции. То есть точкой отсчета для построения многоуровневой модели является мультиоппозитивная модель, базирующаяся на следующих бинарных оппозициях: IMPF ~ AOR, PROGR ~ NONPROGR, PRF ~ NONPRF. В соответствии с семантическим анализом, предложенным в разделе 1.2, при принятии уровневой модели мы получаем следующую конфигурацию:

Схема 2

В результате на любом уровне, кроме самого верхнего, видо-временная глагольная форма оказывается сложной, то есть состоящей из комбинации (квази)граммем, последовательно присоединяемых при движении от верхнего уровня вниз по обозначенным в *Схеме 2* ветвям дерева. Строго говоря, имея трехуровневую систему, в обозначении ВВГФ, включающей граммему нижнего уровня, должны присутствовать три граммемы, например: *estuvo*

фекте (т.е. Аористе. — *E. Г.*) или аналитическом времени (т.е. Перфекте. — *E. Г.*), конструкция обозначает рассматриваемое в своем протекании действие, чье развитие «имеет место» ('*regmanese*') в течение некоторого времени» [Yllera 1999: 3405]; «Если глагольный предикат является предельным, простая форма может выражать законченное действие, в то время как перифраза (с глаголом *estar*) имплицитно не кульминацию (= достижение предела) действием, а его прекращение» [Yllera 1999: 3406]. И приводится следующая иллюстрация:

(63) a. *Estuvo limpiando los cristales pero no pudo acabarlos.* (PROGR.AOR) '(Он/она) мыл(а) стекла, но не смог(ла) окончить их'

b. **Limpió los cristales pero no pudo acabarlos.* (NONPROGR.AOR) '(Он/она) вымыл(а) стекла, но не смог(ла) окончить их'

construyendo — PROGR.NONPRF.AOR; *construía* — NONPROGR.NONPRF.IMPRF. Запись получается достаточно громоздкой, хотя и исчерпывающе точной. Однако учитывая то обстоятельство, что в ИЯ реализация граммем AOR и IMPRF возможна только при отсутствии маркированного (и формально, и семантически) члена оппозиции Перфект ~ Неперфект, т. е. при Неперфекте, указание в виде NONPRF оказывается избыточным. Избыточным можно считать и указание на Непрогрессив (NONPROGR) вне специального рассмотрения противопоставления Прогрессива и Непрогрессива. Если согласиться с приведенными соображениями, то можно предложить считать равнозначными до трех видов записи для ВВГФ третьего (самого нижнего) уровня. Ср.:

construyó — NONPROGR.NONPRF.AOR = NONPROGR.AOR = AOR;

construía — NONPROGR.NONPRF.IMPRF = NONPROGR.IMPRF = IMPRF;

estuvo construyendo — PROGR.NONPRF.AOR = PROGR.AOR;

estaba construyendo — PROGR.NONPRF.IMPRF = PROGR.IMPRF.

Собственно говоря, в описательной лингвистике, как правило, используются именно сокращенные варианты условных обозначений результирующих сложных граммем, указывающие, в первую очередь, на эксплицитные формальные показатели маркированных граммем привативных оппозиций Перфект ~ Неперфект и Прогрессив ~ Непрогрессив.

Затронутые выше вопросы условного обозначения сложных ВВГФ испанского глагола напрямую соотносятся с закономерностями формального устройства результирующих аналитических образований. Для отражения этих закономерностей может быть сформулировано следующее правило: на каждом уровне в ВВГФ входит не более одной формально маркированной граммеы. Следствием из этого правила является запрет на одновременное выражение более двух формально маркированных граммем (при этом они, естественно, не входят в одну оппозицию).

При обращении к понятию квазиграммеы²⁴ и отказе от постулирования бинарных оппозиций PROGR ~ NONPROGR и

---

²⁴ Под квазиграммемами понимаются, вслед за И. А. Мельчуком [Мельчук 1997: 286–288], В. А. Плунгяном [Плунгян 2000: 133–136] и

PRF ~ NONPRF мы получаем две квазиграммемы — PROGR и PRF — и одну бинарную эквиолентную оппозицию AOR ~ IMPRF, которая, будучи ограничена планом прошедшего, имеет смешанный аспектуально-темпоральный характер (ср. с отмеченной выше позицией Д. Вестерхольма в [Westerholm 2010], усматривающего в ИЯ ровно одну и именно эту аспектуальную грамматическую оппозицию). При этом сомнительной, по-видимому, становится и многоуровневая модель сама по себе, поскольку необходимость в выделении двух верхних уровней, конституируемых не полноценными оппозициями граммем, а отдельными квазиграммемами, представляется не бесспорной. Интересным конструктом будет являться при такой трактовке реальная для ИЯ форма *ha estado construyendo* (PROGR.PRF), представляющая собой комбинацию двух квазиграммем.

Сокращения

ВВГФ — видо-временная глагольная форма; ИЯ — испанский язык; КИЯ — «Корпус испанского языка» Марка Девиса; РЯ — русский язык; СВ, СОВ — Совершенный вид (в РЯ); УГН — Универсальный грамматический набор; НСВ, НЕСОВ — Несовершенный вид (в РЯ); AOR — Аорист; COND — Кондиционал; FUT — Футурум (будущее время); FUT.П — Сложный футурум (будущее время); GER — Герундий (форма на *-ndo* в ИЯ); IMP — Императив; IMPF — Имперфект; INF — Инфинитив; IPF — Имперфектив; NONPROG — Непрогрессив(ный); PART — причастие;

Н. В. Перцовым [Перцов 2001: 247], входящие в привативные (а не эквиолентные) оппозиции, а потому изолированные и необязательные словоизменительные грамматические значения — как бы “недограммемы”, «уже полностью сформированные, но еще не «собранные» в категории» [Плунгян 2000: 133]. Если принимать для словоизменительной грамматической категории в качестве обязательного требования эквиолентности отношений между ее членами (граммемами), то такие сущности, как, например, испанский Перфект и Прогрессив, противопоставленные таким исключительно аморфным понятиям как «Неперфект» и «Непрогрессив», следует трактовать как квазиграммемы. (Ср., впрочем, с высказанным в [Bybee 1994] мнением относительно наличия положительного значения у граммемы, не имеющей эксплицитного показателя (т.е. обладающей нулевым показателем), противопоставленной граммеме с ненулевым показателем в случае приобретения последней свойства обязательности.)

PLQPRF — Плюсквамперфект; PF — перфектив; PRF — Перфект; PROG — Прогрессив(ный); PRS — Презенс; RES — Результатив; SUBJ — Субхунтив (сослагательное наклонение в испанском языке); * / ??? / ?? / ? — грамматическая неправильность или сомнительность употребления

Литература

- Бичакджан 2008 — Б. Бичакджан. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 59–88.
- Бондарко 1983 — А. В. Бондарко. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л.: Наука, 1983.
- Васильева-Шведе 1957 — О. К. Васильева-Шведе. К вопросу о категории вида в иберо-романских языках (глагол *estar* + герундий) // Романо-германская филология: сборник статей в честь акад. В. Ф. Шишмарева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1957. С. 107–137.
- Васильева-Шведе, Степанов 1963 — О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. Грамматика испанского языка. М.: Высшая школа, 1963.
- Васильева-Шведе, Степанов 1990 — О. К. Васильева-Шведе, Г. В. Степанов. Теоретическая грамматика испанского языка. М.: Высшая школа, 1990.
- Горбова 2007 — Е. В. Горбова. Аспектуальные граммы и адвербиальный контекст (на материале испанского языка) // Вопросы языкознания 4, 2007. С. 63–88.
- Горбова 2009 — Е. В. Горбова. Акциональная характеристика испанских глаголов, частотно реализуемых в перфективно-имперфективных формах // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 50–71.
- Горбова 2010 — Е. В. Горбова. Акциональность глагольной лексики и аспектуальные граммы: вопросы взаимодействия. СПб: Изд-во СПбГУ, 2010.
- Касевич 1988 — В. Б. Касевич. Семантика. Синтаксис. Морфология. М.: Наука, 1988.
- Касевич 2006 — В. Б. Касевич. Труды по языкознанию. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006.
- Маслов 1978 — Ю. С. Маслов. К основаниям сопоставительной аспектологии // Вопросы сопоставительной аспектологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1978.
- Маслов 2004 — Ю. С. Маслов. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М.: Языки славянских культур, 2004.

- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том I (Введение. Часть первая: Слово). М.: Прогресс; Вена: WSA. 1997.
- Мэрченд 1962 — Х. Мэрченд. Об одном вопросе из области вида. Сравнение английской прогрессивной формы с итальянской и испанской // Вопросы глагольного вида. М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. С. 355–365.
- Нарумов 1980 — Б. П. Нарумов. Некоторые особенности романской аспектологии // Лексическая и грамматическая семантика романских языков: материалы IV Всесоюз. конф. по роман. языкознанию, [11–13 янв. 1979 г.]. Калинин: КГУ, 1980. С. 73–83.
- Нарумов 2001 — Б. П. Нарумов. Испанский язык // Языки мира. Романские языки. М.: Academia. 2001. С. 411–462.
- Перцов 2001 — Н. В. Перцов. Инварианты в русском словоизменении. М.: Языки русской культуры, 2001.
- Перцов 2004 — Н. В. Перцов. Об альтернативности в грамматическом описании // 40 лет Санкт-Петербургской типологической школе: Сб. ст. М.: Знак, 2004. С. 457–472.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Перфектив, комплетив, пунктив: терминология и типология // Типология вида, проблемы, поиски, решения. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 370–381.
- Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС. 2000.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Правдивый 1974 — А. А. Правдивый. Видовая актуализация настоящего и прошедшего времени глагола в испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. / А. А. Правдивый. М., 1974.
- Репина 1996 — Т. А. Репина. Сравнительная типология романских языков. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996.
- Силецкий 1971a — В. И. Силецкий. Соотношение флективной и аналитической аспектуальности в испанском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В. И. Силецкий; Л.: Изд-во ЛГУ, 1971.
- Силецкий 1971b — В. И. Силецкий. Соотношение флективной и аналитической аспектуальности в испанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05 / В. И. Силецкий; Ленинградский гос. ун-т. Л., 1971.
- Смит 1998 — К. С. Смит. Двухкомпонентная теория вида // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 404–422.
- Фирсова 1984 — Н. М. Фирсова. Грамматическая стилистика современного испанского языка. М.: Высшая школа, 1984.

- Храковский 1996 — В. С. Храковский. Грамматические категории глагола (опыт теории взаимодействия) // Межкатегориальные связи в грамматике / Под ред. А. В. Бондарко. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22–42.
- Чвани 1998 — К. В. Чвани. Вид как часть универсального набора грамматических признаков // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки славянской культуры, 1998. С. 490–498.
- Черткова 2004 — М. Ю. Черткова. К типологии славянской и романской категории: (на материале русского и испанского языков) // Вестник Московского университета. Сер. 9, Филология. № 1. 2004. С. 97–122.
- Bodelsen 1974 — C. A. Bodelsen. The expanded tenses in Modern English // Der englische Aspekt, Hrsg. von Alfred Schopf. Darmstadt, 1974. P. 144–162.
- Bosque, Demonte (eds.) — I. Bosque, V. Demonte (eds.). Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid: RAE, Espasa Calpe, 1999.
- Bull 1960 — W. E. Bull. Time, tense and the verb. A study in theoretical and applied linguistics, with particular attention to Spanish. Berkeley, Los Angeles: University of California, 1960.
- Bybee 1994 — J. L. Bybee. The Grammaticization of Zero: Asymmetries in Tense and Aspect Systems // Perspectives on grammaticalization / Ed. by W. Pagliuca. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1994. P. 235–254.
- Comrie 1976 — B. Comrie. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Dahl 2000 — Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Dahl, Ö. (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000. P. 3–25.
- De Miguel 1999 — E. De Miguel. El aspecto léxico // I. Bosque, V. Demonte (eds.). Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid: RAE, Espasa Calpe, 1999. P. 2977–3060.
- Dietrich 1973 — W. Dietrich. Der perifrastische Verbalaspekt in der romanischen Sprachen. Untersuchung zum heutigen romanischen Verbalsystem und zum Problem der Herkunft der perifrastischen Verbalaspekts. Tübingen: Niemeyer, 1973.
- Esbozo 1978 — Esbozo de una nueva gramática de la lengua española. Madrid: Espasa-Calpe, S. A., 1978.
- Gili y Gaya 1955 — S. Gili y Gaya. Curso superior de sintaxis española. Barcelona: Spes, 1955.

- Gramática 1931 — Gramática de la lengua española: nueva edición reformada, de 1931 y apéndice con las Nuevas Normas de Prosodia y Ortografía, declaradas de aplicación preceptiva desde 1º de enero de 1959. Real Academia Española. Madrid: Espasa-Calpe, D. L., 1962.
- King 1992 — Larry D. King. The semantic structure of Spanish: meaning and grammatical form. Amsterdam studies in the theory and history of linguistic science. Series IV, Current issues in linguistic theory; v. 90. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1992.
- Nowikow 2003 — W. Nowikow. Sobre las propiedades temporales y aspectuales: el pretérito en la construcción *estar + gerundio* // Studia Romanica Posnaniensia. Vol. 29, 2003. P. 197–204.
- Nueva gramática..., t. I, 2009 — Nueva gramática de la lengua española. Morfología. Sintaxis I. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Espasa Libros, 2009.
- Nueva gramática..., t. II 2009 — Nueva gramática de la lengua española. Sintaxis II. Real Academia Española, Asociación de Academias de la Lengua Española. Madrid: Espasa Libros, 2009.
- Pawlak 2008 — A. Pawlak. Sobre los orígenes y las confusiones terminológico-conceptuales de los términos de Aspecto y de Aktionsart // Studia Romanica Posnaniensia. 2008. V. 35. P. 257–266.
- Rojo 1988 — G. Rojo. Temporalidad y aspecto en el verbo español // Lingüística española actual. 1988, 10/2. P. 195–216.
- Rojo 1990 — G. Rojo. Relaciones entre temporalidad y aspecto en el verbo español // Bosque, I. (ed.). Tiempo y aspecto en español. Madrid: Cátedra. 1990. P. 17–43.
- Rojo, Veiga 1999 — G. Rojo, A. G. Veiga. El tiempo verbal. Los tiempos simples // I. Bosque, V. Demonte (eds.). Gramática descriptiva de la Lengua Española. Madrid: RAE, Espasa Calpe, 1999. P. 2867–2963.
- Silva-Corvalan 1984 — C. Silva-Corvalan. A speech event analysis of tense and aspect in Spanish // Ed. by Ph. Baldi. Amsterdam Studies in the Theory and History of Linguistics Science IV. Current Issues in Linguistic Theory. Vol. 26. Papers from the XIIth Linguistic Symposium on Romance Languages. Amsterdam — Philadelphia: John Benjamins, 1984. P. 229–251.
- Smith 1997 — C. Smith. The Parameter of Aspect. 2-nd ed. Dordrecht: Kluwer, 1997. [1th ed.: 1991]
- Vendler 1967 — Z. Vendler. Verbs and Times // Linguistics in Philosophy. Ithaca, N. Y.: Cornell University Press, 1967. P. 97–121.
- Weinrich 1974 — H. Weinrich. Estructura y función de los tiempos en el lenguaje. Madrid: Gredos, 1974.

Westerholm 2010 — D. Westerholm. Funciones del pasado en los sistemas verbales del español y del ruso. Göteborg: Göteborgs Universitet, 2010.

Yllera 1999 — A. Yllera. Las perífrasis verbales de gerundio y participio // I. Bosque, V. Demonte (eds.). Gramática descriptiva de la Lengua Española. RAE, Espasa Calpe, Madrid, 1999. P. 3391–3441.

II. КАВКАЗ

О. И. Беляев

АСПЕКТУАЛЬНО-ТЕМПОРАЛЬНАЯ СИСТЕМА АШТЫНСКОГО ДАРГИНСКОГО¹

1. Введение

Аштынский даргинский (самоназвание *išt'a-la vaj* 'Ашты-GEN речь') — диалект кубачинского языка, относящегося к даргинской группе нахско-дагестанских языков. По традиционной классификации кубачинский является диалектом даргинского языка [Гасанова 1971: 33], а аштынский, соответственно, — говором кубачинского диалекта. Однако в последнее время в научной среде все большее признание получает точка зрения, согласно которой многие даргинские «диалекты» целесообразнее трактовать как отдельные языки (см. подробнее [Коряков, Сумбатова 2007]). Тем более это относится к кубачинскому, который, по мнению большинства исследователей, особенно далеко отошел от всех остальных даргинских идиомов.

На аштынском диалекте говорят жители с. Ашты (ашт. *išt'a*) и с. Дирбаг (ашт. *dirbav*) Дахадаевского района Республики Дагестан, чьи предки, как считается, переселились туда из аула Анчибчи, располагавшегося вблизи с. Кубачи, несколько сотен лет назад. Предки жителей с. Дирбаг переселились из с. Ашты чуть более 100 лет назад; по моим наблюдениям, между речью двух аулов не имеется никаких существенных расхождений.

Собственно аштынский диалект никогда ранее не был самостоятельным объектом грамматического описания. Некоторые сведения об аштынской морфологии содержатся в работе А. А. Магометова [Магометов 1963], посвященной кубачинскому языку. Морфологические отличия между аштынским и кубачинским незначительны; прежде всего следует отметить аштынский

---

¹ Исследование выполнено при поддержке грантов РГНФ № 10-04-00228а и № 11-04-00282а.

показатель перфекта *-ip:i* (< кубач. *-ib-li*) и аштынские формы будущего времени, имеющие иное происхождение, нежели в кубачинском [Магомедов 1963: 197–198]. Однако, поскольку описание семантики глагольных форм у А. А. Магомедова является достаточно сжатым, нельзя исключать и того, что в кубачинском многие из них употребляются иначе, нежели в аштынском. Кроме того, ряд форм, засвидетельствованных в аштынском (экспериментив, квалитатив, результатив, прогрессив, большинство перифрастических условных форм), в описаниях кубачинского не зафиксированы (что, впрочем, не обязательно говорит об их отсутствии).

Данные аштынского диалекта были собраны в ходе экспедиций в Республику Дагестан в 2009–2010 гг. Я благодарен Ш. Р. Гаджиеву (с. Дирбаг), М. Т. Гаджимурадову (ДГУ, г. Махачкала), Р. А. Махмудовой (с. Ашты, г. Владикавказ), А. М. Муса-Гаджиевой (с. Ашты) за многочисленные консультации по аштынскому материалу. Большая часть представленных в статье примеров получена методом элицитации, однако в тех случаях, когда это возможно, примеры взяты из аштынских лирических песен, переведенных М. Т. Гаджимурадовым и любезно предоставленных мне для ознакомления, а также из устных текстов, записанных в ходе экспедиций. Кроме того, я благодарен М. А. Даниэлю, Т. А. Майсаку, Р. О. Муталову и В. А. Плуянцу за внимательное прочтение первоначального варианта этой статьи и ценные комментарии. Наконец, хотелось бы поблагодарить Н. Р. Сумбатову за неизменное содействие и поддержку.

Данная статья построена следующим образом. В разделе 2 рассматривается морфология и грамматическая семантика основных видо-временных форм аштынского глагола, причем особое внимание уделяется нетривиальным значениям и сочетаниям граммем; во многих случаях проводится также сравнение рассматриваемых форм с аналогичными формами в других даргинских языках. Помимо основных форм индикатива, в рассмотрении также включаются условные формы, поскольку их видо-временная система в значительной степени параллельна индикативной, но не полностью дублирует ее. В разделе 3 подробно анализируются проблемные места аштынской видо-временной системы. Наконец, в заключении (раздел 4) указываются важнейшие особенности аштынской видо-временной системы, представляющие, на мой взгляд, интерес как на общетипологическом

фоне, так и на фоне других даргинских и нахско-дагестанских языков.

2. Морфология и грамматическая семантика

В аштынском диалекте, как и в других даргинских идиомах, в глаголе можно выделить следующие словоизменительные грамматические категории (кроме согласовательных и полярности): вид (выраженный в глагольной основе), таксис, аспект, время и наклонение. Различение «вида» как грамматической категории, выраженной в основе, и «аспекта» как более общей категории, специфицирующей конкретное аспектуальное значение той или иной грамматической формы, удобно с описательной точки зрения.

Важной особенностью аштынской глагольной системы является наличие трех классов спряжения. Класс спряжения определяет формы перфективного и имперфективного причастий-деепричастий, а также выбор тематической гласной в синтетических финитных формах глагола. Различия между тремя спряжениями приведены в следующей таблице²:

Показатель	I	III	II
3 лицо претерита	TR: -aj INTR: -i	-aj	-in
Тематическая гласная претерита	-a-	-i-	
3 лицо настоящего общего	TR: -u- INTR: -a-	TR: -a INTR: -u	-an
Тематическая гласная настоящего общего	TR: -i- INTR: -u-	TR: -a- INTR: -u-	-a-
3 лицо условного реального	-a:-li		-an-ni
Основа настоящего времени	-ul		-un
Причастие-деепричастие настоящего времени	-u		
Причастие-деепричастие прошедшего времени	-ib		
Перфект	-ip:i		-unni
Императив	-a/-i		-in

² Формально III и I спряжение ближе друг к другу, чем II спряжение к любому из них, поэтому для наглядности имеет смысл помещать III спряжение ближе к I. В нумерации спряжений я следую А. А. Магометову.

2.1. Вид

Глагольные корни в аштынском диалекте имеют две видо-вые основы: перфективную и имперфективную. В большинстве случаев основа имперфектива однозначно идентифицируется как вторично образованная от перфективной при помощи инфиксации или аблаутного чередования. Однако установить регулярные правила, позволяющие точно предсказать деривацию одной основы от другой, на синхронном уровне для аштынского, по-видимому, невозможно.

подавляющее большинство корней в аштынском диалекте, как и в большинстве других даргинских идиомов, имеют общую структуру V(C)C. Большинство корней требуют префиксации классного согласовательного показателя; существует некоторое количество исключений, часть из которых имеют нерегулярный вид CVC (ср. *~ilg^w/lug* ‘считать’³). Двусложные глагольные корни, по моим данным, в аштынском диалекте отсутствуют. Подробнее о структуре корня в даргинских языках см. в работе [Муталов 2002].

Граммемы вида в аштынском диалекте в большинстве случаев имеют достаточно прозрачное семантическое содержание, соответствующее принятому в грамматической типологии пониманию перфектива и имперфектива [Dahl 1985: 73–79; Плунгян 2011: 396, 402–403]. Не всегда тривиальным является, однако, взаимодействие между видом, выраженным в основе, и семантикой «внешних» аспектуально-темпоральных показателей. Подробное обсуждение данного вопроса см. в §3.1.

2.2. Таксис

Грамматическая категория таксиса независимо выражена только в аналитических финитных глагольных формах (см. ниже). Она имеет два значения: немаркированное нейтральное и маркированное значение ретроспективного сдвига, которое выражается особой формой предикативного показателя, не дифференцированной по лицам (см. ниже).

В большинстве случаев показатель ретроспективного сдвига имеет достаточно прозрачное значение, а именно указывает на

---

³ При цитировании глагольных корней первой приводится перфективная основа, второй — имперфективная; тильда перед основой обозначает присоединение классного показателя.

временную локализацию одной ситуации относительно времени другой ситуации в прошлом. Так, презенс в сочетании с показателем ретроспективного сдвига выражает действие, одновременное некоторому другому действию в прошлом. Однако в сочетании с некоторыми видо-временными формами (прежде всего с перфектом и будущим временем) показатель ретроспективного сдвига приводит к нетривиальным изменениям или уточнениям исходного значения; подробнее см. в разделе 2.3.

2.3. Нефинитные глагольные формы

В аштынской видо-временной системе большую роль играют нефинитные глагольные формы: простое причастие-деепричастие (перфективное и имперфективное), а также деепричастия презенса, перфекта и будущего времени. Основное формальное отличие нефинитных форм от финитных состоит в том, что они не могут употребляться в независимом предложении без энклитических личных показателей в 1 и 2 лице или связки в 3 лице (за исключением утвердительных форм 3 лица, где связка опускается во всех сериях, кроме экспериентива и квалитатива).

Простое причастие-деепричастие бывает перфективным и имперфективным; данные формы имеют разные показатели в I и III спряжениях, но эти показатели распределены по соответствующим основам (см. таблицу). Видовое значение (дее)причастия определяет таксис зависимой клаузы: имперфективное деепричастие выражает действие, совершаемое одновременно с основным действием, а перфективное — действие, предшествующее главному.

Деепричастие настоящего времени употребляется только в аналитической форме презенса (о понятии «аналитических» и «синтетических» форм в даргинских языках см. § 2.4.1). Исторически оно связано с простым имперфективным (дее)причастием, и во II спряжении эти формы совпадают; однако в I и III спряжениях конечный согласный *-l* выпал в простом имперфективном деепричастии (вследствие чего имперфективные причастие и деепричастие в аштынском формально не противопоставлены)⁴,

---

⁴ В кубачинском языке сохраняется старый показатель *и*, следовательно, противопоставление форм причастия и деепричастия: ср. ашт. *b-a:t-u(-zi-w)* (N-оставить.IPFV-PTCP(-ATTR-M)) ‘оставляющий’, *b-a:t-u* (N-оставить.IPFV-CVB) ‘оставляя’, и кубач. *b-a:t-u(-zi-w)* (N-оставить.IPFV-

но сохранился в показателе презенса, то есть на синхронном уровне две эти формы разошлись. Следует, впрочем, отметить, что в традиционных текстах, например, в лирических песнях, в I и III спряжениях иногда встречается архаичный показатель *-uli*, употребляемый и как показатель презенса, и как показатель простого имперфективного (дее)причастия.

Перфектное деепричастие также встречается исключительно в соответствующей аналитической форме и восходит к сочетанию показателя претерита *-ib/un* с общедаргинским адвербиальным показателем *-li*⁵. Форма перфекта в I и III спряжениях получилась путем перехода *-ib-li* > *-ip:i* (в кубачинском языке сохранилась старая форма), однако синхронно *-ip:i* следует считать неразложимым показателем, поскольку переход *bl* > *p*: в аштынском не является продуктивным морфонологическим процессом (ср. показатель каузального падежа *-ži-b-li* 'SUPER-N-CAUS', где подобного перехода не происходит).

Наконец, деепричастие будущего времени с показателем *-an(-ni)* формально во всех лицах, кроме третьего, совпадает с малопродуктивным причастием настоящего времени на *-an*. Показатель *-ni* в 3 лице является ассимилированным вариантом деепричастного показателя *-li*. Деепричастие будущего времени, как и деепричастия настоящего времени и перфекта, употребляются только в соответствующей «аналитической» форме.

Показатели причастий и деепричастий приведены в таблице на с. 187.

2.4. Аспект, время и модальность

2.4.1. Аналитические и синтетические формы. Все глагольные парадигмы в даргинских языках принято делить на два класса — синтетические и аналитические формы (о различии син-

---

PRS(-ATTR-M)) 'оставляющий', *b-a:t-u-l* (N-оставить.IPFV-PRS-CVB) 'оставляя' [Магомедов 1963: 219–220].

⁵ В кубачинском языке основа претерита, в других даргинских языках выступающая только в атрибутивной функции и в качестве простого прошедшего времени, стала также употребляться деепричастно, что дало современную форму причастия-деепричастия. Показатель же деепричастия *-li* в кубачинском практически полностью утратил самостоятельность, сохранившись как независимая морфема только в формах экзистенциального глагола (см. ниже).

	I, III	I, III (арх.)	II
Основа имперфектива	-u PTCP/CVB	-uli PTCP/CVB/PRS	-un PTCP/CVB/PRS
	-ul PRS		
Основа перфектива	-ib PTCP/CVB		-unni PERF
	-ip:i PERF		

тетических и аналитических форм в даргинских языках см. подробнее [Сумбатова 2004]). Синтетические формы состоят, как правило, из основы, к которой присоединяется тематический гласный (его выбор зависит от класса спряжения) и одно из лично-числовых окончаний. Наборы окончаний имеют общее происхождение, но на синхронном уровне существенно отличаются в разных видо-временных парадигмах, и поэтому будут описаны в соответствующих разделах.

Аналитические формы состоят из нефинитной глагольной репрезентации — причастия или деепричастия — и отделимого предикативного показателя. При этом в утвердительных формах настоящего времени маркируются, как правило, только 1 и 2 лица; связка в 3 лице используется в формах экспериентива, хаби-туалиса, а также в отрицательных формах. Личные показатели, таким образом, имеют следующий вид:

	Утвердительная полярность		Отрицательная полярность	
	Единственное число	Множественное число	Единственное число	Множественное число
1 л.	<i>da</i> 1/2PL		<i>a-da</i> NEG-1/2PL	
2 л.	<i>di</i> 2SG		<i>a-di</i> NEG-2SG	
3 л.	<i>(sa-b)</i> COP-N		<i>a-sa-b</i> NEG-COP-N	

Предикативный показатель имеет также ретроспективную форму *-(a)-di* (-(NEG)-PAST), в которой отсутствует личное согла-

сование⁶. Этот показатель маркирует значение ретроспективного сдвига.

Противопоставление синтетических и аналитических финитных форм играет центральную роль в глагольной системе даргинских языков. Это проявляется в том, что две эти системы устроены внутри себя весьма различно: если в «синтетических» формах категория таксиса выражена кумулятивно с категориями аспекта, времени и модальности, то в «аналитических» формах выражение этих категорий локализовано в предикативном показателе (таксис) и в нефинитной форме глагола (аспект, время и модальность). Кроме того, предикативный показатель в аналитических формах является отделимым и может быть помещен в позицию после фокусируемой составляющей клаузы [Sumbatova 2009], тогда как в синтетических формах отделимый показатель отсутствует, а все грамматические категории выражаются морфологически в глагольной словоформе. Отрицание в синтетических финитных формах выражается редупликацией глагольной основы, а в аналитических финитных формах — при помощи префикса *a-*, присоединяемого к предикативному показателю. Наконец, во многих даргинских диалектах синтетические и аналитические формы противопоставлены по принципу неассертивности/ассертивности [Сумбатова 2004; Kalinina, Sumbatova 2007].

Наряду с аналитическими формами, содержащими отделимый предикативный показатель, в аштынском существуют и аналитические образования иного рода. В этих случаях нефинитная глагольная форма сочетается с финитной формой полноценного

---

⁶ Традиционно нефинитные компоненты аналитических глагольных форм в сочетании с ретроспективным сдвигом, а также формы, образованные от различных видовых основ при помощи одних и тех же показателей, в даргинистике рассматриваются как отдельные глагольные парадигмы. Так, презенс с ретроспективным сдвигом рассматривается как «прошедшее длительное», перфект — как «плюсквамперфект»; претерит от основы перфектива и имперфектива рассматривается как «прошедшее завершённое» и «прошедшее незавершённое» соответственно и т. д. Однако, поскольку категории вида и таксиса в аштынском являются самостоятельными грамматическими категориями, я буду рассматривать подобные «пары» и «тройки» форм как части одной и той же серии. В этом я следую практике работы [Муталов 2002], где «ретроспективные» формы названы «пред-формами».

вспомогательного глагола. К этому классу относятся, в частности, аналитические условные формы, которые будут описаны ниже в данной статье. В таких формах категории аспекта и времени выражены в нефинитной форме смыслового глагола, а вспомогательный глагол служит выражением лишь категории модальности. Если вспомогательный глагол представляет собой синтетическую финитную форму (как в условных формах), то тагисис отдельно не выражается; если же это аналитическая финитная форма, то к ней присоединяется личный показатель, который ведет себя так же, как и в остальных случаях. Такого рода аналитические формы, очевидно, являются вторичными образованиями, которые не следует рассматривать наравне с аналитическими формами первого рода.

Необходимость различать аналитические формы первого рода и аналитические формы второго рода привела к тому, что в некоторых работах для тех и других используются различные термины. Так, в грамматике ицаринского даргинского Н. Р. Сумбатова и Р. О. Муталов противопоставляют «связанные» перифрастические формы «свободным» (bound vs. non-bound periphrastic forms) [Sumbatova, Mutalov 2003: 73]. Я буду условно использовать термин «аналитические» для форм первого рода, и термин «перифрастические» для форм второго рода.

В рассматриваемых в данной статье перифрастических формах используется два вспомогательных глагола. Во-первых, это экзистенциальный глагол⁷, выступающий в формах прогрессива и результата. Экзистенциальный глагол образуется от дейктических основ и имеет вид *li-b* 'EXST.PROX-N', *ti-b* 'EXST.DIST-N', *č'i-b* 'EXST.SUPER-N' или *χi-b* 'EXST.SUB-N' в зависимости от пространственной позиции объекта относительно говорящего. Независимо он употребляется в конструкциях существования, местонахождения ('в этой комнате есть стол'), а также в посессивных конструкциях ('у меня есть книга'). Экзистенциаль-

---

⁷ Иногда данный глагол называют также «связкой», хотя это не вполне точно. В некоторых диалектах, например, в мегебском, экзистенциальный глагол стал полностью выполнять функции бытийной связки. Поскольку в аштынском диалекте экзистенциальный глагол также маркирует местонахождение объекта относительно говорящего, его также можно назвать «локативным».

ный глагол в 1 и 2 лицах сочетается с личными показателями; его парадигма дефектна и нерегулярна; среди форм экзистенциального глагола отмечу форму простого деепричастия с показателем *-li* (*li-b-li* ‘EXST.PROX-N-CVB’) и форму атрибутива (*li-b-zi-b* ‘EXST.PROX-N-ATR-N’):

	Утвердительная полярность		Отрицательная полярность	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
1 л.	<i>li-b=da</i> EXST.PROX-N=1/2PL		<i>li-b=a-da</i> EXST.PROX-N=NEG-1/2PL	
2 л.	<i>li-b=di</i> EXST.PROX-N=2SG		<i>li-b=a-di</i> EXST.PROX-N=NEG-2SG	
3 л.	<i>li-b</i> EXST.PROX-N		<i>li-b=ak:u</i> EXST.PROX-N=NEG	

Экзистенциальный глагол является самостоятельным глаголом (хотя и обладающим дефектной парадигмой), а не предикативным показателем, потому что, во-первых, как видно из таблицы, он сам присоединяет предикативные показатели; во-вторых, от него образуются некоторые аспектуально-темпоральные формы. Например, экзистенциальный глагол имеет форму квалитатива:

- (1) *nis:i-la išt'an-t-a-lla ʔaʰdaʰt*
 1PL-GEN аштынец-PL-OBL-GEN адат
li-b-zi-b=di ʔaʰdaʰt
 EXST.PROX-N-ATTR-N=PAST адат
 ‘У нас, у аштынцев, адат **был**, адат’ (из устного текста).

Во-вторых, в качестве вспомогательного элемента в перифрастических формах используются также формы совершенного вида глагола $\sim u\chi/\sim i:\chi^w$ ‘быть, становиться’. Этот глагол имеет полный набор форм. В условных перифрастических формах он используется в синтетических формах условного реального и ирреального. Поскольку в перифрастических формах у данного глагола уже не просматривается собственного значения, я буду глоссировать его в этих контекстах как AUX.

В следующем разделе я буду обозначать синтетические, аналитические и перифрастические формы при помощи ярлыков «синт.», «аналит.» и «перифр.» соответственно.

2.4.2. *Формы индикатива.*

2.4.2.1. *Настоящее общее время (синт.).* Настоящее общее время является синтетической формой, образуемой от основы не-совершенного вида по следующей модели⁸:

	0 (основа)	+1 (тематическая гласная)	+2 (личный показатель)	+3 (множественное число)
1 и 2 л.	Основа импер- фектива	I-TR: -i- II, III-TR: -a- I-INTR, III-INTR: -u-	1: -d(a) 2: -t:-	-a: (только во 2 лице)
3 л.		I-TR, III-INTR: -u I-INTR, III-TR: -a II: -an		

По принятой в аспектологии терминологии [Dahl 1985: 95–102; Плунгян 2011: 398–399], настоящее общее время имеет значение генерического хабитуалиса, т. е. обозначает ситуацию, истинную в общем, вне конкретного временного контекста. Однако в аштынском эта форма, по-видимому, находится на грани исчезновения: многие носители языка не опознают формы настоящего общего в независимом употреблении или с трудом отличают их от форм претерита (в связи со сходством личных окончаний); формы настоящего общего времени преимущественно встречаются в пословицах и других традиционных текстах (таких, как песни), а в живой речи вместо них в соответствующих контекстах чаще всего используются формы презенса или квалитатива.

- (2) $q'ajin=ak:w'a-l$ $e:k^w-li-c:i-j$ $v^wabž$
 труд=без-ADV   река-OBL-INTER-EL   рыба
 $b-us-ij$ $b-i:\chi^w-a:\chi^w-a$
 N-поймать.PFV-INF   N-стать.IPFV~NEG-PRS.3
 ‘Без труда из реки рыбку выловить **невозможно**’.

- (3) $ʔa^h-si-w$ $insan-na$ zu $hila-b$
 хороший-ATTR-M   человек-GEN   имя   позади-N

⁸ Здесь и далее я буду использовать следующие сокращения: римская цифра — обозначение типа спряжения; TR — переходный глагол; INTR — непереходный глагол (если выбор окончания или тематической гласной зависит от переходности); 1 — показатель первого лица; 2 — показатель второго лица; 3 — показатель третьего лица.

ka-lug-a

DOWN-оставаться.IPFV-PRS.3

‘Имя хорошего человека **остаётся**’.

- (4) *haril-li-j hat:-ak^w-ib mus:a*
каждый-OBL-DAT UP-рождаться.PFV-PTCP место

b-ik:-a

N-любить.IPFV-PRS.3

‘Каждый **любит** место, в котором он родился’.

- (5) *w-i:q'-u insan-na nuq'-bi*
М-делать.IPFV-PTCP человек-GEN рука-PL

d-u:c:~a:c:-a

NPL-уствовать.IPFV~NEG-PRS.3

‘Руки работающего человека **не устают**’.

- (6) *c'ub ʒa^rra^rq'-a-lla šuša-l da^sš juldaš=ja*
белый арака-PL-GEN бутылка-IN сто друг=ADD

ka-b-us-a ʒa^rra^rq'-i

DOWN-NPL-помещаться.IPFV-PRS.3 арака-PL

ha-d-e:χ^wa:-li juldaš:-i=ja

UP-NPL-исчезать.PFV-3-COND друг-PL=ADD

ha-b-uχ:-a

UP-N-исчезать.IPFV-PRS.3

‘В бутылку белой водки **помещаются** сто друзей; если исчезает водка, **исчезают** и друзья’ (из лирической песни).

Кроме того, сохраняется употребление формы настоящего общего времени от глагола ‘знать’:

- (7) *dam b-a^rk'-u^r saleh*
я.DAT N-знать.IPFV-PRS.3 Салих
w-id-až-i ʒa^rli sa:^rq'-u^rn
М-THITHER-идти.PFV-PRET.3 Али [М]HITHER+идти.PFV-CVB
‘Я **знаю**, что Салих вышел потому, что пришел Али’.

Тенденцию к вытеснению древних синтетических форм настоящего времени на грамматическую периферию в кубачинском отмечал еще А. А. Магомедов: «ослабевают позиции ⟨...⟩ настоящего общего времени в даргинском языке» [Магомедов 1963: 192]. На тот же процесс, уже в масштабе всей даргинской группы, указывает М.-С. М. Мусаев: «...современная форма настоящего

времени даргинского языка является новообразованной грамматической категорией. На начальном же этапе развития даргинского языка ⟨...⟩ значение настоящего времени выражалось иной словоформой глагола: нынешней формой будущего индикативного (эта форма в литературном даргинском языке по своей морфологии соответствует настоящему общему в аштынском и других диалектах. — О. Б.), поскольку ⟨...⟩ она исторически являлась формой настояще-будущего времени» [Мусаев 1983: 35]. Точнее, настоящее общее время в прошлом, вероятно, совмещало значения дуратива (что видно из сохранившихся употреблений с глаголом ‘знать’ (7)), хабитуалиса и будущего времени, причем последнее, скорее всего, производно от второго — именно такое направление грамматикализации засвидетельствовано, в частности, в некоторых нахско-дагестанских языках [Татевосов 2004; Tatevosov 2005]. Формы настоящего общего могли в прошлом использоваться и для прогрессива, но надежных свидетельств этому нет — насколько мне известно, они не употребляются в таком значении ни в одном из даргинских идиомов.

Похожее развитие получили формы настоящего общего и в других даргинских диалектах, например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 100–102] и в кайтагском [Темирбулатова 2004: 164]⁹.

⁹ Похожие сценарии диахронического развития наблюдаются и в других нахско-дагестанских языках. Например, в хиналугском языке формы «простого настоящего» весьма малоупотребительны, хотя их семантика пересекается с более частотным презенсом [Кибрик и др. 1972: 168]. По всей видимости, «вытеснение» старых форм презенса на грамматическую периферию или в зону модальности в целом характерно для языков кавказского ареала и смежных с ним зон. Как отмечает Д. Сило [Stilo 2011], вытеснение старого презенса в область сослагательного наклонения и/или будущего времени в ходе грамматикализации новой формы настоящего времени можно считать ареальным явлением, характерным для северо-западного Ирана и Закавказья. Так, в современном восточноармянском языке древнеармянские окончания настоящего времени используются в функции будущего времени сослагательного наклонения; старая функция у этих форм сохраняется, во-первых, у ограниченного числа глаголов, например *gitel* ‘знать’; во-вторых, в пословицах и идиоматических выражениях, например *ov kard-a na mard a* (кто читать-SBJV.FUT.3SG тот человек COP.PRS.3SG) ‘Кто читает — тот человек’ [Dum-Tragut 2009: 240]. Нетрудно заметить, что эти два употребле-

2.4.2.2. Презенс (аналитический). Презенс — аналитическая форма, образуемая от основы имперфектива по следующей модели:

0 (основа)	1 (показатель настоящего времени)	Предикативный показатель
Основа имперфектива	I, III: -ul II: -un	1/2PL: =da 2SG: =di 3: Ø/-ni (у II спряжения) PAST: =di

Презенс в аштынском диалекте является наиболее частотной и наименее маркированной формой настоящего времени. Он используется для обозначения как актуально-длительных (8), так и хабитуальных итеративных (9) и генерических (10)–(11) ситуаций. Кроме того, презенс используется в значении ближайшего будущего или проспектива (12)–(13).

- (8) *di-la uc:i-l kavaj ka-b-i:g-ul*
я-GEN брат-ERG письмо DOWN-N-писать.IPFV-PRS[3]
'Мой брат **пишет** письмо' {сейчас}.
- (9) *har baj ta-j-u^hh-uⁿ=da*
каждый день FRONT-EL-[M]видеть.IPFV-PRS=1
'Я каждый день (его) **вижу**'.
- (10) *ulb-ad-i kammi b-u^hh-uⁿ=da*
глаз-PL-DAT мало N=видеть.IPFV-PRS=1
'Глаза (у меня) плохо **видят**'.
- (11) *dil b-uč'-un=da ?a^b dus-li-ži-j*
я-ERG N-читать.IPFV-PRS=1 три год-OBL-SUPER-EL
'Я **читаю** с трех лет'.
- (12) *w-aš ij-an — k'e:na*
M-идти.PFV[IMP] DEM-LOC сейчас

ния армянского сослагательного наклонения аналогичны употреблению настоящего общего в аштынском (примеры (7) и (2)–(6) соответственно). Похожее развитие получили формы презенса и в западноиранских языках, а также в новоарамейских диалектах [Stilo 2011]. О развитии значений «старых» форм настоящего времени в типологической перспективе см. также [Haspelmath 1998].

sax-un=da

[M]HITHER+идти.IPFV-PRS=1

‘Иди сюда. Сейчас, **иду!**’

(13) *di-l   kakaj-ti   ka-d-i:g-ul=da*

1SG-ERG письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-PRS=1

‘Я **буду писать** письма’ {прямо сейчас}.

В сочетании с показателем ретроспективного сдвига аспектуальное значение презенса сохраняется: он обозначает актуально-длительную или хабитуальную ситуацию, привязанную во времени к другому действию, совершаемому до момента речи:

(14) *du   qil   w-e:n-ha^h:q'-uⁿ-he:,   it-dil*

я   дом M-IN-[M]UP+идти.PFV-CVB-SEQ.CONT   DEM-ERG

juz   b-uč'-un=di

книга N-читать.IPFV-PRS=PAST

‘Когда я зашел в дом, он **читал** книгу’.

Пример (14) может создать впечатление, что формы презенса не обладают собственным временным значением, но лишь выражают имперфективный аспект, а временная референция задается предикативным показателем. Эта интерпретация, однако, не вполне корректна по следующей причине: показатель ретроспективного сдвига обозначает не собственно референцию к прошлому, а соотнесенность действия, выраженного формой презенса, с другим действием в прошлом. Именно поэтому формы презенса с ретроспективным сдвигом употребляются преимущественно в сложных предложениях с придаточными времени, как в (14). Немаркированной формой имперфективного прошедшего времени является претерит, образованный от основы имперфектива (см. ниже). Именно поэтому, на мой взгляд, референцию к настоящему времени (или к нарративному времени, в случае настоящего исторического¹⁰) следует считать встроенной в семантику презенса; в примерах типа (14) лишь происходит перенос «точки отсчета» к другому действию в прошлом.

¹⁰ К сожалению, примеры на употребление аштынского презенса в значении настоящего исторического мне не встретились, однако аналогичные формы в других даргинских языках, например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 87], способны выполнять такую функцию.

2.4.2.3. Прогрессив (аналитический).

0 (основа)	+1 (показатель основы настоящего времени)	Экзистенциальная связка
Основа имперфектива	I, III: -ul II: -un	li-b, ti-b, č'i-b, χi-b

Прогрессив в аштынском диалекте используется для обозначения актуально-длительной ситуации, как правило, непосредственно наблюдаемой или наблюдавшейся говорящим. При этом в связи с тем, что в составе этой словоформы имеется экзистенциальная (локативная) связка, обязательным является указание на пространственную локализацию ситуации относительно говорящего:

- (15) $u^{\acute{c}}q'-u^{\acute{c}}n$ $ti-w=di$
 [М]идти.IPFV-CVB EXST.DIST-M=PAST
 '(Он) шел' {в отдалении от говорящего, в какой-то момент в прошлом}.
- (16) $u^{\acute{c}}q'-u^{\acute{c}}n$ $ti-w$
 [М]идти.IPFV-CVB EXST.DIST-M[3]
 '(Он) идет' {в отдалении от говорящего, в данный момент}.
- (17) $u^{\acute{c}}q'-u^{\acute{c}}n$ $li-w$
 [М]идти.IPFV-CVB EXST.PROX-M[3]
 '(Он) идет' {рядом с говорящим, в данный момент}.
- (18) $b-u\acute{c}'-un$ $li-w$
 N-читать.IPFV-CVB EXST.PROX-M[3]
 '(Он) читает' {рядом с говорящим, в данный момент}.

Как было указано выше, в актуально-длительном значении может употребляться также презенс, поэтому во многих случаях формы презенса и прогрессива взаимозаменяемы. В отличие от презенса, передающего более общее значение имперфективности, данная форма является специализированным средством выражения актуально-длительного действия.

2.4.2.4. *Квалитатив (аналит.)*.

0 (основа)	+1 (показатель причастия)	+2 (атрибутив)	Предикативный показатель
Основа имперфектива	I, III: -u II: -un	-zi=b	1/2PL: =da 2SG: =di 3: =sa-b PAST: =di

Значение аштынского квалитатива является наиболее сложным для описания из всех аспектуально-темпоральных граммем аштынского диалекта. Эта форма обозначает действие, интерпретируемое как постоянное свойство субъекта, что в точности соответствует существующим в типологии определениям хабитуалиса [Плунгян 2011: 398]. Однако для выражения того же значения в аштынском языке существует как малоупотребительное настоящее общее время, так и вполне живой презенс, используемый как в генерических, так и в итеративных контекстах. В связи с этим возникает вопрос, какую функцию выполняет в языке еще одна хабитуальная форма.

Из имеющихся данных об аштынском диалекте можно сделать следующий вывод: формы презенса употребляются в хабитуальных контекстах в том случае, если ситуация или регулярно повторяется с течением времени (как в примере 9), или представляет собой более или менее постоянное состояние субъекта (как в примерах 10–11). Употребление же формы квалитатива не предполагает какой-либо повторяемости или постоянства в течение некоторого периода времени. Пользуясь терминологией Г. Карлсона [Carlson 1980] и Т. В. Булыгиной [Булыгина 1997], квалитатив обозначает один из подклассов предикатов «индивидуального уровня», или «качеств»¹¹. Специально о значении квалитатива (среди других значений «индивидуального уровня») см. также [Shlunsky 2009: 186–188].

Так, пример (19) может относиться к человеку, который давно не танцевал и не планирует этого делать в обозримом бу-

¹¹ Настоящее общее в аштынском также выражает «качества», а не «явления», однако его употребление ограничено сферой «общих истин» (значение, иногда относимое к эвиденциальным, ср. [Плунгян 2011: 467]).

душем; а пример (20) — человеку, который уже много лет не ездит на машине, потому что у него нет возможности ее купить (но если бы такая возможность была, он бы постоянно менял машины).

Таким образом, в форме квалитатива определенно присутствует модальный компонент возможности. На это указывает и тот факт, что аналогичные по образованию формы в литературном даргинском языке и в других диалектах исследователи относят к облигативу [Муталов 2002: 112–115]. Однако я считаю более точным отнесение этой формы к индикативу, поскольку в аштынском диалекте она может употребляться в гораздо более широком круге контекстов, чем типичные конструкции возможности (так, перевод примера (20) как ‘он может продать машину’ не является корректным, т. к. русское предложение содержит импликацию наличия у субъекта автомобиля, который он мог бы продать).

- (19) *id-i-j*   ***b-ik:-u-zi-w=sa-w***
DEM-OBL-DAT   N-любить.IPFV-PTCP-ATTR-M=COP-M
w-id-añ-ij
M-THITHER-танцевать.IPFV-INF
‘Он **любит** танцевать’ {комментарий носителя языка: «он, может быть, десять лет уже не танцевал, но в любой момент может, если захочет»}.
- (20) *iχ-til*   *mašin*   ***b-i:s-u-zi-w=sa-w***
DEM-ERG   машина   N-продавать.IPFV-PTCP-ATTR-M=COP-M
‘Он **продает** машину’ {Агенс таков, что не может долго ездить на одной машине; поэтому, если он покупает новую машину, он вскоре ее продает (по комментарию носителя языка)}.
- (21) *je*   *duna*   *w-ibč’-ib-il-li*
DEM   мир   M-умереть.PFV-PRET-ATTR-ERG
b-a:t-u-zi-b
N-оставить.IPFV-PTCP-ATTR-N
‘Умерший **оставляет** этот мир’ {т. е. умершим свойственно уходить из мира¹²} (из лирической песни).

---

¹² Поскольку в примере (21) причастие согласуется по абсолютному участнику (‘мир’), а не по эргативному участнику (‘умерший’), как можно было бы ожидать (ср. (20)), возможно, в данном случае речь

В сочетании с показателем ретроспективного сдвига форма квалитатива не претерпевает существенных семантических изменений. Ср. (22), где вопрос ‘знал ли ты раньше моего брата?’ формулируется как ‘был ли ты знающим моего брата’, т. е. обладал ли собеседник тем свойством, что он знаком с братом говорящего. Очевидно, что такой контекст не предполагает ни повторяемости, ни генеричности, и поэтому здесь употребляется именно квалитатив.

- (22) *di-la uc:i at:i tal*
 1SG-GEN брат 2SG.DAT¹³ раньше
w-a'k'-u^ε-zi-w=di:?
 M-знать.IPFV-PRS-ATTR-M=PAST+Q
 ‘Ты раньше **знал** моего брата?’ {до того, как приехал сюда}.

Формы, аналогичные аштынскому квалитативу как морфологически, так и семантически, засвидетельствованы и в кайтагском диалекте, где они образуются от причастий настоящего времени на *-an* при помощи атрибутивного суффикса *-il-*, например: *b-alk-an-il=da* (N-знать.IPFV-PTCP-ATTR=1) ‘есмы знающий’ [Темибулатова 2004: 165].

Специализированный показатель квалитатива является достаточно редким явлением в языках мира. Так, А. Б. Шлуинский [Shluinsky 2009: 186–188] приводит лишь три языка, в которых имеются специализированные показатели с этим значением: нивхский (суффикс *-ху-*), селькупский (показатель *-ту-*) и агульский («интенционалис» с показателем *-je-f-*).

Помимо собственно квалитативного употребления, представленного выше, формы квалитатива употребляются также в нарративных текстах о традиционных обрядах, обычаях и т. п. Например:

- (23) *hani ʔa^ε-gna^ε s:us:up:-a-ʒi*
 лето три-раза черемша-PL-SUPER
b-ax-u-ʒu-b=di *ʔa^ε-gna^ε*
 HPL-идти.IPFV-PRS-PART.PL-HPL=PAST три-раза

идёт о свойстве мира, а не умершего (т. е. пример скорее следует переводить как ‘мир таков, что умершие его оставляют’).

¹³ Субъект знания, равно как и экспериенцер глаголов чувственного восприятия, в аштынском маркируется дативом.

<i>žehil-žu-b</i>	<i>jus-bi</i>
молодой-ATTR.PL-HPL	девушка-PL
<i>žehil-žu-b</i>	<i>gul-i</i>
молодой-ATTR.PL-HPL	парень-PL

‘Летом три раза за черешшой **ходили**, три раза молодые девушки, молодые парни’ (из устного текста).

Такое использование форм квалитатива можно трактовать как частный случай общего значения «свойства»: выполнение тех или иных действий было свойственно говорящему, или его односельчанам, в прошлом. С другой стороны, здесь можно видеть проявление оппозиции между причастными и не-причастными формами в духе отмеченной в статье [Майсак, настоящий сборник] для агульского языка. А именно, аналитические формы с полными причастиями (в противовес аналитическим формам с деепричастиями) используются для обозначения ситуаций, которые входят в общий «фонд знаний» говорящего и собеседника. Очевидно, что обычаи и традиции относятся к такому классу ситуаций. При этом следует заметить, что, как видно из предшествующих примеров, такого рода пресуппозиция не входит в основной круг значений квалитатива, для которого центральной все же следует признать собственно аспектуальную семантику.

2.4.2.5. Претерит (синт.).

	0 (основа)	+1 (тематическая гласная)	+2 (личный показатель)	+3 (множественное число)
1 и 2 лицо	основа перфектива	I: -a- II, III: -i-	1: -d(a) 2: -t:i	-a: (только во 2 лице)
3 лицо	или основа им- перфектива	I-INTR, III: -aj I-TR: -i II: -in		

При этом, по общим правилам, -t:i + -a: > -t:a:

Претерит выражает ситуацию, локализованную в прошлом, без какой-либо привязки к настоящему времени. Аспектуальная характеристика ситуации определяется выбором основы: основа перфектива соответствует ситуации, полностью находящейся в «окне наблюдения» [Klein 1994], а имперфективная основа обозначает ситуацию, начало и конец которой лежат вне этого «окна»:

- (24) *murad-li kavaĵ-ti ka-d-i:g-aj*
 Мурад-ERG письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-PRET.3
selsawet-li
 сельсовет-IN
 ‘Мурад **писал** письма в сельсовете’ {когда он там работал}.
- (25) *di-la uc:i-l-dil ili-zi-b juz*
 я-GEN брат-OBL-ERG DEM-ATTR-N книга
b-ilč'-in *tala-l*
 N-читать.PFV-PRET.3 перед-ADV
 ‘Мой брат уже **прочитал** раньше эту книгу’ (в этом же контексте можно употребить также форму экспериментива, см. ниже).
- (26) *qaša-xaša=ja w-ax-u,*
 верхнее.село-нижнее.село=ADD M-идти:IPF-CVB
miĵ-la t:ap:-i=ja d-ilč-in
 железо-GEN обувь-PL=ADD NPL-протираться.PFV-PRET.3
 ‘Вверх-вниз по селу (я) ходил, и (моя) железная обувь **износилась**’ (из лирической песни).

Интересно отметить, что аштынскому и кубачинскому претериту в других диалектах соответствуют формы хабитуалиса в прошлом, или *пред-хабитуалиса* в терминологии Р. О. Муталова [Муталов 2002: 167]. Например, именно такое значение имеют формы с аналогичными наборами окончаний в ицаринском [Sumbatova, Motalov 2003: 91] и кайтагском языках [Темирбулатова 2004: 156]. Формы совершенного вида прошедшего времени в даргинских языках обычно образуются при помощи показателей *-ib/-ur/-un*, которые в аштынском используются только как (дее)причастные. Возможность употребления претерита с перфективной основой, а также расширение хабитуального значения до немаркированного имперфектива являются, таким образом, инновациями кубачинского языка.

2.4.2.6. Перфект/эвиденциалис (аналит.).

0 (основа)	+1 (показатель основы перфекта)	Предикативный показатель
основа перфектива или основа имперфектива	I, III: -ip:i II: -unni	1/2PL: =da 2SG: =di 3: Ø PAST: =di

Перфект в аштынском диалекте имеет как свое аспектуальное значение, так и эвиденциальное значение косвенной засвидетельствованности:

- (27) *di-la uc:i-l miq b-a:q'-ip:i*
 я-GEN брат-ERG свадьба N-делать.PFV-PERF[3]
 ‘Мой брат **женился**’ {уже женат}.
- (28) *le(b)il juz b-ilč'-un*
 весь⟨N⟩ книга N-читать.PFV-CVB
taman-b-a:q'-ip:i
 конец-N-делать.PFV-PERF[3]
 ‘Он **прочел** всю книгу’.
- (29) *c'ub ʔaʳaʳq'-i-lla šuša d-uč:-uli*
 белый арака-PL-GEN бутылка NPL-пить.IPFV-CVB
kiž-ip:i=wa *k:azaχist:an-na talqan*
 DOWN+сидеть.PFV-PERF[3]=PTCL Казахстан-GEN хан
 ‘(Мой друг) с бутылкой водки белой **сидит**, наверное, пьет, как казахстанский хан’, букв. ‘выпивая бутылку белой водки, сидит, казахстанский хан’ (из лирической песни).

Однако в некоторых случаях для придания высказыванию однозначно эвиденциальной семантики (в противовес простому аспектуальному значению перфекта/результатива) может использоваться показатель ретроспективного сдвига:

- (30) *di-la uc:i-l miq b-a:q'-ip:i=di*
 я-GEN брат-ERG свадьба N-делать.PFV-PERF=PAST
 ‘Мой брат **женился**’ {а я не видел}.

Формы этой серии могут также образовываться от основы имперфектива, где они имеют только эвиденциальное значение:

- (31) *uc:i-l kavaj-ti ka-d-i:ž-ip:i*
 брат-ERG письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-PERF
selsawet-li
 сельсовет-IN
 ‘Мой брат **писал** письма в сельсовет’ {контекст: говорящий разговаривал с братом по телефону, т. е. не видел его}.

Возможность употребления форм перфекта (изначально образованных от причастия совершенного вида на *-ib/-ur/-un* при

помощи обстоятельственного показателя *-li* [Мусаев 1983: 25]) с основой имперфектива в эвиденциальном значении говорит о том, что значение эвиденциальности у этой формы является достаточно грамматикализированным и воспринимается как самостоятельное, уже вполне обособившееся от исходной семантики перфекта.

2.4.2.7. *Субъективный результатив (перифр.)*

0 (основа)	+1 (показатель причастия)	Экзистенциальная связка
основа перфектива	I, III: -ib II: -un	li-b, ti-b, č'i-b, χi-b

Субъективный результатив употребляется только с непереходными глаголами и обозначает результат предельного процесса, доступный непосредственному восприятию:

(32) *murad sa:ʹqʹ-uʹn li-w*
Мурад HITHER+идти:PFV-CVB EXST.PROX-M
'Мурад (уже) **дошел** (сюда)'.

(33) **(di-l) juz b-ilčʹ-un li-w*
я-ERG книга N-читать:PFV-CVB EXST.PROX-M
'Я **прочел** книгу'.

Замечу, что термин «субъективный результатив», выбранный мною для данной формы, является в значительной степени предварительным: примеров на ее употребление в моем распоряжении пока недостаточно для более точных утверждений. Несомненными являются два компонента значения этой формы: отнесенность действия к (недавнему) прошлому и доступность результата действия непосредственному восприятию.

Формы, аналогичные по структуре и употреблению аштынским прогрессиву и результативу, засвидетельствованы также в тантынском диалекте [Сумбатова 2010: 54–55]. Н. Р. Сумбатова отмечает параллелизм между употреблением экзистенциального глагола в независимом предложении и в аналитических формах. А именно: аналитические формы с экзистенциальным глаголом или обладают семантикой существования ('Мама мне подарила кольцо [и оно у меня есть]'), или передают значение недавнего

прошлого, или, в настоящем времени, используются в презентативных предложениях ('Вон по дороге идет моя сестра'). Употребление форм прогрессива и субъектного результата в аштынском, по-видимому, несколько уже, чем в тантынском, однако и здесь можно видеть сохранение исходной экзистенциальной семантики, отмеченное Н. Р. Сумбатовой: прогрессив, как правило, обозначает ситуацию, разворачивающуюся или разворачивавшуюся на глазах у говорящего; субъектный же результатив обозначает ситуацию, результат которой доступен непосредственно восприятию в момент речи.

2.4.2.8. *Экспериентив (аналит.)*. Экспериентив¹⁴ образуется путем сочетания полной формы причастия прошедшего времени и предикативного показателя в 1 и 2 лицах, связки в 3 лице. Таким образом, единственное отличие экспериентива от качественатива — в форме причастия (перфективное vs. имперфективное).

0 (основа)	+1 (показатель причастия)	+2 (атрибутив)	Предикативный показатель
Основа перфектива	I, III: -ib II: -un	-zi-b	1/2PL: =da 2SG: =di 3: =sa-b PAST: =di

Аштынский экспериентив обладает стандартным экспериентивным значением [Вострикова 2010]:

- (34) *a-la uc:i u^hlh-uⁿzi-w=da*
ты-GEN брат [М]видеть.PFV-PTCP-ATTR-M=1
'Я **видел** твоего брата' (т. е. 'мне приходилось его видеть').

В сочетании с ретроспективным сдвигом экспериентив сохраняет свое аспектуальное значение:

- (35) *dammij čum žinaj ta^h-j-u^hlh-uⁿzi-w=di*
я:DAT сколько раз ANTE-EL-видеть.PFV-PTCP-ATTR-M=PAST

¹⁴ В даргиноведческих работах аналогичные формы в других диалектах называют также формами результатаива [Муталов 2002: 100–102].

a-la uc:i

ты-GEN брат

{Ты знал моего брата, который умер в прошлом году?}
'(Да,) я его **видел** несколько раз'.

Интересно, что несмотря на то, что данная форма выражает состояние субъекта в некоторый момент времени, показатель ретроспективного сдвига в данном случае перемещает не точку отсчета состояния субъекта, а точку отсчета самого момента действия. То есть, экспериентив в данном случае все равно выражает состояние говорящего в момент речи (или в «нарративном времени») — 'я сейчас таков, что я его видел'; ретроспективный сдвиг лишь свидетельствует о том, что встречи говорящего с умершим происходили до определенного момента в прошлом, заданного дискурсивным контекстом.

2.4.2.9. Будущее время (аналит.).

0 (основа)	+1 (показатель основы будущего времени)	Предикативный показатель
основа перфектива или основа имперфектива	-an	1/2PL: =da 2SG: =di 3: -ni PAST: =di

Образуется от основы перфектива или имперфектива.

(36) *di-l at:i kavaĵ ka-b-ig-an=da*
я-ERG ты:DAT письмо DOWN-N-писать.PFV-FUT=1
'Я **напишу** тебе письмо'.

(37) *di-la uc:i kavaĵ-ti ka-d-i:g-an-ni*
я-GEN брат письмо-PL DOWN-NPL-писать.IPFV-FUT-3
'Мой брат **будет писать** письма'.

Будущее время с ретроспективным сдвигом используется в аподосисе сложных предложений с ирреальным (контрафактическим или воображаемым) условием (ирреальный имплицатив):

(38) *aj di-la š:iš:im-ala ag-a:-dil šin*
PTCL я-GEN печаль-PL.COLL статья.PFV-COND.3-IRR вода
ʒaʳaʳq'-i, di-la aʷ-la gul-ad-dil
арака-PL я-GEN возраст-GEN парень-PL-ERG

d-uč   *allaj*   *d-uč:-iq-an=di*

NPL-пить.IPFV PTCL   NPL-пить.IPFV-CAUS-FUT=PAST

‘Если б печали мои превратились в капли пьянящей воды, ровесников моих, ребят, **напоил бы** их ею всех подряд’ (из лирической песни).

Подобно претериту и перфекту, будущее время исторически образовывалось только от одной основы — основы имперфектива [Муталов 2002: 108–109]. Таким образом, здесь также наблюдается характерная для аштынского диалекта тенденция к расширению сочетаемости видовых основ.

2.4.3. Условные формы.

2.4.3.1. *Условное реальное (синт.)*. Синтетическая форма условного реального образуется от любой из двух глагольных основ по следующей схеме:

	0 (основа)	+1 (тематическая гласная)	+2 (лицо)	+3 (число)	+4 (показатель наклонения)
1 и 2 лицо	основа перфектива или основа имперфектива	TR: -i-	1: -d-	-a:-	-li
3 лицо		I, III: -a:- II: -an-			

При этом, по общим правилам, *-d-li > -lli*, *-t:-li > -t:i*, *-an-li > -an-ni*.

Формы условного реального употребляются исключительно в контекстах реального условия в будущем. Для реального условия в других временах используются перифрастические формы или условное хабитуальное (см. ниже):

(39) *ijal*   *di-l*   *kavaj*   *ka-b-iž-i-l-li*,

сегодня я-ERG письмо DOWN-N-писать.PFV-TR-1-COND

čawal-li-j   *či-b-d-ik-an-ni*

завтра-OBL-EL SUPER-N-THITHER-достигать.IPFV-FUT-3

id-š:u

DEM-AD

‘Если я сегодня **напишу** письмо, завтра оно до него дойдет’.

- (40) *čawal du šahar-ri-c:i u⁶q'~a⁶q'-a⁶-l-li,*
 завтра я город-OBL-INTER [М]идти.IPFV~NEG-INTR-1-COND
t'aš=w-ic:-an=da at:ij
 <остаться>ST=M-стоять.PFV-FUT=1 ты:DAT
kumak b-a:q'-ij
 помощь N-делать.PFV-INF
 ‘Если я завтра не поеду в город, то я останусь и тебе помогу’.

2.4.3.2. Условное ирреальное (синт.). Синтетическая форма условного ирреального образуется от любой из двух глагольных основ по следующей схеме:

	0 (основа)	+1 (тематический гласный)	+2 (лицо)	+3 (число)	+4 (показатель наклонения)
1 и 2 лицо	основа перфектива	TR: -i- INTR: -u-	1: -d- 2: -t:i-	-a:-	-dil
3 лицо	или основа им- перфектива	I, III: -a:- II: -an-			

Обозначает контрафактическое условие в прошлом:

- (41) *du s:a uč:~ač:-u-d-dil, ijaj*
 я вчера [М]пить.IPFV~NEG-INTR-1-IRR сегодня
bik' ic:-an-n=a-di
 голова болеть.IPFV-FUT-3=NEG-PAST
 ‘Если бы я вчера не пил, голова бы сегодня не болела’.

В независимом предложении эта форма выражает желание:

- (42) *pat'imat-li t'ut' b-ec'-a:-dil!*
 Патимат-ERG хлеб N-печь.PFV-3-IRR
 ‘Хорошо бы, если бы Патимат испекла хлеб’.
- (43) *čawal-li-j d-i:s-ib*
 завтра-OBL-EL NPL-стирать.PFV-CVB
taman=d-a:q'-a:-dil li(d)he:
 <заканчивать>конец=NPL-делать.PFV-3-IRR весь<NPL>
paltar
 одежда
 ‘Хорошо бы, завтра (она) достирала всю одежду’.

2.4.3.3. Условное хабитуальное реальное (синт.). Формы условного хабитуального реального образуются от основы имперфектива по следующей схеме:

	0 (основа)	+1 (хабиту- алис)	+2 (тематическая гласная)	+3 (лицо)	+4 (число + модальность)
1 и 2 лицо	основа импер- фектива	-aχ:-	-a-	1: -d- 2: -t:-	-a:li
3 лицо			-an		

Данная форма является синтетической, хотя показатель -aχ:-, скорее всего, восходит к вспомогательному глаголу [Магомедов 1963: 209210]. При этом личные окончания сходны с окончаниями настоящего общего времени (ср. в особенности показатель 3 лица -an, который встречается только в настоящем общем, но не в претерите), что позволяет говорить о том, что в хабитуальных условных формах исторически употреблялся вспомогательный глагол в форме настоящего общего.

Данная форма обозначает хабитуальное действие в настоящем, рассматриваемое как условие (либо фактивное, либо такое, об истинности которого говорящему в точности неизвестно):

- (44) *a-la uc:i ʔaʕʕi-l w-i:q'-aχ:-an*
 ты-GEN брат работа-ERG M-делать.IPFV-HAB.COND-3
selsawet-li-w, kawaj b-a:q'-ij kumak
 сельсовет-IN-M бумага N-делать.PFV-INF помощь
b-a:q'-ij ʔaʕʕwʕnil=sa-w
 N-делать.PFV-INF должен=COP-M
 'Если (или раз) твой брат работает в сельсовете, он должен помочь мне сделать бумажку'.

Эта форма также используется для выражения условия в ближайшем будущем, причем в таких контекстах хабитуальная семантика необязательна:

- (45) *k'e:na durc:-i d-i:q'-aχ:-a-t,*
 сейчас урок-PL NPL-делать.IPFV-HAB.COND-TH-2
uniwersitet-li ku:χ-an=di
 университет-IN [M]DOWN+идти.PFV-FUT=2
 'Если сейчас сядешь уроки делать, то поступишь в университет'.

2.4.3.4. Условное хабитуальное ирреальное (синт.). Формы условного ирреального хабитуалиса образуются от основы имперфектива по следующей схеме:

	0 (основа)	1 (хабитуалис)	2 (тематическая гласная)	3 (лицо)	4 (число)	5 (показатель ирреалиса)
1 и 2 лицо	основа имперфектива	-аχ:-	-а-	1: -d- 2: -t:i-	-а:-	-dil
3 лицо			-an-			

При этом, по общим правилам, -t:i + -а: > -t:a:

Эти формы обозначают хабитуальное контрафактическое или воображаемое условие, причем временная локализация не играет роли:

- (46) *har baj durc:i d-i:q'-aχ:-a-d-dil,*
 каждый день урок-PL NPL-делать.IPFV-HAB.COND-TH-1-IRR
uniwersitet-li ku:χ-an=di
 университет-IN [M]DOWN+идти.PFV-FUT=PAST
 'Если бы я каждый день делал уроки, я бы поступил в университет'.
- (47) *di-l i-š:u ka vaj-ti*
 я-ERG DEM-AD письмо-PL
ka-d-i:g-aχ:-a-d-dil, *il-š:u*
 DOWN-NPL-писать.IPFV-HAB.COND-TH-1-IRR DEM-AD
čit:-i:β-an=di
 SUB-достичь.IPFV-FUT=PAST
 'Если бы я (раньше) писал ему письма, (они) до него бы доходили'.
- (48) *du har baj iχ-š:u balnic:a-l*
 я каждый день DEM-AD больница-IN
w-ax~ax-aχ:-a-d-dil, *iχ*
 M-идти.IPFV~NEG-HAB.COND-TH-1-IRR DEM
tap b-it'-ib ubk'-an=di
 скука N-надоеть.PFV-CVB [M]умереть.PFV-FUT=PAST
 'Если бы я не ходил к нему в больницу каждый день, он бы умер от скуки'.

Подобно реальным хабитуальным условным формам, ирреальные также могут обозначать ближайшее будущее без какого-либо хабитуального компонента:

- (49) *du čawal šahar-ri-c:i*
 я завтра город-OBL-INTER
uq'-aχ:-a-d-dil *di-l at:ij*
 [M]идти.IPFV-НАВ.COND-TH-1-IRR я-ERG ты:DAT
kumak b-i:q'-an=di
 помощь N-делать.IPFV-FUT=PAST
 'Если бы я завтра ехал в город, я бы тебе помог'.

2.4.3.5. *Перифрастические условные формы.* Условные формы, соответствующие аспектуально-темпоральным категориям, не выражаемым финитными условными формами, образуются перифрастически. Общая схема построения перифрастических условных форм такова: к нефинитной форме (причастью или деепричастию) прибавляется вспомогательный глагол *uχ-* 'становиться.PFV' в форме условного реального или ирреального (для реального и воображаемого/контрафактического условий соответственно). В условных формах, которым соответствуют аналитические формы индикатива (кроме будущего), используются те же причастия/деепричастия, что и в соответствующих индикативных формах; таким образом, вспомогательный глагол заменяет собой предикативный показатель или связку. В условном претерите и условном аналитическом будущем используются полные формы причастий прошедшего и настоящего времен соответственно¹⁵.

	Форма 3 лица	Условная ирреальная форма	Условная реальная форма
Настоящее время	<i>-ul/-un</i>	<i>-ul/-un uχa:dil</i>	<i>-ul/-un uχa:li</i>
Претерит	<i>-aj/-i/-in</i>	<i>-ib/-un-zi=b uχa:dil</i>	<i>-ib/-un-zi=b uχa:li</i>
Перфект	<i>-ip:i/-unni</i>	<i>-ip:i/-unni uχa:dil</i>	<i>-ip:i/-unni uχa:li</i>
Будущее время	<i>-an-ni</i>	<i>-u/-un-zi=b uχa:dil</i>	<i>-u/-un-zi=b uχa:li</i>

¹⁵ С формальной точки зрения условный претерит параллелен экспериентиву, а условное будущее — квалитативу, хотя семантически между ними нет, естественно, никакой связи.

Перифрастические условные формы отличаются высокой степенью композициональности: в них значение исходной индикативной видо-временной формы соединяется с соответствующим модальным значением (реальное/ирреальное условие). Исключение составляют формы условного презенса, который употребляется только в качестве прогрессива/дуратива. Это связано с тем, что для хабитуальных значений в системе кондиционалиса имеется особая пара синтетических форм.

- (50) *k'e:na durc:-i d-i:q'-ul*
сейчас урок-PL NPL-делать:IPF-PRS
ux-u-t:-i muzika-l-gu
[M]статья.PFV-INTR-2-COND музыка-OBL-SUB
si-li-j la'g=u'jk-u'l=di?
что-OBL-DAT (слушать)ST=[M]LV-PRS=2
'Если ты сейчас делаешь уроки, то почему ты слушаешь музыку?'

- (51) *s:a u-dil ha-ʔ-ib-zi-w*
вчера ты-ERG UP-сказать.PFV-PART-ATR-M
ux-u-d-dil nus:a-d-dil at:ij kumak
[M]статья.PFV-INTR-2-IRR мы-OBL-ERG ты:DAT помощь
b-i:q'-an=di
N-делать.IPFV-FUT=PAST
'Если бы ты вчера нам сказал, мы бы помогли.'

Перифрастические условные формы употребляются аналогично синтетическим, в частности, формы условного ирреального могут означать не только условие, но и желание. Композициональность перифрастических форм хорошо видна из следующей пары примеров:

- (52) а. *čawal-li-j d-i:s-ib-zi-b*
завтра-OBL-EL NPL-стирать.PFV-PTCP-ATTR-N
d-ux-a:-dil li(d)he: paltar
NPL-статья.PFV-3-IRR весь(NPL) одежда
'Постирала бы она до завтра всю одежду!' {говорящий видит или будет видеть, как женщина стирает одежду}.

- б. *čawal-li-j d-i:s-ip:i d-ux-a:-dil*
завтра-OBL-EL N-стирать.PFV-PERF NPL-статья:PF-3-IRR

li(d)he: paltar
 весь⟨NPL⟩ одежда

‘**Постирала бы** она до завтра всю одежду!’ {говорящий отдал одежду стирать и не видит, как женщина стирает}.

В примере (52а) сохраняется значение прямой засвидетельствованности, содержащееся в индикативном претерите, а в примере (52б) — эвиденциальное значение, присущее перфекту.

2.4.3.6. *Видо-временная система в условных формах: обзор.*

Как видно из проведенного обзора, видо-временная система форм условного наклонения существенно отличается от видо-временной системы индикатива: в кондиционалисе для всех хабитуальных значений имеется особая синтетическая финитная парадигма; оппозиция условных форм прошедшего времени сводится к оппозиции условных претерита и перфекта. Соответствие форм индикатива и кондиционалиса представлено в следующей таблице:

Индикатив	Кондиционалис реальный	Кондиционалис ирреальный
Настоящее общее	Условное хабитуальное (синт.)	
Квалитатив		
Презенс	Условный презенс (перифр.)	
Прогрессив		
Претерит	Условный претерит (ан.)	Условное ирреальное (синт.)
Экспериентив		[Условный претерит (перифр.)]
Результатив	Условный перфект (перифр.)	
Перфект		
Будущее время	Условное реальное (синт.) [Условное будущее (перифр.)]	Условное будущее (перифр.)

Таким образом, в количественном плане число видо-временных парадигм в кондиционалисе меньше, чем число таких парадигм в индикативе, что само по себе встречается во многих языках мира. Однако ситуация в аштынском сложнее, поскольку различается не только количество, но и распределение условных форм. Так, в отличие от индикатива, в кондиционалисе все хаби-

туальные значения объединяются в единую синтетическую парадигму; причем, в отличие от индикатива, условный презенс употребляется исключительно в актуально-длительных контекстах.

При этом личные окончания хабитуальных условных форм совпадают с личными окончаниями настоящего общего времени. В связи с этим можно предположить, что, в то время как формы настоящего общего времени в индикативе утратили большинство своих хабитуальных употреблений, соответствующие формы кондиционалиса, не воспринимаемые более как часть той же видо-временной парадигмы, сохранили свое прежнее значение. Это предположение подтверждается тем, что условные хабитуальные формы могут также обозначать не-хабитуальное условие в ближайшем будущем, что соответствует той гипотезе, что формы настоящего общего времени в прошлом использовались для настоящего-будущего (непрошедшего) времени [Мусаев 1983: 42–43].

Интересно, что в некоторых других даргинских языках, например, в ицаринском, формы, аналогичные по образованию аштынскому условному хабитуалису, обладают модальным интенциональным значением [Муталов 2002: 130–131; Sumbatova, Mutalov 2003: 106–107]. По мнению Р. О. Муталова, суффикс *-aχ*: в этих формах восходит к вспомогательному глаголу *~uχ/~i:χ^w* ‘мочь’ [Муталов 2002: 131]; из этого значения легко выводится интенциональное, но не хабитуальное. Однако этот же глагол помимо значения ‘мочь’ в аштынском имеет значение ‘становиться’, и именно он употребляется в современных перифрастических условных формах, поэтому можно предположить, что условный хабитуалис представляет собой грамматикализацию более ранней перифрастической конструкции, структурно аналогичной современным. В современных перифрастических условных формах корень вспомогательного глагола сам по себе не несет никакой модальной семантики; поэтому представляется наиболее вероятным, что модальное значение условных форм, соответствующих аштынским хабитуальным, в ицаринском и в других даргинских языках является производным от исходного значения хабитуалиса. Такой сценарий укладывается в общую тенденцию «вытеснения» настоящего общего на периферию видо-временной системы или в зону модальности (см. выше).

Интерес представляет также распределение синтетических и перифрастических форм в кондиционалисе: условное реальное

будущее и условное ирреальное прошедшее являются синтетическими¹⁶, а остальные временные формы выражаются перифрастически. Такое противопоставление, очевидно, связано с тем, что синтетические формы выражают именно те значения, которые для условных форм являются каноническими — реальное условие в будущем и ирреальное условие в прошлом, соответственно [Храковский 1998]. Таким образом, в данном случае наблюдается следующая тенденция: наименее маркированные значения выражаются синтетическими формами, более маркированные — перифрастическими.

3. Общие тенденции устройства аштынской видео-временной системы

3.1. Сочетаемость граммем вида и аспекта-времени-модальности

Как было показано в настоящем обзоре, употребление всех видовых основ имеет предсказуемую семантику. Интерес представляет то, каким образом видовые основы сочетаются с суффиксальными показателями различных видео-временных серий. Большинство видео-временных парадигм сочетаются либо с перфективом, либо с имперфективом, но не с обеими основами сразу; это соответствует ситуации в большинстве других нахско-дагестанских языков. Специфика аштынского диалекта (и, шире, даргинских языков) состоит в том, что некоторые формы, такие как претерит, перфект и будущее время в индикативе, и большинство модальных форм, сочетаются с обеими основами:

	PFV		IPFV
Настоящее общее	–		+
Презенс	–		+
Прогрессив	–		+
Квалитатив	–		+
Претерит	+	←	+
Перфект	+	→	+
			(эвид.)

¹⁶ Вместо синтетических условных форм (за исключением хаби-туальных) могут употребляться соответствующие аналитические, однако такие примеры всегда очень искусственны и не встречаются в реальных текстах.

Результатив	+		–
Экспериментив	+		–
Будущее	+	←	+
Императив	+		+
Гортатив	+		+
Юссив	+		+
Фактитивный оптатив	+		+
Прохибитив	? ¹⁷		+
Условное реальное	+		+
Условное ирреальное	+		+
Условное хабитуальное реальное	–		+
Условное хабитуальное ирреальное	–		+

В большинстве форм индикатива набор личных окончаний или, в аналитических формах, выбор причастия/деепричастия уточняет исходное значение видовой основы. То есть, происходит не аддитивное сочетание значений, а частичное их пересечение.

Использование основы имперфектива с формами перфекта, по-видимому, представляет собой относительно новое явление, поскольку такие употребления могут иметь только эвиденциальное значение, вторичное по отношению к собственно аспектуальному значению перфекта. То же можно сказать и о перфективных формах претерита: в большинстве других даргинских языков, где имеются формы, соответствующие кубачинскому претериту, они употребляются только для хабитуалиса в прошлом или имперфекта; аорист обычно маркируется показателями *-ib/ur/un*, которым соответствует кубачинское перфективное простое (дее)причастие (не употребляющееся предикативно). Формы будущего времени в аштынском (но не в кубачинском) образованы от причастия «общего времени» (хабитуального) на *-an* [Мусаев 1983: 43; Муталов 2002: 158] и в некоторых диалектах — например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003: 70] — могут образовываться только от основы имперфектива, что позволяет считать возможность образования этих форм от перфективной основы в аштынском также результатом расширения изначального употребления формы. На-

¹⁷ В имеющихся у меня примерах не встречается форм прохибитива, образованных от основы перфектива, однако, по аналогии с другими модальными формами, можно предположить и существование перфективного прохибитива.

правления развития сочетаемости основ и видо-временных серий отражены в таблице при помощи стрелок.

В аштынской (и кубачинской) видо-временной системе, таким образом, категория вида оказывается гораздо более самостоятельной, чем во многих других языках даргинской группы. В тех случаях, когда значение вида четко отделяется от значений других глагольных грамматических категорий, таких как время и эвиденциальность, оно целиком выражается глагольной основой, а суффикс лишь указывает на временную референцию или эвиденциальность. В то же время, к примеру, семантика настоящего времени предполагает имперфективность, и поэтому в таких случаях выражение вида и времени остается в значительной степени кумулятивным.

Как видно из таблицы, в большинстве модальных форм (в том числе и тех, которые остались за рамками нашего рассмотрения в предыдущем разделе), в отличие от форм индикатива, возможно употребление как основы перфектива, так и основы имперфектива. Это связано с тем, что модальные формы обладают резко очерченным значением, которое не содержит в себе аспектуального компонента.

Таким образом, аштынская видо-временная система представляет собой переходный тип между «двухъязысной» системой, типичной для Дагестана, где суффиксальный показатель специфицирует более общее аспектуальное значение, выраженное в основе, а также зачастую имеет и временное значение, и системой, где граммы бинарной категории вида аддитивно сочетаются с граммами других глагольных категорий.

3.2. Экспериментив и квалитатив: категория «стативизации»?

Рассматривая аштынскую видо-временную систему, следует упомянуть сходство в формальном выражении категорий экспериментива и квалитатива: первая выражается полной формой перфективного причастия, вторая — имперфективного. Выражение экспериментива полной формой причастия со связкой/предикативным показателем в целом характерно для нахско-дагестанских языков [Вострикова 2009]. Н. В. Вострикова связывает экспериментивное значение аналогичных конструкций в рассматриваемых ею языках (агульском и ицаринском даргинском) с тем,

что формы причастия кодируют «данное». Действительно, как показано в работах [Майсак, настоящий сборник] и [Kalinina, Sumbatova 2007], в этих языках причастные формы (морфологически аналогичные аштынским формам экспериентива и квалитатива) используются для кодирования информации, входящей в общий «фонд знаний» говорящего и собеседника. Именно поэтому при фокусном выделении одной из составляющих клаузы в ицаринском языке возможно употребление только причастной формы:

(53) a. *murad-il s:ulehi b-elq'-un=ca-b*
 Мурад-ERG окно N-сломать.PFV-PRET=COP-N
 ‘Мурад **разбил** окно’.

b. *murad-il=ca-b s:ulehi b-elq'-un-ci /*
 Мурад-ERG=COP-N окно N-разбить.PFV-PRET-ATTR
 **b-elq'-un*
 N-сломать.PFV-PRET
 ‘Это Мурад **разбил** окно’ [Sumbatova, Mutalov 2003: 85]¹⁸.

Это объясняется тем, что при фокусном выделении одной из составляющих истинность самой ситуации входит в пресуппозицию, и, следовательно, предикат должен маркироваться «пресуппозитивной» причастной формой.

В аштынском диалекте ситуация обстоит иначе: употребление или неупотребление атрибутивного показателя не накладывает каких-либо строгих запретов на коммуникативное членение предложения. Так, в аштынском использование атрибутивной глагольной формы при фокусном выделении не является обязательным (пример самостоятельно составлен носителем языка на основании русскоязычного стимула):

(54) *ča=di: kat ka:q'-u'n ʔaʕli lak*
 кто=PAST:Q вниз DOWN+идти.IPFV-PRS[3] Али вверх
hat:-a:g-u-mu:til
 UP-выйти.IPFV-CVB-когда
 ‘**Кто спускался** вниз, когда Али поднимался вверх?’

¹⁸ Я позволил себе перевести лексические глоссы в данных примерах на русский язык, а также, для упрощения восприятия читателем, привести грамматические глоссы и транскрипционные знаки в соответствие с глоссами и транскрипционными знаками, которые используются в данной статье для аштынского диалекта.

В способе выражения экспериментива и квалитатива скорее следует видеть проявление аспектуальной семантики. Как было указано выше, семантика аштынского квалитатива — представление некоторого действия как постоянного свойства субъекта. Экспериментив в типологической литературе описывается сходным образом: перфективная ситуация, имевшая место в прошлом хотя бы один раз, рассматривается как свойство субъекта [Вострикова 2010]. Таким образом, полная форма причастия в предикативном употреблении является показателем вторичного аспекта [Плунгян 2011] — перехода предиката из акционального класса «событие» в акциональный класс «состояние». При этом выбор формы причастия достаточно прозрачен: перфективное причастие используется для выражения экспериментива, т. е. ситуации, когда свойство субъекта понимается как совершение им в прошлом некоторого действия минимум однократно; имперфективное же причастие используется для выражения квалитатива, т. е. когда свойство субъекта понимается как действие, которое тот часто совершает или имеет склонность совершать. На правильность такой трактовки указывает и тот факт, что в аштынском прилагательные (ставивные предикаты *par excellence*) в предикативной позиции не в контексте сравнения могут употребляться только в полной форме, т. е. с использованием того же показателя *-zi-b*:

(55) а. *nis:i-la qal χ^wala-zi-b=sa-b*
 мы-GEN дом большой-ATTR-N=COP-N
 ‘Наш дом **большой**’

б. *nis:i-la qal χ^wala=sa-b*
 мы-GEN дом большой=COP-N
 ‘Наш дом **больше**’ {другого дома}, *‘Наш дом большой’

Необходимо подчеркнуть, что имеющиеся у меня данные не позволяют однозначно исключить влияние коммуникативных факторов на выбор той или иной глагольной формы. Можно предположить, что экспериментивное значение, а также, возможно, значение квалитатива, развились у соответствующих форм, как и предполагает Н. В. Вострикова, как частный случай маркирования данного в дискурсе. С течением времени, в ходе общей перестройки глагольной системы, несомненно имевшей место в кубачинском, коммуникативные факторы отошли на второй план, и аспектуальное значение для этих форм стало первичным.

3.3. Синтетические и аналитические финитные формы

Семантические явления, стоящие за противопоставлением синтетических и аналитических глагольных парадигм в нахско-дагестанских языках, давно привлекают внимание исследователей. Как показала Н. Р. Сумбатова, для многих нахско-дагестанских языков характерна следующая закономерность: *синтетические* глагольные формы «возможны только в независимых, «повествовательных» и при этом коммуникативно нейтральных предложениях» [Сумбатова 2004: 495], тогда как *аналитические* глагольные формы «допустимы в *любых* типах независимых предложений — в том числе в вопросах и предложениях с фокусом» [там же]. При этом «утвердительный статус пропозиции входит в семантику даргинских¹⁹ “финитных” форм» [там же: 496].

Однако данное ограничение в аштынском диалекте не носит такого же строгого характера, как в ицаринском. Достаточно указать, что в аштынском синтетические финитные глагольные формы могут свободно употребляться в вопросительных предложениях²⁰:

- (56) *χul-i b-uk-un-hilaj, ustul pak*
 гость-PL HPL-есть.PFV-CVB-SEQ стол чистый
b-a:q'-a-t:i:?
 N-делать.PFV-PRET-2SG:Q
 ‘Ты **убрала** со стола после того, как гости поели?’

Кроме того, стратегия фокусного выделения, при которой предикативный показатель ставится после фокусируемой составляющей, хотя и возможна в аштынском диалекте, но употребляется крайне редко.

О том, что типичная для других даргинских и, шире, нахско-дагестанских языков оппозиция между «ассертивными» и «не-ассертивными» формами в кубачинском языке в значительной степени ослаблена, говорит и тот факт, что синтетическая финитная форма прошедшего времени, в других даргинских язы-

¹⁹ Имеется в виду, прежде всего, ицаринский даргинский.

²⁰ Конечно, это касается только претерита: поскольку формы настоящего общего, употребляемые только для обозначения «общих истин», равно как и условные формы, трудно представить себе в независимом вопросительном предложении.

ках используемая для не-ассертивного хабиуалиса в прошлом, в кубачинском стала немаркированной формой как перфективного, так и имперфективного претерита (см. об этом §3.1 выше).

Таким образом, противопоставление синтетических и аналитических форм в системе индикатива не связано с коммуникативной структурой высказывания. По-видимому, можно говорить о том, что в аштынском диалекте в прошлом произошел частичный переход от типичного для Дагестана «коммуникативно-ориентированного» типа аспектуально-темпоральной системы к «аспектуально-ориентированному» типу. Частные проявления этого перехода можно видеть как в уменьшении роли коммуникативного членения высказывания в выборе глагольных форм, так и в тенденции к увеличению морфологической самостоятельности категории вида, выраженной в глагольной основе.

Представляется также, что к аштыному применима категория «темпоральной подвижности», использованная для описания противопоставления синтетических и аналитических форм в восточноармянском в работе [Плунгян 2006]. В этом языке к синтетическим формам относятся аорист, императив, конъюнктив, кондиционалис, а также «архаичное» настоящее время у небольшого числа глаголов; к аналитическим формам относятся имперфектив, перфект, результатив и дестинатив. Все аналитические формы, к тому же, могут сочетаться с формами прошедшего времени глагола-связки, что аналогично категории ретроспективного сдвига в аштынском. Подобным же образом в аштынском именно аналитические формы оказываются «темпорально подвижными». Сходство с армянской системой усиливает и тот факт, что в аштынском также большинство синтетических форм являются модальными; единственными синтетическими формами индикатива остаются настоящее общее и претерит. Возможно, именно такое распределение форм по принципу «темпоральной подвижности» отражает общетипологические тенденции организации видо-временных систем.

4. Заключение

В данной работе описаны семантика и употребление большинства видо-временных форм, представленных в аштынском языке. Конечно, во многих случаях недостаток данных не позво-

лил описать значение грамматических форм с желательной степенью полноты. Несмотря на это, ряд наблюдений, которые удалось сделать уже на этом этапе исследования, могут, как кажется, представлять некоторый интерес с типологической точки зрения. Суммируем их здесь.

1. Формы настоящего общего времени, на более раннем этапе развития даргинских языков употреблявшиеся, по всей видимости, в качестве форм настояще-будущего времени, в аштынском диалекте, как и в некоторых других даргинских языках, оказались вытеснены на периферию глагольной системы в результате грамматикализации новых форм настоящего и будущего времени. Аналогичные процессы наблюдаются в некоторых других нахско-дагестанских языках, а также в других языках Кавказа, Закавказья и смежных областей [Stilo 2011], что позволяет предположить ареальную мотивацию для данного диахронического сценария (впрочем, засвидетельствованного в языках мира достаточно широко и вне Кавказа).

2. Распределение аспектуальной семантики между основной и суффиксальными показателями различно для разных глагольных форм. В претерите, в эвиденциальных употреблениях перфекта и в будущем времени единственным носителем аспектуальной информации оказывается глагольная основа, а суффиксальные показатели маркируют время и/или эвиденциальность. Показатели всех остальных серий индикатива сочетаются лишь с одной из основ. Таким образом, аштынская система оказывается промежуточной между «двухъярусной» системой, типичной для Дагестана, где суффиксальный показатель специфицирует более общее видовое значение основы, и системой с раздельным кодированием аспекта и других глагольных категорий. Такая ситуация в аштынском — по-видимому, результат перестройки исходной даргинской системы, в которой видовая основа была менее самостоятельной. В модальных формах единственным носителем аспектуальной семантики оказывается глагольная основа, поскольку сами по себе модальные показатели никак не маркированы с точки зрения аспекта.

3. Параллелизм в выражении граммом экспериментива и квалитатива полной формой, соответственно, перфективного или имперфективного причастий отражает семантическую общность

этих форм: в первом случае как постоянное свойство субъекта понимается как факт совершения им некоторого действия в прошлом один или более раз; во втором случае в качестве свойства субъекта осмысливается действие, которое он совершает часто или имеет склонность совершать.

4. Аспектуально-темпоральная система аштынского диалекта значительно слабее ориентирована на выражение коммуникативных категорий, чем аналогичные системы многих других нахско-дагестанских языков, в том числе и даргинских. При этом сопоставление аштынских финитных форм с соответствующими формами других диалектов позволяет предположить, что на более раннем этапе истории кубачинского языка произошел переход от «коммуникативно-ориентированной» глагольной системы к «аспектуально-ориентированной». Предыстория аштынской видо-временной системы, однако, требует более подробного исследования с привлечением данных других языков даргинской группы.

5. Наконец (хотя это и не связано непосредственно с аспектуальной семантикой) интерес представляет также распределение аспектуально-темпоральных значений между синтетическим и аналитическим способами выражения. В том, как эти формы распределяются, можно видеть проявление категории «темпоральной подвижности», описанной в работе [Плунгян 2006] для восточноармянского языка, с которым у аштынского обнаруживаются в этом отношении интересные типологические параллели.###

Список сокращений

аналит. — аналитическая финитная форма; ашт. — аштынский (диалект); кубач. — кубачинский (язык); перифр. — перифрастическая финитная форма; синт. — синтетическая финитная форма; AD — локализация объекта рядом с ориентиром; ADD — аддитивный показатель; ANTE — положение ориентира передней стороной к объекту; ADV — обстоятельственный показатель; ATR — атрибутив; CAUS — каузатив/каузальный падеж; COND — кондиционалис; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — дательный падеж; DEM — указательное местоимение; DIST — дальний дейксис; DOWN — направление действия вниз относительно субъекта; EL — элатив; ERG — эргатив; EXST — экзистенциальная связка; FUT — будущее время; GEN — родительный падеж/настоящее общее время; HAB — хабитуалис; HITHER —

направление действия в сторону наблюдателя; NPL — классный показатель для множественного числа людей; IMP — императив; INF — инфинитив; IN — локализация объекта внутри поллой среды; INTER — локализация объекта внутри сплошной среды; INTR — непереходный глагол; IPFV — имперфектив; IRR — ирреальное условие; LOC — локативная форма; LV — «легкий глагол» в сложных глаголах; M — грамматический класс лиц женского пола; N — грамматический класс неодушевленных предметов; NEG — отрицание; NPL — классный показатель множественного числа неодушевленных предметов; OBL — косвенная основа; PART — причастие; PAST — ретроспективный сдвиг; PERF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PRET — претерит; PROX — ближний дейксис; PTCL — частица; Q — вопросительная частица; SEQ — показатель деепричастия предшествования; SEQ.CONT — показатель деепричастия контактного предшествования; SG — единственное число; ST — именная часть сложного глагола; SUB — локализация ниже ориентира; SUPER — локализация выше ориентира; TH — тематическая гласная; THITHER — направление действия от наблюдателя; TR — переходный глагол; UP — направление действия вверх относительно субъекта.

Литература

- Булыгина 1997 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Языки русской культуры, 1997. С. 45–112.
- Вострикова 2009 — Н. В. Вострикова. Экспериментивные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 19–31.
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментивного значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Гасанова 1971 — С. М. Гасанова. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Институт истории, языка и литературы им Г. Цадасы, 1971.
- Кибрик и др. 1972 — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. П. Оловянникова. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972.
- Коряков, Сумбатова 2007 — Ю. Б. Коряков, Н. Р. Сумбатова. Даргинские языки // Большая российская энциклопедия. Том. 7. М.: Большая российская энциклопедия, 2007.
- Магометов 1963 — А. А. Магометов. Кубачинский язык. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР, 1963.

- Майсак — Т. А. Майсак. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка. Настоящий сборник.
- Мусаев 1983 — М.-С. М. Мусаев. Словоизменительные категории даргинского языка (время и наклонение). Махачкала: Редакционно-издательский центр ДГУ им. В. И. Ленина, 1983.
- Муталов 2002 — Р. О. Муталов. Глагол даргинского языка. Махачкала: Издательско-полиграфический центр ДГУ, 2002.
- Плунгян 2006 — В. А. Плунгян. К описанию армянской глагольной парадигмы: «темпоральная подвижность» и перфектив // *Армянский гуманитарный вестник* 1, 2006. С. 7–20.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Сумбатова 2004 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко (ред.). 40 лет Санкт-Петербургской типологической школы. М.: Знак, 2004. С. 487–504.
- Сумбатова 2010 — Н. Р. Сумбатова. Связки в даргинском языке: оппозиции и употребление // *Вопросы языкознания* 5, 2010. С. 44–62.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М., 2004.
- Темирбулатова 2004 — С. М. Темирбулатова. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Изд-во типографии ДНЦ РАН, 2004.
- Храковский 1998 — В. С. Храковский. Теоретический анализ условных конструкций // В. С. Храковский (ред.). Типология условных конструкций. СПб.: Наука, 1998.
- Carlson 1980 — G. N. Carlson. *Reference to kinds in English*. New York: Garland, 1980.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford: Oxford University Press, 1985.
- Dum-Tragut 2009 — J. Dum-Tragut. *Armenian. Modern Eastern Armenian*. Amsterdam: John Benjamins, 2009.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica* 15, 1, 1998. P. 29–62.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — E. Kalinina, N. Sumbatova. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). *Finiteness. Theoretical and Empirical Foundations*. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 183–249.
- Klein 1994 — W. Klein. *Time in language*. London: Routledge, 1994.

- Shluinsky 2009 — A. Shluinsky. Individual-level meanings in the semantic domain of pluractionality // P. Epps, A. Arkhipov (eds.). *New Challenges in Typology. Transcending the Borders and Refining the Distinctions*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 175–198.
- Stilo 2011 — D. Stilo. *The Diachrony of the Present, Subjunctive, and Future Formations and their Derivatives in the Araxes-Iran Linguistic Area*. Доклад, прочитанный на 4-й Международной конференции по иранскому языкознанию. Уппсала, Швеция, 19 июня 2011 г.
- Sumbatova, Mutalov 2003 — N. R. Sumbatova, R. O. Mutalov. *A grammar of Icarl Dargwa*. München: LINCOM Europa, 2003.
- Tatevosov 2005 — S. G. Tatevosov. From habituals to futures: discerning the path of diachronic development // H. Verkuyl, H. De Swart, A. Van Hout (eds.). *Perspectives on aspect*. Dordrecht: Springer, 2005. P. 181–197.

Приложение. Система основных финитных форм глагола аштынского диалекта кубачинского языка

Наклонение	индикатив				кондиционалис			
	немаркированный		ретроспективный сдвиг		n/a			
Вид	PFV	IPFV	PFV	IPFV	PFV		IPFV	
Реальность	n/a				реалис	ирреалис	реалис	ирреалис
Настоящее общее	–	<i>b-i:q'-u</i> (синт.)	–		–	–	<i>b-i:q'-aχ:-an</i> (синт.)	<i>b-i:q'-aχ:-an-dil</i> (синт.)
Квалитатив		<i>b-i:q'-u-zi-w=sa-w</i> (аналит.)	–	<i>b-i:q'-u-zi-w=di</i> (аналит.)				
Презенс		<i>b-i:q'-ul</i> (аналит.)		<i>b-i:q'-ul=di</i> (аналит.)				
Прогрессив		<i>b-i:q'-ul li-w</i> (перифр.)		<i>b-i:q'-ul li-w=di</i> (перифр.)				
Претерит	<i>b-a:q'-aj</i> (синт.)	<i>b-i:q'-aj</i> (синт.)	–		<i>b-a:q'-ib-zi-w uχ-a:-li</i> (перифр.)	<i>b-a:q'-a:-dil</i> (синт.)	?	<i>b-i:q'-a:-dil</i> (синт.)
Экспериментив	<i>b-a:q'-ib-zi-w=sa-w</i> (аналит.)	–	<i>b-a:q'-ib-zi-w=di</i> (аналит.)	–				
Результатив	<i>b-a:q'-ib li-w</i> (перифр.)		<i>b-a:q'-ib li-w=di</i> (перифр.)					
Перфект	<i>b-a:q'-ip:i</i> (аналит.)		<i>b-i:q'-ip:i</i> (аналит.)					

Будущее	<i>b-a:q'-an-ni</i> (аналит.)	<i>b-i:q'-an-ni</i> (аналит.)	<i>b-a:q'-an=di</i> (аналит.)	<i>b-i:q'-an=di</i> (аналит.)	<i>b-a:q'-a:-li</i> (синт.)	?	<i>b-i:q'-a:-li</i> (синт.) <i>b-i:q'-u-zi-w</i> <i>ux-a:-li</i> (перифр.)	<i>b-i:q'-u-zi-w</i> <i>ux-a:-dil</i> (перифр.)
модальные формы								
Вид	PFV				IPFV			
Императив (2 лицо)	<i>b-a:q'-a</i> N-делать.PFV-IMP				<i>b-i:q'-a</i> N-делать.IPFV-IMP			
Прохибитив (2 лицо)	<i>(b-a:q'~ma:q'-i-t)</i> N-делать.PFV~ПРОН-TR-2				<i>b-i:q'~ma:q'-i-t</i> N-делать.IPFV~ПРОН-TR-2			
Гортатив (1 лицо мн. ч.)	<i>b-a:q'-e:</i> N-делать.PFV-HORT.PL				<i>b-i:q'-e:</i> N-делать.IPFV-HORT.PL			
Юссив	<i>b-a:q'-a-?a</i> N-делать.PFV-IMP-JUS				<i>b-i:q'-a-?a</i> N-делать.IPFV-IMP-JUS			
Фактитив- ный оптатив	<i>b-a:q'-ab</i> N-делать.PFV-OPT				<i>b-i:q'-ab</i> N-делать.IPFV-OPT			
Делибе- ратив (1 лицо)	<i>b-a:q'-ida</i> N-делать.PFV-DELIB				<i>b-i:q'-ida</i> N-делать.IPFV-DELIB			

Т. А. Майсак

ПРИЧАСТНЫЕ ФОРМЫ В ВИДО-ВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА¹

Введение

Агульский язык (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи) обладает богатой видо-временной системой, основу которой составляют аналитические по происхождению формы. Базовые формы индикатива включают Презенс, Хабитуалис, Аорист и Перфект, исторически образованные от имперфективного и перфективного деепричастий в сочетании с вспомогательными глаголами в настоящем времени. Морфологически параллельные формы с вспомогательным глаголом в прошедшем времени — Имперфект, Хабитуалис прошедшего времени, Прошедшее неактуальное и Плюсquamперфект — в значительной степени параллельны названным выше формам и на семантическом уровне. Кроме того, к базовым формам индикатива относится Будущее время, образованное от инфинитива в сочетании с вспомогательным глаголом-связкой в настоящем времени (его морфологический эквивалент в прошедшем времени, Ирреалис, семантически находится уже за пределами индикативной системы).

Важное место в агульской видо-временной системе занимают *п р и ч а с т и я* и производные от них аналитические формы. Всего имеется семь причастий, если понимать под этим набор глагольных форм, способных возглавлять относительное придаточное предложение. При этом какого-либо специального морфологического показателя собственно причастий нет, и причастия либо имеют максимально немаркированную форму (совпадая с аспектуальными основами), либо представляют собой морфологизованные аналитические формы, образованные по тем же мо-

---

¹ Благодарим М. А. Даниэля, В. С. Мальцеву и В. А. Плунгяна за полезные замечания к первоначальному варианту данной статьи, а также Д. С. Ганенкова и С. Р. Мерданову за неоднократное и плодотворное обсуждение ее основных положений.

делям, что и базовые финитные формы индикатива (деепричастие или инфинитив + причастие вспомогательного глагола). От четырех субстантивированных причастий при помощи вспомогательного глагола-связки образуются аналитические формы, которые увеличивают состав финитных форм индикатива почти вдвое. В этой работе мы постараемся показать, что «причастная подсистема» индикатива — т. е. аналитические формы, образованные от причастий — не просто дополняет базовую подсистему, но семантически (и структурно) параллельна ей, а входящие в нее формы выражают в целом те же значения, но со специфическими оттенками, обусловленными семантикой причастий.

Диалектная система агульского языка (основная масса носителей которого проживает в двух десятках сел Агульского и Курахского районов Дагестана) достаточно разветвлена. Основным является противопоставление между группой «собственно агульских» диалектов и кошанским диалектом, не взаимопонятным с остальными. Внутри собственно агульской группы можно выделить центральный (тпигский), керенский, буркиханский, цирхинский, фитинский и хпюкский диалекты, причем четыре последних относятся к одноаульным. Глагольные системы всех диалектов очень близки, хотя и не тождественны; различия касаются не столько набора грамматических форм, сколько степени их грамматикализации и круга выражаемых значений (общие сведения по глагольной морфологии агульских диалектов содержатся в работах [Магомедов 1970; Сулейманов 1993]).

В данной работе описывается видо-временная система одноаульного хпюкского диалекта (с. Хпюк Курахского района), грамматика которого изучена наиболее подробно в рамках проекта по документации агульского языка². Кроме того, в нашем распоряжении имеется значительный по объему корпус хпюкских

---

² Проект по документации агульского языка осуществляется с 2000 г. и в разные годы был поддержан грантами РФФИ и Института эволюционной антропологии Макса Планка; участники проекта — Д. С. Ганенков, Т. А. Майсак и С. Р. Мерданова. В настоящее время готовится к публикации грамматическое описание хпюкского говора, словарь и сборник хпюкских текстов, а в перспективе — сравнительная диалектная грамматика и словарь, а также собрание текстов на остальных диалектах.

текстов, включающий расшифровки устных спонтанных нарративов и диалогов, записанных в 2004—2007 гг. (общий объем корпуса около 73 тыс. слов). Приводимые ниже примеры употребления глагольных форм заимствованы главным образом из этого корпуса; дополнительно привлекаются также примеры, полученные в ходе элицитации (они маркированы знаком •).

В первом разделе статьи рассмотрено устройство агульской видо-временной системы: образование аспектуальных основ и базовых аналитических форм, система причастий и «причастная» подсистема индикатива; показано сходство базовых подсистем агульского и близкородственных табасаранского и лезгинского языков. Разделы 2 и 3 посвящены описанию значений финитных форм индикатива, образованных от основы имперфектива (несовершенного вида) и перфектива (совершенного вида) соответственно; формы «причастной» подсистемы рассматриваются на фоне базовых форм. В разделе 4 на основе сведений о синхронной полисемии глагольных форм и о типологии путей грамматикализации видо-временных категорий выдвигаются гипотезы о семантической эволюции индикативных форм в агульском языке. Раздел 5 содержит краткий обзор употреблений причастий — помимо относительных предложений, агульские причастия могут возглавлять некоторые типы сентенциальных актантов и сирконстантов, а также оформляют предикат в фокусной конструкции; все эти употребления обусловлены прежде всего специфической семантикой причастий, которая проявляется и в финитных формах «причастной» подсистемы. Основные выводы, касающиеся особенностей агульской видо-временной системы, сформулированы в *Заключении*.

1. Общее устройство видо-временной системы

1.1. Аспектуальные основы

За исключением небольшой группы стативов (о которых см. ниже) все агульские глаголы обладают двумя аспектуальными основами — это перфективная основа, или основа совершенного вида (СВ), и имперфективная основа, или основа несовершенного вида (НСВ). Обе аспектуальные основы образуются от исходной основы глагола, включающей глагольный корень, а у производных префиксальных лексем также словообра-

зовательные префиксы: ср. основы простых глаголов ζ_0 - ‘идти’, *it*- ‘связывать’, *aq*- ‘делать’, *daq*- ‘открывать’ и основы однокоренных производных префиксальных глаголов *aṣa-ḫ*₀- ‘входить внутрь’, *k-it*- ‘привязывать’, *q-aq*- ‘чинить, делать заново’, *qa-daq*- ‘открывать снова’ и т. п.

Основы СВ и НСВ эквиполентны как морфологически, так и семантически — ни одна из них не является более базовой или, наоборот, более маркированной, нежели другая. Морфологически они обе образуются от исходной основы глагола при помощи вокалических суффиксов³. Основа СВ у большинства глаголов имеет суффикс *-u*, у нескольких глаголов — суффикс *-i* или *-i* (ср. *ruḫ.u*- ‘читать, учиться’, *elq.ü*- ‘смеяться’, *lik'.i*- ‘писать’, *k'.i*- ‘умирать; убивать’). Основа НСВ у большинства глаголов образуется при помощи суффикса *-a*, у нескольких глаголов при помощи суффикса *-e* (ср. *ruḫ.a*- ‘читать, учиться’, *elq.e*- ‘смеяться’, *lik'.a*- ‘писать’, *k'.e*- ‘умирать; убивать’). С семантической точки зрения основы СВ и НСВ ассоциируются с самым обобщенным перфективным и, соответственно, имперфективным значением (или кластерами значений). Как будет видно в ходе дальнейшего изложения, глагольные формы, содержащие основу СВ, выражают такие значения, как собственно перфектив (комплетив, лимитатив, пунктив), результатив, экспериентив, перфект; глагольные формы, содержащие основу НСВ, выражают дуратив, хабитуалис, проспектив, а также некоторые модальные значения (долженствование, возможность).

На двух аспектуальных основах построены почти все глагольные формы — как синтетические, образуемые при помощи различных суффиксов, так и аналитические, состоящие из нефинитной формы и вспомогательного глагола. Единственной формой, которая образуется не от одной из аспектуальных основ, а непосредственно от исходной основы, является Императив (у стативов эта форма отсутствует). У большинства глаголов Императив совпадает с исходной основой (ср. *daq* ‘открой’, *ruḫ* ‘читай’, *lik* ‘напиши’, *uq* ‘сядь’ и пр.); у нескольких глаголов эта форма имеет вокалический суффикс либо протетический слог

³ При морфемном членении (в т. ч. в строке глоссирования) показатели видовых основ мы отделяем точкой.

«*j* + гласный» (ср. *aq'-e* ‘сделай’, *ag-u* ‘увидь, рассмотри’, *ji-k'* ‘умри; убей’ — при корне *k'-* и пр.).

Дальнейшая часть работы будет посвящена финитным формам индикатива (являющимся по происхождению аналитическими), а также тем нефинитным формам, которые лежат в основе исходных аналитических конструкций — это деепричастия, причастия и инфинитив. Вне нашего рассмотрения останется несколько групп глагольных форм. Во-первых, это неиндикативные формы — помимо Императива и морфологически не связанного с ним Прохибитива, сюда относятся также Юссив, Гортатив, Ирреалис и ряд других модальных форм и конструкций. Во-вторых, это те нефинитные формы, которые не принимают участия в образовании индикативных аналитических конструкций — к ним относятся масдар, т. е. отглагольное имя действия, а также большая группа обстоятельственных форм глагола, используемых только в разнообразных типах придаточных предложений (временных, целевых, причинных, условных, уступительных и пр.). В-третьих, это группа менее частотных и менее грамматикализованных аналитических конструкций с вспомогательным глаголом *xas* ‘стать; быть’ — эти конструкции представляют собой аналитические формы «второй степени», поскольку сам глагол *xas* выступает в них в одной из аналитических форм базовой парадигмы, рассматриваемых ниже.

Что касается стативных глаголов, то морфологически этот глагольный класс выделяются по принципу отсутствия противопоставления двух видовых основ. По сравнению со стандартными (не стативными) глагольными лексемами их парадигма значительно редуцирована. В целом, имеющиеся у стативов формы с некоторыми оговорками сопоставимы с формами стандартных глаголов от основы НСВ; при этом у всех стативов отсутствует инфинитив, а у подавляющего большинства также Прохибитив. Форму Императива стативы также не образуют.

Семантически стативы выделяются на том основании, что во всех своих формах они описывают только состояние (но не изменение состояния). К этой группе глаголов относятся: именная связка *e*, группа локативных лексем со значением ‘быть, находиться’ и ‘оставаться, все еще находиться’ (в общей сложности полтора десятка лексем), а также четыре глагола ментального,

эмоционального и физического состояния — *naa* ‘знать’, *it:aa* ‘болеть’, *guč’aa* ‘бояться’ и *k:andea* ‘любить, хотеть, быть нужным’⁴. Кроме того, к стативам относятся также сложные предикативы, образуемые на регулярной основе от прилагательных (или, точнее, от наречных форм, производных от прилагательных), ср. *širindi a* ‘вкусно’, при наречии *širin-di* от прилагательного *širin* ‘вкусный’.

Ниже мы описываем структуру и значения индикативных форм на примере стандартных глаголов, делая замечания об особенностях стативов там, где это необходимо.

1.2. Компоненты аналитических форм

Базовую подсистему индикатива образуют аналитические (по происхождению) формы, состоящие из деепричастия СВ, деепричастия НСВ или инфинитива смыслового глагола и одного из двух вспомогательных глаголов — именной связки *e* либо локативного статива *a* ‘находиться (внутри)’. Вспомогательный глагол всегда располагается в постпозиции, в нейтральном случае он безударен и клитически примыкает к смысловой части. При отрицании используется отрицательная форма вспомогательного глагола⁵.

Чтобы исходная семантическая структура аналитических форм была более понятной, скажем несколько слов о составляющих их компонентах. Как деепричастия СВ и НСВ, так и инфинитив используются в зависимых обстоятельственных предложениях: деепричастия — во временных, инфинитив — в целевых. Деепричастие СВ образуется от основы СВ при помощи суффикса *-na*; оно выражает предшествование ситуации, обозначаемой главным предикатом, и часто используется в «цепочечных» нарративных конструкциях:

- (1) *vajš.i-na*   *uχ.u-na*   *uč.i-n*   *xed=ra*
вставить.PF-CONV   **пить.PF-CONV**   сам-GEN   вода=&

⁴ В качестве формы цитации для стативов мы используем форму настоящего времени (на *-a*); стандартные глаголы цитируются в форме инфинитива на *-s*.

⁵ Синтетические отрицательные формы образуются при помощи префикса *d-* || *da-*, ср. отрицательный масдар *da-ruχub*, отрицательный инфинитив *da-ruχas* (от глагола *ruχas* ‘читать, учиться’) и т. п.

Словоизменение связки и локативного глагола

	<i>e</i> (связка)		<i>a</i> 'находиться (внутри)'	
	утвердит.	отрицат.	утвердит.	отрицат.
Настоящее время	e	dawá	a (áa ája)	a-dáwa
Прошедшее время	ij	duj	áji	a-dúj
Деепричастие	e-j	dawá-j	a-j	a-dáwa-j
Причастие	i-dé-f	dawá-f	a-jé-f	a-dáwa-f

Локативный статив *a*, выступающий также в форме *aa* || *aja*, обозначает местонахождение внутри полого ориентира ('в сундуке', 'в животе', 'в доме') или, шире, такое положение объекта, которое детерминируется ориентиром ('в городе', 'в горах', 'в реке', 'на шее' и пр.)⁷:

- (5) *ha-te dar.ala řan.a-ʔ sa řurč a-a.*
 ha-DEMT дерево(GEN) внутри-IN один дичь {IN}быть-PRS
 '{Завтра мы пойдем на охоту. Я знаю одно большое дерево.} Внутри этого дерева есть дичь'.

Основные словоизменительные формы связки *e* и глагола *a* приведены в таблице 1. Легко видеть, что утвердительные формы настоящего и прошедшего времени связки на синхронном уровне супплетивны (исторически они восходят к одному корню *i, который выступает и в форме причастия *i-de-f*⁸). Отрицательные формы также нерегулярны, хотя они явно включают отрицательный префикс *d-*. Образование форм локативного глагола *a* имеет

⁷ Показателем локализации IN, выражаемой данным глаголом, является гортанная смычка (ср. в том же предложении зависящее от глагола обстоятельство *řan.a-ʔ* 'внутри' в падежной форме ин-эссива). В превокальной позиции гортанная смычка всегда выражается нулем звука; на конце слова она факультативна. Подробнее о семантике локализаций и о локативных префиксах в хпокском говоре см. [Ганенков, Мерданова 2002; Майсак, Мерданова 2002б].

⁸ Причастия приводятся в субстантивированной форме номинатива ед. ч. с показателем *-f*.

очевидные сходства со словоизменением именной связки: ср. показатель прошедшего времени *-ji*, суффикс деепричастия *-j* и суффикс причастия *-je* (ср. суффикс причастия связки *-de*). Что же касается отрицательных форм, то они у локативного глагола могут быть представлены как сочетание основы *a-* с соответствующими формами именной связки.

1.3. Базовая подсистема индикатива

«Базовой» мы называем подсистему финитных форм индикатива, противопоставленных формам, образованным от причастий; все они относятся к наиболее частотным глагольным формам. По происхождению они представляют собой аналитические конструкции, образуемые сочетаниями деепричастий (каждого из видов) или инфинитива с одним из двух вспомогательных глаголов. Деепричастия могут сочетаться с обоими вспомогательными глаголами, инфинитив только с глаголом-связкой. Таким образом, пять структурных моделей, которые лежат в основе базовых форм, таковы:

- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ СВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА» (> Аорист и Прошедшее неактуальное);
- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ СВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛОКАТИВНЫЙ ГЛАГОЛ» (> Перфект и Плюсquamперфект);
- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ НСВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА» (> Хабитуалис настоящего времени и Хабитуалис прошедшего времени);
- «ДЕЕПРИЧАСТИЕ НСВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ЛОКАТИВНЫЙ ГЛАГОЛ» (> Презенс и Имперфект);
- «ИНФИНИТИВ + ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЙ ГЛАГОЛ-СВЯЗКА» (> Будущее время и Ирреалис).

За вычетом форм с инфинитивом, занимающих особое место как по формообразованию (в большинстве диалектов инфинитив стоит вне противопоставления основ СВ:НСВ), так и по семантике (Ирреалис не относится к индикативу), восемь форм с деепричастиями образуют симметричную «прямоугольную» систему 4×2, см. таблицу 2. В ней, с одной стороны, реализуется основное видовое противопоставление между формами, включающими основу СВ vs. основу НСВ смыслового глагола. С другой стороны, финитная форма вспомогательного глагола (настоящее vs. про-

шедшее время) определяет принадлежность к «плану настоящего» либо «плану прошедшего» — в рамках этого противопоставления вспомогательный глагол маркирует временную референцию ситуации (или, более точно, ее актуальность по отношению к моменту речи). В целом соотношение форм «плана настоящего» и «плана прошедшего» типа Презенс / Имперфект, Перфект / Плюсquamперфект и т. п. достаточно композиционно. Не стоит, однако, забывать о том, что пока речь идет лишь об исходных моделях аналитических форм, а эти формы прошли длительный путь семантического (и морфосинтаксического) развития⁹. Подробнее об их значениях в современном языке см. разделы 2—3 ниже.

Таблица 2

Базовая система индикатива: стандартный глагол

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
CONV + COP.PRS	<i>Аорист</i> ruχúne (< *ruχ.ú-na e)	<i>Хабитуалис наст. вр.</i> ruχáje (< ruχ.á-j e)
CONV + COP.PST	<i>Прошедшее неактуальное</i> ruχúnij (< *ruχ.ú-na ij)	<i>Хабитуалис прош. вр.</i> ruχáji (< ruχ.á-j ij)
CONV + 'be in'.PRS	<i>Перфект</i> ruχúnaa / ruχúnaja (< ruχ.ú-na a / aja)	<i>Презенс</i> ruχáa / ruχája (< ruχ.á-j a / aja)
CONV + 'be in'.PST	<i>Плюсquamперфект</i> ruχúnaji (< ruχ.ú-na aji)	<i>Имперфект</i> ruχáji (< ruχ.á-j aji)
INF + COP.PRS	—	(Подсистема инфинитива) <i>Будущее время</i> ruχáse (< ruχ.á-s e)
INF + COP.PST	—	<i>Ирреалис</i> ruχásij (< ruχ.á-s ij)

⁹ Так, Аорист, являясь по своей исходной структуре формой СВ «плана настоящего», описывает почти исключительно ситуации в прошлом; исторически, по всей видимости, в семантике данной формы компонент актуальности в момент речи (= «перфект») был более значим.

Что касается морфосинтаксического статуса базовых индикативных форм, то здесь необходимо следующее пояснение. Выше мы говорили, что аналитическими данные формы являются «по происхождению». Действительно, все приведенные в таблице 2 формы сохраняют вполне прозрачную «составную» внутреннюю структуру (деепричастие/инфинитив + вспомогательный глагол), обозначенную в таблице в скобках. Тем не менее, по степени слитности своих исходных компонентов данные формы уже могут быть квалифицированы как синтетические: они претерпели значительную морфологизацию и стали единым словом, а различные фонетические процессы частично привели к стиранию морфемной границы.

Так, в формах Аориста и Прошедшего неактуального полностью выпадает конечное *-a* в показателе деепричастия *-na* (ср. *ruḥ.u-n-e*, *ruḥ.u-n-ij*)¹⁰. Значительные стяжения произошли в формах с локативным вспомогательным глаголом, причем в случае Имперфекта они привели к полному совпадению утвердительной формы с Хабитуалисом прошедшего времени (ср. *ruḥaji*). Отрицательные эквиваленты данных форм различаются: ср. Имперфект *ruḥaduj* (< *ruḥaj aduj*) vs. Хабитуалис прошедшего времени *ruḥajdij* (< *ruḥaj duj*) — в последнем случае происходит упреждение гласного в связке под влиянием конечного /j/ в деепричастии.

В современном языке сохраняется возможность раздельного произнесения компонентов аналитических форм (в виде двух фонетических слов). Так, при коммуникативном выделении или симметричном сочинении предикатов при помощи аддитивной частицы *=ra* она располагается между смысловой частью и вспомогательным глаголом (6); при топиализации предиката вспомогательный глагол получает контрастное ударение (7). Формы с локативным вспомогательным глаголом могут выступать в «двухкомпонентном» виде (типа *ruḥuna a*) и в нейтральном контексте — хотя главным образом в речи носителей старшего поко-

---

¹⁰ Заметим, что диалектные данные подкрепляют предположение о том, что в основе Аориста и Прошедшего неактуального лежит именно деепричастие СВ: ср. буркиханское *ruḥ.u-na-j* ‘прочитал’ при деепричастии СВ *ruḥ.u-na* и связке настоящего времени *i* или буршагское *ruḥ.u-na-w* ‘прочитал’ при деепричастии СВ *ruḥ.u-na* и связке настоящего времени *wi*.

Базовая система индикатива: стандартный глагол (НСВ) и статив

Структура	Стандартный глагол (НСВ)	Стативный глагол
CONV + 'be in'.PRS	<i>Презенс</i> гух́аа / гух́аја	<i>Презенс</i> на́а / на́ја
CONV + 'be in'.PST	<i>Имперфект</i> гух́аји	<i>Имперфект</i> на́ји
CONV + COP.PRS	<i>Хабитуалис наст. вр.</i> гух́аје	<i>Хабитуалис наст. вр.</i> на́је
CONV + COP.PST	<i>Хабитуалис прош. вр.</i> гух́аји	<i>Хабитуалис прош. вр.</i> на́ји

ления. Подобные употребления полностью приемлемы, однако редки в речи, и ниже они не приводятся в качестве примеров.

- (6) *ja ge-wur.i-n naq' – nisab-ar zun*
или DEMG-PL-GEN долг счет-PL я
v.a-j=ra a-dawa.
говорить.IPF-CONV=& {IN}быть-PRS:NEG
'Про их горести я даже и не говорю'.
- (7) *av.a-j á gi*
говорить.IPF-CONV {IN}быть-PRS DEMG(ERG)
bat'ar gaf-ar <...> •
красивый слово-PL
'Говорить-то он говорит красивые слова... {да только ничего не делает}'.

Все сказанное выше справедливо и в отношении стативных глаголов, с поправкой на то, что их базовая парадигма гораздо беднее. Как уже говорилось, у стативов имеются лишь формы, сопоставимые с формами от основы НСВ (кроме инфинитива) стандартных лексем; ср. таблицу 3, в которой формы глагола *naa* 'знать' приведены в сопоставлении с формами НСВ глагола *guhax* 'читать, учиться'. Аналогичным образом устроена парадигма других нелокативных стативов (*it:aa* 'болеть', *gic'aa* 'бояться' и *k:andea* 'любить, хотеть, быть нужным'). Локативные же стативы не имеют хабикуальных форм, представляющих собой сочетания деепричастия и связки; их базовая финитная парадигма включает только настоящее и прошедшее время (см. таблицу 1 выше).

1.4. Агульская система на восточнолезгинском фоне

Базовая система индикатива, аналогичная агульской, представлена и в двух наиболее близкородственных агульскому языках лезгинской группы — табасаранском и лезгинском. В этих языках основные финитные формы также построены на основе деепричастий, а в роли вспомогательного глагола, помимо именной связки, выступает локативный предикат ‘находиться (внутри)’. Использование локативного глагола в роли вспомогательного вообще является отличительной особенностью восточнолезгинской группы — в большинстве других лезгинских языков форм с таким вспомогательным глаголом нет. Исключение представляет собой рутульский язык, в котором Презенс и Имперфект, а также Перфект и Плюсquamперфект образуются при помощи вспомогательного глагола *a* ‘находиться (внутри)’ по тем же структурным моделям, что и в агульском языке [Aleksseev 1994]¹¹.

Отметим, что из трех восточнолезгинских языков структура базовых форм в агульском наиболее прозрачна с морфологической точки зрения (поскольку они слабее морфологизованы), поэтому в некотором смысле именно агульская система может служить основой для выявления исходных грамматических моделей.

В табасаранском языке Хабитуалис настоящего и прошедшего времени образуется от деепричастия НСВ на *-di / -ri / -i* и глагола-связки *wi* в настоящем или прошедшем времени; Презенс и Имперфект — от того же деепричастия и локативного глагола *a / aʔa*. Аорист и Давнопрошедшее образуются от деепричастия СВ на *-ni* и глагола-связки *wi* в настоящем или прошедшем времени; Перфект/Результатив и Плюсquamперфект включают соответствующие формы локативного глагола. Как и в агульском языке, основные глагольные формы претерпели значитель-

---

¹¹ Помимо этого, глагол ‘находиться внутри’ образует особую прогрессивную конструкцию (*progressif constatif*) в крызском языке, ср. форму алыкского диалекта *kurac`ra-ʒaʒa* ‘закалывает’ (деепричастие образа действия *kurac`ra* ‘закалывающая, в процессе закалывания’ + вспомогательный глагол *ʒaʒa* ‘находится’). Согласно описанию Ж. Отье, эта форма используется прежде всего в контексте глагола ‘видеть’ типа ‘И вот он видит, что к нему *приближается* дракон’ [Authier 2009: 142, 265]. Она противопоставлена более общему по значению презенсу.

Базовая система индикатива: табасаранский язык

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
CONV + COP.PRS	<i>Аорист</i> вар'ну ¹² (< dap'-nu wu)	<i>Хабитуалис наст. вр.</i> ар'уру (< ap'ur-i wu)
CONV + COP.PST	<i>Давнопрошедшее</i> вар'нији (< dap'-nu wuji)	<i>Хабитуалис прош. вр.</i> ар'уји (< ap'ur-i wuji)
CONV + 'be in'.PRS	<i>Перфект/Результатив</i> dap'на (< dap'-nu a)	<i>Презенс</i> ар'ура (< ap'ur-i a)
CONV + 'be in'.PST	<i>Плюсквамперфект</i> dap'наји (< dap'-nu aji)	<i>Имперфект</i> ар'ураји (< ap'ur-i aji)

ные стяжения на стыке смыслового и вспомогательного глаголов; см. таблицу 4, в которой приводятся формы глагола 'делать' в 3-м лице (южный диалект) по [Магомедов 1965: 246 и сл.].

В лезгинском языке при помощи локативного глагола *awa* в настоящем или прошедшем времени образуются Презенс и Перфект и, соответственно, Имперфект и Плюсквамперфект, см. таблицу 5 (приведены формы литературного языка, глагол 'идти, уходить', см. [Haspelmath 1993: 127]). В основе Презенса и Имперфекта лежит деепричастие НСВ на *-z*, в основе Перфекта и Плюсквамперфекта — деепричастие СВ на *-na*; как правило, начальный гласный вспомогательного глагола выпадает и формы выступают в полностью морфологизованном виде. Происхождение Аориста и Хабитуалиса/Футурума менее очевидно. Первая форма совпадает с деепричастием СВ, имеющим суффикс *-na*, вторая образуется при помощи суффикса *-da*; оба эквивалента этих форм в «плане прошедшего» содержат показатель *-j*. Не имея возможности в данной работе подробно остановиться на диахронии этих форм, скажем лишь, что, по-нашему мнению, обе они исторически включают именную связку (условно ее можно

¹² В формах Аориста и Прошедшего неактуального у беспрефиксных глаголов обязательно использование перфективного префикса *к-*, в деепричастии СВ — префикса *d-*.

Базовая система индикатива: лезгинский язык

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
CONV + ? ² COP.PRS	<i>Аорист</i> fena (< ?*fe-na a)	<i>Хабитуалис/Футурум</i> fida (< ?*fi-da a)
CONV + ? ² COP.PST	<i>Прошедшее неактуальное</i> fenaj (< ?*fe-na a-j)	<i>Имперфект</i> fidaj (< ?*fi-da a-j)
CONV + 'be in'.PRS	<i>Перфект</i> fenwa (< fe-na awa)	<i>Презенс</i> fizwa (< fi-z awa)
CONV + 'be in'.PST	<i>Плюсквамперфект</i> fenwaj (< fe-na awa-j)	<i>Имперфект</i> fizwaj (< fi-z awa-j)

реконструировать как *a, в современном языке связка имеет вид *ja*). Аорист и Прошедшее неактуальное представляют собой сочетание деепричастия СВ с этой связкой; в состав же форм Хабитуалиса/Футурума и Хабитуалиса прошедшего времени входит адвербиальная форма на *-da* (исходно, видимо, падежная форма инэссива), которая впоследствии в функции деепричастия НСВ была заменена формой на *-z*, совпадающей с инфинитивом¹³.

В отличие от сходной ядерной части парадигмы, ее периферийные члены в трех восточнолезгинских языках существенно различаются. Так, если в агульском базовая система дополнена Будущим временем, образованным от инфинитива, то в табасаранском и лезгинском языках аналитических форм, производных от инфинитива, вообще нет — при том, что сам по себе инфинитив, также восходящий к общелезгинскому дативу, имеется в обоих языках. Вместе с тем, в табасаранском отмечаются особые формы будущего времени (одно из них используется и в роли «настоящего исторического») не вполне ясной этимологии, а также аналитическая интенциональная форма на *-bandi* со связкой. В лезгинском имеется почти вышедшая из употребления

¹³ О структуре лезгинской формы на *-da* и о модели «деепричастие + локативный глагол» в других лезгинских языках см. также [Майсак 2010; Maisak 2011].

форма модального будущего на *-di*, аналитический проспектив от целевого деепричастия на *-dajwal* со связкой, а также серия континуативных форм с вспомогательным глаголом *ama* ‘оставаться (внутри)’, по структуре и значению параллельная формам с глаголом *awa* (ср. *raḥazwa* ‘говорит’ ~ *raḥazma* ‘все еще говорит’).

Для дальнейшего изложения важно то, что в системе форм индикатива ни в табасаранском, ни в лезгинском языках нет серии форм, которые бы восходили к сочетаниям причастий обоих видов с вспомогательными глаголами ¹⁴.

1.5. Система причастий

Набор причастных форм в агульском языке весьма велик, а их морфологическая структура отлична от таковой в близкородственных языках. Всего имеется семь причастий — по три причастия каждого из видов и одно модальное причастие (формально входящее в систему НСВ).

Единогласного показателя, который бы маркировал именно причастные формы, у стандартных глаголов не существует. Два причастия (назовем их «простыми») совпадают с основами СВ и НСВ соответственно. Остальные причастия производны, причем представляют собой полностью морфологизованные аналитические формы, образованные по тем же пяти моделям, что и базовые финитные формы индикатива. Отличие от финитных форм состоит в том, что вспомогательный глагол в исходных сочетаниях имел форму причастия (соответственно, *ide-f* или *aje-f*), а не финитную форму времени.

Все причастия стандартного глагола приведены, в сопоставлении со структурно параллельными финитными формами, в таблице 6; чтобы не использовать цифровых обозначений типа «причастие 3-е», мы дали причастиям названия, соответствующие ярлыкам финитных форм. По значению причастия и финитные формы, восходящие к одной модели, в значительной степени сходны, что связано с общностью значения, присущего са-

---

¹⁴ Строго говоря, в лезгинском языке имеется устаревшая форма претерита, которая с определенной вероятностью представляет собой сочетание причастия СВ и бывшей связки **a*, ср. *feji* ‘ушедший’ ~ *feja* (< **feji a*) ‘ушел’ [Haspelmath 1993: 158–159]. Она, однако, образуется не от всех глаголов и является явно периферийной и к тому же изолированной по структуре (аналогичная форма от причастия НСВ не отмечена).

мой модели. Так, например, модель «деепричастие НСВ + ‘находиться’ специализирована на выражении актуального нахождения в процессе (дуративность), а модель «деепричастие СВ + ‘находиться’ — нахождения в состоянии либо переживание его последствий (результативность/перфектность). Впрочем, семантические противопоставления между причастиями одного вида — в особенности между простым причастием СВ и «аористным» причастием, а также между простым причастием НСВ и «хабитуальным» причастием — далеко не всегда являются четкими, и между ними существуют области пересечения. Примеры употребления причастий в функции вершин относительных предложений приведены ниже (границы относительных предложений обозначены квадратными скобками в строке глоссирования):

- Причастия СВ:
- (8) *me=ra ze k'il.i-l adi kar e sara.*
 DEMM=& [мой голова-SUPER **приходить.PF**] дело COP PTCL
 ‘И это тоже случай, который произошел со мной (букв. пришел на мою голову)’.
- (9) *nip:aqan.di k'.i-na-a qat:k'.a-s*
 пастух_овец(ERG) убивать.PF-PRF-PRS [красть.IPF-INF
ad.i-naje uvri.
приходить.PF-PT:PRF] вор
 ‘Пастух убил вора, пришедшего украсть’.
- (10) *hal č̣o-a-s zun qat:aq'.a-s-e za-s*
 теперь вы-DAT я рассказывать.IPF-INF-COP [я-DAT
nabaw.a qat:aq'.u-nde sa q'isa.
 бабушка(ERG) **рассказывать.PF-PT:AOR**] один рассказ
 ‘Теперь я вам расскажу одну историю, которую мне рассказывала бабушка’.
- Причастия НСВ:
- (11) *alčax.a-j-e mi-l sa barmak*
 встречаться.IPF-CONV-COP DEMM-SUPER один [папаха
c'.a ilsan.
давать.IPF] человек
 ‘Встречается ему человек, продающий папаху’.
- (12) *o, xä-s ag.ar-q'.a-je ʔalamat*
 INTJ [мы:INCL-DAT **видеть-делать.IPF-PT:PRS**] чудо

e me, p.u-na-a.

COP DEMM говорить.PF-PRF-PRS

‘«О, это чудо, которое нам показывают (небеса)», — ска-
зали они’.

- (13) *ɟurus-ar a-ji, larisa av.a-jde*
русский-PL {IN} быть-PST [Лариса говорить.IPF-PT:HAV]
sa dišehli a-ji <...>
один женщина {IN} быть-PST
‘Русские (учителя) были, была одна женщина по имени Ла-
риса (букв. которой говорят Лариса)...’

Таблица 6

Базовые формы индикатива и система причастий

Структура	Финитная форма	Причастие
Подсистема СВ (= основа)	—	Простое причастие рухú-f
CONV + COP	Аорист рухúне (< *рух.ú-na e)	«Аористное» причастие рухúнде-f (< рух.ú-na i-dé-f)
CONV + ‘be in’	Перфект рухúнаа / рухúнаја (< рух.ú-na a / аја)	«Перфектное» причастие рухúнаје-f (< рух.ú-na a-jé-f)
Подсистема НСВ (= основа)	—	Простое причастие рух.á-f
CONV + COP	Хабитуалис наст. вр. рух.áје (< рух.á-j e)	«Хабитуальное» причастие рух.áјде-f (< рух.á-j i-dé-f)
CONV + ‘be in’	Презенс рух.áа / рух.áја (< рух.á-j a / аја)	«Презентное» причастие рух.áје-f (< рух.á-j a-jé-f)
Подсистема инфинитива INF + COP	Будущее время рух.áсе (< рух.á-s e)	Оптативное причастие рух.ážef (< *рух.á-s i-dé-f)

Оплативное причастие стоит несколько особняком¹⁵: его значение не соответствует напрямую значению, выражаемому Будущим временем (т. е. оно не является «причастием будущего времени»). Это причастие выражает значение пожелания говорящего — причем, не будучи финитной формой, она передает это значение не в главном, а в зависимом предложении, ср.:

- (14) *ranmat x.a-že*   *če nabaw=ra ha-te*
 [покой **стать**.IPF-PT:OPT] ваш бабушка=& ha-DEMT
is.a k'.i-f-e.
 год(TMR) умирать.PF-S-COP
 ‘Ваша бабушка, царствие ей небесное (букв. которой пусть будет покой), тоже умерла в тот год’.

Переходя к системе причастий у стативов, отметим лишь, что она также устроена в соответствии с базовой системой индикатива: у нелокативных стативов имеется по три причастия, соответствующих причастиям НСВ стандартных глаголов (таблица 7). Отсутствие у стативных глаголов оплативного причастия служит косвенным свидетельством того, что последнее действительно относится к подсистеме инфинитива, которой стативы полностью лишены.

Таблица 7

Система причастий: стандартный глагол (НСВ) и статив

Структура	Стандартный глагол (НСВ)	Стативный глагол
(= основа)	<i>Простое причастие</i> ruχ.á-f	<i>Простое причастие</i> ná-f
CONV + ‘be in’	«Презентное» причастие ruχ.á-je-f	«Презентное» причастие ná-je-f
CONV + COP	«Хабитуальное» причастие ruχ.á-jde-f	«Хабитуальное» причастие ná-jde-f

¹⁵ Происхождение оплативного причастия от сочетания инфинитива и причастия связки является нашей гипотезой, которая в целом подтверждается имеющимися данными о диалектной вариативности этой формы: ср. буркиханское *xas ire-f*, бедюкское *xašt.e-f* (от глагола *xas* ‘стать; быть’). Впервые эта форма была отмечена в описании хпюкского диалекта [Майсак, Мерданова 2002a].

1.6. «Причастная» подсистема индикатива

Особенность агульской видо-временной системы, отличающая ее, в частности, от родственных восточнолезгинских языков, — в том, что в дополнение к базовой («деепричастно-инфинитивной») финитной подсистеме имеется развитая и столь же симметричная «причастная» финитная подсистема аналитических форм. Аналитические формы образуются от простых причастий каждого из видов, а также от результативного и презентного причастий (т. е. от причастий, исходно включающих локативный глагол). Причастия выступают в субстантивированной форме номинатива ед.ч. с показателем *-f*; в роли вспомогательного глагола используется связка.

Тем самым, в дополнение к базовой мы имеем еще одну «прямоугольную» подсистему 4×2, в которой половина форм относится к «плану настоящего» (и включает связку в настоящем времени), а половина — к «плану прошедшего» (со связкой в прошедшем времени; см. таблицу 8¹⁶). С точки зрения морфосинтаксического статуса для этих форм в целом верно то же, что и для форм базовой подсистемы — они сильно морфологизованы и по сути представляют собой единое слово; вспомогательный глагол в нейтральном случае безударен, а в утвердительной форме настоящего времени (*e*) он нередко реализуется даже не как редуцированный гласный, а скорее как палатализация на предшествующем согласном /f/.

Таблица 8

«Причастная» подсистема индикатива (стандартный глагол)

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
	<i>от простого причастия</i>	<i>от простого причастия</i>
PART + COP.PRS	гuxú-f-e	гuxá-f-e
PART + COP.PST	гuxú-f-ij	гuxá-f-ij
	<i>от результативного причастия</i>	<i>от презентного причастия</i>
PART + COP.PRS	гuxúnaje-f-e	гuxáje-f-e
PART + COP.PST	гuxúnaje-f-ij	гuxáje-f-ij

¹⁶ Нелокативные стивы имеют парадигму, аналогичную имперфективной части парадигмы стандартного глагола, ср. *náf-e*, *náf-ij*, *náfef-e*, *náfef-ij* (от глагола ‘знать’).

Относительно форм, образованных от производных причастий (результативного и презентного) следует сделать следующую важную оговорку. По всей видимости, формы *ruḥunajefe* и *ruḥajefe* появились не в результате стяжения собственно причастий *ruḥunajef* и *ruḥajef* с вспомогательным глаголом-связкой. В их основе скорее лежат сочетания соответствующих деепричастий с причастными формами вспомогательного глагола — *ajef-e* в настоящем времени и *ajef-ij* в прошедшем. Указывает на это, в частности, возможность вставления аддитивной частицы после деепричастия, а не только после причастия (ср. *ruḥajef=ra e* vs. *ruḥaj=ra ajefe*; явных семантических различий между этими вариантами не замечено). Что же касается формы «причастного настоящего» от локативного глагола, то она обозначает ситуацию, хорошо известную говорящему, характерную для длительного периода времени и скорее служащую фоном повествования (15) — в отличие от простого настоящего, которое вводит ситуацию как новую, актуальную для момента речи, не интегрированную в «фонд знаний» говорящего и адресата (16), либо используется в нейтральных контекстах, без подчеркивания определенной коммуникативной перспективы.

- (15) *aw, aḡul-ar a-je-f-e li-sa-?*
 да агульский-PL {IN}быть-PT-S-COP DEM-L-LOC-IN
 ‘{S1: Как-то раз я ездил в село Яркут Агульского района. S2: Там агульцы живут? S1:} Да, там живут агульцы’.
- (16) *q’aq’.a-l k’il=la lix.i-na,*
 колено-SUPER голова=& {SUPER}класть.PF-CONV
mi-št:i sa gada a-a {...}
 DEM-ADV(GEN) один парень {IN}быть-PRS
 ‘{После долгого отсутствия герой возвращается в родное село, заглядывает в окно своего дома.} Положив голову на колени (его жене), какой-то парень там сидит..’.

Учитывая, что базовая подсистема индикатива включает девять форм («прямоугольник» 4×2 и Будущее время), а «причастная» подсистема восемь форм (4×2), в общей сложности индикатив насчитывает 17 финитных утвердительных форм парадигмы. Сразу заметим, что в целом причастные формы не являются периферийными или малоупотребительными, а некоторые из них

гораздо частотнее некоторых из базовых форм (при этом для обеих подсистем верно, что формы с вспомогательным глаголом прошедшего времени наименее частотны). Общая частотность индикативных форм на материале корпуса хпюкских текстов, включающего ок. 73 тыс. слов, приведена в таблице 11; доля «причастных» форм в текстах составляет почти пятую часть (18,43%) от общего числа всех форм, подсчитанных в таблице.

Представить взаимосвязи между формами двух подсистем (причем не столько со структурной, сколько с семантической точки зрения) можно разными способами¹⁷. С одной стороны, мы можем рассматривать значения форм внутри каждой подсистемы как независимые и в общем случае не соотносящиеся напрямую со значением форм другой подсистемы. Такую точку зрения (принятую, в частности, в более раннем описании хпюкского глагола [Майсак, Мерданова 2002a] и имплицитно подразумеваемую в работе [Сулейманов 1993]) отражает таблица 9, в которой каждой форме присвоены независимые семантические ярлыки в соответствии с наиболее характерным типом употребления.

Другой подход, который мы бы хотели подробнее обосновать в данной работе, состоит в том, что «причастная» система функционально параллельна базовой, а входящие в нее формы от причастий являются (в некотором смысле) «причастными вариантами» базовых форм. Ср. таблицу 10, в которой причастные формы расположены параллельно соответствующим им формам базовой подсистемы и им приписаны симметричные семантические ярлыки.

Заметим, что в данном случае мы говорим в первую очередь о функциональном соответствии. Структурный параллелизм в таблице 10 соблюден не полностью. Дело в том, что морфологических эквивалентов форм от простых причастий в базовой подсистеме нет. С формальной точки зрения, точными «причастными» эквивалентами Аористу и Хабитуалису были бы аналитические формы типа *ruḫundef-e* и *ruḫajdef-e*, однако соответствующие причастия не образуют аналитических конструкций.

---

¹⁷ В дальнейшем мы оставляем за пределами нашего рассмотрения форму Будущего времени как наименее значимую для основной темы статьи. О данной форме, а также способах выражения временной референции к будущему в агульском языке см. подробнее [Майсак, Мерданова 2003].

Базовая и «причастная» подсистемы: линейная структура

Структура	Подсистема СВ	Подсистема НСВ
CONV + COP.PRS	<i>Аорист</i> гу́ине	<i>Хабитуалис наст. вр.</i> гу́аје
CONV + COP.PST	<i>Прош. неактуальное</i> гу́иниј	<i>Хабитуалис прош. вр.</i> гу́аји
CONV + 'be in'.PRS	<i>Перфект</i> гу́инаа / гу́инаја	<i>Презенс</i> гу́аа / гу́аја
CONV + 'be in'.PST	<i>Плюсквамперфект</i> гу́инаји	<i>Имперфект</i> гу́аји
PART + COP.PRS	<i>Прош. общефактическое</i> гу́ифе	<i>Настоящее генерическое</i> гу́афе
PART + COP.PST	<i>Прош. общефактическое неактуальное</i> гу́ифиј	<i>Прошедшее генерическое</i> гу́афиј
PART + COP.PRS	<i>Прош. результ. общефактическое</i> гу́инајefe	<i>Будущее интенциональное</i> гу́ајefe
PART + COP.PST	<i>Предпрош. результ. общефактич.</i> гу́инајeфиј	<i>Будущее в прошедшем</i> гу́ајeфиј

В последующих двух разделах мы подробнее остановимся на значении причастных форм индикатива, сравнивая их с близкими по значению формами базовой подсистемы. Начнем мы с причастных форм в подсистеме НСВ, где представлены Презенс и Хабитуалис, а также их аналоги в плане прошедшего.

2. Причастные формы в подсистеме НСВ

К подсистеме НСВ относятся Презенс и Имперфект, Хабитуалис настоящего и прошедшего времени и соответствующие им формы от причастий.

2.1. Презенс и «причастный» Презенс

Формы, рассматриваемые в данном разделе, восходят к структуре «деепричастие НСВ + вспомогательный глагол 'находиться (внутри)'; их исходное значение можно, тем самым, условно представить как 'находиться в процессе осуществления'.

Базовая и «причастная» подсистемы: параллельная структура

Структура	Формы от деепричастий	Формы от причастий
Подсистема СВ CONV/PART + COP.PRS	<i>Аорист</i> гухúне	«Причастный» аорист гухúфе
CONV/PART + COP.PST	<i>Прош.</i> <i>неактуальное</i> гухúниј	«Причастное» <i>прош. неактуальное</i> гухúфиј
CONV + 'be in'.PRS	<i>Перфект</i> гухúнаа / гухúнаја	«Причастный» перфект гухúнајефе
CONV + 'be in'.PST	<i>Плюсквамперфект</i> гухúнаји	«Причастный» <i>плюсквамперфект</i> гухúнајефиј
Подсистема НСВ CONV/PART + COP.PRS	<i>Хабитуалис</i> <i>наст. вр.</i> гухúје	«Причастный» <i>хабитуалис наст. вр.</i> гухúфе
CONV/PART + COP.PST	<i>Хабитуалис</i> <i>прош. вр.</i> гухúји	«Причастный» <i>хабитуалис прош. вр.</i> гухúфиј
CONV + 'be in'.PRS	<i>Презенс</i> гухúаа / гухúја	«Причастный» презенс гухúјефе
CONV + 'be in'.PST	<i>Имперфект</i> гухúји	«Причастный» имперфект гухúјефиј

Агульский Презенс представляет собой обобщенную имперфективную форму настоящего времени: он выражает дуративное (17) и хабитуальное (18) значения, может обозначать предстоящее событие (19) и использоваться в нарративе в роли «настоящего исторического» (20). В функции хабитуалиса и нарративного времени Презенс конкурирует с собственно Хабитуалисом наст. вр. (см. ниже).

- (17) *nu, te waχt:-ar.i-s χut:urf.u-na hal sa*
 ну DEMT время-PL-DAT смотреть.PF-CONV теперь один
č'uq'~č'uq' degiš x.a-a.
 RDP:немного <меняться> стать.IPF-PRS
 'Ну, по сравнению с теми временами теперь все понемногу
 меняется'.

Частотность индикативных форм в корпусе¹⁸

Подсистема СВ	
<i>Аорист</i> 3825	«Причастный» аорист 265
<i>Прош. неактуальное</i> 39	«Причастное» прош. неактуальное 23
<i>Перфект</i> 972	«Причастный» перфект 241
<i>Плюсквамперфект</i> 47	«Причастный» плюсквамперфект 30
Подсистема НСВ	
<i>Хабитуалис наст. вр.</i> 1612	«Причастный» хабитуалис наст. вр. 147
<i>Хабитуалис прош. вр.</i> (NEG: 8)	«Причастный» хабитуалис прош. 248
<i>Презенс</i> 1035	«Причастный» презенс 842
<i>Имперфект</i> 183 (NEG: 10)	«Причастный» имперфект 56
<i>Будущее время</i> 465	—

- (18) *uč.i-k da-kerh.u-na, kern.a-dawa*
сам-SUB/CONT NEG-касаться.PF-CONV **касаться**.IPF-PRS:NEG
li.
DEML(ERG)
{Говорят, медведь сам нападает на человека. Это не так.}
Если его не тронешь, он не трогает’.

¹⁸ Посчитаны употребления всех морфологизованных финитных форм, кроме вопросительных (которые содержат показатель общего вопроса *-wa*). Не морфологизованные аналитические формы (состоящие из двух фонетических слов) не учитывались. Общее число утвердительных форм Хабитуалиса прош. вр. совпадающего с ним Имперфекта приводится у последнего; для обоих отдельно указано также число отрицательных форм.

- (19) *žan ramazan, p.u-ne zun, bagah*
 дорогой Рамазан говорить.PF-AOR я завтра
ust:ar-ar ξ.a-a ze cil.i-l-di,
 мастер-PL **идти.IPF-PRS** мой стена-SUPER-LAT
p.u-ne zun, sa šišal.i-? a-je
 говорить.PF-AOR я один мешок-IN {IN}быть-PT
nur tin.
 мука давать(IMP)
 ‘«Дорогой Рамазан, — сказала я, — завтра мастера приедут
 ко мне на стройку, дай мне мешок муки»’.

- (20) *deweči-jar alčarx.a-a mi-l.*
 погонщик_верблюдов-PL **встречаться.IPF-PRS** DEMM-SUPER
ja kas, av.a-a, wun naj-sa-as e?
 VOC человек **говорить.IPF-PRS** ты какой-LOC-(IN)ELAT COP
wallah, qat:q'.a-a mi uč.i-n q'isa-jar <...>
 валлах **рассказывать.IPF-PRS** DEMM(ERG)сам-GEN рассказ-PL
 ‘Встречаются ему погонщики верблюдов. «Послушай, —
 говорят, — откуда ты?» — «Валлах», — говорит он и рас-
 сказывает свою историю...’

У (нелокативных) стативов Презенс является нейтральным способом обозначения актуального нахождения в состоянии.

- (21) *žülžen suman-f ke-a, nabaw.a-n,*
 точило словно-S {SUB/CONT}быть-PRS бабушка-GEN
ha-me q:al.a-k av.a-ji, ha-ge
 ha-DEMM сторона-SUB/CONT говорить.IPF-PST ha-DEMG
it:a-a, k'.e-a v.a-ji.
болеть-PRS умирать.IPF-PRS говорить.IPF-PST
 ‘«Внучок, — говорила она, — будто камень у меня тут, в
 этом боку, болит, умираю от боли», — говорила’.

«Причастный» презенс, напомним, по исходной структуре отличается тем, что в состав аналитической формы входит не простое настоящее время глагола *a || a(j)a* ‘находиться’, а причастное настоящее время *ajefe*. По значению «причастный» Презенс параллелен базовому Презенсу и, в частности, также вводит в рассмотрение хабитуальные (22) либо предстоящие ситуации (23). Вне контекста эта форма понимается скорее интенционально, ассоциируясь с описанием намерения субъекта по осуществ-

лению ситуации (однако в нашем корпусе текстов это значение представлено незначительно).

- (22) *a sus.a-n xil-ar ʔu č:ič:i ʔu xil*
 а невеста-GEN рука-PL два сестра(ERG) два рука
fac.u-na düz ha-te-wr.i xul.a-s
 хватать.PF-CONV прямой ha-DEMT-PL(GEN) дом-DAT
ʔ.a-je-f-e, *ha-te murt:u*
нести.IPF-PT:PRS-S-COP ha-DEMT угол(IN)
ix.a-je-f-e.

{IN}класть.IPF-PT:PRS-S-COP

‘{Из описания свадебного обряда.} А невесту под руки две сестры держат с двух сторон и ведут прямым к ним (к жениху) домой, усаживают в углу’.

- (23) *hal miq'-ar.i-ʔ ha-mi-sa-ʔ, ha-ti-s=ra*
 теперь место-PL-IN ha-DEMM-LOC-IN ha-DEMT-DAT=&
xul-ar qa-vuž.a-je-f-e ha-mi-sa-ʔ,
 дом-PL **RE-брать.IPF-PT:PRS-S-COP** ha-DEMM-LOC-IN
derben-ar.i-as.

Дербент-PL-(IN)ELAT

‘Теперь в скором времени тут ему тоже будем покупать дом, где-нибудь в Дербенте’.

Наиболее существенным отличием «причастного» Презенса от базового является то, что первый представляет описываемую ситуацию как известную говорящему и устоявшуюся в его «фонде знаний». Судя по имеющемуся корпусу текстов, «причастный» Презенс в хабитуальном значении является основным средством описания традиционных обрядов — свадьбы (22), погребения и др. церемоний, правил приготовления блюд и т. п.: речь идет о том, что совершается определенным способом и хорошо знакомо. Выбор другой хабитуальной формы, т. е. собственно Хабитуалиса или общего Презенса, скорее происходит в случае, если речь идет об описании закономерностей или повторяющихся событий, о которых говорящий узнал недавно и которые, скорее всего, не связаны напрямую с его традиционным образом жизни.

Аналогичный эффект наблюдается и при введении в рассмотрение предстоящей ситуации: употребления типа (23) харак-

теризуют текущий момент и предполагают, что о том, что ситуация запланирована и ожидается в будущем, известно уже заранее, задолго до этого момента ('как известно, планируется P'). Использование Презенса, напротив, характерно для ситуаций, когда информация о будущем событии получена говорящим недавно и сообщается как новая; будущая ситуация при этом представляется как актуально развивающаяся (ср. близкий эффект при употреблении «настоящего исторического»):

(24) *zun bagah derben.di-s*   *ξ.a-a. •*
 я   завтра   Дербент-DAT   **идти.IPF-PRS**
 'Я завтра еду в Дербент. {Говорящий только что понял, что ему надо сделать это, или ему только что сообщили о такой необходимости; он полагает, что адресат скорее всего не знает об этой ситуации.}'

(25) *zun bagah derben.di-s*   *ξ.a-je-f-e. •*
 я   завтра   Дербент-DAT   **идти.IPF-PT:PRS-S-COP**
 'Я завтра планирую ехать в Дербент. {Это решение сложилось давно; не исключено, что адресат тоже знает об этой ситуации.}'

Интересную трансформацию претерпевает дуративное значение «причастного» Презенса. В отличие от базового Презенса, его причастный аналог не используется для введения в рассмотрение актуально-длительных процессов, а также не зафиксирован в роли «настоящего исторического», представляющего ситуацию как развертывающуюся прямо на глазах. Учитывая указанный выше семантический оттенок, это логично, поскольку в обоих случаях невозможно представить описываемое как факт, уже закреплённый в «фонде знаний» говорящего. Та разновидность дуративного значения, которая выражается «причастным» Презенсом, имеет прежде всего поясняющий характер: употребление этой формы связано не с введением в рассмотрение новой ситуации, а с апелляцией к уже известным по предшествующему изложению событиям, ср.:

(26) *mi-s*   *ʔamk'.e-k-as*   *ag.a-je-f-e.*
 DEMM-DAT   сон-SUB/CONT-ELAT   **видеть.IPF-PT:PRS-S-COP**
 '{S1: Однажды пастух уснул, а тут мимо него идут люди и играют музыку. S2:}' Это ему снится'.

- (27) *zun* *к.а-а* *zun, q:ač-ar*
 я говорить.IPF-PRS я сухая_травя-PL
ket:arx.a-je-f-e
 {SUB/CONT-ELAT}попадать.IPF-PT:PRS-S-COP
tenela fun.i-k-as
 наверное живот-SUB/CONT-ELAT
 ‘{Лег я на землю, а подо мной что-то шевелится.} Я думаю:
 «Наверное, это травинки подо мной распрямляются»’.

В (26) второй говорящий (S2) поясняет, что тот процесс, который только что описывал первый (S1), в действительности происходит во сне главного героя. В (27) рассказчик воспроизводит собственную догадку о том, чем вызваны его ощущения: он делает вывод, что шевеление под ним вызвано распрямлением травинок (по дальнейшему изложению становится известно, что на самом деле рассказчик случайно лег на змею).

У стативов использование «причастного» Презенса является способом описать не актуальное нахождение субъекта в определенном состоянии, а характерность данного состояния для субъекта в течение длительного периода времени.

- (28) *lap ʔaji it:a-je-f-e p.u-ne.*
 очень очень болеть-PT:PRS-S-COP говорить.PF-AOR
 ‘{На медкомиссии мне сказали: У тебя катар желудка.} Ты очень сильно болеешь (≈ ты очень больной)’.
- (29) *на-je-f-e za-s, k’et’a fi.t:i-s*
 знать-PT:PRS-S-COP я-DAT лопата что-DAT
к.а-f-e-j-čī.
 говорить.IPF-S-COP-CONV-COND
 ‘Я знаю, что называется «клетІа» {название деревянной лопаты}’.

Что касается Имперфекта и его причастного эквивалента, то их употребление вполне соответствует Презенсу, с поправкой на временную референцию. Имперфект выражает дуративность и хабитуальность (30), а также предстояние в прошлом. «Причастный» Имперфект вводит ситуацию в прошлом как факт из постоянного «фонда знаний» (31). Зачастую причастная форма используется при пояснении: так, в (32) описывается намерение в про-

шлом и одновременно содержится указание на то, чем была вызвана заминка в рассказе.

- (30) *awala idem-ar.i-f-as, insan-ar.i-f-as*
 раньше мужчина-PL-APUD-ELAT человек-PL-APUD-ELAT
kasib-ŋ_o.el.i lat:urq'.a-duj mahme hal
 бедный-ABSTR(ERG) **удаваться.IPF-PST:NEG** RDP:DEMM теперь
alix.a-je mazdik-ar lix.a-s.
 {SUPER}класть.IPF-PT:PRS мечеть-PL {SUPER}класть.IPF-INF
 ‘Раньше мужчины, люди из-за бедности не могли строить
 такие мечети, какие строят сейчас’.

- (31) *aɣp:aj zun birgadir i-de wayt:una ʔük'-er*
 потом я бригадир COP-PT время(TMR) трава-PL
uc.a-je-f-ij *wow-te xe k:elazar*
косить.IPF-PT:PRS-S-COP:PST wow-DEMT наш:INCL Келазар
av.a-jde ürsün-ar.i ʒiga.ji-as.
 говорить.IPF-PT:HAV Урсун-PL(GEN) место-(IN)ELAT
 ‘Далее, когда я был бригадиром, сено косили в том урсун-
 ском месте, которое называется Келазар’.

- (32) *ha-ge jak:-ar lat't'.a-je*
 ha-DEMG мясо-PL {SUPER-ELAT}резать.IPF-PT:PRS
idemi-n t:ur c'.a-je-f-ij
 мужчина-GEN имя **давать.IPF-PT:PRS-S-COP:PST**
zun mi-sa-as.
 я DEMM-LOC-(IN)ELAT
 ‘{После неудачной попытки вспомнить имя персонажа:
 — Нет, его звали не Мурсал...} Я хотела дать имя того че-
 ловека, который срезал мясо (с околелых животных)’.

2.2. Хабитуалис и «причастный» хабитуалис

Напомним, что хабитуалисы из двух подсистем формально не полностью параллельны: так, если Хабитуалис наст. вр. построен по модели «деепричастие НСВ + связка наст. вр.» (‘делая есть’), то в основе «причастного» Хабитуалиса лежит не структура «деепричастие НСВ + причастное наст. вр. связки (*idefe*)», а более простая модель «причастие НСВ + связка наст. вр.» (‘делающий есть’).

Хабитуалис базовой подсистемы выражает собственно хабитуальное значение, подчеркивающее повторяемость ситуации

(33); в отличие от хабитуальных контекстов Презенса, употребление которого в этой функции зачастую связано с тем, что знание о ситуации является новым (и, возможно, полученным опосредованным путем), Хабитуалис представляет знания говорящего в нейтральном виде. Помимо этого, Хабитуалис наст. вр. используется — причем гораздо чаще, чем Презенс, — в качестве «настоящего исторического» (34)¹⁹ и распространен в риторических вопросах с потенциальной (35) и деонтической (36) семантикой. При помощи данной формы возможно и выражение будущего времени, прежде всего в случае, если говорящий подчеркивает нежелание осуществлять действие (37).

(33) *beʒzi waχt:-ar.i ča-s q:uraχ-ʒ_oel-ar*
 некоторый время-PL(TMR) мы:EXCL-DAT засуха-ABSTR-PL
x.a-j-e.

статья.IPF-CONV-COP

‘Иногда у нас бывает засуха’.

(34) *adark.a-j-e ge-wur sift:a sa-d, ʒu-d,*
искать.IPF-CONV-COP DEMG-PL сначала один-S два-S
xibu jav.a aruc.u-na — aruc.u-na
 три день(TMR) искать.PF-CONV искать.PF-CONV
qa-ʒik'.a-j-dewa jac-ar.

RE-находить.IPF-CONV-COP:NEG бык-PL

‘{Мальчик и девочка потеряли в горах быков.} Сначала ходят они в поисках, день, два, три, ищут они, ищут, но быков не находят’.

(35) *fī-št:i qu-χ.a-j-e wun?*
 что-ADV **RE-нести.IPF-CONV-COP ты**
 ‘{— Я приведу его к тебе.} — Как ты сможешь привести?’

(36) *aft.abuz fas c'.a-j-e?*
 автобус почему **давать.IPF-CONV-COP**
 ‘{Он попросил дать автобус, а они не дали.} Почему они должны давать автобус?’

¹⁹ В корпусе текстов на «настоящее историческое» приходится подавляющее большинство употреблений Хабитуалиса наст. вр. (основную массу составляют формы глагола ‘говорить’ *avaje*); ср. также (1), (11), (37), (43), (59), (78).

- (37) *uš.u-guna, me hulajšuw.a v.a-j-e,*
 уходить.PF-TEMP DEMM кунак(ERG) говорить.IPF-CONV-COP
ramazan av.a-j-e, ze ruš zun
 Рамазан говорить.IPF-CONV-COP мой дочь я
c'.a-j-dewa *we gada.ji-s*
давать.IPF-CONV-COP:NEG твой сын-DAT
av.a-j-e.
 говорить.IPF-CONV-COP
 ‘Он поехал {узнать дату свадьбы}, а этот кунак говорит:
 «Рамазан, я не выдам свою дочь за твоего сына»’.

«Причастный» хабитуалис выражает близкий круг значений в рамках хабитуально-модальной области. Прежде всего он представляет ситуацию как закономерную, нормальную, отражающую заведенный порядок вещей (‘так бывает и так должно быть’), ср. (38); собственно хабитуальная или, точнее, генерическая семантика в данном случае часто совмещается с деонтическим оттенком (39). Та же форма может выражать индивидуальную разновидность хабитуального значения²⁰, указывая на характеристику участника и его склонность к определенным действиям (40).

- (38) *χumb-ar ξ.a-f-t:awa naq'.ar.i-l-di,*
 женщина-PL **идти.IPF-S-COP:NEG** могила-PL-SUPER-LAT
e-wa?
 COP-Q
 ‘Женщины не ходят (т. е. не принято, не положено ходить)
 на кладбище, так ведь?’
- (39) *wa? p.u-ne=vaj, jaš x.u-naje*
 нет говорить.PF-AOR=CIT возраст стать.PF-PT:PRF
idemi aluq'.a-f-e.
 мужчина {SUPER}сидеться.IPF-S-COP
 ‘{В ответ на предложение сесть на лошадь.} «Нет, — от-
 ветил он, — сидеть должен пожилой человек»’.

²⁰ К кругу индивидуальных хабитуальных значений относятся те, которые описывают постоянные свойства участника ситуации (в противопоставление событийным, или «итеративным», значениям предикатной множественности). О разновидностях хабитуального значения см., в частности, [Шлуинский 2005: 83 и сл.].

- (40) *q'.a-f-t:awa, k'irk', ge ruš.a*
 делать.IPF-S-COP:NEG сын DEMG девушка(ERG)
ʔamal-ar p.u-ne.
 обман-PL говорить.PF-AOR
 'Эта девушка никогда не обманывает (букв. не делает об-
 маны), сынок'.

С другой стороны, эта форма используется при выражении возможности осуществления ситуации в будущем (41). Распространенный контекст использования «причастного» хабиуталиса в «потенциальном» значении — риторические вопросы типа (42), (43).

- (41) *tī=ra p.u-ne tenela sara,*
 DEMT(ERG) говорить.PF-AOR наверное PTCL
k'.e-f-e zun mi-s-ar.i-ʕ mek'.ela,
 умирать.IPF-S-COP я DEMM-LOC-PL-INTER холод(ERG)
лучше йнй kern.a-s.
 лучше кашель касаться.IPF-INF
 'А он сказал, наверное: «Я тут умру (т. е. могу умереть) от
 холода, лучше кашлянуть»'.
- (42) *da-x.u-či k'il al-dawa-j,*
 NEG-статья.PF-COND голова {SUPER}быть-NEG-CONV
fi nar-x.a-f-e?
 что знать-статья.IPF-S-COP
 ' {Царь приказал повесить обезглавленное тело на видном
 месте, чтобы его опознать. } А то ведь без головы как узна-
 ешь (т. е. разве можно узнать)?'
- (43) *wa? av.a-j-e, we degi na*
 нет говорить.IPF-CONV-COP твой осел кто(ERG)
qat:k'.a-f-e av.a-j-e.
 красть.IPF-S-COP говорить.IPF-CONV-COP
 '{— Если я привяжу осла к дереву, его не украдут?}' —
 Нет, кто украдет (т. е. кто может украсть) твоего осла? —
 говорит тот'.

У (нелокативных) стативов противопоставление между четырьмя формами, описывающими состояние в настоящем времени — двумя Презенсами и двумя Хабиуталисами — не является вполне четким. В целом, если Презенс описывает состояние, ак-

туальное для момента речи, а «причастный» Презенс — для некоторого более широкого периода, включающего момент речи, то «причастный» Хабитуалис представляет состояние как постоянную характеристику субъекта (44), а базовый Хабитуалис скорее лишен какого-то специфического оттенка.

- (44) *qu-ŕ.a-jde*   *req: na-f-t:awa*   *gada.ji-s,*
 RE-идти.IPF-PT:HAB   дорога **знать-S-COP:NEG**   парень-DAT
p.u-na-a   *me*   *dad.a.*
 говорить.PF-PRF-PRS   DEMM   отец(ERG)
 ‘«Мальчик не знает обратной дороги», — говорит отец’.

Все сказанное выше в целом верно и для хабитуальных форм «плана прошедшего». Базовый Хабитуалис прош. вр. выражает прежде всего повторяемость ситуации в прошлом (напомним, что его утвердительная форма совпадает с Имперфектом), ср. (45). «Причастный» Хабитуалис прош. вр. подчеркивает, что имевшая место ситуация была характерным свойством соответствующего участника (46) или периода времени (47).

- (45) *sus-ar*   *faj-na*   *armi-s*
 невеста-PL   приносить:PF-CONV   армия-DAT
ɣ.a-j-düj-wa   *awala?*
нести.IPF-CONV-COP:PST:NEG-Q   раньше
 ‘Раньше ведь в армию забирали уже после женитьбы’.

- (46) *zawuč*   *če*   *ust:ul.i-s*   *da-ɣt:urf.u-na*
 завуч   наш:EXCL   стул-DAT   NEG-смотреть.PF-CONV
uq'.a-f-t:uj   *ust:ul.i-l.*
сидеться.IPF-S-COP:PST:NEG   стул-SUPER
 ‘Завуч наш никогда не садился на стул, не посмотрев на него’.

- (47) *awala*   *te*   *tembeku-jar*   *aq.a-s*   *kisa-jar*
 раньше   DEMT   махорка-PL   {IN}сыпать.IPF-INF   кисет-PL
aq'.a-f-ij   *sara.*
делать.IPF-S-COP:PST   PTCL
 ‘Раньше делали кисеты для махорки (букв. чтобы насыпать махорку)’.

И причастный Имперфект, и причастный Хабитуалис прош. вр. могут выражать контрфактическое значение (выступая в данном случае в роли квазисинонимов Ирреалиса, для которого оно

является основным). У причастного Имперфекта это значение развивается на основе интенциональности: ‘Х собирался, был готов Р’; у причастного Хабитуалиса прош. вр. — на основе компонента предположения о возможности осуществления ситуации (48).

- (48) *gena alurq'.u-ndawa, alurq'.u-či ha-ge*
 еще падать.PF-AOR:NEG падать.PF-COND ha-DEMG
ɤ an.di-n k'en.a-k k'.e-f-ij,
 камень-GEN низ-SUB/CONT умирать.IPF-S-COP:PST
ha-gi-sa-k.
 ha-DEMG-LOC-SUB/CONT
 ‘{Он бросил в меня огромный камень.} Хорошо хоть не попал, если бы попал, я бы умер под этим камнем там же’.

3. Причастные формы в подсистеме СВ

К подсистеме СВ относятся Перфект и Плюсquamперфект, Аорист и Прошедшее неактуальное и соответствующие им формы от причастий.

3.1. Перфект и «причастный» Перфект

Перфектные — или, точнее, перфектно-результативные — формы из двух подсистем восходят к структуре «деепричастие СВ + вспомогательный глагол ‘находиться (внутри)’»; исходное значение этой структуры можно условно представить как ‘находиться после (в результате) осуществления действия’. Эти формы имеют и собственно результативное значение, обозначая состояние как естественный результат предельного процесса, и производное от результатаiva значение перфекта.

Субъектно-результативное значение характерно для одноместных (49) и некоторых двухместных глаголов (типа ‘есть’, ‘пить’, ‘надевать’); объектно-результативное значение, т. е. описание состояния пациенса, свойственно двухместным глаголам (50).

- (49) *küče.ji jaʔ.ani-ʔ sa-d vuz.u-na-a <...>*
 улица(GEN) середина-IN один-S **останавливаться.PF-PRF-PRS**
 ‘Посреди улицы стоит один человек’.
- (50) *alatq.a-st.i, sa kuč at'.u-na-a.*
 снимать.IPF-TERM один коса **резать.PF-PRF-PRS**
 ‘{Женщине приказали снять платок.} И когда она сняла — одна коса отрезана’.

Форма Перфекта (как и прочие базовые формы индикатива), однако, не ограничена предельными глаголами, но образуется от всех стандартных глаголов. С глаголами, не описывающими процессы, которые приводят к определенному естественному результату, Перфект передает более общее перфектное значение, описывает релевантность результата для настоящего момента:

- (51) *za-s pul žik'.i-na-a, pul,*
 я-DAT деньги **находить.PF-PRF-PRS** деньги
p.u-ne=vaj uč.i.
 говорить.PF-AOR=CIT сам(ERG)
 ‘«Я деньги нашел, деньги», — сказал он’.
- (52) *gi-s=ra sa ruš=ra x.u-na-a. hal*
 DEMG-DAT=& один дочь=& **стать.PF-PRF-PRS** теперь
üniwerst.et.t.i-k küčüč'.u-na-a
 университет-SUB/CONT {SUB/CONT-LAT}лезть.PF-PRF-PRS
ge=ra.
 DEMG=&
 ‘{Один сын живет со мной в селе.} И у него есть (букв. стала) одна дочь. Теперь и он поступил в университет’.

Еще одно значение агульской формы — незасвидетельствованность ситуации в прошлом. Перфект может выражать как инферентивный тип косвенной засвидетельствованности (утверждение о ситуации в прошлом делается на основе логического вывода, ср. (53)), так и репортативный тип. В последнем случае Перфект особенно распространен в качестве нарративной формы в повествованиях о событиях, свидетелем которых говорящий не был (в т. ч. в сказках, легендах, пересказах услышанных историй), ср. (54).

- (53) *gi-s wuri ag.u-na-a. •*
 DEMG-DAT все **видеть.PF-PRF-PRS**
 ‘{Что-то он странно себя ведет.} Похоже, он все видел (хоть и делает вид, что ничего не знает)’.
- (54) *un, q-uš.u-na-a xab=ra, qa-uč'.u-na-a*
 да RE-уходить.PF-PRF-PRS опять=& RE-{IN}лезть.PF-PRF-PRS
req.:ü-?. aχp.a alčarx.u-na-a mi-s
 дорога-IN потом **встречаться.PF-PRF-PRS** DEMM-DAT

c'ik'in-ar a-je sa χal.
 свадьба-PL {IN}быть-PT один дом
 ‘{Из сказки про воробья.} Да, отправился дальше, опять отправился в дорогу. Потом попался ему на пути дом, в котором играли свадьбу’.

«Причастный» Перфект реже описывает собственно результирующее состояние (55) и обычно имеет более «ослабленное» значение текущей значимости результата (56).

(55) *č'in allah.t:i-q quχ.u-naje-f-e.*
 мы:EXCL Аллах-POST **верить.PF-PT:PRF-S-COP**
 ‘{Мы ведь бедные люди, мы должны как-то выживать.} Мы верим в Аллаха’.

(56) *maha t:i?=*ra aldark.u-naje-f-e.**
 DEMM:PRED в_этом_году=& **обводить.PF-PT:PRF-S-COP**
 ‘{Чтобы урожай не побило градом, мы обводим черного барана вокруг села.} Вот и в этом году обводили’.

Эта форма регулярно появляется при вводе ситуации, релевантной для момента речи и характеризующей опыт участника (57) или подводящей итог повествованию (58). В нарративе, построенном как «актуальный» — и, как правило, выдержанном в «настоящем историческом», — причастная форма вводит ситуацию, релевантную к текущей точке отсчета (59).

(57) *za-s genet žümür žik'.i-naje-f-t:awa.*
 я-DAT легкий жизнь **находить.PF-PT:PRF-S-COP:NEG**
 ‘У меня не было (букв. я не нашел) легкой жизни’.

(58) *ha-me kar alčarx.u-naje-f-e*
 ha-DEMM дело {SUPER-LAT}**попадать.PF-PT:PRF-S-COP**
χant'ir-ar.i ran.u-?
 Хантирар-PL(GEN) мельница-IN
 ‘Вот такое дело случилось на мельнице Хантирар’.

(59) *xir... šuw mi-n š.u-naje-f-e*
 жена муж DEMM-GEN **уходить.PF-PT:PRF-S-COP**
zarabutka-jar.i-s, zarabutka-jar.i-s š.u-guna
 зарботки-PL-DAT зарботки-PL-DAT уходить.PF-TEMP

šuw, te xir.a-s ag, a-j-e ʔemk'.
 муж DEMM жена-DAT видеть.IPF-CONV-COP сон
 ‘{Одна женщина увидела сон.} Женщина... а ее муж находится (букв. уехал) на заработках, и когда муж поехал на заработки, эта женщина видит сон’.

Семантический контраст между базовым и «причастным» Перфектом близок к контрасту между презенсами из двух подсистем: в отличие от базового Перфекта, причастная форма представляет ситуацию как известный факт и используется не столько для ввода в рассмотрение новой ситуации, сколько для объяснения с ее помощью некоторого положения дел.

Перфектные формы «плана прошедшего» описывают состояние или релевантность в прошлом, причем базовый Плюсquamперфект ориентирован на синхронную точку отсчета в прошлом (60). В случае же «причастного» Плюсquamперфекта рассмотрение ситуации ретроспективно: речь идет о неактуальности имевшегося в прошлом состояния для настоящего момента (61).

(60) *furkun ruq'.a-st:i mašin ruq'.u-na-ji.*
 арба достигать.IPF-TERM машина достигать.PF-PRF-PST
 ‘{Те, кто приехал на кутан на машине, выбежали встречать тех, кто ехал на арбе.} Машина ведь доехала раньше, чем арба’.

(61) *sac.a-s danan ha-te kisa*
 в_прошлом_году-DAT DEGR ha-DEMT кисет
ин.и-naje-f-ij zun ha-ti-n.
 хранить.PF-PT:PRF-S-COP:PST я ha-DEMT-GEN
 ‘{Раньше делали кисеты для махорки.} До прошлого года я хранила этот ее кисет’.

3.2. Аорист и «причастный» Аорист

Как и хабиуталисы из двух подсистем, Аорист и «причастный» Аорист не полностью параллельны с формальной точки зрения. Аорист исторически представляет собой сочетание «деепричастие СВ + связка наст. вр.» (‘сделав есть’), а «причастный» Аорист построен по модели «причастие СВ + связка наст. вр.» (‘сделавший есть’); о полном параллелизме можно было бы говорить в случае модели «деепричастие СВ + причастное наст. вр.

связки (*idefe*)», однако данное сочетание в агульском не грамматализовано.

Аорист является наиболее частотной и наиболее общей по значению перфективной формой прошедшего времени — в этом смысле ее положение в системе близко к положению Презенса в ряду имперфективных форм. Он передает перфективное значение, т. е. завершенность ситуации до момента речи, в различных аспектуальных вариантах (достижение предела, начало процесса или состояния, мгновенность, вложенность во временной интервал); возможность той или иной интерпретации общего перфективного значения зависит от аспектуального класса глагола.

- (62) *če k'eruq ʒut'.u-ne ʒinawur.di.*
 наш:EXCL теленок **есть.PF-AOR** волк(ERG)
 'Нашего теленка съел волк'.
- (63) *sa dišehli ad.i-na, mi-št:i jark:a*
 один женщина приходить.PF-CONV DEMM-ADV лезгинский
č'al.a raχ.u-ne za-qaj.
 речь(ERG) **разговаривать.PF-AOR** я-COMIT
 'Подошла одна женщина и заговорила со мной по-лезгински'.
- (64) *xibu jav-di aruc.u-ne me-wur, sak'a=ra*
 три день-ADV **ходить.PF-AOR** DEMM-PL такой=&
qa-žik'.i-ndawa.
RE-находить.PF-AOR:NEG
 'Три дня они искали, но так и не нашли'.

Эта форма является наиболее нейтральным нарративным временем, по крайней мере в тех случаях, когда не подчеркивается незасвидетельствованность описываемых событий, опосредованный способ получения информации о них (65). Впрочем, пересказывательность нередко маркируется при форме Аориста цитативной частицей *vaj*, восходящей к глаголу 'говорить' (66)²¹.

²¹ Данная частица является показателем того, что описываемые события известны говорящему именно с чужих слов; она может сочетаться с самыми разными формами индикатива, в т. ч. и с Перфектом, который сам по себе способен выступать в основной линии «заглазно-го» нарратива (см. выше). О цитативной частице в агульском языке см. подробнее [Maisak, Merdanova, to appear].

- (65) *xir k'.i-ne* *žabar.a-n, ze šuw.a-n,*
 жена умирать.PF-AOR Джабар-GEN мой муж-GEN
a te marijan.a-n, marijan.a t.ur
 а DEMT Мариян-GEN Мариян(GEN) имя
alix.i-ne *eminat.a uč.i-n ruš.a-l.*
 {SUPER}класть.PF-AOR Эминат(ERG) сам-GEN дочь-SUPER
 ‘Умерла (первая) жена Джабара, моего мужа, а именем этой
 Мариян назвала свою дочь Эминат’.
- (66) *aχr:a qaj-ne=kaǰ* *χab,*
 потом RE:приходить:PF-AOR=CIT опять
fajqaj-ne=kaǰ ha-ge χalbizak, le
 RE:приносить:PF-AOR=CIT ha-DEMG арбуз DEML
χalbizak waʔ, p.u-ne=kaǰ šuw.a saǰe
 арбуз нет говорить.PF-AOR=CIT муж(ERG) другой
χalbizak p.u-ne=kaǰ.
 арбуз говорить.PF-AOR=CIT
 ‘Потом вернулась она опять, принесла этот арбуз, а муж го-
 ворит: «Не этот арбуз, другой арбуз»’.

Аористу не чуждо и собственно перфектное употребление, и он может использоваться для описания ситуации, результат которой релевантен для момента речи («иммедиатный» тип перфекта), ср. (67). Еще одна функция данной формы иллюстрируется примерами (68) и (69): здесь речь идет о ситуации, которая еще не осуществилась, однако представляется как уже осуществленная к моменту речи. Как правило, высказывания типа (69) произносятся, когда при виде приближения нежелательной ситуации говорящий с целью ее предотвращения пытается предупредить о ней адресата.

- (67) *waʔ, lap iži-di qat:aq'.u-ne wun.*
 нет очень хороший-ADV рассказывать.PF-AOR ты
 ‘{S1: То, что я вам сейчас рассказала, я помню только
 урывками. S2:} Нет, ты очень хорошо рассказала’.
- (68) *aman k'.i-ne, aman k'.i-ne*
 INTJ умирать.PF-AOR INTJ умирать.PF-AOR
av.a-t:-ar, s'uv ʕ.a-f, xibu-jaq'u kas
 говорить.IPF-S-PL стон идти.IPF-S три-четыре человек

a-a   *čin.*
 {IN}быть-PRS мы:EXCL
 ‘{На кутане на нас набросились собаки, мы с криками разбежались.} «Ой, мы погибли, ой, помираем (букв. умерли)», — нас было три-четыре человека, которые кричали и скулили’.

(69) *laha*   *alurq'.u-ne!* •
 DEMM:PRED падать.PF-AOR
 ‘Осторожно, вот-вот **упадешь** (букв. вон там, упал)!’

«Причастный» Аорист специализируется на выражении экспериенциального и экзистенциального значений. Эти значения близки, но если в первом случае сообщается об опыте участия субъекта в ситуации, то во втором просто утверждается существование ситуации в неопределенном прошлом [Вострикова 2010: 42, 47], ср. (70) и (71).

(70) *uš.u-f-e,*   *wallah, zun=ra ha-ge*
уходить.PF-S-COP валлах я=& ha-DEMG
q'asumñür.i-l-di=ra   *uš.u-f-e.*
 Касумкент-SUPER-LAT=& **уходить.PF-S-COP**
 ‘Ездила, валлах, я тоже ездила в Касумкент’.

(71) *mi-sa-as*   *kas=ra*   *š.u-f-t:awa,*
 DEMM-LOC-(IN)ELAT человек=& **уходить.PF-S-COP:NEG**
p:ač:ah, wun saq'uraj.
 царь ты будь_здоров
 ‘{Царь спросил стражников, кого они впустили.} «Здесь никто не проходил, о царь, будь ты благословен»’.

В тех случаях, когда речь идет о ситуации, имевшей место лишь однажды, она вводится как известный факт и не встраивается во временную последовательность сменяющихся друг друга ситуаций, как в случае с Аористом.

(72) *dad*   *če*   *dešü*   *x.a-st:i*   *k'.i-f-e.*
 отец наш:EXCL война статья.IPF-TERM **умирать.PF-S-COP**
 ‘Отец наш еще до войны умер’.

(73) *wuw,*   *p:ara jak-ar*   — *ʔuš-ar*   *ad.i-f-e*
 INTJ много день-PL   ночь-PL **приходить.PF-S-COP**

insan-ar.i-l,   žan   abaw.a-n.
 человек-PL-SUPER дорогой   тетя-GEN
 ‘{После рассказа о трудной жизни в годы войны.} Ой, очень много несчастий навалилось (букв. дней-ночей пришло) на людей, доченька’.

Корреляты двух перфективных форм в плане прошлого содержат связку прошедшего времени и описывают ситуации как неактуальные. Базовая форма выражает неактуальную (на момент речи) ситуацию, имеющую определенную локализацию во времени (74); «причастная» же форма описывает сам факт существования ситуации, не представляя ее как встроенную в какую-либо последовательность событий (75).

(74) *sa wāḥda.ji   ge   министр юстици=ra*
 один время(TMR) DEMG министр юстиция=&
x.u-nij   *mi-sa,   maḥačk:ala.ji* {...}
статья.PF-AOR:PST DEMM-LOC(IN) Махачкала(IN)
 ‘{Когда в 30-е гг. дядя Исак попадал в тюрьму, бабушке приходилось ехать в Касумкент к судье.} Одно время он и министром юстиции был тут, в Махачкале (позже, в 1940-е гг.)’.

(75) *žag.ar tuḥli-jar   za-s   faj.i-f-ij*   {...}
 белый туфли-PL я-DAT **принести.PF-S-COP:PST**
 ‘{При рассказе о свадьбе возникает обсуждение, была ли раньше традиция надевать на невесту белую одежду. Одна из рассказчиц говорит, что была:} Мне белые туфли принесли...’

4. Семантическая эволюция индикативных форм

Агульские финитные формы индикатива являются достаточно прозрачными по своей морфологической структуре, что позволяет делать относительно надежные предположения о значении исходных конструкций, лежащих в их основе. Опираясь на эти предположения, а также на синхронную полисемию глагольных форм и сведения о типологии семантического развития видо-временных значений ([Bybee et al. 1994] и пр.), попробуем представить себе эволюцию агульской индикативной системы. Эту эволюцию мы рассмотрим (для краткости) только на примере форм «плана настоящего».

4.1. Базовые (деепричастные/инфинитивные) формы

Две основные формы подсистемы СВ — Аорист и Перфект — развивались от обозначения завершенной ситуации с релевантным для момента речи результатом к нейтральному обозначению (перфективной) ситуации в прошлом. О компоненте актуальности на момент речи позволяет судить не только сохранение собственно перфектной/результативной семантики у современных форм, но и сама их структура — Аорист и Перфект исторически включают вспомогательный глагол в настоящем времени.

Исходным значением структуры «деепричастие СВ + связка наст. вр.» ('сделав есть') был, скорее всего, собственно перфект. В современном языке Аорист не исключает перфектного прочтения, но основным его значением является просто перфектив прошедшего времени. Тем самым, эта форма прошла путь от перфекта к «простому» перфективному прошедшему — путь, который является одним из наиболее типичных для перфектных форм в языках мира и который отражает постепенную утрату компонента 'релевантность ситуации для момента речи' [Маслов 1983; Bybee et al. 1994: 81–87]. Оснований для того, чтобы считать исходным значением данной формы результативное, как будто бы нет.

С другой стороны, структура «деепричастие СВ + локативный глагол наст. вр.» ('сделав находится') изначально была грамматикализована в качестве результативной формы, обозначающей состояние как результат действия. Это значение Перфект сохраняет и в современном языке, однако эта форма прошла большой путь развития — через перфектное значение (обозначение релевантной ситуации в прошлом, а не состояния в настоящем) к заглазному перфективному прошедшему [Майсак, Мерданова 2002в]. Данный путь грамматикализации также хорошо известен и представляет собой другую «ветку» развития перфекта — не к нейтральному перфективному прошедшему, а к обозначению косвенной засвидетельствованности [Bybee et al. 1994: 95–97; Tatevosov 2001].

Таким образом, основные формы прошедшего времени представляют собой нейтральный перфектив (скорее всего, бывший перфект) и перфект, сдвинувшийся в сторону незасвидетельствованного прошедшего, однако сохраняющий и собственно результативное значение.

Переходя к имперфективным формам, мы видим близкую картину, а именно наличие в системе «старого презенса» и «молодой» презентной формы, развившейся из локативной конструкции.

Хабитуалис наст. вр., восходящий к структуре «деепричастие НСВ + связка наст. вр.» ('делая есть'), имеет типичную дистрибуцию «старого презенса», если понимать под этим тот тип имперфективных форм, который обсуждался в работах Дж. Байби, М. Хаспельмата и С. Г. Татевосова в связи с проблемой «хабитуально-футуральной полисемии». Агульский хабитуалис выражает собственно хабитуальное значение в настоящем, используется в качестве «настоящего исторического», выступает с модальным значением возможности (в частности, в риторических вопросах) и в некоторых контекстах может выражать будущее время. Эти значения как будто не связаны друг с другом — трудно увидеть в них какой-либо «инвариант», — однако, как было убедительно продемонстрировано С. Г. Татевосовым, они находятся на одном пути грамматикализации от прогрессива и хабитуалиса к будущему времени [Татевосов 2004: 251; Tatevosov 2005: 195]:

ПРОГРЕССИВ > ХАБИТУАЛИС > СПОСОБНОСТЬ >
ВНЕШНЯЯ ВОЗМОЖНОСТЬ > ЭПИСТЕМИЧЕСКАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ >
ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ >
ПРОСПЕКТИВНОЕ/ИНТЕНЦИОНАЛЬНОЕ БУДУЩЕЕ

Агульский Хабитуалис наст. вр., вполне вероятно, исходно имел общее значение имперфектива настоящего времени (по крайней мере, нет оснований отвергать такую возможность, учитывая его внутреннюю форму), однако в таком случае полностью утратил дуративное значение. Подобные «старые презенсы» отмечались во многих языках мира, в том числе нахско-дагестанских: в [Haspelmath 1998] в качестве одного из представителей полисемичного хабитуалиса-футурума рассматривается лезгинская форма на *-da*, в [Татевосов 2004] и [Tatevosov 2005] путь грамматикализации от хабитуалиса к футуруму обсуждается на материале андийских языков (багвалинского, годоберинского и каратинского), а в [Maisak 2008] высказываются предположения о случаях аналогичной эволюции в удинском²².

---

²² О «старых презенсах» в лезгинских языках см. также [Maisak 2011].

Дуративное значение, утраченное Хабитуалисом, является, в свою очередь, исходным для Презенса, в современном языке представляющего собой имперфектив «широкого профиля». Не исключено, что со временем Презенс вступит на тот же путь развития, что и Хабитуалис, однако пока предпосылок для его ухода с позиции основной формы настоящего времени не видно. В настоящее время Презенсу свойственны типичные для имперфективных кластеров значения — дуративное, хабитуальное, предстоятельное; он также используется в функции «исторического настоящего».

Для близкородственных агульскому языков, обладающих сходными видо-временными системами (см. 1.4), можно предполагать аналогичную эволюцию соответствующих форм. По всей видимости, аналитические структуры с деепричастиями СВ и НСВ и двумя вспомогательными глаголами можно возводить на общевостоchnoлезгинский уровень. Конструкции с локативным глаголом, скорее всего, возникли именно на этом уровне (и вряд ли имеют общелезгинский характер), конструкции со связкой могут оказаться более древними. В целом, восходящие к сочетаниям деепричастия и связки Аорист и Хабитуалис наст. вр. производят впечатление более старых форм: они в наибольшей степени утратили свою «аналитичность» (ср. в особенности лезгинский язык) и дальше продвинулись по пути грамматикализации.

Агульское Будущее время, не имеющее параллелей в других восточнолезгинских языках, возникло на базе конструкции «инфинитив + связка наст. вр.» («чтобы-сделать есть») — как и у других форм «плана настоящего», связка в составе данной структуры соотносит описываемую ситуацию с моментом речи, форма же смыслового глагола передает аспектуальное или модальное значение. В данном случае речь идет об описании актуального на момент речи долженствования либо намерения (т. е. «предопределенности»); фактически это имплицитно осуществление описываемой ситуации в будущем, и со временем эта импликация становится основным значением формы, которая входит в ядро глагольной парадигмы уже в роли основного средства выражения временной референции к будущему [Майсак 2007]. В целом, конструкции со значением долженствования являются одним из основных источников для форм будущего времени во многих язы-

ках мира, в т. ч. в ряде западноевропейских языков. Исходно эти формы не обязательно развиваются на основе целевых конструкций, в основе может лежать конструкция обладания (ср. сочетания с глаголом *habēre* ‘иметь’ в романских языках), однако семантически источником футурального значения здесь также является модальное значение долженствования либо предопределенности; см. подробное обсуждение в работе [Bybee et al. 1994: 258–264].

4.2. Причастные формы

Происхождение причастных форм индикатива имеет смысл рассматривать отдельно для структур «причастие + связка» и «деепричастие + *ajefe* (причастное настоящее время локативного глагола)».

Формы, восходящие к первой структуре, т. е. причастный Аорист («причастие СВ + связка») и причастный Хабитуалис («причастие НСВ + связка»), по всей видимости, возникли в результате грамматикализации связочных конструкций характеристики типа ‘X есть сделавший/делающий’. Такая конструкция в современном агульском языке представлена в (76); субстантивированная причастная форма возглавляет здесь именное сказуемое и имеет тот же падеж (номинатив) и число, что субъект. В финитных же причастных формах оформление аргументов определяется смысловым глаголом, а не связкой; согласование по числу также отсутствует (77).

(76) *gada-jar žinawur fac.u-t:-ar e (*fac.u-f e).* •
 [парень-PL] [волк хватать.PF-S-PL] COP хватать.PF-S COP
 ‘Юноши — это те, кто поймал волка’.

(77) *gada-jar.i žinawur fac.u-f-e*
 [парень-PL(ERG)] [волк] [хватать.PF-S-COP]
 (**fac.u-t:-ar e*). •
 хватать.PF-S-PL COP
 ‘Юноши как-то раз поймали волка’.

Семантическое развитие обеих форм, образованных от простых причастий, представляется вполне закономерным. Перфективная форма (‘сделавший есть’) обозначает характеристику участника через ситуацию, в которой он уже участвовал, и указывает на релевантность этой характеристики в момент речи. Здесь мы

имеем дело со значением, близким перфекту, однако описывающим прежде всего опыт участия субъекта в ситуации определенного типа, т. е. с экспериентивным значением. Его расширением является экзистенциальное значение, то есть общее утверждение о существовании ситуации в (неопределенном) прошлом.

Имперфективная форма ('делающий есть') обозначает характеристику участника через ситуацию, в которой он обычно участвует. Эта характеристика является основой для генерического значения, а эпистемическая модальность развивается по тому же пути, о котором мы уже говорили выше в связи со «старыми презенсами», благодаря следующей прагматической импликатуре: «Если *x* осуществляет *p* регулярно (...), то *x* способен к осуществлению *p*» [Татовосов 2004: 248; Tatevosov 2005: 194].

«Причастные» же Перфект и Презенс, восходящие к структуре «деепричастие + *ajefe*», связаны не столько с идеей характеризацией, сколько с «фактивностью», привносимой формой вспомогательного глагола вследствие наличия в ней причастия. Как указывалось выше, *ajefe* представляет ситуацию как хорошо известную говорящему и интегрированную в его «фонд знаний» ('как известно, *P'*); соответствующая перспектива свойственна и производным формам. «Причастный» Перфект обозначает состояние как результат действия, «причастный» Презенс описывает нахождение «внутри» разворачивающейся ситуации; в обоих случаях ситуации вводятся как уже устоявшиеся в сознании говорящего (а, возможно, и адресата). Обе формы нередко имеют поясняющий оттенок, указывая на то, что именно соответствующий факт объясняет или суммирует происходящее ('то, что происходит/произошло, есть *P'*').

Контраст между подсистемами глагольной парадигмы, при котором различие между формами двух подсистем связано скорее со способом подачи информации, а не с выражением конкретных видо-временных значений, отмечался для некоторых нахско-дагестанских языков и раньше. В качестве частичного аналога можно упомянуть противопоставление простых и «атрибутивных» глагольных форм в цахурском языке (атрибутивные формы маркированы показателем зависимого именной группы и выступают также как вершины относительных предложений, однако они свободно употребляются и в качестве финитных форм). Как показано в описании [Калинина, Толдова 1999], высказывания с

предикатом, оформленным атрибутивной формой, имеют семантику характеристики ситуации и для них свойствен констативный способ подачи информации, цель которого — верификация факта ('Я утверждаю, что Р истинно'). Напротив, высказывания с простыми глагольными формами имеют цель сообщить нечто новое об объекте, служащем предметом сообщения ('Я сообщаю про X, что Р, чтобы ты знал'). Существенное отличие цахурского противопоставления от агульского состоит, однако, в том, что в цахурском предложении с предикатным атрибутивом представляют собой коммуникативное нерасчлененные высказывания (в частности, атрибутивные формы не сочетается с фокусными маркерами), тогда как при использовании простых глагольных форм возможно фокусирование различных составляющих. В агульском языке фокусирование составляющих в предложении с базовыми формами невозможно, а в фокусной конструкции предикат оформляется как раз причастной формой. Чтобы попытаться объяснить эту ситуацию, рассмотрим употребления причастий в различных типах предложений.

5. Нефинитные клаузы, возглавляемые причастиями

Имеется несколько типов клауз, возглавляемых причастиями — это относительные предложения, сентенциальные актанты, обстоятельственные предложения и предикат в фокусной конструкции; в последних трех случаях используется субстантивированная форма номинатива ед.ч. Общим для всех этих клауз является то, что они выражают ту часть семантики высказывания, которая относится к presupпозиции.

5.1. Относительные предложения

Примеры употребления причастий в относительных оборотах были даны выше: см. (8)—(13), где используются немаркированные формы причастий, а возглавляемые ими клаузы служат определениями имени. В случае же, если относительное предложение является вершиной именной группы, причастие субстантивируется и принимает соответствующий падеж и число, ср. (78)—(79); частным случаем является и причастная клауза в роли именной части сказуемого (76). Показатели падежа и числа следуют после показателя субстантивации, которым является *-f* в номинативе ед. ч. и *-t*: в прочих формах.

дежами масдара). Круг предикатов, которые требуют причастной стратегии кодирования актанта, семантически достаточно хорошо определен — это фактивные предикаты мыслительной деятельности и восприятия: ‘знать’, ‘забывать’, ‘помнить’, ‘понимать’, ‘верить’, ‘видеть’, ‘слышать’, ‘быть обрадованным’ и т. п. При этом у полисемичных предикатов причастие используется в случае, когда речь идет именно о знании или приобретении знания о факте — например, ‘забывать о том, что (имеет место что-л.)’, но не ‘забывать сделать что-л.’, или ‘видеть, что (имеет место что-л.)’, но не ‘видеть, как (происходит что-л.)’.

(81) *uw, žamaldin za-s pijan x.u-naje-f*
 INTJ Джамалдин я-DAT пьяный **стать.PF-PT:PRF-S**
na-dawa.

знать-PRS:NEG

‘Ой, а о том, что Джамалдин пьяный, я не знаю’.

(82) *najif, zun gi-č d-uš.u-f. •*
 жаль [я DEMM-LAT NEG-уходить.PF-S]
 ‘Жаль, что я туда не пошел’.

Будучи вершинами актантных предложений, причастия выражают те же аспектуальные и модальные противопоставления, что и в атрибутивной функции, ср. (83) с результативным причастием и (84) с презентным в значении запланированного (или интенционального) будущего.

(83) *za-s na-a dad naq' qaj-naje-f. •*
 я-DAT знать-PRS [отец вчера RE:приходить:PF-PT:PRF-S]
 ‘Я знаю, что отец вчера вернулся’.

(84) *za-s na-a dad bagah qu-ŋ.a-je-f. •*
 я-DAT знать-PRS [отец завтра RE-идти.IPF-PT:PRS-S]
 ‘Я знаю, что отец завтра возвращается’.

5.3. Обстоятельственные предложения

В отличие от относительных и актантных предложений, в обстоятельственных употребляется только одно причастие — простое причастие СВ. Оно выражает временное или причинное значение, подчеркивая, что описываемая ситуация (о которой известно из предшествующего контекста) имела место непосред-

венно перед ситуацией, обозначенной глаголом главного предложения (85). В качестве варианта оформления данного типа обстоятельства используется сочетание причастия с аддитивной частицей =*ra* ‘и, тоже’ и числительным *sad* ‘один’ (в данном случае — в функции усилительной частицы ‘только, лишь’), ср. (86).

(85) *ha-le p:arza.ji-l-as faqaj.i-f, ap:erac:i*
 ha-DEML перевал-SUPER-ELAT **RE:приносить.PF-S** операция
q'.a-s fajš.u-ne me q:uruh-t.i.
 делать.IPF-INF уносить.PF-AOR DEMM Курах-LAT
 ‘{Гурипери отравилась, когда пасла овец, и ее принесли в село.} Как только ее принесли с перевала, сразу повезли в Курах делать операцию’.

(86) *ha-te=ra fut'.u-f=ra sa-d, žan du.u-ne=vaj.*
 ha-DEMT=& **есть.PF-S=& один-S** душа тянуть.PF-AOR=СИТ
 ‘{Девушке, на которую напали волки, дали воды и кусочек хлеба.} Как только она поела, тут же испустила дух, говорят’.

Тем самым, как в функции вершины актантного предложения, так и в функции вершины обстоятельства времени/причины причастие вводит ситуацию как факт, относящийся к пресуппозиции высказывания.

5.4. Неассертивная часть фокусной конструкции

Важное коммуникативно-прагматическое свойство базовых индикативных форм состоит в том, что они используются лишь в тех высказываниях, в которых предикат относится к прагматической ассерции, т. е. к той новой информации, сообщение которой является целью высказывания (87). Напротив, эти формы неприемлемы, если предикат входит в прагматическую пресуппозицию²³ (и выражает то, что считается уже известным), а коммуникативное выделение приходится на другую составляющую (88).

²³ Прагматическая ассерция и прагматическая пресуппозиция — понятия, связанные с описанием информационной структуры высказывания и отражающие представление говорящего о состоянии знаний адресата (ср. также противопоставление «данное»/«новое»); они не соотносятся напрямую с ассерцией и пресуппозицией в логическом смысле [Lambrecht 1994, 2001].

- (87) *če* *p.u-ne*, *maw qat:k'.i-na-a*
 наш:EXCL говорить.PF-AOR сало **красть.PF-PRF-PRS**
p.u-ne.
 говорить.PF-AOR
 ‘{«Что случилось, Джамят?»} Она сказала: «Наше сало украли»’.
- (88) *če* *maw e qat:k'.i-naje-f* • /
 наш:EXCL сало СОР [красть.PF-PT:PRF-S]
 ??? *če* *maw qat:k'.i-na-a* •
 наш:EXCL сало **красть.PF-PRF-PRS**
 ‘{«Что там у вас украли?»} «У нас сало украли»’.

Подобная ситуация отмечается и в некоторых других нахско-дагестанских языках, где представлено разделение глагольных форм на «ассертивные» (которые в предложениях с аргументным фокусом запрещены) и нейтральные, способные выступать в высказываниях с различной коммуникативной структурой (как правило, к последним относятся аналитические формы). В случае, если происходит фокусирование составляющей, отличной от предиката, выделенная часть маркируется определенным предикативным элементом (связкой, частицей, личным показателем), а глагол принимает нефинитную форму (при этом чаще всего, хотя и не всегда — форму причастия) [Казенин 1997]. По мнению Н. Р. Сумбатовой, определяющим для системы дагестанского глагола является именно разделение глагольной парадигмы на «ассертивные» формы и более свободные сочетания нефинитных форм и предикативных элементов, а не традиционное противопоставление «финитных» и «нефинитных» форм. При этом языки различаются тем, что именно входит в набор «ассертивных» форм и как устроена фокусная конструкция: так, в ицаринском языке «ассертивные» формы невозможны в вопросах, а в роли предикативного элемента, маркирующего фокус, наряду со связкой могут выступать и некоторые дискурсивные частицы [Сумбатова 2002, 2004; ср. также Kalinina, Sumbatova 2007].

В агульской фокусной конструкции предикат всегда оформляется причастием, а к коммуникативно выделенной составляющей справа примыкает глагол-связка (88). Связка выступает в утвердительной или отрицательной (89) финитной форме настоящего или прошедшего (90, 91) времени. Аналогично происходит фоку-

сирование в частных вопросах (где выступают обычные утвердительные формы), а в общих вопросах связка имеет специальную вопросительную форму с показателем *-wa* (92). В отличие от ряда других дагестанских языков, никакие другие единицы (будь то дискурсивные частицы или грамматические показатели) в агульском для маркирования фокусной составляющей не используются.

- (89) *xit:-ar wa?*, *xit:-ar me-wur.i-l dawa*
 вода-PL нет вода-PL DEMM-PL-SUPER COP:NEG
lat'.a-je-f.
 [{SUPER}лить.ІPF-PT:PRS-S]
 ‘Водой — нет, водой поливают НЕ ИХ’.
- (90) *xibuq:a-n=na xibu-d-pu is ij zun fajš.u-f.*
 60-S=и три-S-ORD год COP:PST [я уносить.PF-S]
 ‘{В армии меня забрали вскоре после свадьбы.} Забрали меня в 63-М ГОДУ’.
- (91) *žük'-er naj-č ij fajš.u-f?*
 трава-PL какой-LAT COP:PST [уносить.PF-S]
 ‘А сено-то КУДА возила?’
- (92) *ha-me kas.t.i-q-t:i ij-wa*
 ha-DEMM человек-POST-LAT COP:PST-Q
wun wuz.u-f p.u-ne,
 [ты останавливаться.PF-S] говорить.PF-AOR
 ‘Ты ЭТОГО ЧЕЛОВЕКА, что ли, ждал? — сказал (тот)’.

Можно предполагать, что исторически фокусная конструкция данного типа появилась в результате грамматикализации кл е ф т а — биклаузальной структуры, в которой главной частью является связочное предложение идентификации, а зависимая часть устроена как относительное предложение (ср. англ. *It is CHAMPAGNE that I like* ‘Я люблю ШАМПАНСКОЕ’). В некоторых нахско-дагестанских языках, как например чеченском и ингушском, фокус выражается именно при помощи таких клефтовых структур [Komen 2007; Nichols 2010]. Ср. также (93) из лезгинского языка, в котором клефты являются одним из средств коммуникативного выделения [Haspelmath 1993: 352–353]²⁴.

²⁴ Хотя это не отмечается в описании М. Хаспельмата, в лезгинском имеется и «грамматикализированный клефт», устроенный не так, как

- (93) *wuž ja rak'-ar gata-zwa-j-di?*
 [кто] COP [дверь-PL бить-PRS-PT-S]
 'Кто это стучит в дверь (букв. кто есть стучащий в дверь)?'

Структура фокусной конструкции в агульском не тождественна структуре связочного предложения идентификации типа 'X есть тот, кто сделал/делает P', в котором X имел бы форму номинатива, как и в других типах связочных предложений (ср. (76) выше). Падежное оформление аргументов целиком зависит от «смыслового» предиката в пресуппозитивной части, имеющего форму причастия (94); отличие от обычного предложения с формой «причастного» Аориста *facuf-e* 'поймал' состоит только в позиции связки.

- (94) *gada-jar.i e žinawur fac.u-f. •*
 [парень-PL(ERG)] COP [волк хватать.PF-S]
 'Это ЮНОШИ поймали волка'.

Предположение о том, что подобные моноклаузальные фокусные конструкции есть результат синтаксической реинтерпретации биклаузальных клефтов, представляется вполне естественным (подробнее см. [Harris 2001, 2002: ch.10]). Нельзя, однако, не заметить, что в агульской фокусной конструкции глагол выступает только в формах тех же четырех причастий, которые используются и в аналитических формах — т. е. простого причастия СВ и НСВ, результативного и презентного причастий (таблица 12)²⁵. Тем самым, можно считать, что в фокусной конструкции используются как раз формы «причастной» подсистемы — с поправкой на позицию связки, которая в первом случае следует за фокусной составляющей, а во втором всегда клитически примыкает к причастию. Иначе говоря, формы «причастной» подсистемы являются частным случаем конструкции, выражающей прагматическую

предложение идентификации — ср. *ni ja rak'ar gataz wajdi?* с агенсом *ni* 'кто' в эргативе, а не номинативе (С. Р. Мерданова, л. с.); см. также замечание о выражении фокуса в лезгинском в [Калинина 2001: 171].

²⁵ Это, в частности, означает, что видо-временных противопоставлений в фокусной конструкции, как и в «причастной» подсистеме, меньше, чем в «ассертивной» (базовой) подсистеме — например, совпадают средства выражения будущего времени и дуративного настоящего (презентное причастие + связка).

пресуппозицию предиката — расположение связки (как фокусного элемента) на причастии означает лишь, что в фокусе находится само утверждение о том, что выражаемый причастной клаузой факт является истинным. При более узком фокусе в него попадает только лексическое значение глагола; ср. использование форм «причастной» подсистемы при контрастивном фокусе в (95), где утверждается, что верной является ситуация ‘покупать’, а не ‘красть’.

- (95) *waʔ, gi maʃin viʃ.u-f-e, qat:k'.i-f-t:awa.* •
 нет DEMM(ERG) машина **брать.PF-S-COP** **красть.PF-S-COP:NEG**]
 ‘{S1: Говорят, твой сосед свою машину украл у кого-то.
 S2:} Нет, машину он КУПИЛ, не УКРАЛ’.

Таблица 12

«Причастная» подсистема и предикат в фокусной конструкции

«Причастная» подсистема	Фокусная конструкция
<i>Подсистема СВ</i>	<i>Подсистема СВ</i>
<i>от простого причастия</i> гухuf-e гухuf-ij	<i>от простого причастия</i> X _{FOC} e гухuf X _{FOC} ij гухuf
<i>от перфектного причастия</i> гухunajef-e гухunajef-ij	<i>от перфектного причастия</i> X _{FOC} e гухunajef X _{FOC} ij гухunajef
<i>Подсистема НСВ</i>	<i>Подсистема НСВ</i>
<i>от простого причастия</i> гухaf-e гухaf-ij	<i>от простого причастия</i> X _{FOC} e гухaf X _{FOC} ij гухaf
<i>от презентного причастия</i> гухajef-e гухajef-ij	<i>от презентного причастия</i> X _{FOC} e гухajef X _{FOC} ij гухajef

В работе [Вострикова 2010: 79–83] выдвигается идея о том, что форма экспериентива (= «причастного» Аориста) в агульском и аналогичная ей даргинская форма представляют собой именно результат грамматикализации контрастивного фокуса на глаголе. По нашему мнению, это не обязательный сценарий: источником характерных для «причастных» аналитических форм значений

скорее являются высказывания с широким фокусом на всей пропозиции ('факт Р имеет место'), нежели с узким фокусом на предикате ('то, что имеет место, это именно Р'). Впрочем, для более полного выяснения соотношения между аналитическими формами «причастие + связка» и оформлением предиката в фокусной конструкции необходимо привлечение большего количества данных — как о языках, где причастия выступают и в аналитических формах, и в фокусной конструкции, так и о языках, где причастия зафиксированы только в одной из этих функций.

6. Заключение

Итак, в основе агульской видо-временной системы индикатива лежат несколько формальных противопоставлений, позволяющих говорить о наличии ряда более или менее симметричных подсистем. Все финитные формы по происхождению являются аналитическими, и по форме вспомогательного глагола могут быть разделены на формы «плана настоящего» (в них содержится указание на актуальность ситуации к моменту речи) и формы «плана прошедшего» (ориентированные на точку отсчета в прошлом). Используемые в составе аналитических конструкций нефинитные формы образованы от одной из двух аспектуальных основ — имперфективной или перфективной, — что в сочетании с семантикой вспомогательного глагола (связки либо локативного предиката 'находиться') обуславливает аспектуальное значение исходной структуры. Дальнейшая грамматикализация этих структур (например, перфектной «деепричастие СВ + связка» или дуративной «деепричастие НСВ + локативный глагол») приводит к появлению у соответствующих форм новых аспектуальных и модальных значений.

На современном этапе в агульском среди форм каждого из видов имеются максимально обобщенные по значению — в перфективной подсистеме это Аорист, в имперфективной — Презенс. Специализированного средства выражения не имеет значение прогрессива (у Презенса оно совмещено с более общим дуративным), тогда как хабитуальность может выражаться несколькими формами, в т. ч. собственно Хабитуалисом. Аористу противопоставлен Перфект, который, однако, достаточно далеко продвинулся по пути грамматикализации в сторону «заглазного»

прошедшего времени. В целом, группа значений, традиционно ассоциируемых с перфектом и результативом, в агульском не имеет единого средства выражения; релевантность прошедшей ситуации для момента речи может выражаться разными формами в зависимости от дополнительных оттенков. Основное средство выражения будущего времени занимает особое положение в базовой подсистеме индикатива — морфологически Будущее относится к формам НСВ «плана настоящего», однако исторически скорее является единственным индикативным представителем «инфинитивной» подсистемы (основа инфинитива и основа НСВ в хпюкском диалекте совпали). Соответствующая форма в плане прошедшего имеет ирреальное значение («сделал бы») и в систему индикатива включена быть не может. Форма же Будущего имеет наиболее нейтральное футуральное значение; при этом следует отметить, что как и в случае с хабитуалисом, наряду со специализированной формой значение будущего времени может передаваться и другими средствами, используемыми в более специфических контекстах (намерение, возможность). В целом следует отметить, что для форм индикатива далеко не у каждой из аспектуальных подсистем всегда имеется строгое «разделение полномочий», в некоторых контекстах несколько форм могут быть использованы как квазисинонимы.

Особенностью агульской видо-временной системы, наиболее ярко проявившейся в хпюкском диалекте и отличающей агульский от близкородственных восточнолезгинских языков, является наличие «причастной» подсистемы аналитических форм. Эта подсистема семантически и (с некоторыми оговорками) структурно параллельна базовой, за исключением «инфинитивного» Будущего времени, не имеющего аналога среди «причастных» форм индикатива. Формы «причастной» подсистемы выражают в целом тот же круг видо-временных значений, что и базовые формы, однако отличаются с точки зрения информационной структуры. Если базовые формы используются в высказываниях, целью которых является сообщение о некоторой новой ситуации, то «причастные» формы вводят в рассмотрение характеристики участников и факты из «фонда знаний» говорящего (и адресата)²⁶.

---

²⁶ В этом смысле закономерно, что только формы базовой подсистемы (при этом — почти все формы «плана настоящего»: Презенс,

Грамматикализация конструкций с причастиями в качестве финитных форм привела к появления в агульской видо-временной системе специализированных средств выражения целого ряда аспектуальных и модальных значений — экспериентивного/экзистенциального, (индивидуального) хабитуального и генерического, интенционального.

Различие между двумя подсистемами проявляется и в том, что если высказывания с базовыми формами являются строго «ассертивными» и не допускают коммуникативного выделения какой-то из частей, то высказывания с «причастными» формами более свободны в выборе коммуникативной перспективы. Финитные клаузы с причастиями могут иметь как широкий фокус на всей пропозиции в целом (утверждая истинность некоторого факта или характеристики), так и узкий фокус на собственно лексическом значении предиката либо не на предикате, а одном из актантах или сирконстантах. В последнем случае фокусное выделение маркируется позицией связки, которая располагается после выделенной составляющей (в прочих случаях она клитизируется к причастной форме). Данная особенность аналитических форм, включающих причастия, связана с семантикой самих причастий — в агульском языке эти формы и в прочих контекстах используются для ввода в рассмотрение фактов и характеристик, которые относятся к пресуппозиции высказывания.

Сокращения

& — аддитивная частица; ABSTR — абстрактное имя; ADV — наречный показатель; AOR — аорист; APUD — локализация ‘возле’; CIT — пересказывательность; COMIT — комитатив; COND — условная форма глагола; CONV — деепричастие; COP — связка; DAT — датив; DEGR — показатель степени (‘вплоть до’); DEMM — демонстратив m-серии; DEMG — демонстратив g-серии; DEML — демонстратив l-серии; DEMT — демонстратив t-серии; ELAT — элатив; ERG — эргатив; EXCL — эксклюзив; GEN — генитив; IMP — императив; IN — локализация ‘внутри’; INCL — инклюзив; INF — инфинитив; INTER — локализация ‘в массе; между’; INTJ — междометие; IPF — несовершенный вид; LAT — латив; LOC — локативный

Хабитуалис, Аорист и Перфект) могут использоваться для передачи последовательности событий в основной линии нарратива; формы «причастной» подсистемы в данном контексте невозможны.

показатель; NEG — отрицание; PF — совершенный вид; PL — множественное число; POST — локализация ‘сзади’; PRED — предикативный демонстратив; PRF — перфект/результатив; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PT — причастие; PT:AOR — аористное причастие; PT:HAV — хабитуальное причастие; PT:OPT — опативное причастие; PT:PRS — презентное причастие; PT:PRF — перфектное причастие; PTCL — частица; Q — вопросительность; RDP — редупликация; RE — рефактивный префикс; S — показатель субстантивации; SUB/CONT — локализация ‘под’/‘в контакте’; SUPER — локализация ‘сверху’; TEMP — темпоральная форма глагола (‘когда’); TERM — терминативная форма глагола (‘до того как’); TMR — темпоральная форма имени; VOC — вокатив.

Показатели косвенной основы имен и аспектуальных основ глаголов отделяются точкой. Знак «=» используется для указания на границу с клиткой. Локативные префиксы не отделяются и в строке глоссирования обозначаются в фигурных скобках. Немаркированные категории в строке глоссирования не отмечаются (номинатив, единственное число, эссив), а при совпадении с косвенной основой заключаются в круглые скобки (эргатив, локализация IN, генитив, темпоралис). В угловые скобки < > заключается перевод связанных основ, выступающих только в составе сложного глагола.

В соответствии со сложившейся традицией, названия универсальных грамматических категорий приводятся в статье со строчной буквы (например, «перфект», «хабитуалис»), а названия конкретно-языковых — с прописной (например, «Перфект», «Хабитуалис» и пр.).

Литература

- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментивного значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2010.
- Ганенков, Мерданова 2002 — Д. С. Ганенков, С. Р. Мерданова. Семантика пространственных форм существительных в агульском языке // В. А. Плулунян (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 127–149.
- Казенин 1997 — К. И. Казенин. Синтаксические ограничения и пути их объяснения (на материале дагестанских языков). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1997.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН, 2001.
- Калинина, Толдова 1999 — Е. Ю. Калинина, С. Ю. Толдова. Атрибутивизация // А. Е. Кибрик, Я. Г. Тестелец (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. С. 377–419.

- Магометов 1965 — А. А. Магометов. Табасаранский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1965.
- Магометов 1970 — А. А. Магометов. Агульский язык. Тбилиси: Мецниереба, 1970.
- Майсак 2007 — Т. А. Майсак. Видо-временные системы лезгинских языков. 1. Формы от инфинитива // М. Е. Алексеев (ред.). Кавказский лингвистический сборник. Вып. 19. М.: Academia, 2007. С. 69–80.
- Майсак 2008 — Т. А. Майсак. Семантика и происхождение глагольных форм настоящего и будущего времени в удинском языке // Удинский сборник: грамматика, лексика, история языка / Ред. кол.: М. Е. Алексеев (отв. ред.), Т. А. Майсак (отв. ред.), Д. С. Ганенков, Ю. А. Ландер. М.: Academia, 2008. С. 162–222.
- Майсак 2010 — Т. А. Майсак. Видо-временные системы лезгинских языков. 2. Формы на основе локативной модели // М. Е. Алексеев (ред.). Кавказский лингвистический сборник. Вып. 20. М.: Советский писатель, 2010. С. 63–76.
- Майсак, Мерданова 2002a — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Глагольная система хпюкского говора агульского языка. Рукопись. 2002.
- Майсак, Мерданова 2002б — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Система пространственных превербов в агульском языке // В. А. Плулган (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 251–294.
- Майсак, Мерданова 2002 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Категория эвиденциальности в агульском языке // Кавказоведение 1, 2002в. С. 102–112.
- Майсак, Мерданова 2003 — Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова. Будущее время в агульском языке в типологической перспективе // Вопросы языкознания 6, 2003. С. 76–107.
- Маслов 1983 — Ю. С. Маслов. Результатив, перфект и глагольный вид // В. П. Недеялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, стив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
- Сулейманов 1993 — Н. Д. Сулейманов. Сравнительно-историческое исследование диалектов агульского языка. Махачкала: ДНЦ РАН, 1993.
- Сумбатова 2002 — Н. Р. Сумбатова. Глагольная система и структура предложения (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания. М.: Индрик, 2002. С. 355–380.
- Сумбатова 2004 — Н. Р. Сумбатова. Коммуникативные категории и система глагола (о некоторых типологических особенностях дагестанского глагола) // 40 лет Санкт-Петербургской типологиче-

- ской школе / Ред. кол.: В. С. Храковский, А. Л. Мальчуков, С. Ю. Дмитренко. М.: Знак, 2004. С. 487–504.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. *Есть — бывает — будет*: на пути грамматикализации // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3. Ирреалис и ирреальность. М.: Русские словари, 2004. С. 226–256.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные аспектуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Alekseev 1994 — М. Е. Alekseev. Rutul // R. Smeets. (ed.). The indigenous languages of the Caucasus. Vol. 4. Part 2. Delmar, NY: Caravan books, 1994. P. 213–258.
- Authier 2009 — G. Authier. Grammaire Kryz (langue caucasique d'Azerbaïdjan, dialecte d'Alik). Paris: Peeters, 2009.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Comrie, Polinsky 1999 — B. Comrie, M. Polinsky. Form and function in syntax: relative clauses in Tsez // M. Darnell et al. (eds.). Functionalism and Formalism in Linguistics. Vol. II: Case Studies. Amsterdam: Benjamins, 1999. P. 77–92.
- Harris 2001 — A. C. Harris. Focus and universal principles governing simplification of cleft structures // J. T. Faarlund (ed.). Grammatical Relations in Change. Amsterdam: Benjamins, 2001. P. 159–170.
- Harris 2002 — A. C. Harris. Endoclitics and the origins of Udi morphosyntax. Oxford: Oxford University Press, 2002.
- Haspelmath 1993 — M. Haspelmath. A grammar of Lezgian. Berlin: Mouton de Gruyter, 1993.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // *Diachronica* 15, 1, 1998. P. 29–62.
- Kalinina, Sumbatova 2007 — E. Kalinina, N. Sumbatova. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian languages // I. Nikolaeva (ed.). Finiteness: Theoretical and Empirical Foundations. Oxford: Oxford University Press, 2007. P. 183–249.
- Komen 2007 — E. R. Komen. Focus in Chechen. MA Diss. Leiden university/SIL International, 2007.
- Lambrecht 1994 — K. Lambrecht. Information Structure and Sentence Form. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Lambrecht 2001 — K. Lambrecht. A framework for the analysis of cleft constructions // *Linguistics* 39, 2001. P. 463–516.

- Maisak 2011 — T. Maisak. The Present and the Future within the Lezgian tense and aspect systems // G. Authier, T. Maisak (eds.). Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages. (*Diversitas Lingvarum*, 30) Bochum: Brockmeyer, 2011. P. 25–66.
- Maisak, Merdanova to appear — T. Maisak, S. Merdanova. Reported speech and “semi-directness” in Agul // M. Daniel, T. Maisak (eds.). Reported speech in East Caucasian languages, to appear.
- Nichols 2010 — J. Nichols. *Ingush Grammar*. Berkeley: University of California Press, 2010.
- Tatevosov 2001 — S. G. Tatevosov. From resultatives to evidentials: Multiple uses of the perfect in Nakh-Daghestanian languages // *Journal of Pragmatics* 33, 2001. P. 443–464.
- Tatevosov 2005 — S. G. Tatevosov. From habituals to futures: discerning the path of diachronic development // H. Verkuyl, H. De Swart, A. Van Hout (eds.). *Perspectives on aspect*. Dordrecht: Springer, 2005. P. 181–197.

СТАНОВЛЕНИЕ КАТЕГОРИИ АСПЕКТА В ГРУЗИНСКОМ ЯЗЫКЕ

В центре настоящего очерка — история категории аспекта в грузинском языке. Наиболее подробно рассматриваются вопросы грузинской глагольной префиксации.

0.1. Грузинский язык: общие сведения. Грузинский язык принадлежит к картвельской (южнокавказской) семье, в которую, помимо него, входят сванский, мегрельский и лазский языки. Грузинская литературная традиция имеет непрерывную пятнадцативековую историю и характеризуется большим жанровым разнообразием. Периодизация языка традиционно включает в себя три основных этапа: древнегрузинский (V–XI вв.), среднегрузинский (XII–XVIII вв.) и новогрузинский (начиная с XVIII в.), причем на каждом из этих этапов можно выделить временные периоды меньшего охвата (например, классический древнегрузинский, ранний среднегрузинский и пр.).

С типологической точки зрения в грузинском языке особый интерес представляют богатая система частиц и клитик, полиперсональный глагол, характеризующийся крайне сложной морфологией, а также эргативно-аккузативный морфосинтаксис, находящийся в непосредственной зависимости от грамматической характеристики формы глагола-сказуемого.

0.2. Грузинский глагол: общие сведения. Грузинский глагол имеет агглютинативную организацию, включающую в себя до 12 аффиксальных слотов, заполняемых либо одним аффиксом (как, например, *d-* в слоте +2), либо одним из нескольких аффиксов, находящихся в отношении дополнительной дистрибуции (как, например, *-am*, *-eb*, *-ob* и пр. в слоте +3)¹. Целый ряд аффиксов, в частности, субъектный маркер 3 лица, может кумулятивно

---

¹ Наиболее компактным описанием картвельского глагольного словоизменения на примере грузинского языка является раздел в статье [Boeder 2005: 21–41], хотя и в этой работе остался неосвещенным целый

выражать значения лица, числа и наклонения (ср. *movid-a* ‘он пришел/приехал ко мне/к тебе’², где суффикс *-a*, являющийся показателем 3 лица и относящийся к слоту +8, помимо этого, выражает такие категории, как единственное число, индикатив и аорист).

Таблица 1

Позиционная модель морфологии грузинского глагола

-3	-2	-1	0	+1	+2	+3	+4	+5	+6	+7	+8	+9
PRV	S/O	VER	R	R.EXT	INCH. PASS	SM	CAUS	CAUS.SM	IMPF/ AUX	IND/IMP/ CONJ/COND	S	PL

Одновременное заполнение определенных слотов может быть принципиально невозможным, как, например, в случае со слотами +2 и +4, или же приводить к переосмыслению комбинации аффиксов (например, аспектного преверба, -3, и показателя имперфекта, +6) и возникновению нового грамматического значения (кондиционал/хабитуалис), ср. *c'er-d-a* ‘он писал это’ и *da-c'er-d-a* ‘то он написал бы это/он обычно писал это’.

Минимальная модель финитной глагольной словоформы требует заполнения трех слотов: -2, 0 и +8, ср. примеры (1) и (2); таким образом, единственной категорией, которая обязательно должна быть выражена в глаголе, является лицо, в то время как другая согласовательная категория, число, может быть выражена как отдельно, ср. пример (3), так и кумулятивно, ср. пример (4).

(1) <i>mc'ers</i> MGEO m-c'er-s O1-писать-S3SG ‘он пишет мне это’	(2) <i>tkva</i> MGEO ø-tkv-a O3-сказать-S3SG.PRT ‘он сказал это’
(3) <i>mc'ert</i> MGEO m-c'er-ø-t O1-писать-S1/2-PL ‘вы пишете мне это’	(4) <i>tkves</i> MGEO ø-tkv-es O3-сказать-S3PL.PRT ‘они сказали это’

ряд вопросов частного характера, которые, вероятно, требуют дальнейшего обсуждения.

² Здесь и далее при переводе примеров, в случае если речь идет о 3 лице, первый аргумент условно переводится как ‘он’ или ‘они’, второй аргумент – как ‘его’ или ‘это’, третий – как ‘ему’, ‘для него’.

Личные согласовательные показатели подразделяются на субъектные и объектные. Первые могут употребляться как префиксально, так и суффиксально, тогда как вторые появляются только в префиксальной позиции, причем в случае наложения на единственный показатель субъектного ряда, который имеет в современном грузинском языке материальный экспонент (маркер 1 лица *v-*), объектные показатели оказываются иерархически выше и вытесняют его, ср. пример (5); единственным исключением из этого правила является комбинация субъектного показателя 1 лица *v-* и показателя косвенного объекта *s-* (с сохранением обоих формантов), унаследованная из древнегрузинского³, ср. пример (6).

(5) <i>gc'er</i>	(6) <i>vsc'er</i>
MGEO <i>g-c'er-ø</i>	MGEO <i>v-s-c'er-ø</i>
O2-писать-s1/2	S1-O3-писать-s1/2
'я пишу тебе это'	'я пишу ему это'

Различия в лично-числовом согласовании и используемой системе соответствующих маркеров лежат в основе традиционного деления грузинских глаголов на активные, медио-активные, медио-пассивные и инверсивные, т. е. глаголы восприятия и обладания (в терминологии А. Г. Шанидзе).

Особого внимания в грузинском глаголе заслуживают предкорневые гласные, занимающие слот -1. Они могут выражать такие категории, как версия (7–10), каузатив, в выражении которого также задействован суффикс, относящийся к слоту +4 (11), а также пассив и потенциалис, которые различают абсолютные и релятивные формы (12, 13). Показатель субъектной версии может функционировать подобно деривационным превербам, которые отвечают за перфективизацию (16, 17). Кроме того, предкорневой гласный может быть пустым аффиксом и не нести никакой грамматической информации (14, 15), в т.ч. не изменять аргументной структуры глагола. Следует, однако, отметить, что в большинстве таких случаев мы имеем дело с десемантизованными каузативами или фактитивами.

---

³ Древнегрузинский глагол различал два префиксальных слота для личных показателей — субъектный и объектный.

(7) <i>c'ers</i> MGEO $\emptyset$-c'er-s O3-писать-S3SG 'он пишет это'	(8) <i>uc'ers</i> MGEO $\emptyset$-u-c'er-s O3-VERO-писать-S3SG 'он пишет это для него'
(9) <i>ic'ers</i> MGEO $\emptyset$-i-c'er-s S2/3-VERS-писать-S3SG 'он пишет это для себя/записывает это'	(10) <i>ac'ers</i> MGEO $\emptyset$-a-c'er-s O3-VERL-писать-S3SG 'он пишет то на этом'
(11) <i>ac'erinebs</i> MGEO $\emptyset$-a-c'er-in-eb-s O3-CAUS-писать-CAUS-CAUS.SM-S3SG 'он заставляет его/помогает ему писать это'	
(12) <i>ic'ereba</i> MGEO $\emptyset$-i-c'er-eb=a S2/3-PASS/POT-писать-SM=S3SG 'это пишется/можно написать'	
(13) <i>ec'ereba</i> MGEO $\emptyset$-e-c'er-eb=a O3-REL.PASS/POT-писать-SM=S3SG 'это пишется им/ему, у него получается написать это'	
(14) <i>ak'eteb-s</i> MGEO $\emptyset$-a-k'et-eb-s O3-VERN-делать-SM-S3SG 'он делает это'	(15) <i>ašenebs</i> MGEO $\emptyset$-a-šen-eb-s O3-VERN-строить-SM-S3SG 'он строит это'
(16) <i>itamaša</i> MGEO $\emptyset$-i-tamaš-a S_{2/3}-PRF-играть-S3SG.AOR 'он сыграл'	(17) <i>itamašeb-s</i> MGEO $\emptyset$-i-tamaš-eb-s S_{2/3}-PRF-играть-SM-S3SG 'он сыграет'

Система времен включает в себя двенадцать парадигм (далее: скрипов, в терминологии А. Г. Шанидзе), распределенных в соответствии со своими морфологическими признаками — такими, как тип основы, тип согласования и морфосинтаксические параметры глагола — по трем группам, или сериям времен. В I серию времен входят парадигмы индикатива имперфекта, индикатива и

конъюнктива настоящего времени, а также индикатива, конъюнктива и кондиционала будущего времени; II серия содержит парадигмы индикатива и конъюнктива аориста, а также парадигму императива; III серия, перфектная, объединяет два результата и результативный конъюнктив.

Как отмечал Г. А. Климов, «простое предложение характеризуется отчетливой вербоцентрической структурой» [Климов 1986: 75], в связи с чем временная отнесенность высказывания и — в особой степени — морфологические свойства глагольной формы, относящейся к той или иной серии, напрямую влияют на падежное кодирование актантов.

Таблица 2

Падежное кодирование актантов

I серия			II серия			III серия		
AG1			AG1			AG1		
NOM			NOM			NOM		
AG2		PT2	AG2		PT2	AG2		PT2
NOM		DAT	ERG		NOM	DAT		NOM
		PT1			PT1			PT1
		NOM			NOM			NOM

Данная таблица в общем виде представляет падежное кодирование актантов в зависимости от серии, к которой относится форма глагола-сказуемого. Тем не менее, некоторые медиальные глаголы с тематическими суффиксами *-ob*, *-eb*, *-av*, *-i* в основе, используемой временами I серии, требуют кодирования первого аргумента эргативом во II серии и дативом в III серии вне зависимости от того, агенс это (*imɣera* ‘онERG спел’, *umɣeria* ‘онDAT, оказывается, спел’) или пациенс (*da-amtknara* ‘онERG зевнул’, *da-umtknarebia* ‘онDAT, оказывается, зевнул’), т. е., иными словами, ведут себя как двухместные глаголы⁴.

1. Аспект в новогрузинском языке

Грузинский глагол различает перфектив и имперфектив. Кроме того, регулярный характер имеет систематическое выра-

⁴ Данная проблематика была подробно рассмотрена в работе [Holisky 1981].

жение таких аспектуальных значений, как инхоатив, комплетив, хабиуталис и мультипликатив.

1.1. Имперфектив и перфектив. Основным способом образования перфективных форм является префиксация, в ходе которой могут быть задействованы как словообразовательные превербы, так и показатель субъектной версии *i-*.⁵

Система превербов включает в себя 9 простых и 6 сложных компонентов, каждый из которых в глаголах движения и перемещения в обязательном порядке маркирует дейксис — ближний (*mo-* ‘сюда’, *a=mo-* ‘вверх’, *ča=mo-* ‘вниз/вниз и внутрь’, *ga=mo-* ‘наружу’, *še=mo-* ‘внутри’, *gad=mo-* ‘через’ и *s’a=mo-* ‘прочь, вперед’), дальний (*mi-* ‘туда’, *a-* ‘вверх’, *ča-* ‘вниз/вниз и внутрь’, *ga-* ‘наружу’, *še-* ‘внутри’, *gada-* ‘через’ и *s’a-* ‘прочь, вперед’) или неопределенный (*da-* ‘туда-сюда’).

В глаголах движения и перемещения, например, таких, как *mo-svla/mi-svla* ‘приходить/приезжать’ или *mo-q’vana/mi-q’vana* ‘приводить/привозить’, превербы обладают ярко выраженной пространственной семантикой и являются обязательной частью любой словоформы, в связи с чем противопоставление типа «глагол без преверба — глагол с превербом» у этих глаголов отсутствует, а преверб, в свою очередь, с перфективизацией функционально не связан⁶.

Между тем, именно это противопоставление является определяющим для глаголов, не обладающих ярко выраженной пространственной семантикой, но использующих пространственные превербы для образования перфективных форм⁷.

⁵ Отдельно следует упомянуть небольшое количество лексем, унаследованных из древнегрузинского, не использующих превербов для перфективизации. Сюда относятся такие формы, как *hk’itxa* ‘он спросил его’, *brzana* ‘он сказал/приказал это’, *get’q’vis* ‘он скажет тебе это’ и пр.

⁶ Данное положение, однако, верно только для переносных значений пространственных глаголов. Так, например, глагол *at’ana* ‘поднимать наверх’ имеет непространственное переносное значение ‘выносить, терпеть’, и представлен как перфективными (*a-it’ans* ‘он вынесет, стерпит это’, *a-it’anda* ‘он вынес бы, стерпел бы это’), так и имперфективными формами (*it’ans* ‘он выносит, терпит это’, *it’anda* ‘он выносил, терпел это’), причем последние характеризуются отсутствием преверба.

⁷ Механизмы десемантизации превербов в картвельских языках и, в частности, в грузинском, непосредственно связаны с эффектом Вея-

(18) <i>ak'etebs</i> MGEO $\emptyset$-a-k'et-eb-s O3-VERN-делать-SM-S3SG 'он делает это'	(19) <i>gaak'etebs</i> MGEO ga-$\emptyset$-a-k'et-eb-s PRV-O3-VERN-делать-SM-S3SG 'он делает это'
(20) <i>ak'eta</i> MGEO $\emptyset$-a-k'et-a O3-VERN-делать-S3SG.PRT 'он делал это'	(21) <i>gaak'eta</i> MGEO ga-$\emptyset$-a-k'et-a PRV-O3-VERN-делать-S3SG.PRT 'он сделал это'
(22) <i>uk'etebia</i> MGEO $\emptyset$=u-k'et-eb-i-a O3=VERO-делать-SM-IND-S3 'он, оказывается, делал это'	(23) <i>gauk'etebia</i> MGEO ga-$\emptyset$=u-k'et-eb-i-a PRV-O3=VERO-делать-SM- IND-S3 'он, оказывается, сделал это'

Приведенные примеры иллюстрируют перфективную функцию преверба; здесь обнаруживается определенная асимметричность упоминавшегося выше традиционного распределения скривов по сериям: если к I серии относятся морфологически дублирующие друг друга формы, противопоставленные по принципу «глагол без преверба — глагол с превербом» (индикатив и конъюнктив настоящего времени, а также имперфект, с одной стороны, и индикатив, конъюнктив и кондиционал будущего времени, с другой), то во II и III сериях каждый скрив может содержать формы как с превербом, так и без него. В нормативных описаниях беспревербные скривы II и III серий, как правило, не упоминаются. Причиной тому служит, главным образом, ограниченный характер употребления беспревербных форм аориста, императива и перфекта у большинства глаголов, которые продолжают употребляться лишь в определенных контекстах с отчетливой семантикой незавершенности, ср. (24).

- (24) *itmina didxans, magram veyar moitmina.*
 MGEO $\emptyset$ -i-tmin-a didxans
 O3-VERS-сопротивляться-S3SG.PRT долго

Схоневельда (эффект семантического резонанса), впервые описанном в работах [Vey 1952; Schooneveld 1958, 1978]. Картвельская проблематика была рассмотрена в статье [Rostovtsev-Popiel 2008].

magram veγar mo-ø-i-tmin-a
 но NEG PRV-O3-VERS-сопротивляться-S3SG.PRT
 ‘он долго не поддавался [искушению], но не выдержал и
 поддался’ Важа Пшавела, «Свадьба соек», цит. по [Tuite
 1993: 9].

Глагол *itmina* представляет собой форму лимитативного аориста (*atelic aorist*, в терминологии К. Тьюта), и фокус оказывается на самом процессе в его протекании, тогда как форма *moitmina* является пунктивной (*telic aorist*) и переносит фокус на факт завершения процесса.

(25) *k'la, k'la, magram ver dak'la.*

MGEO ø-k'[a]l-a ø-k'[a]l-a magram ver
 O3-убивать-S3SG.PRT O3-убивать-S3SG.PRT но NEG
da-ø-k'[a]l-a
 PRV-O3-убивать-S3SG.PRT
 ‘Он резал-резал [животное], да не зарезал’.

В примере (25) форма *dak'la* ‘он убил, зарезал его (животное)’ может быть заменена на *mok'la* ‘он убил его (человека)’, что повлияет на значение высказывания в целом, но не затронет беспревербные формы глагола ‘убивать’, которые начинают высказывание: предложение останется грамматичным. Между тем, вопрос о том, *животное* или *человек* является объектом действия, зависит в данном случае от того, какой преверб употреблен в перфективной форме глагола ‘убивать’ — *da-* или *mo-*. Таким образом, одной имперфективной форме может быть противопоставлено две или более перфективных формы, а ее лексическое значение можно определить только по контексту⁸.

Так, в случае с глаголом *še-k'eteba* ‘починить, отремонтировать’ (26) расшифровка нужного преверба — *še-*, а не *ga-* (*ga-k'eteba* ‘сделать’) или *mo-* (*mo-k'eteba* ‘вылечить’) — даже в рамках ограниченного контекста трудностей не вызывает:

⁸ Здесь следует отметить, что в грузинском языке нет показателей вторичного имперфектива, подобных русскому суффиксу *-ива/-ыва*, позволяющих сохранить тот семантический компонент, который добавляет к значению глагольного корня преверб.

(26) *otari zvel mankanas mik'etebs.*

MGEO otar-i zvel mankana-s m-i-k'et-eb-s

Отар-NOM старый машина-DAT O1-VERO-делать-SM-S3SG
'Отар чинит мне [мою] старую машину'.

Однако в других случаях, когда речь идет об употреблении имперфективного глагола, которому соответствуют две перфективные лексемы с диаметрально противоположными значениями (например, *ča-rtva* 'включить' и *gato-rtva* 'выключить'), уверенная интерпретация высказывания, в частности, в презенсе или имперфекте оказывается невозможной⁹.

(27) *otari šuks rom rtavda, ševedi.*

MGEO otar-i šuk-s rom ø-rt-av-d-a

Отар-NOM свет-DAT CMPL O3-?-SM-IMPV-S3SG.PRT

še-[v]-ved-i-ø

PRV-[S1]-идти.PRT-IND-S1/2

'Я вошел [в комнату], когда Отар включал (?) / выключал (?) свет'.

Как уже говорилось выше, перфектив может маркироваться не только за счет преверба, но и при помощи показателя субъектной версии *i-*. Целый ряд глаголов использует данную модель, причем некоторые глаголы присоединяют этот формант без последствий для своей морфологической структуры, как, например, глагол *k'ank'ali* 'дрожать':

(28) *k'ank'alebs*

MGEO ø-k'ank'al-eb-s

S2/3-дрожать-SM-S3SG

'он дрожит'

(29) *ik'ank'alebs*

MGEO ø-i-k'ank'al-eb-s

S2/3-PRF-дрожать-SM-S3SG

'он вздрогнет, задрожит'

У других образование перфективных форм затрагивает т. наз. тематический суффикс (*series marker*, в традиционной англоязычной терминологии), приводя к его частичному изменению, как в случае с глаголом *tamaši* 'играть', или полной замене, как в случае с глаголом *q'idva* 'покупать'.

⁹ Видимо, именно в силу недостаточной информативности имперфективных форм, в том числе форм настоящего времени, в разговорных жанрах основным временем повествования является будущее. (*Придет грузин к врачу и скажет...* (= рус. *Приходит грузин к врачу и говорит...*))

(30) <i>tamašobs</i> MGEO $\emptyset$-tamaš-ob-s S2/3-играть-SM-S3SG ‘он играет’	(31) <i>itamašebš</i> MGEO $\emptyset$-i-tamaš-eb-s S2/3-PRF-играть-SM-S3SG ‘он сыграет’
(32) <i>q'idulobs</i> MGEO $\emptyset$-q'id-ul-ob-s O3-купить-R.EXT-SM-S3SG ‘он покупает то’	(33) <i>iq'idis</i> MGEO $\emptyset$-i-q'id-i-s O3-PRF-купить-SM-S3SG ‘он купит то’

Также заслуживают внимания немногочисленные глаголы, у которых упомянутые модели перфективизации используются одновременно, например, *k'itxva /c'a-k'itxva* ‘читать/прочсть’.

(34) <i>k'itxulobs</i> MGEO $\emptyset$-k'itx-ul-ob-s O3-читать-R.EXT-SM-S3SG ‘он читает это’	(35) <i>c'aik'itxavs</i> MGEO c'a-$\emptyset$-i-k'itx-av-s PRV-O3-PRF-читать-SM-S3SG ‘он прочтет это’

1.2. Периферийные аспектуальные значения. Среди других имеющих в современном грузинском языке аспектуальных значений необходимо упомянуть инхоатив, комплетив, хабитуалис и мультипликатив.

Инхоативы (*d*-суффиксальные глаголы) составляют обширную группу преимущественно отадъективных лексем, которые имеют только имперфективные формы. Соответствующие им перфективные глаголы образуются от них при помощи превербов и объединяются в акциональный класс комплетивов.

- (36) *p'amidvrebi uk've unda mc'ipdes.*
 MGEO p'amid[o]r-**eb**-i uk've unda
 помидор-PL-NOM уже MOD
 $\emptyset$ -mc'ip-**d**-e-s
 S2/3-поспеть-INCH.PASS-SM-IMPf-CONJ-S3SG
 ‘Помидоры уже должны начинать наливаться’.

- (37) *p'amidvrebi mašin unda damc'ipdes.*
 MGEO p'amid[o]r-**eb**-i mašin unda
 помидор-PL-NOM тогда MOD
 da- $\emptyset$ -mc'ip-**d**-e-s
 PRV-S2/3-поспеть-INCH.PASS-CONJ-S3SG
 ‘Тогда помидоры должны поспеть’.

Кроме того, инхоативы могут быть маркированы присоединением преверба *da-* к медиальным глаголам, образующим перфективные формы за счет показателя субъектной версии, ср. примеры (38, 39) [Tuite 1993: 10].

(38) <i>ilap'arak'a</i> MGEO $\emptyset$-i-lap'arak'-a S2/3-PRF-говорить- S3SG.PRT 'он говорил'	(39) <i>dailap'arak'a</i> MGEO da-$\emptyset$-i-lap'arak'-a PRV-S2/3-PRF-говорить- S3SG.PRT 'он заговорил, начал говорить'

Хабитуалис омонимичен форме кондиционала будущего времени.

- (40) *saxlši rom čamovdiodit, deda supras gagvišlida.*
 MGEO saxl-ši rom ča=mo-v-di-od-i- $\emptyset$ -t
 дом-LOC1 CMPL PRV=PRV-S1-идти.PRS-IMPF-IND-S1/2-PL
 deda- $\emptyset$ supra-s
 мать-NOM стол-DAT
ga-gv-i-š[a]l-i-d-a
PRV-O1PL-VERO-накрыть-SM-IMPF-S3SG.PRT
 'Когда мы приезжали домой, мама накрывала для нас стол'.

Мультипликативные конструкции являются аналитическими и возникают в результате присоединения к глаголу частицы *xolme* 'бывало, бывает'.

- (41) *babuačemi ak iq'o xolme.*
 MGEO babua-čem-i ak $\emptyset$ -i-q'w-o xolme
 дед-мой-NOM здесь S2/3-VERS-быть.PRT-S3SG.PRT MULT
 'Мой дед здесь бывал'.

- (42) *manamde bazrobaze davdiodit xolme da...*
 MGEO manamde bazroba-ze da-v-di-od-i- $\emptyset$ -t
 до тех пор базар-LOC2 PRV-S1-идти.PRS-IMPF-IND-S1/2-PL
 xolme da
 MULT и
 'До того времени мы, бывало, ходили на базар и...'

- (43) *am c'igns c'avik'itxav xolme.*
 MGEO am c'ign-s c'a-v-i-k'itx-av- $\emptyset$ xolme
 этот.OBL книга-DAT PRV-S1-PRF-прочсть-SM-S1/2 MULT
 'Я буду читать/почитывать эту книгу время от времени'.

Использование частицы *xolme*, как видно из примера (43), не позволяет ей в полной мере передавать значения имперфективного будущего времени русского типа ('буду читать') в силу отсутствия в ее семантике такого компонента, как дуративность.

По всей вероятности, именно необходимость заполнить данную лакуну в системе доступных аспектуальных значений привела к возникновению в разговорной речи носителей мегрельского языка особой конструкции, которая достаточно емко отражает дуративность русского имперфективного будущего. Эта конструкция представляет собой прямой перевод с мегрельского, в котором подобные значения кодируются сочетанием формы конъюнктива будущего времени и вспомогательного глагола *iʒuapu* 'он будет'.

(44) *p'ark'si ramden xans iseirnebdet ikneba?*

MGEO p'ark'-ši ramden xan-s
 парк-LOC1 сколько срок-DAT
 ø-i-seirn-eb-d-e-ø-t ikneba
 S2/3-PRF-гулять-SM-IMPF-CONJ-S1/2-PL DUR.FUT
 'Сколько времени вы будете гулять по парку?'

Ниже для сравнения приводится исходная мегрельская конструкция:

(45) *p'ark'is muzma xans seirnedatən iʒuapu?*

MEGR p'ark'-i-s muzma xan-s
 парк-R.EXT-DAT сколько срок-DAT
 ø-seirn-en-d-a-ø-t-ə-n[i] iʒuapu
 S2/3-гулять-SM-IMPF-CONJ-S1/2-PL-EV-CMPL DUR.FUT
 'Сколько времени вы будете гулять по парку?'

2. Аспект в древнегрузинском языке

Организация видо-временной системы в древнегрузинском языке подразумевала формальное и семантическое противопоставление между глагольными парадигмами, входившими в I и II серии. I серия была имперфективной и различала формы прошедшего и непрошедшего времени, тогда как II серия была перфективной и морфологизованного противопоставления между формами прошедшего и непрошедшего времени не имела, в связи с чем древнегрузинский аорист также принято называть пермансивом [Harris 1985]; более позднее переосмысление аориста

именно как временной категории, как заключает Х. Маннинг, вторично и обусловлено частотным употреблением данной формы для обозначения завершенного действия [Manning 1997: 534].

Х. Маннинг иллюстрирует устройство I и II серий следующим образом [ibid. 532]:

Таблица 3

**Частичная парадигма глагола
a-did-eb- ‘возвеличивать’ (S3, O3)**

	I серия		II серия
	основа: a-did-eb-		основа: a-did-
	непрошедшее	прошедшее	не определено
индикатив	a-did-eb-s	a-did-eb-d-a	a-did-a
хабитуалис	a-did-eb-n	a-did-eb-d-i-s	a-did-i-s
будущее время	a-did-eb-d-e-s		a-did-o-s

Приведенные в таблице примеры свидетельствуют о том, что противопоставление между имперфективом и перфективом кодировалось в древнегрузинском при помощи т. наз. тематического суффикса (в данном случае — *-eb*), который являлся маркером скрипов I серии. В то же время наличие или отсутствие преверба на аспектуальные характеристики форм I и II серии никоим образом не влияло.

Так, в примере (46) преверб *mi-* ‘туда’ имеет только пространственно-дейктическую семантику.

(46) *me migavlineb tkuen, vitarca cxovarta, šoris mgelta.*

OGEO me **mi**-g-a-vl-in=eb-ø tkuen

я:NOM PRV-O2-CAUS-идти-CAUS-S1/2 вы:DAT

vitarca cxovar-ta šoris mgel-ta

как овца-PL.OBL среди волк-PL.OBL

‘Я посылаю вас, как овец/агнцев среди волков’ [Матфей 10, 16; Лука 10, 3], цит. по [Imnaišvili, Imnaišvili 1996: 421]

В современном грузинском языке формы каузатива от глагола ‘идти’ отсутствуют, в связи с чем форме *migavlineb* сейчас соответствует другая лексема — *ggzavnit* (47), тогда как параллельная ей перфективная форма, *gaggzavnit* (48), по своей временной отнесенности исходной форме не соответствует.

(47) <i>ggzavnit</i> MGEO <i>g-gzavn-i-ø-t</i> O2-посылать-SM-S1/2-PL ‘я посылаю вас’	(48) <i>gaggzavnit</i> MGEO ga-g-gzavn-i-ø-t PRV-O2-посылать-SM-S1/2-PL ‘я пошлю вас’

С другой стороны, крайне частотны примеры, в которых, несмотря на наличие преверба, глагол остается имперфективным.

- (49) *da ze aydga igi da ic'q'o sit'q'uad...*
 OGEO *da ze ay-ø-dg-a igi*
 и вверх PRV-S3-стоять-S3SG.PRF он:NOM
da ø-i-c'q'-o sit'q'u-ad
 и S3-VERS-начинать-S3SG.PRF слово-ADV
 ‘И поднялся он [мертвый] и начал говорить...’ [Лука 7, 15]

3. Превербы в древнегрузинском языке

Система превербов в древнегрузинском языке была организована более сложным образом, нежели описанная выше система, представленная в современном грузинском. Под сложностью в данном случае подразумевается количество простых и сложных компонентов, а также их сочетаемостные характеристики.

В имеющихся текстах было найдено 40 превербов и их сателлитов¹⁰ (9 простых и 31 сложный), в том числе маркировавших дальний дейксис (*mi-* ‘туда’, *uk'u(n)-* ‘назад’, *c'ar-* ‘прочь, вперед’, *c'i=ay-* ‘через’, *c'i=ay=mi-* ‘через’, *c'i=na-* ‘вперед’, *c'i=na=da-* ‘вперед’, *še-* ‘внутри’, *ši=na-* ‘внутри’, *gan-* ‘наружу’, *ay-* ‘вверх’, *da-* ‘вниз’, *šta-* ‘вниз и внутрь’, *gar(e)=da-* ‘через, снаружи’, *kue-* ‘вниз’, *ze-* ‘вверх’, *kue=da-* ‘вниз’, *kue=na-* ‘вниз’, *ze=da-* ‘вверх’, *ze=na-* ‘вверх’, *ze=da=da-* ‘вверх’, *ze=na=da-* ‘вверх’) и ближний дейксис (*mo-* ‘сюда’, *uk'u=mo-* ‘назад’, *c'ar=mo-* ‘прочь, вперед’, *c'i=ay=mo-* ‘через’, *še=mo-* ‘внутри’, *ši=na=mo-* ‘внутри’, *ga=mo-* ‘наружу’, *ay=mo-* ‘вверх’, *da=mo-* ‘вниз’, *šta=mo-* ‘вниз и внутрь’, *gar(e)da=mo-* ‘через, снаружи’, *kue=mo-* ‘вниз’, *ze=mo-* ‘вверх’, *kue=da=mo-* ‘вниз’, *kue=na=mo-* ‘вниз’, *ze=da=mo-* ‘вверх’, *ze=na=mo-* ‘вверх’). В специальной литературе также отмечалось наличие элементов с неопределенной дейктической семантикой (*mi=mo-* ‘туда=сюда’, *mi=mo=da-*

¹⁰ Их также принято называть квази-превербами.

‘туда=сюда (вниз)’) [Vešar’ize 1967; Saržvelaze 1997: 87–89]. Следует отметить, что большая часть данных компонентов этимологически связана с древнегрузинскими и пракартвельскими пространственными наречиями [Klimov 1998; Penixi, Saržvelaze 2000; Fähnrich 2007].

Некоторые компоненты системы, в частности, *kue-*, *ze-*, а также их дериваты, дополнительно характеризуют действие того или иного глагола, могли располагаться как перед ним, так и позади него. Другие, например, *ze=da=(mo-)*, могли функционировать не только как превербы, но и как послелогов, ср. пример (50).

(50) *zedamovides maxvili... sisxli misi tavsa zeda missa iq’os.*

OGEO **ze=da**=mo-ø-vid-e-s maxvil-i sisxl-i
PRV=PRV=PRV-S3-идти.PRT-FUT-S3SG меч-NOM кровь-NOM
 m-is-i tav-sa **ze=da** m-is-sa
 тот-GEN-NOM голова-DAT **POSTP=POSTP** тот-GEN-DAT
 ø-i-q’w-o-s
 S3-PASS-быть-CONJ-S3SG

‘Меч опустится сверху... кровь его пусть будет на его собственной голове’. [Езекииль 33, 4]

Особого внимания при рассмотрении древнегрузинской префиксации заслуживает такое явление, как тмесис, изучению которого были посвящены работы М. Керки [Cherchi 1994, 1997, 2004] и В. Бёдера [Boeder 2006]. Тмесис, известный только по древнегрузинским текстам, подразумевал появление клитики между превербом и финитной формой глагола¹¹. Примеры (51) и (52) иллюстрируют данное явление.

(51) *tkuen šearaxvalt...*

OGEO tkuen še-**ara**-x-val-ø-t
 вы:NOM PRV-NEG-S2-идти.FUT-S1/2-PL

‘Вы туда не войдете...’ [Матфей 23, 14] цит. по [Boeder 2006: 633]

(52) *mivinmeavlinnes misa parisevelni...*

OGEO mi-**vinme**-ø-a-vl-in-n-es m-isa
 PRV-**кое-кто**-O3-CAUS-идти-CAUS-OPL-S3PL.PRF тот-DIR

¹¹ Полный список данных клитик (частиц, союзов и местоимений) можно найти в книге [Imnaišvili, Imnaišvili 1996: 19–21].

parisevel-n-i

фарисей-PL-NOM

‘И послали к Нему некоторых фарисеев...’ [Марк 12, 13]
цит. по [Boeder 2006: 15]

Существует точка зрения, согласно которой тмесис мог появиться в древнегрузинских текстах под влиянием древнегреческого языка, послужившего языком-оригиналом при переводе текстов Нового Завета, в частности, как способ передачи греческого тмесиса [ibid.: 18]. В связи с этим дать однозначный ответ на вопрос, была ли взята данная модель из живого языка, изобретена *ad hoc* переводчиками Нового Завета или же являлась чертой, присущей только письменной речи, едва ли возможно. Тем не менее, есть основания полагать, что данное явление возникло независимо от иноязычного влияния, подтверждением чему служит наличие элементов тмесиса в непереводаемом тексте V века «Мученичество святой царицы Шушаник».

Следует отметить, что превербы обладали определенным потенциалом к полуавтономному использованию не только в древнегрузинский, но и в среднегрузинский период¹². Так, например, они могли употребляться анафорически, при утвердительном ответе на общий вопрос.

(53) *mibrzana: mogec'onao? movaqsene: tometki.*

MLGEO mi-ø-brzan-a

mo-v-a-qsen-e-ø

O1-VERO-сказать-S3SG.PRT PRV-S1-VERN-ответить-IND-S1/2

mo-g-e-c'on-a-o

PRV-O2-REL.PASS-нравиться-S3SG.PRT-QUOT3

mo-[m-e-c'on-a]-metki

PRV-[O1-REL.PASS-нравиться-S3SG.PRT]-QUOT1

‘Он сказал мне: ‘Тебе понравилось это?’ Я ответил: ‘Да, мол’
[Амирандареджаниани 8, 348, 18] цит. по [Boeder 1994: 448].

4. Изменение аспектуальной парадигмы

Выше были рассмотрены две различные системы выражения аспектуальных значений, засвидетельствованных в грузин-

¹² Как тмесис, так и анафорическое использование превербов в эллиптических конструкциях засвидетельствованы в современных сванских диалектах.

ской литературной традиции. Основным формальным различием между данными системами является способ морфологического кодирования противопоставления «перфектив — имперфектив»: если в древнегрузинском языке маркированным компонентом системы являлся имперфектив, а его показатель находился по правую сторону от корня, то в современном грузинском языке маркированным членом оппозиции оказывается перфектив, причём его показатели расположены слева от глагольного корня.

Причины и механизмы данного функционального перераспределения были рассмотрены в таких работах, как [Šaniže 1942, 1981; Šumburize 1968, 1986; Saržvelaze 1984: 490–506; Imnaišvili, Imnaišvili 1996: 421–428].

Известный исследователь древнегрузинского языка и литературы, З. А. Сарджвеладзе, утверждал, что «первые образцы нового типа появляются уже в ‘Синайском Многоглаве’ (который датируется 864 г. — А. Р. П.)». В нефинитных формах глагола, в частности, ‘в причастиях признаки выражения перфективного аспекта средствами префиксации наблюдается уже в древнейших памятниках’ [Saržvelaze 1984: 505]. Автор приводит обширный список новообразованных префиксальных глаголов, в которых оппозиция «перфектив — имперфектив» более не маркируется при помощи тематических суффиксов и выражена превербом.

(54) *miecemis*

OGEO mi-ø-e-c-em-i-s

PRV-O3-PASS-давать-SM-PASS-S3SG

‘это будет отдано ему’

(55) *mieces*

OGEO mi-ø-e-c-e-s

PRV-O3-PASS-давать-PASS-S3SG

‘это будет отдано ему’

К XI–XII вв. морфологическое переоформление категории аспекта получило широкое распространение, что стало одним из факторов, ознаменовавших окончание древнегрузинского периода в истории языка.

Объясняя причины данного переоформления, авторы, как правило, ссылаются на А. Г. Шанидзе, который утверждал, что ключевую роль в переоформлении (которое он типологически

определял как переход от *греческого типа к славянскому*) сыграло сближение и, как результат, более тесное соположение преверба и глагола [Šaniže 1942, 1981]. Немаловажным фактором в данном случае оказалась утрата тмемиса — механизма, отдалявшего преверб от глагола и являвшегося, таким образом, сдерживающим фактором для грамматикализации пространственных наречий в превербы¹³. Одним из следствий распространения префиксальной перфективизации стало формирование закрытого списка высокопродуктивных словообразовательных префиксов, который лег в основу современной системы превербов грузинского языка, тогда как остальные квази-превербы стали достоянием истории языка.

5. Заключение

В настоящей статье были рассмотрены две системы выражения аспектуального противопоставления «перфектив — имперфектив» в грузинской литературной традиции. Древнегрузинская система использовала в первую очередь суффиксальные средства, однако в связи с сокращением количества приглагольных пространственных элементов и формированием закрытого списка превербов, не обладавших синтаксической автономностью и окончательно ставших частью глагольной лексемы, выражение категории аспекта в глаголе уже в среднегрузинский период взяла на себя префиксация.

Сокращения

MEGR — мегрельский; MGEO — новогрузинский; MLGEO — среднегрузинский; OGEO — древнегрузинский; 1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ADV — адвербиалис; AG1 — агенс одноместного глагола; AG2 — агенс двухме-

---

¹³ В данной связи известный картвелист В. Бёдер, ссылаясь на такие понятия, как структурный изоморфизм Дж. Хеймана [Naiman 1985: 102–108] и иерархия релевантности Дж. Байби [Bybee 1985, 1995], в ходе нашего общения отмечал, что — даже при отсутствии непосредственной причинно-следственной связи между утратой тмемиса и распространением префиксальной перфективизации — следует принимать во внимание, что «перфективность легче кодировать той частью слова, которая находится ближе [к корню]».

стного глагола; DUR — дуратив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP; IMPF — императив ; имперфект; INCH.PASS инхоативный пассив; IND — индикатив; INS — инструменталис; ITER — итератив; LOC1 — локативный послелог ‘в’; LOC2 — локативный послелог ‘на’; MOD — модальная частица; MULT — мультипликатив; NEG — отрицание; O — объектный показатель лица; OBL — косвенная основа/ падеж; PASS — пассив; PL — множественное число; POT — потенциалис; PRF — перфектив; AOR — аорист; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CMPL — комплементаризер; COND — кондиционал; CONJ — конъюнктив; DAT — датив; DIR — директив; PRT — претерит; PRV — преверб; PT1 — пациенс одноместного глагола; PT2 — пациенс двухместного глагола; QUOT — квотативный маркер; R — корень; R.EXT — распространитель корня; REL.PASS — релятивный пассив; REL.POT — релятивный потенциалис; RES — результатив; S — субъектный показатель лица; SG — единственное число; SM — тематический суффикс; VERL — показатель локативной версии; VERN — показатель нейтральной версии; VERO — показатель объектной версии; VERS — показатель субъектной версии;

Литература

- Климов 1986 — Г. А. Климов. Введение в кавказское языкознание. М.: Наука, 1986.
- Č'umburize 1968 — Z. Č'umburize. Mq'opadis c'armokmnis ist'oriisatvis kartulši [К истории формирования будущего времени в грузинском]. Zveli kartuli enis k'atedris šromebi [Труды кафедры древнегрузинского языка] 11. Tbilisi: TSU, 1968.
- Č'umburize 1986 — Z. Č'umburize. Mq'opadi kartvelur enebši [Будущее время в картвельских языках]. Tbilisi: TSU, 1986.
- Imnaišvili, Imnaišvili 1996 — I. Imnaišvili, V. Imnaišvili. Zmna zvel kartulši [Глагол в древнегрузинском]. Frankfurt am Main, 1996.
- Penrixi, Saržvelaze 2000 — H. Penrixi, Z. Saržvelaze. Kartvelur enata et'imologiuri leksik'oni [Этимологический словарь картвельских языков]. Tbilisi: SPU, 2000.
- Saržvelaze 1984 — Z. Saržvelaze. Kartuli salit'erat'uro enis ist'oriis šesavali [Введение в историю грузинского литературного языка]. Tbilisi: Ganatleba, 1984.
- Saržvelaze 1997 — Z. Saržvelaze. Zveli kartuli ena. Tekstebit da leksik'oniturt [Древнегрузинский язык. С текстами и словарем]. Tbilisi: TSU, 1997.
- Šanize 1942 — A. Šanize. Изменение системы глагольной категории вида в грузинском и его последствия, в: Sakartvelos mecnierebata ak'ademiiis moambe [Вестник академии наук СССР] III, 9, 1942. С. 258.

- Šanize 1981 — A. Šanize. Subiekt'uri p'repiksi meore p'irisa da obiekt'uri p'repiksi meore p'irisa kartul zmnebši [Субъектный префикс второго лица и объектный префикс второго лица в грузинских глаголах], в: Šanize, A. Txuzebani tormet' t'omad [Сочинения в двенадцати томах]. Tbilisi: TSU, 1981.
- Vešap'ize 1967 — I. Vešap'ize. Zmisc'ini zvel kartul enaši [Глагольные приставки в древнегрузинском языке]. Tbilisi: TSU, 1967.
- Boeder 1994 — W. Boeder. Kartvelische und indogermanische Syntax // *Indogermanica et Caucasia*. Festschrift für Karl Horst Schmidt zum 65. Geburtstag herausgegeben von Ronald Bielmeier und Reinhard Stempel unter Mitarbeit von René Lanzweert. Berlin/New York: Walter de Gruyter, 1994. S. 447–471.
- Boeder 2005 — W. Boeder. The South Caucasian Languages // *Lingua* 115, 2005. P. 5–89.
- Boeder 2006 — W. Boeder. Noch einmal zur altgeorgischen Tmesis und Klisis // *Georgica* 29, 2006. S. 10–22.
- Bybee 1985 — J. Bybee. *Morphology: A Study of the Relation between Meaning and Form*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985.
- Bybee 1995 — J. Bybee. Spanish Tense and Aspect from a Typological Perspective // P. Hashemipour, R. Maldonado and M. Van Naerssen (eds.). *Studies in Language Learning and Spanish Linguistics in Honor of Tracy Terrell*. San Francisco: McGraw Hill, 1995. P. 442–457.
- Cherchi 1994 — M. Cherchi. Verbal Tmesis in Georgian // *AION* 16, 1994. P. 33–115.
- Cherchi 1997 — M. Cherchi. Verbal Tmesis in Georgian. Part II: Verbal Tmesis Data from Early Middle Georgian // *AION* 19, 1997. P. 63–137.
- Cherchi 2004 — M. Cherchi. Georgische Verbaltnesis und Wackernagels Gesetz, in: *Georgica* 27, 2004. P. 73–98.
- Fähnrich 2007 — H. Fähnrich. *Kartwelisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden/Boston: Brill, 2007.
- Gurevich 2006 — O. Gurevich. *Constructional Morphology: The Georgian Version*. Ph.D. Diss. University of California, Berkeley, 2006.
- Haiman 1985 — J. Haiman. *Natural Syntax: Iconicity and Erosion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Harris 1985 — A. Harris. *Diachronic Syntax: The Kartvelian Case*. Orlando: Academic Press, 1985.
- Holisky 1981 — D. A. Holisky. *Aspect and Georgian Medial Verbs*. Delmar/New York: Caravan Books, 1981.
- Klimov 1998 — G. Klimov. *Etymological Dictionary of the Kartvelian Languages*. Trends in Linguistics Documentation. V. 16. Berlin/New York: Mouton de Gruyter, 1998.

- Manning 1997 — H. P. Manning. Indexical Operators and Scope Relations in the Old Georgian Relative Clause // *Linguistics* 35, 1997. P. 513–563.
- Rostovtsev-Popiel 2008 — A. Rostovtsev-Popiel. Metaphor of Space in Kartvelian Preverbs. A Talk Given at the Conference Ibero-Caucasian Linguistics: Legacy and Perspectives. II International Symposium of Linguistics, Tbilisi, 11–13 October, 2008.
- Schooneveld 1958 — C. Schooneveld, van. The So-Called ‘preverbe vides’ and Neutralization // *Dutch Contributions to the Fourth International Congress of Slavistics*. The Hague, 1958. P. 159–161.
- Schooneveld 1978 — C. Schooneveld, van. Semantic Transmutations: Prolegomena to a Calculus of Meaning. V. 1. The Cardinal Semantic Structure of Prepositions, Cases, and Paratactic Conjunctions in Contemporary Standard Russian. Bloomington, 1978.
- Tuite 1993 — K. Tuite. Paradigm Recruitment in Georgian. A Talk Given at the 8th Conference on the Non-Slavic Languages in What Used to Be the USSR, 1993. Web-link: <http://www.mapageweb.umontreal.ca/tuitekj/publications/Tuite-1996-paradigm.pdf>.
- Vey 1952 — M. Vey. Les préverbes ‘vides’ en tchèque moderne // *Revue des études slaves*. 29, 1952. P. 82–107.

III. СЕВЕРНАЯ СИБИРЬ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

В. Ю. Гусев

АСПЕКТ В НГАНАСАНСКОМ ЯЗЫКЕ ¹

Нганасанский язык вместе с ненецким и энецким образует северносамодийскую группу языков, которая относится к самодийской ветви уральской языковой семьи. Традиционная территория нганасанов — центральная часть п-ова Таймыр. В настоящее время нганасаны живут в нескольких населенных пунктах на Таймыре; число носителей не превышает 100–200 человек.

Все глагольные лексемы в нганасанском языке делятся на два класса — перфективные и имперфективные. Эти классы мы будем для краткости называть видами (выделяя, тем самым, в нганасанском словоклассифицирующую категорию вида по образцу славянских языков), что, впрочем, не подразумевает, что деление на виды и их функционирование в нганасанском устроено точно так же, как в славянских системах.

Спряжение глаголов обоих видов идентично, за исключением важного различия в системе индикатива, где только у имперфективных глаголов есть форма настоящего времени и только у перфективных — форма перфекта. См. об этом подробнее в разделе 1.

В целом, семантика деления на виды в нганасанском языке такова. К перфективному классу относятся глаголы, обозначающие действия, рассматриваемые как мгновенные, либо те, которые в силу своей внутренней структуры имеют естественный предел. По вендлеровской классификации это мгновенные события («достижения», *achievements*) и предельные процессы («совершения», *accomplishments*). Эти два типа объединяет то, что действие, раз начавшись, имеет предсказуемый финал и не может длиться неограниченно долго (как частный случай — может не

---

¹ Статья написана при поддержке гранта РФФИ № 11-06-00371а на основе корпуса текстов, собранных в экспедициях в рамках проекта NSF № 0553546. Мы признательны М. А. Даниэлю, Л. Лейсио, В. А. Плуныну и А. Б. Шлуинскому за замечания и комментарии к статье.

иметь длительности вообще). Ср. непереходные корни *nənsu-* ‘встать’ (перфект *nənsuʔə* ‘он встал’)², *dʔəbtə-* ‘полюбить (о птицах)’ (*dʔəbtiiʔə*), *śatj-* ‘закончить’ (*śadjiʔə*), переходные *mətu-* ‘разрезать’ (*mətaʔa*), *miʔ-* ‘дать’ (*midʔiʔə*), *tələ-* ‘закрыть’ (*təliʔə*). Напротив, к имперфективному классу относятся, по Вендлеру, не-предельные процессы (activities) и состояния (states), то есть глаголы, обозначающие действия, которые не имеют внутреннего предела и, соответственно, естественного завершения: *dʔorə-* ‘плакать’ (настоящее время *dʔorətu* ‘он плачет’), *dʔeruʔ-* ‘не знать’ (*dʔerutu*), *ŋatə-* ‘ждать’ (*ŋatətu*), *kəmʔaʔ-* ‘держат’ (*kəmʔaʔtu*) и т. д.³

Для непроизводных основ распределение по видам задается словарно и зависит от семантики корня, для производных определяется последним словообразовательным суффиксом. Подробно распределение корней и суффиксов по классам мы рассмотрим в разделах 2 и 3 соответственно.

Говоря неформально, идея, лежащая в основе этого противопоставления, проста: если действие имеет естественный финал,

---

² Здесь и далее мы будем приводить в скобках для перфективных и имперфективных глаголов форму соответственно перфекта (показатель *-ʔə* или *-ʔa*) или презенса (показатель *-ntu*, *-ntij* и его варианты) в 3-м лице ед. ч. безобъектного спряжения (где показатель лица и числа нулевой). В переводах на протяжении всей статьи мы будем переводить перфективные корни русскими глаголами СВ, а имперфективные — глаголами НСВ; это освободит нас от необходимости отдельно отмечать вид корня. В глоссах мы будем опускать нулевые показатели (3 л. ед. ч. субъектного спр. глаголов и номинатив ед. ч. существительных) и не будем обозначать единственное число при показателях падежей и номинатив при показателях числа. Кратко противопоставление видов в нганасанском языке описано в грамматических очерках, см. [Wagner-Nagy (szerk.) 2002: 101—102; Katschmann 2008: 412].

³ Это противопоставление хотелось бы описывать в привычных терминах «предельность» и «непредельность», однако их неоднозначность заставляет нас от них отказаться. Называть первый класс глаголов «событийными» кажется неудачным из-за бытового значения слова *событие* (идет дождь — это тоже событие), а «моментальными» — из-за того, что не все они моментальны. Вероятно, лучше всего было бы говорить об ограниченности/неограниченности, но не чисто временной, а определяемой структурой события. В дальнейшем мы будем применительно к нганасанскому материалу говорить просто о перфективных и имперфективных глаголах.

то из его упоминания ясно, что оно должно закончиться. Отсюда следующий шаг: раз действие названо, то оно названо целиком, включая его начало и завершение («узнал», «встал», «закрыл») или, другими словами, оно целиком помещается в «окно наблюдения». Поэтому перфективные глаголы во всех грамматических формах обозначают ограниченную во времени «цельную» ситуацию, включающую начало и завершение — точнее, лексически детерминированный финал предельного процесса, природа которого определяется значением корня или аффикса. Отсюда же вытекает несовместимость перфективных глаголов с настоящим временем, которое предполагает, что действие началось до, а закончилось после периода наблюдения. В большинстве нефинитных форм (т. е. в подчиненных клаузах) перфективными глаголами обозначается ситуация, предшествующая главной клаузе⁴. Для того, чтобы «заглянуть внутрь» перфективного действия, назвать одну из его промежуточных стадий, требуются специальные средства (словообразовательные суффиксы).

Что касается имперфективных глаголов, то в их формах нет указания на завершенность действия (поскольку такого указания нет в их семантике). Они могут обозначать окончившуюся или продолжающуюся ситуацию, это становится ясно из контекста. В нефинитных формах имперфективные глаголы обозначают ситуацию, одновременную главной. Более подробно употребление глаголов разных видов иллюстрируется в разделе 4.

Помимо деления основ на два вида, существует один фрагмент нганасанской глагольной парадигмы, в котором аспектуальные значения выражаются особым способом, независимо от видовой характеристики основ. Это перфективное и имперфективное глагольные имена. Их употребление рассматривается в разделе 5.

1. Устройство глагольной парадигмы и структура глагольной словоформы

Синтетическая словоформа глагола в нганасанском языке имеет следующую структуру:

---

⁴ Исключением является, в частности, супин, который, естественно, обозначает ситуацию, следующую за главной, а также перфективное и имперфективное глагольные имена, о которых см. с. 350–357.

глагольный корень	словообразовательные суффиксы (актантной деривации,	время, наклонение	лично- числовые показатели
именной корень + суффикс- вербализатор	глагольной множественности, фазовые и нек. др.)	суффиксы нефинитных форм (причастий, деепри- частий, имен действия)	

Словоизменительные категории глагола включают наклонение, время, лично-числовое согласование с субъектом и согласование по определенности и по числу с объектом (так называемые типы спряжения: субъектное, объектное для единственного, двойственного и множественного числа объекта, рефлексивное).

В число наклонений, помимо индикатива, входит интеррогатив, несколько императивных и оптативных серий, эвиденциальные формы, ирреалис и ряд других форм. Разные наклонения различают три или два времени или не различают времен вообще. (Мы не рассматриваем здесь редкие формы предпрошедшего и предбудущего времен, а также аналитические формы.)

Кроме финитных форм, нганасанский глагол имеет два деепричастия, ряд причастий и глагольных имен (см. раздел 5 о перфективном и имперфективном глагольных именах).

Приведем для примера временные формы индикатива, интеррогатива и ренарратива глаголов *hed̄iṭi-* ‘идти’ (первая колонка) и *tuj-* ‘прийти’ (вторая колонка); все глаголы даются в форме 3-го лица ед. ч. субъектного спряжения, где лично-числовой показатель нулевой; переводы форм здесь приблизительные, не учитывающие возможных тонкостей употребления:

Индикатив	
Будущее	
<i>hed̄iṭi-ʔs̄iḍə</i> ‘он будет идти’	<i>tuj-š̄iüə</i> ‘он придет’
Настоящее	
<i>hed̄iṭi-ti</i> ‘он идет’	
Перфект	
<i>tui-ʔə</i> ‘он пришел’	
Прошедшее	
<i>hed̄iṭi-s̄jə</i> ‘он шел’	<i>tuj-š̄iüə</i> ‘он пришел; приходил и ушел’

Интеррогатив	
Будущее	
<i>hedjiti-tə-ŋi</i> ‘он будет идти?’	<i>tuj-tʻə-ŋu</i> ‘он придет?’
Настоящее	
<i>hedjiti-ŋi</i> ‘он идет?’	<i>tuj-ŋu</i> ‘он пришел?’
Прошедшее	
<i>hedjiti-bi</i> ‘он шел?’	<i>tuj-hü</i> ‘он приходил?’

Ренарратив (цитатив)	
Будущее	
<i>hedjiti-tə-biaŋhi</i> ‘говорят, он будет идти’	<i>tuj-tʻə-baŋhu</i> ‘говорят, он придет’
Настоящее-прошедшее	
<i>hedjiti-biahi</i> ‘говорят, он идет’	<i>tuj-huahu</i> ‘говорят, он пришел’

Как видно, в индикативе глаголы делятся на два класса: одни (как *hedjiti-*) имеют форму настоящего времени, но не имеют формы перфекта, другие (как *tuj-*) — наоборот. Первый класс мы будем называть имперфективным, второй — перфективным. В других наклонениях формального различия между видами глаголов нет, однако из переводов видно, что семантика их различна: в форме, называемой настоящим временем, имперфективные глаголы передают действие, относящееся к моменту речи, перфективные — к моменту, (непосредственно) предшествующему моменту речи. Если, как в ренарративе, различия между настоящим и прошедшим временем нет, то имперфективные глаголы могут передавать одновременность моменту речи⁵, а перфективные — предшествование. Иными словами, перфективные глаголы не могут выражать одновременность моменту речи или другому действию.

Отрицание в нганасанском языке строится с помощью вспомогательного глагола *hi-*, к которому переходят все словоизменительные аффиксы, а смысловой глагол ставится в специальной форме коннегатива с показателем *-ʔ*, ср.:

⁵ Для выражения предшествования будет употреблена аналитическая конструкция типа *hedjiti-biahi isüə* ‘он, говорят, шел’ с вспомогательным глаголом *ij-* ‘быть’ в прошедшем времени.

(1) а. <i>hedǫtj-tj</i>	<i>ni-ntj</i>	<i>hedǫtj-ʔ</i>
идти-PRAES	NEG-PRAES	идти-CN
‘он идет’	‘он не идет’	
б. <i>tuu-ʔə</i>	<i>ni-ntj</i>	<i>tu-ʔ</i>
прийти-PF	NEG-PRAES	прийти-CN
‘он пришел’	‘он не пришел’	

Как видно из этого примера, отрицательный глагол формально всегда имперфективен, независимо от вида смыслового глагола. См. об отрицательном и других вспомогательных глаголах в разделе 2.4.

Из приведенных таблиц также видно, что у перфективных глаголов в ряде наклонений имеются две формы с референцией к прошедшему времени, которые мы будем называть перфектом и претеритом. Перфект в противопоставлении претериту обозначает действие, релевантное для момента речи, результат которого сохраняется. Претерит обозначает действие в прошлом, результат которого не сохранился или не актуален. В нарративе перфект наравне с настоящим временем имперфективных глаголов используется для описания цепочки сменяющих друг друга событий — то есть аналогично речевому регистру, только момент речи в качестве точки отсчета заменяется на момент наблюдения повествователя (см. [Падучева 1996: 201—202, 363]). Что же касается претерита, то он употребляется для действий, выпадающих из нарративного ряда ⁶.

2. Распределение по видам производных глаголов

Как было сказано выше, в целом к перфективному классу относятся мгновенные действия и предельные процессы, а к имперфективному — непредельные процессы и состояния. Интуитивно это различие вполне понятно, и в подавляющем большинстве случаев, даже не зная диагностической формы — перфекта или презенса, — можно предсказать вид корня или суффикса, основываясь только на его семантике. С другой стороны, для свя-

⁶ Подробное описание различий в употреблении перфекта и претерита выходит за рамки нашей темы и заслуживает отдельной статьи.

занных корней, т. е. для корней, не употребляющихся без словообразовательных аффиксов, нельзя достоверно определить их вид.

Отнесение к тому или иному виду представляет собой словарную характеристику корня или словообразовательного суффикса. При наличии в основе нескольких суффиксов вид основы определяется по последнему. Некоторые суффиксы присоединяются только к основами противоположного вида (т. е. перфективные — к имперфективным, и наоборот), некоторые, напротив, сочетаются с основами «своего» вида.

В этом и следующем разделах мы рассмотрим распределение корней и суффиксов по видам более подробно.

2.1. Перфективные корни

К перфективным относятся глагольные корни следующих семантических классов.

А. Обозначающие изменение состояния субъекта — как мгновенное, не предполагающее промежуточных стадий, например: *kun̄ku-* ‘узнать, догадаться’ (*kun̄gaʼa*), *kuə-* ‘умереть’ (*küüʼa*), *kuntu-* ‘заснуть’ (*kundaʼa*), *lə̄ŋu-* ‘загореться’ (*lə̄ŋuʼə*), *numə-* ‘проснуться’ (*numüʼə*), *tumtə-* ‘догадаться’ (*tumtūʼə*), *tətə-* ‘прилипнуть’ (*tədüʼə*), — так и возможно постепенное: *binə-* ‘выцвести, поблекнуть’ (*binüʼə*), *bənu-* ‘устать’ (*bənaʼa*), *dʼoanə-* ‘растаять’ (*dʼoanüʼə*), *hoñü-* ‘распухнуть’ (*hoñüʼə*), *kosə-* ‘высохнуть’ (*kodüʼə*), *kəntj-* ‘замерзнуть’⁷ (*kəndjʼə*), *šai-* ‘сгореть’ (*šaiʼə*), *šin̄si-* ‘остыть’ (*šin̄diʼə*), *šijə-* ‘обмельеть’ (*šijiʼə*), *sja-* ‘утонуть’ (*sjiʼə*), *suj-* ‘подавиться’ (*suuʼə*), *sumə-* ‘стихнуть (после пурги — о погоде)’ (*sumüʼə*), *šüšü-* ‘кончиться’ (*šüdəʼa*).

Б. Обозначающие изменение местонахождения субъекта в пространстве или его позы: *biu-* ‘уйти’ (*biiʼa*)⁸, *hursj-* ‘вернуться’ (*hursiʼə*), *malə-* ‘остановиться, поставить стойбище (при перекочевке)’, *ñil̄hə-* ‘спуститься’ (*ñil̄hiʼə*), *ŋonsj-* ‘выйти’ (*ŋon̄diʼə*), *sohə-* ‘упасть’ (*sohüʼə*), *tuj-* ‘прийти’ (*tuuʼə*), *tüi-* ‘войти’ (*tüiʼə*), *tia-* ‘сесть на сани’ (*tiiʼə*); *bənə-* ‘лечь (о животном)’ (*bənüʼə*), *ŋomtə-* ‘сесть’ (*ŋomtüʼə*), *nənsu-* ‘встать’ (*nənsuʼə*), *ŋonsj-* ‘выйти’ (*ŋon̄diʼə*), *ʼaləbə-* ‘наклониться, кивнуть’ (*ʼaləbiʼə*), *tüü-* ‘достичь, прибыть’ (*tüüʼə*).

⁷ С теми же двумя значениями, которые есть и в русском языке: ‘почувствовать холод’ и ‘заледенеть, стать твердым от холода’.

⁸ См. также ниже о глаголах движения.

В. Переходные глаголы каузации изменения с единичным объектом либо с полным охватом всех объектов (иные случаи множественных объектов обычно требуют производных форм глагола): *bəbtu-* ‘перевернуть’ (*bəbtaʔa*), *bətu-* ‘вырастить’ (*bədaʔa*), *d̥ilə-* ‘поднять’ (*d̥il̥iʔə*), *hutura-* ‘запрячь (оленя)’ (*hutoriʔə*), *koi-* ‘оставить’ (*koiʔə*), *kontu-* ‘увезти’ (*kondaʔa*), *kotu-* (*kodaʔa*), *kəmə-* ‘взять, поймать’ (*kəmiʔə*), *mi-* ‘дать’ (*mid̥iʔə*), *ɲətə-* ‘увидеть; найти’ (*ɲədiʔə*), *sarə-* ‘завязать’ (*sariʔə*), *tələ-* ‘закрывать’ (*təliʔə*), *tətu-* ‘привезти’ (*tədaʔa*), *t̥abti-* ‘снять (одежду); разобрать (чум)’ (*t̥abtiʔə*), *t̥ii-* ‘спрятать’ (*t̥iiʔə*). Ср. также заимствованное *s̥jmai-* ‘сфотографировать’ (*s̥jmaiʔə*).

Г. Глаголы, обозначающие краткие действия, в которых трудно выделить промежуточные стадии (и которые не попали в предыдущие группы): *d̥it̥i-* ‘выстрелить’ (*d̥idaʔa*), *šəbsi-* ‘плюнуть’ (*šəbsiʔə*) и др.

2.2. Имперфективные корни

Рассмотрим теперь основные классы имперфективных корней.

А. Прежде всего, это, разумеется, глаголы состояния и свойства: *baa-* ‘бодрствовать, не спать’ (*baatu*), *bətə-* ‘быть лишним, незанятым’ (*bəḍətu*), *d̥altə-* ‘завидовать’ (*d̥altətu*), *d̥aŋhi-* ‘блестеть’ (*d̥aŋhiṭi*), *ij-* ‘быть’ (*iṭi*), *hon-* ‘иметь’ (*hont̥i*), *honə-* ‘голодать’ (*honəntu*), *kərbu-* ‘хотеть’ (*kərbutu*), *kamsu-* ‘стоять/лежать в несколько слоев (рядов и пр.)’ (*kamsutu*), *kii-* ‘гремять, звенеть’ (*kiiti*), *məni-* ‘любить’ (*məniṭi*), *mətə-* ‘хромать’ (*mətətu*), *niṭi-* ‘жить’ (*niṭiṭi*), *nant̥i-* ‘быть похожим’ (*nant̥iṭi*), *nei-* ‘быть хорошим’ (*neinti*), *ɲətə-* ‘ждать’ (*ɲətətu*), *t̥en̥i-* ‘знать’ (*t̥en̥iṭi*). В эту же группу входит и глагол временного состояния *šəŋkə-* ‘ночевать’ (*šəŋgəṭi*).

Б. Глаголы, обозначающие неопредельные процессы: *basu-* ‘охотиться’ (*basutu*), *buə-* ‘говорить’ (*buətu*), *d̥orə-* ‘плакать’ (*d̥orətu*), *minti-* ‘ехать впереди при перекочевке, указывая путь’ (*mintiti*), *munsə-* ‘кипеть’ (*muṇd̥ətu*), *ɲus̥i-* ‘работать’ (*ɲus̥iṭi*), *soru-* ‘идти (о дожде)’ (*sorutu*).

2.3. Глаголы движения

Непроизводные глаголы движения в большинстве своем перфективны и обозначают начало движения: *kon̥i-* ‘пойти’ (*konaʔa*), *d̥aŋhi-* ‘поплыть’ (*d̥ambiʔə*), *hojku-* ‘побежать’ (*hojkaʔa*), *kud̥i-* ‘поплыть (о несамостоятельном плавании)’ (*kud̥aʔa*), *liṃə-* ‘побежать, поскакать (о животных)’ (*liṃiʔə*), *təu-* ‘полететь, уле-

теть' (*təu'ə*), *suə'*- 'откочевать' (*suəd'ü'ə*). Сам процесс движения обычно обозначается формами мультипликатива или статива от этих глаголов (см. ниже).

В то же время такие перфективы могут обозначать и движение целиком, включая и начальную, и конечную точку (как, собственно, и их русские аналоги в переводах):

- (2) *Təti ŋil'i'a təu-ʔi-də, məu-ntə-tu sohö-ʔə.*
 тот вниз полететь-PF-3SG.R земля-LAT-3SG опуститься-PF
 'Он вниз полетел и на свою землю встал'.

Два исключения — это глаголы *hedjij-* и *mjin-* 'идти', которые имперфективны (*hedjijij, mjintij*). Кроме того, имперфективны глаголы, которые обозначают способ передвижения, точнее — средство транспорта или его отсутствие: *mjad'i-* 'идти пешком' (*mjad'itij*), *ihsüdü-* 'ехать на легкой санке' (*ihsüdütü*), *ŋəntəu-* 'плыть на лодке' (*ŋəntəutu*) и др. Большинство из этих глаголов (как и два последних из перечисленных здесь), впрочем, производны от соответствующих существительных.

2.4. Вспомогательные глаголы

В нганасанском языке есть небольшой класс вспомогательных глаголов, конструкции с которыми образуются следующим образом: к вспомогательному глаголу переходят все словоизменяемые суффиксы, а смысловой глагол ставится в особой неизменяемой форме — коннегative с показателем *-ʔ*. Самый распространенный из вспомогательных глаголов — отрицательный глагол *hi-*, см. пример (1). Другие вспомогательные глаголы — *lədi-* 'не мочь', *kasa-* 'чуть не', *əku-* 'наверное' и *ŋuəlǝ-* 'конечно'. Три последние корня могут употребляться также в сочетании с финитной формой глагола или с именем как неизменяемые частицы: *kasaʔ, əku, ŋuəlǝ* (см. пример (17), где употреблены они все).

Отрицательный глагол *hi-*, как было сказано выше, морфологически имперфективен, т. е. имеет только настоящее время и не имеет перфекта, независимо от вида смыслового глагола (иными словами, показатель перфекта, переходя от смыслового глагола к вспомогательному, заменяется на показатель настоящего времени). Это, очевидно, объясняется тем, что отсутствие ситуации всегда представляет собой состояние, вне зависимости от акциональных свойств ситуации, которая могла бы иметь место. Тем не

менее, отрицательные конструкции в презенсе с перфективными глаголами соответствуют утвердительному перфекту, то есть имеют референцию к прошедшему времени: *híntj tu*[?] (см. пример 1) значит ‘не пришел’; перевод ‘не приходит’ (как и ‘не приходил’) невозможен. Употребление глаголов обоих видов с отрицательным глаголом во всех остальных временах и наклонениях также аналогично соответствующим утвердительным конструкциям.

Остальные глаголы (кроме *ɲuəlǝ*) сочетаются только с глаголами одного из видов и сами имеют соответствующую форму.

Глагол *lǝdi-* ‘не мочь’ морфологически имперфективен и сочетается только с имперфективными глаголами (пример 3). Если основа перфективная, к ней присоединяется имперфективирующий аффикс — прогрессив или дуратив (примеры 4—6; об этим суффиксах см. в разделе 3):

- (3) *Śüüra-[?]muə-gətə-ti*   *lǝdi-ti-gǝj*   *hedǝtǝ-[?]*
 ползти-VN.IPF-ABL-3DU   **не.мочь-PRAES-3DU.S**   **идти-CN**
 ‘После того, как ползли, они уже не могут [снова] идти’.
- (4) *Bənə-kə-sa,*   *tə*   *ɲuəlǝ*   *lǝdi-ti*
 устать-INCEPT-INF   ну   конечно   **не.мочь-PRAES**
d’indəm-tǝ   *hǝgi-tǝ-[?]*
 лук-ACC.3SG   **натянуть-PROGR-CN**
 ‘Почти истощив свои силы, он лук не может натянуть’.
- (5) *Tə,*   *ɲǝjbüü-tǝ*   *d’il-tǝ-mǝ-kǝl’itǝ-tǝj,*
 ну   голова-ACC.PL.3SG   поднять-PROGR-даже-3PL
lǝdi-tǝ-gǝj   ***d’il-tǝ-[?]***
не.мочь-PRAES-3DU.S   **поднять-PROGR-CN**
 ‘Даже когда головы поднимают, не могут поднять’.
- (6) *Tu-śa-d’ea-mə*   *səd’əə-mə*   *ka’əmǝ-[?]*,
 прийти-NMLZ-ANT-1SG   дорога-1SG   посмотреть-IMP.2SG.S
tujh^ha-mu-mǝnj-nə   *maagǝl’itǝ-gətə*
 идти.сюда-VN.IPF-PROL-1SG   ничто-ABL
lǝdi-ti-nə   *ɲanuə*
не.мочь-PRAES-1SG.R   настоящий
nǝkǝrǝ-btu-ku-[?]   *səə-mə*.
успокоиться-CAUS-DUR-CN   сердце-ACC.1SG
 ‘Посмотри на мою дорогу, пока я сюда шел, я никак не мог сердце свое успокоить’.

Отметим, что в конструкции со значением ‘не мочь найти’ (намного превосходящей по частотности все остальные сочетания с *lədi-*) употребляется глагол *huur-*, который значит ‘искать’, а не *ηətii*²- (имперфективное производное от обычного для этого значения глагола *ηətə-* ‘увидеть; найти’). Ср. пример, где *huur-* использован и в утвердительной, и в отрицательной конструкциях:

- (7) *Təti lədi-siə-mi*[?] *bi-tə-mi*[?] *huurə*[?]
 тот не.мочь-PRAET-1PL.S вода-DEST-ACC.1PL искать-CN
Tə-mənu ηuəlɨ malə-tu d'a
 тот-PROL.ADV конечно поставить.чум-VNTEMP1.GEN.SG ALL
ñüə[?] *kuni*[?]*aria-məni* *hojkü-r-kə-ndu*[?]
 ребенок-PL как-PL-PROL.SG бежать-MULT-ITER-PRAES-3PL.S
bi[?]*də huur-si. Bi*[?] *d'aŋku.*
 вода.ACC **искать-*INF*** вода нет
 ‘Мы не могли найти воду. Конечно, когда чум ставим, дети бегают ищут воду кругом (для оленей). Нет воды’.

Сочетаемость *lədi-* только с имперфективными глаголами и неожиданная замена ‘находить’ на ‘искать’ наводит на мысль, что *lədi-*, в отличие от русского ‘не мочь’ и аналогов в других языках, описывает не результат, которого не удастся достичь, а предшествующий ему процесс. Грамматически более точно было бы переводить его русским *тщетно*: *lədititi huurə*[?] означает не ‘не может найти’, а ‘тщетно ищет’. Если же невозможно не достижение результата, а сам процесс, или же если результат, которого невозможно достичь, не предполагает предшествующего контролируемого процесса, то употребляются другие конструкции, например:

- (8) *Tə, tɨmin*¹*a-küə* *mo* *ni-məni* *ñintuu*[?]
 ну теперь-то2 земля.GEN на-PROL.ADV NEG-PL
d'odür-münə hirə-mi.
ходить-VN.IMP.F.GEN **уровень-1DU**
 ‘Сейчас-то мы с тобой по земле не можем ходить’.

- (9) *Tə Bəbtii*[?] *Ləmbikə səd'əə təŋə-nti*[?] *šürü-tə*
 ну Б. Л. дорога лето-LAT.PL зима-LAT
təku[?]*nar-sa d'əru-huaŋhu.*
занести.STAT-DISTR-*INF* **не.знать-RENARR**
 ‘След Бэбтии Лэмбикэ ни летом, ни зимой не может быть занесен (не исчезнет)’.

Употребления *lədi-* с глаголами неопределенного процесса, как в примере (3), или с перфективными глаголами редки и, вероятно, возникли под влиянием русской модели.

На первый взгляд, конструкции с глаголом *lədi-* позволяют применить в нганасанском языке известный «критерий Маслова» и говорить о видовых парах. Однако мы видим, что это не вполне точно: речь идет не о формальной имперфективации предельного глагола, а о замене его на другой глагол, выражающий предшествующий результату процесс (т. е. акционально связанный с ним, см. об этом понятии [Плунгян 2011: 117]), который не всегда естественно рассматривать как просто видовую пару первого глагола.

Глагол *kasa-* ‘чуть не’, напротив, не имеет форм презенса и сочетается только с перфективными глаголами:

- (10) *Ətəniə, tətə tɨŋ tənɨʔa ʃiədʒ-tjə,*
 этот тот вы так третировать-PT.PRAES
kasa-ʔi-də i-bahu kotu-ru-ʔ.
чуть.не-PF-3SG.R быть-RENARR **убить-PASS-CN**
 ‘Этого, который вас так третировал, чуть, говорят, не убили’.

Как частица *kasaʔ* сочетается с любыми глаголами и с именами и означает ‘чуть’, ‘едва’, ср. следующие два примера:

- (11) *Əiʔ, nɨj-ʔə kurəgundi kasa-ʔa dʔorə-lə-ʔ.*
 эй женщина-AUGM даже **чуть.не-PF** плакать-INCH-CN
 ‘Эх, женщина аж чуть не заплакала’.

- (12) *Kasaʔ ʃilɨʔadə dʔorə-ŋu ilɨ maə-ŋu.*
чуть неизвестно **плакать-INTERR** или что-INTERR
Duəlɨ tərədʔi kuədʔumu-ntə tʔüü-gümü-dʔa.
 конечно такой мужчина-LAT прийти-то-INF
 ‘Немножко даже плачет или что ли. Конечно, такой муж достался’ (букв. «конечно, к такому-то мужчине придя»).

Разумеется, иллюзия многозначности возникает здесь только благодаря русскому переводу. *Kasa-/kasaʔ* означает ‘почти P’, ‘близко, но не P’. Как глагол этот корень перфективен, поскольку означает достижение некоего состояния, близкого P, но не достигающего P, и это состояние и задает предел движения к P и естественное завершение этого движения.

Глагол *əku-* ‘навверное’ имеет дефектную парадигму, из которой употребляются в основном только формы настоящего вре-

мени⁹. Форм перфекта *əku-* не образует, хотя семантически ничто не препятствует сочетанию его с предельными глаголами. Проблема нехватки грамматических форм решается следующим образом: если нужно добавить смысл ‘наверное’ к презенсу имперфективных глаголов, употребляется вспомогательный глагол *əku-* (примеры 13—14), а с формами прочих времен и наклонений, с перфективными глаголами, а также с именами употребляется *əku* как частица (примеры 15—16):

- (13) *Tənə maa-güə t'enj' əkj-tj-ŋ mint'agənj.*
ты что-то знать-CN **наверное-PRAES-2SG.S** наверное
‘Ты что-то знаешь, наверное’.
- (14) *Təti-rə tə büü-nandu-² əku-ta-δə,*
тот-2SG ну **уйти-VOL-CN** **наверное-PRAES-3SG.R**
təndj-t'i ŋədi-nandu-² əku-tu.
тот-ACC.PL.3SG увидеть-VOL-CN **наверное-PRAES**
‘Поехать он, наверное, хочет, навестить их хочет’.
- (15) *Basu-tuə-mə tuu-²ə əku.*
охотиться-PT.PRAES-1SG **прийти-PF** **наверное**
‘Охотник мой, наверное, вернулся’.
- (16) *Talu-ə maɗaj-šüəδəə mint'agənj bəjka-²a*
вчера-ADJ гостить-PT.PRAET **наверное** старик-AUGM
ñüə-ŋ əku.
сын-2SG **наверное**
‘Ты, наверное, сын того старика, который вчера в гости приезжал’.

⁹ Также от *əku-* образуется основа прогрессива на *-ntə* в значении будущего времени и хабиитуалис на *-mujha*; здесь мы эти формы рассматривать не будем. Основа *əku-* как вспомогательного глагола имеет уникальную в нганасанском языке особенность: она подчиняется гармонии гласных и с соответствующими корнями приобретает вид *əkj-*. Нигде более в современном языке, в том числе с другими вспомогательными глаголами, сингармонизм не выходит за пределы словоформы. С другой стороны, можно предполагать, что некоторые из нынешних словообразовательных суффиксов — в частности, упоминаемый ниже в статье волитив *-nantu* — возникли из аналогичных сочетаний в результате подчинения вспомогательного глагола чередованию гласных и стягивания его со смысловым в единую словоформу.

Глагол *ɲəlj-* ‘конечно’ — этимологически форма дубитатива от глагола ‘быть’ — не содержит показателей ни перфекта, ни претерита, поэтому ни формально, ни семантически ничто не препятствует его сочетанию с глаголами обоих видов. Поскольку для аспектуальной проблематики он не релевантен, мы не будем рассматривать его здесь.

2.5. *Двувидовые глаголы.* Двувидовые корни — то есть корни, которые могут изменяться и по перфективной, и по имперфективной модели, — очень немногочисленны. Собственно, их известно три.

Первый — это корень *ɲin-* ‘сказать; говорить’. На самом деле, здесь речь идет скорее о смешении двух основ: перфективной *ɲin-* (*ɲinuʔə*) и имперфективной *ɲinu-* (*ɲinuntu*). Однако форма *ɲinuʔə* в принципе может пониматься и как образованная от *ɲinu-*; с другой стороны, презенс *ɲinuntu* иногда употребляется в стяженной форме *ɲuntu*, которая может пониматься и как образованная от *ɲin-*. В нарративе формы *ɲinuʔə* и *ɲinuntu* ‘говорит, сказал’ в функции введения прямой речи взаимозаменяемы (вторая — имперфективная — более частотна).

Второй корень, действительно двувидовой, — это *hʷaŋku-* ‘опьянеть; пить спиртное; быть пьяным’ (*hʷaŋkuʔə* и *hʷaŋkutu*):

(17) *Kaŋgütəküənu ɲəlj kasaʔ hʷaŋka-ʔa əku.*
 когда-то конечно чуть **опьянеть-PF** наверное
 ‘Через некоторое время, конечно, немножко опьянела’.

(18) *Dua bʰari-ʔə-mi, iri-mi məlʷi*
 дверь.ACC открыть-PF-1DU дедушка-1DU совсем
hʷaŋku-tu.

быть.пьяным-PRAES

‘Двери открыли, дедушка наш совсем пьяный’.

Наконец, третий корень — это *sojbu-* ‘слышаться; послышаться, стать слышным’. Впрочем, перфект от него (*sojbuʔə*) намного более редок, чем настоящее время (*sojbutu*): в нашем корпусе частотность форм перфекта и настоящего времени соотносятся примерно как 1 к 30. Среди форм, не различающих вида морфологически (в частности, причастий настоящего времени, частотных у этого глагола), случаев с перфективной интерпретацией нам вообще не встретилось.

3. Словообразовательные аффиксы

Как было сказано выше, у производных глаголов вид основы определяется последним из словообразовательных аффиксов. Аффиксов разной степени продуктивности, образующих глаголы от глаголов и от имен, существует достаточно много, см. специально о нганасанском словообразовании монографию [Wagner-Nagy 2001]. Мы перечислим здесь наиболее употребительные.

Стоит специально отметить, что из основных словообразовательных аффиксов, по-видимому, все, помимо выражения своей основной семантики, с определенными основами выполняют чисто видовую роль, то есть перфективируют или, наоборот, имперфективируют основу противоположного вида. Примеры этого будут приведены ниже. Распределение таких суффиксов по основам (то есть тот факт, что, например, *səŋkə*- ‘ночевать’ перфективируется с помощью инхоатива, а *biə*- ‘говорить’ — с помощью темпоралиса), по-видимому, не случайно, однако этот вопрос требует дальнейшего изучения.

3.1. Перфективные аффиксы. И н х о а т и в *-lə* в своем стандартном употреблении означает начало действия:

- (19) *Hojməgi-m-ti-tə* *saŋgu*
 темный-ФАКТ-VN.TEMP1-LAT колокольчик
sojbu-l'i-ʔə.
быть.слышным-INCH-PF
 ‘Когда стемнело, колокольчик стал слышен’.
- (20) *lɪnsūdə-ʔ* *tuu-ʔna-l'i-ʔə-ʔ*, *bəndʔə-ʔ təndə*
 упряжка-PL **прийти-DISTR-INCH-PF-3PL.S** весь-PL туда
nənsu-kə-ndj-təʔ.
 встать-ITER-PRAES-3PL.S
 ‘Упряжки стали съезжаться, и все стали здесь останавливаться (букв. «все здесь останавливаются»)’.
- (21) *Kūdʔatundə* *huu-l'i-ʔə-δi*.
 утром **искать-INCH-PF-3DU.O**
 ‘Утром они начали его искать’.

Насколько известно, суффикс инхоатива присоединяется только к имперфективным основам (как, собственно, и по-русски глагол *начать* требует несовершенного вида). Если корень ин-

хоативного глагола перфективный, то производящая основа будет имперфективной, т. е. между корнем и аффиксом инхоатива будет стоять (как минимум, один) имперфективирующий суффикс. Ср. пример (20), где от глагола *tuj-* ‘прийти’ сначала был образован мультипликатив *tuu-²nar-* ‘приходить (о многих агенсах)’, а потом уже к нему прибавлен суффикс инхоатива *-lə*. В следующем примере от перфективной основы *kou-* ‘отстать; остаться’ образован прогрессив *kou-tə-* ‘быть в процессе отставания’, и уже от этой основы — инхоатив *kou-tə-lə-*:

- (22) *Təndj-²mənj səə-tij* *ni-ndj-²* *notüdü-²,*
 тот-PROL.PL сердце-ACC.PL.3PL не-PRAES-3PL.S толкать-CN
kanü-² *hüa-²mənu* *mj-mjn-tij*
 несколько-GEN.PL год-PROL.PL ехать-VN.IPF-GEN.3PL
kuntə, *kurəgui²* *mjədə-kəl'it'ə-gətə*
 в.течение даже аргиш-даже-ABL
kou-tə-l'i-²ə-².

отстать-PROGR-INCH-PF-3PL.S

‘Тем временем они свои сердца не толкают (= не подкрепляются едой), пока едут в течение нескольких лет, даже от аргиша стали отставать’.

С рядом корней инхоатив употребляется как чистый перфективатор, образуя от имперфективных основ перфективные без компонента начинательности — действие не только начинается, но и заканчивается:

- (23) *Tə-tə ətə* *šəŋkə-lə-di,* *küd'ahü²*
 ну-ну сюда **ночевать-INCH-IMP.2SG.R** утром
büü-gi-ŋ.
 уйти-IMP.FUT-2SG.R
 ‘Ты здесь переночуй, а завтра уедешь’.

- (24) *Taa-tü* *təni bənd'ikaa-²* ***tonu-lə-ra-²i-nda²***
 олень-ACC.PL.3SG там все-PL **гнать-INCH-PASS-PF-3PL.S**
i-bahu.
 быть-RENARR
 ‘Стадо его все туда перегнали’.

Многие связанные корни образуют перфективную основу с суффиксом *-lə*: *həkə-lə-* ‘взять’, *d'ijkə-lə-* ‘завернуть’, *sakə-lə-*

‘укусить’. Встречается он и в составе отыменных глаголов: *d'irə-lə*- ‘смазать жиром’ (*d'ir* ‘жир’).

Инцептив. Суффикс *-ʔkə* вслед за работой [Хелимский 1994] принято называть результативом, но это совсем не то, что понимается под результативом в современных типологических работах, поэтому здесь мы будем называть его «инцептивом». В ряде случаев его семантика близка семантике инхоатива на *-lə*, рассмотренного выше, и он действительно выражает начало действия. Распределение основ между *-ʔkə* и *-lə* неясно.

- (25) *Takəə* *nerədi-tjə-ʔ* *taa-ʔ*
 вон.там впереди.быть-PT.PRAES-PI олень-PI
kətu-ʔkə-h"adu-ʔ *tə-məənɟ.* *əmə-ʔ*
пасться-INCEPT-INFER-3PL.S тот-PROL.ADV этот-PI
huədu-tuə-ʔ *ɲjətə-nduŋ, ɲuəlɟ, məl'ʔi-δü*
 позади.быть-PT.PRAES-PI еще-3PL конечно предел-3SG
ɲintɟ *ɲədu-ʔ,* *taa-ʔ* *h'ai.*
 не-PRAES-3SG.S увидеть.STAT-CN олень-GEN.PL конец
 ‘Вон передние олени стали пасться там [в отдалении]. Эти задние [олени] еще [движутся], конечно, края, конца оленям не видно’.

- (26) *Dad'a-mtu* *məñüʔ-tə-ʔki-ʔə.*
 младший.брат-ACC-3SG **размять-PROGR-INCEPT-PF-3SG.S**
əuʔ, əməniə-rə *təʔ* *bat'ə-güə-tuə-rəku.*
 оу! этот-2SG ведь дышать-то-PT.PRAES-COMP
 ‘Младшего брата тормошить стал. О, он ведь вроде дышит-то’.

Особенность *-ʔkə* состоит, однако, в том, что он может присоединяться и к перфективным основам, таким образом обозначая начало предельного процесса:

- (27) *Tahar'aiʔ* *hiind'a* *ni-ɲj-ɲjʔ*
 теперь ночью NEG-INTERR-1PL.R
kitə-ʔkə-ruʔ.
разбудить-INCEPT-PASS-CN
 ‘Ночью нас стали будить’.

- (28) *Naagəi-ʔ* *babi-mtün*
 хороший-ADV дикий.олень-ACC-3PL

Отметим, что, хотя проспектив с точки зрения акциональности — это скорее состояние, основы с *-ʔkə* перфективны. Мы полагаем, что это не столько соответствует нынешнему положению дел, сколько отражает историю значения этого суффикса, развившегося из инхоативности: ‘я начал уходить’ → ‘я (сейчас) уйду’. Этим же объясняется и частотное сочетание *-ʔkə* с имперфективом *-ntə*, как, в частности, во втором глаголе примера (32).

Наконец, как и инхоатив *-lə*, *-ʔkə* может выступать как чистый перфективатор:

- (33) *D'esj i-hü-tə*   *kuntu-bata-nə*,   *tə*
 отец быть-COND-2SG уснуть-INFER-1SG.R ну
d'üt'i-ʔki-ə-m   *mənə*, *d'esj i-hü-tə*.
видеть.кон-INCEPT-PF-1SG.S я   отец быть-COND-2SG
 ‘Отец, я, оказывается, уснул, и мне приснился сон (букв. «я увидел сон»)’.

Темпоралис, выражаемый суффиксом *-kəl* обозначает, что неопределённый процесс или состояние длится некоторое время и потом прекращается (лимитативность, см. [Плунгян 2011: 422], или делимитативность). Таким образом, перед нами один из способов перфективации имперфективного действия — «навязывание» ему темпоральной границы:

- (34) *Tənə əm-kətə i-kəl-əʔ*,   *mənə tuj-šüdə-m*.
 ты этот-ABL **быть-ТЕМ-IMP.2SG.S** я   прийти-FUT-1SG.S
 ‘Ты здесь пока побудь, я приеду’.
- (35) *Tə ɳi-hⁱaadəə-mj^ʔ*   *barə-gələ-ʔ*   *ɳaa-ʔ*
 ну NEG-IRREAL-1PL.S **ждать-ТЕМ-CN** нганасан-GEN.PL
baarbə ɳüə, *ad'a-ʔ*   *baarbə ɳüə*.
 вождь сын долганин-GEN.PL вождь сын
 ‘Пока мы подождём сына вождя нганасан и сына вождя долган’.

Помимо имперфективных, суффикс *-kəl* присоединяется и к перфективным глаголам для указания на то, что за данным действием последует другое (собственно говоря, все его значения хорошо соответствуют русскому *пока*):

- (36) *Əm-kətə i-gəl-ɳu-ruʔ*,   *kuntu-gəl-ɳa-ntuʔ*,
 этот-ABL быть-ТЕМ-IMP-2PL.S **уснуть-ТЕМ-IMP-2PL.R**

mənə koni-gəl-ku-δəm.

я **пойти-ТЕМР-ІМР-1SG.S**

‘Итак, здесь пока побудьте, поспите, а я пока пойду [т. е. пока вы спите]’.

- (37) *Tə-tə ni-ku-δəm koni-gələ-ʔ süar-nə*
 ну-ну NEG-ІМР-1SG.S **пойти-ТЕМР-СН** товарищ-GEN.2SG
madə d'a. D'igə nii tamtū-kəl-ku-nə.
 чум к гора на **залезть-ТЕМР-ІМР-1SG.R**
 ‘Ну, пока я не пойду к другу в чум. На гору пока залезу’.

(Спустя некоторое время, выполнив то, что он собирался сделать на горе, герой спустился и зашел в чум к другу.)

Также суффикс *-kəl* употребляется для образования однократных глаголов, в том числе от существительных:

- (38) *Təti-rə b'a-gəl'i-ʔi-δə bika-ʔkü-tü tagə d'a.*
 тот-2SG шаг-ТЕМР-PF-3SG.R река-DIM-GEN.3SG за к
 ‘Он перешагнул на тот берег речки’.

Ср. также *buəgəl-* ‘сказать’ от *buə-* ‘говорить’, а также *küi-gəl-* ‘упасть в обморок, потерять сознание’ — по-видимому, от *kuə-* ‘умереть’.

Каузативные глаголы (суффиксы *-btu* и *-ru*) также всегда перфективны.

- (39) *Təti t'ia-btj'ə kobt'a, madu-tu*
 тот **сесть.в.сани-CAUS-PF** девушка.ACC чум-GEN.PL.3SG
d'a konda-ʔa-tu.
 ALL увезти-PF-3SG.O
 ‘Он посадил девушку (на санку), к себе домой увез’.

- (40) *Tahar'aa ŋ'iantu-rba'ə ŋoŋd'i-ʔə, təndə*
 теперь парень-AUGM2 выйти-PF тот.GEN.SG
kobt'a kəndə bəŋd'ə ŋot'i-btj-ʔə.
 девушка.GEN.SG нарта.ACC весь.ACC освободиться-CAUS-PF
 ‘Парень вышел, девушку упряжку распряг’.

- (41) *Ou... tə mənə ŋiku-bta-ʔa-ri-əi, tənə*
 EXCL... ну я **вспотеть-CAUS-PF-2DU.S-EXCL** ты

heku-tj-ŋ *təśáðə* *təti*.
 быть.теплым-PRAES-2SG.S совсем тот
 ‘Ну, я от вас вспотел, ты особенно совсем горячий’.

Если каузатив образуется от имперфективной основы, получающийся глагол все равно перфективен:

(42) *Təti tahar¹ai[?]* *Kuə[?]ma[?]ku-mə* *d'ütü-gətə* *mənə* *kəmə-d'a*,
 тот теперь Куомаку-1SG рука-ABL я взять-INF
bələukə-tu *d'a* *mənə* *hojkü-bta-²a*.
 балок-GEN.3SG ALL я **побежать.STAT-CAUS-PF**
 ‘Куомаку, взяв меня за руку, меня потащила бегом в балок к своим родителям’.

(43) «*Tahar¹aa* *ŋəmsu-mə* *sal'i-[?]ə-ru[?]* *tə*, *bənd'ə*
 теперь мясо-ACC.1SG испортить-PF-2PL.S ну весь.ACC
śabj-mtj *ñi-ŋj-ri[?]* *munsə-ru[?]*.
 плоть-ACC.3SG NEG-INTERR-2PL.S **кипеть-CAUS-CN**
 ‘Вы все мое мясо испортили, переварили’.

Отметим, что пассив, в отличие от каузатива, сохраняет вид производящей основы:

(44) *Tə* *koi-ri-[?]ə* *nüə-ntə*, *l'andjrsij-ti*.
 ну **оставить-PASS-PF** ребенок-LAT качать.ребенка-PRAES
 ‘Его оставили с ребенком, он (ребенка) качает’.

(45) *Śiəðjɾə* *taani-ə* *kəi-tənj* *tahar¹ai[?]* *śiəðjɾi-ñi[?]*
 окно.GEN тот-ADJ.GEN сторона-LOC теперь окно-PL.1PL
t'ambi-tə-ri-tj-ndə[?].
 сломать.COMPL-PROGR-PASS-PRAES-3PL.R
 ‘‘За окном (т. е. с другой стороны, с улицы) наши окна ломают’ (дело происходит во время пожара)’.

Из отыменных суффиксов очень частотен *-m*, образующий глаголы со значением ‘стать каким-либо/чем-либо’; мы будем здесь называть этот суффикс **ф а к т и в н ы м**:

(46) *Əi[?]*, *nüə-[?]kü-mə* *əmə* *tühə-nj*
 эй ребенок-DIM-1SG этот пора-LOC.ADV
anika[?]i-mü-[?]ə *tə[?]*.
большой-ФАКТ-PF ведь
 ‘Эй, сынок мой к этому времени, наверное, уже большой стал’.

(47) *Kurægundi maagəl'i'tə taa-gal'i-mü-ʔə-gəj.*
 даже совсем олень-CARIT-FACT-PF-3DU.S
 ‘Совсем без оленей остались’.

(48) «*Timin'a d'ala-mu-ʔə.*
 теперь день-ФАКТ-PF
 ‘Сейчас настал день’.

3.2. *Имперфективные суффиксы.* Рассмотрим теперь основные имперфективирующие суффиксы.

Прогрессив в *-ntə* присоединяется в основном к перфективным основам, и его наиболее частотное употребление — это именно прогрессив, то есть срединная стадия предельного процесса, в момент наблюдения еще не достигшего финала:

(49) *Takəə-güma-t'e kurəgüi' malə-tə-nda-təʔ*
 тот-то-PL.2SG уже встать.чумом-PROGR-PRAES-3PL.R
təʔ, ɲerəbtəi-t'üŋ takəə maðu-t'üŋ mji-ʔə-ʔ,
 ведь передний-PL.3PL тот чум-ACC.PL.3PL сделать-PF-3PL.S
ɲam'ajd'ümə-ʔ mjadə-ʔ bənd'ikaə-ʔ
 другой-PL аргиш-PL весь-PL
malə-tə-nda-təʔ.
встать.чумом-PROGR-PRAES-3PL.R
 ‘Те уже чумы ставят, передние уже поставили чум, остальные все чумы ставят’.

(50) *Duəlji bikaə bəu-ʔ-tə-kə-büʔ təti*
 конечно река.ACC переправиться-PROGR-ITER-COND тот
i'et'a tod'ü-ʔ takəə hursə-kə-sjə-ʔ
 очень теленок-PL тот.дальний вернуться-ITER-PRAET-3PL.S
hüətə.
 всегда
 ‘Когда мы речку переходили, всегда телята возвращались назад (не могли перейти)’.

(51) *Tə, tə-məəŋi ɲonəi-ʔ sɪrkə-tə-ndi-ʔ*
 ну тот-PROL.ADV еще-GEN.PL выкопать-PROGR-PRAES-3PL.S
hiind'i-ʔa ɲiitə-nduŋ, tə ɲuəlji ɲenəf'a'a hüüdar-küümü.
 вперед еще-3PL ну конечно огромный сугроб-то
 ‘Теперь там еще дальше они копают — ну конечно, большой же сугроб’.

Отметим разницу в значении между прогрессивом *-ntə* и темпоралисом *-kəl*. И тот, и другой выделяют часть действия внутри целого. Однако темпоралис выделяет замкнутый отрезок и вкладывает его целиком в окно наблюдения, отсюда перфективность этого суффикса. Суффикс *-ntə* указывает открытый интервал без начала и конца, которые в окно наблюдения не попадают, поэтому он относится к имперфективному виду.

Если глагол обозначает мгновенное действие, то при присоединении к нему суффикса *-ntə* возникает значение подготовительной стадии, проспектива:

- (52) *D'üraki-[?] baarbə təti ŋil'a-[?]a kuə-tə-sa*
 ненец-GEN.PL начальник тот вниз умереть-PROGR-INF
ŋomtū-[?]ə.
 сесть-PF
 'Ненецкий начальник умирая, сел вниз (на землю)'.

(ср. русское *умереть* — *умирать*).

Прогрессив *-ntə* в таких употреблениях оказывается почти синонимичен инцептиву *-[?]kə* с той лишь разницей, что в значении *-[?]kə* актуализировано (возможно, только формально) наступление проспективного состояния, а у *-ntə* — само это состояние. Для прогрессива также характерно использование в значении будущего времени, и в этой функции он достаточно сильно грамматикализован (что является общесамодийской чертой).

Приведем в заключение пример прогрессива в чисто видовой функции, при глаголе — аргументе глагола 'не уметь':

- (53) *D'üku-[?]tə-sa kuni[?]a-gəl'iti d'eru[?]-suə.*
 потерять-PROGR-INF как-EMPH1 не.уметь-PRAET
 'Он никогда не умел теряться'.

Ср. также глаголы типа *hodətə-* 'учиться', представляющие собой прогрессив от корня *hotə-* 'сделать узор; написать' (пример 54). Та же основа *hodətə-* может употребляться и как прогрессив, в значении 'делать узор' или 'писать' (пример 55):

- (54) *Dađ'a-ŋe bənd'ə-[?] hodə-tə-ndu-[?]*
 младший.брат-PL.1SG весь-PL написать-PROGR-PRAES-3PL.S
kola-tənu.
 школа-LOC
 'Братья и сестры все учатся в школе'.

- (55) *Təti l'üə'sa hodətə-nda-t'ü* *bümaga-ndə*,
 тот русский **написать-PROGR-PRAES-3PL.OP** бумага-LAT
bənd'ə buədə-t'ü hodü-ʔə.
 весь.ACC слово-ACC.PL.3SG написать-PF
 'Русский пишет, все, что она говорит, на бумагу записал'.

Еще один в основном видовой суффикс — это *дуратив -kuj*. Он присоединяется практически исключительно к двум типам основ: к каузативам (которые, напомним, всегда перфективны) и к образованным с помощью того же суффикса отыменным переходным глаголам типа 'смолить', 'пасти оленей' и пр., а также к схожим образованиям на *-r*. Прогрессив *-ntə* с этими основами, напротив, никогда или практически никогда не сочетается.

Поскольку минимальных пар на дуратив и прогрессив в нашем материале нет, говорить о различии в их семантике сложно, однако кажется, что прогрессив сочетается с глаголами, обозначающими действие с инкрементальным объектом или другим аргументом (или, в случае проспективного употребления, сам привносит инкрементальную семантику, как в случае 'умирать'), а дуратив скорее не подразумевает накопления результата. Иными словами, дуратив — это неопредельный процесс, а прогрессив — фрагмент предельного процесса. Впрочем, настаивать на этом утверждении мы не рискуем.

Отметим еще, что, хотя дуратив присоединяется к каузативным глаголам, он не означает длительного процесса каузации («постепенно заставлял и наконец заставил» — в этой ситуации мы ожидали бы как раз прогрессива, если бы такие формы были возможны). Дуратив — это скорее многократная каузация. Ср. примеры:

- (56) *Təʔə biʔia-ʔku-tini tərəd'i ɲəmə-btu-guj-t'ü-ði*
 ну суп-DIM-LOCPL такой **есть-CAUS-DUR-PRAES-3DU.O**
D'ajkü-mti.
 Дяйку-ACC.3DU
 'Супчиком они (стали) **кормить** Дяйку'.
- (57) *Taa-t'ün maðu-ʔ d'a l'ümü-r-kü-t'ü*.
 олень-ACC.PL.3PL чум-GEN.PL ALL **бежать-CAUS-DUR-3SG.OP**
 'Оленей к чумам **гонят**' (т. е. подгоняют то одного, то другого оленя)'.
 'Оленей к чумам **гонят**' (т. е. подгоняют то одного, то другого оленя)'.

- (58) *Hutaru-t'ü*   *ɲonə-ntu sohü-r-kü-t'a-t'ü*.
 упряжь-ACC.PL.3SG сам-3SG **упасть-CAUS-DUR-PRAES-3SG.OP**
 ‘Сбрую сама всю **снимает**’ (по частям снимает упряжь с оленя)’.

Мультипликатив *-r* (по-видимому, не тождественный упомянутому выше каузативному *-r*) обозначает обычно действия, состоящие из многих повторяющихся фаз.

- (59) *Təni'a*   *ɲəm-ur-u-ʔ*   *praazhíkədu-sa*,
 так   **съесть-MULT-PRAES-3PL.S** праздновать-INF
bənd'ika-a-j   *ɲana'sanu-t'ü*   *ɲu'na-ʔa*   *bənsə*.
 весь-ACC.PL человек-ACC.PL.3SG собратъ-PF весь
 ‘Ну теперь, кушают на празднике, всех людей своих собрал’.

- (60) *Ou*,   *munu-munu-ti*:   «*D'esj-mi*   *kuə-d'üə*   *əmti*,
 INTERJ сказать-AUD-3DU отец-1DU умереть-PRAET этот
d'esj-ni   *mibtia-d'əə-j*   *əmi'a*
 отец-GEN.1DU имущество-ANT-ACC.PL так
taru-r-u-mi.

разделить-MULT-PRAES-1DU.S

‘Они говорят: «Отец у нас умер, его имущество мы делим’.

- (61) *Tə*,   *mənə təni-ni*   *i-süə-m*   *D'ansəbüʔə*
 ну я   тот-LOCADV быть-PRAET-1SG.S   Дянсабюо.GEN
nani   ***sani-r-kə-tu-mi***   *təni-ni*
 с   **игрушка-MULT-ITER-PRAES-1DU.S** там-LOCADV
həmj-gəi-tü   *ma-tənu*.
 мать-DU-GEN.PL.3SG   чум-LOC
 ‘Я бывала там, вместе с Дянсэбюэ играла в балке его родителей’.

Этот же суффикс обычно оформляет имперфективные глаголы движения (напомним, что непроеизводные глаголы обычно обозначают начало движения): *d'odü-r-* ‘ходить’, *hoiki-r-* ‘бегать’, *d'əŋhi-r-* ‘плыть, плавать’, *təi-r-* ‘лететь, летать’ и т. д.:

- (62) *Kəhji*   *ni-ndj-təʔ*   *təu-n'andj-ʔ*,   *təni^ʔar'ai^ʔ*
 куропатка NEG-PRAES-3PL.R   улететь-VOL-CN так
hojkü-r-ü-ʔ.
побежать-MULT-PRAES-3PL.S
 ‘Куропатки не думают улетать, только так ходят (бегают по земле)’.

- (63) *Mun-tu:*   *takəə*   *maəŋuna,*   *bɨdə*
 сказать-PRAES тот.дальний что.такое вода.GEN.SG
kunsjə   *tə d'əŋhi-r-ü,*   *kat'əmə-kəə-rə.*
 внутри-ADJ ну **поплыть-MULT-PRAES** увидеть-ADMCON-2SG.O
 'Говорит: что там такое, в воде плавает, посмотри'.

Отметим интересную особенность: с наиболее частотными глаголами движения ('ходить', 'бегать') суффикс *-r* обозначает разнонаправленное движение; однонаправленное движение ('идти', 'бежать') выражается другими суффиксами или даже другими основами. Основы на *-r* от более редких и прагматически менее важных глаголов, таких как 'плыть', 'лететь' обозначают и направленное, и ненаправленное движение.

Итератив *-kə* выражает регулярную повторяемость ситуации:

- (64) *Tahar'ai?*   *tə-gəj*   *numajka'a-gəj*   *d'ala-?*   *talu*
 теперь   тот-DU   парень-DU   день-GEN.PL   каждый
basu-kə-tu-gəj.

охотиться-ITER-PRAES-3DU.S

'Эти парни изо дня в день ходят на охоту'.

- (65) *Nogu'i?*,   *kuntəgati?*   *mi-ŋəə-?*
 близко-EMPH-ADV   далеко-EMPH-ADV   ехать-IMP-3PL.S
Malə-kə-nda-tə?

встать.стойбищем-ITER-PRAES-3PL.R

'Пусть они едут близко ли, далеко ли. Бывает, стойбищем останавливаются'.

Для настоящего времени итератива характерно употребление применительно к прошлому, в значении «так бывало раньше», в сопровождении эксплицитных указаний на прошлое или без них.

- (66) *Təti təni'a*   ***buə-kə-ndu-?***   *bajka-?a-?*
 тот так   **говорить-ITER-PRAES-3PL.S**   старик-AUGM-PL
 'Так говорили старики'.

- (67) *Darka-güə*   ***ŋədü-kə-ndu-m***   *ŋukə-gəi-?*,
 медведь-то.ACC   **найти-ITER-PRAES-1SG.S**   много-ADJ-GEN.PL
kuniraamu   ***ŋədü-kə-nda-ŋə.***

какой-PL-LOC.ADV   найти-ITER-PRAES-1SG.OP

'Медведей много я встречал, везде я их встречал'.

См. также пример (126) ниже.

Частое не-итеративное употребление итератива — с имперфективными основами для обозначения длительности действия, ср. русские конструкции типа *все идет и идет*:

- (68) *Duədu[?] bia[?]muəd[?]əədu kanii[?]*
 один-ADV уехать-VN.PF-PRAET-3SG несколько-GEN.PL
śajbi[?] d'aliməni[?] heŋkəkəkəra
 семерка-GEN.PL день-PROL бедняга-2SG
heditiŋəti.
ехать-ITER-PRAES-3SG.S
 ‘Однажды отправившись, бедняга едет в течение нескольких семерок (= многих) дней’.

- (69) *Əliŋa[?]ku nüə-[?]kü-ti təti*
 маленький ребенок-DIM-3DU тот
hodətənda[?]ku, hüəti[?] siti
 написать-PROGR-PT.PRAES-DIM год-LAT.PL они.DU
təŋərikəb[?]uŋh[?], d[?]orəŋaləkəbahu.
гнаться-ITER-RENARR плакать-даже-ITER-RENARR
 ‘Маленькая девочка, которая учится, все время за ними следует (гонится), говорят, даже плачет, говорят’.

Перечислим еще несколько имперфективных суффиксов с более конкретной семантикой:

— хабитуалис:

- (70) *Təti h[?]aamə maə kuni[?]a mejtəŋi,*
 тот дерево-1SG что.ACC как сделать-FUT-INTERR
h[?]aa[?]kümə d[?]obtəl[?]üküŋəl[?]i[?]ə isüə, kəi
 дерево-DIM-1SG тонкий-DIM-EMPH быть-PRAET сторона.GEN
d[?]a i[?]üüit[?]üŋ d[?]obtəl[?]ükü[?]
 ALL быть-PT.PRAES-PL.3PL тонкий-DIM-PL
i[?]h[?]andu[?].
быть-НАВИТ-PRAES-3PL.S
 ‘Что мне с этой палки, палка эта тоненькая была, палки, которые по сторонам [ловушек] стоят, тоненькие бывают’.

— дистрибутив, употребляющийся, когда действие состоит из нескольких отдельных частей. Чаще всего он подразумевает множественность субъектов (т. е. разные субъекты совершают данное действие каждый по отдельности), но не обязательно:

- (71) *Tə-tə... təndj-t'e mal'irü-t'ün bəhd'ə-ʔ*
ну-ну тот-PL.2SG стойбище-PL.3PL весь-PL
tuu-ʔnar-u-ʔ.

прийти-DISTR-PRAES-3PL.S

‘С этого стойбища все к ним приходят’.

- (72) *Tə, talu-ə d'alj-gətə ħendu ħunsəə-j*
ну вчера-ADJ.GEN день-ABL потому.что другой-ACC.PL
bitidə-j nəmtə-ʔnar-u-m.

стрела-ACC.PL **заметить-DISTR-PRAES-1SG.S** ну-ну

‘Ох, что-то от вчерашнего дня другие стрелы обнаруживаю’.

— ВОЛИТИВ:

- (73) *Ñilijəj maadə*
жить-PT.PRAES-ACC.PL что-ABL.ADV
bikərabtikujjīʔ, təbtə
попасться-CAUS-DUR-INTERR-3PL.S тоже
ñilij-n'andj-tj-ʔ.

жить-VOL-PRAES-3PL.S

‘Зачем живых (песцов) ловят, они же тоже жить хотят’.

3.3. Суффиксы, вид которых зависит от семантики производящей основы. Существует несколько словообразовательных аффиксов, которые могут образовывать как перфективные, так и имперфективные глаголы в зависимости от семантики производящей основы. Мы рассмотрим здесь два из них: статив и комплетив.

Статив (точнее, статив-декаузатив) образуется с помощью определенного морфонологического процесса, который мы не будем здесь подробно описывать¹¹ и сопровождается обычно чередованием последней гласной основы. Он всегда образуется от перфективных глаголов и имеет следующие три типа.

---

¹¹ Вкратце — в большинстве случаев тип основы меняется с вокалического на квазиконсонантный, т. е. основа, оканчивающаяся на гласный, в морфонологическом отношении начинает вести себя так, как будто оканчивается на согласный. Этимологически это объясняется, разумеется, существовавшим когда-то согласным, который позже выпал. Этот же согласный вызывал чередование предшествующего гласного. Подробнее о формах статива-декаузатива в уральской перспективе см. [Гусев 2010].

А. Статив от непереходных глаголов выражает результирующее состояние и, соответственно, имперфективен: *kuntu-* ‘уснуть’ — *kund^ua-* ‘спать’ (*kund^uatu*), *ɲomtə-* ‘сесть’ — *ɲomtū-* ‘сидеть’ (*ɲomtūtū*), *malə-* ‘встать стойбищем, остановиться при перекочевке’ — *mal’ū-* ‘стоять стойбищем’ (*mal’ūtū*). От глаголов движения (выражающих, напомним, начало движения) эта форма обозначает сам процесс движения: *hojkə-* ‘побежать’ — *hojkū-* ‘бежать’ (*hojkūtū*), *suə²-* ‘откочевать’ — *suəd’ū-* ‘находиться в процессе перекочевки, аргишить’¹².

Б. Статив от переходных глаголов является, собственно, декаузативом: из структуры события удаляется агенс. В отличие от пассива, где агенс лишь понижается в статусе (см. о нганасанском пассиве [Leisiö 2006]), при стативе агенс именно отсутствует в самом событии. Как мы увидим ниже, это оказывает непосредственное влияние на аспект получившейся формы.

Если действие таково, что оно может произойти само, без активного агенса, то форма статива-декаузатива перфективна: *bətu-* ‘вырастить’ — *bəδ^ua-* ‘вырасти’ (*bəδuu^a*), *d’ük-* ‘потерять’ — *d’üku-* ‘потеряться’ (*d’üku^ə*), *koi-* ‘оставить’ — *kou-* ‘остаться; отстать’ (*kou^ə*), *kiti-* ‘разбудить’ — *küδⁱa-* ‘проснуться’ (*küδüü^a*), *tək-* ‘замести (снегом), засыпать’ — *təku-* ‘стать заметным’ (*təku^ə*).

В. Если же действие таково, что оно не может произойти без вмешательства активной внешней силы, то форма статива-декаузатива имперфективна и обозначает результирующее состояние: *bəbtu-* ‘опрокинуть’ — *bəbt^ua-* ‘быть опрокинутым, перевернутым’ (*bəbt^uatu*), *b’arə-* ‘открыть’ — *b’ari-* ‘быть открытым’ (*b’ariti*), *d’übəə-* ‘бросить’ — *d’übəi-* ‘лежать, валяться’ (*d’übəiti*), *hüt’ü-* ‘войти; поместить внутрь’ — *hüt’a-* ‘находиться внутри чего-либо’ (*hüt’atu*), *kiti-* ‘привязать’ — *kit’a-* ‘быть привязанным’ (*kit’atj*), *ɲətə-* ‘увидеть’ — *ɲəδu-* ‘быть видным, виднеться’ (*ɲəδutj*), *ɲiti-* ‘повесить’ — *ɲüδⁱa-* ‘висеть’ (*ɲüδⁱatu*).

Мы можем восстановить, если так можно выразиться, «ход рассуждений» грамматической системы при образовании формы статива-декаузатива от перфективных глаголов. Из структуры события убирается агенс, действие происходит само собой: «вырастил щенка» → «щенок вырос» (сам собой, никто его не растил),

¹² Аргиш — обоз из нарт, на которых везут все имущество при перекочевке.

«оставил детей дома» → «дети остались дома» (по собственной инициативе). Иногда, однако, результат получается бессмысленным: «привязал оленя» — *«олень привязался» (сам, без участия человека), «повесил котел» → *«котел повис (повесился?)». В этих случаях значение декаузатива сдвигается из действия в состояние, поскольку состояние не требует участия агенса: «олень (стоит) привязанным», «котел висит».

Разумеется, существуют пограничные случаи и вместе с ними некоторая степень произвольности решения: так, ветром может открыть дверь, бросить что-то на землю и замести снегом следы. Последняя ситуация признается произошедшей самостоятельно, а про первые две можно сказать только в пассиве:

(74) *Donai[?] mountə d'ebtəkətugəj, ɲonai[?]*
 снова земля-LAT падать-ITER-PRAES-3SG.S опять
biə-tə kuni-kuni d'übəə-ri-gə-ti-ndi tə[?]
 ветер-LAT куда-куда **бросить-PASS-ITER-PRAES-3DU.S** ведь
 'Опять на землю падают, опять ветром их куда-то бросает'.

(75) *Donə-ntu tam ma-tənu-ntu i-t'ü-tə-tu*
 один-3SG там чум-LOC-3SG быть-VN.TEMP1-LAT-3SG
ɲua-ɗu b'i-a-rə-ri-ʔi-ɗə.
 дверь-3SG **открыть-PASS-PF-3SG.R**
 'Когда он один дома был, дверь открыли'.

(76) *Kurəgundi[?] səd'əə-ɗi bənsə kurəgundi[?] təkʉ-ʔə.*
 даже дорога-3DU весь даже **занести.STAT-PF**
 'Аж след их запорошило снегом'.

Возможно, дело здесь в том, что снег заносит следы постепенно, а дверь открывается или предмет падает на землю одномоментно, и «активная роль» ветра здесь более заметна.

Для нашей темы интересно то, что «по умолчанию» стative-декаузатив сохраняет вид переходного корня. Ничто не мешало бы в принципе иметь имперфективные глаголы типа «быть запо-рошенным снегом», «быть потерявшимся, заблудившимся», однако мы видели, что имперфективная интерпретация появляется только тогда, когда перфективная оказывается невозможной. Это значит, что в семантике данного суффикса — во всяком случае, в ее декаузативной части — нет аспектуального компонента. Он лишь «убирает» агенса, и только если перфективная интерпрета-

ция получившейся формы оказывается невозможной, эта форма сдвигается в имперфективный класс.

Другой суффикс с переменным видом — это гортанная смычка $-ʔ$, чередующаяся с $-dʔ$. Мы будем здесь называть этот суффикс комплетивом. Он образует, наоборот, переходные глаголы, при этом производящая основа обычно также переходная.

Если производящая основа или корень обозначает действие, изменяющее объект, то суффикс комплетива придает семантику «полного охвата объекта действием», доведения действия «до максимальной степени». Комплетивная основа в этом случае перфективная. Часто однократное действие, выраженное корнем, превращается в многократное: ‘делать Р, пока не наступит предел’. Ср. такие пары, как *bəbtu-* ‘перевернуть, вылить’ — *bəbtüʔ-* ‘все переверачивать’ (*bəbtüdʔüʔə*), *hoši-* ‘ударить’ — *hošiʔ-* ‘избить’ (*hošidiʔə*), *nəru-* ‘уколоть, воткнуть’ — *nəruʔ-* ‘зарезать’ (*nərudʔiʔə*), *sakə-(lə-)* ‘укусить’ — *saküʔ-* ‘искусать, разгрызть на мелкие кусочки’ (*saküdʔüʔə*) и др. Иногда разница в значении между исходной и комплетивной основами трудно уловима, например *basə-* ‘предупредить, сообщить’ — *baśüʔ-* ‘известить’ (*baśüdʔüʔə*), разве что комплетив подчеркивает максимальную степень действия. Ср. несколько примеров:

- (77) *Kəti kuniʔai-tiʔ ɲəʔ-, mənə kəti*
 хоть как-EMPH-ADV быть-IMP.2SG.S я хоть
hoši-dʔəʔ, kəti mənə koduʔ,
ударить-COMPL-IMP.2SG.S хоть я убить-IMP.2SG.S
dʔüdʔə-mə ɲi-sjδə-mə dʔəbtuʔ.
 сон-ACC.1SG NEG-FUT-1SG.O рассказать-CN
 ‘Хоть как будет, хоть меня избеи, хоть меня убей, я сон не расскажу’.

- (78) *Maagəlʔə noritʔ, ɲəmsatʔü bəndʔəʔ*
 всякий кастрюля-PL.3SG еда-PL.3SG весь-PL
bəbtüʔ-məʔ.
перевернуть-COMPL-PT.PASS-PL
 ‘Все кастрюли, вся еда перевернута’.

- (79) *ŋaagəiʔ kodaʔatu dʔamitʔü*
 хороший-GEN.PL убить-PF-3SG.O горло-ACC.PL.3SG

bə́ndə   *sakǘd'ü'ə*.
 весь.АСС   **кусать-COMPL-PF**
 'Убил его, горло перегрыз'.

Комплетив может образовываться и от непереходных глаголов: *tüü-* 'достичь, дойти до чего-либо' — *tüü'²*- примерно с тем же значением; *t'anhə-* 'сломаться' — *t'anh'²*- 'сломать'. В целом семантика таких форм напоминает значение немецкой приставки *be-*.

Если же производящая основа не подразумевает изменения объекта, то образовать перфективный комплетив со значением максимальной степени воздействия на объект оказывается сложно. В этом случае производная основа на смычку оказывается имперфективной и означает результирующий неопредельный процесс. Таких глаголов немного; самый характерный (и самый частотный) из них — это *kəm'¹a'²*- 'держат' (*kəm'¹at'²*) от *kəmə-* 'взять'. Ср. также *bətə-(lə-)* 'повести за собой на привязи' — *bət'¹a'²*- 'вести на привязи' (*bət'¹atu*), *ɲimi-(lə-)* 'потащить за собой' — *ɲim'¹a'²*- (*ɲim'¹at'²*) 'тащить, волочить', а также *d'ajju-* 'взмахнуть' — *d'ajɲa'²*- 'размахивать' (*d'ajɲatu*), *ɲətə-* 'увидеть; найти' — *ɲətü'²*- 'видеть; находить' (*ɲədütü*), *təjku-* 'не смочь одолеть' — *təjk'¹a'²*- 'быть слабее; опасаться кого-либо' (*təjk'¹atu*), *tii-* 'спрятать' — *tüid'a'²*- 'держат спрятанным' (*tüid'¹at'²*)¹³.

В рассматривавшемся выше случае статива-декаузатива легко было определить, что именно перфективная интерпретация является «дефолтной», а имперфективная возникает только тогда, когда перфективная невозможна. Здесь ситуация менее однозначна: затруднительна как интерпретация «максимального охвата» от глаголов второй группы (¹«совсем, полностью взять (один предмет)», ²«совсем взмахнуть»), так и неопредельно-процессная интерпретация для первой группы (¹«иметь кого-либо избитым», ²«держат что-либо перевернутым»).

¹³ От 'спрятать' можно было бы ожидать перфективного комплетива 'спрятать как следует; попрятать все'. С другой стороны, и основа *tüid'a'²*- образована не непосредственно от *tii-*, но от *tüi'²*-. Эта последняя сама по себе не зафиксирована, но можно предполагать, что это и был перфективный комплетив, от которого в свою очередь был образован еще один комплетив, имперфективный: вероятно, из-за краткости корня возникла потребность в таком наращении.

Один глагол из рассмотренных выше допускает обе интерпретации — это глагол ‘укусить’. Выше мы видели, что от связанного корня *sakə-* образуется перфективный глагол *sakü*²- ‘искусать, перегрызть’. От производной (формально инхоативной, семантически — просто перфективной) основы *sakə-lə-* ‘укусить’ образуется глагол *sakəl'ü*²- ‘держат в зубах’:

- (80) *Bjδə d'a məru d'a tətu-ra-²i-δə*
 вода.GEN ALL берег.GEN ALL принести-PASS-PF-3SG.R
šüka sakə-l'ü-tü-δü.
 щука кусать-INCH.COMPL-PRAES-3SG.O
 ‘Его в воду, на берег принесла щука в зубах’.

В другом своем употреблении суффикс *-²/-d'* образует глаголы от имен. Здесь, правда, распределение результирующих основ по видам зависит скорее не от семантики имени, но от способа его «использования». Если глагол значит ‘изменить объект указанным способом’, ‘придать объекту/субъекту свойство N’, то он будет перфективным: *šia* ‘дыра, отверстие’ — *šia*²- ‘продырявить’, *d'oyku* ‘прорубь’ — *d'oyku*²- ‘продолбить лед’, *d'ebj* ‘ступня’ — *d'eba*²- ‘наступить’, *kam* ‘кровь’ — *ka²mu*²- ‘разбить в кровь’, *hira* ‘уровень, высота’ — *hira*²- ‘достичь указанного уровня, стать таким’:

- (81) *Təndə bənd'ə sijə d'oyku-d'²ü-²ə-²*
 тот.ACC весь.ACC лед.ACC **прорубь-COMPL-PF-3PL.S**
ibahu-², *tə-kəi-t'üj* *səhud'ü-²ə-².*
 быть-RENARR-3PL.S тот-DU-ACC.PL.3PL вытащить-PF-3PL.S
 ‘Весь лед раздолбили, их вытащили’.

- (82) *Ñüə-mə təə hiri-d'²i-²ə* *ɲəndi²ai²*
 ребенок-1SG тот.GEN уровень-COMPL-PF **наверное**
əmə t'ühə-ɲj.
 этот.GEN пора-LOC.ADV
 ‘Наверное, сын мой такой [как этот мальчик] стал уже’.

Если же отыменной глагол означает ‘использовать в качестве N’, то он имперфективный: *ma*² ‘чум’ — *ma²du*²- ‘жить в чуме’ (*ma²du²*), *tiri* ‘посох’ — *tiri*²- ‘использовать в качестве посоха, опираться на что-либо при ходьбе’ (*tiriti*), *ɲəmsu* ‘еда’ (производное от глагола *ɲəm-* ‘съесть’) — *ɲəmsa*²- ‘есть что-либо’ (*ɲəmsatu*), *horə* ‘лицо’ — *horü*²- ‘быть повернутым лицом (к чему-либо)’ (*horütü*).

Вероятно, в общем можно сформулировать это противопоставление как ‘придать объекту/субъекту свойство N’ vs. ‘пользоваться неким свойством, уже имеющимся у объекта/субъекта и дающим возможность использовать его в качестве N’. Отсюда становится понятно, почему в первом случае глаголы получают перфективными, во втором — имперфективными. Как и обычно, существуют пограничные случаи, когда мотивация того или иного решения не вполне очевидна. Ср., например, пару глаголов сходной семантики: имперфективный *šüaru*² ‘иметь кого-либо в качестве товарища — попутчика или соседа в чуме’ (*šüarutu* от *šüar* ‘товарищ’) и перфективный *tajñii*² ‘заиметь кого-либо в качестве соседа в чуме’ (*tajñiid’i*² от *tajñiä* ‘противоположная сторона’¹⁴).

Упомянем также третье значение суффикса *-²/-d²*, которое следует, видимо, считать омонимичным предыдущим двум, поскольку, хотя они все распределены по разным основам, их семантику не удастся свести воедино. От названий неопредельных процессов суффикс *-²/-d²* образует перфективные андативы: *basu* ‘охотиться’ — *basa*² ‘пойти охотиться’ (*basad’ü*²), *kəñj* ‘куропатка’ — *kəñjđi* ‘охотиться на куропаток’ — *kəñjđa*² ‘отправиться охотиться на куропаток’ (*kəñjđadi*²), *ñerä* ‘перед’ — *ñeräđi* ‘быть впереди’ — *ñeräđa*² ‘пойти вперед, пойти первым’ (*ñeräđadi*²). Ср. также *m’aid’a*² ‘выйти замуж’ от *m’ai* ‘невестка’ (та же метафора, что и в русском языке: «уйти [в другую семью] быть невесткой»).

4. Употребление перфективных и имперфективных глаголов

Перфективный глагол обозначает действие в его целостности, включая его начало и достижение логического конца, кульминацию в том ее виде, какой указан основой глагола. Иными словами, все действие целиком попадает в окно наблюдения.

Если перед нами непроемный предельный глагол, то действие завершается переходом субъекта или объекта в новое состояние:

- (83) *Nenata’ai*²   *bərañai*²   *d’er-ni*
огромный-GEN.PL   гора-GEN.PL   середина-LOC.ADV

¹⁴ Имеется в виду противоположная сторона чума: люди, не принадлежащие к одной семье, живут в чуме по разным сторонам от очага.

i-t'üə   *bikaə*   *bəə*
 быть-PT.PRAES   река.GEN   берег.LOC.ADV
mal'ü-ʔə-gəj.

встать.чумом-PF-3DU.S

‘На берегу реки, текущей среди больших гор, поставили чум’.

- (84) *Tuntj ɲəmu-ʔə təndə mənʉ-mtu, tətɪ tuntj-rə*
 лиса съесть-PF тот.ACC яйцо-ACC.3SG тот лиса-2SG
bii-ʔai-δə.

уйти-PF-3SG.S

‘Лисица съела яйцо и ушла’.

- (85) *Tə ɲua-mtu b'arə-d'i ma-tə t'ii-ʔə.*
 ну дверь-ACC.3SG открыть-INF чум-LAT **войти-PF**
 ‘Теперь, дверь открыв, в дом зашел’.

В случае множественного объекта действие охватывает все объекты:

- (86) *Tuj-hüʔə-gətə-nə taa-d'əra-ŋə*
 прийти-VN.TEMP2-ABL-1SG олень-CL-ACC.PL.1SG
ɲəmu-ʔə-ʔ bəŋd'ə-ʔ.
съесть-PF-3PL.S   весь-PL

‘С тех пор, как я приехала, даже всех оленей моих съели’.

- (87) *Ma-tə-tu t'üü-d'a, bəŋd'ə-j*
 чум-LAT-3SG достигь-INF весь-ACC.PL
d'otü-ra-ʔmuə-d'əi-t'ü d'ebta-ʔə.
 пойти-MULT-VN.PF-ANT-ACC.PL.3SG **рассказать-PF**
 ‘До чума дойдя, все свои похождения рассказал’.

- (88) *Təŋj iri-nə d'a tənɪʔə d'ürjɲj-t'i*
 там дед-GEN.1SG ALL так   весть-ACC.PL.3SG
d'ebta-ʔə   *i-bahu.*

рассказать-PF   быть-RENARR

‘И там он моему деду рассказал всю свою историю (все об этом)’.

Если значение корня или суффикса в составе основы включает инхоативную или, наоборот, терминативную семантику, соответствующий глагол означает, что действие, соответственно, началось или закончилось.

- (89) *Təti-rə təiriə-ʔa-muʔ təu-ʔi-də.*
 тот-2SG самолет-AUGM-1PL **полететь-PF-3SG.R**
 ‘Вот теперь наш самолет полетел’.
- (90) *Təndə buədu d'ind'i-si ŋonəiŋʰal'i*
 тот.ACC слово.ACC слышать-INF обратно
hojkaʔa hindiʰa.
побежать-PF дальше
 ‘Эти слова услышав, он побежал еще дальше’.
- (91) *Kuə t'ubi-ʔ n̄ilj-bi-tiŋ*
 некоторый пора-GEN.PL жить-COND-3PL
hona-l'i-ʔi-təʔ.
голодать-INCH-PF-3PL.R
 ‘Жили-жили, через некоторое время есть стало нечего’.
- (92) *Təŋu-m-tə-ʔki-ʔə kotara-ʔa-δu śadj-ʔə.*
лето-FACT-PROGR-INCEPT-PF пурга-AUGM-3SG кончить-PF
 ‘Лето настает (= начало наставать), пурга стихла’.
- (93) *Dəmur-sa śati-bi-tiʔ hirəmj-ʔa ma-tə*
 съесть-MULT-INF **кончить-COND-2PL** гора чум-LAT
təsiə büü-gü-tüʔ nüə-ʔkü-mtüʔ
 теперь уйти-IMP.FUT-2PL.S ребенок-DIM-ACC.2PL
hʰaŋkə-δu-sa.
 унести-TRANS-INF
 ‘Когда поедите, в похожий на гору чум пойдете, ребенка унесете’.

В случае темпоралиса окончание действия заложено в семантике суффикса, ср. примеры (34—35), а также:

- (94) *Śajbə Horiʔtətjə, koljδj-ʔsi-ti na-rʰaai-ʔ*
 семь Хорытэтыэ рыбачить-VN.ACT-GEN.3SG к-LIM-GEN.PL
təti-rə mərij-gəl-sjadʰə.
 тот-2SG присоединиться-TEMP-PPF
 ‘К Сяйбэ Хорытэтыэ, этим своим рыбакам, он только присоединился (на время). (А потом уехал от них на свою землю.)’

В случае подчиненной предикации действие, выраженное перфективным глаголом, предшествует главному:

- (95) *Ətəniə maðə-mtə kaʔəmə-sa mənə tuu-ʔə-m.*
 этот.АСС чум-АСС.2SG увидеть-INF я прийти-PF-1SG.S
 ‘Я увидев твой чум, приехал’.

Употребление имперфективного глагола в общем случае не предполагает, что действие или состояние попадает в окно наблюдения целиком. Типично употребление имперфективных глаголов, например, в начале нарративов для описания фона (из-за длины первого примера мы опускаем глоссирование и выделяем имперфективные глаголы и их соответствия в переводе):

- (96) *Śiti maʔ. Śidi matəni ħilitigəj śiti numəəgəj. Bənsəgəj tətʔiʔ ħemjbtjʔaiti. [...] Honi hūə isūə ibahu. Taharʔaiʔ təgəj numajkaʔagəj dʔalaʔ talu basukətugəj. Basuʔəbünündi maagəltə ħigətigəj kotəʔ. Dənəiʔ tujkətugəj, maagəltə ħisj koduʔ, babiʔ dʔəŋguʔ, kəħiʔ dʔəŋguʔ, ħomugəltəʔ maagəltəʔ dʔəŋguʔ.*

‘Два чума. В двух чумах **живут** два парня. У обоих **есть** жены. [...] Голодный год **был**, говорят. Эти парни изо дня в день **ходят на охоту**. Хотя охотятся, но ничего **не добывают**. **Опять приходят**, ничего не добыв, оленей **нет**, куропаток **нет**, даже зайцев **нет**’.

- (97) *Ljntigiʔa mou dʔer-nj ŋuʔəiʔ maðu-rbaʔa*
 лайда земля.GEN.SG середина-LOCADV один чум-AUGM
malʔi-tū. Tə tənj ħilj-tj
встать.стойбищем.STAT-PRAES ну там **жить-PRAES**
śiti ħinjdʔ.
 два старший.брат-CONNREC
 ‘На огромной лайде (безлесной равнине) стоит один чум. Там живут два брата’.

В самом стандартном случае имперфективный глагол просто описывает длящееся событие, включающее момент наблюдения — в нарративе или в диалоге:

- (98) *Təti Uku isi-nə sitəbj dʔəbtəða-ndu-m.*
 тот Уку дядя-GEN1SG сказка **рассказывать-PRAES-1SG.S**
 ‘Это я рассказываю сказку моего дяди Уку’.

- (99) *Təndə maðə ŋoəniə kəi-təə ŋanaʔsa*
 тот-GEN чум-GEN дверной сторона-ADJ.LOC человек

tərəd'i? ɲana'sanə?

такой-PL человек-PL

‘Известие пришло с Хатанги. Аргиш **идет** с мертвыми. В Дудинку **едут**, говорит, (мертвые) люди’.

В то же время имперфективный глагол может передавать и завершённое действие, если это ясно из контекста:

(104) *Tə-məənɨ hedʲi-tj-gə-tj, ou, əmləd'i d'iga-ʔku.*

тот-PROL.ADV **идти-ITER-PRAES** оу такой гора-DIM

‘Там он идет, оу, (потом видит:) небольшая такая горка’.

Имперфективное действие или состояние может служить фоном для другого действия:

(105) *Təə t'ühə-nɨ tətɨ nɨ*

тот.GEN время-LOCADV тот женщина

d'orə-kə-tu ɲad'ümüə-ntu

плакать-ITER-PRAES-3SG.S женская.нарта-GEN-3SG

kunsj-j-ʔa.

внутренность-ADJ-LAT.ADV

‘Тем временем эта женщина плачет в своей нарте...’

(106) *Tə, küδ'a-tu d'a ɲad'ə-um-laa*

ну встать.утром-VN.TEMP1.GEN ALL младший-SPEC-LIM

küδü-ʔa, ɲam'aj hūətə kund'a-tu.

встать.утром-PF один.из все.время **учнуть-STAT-PRAES**

‘Утром младшая только встала, а вторая все время спит’.

(107) *Tətɨ tɨbɨjk'a-ʔku tam-nu maa kabü'müə-j*

тот мальчик-DIM там-LOC.ADV что стружка-ACC.PL

d'egi-tə-sj sani-r-ü.

разрѣзать-PROGR-INF **играть-MULT-PRAES**

‘[в то время, как два персонажа разговаривают] Мальчик поодаль, строя стружки, **играет**’.

В подчиненной предикации действие, выраженное имперфективным глаголом, одновременно с главным действием:

(108) *Šüar-mi d'ügu-suə h^uaa-ʔ*

друг-1DU потерять-STAT-PRAET дерево-GEN.PL

d'er-mənɨ kuni-güə-mənɨ, h^uaa-ʔ

середина-PROL.SG какой-то1-PROL.SG дерево-GEN.PL

d'er-mənĭ   *i-hü'ə-mu'*,
 середина-PROL.SG   **быть-VN.TEMP2-1PL.S**
hedĭti-bi'ə-mi'   *i-śüə*.
идти-VN.TEMP2-1PL.S   **быть-PRAET**

‘Друг наш потерялся где-то в лесу, когда шли мы по лесу’.

В контексте обстоятельств длительности могут употребляться и перфективные, и имперфективные глаголы. При этом сами обстоятельства длительности оформляются одинаково¹⁵, но перфективный глагол обозначает предельный процесс, достигший своего финала, а имперфективный — вписывает в этот интервал длящуюся ситуацию, возможно, завершившуюся, а возможно, нет.

(109) *Śajbə d'alĭ mĭn-tĭ-mi'*.
 семь   день   **идти-PRAES-1PL.S**
 ‘Семь дней мы идем’.

Ср. также примеры (110) и (111), с однокоренными глаголами (*ġətəu-* ‘проверять’ является производным от *ġətə-* ‘увидеть’):

(110) *Nakürə d'alĭ-mənĭ gorədə t'erə-gümü maa*,
 три.GEN   день.PROL   город.GEN   население-то   что
ni-ntəŋi-t'i   *bənd'ika*   **ġədə-'**.
 NEG-INTERR.FUT-3SG.OP   весь.ACC   **увидеть-CN**
 ‘Оу, за три дня, людей города, конечно, всех просмотрят’.

(111) *Hotürə-j ġətəu-tu nakürə d'alĭ-mənĭ*
 документ-ACC.PL   проверять-PRAES   три.GEN   день-PROL
d'otü-r-ü   *korüdu-tu*   *na-mənu*.
 пойти-MULT-PRAES   дом-GEN.PL.3SG   по-PROL.ADV
 ‘У всех документы проверяет, три дня ходит по домам’.

5. Отглагольные имена

Рассмотрим в заключение еще один фрагмент нганасанской глагольной парадигмы, в котором аспектуальные противопоставления выражаются независимо от описывавшегося выше проти-

¹⁵ Обстоятельства времени, выраженные существительным (например, «день»), могут стоять в пролативе, в аккумулятиве и (реже) в лативе. Как кажется, эти конструкции синонимичны; во всяком случае, с противопоставлением предельности и неопределенности, как это бывает во многих языках, их различие не связано.

вопоставления перфективных и имперфективных глаголов. Речь идет о двух отглагольных именах — так называемом «перфективном» на *-ʔmuə* и «имперфективном» на *-mun*. Еще раз обратим внимание на то, что их не следует смешивать с видами глаголов, хотя семантика их противопоставления в целом близка. Но и то, и другое имя образуется от глаголов обоих видов, причем кажется, что в большинстве случаев вид основы нерелевантен для семантики формы глагольного имени.

Перфективное имя описывает ситуацию целиком, включая ее завершение.

- (112) *Təti kərsu, təti l̥ku-ma-ʔmuə, n̥üə-ʔ*
 тот дело тот **беда-ФАКТ-VN.PF** ребенок-GEN.PL
l̥ku-ma-ʔmuə-dʔə i-s̥üə [...] 83 *h̥üə-tənu.*
беда-ФАКТ-VN.PF-ANT быть-ПРАЕТ 83 год-LOC
 ‘Этот случай, когда утонули эти ребята, это было в 1983 году’.

- (113) *Tə ɲonə maa i-hu, tə bəltə təʔ təti*
 ну еще.один что быть-INTERR.PRAET ну все ведь тот
kuniʔaiʔ s̥üar-tə-mə ɲədə-ʔmuə-dʔə-mə.
 как друг-DEST-ACC.1SG **найти-VN.PF-ANT-1SG**
 ‘Ну что еще, это все о том, как я нашел себе жену’.

- (114) *Duəj-tənu kunda-ʔmuə-n̥i dʔadiküʔ tənə*
 один-LOC **спать-VN.PF-GEN1DU** ради ты
h̥itʔibtj-guj-ti-m.
 научить-DUR-PRAES-1SG.S
 ‘Вместе мы спали, поэтому тебе все это рассказываю’.

- (115) *Tətirə i-s̥üdə i-bahu s̥üəbtʔaʔkuʔ*
 тот-2SG быть-FUT быть-RENARR действительно
ɲanaʔsanuʔ n̥ilj-ʔmjə-dʔə, h̥ünšəɾəɲj
 человек-GEN.PL **жить-VN.PF-ANT** древний-LOCADV
honi h̥üə ih̥üʔə.
 голод год быть-VN.TEMP12
 ‘Это, говорят, была правда из жизни людей, когда давно голодный год был’.

В последнем примере имя на *-ʔmuə* образовано от имперфективного глагола ‘жить’, но обозначает завершённый отрезок — границы события в данном случае установлены в контек-

сте (жизнь во время голодного года). Ср. аналогичный пример с перфективным именем от глагола ‘быть’:

- (116) *Təniʔa toŋdʹajtʹi-sj tətʹi kodu-ʔə-mə hūətə*
 так лежать-INF тот тетя-AUGM-1SG все.время
təni-ni imuə-δu i-bahu.
 там-LOC.ADV **быть-VN.PF-3SG** быть-RENARR
 ‘Так там лежа, моя тетка все время там находилась, оказы-
 вается’.

Из контекста известно, что женщину-шаманку разыскивал приехавший милиционер, и все это время (отрезок, обозначенный перфективным именем на *-ʔmuə*) она лежала в выкопанной оленями яме.

Обычно перфективное глагольное имя описывает действие, предшествующее моменту речи, однако референция к настоящему тоже возможна:

- (117) *Ŋoarə-m dʹiga-ʔku-nə nəndʹiʔ-mjə-dʹəə*
 Нёар-1SG гора-DIM-GEN1SG **стоять-VN.PF-PAST.GEN**
bəltə-δu i-tʹə-tu mɪntʹagəŋj.
 конец-3SG быть-PROGR-PRAES наверное
 ‘Нёар моя земля может быть, и ей (букв. «ее стоянию») скоро придет конец’.

Описывать действие, относящееся к будущему, оно, по-видимому, не может.

Одно из характерных употреблений этого глагольного имени — аргумент при глаголах речи («рассказать о чем-либо»):

- (118) *Tə dʹebtu-gu-δəmt manuə hūiŋsəŋə*
 ну рассказать-IMP-1SG.S раньше.GEN древний.GEN
Hotəŋjə ŋəδəʔə hodi-ʔmjə-dʹəə.
 Хотарыэ.GEN шаман-AUGM.GEN **нырнуть-VN.PF-ANT.ACC**
 ‘Ну, расскажу, как давно утонул Хотарыэ Шаман’.

- (119) *Ma-tu dʹa konj-dʹi, maaraa-j dʹebta-ʔa,*
 чум-GEN.3SG ALL пойти-INF всякий-ACC.PL рассказать-PF
təni-ni i-muə-dʹəi-tʹü bəndʹə
 там-LOC.ADV **быть-VN.PF-ANT-ACC.PL.3SG** все.ACC
dʹebta-ʔa.
 рассказать-PF
 ‘Домой придя, все рассказала, **что там было**, все рассказала’.

Если темой рассказа является не все событие целиком, но характер его протекания, то используются другие конструкции.

Другое частое значение перфективного отглагольного имени — это результат действия.

- (120) *Śigi^ʔə-rə*   *ŋamə*   *ŋə-d'ea-ɗu*   *bənsə kamu-balə*
 людоед-2SG   настоящий нога-ANT-3SG   весь   кровь-НАВ
i-bahu   *hośi-tə-ri-^ʔmja-d'ea-ɗi*.
 быть-RENARR   ударить-PROGR-PASS-VN.PF-ANT-3SG
 ‘(Увидел) след людоеда весь в крови от побоев (букв. «след людоеда весь в крови — результат того, что его били»)’.

- (121) *Tərədi bika*   *bitum-ti-ɗə*   *hənsir^ʔali-ɗi*
 такой река.GEN   разлиться-PRAES-3SGR   скользить-VAINF
hoŋd'a-^ʔ   *bəri^ʔd'a-^ʔmja-^ʔ*,   *lot'a-^ʔ*
 матрас-GEN.PL   оторвать-VN.PF-PL   доска-GEN.PL
məru-^ʔmua-^ʔ,   *tuu^ʔə^ʔlai-^ʔ*
 сломать-VN.PF-PL   подстилка.под.постель-GEN.PL
bəri^ʔd'a-^ʔmja-^ʔ   *bitu-btjuru-b^ʔadi-tə^ʔ*.
 оторвать-VN.PF-PL   нести.течением-PASS-INFER-3PLR
 ‘И на своем течении несет то обрывки шкур, то постелей, то обломки досок’.

Некоторые такие имена лексикализируются — например, *kabū^ʔmūə* ‘стружки’ от *kaħə*- ‘тесать, строгать’.

Третье типичное употребление перфективного глагольного имени — с показателем аблатива в значении ‘после того, как’:

- (122) *D'əŋuj-mə*   *t'ia-^ʔmja-gətə-nə*
 капкан-ACC.1SG   поставить.сеть-VN.IPF-ABL-1SG
ŋonəi^ʔ   *bii-^ʔai-nə*   *t'ütü-tə-mə*
 еще.один-GEN.PL   уйти-PF-1SG.R   приманка-DEST-ACC.1SG
huur-sj.
 искать-INF
 ‘После установки капкана ушел опять искать приманку’.

- (123) *Tə maa-ɗu*   *i-t'əŋu*   *təśiəɗə*,   *təni^ʔa*
 ну что-3SG   быть-INTERR.FUT   теперь   так
nili-lja-^ʔmja-gətə-tij,   *kuə*
 жить-INCH-VN.PF-ABL-3PL   некоторый.GEN
t'übü-t'e-nu   *təti magan^ʔka-^ʔku-rə*
 пора-EMPH-LOCADV   тот   горбатый-DIM-2SG

minu-minu-t'ü:

говорить-AUD-3SG

‘Ну что теперь, так они начали жить, когда-то этот горбатенький говорит.’

Имперфективное глагольное имя на *-min* указывает на действии как таковое, без указания на его границы:

- (124) *Šeu M'eł'angana əʔə-güə-mə banu-ʔ*
 Сеу Мелянгана старший.брат-то-1 собака-GEN.PL
ńara-ʔmə taa i-h^uaadəə, kanü-ʔ
 подгонять-PTPASS олень быть-IRREAL несколько-GEN.PL
taa-ʔ hebiʔə-biʔ

олень-GEN.PL свалиться-EMPH-COND

bənə-munə d'eru-tuə!»

лечь.отдыхать-VN.IPF-ACC не.знать-PT.PRAES

‘Сеу Мелянгана, мой старший брат, был бы подгоняемым собаками оленем, не знающим отдыха, когда многие другие олени валятся от усталости!’»

- (125) *Taa-t'i ŋonəə ŋuəiʔ ńiide kai d'a*
 олень-PL.3DU еще один в.направлении сторона.GEN ALL
ŋińa-ʔa-ʔ kasaʔ Ğimə-munə d'a
 собраться-PF-3PL.S чуть.не убежать-VN.IPF.GEN ALL
əndj-ʔi-ndəʔ i-bahu.

это.самое-PF-3PL.R быть-RENARR

‘Олени оказывается собрались на одну сторону от чума и (приготовились) убежать’.

- (126) *Ou, maŋuna maʔ əmtj-rə-u? Min-siə-nə təʔ*
 оу что.такое чум этот-2SG-EXCL я-то-1SG ведь
kaŋkə-gəl'ti ńi-gə-tj-m d'indi-ʔ əmə
 никогда NEG-ITER-PRAES-1SG.S услышать-PF этот.GEN
madə təi-munə.

чум.GEN **иметься-VN.IPF.ACC**

‘Оу, что это за чум? Никогда я не слышал, что такой чум есть’.

- (127) «*Tə təti, ńiikü, ŋaŋku i-ńii-tə tə, tənə*
 ну вот детка братишка быть-COND-2SG и ты
d'ebta-lu-kə-ndu-m, tənə
сказать-DISPERS-ITER-PRAES-1SG.S ты

d'ebta-lu-mu-mə   *tolij'sj-h'ađi?*
 сказать-DISPERS-VN.IPF-1SG   ложным.быть-INFER-3SG.S
 ‘«Ну вот, сынок, ах братишка, я тебе говорил, оказалось ли сказанное мною неправдой?»

В последнем примере действие («я тебе говорил») завершено, но перед нами не перфективное, а имперфективное глагольное имя — по-видимому, поскольку правдой или неправдой оказывается не сам факт сообщения, но его содержание.

Имперфективное глагольное имя не употребляется в номинативе. Перечислим основные его употребления.

Конструкция с послелогом *kuntə* ‘в течение’ означает, что на протяжении всего действия, выраженного имперфективным глагольным именем, происходило другое действие:

(128) *Mj-mj-nj'*   *kuntə*,   *hüätə*   *ɲuəi-kəl'itə*
 идти-VN.IPF-GEN.1PL   в.течение   все.время   один-EMPH
kəđud'ə-tu.
 выпас-3SG
 ‘Пока мы шли, за все время ни одного места для выпаса [не попалося]’.

(129) *D'aŋguj-mun-tu*   *kuntə*   *śidi*
 отсутствовать-VN.IPF-GEN.3SG   в.течение   два.ACC
d'alj   *bəud'ü'əmu'*   *ňandijj*.
 день.ACC   пройти-PF-1PL.S   кажется
 ‘С тех пор, как его нет, два дня прошло будто бы’ (букв. «за то время, пока его нет, мы провели два дня»).

Обычно имя на *-mun* в конструкции с *kuntə* образовано от имперфективного глагола (большинство употреблений этой конструкции содержат глагол *ij-* ‘быть’: *təni'a imuntu kuntə* букв. ‘пока он так был’, т. е. «в это время»). Однако иногда в этой конструкции используется перфективный глагол, и тогда конструкция означает ‘с тех пор, как’:

(130) *Təni'a ini'a-ntə-nj*   *ňilj-lə-mjñ-tj*   *kuntə*
 так   старуха-LOC   **жить-INCH-VN.IPF-GEN.3SG**   в.течение
ətə-'   *śabj-t'i*   *sohu-d'üəd'əə-'*,   *śabj'*
 этот-PL   плоть-PL.3SG   упасть-PT.PRAET-PL   плоть-PL

šeriʔəʔ   *kurəgündüʔ*.

заиметь-PF-3PL.S   даже

‘Так пока жил («с тех пор, как начал жить») у этой женщины, мясо где упало, мясо опять появилось (поправился)’.

Выше было сказано, что перфективное имя на *-ʔmiə* практически всегда отсылает к прошедшему времени. Имя на *-min*, напротив, почти всегда (кроме конструкций с *kuntə*) имеет референцию к будущему и, чаще, к нереферентному действию. Его основные употребления, помимо перечисленных выше, — это с послелогом *hirə* ‘на уровень, на высоту’, обозначающим способность, и как аргумент при глаголе *kərbu-* ‘хотеть; намереваться’:

(131) *Tə, t̪imɪn¹a-küə*   *mou*   *ni-məni*   *niintuu-ʔ*
 ну теперь-то2 земля.GEN на-PROL.ADV NEG-PL
dʰodür-münə   *hirə-mi*.

ХОДИТЬ-VN.IMPF.GEN   уровень-1DU

‘Сейчас-то мы с тобой по земле не можем ходить’.

(132) *D’esj-d̪i*   *ŋontanə*   ***ho-mjənə***   *hirə-güə*,
 отец-3SG   ум.ACC   **ИМЕТЬ-VN.IPF-GEN**   ВЫСОТА-ТО
ŋojbuə-güə-ðu   *dʰamu-ʔ*   *sonj-rək̪i*.

голова-то-3SG   море-GEN.PL   чайка-COMP

‘Его отцу-то пристало быть мудрым, голова-то у него [белая] как морская чайка’.

(133) *Təti*   *hurbaadʰə-tu*   *ŋuəl̪i*   *əh̪i*,   ***təu-mj-ndə***
 тот ласточка-3SG   конечно PTCL **ПОЛЕТЕТЬ-VN.IPF-LAT**
kərbu-tu,   *t̪üə-t̪ü*   *aniʔi-m-üʔ-əʔ*.

хотеть-PRAES   крыло-PL.3SG   большой-ФАКТ-PF-3PL.S

‘Ласточка хочет вылететь, крылья у нее подросли’.

(134) *Ou*, *kurəgüiʔ*   *əməniə*   *bi-t̪i*   *niidʰə*

оу   даже   этот   вода-3PL.S   направление

sol̪ü-na-li-ʔə   *təti*   *bigaj-t̪ü*   *bərajka-t̪ü*

намерзнуть-DISTR-INCH-PF   тот река-GEN   берег-PL.3SG

maa-t̪ü,   *kasaʔ*   ***kənt̪i-mjənə***   *dʰa*   *kərbu-li-ʔə*.

что-PL.3SG   чуть   **ЗАМЕРЗНУТЬ-VN.IPF.GEN**   ALL   хотеть-INCH-PF

‘Вода уже начинает замерзать около берегов (забереги уже появляются), речка начинает замерзать’ (букв. «замерзать хочет»).

Последнее из основных употреблений имперфективного глагольного имени — в аблативе в качестве отрицательного супина ‘чтобы не’ (ср. примеры выше на аблатив от перфективного имени, который значит ‘с тех пор, как’):

- (135) *Tə-gətə təʔ sítəbj-mə ɲətədjbtj-ʔki-ʔə-mə,*
 тот-ABL ведь сказка-ACC.1SG спрямить-INCEPT-PF-1SG
təə hirə karkij-muŋ-kətə-nuʔ.
 тот.GEN уровень запутаться-VN.IPF-ABL-1PL
 ‘С этого я сказку напрямую поведу, чтобы слишком сложно нам не было’.

- (136) *Əi, kəriʔə-tu ʎolhədu-muŋ-kətə-tu*
 эй хорей-GEN.3SG выпустить-VN.IPF-ABL-3SG
ɲarübti-hʷadu, tuŋtjri-ʔ məlti-məŋj.
 положить.поперек-INFER борт-GEN.PL граница-PROL
 ‘Хорей¹⁶ чтобы не выпустить, положил его поперек санок, возле бортов’.

Заключение

Как мы видели, аспектуальная семантика в нганасанском языке выражается двумя способами.

Во-первых — с помощью противопоставления двух классов глагольных корней и суффиксов: перфективных и имперфективных. К первому классу относятся корни и суффиксы, в семантике которых заложено указание на естественные границы обозначаемого действия, возникающие либо в силу его внутренней структуры (предельные процессы: *сгнуть, запречь*), либо в силу того, что действие рассматривается как мгновенное (*плюнуть, выстрелить*); ко второму — те, в значении которых указания на естественный предел нет (*идти, знать*). Перфективные глаголы, как правило, обозначают пунктивные или лимитативные ситуации, включающие момент достижения финала. Имперфективные глаголы обозначают длящиеся ситуации; они могут быть ограничены во времени, если это следует из контекста или из их грамматической формы, но значение самой основы этого не предполагает.

¹⁶ Длинный шест, которым погоняют оленей.

Поскольку перфективные глаголы обозначают действие целиком, включая его начало и завершение, они не могут выражать настоящее время или одновременность другому событию (поскольку момент наблюдения в этих случаях должен находиться в срединной части действия, между его началом и его концом). Напротив, имперфективные глаголы могут выражать одновременность моменту речи или другому событию.

Оппозиция двух видов проходит практически через всю глагольную парадигму. Нефинитные формы перфективных основ выражают предшествование главному действию, имперфективных — одновременность; финитные формы (не считая специализированных по временной референции форм претерита и футурума) выражают, соответственно, прошедшее или настоящее время. В одной точке парадигмы два вида различаются морфологически: в индикативе только имперфективные глаголы имеют форму презенса, только перфективные — форму перфекта.

Второй способ выражения аспекта — это употребление двух глагольных имен: перфективного и имперфективного. Это способ, независимый от описанного выше противопоставления видов основ и суффиксов, и в большинстве употреблений этих глагольных имен видовая характеристика основы оказывается нерелевантной для значения формы. Перфективное глагольное имя указывает на завершенное событие, причем описывающая это событие основа может быть как перфективной, так и имперфективной — в последнем случае рамки описываемого события задаются контекстом. Имперфективное глагольное имя описывает либо длящееся действие, одновременное какому-либо другому действию, либо действие нереферентное, аргумент при предикатах типа ‘хотеть Р’, ‘быть в состоянии Р’, ‘вместо Р’.

Скажем в заключение несколько слов о происхождении нганасанской системы. В трех других самодийских языках — ненецком, энецком и селькупском — используется та же логика деления глаголов на виды, однако это противопоставление (за частичным исключением селькупского) не морфологизовано: одна и та же форма «настоящего» (оно же «неопределенное») времени от перфективных глаголов имеет референцию к прошедшему времени («он ушел»), а от имперфективных — к настоящему

(«он идет»); у неличных форм выражает, соответственно, предшествование и одновременность точке отсчета; см. об этом подробнее в статье А. Б. Шлуинского в настоящем сборнике.

Несомненно, на основе этой системы и сформировалась нынешняя нганасанская, где в индикативе существовавшее уже семантическое противопоставление морфологизовалось. Этимологически нынешний нганасанский презенс восходит к причастию настоящего времени (т. е. 'он идет' восходит к 'он идущий'). Происхождение формы перфекта менее ясно, но можно предполагать его связь с «интенсивно-перфектной» совершаемостью в селькупском языке¹⁷.

Вероятно, описанное здесь противопоставление имеет параллели и в финно-угорских (а именно, в оппозиции партитивного и аккузативного объекта в прибалтийско-финских) языках, что позволяет предполагать его прауральское или, во всяком случае, «североуральское» происхождение.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо ACC — аккузатив; ALL — аллатив; ANT — показатель предшествования; AUGM — аугментатив; CARIT — каритив; CAUS — каузатив; COND — условное деепричастие; CN — коннегатив; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DU — двойственное число; EMPH — эмфатический показатель; EXCL — экскламатив; FUT — будущее время; GEN — генитив ; HAB — хабитив; IMP — императив; INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INFER — инференциалис; INTERJ — междометие; INTERR — интеррогатив; ITER — итератив; LAT — латив; LIM — лимитатив; LOC — локатив; MULT — мультипликатив; NEG — отрицательный глагол; O — Объектное спряжение; OP — объектное спряжение для множественного числа объекта; PASS — пассив; PF — перфект; RENARRFUT — ренарратив будущего времени; S — субъектное спряжение; SG — единственное число; VN.IMPf — итеративное глагольное имя; VN.TEMP — временное отглагольное имя

¹⁷ «В глаголах интенсивно-перфектной (усиленно-совершенной) совершаемости подчеркнута законченность действия, полнота (а иногда также быстрота и интенсивность) его совершения» (см. [Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980: 223—224]).

Литература

- Кузнецова, Хелимский, Грушкина 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М.: МГУ, 1980.
- Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива. М.: Языки славянских культур, 1996.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1: Материалы по нганасанскому языку и шаманству. М.: РГГУ, 1994. С. 190—221.
- Katzschmann 2008 — M. Katzschmann. Chrestomathia Nganasanica. Texte — Übersetzung — Glossar — Grammatik. Norderstedt, 2008.
- Leisiö 2006 — L. Leisiö. Passive in Nganasan // W. Abraham, L. Leisiö (eds.). Passivization and Typology: Form and function. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2006. P. 213–231.
- Wagner-Nagy 2001 — В. В. Wagner-Nagy. Die Wortbildung im Nganasanischen. Szeged, 2001. (= Studia Uralo-Altaica, 43).
- Wagner-Nagy (szerk.) 2002 — В. Wagner-Nagy (szerk.). Chrestomathia Nganasanica. Szeged, 2002. (= Studia Uralo-Altaica Supplementum, 10).

Е. В. Перехвальская

ВЫРАЖЕНИЕ АСПЕКТУАЛЬНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В УДЭГЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹

Введение. Удэгейский язык принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе алтайских языков и разделяет основные черты, характерные для этой группы. «Алтайский» языковой тип характеризуется суффиксальной агглютинацией, наличием сингармонизма в рамках фонетического слова, а также чрезвычайным разнообразием нефинитных форм глагола. В алтайской группе в этом отношении наиболее «богатыми» оказываются именно тунгусо-маньчжурские языки, в некоторых из которых финитные глагольные формы оказались практически вытесненными нефинитными формами, получившими способность самостоятельно выражать основную предикацию главной клаузы [Калинина 2001]; таким является, например, нанайский язык [Аврорин 1959–1961].

Аспектуальные значения в удэгейском языке выражаются, во-первых, грамматически — кумулятивно с выражением времени теми или иными формами глагола («глагольными временами»), и, во-вторых, морфологически — словообразовательными аффиксами, несущими аспектуальное значение.

На первый взгляд представляется, что ситуация с выражением аспекта в удэгейском языке напоминает русские «совершенности», поскольку многие аспектуальные значения выражаются в словообразовании. В действительности картина является иной, поскольку в русском языке существует грамматический вид, представляющий собой бинарную категорию. В удэгейском языке нет категории грамматического вида. В этом отношении выражение аспекта в удэгейском языке напоминает ситуацию в тех европейских языках, где аспектуальные значения являются частью значения той или иной глагольной формы, и не всегда легко вычленимы.

---

¹ Исследование выполнено при поддержке программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Корпуса языков Дальнего Востока».

Аспектуальное значение конкретной глагольной формы удэгейского языка зависит от взаимодействия значения «совершенности», «вшитой» в саму лексему, и аспектуального значения грамматической формы, для которой аспектуальное значения выражается кумулятивно с каким-то другим значением.

Я не буду специально останавливаться на вопросах акциональности удэгейских глаголов. Я исхожу из общих положений петербургской школы, согласно которой акциональные классы глаголов выделяются на семантических основаниях, и, следовательно, сходные классы глаголов могут быть обнаружены в разноструктурных языках (см. анкету для изучения акциональности в языках мира, подготовленную в Отделе типологических исследований ИЛИ РАН [Акциональная классификация, ms]).

История изучения аспектуальных значений в удэгейском и других тунгусо-маньчжурских языках

Тунгусо-маньчжурские языки характеризуются высокой степенью синтетичности. Слово представляет собой цепочку «корень + суффиксы», причем словоформы могут иметь в своем составе до шести-семи суффиксов агглютинативного типа. По наблюдениям А. М. Певнова в алтайской языковой семье тунгусо-маньчжурские языки отличаются наибольшим словообразовательным индексом. Певнов видит в этом ареальную черту, указывая на контакты тунгусо-маньчжурских языков с палеоазиатскими, для которых характерен полисинтетизм [Певнов, личное сообщение].

В связи с этим грамматические описания тунгусо-маньчжурских языков являлись первоначально описанием формы и семантики суффиксов, часто без четкого разделения их на словообразовательные и словоизменительные.

Это касается и изучения аспектуальных значений в тунгусо-маньчжурских языках. Одни авторы выделяли в изучаемом языке суффиксы, передающие преимущественно аспектуальные значения, и постулировали наличие в соответствующем языке грамматической категории аспекта [Шнейдер 1936; Аврорин 1961; Vulatova, Grenoble 1999], другие авторы указывали на видовые значения отдельных суффиксов, но не отделяли их достаточно четко от суффиксов с другими значениями и, по-видимому, не четко выделяли аспект как отдельную грамматическую категорию [Василевич 1948; Суник 1958]. Отдельно следует упомянуть

исследование И. В. Недялкова, который в своем описании эвенкийского языка идет от значения к форме и показывает какими средствами может передаваться в эвенкийском языке то или иное абстрактное аспектуальное значение [Nedjalkov 1997].

Совершенно иной подход мы находим в «Грамматике удэгейского языка» И. А. Николаевой и М. В. Тольской [Nikolaeva, Tolskaya 2001]. Здесь четко выделяется грамматическая категория аспекта, которая, по мнению авторов, выражается чисто грамматическими способами. Авторы постулируют наличие в удэгейском языке сложных глагольных форм со связкой, которые выражают собственно аспектуальные значения и которые не отмечались предыдущими исследователями. Некоторые сходные формы описывались только для эвенкийского языка [Nedjalkov 1997]. Одновременно с рассмотрением грамматического аспекта Николаева и Тольская отмечают также аспектуальные значения, присущие некоторым словообразовательным суффиксам, и выделяют такие суффиксы в отдельную категорию. Следует в этой связи заметить, что в современном удэгейском языке существует противопоставление претерита и перфекта, которое подробно освещается в грамматике Николаевой и Тольской, при этом, однако, перфект не рассматривается как форма, совмещающая аспектуальное и временное значения.

В данной статье я рассмотрю, во-первых, противопоставление претерита, перфекта и презенса с точки зрения передаваемых ими аспектуальных значений, во-вторых, проблему «сложных» видовременных форм, а вслед за этим словообразовательные суффиксы, передающие аспектуальные значения.

I. Оппозиция претерит vs. перфект

В современном удэгейском языке в области глагольных форм, выражающих временную отнесенность действия к прошлому, противопоставляются претерит, нейтральный в отношении выражения видовых значений, и перфект, обладающий типологически достаточно характерным набором грамматических значений. И. Николаева и М. Тольская рассматривали перфект как форму, не имеющую особого аспектуального значения, относя претерит (простое прошедшее) и перфект к «общему виду» (General aspect) [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 216]. Шнейдер, называвший соответствующие формы Прошедшее I и Прошедшее II, определял

Прошедшее II, как форму, выражающую прямую засвидетельствованность [Шнейдер 1936: 118–119]. Таблица 1 показывает соответствие терминологии, принятой разными авторами, описывавшими соответствующий фрагмент грамматики удэгейского языка².

Таблица 1

Шнейдер	Николаева–Тольская	Перехвальская
Прошедшее I	Past (General aspect)	Претерит
Прошедшее II	Perfect (General aspect)	Перфект

Морфология: Формы претерита и перфекта исторически образовались путем присоединения агглютинативных суффиксов: *-hA/-si/-ki-* в претерите и *-‘A/-gA/-kA* — в перфекте. В результате возникновения в удэгейском языке гласных сложного образования — аспирированных и глоттализированных — для глагольных основ на гласный следует постулировать образование претерита путем мены конечного гласного основы на соответствующий долгий аспирированный (*a* → *aha*), а перфекта — на долгий глоттализированный (*a* → *‘a*). В бикинском диалекте в результате утраты аспирированными гласными придыхательного элемента формы претерита от основ на *a*, *o*, *ə* образуется путем удлинения гласного основы³. В Таблице 2 приведено образование форм претерита и перфекта от глаголов с разными типами основ в хорском и бикинском диалектах.

Таблица 2

Претерит		Перфект	
Хорский	Бикинский	Хорский	Бикинский
<i>agdaha-ni</i>	<i>agdaa-ni</i>	<i>agd‘a</i>	<i>agd‘a</i>
<i>ətətəhə-ni</i>	<i>ətətəə-ni</i>	<i>ətət‘ə</i>	<i>ətət‘ə</i>
<i>bu-ho-ni</i>	<i>bu-o-ni, bu-ə-ni</i>	<i>bu-gə</i>	<i>bu-gə</i>
<i>damisi-hə-ni</i>	<i>damisi-ə-ni</i>	<i>damisi-ga</i>	<i>damisi-ga</i>
<i>digaŋ-ki-ni</i>	<i>dianaa-ni, diaŋ-ki-ni</i>	<i>digaŋ-ka</i>	<i>dian‘a, diaŋ-ka</i>
<i>bi-si-ni</i>	<i>bi-si-ni</i>	<i>bisə</i>	<i>bisə</i>

² Я не буду учитывать точку зрения А. Х. Гирфановой, согласно которой формы прошедшего I и прошедшего II полностью синонимичны [Girfanova 2002: 30].

³ О гласных сложного образования в диалектах удэгейского языка см.: [Перехвальская 2010]

Следует отметить, что значение данных форм как совершенных оформилось во второй половине XX века. Удэгейский перфект произошел из форм прямой эвиденциальности. Такое значение этих форм было зарегистрировано в грамматическом очерке Е. Р. Шнейдера:

Смысловая разница между I и II формами заключается в том, что прошедшее II выражает действие, которому говорящий был сам свидетелем, а I форма — действие, о котором говорящему только известно. I-е л. II формы употребляется тогда, когда говорящий хочет подчеркнуть факт совершения (или несовершения) им действия, в противоположность I-му л. I формы, где это подчеркивание отсутствует) [Шнейдер 1936: 118–119].

Если внимательно прочесть написанное Шнейдером, становится ясно, что эвиденциальное значение он приписывает только формам не 1-го лица, поскольку для последних значение «непрямой эвиденциальности» не имеет смысла. Для форм 1 лица постулируется, по-видимому, указание на актуальность прошлой ситуации, что и дало возможность переосмыслить данную глагольную форму как совершенную.

Приведу примеры (простое подчеркивание — перфект; двойное — претерит) из текстов 1930-х гг.

(1) Рассказ о реальных событиях (Shneider_Anuj14.001–003):

Bi əji tuəni Mæudu bisəi, tatusigai.

‘Этой зимой я был в Николаевске, учился’.

Bi dī bæwa tatusigai.

‘Я (про)учился четыре месяца’.

Uniligai bəgdizī, tiŋəzī.

‘Я заболел ногами, грудью’.

(2) Нарратив (информант тот же) (Shneider_Anuj18.001–004).

Oto mərgə bagdəhəni.

‘Жил-был один мóлодец’.

Əj’əixi ŋənəhəni, taluga mōwəni b’ahani.

‘(По)плыл он вниз по течению, нашел березу’.

Ot’osi tuktilihəni, talugawa ukkilihəni.

‘Стал влезать, стал кору драть’.

Taluga tiŋməgihəni, utinəgə osini.

‘Береста упала, оморочкой сделавшись’.

- (3) Современный текст (Автобиография А. А. Канчуги)
(Кансуга.І.1.006-008):

Əmnə-gdəli (mindu ilənti aŋani ŋənəliəni)

‘Однажды (мне пошел третий год)’

Vi ‘anaui j’əu-kə bitalani agdaani.

‘Наш бат пристал к какой-то косе’.

Vi tənə əniŋəi kiälani bisimi.

‘Я был (находился) рядом с матерью’.

Vi amii ag’azigə-də j’əuxi-kə sətəəti.

‘Мой отец и старшие братья куда-то исчезли’.

J’əuxi ŋənəktəəti?

‘Куда они ушли (поразошлись)?’

Əsimi-də saq.

‘Я не знал’.

В текстах, записанных у современных носителей, в рассказе о реальных событиях основной формой является претерит. Формы перфекта утратили эвиденциальное значение, получив набор собственно перфектных значений. Они выражают ситуацию, «последствия которой (не обязательно естественный результат!) существуют в момент речи» [Плунгян 2011: 389].

Основные значения перфекта в современном языке.

Действие с актуальными последствиями:

- (4) *Vi uja-gə-i!*
1SG промазать-PRF-1SG
‘Я промазал!’

Экспериментальное:

- (5) *Si ali-da ai-wa umi-gə-i?*
2SG когда-INDEF водка-ACC пить-PRF-2SG
‘Ты когда-нибудь пил водку?’

Авертивное:

- (6) *Nua-ni kətigə tiŋməl’ə.*
he-3SG almost fell.PRF
‘Он чуть не упал’.

Переход значения от прямой эвиденциальности к перфекту можно объяснить следующим образом. Прямая засвидетельствованность, т. е. подчеркивание того факта, что говорящий лично был свидетелем некоторой ситуации (или если речь идет о формах 1-го л., то о реальности этого факта), связана с тем, что данная ситуация не утратила актуальности в момент речи.

Ср. пример из текстов, опубликованных Шнейдером:

- (7) *Sinə-wə bi mafa-i cind'a silə-wə-ni*
 2SG-ACC 1SG старик-1SG птичка отвар-ACC-3SG
umi-nə-jə, guŋ-kə, guŋ-ki-ni.
 пить-GO-IMP сказать-PRF сказать-PST-3SG
 ‘«Тебя мой муж велел позвать, приходи поесть похлебки из птиц», — сказала она’ (Sh:Two oldmen.098).

Здесь глагол *gunə-* ‘сказать’ употреблен дважды: в перфекте *guŋkə* (прямая речь персонажа) и в претерите *guŋkini* (авторская речь). Форму перфекта можно толковать как передающую прямую эвиденциальность (героиня была свидетелем того, что муж приглашал соседа), но она же может интерпретироваться и как форма прошедшего, сохраняющего актуальность в настоящем (это объяснение ее прихода к соседу).

Большинство форм перфекта из опубликованных текстов 1930-х допускают такое толкование, хотя, по-видимому, следует доверять Шнейдеру в его описании семантики данной формы и считать, что эвиденциальное значение данных форм было основным. Ср. такие примеры:

- (8) *Ami-mi baa-gi-hə-hi -jəu?*
 отец-SS.SG найти-REV-PST-2SG -Q
Baa-gə-i, guŋ-ki-ni.
 найти-PRF-1SG сказать-PST-3SG
 ‘(Мать спросила) «Своего отца нашел ли?» «Нашел», сказал он’ (Sh:Selemege.182–183).

В вопросе использована форма претерита, т.к. спрашивающий не был свидетелем ситуации, в ответе употреблен перфект, подчеркивающий совершение действия.

Еще пример:

- (9) *Sul'ainziga səə-ni bəjə-ni Dəukciŋkə, bi utə-bədə*
 Суляндзига род-3SG тело-3SG Дзукчинка 1SG так-как

dogdi-go-i. Uti-də bagdi-ŋaha-fəi mənə
слушать-PRF-1SG этот-FOC жить-IC-SS.PL REFL
səə-nə-fəi o-ho-ti.
род-DEST-SS.PL делать-PST-3PL

‘Подлинный род Суляйндзига — (это) Дзукчинка, я так слышал. Они тоже, когда жили, сами себе род образовали’ (Shneider_Anuj4.003–004).

В первом предложении использована форма перфекта — речь идет о самом говорящем. Во втором предложении использован претерит, так как речь идет о событиях давних лет, которым говорящий не был свидетелем.

Противопоставление претерита и перфекта в приведенных примерах трудно интерпретировать как противопоставление аспектуальных значений. В примерах (7)—(9) претерит связан с не прямой эвиденциальностью, а также с неактуальностью события. Это дает возможность предположить, как именно эвиденциальные формы со временем переосмыслились в качестве перфективных. Ср. такой пример:

- (10) *Uti taluŋu-ni-də əhi biə, bi bəjə-wə-də*
этот история-3SG-FOC VNEG быть 1SG тело-ACC-FOC
is’ə-i.
видеть.PRF-1SG
‘Это вовсе не легенда, я саму [женщину] видел’ (Shneider_Anuj6.002).

Дальнейшее повествование ведется в претерите. Форма перфекта употреблена, поскольку говорящий видел героиню рассказа сам, однако эта форма может быть легко проинтерпретирована как перфект с экспериенциальным значением.

Некоторые примеры, однако, показывают, что формы перфекта сохраняли значение прямой эвиденциальности и в 1960-е гг. Ср. пример из текстов, опубликованных И. В. Кормушиным:

- (11) *Bi giusə-ŋi-i əuxi ətə-ə-ni.*
1SG косуля-ALIEN-1SG сюда прийти-PST-3SG
Dauna-ja xələ sus’a.
наводить-переправу-IMP быстро убежать.PRF.3SG
‘Моя косуля сюда пришла (наверно). Брось переправу, а то убежала’ (Kormushin.I.Zandalafu.079–080).

Форма претерита в данном примере выражает косвенную эвиденциальность (суждение по косвенным признакам) — герой предполагает, что косуля (на самом деле сбжавшая от него девушка), возможно, пришла туда, где происходит диалог (к реке). То, что она убежала — факт, который герой сказки наблюдал своими глазами. Перфект выражает прямую эвиденциальность.

ВЫВОД. Современное противопоставление перфекта и претерита в удэгейском языке сформировалось во второй половине XX века, при этом перфект возник в результате переосмысления форм с эвиденциальным значением (прямая засвидетельствованность).

Противопоставление перфекта и претерита vs. презенс

В нарративе, в том числе и в рассказе о реальных событиях, претерит и перфект противопоставлены презенсу, который регулярно употребляется в значении действия, разворачивающегося в некий момент в прошлом. Представляется, что данное употребление не является чисто таксисным. Для выражения таксисных значений удэгейский язык использует нефинитные формы, способные передавать различные взаимоотношения двух действий: предшествование, одновременность, отнесенность к будущему; кореферентность или некорееферентность субъектов обоих действий. В примерах же, подобных (12) речь идет об аспектуальном значении — так обозначается разворачивающаяся ситуация, наблюдаемая в серединной стадии. Формы презенса в этом случае обозначают не просто одновременную ситуацию, но такую, которая началась раньше описываемого действия.

Тут нужно сделать следующее замечание. В удэгейском, как и в других тунгусо-маньчжурских языках, многие финитные глагольные формы являются по происхождению причастиями, присоединяющими личные показатели. В парадигме презенса таковыми являются формы 3 лица⁴. Данные формы, по-видимому, сохраняют свойственное активным презентным причастиям таксисное значение длительного (фонового) действия.

---

⁴ Финитные формы презенса глаголов 3 л. ед. и мн. ч. и формы активных презентных причастий с личными суффиксами совпадают: *ηәпә-і-ni* — идти-PRP-3SG ‘он идущий’; *ηәпә-ini* — идти-PR.3SG ‘он идёт’.

- (12) *Jaŋata-wa*   *ihij-ga-i*   *t'a*   *xəgə-ni-ni*
сухое.русло-ACC   дойти-PRF-1SG   валежина   низ-DAT-3SG
kuti   *bi-hi-ni!*
тигр   быть.PR-3SG
'Я подошел к высохшему руслу: под валежиной был (букв.
есть) тигр!' (Shneider_Anuj13.013).

Такого рода примеров много в опубликованных текстах. Вот некоторые контексты: «Сэлэмэгэ уже поел, а Гэнтэй все **варит**: *olokto-ini* — варить-PR.3SG» (Sh:Selemege.058–059); мать пришла смотреть как сын **уходит**: *gulinə-ini* — отправляться в путь-PR.3SG» (Sh:Selemege.105); «Пришел он к Уэй: она много кабанов **держит**: *dalau-si-ini* — кормить-IM-PR.3SG» (Shneider_Anuj15.004–005); «Вошел в дом: на боку у огня две обгорелые собаки **лежат**: *tooniga-si-iti* — греться.у.огня-IM-PR.3PL» (Kormushin.5.Uza.021); «Посмотрел: девушки рыбы наловили, полные нарты **тянут**: *uŋkəlagæ-iti* — тащить.на.нартах-PR.3PL» (Kormushin.5.Uza.034).

ВЫВОД: В нарративе формы претерита противопоставлены формам презенса, который при общей отнесенности ситуации в план прошлого обозначает длительную ситуацию, которая началась ранее момента действия.

II. Сложные глагольные формы (нефинитные формы + вспомогательный глагол)

В «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской впервые было обращено внимание на существование в данном языке сложных глагольных форм, образованных нефинитными формами глагола (причастиями, деепричастиями, герундием) в сочетании со вспомогательными глаголами (бытийным глаголом *bi-*, глаголами *oo-* 'делать' и *b'a-* 'находить'). Е. Р. Шнейдер в своем очерке указал лишь на существование «условно-сослагательных форм» [Шнейдер 1936: 132–133]. И. В. Кормушин [Кормушин 1998] и М. Д. Симонов [Симонов 1988, 1998] сосредоточились в первую очередь на анализе фонетики и фонологии, лексикографических материалах и публикациях текстов. Очерк А. Х. Гирфановой [Гирфанова 2002] также не внес ничего нового по сравнению с описанием Е. Р. Шнейдера, являясь упрощенным пересказом последнего.

Похожие аналитические формы в системе глагола выделялись для языков «северной» группы: эвенкийского, эвенского и

негидальского [Цинциус 1965; Цинциус 1982: 24; Nedjalkov 1997: 235; Bulatova, Grenoble 1999: 35–37], однако не выделялись для диалектов нанайского языка [Аврорин 1959–1961; Суник 1958]. Это может объясняться тем, что в нанайском языке нефинитные формы выполняют финитную функцию и в значительной степени вытеснили прежние финитные формы. Такое употребление, возможно, произошло путем опущения вспомогательного глагола в прежней аналитической конструкции, поэтому аналитические конструкции и не сохранились.

В этом отношении удэгейский язык занимает сложную позицию. В парадигме удэгейского глагола слились этимологически финитные формы и формы, которые представляют собой причастия, получившие личные окончания. В презенсе глагольная парадигма оказывается смешанной: формы 3 л. ед. и мн. числа представляют собой по происхождению причастия, а формы лиц-локаторов — этимологические финитные формы. Причастное происхождение имеют формы претерита, но не перфекта. В этой ситуации трудно ожидать развитой системы «сложных» видовременных форм.

Чтобы решить вопрос относительно природы таких аналитических глагольных форм, пришлось обратиться к сплошной выборке из сравнительно небольшого корпуса текстов (ок. 100000 знаков), откуда были выписаны все аналитические конструкции нефинитных форм смыслового глагола с глаголом *bi-* ‘быть’. Были получены следующие результаты.

Общее количество предложений (около 2500, средняя длина предложения ок. 40 знаков), при этом основу выборки составляли тексты 1930-х гг., записанные Е. Р. Шнейдером, привлекались также тексты, записанные И. В. Кормушиным и М. Д. Симоновым в 1960–1970 гг. XX века и современные тексты.

Было обнаружено:

	+ <i>bi-</i> в форме перфекта (<i>bisə</i>)	+ <i>bi-</i> в форме претерита (<i>bisi-</i>)	+ <i>bi-</i> в форме презенса (<i>bi(h)i</i>)	+ <i>bi-</i> в других формах
презентное активное причастие	12	3	–	–
перфектное активное причастие	9	7	3	2
герундий	6	5	1	1

Всего 49 употреблений, т. е. примерно одно на 40 предложений.

Данные формы не очень частотны. В текстах аналогичной длины в тех языках, где существуют аналитические «времена» они встречаются значительно чаще. Это свидетельствует о том, что данные конструкции грамматикализованы в весьма слабой степени. При этом наиболее частотными оказались конструкции «презентное активное причастие + *bi-* в форме перфекта (*bisə*)». Однако в данном случае *bisə* выступает в роли показателя ретроспективного сдвига, т. е. указывает на ситуацию, либо происшедшую давно, либо утратившую актуальность или не соответствующую тому, что происходит в момент речи.

Ср. примеры:

- (13) *Bu sagdinta-u-ka anana, anana bi-si-mə-ti*
1PL.EXCL старики-2PL-FOC давно давно быть-PP-ACC-3PL
tu təluju-si-i bi-sə.
так рассказывать.IM-PRP быть-PRF
'Наши старики о давно-давно живших так, бывало, рассказывали' (Shneider_Anuj2.001).
- (14) ...*anana ami-ŋa-hi əbədə kəptə-i bi-sə.*
давно отец-DEAD-2SG так лечь-PRP быть.PRF
'Раньше отец твой покойный устав всегда вот так ложился'
(Kormushin.1.Zandalafu.062).

Эти формы передают перфектное значение по отношению к прошлой ситуации:

- (15) *Jāndasa agdu-la-ni ihin-ka-i, sul'ai*
барсук берлога-LOC-3SG прийти-PRF-1SG лиса
sitə-ni ŋūgi-ktə-hə-ni bi-sə.
ребенок-3SG вылезать-DIST-PP-3SG быть-PRF
'Я подошел к барсучьей норе, из нее вылезли («были вылезши») лисята' (Shneider_Anuj13.005).

Конструкции с другими формами бытийного глагола представляются не грамматикализованными видовременными формами, а скорее свободными сочетаниями, во многих из них глагол *bi-* выступает не как связочный, а как полнозначный 'жить, быть, находиться' ср. следующий пример:

(16) *Omo tama ŋuha-i bi-si-ni.*
 один бабушка засыпать-PRP быть.PST-3SG
 ‘[Там] находилась одна спящая старуха’ (Shneider_Anuj20.237).

(17) *Uti tada-zi waa-meī bi-li-he-ti.*
 этот стрела-INS убить-GER.PL быть-INC-PST-3PL
 ‘Зажили, охотясь этими стрелами’. (Shneider_Anuj2.013)

Данные формы могут получать совершенно различную интерпретацию, что также свидетельствует о слабой грамматикализации данных конструкций. Ср. пример (18), где реализуется значение прогрессива и пример (19), где актуализовано хабиутальное значение сходных конструкций (герундий + *bi-si*).

(18) *Uti mam'asa dalausi-m bi-si-ni.*
 этот старуха кормить.IM-GER быть-PST-3SG
 ‘Та старуха как раз кормила⁵ <кабанов>’ (Shneider_Anuj 15.025).

(19) *Zolo xəgiə-di-ni l'asa-wa diga-mi bi-si-ni.*
 камень низ-DAT-3SG бычок-ACC есть-GER быть-PST-3SG
 ‘И жила, питаюсь бычками из-под камней’ (NV1:Otter and crow.005).

Важным аргументом в пользу того, что перед нами не грамматикализованные формы, а свободные сочетания, является то, что основные аспектуальные значения в языке передаются не при помощи этих форм, а иными способами.

Ср. типичные контексты, где аспектуальные значения выражаются деривационными суффиксами:

(20) *Ə-ə, aziga, jə'u digə-si-hi?*
 ə-ə девочка что прятаться-IM-2SG
 ‘Э-э, девушка, где ты прячешься?’ (Kormushin.I.Zandalafu.033).

В (20) значение прогрессива передается словообразовательным суффиксом *-si-*, ср. пары: *digə-* ‘спрятаться’ — *digəsi-* ‘прятаться’, ‘играть в прятки’.

---

⁵ Значение прогрессива в (18), скорее всего, кодируется суффиксом имперфектива *-si-*, который входит в состав основы *dalausi-* ‘кормить’.

Ср. также приведенные выше контексты, где значение прогрессива в повествовании систематически передается формами презенса.

К сожалению, в грамматике И. Николаевой и М. Тольской отсутствуют примеры на употребление сложных глагольных форм. Единственный приводимый в грамматике пример (21) иллюстрирующий хабитуальное значение, вне контекста не понятен:

- (21) *Sul'ai dian-a-ini biə uti.*
fox speak-PRP-3SG be.PR.HAB this
'This is the fox speaking' (K30).

Не совсем понятно, почему перед нами не прогрессив, поскольку, видимо, это ремарка по ходу рассказа «а это говорит лиса». [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 219].

По-видимому, аналитические конструкции с нефинитными формами глагола в удэгейском языке, лишь находятся на пути грамматикализации. К ним в полной мере применимо сказанное В. И. Цинциус о сходных структурах в языках северной подгруппы:

...наряду с аналитическими формами имеются аналитические образования. И если первые бесспорно входят в парадигму глагольных форм, то вторые находятся лишь на пути к ним, так как они еще слишком «синтаксичны», но уже и не просто синтаксические словосочетания [Цинциус 1965: 252].

ВЫВОД: аналитические конструкции в удэгейском языке приходится считать грамматикализованными в разной степени. Наиболее грамматикализованными оказываются конструкции с ретроспективным сдвигом, а также конструкции, выражающие плюсквамперфектное значение.

III. Словообразовательные суффиксы, передающие аспектуальные значения

В удэгейской глагольной словоформе может насчитываться до шести-семи суффиксов, чаще всего — три-четыре. В традиционных грамматиках не всегда решался и даже ставился вопрос о разделении суффиксов на словообразовательные и словоизменятельные.

В «Грамматике удэгейского языка» И. Николаевой и М. Тольской предлагается следующий критерий разграничения словооб-

разовательных и словоизменительных суффиксов — их распределение в отрицательной конструкции: «В отличие от словоизменительных морфем словообразовательные суффиксы сохраняют свое положение в глагольной основе в отрицательных глагольных конструкциях» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 287]. Ср. следующие примеры:

- (22) *lali-wə-si-зəηə-fi*
 голодать-CAUS-IM-FUT-1PL.INCL
 ‘мы будем заставлять голодать’
ə-зəηə-fi lali-wə-si
 VNEG-FUT-1PL.INCL голодать-CAUS-IM
 ‘мы не будем заставлять голодать’
- (23) *wakca-na-laga-ni*   *ə-ləgə-ni*   *wakca-na*
 охотиться-GO-AIM-3SG   VNEG-AIM-3SG охотиться-GO
 ‘чтобы он пошел охотиться’   ‘чтобы он не пошел охотиться’

В отрицательной конструкции все словоизменительные показатели присоединяются к несущему отрицание вспомогательному глаголу *ə-*: маркеры лица/числа, времени, суффиксы причастий, конвербов и герундия. Словообразовательные суффиксы сохраняют свое положение при смысловом глаголе.

ОТСТУПЛЕНИЕ: Дополнительные критерии разграничения словообразовательных и словоизменительных форм:

1. Только формы, образованные деривативными суффиксами, могут лексикализироваться. Наличие таких форм свидетельствует о том, что данный суффикс относится к классу деривативных морфем: *wa-kca-* ‘охотиться’ < *waa-* ‘добыть’ + суфф. проспектива *-kca* (букв. «собираться, намереваться добыть»); *osi (əsi)* ‘появляться’ < *o-* ‘делать’ + *-si-* имперфектив.

2. Только деривативные показатели могут повторяться внутри одной словоформы:

- (24) *Məti*   *aju-kči*   *uində-ndə-ə-ni*
 сам.ACC любить-PR.АСТ поднять.SEM-SEM-PST-3SG
šlæpa-i.
 шляпа-SS.ACC
 ‘Честолюбец приподнял свою шляпу’ (Kancuga, MP 76).
- (25) *...dəgutu-du*   *g'ai-wə*
 вешала.для.рыбы-DAT ворона-ACC

ɲəɫə-wə-si-wən-zəɲə-i.

бояться-CAUS-IM-CAUS-FUT-1SG

‘...я тебя заставлю отпугивать ворон на вешалах с рыбой’
(Sh:Selemege.066).

Еще пример:

bu-gi-nda-gi-a-ni

дать-REV-SEM-REV-PST-3SG

‘быстро отдала обратно’ (Kormushin.1.Zandalafu.053).

В таких образованиях первый из показателей, расположенный ближе к корню, как правило, является полностью или частично лексикализированным, а второй — более грамматикализированным:

ɲəɫə- ‘бояться’ + каузатив → *ɲəɫə-wə-* ‘пугать’ + имперфектив → *ɲəɫə-wə-si-* ‘отпугивать (процесс)’ + каузатив → *ɲəɫə-wə-si-wən-* ‘заставлять отпугивать’.

bu- ‘дать, давать’ + реверсив → *bu-gi-* ‘отдать, вернуть’ + семельфактив → *bu-gi-nda-* ‘вернуть (мгновенно)’ + реверсив → *bu-gi-nda-gi-* ‘быстро вернуть на место’.

3. Суффикс, находящийся перед деривационным, сам является деривационным (ср. примеры выше) [Даниэль, личное сообщение].

Среди словообразовательных суффиксов следует также различать суффиксы нерегулярной деривации, способные образовывать глаголы от слов другой частеречной принадлежности и суффиксы регулярной деривации. Многие из последних могут присоединяться практически к любому глаголу, причем значение такого новообразования полностью предсказуемо. К этому типу принадлежат многие суффиксы актантной деривации, глагольной множественности, а также часть суффиксов, передающих аспектуальные значения.

Следующие суффиксы передают аспектуальные значения:

Перспектив	(-kCA)
Инхоатив	(-li-)
Имперфектив	(-si-)
Семельфактив	(-ndA-)
Сингулятив	(-lA-)

Следует отметить, что помимо аспектуальных значений эти суффиксы могут передавать и иные значения, поскольку «аспект принадлежит к числу тех грамматических категорий, которые наиболее тесным образом связаны с семантикой исходной (глагольной) лексемы» [Плунгян 2011: 380].

В связи с рассмотрением данных показателей возникает несколько спорных вопросов теоретического характера. Представленные маркеры различаются по своим морфологическим характеристикам. Показатели проспектива и инхоатива способны присоединяться только к глагольным основам⁶. Остальные три показателя способны играть двойную роль: они могут присоединяться к основе глагола, модифицируя его акциональные характеристики, но при этом могут выступать и как суффиксы отыменной глагольной деривации. В последнем случае они образуют глагол от имени, одновременно придавая этому глаголу определенную акциональную характеристику. В результате возникают параллельные образования, чем-то напоминающие русские видо-вые пары.

Отыменные глаголы со значением, которое вслед за И. А. Мельчуком можно определить как OPER, часто возможны со всеми тремя суффиксами:

Именная основа	Сингулятив (-la-)	Имперфектив (-si-)	Семельфактив (-nda-)
<i>kusigə</i> 'нож'	<i>kusigə-lə</i> 'ударить ножом'	<i>kusigə-si-</i> 'орудовать ножом'	<i>kusigə-nda-</i> 'ударить или резануть ножом'
<i>mäusa</i> 'ружье'	<i>mäusa-la-</i> 'выстрелить'	<i>mäusa-si-</i> 'стрелять'	<i>mäusa-nda-</i> 'стрельнуть'
<i>kakta</i> 'половина'	<i>kakta-la-</i> 'расколоть'	<i>kakta-si-</i> 'колоть, раскалывать'	<i>kakta-nda-</i> 'расколоть одним махом'

У семельфактива имеется также аттенуативное значение (возможно, это квант мультипликативной ситуации).

В других случаях возникают «аспектуальные пары» сингулятив — имперфектив, представляющие оппозицию «точечный — длительный вид»:

⁶ Отыменные глаголы типа *kun̄kai-li-* 'играть на кункае', *sou-li-* 'черпать поварешкой' (*sou* 'черпак') не выражают инхоативного значения.

Именная основа	Сингулятив (- <i>lA</i> -)	Имперфектив (- <i>si</i> -)
<i>anda</i> 'друг'	<i>anda-la-</i> 'подружиться'	<i>anda-si-</i> 'дружить'
<i>aŋa</i> 'ночевка'	<i>aŋa-la-</i> 'переночевать'	<i>aŋa-si-</i> 'ночевать'
<i>säkpa</i> 'польза'	<i>säkpa-la-</i> 'пригодиться'	<i>säkpa-si-</i> 'пригодиться, быть нужным'

Данные суффиксы различаются по способности сочетаться с именными и глагольными основами. Суффикс сингулятива (-*lA*-) чаще всего присоединяется к именным основам, однако есть случаи его употребления и с глагольными основами:

tiŋtə- 'падать, упасть' → *tiŋtə-lə* 'упасть';

ŋəni- 'идти назад' → *ŋəni-lə-* 'пойти, придти назад'

wəəndə- 'бросить, бросать' → *wəəndə-lə* 'выбросить'.

Суффиксы имперфектива (-*si*-) и семельфактива (-*ndA*-) одинаково продуктивно присоединяются как к именным, так и к глагольным основам.

В грамматике И. Николаевой и М. Тольской суффиксы имперфектива -*si*- и сингулятива -*lA*- упомянуты дважды — каждый как суффикс отыменной и отглагольной деривации. В результате мы получаем две пары омонимичных словообразовательных суффиксов, имеющих одно и то же значение. На это указывают сами авторы грамматики. Вот что они пишут об отыменном имперфективном суффиксе -*si*-:

Инструментальный суффикс -*si*- дополнительно передает имперфективное значение (ср. параллельную отглагольную деривацию в 8.2.2.7). Соответствующие глаголы аспектуально противопоставлены глаголам с перфективным значением, образованным от тех же существительных посредством суффикса -*lA*- (8.1.1.3): *mäusa-la-* 'выстрелить (один раз)' и *mäusa-si-* 'стрелять' [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 292].

А вот интерпретация отглагольного суффикса -*lA*- из той же грамматики:

Аффикс сингулятива -*lA*- подчеркивает, что действие имело место только один раз. Он совместим только с предельными глаголами, которые обозначают внутренне целостное событие: *tiŋtə-*

‘падать’ → *tiŋmǝ-lǝ*- ‘упасть (один раз)’; *xaluga-* ‘бить молотком’⁷, → *xaluga-la-* ‘единожды ударить молотком’; *iktǝmǝ-* ‘кусать’ → *iktǝmǝ-lǝ-* ‘укусить (один раз)’» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311].

Показатель семельфактива *-ndA-* способен присоединяться как именным, так и к глагольным основам, что было показано выше, однако в «Грамматике удэгейского языка» упоминается только «отглагольный» вариант.

Я буду считать упомянутые суффиксы единичными мультифункциональными показателями, способными присоединяться как к глагольным, так и к именным основам. Независимо от того, являются ли они средствами транскатегориальной деривации или нет, каждый из них выражает определенный единый комплекс значений.

Линейная аспектуальность

Из приведенных выше аспектуальных суффиксов три обозначают различные фрагменты развертывания ситуации: показатель проспектива указывает на предварительную стадию, предшествующую ситуации; показатель инхотатива — на начало ситуации; показатель имперфектива — на срединную часть ситуации. Результирующая стадия в современном удэгейском языке может выражаться граммемой перфекта, то есть уже не словообразовательными, а грамматическими средствами.

Показатели семельфактива и сингулятива указывает на ситуацию в целом, рассматривая ее как не имеющую длительности. При этом показатель сингулятива указывает на законченность, целостность ситуации. Показатель же семельфактива часто всего употребляется для изменения акциональности глаголов, обозначающих процессы или состояния, а также выражает аттенуативное значение.

Я буду рассматривать аспектуальные показатели по следующей схеме: значение данного показателя в первичном (линейном) аспекте, его употребления в качестве показателя вторич-

---

⁷ Интересно, что среди примеров отглагольной деривации с *-lA-* упомянут глагол *xaluga-la-* ‘ударить молотком (однократно)’, хотя он является отыменным — глагола *xaluga-* ‘бить молотком’ не существует, имеется лишь существительное *xaluga* ‘молоток’.

ного аспекта, случаи лексикализации, некоторые другие особенности употребления.

Показатель проспектива (суфф. *-kca*) ранее как таковой не рассматривался.

Шнейдер различал два омонимичных суффикса: 1) показатель «формы, выражающей намерение совершить действие»; глаголы с этим суффиксом рассматривались как «глаголы, выражающие несколько действий»; 2) показатель «длительного вида» [Шнейдер 138: 141–142].

И. Николаева и М. Тольская вслед за Шнейдером также различают два омонимичных показателя: 1) модальный показатель интенционала (*-kca-*) и 2) видовой показатель дуратива (*-kca-*) [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311–312]. Оба грамматических описания в этом вопросе единодушны. Представляется, что в обоих случаях речь идет об одном и том же суффиксе, базовым значением которого является значение проспектива.

Этот показатель не является модальным, поскольку маркирует стадию подготовки к ситуации, частным случаем которой можно считать намерение совершить действие.

Ср. употребление этого показателя с неодушевленным субъектом:

lakti- ‘приклеиваться’ *lakti-kca-ini* ‘вот-вот приклеится (сам по себе)’;

tigdə- ‘идти (о дожде)’ *tigdə-kca-ini* ‘дождь собирается’.

Эти значения связаны между собой, как, например, в английской конструкции *to be going to* или в русском *собираться* (*Собирается дождь, Он собирается жарить картошку*).

Для удгейского языка проспективное значение представляется основным. Так, при отнесении ситуации в прошлое, соответствующие формы часто получают значение неудавшейся попытки:

С претеритом (неудачная попытка):

(26) *Ili-gi-kca-hə-ni*   *kand'a-mafa*   *təək-təək-da*
встать-REV-PRO-PST-3SG   старик   крепко-FOC
lagbaŋ-ki-ni.

приклеиться-*PST-3SG*

‘Попробовал было старик встать — крепко-накрепко приклеился’ (Sh:Two oldmen.107).

С перфектом: (авертивное значение):

- (27) *Minə-wə uli-lə əi-kc'ə tuksa-ziga.*
 1SG.ACC река.LOC плыть.по.течению-PRO.PRF заяц-PL
 ‘Меня зайцы чуть не пустили по течению’ (Sh:Two oldmen.077).

В составе причастной формы, выражающей зависимую предикацию:

- (28) *Pətə kani-ini bi ŋala-zi zawa-kcə-i-wə-i.*
 Петя запрещать-3SG 1SG рука-INS брать-PRO-PRP-ACC-1SG
 ‘Петя запретил, чтобы я брал его руками (намеревался взять руками)’ (Kancuga.I.1.056).

Что касается отмечавшегося исследователями суффикса с дуративным значением, омонимичного данному, то возникают большие сомнения в необходимости его выделения. Скорее всего, речь идет о разных значениях одного и того же показателя. Ср. следующий пример, который приводится в качестве иллюстрации дуративного значения суффикса *-kcA-*:

- (29) *Isə-kcə-miə isə-hə-ni.*
 видеть-PRO-GER видеть-PST-3SG
 ‘Всматриваясь, увидел’.

В (29) нет необходимости постулировать для показателя *-kcə-* дуративное значение. Корень *isə-* означает ‘видеть’. В сочетании с показателем *-kcə-* он получает значение ‘всматриваться’, то есть «делать нечто, чтобы увидеть», таким образом, данный показатель передает в данном случае скорее проспективное, чем дуративное значение.

Есть случаи лексикализации глаголов с показателем проспектива:

- waa* ‘добывать’ → *wa(a)kca-* ‘охотиться’;
ŋuu- ‘вылезать наружу, появляться’ → *ŋuu-kcə-* ‘прорасти (о растениях)’ (ср. также *ŋuu-gi-* ‘вылезать снова и обратном направлении’);
nədə- ‘класть’ → *nə-kcə-* ‘хранить’ (ср. *nə-gi-* ‘класть обратно или снова’);
xudugu- ‘вывихнуть (напр., ногу)’ → *xudugu-kcə* ‘растянуть (ногу)’.

Показатель проспектива может сочетаться с глаголами разных акциональных классов. С глаголами состояния актуализуется значение намерения:

- (30) *Bi saa-kca-a-mi, cəzə-nu uti nii*
1SG знать-PRO-PST-1SG правда-Q этот человек
jəu-dəkiə əgzə-ini.
что-INDEF понимать-3SG.PRES
'Я хотел знать, вправду ли этот человек что-то понимает'
(Kancuga.MП.1).

С пунктивными глаголами, семантика которых не предполагает наличия предварительной стадии, в плане не-прошедшего данный показатель получает значение ближайшего будущего:

- uja* 'промазывать (по цели)' → *uja-kcə-ini* 'вот-вот промажет'.
(31) ...*aj biə-bədə ədə-ə-si budə-kcə-i-də.*
этот быть-будто стать-PP-SS умереть-PRO-PRP-FOC
'...она бы сделала вид, что вот-вот умрет' (Kancuga.MП.20).

При отнесенности к плану прошлого такие конструкции будут интерпретироваться как авертивные:

- uja* 'промазывать (по цели)' → *uja-kc'ə* '(только что) чуть не промазал! (перфект)'; *uja-kcə-ə-ini* 'он (когда-то) чуть не промазал (претерит)'.

Показатель инхотатива (суфф. *-li-*) в общем случае указывает на начало ситуации, обозначаемой исходным глаголом. Этот показатель является наиболее грамматикализированным среди глагольных суффиксов, выражающих аспектуальные значения. Он может присоединяться, по-видимому, к любому глаголу, что само по себе не является доказательством того, что перед нами словоизменение, а не словообразование. Применяя критерий «отрицательной конструкции», который рассматривался выше, следует, безусловно, отнести показатель инхотатива к словообразовательным средствам. Однако ему не свойственны некоторые другие свойства, характерные для большинства словообразовательных глагольных суффиксов. Показатель *-li-* по-видимому, не способен появляться в словоформе более одного раза. Мне также не удалось найти такие глаголы, где этот суффикс бы полностью лексикализировался⁸.

---

⁸ Возможно, таким является глагол *diəli-* 'летать, лететь', однако, мне встретилась форма *diə-wəsi-* 'летать туда-сюда' (с показателем ди-

Исходя из сказанного, следует констатировать, что значение данного показателя весьма предсказуемо. Он обозначает начало ситуации, которая рассматривается как обладающая некоторой длительностью, будь то процесс или состояние.

- (32) *Nəŋu-ni moo-wə gada-li-hə-ni*
 младший.сиблинг-3SG дрова-ACC собирать-INC-PST-3SG
 ‘Младшая стала собирать дрова’ (Shneider_Anuj20.229).
- (33) *...uti timadu-ni minti sa-li-ə-fi-di...*
 этот утро-3SG 1.PL.INCL знать-INC-PP-1PL.INCL-DAT
 ‘...в то утро, когда мы познакомились (букв. начали
 знать)...’ (Kancuga.МП.ХХIV).
- (34) *Bi jəu-də xoŋto-wə ə-si-mi ŋoni-li*
 1SG что-INDEF другой-ACC VNEG-PST-1SG уметь-INC
oŋo-mi...
 рисовать-GER
 ‘Я ничего не научился (букв. не начал уметь) рисовать...’
 (Kancuga.МП.И).

Одновременно с указанием на начало ситуации, данный показатель указывает и на то, что ситуация имела некоторую длительность. Сам по себе глагол *gada-* ‘собирать, собрать’ в удэгейском языке может обозначать как событие, так и процесс. Форма претерита *gada-ha-ni* в принципе может интерпретироваться двояко — ‘он собирал’ и ‘он собрал’. Поэтому появление инхоативного суффикса указывает на интерпретацию данной ситуации как процесса.

- (35) *Oloxi əl’ə-si, əu-gi-li-ə-ni.*
 белка наесться.PRF-PC.SS спускаться-REV-INC-PST-3SG
 ‘Белка наелась и стала спускаться вниз’ (NV2.Squirrel and
 Kialu.011).
 ср.: *Oloxi əl’əsi əu-gi-ə-ni* ‘Белка наелась и спустилась вниз’

При этом, естественно, глаголы в претерите или перфекте с данным показателем приобретают инцептивное значение и на русский язык часто переводятся глаголами совершенного вида: *ŋəpə-li-hə-ni* «он отправился (начал движение прочь)»; *soŋo-li-hə-*

версатива), следовательно, исходный глагол употребляется, хотя и очень редко.

ni «она заплакала (она начала плакать)»; *sakeä əjə-li-hə-ni* «кровь потекла (начала течь)».

Однако сильно-предельные глаголы (обозначающие события), для которых обозначение начальной стадии семантически не оправдано, в презенсе получают при присоединении инхоативного суффикса проспективное значение:

<i>uja-</i>	‘промазать’	<i>uja-li-ini</i>	‘вот-вот промажет’;
<i>əki-</i>	‘остановиться’	<i>əki-li-ini</i>	‘вот-вот остановится’;
<i>tiŋmə-</i>	‘упасть’	<i>tiŋmə-li-ini</i>	‘вот-вот упадет’;
<i>xətigə-</i>	‘прыгнуть’	<i>xətigə-li-ini</i>	‘вот-вот прыгнет’.

Для того чтобы получить значение вхождения в процесс (чаще всего мультипликативный) такие глаголы присоединяют два показателя — показатель имперфектива (*-si-*) + показатель инхоатива (*-li-*):

<i>uja-</i>	‘промазать’	→ <i>uja-si-</i>	‘все время промазывать’	→ <i>uja-si-li-</i>	‘начинать промазывать (например, о пожил охотнике)’;
<i>əki-</i>	‘остановиться’	→ <i>əki-si-</i>	‘останавливаться’	→ <i>əki-si-li-</i>	‘начать останавливаться’;
<i>tiŋmə-</i>	‘упасть’	→ <i>tiŋmə-si-</i>	‘падать’	→ <i>tiŋmə-si-li-</i>	‘начать падать’;
<i>xətigə-</i>	‘прыгнуть’	→ <i>xətigə-si-</i>	‘прыгать’	→ <i>xətigə-si-li-</i>	‘запрыгать’.

Инхоативные глагольные формы наиболее частотны в претерите или презенсе, а также в различных нефинитных формах. Пр продемонструрую употребление данного показателя в будущем:

- (36) *Vua zugu-ni oo-li-zəŋa-i bi.*
тайга выдра-3SG делать-INC-FUT-1SG 1SG
‘Теперь я стану таежной выдрой’ (NV1:Otter and crow.030).

Показатель имперфектива (суфф. *-si-*) указывает на среднюю стадию ситуации. Определение его как имперфективного заимствовано мною из грамматики И. Николаевой и М. Тольской [Nikolaeva, Tolskaya 2001, 315–316]. Е. Р. Шнейдер называл эту форму «многократным видом», что, по-видимому, не вполне справедливо, но объяснимо. Он пишет:

...этот суффикс придает глаголу характер многократности; напр.: *olokto-si-mi* много раз, неоднократно варю (*olokto-mi* варю). Этот же суффикс часто служит для образования глаголов, выража-

ющих пребывание в известном состоянии или положении. Он присоединяется преимущественно к основам, выражающим как раз те действия, которые направлены к достижению этих состояний или положений, напр., *zawa-si-mi* — держу (*zawa-mi* ‘беру’) [Шнейдер 1936: 139].

Представляется, что мультипликативное значение, отмеченное Шнейдером, является лишь частным, а не центральным значением данного суффикса. Так, трактовка Шнейдером форм типа *olokto-si-mi* как мультипликативных «много раз, неоднократно варю» не верна. Глагол *olokto-* ‘варить, сварить’ относится к разряду слабо-предельных. В разных видовременных формах он может обозначать как событие, так и процесс. С граммемой перфекта он будет, очевидно, обозначать события *olokt'o* ‘он сварил’; интерпретация этого глагола в претерите зависит в большей степени от контекста: *olokto-ho-ni* может означать как ‘сварил’, так и ‘варил’. С суффиксом *-si-* глаголы такого типа обозначают процесс в его срединной части (примеры см. ниже), а никак не повторяющиеся действия.

Итак, первичное аспектуальное значение суффикса *-si-* — указание на срединную часть ситуации, которая представляется как процесс.

Важнейшей характеристикой данной граммемы является тот факт, что она не может употребляться с глаголами, обозначающими состояние:

<i>saa-</i>	‘знать’	<i>*saa-si-</i>
<i>ŋələ-</i>	‘бояться’	<i>*ŋələ-si-</i>
<i>ŋoni-</i>	‘уметь’	<i>*ŋoni-si-</i>

Следовательно, мы, скорее всего, имеем дело с граммемой прогрессива, если использовать критерий З. Вендлера [Vendler 1957]. Такому решению, однако, противоречит способность глаголов с этим суффиксом передавать хабитуальное значение.

Данный суффикс может сочетаться со стативными глаголами: «сидеть», «стоять» и т. п., а также «жить».

Таким образом, данный показатель способен передавать значения прогрессива, мультипликатива и хабитуалиса, но не длительность для стативных глаголов. Я все же применяю термин «имперфектив», хотя данный аспектуальный кластер в удэгейском языке имеет свои особенности и тяготеет в первую очередь

к значению прогрессива. Поэтому основным для этой формы я буду считать значение прогрессива, понимаемое как значение динамической длительности. Ср. пару *aŋasi-* ‘ночевать’ — *aŋala-* ‘переночевать’:

(37) а. *Bəhæ-du aŋa-si-ga-i.*

Бя-DAT ночевать-IM-PRF-1SG

‘Я ночевал на реке Бя (находился всю ночь)’
(Shneider_Anuj14.018).

б. *Bəhæ-du aŋal’a-i.*

Бя-DAT ночевать.PRF-1SG

‘Я переночевал на реке Бя (и поехал дальше)’.

Слабо-предельные глаголы («вышивать», «варить») с данным суффиксом получают значение длительного процесса:

(38) *Maŋga goo-zi baatuga-si-ga-u.*

сильно долго-INS промыслять-IM-PRF-1PL.EXCL

‘Очень долго мы ходили промыслять’ (Shneider_Anuj11.036).

zəuŋi- ‘готовить, приготовить (пищу)’ → *zəuŋi-si-* ‘готовить (пищу)’;

zəgdə- ‘гореть, сгореть’ → *zəgdə-si-* ‘гореть’.

Хабитуальное значение более характерно для глаголов, обозначающих непредельные процессы:

(39) *Gəolaga aisi-wa galakta-si-ti (galakta-si-wasi-ti).*

геолог золото.ACC искать-IM-3PL (искать-IM-DIV-3PL)

‘Геологи ищут золото’.

galakta- ‘искать’ → *galakta-si-* ‘обычно искать’;

tukä- ‘бежать’ → *tukä-si-* ‘бегать’.

Хабитуальное значение получают также глаголы, обозначающие мультипликативные процессы:

simpi- ‘кашлять’ → *simpi-si-* ‘кашлять (обычно, постоянно)’,
ср. также:

simpi-ndə- ‘кашлянуть’ → *simpi-si-ndə-* ‘подкашливать (постоянно)’.

Присоединяясь к пунктивным глаголам, эта граммема придает им значение мультипликативного процесса:

- (40) *Dawa läsi əgdi, abuga omoči aki-si-ini.*
 кета очень много отец постоянно колотить-IM-3SG
 ‘Кеты очень много, отец все время колет’ (Kancuga.I.3.056).

aki- ‘колотить острой’ → *aki-si-* ‘колотить и колотить острой’;
xätigə- ‘прыгать, прыгнуть’ → *xätigə-si-* ‘прыгать и прыгать’.

При этом не исключается и хабикулярная трактовка таких форм:

uja- ‘промазать’ → *uja-si-* ‘промазывать многократно’ →
 ‘промазывать постоянно’ (ср. перевод формы *uja-si-ini*,
 предложенный информантом: «все время мажет»’).

При присоединении данного суффикса сильно-предельные глаголы (глаголы достижения: «брать», «сесть» и т. п.) получают результативно-процессуальное значение. Это как раз то значение, о котором писал Шнейдер. Такая форма обозначает процесс, возникший в результате действия, которое выражает исходный глагол, ср.:

- (41) *Cind’a uti moolo (doo-ho-ni) doo-si-ni.*
 птица этот дерево.LOC садиться-PST-3SG садиться-IM-3SG
 ‘Птица (села) сидит на этом дереве.’

doo- ‘сесть (о птице)’ → *doo-si-* ‘сидеть (о птице)’;
zawa ‘брать’ → *zawa-si-* ‘держат’.

Глаголы с суффиксом имперфектива в претерите практически не меняют своего аспектуального значения — ситуация лишь переносится в план прошедшего. С перфектом же глаголы с *-si-* часто получают делимитативное прочтение:

- (42) *Uta-digi gəhə-gəhə kig’o-si-go-i.*
 этот-ABL вместе-вместе свистеть-IM-PRF-1SG
 ‘Тогда я посвистел вместе с ней (с птицей)’
 (Shneider_Anuj13.012).

Многие глаголы с суффиксом *-si-* являются лексикализованными и без этого суффикса не употребляются. Вот только некоторые из них:

alasi- ‘ждать’;
bəläsi- ‘помогать’;
gusi- ‘играть’ (ср. *guəzəŋə* ‘игрушка’);
jatasi- ‘рожать’ (ср. *jat’au* ‘родильный шалаш’).

Показатель *-si-* сочетается с другими аспектуальными суффиксами, Очень частотное сочетание с инцептивным суффиксом *-li-*. Такое сочетание обозначает вхождение в процесс (в том числе мультипликативный).

- (43) *Diga-mi mutu-ə-si, abuga əniŋə zuŋə dawa-wa*
есть-GER закончить-PP-SS отец мать COMIT кета-ACC
nəmiktə-si-li-ə-ti, bu-tənə dəkə-lə
резать-IN-INC-PST-3PL 1PL.EXCL-CONTR амбар-LOC
l'o-gi-si-ə-mu.
вешать-REV-IM-PST-1PL.EXCL
'Закончив есть, отец с матерью стали нарезать кету, а мы развешивали в амбарчике' (Кансуга.1.3.073).

Во многих случаях формы с суффиксом *-si-* оказываются близкими по смыслу, почти синонимичными формам активного презентного причастия в финитном употреблении:

- (44) *G'ai-ŋi-ni mənə isə-si-ni, tu təə-hi-ni.*
ворона-ALIEN-3SG REFL смотреть-3SG так садиться-PRP-3SG
'А ворона сидит себе и смотрит' (NV1:Otter and crow.012).

Семельфактив *-ndA-* выделялся Шнейдером как однократный вид (суфф. *-ndA-*). При этом он замечает:

...этот суфф. придает глаголу характер однократности; напр. *xəuti-ndəhə-mi* — (я) крикнул (*xəutihə-mi* кричал). Однократный вид может выражать также действие кратковременное или действие, проявляющееся в ослабленной степени, напр., *ŋuħa-ndaha-mi* — (я) вздремнул, ненадолго уснул ... В отличие от русского языка глаголы однократного вида употребительны и в настоящем времени [Шнейдер 1936: 138–139].

Действительно, для данного показателя отмечаются два основных значения: собственно семельфактивное и аттенуативное (см. также [Nikolaeva, Tolskaya 2001]). По наблюдениям авторов удэгейской грамматики, «Глаголы психических восприятий и эмоций, такие как *aju-* 'любить', *galu-* 'ненавидеть', *agda-* 'радоваться' и т. п., обычно не совместимы с аффиксом семельфактива *-ndA-*» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311].

Показатель семельфактива служит, в первую очередь, для изменения акциональной характеристики исходного глагола. Глаго-

лам, выражающим процессы, в том числе мультипликативные, придается пунктивное значение, с оттенком внезапности действия:

- (45) ...*uti sakia-zi-ni xəgəixi əi-mi*
 этот кровь-INS-2SG вниз VNEG-GER
sabda-nda-wana, xas'a dioixi-ni kungədə-ə-ni.
 течь(о.крови)-SEM-CAUS короб внутрь-3SG наливать-PST-3SG
 '...не дав пролиться на землю ни одной капли крови, наполнил ею берестяной короб' (Simonov 761).

ɲohosi- 'нюхать' → *ɲohosi-ndo-* 'нюхнуть';
osi- 'становиться' → *osi-nda-* 'появиться';
čiso- 'сесть на корточки' → *čiso-ndo-* 'резко присесть на корточки';
məjə- 'думать' → *məjə-nda-* 'подумать';
zaka- 'выпадать (о первом снеге)' → *zaka-nda-* 'внезапно выпасть (о первом снеге)'.

Присоединяясь к основам глаголов, выражающих мультипликативные процессы, данный суффикс придает им значение «кванта действия»:

tagdi- 'дергать' → *tagdi-nda-* 'дернуть';
pifa- 'трясти' → *pifa-nda-* 'тряхнуть';
simpi- 'кашлять' → *simpi-nda-* 'кашлянуть'.

Пунктивные глаголы часто получают аттенуативное значение (ослабленного действия):

- (46) *Dalazii əkə bagba-nda-ha-ni saŋa cul-də.*
 рука-INS-SS чуть ткнуть-SEM-PST-3SG дыра прямо-FOC
 'Тихонько ткнул рукой прямо в отверстие' (Shneider_Anuj20.023).

При этом «ослабленность» действия может пониматься по-разному: с ослабленной интенсивностью, недолго по времени, немного количественно и т. п.:

gigä-nda-a-ni 'он покачал (головой)' — ослабленная интенсивность;
təə-nda-ə-mi 'я немного посидел' — недолго по времени;
agdi-nda-ini 'он делает небольшую зарубку' — объект небольшого размера;
budə-nda-ini 'умирает на время (природа)' — временное действие (не навсегда).

Как справедливо отмечал Шнейдер, такие глаголы имеют полную парадигму и могут сочетаться с граммемами всех видо-временных форм. Примеры на презенс данных глаголов уже приводились, они могут употребляться и в отношении будущего события (в примере (47) — форма оптатива):

- (47) «*Ña ɲənə-ndə-zə-fi kää-tigi-ni, diana-ini*
еще идти-SEM-OPT-1PL.INCL рядом-DIR-3SG говорить-3SG
Mitə.

Митя

‘«Еще подойдем ближе», — говорит Митя’ (Kancuga.I.4.008).

Есть несколько лексикализовавшихся глаголов с показателем семельфактива:

uində- ‘поднимать, приподнимать’ (ср. *ui* ‘верх’);

əəndə- ‘нечаянно ранить’ (*əə* ‘сторона’);

tinda- ‘отпускать (на волю)’ (возможно, связано с *ti-* ‘отнимать’).

Показатель сингулятива (суфф. -*lA-*) специально Шнейдером не выделялся. И. Николаева и М. Тольская указывают для данного суффикса одно значение: «действие имело место только один раз» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311]. Это, безусловно, так. Важным, однако, является тот факт, что глагольные формы с суффиксом *-lA-* не могут сосуществовать внутри одной словоформы ни с показателем имперфектива *-si-*, ни с показателем семельфактива *-ndA-*. Они образуют как бы парадигму аспектуальных значений, причем важнейшим оказывается как раз противопоставление показателей *-lA-* vs *-si-*: *anda-la-* ‘подружиться’ — *anda-si-* ‘дружить’; *aŋa-la-* ‘переночевать’ — *aŋa-si-* ‘ночевать’. Такие пары противопоставлены на основе их аспектуального значения «длительное незаконченное действие, процесс» — «законченное действие, событие». В этом смысле значение показателя сингулятива определяется его контрастивным значением. Оно обозначает событие, которое является однократным в противоположность процессу.

Тут имеет смысл рассмотреть противопоставление сингулятив vs семельфактив, поскольку имеются пары типа: *mäusa-la-* ‘выстрелить’ vs *mäusa-nda-* ‘выстрелить, стрельнуть’. В обоих случаях действие является однократным, т. е. оно «имело место

только один раз». Если не учитывать аттенуативного значения, которое может иметь глагол с показателем семельфактива, то следует заметить, что подчеркивание единичного характера действия характерно скорее для глаголов с суффиксом семельфактива. Формы с показателем *-la-* не указывают на то, что это действие является исключительным: охотник может выстрелить не раз в течение охоты, но о каждом выстреле можно сказать: *mäusa-la-ha-ni* ‘он выстрелил’. Форма *mäusa-nda-ha-ni* будет скорее значить ‘неожиданно выстрелить’, нечто вроде «Рабинович стрельнул, стрельнул, промахнулся».

Вот некоторые примеры употребления глаголов с показателем сингулятива:

- (48) *Sälämägä tijmә-lә-hә-ni, lufam-da.*
 Сэлэмэгэ падать-SING-PST-3SG наколовшись-FOC
 ‘Сэлэмэгэ упал и напоролся (на нож)’ (Sh:Selemege.158).
- (49) *Jәgdig’ә tagda-a-ni, zawa-a-ni moo*
 герой сердиться-PST-3SG брать-PST-3SG дерево
jәugdә-wә-ni, wәntә-lә-ni cinciba-tigi.
 головешка-ACC-3SG бросить-SING-3SG синица-DIR
 ‘Рассердился мóлодец, схватил обугленную головешку и бросил в синицу’ (NV3.Cinciba.020).

В приведенных выше примерах глаголы с суффиксом *-la-* действительно обозначают однократное событие, которое можно трактовать и как неожиданное. Однако, ср. такое употребление (дается левый контекст):

- (50) *Omo lusa-tәnә xokco-gy-һә-ni, mafa-bәdә.*
 один русский-CONTR нападать-REV-PST-3SG медведь-как
Utawa gida-zi gida-la-ha-ti.
 этот-ACC копьё-INS колоть.копьем-SING-PST-3PL
 ‘А один русский бросился в драку, как медведь. Его копьями закололи’ (Shneider_Anuj6.049-050).

В примере (50) действие уже труднее интерпретировать просто как однократное. Даже если объект был заколот мгновенно, действовали несколько агентов, о чем свидетельствует множественное число глагола («копьями закололи»). Это предполагает, что ситуация имела сложную структуру, однако был полно-

стью достигнут финал. В данном примере семельфактивный глагол (*gida-nda-* ‘ткнуть копьем’) был бы невозможен. Его употребление обозначало бы, что копьем ткнули, но результат остался неизвестным (убили или нет). По-видимому, сингулятив в отличие от семельфактива указывает на то, что действие достигло некоторого финального результата.

Таким образом, для показателя сингулятива можно постулировать значение однократного действия-достижения. В этом смысле интересно замечание И. Николаевой и М. Тольской о показателе *-IA-* «Он совместим только с предельными глаголами, обозначающими внутренне однородное событие» [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 311]. Это верно для тех случаев, когда этот показатель присоединяется к глагольной основе (более корректно было бы говорить о «потенциально предельных глаголах», поскольку те же глаголы могут обозначать и процессы). Однако, когда этот показатель присоединяется к именной основе, следует считать, что именно он придает глаголу определенное видовое значение, так сказать «совершенный вид».

Заключение

Рассмотрение средств, которые передают аспектуальные значения в удэгейском языке, показывает, что основными средствами передачи аспектуальных значения являются показатели глагольной деривации. Они в разной степени грамматикализованы. Некоторые из них не могут встречаться внутри одной словоформы. Два показателя (имперфектив и сингулятив), присоединяясь к исходным основам, образуют семантические пары, противопоставленные как «процесс» — «законченное действие». Одновременно в языке присутствует грамматическая оппозиция претерит — перфект. Формы перфекта выражают достаточно типичные для данной формы аспектуальные значения.

В целом следует сказать, что в удэгейском языке, как и во многих других языках мира, нет средств, которые выражали бы исключительно аспектуальные значения. Эти значения выражаются либо в грамматике — кумулятивно с временными значениями, либо деривативно, и в этом случае, смыкаются со средствами межкатегориальной деривации, а в ряде случаев — с лексическим значением глаголов.

Сокращения

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; ABL — аблатив (падеж); ACC — аккузатив (падеж); AIM — форма цели (конверб); ALIEN — отчуждаемая принадлежность; CAUS — каузатив (актантная деривация); CONTR — противительная частица; DAT — датив (падеж); DEAD — покойный (о людях); DEST — дестинатив (падеж); DIR — директив (падеж); DIST — дистрибутив (глагольная множественность); DIV — диверсатив (глагольная множественность); EXCL — эксклюзив; FOC — показатель фокуса (частица); FUT — будущее время; GER — герундий; GO — движение для осуществления действия; HAB — хабиуталис; IC — имперфективный конверб; IM — имперфектив; IMP — императив (наклонение); INCL — инклюзив; INDEF — неопределенное местоимение; INS — инструменталис (падеж); LOC — локатив (падеж); OPT — оптатив (наклонение); PL — множественное число; PP — перфектное активное причастие; PRS — презент; PRF — перфект; PRO — проспектив; PRP — презентное активное причастие; PST — претерит; REFL — возвратное местоимение; REV — реверсив; SEM — семейфактив; SING — сингулятив; SG — единственное число; SS — кореферентный субъекту; VNEG — отрицательный глагол

Источники

- Kancuga. I. — А. Канчуга. Багдисэ хокто тэлунуни. Автобиографическая повесть. Часть I. Детство // Исследования по тунгусоведению 22. Саппоро: Филологический факультет университета Хоккайдо, 2003.
- Kancuga. MП. — Антуанэ де Сент-Экзюпери. Ница принцэ. Маленький принц. На удэгейском языке. Перевод с русского языка Александр А. Канчуга // Исследования по тунгусоведению 46. Саппоро: Филологический факультет университета Хоккайдо, 2009.
- Kormushin — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
- NV — Фольклор удэгейцев: ниманку, тэлунгу, эхэ // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока 18. Новосибирск: Наука, 1998.
- Sh:Selemege, Sh:Two oldmen — Е. Р. Шнейдер. Сэлэмага. Сказки народа удэ. Л.: Гос. изд-во детской литературы, 1935.
- Shneider_Anuj — Е. Р. Шнейдер. Материалы по языку анойских удэ // Научно-исследовательская ассоциация Института Народов Севера им. И.Г. Смидовича. Вып. 11. М.-Л., 1937.
- Simonov — М. Д. Симонов, В. Т. Кялундзюга. Словарь удэгейского языка в 3-х томах. Стеншев: Издание А. Маевича, 1998.

Литература

- Аврорин 1959–1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Т. 1–2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959–1961.
- Акциональная классификация, ms — Акциональная классификация глагольных лексем (материалы для подготовки статей). Анкета, подготовленная в Лаборатории типологического изучения языков ИЛИ РАН, ms.
- Василевич 1948 — Г. М. Василевич. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Наука, 1948.
- Калинина 2001 — Е. Ю. Калинина. Нефинитные сказуемые в независимом предложении. М.: ИМЛИ РАН. 2001.
- Кормушин 1998 — И. В. Кормушин. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
- Перехвальская 2010 — Е. В. Перехвальская. Аспирированные и глоттализированные гласные в диалектах удэгейского языка // Вопросы языкознания 6, 2010. С. 60–87.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: УРСС, 2011.
- Симонов 1988 — М. Д. Симонов. Фонологическая система удэгейского языка // Историко-типологические исследования по тунгусо-маньчжурским языкам. Новосибирск, 1988. С. 44–88.
- Суник 1958 — О. П. Суник. Кур-урмийский диалект. Исследования и материалы по нанайскому языку. Л.: Просвещение, 1958.
- Цинциус 1948 — В. И. Цинциус. Проблемы сравнительной грамматики тунгусо-маньчжурских языков // Известия Академии наук СССР. Отделение языка и литературы. Т. 7. Вып. 6. 1948.
- Цинциус 1965 — В. И. Цинциус. Сложные предикативные конструкции и аналитические формы глагола (по материалам северной подгруппы тунгусо-маньчжурских языков) // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 240–252.
- Цинциус 1982 — В. И. Цинциус. Негидальский язык. Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
- Шнейдер 1936 — Е. Р. Шнейдер. Краткий удэйско-русский словарь. М.; Л.: Учпедгиз. 1936.
- Bualtova, Grenoble 1999 — N. Bualtova, L. Grenoble. Evenki // Languages of the world. Materials 141. LINCOM Europa, 1999.
- Girfanova 2002 — Albina H. Girfanova. Udeghe. München: LINCOM Europa, 2002.
- Nedjalkov 1997 — I. Nedjalkov. Evenki. London and New York: Routledge, 1997.

- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. A Grammar of Udihe. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and times // The Philosophical Review 66. 1957. P. 142–160.

О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ АСПЕКТУАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ЧУКОТСКО-КАМЧАТСКИХ ЯЗЫКОВ

1. Постановка задачи

В настоящей статье предпринимается попытка дать типологическую характеристику аспектуальной системы чукотско-камчатских языков. Рассматривается материал чукотского, корякского и алюторского языков. Основным источником данных служат грамматические описания и тексты на трех языках. Для чукотского языка это данные грамматик и специальных исследований [Скорик 1961; Недялков и др. 1983; Dunn 1999], а также материалы изданных фольклорных текстов (помета «т» при примерах) и текстов («р») и анкет («а»), собранных М. Ю. Пупыниной. Для алюторского языка это книга «Язык и фольклор алюторцев» ([Кибрик, Кодзасов, Муравьева 2000], далее просто ЯиФА), содержащая корпус текстов (около 1,500 предложений) и грамматический очерк, и монография, специально посвященная алюторскому глаголу [Мальцева 1998]. Для корякского языка это грамматические описания [Молл 1960; Жукова 1972] и ранее опубликованные тексты [Жукова 1988]; причем мы в основном опираемся на чавчувенский диалект, положенный в основу корякской письменной нормы. Все тексты приводятся в унифицированной латинской транскрипции, приближенной к IPA. Кроме самой общей информации (например, [Володин 1992]), данные мертвого керекского языка, описанного слабее других языков семьи, не используются.

Данные ительменского языка, традиционно также относимого к чукотско-камчатской семье (ср., однако [Володин 1997: 13]), но структурно значительно удаленного от других языков семьи, при написании статьи не рассматривались. Строго говоря, рассматриваемые в статье языки следовало бы поэтому называть чукотско-корякскими. Но а) этот термин является не вполне традиционным и б) отнесение ительменского к этой семье оспаривается, и статус такого объединения оказывается спорным, что так-

же затрудняет номинацию (семья или группа внутри семьи), поэтому мы условно сохраняем термин, имеющий более широкое хождение в лингвистической литературе.

Теоретической рамкой для интерпретации данных и описания аспектуальной зоны, как и в некоторых других статьях настоящего сборника, является типологический подход к категории вида. Этот подход опирается на две основные группы понятий: во-первых, универсальный инвентарь элементарных аспектуальных значений (прогрессив, комплетив, результатив и пр.) и, во-вторых, аспектуальные кластеры, т. е. типичные сочетания элементарных видовых значений, более или менее часто комбинирующиеся в языках мира в одном показателе и взаимодействующие с акциональными характеристиками предикатов, в том числе модифицирующие последние (хабитуалис, переводящий любой предикат в класс состояний в соответствии с трактовкой в Плунгян 2011: 398–400). Учитываются также категории, не являющиеся чисто видовыми, но диахронически или функционально связанные с аспектом (перфект, аорист и пр.).

Статья преследует следующую задачу: дать аспектуальную характеристику грамматического ядра глагола в чукотско-камчатских языках, соотнести основные архитектурные единицы глагольной парадигмы со значениями универсального набора и типологическим инвентарем кластеров. При этом в стороне остается существенный элемент системы — показатели аспектуальной деривации. Скажем только, что чукотско-камчатские языки располагают целым рядом суффиксов, более или менее тесно связанных с аспектом — категории мультипликатива, мультиобъектности или мультисубъектности, дистрибутивности, андатив и другие. Особый интерес представляет глагольный корень ‘начать’, который очень часто инкорпорируется в глагольный комплекс и становится своего рода инхоативным суффиксом. Эти показатели требуют специального исследования.

Для удобства межъязыкового сопоставления внутри семьи данные разных языков приводятся параллельно. Цель сопоставления — выявить функциональные отличия категории, накопившиеся в ходе ее языковой эволюции. Наш анализ, таким образом, лежит в методологических рамках так называемой внутригенетической типологии (о внутригенетической типологии как методе см., например, [Кибрик 2003: 191–195]).

2. Общая характеристика языков чукотско-камчатской семьи

Чукотско-камчатские языки распространены на Дальнем Востоке РФ (чукотский — на полуострове Чукотка и северо-востоке Якутии, корякский и алюторский — на полуострове Камчатка и прилегающей к нему части материка). Согласно господствующей точке зрения, к семье принадлежит также ительменский язык, впрочем, значительно отличающийся от других языков семьи.

Состояние чукотского языка представляется относительно устойчивым — хотя он не обладает статусом официального языка федеральной единицы (лишь статусом «местного официального языка в местах проживания» в республике Саха), в последней переписи (2002 г.) около 7 тыс. человек заявили о владении чукотским языком, ведется его обязательное преподавание в начальной и факультативное преподавание в средней школе; публикуется некоторый объем печатных текстов.

После объединения в 2007 г. Корякского автономного округа с административным центром в Палане и Камчатской области в Камчатский край корякский язык находится в менее выгодном положении, так как не является единственным этническим языком своего федеративного субъекта. Наряду с ним на Камчатке представлены ительменский, а на Командорских островах также алеутский языки. В целом корякский язык менее сохранен, количество коряков по переписи составляет ок. 3 тыс. человек. Школьное преподавание корякского языка ведется в начальных классах, имеется одно периодическое издание.

Отметим, что по сравнению с переписью 1989 г. количество людей, идентифицировавших себя как чукчи и коряки, упало в два и в три раза, соответственно.

Наконец, алюторский язык находится в критическом состоянии: по данным переписи алюторским языком владеет около 40 человек. В значительной степени это связано с тем, что он лишен официального статуса самостоятельного языка (что, впрочем, затрудняет и интерпретацию самих результатов переписи). Некоторые исследователи считают его диалектом корякского языка. Как показывают демографические данные, с социолингвистической точки зрения он и является таковым, так как не служит средством этнической самоидентификации — по данным той же переписи не коряками назвали себя лишь 12 алюторцев. С точки

зрения взаимопонимания и близости языковых структур он достаточно далек от литературного корякского языка (в том числе, как мы увидим ниже, и с точки зрения аспектуальной системы), хотя в целом ближе к нему, чем к чукотскому. Преподавание алюторского языка в школе не ведется. По приблизительной оценке в пос. Вывенка (где нам довелось работать с алюторским языком) число полноценных носителей не превышает десяти человек, самому молодому из которых около 50 лет; дети утратили владение языком даже на уровне понимания. Впрочем, специальное социолингвистическое исследование состояния алюторского языка ни в Вывенке, ни в других традиционных ареалах языка, насколько нам известно, не проводилось.

Для чукотского языка характерна гармония гласных, менее последовательно представленная в корякском и отсутствующая в алюторском языках. По умолчанию чукотские показатели приводятся в варианте со «слабым» вокализмом.

Морфология чукотско-камчатских языков характеризуется высокой степенью агглютинации. Высоко развита инкорпорация именных основ в глагольный комплекс, а также, в некоторой степени, адъективных основ в именной комплекс [Муравьева 1990]. Языки обладают развитой падежной системой, причем склонение личных и неличных имен отчасти дифференцировано в два деклинационных типа. Падежное маркирование последовательно эргативно. Система личного согласования сложна и является результатом взаимодействия собственно лично-аргументной стратегии — в этом фрагменте она эргативна — и сложных «личных» иерархий, то есть иерархий, ориентированных на отношение партиципанта к речевому акту (ср. различные подходы к описанию чукотско-камчатского спряжения в работах [Comrie 1980; Mel'čuk 1986; Кибрик 1997]).

3. Очерк структуры глагольной парадигмы

В чукотско-камчатских языках система финитных форм (т. е. тех форм, которые используются в глагольной группе главной клаузы и для которых эта функция является основной) включает два основных компонента, которые мы условно называем личными и адъективными формами глагола (ср. поли- и моноперсонное спряжение в терминах ЯиФА).

Кроме адъективных и личных форм, в чукотско-камчатских языках существуют также аналитические глагольные формы, но используются они относительно редко (во всем корпусе ЯиФА лишь около тридцати раз) и, как кажется, не имеют прямого отношения к основной проблематике этой статьи; в настоящем обзоре они не рассматриваются. Также вне этого противопоставления лежит достаточно распространенная несогласуемая «предикативная форма глагола», нефинитные конвербы и инфинитив.

Личными формами мы называем формы, которые несут согласовательные показатели лица и числа *неадъективного типа* и характеризующиеся, в переходном спряжении, биперсональностью. Личные формы глагола также могут содержать имперфективный суффикс *-rkə(n)* (чук.) / *-tkə(n)* (ал.) / *-jkə(n)* (кор.) и показатели косвенных наклонений.

(1) корякский: личная форма, полиперсональное согласование

mət-leʔu-new *qoqjoly-o* *penine-kine-w.*

1NSG.A-видеть-3PL.P.AOR яма-NOM.PL древний-REL.3-PL

‘Мы осмотрели старые ямы’ [Жукова 1988 T2:24].

Адъективные формы глагола — это формы, которые образуются от глагольной основы и морфологическая структура которых аналогична формам адъективов в предикативной (чукотский) или и в предикативной, и в приименной (алюторский и корякский) позициях. Единственная согласовательная позиция у адъективных глагольных форм заполняется теми же (суффиксальными) показателями, которые используются прилагательными, отыменными атрибутивными формами (посессивными, каритивными, комитативными) и существительными, находящимися в предикативной позиции. Адъективная морфология у глаголов не сочетается с показателями наклонений, показателями личного спряжения и показателями аспекта, но сама является манифестацией аспектуальных значений. Эта морфология не обязательно является специфически глагольной, но может также сочетаться с собственно адъективными основами.

(2) корякский: адъективная форма

vəʔajok *ye-leʔu-lin* *ŋajen* *jajaŋa.*

потом **PF-видеть-3SG.PF** тот.NOM.SG яранга.NOM.SG

‘Потом увидели ту ярангу’ [Жукова 1988 T18:9]

Адъективные формы дефолтно согласуются с именной группой в именительном падеже, т. е. именной группой, выражающей пациенс переходного глагола и единственный аргумент непереходного глагола. Однако при наличии специального префикса (чук. *ine-*, кор. *ine-*, ал. *ina-*)¹, а также (в чукотском языке) суффикса *-tku-*, появление которых обуславливается сложными личными иерархиями, согласование может контролироваться агентивной ИГ (см., например, Пупынина: 77), ср.:

(3) чукотский: пациентивное vs. агентивное согласование

nə-jʔo-qenat ~ *n-ena-jʔo-more*
 IPFV-догнать-IPFV.3PL ~ IPFV-INV-догнать-1PL
 ‘мы догоняем их’ ~ ‘мы догоняем тебя’

Отметим также, что использование этих показателей — одна из немногих морфологических возможностей, общих для адъективных и личных глагольных форм.

Для форм, которые мы называем адъективными, финитная позиция является основной или единственно возможной. В отличие от обнаруживаемых в некоторых языках «транспозиционных» финитных употреблений причастий в финитной позиции, имеющих особые функции (эвиденциальные, оптативные и проч.), в чукотско-камчатских языках адъективные формы являются базовыми средствами выражения некоторых центральных видовременных значений.

(4) алюторский: адъективная форма в функции аориста (в нарративе)

titaqa qutkin/n'aqu-nak maŋkiʔana ya-laʔu-lin
 однажды Куткиннюку-ERG.SG где-то PF-видеть-3SG.PF
ənnə-ʔən.
 рыба-NOM.SG
 ‘Однажды Куткиннюку где-то увидел рыбу’ [ЯиФА Т1:2].

В настоящей статье внимание сосредоточено на аспектуальных характеристиках именно этих двух серий форм — личных и

¹ В ЯиФА этот префикс трактуется как показатель антипассива в адъективных, но как показатель первого лица пациенса в личных глагольных формах; в некоторых описаниях чукотского он трактуется как показатель инверсивного согласования.

адъективных. Подчеркнем, что эта терминология носит сугубо формальный характер и не связана напрямую с финитностью этих форм.

Личные и адъективные формы образуют своего рода таблицу, от которой удобно отталкиваться при описании и межъязыковом сравнении их функций. Таблица приведена на следующей странице (Таблица 1); формы в ней названы терминами, принятыми для них в существующих описаниях видовременной системы чукотского [Недялков и др. 1983], алюторского [ЯиФА] и корякского [Жукова 1972] языков. Приведены показатели третьего лица (дефис указывает на позицию глагольной основы, то есть эти показатели являются циркумфиксальными).

Как видно из Таблицы 1, за исключением дополнительной категории, добавляемой корякским, системы трех языков структурно изоморфны. Тем не менее, формы, соответствующие друг другу в разных языках, хотя и близки функционально, отнюдь не идентичны. Главная задача настоящей статьи — функциональное сопоставление тех клеток Таблицы 1, между которыми установлено структурное соответствие. Заметим, что сама структурная изоморфность также относительна — частотный чукотский «имперфект» соотносится с редкой в текстах формой отглагольного прилагательного в алюторском и корякском (та же форма вполне продуктивна в сочетании с названиями свойств и качеств, то есть в собственно адъективных употреблениях).

В зоне наклонений различаются индикатив и несколько косвенных наклонений (к которым, как мы покажем ниже, принадлежат и формы с референцией к будущему). Индикатив немаркирован — индикативная глагольная словоформа содержит лишь лично-числовые и видовременные показатели. Во всех трех языках представлен когнатный имперфективный суффикс, впрочем, по-разному распределенный в модально-временной глагольной парадигме. Формы косвенных наклонений содержат специальные префиксальные или циркумфиксальные показатели и/или особые лично-числовые аффиксы.

В качестве наглядной иллюстрации приведем структурную модель алюторской модально-аспектуальной парадигмы в том виде, как она представлена в ЯиФА. Здесь выделяется четыре наклонения, каждое из которых сочетается с немаркированной имперфективной и несущей специальный суффикс имперфективной основой (см. таблицу 2).

Таблица 1

**Традиционные термины, обозначающие
основные элементы глагольной системы индикатива**

чукотский		алюторский		корякский	
ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ
«аорист» [ø]	«перфект» <i>ye-lin</i>	«перфективная основа» [ø]	«результатив» <i>ya-lin</i>	«прошедшее I» [ø]	«прошедшее II неочевидное» <i>ya-lin</i>
«презенс- прогрессив» <i>-rkən</i>	«имперфект» <i>nə-qin</i>	«имперфективная основа» <i>-tkən</i>	отглагольное прилагательное <i>nə-qin</i>	«настоящее» <i>k-ŋ</i> (<i>-jkən</i> — «будущее II пробле- матичное» и «проблематичные» формы косвенных наклонений)	«прилагательное» <i>nə-qin</i>

Таблица 2

Модель структуры парадигмы алюторского глагола согласно ЯиФА

IPF IND	IPF POT	IPF OPT	IPF CONJ
PF IND	PF POT	PF OPT	PF CONJ

С функциональной точки зрения схема, представленная в Таблице 2, является упрощением в том же смысле, в каком им является Таблица 1. Корректно исчисляя словоизменительные возможности глагола, она не учитывает достаточно сложных связей между модальными, темпоральными и видовыми характеристиками глагольных форм. Поскольку система косвенных наклонений существенна для понимания некоторых черт аспектуальной системы чукотско-камчатских языков, кратко рассмотрим эти связи.

Начнем с того, что в текстах ЯиФА большинство форм «потенциалиса» употребляются в значении будущего времени. Ср. об этом также [ЯиФА: 233]; термин «потенциалис» употребляется авторами грамматики для того, чтобы вывести эту форму за пределы чисто временного противопоставления и поместить ее в зону наклонения. Однако функциональный центр тяжести этой категории лежит явно не в зоне модальности, а в зоне темпоральной характеристики действия (в [Мальцева 1998] эта категория так и называется — будущим временем, равно как и когнатные показатели *jel/ja-ŋ* в корякском и *re/ra-(ŋ)* в чукотском). Мы будем интерпретировать соответствующую грамему как показатель будущего времени. Во всех трех языках эта категория омонимична категории «дезидератива» — формы, в основном употребляемой в конструкциях желания (в форме несогласуемого предикатного слова), в конструкциях можествования и в фазовых конструкциях (в форме инфинитива с глаголами возможности и глаголом ‘начинать’). Синхронно эти категории, по-видимому, разделились: в чукотском они формально совпадают только во втором и третьем лицах множественного числа, а в алюторском и корякском языке сочетаются в рамках одной словоформы. Ср. [ЯиФА: 222, прим. 126] и следующий пример:

(5) корякский:

<i>uajmat</i>	<i>əŋno</i>	<i>je-je-nʔel-ŋ-əŋ</i>
может.быть	он.NOM.SG	FUT-DESID-стать-DESID-FUT
<i>tinenmesʔəŋəsʔi-ʔu.</i>		

врач-EQUAT

‘Может быть он и захочет стать врачом’ [Жукова 1972: 221].

Форма дезидератива, с одной стороны, связывает будущее время с зоной модальности, но, с другой стороны, возможно уводит его, по крайней мере исторически, за рамки личных глагольных категорий, так как выражение видовременных и модальных

категорий в чукотско-камчатских языках несовместимо с категориями инфинитива и отглагольного предикатива. Иными словами, возможный сценарий, соответствующий в том числе общим представлениям о путях грамматикализации будущего времени, заключается в том, что показатель деизидератива вовлекался в гравитационное поле системы модальности, постепенно оформляясь как основное средство выражения будущего времени.

Интерпретация оптатива вызывает сомнения не только с функциональной, но и с формальной точки зрения. Сам термин «оптатив» в этом случае является нововведением ЯиФА (в [Муравьева 1990] это все еще императив) и отражает точку зрения авторов грамматики, согласно которой императив не может существовать во всех трех лицах (вопреки точке зрения, выраженной в таких исследованиях по типологии императива, как [Храковский, Володин 1986] или [Auwera et al. 2005]). Именно поэтому авторы алуторской грамматики называют императив, который является основной формой побуждения ко второму лицу, оптативом, а императивом — относительно периферийную форму¹, действительно ограниченную побуждением ко второму лицу, но лежащую вне системы личного спряжения (ее согласовательные возможности ограничены, см. [ЯиФА: 223]).

Однако категория, называемая оптативом в ЯиФА и императивом в других описаниях (например, [Володин 1992]), на наш взгляд, вообще является не морфологически однородным наклонением, а набором морфологически разнородных форм, где выделяются как минимум формы второго и невторого лица, т. е. различаются собственно императив и гортатив-юссив ([Auwera et al. 2005; Плунгян 2011]; впрочем, морфологическая однородность форм первого и третьего лица тоже вызывает сомнения). Эта формальная неоднородность — состоящая в том, что императив является единственным наклонением, которое во втором лице использует специализированный префикс — отмечается в некоторых работах, например, в [Мальцева 1998: 28; Dunn 1999], в том числе и в таких, которые поддерживают его расширительную, «гомогенную» интерпретацию (ср. [Муравьева 1990]).

Формальное разведение «императива» второго и невторого лица поддержано функционально, даже если оставить в стороне

¹ В примерах глоссируется IMP1.

различия в семантике собственно побудительности ко второму и невторому лицу, обсуждаемые всеми авторами. Так, ЯиФА, отстаивая неимперативность категории, подчеркивает в том числе существование отчетливо непобудительных контекстов: ср., например, для третьего лица (6), а также обсуждение других примеров [ЯиФА: 233–236]. Мальцева [1998: 29] указывает на сближение форм первого лица с формами намерения; эти же формы чукотская грамматика [Dunn 1999] называет *intentional*, а в терминах типологического инвентаря [Плунгян 2011] они могут быть отнесены к категории гортатива. Собственно, любое волитивное значение первого лица может быть интерпретировано как будущее время с модальным компонентом, но, как показывают примеры (7–9), этот компонент может быть как более, так и менее отчетливым:

- (6) алюторский: «императив» третьего лица (гипотетический)

aktaka amqa-nin pijinaŋ
 невозможно Ымка-POSS.SG Пингинанг.NOM.SG
nə-weŋə-n, aqan tiita awəŋ ta-ŋlatə-tkən.
JUSS-гаснуть-3SG хоть когда уже FUT-гореть-IPFV
 ‘«Невозможно, чтобы Ымкин Пингинанг погас, всегда будет гореть»’ [ЯиФА T21:87].

- (7) алюторский: 1-е лицо с сильным модальным оттенком

tōk, miti in'as mən-in-mək pentəvalŋə-k...
 ладно Мити хватит **HORT.1NSG-быть-1NSG** бороться-INF
 ‘Ладно, Мити, не будем больше драться’ [ЯиФА T2:36].

- (8) алюторский: 1-е лицо с ослабленным модальным компонентом (~будущее время)

q-in-imi-yi
 IMP-1SG.O-везти.на.спине-IMP
mə-val'u-sqi ʕətʕajula-ŋ.
HORT.1SG-питаться.жиром.нерпы-ANDAT далекое.место-DAT
 ‘«Отвези меня на спине, я поеду далеко, буду есть нерпачий жир»’ [ЯиФА T4:6].

- (9) чукотский: 1-е лицо с ослабленным модальным компонентом (~будущее время)

...jureq mə-lʔu-ʔe-n miŋkə...
 ...может.быть **OPT.1SG-видеть-TH-3SG.O** где.то
 ‘Может быть, я ее увижу где-нибудь’ [Dunn 1999: 188].

Последнее наклонение, аллоторский «конъюнктив», обнаруживает черты морфологического сходства с «оптативом»/«императивом» невторого лица (личные префиксы) и по спектру своих употреблений типологически близок к категории оптатива (ср. примеры [ЯиФА: 236–238]).

Вернемся теперь к аллоторскому «потенциалису». Мы уже высказали мнение, согласно которому основным значением этой категории является значение будущего времени. Тем не менее вероятное происхождение этой категории из зоны волитивной модальности (омонимия с категорией «дезидератива», модальное будущее), а также общее представление о грамматикализации будущего времени в языках мира возвращает нас к интерпретации, предлагаемой ЯиФа — именно, к противопоставлению категорий реалиса (индикатив небудущего времени) и ирреалиса (будущее время, императив, гортатив и конъюнктив). По сути, именно со ссылкой на реальность ситуации ЯиФа как раз и толкует категорию потенциалиса [ЯиФА: 233].

Такое противопоставление поддерживается формальными свойствами реальных и ирреальных форм. Во-первых, ирреальные показатели в личных формах содержат префиксальный компонент, который отсутствует в реальных личных формах (единственным исключением является корякская форма имперфектива реалиса *k-ŋ*, которая, по-видимому, является инновацией). Во-вторых, что существенно для нас, они по-разному сочетаются с категорией имперфектива, хотя эта сочетаемость и устроена в чукотском и аллоторском языках, с одной стороны, и в корякском языке, с другой стороны, различно и даже отчасти противоположно.

Действительно, рассмотрим другое измерение этой системы, а именно предлагаемое в ЯиФА противопоставление перфективной и имперфективной основ. Показатель имперфектива в аллоторских текстах очень редко употребляется с неиндикативными формами (около 30 вхождений на весь корпус), что уже затрудняет его признание полноправной деривационной основой. Та же тенденция верна и для чукотского языка: согласно подсчетам, приведенным в [Недялков и др. 1984: 203], соотношение имперфективных и немаркированных форм в косвенных наклонениях составляет примерно один к девяти. В то же время немаркированная основа, которой ЯиФА приписывает значение перфектив-

ности, употребляется, например, в проспективных контекстах, т. е. для передачи смысла, типологически принадлежащего скорее имперфективному кластеру; дополнительные примеры на частичную нейтрализацию противопоставления по виду в ирреалисе см. ниже (53 и далее).

Еще более явно формы реалиса и ирреалиса противопоставлены в корякском языке. Показатель имперфектива *-jkə(n)* употребляется редко, но, в отличие от чукотского и алуторского, он никогда не сочетается с формами небудущего времени (формами реалиса). В корякском реалисе имперфективные значения выражаются другой деривацией от исходной, немаркированной основы (собственно корякский циркумфикс имперфекта индикатива *k-ŋ*), а имперфективный показатель *-jkə(n)* ограничен формами ирреалиса. Однако и в корякском языке формы ирреалиса редко содержат этот показатель, а немаркированная основа может использоваться в имперфективных контекстах. Ниже мы обсуждаем такие контексты подробнее.

В чукотской грамматике [Dunn 1999] чистую основу предлагается считать аспектуально нейтральной. Действительно, странно утверждать, что основа глаголов, обозначающих состояния или неопредельные процессы, несет значение перфективности. Исходная основа немаркирована с точки зрения аспекта точно так же, как она немаркирована с точки зрения темпоральной референции и модальности. Модальное, темпоральное и аспектуальное значение определяется присоединяемыми к ней показателями — показателем будущего времени, показателями побудительности, показателем имперфектива и т. п. В отсутствие аффиксальной спецификации основа получает дефолтное значение: модальное значение индикатива, темпоральное значение небудущего времени и аспектуальное значение перфективного типа — т. е. в целом аориста индикатива. При взаимодействии с показателями ирреалиса эта дефолтность снимается — немаркированная основа может выступать в отчетливо имперфективных контекстах. Нейтрализация или семантическая модификация контраста между перфективностью и имперфективностью в ирреалисе типологически ожидаема (см. [Auwera, Miestamo 2011] об аспекте в отрицательных формах, [Auwera, Malchukov, Schalley 2009] об аспекте в императивных формах).

Косвенно такая интерпретация поддерживается наличием специализированных перфективных лично-числовых показателей.

Действительно, до сих пор мы описывали чукотско-камчатский глагол так, как если бы набор лично-числовых показателей никак не зависел от наличия или отсутствия показателя имперфектива. На самом деле это не так. В некоторых чукотских перфективных формах (во втором лице единственного числа и в третьем лице обязательно, в первом лице единственного числа факультативно) появляется специальный показатель *-yʔi/-yʔe/-yʔa*. Вероятно, с ним связан этимологически алюторский показатель третьего лица двойственного числа *-yʔʔ(-ət)* в перфективных формах непереходных глаголов. Похожая не вполне последовательная асимметрия обнаруживается и в корякской парадигме лично-числового согласования. Другие элементы имперфективно-перфективной асимметрии (например, в алюторском: *-k* в первом и *-j* во втором и третьем лице единственного числа перфективных форм непереходных глаголов, *-mək* в первом лице неединственного числа) могут быть мотивированы формально, а в некоторых случаях (как *-mək*) не являются обязательными.

Впрочем, вопрос о том, можно ли считать такие асимметричные показатели, не сочетающиеся с суффиксом имперфектива, сами по себе носителями перфективного значения, или следует на этом основании все-таки приписывать перфективность самой исходной основе, остается неясным и требует дополнительного сопоставительного исследования системы личного согласования.

4. Аспектуальная характеристика основных глагольных форм

Теперь дадим аспектуальную характеристику ядру глагольных парадигм трех языков, последовательно сравнивая функциональное содержание каждой из клеток Таблицы 1 в трех языках: аспектуальные характеристики личной перфективной, личной имперфективной, адъективной перфективной и адъективной имперфективной форм глагола. При этом мы будем рассматривать в основном формы индикатива, где аспектуальные противопоставления представлены в наиболее явном виде; к аспектуальным противопоставлениям в ирреальных формах чукотско-камчатских

языков мы обратимся при обсуждении корякской личной имперфективной формы. В конце раздела рассматриваются аспектуальные характеристики глагольного предикатива.

Личная перфективная форма

(немаркированная основа — чук. «аорист», ал. «перфективная основа», кор. «прошедшее I»)

Эта форма содержит чистую основу, которая, как мы считаем (см. выше) сама по себе не охарактеризована по времени, аспекту и модальности. Вне контекста показателей, выражающих маркированные значения этих категорий — показателя имперфектива и одного из показателей ирреалиса (т. е. показателя косвенной модальности или будущего времени), форма получает дефолтную интерпретацию — перфективной индикативной формы, которая оказывается естественно соотносена с планом прошедшего. Результирующее значение — форма аориста, с типичным для выражающей перфективный кластер формы набором аспектуальных значений: как центральные для перфектива комплетив и пунктив, так и, насколько можно судить по относительно редким примерам, лимитатив.

(10) чукотский: комплетив (пределный процесс)

Nunʔemun, Əqqəni, Janraŋaj

Нунямо Аккани Янранай

na-n-jaŋyət-at-juu-nat

ʔɔra-ytə

INV-CAUS-кочевать-CAUS-PLUR.S-3PL.AOR Лорино-ALL

‘(Людей из) Нунямо, Аккани, Янраная попереселяли в Лорино’ (т).

(11) алюторский: комплетив (пределный процесс)

tūtav-nin

kuka-jərʔə-n

варить-3SG/3SG.P.AOR горшок-содержимое-NOM.SG

to jəpa-nin.

и снять-3SG/3SG.P.AOR

[Старуха схватила лисичку, принесла домой, разделала и стала варить] ‘Сварила целый горшок и сняла’ (с огня) [ЯиФА Т11:6].

(12) корякский: комплетив

jajaŋa

otav-e.

jənyə-kukejv-i

дом.NOM.SG согреться-3SG.AOR быстро-варить-3SG.AOR

- to ena-ŋvo-j* *jewjetə-k.*
и LOW.A-начать-1SG.P.AOR кормить-INF
[Дома бабушка Экэк быстро затопила печку.] ‘Жилье согрелось. Она быстро сварила еду и стала меня кормить’
[Жукова 1988 Т3: 40, 41].
- (13) чукотский: пунктив
luut ənqen jəto-nen s'ianla-s'əko-jpə
вдруг DEICT достать-3SG.P.AOR ящик-IN-ABL
lele-lyən=əm
рукавица-NOM.SG=EMPH
‘Вдруг достал он из ящика рукавицу’ (Т).
- (14) алюторский: пунктив
kətawət t-aratə-k ujatik-kin-eγəm
вдруг 1SG-унасть-1SG.AOR сани-REL-1SG
to əlləγ-a allə a-valum-ka.
и отец-ERG не PRED-слышать-PRED
‘Вдруг я упала с саней, а отец не услышал этого’ [ЯиФА Т37:9].
- (15) корякский: пунктив
ŋanko mal'ajat-i pətqet-i təqle-k
оттуда падать-3SG.AOR удариться-3SG.AOR тополь-LOC
γa-jqəwjops'a-ta to γənonγəpə-ŋ s'imat-i
COMIT-свист-COMIT и пополам-ADV сломаться-3SG.AOR
uttəut təqlen.
дерево.NOM.SG тополь.NOM.SG
‘Оттуда упал, ударился о тополь со свистом, и пополам сломалось дерево, тополь’ [Жукова 1988 Т7:67].
- (16) корякский: пунктив
jəny-ekmi-nin kamins'əku-kin
быстро.взять-3SG/3SG.P.AOR печка-REL.3SG
jən'n'ən.
горячий.уголек.NOM.SG
‘Выхватила из печки горячий уголек’ [Жукова 1988 Т3:49].
- (17) чукотский: лимитатив (непредельный процесс)
jara-k pəkirə-k wəlwəlewət jəlqet-γʔi
дом-LOC прийти-CVB Вэльвылевыт спать-3SG.AOR

nəroq əloje-t ənjatal ʁe-peŋʔiwet-lin
три день-NOM.PL сильно PF-устать-3SG.PF
‘Домой придя, Вэлвылевыт проспал три дня, так устал’
[Недялков 1984: 206].

- (18) алюторский: лимитатив (непредельный процесс)

nuraq tə-taliʔuŋə-n kərvat-γij-ki,
долго 1SG.A-искать-3SG.P.AOR кровать-IN-LOC
ʁoptamanʔki tə-ŋvu-n taliʔuŋə-k
езде 1SG-начинать-3SG.P искать-INF
ənjin ɲijŋə-n.
тот.3SG хвост-NOM.SG
‘Долго искала в кровати, начала всюду искать этот хвост’
[ЯиФА Т35:6].

- (19) корякский: лимитатив (непредельный процесс)

juleq ʔetənvəlʔ-o el-la-j
долго хозяин-NOM.PL быть-PLUR-3PL.AOR
taɣəjneŋənvə-k.
место.охоты-LOC
‘Долго хозяева были на охоте’ [Жукова 1988 Т14:3].

Несколько сложнее обстоит дело с инцептивом. В текстах находятся примеры на инцептивное значение, более или менее спорные:

- (20) чукотский: инцептив

ʔorawetʔa-n jətqet-γʔi.
человек-NOM.SG спать-AOR.3SG
‘Человек заснул’. (Назавтра, рано проснувшись, человек посмотрел, увидел он многочисленное стадо.) [Ятгыргын 1969: 48].

- (21) чукотский: инцептив

«*eʁe, qoro ʁənin ʁərep*»
INTJ давай твой песня.NOM.SG
ik-wʔi roʔtəγəγəp ənkʔam tipʔejnet-γʔi
говорить-AOR.3SG Рольтыгыргын и петь-AOR.3SG
‘«Хорошо, давай твою песню», — сказал Рольтыгыргын и запел’ [Недялков 1984: 206].

(22) алюторский: инцептив

mal-tapisyәŋ-i, vetya әnno jәsqәnp-i.

INTS-есть-3SG.AOR сразу он.NOM **крепко.спать-3SG.AOR**
 ‘Хорошо поел и сразу заснул’ [ЯиФА Т2:14].

(23) корякский: инцептив

kaҕәnkan jatan tejjat-e.

Кагынкан.NOM.SG только **плакать-3SG.AOR**

‘Кагынкан только заплакал’ [Жукова 1988 Т12:184].

Однако в целом инцептивное значение перфектива кажется более периферийным; инцептивные примеры на перфектив встречаются редко, обычно их трудно однозначно интерпретировать, исходя из контекста. Значение инцептива имеет особое, менее грамматикализованное выражение — сочетание с глаголом ‘начинать’ (независимым или инкорпорированным).

Многokратная ситуация в прошлом также выражается личной перфективной формой.

(24) корякский: многократность в прошлом

emjut jatan mil.vitat-e,

неоднократно только **подельывать-2SG.AOR**

emjut ne-ntinmet-yi.

неоднократно **LOW.A-обманывать-2SG.P.AOR**

‘Сколько раз ты бывал, столько раз тебя они обманывали’.
 [Жукова 1988 Т17:41].

(25) алюторский: многократность в прошлом

wutinyivi mur-yina-w pastuqa-w to anapketә-kina-w

этот.год мы-REL-PL пастух-NOM.PL и Анапка-REL-3PL

ayi sitasil-la-t.

очень **устраивать.гонки-PLUR-3PL.AOR**

‘В этом году наши и анапкинские пастухи устраивали много гонок’ [ЯиФА Т40:1].

(26) алюторский: многократность в прошлом

«intә?aqun, tur-t jәrasaŋ yәm-nan

правда ты-NOM.DU четыре.раза я-ERG

tә-la?u-tәk jәlqә-l?ә-turi, to asyi

1SG.A-видеть-2NSG.P.AOR спать-ATR-2DU и теперь

sama tur-i ivә-tkәni-tәk allә

правда ты-NOM.DU говорить-IPFV-2NSG не

ənkətəŋ a-junat-ka».

так PRED-жить-PRED

‘«Правда, что я видел вас спящих вместе четыре раза, а теперь вы говорите, что не сожительствовали»’ [ЯиФА Т30:36].

Это значение отличается от описания регулярного, обычного события — см. ниже о хабитуальных употреблениях имперфектива, в том числе в сочетании с наречными значениями вроде ‘несколько раз’.

Личная имперфективная форма

чук. «презентс-прогрессив», суф. *-rkə(n)*,

ал. «имперфективная основа», суф. *-tkə(n)*,

кор. «будущее II проблематичное», суф. *-jkən* / «настоящее» *k-ŋ*

Эта клетка Таблицы 1 демонстрирует наибольшие функциональные расхождения между тремя языками.

Алюторская форма с суффиксом *-tkən* является типичным представителем типологического кластера имперфектива. Она имеет характерные для этого кластера значения: дуратив (здесь и ниже под дуративом мы имеем в виду совокупно статальный дуратив у глаголов класса состояний и значение прогрессива у глаголов класса процессов) и хабитуалис.

(27) алюторский: дуратив (состояние)

kətawət ʁa-ʁita-lin: tinyaʔana itqilyərratə-tku-tkən.

вдруг PF-смотреть-3SG.PF что.то **сверкать-ITER-IPFV**
‘Вдруг посмотрел: что-то сверкает (сверкало)’ [ЯиФА Т1:5].

(28) алюторский: дуратив (состояние)

ənək-təlyə-k vasqin ənnə-ʔən iljiqatə-tkən

его-палец-LOC другой.3SG рыба-NOM.SG **висеть-IPFV**
‘У него на пальце висит (висела) рыба’ [ЯиФА Т1:10].

(29) алюторский: дуратив (непредельный процесс)

qutkinʔnʔaqui aruŋ-ki levə-tku-tkən.

Куткиннику берег-LOC **ходить-ITER-IPFV**

(Однажды) ‘Куткиннику гулял по берегу’ [ЯиФА Т4:1].

(30) алюторский: дуратив (состояние)

titkəmsəsʔə-n, ɲanəkana itə-tkən əqqaməl,

Титкемесен-NOM.SG там **быть-IPFV** колодец

q-etə-yən   *miməl.*
 IMP-принести-IMP.3P вода
 ‘Титкемсесен, там где-то есть колодец, принеси воды’
 [ЯиФА Т7:29].

(31) алюторский: прогрессив (пределный процесс)

yəm-nan, əmata, tə-tyə-tkəni-yət.
 я-ERG   мама.NOM.SG   1SG.A-копать-IPFV-2SG.P
 ‘Мам, (это) я тебя копаю {выкапываю}’ [ЯиФА Т5:11].

Как видно из приведенных примеров, в алюторском языке показатель имперфектива не содержит указания на временную соотносительность формы — форма, содержащая показатель имперфектива, может относиться как к прошедшему, так и к настоящему. Примеры (27) и (28), хотя и переведены в русском тексте сказок настоящим временем, относятся к плану прошедшего.

Имперфектив также встречается и в ирреальных формах, но очень редко.

(32) алюторский: имперфективное будущее

tur-u   *t-iv-la-tkəni-tək*   ‘*prusususu*’,
 ты-NOM.PL   FUT-говорить-PLUR-IPFV-2NSG   прусусусу
yəm-nan sisisʔə-n   *tə-ta-nʼnʼisusavə-tkə-n.*
 я-ERG   Сисисен-NOM.SG   1SG.A-FUT-объяснять-IPFV-3SG.P
 ‘Вы будете говорить «прусусусу», а я переводить {объяснять} Сисисен’ [ЯиФА Т10:40].

(33) алюторский: имперфективный императив

qə-valʼu-sqivə-tkəni-yi.
 IMP-питаться.жиром.нерпы-ANDAT-IPFV-IMP
 ‘Иди ешь нерпячий жир’ [ЯиФА Т4:14].

(34) алюторский: имперфективный конъюнктив

anʼməʔak   *mən-ʔə-tur-ʔoji-la-tkət,*
 хоть   1NSG-CONJ-свежий-питаться-PLUR-IPFV.3NSG
yemat   *əlwa-yili-tkən.*
 может   дикий.олень-охотиться-IPFV
 ‘Поесть бы нам свежатины, может, он поохотится на олень?’ [ЯиФА Т8:6].

При этом, как уже было сказано выше, отсутствие имперфективного суффикса в ирреалисе не выражает перфективного значения.

В сочетании с точечными и вообще событийными предикатами форма имперфектива обычно выражает хабитуальность. В плане прошедшего и настоящего эти значения также не разведены морфологически.

(35) алюторский: актуальная хабитуальность

ənnani janutə-tkə sanva, məri

всегда **быть.первым-IPFV** Санва потому.что

ənina-w n-eqə-ləŋ qura-wwi.

его-3PL ADJ-быстрый-ADJ.3PL олень-NOM.PL

‘В гонках всегда побеждает Санва, потому что у него быстрые олени’ [ЯиФА Т40:3].

(36) алюторский: актуальная хабитуальность

maŋin'as murɣina-w pastuqa-w

когда наш-3PL пастух-NOM.PL

ŋəvu-la-tkət ʒita-sitə-k

начинать-PLUR-IPFV.3NSG устраивать.гонки-ITER-INF

murə-kki to ŋəta-tkən sanva.

мы-LOC и **приходить-IPFV** Санва

‘Когда наши пастухи начинают устраивать гонки, приезжает Санва’ [ЯиФА Т40:5].

(37) алюторский: актуальная (или обобщенная) хабитуальность

to ənŋina-wwi kəs-sulatə-lʔ-wwi aŋe

и этот-3PL сильный-соль-ATR-NOM.PL очень

a-ktə-ka-wwi, mətə-svi-tku-tkə-nawwi

PRED-сильный-PRED-3PL 1NSG.A-разрезать-ITER-IPFV-3PL.P

ləqləŋ-ki, mət-nəm'əŋtuvə-tkə-na(wwi), amŋusaŋ

зима-LOC 1NSG.A-вымачивать-IPFV-3PL.P несколько.раз

mət-implə-prə-tkə-nawwi, qinaq nuŋə-m'ə-ta

1NSG.A-вода-удалять-IPFV-3PL.P чтобы NEG-соленый-CVB

n-itə-tkə-nawwi, qel'əm allə a-m'ə-ka-wwi.

JUSS.3-AUX-IPFV-3PL поэтому нет PRED-соленый-PRED-3PL

‘Эта сильносоленая (рыба) очень крепкая; зимой мы режем ее, вымачиваем, несколько раз меняем воду, чтобы она была не такая соленая. Поэтому она не слишком соленая’ [ЯиФА Т33:30].

- (38) алюторский: хабитуальность в плане прошедшего
yəmnina-t un'un'upili tə-lla-tkə-na jas'li.
 мой-3DU ребенок 1SG.A-брать-IPFV-3PL.P ясли
tə-pliətku-tkə-n vitatə-k,
 1SG-кончать-IPFV-3SG.P работать-INF
tə-nretatə-tkə-na.
 1SG.A-приводить.домой-IPFV-3PL.P
 [Из рассказа о молодости] ‘Своих детей я отводила в ясли.
 Заканчивала работать, приводила их домой’ [ЯиФА Т33:12–13].
- (39) алюторский: хабитуальность в плане прошедшего
wasaq yamyə-ŋalvəlʔə-k mət-itə-lqivə-tkən
 иногда каждый-табун-LOC 1NSG-быть-ANDAT-IPFV
mur-ī ya-qlavul-a.
 мы-NOM.DU СОМІТ-муж-СОМІТ
 ‘Иногда мы с мужем ходили в разные табуны’ {= бывали в
 разных табунах} [ЯиФА Т32:21].
- Многократное действие в прошлом может выражаться как личной перфективной формой (аористом, обязательно соотносящим ситуацию с планом прошедшего), так и личной имперфективной формой (нейтральной в отношении временной референции). В (40) форму аориста вероятно следует интерпретировать как *серию независимых последовательных событий*, а форму имперфектива — как *правило* или *обычное следствие* таких событий:
- (40) алюторский: многократное событие vs. хабитуалис
ŋənvəssaŋ yəmmə tə-walqivə-lqivə-k to
 несколько.раз я.NOM 1SG-убегать-ANDAT-1SG.AOR и
numal na-lla-tkəni-yəm səkola-ŋ.
 снова LOW.A-приводить-IPFV-1SG.P школа-DAT
 ‘Несколько раз убегала — меня всякий раз приводили в школу’ [ЯиФА Т37:5].
- (41) алюторский: многократность в прошлом
to miti-nak ya-tekə-lin kukjulyə-n
 а Мити-ERG.SG PF-делать-3SG.PF дыра-NOM.SG
rattu-yiŋ-ki, teləŋ təry-uwwi tarassitə-tkə-ninaw.
 пазуха-IN-LOC там мясо-NOM.PL бросать-IPFV-3SG/3PL
 ‘А Мити сделала дыру за пазухой, туда бросает куски мяса’
 [ЯиФА Т6:38].

Некоторые употребления имперфектива в текстах не поддаются однозначной интерпретации — возможно, речь идет о специальной нарративной функции, аналоге *praesens historicum*.

(42) алюторский: «снятая» имперфективность

na-qamitva-tkə-n

LOW.A-накрывать.на.стол-IPFV-3SG.P

na-nawəjatə-tkə-n, *a-pʕa-ka*

LOW.A-кормить-IPFV-3SG.P PRED-жаждать-PRED

oji-ʕanqavə-tkən.

есть-прекращать-IPFV

[Краб вылез на сушу. Ну что ж, Куткиннюку в том открытом море утонул. Пришел к людям, которые там жили: дай-те мне жиру поесть] ‘Накрывают ему на стол, кормят его; испытывая жажду, он перестает есть’ [ЯиФА Т4:20].

Основным функциональным отличием чукотской личной имперфективной формы на *-rkən* является то, что для нее нехарактерна референция к прошлому (ср. ниже употребления адъективной имперфективной формы). Как и алюторский имперфективный показатель, в формах ирреалиса, в том числе в формах будущего времени, чукотский *-rkən* используется относительно редко; тем самым этот показатель чаще всего соотносит форму с настоящим временем. Это позволяет говорить о его постепенной спецификации в показатель настоящего времени. Чукотская личная имперфективная форма, таким образом, является презенсом, сочетается с процессами и ситуациями и выражает, соответственно, прогрессивные и дуративные значения.

(43) чукотский: прогрессив (непредельный процесс)

reqə-rkən, *wəje-rkən?*

что.делать-IPFV шить-IPFV

‘Что делаешь, шьешь?’ (а).

(44) чукотский: дуратив (состояние)

— *əʔmto yənin tənʕə-ʕən tʔət-ʕala-ʕʔe?*

ну твой рука-NOM.SG болеть-перестать-AOR.3SG

— *wəne, panəna pəytə-rkən.*

PART все.еще **Н**ИТЬ-IPFV

‘Ну что, рука болеть перестала? Куда там, все еще ноет’ (а).

(45) чукотский: дуратив (состояние)

ałlon nə-simʷʷu-qin: “*Etaanə oʔrawetłʷa-t*
он.NOM IPFV-думать-3SG наверное человек-NOM.PL
ełwe-nute-kine-t jet-ʷʷe-t ənkʷam
другой-земля-REL-PL прийти-AOR-3PL и
paŋʷewʷato-rkən.

отдыхать-IPFV

‘Он думал: Наверное, люди с другой земли пришли и отдыхают’ [Ятгыргын 1963: 8].

Как и соответствующая алюторская форма, чукотская форма выражает habituальное значение, но также только в плане настоящего.

(46) чукотский: презентный habituалис

iaʔm qonpə jara-jpə ʷəntewə-rkən?
почему всегда дом-ABL **убегать-IPFV**
‘Почему все время из дома убегаешь?’ (а).

(47) чукотский: презентный habituалис

s'əmqək təlyə-lʷetə-k əns'ʷaq waŋe-tko-rkən.
кто-то оттепель-VBLZ-CVB ? **шить-ITER-IPFV**
‘Кто-то, когда оттепель, шьет иногда’ (т).

Наконец, в корякском языке имеется две личных имперфективных формы — показатель *-jkən*, исторически тождественный показателю презенса *-rkən* в чукотском и показателю имперфектива *-tkən* в алюторском, и циркумфиксальный показатель *k-ŋ*, отсутствующий в инвентаре личных форм родственных языков.

Показатель *-jkən* отличается от своих параллелей в двух других языках тем, что он возможен только в формах ирреалиса — в будущем времени и в формах косвенных наклонений. Таким образом, в корякском он является показателем имперфектива ирреалиса.

(48) корякский: ирреальный имперфектив (будущее время)

ja-valom-eke *qonpəŋ anpes'ejəkə-ŋ,*
FUT-слушаться-IPFV.IRR постоянно родитель-DAT
ŋano ne-je-llejvə-ʷi anotva-nvəŋ.
тогда LOW.A-FUT-ходить-2SG.P летовать-SUP

‘Все время будешь слушаться родителей, тогда они возьмут тебя (с собой) на летник’ [Жукова 1972: 239].

- (49) корякский: ирреальный имперфектив (императив)
nə-tʃəm-ʔaw **qə-jejyus'ewŋ-iki**
ADV-старательно-ADV IMP-учиться-IPFV.IRR
'Старательно учись' [Жукова 1972: 242].
- (50) корякский: ирреальный имперфектив (юссив)
n-it-iki *yən'kakə-s'ʔenaŋ.*
JUSS-быть-IPFV.IRR ты-ADV
'Пусть будет по-твоему' [Жукова 1988 Т7:98].
- (51) корякский: ирреальный имперфектив (конъюнктив)
ŋeveq mus'ʃin n-ʔ-itva-n nə-mijku-qin
если наш.3SG 3-CONJ-быть-3SG ADJ-легкий-ADJ.3SG
maŋnitofon, mən-ʔə-kali-jkəni-nav
магнитофон 1NSG.A-CONJ-записывать-IPFV.IRR-3PL.P
to tələ-k mən-ʔə-ŋvo-jkəne-naw
и подъехать-CONV 1NSG.A-CONJ-начать-IPFV.IRR-3PL.P
jə.palomtel.avə-k.
слушать-INF
'Если бы у нас был легкий магнитофон, мы записывали бы
говорящие письма, а приехав, стали бы давать их прослу-
шивать' [Жукова 1972: 247].
- (52) корякский: ирреальный имперфектив, конъюнктив
tə-ko-ʃajmatə-ŋ, tit ŋano ʃatʃa.jaja-k ʃətə-k
1SG-IPFV-хотеть-IPFV чтобы это каждый.дом-LOC я-LOC
vajatə-k ənnenu nə-ʔə-ŋlet-iki milyən
народ-LOC всегда 3-CONJ-гореть-IPFV.IRR огонь.NOM.SG
to n-ʔ-it-iki kinuŋi.
и 3-CONJ-быть-IPFV.IRR мясо.NOM.SG
'Я хочу, чтобы в каждом доме у моего народа все время го-
рел бы огонь и варилось бы мясо (букв.: было бы мясо)'
[Жукова 1988 Т7:95].

Во всех трех языках, в том числе и в корякском, форма имперфектива в ирреалисе употребляется редко. Встречаются имперфективные ирреальные контексты, в которых показатель имперфектива тем не менее не употребляется.

- (53) алюторский
wasaq aktəka mənə-ŋtulʔal-la-mək
иногда невозможно 1NSG.HORT-выйти-PLUR-1NSG

məri ayiyatka wəjalatə-lqivə-tkən.
 потому.что очень пуржить-ANDAT-IPFV
 ‘Иной раз не можем выйти, потому что сильно пуржит’
 [ЯиФА Т38:2].

- (54) алюторский: ожидается дуративность
tinya aktəka asyi mən-vital-la,
 ну нельзя теперь **1NSG.HORT-работать-PLUR**
japlu liŋlij vannatə-tkən.
 хотя сердце.NOM.SG завидовать-IPFV
 ‘Так что теперь не можем мы работать, хотя сердце и завидует’ [ЯиФА Т34:6].

Впрочем, следует заметить, что противопоставление перфективности и имперфективности в ирреальных контекстах вообще проблематично: завершенность или незавершенность будущей или желательной, еще не начавшей осуществляться ситуации, редко находится в фокусе внимания, говорящий просто сообщает, что она может иметь место в будущем:

- (55) чукотский
muri nə-r-ʔejnelʔe-ŋə-mək
 мы.NOM **INV-FUT-ругать-FUT-1PL**
 ‘Нас будут ругать’ (или отругают?) (а).

- (56) корякский
tok, tumyətum, esʔyi van qə-ʔəlqet-yi.
 ну товарищ.NOM.SG теперь PTCL **IMP-спать-IMP**
 [Накормили. Кончил и сказала ему нерпушка:] ‘— Ну, товарищ, теперь уж спи’ (или засыпай?) [Жукова 1988 Т20:22].

- (57) корякский
qə-tajŋa-la-tək, qə-ʔajŋaw-la-tək
IMP-плакать-PLUR-2NSG IMP-звать-PLUR-2NSG.A
ʔəlla...
 мать.NOM.SG
 ‘Плачьте, зовите мать’ (или заплачьте и позовите мать?)
 [Жукова 1988 Т5:32].

Фокус на определенной фазе (ситуация наступит, будет иметь место или дойдет до своего предела) по сравнению с реальсом явно ослаблен. Асимметрия употреблений имперфектив-

ного суффикса демонстрируется не столько явными примерами, где имперфективная по смыслу форма не содержит показателя имперфектива, сколько его относительно низкой частотностью в чукотском и алюторском в ирреалисе по сравнению с реалисом.

Возможно, именно необязательность видового противопоставления в ирреалисе приводит к тому, что для обозначения имперфективного будущего в корякском может использоваться инхоативная конструкция:

- (58) корякский: имперфективное будущее через сочетание с ‘начинать’
ja-ŋvo-la-ŋ   *ɕujemtewilʔ-u*   *jimɣamyetə-k.*
FUT-начинать-PLUR-FUT   человек-NOM.PL   бояться-INF
‘Будут люди бояться (тебя)’ [Жукова 1988 Т7:88].

В еще более явном виде эффект нейтрализации видового противопоставления в ирреалисе реализуется в отрицательных конструкциях с использованием форм косвенных модальностей, которые мы рассмотрим на примере чукотского языка. Во всех этих примерах немаркированная основа демонстрирует аспектуальную нейтральность.

- (59) чукотский:
ɣətnan ɣət   *wanewan*   *mə-rʔuntet-ɣet.*
я.ERG   ты.NOM   NEG.NFUT   OPT.1SG-обманывать-2SG.P
‘Я тебя не обманул/не обманываю/не обманывал (несколько раз) (а).

- (60) чукотский:
ɣət   *qəɣəm*   *mə-kolosie-nta-k.*
я.NOM   NEG.COND   OPT.1SG-усть.белая-VBLZ-1SG
‘Я не поеду в Усть-Белую/Я не буду ездить в Усть-Белую’ (а).

- (61) чукотский:
qəɣəm   *t-ʔə-ləmŋenə-k*   *ətrʔesi*   *ətlʔa-ta*
NEG.FUT   1SG-CONJ-идти-1SG   только   мать-ERG
in-ikw-ʔi
INV-говорить-AOR.3SG
‘Я бы не пошел/не стал бы ходить, но мама попросила’ (а).

Корякский имперфектив. Вторая корякская личная имперфективная форма, форма с циркумфиксом *k-ŋ*, является функ-

циональным аналогом алюторской личной имперфективной формы на *-tkən* и чукотской адъективной имперфективной формы (циркумфикс *nə-qen*, см. ниже) — точно так же, как и они, эта форма нейтральна в смысле временной соотнесенности с прошлым или настоящим и является типичным имперфективным кластером, покрывая значения дуратива и хабитуальности.

(62) корякский: дуратив (план настоящего)

əno amu uŋe ʔəsis'iu e-pilyet'i-ke, məjew

вот наверно NEG они.NOM PRED-голодать-PRED потому.что

ko-pl'as'ie-la-ŋ to k-aŋaŋja-la-ŋ.

IPFV-плясать-PLUR-IPFV и IPFV-петь-PLUR-IPFV

‘Ведь, наверное, они не голодают, потому что пляшут и поют’ [Жукова 1988 Т6:25].

(63) корякский: дуратив (план прошедшего)

ŋəsis'ieq.mənyətte ŋəjaq ʔajol-qawkena-k nojabr'a-k

двадцать четыре лишней-ORD-LOC ноябрь-LOC

jəqmitiw mətə-kjew-la, ewwəp nəte

утром INSG-проснуться-PLUR особенно сильно

ko-wjalatə-ŋ.

IPFV-пуржить-IPFV.

‘Двадцать четвертого ноября утром мы проснулись, особенно сильно пуржило’ [Жукова 1988 Т27:1].

(64) корякский: прогрессив (план прошедшего)

vəʔajok — ŋavəs'ŋə-t

потом женщина-NOM.DU

ku-pipitku-ŋ-i.

IPFV-расчесывать.волосы-IPFV-3DU

‘Наконец (увидел) — две женщины расчесывают волосы’ [Жукова 1988 Т21:32].

(65) корякский: актуальный хабитуалис

voskresen'ja-k mət-ko-l'ajvət'ko-la-ŋ

воскресенье-LOC INSG-IPFV-гулять-PLUR-IPFV

leninʔradə-k.

Ленинград-LOC

‘По воскресеньям мы гуляем по Ленинграду’ [Жукова 1988 Т2:6].

- (66) корякский: хабитуалис (план прошедшего)
aḵḵon ətəḵ ʔuǰemtewilʔ-u ko-sʲanʲəʂiel-la-ŋ.
раньше все человек-NOM.PL IPFV-враждовать-PLUR-IPFV
‘Раньше когда-то все люди враждовали’ [Жукова 1988 Т6:1].
- (67) корякский: актуальный (обобщенный) хабитуалис
to nəkita ŋajen jənoʊəjŋən metʔa-ŋ
и ночью тот.NOM.SG отверстие.NOM.SG аккуратно-ADV
na-ko-maltoŋəvo-ŋ-ən, *tik ŋano*
LOW.A-IPFV-закрыть-IPFV-3SG.P, чтобы это
nuŋ-sʲəǰje-te nə-ʔ-it-iki
NEG-простудиться-NEG 3-CONJ-быть-IPFV.IRR
wjalʲloʔə-k.
наступить.пурге-CONV
‘А ночью это дымовое отверстие хорошенько закрывают,
чтобы это не выстужало бы (помещение) во время пурги’
[Жукова 1988 Т28:37].
- (68) корякский: хабитуалис (план прошедшего)
metʲke ʊəsʲsʲi ŋejŋejə-k
ли ты.NOM осень-LOC
ko-wona-yele.ŋvo-ŋ?
IPFV-кедровые.шишки-собирать-IPFV
‘Ты осенью собирал(а) ли кедровые шишки?’ [Жукова 1988
Т1:1].
- (69) корякский: хабитуалис (план прошедшего)
psʲiqaʲlʲʔən ʧonpəŋ k-oŋaʲŋəvo-ŋ.
Пчикальын всегда IPFV-ходить.за.дровами-IPFV
to walvəsʲʧ-a ko-wnaŋvo-ŋ-nen
а негодный.Вэллы-ERG IPFV-отбирать-IPFV-3PL.P
uŋelʲəsʲʔ-u.
дрова-PL.NOM
‘(Птица) Пчикальын всегда за дровами ходил. А негодный
(ворон) Вэллы отбирал все дрова’ [Жукова 1988 Т21: 2–3].

Форма реального имперфектива характерна для глаголов, у которых хабитуальность является лексическим признаком:

- (70) корякский: лексическая хабитуальность
ʧonʲpən ətə.lwetʲul-e
постоянно только.мясо.диких.олений-ERG

ko-jonal-la-ŋ.

IPFV-жить-PLUR-IPFV

‘Постоянно одним мясом диких оленей жили’ (= питались)
[Жукова 1988 Т9:4].

Таким образом, в зоне имперфектива чукотско-камчатские языки обнаруживают существенные расхождения как формально-го, так и системного плана. Когнатный имперфективный показатель по-разному распределен в корякском и алюторском языках, а в чукотском близок к презенсу. Во всех языках он редко употребляется в формах ирреалиса и, как кажется, является необязательным в ирреальных имперфективных контекстах. В чукотском реализе он вытесняется циркумфиксом имперфективной адъективной формы (см. ниже), а в корякском — новым показателем, инновацией, не имеющей аналогов в глагольной парадигме других языков.

При этом типологическое сходство между языками остается несомненным: синхронно в каждом из них обнаруживается имперфективный показатель с небудущей временной соотносительностью, совмещающий значения дуратива (в широком понимании) и хабитуалиса и являющийся основным способом выражения этих значений (в чукотском, впрочем, в настоящем времени с ним конкурирует показатель презенса), причем во всех трех языках этот показатель свой.

Адъективная перфективная форма

чук. «перфект», циркумфикс *ye-lin*

кор. «прошедшее II неочевидное» *ya-lin*

ал. «результатив», циркумфикс *ya-lin*

Результативом мы называем, как это принято в большинстве современных работ по грамматической типологии, форму для обозначения состояния, являющегося внутренним, обязательным следствием предельного процесса, его стативной фазой, наступающей непосредственно за достижением финала (‘он умер’ → ‘он мертв’), а перфектом — форму для обозначения состояния, являющегося «прагматическим» (необязательно эксплицитно указываемым) следствием имевшей место в прошлом ситуации (‘я много плакала’ [→ ‘это объясняет, почему у меня красные глаза’]) (ср. [Недялков 1983], подробное обсуждение и библиографию в [Плунгян 2011]). С диахронической точки зрения, перфект

обычно является расширением результата и поэтому, в отсутствие новой специализированной результативной формы, почти всегда включает наряду с другими и результативное значение, но, в отличие от результата, сочетается не только с предельными процессами, но и с глаголами других акциональных классов.

В чукотском, коряжском и алюторском языках перфективная адъективная форма имеет сходный спектр результативно-перфектных употреблений.

Так, для нее характерны собственно результативные контексты:

(71) чукотский: результирующее состояние

əʔtwet y-ew-lin?

лодка **PF-продырявливаться-3SG.PF**

‘Лодка дала течь?’ (а).

(72) чукотский: результатив?

s'amʔam tə-re-jəl-yət! ənqen ɲan

не.мочь 1SG.A-FUT-отдать-2SG.P INTJ DEICT

lilī-s'əku yəmnan ya-jo-len=əm.

рукавица-IN я.ERG **PF-засовывать-3SG.PF=EMPH**

lilīqej=əm s'enle-s'iku ya-jo-len,

рукавица=EMPH ящик-IN **PF-засовывать-3SG.PF**

s'eŋəl=əm ya-nnəmat-len=əm

ящик=EMPH **PF-закрывать-3SG=EMPH**

‘Не могу отдать тебе песню. Я же ведь ее (песню) в рукавицу засунул. Рукавицу в ящик засунул, ящик закрыл’ (т).

(73) чукотский: результирующее состояние (кумулятивный процесс)

ɲewəs'iqet-ti muryin-et kətut-əm

женщина-NOM.PL наш-PL в.прошлом.году=EMPH

wʔe-tko-rʔo-ta it-yʔe-t ənpə-jan

умирать-ITER-PLUR.S-CVB AUX-AOR-3PL старик-ABUND

nemeqej s'it ye-tyi-tʔettəwi-lin.

тоже очень **PF-INTS-уменьшиться-3SG.PF**

‘В прошлом году женщины наши многие поумирали, количество стариков уменьшилось’ (т).

(74) алюторский: результирующее состояние (предельный процесс)

ʃoro na-laʔu-nawwi; awən ət-uwwi

потом LOW.A-видеть-3PL.P уже он-NOM.PL

ya-qītā-lanin

PF-замерзать-3PL.PF

‘Потом (этих людей) нашли (=увидели), они уже замерзли (насмерть)’ [ЯиФА Т38: 6–7].

(75) корякский: результирующее состояние

təllətəl qiwwa-naly-a ya-jpə-lin.

вход.NOM.SG плохой-шкура-ERG **PF-одеть-3SG.PF**

‘Вход завешен дырявыми шкурами’ [Жукова 1972: 236].

В ряде контекстов — например, с глаголами движения — граница между собственно стативной фазой ситуации и перфектным значением оказывается размытой:

(76) чукотский: результиativ?

...*kat'a əməŋ ye-lqət-lin.* — *kat'a?* — *enmes'i*

Катя также **PF-приехать-3SG.PF** Катя уже

jara-k ye-pkir-lin, *enmes'i ŋutku.*

дом-LOC **PF-приехать-3SG.PF** уже здесь.

‘— Там эта... еще Катя приехала. — Катя? — Да, она уже домой приехала, уже здесь’. (p)

(77) чукотский: перфект?

Nə-miys'iret-iyəm, qol itək ənqen na-lpənrə-ŋəm

IPFV-работать-1SG один раз очень INV-дать-1SG.P

trutudnja-ta, ya-mane-pere-ŋəm.

трудодень-ERG **PF-деньги-брать-1SG**

‘Работала я, и однажды дали мне трудодни — заработала денег’ (p).

(78) алюторский: результиativ?

man'aŋtekə-n miti, taqəŋana

проклятый-NOM.SG Мити.NOM.SG почему

ya-jatə-lqiv-lin?

PF-приходить-INCH-3SG.PF

‘Чертова Мити, зачем пришла?’ [ЯиФА Т2:35].

В других контекстах употребление не типично результиativное:

(79) чукотский: экспериенциальный перфект

wəne waj qejwe qol meŋin

INTRJ DEICT правда один.NOM кто-то.NOM

ya-yto-len?

PF-родить-3SG.PF

‘Это правда, что ты больше никого не рожала?’ [Dunn 1999: 363].

(80) чукотский: перфект

ye-nju-lin

uun

PF-пасти.оленей.ночью-3SG.PF Уун

‘Ночью пас Уун’.

(81) корякский: перфект

jatan ye-le?u-linet mus'yiin

только **PF-видеть-3DU.PF** наш.3SG

petropavlovsk kams'atskij. To leninyrad

Петропавловск-Камчатский и Ленинград.NOM.SG

as'ya-nan ye-le?u-lin jatan otratka-k

они-ERG **PF-видеть-3SG.PF** только открытка-LOC

mejine-w yam-nan ta-je-new wotkanqo.

который-NOM.PL я-ERG 1SG.A-привезти-3PL.P.AOR отсюда

‘Только видели (отец и мать) наш Петропавловск-Камчатский. А Ленинград они видели только на открытках, которые я привезла отсюда’ [Жукова 1988 T2: 11–12].

(82) корякский: перфект

?ak, net piriqal'η-e ye-n'siikjimηevi-yam.

INTRJ вот.же мышь-ERG **PF-издеваться-1SG**

‘Ык, опять мыши надо мной издевались’ [Жукова 1988 T17:56].

Таким образом, употребление чукотской, алюторской и корякской адъективных перфективных форм явно не ограничено результативными контекстами. С другой стороны, вне нарративного режима, где эта форма имеет особые функции (см. ниже) оказывается крайне затруднительным найти однозначно перфектные контексты для глаголов, обозначающих состояния или непредельные процессы. Для тех немногих контекстов, где состояния / непредельные процессы в этой форме находятся, например, в ЯиФА, можно предложить иные, не собственно перфектные ее интерпретации. Тем не менее, несмотря на то, что данная форма не развила все возможные перфектные употребления, функциональным ядром этой категории является, на наш взгляд, именно перфект.

Специального обсуждения требуют некоторые другие типы употребления адъективной перфективной формы: ее связь с эвиденциальностью, «дискурсивный перфект» для сообщения фоновой информации, особенности использования алюторских форм в традиционных нарративах и перфект предпрошедшего. Отметим, что, несмотря на абсолютное количественное доминирование «нарративного перфекта», о котором сейчас пойдет речь, по сравнению со всеми другими функциями перфекта, например, в алюторских текстах, мы считаем это употребление вторичным по отношению к основному — описанному выше.

Адъективный режим нарратива. В алюторском адъективная перфективная форма имеет особый класс употреблений. Нарративы не от первого лица (сказки, легенды, рассказы не о себе) достаточно четко делятся на две группы. Одни используют перфективные видовременные формы в тех же функциях, что и в обычной речи. В качестве основного перфективного прошедшего времени используется личная перфективная форма, т. е. аорист (ср. 11 и далее), а форма перфекта встречается относительно редко. В собрании ЯиФА таковы фольклорные тексты 2, 4, 5, 7, 8, 11, 13, 14.

Но существует и другой нарративный режим, в котором в этом же жанре текстов в качестве обычной аористой формы (например, для перечисления последовательности событий в прошлом) используется адъективная перфективная форма, лишенная своего перфектного значения. Таковы фольклорные тексты 1, 3, 6, 9, 10.

(83) алюторский: снятая перфектность (последовательность событий в прошлом)

titaʔana nutalqə-k ya-junatə-lqiv-lin

когда.то земля-LOC PF-жить-INCH-3SG.PF

nə-kərvi-qin qutkin'n'aqu.

ADJ-радостный-ADJ.3SG Куткинняяку.NOM.SG

titaqa qutkin'n'aqu-nak maŋkiʔana

однажды Куткинняяку-ERG.SG где.то

ya-laʔu-lin ənnə-ʔən. ʕoro

PF-видеть-3SG.PF рыба-NOM.SG потом

y-akmil-lin ʕälə-ʕal ənnan-ʕujamtawilʔ-ənin,

PF-брат-3SG.PF топор-NOM.SG один-человек-POSS.3SG

ya-nyu-lin   *ənnə-ʔən*   *al'ʔə-tku-k.*
PF-начать-3SG.PF рыба-NOM.SG скрести-MULT-INF
ʕoro ya-nanqəŋtu-lin.   *kətawət ya-γita-lin:*
 потом **PF-потрошить-3SG.PF** вдруг **PF-смотреть-3SG.PF**
tinyaʔana itqil'γərratə-tku-tkən.
 что.то сверкать-MULT-IPFV
ənkinaqa ya-tatkajuŋə-lqiv-lin   *tinyajaq ənŋin.*
 тогда **PF-думать-INCH-3SG.PF** что.за этот.NOM.SG
 ‘Жил на свете веселый Куткиннюк. Однажды Куткиннюк
 где-то увидел рыбу. Потом взял топор у одного человека и
 начал рыбу скоблить. Затем вынул из брюха внутренности.
 Вдруг смотрит — что-то блестит. Тогда он задумался: что
 же это?’ [ЯиФА Т1: 1–6].

По-видимому, такое же употребление возможно и в корякском языке:

- (84) корякский: снятая перфектность (последовательность событий в прошлом)

to emesʲ jivi.pil'ʔaq-u   *ye-pjə-linew*   *to*
 и даже прутик-NOM.PL **PF-срезать-3PL.PF** и
ye-jelqiw-lin   *γ-isʲsʲu-lin*   *to*
PF-войти-3SG.PF **PF-подстелить-3SG.PF** и
ya-jalte-lin.   *jaqam tətʔelʲ*   *ya-nyo-len*
PF-лечь-3SG.PF. сразу очень **PF-начать-3SG.PF**
oməlʲʔata-k,   *emesʲ ko-sʲγəljo-ŋ.*   *kimitʔa-w*
 согреться-INF даже **IPFV-потеть-IPFV.** одежда-NOM.PL
ku-lpijtə-ŋ-nin   *to jeqqesʲʔam*
IPFV-выжимать-IPFV-3SG/3SG.P.AOR и что.же
ye-teŋetew-lin,   *ya-nyo-len*
PF-одеваться-3SG.PF **PF-начать-3SG.PF**
je-jəlqə-ŋ-kə.   *akko!*   *ye-jəlqe-lin*   *teqən*
DESID-спать-DESID-INF ох! **PF-спать-3SG.PF** будто
ye-viʔə-lin.

PF-умереть-3SG.PF
 ‘И даже прутьев (ивняка) срезал и вошел, подстелил (прутья) и лег. Сразу очень стал согреваться, даже вспотел. Одежду выжимает и, что же, оделся, захотел спать. Ох! Уснул как мертвый (букв.: уснул будто умер)’ [Жукова 1988 Т9: 25–29].

Личная имперфективная форма используется в обоих нарративных режимах одинаково:

(85) алюторский: имперфектив с нарративным перфектом в функции аориста

əŋjēn təla-tkə-t   *qutkin'n'aqu-nti*
там **придти-IPFV-3NSG** Куткиннюку-NOM.DU
ya-ŋavʔan-a.   *əntawət ya-juʔə-lin*
COMIT-жена-COMIT   теперь **PF-достичь-3SG.PF**
niŋvit-rajərʔə-n.
черт-дом-NOM.SG

‘Вот идут Куткиннюку с женой. И вот встретили дом бесов’
[ЯиФА Т6: 28–29].

(86) алюторский: имперфектив с собственно аористом

numal ɲətu-jjə,   *ɲəvu-jjə*   *ʒawanni-k.*
снова **выйти-3SG.AOR** **начать-3SG.AOR** шить-INF
qetəlyə-ljəŋ   *rətilə-tkən*   *rara-k.*
DIMIN.палец-NOM.SG **жить-IPFV** дом-LOC

‘Снова вышла на улицу и стала шить. А мальчик-с-пальчик лежит в юрте’ [ЯиФА Т11: 7–8].

Никаких правил, определяющих выбор базовой перфективной нарративной формы, обнаружить не удается, поэтому остается предположить, что говорящий сам выбирает нейтральный «личный» (аористный) или «адъективный» (перфектный) режим нарратива. В нефольклорных текстах, бытовых рассказах от первого лица доминирует «личный» режим. Однако текст 36 «Преследование росомахи» целиком выдержан в адъективном режиме. Особенность этого текста в том, что рассказ ведется не о событиях, происходящих с самой рассказчицей (как в остальных текстах), но о том, как ее знакомый ночью заблудился в пургу. Интересен в этом отношении текст 29, который состоит из двух независимых новелл, рассказов из жизни двух разных шаманов. Первый рассказ предварен сообщением, что говорящий был во время рассказываемых событий маленьким, но все помнит. Этот рассказ ведется в личном режиме. Второй рассказ не содержит таких комментариев и целиком выдержан в адъективном режиме.

Все это позволяет предположить, что использование личных vs. адъективных перфективных форм отражает выбор гово-

рящим одного из двух повествовательных режимов — заглазного или засвидетельствованного. Для текстов, лежащих в плане мифологической реальности, засвидетельствованный режим является также немаркированным — выбор режима в сказках происходит по усмотрению говорящего, он может рассказывать сказочный сюжет, как если бы он был участником событий. Можно было бы предположить, что последний факт указывает на разрушение категории заглазости в алюторском языке, но никаких нарушений и сбоев раз выбранного режима в текстах ЯиФА мы не наблюдаем, так что, возможно, что речь идет о вполне устойчивой системе.

Иное возможное объяснение нарративного режима — через развитие перфекта в расширенный перфект с включением функций аориста — следует, по-видимому, отвергнуть, так как, во-первых, эти функции отсутствуют у перфекта вне специального нарративного режима и, во-вторых, они характерны для «старого» перфекта, в то время как в чукотско-камчатских языках он, по-видимому, относительно недавнего происхождения и все еще довольно близок к результату. Остается понять, как адъективная перфективная форма соотносится с эвиденциальностью вне заглазного режима нарратива.

Эвиденциальность перфекта. Авторы алюторской грамматики выделяют у адъективной перфективной формы сопутствующее значение заглазости [ЯиФА 221], а в грамматике корякского языка [Жукова 1972] эта форма так и называется — «прошедшее II неочевидное». Ее использование в адъективном режиме традиционного алюторского нарратива является очень сильным аргументом в пользу эвиденциальной трактовки формы.

Проблема, однако, состоит в том, что для перфекта ожидаемым является развитие в показатель инферентивного типа, а нарративное употребление скорее представляет эвиденциальность репортативного типа. Кроме того, связь алюторского перфекта с заглазностью вне заглазного нарративного режима по текстам прослеживается относительно слабо. Перфектные и результативные значения вообще легко сочетаются с указаниями на ситуации, при которых говорящий не присутствовал, поэтому в таких контекстах невозможно отличить грамматическое значение

эвиденциальности от прагматически наведенного. Важным указанием на проблематичный характер связи между перфектом и заглазностью является употребление перфекта в первом лице, что для заглазных форм не характерно:

(87) алюторский: перфект с первым лицом

yətmə allə a-qītə-ka, məri yətmə
я не PRED-мерзнуть-PRED потому.что я.NOM
n-um-ʔa y-itʔep-iyəm.

ADV-теплый-ADV PF-одеться.в.кухлянку-1SG

‘Я не замерзла, потому что была тепло одета в кухлянку’
[ЯиФА Т37:18].

(88) корякский: перфект с первым лицом

əpʉlʉj-γəm y-iti-γəm enʉisʉi-te γ-ivi-γəm:
маленький-ADJ.1SG PF-быть-1SG отец-ERG PF-говорить-1SG
«nə-valom-ʔaw γe-niʃəvo-ta ənənəlʔəj».

ADV-послушно-ADV IMP1-начать-IMP1 старший.NOM.SG

‘(Когда) я еще маленькая была, отец мне говорил: «Слушайся старшую (сестру)»’ [Жукова 1972: 237].

С другой стороны, некоторые примеры можно интерпретировать как иллюстрации особых семантических эффектов (неполная осознанность), происходящих при комбинации косвенной засвидетельствованности и референции к первому лицу (ср. [Майсак, Татевосов 2000]).

(89) чукотский: перфект с эффектом неосознанности

ənnin=əm t-ənwił-γʔe-k etə
так=EMPH 1SG-остановиться-AOR-1SG наверное
γ-itsʉet-iyəm γe-req-iyəm

PF-стать.тяжелым-1SG PF-что.делать-1SG

‘Так я остановился. Я наверно отяжелел, или что со мной было (не знаю)’ (т).

(90) алюторский: перфект с эффектом неосознанности

n-iv-γəm məri wutinʔat
LOW.A-сказать-1SG.P потому.что этот.NOM.SG
ta-jatə-lqi, nə-kju-ʔa
FUT-придти-INCH.AOR ADV-чутко-ADV

ya-jəlqat-iyəm, na-ktə-nəkjav-yəm.

PF-спать-1SG   **LOW.A-вдруг-будить-1SG.P**

‘Мне сказали, что он придет, я чутко спала, меня неожиданно разбудили’ [ЯиФА Т31:2].

Возможное, но сугубо предположительное объяснение: исторически эвиденциальная форма удерживается как индикатор особого режима традиционного нарратива, но утрачена в других, более живых жанрах, где ее сфера сократилась до обычного перфекта. Единственное, что мы можем сделать на настоящем этапе — это отметить, вслед за грамматиками, связь алюторского и, возможно, корякского перфекта с эвиденциальностью.

Фоновая информация. Следующий тип дискурсивного употребления перфекта в нарративе (как фольклорных текстах, так и в бытовых рассказах от первого лица), представленный во всех трех чукотско-камчатских языках — это временный перевод плана повествования на предшествующие, фоновые события; или описание исходного, начального события или событий, в дальнейшем приведших к цепи ситуаций, которая описывается нарративом. В целом это употребление можно определить как введение фоновой, «закадровой» информации. В фольклорных текстах оно последовательно употребляется в зачине, вне зависимости от того, в каком режиме ведется рассказ. Внутри нарратива оно достаточно отчетливо опознается на фоне аористных цепочек в рассказах от первого лица, но опознать его можно и в заглазном режиме, так как только в такой дискурсивной функции адъективная перфектная форма может выражать имперфективные значения. В отличие от расширения перфекта до аориста, обозначенного выше как «снятая перфектность», в таких контекстах может сниматься перфективная интерпретация в целом:

(91) алюторский: сказочный зачин, снятая перфективность

titaʔana nuta.lqə-k ya-junatə-lqiv-lin

однажды земля-LOC **PF-жить-INCH-3SG.PF**

nə-kərvi-qin qutkin'n/aqu.

ADJ-радостный-ADJ.3SG Куткиннюку

‘Когда-то жил на земле веселый Куткиннюку’ [ЯиФА Т1:1].

- (92) корякский: сказочный зачин, снятая перфективность
ye-junel-lin   *ənpəqlavol*   *ye-npə.ɲev-e.*
PF-жить-3SG.PF старик.NOM.SG COMIT-старуха-COMIT
 ‘Жили-были старик со старухой’ [Жукова 1988 Т9:1].
- (93) алюторский: фоновая информация, начало бытового рассказа
əllaʔə-ŋ   *ya-jəl-lay*   *wapaqa-wwi*   *inaralʔ-a,*
 мать-DAT **PF-дать-3PL.PF** мухомор-NOM.PL сосед-ERG
ya-nuʔjulav-lay   *qinaq*   *nə-ʔə-mlavə-lqi*
PF-учить-3PL.PF чтобы 3-CONJ-танцевать-INCH.AOR
nə-ʔ-aŋaŋta-lqi   *ətək-ra-tenə-k.*   *əllaʔ-a*
 3-CONJ-петь-INCH.AOR их-дом-APUD-LOC мать-ERG
tu-ni-na   *wapaq-u*   *to jəlqə-lqiv-i.*
 есть-3SG/3PL мухомор-NOM.PL и спать-INCH-3SG.AOR
 ‘Соседи дали матери мухоморов и подговорили их, чтобы
 она плясала и пела возле их дома’ («результатив»). Мать
 съела мухоморы и уснула’ (Aor) [ЯиФА Т39: 1–2].
- (94) алюторский: фоновая информация, начало бытового рассказа
qamavə-nti   *jattiʔə-nti*   ***ya-tkəjavsil-linat***
 Камав-NOM.DU Яттиген-NOM.DU **PF-ссориться-3DU.PF**
qura-kita.   *qamav-ənak*   *akmin-nin*
 олень-CAUSAL Камав-ERG.SG взять-3SG/3SG.P.AOR
milyəʕər,   *nutaliqə-k*   *rəlti-ləʔə-n.*
 ружье.NOM.SG земля-LOC лежать-ATR-NOM.SG
 ‘Камав и Яттиген поссорились из-за оленей {переход в ре-
 жим аориста — к основному плану повествования} Камав
 взял ружье, которое лежало на земле’. [Потом сильно уда-
 рил по голове Яттигена. Яттиген схватился за голову. По
 лицу из-под пальцев кровь полилась и закапала на землю.
 Яттиген приблизился к Камаву и пнул его ногой в живот.
 Камав взялся за живот рукой. Потом Камав схватил Ятти-
 гена за плечо и сбросил в овраг. Яттиген сначала схватился
 за куст, но не смог куст удержать.] [ЯиФА Т41: 1 и далее].

Как сообщение «закадровой», фоновой информации можно интерпретировать следующие контексты, встроенные внутрь бытового нарратива. Здесь также возможен эффект «снятой перфективности» — дуративное (или квазихабитуальное?) и хабиутальное значение выражается формой перфекта:

(95) чукотский: снятая перфективность

kejŋəwəwət nemeqej nə-tenmaw-qen. tiŋur
 Кэйнынэут тоже IPFV-готовиться-3SG лук.NOM.SG
ənkʔam tiŋur-mʔemi-t əməʔo
 и лук-стрелы-NOM.PL все
teŋ-yite-ninet. ətton əŋətəʔ ye-jyulet-lin
 хорошо-смотреть-3PL.P.AOR она INTJ PF-уметь-3SG.PF
tiŋurə-tku-k. *taaŋə-tko-ma kejŋəwəwətə-ne*
лук-VBLZ-INF пробовать-ITER-CVB Кэйнынэут-ERG
tiŋur-nin rewəmwew eʔŋə-tkən-ək
 застрелить.из.лука-3SG.P куропатка.NOM.SG мыс-SUP-LOC
wa-lʔə-n, təyewewər eret-yʔi uŋŋə
 быть-ATR-SG сразу.же падать-AOR.3SG NEG.NOM
e-łewtə-ke.
 NEG-голова-NEG

‘Кэйнынэут тоже готовилась. Лук и стрелы для лука хорошо осмотрела. Она очень хорошо умела управляться с луком. Попробовала Кэйнынэут застрелить из лука куропатку на мысу — сразу же куропатка упала без головы’ [Kurebito 2004: 7].

(96) алюторский: закадровая информация в середине текста

wutinyivi murɣina-w pastuqa-w to anapketə-kina-w
 этот.год наш-3PL пастух-NOM.PL и Анапка-REL-3PL
ayɪ janutəŋ ətɣə-nan murɣina-w pastuqa-w
 очень сначала они-ERG наш-3PL пастух-NOM.PL
na-pisevə-tku-naw. pəsa ənnanu janutə-tkən
 LOW.A-обойти-MULT-3PL.P сейчас всегда быть.первым-IPFV
sanva, məri ə.nina-w n-eqə-laŋ
 Санва.NOM.SG потому.что его-3PL ADJ-быстрый-ADJ.3PL
qura-wwi. ənnanu ɣa-qura-tawaŋə-lqiv
 олень-NOM.PL всегда PF-олень-тренировать-INCH
to ɣitasitə-k ***ɣa-janutə-lqiv.*** *maŋin'as*
и устраивать.гонки-CVB PF-быть.первым-INCH когда
murɣina-w pastuqa-w ŋəvu-la-tkə-t
 наш-3PL пастух-NOM.PL начать-PLUR-IPFV-3NSG
ɣitasitə-k murə-kki to ŋətə-tkən sanva.
 устраивать.гонки-ITER-INF мы-LOC тогда придти-IPFV Санва
 ‘В этом году наши и анапкинские пастухи устраивали много гонок. Сначала те наших перегоняли. Каждый раз пер-

венствовал Санва, потому что у него быстрые олени. Он постоянно тренировал оленей и первенствовал на гонках. Когда наши пастухи начинают устраивать у нас гонки, то приезжает Санва' [ЯиФА Т40: 1–5].

Ср. также следующий корякский пример, где дискурсивный перфект сначала используется в зачине рассказа, а затем для введения фоновой, закадровой информации:

(97) корякский: снятая перфективность (зачин и затем фон)

<i>aŋoon</i>	<i>əs's'u</i>	<i>tan'ŋ-o</i>	<i>s'aws'əva-w</i>
давно	они.NOM	чукча-NOM.PL	коряк-NOM.PL
<i>ya-tan'ŋəs'el-lenaw.</i>	<i>həjə-te</i>	<i>ya-tan'ŋəs'el-lenaw.</i>	
PF-враждовать-3PL.PF	лук-ERG	PF-враждовать-3PL.PF	
<i>məjew</i>	<i>uŋe</i>	<i>milyəʔj-uə</i>	<i>jeppa e-tejkə-ke.</i>
потому.что	NEG	ружье-NOM.PL	еще PRED-делать-PRED
<i>qin'vat</i>	<i>əs's'u</i>	<i>pojy-a,</i>	<i>həjət-e uviki-w</i>
и.вот	они.NOM	копье-ERG	лук-ERG сам-NOM.PL
<i>na-ko-nmə-ŋ-naw.</i>		<i>to yekeŋ-e</i>	
LOW.A-IPFV-убивать-IPFV-3PL.P		и оленья.упряжка-ERG	
<i>ko-pen'nə-la-ŋ</i>	<i>tan'ŋ-o</i>	<i>s'aws'əva-jtəŋ.</i>	
IPFV-броситься-PLUR-IPFV	чукча-NOM.PL	коряк-LAT	
<i>qin'vat əjətə-l'ʔ-u</i>	<i>s'aws'əva-w</i>	<i>pəkejə.nv-o</i>	
ведь	лук-ATR-NOM.PL	коряк-NOM.PL	место.для.подхода-PL
<i>təttel' vetyaje-ŋ</i>	<i>winv-u</i>	<i>ye-tejkə-linew.</i>	
очень	напрямик-ADV	дорога-EQUAT	PF-делать-3PL.PF

‘Некогда чукчи и коряки враждовали. Луками воевали. Потому что еще ружей не делали. Вот ведь они копьями, луками друг друга убивали. И на оленьих упряжках бросались чукчи на коряков. Ведь вооруженные луками коряки места для подхода очень прямой дорогой (проложенным следом) делали’. {Далее следует текст в имперфективе: ‘Начинают подходить (враги), пристраиваются вооруженные луками, у дороги, стреляют в них...’}} [Жукова 1988 Т4: 1–6].

Зона плюсквамперфекта. Наконец, следует отметить, что, поскольку чукотско-камчатским языкам противопоставление плана прошедшего и настоящего в целом несвойственно, некоторые использования перфекта соотносят ситуацию с планом предпрошедшего:

(98) чукотский: перфект в таксисном контексте

kejŋə-n jet-γʔi. ənan ye-numekew-lin
медведь-NOM.SG идти-AOR.3SG он.ERG PF-собирать-3SG.PF
taŋ-amałwa-ŋ wa-lʔə-n wəkvə-lʔən.
INTS-разный-ADV быть-ATR-NOM.SG камень-NOM.SG

‘Медведь пришел. Он насобирав (до этого) самые разные камни’ [Недялков 1983: 107].

(99) алюторский: перфект в таксисном контексте

tə-retə-tkən, num qəlavul
1SG-вернуться.домой-IPFV снова муж.NOM.SG
ya-mal-inanitivav
PF-INTS-варить

‘Прихожу домой, снова муж наготовил (еды)’ [ЯиФа Т33:21].

Говорить о специализации этой функции было бы невозможно, если бы у формы не развивались характерные именно для плюсквамперфекта дополнительные функции — например, функция недостигнутого результата:

(100) чукотский: перфект в значении недостигнутого результата

ekwetrʔu-γʔe-t neme. anə y-enarer-lenat
отправиться-AOR-3PL опять DEICT PF-искать-3PL.PF
taŋ-ʔotchoj, lʔu-k na-taŋə-lwawə-n.
EMPH-долго найти-INF INV-EMPH-не.смочь-3SG.AOR

‘Отправились они опять. Ох и искали они очень долго — найти никак не смогли’ [Недялков 1983: 216].

Итак, суммируем данные о функциях адъективной перфективной формы. Все три языка обнаруживают здесь значительное сходство. В каждом из языков основное значение формы — молодой перфект или «расширенный результатив»: перфектное значение, все еще предпочитающее, однако, предельные процессы и события. В алюторском и корякском распространено употребление некоторыми говорящими адъективной перфективной формы в функции нарративного аориста; другие говорящие в таких же контекстах употребляют ту же форму, что и вне нарратива (личную перфективную форму — собственно аорист). Характер текстов, рассказываемых в «адъективном» режиме — сказки и рассказы о третьем лице — явно указывает на связь перфекта с эвиденциальностью. Несмотря на это, связь перфекта с эвиденциально-

стью, констатируемая в [ЯиФА: 221] и [Жукова 1972: 234], не-обязательна и требует дополнительного исследования, так как перфект относительно легко сочетается с референцией к первому лицу, а сам по себе заглазный режим не является обязательным для фольклорного текста. Во всех трех языках отмечен особый тип дискурсивного использования перфекта для передачи фоновой информации, не принадлежащей основному событийному плану рассказа, причем аспектуальность этой категории нейтрализуется («снятая перфективность»), а также таксисные контексты, где перфект соотносит событие с планом предпрошедшего. Оба употребления очевидным образом вытекают из основного значения перфекта: в обоих случаях говорящий апеллирует к ситуации, имевшей место до основного плана повествований. Однако с грамматической точки зрения эти употребления частично обособлены. Действительно, в случае подачи фоновой информации говорящий может указывать в большей степени на саму ситуацию в прошлом, чем на ее последствия; а предпрошедшее развивается, по крайней мере в чукотском, дополнительные функции, типологически характерные именно для зоны плюсквамперфекта.

Адъективная имперфективная форма

чук. «имперфект» *nə-qin*

кор. «качественное прилагательное от глагольной основы» *nə-qin*

алют. «отглагольное прилагательное» *nə-qin*

Чукотская адъективная имперфективная форма является функциональным аналогом личных имперфективных форм других языков — алюторского имперфективного суффикса *-tkən* и корякского имперфективного циркумфикса *k-η*. Она используется в значениях дуратива, прогрессива и хабитуалиса с референцией к настоящему в тех же функциях, что и личная форма на *-rkan* (причем их распределение в этой функции неясно), а также с референцией к прошлому, где личная форма практически не употребляется.

(101) чукотский: дуратив (план прошедшего)

yəmnan   *təyi*   *tə-lyə-n*   *qətəlyi*

я.ERG   помнить   1SG-AUX-3SG.P   вот

nas³qa-ytə   ***nə-len-muri***

Нешкан-ALL   **IPFV-идти-1PL**

‘Помню я, на Нешкан мы шли’ (т).

- (102) чукотский: дуратив (план настоящего)
ɲaryʊən wa-lʔə-t reqə-rkət?
 снаружи быть-ATR-3PL **что.делать-IPFV.3PL**
 — *wəneraj, n-umqe-welerkəle-rʔu-qinet!*
 вон **IPFV-медведь-догонять-PLUR.S-3PL**
 ‘Что снаружи находящиеся делают? — вон, все медведей догоняют!’ [Беликов 1979: 40].
- (103) чукотский: дуратив (план настоящего)
nə-rʔe-qin ɛtmje ɲot? — nə-sot-wanla-qen.
IPFV-что.делать-3SG еще этот? **IPFV-соль-просить-3SG**
 ‘Что это он тут делает’ / ‘делал? — Соли просит’ / ‘просил’ (а).
- (104) чукотский: актуальный хабитуалис
wane, itək=əm ɲan nə-nto-qen
 нет, так=EMPH DEICT **IPFV-выходить-3SG**
 {Ответ на вопрос о том, почему соседка прекратила выходить гулять} ‘Нет, так она все же выходит гулять’ (т).
- (105) чукотский: актуальный хабитуалис
əmə ənka pʔiŋə, tonja ɲan sʔajwəyərʊən
 тоже там Пины Тоня DEICT Чайвыгыргина
jep ɲan eŋeŋ n-ine-nu-qin
 еще DEICT лекарство.NOM.SG **IPFV-INV-есть-3SG.A**
 {дочь рассказывает матери о том, что происходит с их знакомой} ‘Тоже там (в больнице, где) Пины (имя собственное), Тоня Чайвыгыргина лекарство кушает’ (т).

Глаголы ‘жить’ и ‘работать’ также хорошо сочетаются с этим показателем, так как первый выражает хабитуальное значение лексически, а второй обладает этим свойством по крайней мере в большей части контекстов:

- (106) чукотский: хабитуалис в плане прошедшего
ənken jep ɲewəsiqet-u e-nʔet-kə-lʔ-iyəm
 и еще женщина-EQUAT NEG-статья-NEG-ATR-1SG
ranəna nə-miysiret-iyəm emqən
 постоянно **IPFV-работать-1SG** все.время
keti-plətku-k.
 учиться-закончить-CVB
 ‘И, еще женщиной не став, все время работала после учебы’ (т).

- (107) чукотский: план настоящего
rultəŋe nə-twa-qen aŋqa-k.
 рультана IPFV-жить-3SG море-LOC
 ‘Рультана живет’ / ‘жила у моря’ (а).

Алюторское и корякское отглагольное прилагательное встречается в текстах крайне редко (всего четыре примера с глагольными корнями во всех текстах ЯиФА при большом числе употреблений этой формы для собственно адъективов). Авторы ЯиФА отмечают, что эта форма имеет значение хабитуального действия или указывает на его потенциальную осуществимость. Как кажется, речь идет не просто об обычном действии (значение, которое бы, вероятно, выражалось хабитуальным имперфективом), но именно о возможности осуществления ситуации, то есть о внутреннем свойстве соответствующего участника. Примеры, которые приводятся в [ЯиФА: 221], либо прямо подкрепляют эту интерпретацию (например, ‘гриб съедобен’), либо совместимы с ней, если допустить не абсолютную прагматическую точность приводимых переводов (‘она рукодельничает’ или ‘она рукодельница’). Немногие текстовые примеры также ей не противоречат:

- (108) алюторский: отглагольное прилагательное (свойство)
«qəjjē, qəsən jappu n-əlwu-qin
 INTRJ оказывается тоже QUAL-убить.олень-QUAL.3SG
un'un'u».
 ребенок.NOM.SG
 ‘«Ой, оказывается, (я) еще и ребенок, который умеет добывать оленей»’ [ЯиФА Т8:31].

- (109) алюторский: отглагольное прилагательное (свойство)
usa qun mə-tawaŋə-n ənnan,
 теперь ладно 1SG.A.HORT-пробовать-3SG.P один
mə-nwanŋə-n, anagemat
 1SG.A.HORT-разделать-3SG.P может
n-ina-nmə-lajin.
QUAL-ANTI-убивать-QUAL.3PL
 [Тут видит он: прямо к нему бежит стадо диких оленей. К нему подошли и вдруг все померли.] ‘Ну, попробую-ка я (съесть) одного, разделаю его. Может, они отравлены (= убивающие)’. [Он попробовал, съел костный мозг, стал ждать. Думает: «Наверное, умру»] [ЯиФА Т8:26].

В последнем примере интересно употребление антипассивного показателя (-*ina-*). Антипассив оправдан и семантически, и синтаксически, так как речь идет о характеристике партиципанта как потенциального Агенса, о его свойстве, т. е. по сути о значении, близком к объектному имперсоналу (в частности здесь — убивающие своим ядом не кого-либо конкретного, а любого, кто бы их ни попробовал). Возможно, особые согласовательные правила, характерные для чукотского имперфекта переходных глаголов (обязательное использование в некоторых лично-числовых комбинациях префикса, когнатного антипассивному префиксу корякского и алюторского), исторически связаны с его происхождением из этой конструкции.

Сходным образом функционирует имперфективная адъективная форма в корякских текстах:

(110) корякский: отглагольное прилагательное (свойство)

tättelʹ nə-lweyili-qin.

очень **QUAL-добывать.диких.олений-QUAL.3SG**

[Жил старик со старухой. И один взрослый сын.] Очень много постоянно добывающий диких оленей' [Жукова 1988 Т9:3].

(111) корякский: отглагольное прилагательное (свойство)

ewənʔat nə-miti-yi kinuŋ-vapatə-k.

ведь **QUAL-уметь-QUAL.2SG** мясо-варить-INF

'Вот ведь умеешь ты (умелая ты) мясо варить' [Жукова 1988 Т11:23].

Таким образом, речь идет не столько о хабитуальной ситуации, сколько о свойствах, локализованных во времени или вневременных, то есть это значение ближе скорее к квалитативу. Это позволяет объединить адъективную имперфективную форму (квалитатив) и собственно прилагательные, а также объяснить абсолютное предпочтение, которое она отдает именно адъективным корням — квалитативность является лексическим свойством большинства прилагательных и лишь периферийной функцией динамических ситуаций. В алюторском корпусе один раз встретилось отглагольное прилагательное, образованное от связки — но речь здесь идет о своего рода «аналитическом квалитативе», где связка берет на себя функцию финитной формы при отсубстантивной адъективной форме: каритиве.

(112) алюторский: отглагольное прилагательное от бытийного глагола

jaqqə ənni a-l'əlja-ki-nu

ну он.NOM PRED-глаз-CARIT-EQUAT

n-it-qin.

QUAL-быть-QUAL.3SG

‘Ведь она была слепой’ [ЯиФА Т35:10].

Справедливости ради следует отметить, что в одном контексте адъективная имперфективная форма, которую мы для корякского и алюторского языков глоссируем как квалитатив, передает скорее обычное дуративное значение (это тоже конструкция со связкой и именной формой):

(113) алюторский: отглагольное прилагательное (состояние)

ɲetaŋ awwav-ī liqtəŋ to ina-ɣal-e,

тогда уходить-3SG.AOR назад и 1SG.P-проходить-3SG.AOR

məri ɣəmmə n-it-iɣəm ʃəlʃəl-ɣiŋ-ki.

потому.что я.NOM **QUAL-быть-1SG** снег-IN-LOC

‘Тогда он поехал назад, но пропустил меня, потому что я была под снегом’ [ЯиФА Т37:15].

Исторически единство показателей хабиитуалиса в алюторском и корякском, с одной стороны, и показателя имперфектива в чукотском, с другой, не вызывает сомнений. Остается открытым вопрос о направлении его развития и связанных с ним сдвигов в зоне имперфектива в целом. Мы вернемся к этому вопросу в заключении.

Отглагольный предикатив

чук. «отрицательная форма (отрицательное деепричастие)»

кор. «категория состояния»

ал. «отглагольный предикатив»

Отглагольный предикатив — глагольная форма, морфологически параллельная предикативным формам прилагательных и в этом смысле похожая на адъективные глагольные формы. Как и адъективные глагольные формы, она не может нести основных глагольных словоизменительных суффиксов и, подобно адъективным формам, сочетается с префиксом *-ina-* (алюторский «антипассив»), а также с глагольным плюрализатором *-la-* (по край-

ней мере в алюторском, ср. [ЯиФА: 222]). Тем не менее эту форму удобнее рассматривать вне обсуждаемой нами выше системы противопоставлений личных и адъективных форм, так как она не только формально, но и аспектуально лежит вне этой системы.

Во всех трех языках основным контекстом употребления отглагольного предикатива являются конструкции, где он находится в сфере действия отрицания, а для чукотского языка данная функция отглагольного предикатива оказывается, по-видимому, единственной. В следующих алюторских примерах форма отглагольного предикатива используется как для событийного, так и для стативного предиката, находящихся в сфере действия отрицательных слов *allə* ‘не’ (вернее, *allə tita* ‘никогда’) и *kətvəl* ‘не надо чтобы’.

(114) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание события)

allə tita a-nəm-ŋətalʔat-ka
нет когда PRED-деревня-приехать-PRED
ŋənvəp-ŋiviyərŋə-ŋ.
много-год-ADV

‘Ни разу за много лет не приехала в поселок’ [ЯиФА Т32:11].

(115) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание состояния)

allə ŋəm-nan aŋqa-n əjō a-laʔu-ka.
не I-ERG море-NOM.SG раньше PRED-видеть-PRED
‘Прежде я моря не видела’ [ЯиФА Т32:6].

(116) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание события)

kətvə mik-ənaŋ iv-ka, amojika qə-tvalʔatə-tkən.
не.надо кто-DAT.SG говорить-PRED молча IMP-сидеть-IPFV
‘Не надо никому говорить, молча сиди’ [ЯиФА Т15:7].

(117) алюторский: отглагольный предикатив (отрицание неопределенного процесса)

«*kətvəlʔ tətka-kjita a-tkəŋavsil-la-ka,*
не.надо морж-CAUSAL PRED-драться-PL-PRED
nə-tajəŋ-qin, tur-uwwi jəlʔalŋəjərʔə-turu.
QUAL-грешный-QUAL вы-NOM.PL кузен-2PL

‘Не надо драться из-за моржа, грех, вы кузены’ [ЯиФА Т22:26].

Отметим, что сама полярность иногда может выражаться косвенными средствами (так, для алюторского языка типичен отрицательный реальный протасис ‘если не Р’, выраженный аналитически сочетанием отглагольного предикатива с бытийным глаголом или, реже, просто отглагольным предикатом — ср. [ЯиФА Т10: 49]) или даже вообще не выражаться ([ЯиФА Т11: 12] с утверждением; [ЯиФА Т14: 5] с запретом), что показывает степень грамматикализации ее именно как средства выражения отрицания (ср. чукотский, где отглагольный предикатив используется вообще только в отрицательных контекстах).

(118) алюторский: отглагольный предикатив (запрет без выраженного отрицания)

«*pəsō*,   *a-tali-la-kō*,   *qujəm*
 подождите!   **PRED-кататься-PLUR-PRED**   клапан.NOM.SG
mə-nnivə-n   *ɲavkir*».
 1SG.A.HORT-шить-3SG.P   женские.штаны
 ‘«Погодите, не катайтесь, зашью-ка я клапан у женских штанов»’ [ЯиФА Т14:5].

Аспектуальная нейтральность отглагольного предикатива хорошо видна в контекстах, где аспектуально параллельные формы различаются только полярностью — в таких контекстах видно, что аспектуальные значения при отрицании просто не выражаются. В первом из следующих двух примеров глагол в положительной полярности стоит в личной перфективной форме (аористе), во втором — в форме имперфектива. В обоих контекстах отрицательные корреляты имеют форму отглагольного предикатива:

(119) алюторский: отглагольный предикатив и аорист

qənutʔa ʕoptəlʔu tə-nawəjan-na,   *allə miyʕa*
 видно все   1SG.A-кормить-3PL.P   не кто.NOM.SG
a-ɣala-ka?
PRED-обойти-PRED

‘Вроде, всех накормил, никого не обошел’ [ЯиФА Т10:8].

(120) алюторский: отглагольный предикатив и имперфектив

allə a-takmitəŋat-ka,   *uvik*
 не   **PRED-даваться-PRED**   сам.NOM.SG

tətə-tkə-nin.

держать-IPFV-3SG/3SG.P

‘Не дается {в руки}, держит себя’ [ЯиФА Т8:56].

Таким образом, алюторский язык (а также корякский, но не чукотский) использует при отрицании одну и ту же форму глагола вне зависимости от его акциональных характеристик и видового значения в контексте. Однако эти примеры не указывают однозначно на аспектуальные характеристики самого показателя отглагольного предикатива. Как отмечается в [Гусев, наст. изд.], отсутствие в реальном мире события ближе всего именно к состоянию, вне зависимости от внутренней структуры этого события (и, соответственно, от акционального класса глагольной лексемы). Что нейтрализует аспектуальность исходного предиката — показатель или полярность — неясно. Еще один типичный контекст для этой формы — сочетание с циркумфиксом дезидератива — также не дает окончательной ясности, так как он является ирреальным и, более того, непосредственно связан со стативностью через семантику желания; в таких контекстах требование отрицательной полярности в алюторском языке снимается (121). Наконец, пример (122) содержит аналитическую форму, в которой лексический глагол, обозначающий предельную ситуацию, выступает в форме отглагольного предикатива, а вспомогательный глагол — в форме будущего времени. В этом контексте форма потенциалиса выражает, по-видимому, деонтическую модальность, также могущую быть интерпретированной как состояние. Как и под отрицанием, в таких контекстах могут оказываться глаголы разных акциональных классов:

(121) алюторский: отглагольный предикатив от дезидератива

«*ətama, a-t-ivʔisi-ŋ-ka*».

мама.NOM.SG **PRED-DESID-пить.воду-DESID-PRED**

‘Мама, хочу пить’ [ЯиФА Т7:27].

(122) алюторский: отглагольный предикатив в ирреалисе (дебитив)

ənkət itə-lʔə-n turyin qura-ŋa

так быть-ATR-NOM.SG ваш.3SG олень-NOM.SG

itə-tkən ŋalvəlʔə-k, ilyə-lʁu-nʼaq

быть-IPFV стадо-LOC белый-лицо-AUGM.NOM.SG

naqam *yənun* *ənkət* *rənnə-lʔə-n,* *ŋanin*
 только половина так рог-ATR-NOM.SG этот.NOM.SG
a-nmə-ka *ta-ntə-la-ŋə-tki* *yematʔa*
PRED-убить-PRED FUT-сделать-PLUR-FUT-2NSG/3P может
ya-syis *wuttin* *turyin* *ŋavakək.*
 PF-прийти.в.себя этот.3SG ваш.3SG дочь.NOM.SG
 ‘Тут у вас в стаде находится олень, белоголовый бык, только
 наполовину рогатый, его убейте (= вам следует его убить),
 может быть, придет в себя ваша дочь’ [ЯиФА Т29:48].

Поэтому для принятия решения о собственной аспектуальной характеристике отглагольного предикатива необходимо было бы рассмотреть контексты, в которых отглагольный предикатив не выражает отрицательной полярности или ирреальных значений. Если в чукотском языке эта форма используется только в отрицательных конструкциях, то в алюторском языке она изредка встречается и при положительной полярности, в реальных контекстах. Здесь она, в отличие от отрицательных и дезидеративных контекстов, явно предпочитает стативные предикаты ‘хочу пить’, ‘холодно’ и др.:

- (123) алюторский: отглагольный предикатив (статив в положительной полярности)
ən'n'iw-ətək *tə-ralqivə-sqivə-k,* *ətt-u*
 дядя-LOC.NSG 1SG-войти-ANDAT-1SG.AOR они-NOM.PL
quli-ra-ŋqal *il-la-tkə-t,*
 другой-дом-сторона **быть-PLUR-IPFV-3NSG**
a-jəmtʔə-tʔə-ka *məri.*
PRED-быть.испуганным-PRED потому.что
 ‘Я пошла к дядьям, они находились в другой части дома,
 потому что была испугана’ [ЯиФА Т31:1].

Единственный надежный алюторский пример, в котором форма отглагольного предикатива образована не от статива, остается достаточно близким к семантике состояния — неагентивный неопределенный процесс:

- (124) алюторский: отглагольный предикатив (неопределенный процесс в положительной полярности)
taraŋ-i *titkəmsəsʔə-n,* *aktəka*
 ставить.юрту-3SG.AOR Титкемесен-NOM.SG невозможно

un'un'i   *nə-pila-nin,*   *nuta-ŋ*
ребенок.NOM.SG   3.A.JUSS-оставить-3SG/SG.P   тундра-DAT
aktəka   *nə-lqətə-n,*   *a-tirŋə-ka.*
невозможно   3.JUSS-идти-3SG   **PRED-плакать-PRED**
'Титкымсысын построил дом, не может оставить ребенка,
не может в тундру пойти — {тот} плачет' [ЯиФА Т7:48].

Таким образом, вслед за [ЯиФА 222], мы характеризуем отглагольный предикатив как стативный показатель, или, в терминах более традиционной грамматики [Жукова 1972: 166] — форму состояния. К отрицательным и ирреальным контекстам она тяготеет потому, что отрицательная полярность и компонент желания стативизирует ситуацию в целом². При этом в отрицании, как и в других зонах ирреалиса, мы наблюдаем нейтрализацию аспектуальных контрастов.

5. Заключение

Мы рассмотрели формы, составляющие ядро видовременной системы чукотско-камчатских языков. Эти формы противопоставлены, во-первых, по морфологическому признаку личности ~ адъективности. Первые используют специальные глагольные согласовательные показатели, вторые — структурно (но необязательно формально) тождественны адъективам. И личные, и адъективные формы противопоставлены по перфективности ~ имперфективности, однако в личных формах перфектив немаркирован, а имперфектив выражается особым суффиксом, в то время как у адъективных форм аспектуальные граммемы выражаются самим «адъективным» циркумфиксом.

Эти два противопоставления составляют систему из четырех форм. Однако в корякском старой личной имперфективной (т. е. суффиксальной) форме дополнительно противопоставлена новая, циркумфиксальная, причем последняя употребляется в реальных, а старая, суффиксальная — в ирреальных контекстах. При этом адъективная имперфективная форма в корякском и в

---

² В этой связи можно было бы предположить, что отрицательная и положительная интерпретация формы коррелирует с акциональным классом соответствующего глагола; эта гипотеза требует проверки.

алюторском употребляется достаточно редко и не входит в ядро глагольной парадигмы.

Ниже мы воспроизводим Таблицу 1 как Таблицу 3, на этот раз приводя не только традиционные наименования глагольных форм, но и названия типологических категорий, которые мы присваиваем этим формам на основании предложенного выше анализа.

Как видно из этого варианта таблицы, не все формы, которые характеризуются одинаковым положением в структуре глагольной парадигмы, тождественны функционально. Наиболее устойчива система перфективных форм. Хотя в целом она достаточно типична (противопоставление аориста и перфекта, возможная корреляция перфекта с категорией эвиденциальности), она обладает рядом нетривиальных общих черт, в частности, специальными дискурсивными употреблениями перфекта.

Система имперфективных форм, напротив, подверглась серьезным изменениям. Эти изменения обобщены в Схеме 1, отражающей временную референцию базовых имперфективных показателей (для наглядности сфера употребления когнатного суффикса имперфектива $-rkə(n)/-tkə(n)/-jkə(n)$ специально выделена):

Схема 1

**Временная соотнесенность показателей имперфектива
в чукотско-камчатских языках**

	прошлое	настоящее	будущее (ирреалис)
чукотский	$nə-qin$	$-rkən$	∅
алюторский		$-tkən$	∅
корякский	$k-η$		$-jkən$ ∅

Историю сдвигов, приведших к этим расхождениям, можно реконструировать лишь с большой долей условности.

Диахроническая исходность чукотской системы представляется в целом маловероятной. Имперфективная адъективная форма, являющаяся в чукотском основным показателем импер-

Таблица 3

**Опорные глагольные формы с традиционными ярлыками
и аспектуальной интерпретацией**

чукотский		алюторский		корякский	
ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ	ЛИЧНЫЕ	АДЪЕКТИВНЫЕ
«аорист» [ø]	«перфект» <i>ye-lin</i>	«перфективная основа» [ø]	«результатив» <i>ya-lin</i>	«прошедшее I» [ø]	«прошедшее II неочевидное» <i>ya-lin</i>
«аорист» <i>-rkən</i> ПРЕЗЕНС	«имперфект» <i>nə-qin</i> ИМПЕРФЕКТИВ	«имперфективная основа» <i>-tkən</i> ИМПЕРФЕКТИВ	«отглагольное прилагательное» <i>nə-qin</i> КВАЛИТАТИВ?	«настоящее» <i>k-ŋ</i> ИМПЕРФЕКТИВ РЕАЛИСА vs. «проблематичные» будущее II и наклонения <i>-jkən</i> ИМПЕРФЕКТИВ ИРРЕАЛИСА	«прилагательное» <i>nə-qin</i> КВАЛИТАТИВ

фектива, по-видимому, развивалась именно на основе предикативных адъективных контекстов, так как ее использование для оформления качественных прилагательных в предикативной позиции — функция, сохранившаяся во всех языках семьи и согласующаяся с периферийными глагольными функциями этой формы в алюторском и в корякском (квалитатив). Следовательно, можно предложить ее экспансию из показателя квалитатива (периферийного в корякском и алюторском по крайней мере на современном этапе развития этих языковых систем) в полноценный показатель имперфектива. Обратное развитие, с вытеснением в корякском и алюторском языках выражения исконно адъективного имперфектива личной морфологией и сохранением реликтовых отглагольных употреблений представляется маловероятным, так как предполагает расширение презентного показателя (как в современном чукотском) до обобщенного имперфективного значения (как в современном алюторском), с одновременным вытеснением этого же показателя из презенса в ирреалис в корякском.

Если предположить, таким образом, что показатель имперфектива исходно мог иметь референцию как к прошлому, так и к настоящему, встает вопрос о генезисе корякской системы. Использование показателя в формах ирреалиса, пусть редкое, надо, по-видимому, считать относительно ранним свойством системы, возможно, восходящим еще к праязыковому состоянию, так как независимое распространение имперфектива из зоны реалиса в зону ирреалиса (использование скорее второстепенное, но зафиксированное во всех трех языках) маловероятно. Его функцию в ирреальных формах, где он не является обязательным, надо дополнительно исследовать.

Таким образом, именно современная алюторская система имеет все шансы быть похожей на исконную. Если это так, то чукотская система развилась путем экспансии показателя, выражающего свойство или характеристику субъекта (квалитатив), постепенно забиравшего имперфективные функции и сужавшего показатель имперфектива до зоны настоящего времени. Корякская система развилась путем замещения исконного имперфектива в реальных формах новым показателем, так что старый показатель сохранился только в тех формах, для которых он, возможно, никогда и не был особенно характерен — в зоне ирреалиса.

Эти сдвиги привели не только к формальным, но и к существенным системным расхождениям между тремя родственными языками.

Об алюторской системе можно сказать, что время в ней грамматикализовано относительно слабо, и лишь на границе модальной системы обнаруживается показатель будущего времени, который по ряду параметров удобно, наряду с другими косвенными наклонениями, интерпретировать как категорию зоны ирреалиса.

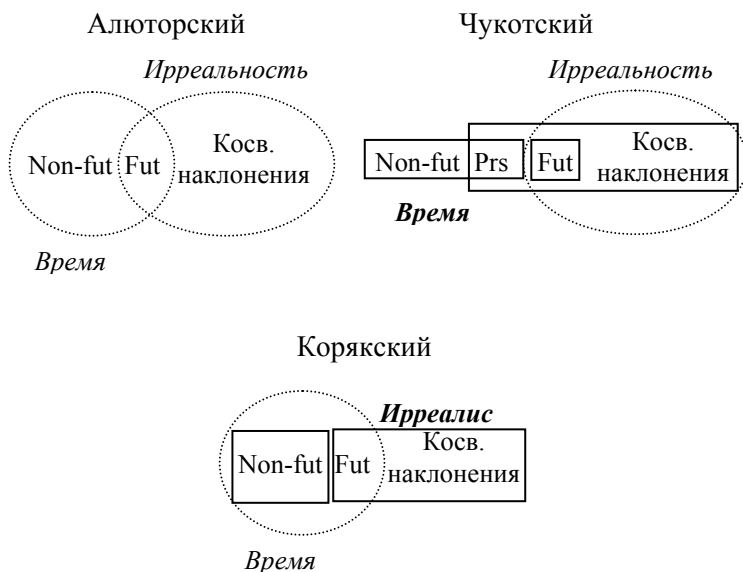
В корякском языке та же категория ирреалиса, также содержащая граммему будущего времени, уже вполне однозначно поддержана формально — в реалисе и ирреалисе используются различные показатели имперфектива.

В чукотском языке категория ирреалиса выражена не так явно, как в корякском, зато началось оформление трехчленного противопоставления по времени — правда, референция к настоящему и будущему пока не полностью размежевана: адъективная форма, противопоставленная личной форме настоящего времени, является формой небудущего времени и может, как и форма настоящего времени, быть соотнесенной с планом настоящего, а показатель презенса, хотя и относительно редко, но сочетается с показателем будущего и косвенных модальностей в значении имперфектива.

В целом на архаичность опять же претендует алюторская система — исходя из алюторской ситуации, где наличествует и категория будущего времени, и категория ирреалиса, но обе еще не вполне грамматикализованы, легко объяснить и чукотские, и корякские данные: первый язык сделал ставку на грамматикализацию времени, а второй — на грамматикализацию ирреалиса.

Несмотря на различия в использовании форм и показателей, немаркированными в этих системах являются одни и те же категории — граммемы перфективности, небудущего времени и реалиса — то есть форма аориста. Единственный фрагмент системы, в котором перфективность оказывается маркирована — это некоторые лично-числовые показатели, различающиеся в имперфективных и перфективных формах, однако выражение перфективности в согласовании не вполне последовательно и требует дополнительного изучения.

**Структурные различия в системе имперфектива
в чукотско-камчатских языках**

Поэтому симметричность противопоставления перфективных и имперфективных форм в Таблице 3 — абсолютная условность. Противопоставление эквиполентно только в системе чукотских адъективных форм, которые, обладая различными аспектуальными значениями, образуются по различным адъективным моделям. Но даже здесь формы не противопоставлены друг другу, конкурируя в зоне презенса. У адъективных форм в других языках картина также смазана, поскольку имперфективная адъективная форма в корякском и алюторском языках употребляется редко.

У личных форм противопоставлены чистая основа и форма с имперфективным суффиксом (который в чукотском имеет значение презенса или имперфектива ирреалиса, а в корякском — только имперфектива ирреалиса). Считать, вслед за интерпретацией ЯиФА алюторских данных, что речь идет о противопоставлении двух основ, немаркированной перфективной и суффиксальной имперфективной, с позиций внутригенетической типологии оказывается еще сложнее, чем даже оставаясь в рамках

алюторского языка. Общечукотскокамчатский имперфективный показатель имеет разную дистрибуцию в разных языках семьи и не является обязательным компонентом всех имперфективных форм, как ожидалось бы от маркера имперфективной основы — даже в алюторском языке, где он шире всего распространен, он относительно редко сочетается с будущим временем и косвенными модальностями и хотя и возможен, но, по-видимому, не обязателен для ирреальных форм в имперфективном значении.

Таблица 4

Взаимодействие между категориями аспекта и реальности

	реалис	ирреалис
перфектив	∅	∅
имперфектив	суффикс	
		[суффикс]

По этим соображениям более оправданной представляется точка зрения, отраженная в Таблице 4. Выражение имперфективности у реальных и ирреальных форм не только может осуществляться разными средствами (корякский), но и в разной степени обязательно во всех трех языках. Сама исходная основа является аспектуально немаркированной, но, в отсутствие аффиксов вида и ирреальности, получает перфективную интерпретацию так же, как это происходит с модальными и временными категориями, где дефолтным значением являются категории из зоны реалиса (небудущее время индикатива).

Из финитных форм вне описанной системы противопоставлений лежит лишь отглагольный предикатив (форма состояния, отрицательная форма) на *a-ka*. Аспектуально эту форму можно охарактеризовать как показатель статива, так как в тех редких случаях, когда она употребляется в положительной полярности, она сочетается в первую очередь со стативными глаголами. Основной, а для чукотского — единственной функцией этой формы является выражение отрицательной полярности, как в сочетании с лексическими показателями отрицания так и (реже) самостоятельно, где форма статива по-видимому выражает состояние отсутствия события в реальном мире.

Исследование осуществлено при поддержке гранта National Science Foundation 0553546 «Пять языков Евразии» и программы президиума РАН «Корпусная лингвистика», в рамках которых финансируется работа над корпусом аллоторского языка, а также гранта РГНФ 08-04-00167а «Редкие и уникальные явления в языках РФ, находящихся под угрозой исчезновения».

Сокращения

A — Агенс; ABL — аблатив; ADJ — прилагательное; ADV — наречие; ALL — аллатив; ANDAT — андатив; AOR — аорист; ATR — атрибутив; AUX — вспомогательный глагол; CAUS — каузатив; CAUSAL — каузал (падеж); COMIT — комитатив; CONJ — конъюнктив; CVB — конверб; DAT — датив; DEICT — дейктический элемент; DESID — дезидератив; DU — двойственное число; EMPH — эмфатическая частица; EQUAT — экватив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; HORT — гортатив; IMP — императив (личная форма); IMP1 — императив (неличная форма); IN — ин(ессив); INCH — инхоатив; INF — инфинитив; INTJ — междометие; INTS — интенсификатор; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; ITER — итератив; JUSS — юссив; LAT — латив; LOC — локатив; NOM — номинатив; NSG — неединственное число; OPT — оптатив; ORD — порядковое числительное; P — Пациенс; PF — перфект; PL — множественное число; LOW.A — показатель иерархически низкого агенса; MULT — мультипликатив; NEG — отрицание; PLUR — плюрализатор; PLUR.S — мультисубъектность (объектность); PRED — предикатив; PTCL — частица; QUAL — квалитатив; REL — относительное прилагательное; SG — единственное число; SUP — супин; VBLZ — вербализатор; / — показатель комбинации Агенса и Пациенса (например, 3Sg/3Pl); 1, 2, 3 — показатели лица

Литература

- Беликов 1979 — Л. В. Беликов (ред.). Лымн'ылтэ: чукотские народные сказки и предания. Магадан: Кн. Изд-во, 1979.
- Володин 1992 — А. П. Володин. Императив в керекском языке // В. С. Храковский (ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 98–106.
- Володин 1997a — А. П. Володин. Ительменский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 60–71.
- Володин 1997b — А. П. Володин. Чукотско-камчатские языки // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 12–22.

- Володин, Скорик 1997 — А. П. Володин, П. Я. Скорик. Чукотский язык // Языки мира. Палеоазиатские языки. М.: Индрик, 1997. С. 23–39.
- Жукова 1972 — А. Н. Жукова. Грамматика корякского языка. Фонетика. Морфология. СПб.: Наука, 1972.
- Жукова 1988 — А. Н. Жукова. Материалы и исследования по корякскому языку. СПб.: Наука, 1988.
- Кибрик 1997 — А. Е. Кибрик. Иерархии, роли, маркированность и «аномальная» упаковка грамматической семантики // Вопросы языкознания 4, 1997. С. 25–53.
- Кибрик 2003 — А. Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб.: Алетейя, 2003.
- Ландер и др. 2004 — Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики, вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004.
- Майсак, Татевосов 2000 — Т. А. Майсак, С. Г. Татевосов. Пространство говорящего в категориях грамматики, или Чего нельзя сказать о самом себе // Вопросы языкознания 5, 2000. С. 68–80.
- Мальцева 1998 — А. А. Мальцева. Морфология глагола в алюторском языке. Новосибирск: Сибирский хронограф, 1998.
- Молл 1960 — Т. А. Молл. Краткий очерк грамматики корякского языка // Корякско-русский словарь. СПб.: Учпедгиз, 1960.
- Муравьева 1994 — И. А. Муравьева. О семантике инкорпорации в связи с определенностью и референтностью // В. И. Беликов, Е. В. Муравенко, Н. В. Перцов (ред.). Знак: сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. М.: Русский учебный центр МС, 1994. С. 191–202.
- Недялков 1979 — В. П. Недялков. Заметки о чукотских видо-временных формах: количественные характеристики // Лингвистические исследования Института языкознания АН СССР. М., 1979. С. 158–164.
- Недялков и др. 1984 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, И. В. Недялков, В. Г. Рахтилин. Значение и употребление чукотских видо-временных форм // Теория грамматического значения и аспектологические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 200–260.
- Недялков и др. 1983 — В. П. Недялков, П. И. Инэнликей, В. Г. Рахтилин. Результатив и перфект в чукотском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций. Результатив, стив, пассив, перфект. Л.: Наука, 1983. С. 101–108.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. Грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Пупынина 2012 — М. Ю. Пупынина. Способы выражения отрицания в чукотском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН. СПб., 2012.

- Скорик 1977 — П. Я. Скорик. Грамматика чукотского языка. Ч. 2. Л.: АН СССР, 1977.
- Храковский, Володин 1986 — В. С. Храковский, А. П. Володин. Семантика и типология императива: русский императив. Л.: Наука, 1986.
- ЯиФА — А. Е. Кибрик, С. В. Кодзасов, И. А. Муравьева. Язык и фольклор аллюторцев. М.: ИМЛИ РАН, 2000.
- Ятгыргын (ред.) 1963 — В. В. Ятгыргын (ред.). Лымнылтэ эйгысқыкин / Сказки севера. Магадан: Кн. Изд-во, 1963.
- Comrie 1980 — B. Comrie. Inverse verb forms in Siberia: evidence from Chukchee, Koryak, and Kamchadal' // *Folia Linguistica Historica* 1. P. 61–74.
- Comrie 1979 — B. Comrie. Degrees of Ergativity: Some Chukchee evidence // F. Plank (ed.). *Ergativity*. New York: Academic Press, 1979. P. 219–240.
- Dunn 1999 — M. Dunn. A Grammar of Chukchi. Ph. D. Diss., Australian National University
- Kampfe, Volodin 1995 — H.-R. Kampfe, A. P. Volodin. Abriss der tschuktschischen Grammatik auf der Basis der Schriftsprache. Harrassowitz, 1995.
- Kurebito (ed.) 2004 — T. Kurebito (ed.). Chukchi Folktales I. Chukotka Studies Committee. Japan, 2004.
- Mel'čuk 1986 — I. A. Mel'čuk. The dualizer and Pluralizers in the Alutor verb // B. Elson (ed.). *Language in global perspective*. Dallas, TX: Summer Institute of Linguistics, 1986. P. 421–488.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // *Chronos* 22, 2011. P. 65–84.
- van der Auwera et al. 2005 — J. van der Auwera, N. Dobrushina, V. Goussev. Imperative-Hortative systems // M. Haspelmath, M. Dryer, D. Gil, B. Comrie (eds.). *World Atlas of Language Structures*. Oxford: Oxford University Press, 2005. P. 294–297.
- van der Auwera, Malchukov, Schalley 2009 — J. van der Auwera, A. Malchukov, E. Schalley. Thoughts on (im)perfective imperatives // J. Helmbrecht, Y. Nishina, Y.-M. Shin, S. Skopeteas & E. Verhoeven (eds.). *Form and Function in Language Research. Papers in Honour of Christian Lehmann*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 93–106.

Е. Ю. Груздева

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ КЛАССЫ ГЛАГОЛОВ В НИВХСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Введение

Нивхский язык принадлежит к группе палеоазиатских языков и подразделяется на несколько диалектов, среди которых наиболее крупными являются амурский (ам.) и восточно-сахалинский (в.-с.) диалекты. По своей структуре нивхский язык является полисинтетическим номинативным языком с элементами аналитизма. Порядок слов SOV. Полисинтетический комплекс образуется по следующим основным моделям: определение—определяемое, прямое дополнение—глагол.

Аспектуальная система нивхского глагола представляет собой достаточно сложную и малоисследованную область нивхской грамматики, которая охватывает различные компоненты качественной аспектуальности, характеризующей ситуацию с точки зрения ее внутренней структуры или протекания во времени, количественной аспектуальности, характеризующую ситуацию с точки зрения ее повторяемости, а также фазовости (если рассматривать фазовость за пределами аспектуальных значений).

В истории нивхского языкознания аспектуальные значения рассматривались обычно в рамках категории вида или способов действия. Исследователи выделяли несовершенный или интенсивный вид [Штернберг 1900], вид законченного, многократного, обычного и длительного действия [Панфилов 1965], однократный, многократный, исчерпывающий, неполный, ограничительный, уменьшительный, обычный, интенсивный, длительный и мгновенный способы действия [Крейнович 1979]. Анализируя семантику качественных глаголов, Г. А. Отаина разграничивала вид сохранения качества, обычности действия, становления качества, а также формы выражения усиления и ослабления качества [Отаина 1978].

В работах [Недялков, Отаина 1983, 1988, 2011] аспектуальные характеристики глаголов рассматривались под углом зрения

их взаимодействия с категориями результата и континуатива. Краткая характеристика нивхских аспектуальных маркеров и передаваемых ими значений была представлена в работах [Gruzdeva 1998; Mattissen 2003].

Отдельные аспектуальные классы глаголов, как правило, эксплицитно не выделялись, хотя во многих работах, естественно, обращалось внимание на семантические характеристики глаголов, связанные с аспектуальностью. При этом исследователи оперировали в первую очередь такими традиционными понятиями, как «длительность» («незаконченность», «незавершенность») и «недлительность» («законченность», «завершенность»).

Под несколько иным углом зрения анализ аспектуальной семантики глаголов был проведен в работах, посвященных зависимому таксису в нивхском языке. Так, в статье [Недялков, Отаина 1987] при установлении дифференциальных признаков деепричастий были использованы такие понятия, как «имперфективность» и «перфективность». Кроме того, в той же работе были выделены три типа аспектуальных ситуаций, а именно ‘процесс’, ‘факт’ и ‘серия’, и показаны (в достаточно обобщенном виде) возможности их соотношения в рамках «аспектуально-таксисной ситуации».

Идея сопоставления аспектуальных характеристик ситуаций, выражаемых независимой и зависимой глагольными словоформами при описании различных типов таксисных отношений, была в дальнейшем развита в диссертации [Груздева 1995], посвященной таксисным отношениям во временных полипредикативных конструкциях нивхского языка. В работе были, в частности, выделены три аспектуальных класса ситуаций, а именно ‘состояние’, ‘процесс’ и ‘событие’, и показана зависимость между аспектуальными характеристиками описываемых в предложении ситуаций и фиксируемых между этими ситуациями типом таксисных отношений. Кроме того, было показано, что аспектуальная характеристика конкретной глагольной словоформы определяется, во-первых, лексическим значением глагольной основы и, во-вторых, взаимодействием последней с грамматическими маркерами аспектуальности, которые могут вносить изменения в исходное глагольное значение.

Данное представление о механизме нивхской аспектуальной системы послужило основой для анализа аспектуальной се-

мантики нивхских глаголов, проведенного в настоящем исследовании. В статье предлагается разбиение глаголов на десять аспектуальных классов, исследуются значения глагольных словоформ в различных языковых контекстах и анализируется взаимодействие глаголов, относящихся к различным классам, с показателями прогрессива, комплетива, континуатива и результата. Эти показатели относятся к базовым морфосинтаксическим средствам, служащим для передачи различных аспектуальных и фазовых значений, которые обычно относят к качественной аспектуальности. Объектом настоящего исследования являются нивхские финитные глагольные формы. За рамками исследования остаются средства выражения количественной аспектуальности, а именно глагольной множественности¹ и отчасти интенсивности, а также средства выражения аспектуальных значений, которые употребляются только в нефинитных глагольных формах.

1. Наклонение, время и аспект в нивхском языке

Структура нивхской глагольной словоформы может быть представлена следующим образом:

ОБЪЕКТ-КОРЕНЬ-ТРАНЗИТИВНОСТЬ-АСПЕКТ-КАУЗАТИВНОСТЬ-
АСПЕКТ/ВРЕМЯ-МОДАЛЬНОСТЬ-НАКЛОНЕНИЕ-ЧИСЛО-ФОКУС

Минимальная глагольная словоформа включает в качестве обязательных компонентов корень и показатель наклонения. Индикатив маркируется суффиксом ам. *-d/-t*, в.-с. *-d/-nd/-nt*, ср. *p 'rə-d* 'приходит / пришла' в (1) и *ra-d* 'пью / пил' в (2):

- (1) *Qan*   *p 'rə-d*.
собака[SG.NOM]   **прийти-IND[SG]**
'Собака приходит / пришла'. (ам.)
- (2) *Ñi*   *ra-d*.
я[NOM]   **пить-IND[SG]**
'Я пью / пил'. (в.-с.)

Различается небудущее (немаркированное) время, ср. *p 'rə-d* 'приходит / пришла' в (1) и *ra-d* 'пью / пил' в (2), и будущее вре-

---

¹ Выражению глагольной множественности в нивхском языке посвящена статья [Gruzdeva 1997].

мя, которое маркируется суффиксами ам. *-nə-*, в.-с. *-i-*, ср. *p'ra-nə-d* 'придет' в (3) и *ra-i-d* 'буду пить' в (4):

- (3) *Qan* *p'ra-nə-d*
 собака[SG.NOM] **прийти-FUT-IND[SG]**
 'Собака придет'. (ам.)
- (4) *Ñi* *ra-i-d*
 я[NOM] **пить-FUT-IND[SG]**
 'Я буду пить'. (в.-с.)

Класс прилагательных в нивхском языке отсутствует. Значение признака или качества выражается качественными глаголами типа 'быть красивым', 'быть большим' и т. п. (см. раздел 2.1), которые по своим морфосинтаксическим свойствам в основном совпадают с некачественными глаголами².

Почти все нивхские глаголы, за редким исключением, не будучи оформленными аспектуальными показателями, являются нейтральными по отношению к аспектуальным значениям, что дало возможность В. З. Панфилову выделить «общий», или «нейтральный», вид [Панфилов 1965: 66]. В данном случае под «нейтральностью» понимается в первую очередь способность нивхского глагола употребляться без аспектуального показателя даже в тех случаях, когда необходимость выражения того или иного аспектуального значения представляется теоретически совершенно очевидным. Такая ситуация довольно часто наблюдается в фольклорных текстах, в которых конкретное аспектуальное значение может выражаться исключительно посредством лексического контекста. Глагольная форма оформляется аспектуальными показателями только в тех случаях, когда говорящему по каким-то причинам нужно специально выделить или подчеркнуть то или иное аспектуальное значение [Панфилов 1965: 66]. Таким образом, показатели аспектуальности в нивхском языке не являются обязательными, и их употребление зависит от прагматических целей высказывания.

Одна из особенностей нивхской аспектуальной системы состоит в том, что некоторые глаголы могут быть одновременно

² В нивхском языке отсутствуют также относительные и притяжательные прилагательные — соответствующие отношения выражаются именами существительными в позиции определения [Панфилов 1962: 128].

оформлены двумя показателями аспектуальности, благодаря чему становится возможной бóльшая конкретизация особенностей протекания ситуации. В настоящей статье глагольные формы, включающие только один аспектуальный показатель, называются простыми аспектуальными формами (см. раздел 3), а глагольные формы, включающие два аспектуальных показателя, — соответственно сложными аспектуальными формами (см. раздел 4).

Основные грамматические маркеры качественной аспектуальности и передаваемые ими значения представлены в табл. 1.

Таблица 1

Основные грамматические маркеры качественной аспектуальности в нивхских диалектах

ам.	в.-с.	Аспектуальное значение
<i>-ivu/-ivi-</i>	<i>-ivu/-ifu-</i>	прогрессив / инхоатив
<i>-γət/-kət-</i>	<i>-var/-χar-</i>	комплетив / интенсив
<i>-γəta/-kəta-</i>	<i>-var/-χar-</i>	результатив
<i>-r/-t hum-</i>	<i>-ř/-t/-n hunv-/hunm-</i>	континуатив / результатив

Суффикс ам. *-ivu/-ivi-*, в.-с. *-ivu/-ifu-* (далее — суффикс прогрессива) в зависимости от класса глагола может передавать либо значение прогрессива, характеризующее ситуацию как находящуюся в процессе развития во времени, либо инхоативное (начинательное) значение (см. раздел 3.1). Суффикс может быть употреблен в составе глагольной словоформы дважды, образуя сложную прогрессивно-прогрессивную форму (см. раздел 4.1) или же может входить в состав сложных комплетивно-прогрессивной (см. раздел 4.2) и прогрессивно-континуативной форм (см. раздел 4.3).

В амурском диалекте суффикс *-γət/-kət-* (далее — суффикс комплетива) передает либо комплетивное значение, характеризующее ситуацию как завершённую, либо интенсивное значение, либо значение тотального охвата ситуацией всех ее участников (см. раздел 3.2). Суффикс может также употребляться в составе сложных комплетивно-прогрессивной (см. раздел 4.2) и комплетивно-континуативной (см. раздел 4.4) форм.

В амурском диалекте есть также специализированный суффикс результатива *-γəta/-kəta-*, который может употребляться

либо самостоятельно (см. раздел 3.3), либо в составе сложной результативно-континуативной формы (см. раздел 4.5). По своей морфологической структуре суффикс результататива явным образом связан с суффиксом комплетива³.

В восточно-сахалинском диалекте существует только один суффикс *-bar/-χar-* (далее — суффикс комплетива / результататива), который используется для передачи как комплетивного / тотального значения (см. раздел 3.2), так и результативного значения (см. раздел 3.3). Суффикс может употребляться в составе сложных комплетивно-прогрессивной (см. раздел 4.2), комплетивно-континуативной (см. раздел 4.4) и результативно-континуативной (см. раздел 4.5) форм.

Аналитическая форма ам. *-r/-t hum-*, в.-с. *-ř/-t/-n hunv-/hunm-* (далее — форма континуатива), включающая нефинитную форму смыслового глагола в виде деепричастия образа действия и служебный глагол со значением ‘находиться’, маркирует континуативное значение, характеризующее ситуацию как длительную, но не развивающуюся во времени (см. раздел 3.4). Континуативная форма участвует в образовании трех сложных аспектуальных форм, а именно прогрессивно-континуативной формы (см. раздел 4.3), комплетивно-континуативной формы (см. раздел 4.4) и результативно-континуативной формы (см. раздел 4.5).

В структуре нивхской глагольной словоформы суффиксальные средства выражения качественной аспектуальности занимают позицию, следующую за показателем транзитива, либо — в случае отсутствия последнего — присоединяются непосредственно к корню. В том случае, если глагольная форма содержит также такие показатели количественной аспектуальности, как суффиксы хабитуалиса, диминутива или аугментатива, последние присоединяются к транзитивизатору или непосредственно к корню, а показатели качественной аспектуальности следуют за ними.

³ В работе [Недялков, Отаина 1983: 81] отмечается, что суффикс *-γata/-kəta-* представляет собой, скорее всего, контаминацию суффикса завершенности (= комплетива. — *Е. Г.*) и суффикса сопутствующей континуативности. Остается, правда, не совсем ясным, что авторы понимают под «суффиксом сопутствующей континуативности».

2. Классы глаголов и их исходные аспектуальные значения

По своей аспектуальной характеристике глаголы, как известно, могут подразделяться на различное число классов. Для составления классификации нивхских глаголов, во-первых, была проанализирована семантика глагольных форм в различных языковых контекстах и, во-вторых, было проведено тестирование глагольных форм на их взаимодействие с аспектуальными показателями прогрессива, комплетива, результатива и континуатива, которые могут актуализировать, модифицировать или трансформировать исходные аспектуальные глагольные характеристики.

Под «актуализацией» понимается выдвижение на первый план одного из исходных значений у многозначных в плане аспектуальности глаголов. О «модификации» идет речь в том случае, когда глагол при присоединении того или иного аспектуального показателя сохраняет исходное аспектуальное значение, однако показатель привносит в него новые семантические оттенки, например указывает на более интенсивную или длительную ситуацию. Наконец, «трансформация» происходит в тех случаях, когда глагол меняет исходное аспектуальное значение и начинает выражать новую аспектуальную ситуацию.

В результате проведенного исследования было получено подразделение нивхских глаголов на четыре макрокласса, в составе которых выделяется десять классов:

1. Качественные глаголы:
  - (i) качественные глаголы,
  - (ii) качественно-стативные глаголы,
  - (iii) качественно-инцептивные глаголы.
2. Стативные глаголы:
  - (i) стативные глаголы,
  - (ii) инцептивно-стативные глаголы.
3. Процессивные глаголы:
  - (i) процессивные глаголы,
  - (ii) процессивно-терминативные глаголы,
  - (iii) терминативно-процессивные глаголы,
  - (iv) ингрессивно-процессивные глаголы.
4. Событийные глаголы:
  - (i) моментальные глаголы.

Для глаголов, относящихся к классам собственно качественных, стативных, процессивных и моментальных глаголов, характерно только одно исходное аспектуальное значение.

Глаголы, входящие в другие классы, а именно качественно-стативные, качественно-инцептивные, инцептивно-стативные, процессивно-терминативные, терминативно-процессивные и ингрессивно-процессивные глаголы, допускают по два аспектуальных значения, одно из которых можно считать первичным, а другое — вторичным⁴.

При определении статуса (первичное vs. вторичное) того или иного аспектуального значения принимались во внимание следующие факторы: (а) наиболее частотная интерпретация значения, предлагаемая носителями языка для той или иной глагольной формы вне контекста или в нейтральном лексико-грамматическом контексте; (б) возможные интерпретации значения в однозначных лексико-грамматических контекстах; (в) возможность актуализации того или иного значения с помощью аспектуальных показателей.

Первичное значение является наиболее частотным вне контекста и в нейтральном контексте, а также встречается в однозначном контексте. Вторичное значение проявляется в основном в однозначных контекстах. Что касается возможности актуализации конкретного значения у глаголов со сложной аспектуальной семантикой, то предполагается, что такая актуализация характерна прежде всего для вторичного значения. Первичное значение приписывается глаголу «по умолчанию», а если и актуализируется, то с добавлением каких-либо новых семантических коннотаций. Впрочем, как будет показано ниже, в отдельных случаях может происходить актуализация первичного значения и в «чистом виде».

В разделах 2.1–2.10 последовательно рассматриваются аспектуальные классы глаголов и их исходные аспектуальные значения. При описании значений глагольных форм используются различные аспектуальные характеристики, часть из которых представлена в работе [Татевосов 2010].

2.1. Качественные глаголы

Данные глаголы описывают постоянные качества или свойства лиц, предметов и явлений. Ситуации, выражаемые данными

---

⁴ В морфологической строке указывается только первичное значение глаголов.

глаголами, не занимают какого-либо определенного местоположения на оси времени и являются, таким образом, вневременными. Качество может быть либо ингерентным, либо приобретенным в ходе некоторого предшествующего процесса.

Глаголы этого класса⁵ могут обозначать: (а) физические и психические особенности человека, ср. ам., в.-с. *poʃur-* ‘быть красивым’, ам., в.-с. *tʼaŋr-* ‘быть ловким’, ам., в.-с. *vesqar-* ‘быть сильным’, ам. *turur-*, в.-с. *turŋur-* ‘быть стройным’, ам. *fizu-*, в.-с. *fi-* ‘быть щедрым’, ам., в.-с. *kʼə-* ‘быть искусным’, ам., в.-с. *hiula-* ‘быть удачливым’, ам., в.-с. *ur-* ‘быть хорошим’, в.-с. *ʃalqamaɣ-* ‘быть лживым’; (б) цвет, величину, форму протяженность и другие физические свойства предметов, ср. ам., в.-с. *qalyala-* ‘быть белым’, ам., в.-с. *ver-* ‘быть широким’, ам., в.-с. *kəl-* ‘быть длинным’, ам. *nok-*, в.-с. *nosk-* ‘быть тонким, узким’, ам., в.-с. *veu-* ‘быть глубоким’, ам., в.-с. *tuñ-* ‘быть острым’, ам., в.-с. *qʼav-* ‘быть горячим’, ам., в.-с. *teqa-* ‘быть крепким, прочным’, ам. *per-*, в.-с. *peř-* ‘быть тяжелым’; (в) качества пищи, ср. ам., в.-с. *hor-* ‘быть вкусным’, ам. *vaq-*, в.-с. *vaqvaq-* ‘быть кислым’, ам. *ñeñi-*, в.-с. *ñeñe-* ‘быть сладким’; (г) масти животных и их физические свойства, ср. ам. *tʼaŋ-*, в.-с. *tʼleula-* ‘быть белым’, ам., в.-с. *ʃʼavr-* ‘быть серым’, ам., в.-с. *lukluk-* ‘быть мохнатым’, ам., в.-с. *ŋar-* ‘быть жирным’, ам., в.-с. *ñta-* ‘быть пугливым’.

- (5) *Hə-ñivx-ɟus-ñi-vaɟ*
 тот-человек[SG.NOM]–мясо[SG.NOM]–есть-CONV:COND
ñi maŋgut vesqar-nə-ɟ-ra.
 я[NOM] крепко:1SG **быть.сильным-FUT-IND-FOC**
 ‘Если я мясо этого человека съем, очень сильным буду’
 (ам.) [Панфилов 1965: 228].

- (6) *Jaŋ kʼeq-vara-ř*
 он/а[NOM] лиса[SG.NOM]–походить-CONV:MAN:3SG
ʃalqamaɣ-d.
быть.лживым-IND[SG]
 ‘Он, как лиса, лживый’ (в.-с.) [ПМ 2000:7:30].

⁵ В работе [Отаина 1978: 17—21] приведен наиболее полный список качественных глаголов в амурском диалекте (381 глагол) и представлены их семантические и грамматические характеристики.

Часть качественных глаголов может употребляться как с субъектом, так и бессубъектно ⁶, ср. ам., в.-с. *q'av-* ‘быть горячим / горячо’, ам., в.-с. *řiv-* ‘быть холодным / холодно’, ам. *tək-*, в.-с. *tak-* ‘быть теплым / тепло’, ам., в.-с. *ma-* ‘быть близким / близко’, ам., в.-с. *t'ə-* ‘быть далеким / далеко’.

(7) а. *ṭ'əŋq* *q'av-d.*
печка[SG.NOM] **быть.горячим-IND[SG]**
‘Печка горячая’. (ам.)

б. *Nəx* *q'av-d.*
сегодня **быть.горячим-IND[SG]**
‘Сегодня жарко (букв. горячо)’. (ам.) [Отаина 1978: 15].

(8) а. *Tamk-xun* *tak-nt-yun.*
рука-PL[NOM] **быть.теплым-IND-PL**
‘Руки теплые’. (в.-с.)

б. *Tav-mi-x* *tak-nt.*
дом[SG]-внутри-ABL **быть.теплым-IND[SG]**
‘В доме тепло’. (в.-с.) [ПИМ 2000:7:92].

2.2. Качественно-стативные глаголы

Глаголы этого класса имеют одно из двух значений, а именно: 1) значение качества, 2) значение состояния. Различие между этими двумя значениями связано с временной локализованностью ситуации, описываемой глаголом. В случае (1) речь идет о нелокализованной во времени ситуации, а в случае (2) — о локализованной, ср. ам., в.-с. *qana-* ‘быть светлым / светлеть’, ам., в.-с. *keŋra-* ‘быть веселым / веселиться’, ам., в.-с. *um-* ‘быть злым / сердиться’, ам. *ř'omsomu-*, в.-с. *t'omřomu-* ‘быть молчаливым / молчать’, ам. *otom-*, в.-с. *otm-* ‘быть тесным / тесниться’, ам., в.-с. *ħa-* ‘быть горьким / горчить’.

(9) а. *Hu-ñiyvŋ* *keŋra-d.*
тот-человек[SG.NOM] **быть.веселым-IND[SG]**
‘Тот человек веселый’. (в.-с.) [ПИМ 2000:7:22].

⁶ В амурском диалекте нивхского языка зафиксировано 112 соответствующих глаголов [Отаина 1978].

б. *ṭ'-at* *nag-ř*
ты[NOM]-FOC продолжать-CONV:MAN:3SG
keṅra-ja!

быть.веселым-IMP:2SG

‘Ну, веселись, веселись (букв. продолжая, веселись)!’ (в.-с.)
[ПМ 2000:7:22].

(10) а. *Tu-daf* *ñin-doḥ* *otm-d.*
этот-дом[SG.NOM] мы:EXCL-DAT **быть.тесным-IND[SG]**
‘Этот дом нам тесен’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:79].

б. *Ñiyuṅ-gun* *řə-orr-ux* *otm-d-yun.*
человек-PL[NOM] дверь[SG]-возле-ABL **быть.тесным-IND-PL**
‘Люди возле двери теснятся’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:79].

2.3. Качественно-инцептивные глаголы

Данные глаголы имеют либо 1) значение качества, как правило, приобретенного в ходе предшествующего процесса, либо 2) значение приобретения качества. В последнем случае они указывают на завершившийся процесс, в результате которого данное качество было приобретено. Ср. ам., в.-с., *tuz-* ‘быть холодным / остыть’, ам., в.-с. *pil-* ‘быть большим / вырасти’, ам., в.-с. *k'e-* ‘быть худым / похудеть’, ам., в.-с. *ṅə-* ‘быть темным / стемнеть’, ам., в.-с. *polm-* ‘быть слепым / ослепнуть’, ам., в.-с. *q'or-* ‘быть богатым / разбогатеть’, ам. *ñizu-*, в.-с. *ñizṅjo-* ‘быть босым / разуться’, ам. *velaju-*, в.-с. *velajujo-* ‘быть нагим / раздеться догола’, ам. *həjm-*, в.-с. *həjm-* ‘быть старым / состариться’, ам., в.-с. *hoṅya-* ‘быть пустым / опустеть’.

(11) а. *Təṅs* *ṅə-ḍ.*
лампа[SG.NOM] **быть.темным-IND[SG]**
‘Лампа темная (слабая)’. (ам.)

б. *Egur* *ṅə-ḍ.*
быстро:3SG **быть.темным-IND[SG]**
‘Быстро стемнело’. (ам.) [Отаина 1978: 16]

(12) а. *Jaṅ* *q'or-katn-d.*
он/а[NOM] **быть.богатым-AUG-IND[SG]**
‘Он очень богатый’ (в.-с.) [ПМ 1991:5:21]

- б. *Ñi aĩ-ñā-qř q'or-d.*
 я[NOM] год[SG]–один-CL:генер. **быть.богатым-IND[SG]**
 ‘Я за один год разбогател’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:46]

2.4. Стативные глаголы

Эти глаголы описывают состояния, то есть локализованные во времени длительные неразвивающиеся ситуации, которые не являются результатом предшествующего процесса⁷. Все состояния, передаваемые такими глаголами, относятся к числу временных, однако, в отличие от состояний, обозначаемых инцептивно-стативными глаголами, не носят динамичный характер⁸.

Собственно стативных глаголов, которые не могут быть также употреблены в значении вхождения в состояние (ср. инцептивно-стативные глаголы), в нивхском языке сравнительно немного, и они в основном описывают психические, эмоциональные и физиологические состояния живых существ, ср. ам., в.-с. *e-zmu-/t'mo-/smo-* ‘радоваться, любить’, ам. *ñausork-*, в.-с. *ñausořk-* ‘тосковать’, в.-с. *таγο-* ‘любить’, ам. *j-oñzu-/oñzu-*, в.-с. *j-oñar-/oñar-* ‘жалеть’, ам. *viñ-* ‘сожалеть’, ам., в.-с. *t'iγr-* ‘мучиться’, ам. *k'ræu-*, в.-с. *saryo-* ‘отдыхать’, в.-с. *qoz-* ‘сердиться, злиться (на человека)’, ам., в.-с. *i-γlu-/k'lu-/xlu-* ‘бояться’, ам., в.-с. *qo-* ‘болеть’, ам., в.-с. *q'o-* ‘спать’.

- (13) *Ñi p'-ətək mangut*
 я[NOM] REFL-отец[SG.NOM] сильно:1SG
viñ-d-ra.
сожалеть-IND[SG]-FOC
 ‘Я своего отца сильно жалею (букв. о своем отце сильно сожалею)’. (ам.) [Панфилов 1965: 224].
- (14) *Ñi k'əmlə-fke tōγř qo-d.*
 я[NOM] думать-CONV:TEMP голова[SG.NOM] **болеть-IND[SG]**
 ‘Я долго думал, голова болит’. (в.-с.) [ПМ 1991:3:15].

⁷ Ср. понятия «естественное» и «вторичное» состояние в [Недялков, Яхонтов 1983: 6].

⁸ Ср. противопоставление «статичных» и «динамичных» состояний в [Bach 1986].

2.5. Инцептивно-стативные глаголы

Данные глаголы могут иметь одно из двух значений: 1) значение вхождения в состояние, т. е. завершившегося процесса, в результате которого возникло новое состояние, 2) значение состояния, образовавшегося в результате предшествующего процесса.

Поскольку вне однозначного контекста значение большинства глаголов данной группы интерпретируется как вхождение в состояние, это значение можно считать для них первичным. Значение состояния, которое можно считать вторичным для всех глаголов данного класса, наиболее часто фиксируется у амурских глагольных форм. В этом случае речь идет о динамичном состоянии.

Инцептивно-стативные глаголы⁹ включают: (а) глаголы со значением 'взять / держать', ср. ам., в.-с. *e-v/-vo/-po/-bo-* 'взять / держать', ам., в.-с. *řo/-t'o-* 'взять в руки / держать в руках', ам., в.-с. *j-ilm/-hilm-* 'взять в рот / держать во рту', ам. *j-az/-az-*, в.-с. *ruk/-tuk/-duk-* 'схватить зубами / держать в зубах', ам., в.-с. *lez-* 'взять под мышку / нести под мышкой', ам. *j-ilk/-ilk-*, в.-с. *j-ilku/-ilku-* 'заткнуть за пояс / нести за поясом', ам. *j-in/-hin-*, в.-с. *vap/-pap/-bap-* 'взвалить на плечи / нести на плечах', ам., в.-с. *řik/-t'ik-* 'взять в охапку / нести в охапке'; (б) глаголы со значением 'надеть / быть одетым', ср. ам., в.-с. *xe/-k'e-* 'надеть одежду / быть в одежде', ам., в.-с. *veta-* 'одеться / быть одетым', ам. *i-yr/-k'ir/-xir-*, в.-с. *i-γz/-k'iz/-xiz-* 'надеть / быть одетым', ам., в.-с. *ne-* 'надеть головной убор / быть в головном уборе', ам., в.-с. *fī/-p'i-* 'надеть обувь / быть в обуви'; (в) глаголы мышления, восприятия, отношения, ср. ам., в.-с. *tə-* 'услышать / слышать', ам., в.-с. *i-ndə/-ñřə-* 'увидеть / видеть' ам., в.-с. *j-im/-im-* 'выучить / знать', ам. *j-ujv/-hujv-*, в.-с. *j-ujvu/-hujvu-* 'вспомнить / помнить', ам. *j-əjm/-əjm-*, в.-с. *j-ajm/-ajm-* 'узнать / знать', ам. *j-əγzu/-əγzu-*, в.-с. *j-aγzu/-aγzu-* 'не узнать / не знать', ам. *e-bz/-k'ez/-χez-*, в.-с. *e-bř/-k'eř/-χeř-* 'подумать / думать'¹⁰; (г) глаголы положения или движения в пространстве, ср. ам. *por-*, в.-с. *poz-* 'лечь / лежать', ам., в.-с. *oz-* 'встать / стоять', ам., в.-с. *hurřiv-* 'сесть / си-

---

⁹ В работе [Недялков, Отаина 1983] такого рода глаголы характеризуются как «нейтральные». Там же представлена классификация, которая используется в настоящей статье.

¹⁰ Русский перевод не всегда дает возможность указать на инцептивное значение глаголов данной подгруппы.

деть', ам., в.-с. *k'əpr-* 'остановиться / стоять', ам., в.-с. *kela-* 'лечь на спину / лежать на спине', ам., в.-с. *lav-* 'приклониться / двигаться бок о бок'.

(15) а. *Pujŋanonq*   *ʧ'χar-ux*   *kuʧ-ivu-ŋa*
 птенец[SG.NOM]   дерево[SG]-ABL   упасть-PROGR-CONV:TEMP
azmʧ'eʎŋ   *e-v-d.*
 мальчик[SG.NOM]   **3SG-взять-IND[SG]**
 'Когда птенец падал с дерева, мальчик его схватил (букв. взял)'. (в.-с.) [ПМ 2000:3:95].

б. *Eʎŋ*   *ʧ'χar-po-d.*
 ребенок[SG.NOM]   палка[SG.NOM]-**взять-IND[SG]**
 'Ребенок палку держит'. (в.-с.) [ПМ 2000:3:96].

(16) а. *ʧ'i*   *p'-aq-ñřə-l?*
 ты[NOM]   REFL-шапка[SG.NOM]-**увидеть-INTER**
 'Ты нашел (букв. увидел) свою шапку?' (в.-с.) [ПМ 2000:3:101].

б. *Ñi*   *p'xi-ux*   *q'avi-řxə-x*
 я[NOM]   лес[SG]-ABL   снег[SG]-на-ABL
osq-ziv-ñřə-d.
 заяц[SG.NOM]-след[SG.NOM]-**увидеть-IND[SG]**
 'Я видел в лесу на снегу следы зайца'. (в.-с.) [ПМ 2000:3:101].

2.6. Процессивные глаголы

К данному классу относятся глаголы нецеленаправленного действия, описывающие неопредельные (гомогенные, бесперспективные) процессы. Традиционно такие глаголы описываются как неопредельные, ср. ам., в.-с. *lu-* 'петь', ам., в.-с. *amat-* 'идти (пешком)', ам. *qata-*, в.-с. *tloi-* 'бежать (о человеке)', в.-с. *ve-* 'бежать (о животных)', ам., в.-с. *ler-* 'играть', ам., в.-с. *ra-/ta-/da-* 'пить', ам. *k'əspur-*, в.-с. *kerai-* 'разговаривать', ам. *to-*, в.-с. *kaʎjo-* 'плакать', ам., в.-с. *teʎ-* 'дуть (о ветре)', ам. *qoju-*, в.-с. *qojo-* 'кричать', ам. *nəʎ-* 'ходить', ам., в.-с. *va-* 'драться, сражаться' и т. п.

(17) *Ñ-rəmk*   *vərk-ʧ.*
 1SG-рука[SG.NOM]   **нарывать-IND[SG]**
 'Моя рука нарывает / нарывала'. (ам.) [Панфилов 1965: 79].

- (18) *Jaŋ lu-d.*
он/а[NOM] **петь-IND[SG]**
'Он поет / пел'. (в.-с.)

Как правило, глаголы данного класса интранзитивны. Однако часть этих глаголов, например ам., в.-с. *ra-/ta-/da-* 'пить', имеет семантический объект, который может быть выражен синтаксически. В последнем случае соответствующие глаголы переходят в класс процессивно-терминативных глаголов.

2.7. Процессивно-терминативные глаголы

Данный класс формируется глаголами целенаправленного действия, имеющими одно из двух значений: 1) предельный (негомогенный, перспективный) процесс, 2) вхождение в состояние, возникающее в результате предшествующего процесса.

Процесс является для данных глаголов первичным значением, о чем можно судить, в частности, по переводам примеров и их интерпретациям, предлагаемым носителями языка. Однако характерное для данных глаголов значение вхождения в состояние, которое можно считать вторичным, также регулярно фиксируется в языковом материале, ср. ам., в.-с. *boŋđi-/qoŋđi-/goŋđi-* 'нагружать / нагрузить', ам., в.-с. *maŋ-* 'разделявать / разделить рыбу', ам. *lat-*, в.-с. *lařk-* 'разделявать / разделить тушу медведя', ам. *lat-* 'строить / построить', ам., в.-с. *j-e-/he-* 'варить / сварить', ам. *řoz-*, в.-с. *toř-* 'гаснуть / погаснуть', ам., в.-с. *i-ň-/ňi-* 'есть / съесть', ам., в.-с. *řat-/kət-/gət-* 'просовывать / просунуть руку через отверстие' и т. п.

- (19) *T'uyř řoz-d.*
огонь[SG.NOM] **гаснуть-IND[SG]**
'Огонь гас / погас'. (ам.)

- (20) *Jaŋ pal-đu-d.*
он/а[NOM] пол[SG.NOM]—**мыть-IND[SG]**
'Она мыла / помыла пол'. (в.-с.)

2.8. Терминативно-процессивные глаголы

Эти глаголы могут передавать следующие значения: 1) вхождение в состояние, возникающее в результате предшествующего процесса, 2) предельный (негомогенный, перспективный) процесс.

Как легко увидеть, по своей семантике данные глаголы близки процессивно-терминативным глаголам, однако для терминативно-процессивных глаголов значение вхождения в состояние является первичным, а процессуальное значение — вторичным. Кроме того, процессуальное значение фиксируется у терминативно-процессивных глаголов достаточно редко. Ср. ам. *p'ʀə-*, в.-с. *p'ʀə-* ‘прийти / приходиться’, ам. *mər-*, в.-с. *mar-* ‘подняться / подниматься’, ам. *məʀ-*, в.-с. *maʀ-* ‘спуститься / спускаться’, ам., в.-с. *kuʃ-* ‘упасть / падать’, ам., в.-с. *tu-* ‘умереть / умирать’, ам., в.-с. *ʃosq-* ‘сломаться / ломаться’, ам. *lal-*, в.-с. *ləl-*, ‘уткнуться / утыкаться’ и т. п.

- (21) *Новоһан imŋ vi-vi-maŋdu-yun-dox*
 потом они пойти-пойти:PTC-китаец-PL-DAT
mər-d.
подняться-IND[SG]
 ‘Потом они к китайцам, к которым ездили, поехали / ехали (букв. поднялись)’. (ам.) [Панфилов 1965: 73].
- (22) *Ñ-əmk taf-tox p'ʀə-d.*
 1SG-мать[SG.NOM] дом[SG]-DAT **прийти-IND[SG]**
 ‘Моя мама домой пришла / к дому приближалась (букв. приходила)’. (в.-с.)

2.9. Ингрессивно-процессивные глаголы

Данные глаголы могут иметь следующие значения: 1) вхождение в процесс, 2) неопредельный (гомогенный, бесперспективный) процесс.

Значение вхождения в процесс для данных глаголов является первичным, а значение процесса — вторичным. Большинство глаголов данной группы относится к глаголам движения, ср. ам., в.-с. *vi-* ‘пойти / идти’, ам., в.-с. *tu-* ‘тронуться, сдвинуться с места / двигаться’, ам. *p'u-*, в.-с. *kuz-* ‘выйти / выходить’, ам. *lay-*, в.-с. *layə-* ‘поехать в гости / ехать в гости’, ам., в.-с. *ʃ'ma-* ‘пойти в гости / идти в гости’, ам., в.-с. *qa-* ‘двинуться от берега / двигаться по течению реки / к выходу’, ам. *kit-*, в.-с. *kiʃ-* ‘убежать от кого-либо / бежать от кого-либо’ и т. п.

- (23) *Ñi p'xi-rox vi-d.*
 я[NOM] лес[SG]-DAT **пойти-IND[SG]**
 ‘Я в лес пошла / иду’. (в.-с.)

- (24) а. *Ṭ'aχ* *qa-d.*
вода[SG.NOM] **двинуться-IND[SG]**
'Вода отхлынула [от берега]'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:51]
- б. *Mu* *qa-d.*
лодка[SG.NOM] **двинуться-IND[SG]**
'Лодка плывет (букв. двигается) по течению реки'. (в.-с.)
[ПМ 1991:4:51]
- в. *Ñi* *qa-d.*
я[NOM] **двинуться-IND[SG]**
'Я иду к выходу'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:51]

2.10. Моментальные глаголы

Последний класс образуется глаголами моментального действия, семантика которых не предполагает протяженности во времени и которые описывают вхождение в состояние, не предполагающее предшествующего процесса, ср. ам., в.-с. *χa-/q'a-* 'застрелить', в.-с. *ruk-/tuk-/duk-* 'укусить', ам., в.-с. *zapη-/ṭapη-/ḍapη-* 'прищемить', ам., в.-с. *pol-* 'упасть (о человеке)', в.-с. *yuṭu-/kuṭu-/guṭu-* 'уронить', ам., в.-с. *iγ-/k'u-/xu-* 'убить', ам., в.-с. *e-sp-/ṭ'ev-/sev-* 'кольнуть / воткнуть', ам., в.-с. *pəxz-/vəxz-/bəxz-* 'пропасть / потеряться' и т. п.

- (25) *Ṭ'i* *əyṛṇařk* *vi-ř*
ты[NOM] давно пойти-CONV:MAN:2SG
pəxz-d-ra.
пропасть-IND[SG]-FOC
'Ты, давно, уехав, пропал'. (ам.) [Панфилов 1965: 245]
- (26) *Ətk* *ṭ'χəf-qa-d.*
отец[SG.NOM] медведь[SG.NOM]–**застрелить-IND[SG]**
'Отец медведя застрелил'. (в.-с.) [ПМ 1991:1:25]

3. Простые аспектуальные глагольные формы

В настоящем разделе анализируются производные значения глаголов, оформленных одним из четырех базовых аспектуальных показателей, к которым относятся суффикс прогрессива (см. раздел 3.1), суффикс комплетива (см. раздел 3.2), суффикс

результатива (см. раздел 3.3) и аналитическая форма комитатива (см. раздел 3.4).

3.1. Производные аспектуальные значения глаголов с суффиксом прогрессива

Суффикс прогрессива¹¹ ам. *-ivu/-ivi-*, в.-с. *-ivu/-ifu-* присоединяется ко всем глаголам, за исключением глаголов моментального действия. Данный суффикс маркирует следующие аспектуальные значения:

- (i) значение процесса в динамике его развития (у качественных, качественно-стативных, качественно-инцептивных, инцептивно-стативных, терминативно-процессивных и ингрессивно-процессивных глаголов);
- (ii) инхоативное значение (у стативных, процессивных и процессивно-терминативных глаголов).

Следует отметить, что все финитные глагольные формы, в состав которых входит суффикс прогрессива в процессуальном значении, однозначно трактуются как формы настоящего времени.

3.1.1. Качественные глаголы с суффиксом прогрессива.

Практически все глаголы данного класса допускают образование форм с суффиксом прогрессива, которые описывают процесс образования или становления того или иного качества, в ходе которого происходит накопление новых свойств¹². Завершение этого процесса должно в конечном итоге привести к появлению некоторого нового качества, которым участник ситуации раньше не обладал, ср. *ηəz-jvu-d*¹³ ‘становится мелкой’ в (27) и *k'afk'avu-jvu-d* ‘затвердевает’ в (28):

¹¹ В [Панфилов 1965: 76–77] данный суффикс рассматривается как показатель вида продолженного действия, который указывает на действие в процессе его совершения, на течение, протекание этого действия.

¹² Исключения составляют единичные случаи типа глагола *qala-* ‘быть незрелым (о ягодах)’, которые в силу своей семантики не допускают образования соответствующих форм [Отаина 1978: 50].

¹³ При присоединении к основе, оканчивающейся на гласный, а также в некоторых случаях на звонкий согласный, происходит редукция гласного *i*, в результате чего суффикс прогрессива произносится как ам. *-jvu/-jvi-*, в.-с. *-jvu/-jfu-*.

- (27) *Mer-eri* *p'akefake*
мы:INCL-река[SG.NOM] постепенно
ᶓᶓ-jvu-d.
быть.мелким-PROGR-IND[SG]
'Наша речка становится все более и более мелкой'. (ам.)
[Отаина 1978: 50]
- (28) *Toř* *k'afk'avu-jvu-d.*
глина[SG.NOM] **быть.твердым-PROGR-IND[SG]**
'Глина затвердевает'. (в.-с.) [ПМ 2000:7:28]

Как отмечается в работе [Отаина 1978: 51], наиболее часто качественные глаголы оформляются суффиксом прогрессива¹⁴, если они обозначают начало проявления какого-либо качества, которое обусловлено тем или иным обстоятельством, причиной, условием и т. д., выраженными различными формами деепричастий. Так, в примере (29) употреблено деепричастие *ᶓᶓ-jvu-ke* '[долго] не видя' с суффиксом *-ke*, которое выражает причину становления качества *ᶓᶓ-jvu-d* 'становится пугливым':

- (29) *Eyaᶓᶓq*
теленок[SG.NOM]
t'aqr-p'i-r
другая.сторона[SG.NOM]-находиться-CONV:MAN:3SG
ᶓᶓvx-ᶓᶓ-jvu-ke
человек[SG.NOM]-**видеть-USIT:NEG-CONV:TEMP**
ᶓᶓ-jvu-d.
быть.пугливым-PROGR-IND[SG]
'Теленок, находясь на той стороне [реки], долго не видя людей, становится пугливым'. (ам.) [Отаина 1978: 51]

3.1.2. *Качественно-стативные глаголы с суффиксом прогрессива.* При присоединении суффикса прогрессива к глаголам этого класса также происходит указание на процесс приобретения качества, ср. *ᶓ'omsᶓi-jvu-d* 'становится молчаливым' в (30) и *qana-ifu-d* 'светлеет' в (31):

---

¹⁴ Автор относит данные формы к «виду становления качества» [Отаина 1978: 50—52].

- (30) *If pil-jvo*
 он/а[NOM] быть.большим-CONV:TEMP
ʃ'omsomu-jvu-d.
БЫТЬ.МОЛЧАЛИВЫМ-PROGR-IND[SG]
 'Он, взрослея, становится молчаливым'. (ам.) [Отаина 1978: 51]
- (31) *K'eŋtaŋ-eŋqŋ-ux qana-ifu-d.*
 восток[SG]-сторона-ABL **БЫТЬ.СВЕТЛЫМ-PROGR-IND[SG]**
 'На востоке светлеет'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:50]

3.1.3. *Качественно-инцептивные глаголы с суффиксом прогрессива.* Глаголы данного класса в сочетании с суффиксом прогрессива также обозначают процессы, ведущие к образованию или приобретению того или иного качества, *polm-ifu-d* 'слепнет' в (32) и *hoŋya-jfu-d* 'пустеет' в (33):

- (32) *Haŋmŋaŋ p'akifaki polm-ifu-d.*
 старик[SG.NOM] постепенно **БЫТЬ.СЛЕПЫМ-PROGR-IND[SG]**
Ŋŋaŋ-pəkz-ifu-d.
 глаз[SG.NOM]-потерять-PROGR-IND[SG]
 'Старик постепенно слепнет. Зрение (букв. глаз) теряет'.
 (в.-с.) [ПМ 2000:7:82]
- (33) *Ŋin-vo*
 мы: EXCL[NOM]-поселок[SG.NOM]
hoŋya-jfu-d.
БЫТЬ.ПУСТЫМ-PROGR-IND[SG]
 'Наш поселок пустеет'. (в.-с.) [ПМ 2000:7:104]

3.1.4. *Стативные глаголы с суффиксом прогрессива.* Данные глаголы свободно присоединяют суффикс прогрессива, который указывает на то, что участник ситуации начал испытывать то или иное состояние. В данном случае можно, по-видимому, считать, что речь идет о начальной стадии состояния, хотя обычно состояние рассматривается в качестве ситуации, которая не претерпевает изменений с течением времени и не предполагает качественно различных временных фаз.

В приводимых ниже примерах речь идет о следующих состояниях: *qo-jvu-d* 'начинает болеть' в (34) и *ŋausoŋk-ivu-d* 'начинает скучать' в (35):

- (34) *Ñ-ux toŋř qo-jvu-d.*
я-ABL голова[SG.NOM] **болеть-PROGR-IND[SG]**
'У меня голова начинает болеть'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:49]
- (35) *Aki p'-řaf-tox ŋausořk-ivu-d.*
брат[SG.NOM] REFL-дом[SG]-DAT **скучать-PROGR-IND[SG]**
'Брат начинает скучать по своему дому'. (в.-с.) [ПМ 1991:1:8]

3.1.5. *Инцептивно-стативные глаголы с суффиксом прогрессива.* При присоединении суффикса прогрессива к данным глаголам последние начинают передавать значение предельного процесса, после завершения которого установится новое состояние, ср. *poz-ivu-d* 'ложится' в (36) и *lav-ifu-d-yun* 'движутся бок о бок' в (37):

- (36) *T'lanji mif-tox poz-ivu-d.*
олень[SG.NOM] земля[SG]-DAT **лечь-PROGR-IND[SG]**
'Олень ложится на землю.' (в.-с.) [ПМ 1991:4:2]
- (37) *Mu-me-qř*
лодка[SG]-два-CL:генер.[NOM]
əřkəř-lav-ifu-d-yun.
берег[SG.NOM]-**прислониться-PROGR-IND-PL**
'Две лодки движутся к берегу бок о бок'. (в.-с.) [ПМ 1991:5:23]

3.1.6. *Процессивные глаголы с суффиксом прогрессива.* Присоединяясь к процессивным глаголам, суффикс прогрессива указывает на начальную фазу протекания процесса, ср. *vərk-ivu-d* 'начинает нарывать' в (38) и *lu-jvu-d-ra* 'начинаю петь' в (39):

- (38) *Ñ-rəmk vərk-ivu-d.*
1SG-рука[SG.NOM] **нарывать-PROGR-IND[SG]**
'Моя рука начинает нарывать'. (ам.) [Панфилов 1965: 79]
- (39) *Ñi ax lu-jvu-d-ra.*
я[NOM] уже **петь-PROGR-IND[SG]-FOC**
Haŋa ñ-ro-ř lu-ja!
давай 1SG-помочь-CONV:MAN:2SG петь-IMP:2SG
'Я уже начинаю петь. Давай, помогая мне, пой!' (в.-с.) [ПМ 1991:1:6]

нако, у глаголов этого класса является непредельным, ср. *tu-ivu-ǰ-ra* ‘наступает’ в (44) и *vi-jvu-d* ‘иду’ в (45):

(44) *Hena ɛrk ʔ'aχ tu-ivu-ǰ-ra.*
 ну уже вода[SG.NOM] двинуться-PROGR-IND[SG]-FOC
 ‘Ну, уже вода [на нас] наступает (букв. движется)’. (ам.)
 [Панфилов 1965: 76]

(45) *T'i řak-toχ vi-jvu-d-ŋa?*
 ты[NOM] где-DAT пойти-PROGR-IND[SG]-INTER
Ñi als-toχ vi-jvu-d.
 я[NOM] ягода[SG]-DAT пойти-PROGR-IND[SG]
 ‘Ты куда идешь? — Я за ягодами иду’. (в.-с.)

Следующий пример (46) иллюстрирует, каким образом выражается процессуальное значение у процессивных и ингрессивно-процессивных глаголов. Пример представляет собой диалог, в котором глагольная форма, используемая в вопросе, и глагольная форма, употребленная в ответе на вопрос, описывают ситуацию одного и того же аспектуального типа, а именно — процесс. Поскольку в вопросе употреблен ингрессивно-процессивный глагол, то для актуализации процессуального значения в глагольную словоформу включен суффикс прогрессива, ср. *vi-ivi-ǰ-ŋa* ‘идешь’. В ответе на вопрос использован процессивный глагол, для которого процессуальное значение является исходным, ср. *nəŋ-ǰ-ra* ‘хожу’, а потому никаких дополнительных аспектуальных показателей в глагольной словоформе не требуется.

(46) *Ola! Řa-tχ vi-ivi-ǰ-ŋa?*
 ребенок:SG:VOC где-DAT пойти-PROGR-IND[SG]-INTER
Новоŋан if it-ʔ. Əʔik-a!
 тогда он[NOM] говорить-IND[SG] бабушка[SG]-VOC
Ñi paj ler-t nəŋ-ǰ-ra.
 я[NOM] просто играть-CONV:MAN:1SG ходить-IND[SG]-FOC
 ‘«Сынок! Ты куда идешь?» — Тогда он сказал: «Бабушка! Я так просто, играя, хожу»’. (ам.) [Панфилов 1965: 226]

3.1.10. *Заключительные замечания.* В табл. 2 представлены исходные значения нивхских глагольных словоформ и их производные значения, полученные при присоединении суффикса прогрессива.

Таблица 2

**Исходные и производные значения нивхских глаголов
с суффиксом прогрессива**

Класс глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	‘процесс (приобретения качества)’
качественно-стативные	‘качество / состояние’	‘процесс (приобретения качества)’
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	‘процесс (приобретения качества)’
стативные	‘состояние’	‘начальная фаза состояния’
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘процесс’
процессивные	‘процесс’	‘начальная фаза процесса’
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘начальная фаза процесса’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘процесс’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	‘процесс’
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

Как видно из табл. 2, суффикс прогрессива трансформирует исходное значение, во-первых, у качественных, качественно-инцептивных и инцептивно-стативных глаголов, которые в сочетании с этим суффиксом передают значение процесса, и, во-вторых, у стативных, процессивных и процессивно-терминативных глаголов, которые в комбинации с этим суффиксом указывают на начало состояния или процесса. У терминативно-процессивных и ингрессивно-процессивных глаголов суффикс прогрессива актуализирует исходное процессуальное значение, которое в соответствующем лексическом контексте может быть передано и без этого суффикса.

В плане классификации нивхских глаголов суффикс прогрессива может служить, в частности, индикатором для разграни-

чения процессивно-терминативных и терминативно-процессивных глаголов, которые по-разному реагируют на включение данного суффикса в глагольную словоформу. Так, присоединяясь к процессивно-терминативным глаголам, данный суффикс не актуализирует процессуальное значение, которое является для этих глаголов первичным, а трансформирует его в инхоативное. Присоединяясь же к терминативно-процессивным глаголам, суффикс прогрессива, напротив, актуализирует процессуальное значение, которое является для данного класса глаголов вторичным.

3.2. Производные аспектуальные значения глаголов с суффиксом комплетива

В амурском диалекте показателем комплетива является суффикс *-yət/-kət/-xət-*. В восточно-сахалинском диалекте соответствующие значения передаются суффиксом *-var/-xar-*, который является также показателем результата. В настоящем разделе анализируется только комплетивная семантика данного показателя, тогда как передаваемое им результативное значение рассматривается в разделе 2.3.

В обоих диалектах суффикс комплетива может присоединяться к глаголам всех классов, передавая следующие аспектуальные значения:

- (i) значение интенсивности (у качественных, стативных и ингрессивно-процессивных глаголов);
- (ii) значение приобретения качества (у качественных, качественно-стативных и качественно-инцептивных глаголов);
- (iii) значение вхождения в состояние (у инцептивно-стативных и процессивно-терминативных глаголов);
- (iv) значение прекращения или прерывания процесса (у процессивных глаголов);
- (v) значение тотального охвата всего участника ситуации или всех участников ситуации некоторым качеством (с качественными глаголами), состоянием (с качественно-стативными и стативными глаголами) или процессом (с ингрессивно-процессивными, терминативно-процессивными и моментальными глаголами);
- (vi) дистрибутивное значение (у качественных глаголов).

3.2.1. *Качественные глаголы с суффиксом комплетива.* Качественные глаголы в сочетании с суффиксом комплетива могут передавать следующие значения: (а) значение интенсивности качества (в амурском диалекте), (б) значение приобретения качества (в обоих диалектах), (в) значение тотального охвата качеством всего участника ситуации или всех участников ситуации (в обоих диалектах), (г) дистрибутивное значение (в амурском диалекте).

Г. А. Отаина отмечает, что в амурском диалекте значение интенсивности характерно прежде всего для глаголов, обозначающих качество пищи, таких, как ‘быть неготовым’, ‘быть мутным’, ‘быть недоваренным’, ‘быть сырым’, ‘быть маслянистым’, ‘быть червивым’, ‘быть сорным’, ‘быть жидким (о супе)’, ‘быть кислым’, ‘быть неспелым (о ягодах)’, и для глаголов, обозначающих свойства, воспринимаемые зрительно, таких, как ‘быть замызганным’, ‘быть запачканным (о человеке)’, ‘быть грязным’, ‘быть мелким, неглубоким’, ‘быть твердым (на вид)’ [Отаина 1978: 53], ср. *qala-γət-ɬ* ‘совершенно неспелая’ в (47):

- (47) *Als* *qala-γət-ɬ*
 ягода[SG.NOM] **быть.неспелым-COMPL-IND[SG]**
 ‘Ягода совершенно неспелая’. (ам.) [Отаина 1978: 53]

Другим значением, выражаемым качественными глаголами в сочетании с суффиксом комплетива, является значение приобретения качества в результате завершившегося процесса. Вполне естественно, что ингерентное качество приобретаться не может, а потому в примере (48) невозможно употребить форму **alyalya-var-d* ‘стала пестрой’, поскольку ‘быть пестрым’ является неотъемлемым свойством бабочки. Однако, если речь идет не об ингерентом, а о приобретенном качестве, то суффикс комплетива свободно присоединяется к качественным глаголам (во всяком случае в восточно-сахалинском диалекте), ср. *alyalya-var-d* ‘стал пестрым’ в (49) и *kaljali-var-d* ‘светлый стал’ в (50):

- (48) *Tuŋ-tapi* *alyalya-d. / *alyalya-var-d.*
 этот-бабочка[SG.NOM] **быть.пестрым-IND[SG]**
 ‘Эта бабочка пестрая’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:7]

- (49) *Tuŋ-eŋh* *ɬ'ari-alʔ-kiʔ*
 этот-ребенок[SG.NOM] голубика[SG.NOM]-ягода[SG]-INSTR

alyalya-var-d.

быть.пестрым-COMPL/RES-IND[SG]

‘Этот ребенок стал пестрым от ягод голубики’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:7]

- (50) *Huŋ-ñiyvŋ* *ksa-ř*
тот-человек[SG.NOM] **быть.бледным-CONV:MAN:3SG**

kalyali-var-d.

Qo-d-ajaq.

быть.светлым-COMPL/RES-IND[SG] **болеть-IND-MOD**

‘Тот человек, побледнев, светлый стал. Болен, наверно’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:10]

С помощью суффикса комплетива говорящий может подчеркнуть, что качество, о котором идет речь, присуще целиком всему участнику ситуации, ср. *q‘vařpařk-řar-d* ‘[вся] червивая’ в (51), или всем участникам ситуации, ср. *vesqar-řat-ta* ‘[все] сильные’ в (52). Как правило, предложения с такими глагольными формами содержат универсальный квантификатор ам. *sək*, в.-с. *sik* ‘весь / все’ или ам. *səkm*, в.-с. *sikm* ‘все’. Если же квантификатор отсутствует, значение тотального охвата качеством может быть выведено из соответствующего контекста.

- (51) *Ma-sik* *q‘vařpařk-řar-d.*
юкола[SG]-весь[NOM] **быть.червивым-COMPL/RES-IND[SG]**
‘Юкола вся червивая’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:42]

- (52) *Řađ* *miv-ux* *pañ-đ-ñi-đ*
кто[SG.NOM] земля[SG]-ABL **расти-NML-есть-IND[SG]**
həđ-yu-sək ***vesqar-řat-ta***
тот-PL-все[NOM] **быть.сильным-COMPL-COORD:3PL**
kaskazi-ta.
быть.бодрым-COORD:3PL
‘Кто из земли растущее ест, те все сильные, бодрые’. (ам.)
[Панфилов 1965: 71]

Наконец, по мнению Отаиной, при оформлении подлежащего суффиксом множественного числа качественный глагол с суффиксом комплетива может приобретать дистрибутивное значение [Отаина 1978: 53], ср. *unətə-řat-t-yu* ‘[каждый] одинаков по возрасту’ в (53):

- (53) *O:la-gu*
 ребенок-PL[NOM]
unətə-γət-t-γu.
быть.одинаковым.по.возрасту-COMPL-IND-PL
 ‘Дети [каждый из них] все одинаковы по возрасту’. (ам.)
 [Отаина 1978: 53]

3.2.2. *Качественно-стативные глаголы с суффиксом комплетива.* Данные глаголы при присоединении суффикса комплетива указывают прежде всего на приобретение качества, что сближает их с собственно качественными глаголами, ср. *qana-var-d* ‘стал светлым’ в (54):

- (54) *Paχ-zu-fke*
 камень[SG.NOM]–мыть-CONV:TEMP
qana-var-d.
быть.светлым-COMPL/RES-IND[SG]
 ‘[Я] камень долго мыла, [он] светлым стал’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:38]

Кроме того, качественно-стативные глаголы, оформленные суффиксом комплетива, могут иметь значение тотального охвата ситуацией, которая относится не к качествам (как в аналогичных случаях у качественных глаголов), а к состояниям, что сближает их со стативными глаголами, ср. *ut-var-d-γun* ‘(все) сердятся’ в (55):

- (55) *Huŋ-voŋ-gun-sik*   *p'ŋafŋafk-roχ*
 тот–житель-PL–все[NOM]   друг.друга[SG]-DAT
ut-var-d-γun.
быть.злым-COMPL/RES-IND-PL
 ‘Те жители все друг на друга сердятся’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:43]

3.2.3. *Качественно-инцептивные глаголы с суффиксом комплетива.* В восточно-сахалинском диалекте у глаголов данной группы суффикс комплетива актуализирует значение приобретения качества. При этом подчеркивается, что качество было приобретено в результате предшествующего процесса, ср. *tuz-γət-t* ‘остыл’ в (56) и *k'e-var-d* ‘похудел’ в (57):

- (56) *ʦ'aj*   *ax*   *tuz-γət-ʦ*.
чай[SG.NOM]   уже   **быть.холодным-COMPL-IND[SG]**
'Чай уже совсем остыл'. (ам.) [Панфилов 1965: 79]
- (57) *Jaŋ*   *añ-ñ-a-qř*
он/а[NOM]   год[SG]-один-CL:генер.[NOM]
k'e-var-d.
быть.худым-COMPL/RES-IND[SG]
'Он за один год похудел'. (в.-с.) [ПМ 2000:7:28]

3.2.4. *Стативные глаголы с суффиксом комплетива.* В сочетании с суффиксом комплетива данные глаголы передают следующие значения: (а) значение интенсивности состояния (в амурском диалекте), (б) значение тотального охвата состоянием всех участников ситуации (в восточно-сахалинском диалекте)

Указание на интенсивность состояния присутствует в примере (58), ср. *ʦ'iŋr-γət-ta* 'очень мучаюсь':

- (58) *Ñi*   *pañ-d*   ***ʦ'iŋr-γət-ta***.
я[NOM]   расти-IND[SG]   **мучиться-COMPL-COORD:1SG**
'Я расту, очень мучаюсь'. (ам.) [Панфилов 1965: 71]

В восточно-сахалинском диалекте стативные глаголы, оформленные суффиксом комплетива, могут передавать только значение тотального охвата состоянием всех участников ситуации, ср. *q'o-var-d-γun* '[все] спали' в (59) и *sarγo-var-d-γun* '[все] отдыхают' в (60). Как и в других аналогичных случаях, предложения с такими словоформами, как правило, включают универсальный квантификатор, ср. *sik* в (59) и (60):

- (59) *Ñin*   *p'řə-ŋa*   *in*   *ax*
мы:EXCL[NOM]   прийти-CONV:TEMP   они[NOM]   уже
sik   ***q'o-var-d-γun***.
все[NOM]   **спать-COMPL/RES-IND-PL**
'Когда мы пришли, они все уже спали'. (в.-с.) [ПМ 1991:5:19]
- (60) *Lafka-γun-sik*   ***sarγo-var-d-γun***.
магазин-PL-все[NOM]   **отдыхать-COMPL/RES-IND-PL**
'Все магазины закрыты (букв. отдыхают)'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:49]

Не исключено, что аналогичное употребление суффикса комплетива возможно также и в амурском диалекте, однако в моем корпусе соответствующих примеров из амурского диалекта нет.

3.2.5. *Инцептивно-стативные глаголы с суффиксом комплетива.* У данных глаголов суффикс комплетива актуализирует значение вхождения в состояние, которое наступило в результате предшествующего процесса, ср. *por-γət-ɬ* ‘лег’ в (61) и *j-aγzi-bar-d* ‘не узнал’ в (62):

(61) *If por-γət-ɬ.*
он/а[NOM] **лечь-COMPL-IND[SG]**
‘Он лег’. (ам.) [Недялков, Отаина 1988: 81]

(62) *Ñi p'-asq*
я[NOM] REFL-младший.брат[SG.NOM]
vikuviku-gu-t
быть.темным-CAUS-CONV:MAN:1SG
j-aγzi-bar-d.
3SG-не.узнать-COMPL/RES-IND[SG]
‘Я из-за темноты собственного младшего брата не узнал’.
(в.-с.) [ПМ 2000:3:104]

В примере (62) из восточно-сахалинского диалекта значение суффикса *-bar-/-χar-* может, по-видимому, трактоваться и как результативное.

3.2.6. *Процессивные глаголы с суффиксом комплетива.* Глаголы этого класса, оформленные суффиксом комплетива, в обоих диалектах указывают на прекращение или прерывание процесса без достижения какого-либо результата, ср. *vərk-γət-ɬ* ‘перестала нарываться’ в (63) и *qlaj-bar-d-γun* ‘перестали разговаривать’ в (64):

(63) *Ñ-rəmk vərk-γət-ɬ.*
1SG-рука[SG.NOM] **нарываться-COMPL/RES-IND[SG]**
‘Моя рука перестала нарываться’. (ам.) [Панфилов 1965: 79]

(64) *In ax qlaj-bar-d-γun.*
они[NOM] уже **разговаривать-COMPL/RES-IND-PL**
‘Они уже перестали разговаривать’. (в.-с.) [ПМ 1991:5:3]

3.2.7. *Процессивно-терминативные глаголы с суффиксом комплетива*. У данных глаголов суффикс комплетива актуализирует значение вхождения в состояние, возникшее в результате завершения предшествующего процесса, ср. *xəmz-γət-ta* ‘закопали’ в (65) и *j-uṭi-var-d* ‘просунул’ в (66):

- (65) *Imŋ p ‘-ŋafk-xəmz-γət-ta*
они[NOM] REFL-друг[SG.NOM]–**копать-COMPL-COORD:3SG**
təf-tox təγ-ta.
дом[SG]-DAT спуститься- COORD:3SG
‘Они своего товарища закопали, домой пошли (букв. спустились)’. (ам.) [Панфилов 1965: 70]
- (66) *Ñi tamk k ‘utə-rulk*
я[NOM] рука[NOM-SG] отверстие[SG]-вовнутрь[NOM]
j-uṭi-var-d.
3SG-просовывать-COMPL/RES -IND[SG]
‘Я просунул руку в отверстие (до конца)’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:34d]

Следующий пример (67) иллюстрирует, каким образом суффикс комплетива может служить индикатором при определении аспектуального класса глагола. В предложении идет речь о двух последовательных, однотипных в плане аспектуальности ситуациях, которые могут быть охарактеризованы как вхождение в процесс. Поскольку первым значением процессивно-терминативного глагола *i-ñ/-ñi-* ‘есть / съесть’ является процесс, для актуализации второго значения вхождения в состояние используется суффикс комплетива, ср. *i-ñ-γət-ra* ‘съели’. У терминативно-процессивного глагола *kuṭ-* ‘упасть / падать’ значение вхождения в состояние является первым, в актуализации не нуждается, и поэтому глагольная форма *kuṭ-ra* ‘упал’ употребляется без суффикса комплетива.

- (67) *Mifp ‘id p ‘əzru-rx kuṭ-ra*
жаба[SG.NOM] озеро[SG]-DAT **упасть-COORD:3SG**
keŋax i-ñ-γət-ra.
кенах[SG.NOM] **3SG-есть-COMPL-COORD:3SG**
‘Жаба в глухое озеро упала, кенахи¹⁵ ее сожрали (букв. съели)’. (ам.) [Панфилов 1965: 66]

¹⁵ Кенахи относятся к нивхским мифологическим существам.

- (71) *Meř-qan-gu-sək*
мы:INCL[NOM]–собака-PL–все[NOM]
tu-γət-ɬ-ra.
умереть-COMPL-IND[SG]-FOC
‘Наши собаки все подошли (букв. умерли)’. (ам.) [Панфилов
1965: 67]

Если в восточно-сахалинском предложении отсутствует универсальный квантификатор или контекст не поддерживает значение тотального охвата ситуацией, то значение терминативно-процессивного глагола с суффиксом *-var-/χar-* интерпретируется как результативное.

3.2.9. *Ингрессивно-процессивные глаголы с суффиксом комплетива.* Данные глаголы в сочетании с суффиксом комплетива передают (а) интенсивное значение (в амурском диалекте) и (б) тотальный охват входением в процесс всех участников ситуации (в обоих диалектах).

В амурском диалекте ингрессивно-процессивные глаголы с суффиксом комплетива указывают на входение в процесс, которое произошло окончательно и бесповоротно, ср. *vi-γət-ɬ* ‘ушел (окончательно)’ в (72). В данном случае речь, по-видимому, идет о модификации первого значения данных глаголов — о его, условно говоря, интенсификации.

- (72) *If*   *hə-dav-ux*   ***vi-γət-ɬ.***
он/a[NOM]   тот–дом[SG]-ABL   **пойти-COMPL-IND[SG]**
‘Он ушел из того дома (окончательно)’. (ам.) [Савельева,
Таксами 1970: 54]

Кроме того, при глаголах данного класса суффикс комплетива используется для подчеркивания того факта, что входение в процесс было осуществлено всеми участниками ситуации или по отношению ко всем участникам ситуации, ср. *vi-γət-ɬ-γu* ‘[все] ушли’ в (73), *kiɬ-χar-d-γun* ‘[все] убежали’ в (74) и *vi-var-d* ‘[вся] ушла’ в (75). Как правило, значение тотального охвата поддерживается универсальным квантификатором, ср. *sik* ‘вся’ в (75). Однако глагол может выражать соответствующее значение даже несмотря на отсутствие универсального квантификатора в предложении, ср. (73) и (74).

- (73) *Q'ola-hemar-ovla-gu*
 быть.богатым:PTC-старик[SG.NOM]-ребенок-PL[NOM]
k'it-t *vi-γət-t-γu.*
 убежать-CONV:MAN:3PL **пойти-COMPL-IND-PL**
 'Дети богатого старика [все] убежали (букв. убежав, ушли)'. (ам.) [Панфилов 1965: 71]
- (74) *Huγ-vo-ux* *ñiyvη-gun*
 тот-деревня[SG]-ABL человек-PL[NOM]
kiγ-χar-d-γun.
убежать-COMPL/RES-IND-PL
 'Из той деревни [все] люди убежали'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:49a]
- (75) *T'o-sik* *vi-χar-d.*
 рыба[SG]-**все[NOM]** **уйти-COMPL/RES-IND[SG]**
 'Рыба вся ушла'. (в.-с.) [ПМ 1989:1:10]

3.2.10. Моментальные глаголы с суффиксом комплетива.

Глаголы данного класса в сочетании с суффиксом комплетива также указывают на то, что вхождение в состояние охватывает всего участника ситуации или всех участников ситуации, ср. *ñ-ruk-χar-d* 'меня всего искусила' в (76) и *k'u-γət-nə-đ-ra* 'всех] убью' в (77). Как правило, в этом случае в предложении присутствует универсальный квантификатор, ср. *sik* 'всего' в (76) и *sək* 'все' в (77):

- (76) *Qany* *sik* *ñ-ruk-χar-d.*
 Собака[SG.NOM] **все[NOM]** **1SG-укусить-COMPL/RES-IND[SG]**
 'Меня всего искусила собака'. (в.-с.) [ПМ 2000:5:144]
- (77) *Ñi* *sək* *t'əη-k'u-γət-nə-đ-ra.*
 я[NOM] **все[NOM]** вы[NOM]-**убить-COMPL-FUT-IND[SG]-FOC**
 'Я вас всех убью'. (ам.) [Панфилов 1965: 71]

В примере (76) прослеживается также дистрибутивное значение.

3.2.11. Заключительные замечания. В заключение можно отметить, что суффикс комплетива обладает достаточно широкой аспектуальной семантикой, в которой собственно комплетивное значение, а именно значение вхождения в состояние в результате

завершившегося предшествующего процесса, занимает более или менее равное место с другими некомплетивными значениями, см. табл. 3.

Суффикс комплетива может актуализировать исходное глагольное значение у качественно-инцептивных, инцептивно-стативных и процессивно-терминативных глаголов, может модифицировать это значение у качественных, качественно-стативных, стативных, терминативно-процессивных, ингрессивно-процессивных и моментальных глаголов, а также может трансформировать его у качественных, качественно-стативных и процессивных глаголов.

Таблица 3

**Исходные и производные аспектуальные значения
нвхских глаголов с суффиксом комплетива**

Класс глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	‘качество (интенсивное)’ (ам.) ‘приобретение качества’ ‘качество (тотальный охват)’ ‘качество (дистрибутивное)’ (ам.)
качественно-стативные	‘качество / состояние’	‘приобретение качества’ ‘состояние (тотальный охват)’
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	‘приобретение качества’
стативные	‘состояние’	‘состояние (интенсивное)’ (ам.) ‘состояние (тотальный охват)’
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘вхождение в состояние’
процессивные	‘процесс’	‘прекращение процесса’
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘вхождение в состояние’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘вхождение в состояние (тотальный охват)’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	‘вхождение в процесс (интенсивное)’ (ам.) ‘вхождение в процесс (тотальный охват)’
моментальные	‘вхождение в состояние’	‘вхождение в состояние (тотальный охват)’

3.3. Производные аспектуальные значения глаголов
с суффиксом результата

В амурском диалекте результативное значение маркируется суффиксом *-γata/-kəta/-xəta-*. В восточно-сахалинском диалекте для передачи соответствующего значения используется суффикс *-var/-χar-*, который может также иметь комплетивное значение (см. раздел 3.2).

Термин «результатив» используется в данной статье в широком понимании, включающем как собственно результатив, а именно состояние, предполагающее предшествующее действие, так и статив, который предшествующее действие не предполагает [Недялков, Яхонтов 1983: 62]. Следует подчеркнуть, что центральным компонентом в семантике результата является неизменность и устойчивость состояния, а не его длительность или, другими словами, временная протяженность (последнее значение передается формой континуатива, см. раздел 3.4).

В нивхском языке может образовываться три основных диатезных типа результата [Недялков, Отаина 1983: 80–81]:

- (i) субъектный результатив, который обычно образуется от интранзитивов и при котором субъект результативного состояния и субъект предшествующего ему действия совпадают, ср. (78а–б) и (79а–б):

(78) а. *K'iva vax-d.*
нитка[SG.NOM] **порваться-IND[SG]**
'Нитка оборвалась'. (ам.)

б. *K'iva vax-kəta-d.*
нитка[SG.NOM] **порваться-RES-IND[SG]**
'Нитка оборвавшаяся'. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 80–81]

(79) а. *Əmk veta-d.*
мать[SG.NOM] **одеться-IND[SG]**
'Мать оделась'. (в.-с.)

б. *Əmk veta-var-d.*
мать[SG.NOM] **одеться-COMPL/RES-IND[SG]**
'Мать одевшаяся'. (в.-с.) [ПИМ 2000:3:92]

- (ii) посессивный результатив, который обычно образуется от транзитивов и при котором субъект результативного состоя-

ния и субъект предшествующего ему действия также совпадают, ср. (80а–б) и (81а–б):

- (80) а. *Imɥ mulk-ʁo-d.*
они[NOM] чумашка[SG.NOM]–**ВЗЯТЬ-IND**[SG]
‘Они чумашки взяли / держат’. (ам.)
- б. *Imɥ mulk-ʁo-ɣəta-d.*
они[NOM] чумашка[SG.NOM]–**ВЗЯТЬ-RES-IND**[SG]
‘Они чумашки держат’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 81]
- (81) а. *Eylɥ haq-ñe-d.*
ребенок[SG.NOM] шапка[SG.NOM]–**надеть.шапку-IND**[SG]
‘Ребенок надел шапку’. (в.-с.)
- б. *Eylɥ*
ребенок[SG.NOM]
haq-ñe-bar-d.
шапка[SG.NOM]–**надеть.шапку-COMPL/RES-IND**[SG]
‘Ребенок в шапке (букв. надевши шапку)’. (в.-с.) [ПМ 2000:3:91]
- (iii) объектный результатив, который образуется от транзитивов и при котором субъект результативного состояния совпадает с объектом предшествующего ему действия, ср. (82а–б) и (83а–б):
- (82) а. *If larq-ot-ɕ.*
он/а[NOM] рубашка[SG.NOM]–**ШИТЬ-IND**[SG]
‘Она рубашку шьет’. (ам.)
- б. *Larq j-ot-ɣəta-ɕ.*
рубашка[SG.NOM] **3SG-ШИТЬ-RES-IND**[SG]
‘Рубашка сшита’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 81]
- (83) а. *Əmk p ‘iɕiɕ-laɕ-nd.*
мать[SG.NOM] одеяло[SG.NOM]–**подстилатъ-IND**[SG]
‘Мать одеяло подстелила’. (в.-с.)
- б. *P ‘iɕiɕ-laɕ-ɣar-d.*
одеяло[SG.NOM]–**подстилатъ-COMPL/RES-IND**[SG]
‘Одеяло подстелено’. (в.-с.) [ПМ 1991:5:33]

В объектно-результативных конструкциях семантический субъект не выражается.

Настоящая классификация представляет собой описание так называемого семантического результата, который может выражаться как собственно результативными формами, рассматриваемыми в настоящем разделе, так и континуативными, комплетивно-континуативными и результативно-континуативными формами, анализируемыми в последующих разделах. Указанные диатезные противопоставления могут быть применимы (и применяются) ко всем глаголам, способным передавать результативное значение. В настоящей статье различные типы диатезных противопоставлений подробно не рассматриваются, однако при описании соответствующих производных значений отмечается, о каком диатезном типе идет речь.

Как показывает языковой материал, формы результата образуются от качественных, качественно-инцептивных, качественно-стативных, инцептивно-стативных, процессивно-терминативных, терминативно-процессивных, а также от некоторых процессивных и моментальных глаголов. Соответствующие формы не образуются от стативных и ингрессивно-процессивных глаголов.

3.3.1. *Качественные глаголы с суффиксом результата.* Результативы, образованные от качественных глаголов, указывают на сохранение или неизменность качества¹⁶, что может подчеркиваться в предложении различными лексическими средствами. Таким образом, происходит как бы временная локализация ранее нелокализованной во времени ситуации, и значение качества трансформируется в значение состояния, которое, однако, не предполагает никакого предшествующего процесса. Поскольку качественные глаголы всегда интранзитивны, от них могут образовываться только субъектные формы, ср. *q'avu-γata-ḡ* 'сохраняется (остается) теплым' в (84), и *poŋtu-var-d* 'сутулый' в (85):

- (84) *Pəŋx*   *q'avu-γata-ḡ*
 суп[SG.NOM]   **быть.теплым-RES-IND[SG]**
 'Суп сохраняется (остается) теплым'. (ам.) [Отаина 1978: 47]
- (85) *Jaŋ*   *ayragisk poŋtu-var-d*
 он/а[NOM]   всегда   **быть.сутулым-COMPL/RES-IND-PL**
 'Он всегда сутулый'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:50]

¹⁶ В работе [Отаина 1978:47—48] данные формы описываются в рамках «вида сохранения качества».

3.3.2. *Качественно-стативные глаголы с суффиксом результатава*. У данных глаголов суффикс результатава актуализирует значение состояния. При этом обычно в словоформу включается суффикс диминутива ам., в.-с. *-jo-*. В силу интранзитивности качественно-стативных глаголов в рамках этого класса возможно образование только субъектных форм, ср. *ха-jo-вар-d* ‘немного горчит’ в (86):

- (86) *T'in-t'om*
 вы[NOM]–жир[SG.NOM]
ха-jo-вар-d.
БЫТЬ.ГОРЬКИМ-DIM-COMPL/RES-IND[SG]
 ‘Ваш жир немного горчит’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:101]

3.3.3. *Качественно-инцептивные глаголы с суффиксом результатава*. При употреблении с суффиксом результатава у этих глаголов, так же как и у качественных глаголов, происходит трансформация исходного качественного значения в значение устойчивого состояния. Однако, в отличие от качественных глаголов, в данном случае предполагается, что состояние возникло в результате некоторого предшествующего процесса. Так, в ситуации, представленной в предложении (87) с глагольной формой *velajjo-вар-d-yun* ‘остаются] голыми / раздетыми’, подразумевается, что раньше на стенах висели какие предметы, потом эти предметы сняли, стены стали голыми и остаются в таком состоянии:

- (87) *Дай-кун* *velajjo-вар-d-yun*.
 стена-PL[NOM] **БЫТЬ.ГОЛЫМ-COMPL/RES-IND-PL**
 ‘Стены [остаются] голыми / раздетыми’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:10]

В примере (88) употреблен тот же самый глагол, ср. *velajjo-вар-d* ‘голый / раздетый’, но в другом контексте, который прямо указывает на процесс, предшествующий возникновению состояния, ср. *p'az-ř* ‘раздевшись’:

- (88) *Јаη* *p'az-ř*
 он/а[NOM] раздеться-CONV:MAN:3SG
velajjo-вар-d-yun.
БЫТЬ.ГОЛЫМ-COMPL/RES-IND-PL
 ‘Он, раздевшись, голый / раздетый’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:10]

Как и в случае с другими глаголами с качественной семантикой, от глаголов данного класса образуются только субъектные формы.

3.3.4. *Инцептивно-стативные глаголы с суффиксом результатава.* У данных глаголов результатив актуализирует значение состояния, как и в остальных случаях делая акцент на его неизменности и постоянстве¹⁷. При этом не дается отсылка к предшествующему действию. Субъектные результативные формы образуются от интранзитивов, ср. исходную форму *j-əjm-ǫ* ‘узнал’ в (89а) и результативную форму *j-əjm-γəta-ǫ* ‘знает’ в (89б), а посессивные и объектные результативные формы — от транзитивов, ср. исходную форму *xiz-d* ‘надела’ в (90а) и посессивно-результативную форму *xiz-bar-d* ‘одета’ в (90б), а также исходную форму *ñřə-ǫ* ‘видит’ в (91а) и объектно-результативную форму *i-ndə-γəta-ǫ* ‘замечен’ в (91б):

(89) а. *Andχ*   *p' rə-nə-ǫ*   *if*
 гость[SG.NOM]   прийти-FUT-IND[SG]   он/а[NOM]
j-əjm-ǫ.
3SG-узнать-IND[SG]
 ‘Он узнал, что придет гость’. (ам.)

б. *Andχ*   *p' rə-nə-ǫ*   *if*
 гость[SG.NOM]   прийти-FUT-IND[SG]   он/а[NOM]
j-əjm-γəta-ǫ.
3SG-узнать-RES-IND[SG]
 ‘Он знает, что придет гость’. (ам.) [Недялков, Отаина, Холодович 1974: 245]

(90) а. *Əmk*
 мать[SG.NOM]
poʒurl-kař-huxt-xiz-d.
 быть.красивым-AUG:PTC-платье[SG.NOM]-надеть-IND[SG]
 ‘Мать надела очень красивое платье’. (в.-с.)

¹⁷ В работе [Недялков, Отаина 1983] утверждается, что результативная форма может подчеркивать длительность состояния. Данное утверждение представляется мне не вполне верным, поскольку специфика результатива заключается в первую очередь в указании на устойчивость качества или состояния, а не на их временную протяженность.

б. *Əmk*

мать[SG.NOM]

poʒurl-kař-huxt-xiz-bar-d.

быть.красивым-AUG:PTC-платье[SG.NOM]–

надеть-COMPL/RES-IND[SG]

‘Мать одета в очень красивое платье’. (в.-с.) [ПМ 2000:3:104]

(91) а. *If* *hə-ñivx-ñřə-d.*

он/а[NOM] тот-человек[SG.NOM]–увидеть-IND[SG]

‘Он видит этого¹⁸ человека’. (ам.)

б. *Hə-ñivx* *i-ndə-γəta-d.*

тот-человек[SG.NOM] **3SG-увидеть-RES-IND[SG]**

‘Этот человек замечен (букв. (у)виден)’. (ам.) [Недялков, Отаина, Холодович 1974: 236]

3.3.5. Процессивные глаголы с суффиксом результата.

В пределах данного класса результатив образуется только от небольшой группы глаголов, которые обозначают процессы, оставляющие в реальной действительности определенные следы [Недялков, Отаина 1983: 84], ср. *qavjo-bar-d* ‘заплаканный’ в (92):

(92) *Eylŋ* *qavjo-bar-d.*

ребенок[SG.NOM] **плакать-RES-IND[SG]**

‘Ребенок заплаканный’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:51]

Необходимо, впрочем, отметить, что указанные финитные результативные формы, употребленные вне контекста, воспринимаются носителями языка как не вполне естественные. Гораздо более приемлемыми являются, на их взгляд, нефинитные причастные формы в форме результата, ср. *qavjo-bar-ŋ* ‘заплаканный’ в (93):

(93) *qavjo-bar-ŋ-eylŋ*

плакать-RES-PTC-ребенок[SG.NOM]

‘заплаканный ребенок’ (в.-с.)

---

¹⁸ В примерах (89а) и (89б) демонстративное местоимение *hə* более точно переводится как ‘тот’.

Результативы не образуются от процессивных глаголов, обозначающих передвижение, звуки и эмоции, а именно от таких глаголов, как ‘бежать’, ‘петь’, ‘драться’ и т. п. (Недялков, Отаина 1983: 84).

3.3.6. *Процессивно-терминативные глаголы с суффиксом результатива.* Данные глаголы образуют как субъектные, так объектные результативные формы. Как и в случае с процессивными глаголами, субъектный результатив образуется только от интранзитивных глаголов, первое значение которых заключается в обозначении процессов, оставляющих в реальной действительности определенные следы, ср. *u-γata-ǰ* ‘горелые’ в (94) и *u-var-d* ‘горелые’ в (95). В восточно-сахалинском примере (95) форма *u-var-d* может также интерпретироваться как комплетивная, ср. ‘сгорели’.

- (94) *Ti:r*   *u-γata-ǰ*.
 дрова[SG.NOM]   гореть-RES-IND[SG]
 ‘Дрова горелые (следы горения налицо)’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 84]
- (95) *T'χař*   *u-var-d*.
 дрова[SG.NOM]   гореть-COMPL/RES-IND[SG]
 ‘Дрова сгорели / дрова горелые’. (в.-с.) [ПМ 2000:3:63, ПМ 1991:4:4]

В следующем примере показано употребление исходной формы *jo-ǰ* ‘заржавел’ в (96а) и субъектно-результативной формы *jo-γata-ǰ* ‘ржавый’ в (96б):

- (96) а. *Anaq*   *jo-ǰ*.
 замок[SG.NOM]   ржаветь-IND[SG]
 ‘Замок заржавел’. (ам.)
- б. *Anaq*   *jo-γata-ǰ*.
 замок[SG.NOM]   ржаветь-RES-IND[SG]
 ‘Замок ржавый’. (ам.) [Недялков, Отаина, Холодович 1974: 246]

От транзитивных глаголов этого класса регулярно образуются формы объектного результатива, ср. исходную форму *řa-ǰ* ‘пожарила’ в (97а) и результатив *řa-γata-ǰ* ‘пожарена’ в (97б):

(97) а. *Ungu* *ʔ'o-ʔa-d.*
женщина[SG.NOM] рыба[SG.NOM]–**жарить-IND[SG]**
'Женщина пожарила рыбу'. (ам.)

б. *ʔ'o* *ʔa-ʔata-d.*
рыба[SG.NOM] **жарить-RES-IND[SG]**
'Рыба пожарена'. (ам.) [Недялков, Отаина, Холодович
1974: 236]

В следующем примере представлена исходная форма *ɖu-d* 'мыла', ср. (98а), комплетивная форма *ɖu-bar-d* 'вымыла', ср. (98б) и результивная форма *zu-bar-d* 'вымыт', ср. (98в):

(98) а. *Ñi* *palɥ-ɖu-d.*
я[NOM] пол[SG.NOM]–**мыть-IND[SG]**
'Я пол мыла'. (в.-с.)

б. *Ñi* *palɥ-ɖu-bar-d.*
я[NOM] пол[SG.NOM]–**мыть-COMPL/RES-IND[SG]**
'Я пол вымыла'. (в.-с.)

в. *Palɥ* *zu-bar-d.*
пол[SG.NOM] **мыть-COMPL/RES-IND[SG]**
'Пол вымыт'. (в.-с.) [ПМ 2000:3:64]

Несколько иное значение имеют результивные формы, образованные от глаголов, обозначающих процессы, направленные на уничтожение некоторого объекта, ср. ам., в.-с. *ra-/ta-/da-* 'пить / выпить (что-л.)', *tom-* 'сосать / высосать молоко', ам. *e-ɣri-/k'ra-/xrə-* 'грызть / сгрызть (что-л.)', ам., в.-с. *vavu-/pavu/-bavu-* 'жевать / разжевать (что-л.)', ам., в.-с. *i-ñ-/ñi-* 'есть / съесть (что-л.)'. Результивы от этих глаголов указывают «на результат начатого, но не доведенного до конца прерванного действия» [Недялков, Отаина, Холодович 1974: 237], ср. *i-ñ-ʔata-d* 'надъеден / недоеден' в (99) и *ra-ʔata-d* 'недопита' в (100):

(99) *Tə-lep* *i-ñ-ʔata-d.*
этот–хлеб[SG.NOM] **3SG-есть-RES-IND[SG]**
'Этот хлеб надъеден / недоеден'. (ам.) [Недялков, Отаина,
Холодович 1974: 237]

(100) *Arak* *ra-ʔata-d.*
водка[SG.NOM] **пить-RES-IND[SG]**
'Водка недопита'. (ам.) [Недялков, Отаина, Холодович
1974: 237]

3.3.7. *Терминативно-процессивные глаголы с суффиксом результатава*. От этих глаголов образуются все три теоретически возможных в нивхском языке типа результативов: субъектный, посессивный и объектный. Результативная форма обозначает состояние, возникшее в результате завершения предшествующего процесса.

Субъектные формы образуются от интранзитивных глаголов, ср. *tu-γəta-d* ‘умершие’ в (101) и *ʔosq-χar-d* ‘сломавшийся’ в (102):

(101) *Imŋ tu-γəta-d.*
они[NOM] умереть-RES-IND[SG]
‘Они мертвые (букв. умершие)’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 83]

(102) *Tuŋ-řərkəř ax tajfk*
этот–крючок[SG.NOM] уже давно
ʔosq-χar-d.
сломаться-COMPL/RES-IND[SG]
‘Этот крючок уже давно сломан (букв. сломавшийся)’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:36]

Посессивные результативные формы образуются от транзитивных глаголов. При этом в предложении не происходит смены диатезы, ср. *siu-βar-d* ‘снявши’ в (103):

(103) *Eylŋ ax*
ребенок[SG.NOM] уже
ki-siu-βar-d.
обувь[SG.NOM]–снять-COMPL/RES-IND[SG]
‘Ребенок уже разут (букв. обувь снявши)’. (в.-с.) [ПМ 2000:3:41]

Объектные результативные формы также образуются от транзитивных глаголов. В этом случае в предложении происходит смена диатезы, ср. исходную форму *fiŋi-d* в (104а) и производную результативную форму *fiŋi-γəta-d* ‘укрыта’ в (104б):

(104) а. *Ñi p-əmək-fiŋi-d.*
я[NOM] REFL-мать[SG.NOM]–укрыть-IND[SG]
‘Я свою мать [чем-то] укрыл’. (ам.)

б. *Ñ-əmək fiŋi-γəta-d.*
1SG-мать[SG.NOM] укрыть-RES-IND[SG]
‘Моя мать укрыта’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 83]

3.3.8. Моментальные глаголы с суффиксом результатива.

В амурском диалекте результатив может быть также образован от некоторых моментальных глаголов, ср. *qa-γəta-d* ‘стрелянное’ в (105б). В этом примере в позицию субъекта результативного глагола продвигается аргумент со значением инструмента. В данном случае речь может, по-видимому, идти еще об одном типе результатива, а именно об инструментальном результате:

- (105) а. *If meoŋu-γir*
он/а[NOM] ружье[SG]-INSTR
ñivx-q'a-d.
человек[SG.NOM]–застрелить-IND[SG]
‘Он человека застрелил’. (ам.)
- б. *I-meoŋu qa-γəta-d.*
3SG-ружье[SG.NOM] застрелить-RES-IND[SG]
‘Его ружье стрелянное (т. е. из него уже стреляли и это заметно по нему, так как оно (внутри) запачкано)’. (ам.)
[Недялков, Отаина, Холодович 1974: 243–244]

3.3.9. *Заключительные замечания.* В табл. 4 приведены результаты анализа глагольных форм с суффиксом результатива. Как уже неоднократно отмечалось, значением формы результатива всегда является некоторое состояние. При этом только у качественно-стативных и инцептивно-стативных глаголов суффикс актуализирует исходное значение состояния, тогда как у всех остальных глаголов, способных образовывать формы результатива, происходит трансформация исходного значения (как у качественных, качественно-инцептивных, процессивных, процессивно-терминативных и терминативно-процессивных глаголов).

Как нетрудно заметить, результатив образуется от различных по своей семантике глаголов. Глагол либо изначально указывает на некоторое состояние, характеризующее участника ситуации (как у качественно-стативных и инцептивно-стативных глаголов), либо в его исходном семантическом представлении присутствует значение вхождения в состояние, предполагающее наступление последнего (как у процессивно-терминативных и терминативно-процессивных глаголов). Состояние может также возникать в результате некоторого процесса, (как в случае допус-

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивхских глаголов с суффиксом результата**

Класс глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	‘состояние’
качественно-стативные	‘качество / состояние’	‘состояние’
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	‘состояние’
стативные	‘состояние’	—
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘состояние’
процессивные	‘процесс’	‘состояние’
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘состояние (результат прерванного действия)’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘состояние’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	—
моментальные	‘вхождение в состояние’	‘состояние’

кающих образование результативных форм процессивных и процессивно-терминативных глаголов) или моментального действия (как в случае моментальных глаголов). Наконец, состояние может образовываться как результат временной локализации качества (как у качественных и качественно-инцептивных глаголов).

Как справедливо отмечается в работе [Недялков, Отаина 1983: 83], результативные формы редко встречаются в позиции финитного глагола. Чаще всего они представлены нефинитными глагольными формами, а именно деепричастиями и причастиями.

Для полноты анализа приведем в данном разделе сводную табл. 5, в которой показаны все функции, выполняемые суффиксом комплетива / результата в восточно-сахалинском диалекте нивхского языка.

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивхских глаголов с суффиксом комплетива / результата
в восточно-сахалинском диалекте**

Класс глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	‘приобретение качества’ ‘качество (тотальный охват)’ ‘состояние’
качественно-стативные	‘качество / состояние’	‘приобретение качества’ ‘качество (тотальный охват)’ ‘состояние’
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	‘приобретение качества’ ‘состояние’
стативные	‘состояние’	‘состояние (тотальный охват)’
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘вхождение в состояние’ ‘состояние’
процессивные	‘процесс’	‘прекращение процесса’ ‘состояние’
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘вхождение в состояние’ ‘состояние’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘вхождение в состояние (тотальный охват)’ ‘состояние’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	‘вхождение в процесс (тотальный охват)’
моментальные	‘вхождение в состояние’	‘вхождение в состояние (тотальный охват)’ ‘состояние’

3.4. Производные аспектуальные значения глаголов с показателем континуатива. Форма континуатива представляет собой аналитическую форму ам. *-r/-t hum-*, в.-с. *-ř/-t/-n hunv-/hunm-*, включающую нефинитную форму смыслового глагола в виде деепричастия образа действия с суффиксом ам. *-r/-t*, в.-с. *-ř/-t/-n* и служебный глагол ам. *hum-*, в.-с. *hunv-/hunm-* со значением ‘находиться’. Эта форма передает одно из двух значений:

- (i) значение длительного процесса (с качественно-инцептивными и процессивно-терминативными глаголами);

- (ii) значение длительного состояния (с качественно-стативными, стативными, инцептивно-стативными и терминативно-процессивными глаголами).

Значение (i) может рассматриваться как собственно континуативное, а значение (ii) — как результативное. Существенным является тот факт, что в обоих случаях подчеркивается протяженность ситуации во времени.

Данная форма не образуется от качественных, процессивных, мультипликативных, ингрессивно-процессивных и моментальных глаголов.

3.4.1. *Качественно-стативные глаголы с показателем континуатива.* В форме континуатива у данных глаголов актуализируется значение состояния, которое наблюдается в течение длительного времени, ср. *t'omřomu-ř hunv-nd* 'молчит' в (106), и *qana-ř hunm-d* 'светлеет' в (107). В последнем случае подразумевается, что ситуация длится так долго, как говорящий ее наблюдает.

- (106) *Huŋ-řaŋc* *ayř in-taf-tox*
 тот-женщина[SG.NOM] всегда они[NOM]-дом[SG]-DAT
j-u-gisk *t'omřomu-ř*
 3SG-войти-CONV:CONC **быть.молчаливым-CONV:MAN:3SG**
hunv-nd.

находиться-IND[SG]

'Та женщина всегда, когда бы ни пришла в их дом, молчит'. (в.-с.) [ПМ 2000:7:108]

- (107) *T'aχ-mi-x* *nudvařklu*
 вода[SG]-в-ABL что-то[NOM]
qana-ř ***hunm-d.***
быть.светлым-CONV:MAN:3SG **находиться-IND[SG]**
 'В воде что-то светлеет'. (в.-с.) [ПМ 2000:7:38]

Поскольку производная континуативная форма, образованная от глаголов данного класса, обозначает состояние, она в семантическом плане представляет собой субъектный результатив (в широком смысле).

3.4.2. *Качественно-инцептивные глаголы с показателем континуатива.* Выступая в форме континуатива, эти глаголы мо-

гут передавать значение процесса приобретения качества, ср. *q'o-ř humm-d* 'богатеет' в (108). Напомним, что процессивное значение передается обычно формами прогрессива. Континуативные формы указывают, однако, на большую продолжительность процесса.

- (108) *Jaŋ p'akifaki q'o-ř*
 он/а[NOM] постепенно **быть.богатым-CONV:MAN:3SG**
humm-d.
находиться-IND[SG]
 'Он постепенно богатеет'. (в.-с.) [ПМ 2000:7:13]

3.4.3. Стаивные глаголы с показателем континуатива.

Континуативные формы, образованные от данных глаголов, подчеркивают, что участник ситуации длительное время пребывает / пребывал в некотором состоянии, ср. *k'raui-r hum-d* 'отдыхает' в (109) и *q'o-t hum-d-γu* 'спали' в (110). Все указанные формы можно отнести к субъектно-результативным.

- (109) *P'er-r k'raui-r*
 устать-CONV:MAN:3SG **отдыхать-CONV:MAN:3SG**
humm-d.
находиться-IND[SG]
 'Устав, отдыхает'. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 82]
- (110) *...hə-dəv-uin sək q'o-t*
 тот-дом[SG]-LOC все[NOM] **спать-CONV:MAN:3PL**
humm-d-γu.
находиться-IND-PL
 'В том доме все спали'. (ам.) [Панфилов 1965: 224]

3.4.4. Инцептивно-стаивные глаголы с показателем континуатива.

В континуативных формах, образованных от этих глаголов, актуализируется значение состояния, без подчеркивания того, что состояние наступило вследствие завершения некоторого процесса, но с указанием на то, что оно занимает длительный временной интервал. Только последняя коннотация отличает континуативные формы от результативных. Возможно образование субъектных форм, ср. *por-r hum-d* 'лежит' в (111) и *k'əp-ř humv-nd* 'стоишь' в (112), а также посессивных форм, ср. *lav-ř humm-nd* 'стоит, прислонившись' в (113):

- (111) *Tif-hutə-in* *por-r*
 дорога[SG.NOM]–середина[SG]-LOC **лечь-CONV:MAN:3SG**
hum-d.
находиться-IND[SG]
 ‘Посреди дороги лежит’. (ам.) [Панфилов 1965: 224]
- (112) *T'i janř*
 ты[NOM] почему:2SG
t'χař-tik-ř
 дрова[SG.NOM]–взять.в.охапку-CONV:MAN:3SG
k'əpr-ř ***hunv-nd?***
остановиться-CONV:MAN:3SG **находиться-IND[SG]**
 ‘Ты почему стоишь с дровами в охапке?’ (в.-с.) [ПМ 2000:3:100]
- (113) *Mu*
 лодка[SG.NOM]
əřkəř-lav-ř
 берег[SG.NOM]–прислониться-CONV:MAN:3SG
hunm-nd.
находиться-IND[SG]
 ‘Лодка стоит, прислонившись к берегу’ (в.-с.) [ПМ 1991:4:23]
- 3.4.5. *Процессивно-терминативные глаголы с показателем континуатива.* В форме континуатива указанные глаголы указывают на длительный процесс. В данном случае можно говорить об актуализации и модификации их процессуального значения, ср. *si-r hum-d* ‘кладет’ в (114) и *du-t hunv-nd-γun* ‘моют’ в (115):
- (114) *P'-lumř-ku*
 REFL-соболь-PL[NOM]
tləhontq-si-r ***hum-d.***
 мешок[SG.NOM]–класть-CONV:MAN:3SG **находиться-IND[SG]**
 ‘Своих соболей в мешок кладет’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 82]
- (115) *In pal-du-t*
 они[NOM] пол[SG.NOM]–мыть-CONV:MAN:3SG
hunv-nd-γun.
находиться-IND-PL
 ‘Они пол моют’. (в.-с.) [ПМ 1989:3:6а]

3.4.6. Терминативно-процессивные глаголы с показателем континуатива. Данные глаголы в форме континуатива выражают длительное состояние, образовавшееся в результате предшествующей ситуации, указывающей на вхождение в это состояние. Таким образом, континуативная форма трансформирует исходное значение глагола аналогично суффиксу результатива (который, однако, не может подчеркивать длительность состояния). Терминативно-процессивные глаголы допускают образование субъектных и объектных форм континуатива, однако, в отличие от результативных форм, по-видимому, не образуют посессивных форм.

Субъектные формы образуются от интранзитивных глаголов, ср. *tu-t hum-ǰ-γu* ‘мертвые’ в (116):

- (116) *Vi-r* *ǰt-γu-ozu-bar*
 пойти-CONV:MAN:3SG слуга-PL[NOM]—будить-CONV:CONC
ǰt-γu—sǰk *tu-t*
 слуга-PL—все[NOM] умереть-CONV:MAN:3PL
hum-ǰ-γu.
находиться-IND-PL
 ‘Подойдя, [он] слуг хотя и будил, слуги все мертвые были’.
 (ам.) [Панфилов 1965: 224]

Транзитивные глаголы образуют объектные формы, ср. *hurtov-t hum-ǰ-γu* ‘будучи привязаны, находились’ в (117), а также исходную форму *k‘ro-d* ‘повесил’ в (118а) и образованную от нее объектную форму *k‘ro-ř hunv-nd* ‘висит (букв. повешен)’ в (118б):

- (117) *...q‘a:t-liys-ku*
 быть.гладкошерстным:PTC—волк-PL[NOM]
hurtov-t *hum-ǰ-γu.*
привязать-CONV:MAN:3PL находиться-IND[SG]
 ‘...гладкошерстные волки, будучи привязаны, находились’.
 (ам.) [Панфилов 1965: 228]

- (118) а. *ǰtk* *p‘-vañ*
 отец[SG.NOM] REFL-котел[SG.NOM]
ǰeř-k‘ro-d.
 сук[SG.NOM]—повесить-IND[SG]
 ‘Отец повесил свой котел на сук’. (в.-с.)

- б. *ǰer-ux* *vañ*
 сук[SG]-ABL котел[SG.NOM]

teř-k'ro-ř

huvv-nd.

сух[SG.NOM]–повесить-CONV:MAN:3SG находится-IND[SG]
 ‘На суку висит (букв. повешен) котел’. (в.-с.) [ПМ 1989:3:7а]

3.4.7. *Заключительные замечания.* Результаты исследования производных значений глаголов в форме континуатива представлены в табл. 6. Как видно из таблицы, основным значением, передаваемым формой континуатива, является длительное состояние, что, безусловно, сближает ее с результативной формой, также обозначающей состояние. Существуют, однако, и различия между употреблением этих двух форм.

Так, континуативы не образуются от качественных глаголов, как это характерно для результативов, но зато образуются от стативных глаголов, что, напротив, результативам несвойственно. Данный факт объясняется, очевидно, тем, что центральным компонентом в семантике континуатива является протяженность во времени. Качественные глаголы описывают нелокализованные во времени ситуации, а значит, не могут быть охарактеризованы с точки зрения протяженности / непротяженности во времени. Как следствие данный класс глаголов не может употребляться в форме континуатива. Стативные же глаголы описывают состояния, которые относятся к локализованным во времени ситуациям, и соответственно могут быть кратковременными или, наоборот, длительными. Последнее из этих двух свойств как раз и может быть подчеркнуто формой континуатива.

У качественно-стативных и инцептивно-стативных глаголов континуатив актуализирует значение состояния (так же как и результатив), а у процессивно-терминативных глаголов — значение процесса. В обоих случаях происходит модификация значения, поскольку подчеркивается длительность ситуации.

У качественно-инцептивных глаголов происходит трансформация исходного значения в процесс. В данном случае уместно, видимо, говорить о трансформации второго инцептивного значения, поскольку, в силу указанных выше причин, первое качественное значение не может взаимодействовать с континуативом.

У терминативно-процессивных глаголов исходное значение трансформируется в длительное состояние. Как можно видеть, форма континуатива является еще одним индикатором, позволяющим провести различие между данными глаголами и процессивно-терминативными глаголами.

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивхских глаголов в форме континуатива**

Класс глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	—
качественно-стативные	‘качество / состояние’	‘состояние (длительное)’
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	‘процесс (длительный)’
стативные	‘состояние’	‘состояние (длительное)’
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘состояние (длительное)’
процессивные	‘процесс’	—
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘процесс (длительный)’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘состояние (длительное)’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	—
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

4. Сложные аспектуальные формы глаголов

Сложные аспектуальные формы глаголов включают по два аспектуальных показателя, которые могут образовывать следующие пары:

- (i) прогрессив + прогрессив (прогрессивно-прогрессивные формы, см. раздел 4.1),
- (ii) прогрессив + комплетив (прогрессивно-комплетивные формы, см. раздел 4.2),
- (iii) прогрессив + континуатив (прогрессивно-континуативные формы, см. раздел 4.3),
- (iv) комплетив + континуатив (комплетивно-континуативные формы, см. раздел 4.4),
- (v) результатив + континуатив (результативно-континуативные формы, см. раздел 4.5).

При анализе процесса аспектуальной деривации предполагается, что на первом шаге деривации исходное глагольное значение актуализируется / модифицируется / трансформируется аспектуальным показателем, расположенным в линейной структуре словоформы ближе к корню, а на втором шаге подвергается одному из указанных процессов под влиянием второго показателя, следующего за первым.

Чаще всего комбинация двух показателей в пределах одной словоформы возможна только в тех случаях, когда глагол допускает сочетание с каждым из этих показателей в отдельности. Однако, как будет показано ниже, это свойство следует считать скорее тенденцией, нежели жестким правилом.

4.1. Производные аспектуальные значения глаголов с двумя суффиксами прогрессива

Двойное употребление суффикса прогрессива зафиксировано только в восточно-сахалинском диалекте у некоторых качественных глаголов, описывающих метеорологические явления. При образовании прогрессивно-прогрессивных форм исходное значение глагола подвергается двойной трансформации: первый суффикс прогрессива маркирует значение процесса приобретения того или иного качества, а второй суффикс указывает на то, что речь идет о начальной фазе этого процесса, ср. *vukvuku-jvu-jvu-d* ‘начинает темнеть’ в (119):

- (119) *Egkun vi-da.*
 быстро:1PL пойти-IMP:1PL
Vukvuku-jvu-jvu-d.
быть.темным-PROGR-PROGR-IND[SG]
 ‘Пойдем быстро. Начинает темнеть’. (в.-с.) [ПМ 2000:6:47]

В принципе, двойное употребление суффикса прогрессива возможно, видимо, и по отношению к глаголам других классов (за исключением, очевидно, ингрессивно-процессивных глаголов) в тех случаях, когда единичный суффикс употребляется в процессуальном, а не в инхоативном значении. Однако примеров, поддерживающих эту гипотезу, в моих языковых материалах нет.

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивхских глаголов с двумя суффиксами прогрессива**

Классы глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	‘начальная фаза процесса (приобретения качества)’ (в.-с.)
качественно-стативные	‘качество / состояние’	—
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	—
стативные	‘состояние’	—
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	—
процессивные	‘процесс’	—
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	—
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	—
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	—
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

4.2. Производные аспектуальные значения глаголов с суффиксами комплетива и прогрессива

Суффиксы комплетива и прогрессива могут сочетаться в рамках одной словоформы, образуя следующие пары: ам. *-γət/-kət-* + *-ivu/-ivi-*, в.с. *-var/-χar-* + *-ivu/-ifu-*. Комплетивно-прогрессивные формы образуются от качественных, процессивных, процессивно-терминативных, ингрессивно-процессивных и терминативно-процессивных глаголов. Примеров образования данных форм от качественно-стативных, стативных, инцептивно-стативных и моментальных глаголов в моих языковых материалах не встретилось.

4.2.1. Качественные глаголы с суффиксами комплетива и прогрессива. Комплетивно-прогрессивная форма, образованная от данных глаголов, указывает на ситуацию, при которой процесс

становления качества (еще) не дошел до своего полного завершения, и, таким образом, качество не было приобретено в полной мере. В данном случае процесс аспектуальной деривации происходит, по-видимому, следующим образом. Суффикс комплетива трансформирует исходное качественное значение в значение приобретения качества, а суффикс прогрессива, в свою очередь, трансформирует это производное значение в значение процесса приобретения качества, ср. соответствующую глагольную форму в (120) и *kalyali-var-ivu-d* ‘становится почти совсем светло в (121):

(120) *Vukvuku-var-ivu-d.*

быть.темным-COMPL/RES-PROGR-IND[SG]
 ‘Становится темно’. (в.-с.)

(121) *Q'avi*   *kə-fke*   *ərk*   *kutlax*
 снег[SG.NOM]   идти-CONV:TEMP   ночь[SG.NOM]   снаружи
kalyali-var-ivu-d.

быть.светлым-COMPL/RES-PROGR-IND[SG]

‘На улице идет снег [долго], [поэтому] ночью на улице становится почти совсем светло’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:346]

4.2.2. *Процессивные глаголы с суффиксами комплетива и прогрессива.* Эти глаголы в комплетивно-прогрессивной форме обозначают постепенное прекращение процесса. Поскольку процессивные глаголы описывают неопредельные процессы, то речь в данном случае идет не о завершении процесса, а о его, условно говоря, естественном угасании. В ходе аспектуальной деривации суффикс комплетива трансформирует исходное процессуальное значение в значение прерывания процесса, а суффикс прогрессива трансформирует его обратно в процесс, который в данном случае следует, вероятно, считать предельным, ср. *vərk-γət-ivu-d* ‘начинает переставать нарывать’ в (122):

(122) *Ñ-rəmk*   *vərk-γət-ivu-d.*

1SG-рука[SG.NOM]   **нарывать-COMPL-PROGR-IND[SG]**

‘Моя рука начинает переставать нарывать’. (ам.) [Панфилов 1965: 79]

4.2.3. *Процессивно-терминативные глаголы с суффиксами комплетива и прогрессива.* Аспектуальное значение этих глаго-

лов в форме комплетива-прогрессива трактуется носителями языка по-разному.

Наиболее часто указанные словоформы интерпретируются как указывающие на начало завершающей стадии процесса, ср. *t'ou-bar-ivu-d* 'тает (почти растаял)' в (123) и *ñi-bar-ivu-d* 'доедает' в (124):

(123) *Q'avi*   *t'ou-bar-ivu-d*
 снег[SG.NOM]   **таять-COMPL/RES-PROGR-IND[SG]**
 'Снег тает (уже почти растаял, немного осталось)'. (в.-с.)
 [ПМ 1991:4:346]

(124) *Qanη*   *sik*
 собака[SG.NOM]   все
tuñ-ñi-bar-ivu-d
 мясо[SG.NOM]-**есть-COMPL/RES-PROGR-IND[SG]**
 'Собака все мясо доедает (дали большой кусок, несмотря на это все съедает, немного осталось)'. (в.-с.) [ПМ 1991:4:346]

Если следовать предложенной для приведенных выше примеров интерпретации, то можно сделать вывод о том, что в примере (125), где употреблена форма *toz-γət-ivu-d* 'начал угасать', также, по-видимому, идет речь о завершающей фазе процесса (поскольку огонь угас настолько, что стало уже темно), хотя глагольная форма и переводится как начинательная:

(125) *T'uγř*   *toz-γət-ivu-d*
 огонь[SG.NOM]   **гаснуть-COMPL-PROGR-IND[SG]**
ηəha-d
 быть.темным-IND[SG]
 'Огонь начал угасать, темно'. (ам.) [Панфилов 1965: 78]

В следующем примере (126) с глагольной формой *u-bar-ifu-d* 'начинает гореть' носители языка видят другое аспектуальное значение, а именно начало процесса. В предложении, как кажется, присутствует также дополнительный оттенок превентивности. Говорящий, видимо, хочет подчеркнуть, что процесс дойдет до своей завершающей стадии (в данном случае сгорит), если слушающий не предпримет каких-либо мер для предотвращения этой ситуации.

(126) *Idə-ja*   *t' -ñirη-ux*   *t'om*
 увидеть-IMP:2SG   2SG-чашка[SG]-ABL   жир[SG.NOM]

и-вар-ифу-д.

гореть-COMPL/RES-PROGR-IND[SG]

‘Смотри, у тебя на сковородке (букв. в чашке) жир начинает подгорать’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:346]

Как мне представляется, во всех приведенных примерах речь идет о более или менее однотипных ситуациях, которые описывают процесс, стремящийся к завершению. Тот факт, что в одном случае перевод подчеркивает его конечную фазу, а в другом — начальную, связан, по-видимому, прежде всего с возможностью подчеркнуть данные значения в русском переводе, поскольку морфологических средств для выражения фазовых значений в рамках данной нивхской конструкции нет. Если говорить об аспектуальной деривации, то суффикс комплетива актуализирует исходное значение вхождения в состояние, а суффикс прогрессива трансформирует его в значение процесса.

4.2.5. *Терминативно-процессивные глаголы с суффиксами комплетива и прогрессива.* В том случае, когда суффиксы комплетива и прогрессива присоединяются к глаголам данного класса, производная форма указывает на то, что некоторый предельный процесс осуществляется полностью одним участником ситуации или всеми участниками ситуации, ср. *ʃosq-ɣar-ifu-d* ‘[полностью] разваливается’ в (127) и *p’řə-var-ivu-d-γun* ‘[все] приходят’ в (128). При этом суффикс комплетива указывает на тотальный охват ситуацией одного ее участника или всех ее участников, а суффикс прогрессива актуализирует исходное значение процесса.

(127) *Ñin-daf* *ñřaksk*

мы:EXCL[NOM]—дом[SG.NOM] совсем

ʃosq-ɣar-ifu-d.

сломаться-COMPL/RES-PROGR-IND[SG]

‘Наш дом полностью разваливается’. (в.-с.) [ПМ 2000:5:130]

(128) *Sik* ***p’řə-var-ivu-d-γun.***

все[NOM] **прийти-COMPL/RES-PROGR-IND-PL**

‘Все приходят’. (в.-с.) [ПМ 2000:5:128]

4.2.4. *Ингрессивно-процессивные глаголы с суффиксами комплетива и прогрессива.* Значение тотального охвата процессом выражается и в тех случаях, когда суффиксы комплетива и про-

грессива присоединяются к ингрессивно-процессивным глаголам, ср. *vi-bar-ivu-d-γun* ‘[все] уходят’ в (129). Аспектуальная деривация происходит также по аналогичной модели, а именно маркируемое суффиксом комплетива значение тотального охвата ситуацией сопровождается актуализацией исходного процессуального значения под воздействием суффикса прогрессива.

(129) *Eγvoŋ-gun-sikm*

житель.той.деревни-PL-все[NOM]

vi-bar-ivu-d-γun.

пойти-COMPL/RES-PROGR-IND-PL

‘Все жители той деревни уходят [из нее]’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:346]

4.2.6. *Заключительные замечания.* В табл. 8 приведены исходные и производные значения глаголов в комплетивно-прогрессивной форме.

Таблица 8

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивхских глаголов с суффиксами комплетива и прогрессива**

Классы глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	‘процесс (приобретения качества)’
качественно-стативные	‘качество / состояние’	—
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	—
стативные	‘состояние’	—
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	—
процессивные	‘процесс’	‘процесс (постепенное прекращение)’
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘процесс (стремящийся к завершению)’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘процесс (тотальный охват)’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	‘процесс (тотальный охват)’
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

(131) *Ñ-asq*

1SG-младший.брат[SG.NOM]

p'řə-jvu-ř

hunv-nd.

пойти-PROGR-CONV:MAN:3SG находиться-IND[SG]

‘Мой младший брат приближается (букв. приходит)’. (в.-с.)

[ПМ 1991:5:7]

4.3.3. *Заключительные замечания.* В табл. 9 представлены исходные и производные значения глаголов с показателями прогрессива и континуатива.

Таблица 9

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивских глаголов с показателями прогрессива и континуатива**

Классы глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	—
качественно-стативные	‘качество / состояние’	—
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	—
стативные	‘состояние’	‘начальная фаза состояния (длительная)’
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	—
процессивные	‘процесс’	—
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	—
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘процесс (длительный)’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	—
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

Можно предположить, что потенциально прогрессивно-континуативные формы могут образовываться от глаголов и других классов (за исключением, естественно, моментальных глаголов), однако релевантных примеров в моих языковых материалах не зафиксировано.

4.4. Производные аспектуальные значения глаголов с показателями комплетива и континуатива

О существовании отдельных комплетивно-континуативных форм можно говорить в первую очередь по отношению к амурскому диалекту, поскольку в восточно-сахалинском диалекте не всегда отчетливо прослеживается различие между комплетивно-результативными и результативно-континуативными формами.

Комплетивно-континуативные формы образуются с помощью суффикса комплетива ам. *-γət/-kət-* или комплетива / результатива в.-с. *-var-/χar-*, который включается в нефинитную глагольную форму на ам. *-r/-t*, в.-с. *-ř/-t/-n*, вслед за которой следует вспомогательный глагол ам. *hum-*, в.-с. *hunv-/hunm-* ‘находиться’.

В амурском диалекте нередко происходит слияние суффикса *-r/-t* и вспомогательного глагола *hum-*, в результате чего образуются синтетические формы с суффиксом *-řum/-tum*. Данные формы широко представлены в фольклорных текстах, опубликованных в [Панфилов 1965].

Исследуемые сложные аспектуальные формы образуются, по-видимому, только от стативных, инцептивно-стативных и процессивно-терминативных глаголов.

4.4.1. Стативные глаголы с показателями комплетива и континуатива. Данные глаголы в комплетивно-континуативной форме встречаются только в материалах восточно-сахалинского диалекта. Они указывают на длительное состояние, наступившее в результате вхождения в это состояние. На первом этапе аспектуальной деривации суффикс результатива трансформирует исходное значение состояния в значение вхождения в состояние¹⁹. Далее суффикс континуатива трансформирует его обратно в состояние, но на этот раз подчеркивается длительность последнего, ср. субъектные формы *qo-var-ř hunv-nd* ‘был больной / заболевший’ в (132) и *qoz-var-t hunv-nd* ‘сердитая / рассердившаяся [сизу]’ в (133):

¹⁹ Интересно, что вне данной аналитической группы стативные глаголы присоединяют суффикс результатива (или точнее комплетива / результатива, поскольку речь идет о восточно-сахалинском диалекте) только в значении тотального охвата состоянием. С помощью данного суффикса нельзя выразить значение вхождения в состояние, ср. **qo-var-d* ‘заболел’ или **qo-var-d* ‘рассердился’.

- (132) *Ñin* *p'řə-ŋa jaŋ*
 мы:EXCL[NOM] прийти-CONV:TEMP он/а[NOM]
qo-bar-ř ***hunv-nd.***
болеть-COMPL/RES-CONV:MAN:3SG **находиться-IND[SG]**
 'Когда мы пришли, он был больной / заболевший'. (в.-с.)
 [ПМ 1991:5:5]
- (133) *Ñi* *qoz-bar-t*
 я[NOM] сердиться-COMPL/RES-CONV:MAN:1SG
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
 'Я сердитая / рассердившаяся [сизу]'. (в.-с.) [ПМ 1991:5:6]

4.4.2. *Инцептивно-стативные глаголы с показателями комплетива и континуатива.* Сложная комплетивно-континуативная форма, образованная от данных глаголов, также указывает на длительное состояние. На первом этапе деривации суффикс комплетива актуализирует значение вхождения в состояние, а затем суффикс континуатива трансформирует его в длительное состояние. В отличие от собственно континуативных форм, образованных от данной группы глаголов, в данном случае подчеркивается, что состояние наступило в результате предшествующего процесса.

В языковых материалах есть примеры образования только субъектных форм, ср. *por-γət-t hum-ǧ-ra* 'лежа находились' в (134):

- (134) *Imŋ* *p'řə-ŋan* *at-γu*
 они[NOM] прийти-CONV:TEMP тигр-PL[NOM]
hə-bal-laqv *sək*
 тот-гора[SG]-около[NOM] все[NOM]
por-γət-t ***hum-ǧ-ra.***
лечь-COMPL-CONV:MAN:3PL **находиться-IND[SG]-FOC**
 'Когда они пришли, тигры вокруг этой горы все лежа находились'. (ам.) [Панфилов 1965: 71]

Глагольную форму *por-γət-t hum-ǧ-ra* 'лежа находились' из примера (134) можно сопоставить с результативно-континуативной формой, образованной от того же глагола *por-* 'лечь / лежать' и включающей показатель результата и континуатива, ср. пример (139).

4.4.3. *Процессивно-терминативные глаголы с показателями комплетива и континуатива.* Данные глаголы в комплетивно-континуативной форме также передают длительное состояние, образовавшееся в результате предшествующего процесса. Модель аспектуальной деривации также аналогична: суффикс комплетива актуализирует значение вхождения в состояние, а форма континуатива трансформирует его в длительное состояние.

У этого класса глаголов зафиксированы только объектные формы, ср. *hunḍi-γət-ř hum-ra* ‘сложена’ в (135), а также *řa-γət-řum-ḍ* ‘нажарено’ и *χau-γət-řum-ḍ* ‘высушена’ в (136):

- (135) *J-añta-ηan* *uns-ku*
 3SG-смотреть-CONV:TEMP посуда-PL[NOM]
zu-γət-ř
 мыть-COMPL-CONV:MAN:3PL
hunḍi-γət-ř* *hum-ra.
складывать-COMPL-CONV:MAN:3PL находиться-COORD:3SG
 ‘Когда посмотрела, посуда вымыта, сложена’. (ам.) [Панфилов 1965: 250]

- (136) *Ṭus-añta-ηan*
 мясо[SG.NOM]-смотреть-CONV:TEMP
řa-γət-řum-ḍ.
жарить-COMPL-CONT-IND[SG]
Laqlaq *añtəj* *χau-γət-řum-ḍ.*
 шкурка[SG.NOM] опять **сушить-COMPL-CONT-IND[SG]**
 ‘Когда посмотрел на мясо, [оно] нажарено. Шкурка опять высушена’. (ам.) [Панфилов 1965: 248]

4.4.4. *Заключительные замечания.* Табл. 9 еще раз демонстрирует, что образование комплетивно-континуативных форм возможно только у трех классов глаголов.

У инцептивно-стативных и процессивно-терминативных глаголов образование данных форм происходит по одному и тому аспектуальному «сценарию», поскольку в семантике этих, на первый взгляд, различных классов глаголов есть по крайней мере два объединяющих фактора. Во-первых, у обоих классов одним из исходных значений является значение вхождения в состояние, а во-вторых, данное значение можно актуализировать с помощью

суффикса комплетива. В скобках заметим, что у терминативно-процессивных глаголов одно из значений также относится к вхождению в состояние, однако суффикс комплетива не может его актуализировать, в результате чего образование комплетивно-континуативных форм от этого класса глаголов невозможно.

Таблица 9

**Исходные и производные аспектуальные значения
нивских глаголов с показателями комплетива и континуатива**

Классы глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	—
качественно-стативные	‘качество / состояние’	—
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	—
стативные	‘состояние’	‘состояние (длительное)’
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘состояние (длительное)’
процессивные	‘процесс’	—
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘состояние (длительное)’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	—
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	—
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

У стативных глаголов процесс аспектуальной деривации отличается тем, что сначала происходит не актуализация, а трансформация исходного значения в значение вхождения в состояние, а затем, так же как и в других случаях, показатель континуатива трансформирует его в длительное состояние.

4.5. Производные аспектуальные значения глаголов с показателями результата и континуатива

Результативно-континуативные формы образуются с помощью суффикса результата ам. *-γəta-/kəta-* или комплетива /

результатива в.-с. *-bar/-χar-*, который включается в нефинитную глагольную форму на ам. *-r/-t*, в.-с. *-ř/-t/-n*, вслед за которой следует вспомогательный глагол ам. *hum-*, в.-с. *hunv-/hunm-* ‘находиться’. Данные формы, как правило, занимают позицию финитного глагола и образуются от качественно-инцептивных, инцептивно-стативных, терминативно-процессивных и процессивно-терминативных глаголов. Все производные формы имеют значение длительного состояния.

Примеров образования указанных форм от качественных, качественно-стативных, стативных, процессивных, ингрессивно-терминативных и моментальных глаголов в моих материалах нет.

4.5.1. Качественно-инцептивные глаголы с показателями результатива и континуатива. При образовании результативно-континуативных форм от данных глаголов суффикс результатива трансформирует исходное значение качества в значение состояния, которое, напомним, у глаголов этой группы связано с некоторым предшествующим процессом, а континуативная форма подчеркивает длительность этого состояния, ср. субъектные формы *ñizŋ-jo-χar-t hunm-d* ‘босой / разувшийся [стою]’ в (137) и *q‘or-χar-t hunm-d-yun* ‘богатые / разбогатевшие’ в (138):

(137) *Ki-səu-tot*
 обувь[SG.NOM]–снять-CONV:TEMP:1SG
ñizŋ-jo-χar-t *hunm-d.*
быть.босым-COMPL/RES-CONV:MAN:3PL находиться-IND[SG]
 ‘Обувь сняв, босой / разувшийся [стою]’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:72]

(138) *Ja-ruvŋ-gun-sik*
 3SG-родственник[PL]–все[NOM]
q‘or-χar-t
быть.богатым-COMPL/RES-CONV:MAN:3PL
hunm-d-yun.
находиться-IND-PL
 ‘Его родственники все богатые / разбогатевшие’. (в.-с.) [ПМ 2000:7:46]

Сложные результативно-континуативные формы, образованные от качественно-инцептивных глаголов, по своей семанти-

ке чрезвычайно близки к простым результативным формам, образованным от этой же группы глаголов.

4.5.2. *Инцептивно-стативные глаголы с показателями результата и континуатива.* У данных глаголов результатив актуализирует значение состояния, а континуатив подчеркивает его продолжительность.

Интранзитивные глаголы допускают образование субъектных форм, ср. *por-γata-m hum-d* ‘лежат’ в (139), а транзитивные глаголы — образование посессивных форм, ср. *xiz-bar-ř hunv-nd* ‘одет’ в (140) и *lav-χar-ř hunm-nd* ‘стоит, прислонившись’ в (141):

(139) *Hoke imη-doχ tαγ-d me-n-m*
потом они-DAT подойти-IND[SG] два-CL:люди-COLL
por-γata-t hum-d.
лечь-RES-CONV:MAN:3PL находиться-IND[SG]
‘Потом к ним подошел, вдвоем лежат’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 89]

(140) *T'i janř eqkuř*
ты[NOM] почему:2SG рано:2SG
oq-xiz-bar-ř
шуба[SG.NOM]—**надеть-COMPL/RES-IND[SG]**
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
‘Ты почему в шубу рано одет?’ (в.-с.) [ПМ 2000:3:91]

(141) *Mi*
лодка[SG.NOM]
əřkəř-lav-χar-ř
берег[SG.NOM]—**прислониться-COMPL/RES-CONV:MAN:3SG**
hunm-nd.
находиться-IND[SG]
‘Лодка стоит, прислонившись к берегу’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:23]

Как и в случае с качественно-инцептивными глаголами, различие между семантикой результативных и результативно-континуативных форм, образованных от инцептивно-стативных глаголов, заключается в указании на меньшую / бóльшую временную длительность ситуации соответственно.

4.5.3. *Процессивно-терминативные глаголы с показателями результата и континуатива.* Данные глаголы образуют посессивные и объектные результативно-континуативные формы, описывающие длительное состояние, наступившее в результате предшествующего процесса. Суффикс результата трансформирует исходное значение в состояние, а континуатив модифицирует его в длительное состояние.

В примере (142) приведена посессивная форма *kətə-вар-ř hunv-nd* ‘просунув, [ее] держит’:

- (142) *Tamk-kətə-вар-ř*
рука[SG.NOM]–**просовывать-COMPL/RES-CONV:MAN:3SG**
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
‘[Он] руку просунув, [ее] держит’. (в.-с.) [ПМ 1991:4:46]

Пример (143) иллюстрирует употребление исходной формы *taju-вар-d-γun* ‘разрушили’, ср. (143а), объектной результативной формы *taju-вар-d* ‘разрушена’, ср. (143б), и объектной результативно-континуативной формы *taju-вар-ř hunv-nd* ‘[стоит], разрушенная’, ср. (143в):

- (143) а. *Vaiγun-γun*
враг-PL[NOM]
vo-taju-вар-d-γun.
деревня[SG.NOM]-**разрушать-COMPL/RES-IND-PL**
‘Враги разрушили деревню’. (в.-с.) [ПМ 1989:3:76]
- б. *Vo* *taju-вар-d.*
деревня[SG.NOM] **разрушать-COMPL/RES-IND[SG]**
‘Деревня разрушена’. (в.-с.) [ПМ 1989:3:76]
- в. *Vo* *taju-вар-ř*
деревня[SG.NOM] **разрушать-COMPL/RES-CONV:MAN:3SG**
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
‘Деревня [стоит] разрушенная’. (в.-с.) [ПМ 1989:3:76]

4.5.4. *Терминативно-процессивные глаголы с показателями результата и континуатива.* У этих глаголов аспектуальная деривация при образовании результативно-континуативных форм происходит сходным образом. Исходное значение под воздействием

вием суффикса результатава трансформируется в состояние, а затем континуатив подчеркивает его длительность. При этом образуются субъектные, посессивные или объектные формы.

Приведенный ниже пример (144) иллюстрирует употребление субъектной формы, ср. *ти-вар-ř hunv-nd* ‘умерший [находится]’:

- (144) *Hun-ř ‘xəf* *ти-вар-ř*
тот–медведь[SG.NOM] **умереть-COMPL/RES-CONV:MAN:3SG**
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
‘Тот медведь умерший [находится]’. (в.-с.) [ПМ 1998:3:8]

Следующий пример (145) включает посессивную форму *сиу-вар-ř hunv-nd* ‘обувь] снявши’:

- (145) *Eylŋ*
ребенок[SG.NOM]
ki-siu-вар-ř
обувь[SG.NOM]–**снять-COMPL/RES-CONV:MAN:3SG**
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
‘Ребенок [стоит] разутый (букв. обувь снявши)’. (в.-с.) [ПМ 2000:3:92]

Последние два примера демонстрируют употребление объектных форм, ср. *j-ərp-γəta-r hum-ǰ* ‘закрыта [была]’ в (146) и *řəřk-γar-ř hunv-nd* ‘закрыт на замок’ в (147):

- (146) *P ‘řə* *j-ərp-γəta-r*
лесная.избушка[SG.NOM] **3SG-закрыть-RES-CONV:MAN:3SG**
hum-ǰ.
находиться-IND[SG]
‘Лесная избушка закрыта [была]’. (ам.) [Недялков, Отаина 1983: 83]

- (147) *Taf* *tolvai-ŋə*
дом[SG.NOM] **быть.зима-CONV:TEMP**
řəřk-γar-ř
закрыть.на.замок-COMPL/RES-CONV:MAN:3PL
hunv-nd.
находиться-IND[SG]
‘Зимой дом закрыт на замок’. (в.-с.) [ПМ 2000:3:54]

4.5.5. *Заключительные замечания.* В табл. 10 представлены результаты анализа результативно-континуативных форм.

Таблица 10

Исходные и производные аспектуальные значения нивхских глаголов с показателями результата и континуатива

Классы глаголов	Исходное значение глаголов	Производное значение глаголов
качественные	‘качество’	—
качественно-стативные	‘качество / состояние’	—
качественно-инцептивные	‘качество / приобретение качества’	‘состояние (длительное)’
стативные	‘состояние’	—
инцептивно-стативные	‘вхождение в состояние / состояние’	‘состояние (длительное)’
процессивные	‘процесс’	—
процессивно-терминативные	‘процесс / вхождение в состояние’	‘состояние (длительное)’
терминативно-процессивные	‘вхождение в состояние / процесс’	‘состояние (длительное)’
ингрессивно-процессивные	‘вхождение в процесс / процесс’	—
моментальные	‘вхождение в состояние’	—

Если сравнить табл. 4 и 10, то нетрудно заметить, что сложные результативно-континуативные формы образуются только от глаголов, которые допускают образование простых результативных форм, и, как уже неоднократно отмечалось, по своей семантике отличаются от последних только признаком длительности. Однако не для всех глаголов, образующих простые результативные формы, зафиксированы сложные результативно-континуативные формы. Возможности образования данных сложных форм требуют дополнительного исследования.

5. Заключение

В заключение приведем основные формальные свойства глаголов, принадлежащих к различным аспектуальным классам, которые были проанализированы в настоящем исследовании.

5.1. Качественные глаголы

Качества, как известно, имеют стабильный, неразвивающийся характер и являются нелокализованными во времени ситуациями. Однако под влиянием суффикса результатива может происходить их временная локализация, в результате чего исходное качественное значение трансформируется в значение состояния.

Если качество относится к числу не исконных, а приобретенных признаков, то с помощью суффикса прогрессива или суффикса прогрессива в сочетании с суффиксом комплетива говорящий может указать на то, что данное качество приобретается участником ситуации постепенно, а с помощью показателя комплетива — на то, что процесс приобретения данного качества завершен. Суффикс комплетива, кроме того, может передавать значение интенсивности или значение тотального охвата всех участников ситуации данным качеством. Далее, в процессе становления качества можно выделить начальную фазу, что маркируется двумя суффиксами прогрессива. Наконец, сочетание суффиксов комплетива и прогрессива может указывать на то, что в ходе становления качества последнее еще не было приобретено до конца.

От качественных глаголов не образуются континуативные формы, что связано, очевидно, с семантикой данных глаголов, не предполагающих какой-либо длительности или какого-либо протекания качества во времени.

5.2. Качественно-стативные глаголы

Данные глаголы демонстрируют свойства как качественных, так и стативных глаголов. Так, аналогично качественным глаголам в сочетании с суффиксом прогрессива они указывают на процесс приобретения качества, а в сочетании с суффиксом комплетива — на завершение этого процесса. Однако глагольные словоформы с суффиксом комплетива могут также передавать значение тотального охвата состоянием, что характерно для стативных глаголов.

Исходное значение состояния актуализируется у данных глаголов либо с помощью суффикса результатива, либо путем образования континуативной формы. В последнем случае подчеркивается длительность состояния.

Примеров образования сложных форм от данных глаголов не зафиксировано.

5.3. Качественно-инцептивные глаголы.

Эти глаголы обладают как качественными, так и процессуальными свойствами. Так же, как и в случае с качественными глаголами, исходное качественное значение может быть трансформировано в значение состояния с помощью результативного суффикса или в значение процесса приобретения качества с помощью суффикса прогрессива. Длительность состояния может быть подчеркнута сложной результативно-континуативной формой, тогда как длительность процесса приобретения качества — простой формой континуатива. Следует отметить, что, помимо данной группы глаголов, значение длительного процесса выражается континуативной формой только у процессивно-терминативных глаголов.

Суффикс комплетива актуализирует у качественно-инцептивных глаголов исходное значение приобретения качества.

5.4. Стаивные глаголы

Состояния, так же как и качества, отличаются определенной стабильностью, однако, поскольку они всегда являются не постоянной, а временной характеристикой участника ситуации, в их протекании можно выделить по крайней мере начальную фазу, которая маркируется суффиксом прогрессива. Длительность этой начальной фазы акцентируется сложной прогрессивно-континуативной формой.

В отличие от качеств, временные состояния могут характеризоваться длительностью во времени, которая может подчеркиваться либо с помощью простой формы континуатива, либо с помощью сложной результативно-континуативной формы (вследствие интранзитивности ставивных глаголов только субъектной). С другой стороны, так же как и в случае с качествами, интенсивность состояния (в амурском диалекте) выражается с помощью суффикса комплетива, который также передает значение тотального охвата всех участников ситуации данным состоянием. Комплетивно-континуативная форма указывает на длительность состояния, наступившего в результате предшествующего процесса.

В силу своей непроцессуальной семантики, стативные глаголы не допускают образования сложных прогрессивно-прогрессивных и комплетивно-прогрессивных форм.

5.5. Инцептивно-стативные глаголы

Инцептивное значение, характерное для данных глаголов, может быть актуализировано с помощью суффикса комплетива, который указывает на вхождение в состояние, а значение состояния — с помощью результативного суффикса, который подчеркивает, что состояние было приобретено в ходе предшествующего процесса. В последнем случае образуются субъектные, посесивные и объектные формы.

Суффикс прогрессива передает значение процесса, в ходе которого происходит переход в новое состояние, а континуативная, комплетивно-континуативная и результативно-континуативная формы указывают на длительность состояния.

В моем корпусе нет примеров сложных прогрессивно-прогрессивных форм, образованных от глаголов этого класса, хотя теоретически образование таких форм, по-видимому, исключить нельзя.

5.6. Процессивные глаголы

Поскольку процесс предполагает развитие во времени, у него может быть выделена начальная фаза, которая маркируется у процессивных глаголов суффиксом прогрессива. Суффикс комплетива у данных глаголов выражает значение прерывания или прекращения процесса, которое может быть выражено и сложной комплетивно-континуативной формой. В последнем случае подчеркивается, что процесс прекращался постепенно. От небольшой группы процессивных глаголов образуются также субъектные результативные формы, выражающие состояние, наступившее в результате предшествующего процесса.

Процессивные глаголы не образуют форм континуатива, в том числе сложных комплетивно-континуативных и результативно-континуативных форм. Вероятно, это связано с тем, что исходные формы данных глаголов однозначно передают значение длительного развивающегося процесса и не нуждаются в его дополнительной актуализации.

Кроме того, от данных глаголов не образуются и сложные прогрессивно-прогрессивные формы, поскольку простые прогрессивные формы, образованные от глаголов данной группы, уже указывают на начало процесса.

5.7. Процессивно-терминативные глаголы

Различные стадии процесса, передаваемого процессивно-терминативными глаголами, маркируются следующим образом. Суффикс прогрессива указывает на начало процесса, а суффикс комплетива актуализирует вторичное значение вхождения в состояние. Форма континуатива подчеркивает длительность процесса, а суффикс результата указывает на состояние, наступившее в результате завершения предшествующего процесса. В последнем случае возможно образование как субъектных, так и объектных форм.

Сложная комплетивно-прогрессивная форма служит для выражения процесса, стремящегося к своему завершению. Комплетивно-континуативная и комплетивно-результативная формы передают длительное состояние. При этом образуются только объектные формы.

5.8. Терминативно-процессивные глаголы

Терминативно-процессивные глаголы реагируют на присоединение аспектуальных показателей следующим образом. Процессуальное значение у данных глаголов актуализируется с помощью суффикса прогрессива. При этом длительность процесса подчеркивается сложной прогрессивно-континуативной формой. Суффикс комплетива маркирует охват ситуацией (= вхождение в состояние) всех ее участников, а сложные комплетивно-континуативные формы — тотальный охват процессом.

Результативные и результативно-континуативные формы (субъектные, посессивные и объектные), а также формы континуатива (субъектные и объектные) указывают на состояние, наступившее в результате произошедшего события. В обеих континуативных формах подчеркивается длительность состояния.

5.9. Ингрессивно-процессивные глаголы

По сравнению с другими классами глаголов (за исключением моментативов) ингрессивно-процессивные глаголы взаимо-

действуют с аспектуальными показателями достаточно пассивно. При присоединении суффикса прогрессива у данных глаголов актуализируется значение процесса. Суффикс комплетива маркирует либо необратимость процесса, либо охват ситуацией (= вхождение в процесс) всех ее участников. Сложная комплетивно-прогрессивная форма в свою очередь маркирует охват всех участников процессом.

Формы результатива и континуатива, а также сложные прогрессивно-прогрессивные, комплетивно-континуативные и результативные формы от данного класса глаголов, по-видимому, не образуются.

5.10. Моментальные глаголы

Из всех аспектуальных показателей моментальные глаголы регулярно присоединяют только суффикс комплетива, который маркирует тотальный охват моментальным действием всех участников ситуации. Кроме того, некоторые моментальные глаголы могут оформляться суффиксом результатива, который трансформирует исходное значение, передаваемое этими глаголами, в значение состояния.

Источники

ПМ — Полевые материалы автора (1989 г., 1991 г., 2000 г.).

Литература

- Груздева 1994 — Е. Ю. Груздева. Таксисные отношения во временных полипредикативных конструкциях нивхского языка. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб.: ИЛИ РАН, 1994.
- Крейнович 1979 — Е. А. Крейнович. Нивхский язык // Языки Азии и Африки. Т. III. Языки древней передней Азии (несемитские). Иберийско-кавказские языки. Палеоазиатские языки. М.: Наука, 1979. С. 295–329.
- Недялков, Отаина 1983 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина. Результатив и континуатив в нивхском языке // В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, пассив, перфект). Л.: Наука, 1983. С. 80–89.
- Недялков, Отаина 1987 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина. Типологические и сопоставительные аспекты анализа зависимого таксиса (на материале нивхского языка в сопоставлении с русским) //

- А. В. Бондарко (ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.: Наука, 1987. С. 296–319.
- Недялков, Отаина 2011 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина. Очерки по синтаксису нивхского языка. М.: Знак, 2011.
- Недялков, Отаина, Холодович 1974 — В. П. Недялков, Г. А. Отаина, А. А. Холодович. Диатезы и залогии в нивхском языке // А. А. Холодович (ред.). Типология пассивных конструкций. Диатезы и залогии. Л.: Наука, 1974. С. 232–251.
- Отаина 1978 — Г. А. Отаина. Качественные глаголы в нивхском языке. М.: Наука, 1978.
- Панфилов 1962 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка 1. М.; Л.: Наука, 1962.
- Панфилов 1965 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка 2. М.; Л.: Наука, 1965.
- Савельева, Таксами 1970 — В. Н. Савельева, Ч. М. Таксами. Нивхско-русский словарь. М.: Советская энциклопедия, 1970.
- Татевосов 2010 — С. Г. Татевосов. Акциональность в лексике и грамматике. Авторефер. дис. ... докт. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Штернберг 1900 — Л. Я. Штернберг. Образцы материалов по изучению нивхского языка и фольклора, собранных на острове Сахалине и в низовьях Амура. Известия имп. Академии Наук. V серия, т. XIII, 4. СПб., 1900. С. 386–434.
- Bach 1986 — E. Bach. The algebra of events // *Linguistic and Philosophy* 9 (1), 1986. P. 5–16.
- Gruzdeva 1997 — E. Gruzdeva. Plurality of situations in Nivkh // V. S. Xra-kovskij (ed.). *Typology of Iterative Constructions*. München; Newcastle: LINCUM Europa, 1997. P. 164–185. (LINCUM Studies in Theoretical Linguistics 4)
- Gruzdeva 1998 — E. Gruzdeva. Nivkh. München; Newcastle: LINCUM Europa, 1998. (Languages of the World: Materials 111)
- Mattissen 2003 — J. Mattissen. Dependent-head synthesis in Nivkh: A contribution to a typology of polysynthesis. Amsterdam: John Benjamins, 2003. (= *Typological Studies in Language* 57)
- Nedjalkov, Otaina 1998 — V. P. Nedjalkov, G. A. Otaina. Resultative and continuative in Nivkh // V. P. Nedjalkov, B. Comrie (eds.). *Typology of Resultative Constructions*. Amsterdam: Benjamins, 1998. P. 131–151.

IV. АФРИКА И АМЕРИКА

С. В. Малышев

АСПЕКТ В КОПТСКОМ ЯЗЫКЕ

0. Введение

В настоящей статье описывается классический вариант саидского диалекта коптского языка. Все примеры приводятся из Библии, переводы которой были осуществлены во II—IV веках нашей эры. Примеры из Нового Завета цитируются по <http://sahidica.warpc.com/>, из Псалтири — по <http://www.k-schuessler.com/john/other/sa%2031>, из прочих книг Ветхого Завета — по <http://www.coptic.org/language/bible/bible.htm>.

Многие положения и термины почерпнуты нами из фундаментальной работы Я. Полоцкого о коптском спряжении: см. [Polotsky 1971: 238–268]. Более новое и детальное грамматическое описание см. в [Layton 2002] и [Еланская 2010].

Структура статьи такова. В разделе 1 мы опишем формальную сторону устройства глагольных предикаций — тех сущностей, на множестве которых выполняются аспектуальные противопоставления, затем приведем правила, по которым каждой глагольной предикации ставится в соответствие единственная «граммема ТАМ». В разделе 2 мы рассмотрим эпизодические значения наиболее нагруженных аспектуальной семантикой граммем ТАМ: ИМПЕРФЕКТИВА, ПЕРФЕКТИВА, РЕЗУЛЬТАТИВА и ФУТУРУМА (у которого, впрочем, преобладает темпоральная семантика), а также осуществим акциональную классификацию глаголов. Раздел 3 посвящен многократным значениям граммем ТАМ и семантике ХАБИТУАЛИСА. Наконец, в разделе 4 мы кратко охарактеризуем аспектуальные свойства остальных граммем ТАМ.

1. Формальное устройство глагольной предикации

1.1. Глагольные формы

Коптский глагол имеет три формы: **инфинитив** (немаркированная форма), **результатив** и **императив**. Не все глаголы

имеют все три формы. В дальнейшем императив нас будет мало интересовать. Результатив образуется от инфинитива набором значимых чередований (в основном вокалических) и в ряде случаев добавлением на конце *t*. Приведем иллюстрации пяти наиболее распространенных моделей образования результатива:

Таблица 1

Модели образования результатива

№	Инфинитив	Результатив
1	<i>kôt</i> 'строить'	<i>kêt</i> 'строить.RES'
2	<i>sôtp</i> 'выбирать'	<i>sotp</i> 'выбирать.RES'
3	<i>mise</i> 'рождать'	<i>mose</i> 'рождать.RES'
4	<i>solsl</i> 'утешать'	<i>slsôl / slsolt</i> 'утешать.RES'
5	<i>tsano</i> 'украшать'	<i>tsanêu / tsanêut</i> 'украшать.RES'

Инфинитив может употребляться в качестве имени мужского рода и сказуемого глагольной предикации (так, *ibe* — 'жажда' и 'захотеть пить'), единственная функция результатива — функция сказуемого (*obe* — 'хотеть пить').

1.2. Основы спряжения

Коптская предикация (если отвлечься от именных и императивных предикаций) содержит три обязательных¹ элемента: так называемую **основу спряжения**, **подлежащее** и **сказуемое**, вершиной которого может быть глагол, наречие или предлог. Основы спряжения придают предикации те или иные временные, аспектуальные, модальные и таксисные значения, а также иногда кумулятивно выражают отрицание. Располагаются они непосредственно перед подлежащим². Подлежащее может быть выражено полной именной группой (1) или личным местоимением, которое

¹ Впрочем, сказуемое может подвергаться сочинительному эллипсису: см. [Layton 2002: 254].

² Однако показатели положительного оптатива и кондиционалиса располагаются **вокруг** подлежащего, если оно выражено местоименным аффиксом: *e(f)e-*, *e(f)šan-*.

в таком случае образует со сказуемым одно слово (2). Можно видеть, что энклитика второй позиции *de* вклинивается между сказуемым и подлежащим, когда оно выражено полной именной группой (1), но не тогда, когда оно выражено местоимением (2).

(1) *a-petros de toun*
 PFV-Петр же вставить
 ‘И Петр встал’³. (Lk:24:12)

(2) *a-f-toun de*
 PFV-3М-вставить же
 ‘И он встал’. (Mt:09:07)

Ниже дан список всех основ спряжения (приводятся не все алломорфы):

Таблица 2

Перечень основ спряжения

Со встроенной полярностью			Прочие			
+	–	Название	Мор-фема	Название	Мор-фема	Название
<i>a-</i> PFV-	<i>mpe-</i> NEG.PFV-	перфектив	Ø- IPFV-	импер- фектив		
<i>šare-</i> HAB-	<i>mere-</i> NEG.HAB-	хабитуалис	<i>eršan-</i> COND-	кондици- оналис	<i>ntere-</i> TEMP-	темпо- ралис
<i>ere-</i> OPT-	<i>nne-</i> NEG.OPT-	оптатив	<i>nte-</i> CONJ-	конъюнк- тив	<i>šante-</i> LIM-	лимитатив
–	<i>mpate-</i> INFACT-	инфак- титив	<i>tare-</i> FIN-	финалис		

Три основы спряжения могут использоваться как ударные частицы с восстановленным вокализмом: *mpe* NEG.PFV (‘нет’, говоря о прошлом), *šo* HAB (‘да’, говоря об обыкновениях), *nno* NEG.OPT (‘нет, не бывает этому’).

Традиционно особого показателя имперфектива не выделяется, поэтому необходимо объяснить, почему мы постулируем его существование. В [Polotsky 1971: 238–268] противопоставлены

³ Здесь и далее мы иногда переводим примеры близко к коптскому тексту, а не цитируем канонический перевод соответствующих мест Библии.

две модели глагольных предикаций: трехчастная (с основой спряжения, подлежащим и сказуемым) и двухчастная (без основы спряжения). Авторы всех известных нам более поздних работ солидарны с таким решением. Поясним, почему мы с ним не согласны.

Дело в том, что многие основы спряжения имеют по два алломорфа в зависимости от характера подлежащего. Так, показатель положительного хабишуалиса перед местоименными аффиксами имеет вид *ša-*, а перед полными именными группами — *šare-* (см. искусственные примеры в Таблице 3). Далее, в коптском языке имеются так называемые конвертеры, которые помещаются перед основой спряжения, либо перед подлежащим двухчастной модели спряжения, либо перед первым ядерным элементом именной предикации. Одним из таких конвертеров является обстоятельственный конвертер *e=* (см. правый столбец Таблицы 3). Перед подлежащим двухчастной модели спряжения, выраженным полной именной группой, он имеет алломорф *ere=*.

Таблица 3

Примеры коптских предикаций с глоссами, соответствующими традиционной интерпретации

	Без конвертера	С конвертером
Трех- частная модель	<i>ša-f-sôtm</i> НАВ-3М-слышать 'Он (то и дело) слышит'.	<i>e=ša-f-sôtm</i> CIRC=НАВ-3М-слышать 'Причем он (то и дело) слышит'.
	<i>šare-petros sôtm</i> НАВ-Петр слышать 'Петр (то и дело) слышит'.	<i>e=šare-petros sôtm</i> CIRC=НАВ-Петр слышать 'Причем Петр (то и дело) слышит'.
Двух- частная модель	<i>f-sôtm</i> 3М-слышать 'Он слышит'.	<i>e=f-sôtm</i> CIRC=3М-слышать 'Причем он слышит'.
	<i>petros sôtm</i> Петр слышать 'Петр слышит'.	<i>ere=petros sôtm</i> CIRC=Петр слышать 'Причем Петр слышит'.
Именные предикации	<i>petros u-sah</i> <i>p-e</i> Петр INDEF-учитель M-COP 'Петр — учитель'.	<i>e=petros u-sah</i> <i>p-e</i> CIRC=Петр INDEF-учитель M-COP 'Причем Петр — учитель'.

Таким образом, в двухчастной модели спряжения морфологически конвертеры ведут себя подобно основам спряжения,

и их алломорфия традиционно описывается правилами типа: «перед местоименными аффиксами — *e=*, перед полными именными группами — *ere=*». Проблема заключается в том, что в *именных* предикациях перед подлежащим, выраженным полной именной группой, мы видим алломорф *e=*, а не *ere=*. Таблица 3 наглядно показывает, что в нижних строках ее правого столбца одному и тому же сочетанию морфем «CIRC» и «Петр» соответствует разное внешнее выражение. На этом основании представляется логичным выделить морфему *re-* и признать ее основой спряжения. У этой основы спряжения (назовем ее «имперфектив») следующее распределение алломорфов: в позиции после конвертера перед полной именной группой *re-*, в прочих случаях — $\emptyset$. Это распределение напоминает алломорфию других основ спряжения (например, положительного хабитуалиса) с той разницей, что для последних безразлично наличие или отсутствие конвертера. Таким образом, с нашей точки зрения, предикации из Таблицы 3 следует интерпретировать так, как показано в Таблице 4.

Таблица 4

Примеры коптских предикаций с глоссами, соответствующими нашей интерпретации

	Без конвертера	С конвертером
Глагольные предикации	<i>ša-f-sôtm</i> НАВ-3М-слышать ‘Он (то и дело) слышит’.	<i>e=ša-f-sôtm</i> CIRC=НАВ-3М-слышать ‘Причем он (то и дело) слышит’.
	<i>šare-petros sôtm</i> НАВ-Петр слышать ‘Петр (то и дело) слышит’.	<i>e=šare-petros sôtm</i> CIRC=НАВ-Петр слышать ‘Причем Петр (то и дело) слышит’.
	$\emptyset$ - <i>f-sôtm</i> IPFV-3М-слышать ‘Он слышит’.	<i>e=\emptyset-f-sôtm</i> CIRC=IPFV-3М-слышать ‘Причем он слышит’.
	$\emptyset$ - <i>petros sôtm</i> IPFV-Петр слышать ‘Петр слышит’.	<i>e=re-petros sôtm</i> CIRC=IPFV-Петр слышать ‘Причем Петр слышит’.
Именные предикации	<i>petros u-sah</i> <i>p-e</i> Петр INDEF-учитель М-COP ‘Петр — учитель’.	<i>e=petros u-sah</i> <i>p-e</i> CIRC=Петр INDEF-учитель М-COP ‘Причем Петр — учитель’.

Далее, встав на позицию существования имперфективной основы спряжения, мы обнаруживаем, что даже в случае от-

сутствия конвертеров она не всегда имеет нулевой алломорф. Сравнение форм, традиционно считающихся немаркированными, с алломорфией конъюнктива перед местоименными аффиксами демонстрирует очень похожее распределение: перед шумными показатель конъюнктива — *n-* (имперфектива — $\emptyset$), перед прочими фонемами — *nt-* (имперфектива — *t-*). Ср. Таблицу 5, где эти основы спряжения стоят в сравнении с не подверженным чередованиям показателем отрицательного перфектива *mp-*.

Таблица 5

Сочетание некоторых основ спряжения с местоименными аффиксами

	NEG.PFV	IPFV	CONJ
1	<i>mp-i-</i>	<i>t-i-</i>	<i>(n)t-a-</i>
2М	<i>mp-k-</i>	$\emptyset$ - <i>k-</i>	<i>n-g-</i>
2F	<i>mp-e-</i>	<i>t-e-</i>	<i>nt-e-</i>
3М	<i>mp-f-</i>	$\emptyset$ - <i>f-</i>	<i>n-f-</i>
3F	<i>mp-s-</i>	$\emptyset$ - <i>s-</i>	<i>n-s-</i>
1PL	<i>mp-n-</i>	<i>t-n-</i>	<i>nt-n-</i>
2PL	<i>mp-etn-</i>	<i>t-etn-</i>	<i>nt-etn-</i>
3PL	<i>mp-u-</i>	$\emptyset$ - <i>se-</i>	<i>n-se-</i>

После конвертеров имперфективное *t-* отсутствует (ср. *ei-*, *ek-*, *ere-*, *ef-*, *es-*, *en-*, *etetn-*, *eu-*).

1.3. Вспомогательные элементы

Инфинитив может принимать слева от себя так называемые «вспомогательные элементы» [Layton 2002: 147–149], среди которых нас будет особо интересовать показатель **футурума**.

Таблица 6

Вспомогательные элементы

Морфема	Название	Морфема	Название
<i>čri-</i> DEB-	дебитив	<i>na-</i> FUT-	футурум
<i>š-</i> ⁴ POТ-	потенциалис	<i>tm-</i> ⁴ NEG-	отрицание

⁴ Если подлежащее выражено полной именной группой, то показатели потенциалиса и отрицания ставятся **перед ней**, а не перед инфинитивом.

- (3) *e=re-n-ai na-šôpe tnaui*
 FOC=IPFV-PL-THIS FUT-быть когда?
 ‘Когда это будет?’ (Mt:24:03)

1.4. Сочетаемость глагольных форм и основ спряжения

Несмотря на отдаленность основы спряжения от глагола в пределах предикации, между глагольными формами и основами спряжения имеется прочная связь. В частности, **результатив сочетается только с имперфективной основой спряжения и не сочетается со вспомогательными элементами**. При любых других основах спряжения глагол может стоять только в инфинитиве. Таким образом, парадигма коптской предикации (если опять же отвлечься от императивных и именных предикаций) по основам спряжения и глагольным формам Г-образна: из 26 комбинаций возможны только 14. Ср. иллюстрацию в Таблице 7:

Таблица 7

**Фрагмент парадигмы предикации
 по основам спряжения и глагольным формам**

Основа/форма	Инфинитив	Результатив
Имперфектив	<i>Ø-f-sôtp</i> IPFV-3М-выбирать ‘Он выбирает’.	<i>Ø-f-sotp</i> IPFV-3М-выбирать.RES ‘Он выбран’.
Перфектив	<i>a-f-sôtp</i> PFV-3М-выбирать ‘Он выбрал’.	—
Инфактитив	<i>mpat-f-sôtp</i> INFACT-3М-выбирать ‘Он еще не выбрал’.	—

Далее, у пяти непереходных глаголов движения (*pôt* ‘бежать’, *bôk* ‘идти (go)’, *hól* ‘лететь’, *he* ‘падать’, *i* ‘приходить’, далее — ‘Пять глаголов движения’) **инфинитив без вспомогательных элементов не сочетается с имперфективом, вместо него используется результатив**. Таким образом, парадигма предикаций с этими глаголами, по сути, линейна:

Таблица 8

Фрагмент парадигмы предикации с глаголом *rôt* ‘бежать’

Основа/форма	Инфинитив без вспомогательных элементов	Результатив
Имперфектив	— — ‘Он бежит’. ←	<i>Ø-f-pêt</i> IPFV-3М-бежать.RES — —
Перфектив	<i>a-f-rôt</i> PFV-3М-бежать ‘Он побегол’.	—
Инфактитив	<i>mpat-f-rôt</i> INFACT-3М-бежать ‘Он еще не побегол’.	—

Кроме того, у одного из этих глаголов (*i* ‘приходить’) **результатив может быть синонимичен инфинитиву с показателем футурума** (который с этим глаголом используется редко):

Таблица 9

Фрагмент парадигмы предикации с глаголом *i* ‘приходить’

Основа/форма	Инфинитив без вспомогательных элементов	Результатив	Инфинитив с показателем футурума
Имперфектив	— — ‘Он приходит’. ←	<i>Ø-f-nêu</i> IPFV-3М-приходить.RES — —	<i>Ø-f-na-i</i> IPFV-3М-FUT-приходить ‘Он придет’.
Перфектив	<i>a-f-i</i> PFV-3М-приходить ‘Он пришел’.	—	—
Инфактитив	<i>mpat-f-i</i> INFACT-3М-приходить ‘Он еще не пришел’.	—	—

Помимо сочетаемости с результативом и несочетаемости с инфинитивом (без вспомогательных элементов) Пяти глаголов движения, имперфектив имеет несколько других важных формальных отличий от прочих основ спряжения:

1. Только имперфектив допускает в качестве вершины сказуемого не только результатив, но также инфинитив с показателем футурума (3), наречие (4) и предлог (5):

(4) *e=Ø-s-tôn*   *t-e-tñ-pistis*
 ФОС=IPFV-3F-где?   F-POS-2PL-вера
 ‘Где вера ваша?’ (Lk:08:25)

(5) *t-i-nmma-f*
 IPFV-1-с-3М
 ‘С ним Я’. (Ps:90:15)

Таким образом, **все основы спряжения, кроме имперфектива, допускают в качестве сказуемого только инфинитив глагола без показателя футурума.**

2. Имперфектив запрещает инкорпорацию в инфинитив (без вспомогательных элементов) референтного (= имеющего артикль и/или выраженный посессор, а также выраженного именем собственным) прямого дополнения, которую прочие основы спряжения (и именное употребление инфинитива) допускают⁵. Ср. (6), где инкорпорировано прямое дополнение без артикля, но в (7) инкорпорация невозможна, и прямое дополнение необходимо оформить предлогом *n*. В (8) инкорпорация прямого дополнения возможна, поскольку основа спряжения — перфектив.

(6) *e=Ø-f-neč-daimônion*   *ebol*   *hn*   *beelzebul*
 ФОС=IPFV-3М-бросать-бес   наружу   в   Вельзевул
 ‘Он изгоняет бесов силою Вельзевула’. (Lk:11:15)

(7) *ne-Ø-f-niče*   *de*   *ebol*   *n*   *u-daimônion*
 PST-IPFV-3М-бросать   же   наружу   ACC   INDEF-бес
 ‘Он изгонял беса’. (Lk:11:14)

(8) *a-f-neč-n-e-f-hoite*   *ebol*   *mno-f*
 PFV-3М-бросать-PL-POS-3М-одежда   наружу   ACC-3М
 ‘Он сбросил с себя верхнюю одежду’. (Mk:10:50)

3. При неопределенном подлежащем вместо показателя имперфектива употребляются суффиксальные имперфективные глаголы (см. о них ниже) *un-/mn-* ‘(не) быть’⁶:

⁵ Так называемое правило Штерна-Ернштедта, см. [Stern 1880: § 330] и [Ернштедт 1986: 389–395].

⁶ При наличии конвертеров это правило является факультативным.

- (9) *un-hoine* *čô* *mmo-s* *nhêt-têutn*
быть-INDEF.PL говорить ACC-3F в-2PL
 ‘Некоторые из вас говорят’. (IC:15:12)

4. Предикации с имперфективом отрицаются при помощи частиц *n* и *an* (10) — так же, как именные предикации (11) и выделительные конструкции с конвертером FOC (12):

- (10) *m*⁷ [*Ø-p-e-k-hêt* *gar sutôn*] *an*
 NEG [IPFV-M-POS-2М-сердце ибо выпрямлять.RES] NEG
 ‘Ибо сердце твое не право’. (Ac:08:21)

- (11) *mê* *m*⁶ [*p-Ø-šêre n iôsêph an p-e p-ai*]
 разве NEG [M-DEF-сын GEN Иосиф NEG M-COP M-THIS]
 ‘Не Иосифов ли это сын?’ (Lk:04:22)

- (12) *n* [*e=re-p-Ø-rôme na-ônh*] *an e=oik*
 NEG [FOC=IPFV-M-DEF-человек FUT-жить] NEG к=хлеб
tauuaa-f
 только-3М
 ‘Не хлебом одним будет жить человек’. (Mt:04:04)

Прочие основы спряжения либо имеют встроенное значение отрицания (PFV, НАВ, ОПТ, INFACТ), либо (все остальные) используют уже упомянутый выше вспомогательный элемент *tm*-перед инфинитивом:

- (13) *a-u-hiue nsô-u šant-u-tm-ka-laau e=pahu*
 PFV-3PL-бить за-3PL LIM-3PL-NEG-оставлять-никто к=зад
e=tre-f-učai
 к=CAUS-3М-уцелеть
 ‘Так поражали их, что **не оставили** никого из них, уцелевшего {или убежавшего}’. (Jos:08:22)

Причастия бывают только имперфективные. Они образуются присоединением приставки *et-* (PART.IPFV) к сказуемому.

1.5. Суффиксальные глаголы

Несколько более периферийный статус в коптской глагольной морфологии имеют так называемые **суффиксальные глаголы**. Они не различают форм, не сочетаются с основами спряжения, не

⁷ Алломорф *m* — перед *p*, *m* следующего слова.

употребляются в императивных предикациях и в качестве имени, и **помещают подлежащее справа от себя**. Если это подлежащее — местоименный аффикс, то он суффицируется (откуда и название класса глаголов). По видовой семантике глагол *peša-* ‘сказать’ — событийный (*peša-f* ‘он сказал’), прочие — имперфективные (*nesô-s* ‘она красива’, *meša-f* ‘он не знает’, *mnta-f-s* ‘у него ее нет’).

1.6. Ретроспективный сдвиг

Перед некоторыми основами спряжения (а именно — перед показателями имперфектива, перфектива, хабутуалиса и инфактива), а также перед имперфективными суффиксальными глаголами может помещаться один из конвертеров — показатель ретроспективного сдвига *ne-* (обычно сопровождаемый энклитикой *pe*). Его функция — переводить ситуацию из плана настоящего в план прошедшего, а из плана прошедшего — в план предпрошедшего. Ср.:

- (14) *ne-mpat-u-nes-iôhannês*   *gar pe e=p-e-šteko*
PST-INFACT-3PL-бросать-Иоанн ибо PST к=M-DEF-темница
‘Ибо Иоанн еще не был заключен в темницу’. (Jn:03:24)

1.7. Граммы ТАМ

Ввиду сложных и неэкономных правил соответствия между формой и грамматическим значением, описанных в предыдущих разделах, условимся, что в дальнейшем сочетание основы спряжения, формы глагола и вспомогательного элемента предикации, если он есть, за вычетом сведений о полярности мы будем кратко называть граммой ТАМ и писать малыми прописными буквами, причем:

1. В выражении «основа спряжения + ИНФИНИТИВ» мы будем опускать слово ‘ИНФИНИТИВ’.

2. В выражении «ИМПЕРФЕКТИВ + РЕЗУЛЬТАТИВ» для Пяти глаголов движения мы будем опускать слово «РЕЗУЛЬТАТИВ», для прочих глаголов — слово «ИМПЕРФЕКТИВ»⁸.

3. В выражении «ИМПЕРФЕКТИВ + ФУТУРУМ» мы будем опускать слово «ИМПЕРФЕКТИВ».

4. Все граммы ТАМ, имеющие после всех удалений слов одинаковые названия, признаются тождественными: так, грамме-

---

⁸ Такой прием позволит нам в дальнейшем уменьшить количество акциональных классов и упростить описание, т. к. у Пяти глаголов движения за формой результата скрывается семантика инфинитива.

мы ТАМ предложений *fpêt* ‘он бежит’ (из таблицы 8) и *fsôtp* ‘он выбирает’ (из Таблицы 7) тождественны, т. к. обе они после всех удалений слов называются ‘ИМПЕРФЕКТИВ’. Аналогично — граммы ТАМ предложений *afsôtp* ‘он выбрал’ и *mpfsôtp* ‘он не выбрал’ (ПЕРФЕКТИВ).

5. Единственной граммемой ТАМ суффиксальных глаголов мы будем считать ПЕРФЕКТИВ (у глагола *peša-* ‘сказать’) либо ИМПЕРФЕКТИВ (у прочих).

6. Кроме того, мы можем использовать выражения типа «ИМПЕРФЕКТИВ глагола X», говоря о предикациях, содержащих ИМПЕРФЕКТИВ и глагол X в качестве сказуемого.

Так, граммемами ТАМ являются, например, ИМПЕРФЕКТИВ, РЕЗУЛЬТАТИВ, ФУТУРУМ и т. д.

2. Эпизодические значения граммем ТАМ

Эпизодическими мы называем значения, описывающие единичную ситуацию или фазу ситуации, обозначаемой глаголом (термин «эпизодический» заимствован из [Лютикова и др. 2006: 228]). Им мы противопоставляем многократные значения, описывающие многократное повторение ситуации. Так, мы говорим, что в (15) имперфектив имеет эпизодическое значение (а именно — значение Дуратива⁹), а в (16) — многократное.

(15) *Maria de ne-Ø-s-hmoos pe hm p-Ø-êi*
 Мария же PST-IPFV-3F-сидеть PST в M-DEF-дом
 ‘{Марфа ... пошла навстречу Ему;} Мария же сидела дома’.
 (Jn:11:20)

(16) *ne-Ø-i-hmoos mmêne pe hm p-Ø-rpe*
 PST-IPFV-1-сидеть ежедневно PST в M-DEF-храм
 ‘Каждый день сидел Я в храме’. (Mt:26:55)

Отметим, что к многократным значениям мы относим и значение Хабитуалиса, вопреки [Плунгян 2011: 399].

⁹ Значения из «Универсального грамматического набора» (см. [Плунгян 2011: 94–96]) мы будем писать с большой буквы. Таким образом, мы различаем понятия «результатив» (форма глагола), «РЕЗУЛЬТАТИВ» (граммема ТАМ) и «Результатив» (значение).

2.1. ИМПЕРФЕКТИВ и ПЕРФЕКТИВ

Коптские ИМПЕРФЕКТИВ и ПЕРФЕКТИВ являются аспектуальными кластерами. ИМПЕРФЕКТИВ объединяет значение Дуратива¹⁰ (17) и многократное значение (18), ПЕРФЕКТИВ — значения Пунктива (19), Инцептива (20), Лимитатива (21), Комплетива (22) и многократное значение (23). Распределения эпизодических значений по глагольным лексемам приводятся в разделе 2.3, различия между типами многократных значений — в разделе 3.

- (17) *t-i-shai nê-tn n-Ø-iote*
IPFV-1-писать DAT-2PL PL-DEF-отец.PL
'Пищу вам, отцы'. (Jn:02:13)
- (18) *t-i-nêsteue n sop snau kata sabbaton*
IPFV-1-поститься ACC раз два.M по неделя
'Пошусь два раза в неделю'. (Lk:18:12)
- (19) *mnnsa n-ei-hoou de a-s-ôô nci elisabet*
после PL-THIS-день же PFV-3F-беременеть NOM Елисавета
'После сих дней **зачала** Елисавета'. (Lk:01:24)
- (20) *a-f-nau e=ke-son snau*
PFV-3M-видеть к=OTHER-брат два.M
'Увидел Он других двух братьев'. (Mt:04:21)
- (21) *a-f-moøše de on e=t-Ø-hê n ke-kui*
PFV-3M-идти же еще к=F-DEF-перед ACC OTHER-маленький
'Он **прошел** еще немного вперед'. (Mt:04:21)
- (22) *a-i-shai nê-tn n-Ø-iote*
PFV-1-писать DAT-2PL PL-DEF-отец.PL
'Я **написал** вам, отцы'. (Jn:02:14)
- (23) *nt=a-f-uônh ebol n hah n hoou n*
FOC=PFV-3M-являться наружу ACC много GEN день DAT
n-ent=a-u-bôk nmta-f
PL-REL=PFV-3PL-идти с-3M
'Он в продолжение многих дней **являлся** тем, которые вышли с Ним'. (Ac:13:31)

---

¹⁰ Мы не различаем значения Дуратива и Прогрессива (см. [Плунгян 2011: 394]), т. к. коптский язык, похоже, не делает различия между ними.

Отметим, что в имперфективном кластере не засвидетельствовано значение исторического настоящего (по крайней мере, для событийных глаголов). Ср. (24), где греческому и русскому презенсу соответствует коптский перфектив:

- (24) *a-f-i*   *ce* *e=u-polis*   *n-te t-Ø-samaria*
 PFV-3М-приходить итак к=INDEF-город GEN F-DEF-Самария
 ‘Итак, приходит (*erkhetai*) Он в город Самарийский’.
 (Jn:04:05)

2.2. РЕЗУЛЬТАТИВ

2.2.1. *Значение формы.* Согласно [Недялков (ред.) 1983: 7], результативом «именуется форма, обозначающая состояние предмета, которое предполагает предшествующее действие».

Коптский РЕЗУЛЬТАТИВ имеет такое значение. Так, в (25) состояния ‘быть откормленным’, ‘быть заколотым’ и ‘быть готовым’, очевидно, являются результатами действий ‘откормить’ (*saanš*), ‘заколоть’ (*šôôt*) и ‘приготовить’ (*sobte*):

- (25) *is* *p-Ø-a-ariston* *a-i-sbtôt-f,*   *n-Ø-a-mase*   *mn*
 вот М-POS-1-обед PFV-1-готовить-3М PL-POS-1-телец с
n-et-sanašt   *Ø-se-šaat*   *auô*
 PL-PART.IPFV-кормить.RES IPFV-3PL-резать.RES и
Ø-nka   *nim*   *sbtôt*
 IPFV-вещь всякий готовить.RES
 ‘Вот, Я приготовил обед мой, тельцы мои и что **откормлено** — **заколото**, и все **готово**’. (Mt:22:04)

Однако не все употребления РЕЗУЛЬТАТИВА несут это значение. Так, в (26) едва ли можно считать твердость камня результатом отвердения (*nšot*):

- (26) *u-ône*   *e=Ø-f-našt*
 INDEF-камень CIRC=IPFV-3М-твердеть.RES
 ‘**твердый** камень’ (Wis:11:04)

Таким образом, в одних случаях состояние, обозначаемое РЕЗУЛЬТАТИВОМ, вторично по отношению к событию, обозначаемому ПЕРФЕКТИВОМ (‘зарезать’ > ‘быть зарезанным’), в других — наоборот (‘отвердеть’ < ‘быть твердым’). В оппозиции «инфинитив : результатив» последний мы считаем маркированной формой, так как морфологически результатив более сложен.

Поэтому нам кажется более правильным определять РЕЗУЛЬТАТИВ через ПЕРФЕКТИВ, а не наоборот: РЕЗУЛЬТАТИВ обозначает состояние, которое, среди прочего, неизбежно наступает после события, обозначаемого ПЕРФЕКТИВОМ с тем же глаголом. Так, верно, что за событием *aisbtôtf* ‘я приготовил это’ наступает состояние *fsbtôt* ‘это готово’, за событием *afnšot* ‘это отвердело’ — состояние *fnašt* ‘это твердое’, хотя последнее может быть и «естественным» (см. [Недялков (ред.) 1983: 7]), не имеющим предыстории состоянием. В таблицах акциональной классификации такое значение будет именоваться «Результатив». Отметим два типа отклонений от этого канонического значения:

1. Небольшая группа непереходных глаголов, у которых ИМПЕРФЕКТИВ синонимичен РЕЗУЛЬТАТИВУ, например, *rois/rês* ‘бодрствовать’. Далее такие глаголы будут называться «глаголы типа *rois*». Об их системной интерпретации см. 2.3.12.

2. Несколько лексикализовавшихся результативов. Отметим такие пары, как *sôtp* ‘выбирать’ — *sotp* ‘быть лучшим’, *čôk ebol* ‘исполняться’ — *čêk ebol* ‘быть совершенным (идеальным)’, *nahte* ‘верить’ — *nhut* и *nhot* ‘быть надежным, внушать доверие’.

2.2.2. Синтаксис. У переходных глаголов подлежащее результатива соответствует прямому дополнению инфинитива, у непереходных — подлежащему инфинитива¹¹. Так, результаты событий *asmu* ‘она умерла’, *asôô* ‘она забеременела’, *asônh* ‘она ожила/выжила’ — *smout* ‘она мертва’, *seet* ‘она беременна’, *sonh* ‘она жива’. Результаты событий *ashotbef* ‘она его убила’, *askaaf* ‘она его положила’, *asrokhf* ‘она его сожгла’ — *fhotb* ‘он убит’, *fkê* ‘он лежит’, *frokh* ‘он сожжен’. Таким образом, коптский РЕЗУЛЬТАТИВ является «субъектным результативом» по [Недялков (ред.) 1983: 9].

В Библии нам известно три примера употребления РЕЗУЛЬТАТИВА с агентивным дополнением, причем в двух из них употреблен не тот предлог, которым оформляется агентивное дополнение при пассивной конструкции (*hitn* ‘через’), а предлог, означающий ‘у’, ср. (28).

---

¹¹ Существуют пары глаголов (один переходный, другой непереходный) с общим результативом: так, форме *motn* ‘быть в покое’ соответствуют инфинитивы *mutn* ‘успокаивать’ и *mitn* ‘успокаиваться’.

Помета «+» означает, что глагол сочетается с данной граммемой ТАМ, но употребляется с ней лишь в многократных значениях.

Таблица 10

Акциональная классификация коптских глаголов

№	Название	Пример	ИМПЕР- ФЕКТИВ	ПЕРФЕК- ТИВ	РЕЗУЛЬ- ТАТИВ
1	События с РЕЗУЛЬТАТИВОМ	<i>mi</i> 'умирать'	+	Пунктив	Результатив
2	События без РЕЗУЛЬТАТИВА	<i>he</i> 'падать'	+	Пунктив	–
2'		<i>i</i> 'приходить'	=ФУТУРУМ	Пунктив	–
2-suf		<i>peša-</i> 'сказать'	–	Пунктив	–
3	Пределные с РЕЗУЛЬТАТИВОМ	<i>kôt</i> 'строить'	Дуратив	Комплетив	Результатив
4	Пределные без РЕЗУЛЬТАТИВА	<i>uôm</i> 'есть'	Дуратив	Комплетив	–
5	Глаголы накопления качества	<i>ašai</i> 'умножаться'	Дуратив	Комплетив, Лимитатив	Результатив
6	Состояния	<i>soun</i> 'знать'	Дуратив	Инцептив	–
7	Непределные процессы	<i>nkoik</i> 'спать'	Дуратив	Инцептив, Лимитатив	–
8	Имперфективные глаголы	<i>hou</i> 'быть плохим'	Дуратив	–	–
8-suf		<i>unta-</i> 'иметь'	Дуратив	–	–
1~6	Глаголы типа <i>rois</i>	<i>rois</i> 'бодрствовать'	+	Пунктив	Результатив
			Дуратив	Инцептив	–

2.3.1. Класс 1 (события с РЕЗУЛЬТАТИВОМ). К этому и следующим трем классам относятся глаголы, обозначающие события, концептуализированные как не имеющие длительности.

(29) *a-f-mi*

PFV-3M-умирать

'Он умер'. (Mt.22:25)

(30) *p-Ø-a-šère p-ai e=ne-Ø-f-mout*

M-POS-1-сын M-THIS FOC/REL=PST-IPFV-3M-умирать.RES

pe a-f-ônh

PST PFV-3M-жить

‘Этот сын мой **был мертв** и ожил’. (Lk:15:24)

Смысл русской формы «Умирает» на коптский передается при помощи ФУТУРУМА:

- (31) *anok de e=Ø-i-na-tu m p-ei-ma*
 1 же CIRC=IPFV-1-FUT-умирать ACC M-THIS-место
ha p-e-hko
 под M-DEF-голод
 ‘А я **умираю** от голода’. (Lk:15:17)

Таким образом, примеры типа (31) демонстрируют проспективное значение ФУТУРУМА.

ИМПЕРФЕКТИВ событийных глаголов может использоваться лишь в многократном значении. Ср.:

- (32) *n t-Ø-he gar et=Ø-u-tu têt-u hn*
 ACC F-DEF-образ ибо REL=IPFV-3PL-умирать весь-3PL в
adam t-ai t-e t-Ø-he hm p-e-khristos
 Адам F-THIS F-COP F-DEF-образ в M-DEF-Христос
Ø-se-na-ônh têt-u
 IPFV-3PL-FUT-жить весь-3PL
 ‘Как в Адаме все **умирают**, так во Христе все оживут’.
 (IC:15:22)

В этот класс входят также глаголы (после косой черты — результатив): *mise/mose* ‘родить’, *ôô/eet* ‘беременеть’, *šôpe/šoop* ‘становиться’, *pôh/pêh* ‘разрываться’ и другие.

Особое место в этом классе занимает глагол *ônh/onh*. Его РЕЗУЛЬТАТИВ значит ‘быть живым’, а ПЕРФЕКТИВ — двоякое вхождение в это состояние: ‘ожить, воскреснуть’ и ‘выжить, спастись’¹². Аналогично ведет себя и его каузатив *tanho/tanhêu* ‘спасать, оживлять’.

¹² Последнее, впрочем, обозначает не вхождение в состояние ‘быть живым’, а отсутствие вхождения в состояние ‘быть мертвым’. Такой перенос значения свойствен и некоторым другим языкам: ср. англ. *The Boy Who Lived* ‘Мальчик, который выжил’, фр. *j'ai vécu* ‘я выжил’.

2.3.2. Класс 2 (события без РЕЗУЛЬТАТИВА). Возможно, глагол *he* относится к классу предельных процессов, однако примеров со значением типа ‘дерево падает’ нам не встретилось.

(33) *a-f-he*

PFV-3M-падать

‘Он упал’. (Mt:07:27)

Пример ИМПЕРФЕКТИВА в итеративном употреблении:

- (34) *n-Ø-ke-uhoor*   *ša-u-uôm*   *ebol*   *hn*
 PL-DEF-OTHER-собака.PL   HAV-3PL-есть наружу в
n-e-srefribe   *et-hêu*   *ebol*   *hn t-e-trapeza*
 PL-DEF-крошка PART.IPFV-падать.RES наружу в   F-DEF-стол
n   *n-e-u-čisoue*
 GEN   PL-POS-3PL-господин.PL
 ‘И псы едят крохи, которые **падают** со стола господ их’.
 (Mt:15:27)

Нам неизвестны другие глаголы этого класса.

2.3.3. Класс 2’ (глагол *i/nêu* ‘приходить’).

- (35) *nt=a-i-i*   *an*   *e=kataly*   *mto-u*
 FOC=PFV-1-приходить   NEG   к=нарушать   ACC-3PL
 ‘Не нарушить их **пришел** Я’. (Mt:05:17)

У этого глагола ИМПЕРФЕКТИВ (36) может использоваться в значении ФУТУРУМА (37):

- (36) *e=re-p-Ø-čois*   *p-Ø-nute*   *nêu*
 FOC=IPFV-M-DEF-господин   M-DEF-бог **приходить**.RES
šaro-i tnau
 до-1   когда?
 ‘Когда Господь Бог **придет** ко мне?’ (Ps:100:02)
- (37) *un-hah*   *gar na-i*   *hm p-Ø-a-ran*
 быть-много   ибо **FUT-приходить** в   M-POS-1-имя
 ‘Ибо многие **придут** под именем Моим’. (Mk:13:06)

Так как *i* — событийный глагол, его ФУТУРУМ — а значит, и ИМПЕРФЕКТИВ — может соответствовать актуально-длительному значению типа ‘он идет (сюда)’ (‘he is coming’):

- (38) *is Ø-p-u-rro nêu ne-Ø*
 вот IPFV-M-POS+2F-царь **приходить**.RES DAT-2F
 ‘Се, Царь твой **грядет** к тебе’. (Mt:21:05)

Пример ИМПЕРФЕКТИВА в многократном употреблении:

- (39) *ne-Ø-u-nêu erat-f ebol hm ma nim*
 PST-IPFV-3PL-**приходить**.RES к-3М наружу в место всякий
 ‘**Приходили** к Немю отовсюду’. (Mk:01:45)

2.3.4. Класс 2-*suf* (глагол реѐа- ‘сказать’).

- (40) *реѐе-iêsus na-u*
сказать-Иисус DAT-3PL
 ‘Иисус **сказал** им’. (Mk:14:18)

2.3.5. Класс 3 (предельные глаголы с РЕЗУЛЬТАТИВОМ).

К этому и следующему классам относятся глаголы, у которых ПЕРФЕКТИВ обозначает достижение предела (41), ИМПЕРФЕКТИВ — процесс на пути к достижению этого предела (42), а РЕЗУЛЬТАТИВ (если он есть) — наступившее в итоге состояние (43).

- (41) *nt=a-f-kôt m p-e-f-êi eçn t-Ø-petra*
 REL=PFV-3М-**строить** ACC M-POS-3М-дом на F-DEF-скала
 ‘который **построил** дом свой на камне’ (Mt:07:24)

- (42) *e=Ø-f-intôn e=u-rôme*
 FOC=IPFV-3М-сравнивать.RES к=INDEF-человек
e=Ø-f-kôt n u-êi
 CIRC=IPFV-3М-**строить** ACC INDEF-дом
 ‘Он подобен человеку, **строящему** дом’. (Lk:06:48)

- (43) *p-Ø-tou ete=re-t-e-u-poleis kêt hiçô-f*
 M-DEF-гора REL=IPFV-F-POS-3PL-город **строить**.RES на-3М
 ‘{Повели на вершину} горы, на которой город их был **построен**’. (Lk:04:29)

В этот класс также входят глаголы: *shai/sêh* ‘писать’, *bôl/bêl* ‘развязывать’, *mur/mêr* ‘связывать’, *sobte/sbtôt* ‘готовить(ся)’, *iše/aše* ‘вешать’, *saanš/sanašt* ‘кормить’, *šôôt/šaät* ‘резать’, *ôms/oms* ‘тонуть, топить’ и другие.

2.3.6. Класс 4 (предельные глаголы без РЕЗУЛЬТАТИВА).

- (44) *e=Ø-u-uôm* *de peča-f*
 CIRC=IPFV-3PL-есть же сказать-3М
 ‘И когда они **ели**, сказал...’ (Mt:26:21)
- (45) *a-i-čī* *m p-Ø-čôôte ebol hn t-Ø-cič m*
 PFV-1-брать ACC M-DEF-книга наружу в F-DEF-рука GEN
p-Ø-aggelos a-i-uom-f
 M-DEF-ангел PFV-1-есть-3М
 ‘Взял я книжку из руки Ангела, и **съел** ее’. (Rv:10:10)

В этот класс также входят глаголы: *sô* ‘пить’, *čô* ‘говорить’ и другие.

2.3.7. Класс 5 (глаголы накопления качества). Этот класс похож на предыдущие два, но ПЕРФЕКТИВ также имеет значение Лимитатива (48).

- (46) *ne-Ø-s-ašai* *nci t-Ø-êpe*
 PST-IPFV-3F-умножаться NOM F-DEF-число
n m-Ø-mathêtês emate
 GEN PL-DEF-ученик очень
 ‘И число учеников весьма **умножалось**’. (Ac:06:07)
- (47) *ishêête gar n-Ø-assyrios a-u-ašai*
 вот ибо PL-DEF-ассириянин PFV-3PL-умножаться
hn t-e-u-com
 в F-POS-3PL-сила
 ‘Вот, Ассирияне **умножились** в силе своей’. (Jdth:09:07)
- (48) *a-f-ašai* *hn kême šant-f-toun*
 PFV-3М-умножаться в Египет LIM-3М-вставать
nci ke-rro
 NOM OTHER-царь
 ‘**Умножался** в Египте, до тех пор, как восстал другой царь’.
 (Ac:07:17-18)
- (49) *ka-p-Ø-a-nobe na-i ebol če*
 класть-M-POS-1-грех DAT-1 наружу что
Ø-f-oš gar
 IPFV-3М-умножаться.RES ибо
 ‘Прости согрешение мое, ибо **велико** оно’. (Ps:24:11)

В этот класс также входят глаголы: *nšot/našt* ‘тяжелеть’, *aiail/oi* ‘расти’ и другие. Все они особенны тем, что РЕЗУЛЬТАТИВ у них обозначает состояние, в норме не имеющее истории.

2.3.8. *Класс 6 (состояния)*. ИМПЕРФЕКТИВ глаголов этого класса обозначает длящееся состояние (50), а ПЕРФЕКТИВ — вхождение в это состояние (51).

(50) *n-Ø-entolé*   **Ø-k-soun**   *mto-u*
 PL-DEF-заповедь **IPFV-2М-знать**   ACC-3PL
 ‘Знаешь заповеди’. (Mk:10:19)

(51) *a-u-suôn-u*
PFV-3PL-знать-3PL
 ‘Они узнали их’. (Mk:06:33)

В этот класс также входят глаголы: *ime* ‘понимать’, *me* ‘любить’, *uôš* ‘хотеть’, *paui* ‘видеть’, *sôtm* ‘слышать’ и другие.

2.3.9. *Класс 7 (непредельные процессы)*. Этот класс похож на предыдущий, но ПЕРФЕКТИВ также имеет значение Лимитатива (54).

(52) *mpe-s-mi*   *gar nci*   *t-Ø-šeere*   *šêtm*   *alla*
 NEG.PFV-3F-умирать ибо NOM   F-DEF-дочь маленький но
e=Ø-s-nkotk
 FOC=IPFV-3F-спать
 ‘Не умерла девица, но спит’. (Mt:09:24)

(53) *a-u-či-rekrike*   *têr-u*   *auô*   ***a-u-nkotk***
 PFV-3PL-получать-дремота   весь-3PL и   PFV-3PL-спать
 ‘Задремали все и уснули’. (Mt:25:05)

(54) ***a-f-nkotk***   *ša t-Ø-paše*   *n*   *t-e-ušê*
PFV-3М-спать до F-DEF-половина GEN F-DEF-ночь
 ‘Он спал до полуночи’. (Jud:16:03)

В этот класс также входят глаголы: *hmoos* ‘сидеть’, *rime* ‘плакать’, *moošê* ‘идти (walk)’, три из Пяти глаголов движения (*bôk/bêk* ‘идти (go)’, *hôl/hêl* ‘лететь’, *pôl/pêt* ‘бежать’) и другие.

2.3.10. *Класс 8 (имперфективные глаголы)*. Глаголы этого класса употребляются только в ИМПЕРФЕКТИВЕ. Традиционно их

единственной формой считается результатив (что, насколько мы знаем, верно с исторической точки зрения), однако такой подход лишь усложняет описание, т. к. увеличивает количество значений РЕЗУЛЬТАТИВА.

(55) *p-et-hou*

М-PART. IPFV-**быть.плохим**

‘злодей’ (Jn:18:30)

В этот класс также входит глагол *šuit* ‘быть сухим’ и, возможно, другие.

2.3.11. Класс 8-*suf* (имперфективные суффиксальные глаголы)

(56) *p-ete=unta-f-sf*

М-REL=**иметь**-3М-3М

‘то, что он **имеет**’ (Mk:04:25)

2.3.12. Класс 1~6 (Глаголы типа *rois*). Как уже упоминалось выше, у глаголов этого класса РЕЗУЛЬТАТИВ синонимичен ИМПЕРФЕКТИВУ. Мы условно считаем, что они принадлежат к двум классам одновременно: к классу 1 (событийные глаголы), тогда состояние ‘бодрствовать’ (59) является результатом события ‘проснуться’ (58), и к классу 6 (состояния), тогда событие ‘проснуться’ (58) является вхождением в состояние ‘бодрствовать’ (57):

(57) *ete=re-p-e-u-čois*

nêu

REL=IPFV-М-POS-3PL-господин **приходить**.RES

n-f-he

ero-u

e=Ø-u-rois

CONJ-3М-находить к-3PL CIRC=IPFV-3PL-**бдеть**

‘Которых господин, придя, найдет **бодрствующими**’.
(Lk:12:37)

(58) *a-u-rois*

PFV-3PL-**бдеть**

‘Они **пробудились**’. (Lk:09:32)

(59) *anok t-i-obš*

aiô Ø-p-Ø-a-hêt

rêš

1 IPFV-1-засыпать.RES и IPFV-М-POS-1-сердце **бдеть**.RES

‘Я сплю, а сердце мое **бодрствует**’. (Cant:05:02)

В этот класс входят также глаголы: *iôrm/iorm* ‘глядеть изумленно’, *iôrm eboll/iorm ebol* ‘ожидать’, *kôh/kêh* ‘завидовать’, *nucs/nocs* ‘сердиться’, *sônt/sont* ‘смотреть’ и другие.

2.4. ФУТУРУМ

Значения ФУТУРУМА удобно рассматривать «через призму» греческого. Поэтому мы опишем условия, при которых те или иные греческие формы переводятся на коптский ФУТУРУМОМ.

2.4.1. В большинстве случаев он служит для перевода **будущего времени инфекта**:

- (60) *Ø-s-na-čpo de n u-šêre*
 IPFV-3F-FUT-рождать же ACC INDEF-сын
 ‘Родит (*teksetai*) же сына’. (Mt:01:21)

2.4.2. ФУТУРУМОМ переводится греческий **инфект не в будущем времени**, если соответствующий глагол в коптском событийный, ср. (31) и (61):

- (61) *ne-re-n-e-šnêu de na-pôh pe*
 PST-IPFV-PL-DEF-сеть.PL же FUT-рваться PST
 ‘И даже сеть у них **прорывалась** (*dierrêsseto*)’. (Lk:05:06)

Аналогично: ‘уходит’ = ‘собирается уйти’ (*bôk*), ‘гаснет’ = ‘собирается погаснуть’ (*čena*), ‘(солнце) заходит’ = ‘(солнце) собирается зайти’ (*hôtpr*).

2.4.3. Также им переводится конструкция «глагол *mellô* ‘собираться’ + инфинитив»:

- (62) *Ø-hêrôdês gar na-šine nsa p-Ø-šêre*
 IPFV-Ирод ибо FUT-искать за M-DEF-сын
šêm e=tako-f
 маленький к=губить-3М
 ‘Ибо Ирод **хочет** (*mellei*) **искать** (*zêtein*) Младенца, чтобы погубить Его’. (Mt:02:13)

2.4.4. ФУТУРУМ употребляется также в следующих случаях:

2.4.4.1. При значении **оценки**:

- (63) *n-et-uôm de ne-Ø-u-na-r-a-tiu*
 PL-PART.IPFV-есть же PST-IPFV-3PL-FUT-делать-APROX-пять.M

n šo

GEN тысяча

‘А евших **было** (*ésan*) **около** пяти тысяч’. (Mt:14:21)

2.4.4.2. В **обобщающих высказываниях** (наряду с ИМПЕРФЕКТИВОМ и ХАБИТУАЛИСОМ):

(64) *šên ce nim ete=n Ø-f-na-taue-karpós*
 дерево итак всякий REL=NEG IPFV-3М-FUT-**приносить**-плод
an e=nanu-f Ø-se-na-koor-ef
 NEG CIRC=быть.хорошим-3М IPFV-3PL-FUT-**рубить**-3М
 ‘Всякое дерево, не **приносящее** (*poiun*) плода доброго, **срубают** (*ekkoptetai*)’. (Mt:07:19)

(65) *nka nim et-na-bôk ehun e=t-Ø-tapro*
 вещь любой PART.IPFV-FUT-**идти** внутрь к=F-DEF-рот
n=ša-f-bôk ehrai e=t-Ø-hê
 FOC=**нав**-3М-**идти** вниз к=F-DEF-живот
 ‘Все, **входящее** (*eisporuomenon*) в уста, **проходит** (*khorei*) в чрево’. (Mt:15:17)

(66) *p-et-šine Ø-f-na-he e=uon*
 М-PART.IPFV-**искать** IPFV-3М-FUT-**находить** к=Ø
 ‘**Ищущий** (*zêtôn*) **находит** (*heuriskei*)’. (Mt:07:08)

2.4.4.3. В аподосисе **условных предложений**:

(67) *ene=Ø-k-m p-ei-ma ne-re-p-Ø-a-son*
 IRR=IPFV-2М-ACC М-THIS-место PST-IPFV-М-POS-1-брат
na-mi an pe
 FUT-**умирать** NEG PST
 ‘Если бы Ты был здесь, не **умер бы** (*uk an apethanen*) брат мой’. (Jn:11:21)

(68) *ešče a-tetn-suôn-t t-et-na-sun-p-Ø-a-ke-iôt*
 если PFV-2PL-знать-1 IPFV-2PL-FUT-**знать**-М-POS-1-OTHER-отец
 ‘Если вы узнали Меня, **познаете** (*gnôsesthe*) и Отца Моего’. (Jn:14:07)

3. Многократные значения ИМПЕРФЕКТИВА, ПЕРФЕКТИВА и ХАБИТУАЛИСА

До сих пор рассматривались только эпизодические употребления глаголов — т. е. такие, при которых ситуация (или ка-

кая-то ее фаза), обозначаемая глаголом, осуществляется один раз. Обратимся теперь к случаям, когда ситуация повторяется по крайней мере два раза и опишем правила употребления граммем ТАМ в таких предикациях.

3.1. Ограниченная при помощи обстоятельств со значением ‘*n* раз’ ($n > 1$) множественная ситуация маркируется ПЕРФЕКТИВОМ:

- (69) *a-s-raht-f e=p-e-f-makh n sop snau hrai*
 PFV-3F-бить-3М к=М-POS-3М-шея ACC **раз два**.М верх
hn t-e-s-com
 в F-POS-3F-сила
 ‘Изо всей силы **дважды ударила** его по шее’. (Jdth:13:08)

3.2. При наличии обстоятельств со значением ‘каждый *t*’, ‘*n* раз в *t*’ множественная ситуация маркируется ИМПЕРФЕКТИВОМ, либо ХАБИТУАЛИСОМ:

- (70) *ne-re-n-e-f-iote de bêk pe trompe*
 PST-IPFV-PL-POS-3М-отец.PL же идти.RES PST **ежегодно**
e=t-Ø-hierosolyta
 к=F-DEF-Иерусалим
 ‘**Каждый год** родители Его **ходили** в Иерусалим {на праздник Пасхи}’. (Lk:02:41)

- (71) *ša-u-r-p-Ø-ša m p-Ø-čois*
 НАВ-3PL-делать-М-DEF-праздник GEN М-DEF-господин
terompe hn sêlô
ежегодно в Силом
 ‘**Каждый год бывает** праздник Господень в Силоме’. (Iud:21:19)

3.3. С обстоятельствами типа ‘часто’ возможны и ПЕРФЕКТИВ, и ИМПЕРФЕКТИВ, и ХАБИТУАЛИС:

- (72) *a-i-kaa-s ha iat-Ø n hah n sop*
 PFV-1-класть-3F под глаз-1 ACC **много** GEN **раз**
e=i šarô-tn
 к=приходить до-2PL
 ‘Я **многokrato** **намеревался** придти к вам’. (Ro:01:13)

- (73) *etbe p-ai rô ne-Ø-i-či-črop pe*
 за М-THIS же PST-IPFV-1-получать-препятствие PST

n hah n sop
 ACC много GEN раз

‘Сие-то много раз и препятствовало мне {прийти к вам}’.
 (Ro:15:22)

- (74) *anok de mauaa-t ne-ša-i-bôk n hah n sop*
 1 же сам-1 PST-НАВ-1-идти ACC много GEN раз
ehrai e=t-Ø-hierusolyma hn n-e-hoou n ša
 вверх к=F-DEF-Иерусалим в PL-DEF-день GEN праздник
 ‘Я же один часто ходил в Иерусалим на праздники’.
 (Гоб:01:06)

3.4. При отсутствии обстоятельств многократности употребляются ИМПЕРФЕКТИВ и ХАБИТУАЛИС. ХАБИТУАЛИС маркирует ситуацию, то и дело имеющую место в не ограниченном конкретными рамками времени и характеризующую некоторого ее участника или описываемый говорящим мир. Употребления ХАБИТУАЛИСА можно разделить на две группы: **нарративные** (75) и **гипотетические** (76).

- (75) *kata ša de ne-šare-p-Ø-hêgemôn*
 по праздник же PST-НАВ-М-DEF-правитель
ka-ua ebol
 класть-один.М наружу
 ‘На праздник же правитель имел обычай отпускать {народу} одного {узника}’.
 (Mt:27:15)

- (76) *mere-laau niče n u-êrp b brre*
 NEG.НАВ-никто бросать ACC INDEF-вино GEN новый
e=hen-hôt n as ešôpe mmon
 к=INDEF.PL-мешок GEN старый если нет
šare-p-Ø-êrp b brre peh-n-Ø-hôt
 НАВ-М-DEF-вино GEN новый рвать-PL-DEF-мешок
 ‘Никто не **вливает** (*ballei* — PRS) молодого вина в мехи ветхие; а иначе молодое вино **прорвет** (*hrêksei* — FUT) мехи’.
 (Lk:05:37)

В случае гипотетического употребления ХАБИТУАЛИС может быть заменен ФУТУРУМОМ (так же, как в русском настоящее время — будущим), см. 2.4.4.2. Ср. параллельное место у Марка:

- (77) *mere-laau neč-êrp b brre e=hôt n*
 NEG.НАВ-никто бросать-вино GEN новый к=мешок GEN
as ešôpe mmon Ø-p-Ø-êrp na-peh-n-Ø-hôt
 старый если нет IPFV-M-DEF-вино FUT-рвать-PL-DEF-мешок
 ‘Никто не вливает (*ballei* — PRS) вина молодого в мехи ветхие:
 иначе молодое вино **прорвет** (*hrêksei* — FUT) мехи’. (Мк:02:22)

Важным свойством ХАБИТУАЛИСА является факультативность при нем показателя ретроспективного сдвига при описании прошлого. Так, наряду с (75) у Марка встречаем:

- (78) *kata ša de ša-f-kô na-u ebol*
 по праздник же НАВ-3М-класть DAT-3PL наружу
n ua
 ACC один.М
 ‘На всякий же праздник отпускал он им одного’. (Мк:15:06)

Иногда вместо ожидаемого ХАБИТУАЛИСА выступает ИМПЕРФЕКТИВ:

- (79) *t-en-nuč n n-e-khalinos e=rô-u n*
 IPFV-1PL-бросать ACC PL-DEF-удила к=рот-3PL GEN
n-e-htôôr
 PL-DEF-конь.PL
 ‘Мы **влагаем** удила в рот коням {, чтобы они повиновались нам}’. (Js:03:03)

В одном контексте они взаимозаменяемы:

- (80) *n=ša-u-mute ero-f će p-e-khristos*
 REL=НАВ-3PL-звать к-3М что М-DEF-Христос
 ‘**называемый** Христос’ (Mt:01:16)
- (81) *p-et=Ø-u-mute ero-f će p-e-khristos*
 М-REL=IPFV-3PL-звать к-3М что М-DEF-Христос
 ‘тж.’ (Mt:27:22)

Отметим еще **цитатное употребление** ХАБИТУАЛИСА:

- (82) *ntof gar dauid ša-f-čoo-s hm p-Ø-čôômte*
 3М ибо Давид НАВ-3М-говорить-3F в М-DEF-книга
n n-e-psalmos
 GEN PL-DEF-псалом
 ‘А сам Давид **говорит** в книге псалмов...’ (Lk:20:42)

В (83) употреблен ИМПЕРФЕКТИВ, т.к. ситуация ограничена узкими временными рамкам:

- (83) Ø-n-Ø-*blleeu nau ebol*
 IPFV-PL-DEF-слепой.PL видеть наружу
 Ø-n-Ø-*caleeu tooše*
 IPFV-PL-DEF-хромой.PL идти
 ‘{Скажите, ... что вы видели и слышали;} слепые **прозревают**, хромы **ходят**’. (Lk:07:22)

Еще одной характерной особенностью коптского ХАБИТУАЛИСА является тот факт, что в сочетании с названиями состояний (акциональный класс 6) он обозначает не неограниченно длящееся состояние (‘Вася знает, как порадовать маму’), а многократное вхождение в это состояние: ср. (84). Это свойство поддерживает нашу интерпретацию хабитуального значения как многократного (разумеется, лишь в рамках коптского языка).

- (84) *n=ša-tetn-ime ĩe a-p-Ø-šôm*
 FOC=НАВ-2PL-понимать что PFV-M-DEF-лето
hôn ehun
 приближаться внутрь
 ‘{Когда ветви ее становятся мягки и пускают листья,} то знаете, что близко лето’. (Mk:13:28)

4. Нейтрализация аспектуальных противопоставлений

Как отмечалось в 2.3, есть основания считать, что некоторые граммы ТАМ нейтральны в отношении аспектуальных противопоставлений. Покажем это на примерах.

Из предыдущего раздела явствует, что ПЕРФЕКТИВ несовместим с обстоятельствами типа ‘ежедневно’, а ИМПЕРФЕКТИВ и ХАБИТУАЛИС — с обстоятельствами типа ‘трижды’. Как видно из нижеследующих примеров, ФУТУРУМ сочетается с обоими типами обстоятельств. Это заставляет нас констатировать, что ФУТУРУМ не определен по аспекту.

- (85) *t-i-na-smi ero-k mmêne*
 IPFV-1-FUT-благословлять к-2М **ежедневно**
 ‘Всякий день буду благословлять Тебя’. (Ps:144:02)

- (86) *Ø-k-na-aparna mmo-i n šmntsôôp*
 IPFV-2М-FUT-отрекаться ACC-1 ACC **трижды**
 ‘Трижды отречешься от меня’. (Mk:14:30)

Существуют, однако, аналитические средства передать значения ИМПЕРФЕКТИВА при таких граммемах ТАМ. Такова конструкция с глаголом *šôpe* и обстоятельственным конвертером. Ср. пример (87) с ФУТУРУМОМ, (88) с ОПТАТИВОМ, (89) с ИМПЕРАТИВОМ.

- (87) *čin tenu Ø-k-na-šôpe e=Ø-k-cep-rôme*
 с сейчас IPFV-2М-FUT-быть CIRC=IPFV-2М-ловить-человек
 ‘Отныне будешь ловить человек’ (многократное значение). (Lk:05:10)

- (88) *č e=nne-s-šôpe e=Ø-s-nêu*
 что CIRC=NEG.ОПТ-3F-быть CIRC=IPFV-3F-приходить.RES
 ‘чтобы она не приходила больше’ (многократное значение)
 (Lk:18:05)

- (89) *šôpe e=Ø-k-rois*
 быть CIRC=IPFV-2М-бодрствовать
 ‘Бодрствуй!’ (значение Дуратива) (Rv:03:02)

Эта же конструкция позволяет преодолеть ограничения, связанные с употреблением РЕЗУЛЬТАТИВА (1.4) и имперфективных суффиксальных глаголов (1.5):

- (90) *a-s-šôpe e=Ø-s-uoč*
 PFV-3F-быть CIRC=IPFV-3F-уцелеть.RES
 ‘Стала она здорова’. (Mt:12:13)

- (91) *Ø-f-na-šôpe e=Ø-f-mêr*
 IPFV-3М-FUT-быть CIRC=IPFV-3М-связывать.RES
 ‘{И что свяжешь на земле,} то будет связано {на небесах}’.
 (Mt:16:19)

- (92) *auô Ø-p-e-tn-beke na-šôpe*
 и IPFV-М-POS-2PL-плата FUT-быть
e=našô-f
 CIRC=быть.многочисленным-3М
 ‘И будет вам награда великая’. (Lk:06:35)

Две конструкции позволяют употребить футурум с неимперфективной основой спряжения:

- (93) *a-f-i* *e=Ø-f-na-hotb-ef*
PFV-3М-приходить CIRC=IPFV-3М-FUT-убивать-3М
'Он собрался умертвить себя (*émellen heauton anairein*)'.
(Ac:16:27)
- (94) *e(f)šān-nu* *e=salpize*
COND(3М)-FUT к=трубить
'когда он соберется трубить (*hotan mellêi salpizein*)' (Rv:10:07)

Условные обозначения

Книги Библии

Jos — Книга Иисуса Навина; Iud — Книга Судей Израилевых; Tob — Книга Товита; Jdth — Книга Юдифи; Ps — Псалтирь; Cant — Песнь песней Соломона; Wis — Книга премудростей Соломона; Mt — Евангелие от Матфея; Mk — Евангелие от Марка; Lk — Евангелие от Луки; Jn — Евангелие от Иоанна; Ac — Деяния святых апостолов; IC — 1-е послание к Коринфянам; Ro — Послание к Римлянам; ITm — 1-е послание к Тимофею; Js — Послание Иакова; JIn — 1-е послание Иоанна; Rv — Откровение Иоанна Богослова

Глоссы

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; Ø — ≈ эксплетивное местоимение; ACC — предлог прямого дополнения; APROX — 'примерно'; CAUS — каузатив; CIRC — обстоятельственный конвертер; COND — кондиционалис; CONJ — конъюнктив; COP — связка; DAT — предлог дативного дополнения; DEB — дебитив; DEF — определенный артикль; F — женский род; FIN — финалис; FOC — выделительный конвертер; FUT — футурум; GEN — предлог приименного дополнения; HAB — хабитуалис; INDEF — неопределенный артикль/местоимение; INFAC — инфактитив; IPFV — имперфектив; IRR — ирреальный конвертер; LIM — лимитатив; M — мужской род; NEG — отрицание; NOM — предлог подлежащего; OPT — оптатив; OTHER — 'другой'; PART — причастие; PL — множественное число; POS — притяжательный артикль/местоимение; POT — потенциалис; PST — ретроспективный сдвиг; PFV — перфектив; REL — относительный конвертер; RES — результив; TEMP — темпоралис; THIS — 'этот' (артикль/местоимение)

Литература

- Еланская 2010 — А. И. Еланская. Грамматика коптского языка. Саидский диалект (под ред. А. Л. Хосроева). Санкт-Петербург, 2010.
Ернштедт 1986 — П. В. Ернштедт. Исследования по грамматике коптского языка. М., 1986.

- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Недялков (ред.) 1983 — В. П. Недялков (ред.). Типология результативных конструкций (результатив, статив, перфект). Л.: Наука, 1983.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Layton 2000 — В. Layton. A Coptic Grammar. Sahidic Dialect. With a Chrestomathy and Glossary. Wiesbaden: Harrasowitz-Verlag, 2000.
- Polotsky 1971 — H. J. Polotsky. Collected papers. Jerusalem: The Hebrew University, 1971.
- Stern 1880 — L. Stern. Koptische Grammatik. Leipzig, 1880.

В. Ф. Выдрин

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЮЖНЫХ МАНДЕ В ДИАХРОНИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ ¹

0. Языки южной группы семьи манде (нигеро-конголезская макросемья) распространены в Кот-д'Ивуаре, Либерии и Гвинее. При несомненном наличии некоторых общих структурных черт (таких как базовый порядок слов, тональность, более или менее продуктивная R-лабильность при практически полном отсутствии A-лабильности) с языками групп западной ветви семьи манде, они обнаруживают и весьма существенные отличия от них на всех уровнях — что не удивительно, учитывая значительную временную дистанцию, отделяющую их от этих групп: так, при попарном сравнении лексики базового списка (100-словный список Мориса Сводеша) южных манде и языков группы манден (манинка, бамана, мандинка и т. д.), число сближений колеблется в пределах 35–40%, что соответствует примерно четырем тысячелетиям, прошедшим после их разделения ².

Близость между самими южными языками манде также не следует преувеличивать: по данным глоттохронологии, генетическая глубина этой группы превышает два с половиной тысячелетия, что существенно больше, чем в славянской группе языков, и близко к степени расхождения германской группы. Внутри юж-

---

¹ Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных лингвистических исследований (<http://www.ffli.ru>), проект А-07 «Полевое исследование языков манде Гвинеи и Кот-д'Ивуара». Я хотел бы поблагодарить всех тех, кто принял участие в обсуждении этой статьи и высказал ценные замечания: Д. А. Паперно, Т. В. Никитину, Н. В. Кузнецову, О. В. Кузнецову, А. В. Эрман, Д. И. Идиатова, М. Л. Хачатурьян. Я особенно признателен Е. В. Перехвальской, которой принадлежит сама идея написания этой статьи и которая лишь по причине чрезмерной научной щепетильности не выступает в качестве ее соавтора.

Разумеется, за все недостатки и ошибки, которые обнаружит вдумчивый читатель, ответственность несу только я.

² Здесь и далее данные глоттохронологии даются по [Vydrin 2009b].

ной группы можно выделить на генетико-ареальных основаниях две подгруппы: дан-тура-мано и гуру-яурэ-муан. Отметим, что глоттохронология дает несколько иное ветвление (мано и тура оказываются примерно на той же дистанции друг от друга и от дан, как от гуру или яурэ), однако структурное сходство внутри этих подгрупп, которое будет продемонстрировано в данной статье, подпитывается географической близостью языковых ареалов. Языки гбан, бен и уан оказываются наиболее ранними ответвлениями от пра-южного манде, на что указывает и глоттохронология, и степень отличий их друг от друга и от остальных языков группы в сфере грамматики.

Целью данной статьи является сравнение аспектуально-темпорально-модальных систем этих языков (включая выражение полярности), имея в виду реконструкцию диахронической эволюции этих систем и, в меру возможности, реконструкцию системы ТАМ пра-южного языка манде. После краткого введения (часть 1), в котором будут изложены базовые грамматические сведения об этих языках и система условных обозначений, используемых в данной работе, мы перейдем к представлению систем ТАМ каждого из рассматриваемых языков (часть 2). В заключительной части (3) представлен сравнительный анализ (синхронный и диахронический) систем индивидуальных языков и попытка реконструкции пра-языковой системы ТАМ и полярности.

1. Характерные особенности языков южной группы манде

1.1. Тоны

Все языки южной группы манде являются политоничными. Число уровневых тонов в них варьирует от трех (мано, гуру, муан, уан, бен) до пяти (дан-гуэа), при этом в большинстве из них выделяются также и модулированные тоны. Для обозначения тонов в данной статье принята система, основанная на МФА, см. Таблицу 1.

Восходящий тон (R) обозначается гачеком, $\acute{a}$; падающий (F) — циркумфлексом, $\hat{a}$. Если в системе имеется более одного падающего тона (как в дан-гуэа), то средне-падающий (Mf) обозначается как $\tilde{a}$, высоко-падающий (Hf) как $\hat{a}$, сверхвысоко-падающий как $\check{a}$. Если в системе имеется более одного восходящего тона (как в гбан или в бен), то низко-восходящий обозначается гачеком, $\grave{a}$, а средне-восходящий — как $\tilde{a}$.

**Обозначение тонов в системах
с разным количеством уровней**

Число уровневых тонов в системе	2	3	4	5
Сверхвысокий (Eh)			á	ǎ
Высокий (H)	á	á	á	á
Средний (M)		ā		ā
Низкий (L)	à	à	à	à
Ультранизкий (El)			à	à

Во всех южных языках манде тоны являются носителями не только лексического, но и грамматического значения, в первую очередь в глагольной системе, что заставляет уделять им особое внимание. В то же время эти языки сильно различаются в отношении контекстных тональных изменений: так, они минимальны в дан и весьма распространены в яурэ, при этом контекстные изменения тонов могут быть грамматически обусловлены (гбан, муан, гуру).

1.2. Сегментная фонология

Для южных манде характерны громоздкие вокалические системы с несимметричными подсистемами носовых и неносовых гласных. В языках гуру и яурэ имеет место сингармонизм в пределах стопы по признакам продвинутости/отодвинутости корня языка ($\pm$ ATR) и назальности:

Таблица 2

Сингармонические серии гуру и яурэ

+ATR		-ATR		Носовые	
i	u	ɪ	ʊ	ĩ	ũ
e	o	ɛ	ɔ	ẽ	õ
	a		a		ã

По-видимому, такой сингармонизм следует реконструировать и для пра-южного манде (весьма вероятно, и для праязыка всей семьи манде, см. [Выдрин 2006a]). В большинстве современных языков группы он был утрачен³, а оральная система пре-

³ Симптомы утраты сингармонизма наблюдаются и в современном гуру, см. [Н. В. Кузнецова 2011: 71–72].

образовалась в треугольную 7-членную. В дан же утрата сингармонизма сопровождалась усложнением инвентаря гласных фонем; этот процесс привел к формированию полного ряда задних неогубленных гласных фонем.

Таблица 3

Вокалическая система дан-гуэа

Перед- ние	<i>Неносовые</i>			<i>Носовые</i>		
	Задние нелабиализованные	Задние лабиализованные	Перед- ние	Задние нелабиализованные	Задние лабиализованные	
<i>i</i>	<i>ɯ</i> (<i>ʏ</i>)	<i>u</i>	<i>ɨ</i>	<i>ɨ̃</i>	<i>ɯ̃</i>	
<i>e</i>	<i>ɛ</i>	<i>o</i>				
<i>ɛ</i>	<i>ɛ</i>	<i>ɔ</i>	<i>ɛ̃</i>	<i>ɛ̃</i>	<i>ɔ̃</i>	
<i>æ</i>	<i>a</i>	<i>ɔː</i>	<i>æ̃</i>	<i>ã</i>	<i>ɔ̃ː</i>	

Характерной чертой консонантизма является то, что носовые сонанты не имеют фонемного статуса — они являются аллофонами соответствующих неносовых сонантов или имплозивных в назальных стопах ([m/ɓ], [n/d] или [n/l], [ɲ/y], [w̃/w]). Впрочем, в некоторых языках группы (бен, юрэ; возможно, также ману) намечается тенденция к фонологизации носовых сонантов.

1.3. Базовый синтаксис

Принято считать, что в языках манде порядок слов в глагольном предложении — S (AUX) (O) V (X), где S — подлежащее, O — прямое дополнение, V — глагольное сказуемое, X — косвенное дополнение или сирконстант; AUX — «предикативный показатель». Однако в некоторых южных языках манде (дан, ману, гбан, бен; в определенной степени также в тура) произошло сращение предикативных показателей с предшествующими им субъектными местоимениями, в результате чего образовался новый класс служебных слов — местоименные предикативные показатели (МПП; подробнее о синтаксическом статусе и характеристиках МПП см. [Выдрин 2010b; Nachaturyan 2010]). В этих языках можно говорить об ином базовом порядке слов — (S) AUX (O) V (X). Иначе говоря, заполнение позиции подлежащего здесь становится необязательным — в отличие от позиции AUX.

В остальных же языках группы (муан, гуру, яурэ, уан, отчасти тура) можно говорить о сохранении прежней формулы — S (AUX) (O) V (X), образование МПП здесь находится в начальной стадии. При этом мы отвлекаемся от некоторых интересных отклонений — таких, как порядок AUX S (O) V (X) в прохибитиве в гуру и яурэ; наличии дополнительных показателей конструкции в позиции после МПП, и т. п.; о них будет сказано в дальнейшем изложении.

1.4. Материальные средства для выражения значений ТАМ

Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что для выражения значений ТАМ в южных манде используются три основных средства:

- 1) AUX — предикативные показатели (местоименные или не-местоименные пост-субъектные, в зависимости от типа языка);
- 2) пост-глагольные элементы (которые, как правило, имеет смысл рассматривать как суффиксы, хотя в описательных работах они нередко представлены как служебные слова);
- 3) тон на глагольном сказуемом.

Каждое из этих средств может выражать соответствующее грамматическое значение само по себе или (весьма часто) выступать в сочетании с другими⁴. Поэтому морфемику ТАМ в южных манде удобно описывать в виде формул глагольных конструкций, в которых учитываются все формальные средства.

Сказанное относится к «базовым» конструкциям, т. е. достигшим высокой степени грамматикализации. Кроме того, практически во всех языках группы имеются и «производные» глагольные конструкции, образованные при помощи копул (как правило, четко отличающихся от глаголов по морфологическому критерию и служащих для образования неглагольных предложений) или вспомогательных глаголов (сохраняющих «нормальную» глагольную морфологию, но более или менее утративших свою лексическую семантику) в сочетании с теми или иными нефинитными формами смыслового глагола.

---

⁴ Чаще всего при наличии суффиксов глагол несет лексический тон, однако бывают и исключения: так, в гуру и яурэ глагол в имперфективе получает грамматический тон на основе и одновременно присоединяет суффикс.

При этом необходимо отметить, что системы ТАМ и полярности в южных манде относятся, по терминологии У. Уельмерса [Welmers 1973], к «линейному» типу: в них не выделяется естественным образом подсистем для выражения аспектуальных, временных, модальных значений или полярности — все эти грамматические значения выражаются в рамках единой системы конструкций. Поэтому в данной статье мы будем рассматривать системы ТАМ-полярности целиком.

2. Системы ТАМ-полярности отдельных языков

В этом разделе системы отдельных языков группы изложены по единой схеме: сначала даются парадигмы МПП (для языков с МПП) и список нефинитных глагольных форм и копул (с необходимыми пояснениями касательно их морфологии и семантики). Затем дается список конструкций в следующей последовательности: утвердительные базовые конструкции; утвердительные производные конструкции; отрицательные базовые конструкции; отрицательные производные конструкции. Производными будут считаться конструкции, которые достаточно легко идентифицируются в синхронии как содержащие служебный глагол (более или менее грамматикализованный) или копулу. При описании каждой конструкции даются необходимые пояснения относительно задействованных формальных средств (алломорфия, тональная морфология, и т. д.), а также сведения о ее грамматической семантике (кроме тех случаев, когда название конструкции описывает ее семантику достаточно исчерпывающе).

Как отдельные языки в данном описании представлены три идиома дан, по которым имеются наиболее полные данные — гуэта, бло и кла. Диалектный континуум дан насчитывает несколько десятков диалектов (только в Кот-д'Ивуаре их выделяют до 40; либерийские диалекты дан известны существенно хуже). Всего на различных идиомах дан говорят, по-видимому, до полутора миллионов человек.

2.1. Дан-гуэта

Гуэта — диалект одноименной супрефектуры префектуры Бьянкума, на северо-востоке зоны распространения дан. Этот диалект был взят за основу сотрудниками Летнего института

лингвистики при формировании восточно-ивуарийской письменной нормы языка дан. Он характеризуется наличием пяти уровневых тонов и трех модулированных (падающих). Материалы по дан-гуэта собраны мной в ходе полевой работы и отчасти отражены в публикациях [Выдрин 2010a; Vydrin, Kességbeu 2008, и др.].

Таблица 4

Серии МПП дан-гуэта

Лицо	Единственное число			Дв.ч.	Множественное число			
	1	2	3	1 инкл.	1 экс.	1 инкл.	2	3
Экзистенциальные, EXI	<i>ā</i>	<i>ī/ū</i>	<i>Ø/yǝ/yɔ</i>	<i>kō</i>	<i>yī</i>	<i>kwā</i>	<i>kā</i>	<i>wò</i>
Сопряженные, JNT	<i>á</i>	<i>í/ú</i>	<i>Ø/ɛ/yɛ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wó</i>
Перфектные, PRF	<i>ḅá</i>	<i>ḅá</i>	<i>yà/yä</i>	<i>kó</i>	<i>yá</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wà/wä</i>
Перспективные, PROS	<i>ḅāā</i>	<i>ḅī</i>	<i>yɔ̄</i>	<i>kōō</i>	<i>yī</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wōō</i>
Императивные, IMP	–	<i>Ø/ḅɔ̄</i>	–	<i>kō</i>	–	<i>kwä</i>	<i>kä</i>	–
Оптативные, OPT	<i>á</i>	<i>í/ú</i>	<i>yɔ̄</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wò</i>
Презумптивные, PRSM	<i>ḅāā</i>	<i>ḅāā</i>	<i>yāā</i>	<i>kōō</i>	<i>yāā</i>	<i>kwāā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
Отрицательные имперфективные, NEG.IPFV	<i>ḅáá</i>	<i>ḅáá</i>	<i>yáá</i>	<i>kóó</i>	<i>yáá</i>	<i>kwáá</i>	<i>káá</i>	<i>wáá</i>
Отрицательные перфективные, NEG.PFV	<i>ḅíí</i>	<i>ḅíí</i>	<i>yíí</i>	<i>kóó</i>	<i>yíí</i>	<i>kwíí</i>	<i>kíí</i>	<i>wíí</i>
Прохибитивные, PRON	<i>ḅá</i>	<i>ḅá</i>	<i>yá</i>	<i>kó</i>	<i>yá</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wá</i>

2.1.1. Нефинитные формы глагола. Инфинитив: V-EI. Образуется суффигированием ультранизкого тона к основе глагола. Используется главным образом в конструкциях будущего времени, прохибитивной и презумптивной, а также в конструкциях с глаголами движения. Восходит к субэссивному послелогоу *ḅà.

Герундий⁵: *V-sù*, тон основы лексический. Используется в результивной конструкции, как отглагольное имя в актантных позициях, в причастной функции в составе атрибутивных ИГ. Может служить показателем фразовой номинализации, присоединяясь к косвенному дополнению или сирконстанту.

Масдар: *V-dē*, тон основы лексический, суффикс восходит к адресативно-бенефактивному послелогу *dē или омонимичному ему (этимологически тождественному?) существительному со значением «место». Используется с глаголами *dō* ‘знать’, *yū* ‘видеть’ (в значении ‘мочь’), а также в слабограмматикализованной локативной конструкции с прогрессивным или результивным значением:

(1) *Yū r̄ kwèè dū-dē gú.*
 3SG.EXI REFL.SG ноша погрузить-MSD в
 ‘Он привязывает свой багаж’ (прогрессивное прочтение);
 ‘Он уже упаковал свой багаж (и ждет погрузки)’ (результивное прочтение).

(2) *Kwè yààgā dā yí-’ kà bù,*
 год три FOC 1PL.EXCL.JNT-3SG.NSBJ делать-JNT там
ā dō-dē gú.
 3SG.NSBJ ставить-MSD в
 ‘Мы провели там, строя ее, три года’.

Имя результата действия: *V-dē*. Эта модель в дан-гуэта малопродуктивна. Возможно, тем же самым по происхождению следует считать малопродуктивный суффикс *-dē*, образующий прилагательные от существительных.

Супин: *V-yū*. Сравнительно редкая форма, употребляется, по-видимому, только в сочетании с инэссивным послелогом *gú*.

Копулы:

bù — в эквативном и презентативном предложениях; предполагает, что объект находится вне пределов видимости. Употребление этой копулы предполагает отсутствие МПП.

dē — в презентативном предложении; предполагает, что объект находится в пределах видимости. Употребление этой копулы предполагает отсутствие МПП.

⁵ Здесь и далее, под герундием в южных манде понимается такая отглагольная форма, которая может выступать как в функции имени действия, так и в причастной (чаще всего, результивной).

В процессе превращения в копулу находится лексема *dʃ*, которая в отрицательных и нейтральновидовых конструкциях (см. ниже) ведет себя как глагол ‘быть’, а в сопряженных конструкциях (см. ниже) может выступать в качестве эквивалента МПП сопряженной серии *ʃ*.

- (3) *Bé*   *bā*, *pā*   *zḡzḡdē*   *dā*   *à*
 человек-EMPH ART вещь красный.INT.PL FOC 3SG.NSBJ
dō   *dʃ-*   *kā*.
 желание   **быть**-3SG.NSBJ   делать-JNT
 ‘Этот человек любит именно очень красные вещи’.

По-видимому, восходит к глаголу *dō* ‘идти’; ср. кла-дан, где соответствующие глаголы (бытийный и глагол движения) полностью идентичны по форме (*ló* в обоих случаях) [Макеева 2007].

2.1.2. *Первичные конструкции.* Нейтральный вид: EXI — (O) — \NTR. Нейтральный вид на глаголе маркируется тоновой морфемой: лексический тон замещается ультранизким. Значения: хабитуалис; статив; ирреальное условие в контрфактивной конструкции; прогрессив; имперфект («действие совершалось в прошлом и не было закончено — во всяком случае, о его окончании неизвестно»); результатив/перфект; комплетив («действие совершено за указанный промежуток времени).

Перфект: PRF — (O) — V. Значение: акциональный перфект; допускается сочетание с темпоральными сирконстантами, с референцией в недавнее прошлое.

Дуратив: EXI — (O) — V-*sīl*; суффикс *-sīl* является, по-видимому, результатом слияния суффикса герундия *-sū* с инэссивным послелогом *gū* (этимология Беарта, см. [Bearth 1971: 453–454], ср. прогрессив-3 в дан-бло). Значения: прогрессив, статив (с глаголами знания и т. п.).

Результатив: EXI — (O) — V-*sū* *ká*, глагол выступает в форме герундия, за которым следует послелог *ká* с комитативно-инструментальным значением.

Проспектив: PROS — (O) — V.

Оптатив: OPT — (O) — V.

Императив: IMP — (O) — V.

Зависимый прогрессив: JNT — (O) — V-*dāḡ/-ḡ*. Эта конструкция помещается в зависимую релятивную клаузу, которая за-

нимает в предложении первую позицию. Обозначает действие, одновременное с моментом речи. Конструкция возможна не со всеми глаголами.

Сопряженная конструкция характеризуется МПП сопряженной серии (JNT), который заменяет МПП экзистенциальной серии в нейтральновидовой, дуративной, ретроспективной (см. ниже), результативной конструкциях, а также в неглагольных предложениях. При этом в нейтральновидовой конструкции сопряженный статус маркируется и на глаголе, тон которого понижается по сложной схеме, в зависимости от сегментной структуры глагола. Сопряженный статус маркируется в синтаксически несамостоятельных контекстах (в зависимой клаузе, в предложении с фокализацией и др.); таким образом, сопряженность не относится к сфере ТАМ.

2.1.3. Вторичные конструкции (с оператором или со вспомогательными глаголами). Будущее: EXI $d\bar{o}$ \NTR — (O) — \VINF; исходное значение вспомогательного глагола $d\bar{o}$ — ‘идти, уходить’.

Ретроспектив: EXI $k\bar{l}$ — (O) — \VNTR, $k\bar{l}$, вероятно, восходит к глаголу $k\bar{l}$ ‘делать; быть’; не меняет тона (в отличие от аналогичного показателя в дан-бло).

Имперфект: EXI $g\bar{u}$ \NTR — (O) — V- $s\bar{i}\bar{l}$; глагол $g\bar{u}$ имеет лексическое значение ‘быть в прошлом’. Конструкция выражает таксисное значение: длительное действие в прошлом.

Континуатив: EXI $t\bar{u}$ \NTR — (O) — \VINF; глагол $t\bar{u}$ имеет лексическое значение ‘все еще находиться; продолжаться’. Значение конструкции: продолжение действия или состояния, начавшегося ранее.

Таксис следования: а) OPT $g\bar{u}$ — (O) — \VINF- $d\bar{a}\bar{a}$ /- $\bar{n}$); б) OPT $g\bar{u}$ - $d\bar{a}\bar{a}$ — (O) — \VINF. Значение: действие, которое должно совершиться после некоего другого действия; временной ориентир задается в первой клаузе сложного предложения.

Презумптив: PRSM $d\bar{u}$ — (O) — \VINF. Возможно, $d\bar{u}$ является формой нейтрального вида глагола $d\bar{u}$ ‘приходить’. Впрочем, наличие в тура пробабилитивной конструкции с показателем $d\bar{u}$ (см. раздел 2.2.3), который не может быть проинтерпретирован там как форма глагола $d\bar{u}$ ‘приходить’, заставляет относиться к такому предположению с осторожностью. Значение: говорящий

делает вывод о том, что действие совершено, на основании знания об общем контексте ситуации.

2.1.4. *Отрицательные базовые конструкции.* Имперфективная отрицательная: NEG.IPFV — (O) — V.

Дуративная отрицательная: NEG.IPFV — (O) — V-*sīl*.

Перфективная отрицательная: NEG.PFV — (O) — V.

Отрицательная проспективная: NEG.IPFV — PROS — (O) — V. Это — единственная конструкция ТАМ, где требуется употребление двух МПП; по-видимому, она является результатом опущения некоего вспомогательного глагола в позиции после отрицательного МПП.

2.1.5. *Отрицательные производные конструкции.* Ретроспективная отрицательная: NEG.IPFV *kā* — (O) — V, NEG.PFV *kā* — (O) — V. Значение: отрицательный перфектив, отрицательный ретроспектив.

Отрицательное будущее: NEG.PFV *dō* — (O) VINF (отметим использование отрицательного перфективного МПП).

Прохибитив: PRON *dō* — (O) — VINF; вспомогательный глагол восходит к глаголу *dō* ‘идти, уходить’.

2.2. Дан-бло

Диалект бло был взят за основу сотрудниками Летнего института лингвистики при формировании западно-ивуарийской письменной нормы языка дан⁶; по этой причине он описан значительно лучше остальных западно-ивуарийских вариантов дан. В дан-бло выделяется 12 носовых и 9 носовых гласных, 3 уровневых тона и 3 модулированных (высокопадающий, *á*; среднепадающий, *ā*; низкопадающий, *ǎ* — диакритика, выбранная для обозначения последнего, объясняется тем, что он регулярно соответствует ультранизкому тону в дан-гуэта, см. [Эрман 2008]). Данное представление системы ТАМ-полярности основано на данных работ [Эрман 2002; Эрман рук.; Flick 1978], а также на дополнительной информации, полученной от А. В. Эрман. При этом в интерпретацию материала внесены некоторые изменения в соответствии с новейшими взглядами на устройство языков дан.

---

⁶ На диалектах дан, относимых к числу западно-ивуарийских, говорят до полумиллиона человек.

Таблица 5

Серии МПП дан-бло

Лицо	Глосса	Единственное число			Дв.ч.	Множественное число			
		1	2	3	1 инкл.	1 экс.	1 инкл.	2	3
Экзистенциальные	EXI	<i>ā</i>	<i>iū</i>	<i>yǝ/yǝ/ǝ</i>	<i>kō</i>	<i>yī</i>	<i>kwā</i>	<i>kā</i>	<i>wò/wò</i>
Сопряженные	JNT	<i>á</i>	<i>ú</i>	<i>yǝ/ǝ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wó</i>
Перфектные	PRF	<i>bá</i>	<i>bá</i>	<i>yǝ</i>	<i>kól</i>	<i>yíl</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wà</i>
Волютивные	VOL	<i>áǵ/áǵ</i>	<i>úǵ</i>	<i>yǵǵ</i>	<i>kólǵ</i>	<i>yílǵ</i>	<i>kwáǵ</i>	<i>káǵ</i>	<i>wǵǵ</i>
Императивные	IMP	—	<i>Ø/bǝ</i>	—	<i>kō</i>	—	<i>kwà</i>	<i>kà</i>	—
Оптативные	OPT	<i>á</i>	<i>ú</i>	<i>yǝ/ǝ</i>	<i>kó</i>	<i>yí</i>	<i>kwá</i>	<i>ká</i>	<i>wò</i>
Отрицательные имперфективные	NEG.IPFV	<i>báǵ</i>	<i>báǵ</i>	<i>yáǵ</i>	<i>kól/ kólǵ</i>	<i>yíl/yílǵ</i>	<i>kwáǵ</i>	<i>káǵ</i>	<i>wáǵ</i>
Отрицательные перфективные	NEG.PFV	<i>ñká</i>	<i>ũká</i>	<i>yāǵ</i>	<i>kōǵ</i>	<i>yílǵ</i>	<i>kwáǵ</i>	<i>káǵ</i>	<i>wǵǵ</i>
Отрицательные будущие	NET.FUT	<i>ñká</i>	<i>ũká</i>	<i>yǝká/yǝká</i>	<i>kōká</i>	<i>yǝká</i>	<i>kwǵká</i>	<i>kǵká</i>	<i>wōká/ wōká</i>

Примечание: Серия МПП отрицательного будущего является результатом факультативного слияния отрицательной перфективной серии с оператором отрицания *ká*.

2.2.1. *Нефинитные формы глагола:*

— инфинитив маркируется только изменением тона, причем только у глаголов с лексическим высоким тоном, который заменяется на средний;

— герундий образуется присоединением к основе глагола суффикса *-sũ*, тон глагола при этом остается лексический;

— масдар образуется суффиксом *-dē*.

— супин образуется суффиксом *-dîà*, тон глагола лексический. Отметим существование в дан-бло послелого *dîà* (< *dē bā 'в месте, в место'), обозначающего направление движения; этимологическая связь суффикса супина с этим послелогом очевидна. Выражает значение цели (в основном с глаголами движения), выступает в конструкции прогрессива-2.

Копулы в дан-бло по форме (*dî, bũ, dē*) и употреблению совершенно аналогичны таковым в дан-гуэта.

2.2.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Нейтральный вид: EXI — (O) — V\NTR — аналогично дан-гуэта, но не передает актуально-длительного (прогрессивного) значения.

Перфект: PRF — (O) — V. Значение акционального перфекта; в сложных временных предложениях обозначает действие, предшествующее действию зависимой клаузы; в условно-временных — действие, предшествующее действию главной клаузы.

Прогрессив-1:⁷ EXI — (O) — V-*dũ*, глагольный суффикс восходит, по-видимому, к архаичному существительному со значением «место», сохранившемуся в гуэро и яурэ (где оно также грамматикализовалось в суффикс имени действия). Собственно-процессное значение; состояние (с семантическим компонентом «вхождения в состояние», начальная стадия процесса); репортажное настоящее; намеренное будущее (только с глаголами движения *dũ* 'приходить' и *dō* 'идти, уходить'); прогрессив в будущем.

Прогрессив-2: EXI — (O) — V-*dîà*, глагол в форме супина. Собственно-процессное значение (реже); состояние; континуатив (действие, начавшееся в прошлом и продолжающееся); прогрессив непрямой засвидетельствованности.

---

⁷ Подробный анализ значения трех форм прогрессива в дан-бло сделан в статье А. В. Эрман (Наст. сборник, с. 648–661).

Прогрессив-3: EXI — (O) — V-*sùú gúú*, глагол в форме герундия. Значения: собственно-процессное (несколько реже, чем у прогрессива-1); состояние; континуатив (реже, чем у прогрессива-2).

Результатив: EXI (O) V-*sùú ká*, аналогично дан-гуэта.

Интенционалис (волитив): VOL — (O) — V, глагол сохраняет лексический тон. Значения: волитив (действие, которое субъект собирается совершить); предшествование (действие, предшествующее действию главной клаузы).

Оптатив: OPT — (O) — V, глагол сохраняет лексический тон.

Императив: IMP — (O) — V.

Отметим также наличие сопряженной конструкции, маркируемой сопряженной серией МПП (если речь идет о глагольном предложении и глагол не имеет суффиксов, то признак сопряженности маркируется на глаголе понижением тона по сложной схеме). Эта конструкция, как и в гуэта, не имеет особого аспектуального значения, а указывает на несамостоятельный синтаксический статус клаузы.

2.2.3. *Вторичные конструкции.* Будущее: EXI *d̂x̂* — (O) — V\INF. *d̂x̂* восходит к глаголу *d̂o* ‘идти, уходить’ (падающий тон свидетельствует о том, что этот глагол стоит в форме нейтрального вида); изменение гласного (*o > *x̂*) — признак грамматикализации.

Проспектив (в терминологии А. В. Эрман, проксиматив): EXI *d̂x̂\̂/d̂o\̂* — (O) — V. Форма *d̂x̂\̂/d̂o\̂* является результатом слияния вспомогательного глагола *d̂o* ‘идти, уходить’ с показателем прогрессива-1 *d̂x̂*.

Ретроспектив: EXI *k̂* — (O) — V\NTR. Отметим низкопадающий тон на показателе ретроспектива (в отличие от среднего тона в гуэта), что позволяет рассматривать его как нейтрально-видовую форму глагола *k̂* ‘делать; быть; становиться’. По-видимому, такой тон свидетельствует о несколько меньшей степени грамматикализации этого показателя в бло, по сравнению с гуэта.

Имперфект: (а) EXI *k̂* — (O) — V-*d̂à* (супин), значение: длительное действие в прошлом; (б) EXI *k̂* — (O) — V-*sùú gúú*.

2.2.4. *Базовые отрицательные конструкции.* Имперфективная отрицательная: NEG.IPFV — (O) — V. Значения: гноми-

ческое, хабитуальное, процессуальное; отрицательный экспериенциалис; запланированное будущее.

Перфективная отрицательная: NEG.PFV — (O) — V. Значения: пунктив, результатов.

Отрицательное будущее-1: NEG.FUT — (O) — V.

2.2.5. *Производные отрицательные конструкции.* Отрицательное будущее-2: NEG.PFV *dʒ* — (O) V.

Прохибитив: *k̄ k̄* JNT (O) V\JNT; *k̄* — союз с широким (чаще всего целевым) значением.

2.3. *Кла-дан*

На этом языке группы дан говорят в полутора десятках деревень в префектуре Туба (Кот-д'Ивуар), к северу от основного ареала проживания народа дан, а также в нескольких деревнях с гвинейской стороны. Общее число говорящих на кла-дан можно оценить в диапазоне 20–30 тыс. человек. В этом языке выделяется 4 уровневых тона; на нем сказались интенсивные контакты с маука — идиомом группы манден, который, в свою очередь, также испытал мощное субстратное влияние дан.

В предварительном порядке кла-дан был обследован мною в 2001–2002 годах, в результате чего было установлено, что он отличается от других вариантов дан достаточно существенным образом; материалы 2001–2002 гг. отчасти отражены в статьях [Выдрин 2006б; Vydrin 2009a]. В дальнейшем изучением кла-дан занималась Надежда Владимировна Макеева; на ее данных, отраженных в работах [Макеева 2010; Макеева 2011; Макеева рук. 1; Макеева рук. 2] и основывается дальнейшее изложение.

2.3.1. *Нефинитные формы глагола.*

V-*sù* — герундий.

V\E1 — супин, маркируется ультранизким тоном на конечном гласном для глаголов структуры CVV; у односложных основ (CV) конечный гласный удваивается, и конечный гласный также получает ультранизкий тон. Употребляется в целевых конструкциях с глаголами движения.

Копулы

bà — копула идентификации.

kè — копула презентативного предложения.

pʒ — отрицательная копула идентификации.

МПП в кла-дан

Лицо	Единственное число			Дв. ч.	Множественное число			
	1	2	3	1 инкл.	1 экс.	1 инкл.	2	3
Экзистенциальные	ɲ	ʔ/ò	yě	kò	i	kùà	kà	wò
Сопряженные	ɲ	ʔ/ó	yá/á	kó	i	kúá	ká	wá
Перфектные	bá	bá	yà	kó	i	kúá	ká	wà
Перспективные	báá	báá/òò	yèè	káá/kòò	ii	kùàà	kàà	wòò
Императивные	—	Ø/ʔ/ò	—	kò	—	kùà	kà	—
Оптативные	ɲ	ʔ/ó	yě	kó	i	kúá	ká	wò
Имперфективно-отрицательные	báá	báá	yáá	kóó	ii	kúáá	káá	wáá
Перфективно-отрицательные	bíí	bíí	yíí	kíí	ii	kúíí	kíí	wíí
Прохибитивные (отрицательный оптатив)	báà	báà	yàà	kòò	ii	kùàà	kàà	wàà

Имеется также полноценный бытийный глагол *ló* (возможно, его следует считать, даже в синхронии, идентичным глаголу *ló* ‘уходить; идти’).

2.3.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Нейтральный вид: EXI — (O) — VNTR. Значения: нейтральновидовая конструкция: пунктив, комплетив, лимитатив; статив, итератив, хабитуалис.

Перфект: PRF — (O) — V. Значения: акциональный перфект, результатив (статальный перфект); экспериенциалис; комплетив.

Имперфектив: EXI — (O) — V-ká; суффикс *ká* восходит к послелогу с комитативно-инструментальным значением. Значения: статив, прогрессив, итератив, хабитуалис.

Будущее 1: EXI — (O) — VNTR-lá. Возможно, эта конструкция этимологически тождественна «прогрессиву-2» в бло; впрочем, в этом случае остается неясным происхождение ультранизкого тона на глагольной основе. Значения: интенционалис, предиктив, «будущее расписания».

Будущее 2: PROSP — (O) — V. Значения: интенционалис, предиктив, «будущее расписания».

Императив: IMP — (O) — V.

Оптатив: OPT — (O) — V.

Сопряженные конструкции аналогичны таковым в дан-гуэта: вместо экзистенциального МПП употребляется сопряженная серия; в нейтральновидовой конструкции тон глагола понижается по особой схеме; помимо нейтральновидовой, в сопряженном состоянии могут быть также ретроспективная и имперфективная конструкции. Значение сопряженности лежит в сфере синтаксиса и сферы коммуникативного выделения, а не ТАМ.

2.3.3. *Вторичные конструкции.* Ретроспективная: EXI — *kà* — (O) — V(NTR); оператор *kà*, по-видимому, восходит к глаголу *kà* 'делать; становиться'; мена гласного — результат грамматикализации. Значения: отдаленное прошлое, прекращенное прошлое, аннулированный результат; лимитатив.

Имперфект: EXI — *kù*\NTR⁸ — (O) — V-*ká*; лексическое значение глагола *kù* — 'быть в прошлом' (ср. *gũ* в дан-гуэта). Значения: дуратив в прошлом, статив в прошлом.

Проксиматив: EXI — *kù*\NTR — PROSP — (O) — V. Значения: проксимативное («чуть было не»).

Плюсквамперфект: PRF — *kù* — PRF — (O) — V. Значения: предпрошедшее; экспериенциальный перфект (по отношению к точке в прошлом); аннулированный результат.

Прогрессив в будущем: PROSP — *kà* — (O) — V-*siũ* *gú*; -*siũ* — суффикс герундия, *gú* — послелог с инэссивным значением.

2.3.4. *Отрицательные производные конструкции.*

Отрицательный имперфектив: NEG.IPFV — (O) — V.

Отрицательный перфектив 1: NEG.PFV — (O) — V.

Отрицательный прогрессив: NEG.IPFV — (O) — V-*ká*.

2.3.5. *Отрицательные производные конструкции.*

Отрицательный перфектив 2: NEG.PFV *kà* — (O) — V.

---

⁸ Вспомогательный глагол *kù* имеет в кла-дан также свободный вариант *gú*, что позволяет сблизить его с аналогичным вспомогательным глаголом в гуэта, *gũ*.

Отрицательное будущее: NEG.IPFV *gú* — (O) — V или NEG.IPFV (*gú*) PROSP — (O) — V. По-видимому, *gú* является по происхождению инессивным послелогом; в таком случае первая часть конструкции, NEG.IPFV *gú*, представляет собой отрицательно-бытийную предикацию, букв. «X не в этом», а группа смыслового глагола являет собой вторую предикацию.

Отрицательный плюсквамперфект: NEG.IPFV — *kú* — PFV — (O) — V.

Отрицательный прохибитив: PRON — *ló* — (O) — V.

2.4. Мано

На этом языке говорят примерно 200 тыс. человек на крайнем юго-востоке Гвинеи и на севере Либерии. В нем выделяется 3 уровневых тона; вокалическая система представляет собой классический треугольник из 7 гласных; процесс фонологизации носовых сонантов находится в начальной стадии (по-видимому, этой тенденцией мано обязан давнему и интенсивному контакту с языком кпелле). При анализе прономинальной системы мано [Выдрин 2006б] были использованы материалы (не всегда полные и систематичные) либерийских диалектов, взятые из практических учебников этого языка. За последние годы, благодаря исследованиям Марии Леонидовны Хачатурьян, был достигнут большой прогресс в изучении гвинейских вариантов мано. В частности, было сделано целостное описание глагольной системы гвинейского мано [Хачатурьян 2011], на которое данная статья и опирается.

В мано, вне всякого сомнения, сложилась система МПП [Hachaturyan 2010].

2.4.1. Нефинитные формы глагола. Герундий: V-*à*; гласный суффикса ассимилируется конечным гласным основы по назальности и, факультативно, по тембру. Суффикс восходит к субэссивному послелогу *bà; таким образом, герундий мано этимологически тождественен инфинитиву в дан.

Инфинитив: V-*pèlè*; суффикс инфинитива восходит к существительному *péléi*⁹ ‘деревня; место’.

⁹ Форма гвинейского мано. В либерийском мано соответствующее существительное имеет вид *pélè*. Конечный элемент *-i* в гвинейском мано, по-видимому, восходит к некоему элементу послеложного происхождения (вероятнее всего, послелогу *uí* ‘в’).

Серии МПП в мано

	1SG	2SG	3SG	1PL	2PL	3PL
I.1 экзистенциальная, EXI	<i>ṅ</i>	<i>ī</i>	<i>lē</i>	<i>kō</i>	<i>kā</i>	<i>ō</i>
I.2 экзистенциальная +3	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>lāā</i>	<i>kōà</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
II.1 претерит, PRET	<i>ṅ</i>	<i>ī</i>	<i>ē</i>	<i>kō</i>	<i>kā</i>	<i>ō</i>
II.2 претерит +3	<i>mā</i>	<i>bā</i>	<i>ā</i>	<i>kōà</i>	<i>kā</i>	<i>wā</i>
III перфект, PRF	<i>māà</i>	<i>bāà</i>	<i>āà</i>	<i>kōà</i>	<i>kāà</i>	<i>wāà</i>
IV.1 имперфектив, IPFV	<i>ṅṅ</i>	<i>īī</i>	<i>lēē</i>	<i>kōō</i>	<i>kāā</i>	<i>ōō</i>
IV.2 имперфектив+3	<i>ṅṅ</i>	<i>bāà</i>	<i>lèà/lāà</i>	<i>kōà</i>	<i>kāà</i>	<i>ōò</i>
V сопряженная, JNT	<i>māā</i>	<i>bāā</i>	<i>āā</i>	<i>kōā</i>	<i>kāā</i>	<i>wāā</i>
VI.1 отрицательная, NEG	<i>ṅṅ</i>	<i>ii</i>	<i>lèè</i>	<i>kòó</i>	<i>kàá</i>	<i>òó</i>
VI.2 отрицательная+3	<i>ṅṅ</i>	<i>bāá</i>	<i>làá</i>	<i>kòó</i>	<i>kàá</i>	<i>òó</i>
VII.1 оптативная, OPT	<i>ṅ</i>	<i>i</i>	<i>é</i>	<i>kó</i>	<i>ká</i>	<i>ó</i>
VII.2 оптативная+3	<i>ṅ</i>	<i>bá</i>	<i>á</i>	<i>kó</i>	<i>ká</i>	<i>ó</i>
VIII императивная, IMP	—	∅	<i>è</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
IX прохибитивная, PROH	<i>máá</i>	<i>báá</i>	<i>áá</i>	<i>kóá</i>	<i>káá</i>	<i>wáá</i>
X.1 футуральная, FUT	<i>ṅ</i>	<i>i</i>	<i>lè (lèē)</i>	<i>kó (kōō)</i>	<i>ká (kāā)</i>	<i>ó (ōō)</i>
X.2 футуральная отрицательная, FUT.NEG	<i>ṅ</i>	<i>i</i>	<i>lè</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
XI.1 зависимый имперфектив, DIPFV	<i>ṅ</i>	<i>i</i>	<i>è</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
XI.2 зависимый имперфектив+3	<i>ṅ</i>	<i>bà</i>	<i>è à</i>	<i>kò</i>	<i>kà</i>	<i>ò</i>
XII проспективная, PROS	<i>mòlò</i>	<i>bòlò</i>	<i>yèlè</i>	<i>kòlò</i>	<i>kàwòlò</i>	<i>wòlò</i>

Пояснение к таблице: «+3» обозначает серии МПП, слитные с местоимением 3SG, представляющим прямое дополнение или входящим в именную группу прямого дополнения.

Копулы: утвердительная $l\bar{e}$, отрицательная $w\acute{o}$; в либерийских диалектах мано отрицательная копула имеет форму $w\acute{a}$.

2.4.2. Базовые утвердительные конструкции. Имперфектив. IPFV — (O) — $\forall$ IPFV (понижение лексического тона глагола до среднего или низкого, по особой схеме). Значения: хабитуалис; актуальное настоящее; будущее (предиктив, запланированное будущее); оптатив.

Прогрессив: EXI — (O) — $V-p\grave{e}l\grave{e}$ (смысловый глагол в инфинитиве).

Зависимый имперфектив. DIPFV — (O) — $\forall$ IPFV. Аналог имперфективной конструкции в относительных придаточных.

Перфект: PRF — (O) — V. Акциональный перфект; результатив; лимитатив (включая момент речи); недавнее прошлое; таксис предшествования (действие, предшествующее другому действию).

Аорист: PRET — (O) — V.

Результатив: EXI V-GER $k\acute{a}$; $k\acute{a}$ восходит к послелогу с инструментально-комитативным значением. Результативная конструкция может быть только непереходной.

Проспектив: PROS OPT — (O) — V. Значения: прогрессивное, интенциональное.

Оптатив: OPT — (O) — V.

Императив: IMP — (O) — V.

Сопряженная конструкция: JNT (O) $\forall$ JNT, глагол несет низкий грамматический тон на конечной стопе. Значения: таксис одновременности; настоящее время; предложения с фокализацией.

2.4.3. Производные утвердительные конструкции. Имперфект (М. Л. Хачатурян: «Прогрессив в прошедшем»): PRET $k\bar{e}$ — (O) — $V-p\grave{e}l\grave{e}$; исходное значение вспомогательного глагола $k\bar{e}$ — ‘делать; быть; становиться’. Значения: дуратив и хабитуалис в прошлом.

Претеритный результатив: PRET $k\bar{e}$ V-GER $k\acute{a}$ и PRF $k\bar{e}$ V-GER $k\acute{a}$, конструкции, по-видимому, синонимичны.

Будущее: FUT $l\acute{o}$ IPFV — (O) — V-GER; исходное значение вспомогательного глагола $l\acute{o}$ — ‘идти’. Значение: предиктивное будущее.

2.4.4. Отрицательные производные конструкции. Отрицательный имперфектив: NEG (O) V. Значения: хабитуалис, актуальное настоящее.

Отрицательный аорист: NEG *gbā* (O) V.

Прохибитив: PRON — (O) — V. Употребление: прямой и косвенный запрет; контрафактив (аподозис условных предложений с нереальным условием).

2.4.5. Отрицательные производные конструкции.

Отрицательное будущее: NEG.FUT *ló* (O) V-GER

Отрицательный результатив: FOC *wó* V-GER *ká*.

Отрицательный прогрессив: FOC *wó* V-*pèlè*.

2.5. Тура

На тура говорят не менее 60 тыс. человек в префектуре Бьянкума на западе Кот-д'Ивуара. Многие тура двуязычны на дан, который является доминирующим языком региона, в связи с чем можно предполагать наличие определенного влияния дан на тура в различных языковых подсистемах. Тура характеризуется наличием 4 уровневых тонов, 9-членной треугольной вокалической системой (5 степеней открытости, отсутствие вокалической гармонии и, в отличие от дан, заднего неогубленного ряда). Система МПП находится в начальной стадии формирования: лишь одна прономинальная серия, проспективная, может быть признана МПП, в остальных случаях имеет смысл говорить о субъектных личных местоимениях, на которых индексируются ТАМ-полярные значения (при этом такие значения индексируются и на непрономинализованных именных группах в позиции подлежащего)¹⁰.

Нижеследующее описание системы ТАМ и полярности тура основывается на фундаментальных работах Томаса Беарта [Bearth 1971, 1986]; терминология приведена в соответствии с той, которая принята в данной статье. Я ограничусь рассмотрением в основном конструкций, употребляемых в простых предложениях; анализ таковых в сложных предложениях вывел бы нас за рамки поставленных задач.

В Таблице 8 представлена система субъектных личных местоимений и МПП. Нумерация серий дана в соответствии с [Bearth 1986]. В столбце «предикативные показатели» даны морфемы, которые появляются в пост-субъектной позиции, если подлежащее не прономинализовано. В тех случаях, когда дается

---

¹⁰ Основания для такой интерпретации более подробно изложены в статье [Выдрин 2010b].

тональная диакритика без опорной буквы, речь идет об удвоении конечного гласного последнего слова ИГ подлежащего, с приписыванием указанного тона гласному, полученному в результате удвоения. При описании конструкций ТАМ в формуле будет указываться и номер серии, и сокращенное название местоимения/МПП — при этом нужно иметь в виду, что при не-прономинальном подлежащем вместо местоимения употребляется соответствующий предикативный показатель (включение в формулу такого показателя было бы чаще всего неудобно из-за его несегментного характера).

2.5.1. *Нефинитные формы глагола*¹¹. Супин-1 (ТВ: *gérondif en í*): V-*í*, суффикс -*í* восходит, очевидно, к послелогу/локативному имени *gí* 'в, внутри; внутренняя часть'. Употребляется только с глаголами движения, обозначая действие, ради совершения которого осуществляется перемещение.

Супин-2: V-*lëä/lïä*, суффикс восходит к сочетанию существительного *lëë* с послелогом *bä*, при этом возможна и нестяженная форма, *lëë bä*, между компонентами которой могут быть вставлены некоторые служебные слова (в частности, фокализатор). Употребляется для обозначения цели перемещения.

Инфинитив-1 (ТВ: *gérondif en á*): V-*á*, суффикс восходит, по-видимому, к комитативно-социативно-инструментальному послелогу *gá*. Инфинитив-1 употребляется (1) с глаголами движения, обозначая сопутствующее действие («они шли, РАЗГОВАРИВАЯ») и (2) с фазовыми глаголами, обозначая содержательное действие («он закончил СТРОИТЬ»).

¹¹ Т. Беарт [1971: 176–179] называет супин и оба инфинитива «герундиями» («*gérondif en í*», «*gérondif en -á*», «*gérondif en -ä*»); моему герундию у него соответствует «девербатив на -уë». Я предлагаю использовать термины, отражающие грамматическую семантику этих форм.

Отметим, что в именовании видовых и модальных конструкций (а иногда — и в интерпретации их семантики) я также не следую терминологии Беарта, весьма существенно отклоняющейся от того, что можно считать устоявшимся в современной российской и мировой аспектологии. Для облегчения задачи соотнесения с терминологией Беарта, его термины даются в скобках с пометой ТВ.

Предлагаемые ниже этимологии суффиксов нефинитных форм принадлежат Т. Беарту.

**Субъектные местоимения МПП
и пост-субъектные предикативные показатели в тура**

	Пред. показ.	Единственное число				Множественное число			
		1	2	3	3 логоф.	1	2	3	3 логоф.
I.1 сопряженная	."	<i>ǎ</i>	<i>ĩ</i>	<i>ě</i>	<i>ě</i>	<i>kǒ</i>	<i>kǎ</i>	<i>wǒ</i>	<i>wǒ</i>
I.2 экзистенциальная ¹²	<i>kě</i>	<i>ǎ</i>	<i>ĩ</i>	<i>è</i>	<i>ě</i>	<i>kǒ</i>	<i>kǎ</i>	<i>wò</i>	<i>wǒ</i>
I.3 оптатив	.."	<i>ǎ</i>	<i>ĩ</i>	<i>è</i>	<i>ě</i>	<i>kǒ</i> , двойств. <i>kò</i>	<i>kǎ</i>	<i>wò</i>	<i>wǒ</i>
I.4 foc. sig.	.."	<i>ǎ</i>	<i>i</i>	<i>è</i>	<i>é</i>	<i>kó</i>	<i>ká</i>	<i>wò</i>	<i>wó</i>
Па перфект	."	<i>bǎ</i>	<i>bǎ/yǎ</i>	<i>à/yà</i>	<i>yǎ/yě</i>	<i>kwěě</i>	<i>kǎǎ</i>	<i>wà</i>	<i>wǎ/wě</i>
Пб проспектив	—	<i>bǎǎ</i>	<i>běě/yěě</i>	<i>yěě</i>	<i>yěě</i>	<i>kwěě</i>	<i>kǎǎ</i>	<i>wǒò</i>	<i>wěě</i>
Пa отрицательный имперфектив	<i>-ǎ</i>	<i>bǎǎ</i>	<i>bǎǎ/yǎǎ/ǎǎ</i>	<i>yàá/àá</i>	<i>yǎǎ</i>	<i>kwǎǎ</i>	<i>kǎǎ</i>	<i>wàá</i>	<i>wǎǎ</i>
Пb отрицательный перфектив	<i>-ǒ</i>	<i>bǒǒ</i>	<i>bǒǒ/yǒǒ/wǒǒ/ǒǒ</i>	<i>yǒó/wǒó/ǒó</i>	<i>yǒǒ</i>	<i>kǒǒ</i>	<i>kǎǒ</i>	<i>wòó</i>	<i>wǒǒ</i>
Пc прохибитив	<i>-ó</i>	<i>bǒǒ</i>	<i>bóó/yóó/wóó/óó</i>	<i>yóó/wóó/óó</i>	—	<i>kóó</i>	<i>káó</i>	<i>wòó</i>	—
IV императив	—	—	<i>bè/ø</i>	—	—	<i>kwǎá</i> , двойств. <i>kwǎ</i>	<i>kǎ</i>	—	—

¹² Серия I.2 (которой, при полной субъектной ИГ, соответствует предикативный показатель *kě*) глоссируется как EXI по аналогии с дан.

Инфинитив-2 (ТВ: *gérondif en à*): V-*ä*, зафиксирована и архаичная форма V-*bä*, которая достаточно однозначно указывает на происхождение суффикса инфинитива от локативного субэссивного послелого, также имеющего два алломорфа, *bä* и *ä*. Употребляется с фазовыми глаголами (*bɛ̃* ‘длиться’, *gòlò* ‘оставаться; продолжать’, *gbàà* ‘начинать’ и т. п.), участвует в образовании проспективной конструкции и конструкции «длительного прошлого».

Герундий (ТВ: *déverbatif en yè*): V-*yè* (этот суффикс имеет также свободный алломорф -*è*). Употребляется в значении имени действия и причастия. Отметим, что суффикс -*yè* в тура является транскатегориальным; он образует также отыменные прилагательные, отадвербиальные прилагательные, существительные от существительных [Bearth 1971: 213–221].

Копулы: Беарт выделяет копулы *dúú* ‘быть в прошлом’, *túä* ‘быть еще, продолжать быть’ и $\emptyset$, однако *dúú* и *túä*, при достаточно далеко зашедшей грамматикализации, по своему употреблению несколько больше похожи на вспомогательные глаголы в других южных манде, чем на копулы.

По-видимому, как настоящая копула может рассматриваться показатель *ké*, который появляется в пост-субъектной позиции в индикативе — за исключением тех случаев, когда подлежащее представлено местоимением. Иначе говоря, этот показатель находится в дополнительной дистрибуции с местоимениями группы I.2. Очевидным образом, местоимения I.2 образовались в результате слияния некоей базовой серии местоимений с этим показателем (копулой).

2.5.2. *Непроизводные утвердительные конструкции.* Хабитуалис (ТВ: *habituel, inaccompli statique*): I.2 EXI — (O) — V\NAB (лексический тон конечной стопы глагола заменяется на высокий, если эта стопа легкая, CV, или на низкий, если она тяжелая, CVV или CVLV).

Прогрессив (ТВ: *progressif*): I.2 EXI — (O) — V-*ii*. По предположению Т. Беарта, глагольный суффикс является результатом стяжения двух морфем: суффикса герундия -*yè* /-*è* и инэссивного послелого, который в современном тура имеет вид *gi* (см. выше об участии этого послелого в образовании формы супина в тура).

В таком случае праязыковой вид конструкции прогрессива реконструируется следующим образом: *S — *ké* — (O) — V-*yè g'í*, — структура, полностью идентичная таковой в идиомах дан.

Пунктив (TB: accompli statique): I.2 EXI — (O) — V\PFV. Правило модификации глагольной формы состоит в следующем: (1) происходит удвоение конечного гласного: CV₁ → CV₁V₁; (2) происходит мена тона глагола: CV > C'V', CVV > C'VV', CVLV > C'VLV', CVŋ > C'Vŋ', CVLVŋ > C'VLVŋ'.

Результатив (TB: permansif accompli du présent): I.2 EXI — (O) — V-*yèá/-èá*. Суффикс *-yèá/-èá* является результатом слияния суффикса герундия *-yè /-è* с комитативно-социативно-инструментальным послелогом *gá*; таким образом, и эта конструкция полностью воспроизводит соответствующую конструкцию в дан.

Перфект (TB: résultatif): IIa PRF — (O) — V.

Будущее (TB: projectif): I.2 EXI — (O) — V-*à*. Форма глагола, очевидно, представляет собой инфинитив-2. Значение: Интенционалис, уверенное будущее.

Перспектив (TB: ingressif): IIb PROS — (O) — V. Значения: перспектив, интенционалис (интенциональный перспектив).

Оптатив (TB: desidératif): I.3 OPT — (O) — V.

Императив (TB: impératif): IV IMP — (O) — V.

Конструкция фокализации сирконстанта (TB 1971: déclaratif): I.4 FOC.CIRC — (O) — VLOW — CIRC, тон конечного (или — единственного) слога глагольного сказуемого меняется на низкий.

Сопряженная конструкция (TB: mode continuatif, accompli statique): Iè 1.1 JNT — (O) — V\PFV. Используется в нарративе для передачи последовательных действий.

2.5.3. *Производные утвердительные конструкции.* Длительное прошлое (TB: accompli dynamique): I.2 EXI *díúú* — (O) — V-*à* (INF2). Значение: хабитуалис в прошедшем; имперфект (актуальное длительное, синхронное с некоей временной точкой в прошлом).

Континуатив (TB: incomplétif): I.2 EXI *túà* — (O) — V-*à* (INF2). Значение: 'продолжать действие; совершать действие постоянно'.

Претеритный результатив (TB: permansif accompli du passé): I.2 EXI *díúú* — (O) — V-*yèá/-èá*. Значение: достижение результата действия к некоему моменту в прошлом.

Континуативный результатив (TB: *permansif incomplétif*): I.2 EXI *túǎ* — (O) — V-*yěá/-ěá*. Значение: «быть все еще в состоянии (являющемся результатом предшествующего действия)».

Инферентив-пробабилитив (TB: *résultatif potentiel*): IIa PRF *dú* — (O) — V. В синхронии оператор *dú* не может считаться формой глагола *dú* ‘приходить’; возможно, он идентичен оператору *dú*, участвующему в образовании конструкции с целевым значением. Значение: предположение говорящего о том, что действие совершено (основанное на знании общего контекста, на косвенных свидетельствах, на догадке).

2.5.4. *Отрицательные производные конструкции.* Отрицательная имперфективная серия/показатель употребляются также в неглагольных предложениях.

Отрицательный хабитуалис (TB: *habituel négatif*): IIIa NEG.IPFV — (O) — V. Значения: хабитуалис, статив.

Отрицательный имперфектив (TB: *inaccompli ponctuel négatif*): IIIa NEG.IPFV — (O) — V-*ǎ*. Соответствует утвердительным конструкциям прогрессива и будущего.

Отрицательный результатив (TB: *permansif négatif*): IIIa NEG.IPFV — (O) — V-*yěá/-ěá*.

Отрицательный пунктив (TB: *accompli statique négatif*): IIIb NEG.PFV — (O) — V.

Отрицательный перфект (TB: *résultatif*): IIIb NEG.PFV — (O) — V *bé*. Значение: кунктатив («еще не»).

Прохибитив (TB: *prohibitif*): IIIc PRON — (O) — V-*ǎ* (INF2).

Отрицательный императив (только для 2SG): *búǎ* (O) — V. По предположению Беарта, форма *búǎ* восходит к диалектной/архаичной форме *bú* ‘человек’ (ср. в современном тура *béé* ‘человек’), к которой присоединен предикативный показатель отрицательного имперфектива *-ǎ*.

2.5.5. *Отрицательные производные конструкции.* Отрицательное длительное прошлое (TB: *accompli dynamique négatif*): IIIa NEG.IPFV *dúú* — (O) — V-*ǎ* (INF2). Значение: хабитуалис, статив или прогрессив в прошедшем.

Отрицательный претеритный результатив (TB: *permansif négatif accompli du passé*): IIIa NEG.IPFV *dúú* — (O) — V-*yěá/-ěá*.

Отрицательный континуатив (ТБ: cessatif): IIIa $t\acute{u}\grave{a}$ NEG.IPFV — (O) V- $\grave{a}$ (Circ.) $k\acute{e}w\acute{o} \sim k\acute{o}d$. Значение: отрицание продолжения действия в будущем; $k\acute{e}w\acute{o} \sim k\acute{o}d$ ‘больше (не)’ — наречие.

Отрицательный претеритный пробабилитив (ТБ: potentiel négatif accompli): IIIb NEG. PFV $d\acute{u}\grave{u}$ — (O) — V. Значение: невозможность совершения действия в прошлом.

Отрицательный презентный пробабилитив (ТБ: potentiel négatif inaccompli): IIIa NEG.IPFV $d\acute{u}\grave{u}$ — (O) — V. Значение: невозможность совершения действия в настоящем.

2.5.6. Оператор ретроспективного сдвига (ТБ: mode inactuel).

В тура имеется служебное слово $w\acute{o}o$ (со свободным вариантом $\acute{o}o$), которое занимает позицию непосредственно после подлежащего и может вводиться практически во все ТАМ-конструкции (кроме императивной). Его значения достаточно типичны для показателя ретроспективного сдвига [Плунгян 1998]: будущее → контрафактив, пунктив → контрафактив (в условных предложениях), длительное прошлое → претеритный проспектив, перфект → терминатив нарушенного ожидания («действие уже совершилось» — при этом допускается, что его результат уже отменен), инферентив-пробабилитив → инферентивный терминатив («возможно, действие уже совершилось»), проспектив → претеритный проспектив («имелись все предпосылки для совершения действия» — при этом, скорее всего, оно все же не смогло совершиться).

2.6. Гуро

Язык гуро распространен в центральной части Кот-д’Ивуара, к западу от р. Бандама. Число говорящих в начале XXI в. оценивали в 415 тыс. человек; к настоящему времени оно может приближаться к полумиллиону. В гуро выделяется 3 уровневых тона и два модулированных (восходящий и падающий); в системе гласных наблюдается вокалическая гармония по признакам отодвинутости/продвинутости корня языка и назальности, доменом гармонии является метрическая стопа (впрочем, намечается эрозия вокалической гармонии [Н. В. Кузнецова 2011]). Для гуро характерно двойное отрицание.

В гуро слияние субъектных местоимений с последующими предикативными показателями имеет факультативный характер

[Н. В. Кузнецова 2008; О. В. Кузнецова 2011]¹³. Здесь не произошло формирования системы МПП, и в целом субъектные местоимения (Таблица 9) играют существенно меньшую роль, чем в других языках группы.

Таблица 9

Субъектные местоимения и МПП в гуру

	Единственное			Множественное			
	1	2	3	1 экс.	1 инкл.	2	3
Субъектные	<i>ā</i>	<i>ī</i>	<i>è ~ yè</i>	<i>kṵ</i>	<i>kàà ~ gàà</i>	<i>kā</i>	<i>wò</i>
Оптативные (ОПТ)	<i>á</i>	<i>í</i>	<i>é</i>	<i>kṵ</i>	<i>kàá</i>	<i>ká</i>	<i>wó</i>
Эргативные	<i>bā</i>	<i>bē</i>	<i>è</i>	<i>kṵ</i>	<i>kàà ~ gàà</i>	<i>kā</i>	<i>wò</i>
Эргативные оптативные	<i>bá</i>	<i>bé</i>	<i>é</i>	<i>kṵ</i>	<i>kàá</i>	<i>ká</i>	<i>wó</i>

2.6.1. *Нефинитные формы*. Герундий: V-*li/-li/-lɛ* (в зависимости от гласного основы). Глаголы некоторых тональных классов имеют два варианта этой формы, различающиеся тонами основы:

Герундий-1 — глагольная основа несет лексический тон;

Герундий-2 — тон на втором слоге повышается. Употребляется только в результирующей конструкции, отличаясь от герундия-1 значением «недавно приобретенное свойство» (предположительно, еще не известное слушателю).

Супин: V-*lɛ*, глагольная основа с лексическим тоном, суффикс происходит от бенефактивно-адресативного послелого. Употребляется в конструкциях утвердительного и отрицательного будущего, отрицательного перфектива, а также в конструкциях с глаголами движения, обозначая действие, ради которого совершается перемещение.

Отглагольное имя: V-*lâ/-lâ*, глагольная основа с лексическим тоном; низкотоновый алломорф суффикса появляется после низкого тона. Глагольный суффикс восходит к существительному *lâ* 'место'. Употребляется для выражения действия, одновремен-

¹³ Помимо опубликованных работ, при подготовке данной статьи использовались также данные, полученные от О. В. Кузнецовой в форме личного сообщения.

ного с первым действием сложного предложения; как имя места; как имя действия.

Копулы

à, обслуживает все типы неглагольных предложений.

cī, аналог связки *à* в релятивных клаузах.

Показатель отрицания, *ká* (выступающий в рамочной конструкции, *ká ... lō*), может считаться копулой; он не может появляться в предложении вместе с копулой *à*:

- (4) *È ká zibá lō.*
3SG NEG красивый NEG
'Он не красивый'.

2.6.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Перфектив: S (O) V\H, тон на глаголе (или на его последнем слоге) меняется на высокий (в большинстве тональных классов). Значения: результативное (с глаголами и глагольными конструкциями со значением психофизических состояний, знания и т. п.), экспериенциальное, перфектное; предшествование в условной части предложения; комплетив.

Имперфектив: S (*é*) (O) V-*a/-g/-e/-o/-bg*/ABL\M, иначе говоря, на глагольной словоформе имперфектив маркируется на сегментном уровне или суффиксом, или меной гласного; распределение алломорфов глагольного суффикса обусловлено типом глагольной основы и варьирует по диалектам. Пост-субъектный имперфективный показатель *é* может сливаться с субъектным местоимением; в некоторых контекстах он факультативно опускается. Значения: итеративные (разные варианты, в т. ч. хабитуалис), квалитатив; статив (положение в пространстве), фоновое действие (таксис одновременности), континуатив, будущее (уверенное будущее, интенционалис, запланированное будущее, предиктив).

Прогрессив: S *à* (O) V-*lâ/-lâ* (копула с отглагольным именем). Значение: актуальное действие в настоящем или прошлом.

Ирреальная конструкция: S *é* (O) V. При прономинализации субъекта (если это не фокализированные местоимения) S *é* обычно (в императиве — всегда) заменяется на высокотоновую серию местоимений. Значения: оптатив, гортатив, императив; контрфактическое условие; нереальная (нереализованная) ситуация.

Результатив: S à é V-lì (копула + герундий; элемент é является инструментально-комитативным предлогом)¹⁴. Конструкция может быть только непереходной. Конкурирует с перфективной конструкцией; не очень частотна.

2.6.3. *Производные утвердительные конструкции.* Будущее: S (é) dāq̄ (O) V-lē, т. е. имперфектив вспомогательного глагола dā 'приходить' + супин смыслового глагола. Значения: те же, что у имперфектива в значении будущего, но предполагает несколько меньшую степень уверенности («более отдаленное будущее» и т. п.).

2.6.4. *Базовые отрицательные конструкции.* Отрицательный перфектив: S ká (O) V-lē (IO) lō (смысловой глагол — в форме супина).

Отрицательный имперфектив: S ká (O) V-à/-à/-è/-ò/-hà/ABL/L (IO) lō. Имперфективный пост-субъектный показатель é в отрицательной конструкции устраняется. Тон на глаголе меняется на средний (у глаголов с начальными топовышающими согласными) или на низкий (у глаголов с начальными топонизающими согласными)¹⁵. Это означает, что для предшествующего хронологического уровня следует реконструировать низкий грамматический тон.

Отрицательный ирреалис: S é (O) V (IO) lō. Значения: отрицательное контрфактическое условие; авертив («чуть было не»).

Отрицательный результатив: S ká (é) V-lī lō.

Прохибитив: tē S é (O) V (IO) lō; при прономинализации подлежащего используются местоимения высокотоновой серии

¹⁴ В гуру имеется несколько омонимичных показателей é: инструментально-комитативный предлог; рефлексивное местоимение; показатель ирреалиса; показатель имперфектива... Их разграничению посвящена специальная работа Н. В. Кузнецовой [Н. В. Кузнецова рук.]. К сожалению, результативная конструкция в этой работе не рассматривается. По устному сообщению О. В. Кузнецовой, предложная трактовка элемента é в результативной конструкции предпочтительна.

¹⁵ С точки зрения тонального поведения, все глаголы в гуру делятся на два класса: «константные», тон которых не подвергается контекстным изменениям, и «мобильные», тон которых меняется в зависимости от конечного тона предшествующего слова. Сформулированные здесь правила касаются «константных» глаголов.

(при этом показатель *é* опускается — точнее, сливается с субъектным высокотоновым местоимением), которые факультативно сливаются с показателем *tē*. При наличии матричного предиката показатель *tē* может опускаться, и тогда прохибитивная конструкция совпадает с отрицательным ирреалисом. Глагол несет лексический тон.

2.6.5. *Производные отрицательные конструкции.* Будущее отрицательное: S *ká dāq̄* (O) V-*lē* (OI) *lō*.

2.7. Яурэ

На этом языке говорят примерно 26 тыс. человек к востоку от г. Буафле. Он достаточно близок к гуру по лексике и морфологии (можно говорить даже об определенной степени взаимопонимаемости этих языков), однако значительные различия в тонологии (в яурэ насчитывается 4 уровневых тона, против 3 уровневых и 2 модулированных в гуру)¹⁶ и в консонантизме (в яурэ произошло системное оглушение звонких согласных), а также четко осознаваемая особая идентичность заставляют говорить о яуре как об особом языке.

Морфологии яурэ посвящены работы [В. Hopkins 1987; Е. Hopkins 1986, 1987], на материалах которых и будет основано дальнейшее изложение.

Подобно гуру, в яурэ система МПП не сформировалась. По-видимому, МПП можно считать оптативную серию прономинальных элементов, присутствие которых обязательно даже при наличии непроминализованной ИГ подлежащего:

- (5) *Bála-lù lábè ó kú fálá.*
баран-PL этот ЗРЛ.ОПТ уходить деревня
'Пусть эти бараны уйдут в деревню' [В. Hopkins 1987: 51].

Напротив, «базовую» и отрицательную серии следует считать субъектными местоимениями; они не употребляются при наличии подлежащих ИГ и участвуют в формировании конструкций, выражающих ТАМ, минимально.

---

¹⁶ Для яурэ характерны многочисленные контекстные изменения тонов. Поскольку для целей данной статьи они нерелевантны, я, как правило, не буду излагать правила таких изменений. Напротив, грамматические тоны будут рассматриваться наряду с другими морфологическими средствами языка.

Субъектные местоимения и МПП в яурэ

Серии:	Единственное			Экс./инкл. дв.	Множественное		
	1	2	3	1	1 инкл.	2	3
Субъектная базовая	ǎ	ì	è	kǎ	kǎǎ	kà	ò
Оптативная (ОПТ)	ǎ́	í	é	kǎ́	kǎǎ́	ká	ó
Отрицательная	bǎǎ	yá	yáá	kǎá	kǎǎ	káá	wòá

2.7.1. *Нефинитные формы.* Герундий: V-*dì*, форма цитации у глаголов в яурэ. В этой форме номинализованные глаголы употребляются в позициях именных аргументов.

Деепричастие одновременного действия: V-*dì-ǎ*. Возможно, образовано слиянием формы герундия с комитативным послелогом *ǎ*.

Супин: V-*lè*; по-видимому, суффикс *lè* восходит к бенефактивно-адресативному послелогу. Тон суффикса ультранизкий после предшествующего ультранизкого, и сверхвысокий, если глагольная основа имеет тон EI-N. У глаголов, образованных деривацией на *-la*¹⁷, суффикс герундия помещается между основой и деривационным суффиксом, при этом последний утрачивает свой консонантный элемент: *kǎǎ-lá* ‘собирать (плоды)’ → *kǎǎ-lè-ǎ*.

Отглагольное имя: V-*lǎ*; суффикс восходит к существительному *lǎ* ‘место’, хотя в синхронии эту связь информанты не ощущают. Тон суффикса зависит от типа глагола, в большинстве случаев он тот же, что у предшествующего слога.

Копулы

ǎ ~ *yà* (оба варианта находятся в отношениях свободного варьирования) выступает в различных типах неглагольных предложений: локативном, квалификативном, эквативном.

В имперфективе (в значении будущего) и в императиве копула замещается глаголом, который выступает в формах *kǎ-ǎ́* (имперфектив) и *kǎ́* (императив)¹⁸.

cì копула, аналог *ǎ* в предложениях с фокализацией.

¹⁷ Об этой архаичной деривационной модели в южных языках манде см. [Idiatov 2008].

¹⁸ Хопкинс считает *ǎ*, *yà*, *kǎ́*, *kǎǎ́* словоформами, представляющими одну лексему (копулу).

Отрицание в яурэ выражается рамочной конструкцией *ká ... dî*. При прономинализации подлежащего происходит слияние отрицательного элемента *ká* с субъектным местоимением, в результате чего образуется субъектная отрицательная серия местоимений (см. Таблицу 10). Такого слияния не происходит в конструкциях отрицательного прогрессива и результата/статива (а также производных конструкциях, образованных на базе отрицательного прогрессива), что позволяет считать *ká* отрицательной копулой. Финальный элемент отрицания материально совпадает с суффиксом герундия, однако различный морфосинтаксический статус и функции этих двух элементов свидетельствует о том, что речь идет об омонимии, возникшей из случайного совпадения.

2.7.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Перфектив: S — (O) — V\PFV (мена тона глагола, обусловленная отчасти лексически: LL для глаголов типа CVV, CVLV; у глаголов CV тон сохраняется, за исключением L → H; некоторые глаголы CV дают изменение H → L). Значение: пунктив; результатив (по отношению к моменту некоего действия в прошлом; последовательные действия в нарративе; также употребляется в протазисе в условном предложении).

Имперфектив: S — (O) — V-*a/-g/-bà*/ABL (выбор алломорфа обусловлен структурой глагольной основы; тон суффикса зависит от лексического тона глагола; ABL — мена корневого гласного глагола, происходит в некоторых основах структуры CV). У глаголов с деривативным суффиксом *-la* суффикс имперфектива вставляется между основой и деривативным суффиксом, имея вид *-a/-g* (для глаголов типа CV-*la*: *t̃-rà* ‘снимать’ → *t̃-à-rá*) или *-m-* (для глаголов типа CVV-*la*, CVLV-*la*), в последнем случае деривативный суффикс назализуется (*s̃ṽ-lá* ‘выкапывать’ → *s̃ṽ-m-l̃á*). Значения: хабитуалис (в т.ч. — в прошлом); прогрессив; будущее-предиктив («общее будущее»); облигатив.

Прогрессив: S *à/yà* — (O) — V-*lq* (копула + отглагольное имя). Значение: актуально-длительное, по умолчанию — в презенсе; при наличии указания на соответствующую точку отсчета — в прошлом.

Статив/результатив: S — *à / yà* — REFL — V-*dî* (копула + герундий смыслового глагола с рефлексивным местоимением,

букв. «X есть его совершение действия Y» или «X есть, он совершивший действие Y / подвергшийся действию Y»). Конструкция наиболее типична для глаголов положения/перемещения в пространстве, но возможна также и для других глаголов.

Оптатив/императив: OPT — (O) — V.

2.7.3. *Производные утвердительные конструкции.* Недавнее прошлое: S *sĩ-ǎ* — (O) — V-*lq* (*sĩ-ǎ* — нерегулярная форма имперфектива глагола *sí* ‘брат/приходить’; смысловой глагол в форме отглагольного имени). Значение: действие, происходившее и завершившееся в непосредственно предшествующем прошлом.

Проспектив: S *tǎ* — (O) — V-*a/-bq*/ABL (*tǎ* — нерегулярная форма глагола *tà* ‘приходить’; смысловой глагол в форме имперфектива).

Намеренное/близкое будущее (интенционалис)-1: S *tǎ kò* — (O) — V-*lè* (*tǎ* — нерегулярная форма глагола *tà* ‘приходить’; *kò* — форма имперфектива от глагола *kú* ‘уходить’, смысловой глагол — в форме супина).

Намеренное/близкое будущее (интенционалис)-2: S *tǎ dǎá* — (O) — V-*lè* (*tǎ* — нерегулярная форма глагола *tà* ‘приходить’; *dǎá* — возможно, форма послелога со значением суперлатива, *dà*; смысловой глагол в форме супина).

2.7.4. *Отрицательные производные конструкции.* В отличие от большинства других языков группы, в яурэ подсистемы утвердительных и отрицательных конструкций достаточно симметричны; серьезное исключение тут являет собой перфектив.

Отрицательный перфектив: S *ká* / PRON.NEG (O) V-*lè* (IO) *dì* (глагол — в форме супина).

Отрицательный имперфектив: S *ká* / PRON.NEG — (O) — V-*a/-bq*/ABL (IO) *dì* (L — мена тона глагола и суффикса на низкий; в позиции после высокого или сверхвысокого тона — на высокий).

Отрицательный прогрессив: S *ká* — (O) — V-*lq* (IO) *dì* (слияния субъектного местоимения с показателем отрицания не происходит).

Отрицательный статив/результатив: S *ká* — REFL — V-*dì* (IO) *dì* (слияния субъектного местоимения с показателем отрицания не происходит).

Прохибитив: *tè* — OPT — (O) — V (IO) *dì* (тон субъектного местоимения подвергается некоторым контекстным изменениям).

2.7.5. *Отрицательные производные конструкции.* Отрицательное недавнее прошлое: S *ká*/PRON.NEG *sí-á* — (O) — V-*lq* (IO) *dì*. Вспомогательный глагол *sí* в имперфективе, с регулярным тоном (в отличие от соответствующей утвердительной конструкции).

Отрицательное близкое/намеренное будущее-1: S *ká tá-lq̃* — (O) — V-*lq* — (IO) *dì* (слияния субъектного местоимения с показателем отрицания не происходит). Вспомогательный глагол *tá* ‘приходить’ в отрицательном прогрессиве, с нерегулярным тоном; смысловой глагол в форме отглагольного имени.

Отрицательное близкое/намеренное будущее-2: S *ká kú-lq̃* — (O) — V-*lq* — (IO) *dì* (слияния субъектного местоимения с показателем отрицания не происходит). Вспомогательный глагол *kú* ‘уходить’ в отрицательном прогрессиве; смысловой глагол в форме отглагольного имени.

2.8. Муан

Этот язык локализуется непосредственно к северу от зоны распространения гуру, влияние которого муан, несомненно, испытал. В 1993 году число говорящих на муан оценивалось в 17 тыс. человек; в настоящее время, несомненно, оно должно быть существенно выше. В то же время многие муан были вынуждены покинуть зону своего компактного проживания в годы гражданской войны (2002–2011), когда линия фронта (в дальнейшем — линия прекращения огня) прошла в непосредственной близости от их деревень. Это обстоятельство, несомненно, негативно сказалось на сохранности языка: малые языки Кот-д’Ивуара плохо сохраняются в условиях диаспоры.

Данные по системе ТАМ муан собраны Еленой Всеволодовой Перехвальской и отражены в ее статьях [Перехвальская 2006; Перехвальская 2011; Перехвальская рук.]. Помимо этих публикаций, Е. В. Перехвальская предоставила в мое распоряжение свои неопубликованные материалы и помогла в их анализе.

Муан обладает треугольной 7-членной вокалической системой; выделяется три уровневых тона. Глаголы делятся на два формальных класса по своему тоновому поведению: «мобильные» глаголы меняют свой тон в конструкциях прогрессива, отрицательного перфектива и прохибитива на высокий в позиции

после низкого или высокого тона (при этом после среднего тона они сохраняют свой лексический тон); «константные» глаголы в тех же позициях свои лексические тоны сохраняют. Такие тональные изменения «мобильных» глаголов будут считаться контекстными, а не грамматическими. Система МПП не сформировалась; субъектные местоимения участвуют в образовании конструкций, выражающих ТАМ, маргинально: слияние местоимений с копулой и с отрицательным показателем имеет незавершенный характер (см. Таблицу 11).

Таблица 11

Местоименные серии муан¹⁹

	Единственное			Множественное			
	1	2	3	1 экскл.	1 инкл.	2	3
Базовая	í	é	è	ó	kòó	ká	ò
Слитная со связкой	íyòò	yóò	yòò	wóò	kòó ò	ká ò	wòò
Императивная (IMP)		ø			kòó	kà	
Отрицательная	lǎǎ	yáá	yāā	wáá	kòó láá	ká láá	wāā
Отрицательная слитная со связкой	lǎǎ ò	yáò	yāò	wáò	kòó láò	ká láò	wāò
Несубъектная (NSBJ)	í	é	à	ó	kòó	ká	ò

2.8.1. Нефинитные формы глагола. Герундий: V-lē. Употребляется для выражения зависимой предикации; в качестве именного аргумента (частично сохраняя при этом управление глагола); как определяемое в атрибутивной ИГ (т. е. в адъективной функции).

Супин: V-lē̄.

Имя места действия: V-yrē̄. Слабо морфологизированная форма (yrē̄ означает 'место'), используемая в различных полуграмматикализованных конструкциях.

Копулы

ò, перфективная форма: yàà — употребляется в неглагольных предложениях, а также в конструкции прогрессива. Во мно-

¹⁹ Приведены только серии, релевантные для описания способов выражения ТАМ. В частности, не даются контрактивные субъектно-прямобъектные формы.

гих конструкциях факультативно опускается; образует слитную форму с субъектными местоимениями.

lè — презентативная связка, сочетается с перфективной связкой *yàà*.

2.8.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Хабитуалис: S — (O) — V\M (лексический тон глагольной основы заменяется на средний, который не распространяется на превербы и на деривативный суффикс *-là/-nà*). Значения: хабитуалис (генерический, в т. ч. потенциальная возможность; итеративный; хабитуалис неизменного состояния или качества). Хабитуалис сочетается с показателем ретроспективного сдвига *yàà* (совпадающим по форме с перфективной формой связки), выражая значение хабитуалиса в прошлом: узитативные, итеративные, квалитативные ситуации, утратившие актуальность или имевшие место давно и не имеющие точной временной привязки.

Прогрессив: S (*ò*) — (O) — V-*zì* /-*zī*; форма суффикса зависит от структуры глагольной основы, а суффикс восходит, по видимому, к сочетанию *zī yí ‘в дороге, в пути’ или ‘в задней части’. Связка *ò* часто опускается, так что суффикс остается единственным показателем прогрессива. Значения: динамическая длительность (разворачивающийся процесс, «замедленная съемка»); проспектив; вхождение в состояние, обретение качества. Аспектуальному значению прогрессива сопутствует и эвиденциальное «прямая засвидетельствованность». В сочетании с показателем ретроспективного сдвига *yàà*, прогрессив означает длительное действие в прошлом с недостигнутым или отмененным результатом.

Перфектив: S — (O) — V-*à*|-*à*|-*là*|-*lâ*|-*á* (распределение алломорфов следующее: *-à/-à* с основами структуры CV, при этом тон основы понижается до низкого, *-là/-lâ* с основами структуры CVV, *-á* с глаголами-дериватами на *-là*, в позиции после деривативного суффикса). Значение: пунктив; комплетив (процесс, достигший предела); лимитатив (действие, продолжавшееся в течение определенного времени, с неизвестным результатом; состояние, длившееся в течение определенного срока); инхотатив (от квалификативных глаголов); семейфактив (от глаголов, обозначающих мультипликативные процессы или итеративные действия).

Оптатив: *bāā* S — (O) — V\OPT: глаголы с тяжелой стопой в основе (структуры CVV или CvLV) меняют лексический тон

второго гласного на средний (для глаголов со средним лексическим тоном это нерелевантно).

Императив: IMP — (O) — V\OPT (тоновые модификации на глаголе аналогичны таковым в оптативе).

Результатив: NSBJ — V-*lē* ò, т. е. ИГ, состоящая из местоимения (зависимого) и герундия (главного слова), является формальным подлежащим при связке: à *bālā-lē* ò 'он упал (и лежит)' (букв. «факт его падения существует» или «он есть упавший»).

2.8.3. *Производные утвердительные конструкции.* Будущее: S *lī* — (O) — V-*lē*. Вспомогательный глагол восходит к *lī* 'приходить', смысловой глагол в форме супина.

Имперфект: S *yàà* — (O) — V-*yrē lǝǝ*, копула в перфективе, имя места от смыслового глагола с послелогом/локативным именем *lǝǝ* 'место, в месте' (букв.: «X находился в месте совершения действия»). Значение: длительное действие в прошлом.

Ближайшее прошлое: S *dā* — (O) — V-*yrē lǝǝ*, букв. «X вернулся из места совершения действия». Значение: действие только что совершено.

Конструкция цели: S *dī/gē* — (O) — V-*yrē lǝǝ*, букв. «X приходит/уходит в место совершения действия». Значение: приходиться/уходить с целью совершения действия.

2.8.4. *Отрицательные конструкции.* Отрицание во всех конструкциях выражается частицей *lāā* (тон которой меняется на высокий, *láá*, после слов с высоким или низким тоном); если подлежащее выражено местоимением, происходит его слияние с отрицательной частицей (во всех конструкциях), в результате чего появляются контрактивные формы (см. Таблица 11, «отрицательная» и «отрицательная слитная» серии). Помимо этого, перфективная и прохибитивная конструкции отличаются от своих утвердительных аналогов некоторыми дополнительными средствами.

Отрицательный перфектив: S *láá* — (O) — V-*lē*, глагол выступает в форме супина.

Прохибитив: (*bāā*) S *láá* — (O) — V-*lē*. Морфологическое различие между императивом и оптативом при отрицании нивелируется; глагол выступает в форме супина.

2.9. Уан

На уан говорят порядка 22 тыс. человек²⁰ в супрефектурах Кунаири и Беуми, в непосредственном соседстве с зонами распространения языков гуру, муан, дьюла и бауле. Длительный и глубокий контакт с гуру и муан объясняет многочисленные общие черты на всех языковых уровнях, но анализ базовой лексики (подтверждаемый анализом, в частности, местоименной и глагольной систем) указывает на то, что сходство это скорее поверхностное: уан отделился от пра-языка южной группы манде в числе первых, и отличия его от всех остальных языков группы велики. Дальнейшее изложение основывается на материалах работ Татьяны Владимировны Никитиной [Никитина 2009; Nikitina 2007, 2009]; я также благодарю Т. В. Никитину за предоставленные дополнительные сведения. Отметим при этом, что некоторые мои интерпретации расходятся с интерпретациями Т. В. Никитиной.

Таблица 12

Субъектные местоимения уан

	Единственное число			Дв. ч.	Множественное число			
	1	2	3	1 инкл.	1 инкл.	1 экскл.	2	3
Базовые	ɨ̃	lā	è	kó	kà	kà	ā̃	à̃
Перфектные	l̃à	lā	è	kó	kà	kà	ā̃	à̃
Слитная с копулой	l̃àà̃ (l̃àà̃)	lāā̃ (lāā̃)	yā́á, yà́á	kóó	kàà	kàà̃	ā̃ā̃	à̃à̃
Императивные		é		kó	kà		ā̃	

2.9.1. Нефинитные формы. Имя действия: V-wà, часто лексикализуется в значении абстрактного имени, используется во

²⁰ Оценка 1993 года; оценить число говорящих на уан в настоящее время затруднительно. С одной стороны, население Кот д'Ивуара за последние два десятилетия выросло примерно в полтора раза; с другой, во время гражданской войны 2003–2011 гг. наблюдались весьма ощутимые вынужденные миграции из этнической зоны уан в прибрежные города. Следует отметить и намечающийся языковой сдвиг — так, уже в начале XXI в. в Кунаири (центр супрефектуры, в которой этнические уан численно преобладают) многие дети в семьях уан очень плохо говорили на этом языке, предпочитая дьюла.

всех именных позициях, чаще для называния типов событий, а также регулярных или гипотетических событий. Этот же суффикс образует существительные с абстрактным значением от других существительных и прилагательных.

Зависимое имя действия: V-*ŋ*, употребляется в качестве именного определения в ИГ генитивного типа.

Номинализированный глагол: V *é*, морфема *é* восходит к артиклю. Называет конкретные события; употребляется в любых аргументных позициях.

Старый супин (SUP1): V-*ŋ*. Суффикс восходит, предположительно, к существительному *dā ‘место’, реконструируемому для пра-ЮМ.

Новый супин (SUP2): V-*l̥é*, суффиксоид происходит от существительного *l̥é* ‘место’. Употребляется в конструкциях со значением цели.

Копулы

bá презентативная копула.

á копула в неглагольных локативных предложениях, предложениях тождества и атрибутивных; также присутствует в конструкциях прогрессива и результативной.

2.9.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Простое прошедшее (претерит): S — (O) — V\M, лексический тон глагола меняется на средний (у некоторых типов двусложных глаголов средний тон появляется лишь на втором слоге). Значение: действие (предельное или непредельное), предшествовавшее моменту речи.

Нейтральный вид: S — (O) — V. Значение: хабитуалис, событие в настоящем или будущем; употребляется также в аподозисе условных предложений.

Прогрессив: S *á* — (O) — V-*lé*. Копула может опускаться (хотя в норме присутствует), сливается с субъектным местоимением (в некоторых лицах — обязательно, в других — факультативно), образуя прогрессивную серию местоимений. Глагольный суффикс, несомненно, восходит к послелогу *lé* с общелокативным значением. Значение: срединная фаза процесса (также — некоторых состояний, например, *bēl̥i* ‘бояться’), будущее время.

Прогрессив в прошлом: S *bī á* — (O) — V-*lé* (копула *á* чаще всего опускается). Значения: имперфект (длительное действие, локализуемое по отношению к точке отсчета в прошлом); нереа-

лизовавшееся намерение (проекция футурального значения прогрессива на прошлое).

Хабитуалис: S — (O) — V-*bá*.

Перфект: S — *ḡ* — (O) — V, при прономинализации подлежащего используется перфектная серия местоимений, отличающаяся от базовой в 1ед. (возможно, по причине фонотактического характера: избегание соседства двух омонимичных форм, *ḡ + *ḡ* '1SG + PRF'). Значение: акциональный перфект, результатив; при наличии союза временного сдвига *ké* — предпрошедшее (предшествование по отношению к действию, выраженному глаголом в претерите).

Результатив: S — (O) — V-*á* — X. Глагольный суффикс, по видимому, восходит к копуле *á*; наличие сирконстанта обязательно. Результативная конструкция возможна только для ограниченного класса глаголов изменения положения в пространстве.

Показатель ретроспективного сдвига *bī* помещается в пост-субъектную позицию; в конструкциях с копулой *á* он предшествует копуле.

Сочетанием показателя ретроспективного сдвига с формой проспектива часто описывается нереализовавшееся действие.

2.9.3. Производные утвердительные конструкции. Проспектив. Конструкция выступает в нескольких вариантах, мало различающихся по семантике: (1) S — *á* — *zò-ḡ* — (O) — V-*ḡ*; (2) S — *zò-ḡ* — (O) — V-*ḡ*; (3) S — *zò-ḡ* — (O) — V; (4) S — *zò* — (O) — V; (5) S — *á* — (O) — V-*ḡ*. Элементы конструкции: *á* — копула; вспомогательный глагол восходит к глаголу *zò* 'приходить'; *-ḡ* на вспомогательном и на смысловом глаголах — суффикс старого супина. Можно предположить, что первый (наиболее полный) из перечисленных вариантов конструкции («X есть в месте прихождения в место совершения действия») является исходным, остальные являются результатом его упрощения. Значения: проспектив (имеются предпосылки к совершению действия), высокая вероятность совершения события.

Проспектив в прошлом: S *bī zò-ḡ* O V-*ḡ*, в конструкцию проспектива вводится показатель ретроспективного сдвига. Значение: проксимативное (событие чуть не произошло).

2.9.4. Отрицательные формы в уан образуются стандартно, помещением отрицательной частицы *ó* в конец высказывания.

Подсистема отрицательных конструкций симметрична утвердительной подсистеме, за одним важным исключением.

Отрицательный нейтральный вид: S — (O) — V-η — (IO) ó. Глагол получает суффикс -η, который, по мнению Т. В. Никитиной, нельзя считать идентичным суффиксу номинализации или показателю старого супина. В то же время, сравнение с языками подгруппы ГЯМ, где асимметрия утвердительных и отрицательных конструкций создается как раз благодаря появлению супина, говорит в пользу трактовки формы на -η в уан как супина.

2.10. Бен

Бен — наиболее восточный из языков южной группы манде²¹, в исторически обозримое время он развивался вне контакта с остальными языками группы. По оценке 1992 года, на нем говорило приблизительно 16 тыс. человек; с тех пор население Кот-д'Ивуара выросло не менее чем на 50%, соответствующую поправку необходимо внести и в оценку численности говорящих на бен. Дальнейшее изложение основывается на данных из грамматического очерка бен Д. А. Паперно [2011b].

Вокалическая система этого языка — треугольная 7-членная, насчитывает 4 уровня открытости (подсистема носовых насчитывает 5 гласных и 3 уровня открытости). Выделяются 3 уровневых тона и 4 модулированных, последние могут рассматриваться как комбинации уровневых тонов. В начальной стадии находится фонологизация носовых согласных. Субъектные личные местоимения бен эволюционируют в направлении МПП, однако на данном этапе этот процесс остается незавершенным; их местоименная трактовка поддерживается, в частности, и широко развитой в бен местоименной репризой (в самых разных синтаксических позициях), частным случаем которой можно считать и употребление субъектных местоимений при наличии полновесной субъектной ИГ²². Утвердительная и отрицательная стивные серии субъектных местоимений замещаются неличными предикативными показателями *ó* (утвердительный) и *иā* (отрицательный) при непрономинализованной ИГ в функции подлежащего. Серии субъектных личных местоимений представлены в Таблице 13.

²¹ Если не считать вымершего в начале XX в. языка гбин, сведения о котором довольно скудны, см. [Паперно 2011a].

²² Д. А. Паперно, личное сообщение.

Субъектные личные местоимения в бен

Серии	Единственное число			Множественное число		
	1	2	3	1	2	3
Экзистенциальная (EXI)	<i>māḥ</i>	<i>mī</i>	<i>ò</i>	<i>āḥ</i>	<i>kā</i>	<i>ḥò</i>
Претеритная (PST)	<i>ḥ, mḥ*</i>	<i>mī</i>	<i>ó, é</i>	<i>áḥ</i>	<i>ká</i>	<i>ḥó</i>
Претеритная отрицательная	<i>mḥ</i>	<i>mī</i>	<i>wá</i>	<i>àḥ</i>	<i>ká</i>	<i>ḥá</i>
Кондициональная (COND)	<i>ḥ, mḥ*</i>	<i>mī</i>	<i>ó, é</i>	<i>áḥ</i>	<i>ká</i>	<i>ḥó</i>
Хабитуальная (HAB)	<i>ḥ, mḥ*</i>	<i>mī</i>	<i>ò, è</i>	<i>àḥ, āḥ</i>	<i>kà</i>	<i>ḥò</i>
Хабитуальная отрицательная	<i>mḥ</i>	<i>mī</i>	<i>wà, à</i>	<i>àḥ, āḥ</i>	<i>kà</i>	<i>ḥà</i>
Стаивная (ST)	<i>ḥó</i>	<i>mī́ó/ mī́</i>	<i>òó/ò</i>	<i>āḥó</i>	<i>kā́ó/ kā</i>	<i>ḥòó/ ḥó</i>
Стаивная отрицательная	<i>ḥā</i>	<i>mī́ā/ mī́wā</i>	<i>wāā</i>	<i>āḥā/ āḥwā</i>	<i>kā́ā/ kāwā</i>	<i>ḥàā/ ḥòwā</i>

Примечания: 1. В целях облегчения изложения, в данной таблице не представлены формы, слитные с прямообъектными местоимениями 1SG, которые не имеют прямого отношения к средствам выражения TAM в бен. 2. Со звездочкой в постпозиции даны формы местоимений 1SG, употребляемые в позиции перед последующими несубъектными местоимениями.

2.10.1. *Нефинитные формы глагола.* Герундий: V-*le*, тон суффикса высокий при предшествующем высоком тоне, низкий в остальных случаях. Значение: Имя действия или ситуации; употребляется также как определяемое в атрибутивной ИГ (т. е. в адъективной функции). Этот же суффикс может присоединяться к прилагательным и к некоторым существительным, образуя абстрактные имена и имена качеств.

Имя места: V-*ya*, тон суффикса высокий при предшествующем высоком тоне, низкий в остальных случаях. Значение: место или время действия; деепричастная функция (семантически выводимая из значения имени места). Этот же суффикс может присоединяться к прилагательным («место концентрации качеств»).

ва») и к существительным с локативной семантикой («расширенная локализация»), к названиям статусов («имя статуса»).

Супин («деепричастие цели движения») V-ya (если конечный тон глагольной основы средний или низкий, совпадает с именем места). Конструкция с супином может вводиться глаголами *tá* ‘пойти’, *nī* ‘прийти’, *b̄* ‘прийти из’, при этом супин обозначает цель перемещения (при глаголах *tá*, *nī*) или занятие субъекта движения в точке отправления (при глаголе *b̄*). Возможно, суффикс супина -ya является результатом слияния суффикса имени места -ya с каким-то локативным послелогом (предположение Д. А. Паперно).

Результативное причастие: V-lē. Образуется от ограниченного списка глаголов.

Копулы

è — презентативная копула (в предложениях типа «вот X»).

n̄ — отрицательная презентативная копула (в предложениях типа «это не X»).

wé — утвердительная экзистенциальная копула.

ó — утвердительная копула в локативных и адъективных неглагольных предложениях. При прономинализации подлежащего замещается на стивные местоимения (которые являются результатом слияния местоименных основ с данной копулой). Участвует в образовании глагольных конструкций, и в этом случае находясь в дополнительной дистрибуции со стивной серией личных местоимений. При глаголах *tá* ‘идти, уходить’ — регулярно, и *nī* ‘приходить’ — факультативно, копула *ó* замещается на *ué*, при этом *ué* образует амальгамы и с глаголом, и с субъектным местоимением.

wā — отрицательная копула в локативных и адъективных неглагольных предложениях. При прономинализации подлежащего замещается на стивные отрицательные местоимения (которые являются результатом слияния местоименных основ с данной копулой). Участвует в образовании глагольных конструкций, находясь в дополнительной дистрибуции со стивной отрицательной серией личных местоимений.

2.10.2. *Базовые утвердительные конструкции.* Претерит: PST — (O) — V\L (лексический тон глагола заменяется на низкий; у некоторых неодносложных глаголов на -IV тон последнего

слога может сохраняться — очевидно, это глаголы, включающие в свой состав архаичный деривативный суффикс *-la). Значение: временная референция к прошлому, перфективное или хабитуальное видовое значение.

Прогрессив: ST — (O) — V-*le-ló*. Показатель прогрессива состоит (а) из суффикса герундия -*le*, который факультативно утрачивает свой согласный и, в таком случае, ассимилируется предшествующим гласным (-*ε* > -*a* после *a*, -*ε* > -*э* после задних огубленных гласных; нализация после носовых гласных); (б) из суффикса, восходящего к субэссивному послелогу *ló* 'на, над'. Значение: актуальное длительное действие. Если в аподозисе к конструкции прогрессива помещается показатель *ǰǰǒ*, конструкция выражает значение отмененного результата или контрфактива.

Континуатив: ST — (O) — V-*le mǎ*, где *mǎ* — послелог со значением 'на (в контакте с)'. Конструкция менее грамматикализованная, чем прогрессивная (что выражается в меньшей степени фузии показателя герундия и послелога). Значение: «действие длится уже некоторое время».

Хабитуалис: HAB — (O) — VL. Значение: регулярно повторяющееся действие или стабильное во времени состояние.

Будущее: ST — (O) — V.

Перфект: PST — (O) — V-*nǎ* / -*ā*.

Результатив: ST — (O) — V-*lǎ* (суффикс результатива всегда низкотонный, в отличие от суффикса герундия). Дефолтная временная референция к настоящему. Со многими глаголами переходная результативная конструкция невозможна; она невозможна также с непереходными неопредельными глаголами. Возможно, суффикс результатива возник в результате слияния суффикса герундия -*le* с каким-то локативным послелогом (предположение Д. А. Паперно).

Кондиционалис: COND — (O) — V. Употребляется в некоторых случаях во временных и условных придаточных предложениях.

Оптиматив-императив: HAB — (O) — V. В императиве МПП 2SG нулевой.

2.10.3. Производные утвердительные конструкции. Интенционалис-проспектив: ST *tá-ló* — (O) — V-*ya* (проспектив глагола *tá* 'идти, уходить' + деепричастие цели от смыслового глагола).

Значение: субъект намеревается немедленно приступить к совершению действия в каком-то другом месте. Аналогичная конструкция, в которой роль служебного глагола выполняет *nī* 'приходить', указывает на намерение субъекта совершить действие в том месте, где он находится.

Интенционалис-будущее: ST *tá* — (O) — V-*yà* (будущее время глагола *tá* 'идти, уходить' + деепричастие цели от смыслового глагола). Значение: субъект намеревается приступить в будущем к совершению действия в каком-то другом месте. Аналогичная конструкция, в которой роль служебного глагола выполняет *nī* 'приходить', указывает на намерение субъекта совершить действие в том месте, где он находится.

2.10.4. *Базовые отрицательные конструкции.* Отрицание в глагольных конструкциях бен имеет рамочный характер: оно выражается одновременно отрицательными сериями МПП и показателем *é*, который помещается в конце высказывания. Кроме того, особое морфологическое средство для отрицания имеется в перфекте — здесь глагол получает суффикс *-sà* (больше нигде не встречающийся; возможно, он является по происхождению наречием со значением 'еще').

Между утвердительной и отрицательной глагольными подсистемами наблюдается достаточно высокая степень симметрии. Отклонения от симметрии носят характер нейтрализации некоторых формальных оппозиций при отрицании: между претеритом и оптативом; между хабитуалисом и кондиционалисом.

Отрицательный претерит: PST.NEG — (O) — $\forall$ L *é*. Значение: отрицательный претерит; прохибитив.

Отрицательный прогрессив: ST.NEG — (O) — V-(l)*é*l*ó* *é*.

Отрицательный хабитуалис: HAB.NEG — (O) — $\forall$ L *é*. Значение: отрицательный хабитуалис; отрицательный аналог кондиционалиса.

Отрицательное будущее: ST.NEG — (O) — V *é*.

Отрицательный перфект: PST.NEG — (O) — V-*sà* *é*.

Отрицательный результатив: ST.NEG — (O) — V-*lè* *é*.

2.11. Гбан

На гбан говорят не менее 60 тыс. человек непосредственно к югу от зоны распространения гуру. Гбан, наряду с бен — самый ранний сколок с пра-южного манде; его отличия от других язы-

ков группы наиболее радикальны во всех сегментах языковой системы. К сожалению, несмотря на давнее внимание исследователей к этому языку, глагольная система гбан описана недостаточно полно, что неизбежно снижает надежность ее представления и интерпретации и в данной статье. В дальнейшем изложении я буду опираться на работы [Желтов 2002; Fedotov 2011; Howard ms.], придерживаясь в основном терминологии М. Л. Федотова (чьи устные комментарии также были очень ценны в написании этого раздела).

Вокалическая система треугольная, состоит из 7 элементов. Выделяются 4 уровневых тона и 2 модулированных (низко-восходящий, *ǎ*, и средне-восходящий, *ǎ̃*). Гбан — единственный язык манде, в котором сложилась категория временной дистанции, что достаточно надежно обосновывается в работе [Fedotov 2011]; к сожалению, более или менее детальное описание системы грамматических значений в остальных ее аспектах пока что отсутствует. Сформировалась система МПП, при этом М. Л. Федотов считает необходимым выделить и одну серию личных местоимений, омонимичную «непрошедшей» серии МПП, см. Таблицу 14.

Таблица 14

МПП и субъектные местоимения в гбан

	1 ед.	2 ед.	3 ед.	1 мн.	2 мн.	3 мн.
Субъектные местоимения	<i>ǐ</i>	<i>èè</i>	<i>è</i>	<i>ù</i>	<i>àà</i>	<i>ǒ</i>
Непрошедшее (NPST)	<i>ǐ (mì)</i>	<i>èè (nì)</i>	<i>è (yè)</i>	<i>ù (wù)</i>	<i>àà</i>	<i>ǒ (wò)</i>
Прошедшее (PST)	<i>ǐ̃ (mǐ̃)</i>	<i>èè̃ (nǐ̃)</i>	<i>é (yè)</i>	<i>ú (wú)</i>	<i>ǎǎ</i>	<i>ó (wò)</i>
Вчера-прошедший имперфектив (HES.T.IPFV)	<i>mìè</i>	<i>nìè</i>	<i>yèè</i>	<i>wìè</i>	<i>ààè</i>	<i>wòè</i>
Давно-прошедший имперфектив (REM.IPFV)	<i>mìé</i>	<i>nìé</i>	<i>yèé</i>	<i>wìé</i>	<i>ááé</i>	<i>wòé</i>
Императив/оптатив (IMP)	<i>ǐ</i>	<i>bè/ø</i>	<i>è</i>	<i>ù/ààù</i>	<i>àà</i>	<i>ǒ</i>
Прохибитив (PROH)	?	<i>nàǎ</i>	?	<i>wǎ/àà wǎ</i>	<i>àǎ</i>	?

Примечание: Формы МПП серий непрошедшего и прошедшего, данные в скобках, представляют собой «квази-эргативные» серии — они появляются в тех случаях, когда непосредственно за ними следует местоимение-прямое дополнение (или местоимение, входящее в ИГ прямого дополнения).

2.11.1. *Нефинитные формы глагола.* Супин: *V-dia* (тон суффикса зависит от левого контекста). Возможно, суффикс супина восходит к послелогу *dìà ~ dìà* ‘между, среди’. Значение: имя места действия, целевое значение (с глаголами движения).

Герундий: *V-le* (тон суффикса зависит от левого контекста). Значение имени действия; также образует предикативные прилагательные от глаголов со значением качества.

Копулы

lè ~ lèè, презентативная копула.

yèè, бытийная копула, спрягается по особой модели.

2.11.2. *Базовые утвердительные глагольные конструкции.* Базовые конструкции образуют, по характеру задействованных формальных средств, две группы, имперфективную и перфективную; особняком стоит императивно-оптативная конструкция.

В имперфективной группе конструкций грамматическое значение времени и временной дистанции выражается различными сериями МПП, глагол же оформляется единообразно: на него распространяется тон предшествующего слова (МПП, прямого дополнения или пост-субъектного показателя), с некоторыми оговорками, в частности: после предшествующего ультранизкого тона глагол получает низкий тон; для МПП 3 лица не прошедшей серии необходимо постулировать постпозитивный плавающий ультранизкий тон, который распространяется на последующий глагол. Такое тональное поведение глагольного сказуемого я буду обозначать в формулах как «\TON».

В перфективной группе базовых конструкций, напротив, МПП остается неизменным — это во всех случаях серия прошедшего времени, а значения категории временной дистанции выражаются грамматическим тоном на глагольном сказуемом.

Таким образом, в гбан имеются следующие базовые утвердительные конструкции:

Непрошедшее: NPST — (O) — V\TON. Значение: хабитуалис, итератив, будущее.

Вчера-прошедший имперфектив: HEST.IPFV — (O) — V\TON.

Давно-прошедший имперфектив: REM.IPFV — (O) — V\TON.

(Отметим, что сегодня-прошедший имперфектив выражается при помощи производной конструкции, о чем см. ниже.)

Сегодня-прошедший перфектив: PST — (O) — V (глагол выступает с лексическим тоном). Обозначает действие, совершившееся в пределах того же дня, что и момент речи, или результатив.

Вчера-прошедший перфектив: PST — (O) — V\El (глаголы структуры CV получают ультранизкий тон, глаголы структуры CVV — El-L или El-El, в зависимости от тонального класса глагола).

Давно-прошедшее: PST — (O) — VR (глагол получает восходящий тон El-Eh; один из классов двусложных глаголов получает тон L-R).

Императив/оптатив: IMP — (O) — V.

2.11.3. *Производные утвердительные глагольные конструкции.* Сегодня-прошедший имперфектив: PST wǎ — (O) — V, смысловой глагол с лексическим тоном, лексическое значение служебного глагола wǎ ‘уходить’ (таким образом, служебный глагол стоит в форме вчера-прошедшего перфектива).

Проспектив образуется при помощи имперфективной формы вспомогательного глагола lǎ (лексическое значение — ‘приходить’): МПП из одной из имперфективных серий, тон вспомогательного глагола воспроизводит конечный тон предшествующего слова; смысловой глагол выступает в форме непрошедшего времени (т. е. уподобляется по тону предшествующему МПП). Таким образом, формулу проспективной конструкции можно представить как IPFV lǎ\TON — (O) — V, имея в виду, что IPFV может соответствовать любой из МПП трех имперфективных серий (NPST, HEST.IPFV, REM.IPFV). В зависимости от выбора серии МПП проспектив по-разному локализуется на временной оси: «прототипический проспектив» («имеются все предпосылки для совершения действия, оно вот-вот совершится») — при МПП серии NPST; проспектив в прошедшем («действие чуть-чуть не произошло, было на грани совершения») — при МПП серий HEST.IPFV, REM.IPFV.

Непосредственное предшествование: NPST wǎ\TON — (O) — V или NPST wǎ\TON-lǎ — (O) — V; во втором варианте этой конструкции на вспомогательном глаголе появляется ультранизкотонный деривативный суффикс с направительным значением.

Конъюнктив-1: NPST $w\grave{o}$ — (O) — V, смысловой глагол сохраняет лексический тон. Показатель $w\grave{o}$, очевидно, представляет собой глагол $w\grave{o}$ 'класть, помещать' (по всей вероятности, имеющий и непереходные значения), при этом низкий тон копируется с непосредственно предшествующего МПП серии NPST. Значение: цель, следование, значение «подведения итога».

Конъюнктив-2: NPST $w\grave{o}$ — (O) — V\TON. Значение интенциональности и следования (семантика обеих конъюнктивных конструкций нуждается в дальнейших исследованиях).

*2.11.4. Базовые отрицательные глагольные конструкции*²³ образуются с помощью пост-субъектного показателя $k\grave{e}/k\grave{e}'$.

Настоящее: NPST $k\grave{e}$ — (O) — V\L.

Прогрессив: NPST $k\grave{e}'$ — (O) — V\EI.

Будущее: NPST $k\grave{e}$ — (O) — V.

Сегодня-прошедшее: NPST $k\grave{e}''$ — (O) — V\EI (для глаголов структуры CV: EI, для глаголов CVV: EI-L).

Вчера-прошедшее: NPST $k\grave{e}''$ — (O) — V\EI (глаголы типа CV получают ультранизкий тон, глаголы типа CVV — тональный контур EI-L).

Давно-прошедшее: NPST $k\grave{e}''$ — (O) — V\R (глагол с восходящим тоном EI-Eh; один из классов двусложных глаголов получает тон L-R).

Отрицательный хабитуалис в прошлом: NPST $k\grave{e}''\acute{e}$ — (O) — V (тон глагола неясен).

Кунктатив: NPST $k\grave{e}''\acute{e}$ — V\EI. Значение: «действие еще не совершено».

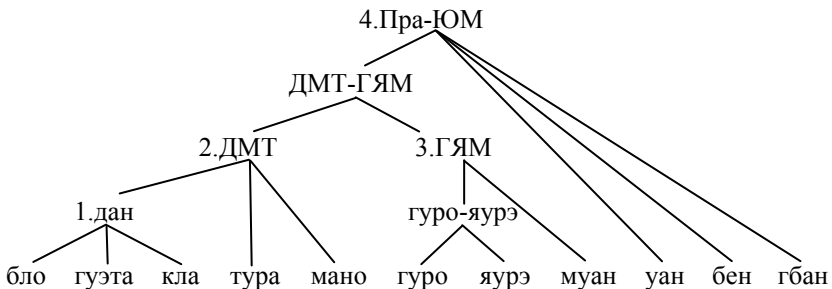
Прохибитив: S $\acute{a}$ — (O) — V; показатель $\acute{a}$ сливается с субъектными местоимениями (очевидно, не являющиеся в данной конструкции МПП).

3. Диахронический анализ систем ТАМ

В этом разделе мы сопоставим глагольные системы южных манде и попытаемся выдвинуть гипотезы о происхождении форм и конструкций в современных языках группы, а также о том, какие формы и конструкции могут быть реконструированы для пра-

²³ Представленное здесь описание отрицательных конструкций в гбан менее надежно, по сравнению с утвердительными.

южного манде²⁴. Анализ будет построен по ступенчатому принципу: сначала мы сопоставим системы языков дан (гуэта, бло, кла); затем — языков группы дан-мано-тура (ДМТ); гуру-яурэ-муан (ГЯМ); наконец, всей южной группы манде. Схема ветвления представлена ниже; номера узлов соответствуют номерам подразделов в нижеследующем изложении.

3.1. Языки дан (гуэта, бло, кла)

Во всех трех идиомах наблюдается полное совпадение следующих форм и конструкций, которые, соответственно, могут быть реконструированы для уровня пра-дан:

Герундий, *V-sii. Этимология показателя герундия неясна; отметим лишь существование омонимичных показателей отыменного прилагательного в бло и гуэта, и селективной фокализации в гуэта.

Нейтральный вид, **EXI — (O) — V\EI*. Поскольку эта конструкция образуется с экзистенциальными МПП, логично предположить ее исходно-именной характер; в таком случае ультранизкий тон на глаголе может быть следом некоего суффикса, показателя нефинитной формы глагола (вероятнее всего, восходящего к какому-то послелогу) — однако данные идиомов дан не дают оснований для более конкретной этимологии. Данные внешнего сравнения позволяют предположить, что речь идет, скорее всего, о субэссивном послелоге *hā.

Перфект, **PRF — (O) — V*. Отметим, что в кла-дан, в отличие от гуэта и бло, перфект может выражать не только акционально-перфектное, но и результативное (статально-перфектное) значе-

²⁴ В данной статье не будет специально рассматриваться этимология серий МПП и местоимений; этой теме посвящена статья [Выдрин 2006].

ние. Как известно, типологически естественным является диахроническое развитие результатив $\rightarrow$ перфект, а не наоборот [Плунгян 2011: 388]. Это заставляет предполагать, что в кла сохранилась праязыковая ситуация, а в основной зоне дан (в нашей выборке представленной идиомами гуэта и бло) данная конструкция утратила результативное значение вследствие возникновения новой результативной конструкции с герундием и послелогом *ká*.

Оптатив: *OPT — (O) — V.

Императив: *IMP — (O) — V.

Сопряженная конструкция: *JNT — (O) — V\JNT.

Отрицательный имперфектив: *NEG.IPFV — (O) — V.

Отрицательный перфектив: *NEG.PFV — (O) — V.

Кроме того, для пра-дан легко реконструируются следующие формы и конструкции, которые обнаруживают в современных идиомах некоторые формальные и семантические расхождения:

— инфинитив маркируется в гуэта ультранизкотоновым суффиксом (тон конечного слога глагольной основы резко понижается на конце), в бло инфинитив находится в процессе исчезновения — он проявляется только на глаголах с лексическим высоким тоном (в инфинитиве этот тон меняется на средний); в кла он отсутствует. По-видимому, ситуация в гуэта ближе всего к праязыковой: исчезновение в кла тонового суффикса, не имевшего сегментной основы, и его амальгама с лексическим тоном глагола в бло представляются вполне закономерным историческим развитием, тогда как эволюция в обратном направлении маловероятна.

— прогрессив на $-d\ddot{a}$, *EXI — (O) V- $d\ddot{a}$; по происхождению — конструкция с нефинитной формой глагола, V- $d\ddot{a}$, показатель которой возводится, при внешнем сравнении, к пра-ЮМ слову * $d\ddot{a}$ ‘место’ (см. ниже)²⁵. Эта конструкция сохранилась в бло (конкурируя с двумя другими близкими по значению конструкциями). В гуэта, по-видимому, ее рефлексом является конструкция зависимого прогрессива JNT — (O) — V- $d\ddot{a}\ddot{a}/-ij$ — замена

²⁵ Возведение этого показателя к существительному $d\ddot{a}\ddot{a}$ ‘граница’, когнаты которого зафиксированы также в тура ($l\ddot{a}\ddot{a}$) и мано ($l\ddot{a}\ddot{a}$) и родственного широко представленной в западных манде основе $d\ddot{a}$ с тем же значением, представляется маловероятным: в отличие от существительного со значением «место», эта основа не проявляет в языках манде склонности к грамматикализации и/или превращению в послелог.

экзистенциальных МПП на сопряженные закономерна в зависимой клаузе, менее понятно удвоение гласной в глагольном показателе. Алломорф *-ij*, по-видимому, следует считать результатом редукции полного алломорфа *-dāā* в ходе грамматикализации. В кла рефлексом данной конструкции является, по-видимому, конструкция будущего-1²⁶; в пользу возможности развития семантики в этом направлении говорят не только общетипологические соображения, но и наличие вторичных футуральных значений у прогрессива-1 в бло. Можно предположить, что данная конструкция в кла была вытеснена из зоны прогрессива новообразованной имперфективной конструкцией на *ká*.

— ретроспектив, *EXI *kā* (\NTR) — (O) — V\NTR. Неясно, имел ли вспомогательный глагол в пра-дан лексический тон (как в гуэта и в кла) или грамматический тон, показатель нейтрального вида (как в бло).

Кандидатами для реконструкции на уровне пра-дан можно считать также следующие конструкции и формы:

— прогрессив-3 в бло, которому соответствует дуратив в гуэта: *EXI — (O) — V-*suñ* *gú*. Отсутствие этой конструкции в кла может объясняться ее вытеснением новообразованной конструкцией «имперфектива на *-ká*»;

— будущее: *EXI *dó* \NTR — (O) — V\INF; конструкция отмечена в бло и гуэта, а в кла она исчезла, не выдержав конкуренции с двумя другими конструкциями, которые развили футуральную семантику из прогрессива («будущее-1») и проспектива («будущее-2»);

— проспектив: *PROSP — (O) — V, конструкция отмечена в гуэта и кла, отсутствует в бло, где она была вытеснена новой перифрастической конструкцией со вспомогательным глаголом *dó* ‘идти, уходить’ в прогрессиве;

— отрицательное будущее: *NEG.PFV *dó* — (O) V\INF, конструкция сохранилась в бло и гуэта; в кла она была вытеснена конструкцией, изначально имевшей отрицательно-проспективную семантику;

---

²⁶ Некоторые сомнения вызывает здесь ультранизкий тон на глагольной основе в будущем-1. Впрочем, это может быть грамматический тон, маркирующий номинализацию глагола — что хорошо согласуется с исходным именным характером этой конструкции.

— отрицательный проспектив: *NEG.IPFV *gú* — PROS — (O) — V, букв. «X не есть в этом, он собирается совершить действие». В гуэта был утрачен послелог *gú* в первой части конструкции, в связи с чем ее структура стала непрозрачной; в кла употребление этого послелога стало факультативным. В бло конструкция исчезла (как и утвердительная проспективная);

— прохитивитив: *PRON *dó* — (O) — V\INF. Конструкция сохранилась в гуэта и кла, в бло она была вытеснена новообразованной конструкцией *kɛ̄ kú̄ JNT* (O) V\JNT, где *kú̄* восходит, очевидно, к омонимичному наречию со значением «еще» (букв.: «чтобы X еще совершил действие!»).

По-видимому, можно возвести к пра-дан и масдар *V-*dē̄*, который сохранился без изменений в гуэта и бло; показатель масдара восходит к омонимичному ему существительному со значением «место».

Супин в бло, V-*dià*, восходит к сочетанию (или к сложному послелогу) **dē̄ bǎ̄* ‘в месте’. Супин в кла (маркирующийся ультранизким тоном на конечном гласном) может быть этимологически тождественен как масдару, так и супину в бло. К сочетанию **dē̄ bǎ̄* можно возвести, пусть и с некоторой долей гипотетичности, супин дан-гуэта -*uǎ̄*, назальный характер которого может отражать назальность второго исходного послелога, слившегося с супиновым суффиксом.

Континуатив, при том что он выглядит слабограмматикализованным (представляя собой инфинитивную конструкцию глагола *tú̄* (гуэта), *tú̄* (бло) ‘продолжаться; все еще находиться’) и отсутствует в кла, по-видимому, все же должен быть реконструирован для пра-дан; такую реконструкцию поддерживает наличие схожей формы в тура.

Неясно, следует ли возводить к уровню пра-дан глагол, выражающий значение ‘быть в прошлом’ и используемый как вспомогательный в имперфектной конструкции в гуэта (*gū̄*) и в кла (*kú̄ ~ gú̄*); в бло его рефлекс не отмечен. Возможно, это общая инновация северных идиомов дан²⁷.

²⁷ В диалекте гуао языка тура отмечен показатель претерита *gú̄ǎ̄*, соответствующий показателю *dú̄ú̄* в диалекте нао (Д. И. Идиатов, личное сообщение). Возможно, речь идет об общей ареальной инновации.

Особое место занимает презумптивная конструкция: она отмечена только в гуэта, однако прослеживается ее связь с пробабилитивом в тура. Возможно, речь идет о поздней общей инновации ареального характера.

Инновацией приходится признать и интенциональную конструкцию в бло, несмотря на ее этимологически непрозрачный характер, который мог бы трактоваться в пользу ее архаичности.

3.2. Дан-тура-мано (ДМТ)

В дан и мано мы имеем системы МПП, в тура же МПП находятся в начальной стадии формирования. Поэтому логично считать, что для уровня пра-ДМТ следует постулировать субъектные местоимения, а не МПП. Для праязыка этой подгруппы достаточно надежно реконструируются следующие формы и конструкции.

Инфинитив: *V-*bà*, суффикс восходит к субэссивному послелогу *bà. В дан рефлексом этой формы является инфинитив (низкотонный несегментный суффикс в гуэта, мена высокого тона на низкий в бло), в мано — герундий на -*à*, в тура — инфинитив-2 («*gérondif en à*», в терминологии Беарта), показатель которого имеет алломорфы -*à* ~ -*bà*.

Утвердительная копула: *ké. Реконструируется на основании данных тура; в дан она, по-видимому, слилась с субъектными местоимения и дала экзистенциальную серию МПП (имперфективная серия МПП в мано, по-видимому, имеет иной источник — предположительно, копулу *lɛ).

Отрицательная копула: *wá ~ **wɔ́* (?). Сохранилась в мано (*wá* в либерийских диалектах, *wɔ́* в гвинейских); в дан и тура слилась с субъектными местоимениями, образовав имперфективную отрицательную серию МПП/личных местоимений.

Имперфектив: *S *ké* — (O) — V\

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
EXI-(O) — V\NTR	EXI-(O) — V\NTR	EXI-(O) — V\NTR	IPFV — (O) — V\IPFV	EXI/S- <i>ké</i> — (O) — V\HAB

Эта конструкция отразилась в конструкции нейтрального вида в дан, расширив свою семантику на сферу пунктивных значений²⁸; в имперфективной конструкции мано, семантика кото-

²⁸ В статье [Выдрин 2010а: 76] было высказано предположение, что нейтральновидовая конструкция появилась в результате конверген-

рой распространилась на сферу будущего времени и на оптатив; в хабиитуалисной конструкции тура. Рефлексами грамматического низкого тона на глаголе является ультранизкий тон в дан, понижение тона в мано и понижение тона на глаголах в тура.

Перфект: *S á — (O) — V

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
PRF — (O) — V	PRF — (O) — V	PRF — (O) — V	PRF — (O) — V	PRF — (O) — V

Перфектная конструкция представлена во всех языках подгруппы; наличие у этой конструкции в мано результативного значения подтверждает высказанное в разделе 3.1 предположение о том, что оно и является исконным. В статье [Выдрин 2006b: 415] высказано предположение, что перфектная серия местоимений/МПП — инновация подгруппы ДМТ, возникшая путем слияния с неким вокализованным на *-a* высокотоновым предикативным показателем. Если же принять значительно более гипотетичное сближение перфекта в ДМТ с перфектной конструкцией в уан (о чем см. ниже), то станет возможным возведение перфекта на уровень пра-ЮМ.

Сопряженная конструкция: *S\JNT — (O) — V\L

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
JNT — (O) — V\JNT	JNT — (O) — V\JNT	JNT — (O) — V\JNT	JNT — (O) — V\JNT	JNT — (O) — V\PFV

Субъектные местоимения/МПП с высоким тоном, тон глагола изменяется по сложной схеме: в дан он понижается или остается неизменным; в мано понижается на последней стопе; в тура тон на глаголе следует модели пунктива²⁹. По-видимому, базовым для этой конструкции следует считать употребление в нарративной цепочке для обозначения последовательных действий; в дан и мано она стала употребляться и в других синтаксиче-

ции двух разных минимально маркированных конструкций (предположительно, имперфективной или хабиитуальной и нарративной), что могло бы как-то объяснить очень широкий спектр ее аспектуальных значений. С другой стороны, возможна и конвергенция в дан исходных имперфективной и аористной конструкций.

²⁹ Можно сказать, что маркером сопряженной конструкции в тура является только субъектное местоимение.

ски несамостоятельных и коммуникативно выделенных контекстах (при релятивизации, фокализации, топиализации).

Перспектив: *Pron — *wò* — МПП — (O) — V

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
—	PROSP — (O) — V	PROSP — (O) — V	PROSP — OPT — (O) — V	PROSP — (O) — V

Представлен во всех идиомах подгруппы, кроме дан-бло (где он, возможно, был вытеснен волитивной конструкцией). Перспективные конструкции в ману и, с другой стороны, в дан и тура существенно различаются по форме МПП. Очевидным образом, МПП в ману возникли слиянием личных местоимений (или одной из уже сформировавшихся серий МПП) с квотативным маркером (глаголом говорения?), предположительно *wòlò (в современном ману самостоятельно не употребляемом)³⁰. Весьма своеобразен и синтаксис перспективной конструкции в ману: тот факт, что после перспективного МПП требуется употребление еще одного МПП (оптативной серии), свидетельствует о том, что перспективный МПП продолжает восприниматься как отдельная предикация с квотативным значением (предположительная интерпретация: «X говорит, что...»). По-видимому, ману сохранил архаичную структуру перспективной конструкции, тогда как в дан и в тура (где, в целом, действуют гораздо более мощные тенденции к фузии) произошло ее формальное упрощение. Отметим также, что в тура перспективная серия — единственная, эволюционировавшая в МПП. Исходное значение конструкции, по-видимому, было в первую очередь волитивным, и это значение продолжает сохраняться в тура и ману, наряду с перспективным.

Будущее: *S *ké dǒ* \L — (O) — V-*bà*

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
EXI — <i>dǒ</i> \NTR — (O) — \INF	EXI — <i>dǒ</i> \NTR — (O) — \INF	(EXI — (O) — \NTR- <i>dǒ</i>)	FUT <i>ló</i> \IPVF — (O) — V- <i>à</i>	EXI — (O) — V- <i>à</i>

³⁰ В предварительном порядке можно предположить этимологическую связь элемента *wòlò с существительным *wò или *wù 'голос', реконструируемым для подгруппы ДМТ. Второй слог, *-lò*, может восходить к копуле *lē*.

Конструкция сохранилась практически без изменений (если отвлечься от фузии предикативного показателя и показателя инфинитива с предшествующими основами) в дан-бло и дан-гуэта; в мано же, по-видимому, предикативный показатель *ké был замещен другим, давшим начало особой футуральной серии МПП. В тура был утрачен вспомогательный глагол **dó*³¹.

Оптатив *SL — (O) — V

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
OPT — (O) — V	OPT — (O) — V	OPT — (O) — V	OPT — (O) — V	OPT — (O) — V

Маркером конструкции оказывается только низкотоновая несегментная морфема в пост-субъектной позиции. В дан она слилась с субъектными местоимениями, образовав оптативную серию МПП; в тура в результате аналогичного процесса образовалась оптативная серия личных местоимений. В мано оптативная серия МПП характеризуется высоким тоном — возможно, здесь мы имеем дело с рефлексом какого-то другого предикативного показателя (ср. высокотоновый показатель оптатива в гуро и яурэ).

Императив: *IMP — (O) — V

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
IMP — (O) — V	IMP — (O) — V	IMP — (O) — V	IMP — (O) — V	IMP — (O) — V

Отрицательный имперфектив: *S *wá* — (O) — V

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура (отр. хабитуалис)
IPVF.NEG — (O) — V	IPVF.NEG — (O) — V	IPVF.NEG — (O) — V	NEG — (O) — V	IPVF.NEG — (O) — V

Основания для такой реконструкции дают дан и тура; отрицательные МПП в мано тоже могут рассматриваться как результат слияния экзистенциальных МПП с отрицательной копулой (*wá или *wó).

³¹ Как можно убедиться на материале других южных языков манде, подобное опущение вспомогательных глаголов здесь достаточно обычно; так, проспективная конструкция уан имеет варианты как со вспомогательным глаголом, так и без него.

Прохибитив: *S (w)ó dǒ — (O) — V-bà

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
(kǎ kù) JNT (O) V\INF	PRON dǒ — (O) — V\INF	PRON ló — (O) — V\INF	PRON — (O) — V	ИГ-ó /PRON — (O) — V-ǎ

Синтаксис этой конструкции лучше всего сохранился в кла-дан и дан-гуэта (при том что в дан-бло ее вытеснила инновативная конструкция). В тура был утрачен вспомогательный глагол *dǒ ‘идти, уходить’, зато данные этого языка (суффикс -ó ИГ подлежащего) позволяют сделать предположение о форме предикативного показателя в пра-ДМТ³². В mano оказались утрачены все элементы конструкции (вспомогательный глагол, показатель инфинитива), кроме прохибитивной серии МПП, однако ее форма (высокий тон, огласовка на -a) свидетельствует в пользу ее единого происхождения с таковой в северных дан и тура.

Отрицательное будущее: *S NEG dǒ — (O) — V-bà

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
NEG.PFV dǒ — (O) V\INF	NEG.PFV dǒ — (O) V\INF	(NEG.IPFV gú — (O) — V)	NEG.FUT ló (O) V-GER	(= отрица- тельный им- перфектив)

Конструкция симметрична утвердительной футуральной.

Показатель ретроспективного сдвига: *kē.

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Мано	Тура
kǎ	kā	kà	kē	(wóó)

Восходит к омонимичному ему глаголу со значением ‘делать; становиться; быть’: для языков манде достаточно типична замена связки полноправным глаголом с бытийным значением в случае необходимости перенести ситуацию в непрезентный временной план. В тура значение ретроспективного сдвига передает вспомогательный глагол wóó ~ óó (пунктив от глагола с основным значением ‘совершаться’). По-видимому, показатель *kē является инновацией уровня пра-ДМТ, хотя тут нельзя исключить и независимых новаций в дан и mano.

Кандидатом на реконструкцию на уровне пра-ДМТ (хотя и значительно менее надежным) может считаться пунктив/аорист, к которому в таком случае можно возвести аорист в mano (PRET —

³² Конечно, нельзя исключить, что подлежащий суффикс ó в тура как раз и восходит к вспомогательному глаголу dǒ.

(O) — V) и пунктив в тура (I.2 EXI — (O) — V\PFV, тональный контур зависит от сегментной структуры глагола). Предположительно, эта конструкция имела следующий вид: *S — (O) — V\TON, иначе говоря, она характеризовалась отсутствием пост-субъектных показателей и грамматическим тоном (средним или низким) на глаголе. В ману элиминировался грамматический тон на глаголе, а в тура в функции субъектных местоимений стала выступать экзистенциальная серия. Если принять такой путь эволюции, то можно предположить и конвергенцию пунктивной и имперфективной конструкций в дан, в результате чего образовалась конструкция нейтрального вида.

Отрицательный перфектив: реконструкция (которая сводится к реконструкции серии МПП/местоимений) для уровня пра-ДМТ, по-видимому, невозможна — мы имеем дело с новообразованиями во всех языках подгруппы. В дан-бло перфективные отрицательные МПП явно возникли в результате слияния с отрицательным предикативным показателем *ká (который легко сопоставить с таковым в гуру и яурэ); в дан-гуэта и кла-дан огласовка соответствующих МПП на -íi свидетельствует в пользу слияния их с другим отрицательным показателем — ср. отрицательный маркер tí, отмеченный Доне в некоторых диалектах дан [Doneux 1968: 66]. Форма отрицательного перфективного показателя (и соответствующих местоимений) в тура могла бы указывать на его этимологическую близость к отрицательной копуле wó в гвинейском ману — впрочем, в этом случае следует признать этимологическую нетождественность форм wó в гвинейском ману и wá в либерийском ману. Наконец, в ману особой перфективной отрицательной серии МПП нет.

Континуатив

Дан-бло	Дан-гуэта	Кла-дан	Ману	Тура
(конструкция с tí)	EXI tí \NTR — (O) — V\INF	?	?	I.2 EXI tíá — (O) — V-á

Возможно, континуатив также восходит к уровню пра-ДМТ, хотя тут можно говорить скорее о лексической реконструкции глагола, для которого фазовость является лексическим значением³³, чем о реконструкции грамматической конструкции.

³³ Ср. в бен: tíá ‘оставлять’, который, по всей вероятности, является «дриватом на -LA» от глагола *tó (или *tú) ‘оставаться; остав-

Презумптивная конструкция: Несомненное сходство обнаруживается между презумптивной конструкцией в дан-гуэта (PRSM $d\ddot{u}$ — (O) — V\INF) и инферентивно-пробабилитивной конструкцией в тура (Па PRF $d\ddot{u}$ — (O) — V): в обоих случаях оказывается задействовано служебное слово $d\ddot{u}$ (по-видимому, не связанное по происхождению с глаголом $*d\ddot{u}$ ‘приходить’), которое в тура появляется и в некоторых других конструкциях, всегда со значением пробабилитива. Тем не менее, конструкции в дан-гуэта и тура значительно различаются по структуре, так что более осторожным будет отнести их сходство на счет ареальных влияний и не пытаться реконструировать схожую конструкцию для праязыкового уровня.

3.3. Гуро — яурэ — муан (ГЯМ)

Напомню, что в этой подгруппе особенно близкими оказываются языки гуро и яурэ; муан отстоит от обоих ощутимо дальше.

Во всех трех языках система МПП находится в начальной стадии формирования (МПП можно считать только оптативные серии), в связи с чем участие прономинальных серий в системе ТАМ ограничено.

Надежно реконструируются для пра-ГЯМ следующие формы и конструкции.

Герундий: $*V-d\ddot{t}$

Гуро	Яурэ	Муан
V- $\underline{li}/\underline{li'}/\underline{li}/\underline{le}$	V- $\underline{di}$	V- $\underline{le}$

Рефлекс $*-l > -e$ в муан закономерен, поскольку в этом языке (в отличие от гуро и яурэ) не сохранилось противопоставление по признаку «продвинутость/отодвинутость корня языка» ($\pm$ ATR). Эксплозивный согласный в суффиксе яурэ ($-di$, вместо ожидаемого $*li$) — очевидно, частная новация этого языка, где изменение $*d > d$ произошло в небольшой группе слов вслед за глобальным оглушением звонких пловивных.

Супин: $*V-d\bar{e}$

Гуро	Яурэ	Муан
V- $\underline{l\bar{e}}$	V- $\underline{l\bar{e}}$	V- $\underline{l\bar{e}}$

лять’. Впрочем, для возведения континуативного вспомогательного глагола в дан и тура к глаголу $*t\acute{o}$ / $*t\acute{u}$ ‘оставлять, оставаться’ необходимо объяснить появление назальности.

Копула: *yà ~ *à

Гуро	Яурэ	Муан
à	à ~ yà	yàà (перфективная копула)

С основной копулой гуро и яурэ можно сопоставить перфективную копулу муан (возможно, присоединившую еще какой-то суффикс — например, глагольный суффикс перфектива).

Копулу фокализированных предложений *cì (< *kì?), реконструируемую для уровня пра-гуро-яурэ, можно сравнить с копулой *ké, реконструируемой для пра-ДМТ. Ее низкий тон может свидетельствовать в пользу слияния исходной формы *ké с каким-то низкотоновым элементом.

Перфектив: *S — (O) — V-dà (тон суффикса пока что установить затруднительно)

Гуро	Яурэ	Муан
S — (O) — Vñ	S — (O) — VPFV	S — (O) — V-à -à -là -lâ -á

В гуро и яурэ сегментная основа глагольного суффикса исчезла, так что морфема превратилась в тоновую. На это изменение наложились радикальные перестройки тональных систем в обоих языках [Выдрин 2002] и сложные правила тональной комбинаторики, сложившиеся в яурэ, что объясняет разнообразие в тоновых рефлексах этого суффикса в современных языках.

Имперфектив: *S é — (O) — V-bâ

Гуро	Яурэ	Муан (хабитуалис)
S (é) (O) V-a/-a/-e/ -o/-ba/ABLМ	S — (O) — V-a/-a/-bâ/ABL	S — (O) — VM

Пост-субъектный предикативный показатель *é, сохранившийся в гуро (хотя и подверженный в этом языке факультативному опущению) и исчезнувший в двух других языках, восходит, по-видимому, к архаичной копуле (весьма вероятно, когнату предикативного показателя/копулы *ké, реконструируемого для пра-ДМТ). Глагольный суффикс (сегментная основа которого в муан стерлась, оставив вместо себя грамматический средний тон) совпадает по форме с субэссивным послелогом (гуро *bā* ~ *bâ*, яурэ *bâ*, муан *bā* — отметим, что грамматический тон имперфектива в муан соответствует тону, который несет в данном языке этот послелог), от которого он, несомненно, и происходит. Таким обра-

зом, реконструируемая для пра-ГЯМ имперфективная конструкция воспроизводит общераспространенную в семье манде модель.

Отрицательный перфектив: S NEG — (O) — V-*dē*

Гуро	Яурэ	Муан
S <i>ká</i> — (O) — V- <i>lē</i> (IO) <i>lō</i>	PRON.NEG / S <i>ká</i> — (O) — V- <i>lè</i> (IO) <i>dì</i>	S <i>lára</i> — (O) — V- <i>lē</i>

Асимметричная отрицательная конструкция для перфектива, построенная с использованием супина, — яркая инновация уровня пра-ГЯМ.

Некоторые другие формы и конструкции, хотя и не присутствуют во всех трех языках, могут также быть возведены к прауровню. Среди них отметим следующие:

Отглагольное имя и прогрессив: * V-*dā*, *S *à* — (O) — V-*dā*

	Гуро	Яурэ	Муан
Отглагольное имя	V- <i>lā</i> / <i>-lā</i>	V- <i>lā</i>	(V- <i>yrē</i>)
Прогрессив	S <i>à</i> — (O) — V- <i>lā</i> / <i>-lā</i>	S <i>à ~ yà</i> — (O) — V- <i>na</i>	(S (<i>ò</i>) — (O) — V- <i>zì</i> /- <i>zī</i>)

Отглагольное имя в гуро и яурэ имеет прозрачную структуру: его суффикс восходит к существительному со значением ‘место’. Тем не менее, в пользу достаточно архаичного характера этой формы свидетельствуют ее рефлекс в идиомах дан и, возможно, в уан.

Прогрессивная конструкция воспроизводит ту же модель, что и реконструируемый выше имперфектив, но является более молодой и построена из нового материала, при этом в гуро и яурэ, с одной стороны, и в муан, с другой, эти материалы разные.

Оптатив: *S *é* (O) V

Гуро (ирреалис)	Яурэ	Муан
S <i>é</i> (O) V	OPT — (O) — V	(S — (O) — V\OPT)

В яурэ пост-субъектный показатель оптатива слился с субъектными местоимениями, образовав единственную в этом языке серию МПП (характеризующуюся высоким тоном), при этом оптативная конструкция стала выступать и в функции императива. В пользу архаичного характера этого показателя свидетельствуют, по-видимому, данные мано, где оптативные МПП также характеризуются высоким тоном. В муан же оптатив маркируется грамматическим средним тоном на глаголе (по модели,

отличающейся от имперфектива), а пост-субъектный показатель отсутствует — очевидным образом, конструкция в муан имеет иное происхождение.

Императив: IMP — (O) — V

Гуро	Яурэ	Муан
(= оптатив)	(= оптатив)	IMP — (O) — V\OPT

В муан сохранилась архаичная серия низкотоновых императивных субъектных местоимений, отмеченная и в других южных манде (все ДМТ, гбан); грамматический средний тон на глаголе распространился, очевидно, на императив с оптативной конструкции. В гуро и яурэ особая императивная конструкция была вытеснена оптативной.

Отметим также интересные инновации на уровне пра-языка ветви гуро-яурэ:

Результатив: пра-гуро-яурэ *S yà REFL V-dī

Гуро	Яурэ (статив-результатив)	Муан
S à é V-lì	S — à / yà — REFL — V-dī	(NSBJ — V-lē ò)

é в позиции после копулы в гуро является, по-видимому, инструментально-комитативным предлогом (а не рефлексивным местоимением 3 ед.; эти лексемы в гуро омонимичны, и разграничить их не всегда просто). Впрочем, в ситуации, когда в гуро сингулярное рефлексивное местоимение и комитативный предлог омонимичны, вполне возможно переосмысление одного в другое³⁴. В других языках южной группы манде конструкция подобной структуры не отмечена.

Прохибитив: пра-гуро-яурэ *tè S é — (O) — V NEG

Гуро	Яурэ	Муан
tè S/OPT (O) V lō	tè — OPT — (O) — V dī	(bāā S láá — (O) — V-lē)

Тенденция к грамматикализации пре-субъектного элемента как показателя прохибитива отмечена и в других языках манде (в частности, в дан-бло), однако происхождение слова *tè неизвестно. В муан прохибитивная конструкция отличается от перфективной только пре-субъектным элементом bāā.

³⁴ Н. В. Кузнецова отмечает колебания носителей языка гуро в интерпретации элемента é в различных пост-глагольных и пост-копульных конструкциях [Кузнецова 2010].

3.4. Пра-южный манде

Теперь, имея данные реконструкций праязыков подгрупп низшего иерархического уровня (глубиной родства менее 2 тыс. лет), попытаемся сравнить их между собой и с данными языков южной группы, наиболее отстоящих от них и друг от друга — уан, бен и гбан.

3.4.1. Нефинитные формы и копулы.

Супин-1: *V-dê

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
пра-дан *V-dê (масдар)	*V-dê	V-lê «новый супин» (?)	—	—

Суффикс супина восходит, очевидно, к бенефактивному послелогу (дан-гуэта *dê*, гуэро *lê*, уан *lê*)³⁵. Назализация послелога и суффикса в уан непонятна; возможно, здесь следует постулировать протоформу **lê bə̀*, в таком случае форма уан представляет скорее супин-2.

Супин-2: *V-dī bə̀

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
дан-бло V-dī дан-гуэта V-ya (?) кла-дан V\EI (?) тура V-lə̀ä ~ lè̀è	—	—	V-ya имя места V-ya супин	—

Форма, являющаяся, по-видимому, результатом слияния герундия с субэссивным послелогом, **-dī-bə̀*, представлена в рефлексах дан-бло, тура и бен. Суффикс имени места/супина в гбан *-dia*, при внешней схожести на суффиксы дан-бло и тура, по-видимому, не является рефлексом реконструируемой формы; в ином случае следовало бы ожидать в гбан согласного *l*.

Вызывает вопросы форма реконструируемого субэссивного послелога: содержала ли она назализацию или нет? Такие послелоги, с некоторыми различиями в значении, но несомненно восходящие к одной праязыковой форме (а также этимологически тождественные им существительные со значением ‘поверхность’), представлены во всех южных манде, кроме гбан; они отмечены и в очень многих языках манде, принадлежащих другим группам. Лишь в подгруппе дан-тура-мано эти послелоги выступают в не-

³⁵ Нельзя полностью исключать и его возведение к существительному со значением ‘место’ (пра-дан *dê, уан *lê*).

назальной форме (*bā, b̄ā*), при этом назальные варианты появляются в некоторых лексикализованных контекстах и в этих языках (ср. в дан-гуэта *b̄ā-pā* ‘облизывать’, *b̄ā-w̄* ~ *b̄ā-w̄* ‘нужда, потребность’) — во всех без исключения остальных языках манде мы имеем формы типа МА. Таким образом, есть все основания считать, что исходная форма была назальной, и что утрата назальности в этом корне — новация группы подгруппы ДМТ.

Особого разговора заслуживают два суффикса в бен, близкие по форме (различающиеся только тоновыми реализациями, и то не во всех позициях) и по значению. При этом они внешне непохожи на реконструируемые суффиксы (а также и на формы в других ЮМ). Происхождение сегментной формы *-ya* из **-dī b̄ā* можно достаточно убедительно объяснить следующей цепочкой исторических изменений: **-dī b̄ā* > **-yī b̄ā*³⁶ > **-yèà* > *-yà* (при этом тон суффикса герундия ассимилируется предшествующим высоким тоном основы). В таком случае оба квази-омонимичных суффикса в бен следовало бы признать рефлексами составного показателя **V-dī b̄ā*, а неизменяемый низкий тон собственно супинового суффикса можно объяснить более поздним слиянием с еще одним локативным послелогом (иначе говоря, постулировать циклический процесс послеложной фузии).

Герундий: **V-dī*

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
дан-гуэта: <i>V-dē</i> (имя результата действия) тура: <i>V-yè</i> (?)	<i>*V-dī</i>	—	<i>V-lē</i> герундий <i>V-lē</i> результатив	<i>V-le</i>

По-видимому, наиболее архаичная из нефинитных глагольных форм; ее когнаты обнаруживаются и в языках западной ветви манде (в частности, в группе манден), где они выступают в функции суффиксов отглагольного имени³⁷. Отражение в тура **i* > *e* вполне закономерно, а ослабление или утрата консонантного

³⁶ Об историческом изменении **d* > *y* перед передними гласными в бен см. [Vydrin 2007: 455].

³⁷ Ср. альтернативную точку зрения Дени Кресельса, отраженную в его выступлении на Третьей международной конференции по языкам и языкознанию манде: по Кресельсу, суффикс *-li* ~ *-ri* в языках манден является по происхождению показателем антипассива.

элемента в суффиксе — явление, в высшей мере типичное для этого языка³⁸. В идиомах дан старый герундий был почти вытеснен новым (на *-sui*, не вполне понятного происхождения), сохранившись в дан-гуэта в качестве непродуктивной модели образования имени результата действия, в мано он был вытеснен герундием на *-à* (суффикс восходит к субэссивному послелогу **bà*).

В бен есть два суффикса-кандидата на роль рефлекса данной формы: показатель результативного причастия *-lē* (близкий к соответствующим показателям в ГЯМ по форме) и показатель герундия *-le* (близкий к ним по функциям). Определить, какой из этих двух кандидатов предпочтительней, на данном этапе исследования затруднительно.

Отглагольное имя: **V-dā*

ДМТ: пра-дан	ГЯМ	Уан («старый супин»)	Бен	Гбан
<i>*V-dā̃</i>	<i>*V-dā̃</i>	V-η	—	—

Суффикс восходит к существительному пра-ЮМ **dā̃* ‘место’ (гуро *dā̃*, яурэ *dā̃*, муан *dā̃*).

Копулы: **ké*, **yà*, **ò*

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
<i>*ké</i>	<i>é, à G, à ~ yà Y; ò M; GY *ci</i>	<i>á</i>	<i>ó, yé</i>	<i>-e, yèè</i>

Можно высказать осторожное предположение о существовании трех копул в пра-ЮМ. Наличие нескольких дополнительно распределенных копул вполне типично для языков манде. *-e* в гбан — это конечный элемент в претеритно-имперфективных МПП.

Отрицательные копулы: **wá ~ *wó, *ká*

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
<i>*wá ~ *wó, дан-бло ká</i>	гуро, яурэ <i>ká</i>	<i>ó/wá</i> (в конечной позиции)	<i>wá</i>	<i>kè, kě</i>

Не вполне понятно, следует ли считать формы **wá* и **wó* вариантами одной копулы (в пользу чего говорит диалектное распределение их рефлексов в мано и, по-видимому, в уан) или

³⁸ Впрочем, по замечанию Д. И. Идиатова, ультранизкий тон суффикса *-yè* в тура свидетельствует против возведения этого суффикса к данному источнику — возможно, здесь мы имеем сравнительно недавнюю грамматикализацию некоего существительного, несущего грамматический тон изафета.

разными лексемами (возможно, словоформами, составляющими одну лексему), в пользу чего свидетельствуют данные тура (показатель отрицательного имперфектива *-ǎ*, показатель отрицательного перфектива *-ǒ*). Неясно также, следует ли рассматривать в одном ряду копулы и пост-субъектные отрицательные показатели в мано и бен — и, с другой стороны, употребляемый исключительно в конце клаузы отрицательный маркер в уан.

3.4.2. Конструкции. Имперфектив: *S *ké* — (O) — V-*bà*

ДМТ	ГЯМ	Уан (хаби-туалис)	Бен (хаби-туалис)	Гбан (претеритные имперфективы)
*S <i>ké</i> — (O) — V\	*S <i>é</i> — (O) — V- <i>bà</i>	S — (O) — V- <i>bà</i>	HAB — (O) — V\	HES.T.IPFV — (O) — V\TON, REM.IPFV — (O) — V\TON

Реконструкция основывается на ДМТ — ГЯМ и уан; конструкция бен отнесена к этому ряду с большой долей условности (в частности, аргументом против такого отнесения можно считать низкий тон хабитуальной серии МПП в бен). В гбан рефлексом копулы **ké* может являться элемент *-e* в составе двух имперфективных МПП; диахроническая интерпретация такого явления, как тоновая ассимиляция глагола предшествующим словом, на данном этапе исследований затруднительна.

Конструкция является по происхождению именной, при этом **ké* восходит к бытийной копуле, а суффикс глагольной формы на **-bà* происходит от субэссивного послелого.

Отметим, что тот же самый послелог стал на более позднем этапе эволюции источником для образования суффикса инфинитива/герундия в подгруппе ДМТ.

Перфектив: *S H — (O) — V-*da*

ДМТ (мано, тура)	ГЯМ	Уан (претерит)	Бен	Гбан
*S — (O) — V\TON	*S — (O) — V- <i>la</i>	S — (O) — V\	PST — (O) — V\ (претерит), PST — (O) — V- <i>nā</i> /- <i>ā</i> (перфект)	PST — (O) — V\EI вчера-прошедший перфектив, PST — (O) — V\R давно-прошед- ший перфектив

Глагольный суффикс **-da* (вероятнее всего, низкотонный) реконструируется по данным муан, в языках ДМТ, гуру, юрэ и муан он утратил сегментный характер и отразился как грамматический тон на глаголе. Более сложной оказывается ситуация в гбан, где различные тоны на глаголе выражают различные значения временной дистанции — можно полагать, что эти грамматические тоны происходят от каких-то сегментных суффиксов, по крайней мере один из которых может восходить к реконструируемому здесь суффиксу перфектива (впрочем, строгое доказательство такого предположения вряд ли возможно). Для двух форм (претеритной и перфектной) в бен можно предложить два объяснения: (а) суффикс перфекта *-nā/-ā* является рефлексом праязыкового суффикса (т. е. когнатом суффикса муан), в таком случае претеритная форма (с грамматическим низким тоном на глаголе вместо суффикса) является результатом дальнейшей морфологизации, с одновременной эволюцией перфектного значения в претеритное³⁹; (б) рефлексом праязыковой глагольной формы в бен является претеритная форма, а суффикс перфекта *-nā /-ā* — более поздний по происхождению и восходит, например, к некоему наречию.

Высокотонные претеритные серии МПП в гбан и бен свидетельствуют в пользу реконструкции некоего пост-субъектного высокотонного показателя (обозначенного в формуле конструкции как Н), однако его сегментную форму установить невозможно.

Императив: *IMP — (O) — V

ДМТ	ГЯМ (муан)	Уан	Бен	Гбан
*IMP — (O) — V	IMP — (O) — V\OPT	—	НАВ — (O) — V	IMP — (O) — V

В тех языках, где императив не был вытеснен оптативом, он вводится низкотонной серией местоимений (или МПП); такую ситуацию следует реконструировать и для пра-ЮМ. В бен императивная и оптативная серии МПП не различаются и маркируются низким тоном; возможно, здесь произошла их конвергенция в пользу императива.

³⁹ При этом остается открытым вопрос, возможно ли в принципе подобное расщепление одной грамматической формы. Отметим также, что при таком решении для этой конструкции следует, по-видимому, реконструировать перфектное (а не перфективное) значение.

Конструкции имперфектива, перфектива и императива реконструируются для пра-ЮМ относительно надежно, их можно считать ядром праязыковой системы. Далее же будут рассмотрены те, говорить о реконструкции которых можно лишь с долей условности — в одних случаях это конструкции, представленные лишь в паре языков (что повышает вероятность случайного совпадения), в других — воспроизводящиеся синтаксические модели с разным морфологическим наполнением, в третьих — поверхностно похожие конструкции, существенно различающиеся по своей сути.

Оптатив-1: *S $\dot{V}$ — (O) — V

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
тура SL — (O) — V	—	—	НАВ — (O) — V	—

Оптатив-2: *S $\acute{e}$ (O) V

ДМТ (мано)	ГЯМ (гуро, яурэ)	Уан	Бен	Гбан
*S\H — (O) — V	*S $\acute{e}$ (O) V	—	—	—

Две оптативные конструкции дополнительно распределены по языкам и различаются только грамматическим тоном постсубъектного показателя или МПП: ультранизкий/низкий в тура и бен (возможно, в бен мы имеем конвергенцию с императивными МПП), высокий в мано, гуро и яурэ. В идиомах дан оптативные МПП не проявляют грамматического тона — здесь оптатив является морфологически немаркированной конструкцией (во всяком случае, в синхронии). Нельзя исключать вероятности того, что и высокотоновые, и низкотоновые постсубъектные маркеры оптатива современных языков восходят к одному и тому же праязыковому показателю (правила соответствий тонов в ЮМ остаются неизученными), однако ни подтвердить, ни опровергнуть эту гипотезу вряд ли удастся за скудостью сохранившегося материала.

Прогрессив: *S COP — (O) — V- $d\grave{a}$

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
пра-дан: *EXI — (O) — V- $d\grave{a}$ дан-бло: прогрессив, кла-дан: будущее, дан-гуэта: зависимый прогрессив	*S ya — (O) — V- $d\grave{a}$	—	—	—

Поскольку рефлексы прогрессива отмечены только в дан, гуро и яурэ, остается непонятным, может ли он быть реконструирован для пра-ЮМ, или только для пра-ДМТ-ГЯМ.

Перфект: *S *Ná* — (O) — V

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
*S <i>á</i> — (O) — V	—	S — <i>ŋ</i> — (O) — V	—	—

Предлагаемая реконструкция перфектного показателя пра-ЮМ условна: она возможна, если принять допущение о едином происхождении этой конструкции в языках ДМТ и в уан — при том, что реконструируемый для пра-ДМТ предикативный показатель не имеет с показателем в уан общих фонологических элементов.

Результативные конструкции хорошо представлены в ЮМ группе. По своей синтаксической структуре они могут быть разделены на два типа.

Результатив-1: S — COP — (O) — V-GER (COM)

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
дан-бло, гуэта: EXI (O) V- <i>sù ká</i> мано: EXI — V- <i>á ká</i> тура: S — <i>ké</i> — (O) — V- <i>yěá</i>	гуро-яурэ: *S <i>yá</i> REFL V- <i>lī</i>	—	S <i>ó</i> — (O) — V- <i>lè</i>	?

Результатив-2: S (O) V-GER COP

ДМТ	ГЯМ	Уан	Бен	Гбан
—	муан: NSBJ — V- <i>lè ò</i>	S — (O) — V- <i>á</i> — X	—	?

Но и внутри каждого типа наблюдается большое синтаксическое и морфологическое разнообразие, которое препятствует праязыковой реконструкции.

Будущее/проспектив с вспомогательным глаголом движения: S COP AUX(-INF) (O) V(-INF)

ДТМ	Гуро	Яурэ (проспектив)	Муан	Уан (проспектив)	Бен	Гбан (проспектив)
*S <i>ké dó</i> V — (O) — V- <i>bá</i>	S (<i>é</i>) <i>dāḡ</i> (O) V- <i>lè</i>	S <i>tá</i> — (O) — V- <i>a/</i> <i>-ma</i> /ABL	S <i>nū</i> — (O) — V- <i>lè</i>	S — <i>á</i> — <i>zò-ŋ</i> — (O) — V- <i>ŋ</i>	—	PRES <i>nù</i> — V

При сохранении, в более или менее полном виде, единой для всех языков синтаксической структуры футурально-проспективной конструкции, языки очень разнятся ее материальным наполнением: разные копулы, разные глаголы движения, разные нефинитные формы смыслового глагола. Поэтому здесь можно говорить о реконструкции модели, а не конструкции.

4. Заключение

Для реконструкции аспекто-темпорально-модальной системы таких языков, как южные манде — со скудной морфологией, к тому же слабо парадигматизированной, и сильной тенденцией к замещению сегментной морфологии супraseгментной — порог в два тысячелетия временной дистанции оказывается труднопреодолимым. Морфологизация и грамматикализация здесь протекают стремительно — тоновые морфемы, балансирующие в современных языках на грани исчезновения, оказываются рефлексами полновесных служебных лексем совсем неглубокого уровня генетической иерархии, и лишь немногие аффиксы и служебные слова сохраняются в своем статусе на протяжении всего, сравнительно недолгого, времени, прошедшего после распада пра-южного манде. Для праязыков групп небольшой глубины (ДМТ, ГЯМ) исходную картину удастся восстановить достаточно полно, но на следующем шаге реконструируется (да и то — с большой степенью гипотетичности) лишь самое ядро системы, все остальное приходится относить на счет инноваций.

Это ядро составляют конструкции имперфектива, перфектива и императива. Анализ грамматической семантики первых двух (в сопоставлении с семантикой их рефлексов в современных языках) представляет несомненный интерес с точки зрения типологии эволюции аспектуально-темпоральных значений. При этом, несомненно, нужно принимать во внимание, что:

(а) имеющиеся описания грамматической семантики в современных ЮМ неравноценны — в тура, уан и особенно в гбан они существенно менее детализированы, чем в остальных языках группы;

(б) при диахроническом анализе такого рода всегда есть опасность попасть в порочный круг: праязыковая семантика реконструируется с опорой на наши знания о типологических закономерностях эволюции аспекто-темпоральных систем, а затем из такой реконструкции, в свою очередь, могут быть сделаны выводы в подтверждение таких закономерностей.

Как бы то ни было, представим имеющиеся данные о грамматической семантике имперфектива и перфектива в виде Таблицы 15.

**Грамматическая семантика
базовых конструкций в языках ЮМ**

Пра-ЮМ	*Имперфектив	*Перфектив
Дан	(кластер «нейтральный вид»): прогрессив, статив, хабитуалис, результатив, перфект	(возможно, слился с имперфективом, породив нейтральный вид)
Тура	хабитуалис	пунктив
Мано	хабитуалис, прогрессив, будущее (предиктив), оптатив	аорист
Гуро	хабитуалис, статив, квалитатив, будущее	результатив, экспериенциалис, перфект, комплетив
Яурэ	хабитуалис, прогрессив, будущее (предиктив), облигатив	пунктив, результатив в прошлом
Муан	хабитуалис	пунктив, комплетив, лимитатив, инхоатив (квалитативные глаголы), семьельфактив (мультипликативные глаголы)
Уан	хабитуалис	претерит
Бен	хабитуалис, статив («дуратив»)	?
Гбан	имперфектив	перфектив

Как мы видим, у конструкций в современных языках, возводимых к праязыковому имперфективу, доминирует хабитуальная семантика — в тура, mano, уан она оказывается единственной засвидетельствованной, фактически та же ситуация наблюдается в бен («дуративное» значение — естественный коррелят хабитуального значения на классе глаголов со стативной семантикой). Однако в mano, дан и яурэ отмечено также прогрессивное значение — по-видимому, именно его и следует считать первичным (исходя из общетипологических соображений). Ожидаемым оказывается и наличие футурального значения в mano, гуро и яурэ (см. дискуссию о хабитуально-футуральной полисемии: [Bybee & al. 1994: 275–279; Haspelmath 1998; Татовосов 2004]; применительно к языкам манде, [Шлуинский 2006]). Типична для языков манде и наблюдаемая в mano полисемия имперфектива с оптативом; в частности, такая полисемия отмечена в бамана для имперфективного предикативного показателя *bé*.

У рефлексов перфективной конструкции преобладает пунктивное значение, однако в гуро и яурэ отмечены также результативная и перфектная, а также экспериенциалисная семантика. Следуя типологически частой логике эволюции, следует предполагать такой (достаточно банальный) путь развития: результатив → перфект (→ экспериенциалис) → пунктив, аорист → претерит.

Условные обозначения

дв. ч. — двойственное число; инкл. — инклюзив; МПП — местоименный предикативный показатель; экскл. — эксклюзив; ABL — аблаут корневого гласного; +ATR — продвинутый (вперед) корень языка; -ATR — отодвинутый (назад) корень языка; AUX — предикативный показатель (вершина глагольной группы); CIRC — сирконстант; COND — кондициональные МПП; COP — копула; DIPFV — зависимый имперфектив; Eh — сверхвысокий тон; E1 — ультранизкий тон; EXCL — эксклюзивное местоимение; EXI — экзистенциальная серия мпп; F — падающий тон; FOC — фокализатор, частица фокализации; фокализованная местоименная серия; FUT — будущее время; GER — герундий; H — высокий тон; HAB — хабитуальные мпп, хабитуалис; HF — высокопадающий тон; REFL — рефлексив; S — подлежащее; SG — единственное число; ST — стативные местоимения; SUP — супин; IMP — императив, императивная серия мпп; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; JNT — сопряженная серия мпп; L — низкий тон; M — средний тон; MF — среднепадающий тон; MSD — масдар; NEG — отрицание, отрицательный показатель; NPST — мпп серии непрошедшего; NSBJ — несубъектное местоимение; NTR — нейтральный вид (в дан: ультранизкий тон на глагольном сказуемом); O — прямое дополнение; OI — косвенное/непрямое дополнение или сирконстант; OPT — оптатив, оптативная серия мпп; PFV — перфектив; PRET — претерит, прошедшее время; PRF — перфект, перфектная серия мпп; PRON — прохитив; PRON — местоимение; PROS — проспектив, проспективная серия мпп; PRSM — презумптив; PST — претеритные мпп; R — восходящий тон; TAM — время, вид, модальность; TON — грамматическая мена тона; V — глагольное сказуемое; VOL — волитивные мпп

Литература

Выдрин 2002 — В. Ф. Выдрин. Гуро: язык в процессе расщепления тонов // Языкознание в теории и эксперименте. К 80-летию М. К. Румянцева и 40-летию лаборатории экспериментальной фонетики ИСАА при МГУ. М.: Пробел, 2002. С. 161–189.

- Выдрин 2006а — В. Ф. Выдрин. К реконструкции фонологического типа и именной морфологии пра-манде // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 2, Ч. 2. СПб: Наука, 2006. С. 3–246.
- Выдрин 2006б — В. Ф. Выдрин. Личные местоимения в южных языках манде // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 2, Ч. 2. СПб: Наука, 2006. С. 327–413.
- Выдрин 2010а — В. Ф. Выдрин. «Нейтральный вид» в дан-гуэта и акциональные классы // *Вопросы языкознания* 5, 2010. С. 63–77.
- Выдрин 2010б — В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп*. М.: Academia, 2010. С. 385–400.
- Желтов 2002 — А. Ю. Желтов. Синтаксис, дейксис и прагматика: грамматика без границ или суперфлективность в аналитическом языке (краткий очерк глагольной системы языка гбан) // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). *Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова)*. СПб: Европейский Дом, 2002. С. 39–61.
- Кузнецова Н. 2008 — Н. В. Кузнецова. Морфология личных местоимений в языке гуру // В. Ф. Выдрин (ред.). *Африканский сборник — 2007*. СПб: Наука, 2008. С. 367–409.
- Кузнецова Н. 2010 — Н. В. Кузнецова. «Квалитативные слова» в гуру. Выступление на семинаре по языкам манде. СПб., 17 мая 2010.
- Кузнецова Н. 2011 — Н. В. Кузнецова. Функциональный статус стопы в языке гуру // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). *Le monde mandé: К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...)*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 61–93.
- Кузнецова О. 2011 — О. В. Кузнецова. Контрактивные местоимения в имперфективном контексте (язык гуру) // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). *Le monde mandé: К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...)*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 151–154.
- Макеева 2007 — Н. В. Макеева. Неглагольные предложения в языке кла-дан // Т. М. Гавристова (ред.) *Африка: история, экономика, политика, культура: сборник материалов VI Всероссийской школы молодых африканистов*. 24–25 октября 2007. Ярославль: ЯрГУ, 2007. С. 126–133.
- Макеева 2010 — Н. В. Макеева. Сопряженные конструкции в языке кла-дан // В. А. Виноградов (ред.). *Основы африканского языкознания. Синтаксис именных и глагольных групп*. М.: Academia, 2010. С. 401–412.

- Макеева 2011 — Н. В. Макеева. Отрицательные конструкции в языке кла-дан // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). *Le monde mandé: К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...)*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 122–131.
- Макеева рук. 1 — Н. В. Макеева. Глагольные конструкции в языке кла-дан.
- Макеева рук. 2 — Н. В. Макеева. Система утвердительных глагольных конструкций в языке кла-дан.
- Никитина 2009 — Т. В. Никитина. Таксис в языке уан // В. С. Храковский (ред.). *Типология таксисных конструкций*. М.: Знак, 2009. С. 731–749.
- Паперно 2011a — Д. А. Паперно. Язык гбин: предварительные наблюдения // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). *Le monde mandé: К 50-летию В. Ф. Выдрина. Материалы экспедиции в Западную Африку (2001–...)*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 94–99.
- Паперно 2011b — Д. А. Паперно. Грамматический очерк языка бен // *Mandeica Petropolitana II* / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. С. 14–117 (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2).
- Перехвальская 2006 — Е. В. Перехвальская. Глагольная морфонология языка муан // *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН*. Т. 2. Ч. 2. СПб.: Наука, 2006. С. 290–316.
- Перехвальская 2011 — Е. В. Перехвальская. Аспектуальная система языка муан: финитные формы глагола // Е. В. Перехвальская, А. Ю. Желтов (ред.). *Le monde mandé. К 50-летию В. Ф. Выдрина*. СПб.: Нестор-История, 2011. С. 138–150.
- Перехвальская рук. — Е. В. Перехвальская. Конкурирующие формы в языке: прогрессив в муан.
- Плунгян 1998 — В. А. Плунгян. Плюсquamперфект и показатели «ретроспективного сдвига» // В. Ф. Выдрин, А. А. Кибрик (ред.). *Язык Африка. Фульбе*. СПб.; М.: Европейский Дом, 1998. С. 106–115.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). *Исследования по теории грамматики: Ирреалис и ирреальность*. М.: Гнозис, 2004. С. 226–255.
- Хачатурьян 2011 — М. Л. Хачатурьян. Глагольное спряжение в языке мано // *Mandeica Petropolitana II* / Ред. В. Ф. Выдрин. СПб.: Изд-во «Наука», 2011. С. 305–341 (*Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН* / Отв. редактор Н. Н. Казанский. Т. VII. Ч. 2).

- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Полисемия хабиитуалис — футурум: показатель -та в языке сусу // Исследования по языкам Африки 2005. Сборник статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков. М.: Советский писатель, 2006. С. 332–344.
- Эрман 2002 — А. В. Эрман. Субъектные местоимения в дан-блово и модально-аспектно-темпоральные значения // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы петербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова). СПб.: Европейский Дом, 2002. С. 154–182.
- Эрман 2008 — А. В. Эрман. Тональная система языка дан-бло // В. Ф. Выдрин (ред.). Африканский сборник — 2007. СПб: Наука, 2008. С. 345–354.
- Эрман — А. В. Эрман. Показатели прогрессива в дан-бло. Настоящий сборник.
- Bearth 1971 — T. Bearth. L'énoncé toura. Norman (Oklahoma): S.I.L., 1971.
- Bearth 1986 — T. Bearth. L'articulation du temps et de l'aspect dans le discours toura. Berne: Peter Lang, 1986.
- Bybee et al. 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar. Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, London: University of Chicago Press, 1994.
- Doneux 1968 — J. Doneux. Esquisse grammaticale du Dan. Documents linguistiques No. 15, Université de Dakar, 1968.
- Fedotov 2011 — M. Fedotov. The category of temporal distance in Gban. Paper presented at the 3rd International Conference on Mande Languages and Linguistics, September 14–17, 2011, Paris.
- Flik 1978 — E. Flik. Dan tense-aspect and discourse // Joseph E. Grimes (ed.). Papers on discourse. Dallas: Summer Institute of Linguistics, 1978. P. 46–62.
- Hachaturyan 2010 — M. Hachaturyan. The syntactic approach to pronominal systems in South and South-Western Mande languages. Personal pronouns in Niger-Congo languages: International workshop. St. Petersburg, September 13–15, 2010. Abstracts and papers: Working materials // K. Pozdniakov, V. Vydrin, A. Zheltov (eds.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 2010. P. 42–47.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization // Diachronica XV, 1, 1998. P. 29–62.
- Hopkins B. 1987 — B. Hopkins. Le système aspecto-modal du yaouré. Abidjan: S.I.L.-I.L.A., No. 7, 1987.
- Hopkins E. 1986 — E. Hopkins. Pronouns and pronoun fusions in Yaoure // Pronominals. Tübingen, 1986. P. 191–203.

- Hopkins E. 1987 — E. Hopkins. Aperçu sur le système pronominal du yaouré. Abidjan: S.I.L.-I.L.A., No. 8, 1987.
- Howard, ms. — O. Howard. Gban pedagogical grammar. Ms.
- Nikitina 2007 — T. Nikitina. Time reference of aspectual forms in Wan (Southeastern Mande) // D. L. Payne, J. Peña (eds.). Selected Proceedings of the 37th Annual Conference on African Linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 125–33.
- Nikitina 2009 — T. Nikitina. The function and form of action nominalization in Wan // Mandenkan 45, 2009. P. 17–28.
- Vydrin 2007 — V. Vydrin. South Mande reconstruction: Initial consonants // Аспекты компаративистики 2. Orientalia et classica XI: Труды Института восточных культур и античности. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 409–498.
- Vydrin 2009a — V. Vydrin. Negation in South Mande // N. Zyffer, E. Ebermann, G. Ziegelmeier (eds.). Negation Patterns in West African Languages and Beyond. Amsterdam: John Benjamins, 2009. P. 223–260.
- Vydrin 2009b — V. Vydrin. On the problem of the Proto-Mande homeland // Вопросы языкового родства — Journal of Language Relationship 1, 2009. P. 107–142.
- Vydrin, Kessébeu 2008 — V. Vydrin, M. Kessébeu. Dictionnaire Dan-Français (dan de l'Est) avec une esquisse de grammaire du dan de l'Est et un index français-dan. St Pétersbourg: Nestor-Istoria, 2008.
- Welmers 1973 — W. Welmers. African Language Structures. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 1973.

Время-вид-модальность-полярность, южные манде: Реконструкция форм и конструкций

	Пра-ЮМ	Пра-ДМТ	дан-бло	дан-гуэта	кла-дан	mano	тура	Пра-ГЯМ	гуро	яурэ	муан	уан	гбан	бен	
Супин-1	*V-dê		V-dê	V-dê				*V-lɛ̃	V-lɛ̃	V-lè	V-lɛ̃				
Супин-2	*V-dī bā		V-dīà < *V-dī bā	V-yà (?)	V E (?)		V-lèà ~ lèè					V-lɛ̃ (?)		V-ya (имя места) V-yà (супин)	
Герундий	*V-dī			V-dē (имя результата действия)			V-yè (?)	*V-dī	V-li/ -li/-li/ -lɛ̃	V-dì	V-lē		V-le	V-le (герундий) V-lē (результативное причастие)	
Имя действия	*V-dū	*V-dū	V-dū	V-dū/-ŋ (зависимый прогрессив)	V-dū (будущее-1)			*V-dū	V-lū	V-lq		V-ŋ			
Копула 1	*ké	*ké	слилась с экзистенциальными МПП				ké	*é	é, cī	cì			-e		
Копула 2	*yà							*yà	à	à ~ yà	yàà (перфективная копула)		yèè	yé (?)	
Копула 3	*ò										ò			ó	
Отрицат. копула 1	*ká		ká						ká	ká			ke		
Отрицат. копула 2	*wá ~ wó	*wá ~ wó	слилась с отрицательными имперфективными / хабитуальными МПП			wá ~ wó		NEG.IP FV -ǎ, NEG. PFV -ǒ					ó ~ wá (?) (конечный)		wá

	Пра- ЮМ	Пра- ДМТ	дан-бло	дан- гуэта	кла-дан	мано	тура	Пра- ГЯМ	гуро	яурэ	муан	уан	гбан	бен
Инфи- нитив		*V- <i>бâ</i>	V\Л	V-EI		V- <i>â</i>	V- <i>â</i> ~ - <i>бâ</i>							
Конструкции														
Импер- фектив	*S <i>кэ</i> – (O) – V- <i>бâ</i>	*S <i>кэ</i> – (O) – V\Л	EXI – (O) – V\Л	EXI – (O) – V\EI	EXI – (O) – V\EI	IPFV – (O) – V\IPFV	EXI/S- <i>кэ</i> – (O) – V\HAB	*S <i>э</i> – (O) – V- <i>бâ</i>	S (<i>é</i>) (O) V- <i>a/</i> - <i>q/-e/</i> - <i>o/</i> - <i>бq/</i> ABL\М	S – (O) – V- <i>a/</i> - <i>q/</i> - <i>бâ/</i> ABL	S – (O) – V\М	S – (O) – V- <i>бâ</i> (хаби- туалис)	HEST.IPFV – (O) – V\TON, REM.IPFV – (O) – V\TON	HAB – (O) – V\Л (хаби- туалис)
Отр. им- перфек- тив		*S <i>wá</i> – (O) – V	IPVF.NE G – (O) – V	IPVF.NE G – (O) – V	IPVF.N EG – (O) – V	NEG – (O) – V	IPVF.NE G – (O) – V							
Сопря- женная		*S\JNT – (O) – V\Л	JNT – (O) – V\JNT	JNT – (O) – V\JNT	JNT – (O) – V\JNT	JNT – (O) – V\JNT	JNT – (O) – V\PFV							
Про- грессив	*S СОР – (O) – V- <i>lâ</i> (?)		JNT – (O) – V- <i>lâ/â/â/â/â/â</i> (зависи- мый про- грессив)	EXI – (O) – V- <i>lâ</i> (про- грессив)	EXI – (O) – V- <i>lâ</i> (бу- дущее)			*S <i>â</i> – (O) – V- <i>lâ</i>	S <i>â</i> – (O) – V- <i>lâ/</i> - <i>lâ</i>	S <i>â</i> ~ <i>yâ</i> – (O) – V- <i>na</i>				

	Пра-ЮМ	Пра-ДМТ	дан-бло	дан-гуэта	кла-дан	мано	тура	Пра-ГЯМ	гуро	яурэ	муан	уан	гбан	бен
Перфект	*S <i>Ná</i> – (O) – V (?)	*S <i>á</i> – (O) – V	PRF – (O) – V	PRF – (O) – V	PRF – (O) – V	PRF – (O) – V	PRF – (O) – V					S – <i>ḡ</i> – (O) – V (?)		
Перфектив	*S <i>H</i> – (O) – V- <i>dá</i>	*S – (O) – V\TON	слился с нейтральным видом?			PRET – (O) – V (аорист)	I.2 EXI – (O) – V\PFV (пунктив)	*S – (O) – V- <i>la</i>	S – (O) – V\H	S – (O) – V\PFV	S – (O) – V- <i>á</i> - <i>ḡ</i> - <i>lá</i> - <i>lḡ</i> - <i>á</i>	S – (O) – V\M	PST – (O) – V\EI вчера- прошедший перфектив, PST – (O) – V\R давно- прошедший перфектив	PST – (O) – V\L (претерит.), или PST – (O) – V- <i>nḡ</i> / - <i>ā</i> (PRF)
Отр. перфектив								*S NEG – (O) – V- <i>dē</i>	S <i>ká</i> – (O) – V- <i>lē</i> (IO) <i>lō</i>	PRON. NEG / S <i>ká</i> – (O) – V- <i>lè</i> (IO) <i>dì</i>	S <i>láá</i> – (O) – V- <i>lē</i>			
Проспектив		*Pron – <i>wò</i> – МПШ – (O) – V		PROSP – (O) – V	PROSP – (O) – V	PROSP – OPT – (O) – V	PROSP – (O) – V							

	Пра- ЮМ	Пра- ДМТ	дан-бло	дан-гуэта	кла-дан	мано	тура	Пра- ГЯМ	гуро	яурэ	муан	уан	гбан	бен
Буду- щее		*S <i>ké</i> <i>dǒ</i> \L – (O) – V- <i>ǵà</i>	EXI – <i>dǒ</i> \NTR – (O) – V\INF	EXI – <i>dǝ</i> \NTR – (O) – V\INF		FUT <i>lǒ</i> \IPVF – (O) – V- <i>ǵà</i>	EXI – (O) – V- <i>ǵà</i>							
Опта- тив-1 (?)	*S L – (O) – V	*S\L – (O) – V	OPT – (O) – V	OPT – (O) – V	OPT – (O) – V	OPT – (O) – V	OPT – (O) – V							НАВ – (O) – V
Опта- тив-2 (?)	*S <i>é</i> (O) V					*S\H – (O) – V		*S <i>é</i> (O) V						
Импе- ратив	*IMP – (O) – V	*IMP – (O) – V	IMP – (O) – V	IMP – (O) – V	IMP – (O) – V	IMP – (O) – V	IMP – (O) – V				IMP – (O) – V\OPT		IMP – (O) – V	
Прохи- битив		*S (<i>w</i>) <i>ǒ</i> <i>dǒ</i> – (O) – V- <i>ǵà</i>		PROH <i>dǒ</i> – (O) – V\INF	PROH <i>lǒ</i> – (O) – V\INF	PROH – (O) – V	ИГ- <i>ǒ</i> / PROH – (O) – V- <i>ǵà</i>							

ПРОГРЕССИВ В ДАН-БЛО¹

Дан-бло — центральный диалект западного диалектного ареала языка дан (якуба), который, в свою очередь, является наиболее крупным по числу говорящих языком южной группы манде (нигеро-конголезская макросемья). Область распространения — Кот-д'Ивуар, супрефектуры Данане и Зуан-Уньен.

Дан-бло имеет три уровневых тона (высокий, средний, низкий) и три модулированных — высоко-падающий, средне-падающий и (низко-)падающий². Язык характеризуется жестким порядком слов: (Подлежащее) — Местоименный предикативный показатель — (Прямое дополнение) — Сказуемое — (Косвенное дополнение, часто с послелогом). В системе личных местоимений имеется множественное и двойственное инклюзивные местоимения, логофорические пары для 3 лица. Значения вида, времени, модальности и полярности выражаются нерасчлененно и являются категориями предложения. В плане выражения оказываются задействованы разные средства: серия местоименных предикативных показателей (МПП)³, тон глагольной основы, глагольные суффиксы, вспомогательные глаголы.

Процессные значения (имеется в виду прежде всего прогрессив) в дан-бло передаются тремя способами:

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта «Разработка автоматического глоссирования текстов языков с грамматическими тонами: семья манде» в рамках направления «Лингвистические аспекты исследования текста» программы ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

² Этот тон реализуется в начале высказывания или в изолированной позиции как падающий с низкого на ультранизкий уровень. В средней или конечной позиции он обычно проявляется как падающий с уровня предшествующего ему тона.

³ Местоименные предикативные показатели являются результатом сращения субъектных местоимений с предикативными показателями (подробнее см. [Выдрин 2010]). В дан-бло выделяется 8 серий МПП.

прогрессив-1: глагольная конструкция «МПП + глагол + суффикс *n̄*» (пример 1);

прогрессив-2: «МПП + глагол + показатель *dià*» (пример 2);

прогрессив-3: перифрастическая конструкция «МПП + отглагольное имя⁴ + локативный послелог *gú*» (пример 3), которую можно перевести на русский язык как «находиться в состоянии/процессе чего-либо» (МПП в последнем случае включает в себя семантику бытийного глагола).

Во всех этих конструкциях употребляются МПП экзистенциальной серии, в контекстах с отрицанием — отрицательно-имперфективной серии⁵. Если подлежащее выражено именем или именной группой, МПП экзистенциальной серии может быть опущен, т.к. показатель прогрессива указывает на его имплицитное присутствие. Смысловый глагол сохраняет лексический тон, за одним исключением: исходный контур «низкий-среднепадающий» (*bĕĕ*) изменяется «на низкий-средний» (*bĕĕ*).

Основное и наиболее частотное значение указанных конструкций — собственно прогрессив. Под прогрессивом понимается длящаяся ситуация, включающая выделенный момент, являющийся точкой отчета. При отсутствии в тексте эксплицитного выражения временной отнесенности такой точкой отсчета остается по умолчанию момент речи:

- (1) *Lā* {*yŕ*} *dō* *n̄*.
солнце {оно} уходит PROG
'Солнце сейчас заходит'.
- (2) *Ná* *nù* *wò* *dě* *gú* *dià*.
ребенок PL они лист жечь PROG
'Дети сейчас жгут листья'.
- (3) *Dā* *yŕ* *bā* *sù* *gú*.
дождь он падать NOM PP
'Дождь идет'.

⁴ Глагол + номинализатор *sù*.

⁵ При глоссировании примеров по умолчанию не будет указываться принадлежность МПП к экзистенциальной / отрицательно-имперфективной серии; в случаях, когда в контексте фигурирует МПП какой-либо другой серии, это будет эксплицитно выражено, например, PRF — перфектная серия.

Для прогрессива-1 и прогрессива-3 регулярным является и употребление в собственно процессных значениях ⁶. Это значение описывает развивающиеся, изменяющиеся ситуации, которые подразумевают достижение результата; действие полностью или частично заполняет собой временной план, и его временные рамки чаще всего неизвестны:

- (4) *Wlág lə nǎ à tū̄x̄.*
сидина приходить **PROG** его голова.LOC
'Он сидеет'.
- (5) *Ȳv̄b̄b̄ā wò ȳx̄ d̄ɔ̄j̄ sù̄ gú̄ n̄ gǔ̄.*
якуба язык он теряться **NOM PP** меня PP
'Я забываю язык якуба'.

Все три конструкции могут передавать также значения состояния. Существительное, обозначающее состояние или его причину, находится в позиции подлежащего, субъект состояния (экспериенцер) — в позиции прямого или, реже, косвенного дополнения. Позицию сказуемого почти во всех таких высказываниях занимает глагол *kā* 'делать':

- (6) *Kǐzū̄ yà kǎ nǎ.*
вино оно>его делать **PROG**
'Он напился пальмовым вином (= он пьян)'.
- (7) *Gū̄ kpó dǎ̄ n̄ tǎ̄.*
лихорадка захватывать **PROG** меня PP
'Меня лихорадит'.
- (8) *Súx̄ ȳx̄ n̄ kǎ sù̄ gú̄.*
страх он меня делать **NOM PP**
'Мне страшно'.

В каждом из приведенных выше контекстов можно без изменения общего смысла высказывания использовать любую из трех конструкций, хотя наиболее употребителен прогрессив-1. Между тем, они являются конкурирующими друг с другом квази-синонимичными конструкциями: прогрессив-1 содержит семан-

---

⁶ Конструкция с показателем *dǎ̄* кажется информантам менее предпочтительной.

тический компонент «вхождение в состояние», «начальная стадия процесса», не присущий ни прогрессиву-2, ни перифрастической конструкции. Это различие может проявляться в разной степени. Интерпретация каждого высказывания зависит от контекста и от взаимодействия процессного значения с семантикой глагола. Например, значения разных конструкций в вышеприведенных высказываниях будут различаться лишь семантическими нюансами, релевантными далеко не во всех контекстах: (7) *Gĩ kpó nã ñ tà.* ‘Меня лихорадит (у меня началась лихорадка)’ — *Gĩ kpó ðià ñ tà.* ‘Меня (по-прежнему) лихорадит’; (4) *Wlǎǎ lǒ nã à tũx̄.* ‘Он сидит (у него есть несколько седых волос)’ — *Wlǎǎ lǒ sũ gú à tũx̄.* ‘Он сидит (у него много седых волос)’ и т. д.

Эта разница более заметна в контекстах с глаголами чувственного восприятия:

- (9) [*Tá wó b̄ nã b̄, uĩmã ä? Ìl̄ tó tó!*]
 ‘[Слышишь, люди поют? Послушай!]

а. *Ìl̄, á m̄ nã.*
 да я>это слышать **PROG**
 ‘Да, (теперь) слышу’.

б. *Ìl̄, á m̄ ðià.* / *Ìl̄, á m̄ sũ gú.*
 да я>это слышать **PROG** / да я>это слышать **NOM PP**
 ‘Да, я их (уже некоторое время) слышу’.

С глаголами, которые не могут иметь актуально-процессного значения, прогрессив-1 передает значение «делать что-либо впервые». Это некоторые глаголы интеллектуального состояния (‘знать’, ‘понимать’ и, возможно, другие) и глагол ‘плодоносить’:

- (10) *Nl̄ píú b̄ yx̄ x̄ d̄ d̄ nã.*
 ребенок белый ART он свой отец знать **PROG**
 ‘Младенец начинает узнавать своего отца’.

- (11) *Yx̄ wú {gẽ} m̄ nã.*
 он дело {смысл} слышать **PROG**
 ‘Он начинает это понимать’.

- (12) *Lú yx̄ b̄ nã.*
 дерево оно плодоносить **PROG**
 ‘(В этом году это) дерево впервые приносит плоды’.

В таких случаях замена *nā* на *dīā* или на перифрастическую конструкцию невозможна.

Прогрессив-1 может выражать значение так называемого «намеренного или предстоящего действия»⁷. По моим наблюдениям, данное значение встречается только с глаголами движения *nī* ‘приходить’ и *dō* ‘идти, уходить’ и требует указания на время реализации ситуации:

- (13) *Mā dēkpòb̀yì kǎǎtǎ́ ʃ nè kā gò plǎ́r̄,*
 мой день последний он.есть вот ваша POSS деревня
dīā k̄ ā dō nā yī plǎ́r̄.
 завтра CNJ я уходить PROG наша деревня.LOC
 ‘Это мой последний день в вашей деревне, завтра я уйду домой’.

- (14) *Yīē n̄ dēghúnáǵǵǵ̄ yǎ p̄r̄ ʃ nī*
 вчера мой брат он>это сказать он приходит
nā dǒǒgǒ nūā nè ǎ gú.
 PROG неделя будущая FOC ее в
 ‘Мой брат сказал вчера, что придет на следующей неделе’.

Глагол *dō* ‘идти, уходить’ (чаще в форме *d̄r̄*⁸) выполняет также функцию показателя будущего времени:

- (15) *Dā {ȳr̄} d̄r̄ bā́ dīā.*
 дождь {он} FUT падать завтра
 ‘Завтра будет дождь’.

Сочетание *dō/d̄r̄* с суффиксом *nā* грамматикализовалось в показатель проспектива, или, скорее, проксиматива *dōā́ /d̄r̄ā́* (← *dō nā*), значение которого соответствует моменту непосредственного наступления ситуации в ближайшей временной окрестности, подобное русскому «вот-вот» [Плунгян 2003: 33]:

- (16) *Dā {ȳr̄} dōā́ bā́.*
 дождь {он} PR падать
 ‘Сейчас хлынет’ (дождь).

⁷ Термин Ю. Д. Апресяна [Апресян 1995: 26]

⁸ Тон этого вспомогательного глагола меняется в зависимости от серии МПП.

- (17) *ūī dʒā yī zāl!*
 ты PR сон убивать
 ‘Да ты вот-вот заснешь!’

Если длящаяся ситуация локализована в будущем времени, используется конструкция «МПП + показатель будущего времени + глагол», см (15). В моей выборке встретился всего один пример употребления формы прогрессива в подобном значении, и, что характерно, это форма прогрессива-1.

- (18) *Yɔ̄ tã kāl nã wláǵǵ tã dīā, ā dʒ*
 он танец делать PROG праздник PP завтра я FUT
ã yɔ̄.
 его видеть
 ‘Завтра на празднике он будет танцевать, и я его увижу (я увижу его танцующим)’.

С другой стороны, если в тексте прямо или косвенно указывается на начальный момент действия в прошлом, употребление суффикса *nã* невозможно. Таким образом, в подавляющем большинстве континуальных контекстов используются прогрессив-2 (с показателем *dīā*) или, несколько реже, прогрессив-3. Континуалис обозначает действие, которое уже началось и еще продолжается, акцент делается на его незавершенность:

- (19) *Yɔ̄ dē gō dīā yà mō lélé plè bã.*
 она место мести PROG 3SG.PRF достигать час два PP
 ‘Она уже два часа как подметает’.

- (20) *Yà kpàcē kée súx yã kāl sùù gú*
 он.PRF взростеть но страх он>его делать NOM PP
kplãwō.
 все.время
 ‘Хоть он и повзрослел, он продолжает бояться (темноты)’.

Прогрессив-1 может использоваться наряду с двумя другими лишь в персистивно-континуативном значении, которое содержит указание на затянувшийся характер ситуации. Это значение является для прогрессива-1 периферийным, а также контекстно зависимым: оно реализуется только в сочетании с определителем действия «все время, постоянно» и без указания на начальный момент действия:

- (21) *Yř ř bǎ fíá kǎ nǎ kplǎwō.*
 он свою POSS лень делать PROG все.время
 ‘Он все (еще) бездельничает’.
- (22) *Yř ř bǎ dɛ̃ yǎ nǎ kplǎwō.*
 он свое POSS поле вскапывать PROG все.время
 ‘Он до сих пор вскапывает свое поле’.

Если дуративное значение относится к прошедшему времени, то временная отнесенность обычно маркируется ретроспективным показателем *kǎ*:

- (23) *Ā kǎ bǎ pǎ dɔ̃ dǐá.*
 я PAST есть вещь покупать PROG
 ‘[В: Чем ты был занят? — О:] Я покупал еду’.
- (24) *Ā kǎ nǐǎ sù gú blī gú.*
 я PAST гулять NOM PP лес в
 ‘[Знаете, что со мной случилось вчера?] Я гулял по лесу’.

Употребление суффикса *nǎ* в сочетании с показателем ретроспективного сдвига невозможно⁹, но допускается его употребление в сочетании с глаголами наблюдения или в других контекстах, которые показывают, что ситуация в один из моментов ее развития наблюдалась со стороны:

- (25) *Yř fřř yř kř yř dó nǎ zó fló tàà,*
 он обезьяна видеть CNJ она идти PROG пчела рой PP
ř à kǐ.
 он ее схватить
 ‘Он увидел обезьяну, когда она шла к пчелиному рою, и поймал ее’.
- (26) *Ā wò à tà wásódř kř yř mǎ bèē*
 я застать его PP врасплох CNJ он мой>POSS маниок
k wǎǎ nǎ.
 красть PROG
 ‘Я застал его врасплох за кражей моего маниока’.

⁹ В работе Т. Беарта [Bearth 1995: 99] фигурируют примеры употребления *na*-конструкции с показателем ретроспективного сдвига, однако мои информанты решительно отрицают подобную возможность. Вероятно, данные Т. Беарта взяты из другого диалекта.

В случае, если наблюдение происходит в момент речи (27), невозможным оказывается употребление показателя *dìà*.

- (27) [Bɿ dē gǎ!] Wò ū bǎ pǐssòò kwǎǎ nǎ ǎ!
они твой POSS велосипед красть PROG PRT
‘[Смотри!] Твой велосипед крадут!’

Выше уже отмечалось, что конструкция с показателем *dìà* наименее предпочтительна в собственно процессном значении, чаще других употребляется в значении континуалиса и свободно сочетается с показателем ретроспективного сдвига *kǎ*. Здесь следует отметить, что функция показателя прогрессива является для *dìà* периферийной, и глагольная конструкция «прогрессив-2», по-видимому, представляет собой сравнительно недавнее образование. Поэтому для более точного определения сферы ее употребления целесообразным будет рассмотреть и другие значения *dìà*. Основная функция *dìà* — образование нефинитной формы глагола со значением цели, чаще всего связанной с перемещением в пространстве: ‘пойти/прийти/уйти/выйти, (чтобы) делать что-либо’.

- (28) Wà dǒ kǎfé bō **dìà** blǐǐ.
они.PRFX уходить кофе собирать LOC поле.LOC
‘Они ушли в поле собирать кофе’.

- (29) Dè ɿ ná nǔ wò nǔ ǎ gǎ **dìà**,
[ɿ yɿ plǎǎ kpǐdɿ].
когда FOC ребенок PL они приходить его смотреть LOC
‘Когда дети приходят на него посмотреть, [он выходит из дома]’.

Причем действие не обязательно имеет процессуальный характер:

- (30) Gī yà dǒ gbō sú **dìà** kɿ yǎǎ ɿ
Ги он.PRFX идти горшок брать LOC CNJ чтобы.он свою
bǎ gbǎǎ kpǎ ǎ gú.
POSS змея варить нем в
‘Ги пошел за горшком (= взять горшок), чтобы сварить в нем свою змею’.

После существительных *dìà* употребляется в функции послелога со значением адресата, которое также предполагает пе-

ремещение в пространстве и употребляется только в контекстах типа «уйти/прийти с чем-либо/с кем-либо к кому-л».

(31) *Ā dō dō sèē dō ká ġ dīà.*

я FUT идти циновка одна с им PP
‘Пойду отнесу им циновку’.

(32) *Yř nù gbōō ká ř bōō dīà.*

он приходит подарок с своя жена PP
‘Он принес своей жене подарок’.

Связь с перемещением в пространстве отражается на специфике употребления *dīà* в функции показателя прогрессива: если действие происходит на расстоянии от собеседников, конструкция с показателем *dīà* оказывается предпочтительной по сравнению с двумя другими:

(33) *Yǒ ú tō dē bā yǒǒ yà pā*
масло ты>его оставлять там ART кот он>его лакать
dīà ð!

PROG PRT

‘Масло, которое ты там оставил, ест кот!’

В таких контекстах могут употребляться и другие две конструкции, но обязательно с указанием места, где происходит действие, тогда как *dīà* по умолчанию предполагает наличие дистанции.

(34) а. ‘Мой отец сейчас преследует антилопу {в лесу}’. (вариант (б) указан информантом как предпочтительный)

N̄ dā yř gbà kā nà blī gú.

мой отец он антилопа гнать **PROG** лес PP

б. *N̄ dā yř gbà kā dīà {blī gú}.*

мой отец он антилопа гнать **PROG** {лес PP}

Так, в примере (34б) обстоятельство места *blī gú* ‘в лесу’ является факультативным, в варианте (34а) — обязательным, если его убрать, будет подразумеваться, что действие может наблюдаться, смысл такого высказывания: ‘(Смотри! Вон) мой отец гонит антилопу’. Можно предположить, что частое употребление прогрессива-2 в контекстах, где действие сдвинуто в ретроспективу, обусловлено именно семантическим признаком «невозможности непосредственного наблюдения».

- Дан-гуэта:
(37) *Ỵ̣̣ séédě nù kāl sīl̄.*
он письмо PL делать **PROG**
'Он (сейчас) пишет письма'. [Чердынцева 2002: 134]

- Тура:
(38) *Ị̣̣̄ yīi zé ʔ̣̣̣?*
ты сон убивать **PROG**
'Ты спишь?' [Bearth 1971: 254]

Суффиксы *ʔ̣̣̣* в тура и *sīl̄* в дан-гуэта образовались в результате слияния номинализатора *-ỵ̣̣* с послелогом *gị̣̣̄* 'в' в тура [Bearth 1995], и номинализатора *sị̣̣* с послелогом *gị̣̣* 'в' в дан-гуэта.

Если рассмотреть формы прогрессива в других диалектах дан и в других южных языках манде, в некоторых из них можно обнаружить и аналог суффикса *n̄̄*. Исходя из имеющихся на данный момент источников, этот суффикс в формах *na*, *d̄a* и *la*¹¹ сохранился в разных диалектах дан, а также в языках гуру и яуре.

Из числа западных диалектов дан, наиболее близких бло, описан только один — ка [Doneux 1968; Doneux, Mahan 1966]. Показатель прогрессива в ка имеет форму *d̄ā*:

- (39) *Ā̄̄̄ ī̄̄̄ ȳ̄̄ d̄ā̄.*
я тебя видеть **PROG**
'Я тебя вижу'. [Doneux; Mahan 1966: 46]

Форма *n̄̄* представлена у J. L. Doneux как диалектный вариант, встречающийся, кроме бло, в диалекте кантона Ваа и в некоторых других (без уточнения). В ка форма *n̄̄* употребляется только после глаголов, содержащих носовой гласный:

- (40) *Ȳ̄̄ yī̄̄̄ tū̄̄̄ n̄̄̄.*
он вода пить **PROG**
'Он пьет воду'. [Doneux 1968: 68]

В кла-дан конструкция с суффиксом *n̄̄* передает значения интенционалиса, предиктива, «будущего расписания», характерные и для прогрессива-1 в дан-бло:

---

¹¹ В южной подгруппе восточных манде носовые сонанты *m̄̄*, *n̄̄*, *ŋ̄̄* в назальных контекстах являются аллофонами импловивных *b̄̄*, *d̄̄*, *ȳ̄* соответственно. В некоторых из этих языков (например, в гуру и в гио) начальный *d̄̄* и *l̄̄* являются свободно варьирующими аллофонами.

- (41) *Yē ló nã.*
 он уходить **FUT**
 ‘Он уйдет’. [Выдрин ms.]
- (42) *Yē ð bǎ yúá yē lǎ.*
 оно твою **POSS** болезнь заканчивать **FUT**
 [А: У меня болит голова. В: Возьми это лекарство.] ‘Оно тебе поможет’ (букв. ‘оно закончит твою болезнь’). [Макеева ms.]

В гио, либерийском диалекте дан, показатель прогрессива имеет форму *là* (= *dã*):

- (43) *Wò wé là.*
 они говорить **PROG**
 ‘Они разговаривают’. [Griffes 1959]

В языках гуру и яуре прогрессив передается рамочной конструкцией с показателем *nà/ná*.

Гуру:

- (44) *È á bēé vábó nà.*
 она **PROG** арахис сортировать **PROG**
 ‘Она разбирает арахис’. [И. Жук, устное сообщение]

Яуре:

- (45) *Kù à srùú ná.*
 мы **PROG** мыть **PROG**
 ‘Мы моемся’. [Vydrine 2005]

В работе Т. Беарта «Номинальная перифраза и происхождение предикативного показателя в языках манде» утверждается, со ссылкой на [Halaoui et al. 1983:133], что «*na*-прогрессив» является типичной для языков восточной группы манде чертой, но в некоторых из них был вытеснен другими формами [Bearth 1995]. Согласно Т. Беарту, прогрессив-1 в дан-бло является следствием номинальной перифразы локативного типа, а суффикс *nã* ведет свое происхождение от общего для манде локативного маркера *lá* (*ná* после носового).

Согласно другой гипотезе, суффикс *-na* в дан, гуру и яуре восходит к существительному *dã* ‘место’ [Выдрин, настоящий сборник: 605; Кузнецова 2007]. В любом случае, не вызывает сомнения происхождение и этой формы прогрессива от локативной конструкции.

Таким образом, все три описанные конструкции со значением прогрессива достаточно тривиальны для южных манде, однако сосуществование в синхронии трех квази-синонимичных конструкций со значением прогрессива зафиксировано только в дан-бло.

Сокращения

ART — определенный артикль; CNJ — союз; FOC — фокусирующая частица; FUT — показатель будущего времени; LOC — локативное имя; NOM — номинализатор; PAST — показатель ретроспективного сдвига; PL — показатель множественного числа; PM — предикативный показатель; POSS — посессивная связка, обязательная при автосемантических именах; PP — послелог; PR — показатель проксиматива; PRF — показатель перфекта; PROG — показатель прогрессива; PRT — частица; REFL — объектное рефлексивное местоимение, обязательное при рефлексивных глаголах

Литература

- Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
- Выдрин — В. Ф. Выдрин. Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе. Настоящий сборник.
- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. Еще раз о «субъектных местоимениях» в южных манде: местоимения или предикативные показатели? // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания: Синтаксис именных и глагольных групп. М.: Academia, 2010. С. 385–400.
- Выдрин ms — В. Ф. Выдрин. Неопубликованные материалы по языку кла.
- Идиатов ms — Д. И. Идиатов. Тура (Западный дан) — Русский словарь.
- Кузнецова 2007 — О. В. Кузнецова. Видо-временная система гуро. Диплом. 2007.
- Макеева ms — Н. В. Макеева. Глагольные конструкции в языке кла-дан.
- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания: Глагол. М.: Восточная литература, 2003. С. 5–40.
- Чердынцева 2002 — А. Е. Чердынцева. Аспекто-темпоральная система дан (диалект гуэта). // В. Ф. Выдрин, А. Ю. Желтов (ред.). Южные манде: Лингвистика в африканских ритмах. Материалы пестербургской экспедиции в Кот д'Ивуар (К 50-летию Константина Позднякова). СПб: Европейский Дом, 2002. С. 9–38.

- Bearth 1971 — T. Bearth. L'énoncé Toura. Norman: SIL, 1971.
- Bearth 1995 — T. Bearth. Nominal periphrasis and the origin of the predicative marker in Mande languages — an alternative view // *Afrikanistische Arbeitspapiere* 41, 1995. P. 89–117.
- Doneux 1968 — J. L. Doneux. *Esquisse grammaticale du dan*. Dakar: Université de Dakar, 1968.
- Doneux, Mahan 1980 — J. L. Doneux, Mahan. *Exercices de grammaire dan*. Tervuren: Musée Royal de l'Afrique Centrale, 1980.
- Griffes 1959 — K. E. Griffes. *A start in Gio*. Hartford, 1959.
- Vydrine 2005 — V. Vydrine. Pronoms personnels gouro // *The Journal of West African Languages* 31, 1-2, 2005. P. 83–107.

И. А. Виноградов

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ ЯЗЫКОВ МАЙЯ

Введение

Грамматические системы глагола в языках семьи майя имеют ряд особенностей, которые делают их весьма интересным объектом для грамматической типологии. В частности, одной из нетривиальных проблем майянской грамматики является выражение аспектуальных значений.

В рамках данной работы мы ставим перед собой две цели. Первая и основная наша задача — описать грамматическое выражение аспектуальных значений в отдельных языках майя и сравнить эти описания между собой. Мы не ставим задачи исчерпывающим образом описать аспектуальные системы всех языков семьи. Хотя языки майя и являются одними из наиболее изученных языков центрально-американского региона, на данный момент лингвистических сведений для полного описания даже небольшой части грамматики явно недостаточно. К тому же, многие материалы весьма труднодоступны, поскольку существуют только в печатном виде и находятся в библиотеках и архивах Мексики и Гватемалы. Таким образом, нами будут лишь намечены первые шаги в рамках внутригенетического типологического исследования аспектуальных систем языков майя. В дальнейшем, несомненно, наш анализ будет нуждаться в дополнениях и корректировках.

Вторая задача возникла непосредственно в ходе решения первой. Было обнаружено, что аспектуальные системы языков майя имеют ряд нетривиальных особенностей, которые могут оказаться интересными и полезными с точки зрения общей, а не только внутригенетической типологии. Мы постараемся выделить эти особенности и указать, чем, на наш взгляд, это может способствовать развитию типологии аспектуальных (а быть может, и не только аспектуальных) систем.

1. Семья майя: общие сведения

1.1. Социолингвистическая информация. Языковая семья майя насчитывает, по разным данным, от 30 до 80 языков. Это число варьирует, главным образом, из-за различий в определении самостоятельного или диалектного статуса отдельных идиомов, что вполне обычно для континуума близкородственных бесписьменных языков. Согласно [Lewis 2009], например, в семью майя входит 69 языков. В настоящей работе, однако, мы вслед за [Kaufmann 1990] и [Robertson 1992] будем исходить из того, что языковая семья майя состоит из 32 языков, а остальные языки, выделяемые исследователями, являются их диалектами. Всего на языках майя говорят более 6 миллионов человек (по данным [Lewis 2009]), проживающих в Мексике, Белизе и Гватемале. Ближайшими соседями языков семьи майя являются языки мишесоке, юто-ацтекские, отомангские (включая мистекские и сапотекские) и тотонакские [Wichmann 2005].

Майянская семья делится на шесть основных групп: чольско-цельтальскую (или просто цельтальскую), канхобаланскую, кичейскую, мамейскую, юкатекскую и уастекскую. Иногда кичейскую и мамейскую ветви объединяют в общую восточно-майянскую, как это представлено на приведенном ниже генетическом дереве (на основе аналогичного дерева в [Wichmann, Hull 2009: 874], см. схему 1)¹. Кроме того, некоторые исследователи объединяют также цельтальскую и канхобаланскую ветви в западно-майянскую, и таким образом получаются четыре основные группы языков майя (например, в [Kaufmann 1990]).

Крупнейшими языками майя по количеству говорящих являются киче (более миллиона носителей в центральных районах Гватемалы [Pue 2001]), юкатекский майя, или юкатек (примерно 800 тысяч носителей на полуострове Юкатан в Мексике и в Белизе [Wichmann 2005]) и какчикель (450 тысяч говорящих в Гватемале [Kaufmann 1990]).

---

¹ В работе, например, [Robertson 1992] генетическое дерево представлено с небольшими отличиями (*тохолабаль* относится к цельтальской группе, а *ишиль* и *авакатек* не выделяются в отдельную подгруппу). Генетическая классификация языков майя — отдельная и весьма сложная проблема, которую мы не будем затрагивать в рамках данной работы.

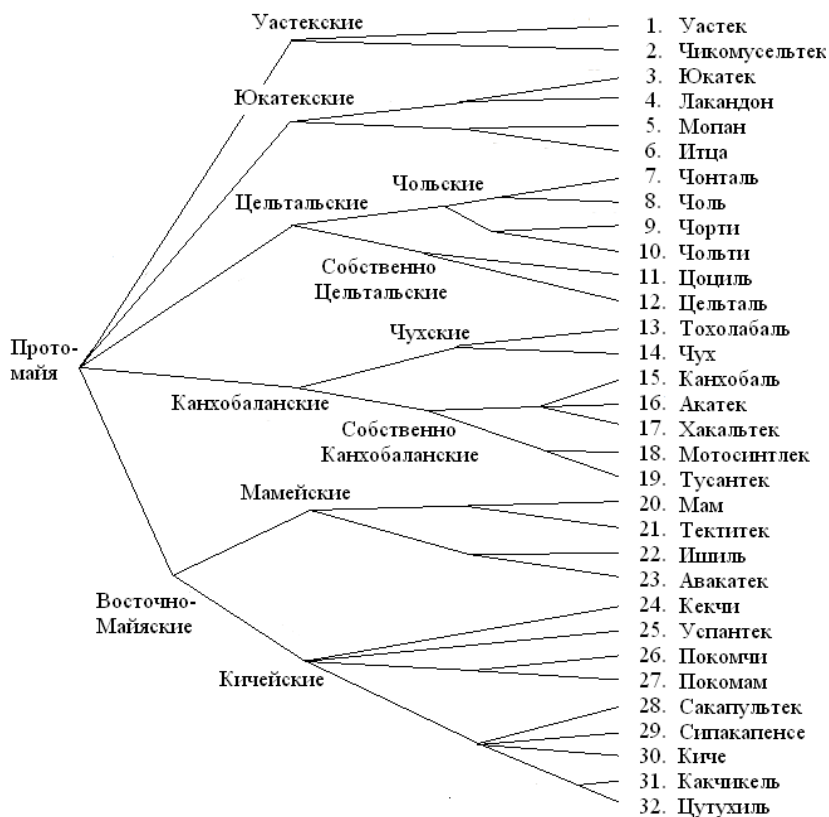

Схема 1. Генетическая классификация майянских языков²

Из представленных на схеме тридцати двух языков два являются мертвыми: это *чольти* и *чикомусельтек*. Несколько других языков находятся на грани исчезновения. Численность говорящих на мотосинтлеке (другое название — *мочо*) составляет 170 человек [Lewis 2009], на тусантеке — 100 [Kaufmann 1990], а на итца говорят всего 12 человек [Lewis 2009]. Все языки юкатекской ветви, за исключением юкатекского майя, находятся на грани вымирания [Wichmann, Hull 2009].

Несмотря на то, что у языков майя не слишком высокий социальный статус по сравнению с доминирующим на всей терри-

² Условные обозначения языков, принятые в данной работе, приводятся в конце статьи.

тории распространения майя испанским языком (и отчасти английским на территории Белиза), некоторые языки майя преподаются в школах. На языках какчикель, киче, мам, кекчи в Гватемале при поддержке общеобразовательных организаций выпускаются книги, в том числе и для детей дошкольного возраста. На юкатекском майя транслируются радиопередачи на некоторых радиостанциях Юкатана. Многие носители майянских языков грамотны, практически все из них наряду с майя знают и испанский язык.

В данной работе мы будем опираться, в основном, на материал языков цоциль, чоль, юкатек, цельталь. В несколько меньшей степени рассмотрим языки мам, авакатек, киче, цутухиль, итца. Эпизодически упоминаются и некоторые другие языки семьи.

1.2. Краткая грамматическая справка. Прежде чем перейти к рассмотрению аспектуальных систем, приведем краткую лингвистическую информацию, необходимую для дальнейшего исследования аспектуальной проблематики.

Фонетика языков майя характеризуется традиционной пятичленной системой гласных и достаточно необычной системой согласных. Вокалическая система состоит из пяти гласных фонем, которые в некоторых языках могут дополнительно противопоставляться по долготе (на письме долгота обычно обозначается удвоением соответствующей буквы). В некоторых языках есть шестая гласная фонема — среднего ряда верхнего подъема, традиционно обозначаемая в грамматиках символом *ä*. Для консонантной системы характерно прежде всего противопоставление простых и глоттализированных согласных, противопоставления же по глухости / звонкости нет [Ершова 1990]. Во всех языках майя как отдельная фонема присутствует гортанная смычка. В языках мамейской и канхобаланской групп присутствуют ретрофлексные аффрикаты и спиранты [Kaufmann 1990].

Что касается тонов и ударения, то здесь среди майянских языков нет единства. Тоновые отличия можно считать элементом фонологической системы лишь некоторых языков. Тоны есть в юкатекском майя, успантеке, мотосинтлеке и в одном из диалектов цоциля [Kaufmann 1990]. Закономерности ударения тоже весьма сильно различаются по языкам, а иногда и по диалектам одного и того же языка.

Графический стандарт для большинства языков майя стал разрабатываться лишь в последнее время благодаря инициативе государственных организаций Мексики и Гватемалы. Нередко в разных лингвистических работах, порой посвященных даже одному и тому же языку, для одинаковых звуков используются различные обозначения. В рамках данного исследования мы будем стараться нивелировать эти различия и записывать примеры из одного и того же языка в единой орфографической системе, наиболее близкой к традиционной латинской транскрипции. Так, например, если звук [k] в разных работах передается как *k*, *c* или *qu*, мы будем выбирать первый вариант. В целом, мы будем придерживаться принятой большинством майянистов записи, базирующейся на испанской орфографической традиции. Среди нестандартных обозначений выделим следующие: *x* — [š], *j* — [x] и *ch* — [č]. Гортанную смычку мы будем обозначать знаками ‘ (в начале слова или морфемы) и ’ (после гласных). Знак ’ после согласных обозначает глоттализацию предшествующего звука.

При глоссировании примеров мы не будем сохранять грамматические глоссы оригинала (если они там были), а будем использовать единую систему грамматических глосс, которая приведена в конце статьи и, как нам кажется, является наиболее адекватной с типологической точки зрения. Переводы примеров мы будем давать по-русски, в сложных и нетривиальных случаях оставляя также и перевод оригинала (по-английски или испански).

Для грамматической структуры языков майя характерна агглютинация. Существительные в майя не охарактеризованы по роду (согласовательному классу) и не изменяются по падежам [Ершова 1990]. Обязательное выражение числа встречается только у местоимений, а для существительных типично факультативное выражение множественного числа. В конструкциях с посессором посессивный показатель присоединяется к обладаемому:

- (1) *ky-witz xjaal*
МАМ ЗРЛ-голова человек
‘головы людей’ [England 1983: 142].

В отношении синтаксического строя языки семьи майя бывают либо полностью эргативными, либо эргативно-абсолютивными³;

---

³ В англоязычной литературе такой тип синтаксического маркирования обычно называется «расщеплённой эргативностью» («split ergativity»).

в последнем случае та или иная модель выбирается в зависимости от ряда факторов, среди которых в [Larsen, Norgman 1979] выделяются следующие: главное / придаточное предложение, наличие непосредственно перед глаголом существительного с показателем фокуса, аспект.

В первых лингвистических исследованиях языков майя у глагола выделялась грамматическая категория времени⁴, однако постепенно стало понятно, что это решение продиктовано влиянием грамматик европейских языков и не соответствует реальному майянскому материалу. Как кажется, сейчас майянисты уже полностью единодушны относительно того, что грамматической категории времени в языках майя нет. Временная соотнесенность ситуации при необходимости выражается лексическими средствами. Например, типичная семантика плюсквамперфекта, когда одно событие предшествует другому событию в прошлом, в языке цоциль может передаваться с помощью комбинации двух наречий: *ta* и *ox*.

(2) *jul-em-un xa ox k'alal i-lik*
 TZO приходить-PF-1 **уже не.сейчас** когда PFV-начинаться
li jo'-e
 DEF дождь-DEF
 'Я уже пришел, когда начался дождь'. [Delgaty, Ruíz Sánchez 1986: 395]

Одну из ключевых ролей в глагольной морфологии языков майя играет свойство переходности глагола. В зависимости от переходности часто меняются средства выражения той или иной грамматической категории (или вообще запрещается употребление того или иного грамматического показателя). Так, например, в чоле показатель перфекта употребляется только с непереходными глаголами [Vázquez Alvarez 2002]. Почти во всех языках майя императив образуется по-разному от переходных и непереходных глаголов, что, вероятнее всего, является следствием эргативной стратегии⁵. Ср. примеры из хакальтека, где при переход-

⁴ Ср. упоминание о наличии у глагола категории времени в краткой энциклопедической статье [Ершова 1990] или, например, в грамматическом очерке, приложенном к словарю цоциля [Delgaty, Ruíz Sánchez 1986].

⁵ Принцип эргативности, когда по-разному маркируются субъект переходного глагола и субъект непереходного, вступает в противоречие

ных глаголах императив выражается чистой глагольной основой без какого-либо грамматического показателя, а при непереходных — суффиксом *-aj*:

(3) а. *hal hun-uj tzoti' w-et an*
JAC говорить один-INDEF слово 1-к 1
'Скажи мне какое-нибудь слово'. [Craig 1977: 70]

б. *oc-aj pisy-aj*
JAC входить-IMP садиться-IMP
'Входи, садись!' [там же]

В семантической зоне модальности в большинстве языков майя могут быть выделены две грамматические категории: наклонение и ирреалис⁶. Категория наклонения состоит из двух граммем (индикатив и императив), при этом граммема императива во многих майянских языках имеет очень узкую сферу употребления и используется только в «классических» контекстах положительного императива от второго лица. В некоторых языках сфера употребления еще уже, поскольку императивом могут маркироваться только переходные или только непереходные глаголы. При этом оставшиеся побудительные по своей семантике употребления обычно маркируются ирреалисом, который, наоборот, употребляется весьма широко, появляясь также при отрицании, при выражении цели, желания, контрафактического условия и ряда других значений, которые укладываются в установленную типологами общую картину употребления ирреалиса в языках мира, ср., например, [Bugenhagen 1993; Mithun 1995] или [Elliott 2000]. В некоторых языках семьи майя показатели ирреа-

---

с семантикой императива, которая всегда предполагает в качестве адресата субъект глагола. В эргативных языках, в отличие от номинативных, повеление оказывается направленным на разные актанты глагола: на «абсолютив» в том случае, когда глагол переходный, и на «эргатив», когда глагол непереходный. Подробнее об этом и, как следствие, о сближении императивного преобразования с залоговым см. [Гусев 2005].

⁶ В различных зарубежных работах по языкам майя понятию ирреалиса обычно соответствуют термины *subjuntivo* / *subjunctive* или *status dependiente* / *dependent status*; примечательно, что в более современных работах используется и термин *irrealis* (ср. статью [Polian 2007], посвященную ирреалису в цельтале).

лиса могут присоединяться не только к глаголам, но и к другим частям речи, ср. пример из цоциля, где в отрицательном контексте суффикс ирреалиса обязателен при существительном в предикативной позиции:

(4) *mi tu vinit-ik-ot?*

TZO Q NEG человек-IRR-2

‘Ты не человек?’ [Laughlin 1977: 68]

Числительные в майя устроены по вигезимальной системе [Wichmann 2005], при которой большинство слов образуется от числа ‘двадцать’ (для чисел от 21 до 399) или от числа ‘четыре-ста’. Сейчас есть тенденция к переходу на стандартную десятичную систему: из испанского языка заимствуются и активно используются слова для обозначения числительных ‘сто’ и ‘тысяча’. Для сочетания числительного с существительным во многих языках майя (прежде всего, юкатекских, цельтальских и канхобаланских) требуются специальные классификаторы, выбор которых весьма обширен⁷ и зависит от семантических характеристик существительного [Kaufmann 1990].

Нейтральный порядок слов большинства языков характеризуется начальной позицией глагола во фразе.

2. Формальное устройство майяских аспектуальных систем

2.1. Два типа аспектуальных систем. Некоторые языки семьи майя обладают нетривиальной особенностью, касающейся грамматического выражения аспекта: в этих языках в составе глагольной словоформы (а вернее, глагольного комплекса, поскольку некоторые грамматические значения часто выражаются с помощью клитик), как правило, присутствует сразу два грамматических показателя, передающих аспектуальные значения. При этом среди языков майя есть и такие, в которых категория аспекта устроена более «традиционным» образом, т. е. в глагольной словоформе предусмотрена только одна позиция для аспектуального показателя. Ниже приводятся примеры глагольных слово-

---

⁷ Ср., например, [Berlin 1968], где приводятся почти 500 различных классификаторов для языка цельталь.

форм из языков цельталь и авакатек (с одним аспектуальным показателем), где аспект выражен препозитивными частицами *ya* и *na* (примеры (5)), и из языков мопан и юкатек (с двумя аспектуальными показателями), где аспект выражается препозитивными частицами в сочетании с глагольным суффиксом (примеры (6)).

(5) а. *ya a-le-on*

TZE IPFV 2-искать-1SG

‘Ты меня ищешь’. [Polian 2007: 6]

б. *na kxh-w-il*

AVA IPFV 2-1-видеть

‘Я вижу тебя’. [Larsen 1994: 178]

(6) а. *tan in-lox-ik-ech*

MOP DUR 1-бить-IPFV-2

‘Я бью тебя’. [Larsen, Norman 1979: 354]

б. *ts'o'k a han-al*

YUC COMPL 2 есть-IPFV

‘Ты закончил есть’. (исп. Terminaste a comer) [Bricker 1981: 85]

Именно этот формальный признак — количество аспектуальных показателей в глагольной словоформе — мы положим в основу нашей классификации языков майя с точки зрения грамматического выражения аспекта. Аспектуальные системы первого типа (с одним аспектуальным показателем в составе глагольной словоформы) мы назовем «одноуровневыми». Им противопоставлены «двухуровневые» системы — это системы второго типа (с двумя аспектуальными показателями в составе глагольной словоформы). Так, согласно предложенному определению, языки цельталь и авакатек характеризуются одноуровневой аспектуальной системой, а языки мопан и юкатек — двухуровневой. В двухуровневых системах мы будем выделять два уровня аспектуальных показателей и, соответственно, два уровня аспектуальных грамем. Мы назовем эти уровни *верхним* и *нижним* и будем говорить о показателях и граммах верхнего и нижнего уровней.

Далее будут подробно рассмотрены оба типа систем на примерах конкретных языков: цоциль и чоль. Главным образом, нас будет интересовать набор аспектуальных грамем. При ана-

лизе двухуровневых систем также будет уделено особое внимание семантическим отношениям между граммемами разных уровней и возможным интерпретациям таких систем с точки зрения грамматической типологии и теории грамматики.

2.2. *Одноуровневая система (на примере языка цоциль).*

Обзор аспектуальной системы языка цоциль базируется, в основном, на данных грамматики [Naviland 1981] и текстов из сборников [Laughlin 1977] и [Laughlin 1980] (при анализе последних мы опирались также на словарь [Laughlin 1988]).

В цоциле категория аспекта различает четыре граммемы: перфектив, имперфектив, перфект и проспектив. Хотя эти граммемы формально выражаются в различных местах словоформы (есть как суффиксальные, так и префиксальные показатели, а иногда и препозитивные частицы), наличие одной из них полностью исключает наличие какой-либо другой. Таким образом, все эти граммемы можно считать относящимися к одной и той же грамматической категории.

Перфектив выражается префиксами *l-* (для первого и второго лица подлежащего при непереходном / прямого дополнения при переходном глаголе) или *i-* (для третьего лица подлежащего / дополнения); в формах третьего лица показатель иногда может опускаться. Ниже приводятся лимитативные (примеры (7)) и пунктивные⁸ (примеры 8) употребления перфектива.

(7) а. *chib la k'ak'al k'in i-s-pas-ik*
 TZO два мол день праздник PFV-3-делать-PL
 'Два дня у них был праздник'. [Laughlin 1977: 210]

б. *oxib k'ak'al i-'ik'ub osil*
 TZO три день PFV-темнеть дневной.свет
 'На три дня наступила тьма'. [там же: 237]

(8) а. *j-likel i-s-p'as-be s-ne ta machita*
 TZO один-момент PFV-3-отрезать-APPL 3-хвост PREP мачете
 'Он мигом отрубил ему хвост с помощью мачете'. [там же: 32]

⁸ Мы не будем здесь разделять собственно пунктивные и комплетивные значения. Это требует весьма тщательного анализа лексического значения конкретных глаголов, который выходит за рамки данной работы.

б. *bweno i-lom ti te'-e*
 TZO хорошо PFV-валить DEF дерево-DEF
 'Ну вот, они повалили дерево'. [там же: 40]

От некоторых наиболее частотных глаголов перфективные формы образуются супплетивно: например, перфектив от глагола 'al 'говорить' в третьем лице имеет форму *xi*, которая крайне часто используется при описании диалогов — ср. ниже пример (10б).

Имперфектив образуется двумя способами: либо с помощью префикса *ch-*, либо с помощью препозитивной частицы *ta* и префикса *x-*⁹. Второй способ — это единственный случай, когда в языке цоциль в составе глагольной словоформы формально присутствуют два аспектуальных показателя. Ниже мы подробнее еще остановимся на том, стоит ли считать это «отголоском» двухуровневой системы. Эти способы образования имперфектива диахронически взаимосвязаны: префикс *ch* произошел в результате выпадения гласного *a* в *ta* и последующего слияния *t + x* в *ch* [Naviland 1981: 109].

По всей видимости, в современном языке обе формы примерно равноупотребительны (хотя можно предположить наличие диалектных различий) и выражают одинаковую семантику. Это именно имперфективное значение, поскольку встречаются как хабитуальные (см. примеры 9), так и дуративные употребления (см. примеры (10)).

(9) а. *o la j-kot t'ul, ta la*
 TZO имеется мол один-животное кролик IPFV мол
x-k'ot y-elk'an melon jujun 'ak'ubal
 IPFV-приходить 3-красть дыня каждый ночь
 'Жил-был кролик, который каждую ночь приходил воровать дыни'. [Laughlin 1977: 31]

б. *sil k'ak'al ta j-ti' kaxlan*
 TZO доля день IPFV 1-есть цыпленок
 'Каждый день я съедал цыпленка'. [там же: 194]

(10) а. *kavron k'usi ch-a-sa' li'*
 TZO мерзавец что IPFV-2-искать здесь
 'Мерзавец, что ты тут ищешь?' [там же: 32]

⁹ Префикс *x-* выпадает перед личными показателями *j-* (для первого лица) и *s-* (для третьего лица) — ср., например, предложение (9б).

б. «*k'usi ch-a-vok'ita?*» *xi* *ti bolom-e*
 TZO что IPFV-2-рыдать 3:PFV:говорить DEF тигр-DEF
 ‘«О чем ты плачешь?» — спросил тигр’. [там же: 45]

Перфект образуется с помощью суффиксов *-em* (от непереходных глаголов) и *-oj* (от переходных глаголов). Эти формы обозначают состояние субъекта, наступившее в результате действия, процесса или события, обозначенного глаголом («...el sujeto está en el estado que resulta de la acción o el proceso o el evento denotado por el verbo» [Naviland 1981: 102]).

(11) а. *xanav-em-on jun k'ak'al*
 TZO ходить-PF-1 один день
 ‘Я ходил целый день’. [Naviland 1981: 103]

б. *s-maj-oj-on lek*
 TZO 3-бить-PF-1 очень
 ‘Он меня сильно побил’. [там же: 227]

Проспектив маркирует подготовительную стадию ситуации и образуется с помощью суффикса *-ebal*.

(12) *yul-ebal xa li j'abtel-e*
 TZO приходить-PROSP уже DEF рабочий-DEF
 ‘Рабочий уже вот-вот придет’. [Naviland 1981: 124]

Проспектив — самая редкая аспектуальная граммема в цоциле, которая употребляется только с непереходными глаголами, главным образом — с глаголами движения. Так, в обширных сборниках цоцильских текстов [Laughlin 1977; Laughlin 1980] показатель проспектива встречается крайне редко, а случаев его употребления с переходным глаголом не нашлось вообще.

Подобным же образом устроены аспектуальные системы и ряда других языков семьи майя, хотя набор аспектуальных показателей может незначительно варьировать. По-видимому, во всех языках есть грамлемы перфектива, имперфектива и перфекта¹⁰. Этим набор аспектуальных грамлем в ряде языков может ограничиваться (например, из описания [Dayley 1985] можно сделать

¹⁰ О возможном исключении из этого правила см. ниже: возможно, в языках мам и авакатек отсутствует перфект.

вывод, что так обстоит дело в цутухиле). В других случаях к этим трем граммемам добавляется четвертая: в цоциле это проспектив, носящий явно маргинальный характер, а, например, в цельтале — прогрессив [Polian 2007].

Отдельно нужно сказать об аспектуальных граммемах мамейских языков. Среди этих граммем в авакатеке [Larsen 1994] и маме [England 1983] выделяются показатели «прошедшего» и «недавнего прошедшего» (*past / simple past* и *recent past*, соответственно). По всей видимости, под «прошедшим» в этих описаниях все-таки понимается перфектив. Характерно, что в более поздней работе [England 2007] этот показатель уже называется *комплетивом*, что соответствует сложившейся среди майянистов традиции противопоставлять комплетив и инкомплетив (в нашей терминологии это противопоставление перфектива и имперфектива). Более спорной представляется проблема «недавнего прошедшего». Как кажется, за этим показателем вполне может стоять семантика перфекта (тем более, что никакого другого показателя перфекта в этих языках нет, а имедиатные значения во многих языках синхронно и диахронически связаны с перфектом, ср., например, [Schwenter 1994]). При этом, с учетом всего материала языков майя, ситуация, когда в составе грамматической категории, граммема которой передают аспектуальные значения, встречается граммема, передающая временное значение, также не кажется неправдоподобной (подробнее о таких случаях будет сказано ниже, в части 3). Так или иначе, здесь, несомненно, требуются дальнейшие исследования и тщательный анализ мамейских текстов.

Другая интересная особенность присуща системам языков кичейской группы: цутухиля и киче. В этих языках глагол в форме имперфектива или перфектива (которые выражаются префиксально), находясь в конечной позиции во фразе, получает дополнительный суффикс. Если глагол стоит в середине фразы, этот суффикс не употребляется: ср. примеры (13) и (14).

(13) а. *ka-Ø-waz-ik*

КСН IPFV-3-есть-?

‘Он ест’. [Pye 2001]

б. *x-Ø-in-tij-oh*

КСН PFV-3-1-есть-?

‘Я это съел’. [там же]

(14) а. *ka-Ø-waz taj*
 КСН IPFV-3-есть NEG
 ‘Он не ест’. [там же]

б. *x-Ø-in-tij k'ut*
 КСН PFV-3-1-есть ЕМРН
 ‘Я все-таки это съел!’ [там же]

Как видно из примеров (13а) и (13б), этот суффикс имеет два алломорфа, выбор одного из которых зависит от переходности глагола.

Заметим, что в перфекте (который выражается суффиксально), никакого «дополнительного» суффикса даже на конце фразы не возникает: см. примеры 15 из языка цутухиль¹¹.

(15) а. *ee war-naq*
 TZU 3PL спать-PF
 ‘Они поспали’. [Dayley 1985: 77]

б. *at n-ch'ey-oon*
 TZU 2 1-бить-PF
 ‘Я побил тебя’. [там же]

Этот суффикс различается при переходных и непереходных глаголах: ср. примеры (13а) и (13б). Его семантика остается не совсем прозрачной. В [Pue 2001], например, отмечается, что этот суффикс одновременно передает значения переходности, аспекта и деривационного статуса глагола. Из-за чрезвычайной размытости значения и нетривиальных правил употребления мы пока не будем причислять его к грамматическим показателям аспекта в киче. Тем не менее, дальнейшие исследования могут помочь прояснить семантику и сферу употребления этого суффикса, и не исключено, что его аспектуальный характер все-таки будет подтвержден.

На схеме 2 представлены наборы аспектуальных грамем в некоторых языках с одноуровневыми системами.

Одноуровневая аспектуальная система характерна для большинства майянских языков: она выделяется как в уже рассмотренных выше цоциле, цельтале, киче, цутухиле, авакатеке,

¹¹ В киче ситуация точно такая же: [Mondloch 1981].

Схема 2. Аспектуальные грамлеммы одноуровневых систем

маме, так и в других языках майя; в частности, подобные системы представлены в кекчи, какчикеле, сипакапенсе и, возможно, некоторых других языках.

2.3. *Двухуровневая система (на примере языка чоль)*. Аспектуальная система языка чоль описывается на основании данных из обзора глагольной морфологии чоля [Vázquez Alvarez 2002] с дополнениями из диссертации [Coon 2010a]. Некоторые примеры взяты из сборника текстов [Relatos... 2002], при анализе которых использовался словарь [Aulie, Aulie 1978].

Единственный случай, когда при глаголе имеется только один показатель аспекта, — перфект. В языке чоль два показателя перфекта: оба суффиксальные и оба невозможны при переходных глаголах. Различия в их значении остаются не совсем очевидными (хотелось бы считать суффикс *-äl-* показателем результата, но оба суффикса сочетаются с любыми глаголами, в том числе с глаголами, обозначающими состояния: см. примеры (16))¹².

(16) a. *wäy-em-oñ*

CHL спать-PF-1

‘Я поспал (исп. He dormido)’. [Vázquez Alvarez 2002: 125]

¹² У этих суффиксов есть некоторые различия в употреблении: показатель из примера (16б) невозможен с пассивными глаголами, в отличие от показателя из примера (16а) [Vázquez Alvarez 2002].

б. *wäy-äl-oñ*

CHL спать-PF-1

‘Я поспал (исп. *Estoy dormido*)’. [там же: 126]

Вообще говоря, семантика перфектных суффиксов в чоле нуждается в дальнейшем изучении. Судя по примеру (17) с тем же глаголом *wäy* ‘спать’ из реального текста, а не из грамматики, суффикс *-äl-* вполне может иметь дополнительное значение прерванного или не доведенного до конца действия. Эта гипотеза, однако, может быть опровергнута при более детальном анализе чольских данных.

(17) *weñ wäy-äl-oñ-lojoñ, che' bajche' i-xiñil=ix*

CHL итак спать-PF-1-PL.EXCL когда как 3-середина=уже
abälel

ночь

‘Итак, мы спали, когда в середине ночи... [услышали, как кто-то приближается к тому месту, где мы находились]’. [Relatos... 2002: 80–81]

За исключением перфекта, во всех остальных случаях при глаголе имеются два показателя аспекта: *верхнего* и *нижнего уровня* (или просто верхние и нижние показатели). Показателями верхнего уровня мы будем называть те показатели аспекта, которые являются глагольными суффиксами и, как правило, выражают более общие значения. Показатели нижнего уровня — это препозитивные частицы, которые употребляются строго с определенным верхним показателем и только с ним и, как правило, выражают более частные значения (часто уточняющие значение верхнего показателя). Таким образом, согласно выбранной нами терминологии, описанные выше показатели перфекта будут относиться к верхним аспектуальным показателям. Помимо перфекта, в чоле есть еще два показателя верхнего уровня: имперфектив и перфектив. Они, в отличие от показателей перфекта, никогда не употребляются без показателей нижнего уровня.

При образовании перфектива используется препозитивная частица *tuí* (примеры (18)), при образовании имперфектива — *mi* (пример (19)). На верхнем же уровне перфектив и имперфектив выражаются суффиксами *-ä/-Vñ*, *-V/-el*, *-le/-tyäl* или *-Ø/-V*¹³, соот-

¹³ Гласный суффикса гармонирует с гласным в корне.

ветственно (выбор одного из четырех возможных суффиксов осуществляется в зависимости от морфонологических и семантических характеристик основы).

(18) а. *tyi a-mek'-e-yoñ*

CHL PFV 2-обнимать-PFV-1

‘Ты меня обнял’. [Vázquez Alvarez 2002: 94]

б. *peru jiñi tzimiñ-i ma'añ tyi tyäl-i i-jisañ*

CHL но DEF тапир-DEF NEG PFV приходить-PFV 3-убивать

jiñi wiñik-i, kojach tyi k'oty-i tyi

DEF человек-DEF просто PFV прибывать-PFV PFV

wa'l-e tyi i-t'yejl tyi i-sub-e

останавливаться-PFV PREP 3-рядом PFV 3-говорить-PFV

‘Но тапир пришел не убить человека; он просто пришел, остановился рядом с ним и сказал ему...’ [Relatos... 2002: 58–59]

(19) *wajali mi i-jap-Ø kabäl lembal*

CHL то.время IPFV 3-пить-IPFV много ликер

‘В то время он много пил (букв. «пил много ликера»)’.

[Coon 2010b: 10]

Кроме имперфектива и перфектива существует еще целый ряд нижних аспектуальных показателей. Все они употребляются вместе с верхним показателем имперфектива. Сюда относятся показатели проспектива, инцептива, авертива и дуратива (см. примеры (20–23)).

(20) *keje k-wäy-el*

CHL PROSP 2-спать-IPFV

‘Я собираюсь спать’. [Vázquez Alvarez 2002: 115]

(21) *a-tyech wäy-el*

CHL 2-INCEP спать-IPFV

‘Ты засыпаешь’. [там же: 119]

(22) *kole k-wäy-el*

CHL AVER 1-спать-IPFV

‘Я собрался было спать’. [там же: 99]

(23) а. *chonkol k-yajl-el*

CHL DUR 1-падать-IPFV

‘Я падаю’. [Coon 2010a: 54]

б. *chonkol k-wäy-el*

CHL DUR 1-спать-IPFV

‘Я сплю’. [Vázquez Alvarez 2002: 109]

Показатели нижнего уровня по своему происхождению являются глаголами. Процесс грамматикализации некоторых из них в аспектуальные показатели еще не завершился, что выражается в возможности их согласования с глагольными актантами путем прибавления к ним (а не к смысловому глаголу) личных аффиксов: ср. примеры (21) и (22), где видно, что показатель инцептива менее грамматикализован, чем показатель авертива. Интересно, что конструкции с показателем *tyech* допускают двойное личное согласование, когда личный аффикс присоединяется как к аспектуальному показателю, так и к смысловому глаголу, ср. примеры (21) и (24).

(24) *a-tyech a-mek'-Ø-oñ*

CHL 2-INCEP 2-обнимать-IPFV-1

‘Ты начинаешь меня обнимать’. [Vázquez Alvarez 2002: 118]

Не все исследователи чоля единодушны во мнении, что показатели *chonkol*¹⁴ и *kole* являются именно показателями дуратива и авертива. Так, в [Vázquez Alvarez 2002] и [Coon 2010a] для показателя дуратива используется термин *progresivo*. Поскольку данный показатель маркирует срединную стадию не только у процессов, но и у состояний (ср. примеры (23а) и (23б), а также пример (25)), мы, следуя терминологии, предложенной в [Dahl 1985]¹⁵ и поддержанной в [Плунгян 2011] (ср. также [Bertinetto 2000]), будем называть его дуративом.

(25) *chonkol i-buch-tyäl*

CHL DUR 3-сидеть-IPFV

‘Он/она сидит’. [Coon 2010a: 37]

Показатель авертива в [Vázquez Alvarez 2002] называется громоздким термином *irreal en el pretérito*, подчеркивая, что данное действие могло произойти, но по каким-либо причинам не произошло. По сути, это проспектив, относящийся к прошедшему

¹⁴ В [Coon 2010a] этот показатель представлен как *choñkol*.

¹⁵ Эстен Даль, говоря о соотношении терминов «прогрессив» и «дуратив», замечает, что прогрессив обычно не используется со стативными предикатами и подчеркивает длительность процесса [Dahl 1985: 91].

времени. Это и есть типичная семантика авертива, обозначающего «особый тип развития ситуации, при котором существовали предпосылки для ее совершения, но тем не менее ситуация не была реализована» [Плунгян 2011: 386; ср. также Kuteva 1998].

Таким образом, в холе представлены три аспектуальные граммы верхнего уровня и шесть грамм нижнего уровня. Имперфектив и перфектив присутствуют на обоих уровнях. Перфект никогда не употребляется с какими-либо граммами нижнего уровня и, таким образом, представляет собой единственное исключение из того правила, которое было сформулировано нами в начале этого раздела: о том, что в языках с двухуровневой системой в составе глагольной словоформы всегда есть два аспектуальных показателя. Большинство грамм нижнего уровня употребляются с граммой имперфектива на верхнем уровне.

По-видимому, в холе представлен один из самых редуцированных наборов аспектуальных грамм для языков с двухуровневыми системами (при том, что в холе в общей сложности различается по крайней мере семь грамм аспекта!). На приведенной ниже схеме 3 систему чоля можно сравнить с одной из наиболее богатых двухуровневых систем¹⁶, представленной в юкатекском маяя (по данным грамматик [Andrade 1955; Bolles, Bolles 2004], а также работ [Lehmann 1993b; Krämer, Wunderlich 1999]; тонкими линиями соединены те граммы разных уровней, которые могут сочетаться друг с другом в составе единой словоформы).

Особо стоит отметить два неожиданных факта, которые становятся очевидны на представленной схеме и которым пока, как кажется, нет удовлетворительного объяснения. Во-первых, неясно, какая именно разница есть в значениях грамм имперфектива и перфектива на нижнем и верхнем уровнях. Во-вторых, вообще не очень понятна семантика граммы имперфектива нижнего уровня в юкатеке, поскольку там есть отдельные показатели и для дуратива, и для хабитуалиса. К. Леман (в грамматике юкатека, выложенной на его сайте: <http://christianlehmann.eu/ling/sprachen/maya>) замечает, что показатель имперфектива нижнего

---

¹⁶ В системе юкатека всего на один аспектуальный показатель больше, чем в системе чоля, но юкатек, как будет показано далее, также богат на показатели, передающие не чисто аспектуальную семантику.

Схема 3. Аспектуальные граммемы двухуровневых систем

уровня вообще не имеет никакой семантики и выражает «немаркированный аспект» («aspecto no marcado»), но при этом все равно называет его *imperfectivo*. Однако такое «отрицательное» объяснение не кажется удовлетворительным.

Ниже приведем примеры на комплетив и хабитуалис из юкатекского майя.

- (26) *yuum Nasáario-e' t-u tukult-ah ts'o'k u*
 YUC мастер Назарио-DEF PFV-3 думать-PFV COMPL 3
k'am-ik u meyah
 выполнять-IPFV 3 работа
 'Мастер Назарио подумал, что выполнил свою работу'.
 [Andrade, Máas Collí 1990]

- (27) *suk u hok'-ol*
 YUC НАВ 3 выходить-IPFV
 'Он (обычно) выходит'. [Bolles, Bolles 2004]

На этом, строго говоря, заканчивается только собственно аспектуальная часть глагольной системы юкатека. Не случайно в ряде исследований этого языка говорится об обобщенной ТАМ-категории — то есть такой грамматической категории гла-

гола, граммемы которой передают временные, аспектуальные и модальные значения. Аспектуальных граммем, несомненно, больше всего, что свидетельствует о том, что именно аспект находится в центре семантической области, выражаемой этой категорией. Но необходимо упомянуть и модально-временные значения, которые передаются совместно с аспектуальными в рамках единой грамматической категории. Здесь можно выделить еще, по крайней мере, пять граммем: *дезидератив*, *комиссив* (или *обязательное будущее*), *дебитив*, *недавнее прошедшее* (возможно, *иммедиатный перфект*), *гортатив*.

(28) *taak u hok'-ol*

YUC DES 3 выходить-IPFV

‘Он хочет выйти’. [Bolles, Bolles 2004]

(29) *he'l tak in kut-al han-al ti' u mayak-il*

YUC COM но 1 садиться-IPFV есть-IPFV LOC 3 стол-DEF

‘Но я сяду и поем за его столом’. [Andrade, Máas Collí 1990]

(30) *yan a man-ik*

YUC DEB 2 купить-IPFV

‘Ты должен купить это’. [Lehmann 1993b: 315]

(31) *táant in wen-s-ik-e'*

YUC PAST.IMM 1 спать-PAS-IPFV-DEF

‘Я только что уложил (его) спать’. [Blair, Vermont-Salas 1965]

(32) *ko'x uk'-ul*

YUC HORT пить-IPFV

‘Давайте выпьем!’ [там же]

Дезидератив выражает модальный оттенок желательности для говорящего, а показатель диахронически восходит к глаголу со значением ‘хотеть’, ‘желать’ [Krämer, Wunderlich 1999]. Показатель комиссива выражает гарантию, которую говорящий дает слушающему, относительно того, что действие, описываемое глаголом, непременно произойдет в будущем. Дебитив также выражает уверенность говорящего в том, что событие произойдет в будущем, и эта уверенность связана с необходимостью данного события. Показатель дебитива *yan* диахронически произошел от экзистенциального предиката *uáan* ‘иметься’ [Lehmann 1993b], а в современном языке, согласно К. Леману, значение необходимо-

сти постепенно утрачивается, оставляя лишь практически лишенное модального оттенка указание на будущее время.

Подчеркнем, что точный набор граммем нижнего уровня в юкатеке, как и четкую семантику большинства из этих граммем, еще предстоит уточнить. Сейчас мы не можем претендовать на то, чтобы представить исчерпывающий список этих показателей и в точности описать их значение. Названия граммем (и даже просто их наборы) сильно варьируют по разным исследованиям юкатекского майя. Например, показатель *yan* называется в [Bolles, Bolles 2004] «obligated future», в [Krämer, Wunderlich 1999] — «obligative» или «compulsive», в онлайн-грамматике К. Лемана — «debitivo/futuro». Названия, которые выбраны в нашей работе (в примерах (28–32) и далее (37–39), а также на схемах 4 и 5), являются в большой степени условными.

Интересно, что все проиллюстрированные выше граммемы являются граммемами нижнего уровня и на верхнем уровне сочетаются с граммемой имперфектива. Таким образом, схему 3 (вернее, ее часть, релевантную для юкатека), на которой были представлены исключительно аспектуальные граммемы, необходимо расширить следующим образом, включив туда модальные и временные и значения:

Схема 4. Аспектуальные, временные и модальные граммемы юкатека

В целом в языках майя двухуровневые аспектуальные системы представлены в языках юкатекской ветви и чольской подгруппы цельтальской ветви.

2.4. Различные подходы к описанию двухуровневых систем. Необходимо сделать несколько отдельных замечаний по поводу возможных трактовок двухуровневых систем с точки зрения грамматики. Действительно, выражение значений из близких семантических областей сразу в двух местах словоформы двумя морфологически совершенно разными показателями — явление достаточно нетривиальное. Мы имеем дело с двумя отдельными парадигмами показателей, которые сильно взаимосвязаны друг с другом.

В работах, где в той или иной степени обсуждается грамматическая структура глагольной словоформы в майянских языках, в основном, встречаются два подхода. Некоторые исследователи считают две различные парадигмы показателей, которые мы называем верхним и нижним уровнями, парадигмами разных грамматических категорий. Другие исследователи предпочитают один из уровней рассматривать исключительно с точки зрения синтаксиса, вообще не приписывая составляющим его показателям никакого грамматического статуса.

При первом подходе, показатели двух категорий в силу тех или иных семантико-синтаксических особенностей оказываются связанными друг с другом строгими правилами сочетаемости. Так, например, *хабитуалис* не может сочетаться с перфектом, а перфектив нижнего уровня — с имперфективом верхнего уровня. Это наглядно продемонстрировано на схемах 3 и 4, где сплошной тонкой линией соединены только те граммы, которые могут сочетаться друг с другом в рамках одной словоформы.

В то же время, семантические области, выражаемые этими двумя категориями, очень близки и едва ли не тождественны. Косвенным доказательством тому может служить тот факт, что в разных работах граммы одной из этих категорий могут называться совершенно так же, как в другой работе граммы другой категории. Так, например, если рассматривать граммы имперфектива и перфектива (как называем их мы) в юкатекском майя, то в работах [Bohnenmeyer 2002 и Krämer, Wunderlich 1999] для их обозначения приняты термины *перфектив* / *имперфектив* и *ком-*

плетив / инкомплетив. Но если в [Bohnenmeyer 2002] первый из них относится к показателям верхнего уровня, а второй — к показателям нижнего уровня, то в работе [Krämer, Wunderlich 1999] соотношение терминов и категорий в точности противоположно. Другой хороший пример — терминология, принятая в статье [Hofling 1994], посвященной проблеме залога в языке итца. Там аспектуальные суффиксы объединяются в категорию статуса, а препозитивные частицы — в категорию аспекта. И, что особенно примечательно, в обеих категориях есть грамлеммы «комплетива» и «инкомплетива».

Сторонники второго подхода, при котором одной из парадигм показателей приписывается только синтаксический статус, но не семантическое значение, могут придерживаться двух трактовок в зависимости от того, какую именно парадигму показателей они характеризуют с позиций синтаксиса. Иногда двухуровневые системы рассматриваются как системы с двумя глагольными основами (имперфективной и перфективной), от которых образуются те или иные аспектуальные формы. Так, например, в описании глагольной морфологии языка чоль [Vázquez Alvarez 2002] показатели верхнего уровня рассматриваются как морфемы, образующие ту или иную основу (при этом семантический статус этих основ не эксплицируется в грамматике), а собственно аспектуальными считаются только показатели нижнего уровня.

Противоположный вариант — считать показатели нижнего уровня (препозитивные частицы) вспомогательными глаголами (*auxiliaries, aspect auxiliaries* или *TAM-auxiliaries*) или, точнее, вспомогательными элементами, поскольку не все они являются глаголами (см. примеры (33), где нижние показатели перфектива и имперфектива в юкатеке являются префиксами, присоединяющимися к личному местоимению).

(33) а. *k-a p'áat-al-e'x y-éetel le tàak'in-o'*
 YUC IPFV-2 остаться-IPFV-PL 3-с DEF деньги-DEF
 'Вы оставите деньги себе (букв. «останетесь с деньгами）」'.
 [Andrade, Máas Collí 1990]

б. *t-u búukint-ah hun-p'éel ma'loob nòok'*
 YUC PFV-3 надеть-PFV один-CLF хороший одежда
 'Он надел хорошую одежду'. [там же]

Например, такое решение предлагается в специальном исследовании [Lehmann 1993b] на материале юкатекского майя. Категорию аспекта в этом случае составляют только показатели верхнего уровня.

Конечно, такие подходы дают представление лишь о формальном устройстве глагольной словоформы, тогда как о грамматическом статусе ни различных глагольных основ, ни вспомогательных элементов ничего не говорится. Но в то же время наличие таких трактовок подчеркивает тот факт, что с грамматической интерпретацией особенностей глагольного словоизменения в языках майя далеко не все ясно.

Как нам представляется, имеет право на жизнь также теоретический подход, при котором две парадигмы показателей объединяются в единую грамматическую категорию. Он, несомненно, требует серьезных обоснований в связи с пересмотром понятия грамматической категории, которая в таком случае должна быть устроена не просто парадигматически, поскольку нарушается правило взаимоисключительности граммем, а одновременно и парадигматически, и иерархически. Такая аспектуальная система во многом аналогична грамматическим системам с аспектуально охарактеризованными глагольными основами, которые представлены, например, в ряде дагестанских языков (см. статьи настоящего сборника [Майсак] или [Беляев], а также краткий обзор [Daniel, Lander 2011]). Особенность майянских систем заключается лишь в том, что в отличие от морфологически нечленимых основ, здесь мы имеем дело с четко выделяемыми суффиксами. В аспектуальных системах дагестанского типа часто происходит размывание категориального значения основы; с аналогом этого процесса мы сталкиваемся и применительно к языкам майя: сочетаемость суффикса имперфектива верхнего уровня с показателем, в частности, комплетива показывает, что имперфективность этого суффикса стирается.

Однако даже если придерживаться традиционного определения и говорить о двух отдельных грамматических категориях, необходимо проанализировать не только набор и семантику граммем каждой из них, но также морфо-синтаксические правила сочетаемости их показателей и семантические корреляции между их значениями. Иными словами, исследователь в любом случае вынужден описывать здесь не просто грамматические значения и даже не грамматические категории, а грамматическую систему

глагола в целом, что на данном этапе представляется отнюдь не простой задачей.

Наконец, необходимо упомянуть о еще одной возможной трактовке двухуровневой аспектуальной системы. В последнее время, главным образом, в связи с работами Дж. Кун (в основном на чольском материале [Coon 2010b; Coon 2010a]), активное развитие получила гипотеза о том, что суффикс имперфектива верхнего уровня является номинализатором и несет чисто синтаксические функции¹⁷. Эта гипотеза, выдвинутая с целью объяснения расщепленной эргативности, оказалась весьма полезной и для объяснения других явлений в языке чоль, в том числе и наличия двух аспектуальных показателей в составе одной словоформы.

В этом случае, согласно Дж. Кун, в имперфективе смысловой глагол оказывается номинализированным и никак не охарактеризован по аспекту, а показатель (глагол) нижнего уровня оказывается вершиной предикативной конструкции и, по сути, передает исключительно аспектуальное значение. При таком подходе получается, что в чоле всегда действует эргативно-абсолютивная модель согласования, а расщепленная эргативность является лишь иллюзией, поскольку в языках майя эргативные показатели совпадают с посессивными¹⁸. Такая трактовка почти позволяет избавиться от необходимости видеть в чоле двухуровневое устройство аспекта и отчасти поддерживается материалом других языков семьи, в которых суффикс номинализации *-Vl* совпадает по форме с одним из суффиксов имперфектива в чоле. Например, такое же происхождение имеет суффикс номинализации *-el* в цоциле:

(34) *tzitz-el*   *no*   *ox*   *ch-a-k-ak'-be*
 TZO наказывать-NMLZ только не.сейчас IPFV-2-1-давать-APPL
 ‘Я тебя накажу <букв. «дам тебе наказание»>’. [Laughlin 1977: 32]

¹⁷ Сходная гипотеза (в связи с выражением в целом ряде языков семьи майя лично-числовых показателей при показателе дуратива, а не при смысловом глаголе) ранее уже высказывалась в работах [Robertson 1980] и [Kaufmann 1990].

¹⁸ Мы не будем останавливаться на феномене расщеплённой эргативности и его объяснении Дж. Кун. Более подробно об этом см. её работу [Coon 2010b] и диссертацию [Coon 2010a].

Такой подход, однако, не лишен недостатков. Во-первых, получается, что перфектив все равно имеет двухуровневое устройство; а значит, проблема двойного выражения аспекта полностью не снимается¹⁹. Во-вторых, в чоле не один, а четыре различных суффикса имперфектива, в том числе нулевой²⁰, и эти суффиксы в других языках аналогичных суффиксов номинализации не имеют²¹. В-третьих, кажется вполне вероятным, что номинализатор помимо чисто синтаксического значения может иметь и какую-то дополнительную семантику, в частности, аспектуюальную, и тогда с семантической точки зрения такая трактовка ничем принципиально не отличается от других подходов, рассмотренных ранее.

3. Особенности майянских аспектуальных систем

Основными аспектуальными граммемами языков майя можно считать три грамлемы: перфект, перфектив и имперфектив. Они есть во всех (или почти во всех языках семьи — см. рассуждение о граммеме перфекта в двух мамейских языках в пункте 2.2), каким бы образом и на скольких «уровнях» ни выражался аспект, и при этом являются наиболее частотными. С типологической точки зрения, как уже отмечалось, наибольший интерес в

---

¹⁹ Проблема двухуровневости может быть снята, если сделать ещё одно допущение. Поскольку перфектив верхнего уровня сочетается с перфективом нижнего уровня и только с ним, можно считать, что перфектив, в отличие от прочих аспектуальных граммем, в языках с двухуровневыми системами имеет циркумфиксное выражение (то есть одновременно выражается и суффиксом, и препозитивной частицей).

²⁰ Сразу несколько алломорфов у суффиксов перфектива и имперфектива, включая нулевой, есть также в юкатеке и, по-видимому, во всех остальных языках с двухуровневым выражением аспекта. Этот факт сделал юкатекский майя объектом многочисленных исследований сторонников теорий неаккузативности и неэргативности. Поиску семантических и синтаксических закономерностей выбора того или иного суффикса посвящён целый ряд научных работ: например, [Lehmann 1993a; Krämer, Wunderlich 1999; Bohnemeyer 2002].

²¹ Попытки Кун приписать всем алломорфам перфективного суффикса и ряду алломорфов имперфективного суффикса какую-то другую семантику (или отсутствие семантики) [Coon 2010b: 11–12] кажутся не вполне убедительными.

плане аспектологии представляют языки с двухуровневыми аспектуальными системами. В этом разделе будут рассмотрены их основные особенности, а также будут проведены некоторые параллели с одноуровневыми системами.

Два уровня аспектуальных граммем часто находятся между собой в отношениях гипо-гиперонимии. У граммем верхнего уровня более общие значения, чем у граммем нижнего уровня, и при этом значения граммем нижнего уровня в большинстве случаев как бы уточняют значения граммем верхнего уровня. Получаются такие семантические конструкции, как, например, *«имперфектив, а именно дуратив»* или *«имперфектив, а именно хабитуалис»*. В данном случае выбирается сначала аспектуальный кластер (имперфектив), а затем более конкретное значение, входящее в этот кластер (дуратив или хабитуалис). Однако такая семантическая организация не всегда прослеживается настолько четко.

Есть неочевидные случаи, когда значение граммы нижнего уровня совпадает со значением граммы верхнего уровня (в случаях имперфектива и перфектива), о чем уже было сказано выше. В этом случае вместо «уточнения» семантики происходит своего рода «подтверждение», или «дублирование». Вероятно, здесь требуется более тщательный семантический анализ.

Второй случай нарушения отношений гипо- и гиперонимии — это сочетание с граммемой имперфектива граммем инцептива и комплетива, которые обычно относятся к перфективному, а не имперфективному кластеру. В [Плунгян 2011] отмечается, что семантическое соотношение между перфективом и имперфективом в языках может быть разным. Так, есть «узкий» перфектив, включающий в себя «событийные» ситуации, а есть «широкий» перфектив, который включает еще и значение лимитатива (когда в окно наблюдения целиком попадает длительная ситуация). Таким образом, понятие перфектива (а вместе с ним чаще всего и имперфектива, если в языке есть такое противопоставление) оказывается нестрогим.

Как кажется, в майя представлена еще одна «разновидность» перфектива. В этот кластер попадают все аспектуальные значения, характеризующие только ситуации, целиком вложенные в окно наблюдения (то есть пунктив и лимитатив), а все аспектуальные значения, характеризующие акционально связанные ситуации (в том числе и «событийные»), попадают в кластер им-

перфектива. Такую разновидность «широкого» перфектива (именно широкого, поскольку в него попадает лимитатив) можно было бы назвать «суженным», а противопоставленный ему имперфектив — «расширенным». В утвердившейся среди майянистов традиции принято называть эти кластеры *комплетивом* и *инкомплетивом*, что удачно отражает факт попадания или непопадания в окно наблюдения всего действия в целом. Однако с типологической точки зрения такая терминология кажется неудачной из-за того, что термин *комплетив* уже занят для обозначения отдельной акционально связанной событийной ситуации, а термином *инкомплетив* в [Плунгян 2011] предлагается обозначать особый аспектуальный кластер, совмещающий значения прогрессива и результата.

Учитывая «суженность» перфектива и «расширенность» имперфектива в языках майя, тезис о том, что граммы верхнего и нижнего уровней находятся между собой в отношениях гипо- и гиперонимии, только подтверждается, а проблема сочетаемости инцептива и комплетива с имперфективом снимается. Вопрос о том, насколько типологически обоснованным является выделение еще одного типа перфективного кластера, несомненно, требует дальнейших исследований. Если в результате этих исследований в каких-либо языках мира будут найдены кластеры суженного перфектива и расширенного имперфектива, подобные майянским, это, с одной стороны, подтвердит правомерность выделения таких кластеров в языках майя, а с другой стороны, возможно, потребует корректировки не совсем удачной терминологии.

Другой интересной особенностью аспектуальных систем языков майя (причем не только двухуровневых, но и одноуровневых) является особый статус граммы перфекта. По ряду морфолого-синтаксических признаков перфект выделяется из общего набора аспектуальных граммем.

В языках с двухуровневым выражением аспекта он никогда не употребляется с граммами нижнего уровня, то есть в этих языках перфект — это единственная аспектуальная грамма, которая имеет одноуровневое выражение.

В подавляющем большинстве языков семьи (а может быть, и во всех, если считать препозитивный показатель недавнего прошедшего в языках мамейской ветви именно показателем вре-

мени, а не перфекта, см. выше, 2.2) перфект выражается исключительно суффиксально. Все другие аспектуальные граммемы могут быть выражены глагольными аффиксами (префиксами или суффиксами), препозитивными частицами или сочетанием этих средств, причем способы выражения той или иной граммемы могут сильно варьировать по языкам. Так, к примеру, имперфектив в цоциле выражается либо сочетанием препозитивной частицы и глагольного префикса, либо только префиксом, в юкатеке он выражается префиксом при личном местоимении и глагольным суффиксом, в чоле — препозитивной частицей и глагольным суффиксом.

Кроме того, перфект всегда тесно связан с переходностью глагола. Эта связь может проявляться в запрете перфектных форм от переходных глаголов (как в чоле) или в выборе разных суффиксов перфекта в зависимости от переходности (как в цельтале или киче).

Наконец, еще одна особенность перфекта заключается в том, что в языках с одноуровневыми системами он никогда не нейтрализуется при отрицании, как это иногда может происходить с граммемами перфектива и имперфектива. Например, в цоциле в ряде отрицательных контекстов различия между перфективом и имперфективом стираются, и стираются в пользу имперфектива (примеры (35))²². Перфект же при отрицании всегда сохраняется (пример (36)).

(35) а. *mi ch-a-bat? muk' x-i-bat*
 TZO Q IPFV-2-идти NEG IPFV²³-1-идти
 'Ты идешь? Я не иду'. [Naviland 1981: 118]

б. *mi l-a-bat? muk' x-i-bat*
 TZO Q PFV-2-идти NEG IPFV-1-идти
 'Ты ушел? Я не ушел'. [там же]

²² Как видно из примеров (34), в обоих случаях при отрицании глагол оформляется показателем имперфектива. О несовместимости имперфектива и перфектива с отрицанием см. типологическое исследование [Miestamo, van der Auwera 2011].

²³ Глоссирование префикса *x-* как имперфективного — своего рода упрощение реальной картины. Семантика этого префикса не вполне ясна и нуждается в дальнейших исследованиях. Например, в грамматике [Naviland 1981] он называется «*aspesto neutral*», и тем самым подчеркивается его функция «заполнителя» аспектуальной валентности в контекстах нейтрализации противопоставления имперфектива и перфектива.

(36) *li' to, muk' bat-em-Ø*

ТЗО здесь еще NEG идти-PF-3

‘Он еще здесь, он не ушел’. [Naviland 1981: 103]

Необычное поведение показателей перфекта по сравнению с показателями других аспектуальных значений может свидетельствовать о специфичности семантики перфекта среди прочих аспектуальных граммем. Б. Комри [Comrie 1976] и Э. Даль [Dahl 1985] во многом исходили из бинарного противопоставления аспекта (имперфектив vs. перфектив), не считая перфект в полной мере аспектуальной граммемой. Не случайно перфект в [Dahl 1985] рассматривается в отдельной главе, а не в главе об аспекте. Конечно, в языках майя категория аспекта, как мы видели, не бинарна; граммема перфекта находится в отношении дополнительного распределения с любыми аспектуальными граммемами и поэтому, несомненно, входит в состав грамматической категории аспекта. Тем не менее, обсуждаемые выше свойства майянского перфекта обособляют его внутри аспектуальной системы этих языков.

Наконец, нужно выделить еще одну, возможно, ключевую особенность двухуровневых аспектуальных систем. Эти системы не являются в чистом виде аспектуальными. Как было показано на примере юкатекского майя, в них часто входят также граммемы, передающие временную и/или модальную семантику. Строго говоря, граммемами, представленными на схеме 4, ТАМ-категория юкатека не исчерпывается. В нее органично вписывается категория ирреалиса. На верхнем уровне в схеме появляется четвертая граммема — ирреалис, а на нижнем уровне с ней будут сочетаться еще некоторые граммемы, представленные в примерах (37–39).

(37) *úuch k'oha'nchah-k-ech máasima'?*

YUC PAST.REM болеть-IRR-2 не.так.ли

‘Ты <давно> болел, не так ли?’ [Blair, Vermont-Salas 1965]

(38) *káa xi'k ti' le noh beeh-o'*

YUC OPT идти:IRR LOC DEF большой дорога-DEF

‘Пусть он идет по большой дороге’. [Andrade, Máas Collí 1990]

(39) *bin hok'-ok-Ø*

YUC FUT выходить-IRR-3

‘Он выйдет’. [Bolles, Bolles 2004]

Вспомогательный элемент *úuch* обозначает давнопрошедшее время (*pasado remoto*), причем акцент делается не просто на том, что действие состоялось в прошлом, а, главным образом, на величине временной дистанции, разделяющей момент совершения действия и момент произнесения данной фразы. В [Bolles, Bolles 2004] этому показателю также приписывается перфектная семантика актуальности в данный момент результата действия, совершенного в далеком прошлом. Диахронически показатель удаленного прошедшего восходит к глаголу со значением ‘происходить, случаться’. Показатель *káa*, называемый в [Bolles, Bolles 2004] «suggested future», по-видимому, имеет типично оптативную семантику: говорящий выражает свое желание относительно того, чтобы действие было совершено в будущем. Показатель *bin* из всех показателей с семантикой будущего времени (см. рассмотренные в разделе 2.3 показатели дебитива, комиссива, дезидератива, а также упомянутый чуть выше оптатив) имеет наиболее нейтральное значение, возможно, вообще без модального оттенка.

Таким образом, глагольную ТАМ-катеорию юкатекского майя можно схематически изобразить следующим образом:

Схема 5. Устройство ТАМ-категории в юкатеке

Возможно (в том числе, в связи с проблемой недавнего прошедшего времени в мамейских языках), имеет смысл говорить о ТАМ-категории и в некоторых языках с одноуровневыми системами. Конечно, семантическое ядро этой категории в таких языках будет еще сильнее смещено в сторону аспектуальных значений, но называть эту категорию *аспектом* было бы не совсем корректно.

Вообще, объединение категорий ирреалиса и аспекта (или ТАМ-категории) в одну категорию в юкатеке и некоторых других языках (причем не только с двухуровневым выражением аспекта, но и с одноуровневым — в языках типа киче и цутухиля, см. пункт 2.2) проводилось в целом ряде работ по майянистике. Эта общая категория в таком случае обычно называется достаточно размытым (и потому неудачным) термином *статус*, что подчеркивает необыкновенно широкую семантику входящих в нее граммем перфектива, имперфектива, ирреалиса (и иногда перфекта). Более частные значения выражаются с помощью отдельных вербантов — показателей нижнего уровня, которые составляют еще одну грамматическую категорию, которую можно было бы назвать «интерпретирующей». Ее граммемы, также передающие аспектуальную, модальную и, возможно, также и временную семантику, обязательно употребляются вместе с граммемами категории статуса и тем или иным образом интерпретируют их значения.

Вообще, невозможность сочетания в составе одной глагольной словоформы показателей аспекта и ирреалиса является, по всей видимости, универсальным свойством языков всей семьи майя, в том числе и таких языков, где аспект имеет одноуровневое выражение. Например, на этот факт обращается внимание в грамматике мама [England 1983]. На примере языка цоциль о невозможности сочетания ирреалиса и аспекта говорится и в нашей работе [Виноградов 2009]. Тем не менее, существующих на данный момент сведений, как нам кажется, недостаточно, чтобы полностью отказаться от выделения категорий аспекта и ирреалиса по отдельности во всех языках майя и рассматривать только объединенную ТАМ-категию.

Интересно обратить внимание на ареальное распространение языков с двухуровневыми системами. Такие системы, как уже говорилось, характерны для языков юкатекской ветви и

чольской группы цельтальской ветви, которые распространены в равнинной части майянского ареала (на полуострове Юкатан в Мексике и на севере Гватемалы), в отличие от всех остальных языков, на которых говорят жители горных районов на юге зоны распространения семьи майя. Вероятно, это тоже неслучайно. Еще в первой половине XX века А. Крёбер, один из классиков американской антропологии и этнографии, отмечал различия между языками и культурой горных («upland», или «highland») и равнинных («lowland») майя [Kroeber 1939].

Деление на равнинный и горный ареалы, как это часто бывает, не является в полной мере строгим. Есть языки, которые занимают в известной степени промежуточное положение и обладают общими свойствами как с той, так и с другой ареальной группой. Это, в первую очередь, касается языков цельтальской и уастекской групп.

Среди различий между горными и равнинными языками, помимо различий в выражении аспекта (или даже всей системы вербантов в целом, как было показано выше), есть также и ряд других. Например, для равнинных языков (включая уастекскую и цельтальскую ветви) характерен суффикс номинализации *-el*, одновременно являющийся показателем «континуатива» [Robertson 1992: 92])²⁴. Есть различия и в лексике: например, в [Robertson 1992] указывается на разную этимологию терминов родства и некоторых числительных (в том числе для обозначения ‘200’ и ‘8000’ — «базовых» числительных при вигезимальной системе) в равнинных и горных языках. Именно в равнинных языках юкатекской и чольской групп после распада общего протомайянского языка возникло явление расщепленной эргативности [Robertson 1992], которое затем распространилось на другие языки, в числе которых и такие горные языки, как ишиль, покомам, какчикель.

В завершение сделаем несколько замечаний, касающихся диахронического развития аспектуальных систем. На примере

---

²⁴ Это является ещё одним свидетельством того, что концепция Дж. Кун о выражении имперфекта с помощью номинализованной клаузы не противоречит нашей идее о двухуровневом выражении аспекта, поскольку показатель номинализации одновременно передаёт семантику, близкую к имперфективной.

юкатекского показателя комплетива можно проследить три стадии грамматикализации глагола в префиксальный аспектуальный показатель нижнего уровня [Lehmann 1993b]. При этом промежуточной стадией является препозитивная аспектуальная частица. Именно в этой стадии находится большинство аспектуальных показателей юкатекского майя, за исключением показателей перфектива и имперфектива, которые уже грамматикализировались в префиксы (и отчасти показателя комплетива, как это видно из примера (40в)).

(40) а. *h ts'o'k-Ø u tsikbal y-éetel le*
 YUC PFV **заканчивать**-PFV 3 говорить 3-с DEF
hala'ch wíinik-o'
 почтенный человек-DEF
 'Он закончил разговаривать с королем'. [Andrade, Máas Collí 1990]

б. *ts'o'k a meyah-Ø*
 YUC **COMPL** 2 **работать**-IPFV
 'Ты закончил работать'. [Lehmann 1993b: 315]

в. *ts'-a meyah-Ø*
 YUC **COMPL-2** **работать**-IPFV
 'Ты закончил работать'. [там же]

Таким образом, можно сделать вывод, что изначально в аспектуальной системе юкатека были только показатели верхнего уровня (имперфектив, перфектив и перфект), и система была одноуровневой. Затем начался процесс грамматикализации глаголов с соответствующей семантикой (например, наиболее очевидные случаи: *начинать* — в инцептив, *заканчивать* — в терминатив) в аспектуальные показатели, и система стала двухуровневой, поскольку основные аспектуальные показатели (показатели верхнего уровня) по-прежнему сохраняются.

Вполне вероятным кажется предположение о том, что двухуровневые системы должны быть крайне неустойчивыми. Возможно, подтверждением тому является язык цоциль, в котором тоже обнаруживаются следы «двухуровневости». В [Robertson 1987] и [Robertson 1992] реконструируются исконные показатели перфектива и имперфектива *n- и *x-, соответственно. В совре-

менном языке они были заменены «новыми» показателями *l-* и *ch-* (или *ta x-*)²⁵. Эти показатели произошли от глаголов *laj* ‘заканчивать’ и *ta* ‘находить’ (более подробно см. в [Robertson 1987]). Таким образом, в форме *ta x-* сочетаются «новый» и «старый» имперфективные показатели, что позволяет рассматривать двухуровневость выражения аспекта как переходный период, который в истории цоциля уже пройден. Смена одной парадигмы показателей на другую не происходит моментально; некоторое время обе парадигмы сосуществуют. Этот принцип в теории грамматикализации известен под названием «layering principle», или «принцип наслаивания»²⁶, который впервые был сформулирован американским лингвистом Полом Хоппером следующим образом: «В пределах некоторой широкой функциональной области постоянно возникают новые слои, при этом старые не обязательно выходят из употребления, но могут сосуществовать и вступать во взаимодействие с новыми» [Hopper 1991] (цит. по [Сичинава 2008: 119]).

Двухуровневая аспектуальная система характеризует, таким образом, период перехода от одноуровневой системы с одной парадигмой показателей к одноуровневой системе с другой парадигмой показателей. Возможно, именно этим объясняется наличие граммем перфектива и имперфектива на обоих уровнях в языках с двухуровневыми системами.

4. Заключение

В языках семьи майя представлено два типа аспектуальных систем. В составе глагольной словоформы может быть или один аспектуальный показатель (это характерно для языков горной части), или два (это языки преимущественно равнинной части ареала). Для языков второго типа в данной работе было введено понятие «двухуровневой аспектуальной системы», которому противопоставлена «одноуровневая аспектуальная система», характерная для языков майя первого типа и, по всей видимости, для большинства языков мира.

²⁵ В уиштанском диалекте цоциля показатель перфектива *n-* сохранился (см., например, [Robertson 1992]).

²⁶ Подробнее на русском языке см., например, [Сичинава 2008].

При всем отмеченном разнообразии языков майя различия между языками с двухуровневым и с одноуровневым выражением аспекта не столь фундаментальны. Наборы аспектуальных граммем в языках с одноуровневыми системами и наборы показателей верхнего уровня в языках с двухуровневыми системами в основном совпадают: туда входят имперфектив, перфектив и перфект. Показатели нижнего уровня (некоторые из которых уже в полной мере грамматикализировались, а некоторые еще находятся на более ранних этапах грамматикализации, по-прежнему проявляя отдельные свойства самостоятельных глаголов) «усложняют» эту систему и по сути добавляют к одноуровневой системе еще один уровень.

С типологической точки зрения двухуровневая система, несомненно, представляет собой значительный интерес. Такая сложная система выражения грамматических значений может быть связана со сложным устройством соответствующей семантической зоны, тем более что совместно с аспектом в языках майя нередко выражаются также значения, традиционно причисляемые к временным и модальным. При этом языки майя (прежде всего, языки чольской и цельтальской групп) идут не по наиболее распространенному пути, когда большая семантическая зона как бы дробится на более мелкие, за которые «отвечают» отдельные грамматические категории, а целиком сохраняют семантическую зону, покрывающую большинство грамматических значений глагола, сопоставляя ей две тесно связанные друг с другом грамматические категории, которые по-разному детализируют значения этой семантической зоны. Одна грамматическая категория состоит из небольшого числа граммем, имеющих достаточно общие значения, а другая, «интерпретирующая» грамматическая категория, наоборот, располагает большим числом граммем с достаточно частными значениями, которые соответствуют тем или иным граммемам первой категории, что грамматически выражается в тесной взаимосвязи и строгих правилах сочетаемости граммем этих двух категорий.

Конечно, в майянской аспектологии по-прежнему остается целый ряд вопросов, которые требуют дальнейшего изучения. Какова семантика граммем перфектива и имперфектива нижнего уровня и как она соотносится с семантикой соответствующих граммем верхнего уровня? Каков точный набор граммем ТАМ-

категории и какова их семантика? Насколько редкими, периферийными являются все граммемы аспекта кроме перфекта, перфектива и имперфектива в языках с одноуровневыми системами? Каковы грамматический статус и семантика «деривационно-аспектуального» суффикса в языках типа киче или цутухиля, и не обладают ли эти языки двухуровневыми системами? Как часто в рамках единой грамматической категории вместе с аспектом выражаются значения из семантических областей модальности и времени? На эти и многие другие вопросы еще предстоит дать ответ.

Сокращения

Глоссы

(за основу взяты лейпцигские правила глоссирования)

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; APPL — аппликатив; AVER — авертив; CLF — классификатор; COM — комиссив; COMPL — комплетив; DEB — дебилитив; DEF — определенный (артикле); DES — дезидератив; EMPH — эмфатическая частица; EXCL — эксклюзивность; FUT — будущее время; HAB — хабитуалис; HORT — гортатив; IMP — императив; INCEP — инцептив; INDEF — неопределенный артикле; IPFV — имперфектив; IRR — ирреалис; LOC — локативная частица; NEG — отрицание; NMLZ — номинализатор; OPT — оптатив; PAS — пассив; PAST.IMM — недавнее прошедшее; PAST.REM — удаленное прошедшее; PF — перфект; PFV — перфектив; PL — множественное число; PREP — предлог; PROSP — проспектив; Q — вопросительная частица; SG — единственное число

Языки

awa — авакатек; chl — чоль; jac — хакальтек; kch — киче; mam — мам; mop — мопан; tze — цельталь; tzo — цоциль; tzu — цутухиль; yuc — юкатекский майя

Библиография

- Беляев — О. И. Беляев. Аспектуально-временная система аштынского даргинского // Настоящий сборник.
- Виноградов 2009 — И. А. Виноградов. Категория ирреалиса в языке цоциль. Доклад, прочитанный на 6-й Конференции по типологии и грамматике для молодых исследователей. Санкт-Петербург, 26–28 ноября 2009 г.
- Гусев 2005 — В. Ю. Гусев. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2005.

- Ершова 1990 — Г. Г. Ершова. Майя-киче языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990. С. 278–279.
- Майсак — Т. А. Майсак. Причастные формы в видовременной системе агульского языка. Настоящий сборник.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Сичинава 2008 — Д. М. Сичинава. Синонимия грамматических показателей: теоретические подходы лингвистики XIX–XXI веков. II Постструктуралистские подходы // Вопросы языкознания 5, 2008. С. 116–133.
- Andrade 2005 — M. J. Andrade. A grammar of Modern Yucatec. Chicago: University of Chicago Library, 1955.
- Andrade, Máas Collí 1990 — M. J. Andrade, H. Máas Collí (eds.). Cuentos mayas yucatecos. U tsikbalilo'ob Mayab. (Uuchben tsikbalob.) Tomo I. Mérida: Universidad Autónoma de Yucatán, 1990. <http://christianlehmann.eu/ling/sprachen/maya/textos/index.html>.
- Aulie, Aulie 1978 — H. W. Aulie, E. W. Aulie. Diccionario Ch'ol. Tercera edición. Serie de Vocabularios y Diccionarios Indígenas «Mariano Silva y Aceves», 121. México D. F.: El Instituto Lingüístico de Verano, 1978/2009.
- Berlin 1968 — B. Berlin. Tzeltal numeral classifiers: a study in ethnographic semantics. (= Janua linguarum, series practica, 70.) The Hague: Mouton, 1968.
- Bertinetto 2000 — P. M. Bertinetto. The progressive in Romance, as compared with English // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe. B.: Mouton de Gruyter, 2000. P. 559–604.
- Blair, Vermont-Salas 1965 — R. W. Blair, R. Vermont-Salas. Spoken (Yucatec) Maya, 1. Chicago: University of Chicago, 1965. <http://christianlehmann.eu/ling/sprachen/maya/textos/index.html>.
- Bolles, Bolles 2004 — D. Bolles, A. Bolles. A Grammar of the Yucatecan Mayan language. FAMSI, New Hampshire: online edition, 2004. <http://www.famsi.org/research/bolles/grammar/index.html>.
- Bohnemeyer 2002 — J. Bohnemeyer. Activity nouns, unaccusativity, and argument marking in Yukatekan. Paper presented at the SSILA meeting, Special Session: Denominal Verbs in the Languages of the Americas. San Francisco, 4–5 January 2002.
- Bricker 1981 — V. R. Bricker. The source of the ergative split in Yucatec Maya // Journal of Mayan Linguistics 2.2, 1981. P. 83–127.
- Bugenhagen 1993 — R. D. Bugenhagen. The semantics of irrealis in the Austronesian languages of Papua New Guinea // G. P. Reesink (ed.). Topics in descriptive Austronesian linguistics. Leiden: Rijksuniversiteit Leiden, 1993. P. 1–39.

- Comrie 1976 — B. Comrie. *Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge University Press, 1976.
- Coon 2010a — J. Coon. *Complementation in Chol (Mayan): A theory of split ergativity*. Ph. D. Diss. Cambridge, Massachusetts Institute of Technology, 2010.
- Coon 2010b — J. Coon. *Rethinking split ergativity in Chol* // *International Journal of American Linguistics* 76, 2010. P. 207–253.
- Craig 1977 — C. G. Craig. *The Structure of Jacaltec*. Austin — London: University of Texas Press, 1977.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. *Tense and Aspect Systems*. Oxford — N. Y.: Basil Blackwell, 1985.
- Daniel, Lander 2011 — M. Daniel, Yu. Lander. *The Caucasian languages* // B. Kortmann, J. van der Auwera (eds.). *The Languages and Linguistics of Europe: A Comprehensive Guide*. Berlin: Mouton, 2011.
- Dayley 1985 — J. P. Dayley. *Tzutujil grammar*. Berkeley: University of California Press, 1985.
- Delgaty, Ruíz Sánchez 1986 — A. H. V. Delgaty, A. Ruíz Sánchez. *Diccionario Tzotzil de San Andrés con Variaciones Dialectales. Serie de Vocabularios y Diccionarios Indígenas «Mariano Silva y Aceves»*, 22. México D. F.: El Instituto Lingüístico de Verano, 1986.
- Elliott 2000 — J. R. Elliott. *Realis and irrealis: Forms and concepts of the grammaticalisation of reality* // *Linguistic Typology* 4, 1, 2000. P. 55–90.
- England 2007 — N. C. England. *Los usos y funciones de los marcadores «ergativos» (Juego A) en Mam (Maya)*. Paper presented at the Conference on Indigenous Languages of Latin America — III. Austin, Texas, 25–27 October 2007.
- England 1983 — N. C. England. *A grammar of Mam, a Mayan language*. Austin: University of Texas Press, 1983.
- Haviland 1981 — J. B. Haviland. *Sk'op Sotz'leb — el tzotzil de San Lorenzo Zinacantán*. México D. F.: Universidad Nacional Autónoma de México, 1981.
- Hofling 1994 — C. A. Hofling. *Transitivity and voice in Itzaj Maya: Minor voices* // R. Zavala Maldonado (ed.). *Función 15–16: Estudios sobre lenguas mayas*, 1994. P. 261–286.
- Hopper 1991 — P. J. Hopper. *On some principles of grammaticization* // E. Traugott, B. Heine (eds.). *Approaches to Grammaticalization*, I. Amsterdam: John Benjamins, 1991. P. 17–36.
- Kaufmann 1990 — T. Kaufmann. *Algunos rasgos estructurales de los idiomas Mayances con referencia especial al K'iche'* // N. C. England, S. R. Elliott (eds.). *Lecturas sobre la lingüística maya*. Guatemala: CIRMA, 1990.

- Krämer, Wunderlich 1999 — M. Krämer, D. Wunderlich. Transitivity alternations in Yucatec, and the correlation between aspect and argument roles // *Linguistics* 37, 3, 1999. P. 431–479.
- Kroeber 1939 — A. L. Kroeber. *Cultural and Natural Areas of Native North America*. University of California Publications in American Archaeology and Ethnology, 39. Berkeley: University of California Press, 1939.
- Kuteva 1998 — T. Kuteva. On identifying an evasive gram: action narrowly averted // *Studies in language* 22, 1, 1998. P. 113–160.
- Larsen 1994 — T. W. Larsen. Deictic and Non-deictic Directionals in Awakatek // R. Zavala Maldonado (ed.). *Función 15–16: Estudios sobre lenguas mayas*, 1994. P. 168–210.
- Larsen, Norman 1979 — T. W. Larsen, W. M. Norman. Correlates of ergativity in Mayan grammar // F. Plank (ed.). *Ergativity*. N. Y.: Academic Press, 1979. P. 347–370.
- Laughlin 1977 — R. M. Laughlin. *Of Cabbages and Kings: Tales from Zinacantán*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1977. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 23).
- Laughlin 1980 — R. M. Laughlin. *Of Shoes and Ships and Sealing Wax: Sundries from Zinacantán*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1980. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 25).
- Laughlin 1988 — R. M. Laughlin. *The Great Tzotzil Dictionary of San Lorenzo Zinacantán with Grammatical Analysis and Historical Commentary*. Washington D. C.: Smithsonian Institution Press, 1988. (Smithsonian Contributions to Anthropology, 31).
- Lehmann 1993a — C. Lehmann. Predicate classes in Yucatec Maya // *Función* 13/14, 1993. P. 195–272.
- Lehmann 1993b — C. Lehmann. The genesis of auxiliaries in Yucatec Maya // *Proceedings of the International Congress of Linguists* 15, 2, 1993. P. 313–316.
- Lewis 2009 — M. P. Lewis (ed.). *Ethnologue: Languages of the World*, Sixteenth edition. Dallas, Texas: SIL International, 2009.
- Miestamo, van der Auwera 2011 — M. Miestamo, J. van der Auwera. Negation and perfective vs. imperfective aspect // J. Mortelmans, T. Mortelmans, W. de Mulder (eds.). *From now to eternity*. Amsterdam — New York: Rodopi, 2011. (Cahiers Chronos 22).
- Mithun 1995 — M. Mithun. On the relativity of irrealis // J. Bybee, S. Fleischman (eds.). *Modality in grammar and discourse*. Amsterdam: Benjamins, 1995. P. 367–388.
- Mondloch 1981 — J. L. Mondloch. *Voice in Quiche-Maya*. Ph. D. Diss. Albany, State University of New York at Albany, 1981.
- Polian 2007 — G. Polian. El sufijo -uk y la diversificación de la modalidad irrealis en tseltal. Paper presented at the Conference on Indigenous Languages of Latin America — III. Austin, Texas, 25–27 October 2007.

- Pye 2001 — C. Pye. La adquisición de la morfología verbal en el maya k'iche // C. Rojas, L. de León (eds.). *Procedimientos del IV Encuentro sobre Adquisición del Lenguaje*. México, 2001.
- Relatos... 2002 — *Relatos Choles*. Albilbä tyi lakty'añ. *Lenguas de México 6*. Consejo Nacional para la Cultura y las Artes, Dirección General de Culturas Populares e Indígenas. San Miguel Iztapalapa, México, 2002.
- Robertson 1980 — J. S. Robertson. The structure of pronoun incorporation in the Mayan verbal complex. New York: Garland, 1980.
- Robertson 1987 — J. S. Robertson. The Common Beginning and Evolution of the Tense-Aspect System of Tzotzil and Tzeltal Mayan // *International Journal of American Linguistics* 53, 4, 1987. P. 423–444.
- Robertson 1992 — J. S. Robertson. The history of tense / aspect / mood / voice in the Mayan verbal complex. Austin: University of Texas Press, 1992.
- Schwenter 1994 — S. A. Schwenter. «Hot news» and the grammaticalization of perfects // *Linguistics* 32, 6, 1994. P. 995–1028.
- Vázquez Álvarez 2002 — J. J. Vázquez Álvarez. 2002. *Morfología del verbo de la lengua chol de Tila, Chiapas*. Tesis de maestría no publicada. México D. F., CIESAS, 2002.
- Wichmann 2005 — S. Wichmann. Un panorama de las lenguas indígenas de México // B. de Jonge (ed.). *Las lenguas de México: México en Movimiento*, 11. Groningen: Groningen University, 2005. P. 111–140.
- Wichmann, Hull 2009 — S. Wichmann, K. Hull. Loanwords in Q'eqchi', a Mayan language of Guatemala // M. Haspelmath, U. Tadmor (eds.). *Loanwords in the World's Languages: A Comparative Handbook*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2009. P. 873–896.

Часть II

**АСПЕКТУАЛЬНЫЕ
КАТЕГОРИИ**

АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ ЛАТИНСКИХ ПРЕВЕРБОВ: ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ

Проблема описания латинских глагольных приставок (превербов) — как семантики отдельных превербов, так и системы в целом — издавна привлекала внимание филологов-классиков и лингвистов. Среди ранних работ, в которых так или иначе затрагивается данная тематика, следует назвать, например, [Ernout, Thomas 1953 (1972); Leumann 1975], среди более новых — [García-Hernández 1985, 1989, 1995, 2005; Haverling 2000; Van Laer 2010]; отметим также статью [Vertocci в печати] о редких случаях тмемиса в латинском языке. Разделы, посвященные латинской префиксации, в частности, ее аспектуальным функциям, можно найти в классических грамматиках латинского языка [Hofmann, Szantyr 1965 (1972); Leuman 1977]; подробные сведения о словообразовательной и грамматической семантике превербов содержатся и в полных словарях латинского языка (см., например, [Glare 1982]). Вместе с тем, описание данных латинского языка на типологическом фоне и с учетом современных достижений аспектологической теории по-прежнему остается востребованным; это в особенности касается аспектуального «вклада» превербов, о котором преимущественно и пойдет речь ниже.

Настоящая статья не претендует, разумеется, на исчерпывающее описание этой достаточно сложной области, связанной, с одной стороны, с проблематикой индоевропейской и праиталийской глагольной реконструкции, а, с другой стороны, с изучением эволюции самого латинского языка и ранних романских систем. Мы постараемся лишь очертить основные проблемы, связанные с описанием грамматических особенностей латинской системы превербов (прежде всего, в плане их аспектуальной функции), а также коснемся семантической мотивации множественной глагольной префиксации, причем всюду, где это возможно, мы постараемся рассмотреть эту проблематику в типологическом контексте.

Система латинских превербов

Как многие индоевропейские языки, латинский язык располагает богатым инвентарем глагольных приставок (превербов). Главная отличительная черта данного класса языковых единиц лежит не в формальной плоскости — в большинстве языков функцию превербов выполняют именно аффиксальные морфемы, находящиеся перед корнем — а в области семантики. Превербы — это единицы, модифицирующие, прежде всего, *пространственные* характеристики ситуации. Пространственные значения превербы имеют в сочетании с глаголами движения и позиции (а также с рядом других групп глаголов физической деятельности). Лексическими источниками превербов чаще всего оказываются наречные элементы — они же часто являются лексическими источниками и для пространственных предлогов (или послелогов). В результате общности лексического источника во многих языках превербы и предлоги омонимичны, по крайней мере, их большая часть.

Превербы не обязательно являются приставками, часто они способны менять свое положение относительно корня в зависимости от синтаксической конструкции или вообще не функционировать как приставки. Характерные примеры языков с «неприставочными» превербами — германские, где превербы выступают перед корнем лишь в некоторых синтаксически строго обусловленных случаях (немецкий, идиш, нидерландский), а также, венгерский. В английском языке функцию превербов выполняют пространственные наречия, которые также никогда не занимают позицию перед глаголом. Соответственно, и префиксальные морфемы не обязательно являются превербами. Характерный пример — грузинский язык, где превербом можно назвать лишь один из многих префиксов, другие же префиксы — показатели лица, залога и др. грамматических категорий [Vogt 1971]¹), напр. ‘я это написал’:

- (1) *da- v- c'er- e*
PREV 1SG писать AOR
‘я это написал’

---

¹ Подробнее о грузинских превербах см. статью А. А. Ростовцева-Попеля в настоящем сборнике.

С формальной точки зрения, латинские превербы всегда выступают перед глаголом и составляют с ним единый морфологический комплекс, о чем свидетельствует, например, наличие изменения корневых гласных глагола и особых морфонологических чередований на границе между превербом и корнем, характерных исключительно для этих единиц (напр., *ab-* ~ *abs* ~ *au-*, *re-* ~ *red-*, *co-* ~ *con-*). Большинство превербов имеют предложные корреляты: таковы *ab-* (движение от ориентира), *de-* (вниз с поверхности), *ex-* (изнутри наружу), *pro-* (вперед), *prae-* (движение или нахождение впереди), *con-* (движение навстречу, совместность), *ante-* (движение впереди / нахождение перед), *ad-* (движение к ориентиру), *circum-* (нахождение / движение вокруг), *inter-* (нахождение / движение между), *ob-* (движение навстречу, вокруг), *post-* (нахождение / движение позади), *praeter-* (мимо), *per-* (через, сквозь), *trans-* (через, сквозь), *in-* (нахождение / движение в), *sub-* (нахождение / движение под; снизу на поверхность), *super-* (над), *supra-* (наверху)², *intro* (внутри). Значение предлогов и превербов в целом соотносимо. Небольшая группа превербов не имеет предложных коррелятов: это *re-* (движение обратно, повторение), *dis-* (движение в противоположные стороны), *amb-* (вокруг); последний преверб, правда, имеет предложные соответствия в других и.-е. языках (напр., греч. ἄμφι), ср. [Тронский 2001: 388–389].

В большинстве случаев латинский глагол способен присоединять лишь один преверб, по крайней мере, если речь идет о превербах с пространственным значением или о значении, напрямую связанным с пространственным. Лишь преверб *re-* в некоторых значениях может последовательно присоединяться к другим префиксальным глаголам, образуя лексемы с рефактивным значени. Небольшие группы префиксальных глаголов присоединяют также дополнительно превербы *dis-*, *con-* и *per-*. Это в корне отличает латинский язык от, например, древнегреческого³, в котором один глагол может иметь до трех пространственных превербов:

² Только 2 глагола — *suprascando* ‘залезть на вершину чего-л.’, *supravivo* ‘выжить’.

³ Подробнее о множественной префиксации в гомеровском греческом см. диссертацию [Imbert 2008].

- (2) πολὺ δ' ὕδωρ καλὸν ὑπ- εκ- πρό- ρεεν
много PART хорошей воды под-из- вперед течь.3SG.IMPF
'[из под скалы] *вытекало* много хорошей воды' (Hom.,
Odyss., VI, 85)

Функции превербов

Латинские превербы являются, в первую очередь, показателями категории *глагольной ориентации*, т. е. выразителями пространственных характеристик именных аргументов глагола в составе глагольной словоформы [Плунгян 2002, 2011: 327–345]. Как было сказано выше, категория глагольной ориентации в наиболее чистом виде характерна для превербов при глаголах движения и позиции. Латинский язык — язык «сателлитного» типа по известной классификации Л. Талми, т. е., глагольный корень в нем обычно передает *способ* движения, в то время как *траектория* и другие пространственные параметры выражаются «сателлитами» корня, в роли которых и выступают превербы [Talmy 1985, 2000]. От одного глагольного корня может образовываться множество префиксальных производных с различными пространственными значениями. См., например, производные от глагола *gradior* 'идти; передвигаться пешком':

- (3) Igitur Calpurnius initio paratis com meatibus acriter Numidiam *ingressus est* (Sall., Bel. Jug., 28) 'И вот Кальпурний, приготовив обозы, быстро *вторгся* в Нумидию'.
(4) ...postquam Roma *egressus est*, fertur (...) dixisse: (...) (Sall., Bel. Jug., 34) 'Передают, что он, *после того, как вышел* из Рима, сказал: (...)'.
(5) ...superiore die murum *aggreditur* (Sall., Bel. Jug., 59) 'На следующий день он *подходит* к стене'.
(6) Exploratis omnibus, quae mox usui fore ducebat, eadem *regreditur* (Sall., Bel. Jug, 93) 'Разведав все, что, как он думал, могло бы вскоре оказаться полезным, он *возвращается* тем же путем'.

В сочетании с основами, не относящимися к классу глаголов движения и позиции, превербы могут иметь самые различные значения, степень связи которых с пространственными может быть весьма различной — от явной семантической производности до достаточно далеких и неочевидных отношений. Тем са-

мым, практически все превербы являются в высокой степени полисемичными, что составляет одну из главных теоретических и практических проблем их описания (подробнее об этом см., например, на русском материале [Кронгауз 1998]). В качестве иллюстрации, представим кратко список основных значений приставки *re-* (подробнее о типологии значений этой группы см. в статье Н. М. Стойновой в настоящем сборнике):

- 1) Движение назад: *recido* ‘отступать’, *regredior* ‘идти назад’.
- 2) Возврат в изначальное состояние: *recipio* ‘получать назад’ (также просто ‘получать’), *recreo* ‘воссоздавать’, *recludo* ‘отпирать’.
- 3) Ответное действие: *recino* ‘петь в ответ, откликаться’, *respondeo* ‘отвечать’, ср. [Бенвенист 1995 (1970): 363–364].
- 4) Повторное действие: *resurgo* ‘вновь вставать; возрождаться’.
- 5) Интенсивное значение (например, с глаголами речи): *recito* ‘читать вслух’, *reclamo* ‘провозглашать’.

Помимо изменения лексического значения глагола и пространственных характеристик, в случаях присоединения преверба к глаголу могут возникать дополнительные эффекты. Прежде всего, может меняться актантная структура ситуации, например, глагол *ridere* ‘смеяться’, в отличие от его приставочного коррелята *deridere* ‘насмеяться (над к.-л.), высмеивать (кого-л.)’, не способен присоединять прямое дополнение.

Наконец, непосредственно интересующий нас случай — перфективация и другие типы семантических изменений, так или иначе связанных с семантической зоной аспекта.

Аспектуальные функции превербов

Говоря об аспектуальных функциях латинских превербов, начнем с наблюдений, представленных в грамматике [Hoffmann, Szantyr 1965]. Авторы, приводя примеры аспектуального употребления приставок, указывают на возможную аналогию между латинским и славянскими языками, а именно между латинскими глаголами с превербами и категорией вида в славянских языках, где префиксация играет ключевую роль. В главе этой грамматики, озаглавленной «Aktionsart», встречается, например, такое замечание:

Оправданность использования заимствованных из славянской грамматики терминов «перфектив» и «имперфектив» применительно к латыни иногда подвергается сомнению — впрочем, не-

справедливо. Не является необходимым лишь более дробное логическое членение внутри каждого из двух видов (*Aktionsart*) — например, подразделение перфективного действия на «пунктивное» (совпадение момента начала и завершения действия в одной точке, напр., *conlego, conticeo*) и «эффективное» (описание окончания действия, напр., *concido*): эти различия обусловлены значением глагольного корня и контекстом. Поскольку формально налицо одно и то же средство, едва ли стоит проводить различие между моментальным (концентрированным) перфективным действием и дуративным (линейным) перфективным действием (*hostem occido*), между концентрацией внимания на окончании действия или на его полном выполнении, напр. *librum perlego* — ‘я читаю книгу полностью, до конца’ [Hofmann, Szantyr 1965: 301] (перевод мой — В. П.).

Главная ценность данного замечания — в самой попытке применить аспектологические универсалии к латинскому языку и в признании аспектуальных функций у превербов. Действительно, латинские превербы способны придавать глаголам все подобные вышеупомянутым оттенки смысла. В то же время, интересующее нас явление рассматривается не полностью, и наблюдается некоторое терминологическое смешение, большей частью преодоленное в современной аспектологии. В частности, термин *Aktionsart* используется авторами, по-видимому, в его характерном для немецкой традиции первоначальном старом значении «глагольный вид»: так, в начале соответствующего раздела говорится о том, что три индоевропейских *Aktionsart*’а — перфективный, имперфективный и перфектный — были вытеснены в латыни категорией времени. С точки зрения современной аспектологии утверждение вряд ли может быть признано удачным, так как противопоставление «перфекта» (семантически — расширенного аориста с перфектными употреблениями; подробнее об этом см. [Плунгян 2011: 391–392] и введение к данному сборнику) и имперфекта в плане прошедшего времени теперь назвали бы именно аспектуальным, а термин *Aktionsart* отнесли бы скорее к словообразовательной семантике глагольных префиксов. Как бы то ни было, в грамматике [Hofmann, Szantyr 1965: 300–305] сформулировано несколько полезных наблюдений, которые могут задать верное направление исследованию:

1) Латинские приставки часто влияют на аспектуальность глагола (в широком понимании).

2) Значения, передаваемые регулярным морфологическим противопоставлением перфекта и имперфекта, и значения приставок зачастую тесно переплетены.

3) Для объяснения фактов латинского языка следует обратиться к другим языкам, где приставкам свойственны сходные функции.

Попытаемся теперь взглянуть на данные латинского языка в свете современной аспектуальной типологии — в частности, последовательно различая аспект и акциональность и используя противопоставление первичного и вторичного аспекта, а также универсальных аспектуальных значений и конкретно-языковых аспектуальных кластеров (см. Плунгян 2011: 377–416). Полезно также иметь в виду введенное Дж. Байби Э. Далем [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989; Bybee et al. 1994] различие двух типов перфективов, связанное с разными источниками грамматикализации. Первый тип (*anterior-based perfective*, который можно условно называть «темпоральным») — это перфектив, выражаемый регулярными морфологическими средствами, например, суффиксами. Сфера его употребления обычно ограничивается прошедшим временем⁴, а его базовое значение — ситуация, ограниченная во времени, без внимания к ее фазам. Глаголы разных акциональных классов могут получать разные интерпретации, будучи употребленными с показателями этой категории, один и тот же глагол может быть интерпретирован по-разному в зависимости от контекста. Кластер ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ + ПЕРФЕКТИВ принято называть аористом [Dahl 1985: 81–84; Bybee et al. 1994: 81–86; Плунгян 2011: 390–392]. Эта категория широко распространена в европейских языках (в английском, в романских, в т.ч. в латинском, в древне- и новогреческом, в южнославянских) и обычно противопоставлена категории имперфекта.

Второй тип перфектива было предложено называть *boundary-based perfective* (возможный русский эквивалент этого термина — «сателлитный» перфектив). Это перфектив, основанный на присоединении к глаголам «ограничителей», которые, по сути, аналогичны «сателлитам» в терминологии Талми — то есть, это наречные

---

⁴ Впрочем, есть и исключения — например, греческий язык (как древне-, так и новогреческий); подробнее о специфике греческой системы см. нашу совместную с Т. А. Архангельским статью в настоящем сборнике [Панов, Архангельский, наст. сб.].

компоненты или превербы, чаще всего с пространственным значением. Набор «ограничителей» достаточно обширен (см. перечисление латинских приставок выше), и выбор в каждом конкретном случае обусловлен семантикой глагола. Добавление ограничителя к глаголу не переводит его автоматически в другую грамматическую категорию, а лишь меняет акциональные характеристики ситуации. В большинстве случаев меняется и лексическое значение глагола. Такой тип перфектива обозначает, в отличие от «темпорального» перфектива, не просто ситуацию, ограниченную во времени, а фокусирует внимание на одной из ее фаз, чаще всего — на финальной, выражая достижение внутреннего предела. Перфективирующие приставки по-разному ведут себя с различными семантическими классами глаголов. При употреблении с глаголами движения к ситуации может добавляться дополнительный ориентир, например, конечная точка движения, превращая таким образом неопредельный процесс (типа *идти*) в предельный (типа *прийти*).

Будучи употребленными не с глаголами движения, превербы (ограничители) часто образуют формы, известные как *способы глагольного действия* (для которых в современной лингвистике в основном и используется термин *Aktionsart*). Способы глагольного действия — это регулярные модели «семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными средствами» [Анна Зализняк, Шмелев 2000]. В русском и других славянских языках, где вид является грамматической категорией, употребление одного из способов действия одновременно меняет и вид глагола с несовершенного на совершенный.

Еще один способ образования перфективных коррелятов от неперфективных глаголов — так называемые «пустые» превербы. Это случаи, когда преверб не добавляет никаких дополнительных оттенков значения глаголу, но меняет его аспектуальные характеристики, в случае славянских языков — переводит глагол из несовершенного в совершенный вид (*писать* > *написать*). Подобное явление, по крайней мере в части случаев, объясняется так называемым эффектом Вея-Схоневельда, суть которого в том, что эффект «пустого» преверба возникает в случае частичного совпадения значения преверба и глагольного корня (ср. Кронгауз 1998: 78–84; Плунгян 2011: 413–414)]; см. также ниже).

Рассмотрим данные латинского языка в свете изложенных теоретических оснований.

Аспектуальная система латинского языка

Латинский язык обладает регулярными морфологическими средствами для выражения аспектуальных категорий. Аспектуальные категории выражаются кумулятивно с категорией времени, иными словами, латинский язык обладает типичными признаками «темпорального» перфектива. Перфективный и имперфективный аспекты противопоставлены в плане прошедшего времени, будучи выраженными одновременно с помощью изменений в основе и набора окончаний. Отдельного показателя универсального значения перфекта в латинском языке нет, хотя часть глагольных основ общего перфективного прошедшего времени этимологически восходит к праиндоевропейским основам перфекта, а часть — к основам аориста. Флексии латинского *perfectum*⁵ восходят только к праязыковым перфектным флексиям [Эрну 2004: 250–254]). Имперфектив прошедшего времени — это латинский *imperfectum*, перфектив прошедшего времени — латинский *perfectum*. Латинский *perfectum* совмещает две универсальные аспектуальные граммы — аориста и перфекта, что связано с его происхождением (в терминологии, предложенной в [Плунгян 2011: 391–392], это так называемый «расширенный перфект»). Основа *perfectum* может использоваться и в других грамматических формах (конъюнктиве, инфинитиве), выражая, главным образом, грамму предшествования категории таксиса. Значения *imperfectum* и *perfectum* в целом вполне соответствуют стандартному набору значений, характерному для имперфективных и перфективных кластеров в других языках. Так, *perfectum* может сочетаться с предикатами любых акциональных классов (состояниями, предельными процессами, событиями), во всех случаях представляя ситуацию как ограниченную во времени:

- (7) *quod ego, ut debui, sine mora feci* (Cic., *Litt. ad Brut.*, I, 18)
'Я, как и *должен был*, без промедления *сделал* это'.

В этом примере не только предельный глагол *facere*, но и глагол состояния *debere* употреблены в форме *perfectum*: в по-

---

⁵ В этой статье мы используем русские слова «перфект» и «имперфект» для обозначения универсальных грамматических значений, а также праязыковых категорий. Латинские термины *perfectum* и *imperfectum* используются исключительно для наименования соответствующих форм латинского языка.

следнем случае перфективность сигнализирует, что ситуация долженствования полностью осталась в прошлом и завершилась «внутри» окна наблюдения.

Форма *imperfectum* также сочетается со всеми акциональными классами. При обозначении состояний, а также непредельных и предельных процессов она передает значение длительности действия, т. е., окно наблюдения целиком помещается внутри ситуации. С событийными глаголами значение *imperfectum*, как правило, хабитуальное (то есть, это употребление отражает скорее вторичный аспект в терминах [Плунгян 2011: 395–402]; см. также предисловие к сборнику). Одна из важных прагматических функций имперфекта в тексте — обозначение фонового действия при главном действии, выраженном формами *perfectum*:

- (8) *Samia mihi mater fuit; ea habitabat Rhodi* [Ter. *Eu.* 107, цит. по Pinkster 1990] ‘Мать моя была Самия, она [в то время] жила на Родосе’.

Способы глагольного действия в латинском языке

Как уже было упомянуто вначале, в подавляющем большинстве случаев латинский глагол может иметь только одну приставку. Превербов, способных сочетаться с другими, немного. Один из них — преверб *re-*. В случае комбинации из двух превербов *re-* может занимать как первую, так и вторую позицию в словоформе. Эти случаи ясно различаются семантически. Если преверб *re-* оказывается на первом месте, после него, как правило, следует глагол с превербом *con-*, и значение производного глагола — возврат в исходное состояние после отмененного действия или однократное повторение ситуации (рефактив). Таким образом, перед нами один из образующихся префиксально способов глагольного действия. Перечислим все глаголы с двумя приставками, которые, по нашему мнению, можно отнести к этому способу действия, из словаря [Дворецкий 2005]: *recognosco* ‘вновь узнавать, опознавать’, *recolligo* ‘вновь собирать’, *recolloco* ‘вновь укладывать’, *recommentor* ‘вспоминать’, *recomminiscor* ‘припоминать’, *recommoneo* ‘вновь напоминать, вновь увещевать’, *recompingo* ‘воссоединять’, *recompono* ‘восстанавливать’, *reconcilio (reconciliasso)* ‘восстанавливать, исправлять’, *reconcinno* ‘исправлять, чинить’, *reconcludo* ‘запирать, заключать’, *reconduco* ‘вести

обратно' *reconflo* 'вновь раздувать' *reconsigno* 'вновь отвечать', *reconstruo* 'отстраивать заново', *reconvinco* 'переубеждать'.

Такое же значение преверб *re-* имеет и с многими глаголами, где других превербов нет, например *recoquo* 'заново сварить'; подобные рефактивные образования наиболее обычны и характерны для многих языков.

Преверб *re-* может стоять и на втором месте в комбинации из двух превербов. Интересно, что тогда первым выступает все тот же преверб *con-*. В этом случае функция *con-* оказывается либо чисто аспектуальной, перфективирующей (см. ниже), либо обозначает совместность (комитативный способ действия), в то время как функция *re-* остается связанной с рефактивностью или директивностью. Такие примеры характерны лишь для христианской, поздней латыни: *correquiesco* 'упокоиться', *corresupinatus* 'откинутый назад', *corresuscito* 'вместе вновь пробуждать, воскрешать'.

Еще один преверб, достаточно регулярно сочетающийся с другими и выступающий также на первом месте — *dis-*. В такой позиции *dis-* также встречается лишь в некоторых из своих значений: во-первых, в значении «отрицательного свойства», отсутствия свойства (негатива): *disconduco* 'не содействовать, вредить', *disconvenio* 'не согласовываться, не соответствовать', *discredo* 'не доверять', *discordo* 'быть в несогласии', а также в перфективирующей функции для ряда глаголов; в этом случае имеет место, видимо, также и эффект Вея-Схоневельда (см. ниже): *discooperio* 'открывать, обнажать', *disperdo* 'уничтожать полностью', *dispereo* 'погибать' (возможна вторичная связь в результате народной этимологии с *pario* 'рождаться', таким образом, приставка имеет значение отмененного действия, ср. поговорку: *male partum male disperit* 'Плохо рожденное плохо кончает').

В обеих функциях *dis-* очень часто встречается и в качестве одиночного преверба, особенно часто — в негативном значении или в значении отмененного действия. Мы вправе считать это употребление одним из способов глагольного действия. Наконец, еще одно значение *dis-*, близкое к предыдущему, но не встречающееся в образованиях с двумя превербами — реверсивное (возврат в исходное состояние, «отмена» результата действия): *discingo* 'распоясывать' VS *recingo* (см. выше).

Латинская ситуация отчасти напоминает ситуацию «внутренних» и «внешних» превербов в русском языке [Татевосов

2009], когда преверб, обозначающий «способ действия», способен присоединяться к любому глаголу, в том числе и к глаголу, уже имеющему преверб.

Еще один распространенный способ действия в латинском языке — комитативный, образующийся с помощью приставки *con-*, у которой отсутствуют настоящие пространственные значения. Глаголов комитативного способа действия очень много, например, *congregere* ‘собирать’, *congerere* ‘собирать’, *conglutinare* ‘склеивать’, хотя их и не большинство. С большей частью глаголов преверб *con-*, передает способы действия, тесно связанные с категорией аспекта.

Способы действия с аспектуальными значениями

Грамматической категории вида, тесно переплетающейся с категорией способа действия, в латинском языке нет [Сафаревич 1962]. Отличие латинской системы от русской (и других славянских) состоит прежде всего в том, что и способы действия, и перфективы, образованные с помощью эффекта Вея-Схоневельда, не являются обязательной принадлежностью каждого глагола. Говоря о способах действия с ярко аспектуальными коннотациями, можно упомянуть как минимум два.

Первый из можно назвать *пердуративом* по аналогии с термином славянской аспектологической традиции. Пердуратив в русском языке образуется с помощью преверба *про-*. В латинском языке пердуратив образуется с помощью преверба *per-*, ср. (9):

- (9) *pervigilat noctes totas* (Pl., Aul., 72) ‘Бодрствует все ночи напролет’

Значение ‘выполнение действия полностью’ имеет производное значение, преобладающее у многих глаголов — тщательное выполнение действия:

- (10) *ut matronarum hic facta pernovit probe* (Pl., Aul., 505) ‘Чтобы он как следует *разузнал* все о поступках матрон’.

Значение «тщательности» может интерпретироваться и просто как интенсивность действия:

- (11) *ita mihi pectus peracuit* (Pl., Aul., 468), букв: ‘У меня грудь *совсем прокисла*’ (испортилось настроение)

Со многими глаголами, в частности, с глаголами движения, важным оказывается именно достижение ситуацией предела:

- (12) *pervenerunt ad hanc civitatem.* (Hist. Apoll., 29) ‘Они *прибыли* в этот город’

Будучи показателем глагольного действия, *per-* иногда способно присоединяться к другим приставочным глаголам, правда, такие примеры характерны практически исключительно для христианской латыни:

- (13) *irent in terram Chanaan cumque venissent in eam pertransivit Abram terram usque ad locum Sychem* (Vulg., Genesis, 12, 5–6) ‘И вышли, чтобы идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую. И *прошел* Авраам по земле сей до места Сихема’ (синодальный перевод).

Инхоатив как особый способ действия образуется в латинском языке от глаголов состояния с помощью приставки *con-*. Он также часто сопровождается суффиксом *-sc-*, значение которого само по себе достаточно трудно определимо и размыто. Этимологии и семантике этого суффикса посвящена обширная литература — укажем последнее по времени обстоятельное исследование [Haverling 2000], где исследована сочетаемость этого суффикса с разными классами префиксальных глаголов и дан информативный обзор имеющихся работ по этому вопросу. Существенно также, что в ряде случаев нельзя определить, имеет ли глагол только преверб или же и преверб, и суффикс, так как в форме *perfectum* данный суффикс вообще не встречается⁶. Часто глаголы без суффикса и с суффиксом в настоящем времени оказываются синонимичными друг другу, напр. глаголы *conticeo* и *conticesco*, ‘утихнуть, замолчать’, в форме *perfectum* выглядящие одинаково: *conticui*.

- (14) *tibicen repente conticuit* (Cic., Harusp., 11) ‘Флейтист сразу же *затих*’.

Вообще, употребление глаголов этого класса с наречиями «быстро», «внезапно» является крайне характерной чертой. Ср. предыдущий пример со строками из «Метаморфоз»:

---

⁶ Сходные ограничения характерны и для аналогичного суффикса в других и.-е. языках, напр., для древнегреческого суффикса *-σκ(ω)-* и др.-инд. *-scha*.

- (15) *altera solari miseram conata parentem conticuit subito* (Ovid., *Metamprph.*, 6, 292) ‘А другая, пытаясь утешить несчастную мать, *вдруг умолкла*’

В славянских языках, в том числе и в русском, способы глагольного действия, например, начинательный, автоматически переводит глагол в совершенный вид, причем в некоторых случаях образуется видовая пара. Поскольку вида «славянского типа» в латинском языке нет, отсутствует и проблема соотношения вида со способами действия. Однако не все способы действия одинаково продуктивно сочетаются со всеми глаголами состояния. Так, в частности, глаголы ‘нравиться’ и ‘любить’ в латыни образуют дериваты с инхоативной семантикой с помощью разных превербов. Глагол *placeo* ‘нравиться’ образует стандартный инхоативный способ действия с приставкой *con-*:

- (16) *Hocine tibi complacuit?* (Apul., *Metam.*, 5, 9) ‘Тебе разве понравилось это?’

Глагол *amare* образует форму с похожим значением с помощью преверба *ad-*:

- (17) *is cum unam virginem nobilem ipse mediocriter ortus adamasset eiusque nuptias desperaret* (Serv., *Aeneid.* 4.99) ‘Он, *хотя и полюбил* одну знатную девушку, будучи незнатным сам, не надеялся на женитьбу’.

Глаголов с инхоативным значением, образованных с помощью *con-*, гораздо больше, чем образованных с помощью *ad-*. Кроме того, стоит обратить внимание на кажущееся достаточно системным противопоставление инхоативных глаголов с *con-* глаголам с приставкой *re-*, значение которой в данном случае не совсем ясно. Часто глаголы с *re-* употребляются с прямым дополнением (*reticere* в значении ‘умалчивать о чем-л.’). В некоторых других случаях употреблений со стативами и неопредельными процессами можно заподозрить делимитативное значение (в этом случае полисемия оказывается аналогичной полисемии венгерского преверба *le-*, ср. [Аркадьев 2007]). Примером такого противопоставления может служить пара *conquiesco* VS *requiesco*, ср. *hic requiescit...* (в надгробных надписях) ‘здесь покоится’. Бесприставочный глагол *quiescere* ‘отдыхать, покоиться’ также вполне

употребителен как в делимитативном, так и в инхоативном значении, ср., например, пары *ager multos annos quievit* (Cic., Brut., 16) ‘Поле много лет *отдыхало*’ и *quiescebant voces* (Ovid., Trist., 1, 3, 32) ‘Начали стихать голоса’. Во втором примере, возможно, вклад в появление инхоативного значения вносит и форма имперфекта (ср. близкое значение у латинского *imperfectum de conatu*). Совсем необычной в этом смысле кажется форма *correquiescere*, синонимичная *conquiescere*. Другие пары такого типа — *consto* ‘останавливаться’ VS *resto* ‘оставаться, пребывать в к.-л. состоянии’, *consido* ‘садиться’ VS *resido* ‘находиться’, *contineo* ‘содержать, удерживать’ VS *retineo* ‘удерживать, задерживать’.

Инхоативные формы, образованные при помощи приставки *con-*, по определению являются обозначениями событий, а не процессов, и, соответственно, не способны сочетаться ни с какими показателями длительности, если только они не получают хабитуальную интерпретацию. Видимо, подобное свойство приставки *con-* распространилось с глаголов состояния и на глаголы прочих акциональных классов, став, таким образом, достаточно универсальным показателем префиксального перфектива в широком смысле наряду с приставкой *per-*.

- (18) *nos nostras aedis postulas comburere?* (Pl., Aul., 361) ‘Требуешь, чтобы мы сами сожгли свой дом?’
- (19) *tantum auri perdidit, quod concustodivi sedulo* (Pl., Aul., 723) ‘Я так много золота потерял, что *сохранял* усердно’

Пары ‘глагол без преверба VS глагол с превербом *con-*’ являются наиболее чистыми случаями в латинском языке, где единственное значение, вносимое превербом — аспектуальное, т. е. перфективирующее. Такова, например, пара *damnare* VS *condemnare* ‘проклинать / проклясть’.

Интересно, что при наличии специфических лексических коннотаций у глагола с приставкой *con-*, отрицанием результата этого действия является реверсивный одноприставочный глагол с приставкой *re-*, два преверба не способны сочетаться друг с другом в таких значениях. Например, *consigno* ‘ставить печать’ VS *resigno* ‘снимать печать’ (не **re-con-signo*), *conscribo* ‘вносить в список’ VS *rescribo* ‘удалять из списка, запрещать’ (не **re-con-scribo*)

Приставки *con-* и *per-* в своих последних значениях, а именно достижение процессом предела или подчеркивания одно-

кратности глагола-события, примыкают к аспектуальным значениям прочих приставок, получаемым в результате действия т.н. эффекта Вея-Схоневельда.

Перфективация через эффект Вея-Схоневельда

Аспектуальные функции превербов не ограничиваются областью «способов действия». Важное для латинского языка явление — наличие префиксальных коррелятов от предельных глаголов, которые, по сути, никак не меняют значение самого глагола, но переносят в «окно наблюдения» конечную стадию ситуации, момент достижения предела предельным процессом. В такой функции могут быть использованы практически все превербы, по крайней мере, их большая часть. Рассмотрим некоторые примеры:

- (20) *Is habuit unam filiam, virginem speciosissimam, in qua nihil rerum natura ex-erraverat* (Hist. Apoll., 1) ‘У него была одна дочь, прекрасная девушка, в ней природа ни в чем не *ошиблась*’

Значения глаголов *errare* и *exerrare* оказываются идентичными, согласно, например, словарям Дворецкого [Дворецкий 2005: 288, 301], а также Оксфордскому латинскому словарю — ‘сбиваться с пути, заблуждаться, ошибаться’ [Glare, 1988: 618, 641]. Бросается, однако, в глаза тот факт, что в словаре Дворецкого бесприставочный глагол переведен русским глаголом несовершенного вида, приставочный же — глаголом совершенного вида. Подобная аналогия кажется странной, поскольку латинский язык не знает грамматической категории вида славянского типа. И все же эта аналогия не случайна. Глагол *errare* в значении ‘ошибаться’ (в отличие о пространственного значения ‘блуждать’) является, видимо, предельным глаголом — ошибку можно начать и довести до конца. Преверб *ex-*, добавляемый к глаголу, подчеркивает достижение этого предела. Тот же самый глагол может быть употреблен в абсолютно таком же контексте и без преверба, напр. *vehementer erras* (Cic., Sull., 3) ‘ты чудовищно ошибаешься’, *vehementer errasti* (Cic., Murg., 22) ‘ты чудовищно ошибся’.

Подобным образом могут вести себя и другие превербы, например, преверб *de-*, в сочетании с глаголом *relinquo* ‘оставлять, бросать’, уже содержащим преверб *re-*, значение которого, впрочем, с трудом определимо (бесприставочный глагол *linquo* встречается гораздо реже приставочного *relinquo*), ср.:

- (21) *Is Adherbalem et Hiempsalem ex sese genuit Iugurthamque filium Mastanabalis fratris, quem Masinissa, quod ortus ex concubina erat, privatum dereliquerat, eodem cultu quo liberos suos domi habuit. (Sall., Bel. Jug., 5) 'Он родил Адербала и Гиемпсала, а Югурту, сына брата Мастанабала, которого бросил Масинисса, поскольку тот был рожден от наложницы, он воспитывал у себя дома наравне со своими детьми'*

Употребление *разных* приставок с одним и тем же семантическим эффектом — переключением внимания на достижение ситуацией предела — можно объяснить с помощью т.н. эффекта Вея-Схоневельда (на него обратили внимание два слависта независимо друг от друга, см. [Vey 1951; Schooneveld 1958]; подробнее см. также [Кронгауз 1998]). Первоначально идея была высказана применительно к славянским аспектуальным системам, точнее, к чешской и к русской, и была призвана объяснить феномен так называемых «пустых» приставок — приставок, не меняющих лексическое значение глагола, но меняющих вид глагола с несовершенного на совершенный. Эффект «пустой» приставки объясняется тем, что «при определенной комбинации значения приставки со значением исходного глагола может оказаться, что значение приставки дублирует некоторый семантический компонент, уже присутствующий в глаголе; тем самым семантический вклад приставки сводится к привносимому ею значению совершенного вида» [Анна Зализняк, Шмелев 2000]. Этим семантическим компонентом может быть и пространственное значение — тогда речь идет, в первую очередь, о перфективации глаголов движения — или любое другое значение приставки, возможно, и не связанное очевидным образом с пространственным. Кроме того, если в случае славянских языков речь идет именно о смене граммы совершенного вида на грамму несовершенного вида, то в случае латинского языка приходится говорить о немного другом явлении.

Здесь важным оказывается то, что вид следует понимать не только как возможную грамматическую категорию некоторых конкретных языков (которая может как присутствовать, так и отсутствовать), но и как универсальную понятийную категорию, которая может быть в большей или меньшей степени грамматализована. Но если в романских языках грамматализовано аспектуальное противопоставление «темпорального» типа, то в

восточно- и западнославянских языках грамматикализации подверглось «сателлитное» аспектуальное противопоставление, а праславянское противопоставление форм аориста, имперфекта и перфекта в плане прошедшего времени исчезло. Префиксальные формы латинских глаголов — самое начало пути грамматикализации аспекта того же типа, что мы находим и в славянских языках в завершённом виде.

Эффект Вея-Схоневельда широко распространён в латинском языке. В статье [Ровинская 2001] констатируется его существование в латинском языке и разбираются примеры с превербом *ob-*; количество таких примеров можно существенно увеличить (ср. в том числе и приведённые выше противопоставления).

В разных случаях эффект Вея-Схоневельда может быть наблюдаем в большей или меньшей степени. В некоторых случаях он очень хорошо виден:

- (22) *abi intro, oc-clude ianuam* (Pl., Aul., 89) ‘Зайди внутрь, закрой дверь’

При закрывании дверь смыкается с косяком, т. е., происходит в некотором смысле движение одного предмета навстречу другому, что совпадает с главным значением приставки *ob-*. Эффект Вея-Схоневельда в высокой степени характерен для преверба *ad-* при употреблении с предельными глаголами движения, т. к. значение *ad-* ‘контакт с поверхностью’ совпадает с ситуацией достижения субъектом цели движения, конечного ориентира: *Interpositis autem diebus atque mensibus, cum haberet puella mense iam sexto ventriculum deformatum, advenit eius sponsus rex Apollonius.* (Hist. Apoll., 24) ‘По прошествии дней и месяцев, когда девушка была уже на шестом месяце беременности, *приехал* ее супруг царь Аполлоний’

В том же контексте может быть употреблен и бесприставочный глагол:

- (23) *Et constituit in loco suo regem Athenagoram generum suum, et cum eodem et filia et coniuge et cum exercitu navigans Tharsum civitatem venit.* (Hist. Apoll.) ‘На своей должности он оставил своего зятя царя Афинагора, и с ним же, со своей дочерью, с супругой и с войском по морю прибыл в город Тарс’.

Объяснение подобной синонимии может быть связано с тем, что префиксальный перфектив в латинском языке недостаточно грамматикализован. Приставочный глагол лишь подчеркивает достижение ситуацией предела, но бесприставочный глагол, будучи употребленным в прошедшем перфективном времени (аористе, т. е. латинской форме *perfectum*), все равно получает интерпретацию ситуации, достигнувшей предела. Это сближает латинский язык, например, с литовским, где аспектуальные функции приставок грамматикализованы в большей степени, чем в латыни, но грамматической категории вида, основанной только на противопоставлении префиксальных и беспрефиксальных глаголов, все же нет. В литовском в прошедшем (не хабитуальном) времени также возможна синонимия префиксальных и беспрефиксальных глаголов:

- (24) *Mirè legendinès grupès «Vairas» vokalistas* ‘Умер вокалист легендарной группы «Вайрас»’.
- (25) *Seniausią pasaulio avis nu-mirė* ‘Самая старая в мире овца умерла (prev.)’.

В некоторых случаях, впрочем, действие эффекта Вея-Схоневельда не представляется очевидным, хотя интерпретация значения приставки как интенсификатора действия или перфективатора кажется наиболее вероятной. См., например, случаи употребления приставки *pro-* ‘вперед’ с некоторыми глаголами:

- (26) *Liberis pro-creandis... volo te uxorem domum ducere* (Pl., Aul., 150) ‘Ради детей, которые должны родиться на свет, я хочу тебя ввести к себе в дом супругой’.
- (27) *aquam hercle plorat, cum lavat, pro-fundere* (Pl., Aul., 308) ‘Когда он моется, клянусь Гераклом, плачет, что вода проливается’.

С приставкой *de-*:

- (28) *ubi tu es, quae de-blateravisti iam vicinis omnibus, meae me filiae daturum dotem?* (Pl., Aul., 268) ‘Где ты, которая всем соседям разболтала, что я собираюсь дать своей дочери приданое?’

Эффект Вея-Схоневельда, возможно, заключается в представлении процесса «выбалтывания» как оставления некоторой информации «вне» контроля ее носителя, что, в принципе, отвечает пространственному значению приставки *de-* ‘вниз с поверх-

ности объекта', 'отделение'. Впрочем, это значение здесь выделимо с трудом. Преверб *de-* способен выступать в подобной «усиливающей», функции с очень большим количеством глаголов, во многих случаях подобная «интенсификация» имеет и аспектуальные, перфективирующие эффекты, например:

- (29) *egomet me defraudavi animumque meum geniumque meum* (Pl., Aul., 725) 'Я и сам себя обманул, и свой ум, и свой гений'.
(30) *luci claro deripiamus aurum matronis palam* (Pl., Aul., 748) 'Когда будет светло, мы схватим золото в присутствии хозяйки'.

Приставка *in-*:

- (31) *iam ego illuc praecurram atque inscendam aliquam in arborem indeque observabo, aurum ubi abstrudat senex* (Pl., Aul., 678) 'Побегу-ка я туда и влезу на какое-нибудь дерево, откуда буду наблюдать, куда старик прячет золото'.

Приставка *inter-*:

- (32) *ibo intro atque illi socienno tuo iam interstringam gulam* (Pl., Aul., 659) 'Пойду внутрь и дружка твоего *придушу* (букв. *пережму горло*)'

Можно предположить, что эффект Вея-Схоневельда, играя большую роль на начальной стадии грамматикализации аспектуального значения приставки, постепенно перестает быть скольконибудь значимым при расширении сочетаемости преверба с глаголами различной семантики. Это подтверждается и данными типологии: подобный путь проходят многие системы с грамматикализированным сателлитным перфективом, в том числе, например, и русская (ср. все более широкое использование русских приставок *про-* и *по-* для образования глаголов совершенного вида и другие процессы этого типа [Клобуков, Рыжих 1998]).

Перфективное значение, как уже было сказано, не является единственным продуктом действия эффекта Вея-Схоневельда, а возможно, не является и первичным. Два возможных аспектуальных эффекта — указание на совершение действия полностью (пертранзитив) и на интенсивность совершения действия. См., например, такую пару глаголов, как *e-bibere* и *inter-bibere*. Второй, скорее, следует интерпретировать как пертранзитив без каких-либо иных аспектуальных коннотаций:

- (33) *interbibere sola, si vino scatat, Corinthiensem fontem Pirenam potest* (Pl. Aul. 558) 'Она сможет одна выпить целиком источник Пирену, если из него польется вино'.

Впрочем, и природа употребления именно этой приставки не совсем ясна, тем более, что это единственное употребление данного глагола в латинской литературе (такой же редкой формой является и *exerrare*). Эффект Вея-Схоневельда в данном случае едва ли просматривается. В то же время, приставка *ex-* в общем и целом повторяет пространственную ситуацию «выпивания» — жидкость выходит «наружу» из сосуда, где она находилась ранее:

- (34) *Factum est illud, ut ego illíc vini hirneam ebiberim meri* (Pl., Amph., 432) 'Вышло так, что я *выпил* кувшин чистого вина'.

Подобное употребление глагола «пить» с приставкой, обозначающей «движение наружу», характерно для многих языков, ср. рус. *вы-нуть*, лит. *iš-gerti*, нем. *aus-trinken*.

Важную теоретическую и практическую проблему представляет определение семантики тех или иных префиксальных глаголов как «перфективных». Как уже было указано, грамматическая категория аспекта в латинском языке представлена в виде аспектуально-временных кластеров в плане прошедшего времени (*perfectum* vs. *imperfectum*). Имеет ли смысл объединять префиксальные образования, где наблюдается та или иная аспектуальная интерпретация преверба, в отдельную категорию «префиксального перфектива» [Аркадьев 2007]? Действительно, хотя латинские превербы и имеют часто ярко выраженные аспектуальные значения, эти значения все же оказываются различными в зависимости от акционального класса и лексической группы глагола, а разные приставки обладают разной степенью продуктивности в образовании аспектуальных дериватов. Мы выделили два основных класса таких глаголов:

1) «Способы действия» обладают определенными формальными особенностями (способностью к множественной префиксации), а значения производных глаголов диктуются именно употреблением того или иного преверба — в случае преверба *con-* мы имеем дело с инхоативом (для глаголов состояния), с комплетивом (для событийных глаголов), в случае преверба *per-* практически любой глагол (кроме событийного) способен к образованию пердуратива, который в некоторых случаях может быть интерпретирован и как комплетив.

2) Глаголы, образованные на основе эффекта Вея-Схоневельда, используют разные приставки (в зависимости от значения глагола и преверба) и обозначают достижение ситуацией предела (комплетив).

Эти два класса совершенно четко объединяются в одну категорию в славянских языках, образуя глаголы совершенного вида. В этих языках, в особенности в восточно- и западнославянских, любой глагол, полученный путем префиксации, является перфективным. Стройность системы обеспечивается, во-первых, наличием регулярных средств вторичной имперфективации, а во-вторых, независимостью грамматической категории вида от наличия в глагольной форме преверба — многие глаголы без преверба могут быть глаголами совершенного вида. Поскольку вид в этих языках — грамматическая категория, любой глагол должен принадлежать к одному из двух видов.

Случай восточно- и западнославянских языков, однако, представляется достаточно радикальным и является результатом очень далеко зашедшей грамматикализации аспектуальных значений, основанных на «сателлитах», и конкретная функция, которую несет преверб, оказывается неважной для грамматики.

В других языках, в частности, в южнославянских, в особенности, в болгарском, категория префиксального вида сосуществует с «темпоральным» видом в плане прошедшего времени, ср. [Маслов 1963]. Сходная ситуация характерна для грузинского языка (см. подробнее статью А. А. Ростовцева-Попеля в настоящем сборнике, ср. также [Vogt 1971]). Так, приставочные глаголы, по формальным характеристикам напоминающие славянские глаголы совершенного вида, имеют тенденцию сочетаться только с аористом, глаголы же без превербов сочетаются в основном с имперфектом. При сочетании глагола совершенного вида с имперфектом глагольная форма получает хабитуальную интерпретацию, а при сочетании глагола несовершенного вида с аористом — делимитативную. Как и в славянских языках, приставочные глаголы в форме настоящего времени переносят ситуацию в будущее. Похожий эффект характерен для немецкого языка — многие приставочные глаголы в форме настоящего времени получают значение будущего.

Сходные ограничения характерны и для латинского языка, но они в разной степени свойственны разным глаголам. Корпусные

данные показывают, что префиксальные глаголы практически не употребляются в настоящем времени, а если и употребляются, то получают хабикулярную интерпретацию или же имеют значение *praesens historicum*. То же относится и к их употреблению в имперфекте (из недавних специальных исследований на эту тему см. в особенности [Haug 2005]). Так ведет себя, например, уже упоминавшийся глагол *ebibere* ‘выпивать’ (хабикулярное значение):

- (35) *Utque fretum recipit de tota flumina terra nec satiatur aquis peregrinosque ebibit amnes...* (Ovid., *Metam.*, 8, 839) ‘Как море вбирает в себя потоки со всей земли, но не насыщается водой и *впитывает* далекие реки.

Лишь очень немногочисленные примеры допускают интерпретацию *ebibere* в значении прогрессива, ср.:

- (36) *mittite istanc foras, quae mihi misero amanti ebibit sanguinem* (Pl., *Curcul.*, 151) ‘Прогоните ее прочь, ту, что у меня, несчастного влюбленного, *выпивает* кровь’.

Впрочем, даже и в этом случае можно предположить как прогрессивное значение (‘пьет кровь в данный момент’), так и хабикулярное (‘постоянно пьет’); не исключено и проспективное значение ‘вот-вот выпьет всю кровь’, которое в процессе грамматикализации может эволюционировать в будущее время.

Ситуация, когда приставочный глагол оказывается в форме настоящего времени, является проблемной, и языки склонны решать ее по-разному. Восточно- и западнославянские языки обладают развитыми средствами вторичной имперфективации, и русский язык выбирает, как правило, именно этот путь. Так, фраза «Он *записал* фильм на диск и *выключил* компьютер» при переводе в *praesens historicum* будет выглядеть скорее «Он *записывает* фильм на диск и *выключает* компьютер». Таким образом русский язык избегает перевода значения глагола в план будущего времени. Языки, где вторичная имперфективация менее развита (литовский) или в принципе отсутствует (грузинский), предпочитают избавляться от преверба, пусть даже в ущерб специфике лексического значения, им вносимого. В литовском иногда возможно использование префиксального глагола в настоящем времени (в хабикулярном значении):

- (37) *Aš kartais iš-geriu* ‘Я иногда *выпиваю*’

Кажется, что такая возможность связана с наличием в литовском языке особого регулярного суффиксального показателя будущего времени (-s'-), не зависящего от аспектуальных характеристик глагола.

Латинский глагол не имеет развитых способов вторичной имперфективации (кроме итеративного суффикса *-ita-*, который не демонстрирует высокой степени продуктивности), поэтому он широко использует оба способа, характерные для литовского языка. См., например, пару примеров с глаголом *scando* 'подниматься, взбираться'. В будущем времени глагол получает приставку:

(38) = (31) iam ego illuc praecurram atque *inscendam* aliquam in arborem indeque observabo, aurum ubi abstrudat senex (Pl., Aul., 678) 'Побегу-ка я туда и *влезу* на какое-нибудь дерево, откуда буду наблюдать, куда старик прячет золото',

в настоящем же историческом употребляется бесприставочный глагол:

(39) Ad nidum *scandit* volucris (Phaedr., Fab., 2, 4) 'птица стремительно *поднимается* к гнезду'.

В хабитуальном настоящем может быть употреблен, однако, и префиксальный глагол с ярко выраженной перфективной интерпретацией:

(40) qui multa simul incipit neque *perficit*, is festinat (Gell., noct. Att., 12, 14) 'Кто одновременно начинает много дел и *не доводит их до конца*, тот спешит'.

Интересный случай зафиксирован у Плавта — в приказе совершить действие (в императиве) использован приставочный глагол с ярко выраженным перфективным значением, а в ответе на приказ — тот же самый глагол без приставки:

(41) Chrys. Rogas? *Con-gredere*. Nic. *Gradiator*. (Pl. Bac., 980) 'Спрашиваешь? Подойди! — Иду'.

Выводы

В латинском языке сочетаются два типа показателей аспекта. Первый тип в высокой степени грамматикализован, и две аспектуальные граммы — перфектив и имперфектив — противо-

поставлены друг другу в плане прошедшего времени. Перфективные формы в этой категории — это т. н. темпоральный (*anterior-based*) перфектив со всеми вытекающими из этого последствиями, такими, например, как сочетаемость перфектива с глаголами состояния в значении делимитатива.

Другой класс аспектуальных показателей связан с особым развитием значений превербов. Два преверба (*con-* и *per-*) образуют способы глагольного действия (инхоатив и пердуратив), при этом оба они могут быть интерпретированы как комплетивные в определенных контекстах. Остальные превербы также способны образовывать от глаголов формы со значением комплетива, и во многих из них (хотя и не во всех) легко обнаруживается действие эффекта Вея-Схоневельда. Два названных класса форм близки друг другу, в частности, по сочетаемости с видо-временными показателями первого типа (морфологически регулярными), поэтому имеет смысл объединить их под одним ярлыком «префиксальный перфектив». Данная категория в истории латинского языка никогда не достигла полной грамматичности, однако ее грамматикализация зашла достаточно далеко, особенно в поздней латыни. Романские языки, напротив, полностью утратили этот вид аспектуальных значений вместе с развитой системой латинских превербов (хотя в некоторых других, не аспектуальных, значениях отдельные латинские превербы получили в романских языках даже большую продуктивность). Типологически степень грамматикализации аспектуальных значений превербов в латыни несколько выше, чем в германских языках, и несколько ниже, чем, например, в литовском, грузинском и тем более в славянских языках. Следует отметить, что, тем самым, развитие префиксального перфектива не может считаться лишь ареальным феноменом Восточной Европы и Кавказа: как показывают приведенные данные, оно выступает в качестве достаточно частой модели эволюции языковых систем с развитой глагольной префиксацией.

Литература

- Аркадьев 2007 — П. М. Аркадьев. Заметки к типологии перфектива // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков. Материалы круглого стола. М., 2007. С. 17–30.
- Бенвенист 1995 — Э. Бенвенист. Словарь индоевропейских социальных терминов. М.: Прогресс-Универс, 1995.

- Дворецкий 2005 — И. Х. Дворецкий. Латинско-русский словарь. 9-е изд. М.: Русский язык, 2005.
- Анна Зализняк, Шмелев 2000 — Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелёв. Введение в русскую аспектологию. М.: Языки русской культуры, 2000.
- Клобуков, Рыжих 198 — Е. В. Клобуков, Ю. М. Рыжих. К изучению продуктивных типов видовой соотносительности русских глаголов // М. Ю. Черткова (ред.). Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 182–192.
- Кронгауз 1998 — М. А. Кронгауз. Приставки и глаголы в русском языке: семантическая грамматика. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
- Маслов 1963 — Ю. С. Маслов. Морфология глагольного вида в современном болгарском литературном языке. Л.: Изд-во Академии наук, 1963.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации // Исследования по теории грамматики. Вып. 2: Грамматикализация пространственных значение в языках мира. М.: «Русские словари», 2002.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику. М.: РГГУ, 2011.
- Ровинская 2001 — М. М. Ровинская. К проблеме изучения префиксации в мертвых языках: эффект Вея-Схоневелда и латинские первербы // МЛЖ. 2001.
- Сафаревич 1962 — Я. Сафаревич. О выражении совершенности и несовершенности в латинском языке // Маслов Ю. С. Вопросы глагольного вида. М.: Издательство иностранной литературы, 1962. С. 323–334.
- Татовосов 2009 — С. Г. Татовосов. Множественная префиксация и анатомия русского глагола // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: Пробел: 2009.
- Эрну 2004 — Э. Эрну. Историческая морфология латинского языка. М.: УРСС, 2004.
- Тронский 2001 — И. М. Тронский. Историческая грамматика латинского языка. М.: Индрик, 2001.
- Bertocci в печати — D. Bertocci. Tipi di preverbazione in latino: la funzionalità aspettuale. В печати.
- Bybee, Dahl 1989 — J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in Language, 1989, 13.1, P. 51–103.
- Bybee et al. 194 — J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The Evolution of Grammar: Tense, Aspect, and Modality in the Languages of the World. Chicago: The University of Chicago Press, 1994.
- Dahl 1985 — Ö. Dahl. Tense and Aspect Systems. Basil: Blackwell, 1985.

- Ernout, Thomas 1953 — A. Ernout, F. Thomas. *Syntaxe Latine*. 2-e ed. Paris: Klincksiek, 1953 (repr. 1972).
- García-Hernández 1985 — B. García-Hernández. Le système de l'aspect verbal en latin // *Syntaxe et latin: actes du IIe Congrès International de Linguistique Latine*, Aix-en-Provence, 28–31 Mars 1983. Aix-en-Provence: UAM, 1985. P. 515–534.
- García-Hernández 1989 — B. García-Hernández. Les préverbes latins. Notions latives et aspectuelles // M. Lavency & D. Longrée (éds.), *Actes du V Colloque de Linguistique Latine*. Louvain-la-Neuve: CILL, 1989. 15. P. 149–159.
- García-Hernández 1995 — B. García-Hernández. Polysémie et signifié fondamental du préverbe *sub-* // *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 1995, vol. 90. P. 301–312.
- García-Hernández 2005 — B. García-Hernández. L'antonymie aspectuelle des préverbes allatifs et ablatifs // C. Moussy (éd.), *La composition et la préverbation en latin*. Paris: Presses de l'Université Paris-Sorbonne, 2005. P. 229–241.
- Glare 1982 — P. G. W. Glare. *Oxford Latin Dictionary (OLD)*. Oxford: Clarendon Press, 1982.
- Haug 2005 — D. Haug. On a 'Hole' in the Latin Tense / Aspect-System // D. Haug, E. Welø (eds.). *Haptacahaptaitis: Festschrift for Fridrik Thordarson on the occasion of his 77th birthday*. Oslo: Novus Forlag, 2005. S. 105–118.
- Haverling 2000 — G. Haverling. On Sco-verbs, Prefixes and Semantic Functions: A study in the development of prefixed verbs from early to late Latin // *Studia graeca et Latina Gotheburgensia*. 2000.
- Hofmann, Szantyr 1964 — J. B. Hofmann, A. Szantyr. *Lateinische Syntax und Stilistik*. C. Beck'sche Verlagsbuchhandlung, 1964 (repr. 1972).
- Imbert 2008 — C. Imbert. *Dynamique des systèmes et motivations fonctionnelles dans l'encodage de la trajectoire. Description typologique du grec homérique et du vieil-anglais — thèse pour obtenir le grade de docteur de l'université en sciences du langage / Université Lumière Lyon 2*. 2008.
- Leumann 1975 — M. Leumann. Zu den Verwendungen des lateinischen Praeverbs *com-* // *Museum Helveticum* 1975, 32.
- Leumann 1977 — M. Leumann. *Lateinische Laut- und Formenlehre (= Lateinische Grammatik, Bd. 1)*. München: Beck, 1977.
- Pinkster 1990 — H. Pinkster. *Latin Syntax and Semantics*. London: Routledge, 1990.
- Schooneveld 1958 — C. H. van Schooneveld. The so-called 'preverbes vides' and neutralization // *Dutch contributions to the Forth International Congress of Slavistics*. 1958.

- Talmy 1985 — L. Talmy. Lexicalization patterns: semantic structure in lexical forms // Language typology and semantic description. Vol. 3: Grammatical categories and the lexicon / Ed. by T. Shopen. Cambridge University Press, 1985.
- Talmy 2000 — L. Talmy. Toward a cognitive semantics. Cambridge MA: MIT Press, 2000.
- Van Laer 2010 — S. Van Laer. La préverbatation en latin: étude des préverbes *ad-*, *in-*, *ob-* et *per-* dans la poésie républicaine et augustéenne. Bruxelles: Latomus, 2010.
- Vendler 1957 — Z. Vendler. Verbs and Times // The Philosophical Review 1957, 66, 2, P. 143–160.
- Vey 1952 — M. Vey. Les preverbes ‘vides’ en tchèque moderne // Revue des études slaves 1952.
- Vogt 1971 — H. Vogt. Grammaire de la langue Géorgienne. Oslo: Universitetsforlaget, 1971.

Н. В. Сердобольская

**ГЛАГОЛЬНАЯ МНОЖЕСТВЕННОСТЬ И АСПЕКТ
В БЕСЕРМЯНСКОМ ДИАЛЕКТЕ УДМУРТСКОГО ЯЗЫКА:
МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ
МНОЖЕСТВЕННОСТИ**

1. Введение

В ряде языков глагольная множественность выражается теми же показателями, что и такие видовые значения, как дуративное, имперфективное и др. — например, в славянских языках такое совмещение возникает у глаголов несовершенного вида. Этот факт находит отражение в ряде теоретических работ по аспекту, где глагольная множественность трактуется как значение видовой категории (в частности, для описания значений глагольной множественности многие исследователи используют термин «количественные аспектуальные значения»). В исследованиях последних десятилетий, однако, было показано, что данные категории довольно часто выражаются независимо друг от друга, и предложено рассматривать их отдельно друг от друга, см. [Cusic 1981; Храковский 1989; Шлуинский 2006; Wood 2007; Плунгян 2011].

В этой связи интересен материал пермских языков, где некоторые показатели глагольной множественности могут также выражать видовые значения, в частности, хабитуальное значение (вторичный аспект согласно [Плунгян 2011: 300]), делимитатив и др., см. [ГСУЯ: 219–224] относительно удмуртского языка, [Бубрих 1949: 155–162] относительно коми-зырянского. В ряде случаев данные показатели лексикализуются, развивая новые значения, непредсказуемые исходя из семантики исходного глагола. Интересно, что на разных этапах эволюции в пермских языках несколько раз возникали специализированные показатели глагольной множественности, которые затем развивали аспектуальные и лексикализованные значения. Так, в удмуртском языке одно из наиболее поздних образований, итератив, используется как для отражения множественности ситуации или объекта, так и

для передачи видовых значений хаби́туалиса и делимитатива, а также для выражения значения антирезультатива и экспериентива. Интересно также, что данный показатель способен сочетаться с более старыми показателями глагольной множественности в рамках одной лексемы. Встает вопрос о разграничении семантики старых и новых показателей итератива, а также о значении тех глаголов, которые образуются путем сочетания обеих стратегий — иными словами, во-первых, чем отличаются глаголы со «старым» итеративом от глаголов с «новым» итеративом, а во-вторых, чем отличаются глаголы со «старым» итеративом от глаголов с двумя показателями итератива. Настоящее исследование ставит целью ответить на данные вопросы на материале одного из диалектов удмуртского — языка бесермян.

Языком бесермян в литературе называют один из диалектов удмуртского языка¹, распространенный в 41 населенном пункте Юкаменского, Бalezинского, Глазовского и Ярского районов республики Удмуртия, а также в Кировской области. Число бесермян (по переписи 2002 года) составляет 3,1 тыс. человек. Материал настоящего исследования было получен в ходе экспедиций 2003–2005 и 2010–2011 гг. в д. Шамардан, проводившихся в рамках проекта по созданию бесермянско-русского словаря (проекты РФФИ № 10-06-00550а и 11-06-10035к) под руководством А. И. Кузнецовой, Е. Ю. Калининой, С. Ю. Толдовой и автора настоящей ра-

---

¹ Специалисты указывают на значительные расхождения между удмуртским бесермянским и северными удмуртскими диалектами: В. К. Кельмаков [2006: 304] предлагает характеризовать данный идиом как особое наречие удмуртского языка «наряду с северным и южным наречием»; в единственном существующем на настоящий момент грамматическом описании [Тепляшина 1970] используется формулировка «язык бесермян». При этом, однако, исследователи указывают, что по грамматике данный идиом не настолько далек от литературного удмуртского, чтобы считаться отдельным языком. Поэтому в настоящей работе данный идиом характеризуется как диалект удмуртского языка. Заметим, что в плане выражения значений аспекта и глагольной множественности бесермянский не обнаруживает каких-либо значительных расхождений с литературным удмуртским (насколько об этом можно судить по грамматическим описаниям и имеющимся словарям; специальных работ по глагольной множественности или аспекту в удмуртском языке нам не известно).

боты. Все примеры, подсчеты и значения глаголов приводятся по существующей на данный момент рабочей версии словаря (см. <http://languedoc.philol.msu.ru/~beserman/>). В работе использованы материалы и экспедиционный отчет Т. Н. Новорожденных [Новорожденных 2004], а также материалы Ф. А. Уварова и М. С. Панковой. Мы глубоко признательны А. И. Кузнецовой, М. Н. Усачёвой, О. Л. Бирюк, Р. И. Идрисову и другим участникам проекта за советы и помощь в работе над обсуждаемым ниже материалом, а также А. Б. Шлуинскому, М. А. Даниэлю и О. И. Беляеву за внимательное прочтение первой версии настоящей статьи.

Работа организована следующим образом. В разделе 2 дается подробное описание системы показателей глагольной множественности в бесермянском. Раздел 3 посвящен распределению различных показателей глагольной множественности и сочетанию различных показателей глагольной множественности в рамках одной лексемы.

2. Описание системы показателей глагольной множественности в бесермянском

На синхронном уровне в бесермянском, как и в литературном удмуртском [ГСУЯ; Алатырев 1959], зафиксировано три основных способа выражения множественности действия, что соответствует трем группам глагольных пар. Первая группа пар включает глаголы с одинаковой основой, противопоставленные по типу спряжения.

- (1) *Ad'ami êrêbo-ez dong-i-z.*
 человек телега-ACC толкать-PRT-3
 ‘Мужчина толкнул телегу (один раз)’.
- (2) *Ad'ami êrêbo-ez donga-z.*
 человек телега-ACC толкать-3
 ‘Мужчина выталкивал телегу (толкнул несколько раз)’.

В (1) представлен глагол первого спряжения с основой на согласный, в (2) — глагол второго спряжения с основой на *-a*. Глаголы первого спряжения довольно часто противопоставляются глаголам второго спряжения по следующему принципу: глагол первого спряжения используется для обозначения единичной ситуации (1), глагол второго спряжения — для обозначения множественной ситуации (2).

Вторая группа представляет собой пары глаголов с суффиксом итератива *-ja* и различными суффиксами семельфактива (*-t / -ž' / -č'k / -lt*). (Основы глаголов данной группы не употребляются без указанных аффиксов — за исключением пяти глаголов.) Приведем пример с глаголами *wamâš-t-ânâ* ‘перейти, перешагнуть, перепрыгнуть’ (однокр.) и *wamâš-ja-nâ* ‘переходить, пешагивать, перепрыгивать’ (многокр.):

- (3) *kor vâl-ti wamâš-tâ-nâ*
 бревно верх-PROL шагать-SMLF-INF
 ‘перешагнуть через бревно’
- (4) *Val wamâš-ja-sa pot-e.*
 лошадь шагать-MULT-CONV переходить-PRS.3SG
 ‘Лошадь бежит с препятствиями (букв. идет, перескакивая)’.

Третья группа включает глаголы, образованные с помощью итеративного показателя *-âl -l'la*. Глаголы без данного показателя могут обозначать как единичное (5), так и множественное действие, в то время как глаголы с данным показателем используются для обозначения повторяющегося действия (6).

- (5) *Mânam nâl-â biž'-i-z jun*
 я.GEN1 девочка-1SG выходить.замуж-PRT-3 очень
d'eš' pi-lâ.
 хороший мальчик-DAT
 ‘Моя дочь вышла замуж за очень хорошего парня’.
- (6) *Nâl murt tros pol biž'-âl-i-z n'i.*
 девочка человек много раз выходить.замуж-ITER-PRT-3 уже
 ‘Девушка (букв. девочка человек) много раз замуж выходила’.

Рассмотрим, какие значения аспекта и глагольной множественности могут передаваться лексемами, входящими в данные три типа глагольных пар.

2.1. Пары по спряжению

Первая группа включает пары по спряжению², которые различаются по типу основы: первое спряжение может заканчи-

² Как показано ниже, различия между спряжения наблюдаются на стыке основы и аффикса, что могло бы трактоваться не в терминах различных спряжений, а в терминах различных основ, присоединяющих

ваться на любой согласный или гласный³, кроме *-a*, второе спряжение имеет основу на *-a*. Оба спряжения присоединяют почти во всех формах один и тот же набор окончаний; различия между спряжениями практически исчерпываются морфонологическими процессами, происходящими на стыке основы и окончания. Приведем парадигмы настоящего времени обоих спряжений для глаголов *vu-ānā* ‘достигать’ и *č’akla-nā* ‘думать’:

Таблица 1

**Парадигма настоящего времени глаголов
viānā ‘достигать’ и *č’aklanā* ‘думать’**

	Первое спряжение	Второе спряжение
1sg	<i>vu-āš’ko/vu-iš’ko</i> достигать-PRS	<i>č’akla-š’ko</i> думать-PRS
2sg	<i>vu-āš’ko-d/vu-iš’ko-d</i> достигать-PRS-2	<i>č’akla-š’ko-d</i> думать-PRS-2
3sg	<i>vu-e</i> достигать-PRS.3SG	<i>č’akla</i> думать
1pl	<i>vu-āš’ko-m/vuiš’ko-m</i> достигать-PRS-1PL	<i>č’akla-š’ko-m</i> думать-PRS-1PL
2pl	<i>vu-āš’ko-d-ā/vuiš’ko-d-ā</i> достигать-PRS-2-PL	<i>č’akla-š’ko-d-ā</i> думать-PRS-2-PL
3pl	<i>vu-o</i> достигать-PRS.3PL	<i>č’akla-l-o</i> думать-EXP-PRS.3PL

показатели на гласный *с* усечением данного гласного в контексте *a*-основы. В таком случае, однако, пришлось бы постулировать ряд морфонологических преобразований, не наблюдаемых в других фрагментах грамматики. В силу этого мы сохраняем традиционный термин «спряжение».

³ В грамматических описаниях удмуртского языка принято считать, что все основы первого спряжения заканчиваются на *-ы*, т. е. суффикс инфинитива имеет вид *-ны* (в бесермянском *-nā*), одинаковый для обоих спряжений. Недостаток данного подхода, однако, заключается в том, что в таком случае для глагольных грамматических показателей приходится постулировать ассимиляцию *ā* в контексте других гласных; для формы 2-го лица единственного числа императива приходится постулировать исчезновение *ā*, т. к. в данной форме возможны два варианта, основа с *ā* и основа без *ā* (*vu/vuā*). По этим причинам мы принимаем условное решение относить *ā* к суффиксу инфинитива (не деляя, однако, каких-либо утверждений относительно устройства данных основ в диахронической перспективе).

Как видно из Таблицы 1, для форм 1-го и 2-го лица различие между двумя спряжениями исчерпывается наличием конечного *-a-* основы; в первом спряжении на стыке основы и окончания могут появляться гласные *-i-* или *-â-*, чего не происходит во втором спряжении. В третьем лице множественного числа в первом спряжении показатель *-o* присоединяется к основе (при присоединении суффиксов, он вытесняет начальный гласный *â* суффикса), а во втором спряжении основа наращивается с помощью согласного *-l*. Единственная клетка в парадигме, где два спряжения присоединяют различные показатели, — это 3-е лицо единственного числа: в первом спряжении глагол оформляется окончанием *-e*, а во втором спряжении остается без показателя.

В будущем времени в формах второго спряжения происходит наращение основы (на *-l*), как в 3-ем лице множественного числа настоящего времени. В прошедшем времени (первое прошедшее по [ГСУЯ: 202; Тепляшина 1970: 226]) все формы первого спряжения присоединяют показатель прошедшего времени *-i*, в то время как формы второго спряжения присоединяют лично-числовые окончания непосредственно к основе, например *vu-i-d* /достигать-PRT-2/ ‘ты дошел’ *č'akla-d* /думать-2/ ‘ты думал’.

Как можно видеть, формальные различия между двумя спряжениями незначительны, что свидетельствует о сравнительно позднем происхождении противопоставления по спряжениям. Действительно, как указывают многие авторы — см. [Емельянов 1927: 71; Серебренников 1964: 102; Тепляшина 1970: 216 и др.], — показатель *-a* основ второго спряжения, который не выделяется на синхронном уровне, восходит к прапермскому показателю **al*⁴, который на некотором этапе имел значение многократности. Согласный *-l-* сохраняется в ряде синхронно существующих форм, например, в 3-м лице множественного числа настоящего времени, (см. Таблицу 1), во всех формах будущего времени, а также в прошедшем времени при отрицательном глаголе.

---

⁴ Емельянов характеризует данный суффикс как деривационный суффикс отыменных глаголов, что, по его мнению, дало развитие значению многократности (например, «колдующий» дало развитие «он много колдует») [Емельянов 1927: 71–72].

Значение многократности сохраняется в некоторых глаголах второго спряжения⁵, ср. пары глаголов *kâskanâ* и *kâskânâ* ‘дергать’, ‘тянуть’, ‘тащить’, ‘двигать’; *šoranâ* и *šorânâ* ‘резать хлеб’:

- (7) *jârĉ'â-z-e*   *kâska-nâ*
 волосы-3-ACC   тянуть-INF
 ‘дергать кого-то за волосы (несколько раз)’
- (8) *So*   *kâsk-e*   *parta-z-e*   *mate.*
 тот   тянуть-PRS.3SG   парта-3-ACC   рядом
 ‘Он придвигает (букв. тянет) парту поближе’.
- (9) *Mon*   *šora-j*   *n'an'.*
 я   резать.хлеб-PRT   хлеб
 ‘Я хлеб нарезала (на несколько кусков)’.
- (10) *Mon*   *odig*   *kusok*   *šor-i.*
 я   один   кусок   резать.хлеб-PRT
 ‘Я отрезала один кусок хлеба’.

Глагол *kâskanâ* выбирается при множественности объекта (7) (в бесермянском *jârĉ'â* ‘волос’, ‘волосы’ имеет собирательное употребление), а также если ситуация повторяется несколько раз с одним объектом или с разными объектами; в противном случае используется глагол *kâskânâ*. Аналогичным образом, если отрезается один кусок хлеба или кусок режется пополам (т. е. производится один разрез), выбирается глагол *šorânâ* (10); если же режут много кусков или производят много разрезов, используется глагол *šoranâ* (9).

Однако большинство глаголов, входящих в такие пары, развивают «непредсказуемые» значения (не характерные для пары по спряжению). Например, глагол второго спряжения *kâskanâ*, кроме первого значения ‘дергать’, ‘тянуть’, ‘тащить’, ‘двигать’

⁵ Мы не выделяем показатель *-a* на синхронном уровне в силу следующих соображений. В бесермянском всего 33 пары по спряжению; глаголов второго спряжения без пары на порядок больше. Если бы мы выделяли *-a* в особую морфему в глаголах, имеющих пару, необходимо было бы выделять её и в остальных глаголах, что кажется, очевидно, искусственным решением. Это было бы немотивированно также с точки зрения семантики, т. к. такие глаголы (как и половина пар по спряжению) не характеризуются значением множественности ситуаций.

(многократно), может также обозначать ‘натягивать’ (провода и под.), ‘шмыгать’ (носом), перен. ‘ныть’ (о болевом ощущении). Глагол первого спряжения *kâskânâ*, кроме первого значения, может также иметь значения ‘дойть’, ‘курить’, ‘весить’, ‘качать (напр., воду)’ и ‘впитывать’. Таким образом, противопоставление по однократности — многократности, существовавшее в прапермский период, к настоящему моменту переосмыслилось во многих древних глагольных парах, образовав различные по своей семантике лексемы.

Около трети пар по спряжению семантически композициональны, например *šoranâ* и *šorânâ* (9)–(10), *donganâ* и *dongânâ*, см. (1)–(2) выше. Существуют пары глаголов, в которых глагол второго спряжения допускает более или менее семантически мотивированный переход, например глагол первого спряжения *kurânâ* обозначает ‘просить’, ‘требовать’, а глагол второго спряжения *kuranâ* — ‘сватать’ (т. е. многократно просить в жены). Однако существуют пары, где семантика глагола второго спряжения никак не выводима из семантики глагола первого спряжения, например, глагол *vijânâ* имеет значения ‘убивать’, ‘стрелять’, а глагол *vijanâ* — ‘капать’; глагол *ujânâ* — ‘гнать’, ‘догонять’, ‘прогонять’, ‘обгонять’, а глагол *ujanâ* — ‘плавать’, ‘плыть’; глагол *sajkanâ* — ‘проснуться’, ‘очнуться’, а глагол *sajkânâ* — ‘чистить’, ‘расчищать делянку’. В таких парах глаголы второго спряжения обычно не сохраняют значение многократности и могут употребляться для обозначения единичной ситуации:

- (11) *Usâkm-i-z-no*   *uš'-i-z,*   *sajka-m*
 угореть-PRT-3-ADD   падать-PRT-3   очнуться-NZR
ber-a-z   *so asliš't-âz*   *n'âm-z-e*
 задняя.часть-INESS/ILL-3   тот REFL.GEN2-3   имя-3-ACC
vera-nâ   *ug*   *tod.*
 говорить-INF   NEG   знать
 ‘[Он] угорел и упал, а после того как (букв. сзади) очнулся, свое имя сказать не может. [КФУТ]’

В настоящий момент в удмуртском бесермянском зафиксировано всего 33 «древних» пар по спряжению, из которых 18 противопоставлены по признаку единичности — множественности ситуации или объекта (часть из них, однако, развивает не-

совпадающие значения) и 15 с нерегулярными семантическими сдвигами⁶ (т. е. семантика глагола не выводима очевидным образом из семантики его пары по спряжению).

В современном языке существуют глаголы первого и второго спряжения, которые не имеют пары по спряжению — возможно, в силу того, что они возникли в более поздний период. Это глаголы *aranâ* ‘жать’, *bâškanâ* ‘колоть’ и др. Если говорить о совсем недавних заимствованиях, можно привести в пример глаголы второго спряжения *zaboranâ* ‘огораживать’ и *obedanâ* ‘обедать’ и глаголы первого спряжения *kraš'it'ânâ* ‘красить’. Глаголы, не имеющие пары по спряжению, могут выражать как единичные (12), так и множественные (13) ситуации, ср.:

- (12) *parš'-ez*   *bâška-nâ*
свинья-АСС   колоть-INF
‘заколоть свинью’

- (13) *Ku so vur-iš'k-i-z,*   *so č'in'â-z-e*   *bâška-z.*
когда тот   шить-DETR-PRT-3   тот палец-3-АСС   колоть-3
‘Когда она шила, пальцы [иголкой] исколола’.

Таким образом, способ маркирования множественности с помощью пары по спряжению не продуктивен в настоящее время и ограничен лишь двумя десятками глаголов. Все остальные глаголы выражают соответствующее значение иначе, см. 2.2 и 2.3 ниже.

Рассмотрим значения, которые выражаются глаголом второго спряжения для тех случаев, когда пара по спряжению имеет регулярную семантику. Наиболее частотное семантическое противопоставление для глаголов данных пар — это единичность / множественность ситуации:

- (14) *So č'âža meš'.*
тот   пинать   мяч
‘Он бьет по мячу несколько раз (букв. пинает мяч)’.

- (15) *Pet'a č'âž-i-z*   *juldaš-s-e.*
Петя   пинать-PRT-3   друг-3-АСС
‘Петя пнул товарища’.

⁶ См. анализ таких пар с точки зрения диахронии в [Алатырев 1959: 183–186].

Довольно часто данные пары глаголов противопоставляются по единичности / множественности объекта.

Несколько пар по спряжению противопоставлены по признаку мультипликативная / семельфактивная ситуация — значения внутрисобытийной множественности (event-internal) в терминах [Cusic 1981] (русский перевод предложен в [Шлуинский 2006]). Мультипликатив обозначает «описание ситуации, состоящей из серии единичных одинаковых квантов, непосредственно следующих во времени один за другим» [Шлуинский 2006: 53]; семельфактив — один квант мультипликативной ситуации. При этом глагол первого спряжения имеет семельфактивное, а глагол второго спряжения — мультипликативное значение, ср.:

- (16) *Pin'al tekč'a šum pot-em-en-âž.*
 ребенок прыгать радость выходить-NZR-INSTR-3
 'Ребенок прыгает от радости'.
- (17) *Piš'aj tekč'-i-z koš'ak vâl-âš'.*
 кот прыгать-PRT-3 окно поверхность-EL
 'Кошка спрыгнула с подоконника'.
- (18) *Kureg ž'erno kokč'a.*
 курица зерно клевать
 'Курица клюет зерно'.
- (19) *Kureg mâniš'tâm ki-m-e kokč'-i-z.*
 курица я.GEN2 рука-1-ACC клевать-PRT-3
 'Курица меня в руку клюнула'.

Кроме пар глаголов *tekč'anâ* 'прыгать', 'плясать' и *tekč'ânâ* 'прыгнуть', 'запрыгнуть'; *kokč'anâ* 'клевать', 'кивать' и *kokč'ânâ* 'кlynуть', 'кивнуть', так же ведут себя еще несколько пар глаголов, например *l'oganâ* 'топтать', 'нажимать ногой (на педаль)' и *l'ogânâ* 'наступить ногой', *keš'anâ* 'рвать', 'обдирать' и *keš'ânâ* 'рвануть (однократно)'.

У многих глаголов второго спряжения отмечается дистрибутивная интерпретация, например, глагол *kiš'kanâ* 'лить', 'поливать' в (20) обозначает ситуацию 'разлить (по кружкам)'.

- (20) *So vu kiška kružka-os-e.*
 тот вода лить кружка-PL-ILL
 'Она разливает воду по кружкам'.

В отличие от глаголов с суффиксом итератива, старые глаголы второго спряжения не развивают хабиутального значения и не способны выражать противопоставления внутри аспектуальной семантической зоны.

В частности, глаголы второго спряжения в бесермянском не способны выражать дуративное значение; ср. обобщение В. И. Алатырева относительно литературного удмуртского: «В этих соотносительных видовых парах форма *-ы...* указывает на ограниченность действия в определенном пределе, в определенных рамках... форма *-а* указывает продолжительно-периодическое действие...» [Алатырев 1959: 174].

Уточним, что в целом в работах по литературному удмуртскому данные глаголы характеризуются в терминах видовых пар (см. [Алатырев 1959; Серебренников 1960; ГСУЯ и др.]). Однако авторы обычно уточняют, что речь идет о единичных vs. многократных ситуациях — т. е. вид трактуется шире, чем в настоящей работе, а именно, включает как аспект, так и глагольную множественность.

2.2. Семельфактив и мультипликатив

Вторая группа включает пары глаголов, противопоставляющие семельфактив (реже — единичная ситуация) и мультипликатив (реже — итератив). Суффикс мультипликатива *-ja*⁷ образует глаголы второго спряжения, суффиксы семельфактива *-t/-ž' / -č' (i)k/-lt* — глаголы первого спряжения. Приведем примеры:

(21) *perepeš'*   *č'apel'-l'a-nâ*
перепечи   щипать-MULT-INF
'защипывать перепечи'⁸ (по краям)

(22) *ž'až'eg*   *ton-e*   *č'apel'-t-i-z.*
гусь   я-ACC   щипать-SMLF-PRT-3
'Гусь меня ущипнул'.

⁷ Суффикс *-ja* в удмуртском бесермянском также используется для образования глаголов от имен, например, *š'aš'kajanâ* 'цвести' от *š'aš'ka* 'цветок', *babkajanâ* '/о капусте/ завязываться' от *babka* 'завязь у капусты' и др. Такое употребление данного суффикса в настоящей работе не рассматривается.

⁸ Пресная ватрушка с начинкой — блюдо бесермянской национальной кухни. Перепечи обычно защипывают по краю, как русские пельмени.

Заметим, что под множественностью объекта имеется в виду множественность референта, независимо от наличия формального показателя множественного числа — в (21) прямое дополнение не присоединяет данный показатель (об опущении показателя множественного числа в пермских языках см. [Шматова, Черниговская 2011]).

- (23) *Tolon č'il'ik-ja-z* / *č'il'ik-t-i-z*.
вчера сверкать.о.молнии-MULT-3 сверкать.о.молнии-SMLF-PRT-3
'Вчера сверкала (несколько раз) / сверкнула (один раз)
молния'.

В отличие от пар предыдущего типа, данные пары находятся в эквиполентной, а не привативной оппозиции: нельзя считать ни один из глаголов в такой паре производным от второго, т. к. оба содержат деривационный суффикс (типологически редкая ситуация для мультипликатива и семельфактива, согласно [Храковский 1989: 27]). Для подавляющего большинства таких пар не существует «исходного» глагола без соответствующего суффикса⁹.

Однако во многих парах данного типа мультипликативно-семельфактивное семантическое противопоставление может «размываться», превращаясь в противопоставление множественной и единичной ситуации. Например, для глаголов *gâl'-l'a-nâ* и *gâl-t-ânâ* в качестве первой возможной интерпретации носители предлагают мультипликативно-семельфактивную: *gâl'-l'a-nâ* переводится как 'полоскать, мыть без помощи специальных средств', а *gâl-t-ânâ* как 'один раз ополоснуть (сделав одно движение)' или 'один раз облить водой':

- (24) *So diš'-s-e* *gâl'-l'a*.
тот одежда-3-ACC полоскать-MULT
'Она полоскает одежду'.

- (25) *Stakan-z-e* *gâl-t-i-z*.
стакан-3-ACC полоскать-SMLF-PRT-3
'[Она] сполоснула стакан (одним движением)'.

При этом в (25) возникает понимание действия как нетщательного или неаккуратного (что, по-видимому, близко значению

---

⁹ Для некоторых пар такие «исходные» глаголы имеются в литературном удмуртском [Алатырев 1959: 188].

аттенуатива, который определяется как «пониженная интенсивность действия» [Плунгян 2011: 159]).

Глагол с суффиксом семельфактива может также интерпретироваться не в собственно семельфактивном значении:

- (26) *pol-z-e*   *gâl-t-ânê*
 пол-3-ACC   полоскать-SMLF-INF
 ‘протереть пол (быстро, один раз пройти тряпкой)’

В данном случае не предполагается строго интерпретация «квант ситуации», как в (25). Возникает следующий семантический сдвиг: быстро выполненная совокупность движений трактуется как одно движение (т. к. мытье пола в комнате включает несколько движений); при этом сохраняется идея нетщательности мытья.

Не в основном значении, ‘размывать (дорогу, берег и под.)’, противопоставление между суффиксами для данных глаголов стирается. В этом случае употребляется только глагол с суффиксом семельфактива, мультипликативный же глагол недопустим:

- (27) *Š'âres-s-e*   *gâl-t-em*   *zor-en*
 дорога-3-ACC   полоскать-SMLF-PF   дождь-INSTR
 (**gâl'-l'a-m*).
 полоскать-MULT-PF
 ‘Дорогу размыло дождем’.

В принципе, ожидалось бы, что в таких контекстах будет возможен только мультипликативный глагол, т. к. ‘размывать’ подразумевает не пунктивную ситуацию, а многократность (и постепенность) воздействия воды.

Существует несколько пар с данными суффиксами, противопоставленных не по признаку мультипликатив vs. семельфактив, а по признаку множественность / единичность ситуаций или объектов, как и пары по спряжению, ср.:

- (28a) *Mon tânâd*   *gož-ja-l-o*   *každoj*   *arn'a-je*.
 я   ты.DAT   писать-MULT-EXT-FUT   каждый   неделя-ILL
 ‘Я тебе буду писать каждую неделю’.
- (28б) *Mon tânâd*   *gož-t-o*   *piš'mo*   *Šamardan-iš'en*.
 я   ты.DAT   писать-SMLF-FUT   письмо   Шамардан-EGR
 ‘Я тебе напишу письмо из Шамардана’.

В (28а) не предполагается интерпретация ситуации как состоящей из множества мелких ситуаций (писать по одному предложению в письме); напротив, контекст предполагает регулярное повторение ситуации написания целого письма, т. е. итератив. В (28б) глагол с суффиксом семельфактива обозначает ситуацию написания одного письма целиком, т. е. единичную ситуацию.

Примеры (29) и (30) иллюстрируют употребление данных суффиксов для выражения множественности ситуаций (при единичном объекте), ср.:

(29) *So ki-a-z gozâ-z-e kotâr-ja-z.*
 тот рука-INESS/ILL-3 веревка-3-ACC окружать-MULT-3
 ‘Он несколько раз обмотал веревку вокруг запястья’.

(30) *Mon-e kotâr-t-i-z-ə kijon-jos.*
 я-ACC окружать-SMLF-PRT-3-PL волк-PL
 ‘Меня окружили волки’.

В нескольких парах мультипликативный глагол может обозначать и единичные, и множественные ситуации, а семельфактивный глагол строго специализирован для выражения единичной ситуации, например, *šam-ja-nâ* ‘пробовать’ (многокр. или однокр.) и *šam-t-ânâ* ‘пробовать’ (однокр.); *č’erek-ja-nâ* ‘кричать’ (31), ‘крикнуть’ (32) и *č’erek-t-ânâ* ‘окликнуть’, ‘позвать’, *č’ere(k)-č’(i)k-ânâ* ‘закричать, крикнуть, покричать’ (33–34) и некоторые другие.

(31) *Pin'al'-l'os č’erek-ja-l-o ul'č'a-j-ân.*
 ребенок-PL кричать-MULT-EXT-3PL улица-OBL-INSTR
 ‘Дети на улице кричат (время от времени)’.

(32) *Anaj-ez so vâl-e č’erek-ja-z gurt-e*
 мать-3 тот поверхность-ILL кричать-MULT-3 дом-ILL
med lokt-o-z šuâsa.
 чтобы прийти-FUT-3 COMPL
 ‘Мать крикнула / закричала / покричала ему, чтобы он шел домой’.

(33) *So vâš'-âz-lâš' č’ere-č’k-i-z.*
 тот боль-3-GEN2 кричать-SMLF-PRT-3
 ‘Он вскрикнул от боли’.

Как видно из (31)–(32), глагол *č’erek-ja-nâ* не имеет фиксированной интерпретации, допуская как итеративное или мультипли-

кативное, так и значение единичной ситуации. В различных контекстах возможно также инхоативное ('закричать'), семельфактивное ('крикнуть') и делимитативное ('покричать') прочтение. Заметим, что данный глагол имеет два семельфактивных деривата, *č'erek-t-ânâ* и *č'erek-č'(i)k-ânâ*, первый из которых лексикализовался в значении 'звать', 'окликать', а второй может иметь семельфактивное (33), инхоативное или делимитативное (34) значение.

- (34) *Č'ere-č'k-o-z-no*   *dugd-o-z.*
 кричать-SMLF-FUT-3-ADD   останавливаться-FUT-3
 ' {Не переживай,} он покричит и перестанет'.

Далее, несколько пар имеют сходное значение. Нам удалось найти две мультипликативно-семельфактивных пары, в которых оба глагола могут выражать и единичность, и множественность ситуации при единичном или множественном объекте: это *voš-ja-nâ* и *voš-t-ânâ* 'менять', *baš'-ja-nâ* и *baš'-t-ânâ* 'брать', 'покупать':

- (35) *kalâk*   *baš'-t-ânâ*   /   *baš'-ja-nâ*   *uža-nâ*
 народ   брать-SMLF-INF   брать-MULT-INF   работать-INF
 'брать людей на работу'

Мультипликативный глагол данной пары также может быть употреблен с единичным участником в единичной ситуации (см. контекст):

- (36) *Baš'-ja-z-â*   *ke*   *aftobus*   *so-os.*
 братъ-MULT-3-PL   если   автобус   тот-PL
 ' {Семья Феликса около 400 рублей заплатила, как они ска-
 зали, за транспорт на свадьбе.} (Потому что) они взяли в
 аренду автобус. [КФУТ]'

При наличии мультипликативной пары *voš-ja-nâ* с тем же значением говорящий в спонтанном тексте употребил глагол с суффиксом семельфактива для обозначения множественности ситуаций и объектов (в принципе, нами не зафиксировано различий в употреблении мультипликативного и семельфактивного глаголов данной пары):

- (37) *Pasport*   *voš-t-âmân*   *val.*
 паспорт   менять-SMLF-RES   быть.PRT
 'Нам поменяли паспорта'.

Все остальные семельфактивные глаголы могут обозначать только единичную ситуацию с единичным объектом.

Что касается глаголов с суффиксом мультипликатива, то они чаще всего обозначают мультипликатив, реже — множественность ситуаций (или объектов), однако не так редки примеры, когда данные глаголы употребляются для описания однократной ситуации с одним объектом:

- (38) *Təl*   *pâgâr-ja-z*   *suter*   *pu.*
ветер   валить-MULT-3   смородина   дерево
‘Ветер свалил смородину’.

Допустимость такого употребления зависит от конкретной пары глаголов, т. е. ограничена индивидуальной семантикой конкретных глагольных лексем.

Наконец, три мультипликативно-семельфактивные пары сильно лексикализованы и не кодируют значений глагольной множественности. Это глаголы *č'og-ja-nâ* ‘воткнуть’, ‘вбить’, ‘колоть (в боку)’ и *č'og-ž'-ânâ* ‘спотыкаться’; *bâgâr-ja-nâ* ‘рыхлить’, ‘крутить (в животе)’ и *bâgâr-t-ânâ* ‘перебирать’, ‘разбирать’, ‘подшивать’, ‘крутить (в животе)’, ‘скручивать нитки (на ткацком станке)’; *berek-ja-nâ* ‘переворачивать’, ‘поворачивать’, ‘переводить’, ‘выворачивать наизнанку’, и *berek-t-ânâ* ‘поворачивать’, ‘переворачивать’, ‘возвращать’, ‘отдавать сдачу’, ‘переводить’, ‘сворачивать’, ‘перегонять (самогон)’.

Итак, в целом, можно констатировать, что данные суффиксы следуют старому семантическому противопоставлению двух спряжений по признаку единичности / множественности. Однако, во-первых, данное противопоставление специализировано, т. е. используется чаще всего для мультипликативных — семельфактивных ситуаций (в то время как старые пары по спряжению по большей части противопоставлены по принципу «единичность vs. множественность ситуации»); лишь четыре из них образуют мультипликативно-семельфактивные пары); во-вторых, противопоставление проводится более последовательно, чем в парах по спряжению, обсуждаемых в п. 2.1. Если глаголы первого спряжения без суффикса семельфактива (входящие в пары по спряжению) не противопоставлены по данному признаку (т. е. могут обозначать как единичную, так и множественную ситуацию), то

глаголы с суффиксами семельфактива чаще всего не могут обозначать множественную ситуацию.

Существует несколько глаголов, образованных с помощью суффикса *-ja* от других глаголов (в остальных случаях, как указывалось выше, основы глаголов с суффиксом мультипликатива не употребляются без указанного аффикса) и не имеющих пары с суффиксом семельфактива. Это следующие пять глаголов: *ž'ut-ja-nâ* 'поднимать' (от *ž'ut-ânâ*), *š'ot-ja-nâ* 'давать' (от *š'ot-ânâ*), *uš'kât-ja-nâ* 'ронять' (от *uš'kât-ânâ*), *vož'mat-ja-nâ* 'показывать', 'заставлять следить за кем-либо' (от *vož'mat-ânâ*) и *waš'kât-ja-nâ* 'спускать' (от *waš'kât-ânâ*). Данные глаголы имеют композиционное значение (поэтому мы не приводим перевод для исходных глаголов). В таких парах исходный глагол может обозначать как единичную (39а), так и множественную ситуацию (39б), а производный глагол с суффиксом *-ja* — только множественную ситуацию (40):

(39а) *Mon stakan uš'kât-i.*

я стакан падать.TR-PRT

'Я уронила стакан'.

(39б) *Jâ uš'kât-e.*

лед падать.TR-PRS.3SG

'Град идет'.

(40) *Pič'i pin'al tros pol uš'kât'-t'a-z*

маленький ребенок много раз падать.CAUS-MULT-3

šâd-on-z-e.

играть-VN-3-ACC

'Ребенок много раз ронял игрушку'.

Однако не для всех глаголов это верно; в частности, глагол *š'ot-ja-nâ* допускает употребление в однократном значении:

(41) *So mil'am paja-m punna-no butilka*

тот мы.DAT обманывать-NZR за-ADD бутылка

vodka š'ot'-t'a-z.

водка давать-MULT-3

'За этот обман (за то, что он нам солгал) дала ему бутылку водки'. [КФУТ]

Выражение множественности ситуации с помощью суффикса *-ja* — непродуктивная стратегия в современном языке,

почти в такой же степени, как и противопоставление по спряжению. В настоящий момент в бесермянском зафиксировано всего 37 семельфактивно-мультипликативных пар и пять производных глаголов с суффиксом мультипликатива, не имеющих семельфактивной пары. Однако по семантическому противопоставлению глаголов в таких парах наблюдается более стройная картина, чем для непродуцированных глаголов первого и второго спряжения. Из 37 семельфактивно-мультипликативных пар 34 демонстрируют регулярное изменение значения (включая несколько случаев, когда глаголы одной пары, кроме основного общего значения, имеют несовпадающие значения) и лишь три имеют нерегулярный сдвиг в значении.

Итак, образованные таким образом пары в большей степени обнаруживают семантическое сходство, чем пары по спряжению. Полное соответствие значений наблюдается, например, у глаголов *pogâl'-l'a-nâ* 'катить', 'валять' (т. е. многократно переворачивать) и *pogâl'-t-ânâ* 'перевернуть' (один раз); *uš'-ja-nâ* 'открывать', 'раскрывать' (много объектов) и *uš'-t-ânâ* 'открыть' (один объект); *watâš'-ja-nâ* 'переходить', 'перешагивать' (многократно) и *watâš'-t-ânâ* 'перейти', 'перешагнуть'.

Однако в редких случаях возможны небольшие семантические сдвиги. Например, глагол *ž'âgâr'-ja-nâ* 'поднимать', 'таскать (что-л. тяжелое)', 'обнимать', глагол *ž'âgâr'-t-ânâ* 'крепко обхватить', 'обнять', 'прижать к себе'; 'заплетать косичку из ниток (на ткацком станке)'.

Интересный семантический сдвиг представлен в паре *kwal'ek'-ja-nâ* 'дрожать' и *kwal'ek'-t-ânâ* 'побежать', 'поспешить', 'спеша пойти куда-либо' (т. е. букв. 'дрогнуть куда-либо'):

(42) *Mon kwalek'-ja-š'ko kež'ât-lâš'.*
я дрожать-MULT-PRS холод-GEN2
'Я дрожу от холода'.

(43) *Kwal'ek'-t-i n'i šaj vâl-e.*
дрожать-SMLF-PRT уже кладбище на-ILL
'Я поспешила на кладбище'.

Другой нестандартный семантический переход представляют глаголы *nal'-l'a-nâ* и *nal'-č'k-ânâ*. Значение глагола *nal'-č'k-ânâ* — 'выглянуть', 'посмотреть (однократно)', например, *koš'age*

nal-č'k-ânâ — ‘выглянуть в окно’. С мультипликативным суффиксом данный глагол приобретает значение ‘искать’, по-видимому, переосмысленное из ‘множественно смотреть по сторонам’:

- (44) *Mon kâk č'as nal'-l'a-š'ko skal-m-e.*
я два час смотреть-MULT-PRS корова-1-ACC
‘Я (уже) два часа ищу корову’.

Как указывалось выше, глаголы на *-ja* не всегда используются для обозначения множественности ситуаций; в некоторых парах глагол с данным показателем может быть использован при обозначении однократной ситуации с одним объектом. Можно было бы ожидать, что такие случаи ограничатся только парами с нерегулярной семантикой. Однако это не так: некоторые пары *семельфактив-мультипликатив* с регулярной семантикой также допускают при выражении однократной ситуации и глагол с мультипликативом, и глагол с *семельфактивом*, ср.:

- (45) *Tolon p'evoj-z-e šam-t-i-z perepeč'.*
вчера первый-3-ACC попробовать-SMLF-PRT-3 перепечи
‘Вчера она в первый раз попробовала перепечи’.
- (46) *So šam-ja-z šâd, so-lâ e-z jara.*
тот попробовать-MULT-3 суп тот-DAT NEG-3 нравиться
‘Он попробовал суп, ему не понравилось’.

Можно сделать вывод о том, что не все суффиксы, обсуждаемые в данном разделе, имеют строго специализированное значение. Суффикс *-ja* чаще всего имеет значение мультипликатива (в более чем половине всех пар), однако может иметь и итеративное значение (28а). Кроме того, отмечаются случаи лексикализации данного суффикса и образования нерегулярных значений, а также пары, в которых глагол с суффиксом *-ja* имеет немаркированное значение и может употребляться для выражения и мультипликатива, и *семельфактива* (*семельфактивный* глагол в таких парах употребляется строго для выражения *семельфактива* — за исключением двух глаголов, см. (35) и (37) выше).

Что касается *семельфактивных* суффиксов, они имеют в различной степени специализированное значение. Наиболее распространен суффикс *-t*; 33 пары образуются именно с этим суффиксом; при этом данный суффикс имеет самое широкое значе-

ние. Кроме собственно семельфактивного значения, он способен иметь значение единичной ситуации (286), делимитатива (34) или инхотатива (в зависимости от экстралингвистического контекста). Зафиксировано два случая, когда глагол с данным суффиксом используется так же, как и его мультипликативная пара, ср. комментарий к (35)–(37). Остальные суффиксы выступают лишь в семи мультипликативно-семельфактивных парах (при этом иногда дублируя семельфактивный глагол на *-t*) и имеют строго семельфактивное либо инхотативное значение.

Все перечисленные семельфактивные суффиксы могут присоединяться к «немultiпликативным» глаголам второго (реже — первого) спряжения, не образуя мультипликативной пары, например, от глагола *ž'eč'âra-nâ* 'качаться' образуется глагол *ž'eč'âr-č'ik-ânâ* 'качнуться'; от глагола *gâbda-nâ* 'тлеть', 'дымиться' — глагол *gâb-ž'-ânâ* 'начинать тлеть' и т. д. Глаголы с суффиксами *-č'* и *-âšt* в принципе не входят в мультипликативно-семельфактивные пары, а присоединяются к «немultiпликативным» глаголам, например, от *n'ul-ânâ* 'лизать', 'вылизывать' образуется глагол *n'ul-âšt-ânâ* 'лизнуть', от *gopa-nâ* 'рыть', 'копать' образуется *gop-âšt-ânâ* 'копнуть', от *šoka-nâ* 'дышать' — *šok-č'-ânâ* 'вздыхнуть' и др.

Отдельно следует рассмотреть вопрос о противопоставлении пар глаголов по спряжению и мультипликативно-семельфактивных пар. Первая и вторая группа глаголов различаются не во всех грамматических описаниях удмуртского языка (например, различие проводится в [ГСУЯ: 220–223; Csucs 1990: 60], но не в [Алатырев 1983: 581]). В [Алатырев 1983] глаголы с суффиксом *-я* приводятся среди глаголов второго спряжения без указания на то, что они содержат какой-либо суффикс. Представляется, однако, правомерным выделять данные глаголы особо (отдельно от других глаголов второго спряжения) по следующим причинам.

Во-первых, по данным исторических грамматик, в прапермском восстанавливается суффикс *ал без йота (в отличие от современного суффикса мультипликатива *-ja*).

Во-вторых, важным представляется соображение семантики: глаголы, составляющие пары по спряжению, в половине случаев имеют совершенно различное значение, в 25% случаев демонстрируют ряд непредсказуемых значений, по сравнению со

значением исходного глагола, и лишь в 25% семантически композициональны. С мультипликативно-семельфактивными парами ситуация обстоит иначе: практически во всех случаях, за редким исключением (см. выше), семантика мультипликативного глагола полностью соответствует семантике семельфактивного глагола. Такое различие по композициональности, по-видимому, свидетельствует о более позднем происхождении мультипликативно-семельфактивных пар по сравнению с парами по спряжению.

Третьим аргументом является тот факт, что существует три глагола с суффиксом *-ja*, образованные от каузативов (*uš'k-ât-ja-nâ* 'ронять' от *uš'k-ât-ânâ*, *vož'ma-t-ja-nâ* 'показывать', 'заставлять следить за кем-либо' от *vož'ma-t-ânâ* и *waš'k-ât-ja-nâ* 'спускать' от *waš'k-ât-ânâ*). Каузативы с суффиксом *-(â)t* — продуктивная и в настоящее время деривация, которая, по сравнению с процессом образования пар по спряжению, является новообразованием. Таким образом, данная деривация появилась намного позже прапермского состояния, когда было продуктивно образование глаголов второго спряжения. По-видимому, суффикс мультипликатива присоединился к данным основам на более позднем этапе.

По этим причинам мы считаем необходимым выделять семельфактивно-мультипликативные пары глаголов в отдельную группу.

Рассмотрим подробнее значения суффиксов мультипликатива и семельфактива (исключая лексикализованные пары). Наиболее частотное семантическое противопоставление для глаголов с данными суффиксами — это собственно значения мультипликатива и семельфактива (19 пар). Мультипликативные глаголы способны выражать такой подвид внутрисобытийной множественности (в терминологии [Шлуинский 2006]), как альтернатив, т. е. «разнонаправленная ситуация»:

(47) *bâgâl'â*   *bâgâl'-I'a-nâ*
лапша   катать-MULT-INF
'раскатывать лапшу (катать в разных направлениях)'

(48) *So*   *mon-e*   *lâmâ-j-en*   *pogâl'-I'a-z.*
тот   я-ACC   снег-OBL-INSTR   повалить-MULT-3
'Он меня в снегу вывалял (несколько раз сбивал с ног и валил в снег в разных направлениях).'

Другие подвиды мультипликативного значения — дуплика- тив (противоположные ситуации, например, «зажигаться и гас- нуть» и т. п.) и дисконтинуатив (единичная ситуация с перерыва- ми, например, русск. *посматривать*) — у данного показателя не зафиксированы.

Второе по частотности семантическое противопоставление повторяет противопоставление между парами по спряжению из п. 2.1. — это единичность / множественность ситуации (28а, б) или единичность / множественность объекта. Хабитуального значе- ния глаголы с суффиксом мультипликатива выражать не могут. Мультипликативные глаголы также могут обозначать один из ви- дов антирезультатива, а именно действие с отмененным резуль- татом (Плунгян 2011: 375), ср.:

- (49) *So uš-ja-z lavka, so bere pâtsa-z.*
 тот открывать-MULT-3 магазин тот после закрывать-3
 ‘Он открыл [было] магазин, а потом закрыл’.

Интересно, что семельфактивные глаголы в мультиплика- тивно-семельфактивных парах могут развивать аспектуальные значения перфектива в терминах [Плунгян 2011: 298]. Это проис- ходит, например, в паре *laškin'-n'a-nâ* и *laškin'-t-ânâ* ‘кататься (на транспорте или лошади)’:

- (50) *Mon jarat-iš'ko laš'kin'-n'a-nâ mašina-j-en.*
 я любить-PRS кататься-MULT-INF машина-OBL-INSTR
 ‘Я люблю кататься на машине’.

- (51) *Davaj laškin'-t-o vil' motik-en-âd.*
 давай кататься-SMLF-PRS.3PL новый мотоцикл-INSTR-2
 ‘Дай я прокачусь на твоём новом мотоцикле’.

То есть семельфактивный глагол в данной паре выражает не один квант многоактного действия (в отличие от сходных по значению глаголов *iskil'-l'a-nâ* и *iskil'-č'ik-ânâ*, противопостав- ленных именно по этому признаку: ‘кататься (на лыжах, санях и т. п.)’ и ‘съехать с горы’, соответственно), а делимитатив, т. е. ситуацию ‘кататься с небольшой продолжительностью’. Это со- ответствует семантическим различиям в данных парах глаголов. В отличие от *iskil'-l'a-nâ*, который, кроме неопредельного процес- са ‘кататься на коньках/лыжах и под.’, включает также ситуации

‘съезжать с горки’ (в которых можно выделить один квант ситуации, ‘съехать с горки’), *laškin’-ja-nâ* обозначает катание на самоходном транспорте (машина, мотоцикл, лошадь и под.), которое по экстралингвистическим причинам едва ли может быть разделено на такого рода кванты.

У многих семельфактивных глаголов отмечается также другой вид перфективного значения — инхоативное значение, т. е. начало ситуации. Такое значение развивают также семельфактивные глаголы, образованные не от мультипликативной пары, а от более старых основ, ср.:

(52) *So sâl-e.*

тот стоять-PRS.3SG
‘Он стоит’.

(53) *So sâl-t-e pukon vâl-âš’.*

он стоять-SMLF-PRS.3SG стул поверхность-EL
‘Он встает со стула’. [Новорожденных 2004]

Комплетивное значение, т. е. значение завершения ситуации, у суффиксов семельфактива не зафиксировано.

2.3. Регулярный итератив на $-\hat{a}l/-l'a$

Третья группа включает глаголы, образованные с помощью итеративных показателей $-\hat{a}l/-l'a$ ¹⁰. Суффикс $-\hat{a}l$ присоединяется к глаголам первого спряжения, суффикс $-l'a$ — к глаголам второго спряжения. Например, от глагола *jurt-âñâ* ‘помогать’ образуется глагол *jurt-âñâ* ‘помогать (множественно)’, а от глагола *kal’-l’a-nâ* ‘вешать’ образуется глагол *kal’-l’a-l’a-nâ* ‘вешать (множественно)’. Далее, употребляя термин «итератив», мы будем иметь в виду глагол, оформленный одним из суффиксов $-\hat{a}l/-l'a$ ¹¹.

¹⁰ Обращает на себя внимание схожесть суффикса итератива и суффикса **al*, который восстанавливается для старых глаголов второго спряжения. В финно-угроведении существуют различные точки зрения относительно общего / различного происхождения данных показателей, см. [Budenz 1884; Емельянов 1927: 69–71].

¹¹ Около пяти глаголов первого спряжения могут, наряду с итеративом на $-\hat{a}l$ -, допускать вариант на $-\hat{a}l'a$ с тем же значением (например, от глагола *âbâñâ* ‘стрелять’ образуются итеративы *âbâñâ* и *âbâñâ-l’anâ*, от глагола *č’arkâñâ* ‘шлепать’ образуются итеративы *č’arkâñâ* и *č’arkâñâ-l’anâ*). Нами не было обнаружено семантических различий

Итератив в удмуртском языке, по-видимому, является более новым образованием, чем пары по спряжению. Это самый продуктивный вид глагольной деривации в удмуртском бесермянском. Из всего глагольного словаря (рабочая версия объемом приблизительно 1800 входов) лишь несколько десятков непроизводных глаголов не имеют итеративной пары. Итератив образуется от всех непроизводных глаголов, за редким исключением (а также от некоторых производных основ, например, от каузатива и детранзитива; в том числе, итеративные глаголы образуются от мультипликативных глаголов и глаголов второго спряжения с итеративным значением, см. подробнее раздел 3), и практически никогда не характеризуется некомпозициональной семантикой. Ограничения на присоединение данного суффикса, насколько нам удалось установить, носят экстралингвистический характер: например, не существует итератива от глагола *l'egit'omânâ* 'помолодеть', *uzâr'mânâ* 'разбогатеть' и т. п.

Изменения в значении чаще отмечаются в случае экстралингвистической невозможности или редкости итеративной ситуации. Например, глагол *kulânâ* 'умирать' с суффиксом итератива употребляется в значении 'терять сознание'; глагол *viž'temmânâ* 'сойти с ума', 'стать сумасшедшим' с суффиксом итератива может иметь только переносное значение 'уствовать/переживать/испытаться до умопомрачения' и т. п.

В редких случаях семантические сдвиги образуют глаголы эмоционально окрашенного речевого действия. Например, от глагола *lâpt-ânâ* 'подниматься (о тесте)' образуется итератив *lâpt-âl-ânâ* со значением 'хвастаться, хвалиться'.

Таких примеров, однако, считанное число. В остальных случаях семантические сдвиги не настолько серьезны, как в случае с глаголами первой и второй групп, см. п. 2.1 и 2.2. Обычно производный глагол с суффиксом итератива имеет либо такие же значения, что и исходный, либо меньше значений, в силу экстралингвистической редкости или невозможности соответствующей ситуации.

Из всех словообразовательных глагольных суффиксов данный показатель в наибольшей степени претендует на то, чтобы

между итеративами с суффиксом *-âl'l'a* и регулярными итеративами на *-âl'*; далее мы будем рассматривать только регулярные итеративы.

быть признанным грамматическим. Действительно, он регулярно присоединяется к глаголам обоих спряжений и практически всегда имеет композиционную семантику (демонстрируя в этом смысле бóльшую регулярность, чем формы множественного числа существительных во многих языках, относительно которых в литературе обычно не ставится вопроса, следует ли считать в них категорию числа грамматической, см. [Плунгян 2011: 154] о деграмматикализации категории числа). В грамматических описаниях удмуртского языка данный показатель прямо не называют грамматическим (например, в [ГСУЯ] он приводится в числе суффиксов глагольной деривации), однако есть некоторые указания на трактовку данной категории как грамматической. Например, Б. А. Серебренников, обсуждая глаголы с суффиксом итератива, причисляет их к собственно видовым показателям, «образование которых имеет тотальное распространение», в отличие от образований, которые «явно тяготеют к образованиям лексического порядка» в силу того, что их показатели «имеют видовое значение, но не имеют ⟨...⟩ тотального распространения» [Серебренников 1960: 109–141]; [Алатырев 1983] анализирует данный суффикс в рамках категории вида, в разделе, посвященном грамматическим категориям глагола.

В бесермянском данный показатель не может быть признан грамматическим, т. к. он не отвечает требованию обязательности (см. [Плунгян 2011: 20–21]). Итератив может употребляться для обозначения множественных ситуаций, однако в этих же контекстах может быть использован глагол без соответствующего суффикса, например:

(54) *So pâd-z-e jalan vâr-ât-âl-e.*
 тот нога-3-ACC всегда качаться-CAUS-ITER-PRS.3SG
 ‘Он постоянно качает ногой’.

(55) *So jalan waž' sâl-t-e.*
 тот всегда рано вставать-SMLF-PRS.3SG
 ‘Он всегда рано встает’.

В (54) при наличии в предложении эксплицитного указания на повторяемость ситуации — наречие *jalan* ‘всегда’ — носитель использует форму с итеративом, в (55) в контексте того же наречия выбирается глагол без итератива.

Соответственно, при отсутствии показателя нельзя однозначно сделать вывод о том, что речь идет о единичной ситуации. Иными словами, отсутствие показателя итератива влечет отсутствие выражения противопоставления единичных и множественных ситуаций, что не допускает признания данной категории грамматической.

В удмуртском бесермянском в одном и том же предложении возможно сочинение глагола с показателем итератива и без него (заметим, что множественный объект при этом является общим для обоих глаголов):

- (56) *Ton kureg-m-e m̄niš't̄m luška-l'a-d n'i*
ты курица-1-ACC я.GEN2 воровать-ITER-2 уже
š'i-iš'ko-d.
есть-PRS-2
'Ты у меня куриц крадешь и ешь (букв. наворовала и ешь)'.
[КФУТ]

Данное предложение взято из текста сказки, где герой ругает лису за то, что она крадет у него кур (зайца за то, что тот ворует у него из огорода капусту, и т. п.). То есть, имеются в виду не конкретная ситуация кражи, а хабитуальные ситуации «лиса крадет кур и ест», «украив ест» (прошедшее время в данном случае имеет таксисное значение: предшествование по отношению к другой хабитуальной ситуации). В данном предложении эти ситуации кодируются различным образом: итеративом для ситуации «красть» и отсутствием данного показателя для ситуации «есть».

Следовательно, итератив не может быть признан грамматической категорией в удмуртском бесермянском, несмотря на высокую продуктивность и композициональность значения. Повидимому, данный показатель может трактоваться в терминах квазиграммемы, т. е. словообразовательного показателя, отвечающего требованиям регулярности и продуктивности (однако не отвечающего требованию обязательности) [Мельчук 1997: 286–288; Плулган 2011: 39].

Интересно, однако, что так обстоит дело с формами настоящего времени и различными формам косвенной модальности. При формах прошедшего времени большинство носителей

запрещает¹² опущение показателя итератива в контексте наречий с семантикой ‘всегда’, ‘постоянно’, ср.:

(57) *Mānam ataj-e okotnik val, ludkeš'*
 я.GEN отец-1SG охотник быть.PRT заяц
āb-āl-i-z (*āb-i-z).
 стрелять-ITER-PRT-3 стрелять-PRT-3
 ‘Мой отец был охотником, он стрелял зайцев’.

(58) *Mon paš'-jos-s-e pātsa-l'ŋ'a-j (*pātsa-j).*
 я щель-PL-3-ACC закрывать-ITER-1 закрывать-1
 ‘Я забил щели (между досками)’.

Уточним, однако, что для отдельных носителей опущение показателя итератива в таких контекстах допустимо:

(59) *So jalan tat-ān ċ'orāga-z / ċ'orāga-l'ŋ'a-z.*
 тот всегда этот.OBL-INESS рыбачить-3 рыбачить-ITER-3
 ‘Он всегда здесь рыбачил’.

Таким образом, для большинства носителей соответствующая категория отвечает требованиям, предъявляемым к грамматической категории (см. [Плунгян 2011: 3–8]), тогда как для носителей второй группы это не так. При этом «грамматические» свойства категории итератива наблюдаются только в прошедшем времени. Оценка данной категории с точки зрения ее грамматического статуса, таким образом, сталкивается с необходимостью принятия различных решений для различных форм глагола.

Различие в обязательности показателя итератива в зависимости от времени согласуется с наблюдениями, сделанными относительно средств выражения хабитуального значения в [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]. Как показано в данной работе, существует довольно много случаев грамматикализации средств выражения хабитуалиса для прошедших времен, в отличие от настоящих времен, что обусловлено различиями во временной семантике: «хабитуальное значение довольно часто является основным или дефолтным аспектуальным значением настоящего времени, в от-

¹² В [Серебренников 1960: 136] указывается, что в литературном удмуртском такое опущение возможно для глаголов второго спряжения, присоединяющих суффикс *-ля* (как в примере (59), но не в (58)).

личие от прошедшего. Следовательно, эксплицитное выражение хабитуального значения чаще будет наблюдаться в прошедшем времени, приводя к развитию эксплицитного грамматического маркера хабитуалиса в прошедшем» [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 151]¹³.

Отметим, что в бесермянском существует суффикс, по-видимому, сходного происхождения, который является грамматическим. Это суффикс, образующий формы 2-го и 3-го лица множественного числа перфекта¹⁴ (со значением перфекта и различных типов эвиденциальности; второе прошедшее время в терминах [ГСУЯ]). Ср. парадигму перфекта для глаголов *vu-ānā* ‘достигать’ и *kija-nā* ‘ломать’:

Таблица 2

Парадигма перфекта глаголов *vuānā* ‘достигать’ и *kijānā* ‘ломать’¹⁵

1sg	<i>vu-iš'k-em(-e)</i> достигать-DETR-PF-1SG	<i>kija-š'k-em(-e)</i> ломать-DETR-PF-(1SG)
2sg	<i>vu-em(-ed)</i> достигать-PF-2SG	<i>kija-m(-ed)</i> ломать-PF-2SG
3sg	<i>vu-em(-ez)</i> достигать-PF-3SG	<i>kija-m(-ez)</i> ломать-PF-3SG
1pl	<i>vu-iš'k-em(-m-ā)</i> достигать-DETR-PF-1-PL	<i>kija-š'k-em(-m-ā)</i> ломать-DETR-PF-1-PL
2pl	<i>vu-il'l'a-m(-d-ā)</i> достигать-ITER-PF-2-PL	<i>kija-l'l'a-m(-d-ā)</i> ломать-ITER-PF-2-PL
3pl	<i>vu-il'l'a-m(-z-ā)</i> достигать-ITER-PF-3-PL	<i>kija-l'l'a-m(-z-ā)</i> ломать-ITER-PF-3-PL

¹³ «...habitual may be one of the basic or default aspectual readings of present tense, but not of past.

Thus explicit expression of habitual meaning will be more frequent in the past than in the present, leading to the development of explicit grammatical marking of habitual in the past».

¹⁴ Заметим, что в других формах перфекта также используется суффикс глагольной деривации – детранзитив на *-š'k*; такая встроенность суффиксов глагольной деривации в глагольную парадигму является яркой особенностью удмуртского языка.

¹⁵ Согласовательные показатели во всех формах второго прошедшего чаще всего опускаются, поэтому в таблице они приведены в скобках.

Диахронически данный показатель, по-видимому, связан с итеративом, в особенности если учесть, что он возникает при множественности субъектов. Однако на синхронном уровне данный показатель нельзя считать одним из употреблений итератива по следующим причинам. Во-первых, как видно из Таблицы 2, суффикс *-il'la* присоединяется к глаголам первого спряжения (так же как и второго) — для итератива мы ожидали бы в первом спряжении показатель *-âl*. Во-вторых, оба показателя могут сочетаться в одной словоформе:

- (60) *So-os vunât-âl-il'la-m dokument-jos vaj-ânâ.*
 тот-PL забыть-ITER-ITER-PF документ-PL нести-INF
 ‘Они, оказывается, забыли принести документы’.

В силу этого, далее показатель *-il'la* в составе перфекта мы не будем рассматривать.

Перейдем к рассмотрению семантики итератива. Данный показатель используется более широко, чем стратегии, описанные в п. 2.1 и 2.2. Кроме значений глагольной множественности — итератив, множественность объектов, мультипликатив, дистрибутив (значение, отмеченное для пар по спряжению, но не отмеченное для мультипликативно-семельфактивных пар) — данный показатель имеет аспектуальные значения, хабитуальное и лимитативное, а также значения экспериентива и антирезультатива. Приведем примеры.

Итератив (множественность ситуации [Плунгян 2011: 156]):

- (61) *Mon-e rânâ kurč'-âl-i-z.*
 я-ACC собака кусать-ITER-PRT-3
 ‘Меня собака покусала (укусила несколько раз)’.
- (62) *So mon-e š'ekta-l'la-z každoj nunal*
 тот я-ACC угощать-ITER-3 каждый день
kumuška-en i mânâ vâš'a-n-â orč'-i-z.
 самогон-INSTR и я.GEN1 болеть-VN-1SG проходить-PRT-3
 ‘Он меня каждый день угощал самогоном, и моя болезнь прошла’. [КФУТ]

Множественность объектов:

- (63) *So mân-i-z č'ašja-je č'âž-jos-tâ âb-âl-ânâ.*
 тот идти-PRT-3 лес-ILL утка-PL-ACC.PL стрелять-ITER-INF
 ‘Он пошел в лес стрелять уток’.

Мультипликатив:

глагол *ječ'k-âñâ* имеет значение 'прикоснуться' (64); с итеративным суффиксом он приобретает значение 'много раз касаться' или 'тереться' (65).

(64) *Maŋa ječ'k-i-z kâŋâs-ez dor-e.*
мама трогать-PRT-3 лоб-3 около-ILL
'Мама дотронулась до его лба'.

(65) *Pš'aj ječ'k-âŋ-e.*
кот трогать-ITER-PRS.3SG
'Кошка трется [об ноги]'.

В том числе, глаголы с данным суффиксом могут иметь значение дисконтинуатива (единая ситуация, которая осуществляется с перерывами, например, *посматривать*) и альтернатива (разнонаправленная ситуация):

(66) *Pič'i pi biž'-âŋ-e kon'ki-j-en.*
маленький мальчик бегать-ITER-PRS.3SG коньки-OBL-INSTR
'Ребенок катается на коньках (букв. бегаёт в разные стороны)'.

Третий вид внутрисобытийной множественности, выделяемый в работе [Шлуинский 2006], дубликатив (*снимает и надевает очки*), в бесермянском не кодируется итеративом.

Для некоторых глаголов в бесермянском возникает особый вид мультипликативного значения, который не выделяется в работах [Храковский 1989] и [Шлуинский 2006]. Такое значение приближается к реципрокальному, т. е. речь идет о повторении ситуации, в которой субъект и адресат последовательно меняются ролями:

(67) *Val-jos gəl'dərja-l'ŋ-a-l-o.*
лошадь-PL ржать-ITER-EXT-PRS.3PL
'Лошади ржут друг другу («переговариваются）」'.

Дистрибутив: последовательное множество ситуаций, при которых происходит перебор элементов множественного объекта [Храковский 1989: 34], например:

(68) *So âška-lt-âŋ-i-z pin'n'-os-tâ.*
тот дергать-SMLF-ITER-PRT-3 зуб-PL-ACC.PL
'Он повыдергивал (все) зубы'.

- (69) *Vič'ak jed-j-âš' mešok-jos-tâ*
 все ячмень-OBL-EL мешок-PL-ACC.PL
š'ež'-ja-l'la-no.
 трясти-MULT-ITER-DEB
 'Все мешки из-под ячменя надо вытряхнуть'.

В отличие от других стратегий маркирования множественности ситуаций, данный показатель может также выражать аспектуальные значения, такие как хабитуальное и делимитативное.

Хабитуалис («регулярно повторяющиеся ситуации» [Плунгян 2011: 159]):

- (70) *Jun'-e zol tâla-l'la.*
 июнь-ILL сильно дуть-ITER
 'В июне часто сильно дует'.

- (71) *So-os kopaš'k-âl-o.*
 тот-PL ссориться-ITER-PRS.3PL
 'Они все время ссорятся'.

Как можно видеть из примеров, итератив может появляться на глаголе и при наличии наречий со значением 'всегда', 'постоянно', 'часто' (54)–(55), и без такого типа наречий (70)–(71). Итератив также используется, если хабитуальное действие происходит нерегулярно, в том числе при наречиях со значением 'иногда', 'время от времени' и т. п.:

- (72) *Kureg puza.*
 курица нестись
 'Курица несет яйца'.
- (73) *Kureg-e kuddârja puza-l'la pâtem koko.*
 курица-1SG иногда нестись-ITER пустой яйцо
 'Моя курица иногда несет пустые яйца'.
- (74) *Kartoška kuddârja bud-âl-e, kuddârja ug.*
 картошка иногда расти-ITER-PRS.3SG иногда NEG
 'Картошка иногда [хорошо] растет, иногда нет'.

Итеративный суффикс также может вводить один из подвидов хабитуального значения — раритив («ситуация совершается с периодичностью ниже нормальной» в терминологии [Шлунский 2006]) в комбинации с аттенуативным значением («си-

туация имеет ослабленную интензивность: *чуть-чуть, слегка*» в терминологии [Майсак 2000]), т. е. характеристика ситуации как имеющей периодичность ниже нормальной и сопровождающейся пониженной интензивностью:

- (75) *So so-je žug-âl-e.*
тот тот-АСС бить-ITER-PRS.3SG
'Он ее изредка бьет (поколачивает)'. [Новорожденных 2004]

Интересно, что в гномическом настоящем данный показатель обычно не используется. Носители предпочитают употреблять в таких случаях глагол в настоящем времени без суффикса итератива, ср.:

- (76) *Pu uja, a kort vâj-e.*
дерево плавать а железо тонуть-PRS.3SG
'Дерево плавает, а железо тонет'.

Таким же образом кодируется квалитатив (77) (характеристика субъекта как постоянного участника в некоторой ситуации [Shluinsky 2009: 186–188]) и капацитив (78) (характеристика субъекта по его способности участвовать в некоторой ситуации [Шлуинский 2006: 49]):

- (77) *So gož-ja kylbur.*
тот писать-MULT стихотворение
'Он пишет стихи'.
- (78) *Babaj-ez jun pereš' n'i, mardem vel't'-e.*
дедушка-3 очень старый уже еле ходить-PRS.3SG
'Дедушка очень старый, еле ходит'.

Заметим, что удмуртский бесермянский при выборе глагольной формы противопоставляет такие контексты хабикулярным — т. е. различается постоянное свойство, которое тем не менее ограничено временным промежутком (70), и вневременные ситуации, которые не могут быть ограничены какими-либо временными рамками (76).

Однако в прошедшем времени в таких контекстах выбирается глагол с показателем итератива, ср.:

- (79) *So až'-pal leš't-âl-i-z ž'ek-jos-tâ.*
тот перед-сторона делать-ITER-PRT-3 стол-PL-АСС.PL
'Он раньше делал столы'.

Если речь идет о повторяющейся ситуации в прошлом, то итератив (с точки зрения большинства носителей) является обязательным (см. комментарий к (56)–(59) выше). В результате, в бесермянском квалитатив и капацитив кодируются различным образом, в зависимости от времени глагола: в настоящем времени, где вводится вневременное свойство участника, выбирается глагол без итератива, в прошедшем времени, где речь идет о свойстве участника в прошлом, выбирается итеративный глагол. В целом, можно сделать вывод, что понятия квалитатива и капацитива не задают однозначно выбор глагола в бесермянском, а более релевантным является противопоставление повторяемости в прошлом и вневременного свойства.

Антирезультатив:

- (80) *Buškel'-e kotâr-t-âł-i-z bakč'a-z-e*
 сосед-1SG окружать-SMLF-ITER-PRT-3 огород-3-ACC
tâm-en, a so kwaška-z.
 плетень-INSTR а тот ломаться-3
 'Сосед окружил [было] огород плетнем, а он сломался'.

Связь показателей хабиуталиса и антирезультатива типологически широко засвидетельствована, см. [Плунгян 2011: 305].

Делимитатив, т. е. длительные ситуации, ограниченные во времени [Плунгян 2011: 298]:

- (81) *So gora-l'ŕ'a-l-o-z bakč'a-z-e.*
 он копать-ITER-EXP-FUT-3 огород-3-ACC
 'Он (немного) покопает огород'. [Новорожденных 2004]
- (82) *Mon vâd-âł-o ken'a-ke.*
 я лежать-ITER-FUT сколько-INDEF
 'Я полежу чуть-чуть'. [там же]

Таким образом, в показателе итератива наблюдается совмещение некоторых перфективирующих (делимитатив) и имперфективирующих (хабиуталис) значений.

Следует уточнить, что в удмуртском бесермянском данный показатель не вводит дуративного значения, что противоречит утверждениям, которые делаются касательно употребления данного суффикса в литературном удмуртском, см. [Емельянова 1927: 75; ГСУЯ: 220; Winkler 2001: 55]. Приведем цитату из

[ГСУЯ: 220]: «глаголы с суффиксом *-ля-*, как и с суффиксом *-л-*, выражают повторяющееся действие, длительное действие, состоящее из цепи однородных действий», т. е. вводится идея о дуративном значении данного суффикса. В работе [Winkler 2001] пары глаголов без суффикса итератива и с данным суффиксом трактуются в терминах противопоставления результатива/перфектива и иррезультатива/имперфектива. Однако примеры на длительное действие, которые приводятся в данных работах, не всегда однозначны. Заметим, что Б. А. Серебренников [1960] и В. И. Алатырев [1983] не делают такого вывода, характеризуя соответствующие глаголы исключительно с точки зрения глагольной множественности и указывая, что «для выражения категории завершенности действия удмуртский язык широко пользуется аналитическим способом» [Алатырев 1983: 581].

Самое частотное употребление итератива в текстах — это употребление для обозначения повторяющейся ситуации в прошлом:

- (83) *Mon anaj-m-e vera-l'ʹa-j ani.*
я мать-1-ACC называть-ITER-1 мама¹⁶
'Я называл свою мать «мама»'.

- (84) *Mon veral-o, kâž'â už-ez bâdesa-l'ʹa-z-â*
я говорить-FUT как работа-ACC выполнять-ITER-3-PL
kâž'-et'i daur-len vit'-ton-et'i,
двадцать-ORD век-GEN1 пять-десять-ORD
kwat'ton-et'i ar-jos-a-z.
шесть-десять-ORD год-PL-INESS/ILL-3
'Я расскажу, как выполняли (план) в двадцатом веке в 50-е, 60-е годы'. [КФУТ]

Итератив также имеет значение давнопрошедшего («отдаленная» временная дистанция [Плунгян 2011: 364]):

- (85) *Šamardan-en až'pal vuko vož'-âl-i-z-â.*
Шамардан-INESS раньше мельница держать-ITER-PRT-3-PL
Раньше в Шамардане была мельница {теперь мельницы нет}. (букв. держали мельницу)
- (86) *Mon až'pal uja-nâ bâgat-âl-i,*
я раньше плавать-INF уметь-ITER-PRT

¹⁶ Уменьшительная форма для бесермянского *anaj* 'мать'.

a kal' vunet-i.
 а теперь забывать-PRT
 Я раньше умел плавать, а теперь разучился.

В этих предложениях, в отличие от (83) и (84), ситуация не может быть проинтерпретирована как итеративная, в силу контекста в (85) и в силу семантики глагола.

Далее, итератив используется для выражения значения экспериентива (экспериентив характеризуется как значение характеристики участника ситуации, которое возникает, если говорящий хочет подчеркнуть, что данная ситуация имела место хотя бы один раз в жизни участника, см. [Вострикова 2009]):

(87) *Ku-ke ton uja-l'a-d-a pǎž-ǎn?*
 когда-INDEF ты плавать-ITER-2-Q лодка-INSTR
 'Ты когда-нибудь плавал на лодке?'

(88) *Mon no-ku-no e-j šǎm-t-ǎl-ǎ*
 я NEG-когда-ADD NEG-1SG попробовать-SMLF-ITER-SG
perepeč'.
 перепечи
 'Я никогда не пробовала перепечи'.

Как показано в работе [Вострикова 2009: 96–101], переход от итератива к экспериентиву широко засвидетельствован типологически, за пределами уральских языков. Н. В. Вострикова [2009: 101–108] приводит примеры из бамана, тайских языков, мартуйхунира и др.

Таким образом, из всех способов образования глагольной множественности итеративный показатель — самый регулярный вид деривации, имеющий композиционное значение. При этом данный показатель имеет наиболее широкую семантику: кроме глагольной множественности, он может также вводить аспектуальные значения хабиуталиса и делимитатива, а также значения антирезультатива и экспериентива.

2.4. Промежуточные выводы

В заключение к разделу 2 можно сделать вывод о том, что система показателей глагольной множественности исследуемого идиома на протяжении своего развития, начиная с прапермского периода, постоянно пополнялась новыми показателями. Предпо-

ложительно, вначале данные показатели имели специализированное значение, а затем это значение «размывалось», развивая другие значения глагольной множественности (реже — аспектуальные значения). Так, древний суффикс множественности ситуаций или объектов (в парах по спряжению) в настоящее время обнаруживает мультипликативное значение; более поздний мультипликатив развивает значение множественности ситуаций или объектов; суффикс итератива (который также может обозначать множественность объектов) может вводить мультипликативные и дистрибутивные ситуации или выражать аспектуальные значения хабиуталиса и делимитатива и значения антирезультатива, давнепрошедшего и экспериентива.

Возможно, однако, что имеет место другой диахронический сценарий, а именно, что перечисленные показатели вначале характеризовались одним и тем же спектром значений, однако затем развивали более специализированные значения: пары по спряжению — значение множественности ситуаций (объектов), пары с суффиксами *-ja / -t* и др. — значения мультипликатива и семьяфактива, регулярный итератив — значение множественности ситуаций (объектов). Такой сценарий, однако, представляется менее вероятным в силу следующего соображения. Новые мультипликативные глаголы (образованные от глаголов с суффиксом каузатива *uš'k-ât-ja-nâ* ‘ронять’ от *uš'k-ât-ânâ*, *vož'ma-t-ja-nâ* ‘показывать’, ‘заставлять следить за кем-либо’ от *vož'ma-t-ânâ* и *waš'k-ât-ja-nâ* ‘спускать’ от *waš'k-ât-ânâ*, см. 2.2) не имеют мультипликативного значения, а характеризуются более широкой семантикой множественности ситуаций. Новые итеративные глаголы, образованные от русских заимствований (например, *obeda-l'l'a-nâ* от *obeda-nâ* ‘обедать’ и т. п.), также не имеют строго специализированного значения множественности ситуаций (или объектов), характеризуясь всем спектром значений, выражаемых итеративом (множественность ситуаций, альтернатив, экспериентив, антирезультатив и др.). В силу этого, представляется, что в ходе развития языка происходило «размывание» исходных значений мультипликатива и глагольной множественности, а не специализация показателей.

В результате, все имеющиеся способы обозначения множественности ситуаций могут иметь следующие значения: множественность ситуаций или объектов и мультипликатив. Итератив

допускает, кроме того, дистрибутивное, хабитуальное значения, экспериментив, антирезультатив и др. Наиболее регулярным способом деривации является итератив, который в силу своей продуктивности и композициональности семантики может быть признан квазиграммемой. Интересную проблему для грамматической теории представляет собой обязательность категории итератива в прошедшем времени (для большинства носителей) и ее необязательность в настоящем времени и в формах косвенной модальности. В рамках существующего подхода к грамматической обязательности представляется невозможным описать итератив в настоящем времени как квазиграммему, а в прошедшем времени — как грамматическую категорию. Однако такое описание соответствовало бы реально наблюдаемому употреблению данного показателя.

Можно заключить, что несмотря на исходно различное значение показателей и различные «сценарии» их семантического развития, по-видимому, во всех случаях язык стремился привести их «к общему знаменателю», т. е. независимо от исходного значения суффикса, в настоящий момент все они имеют сходную семантику (итератив, множественность объекта, мультипликатив). Верно, однако, что для суффикса *-ja* более частотно мультипликативное значение, а для регулярного итератива на *-əl/-l'la* — итеративное, что находит отражение в выбранных глоссах.

Как показано выше, указанные показатели изредка способны выражать аспектуальные противопоставления. Как и в литературном удмуртском, в бесермянском нет грамматического противопоставления по перфективу/имперфективу [ГСУЯ]. Существует способ выражения имперфектива в прошедшем времени с помощью аналитической конструкции с глаголом в настоящем времени и прошедшим временем бытийного глагола *val* (см. Шлуинский 2006: 53]), однако использование данной конструкции для выражения имперфективного значения не является обязательным. Для обозначения некоторых значений перфектива могут использоваться суффиксы глагольной множественности, например, делимитатив может кодироваться суффиксом *семельфактива* или регулярного итератива. Семельфактив также может вводить начальную фазу ситуации, а регулярный итератив может обозначать действие с аннулированным результатом или хабитуальную ситуацию.

Перфект (второе прошедшее в традиционной терминологии, см. [ГСУЯ: 204]), который, помимо основного перфектного значения, может вводить эвиденциальное значение, свободно сочетается с любыми типами суффиксов глагольной множественности. Единственный случай (диахронической) взаимозависимости данных значений наблюдается в формах второго и третьего лица множественного числа, которые, по-видимому, образованы от показателя итератива.

3. Распределение глаголов с различными показателями множественности и дублирование показателей множественности в одной словоформе

Как указывалось в п. 2.3, суффикс итератива продуктивен и способен присоединяться практически ко всем основам, включая также итеративные глаголы других типов — старые пары по спряжению и мультипликативы с суффиксом *-ja*. Другие способы выражения множественности ситуаций также могут комбинироваться в одной словоформе, например, в 2.2 приводились примеры мультипликативной деривации от «древних» итеративных глаголов второго спряжения. В результате, существуют глаголы, содержащие два показателя глагольной множественности, например, *ž'ut'-ja-l'ŕ'a-nâ* 'поднимать'. Далее, в современном языке существуют тройки или даже четверки глаголов, из которых один не имеет заданной количественной интерпретации, а остальные образованы на разных этапах с помощью различных показателей глагольной множественности¹⁷. Например, от глагола *ž'ut-ânâ* 'поднимать', 'повышать' образуются глаголы *ž'ut-ja-nâ* и *ž'ut-âl-ânâ* 'поднимать', 'повышать' с итеративным или хабитуальным значением; от «мультипликатива» *ž'ut-ja-nâ* (90а), в свою очередь, образуется глагол *ž'ut'-ja-l'ŕ'a-nâ* 'поднимать' с тем же значением (90б). Глагол *lob-ânâ* 'улететь, полететь' имеет пару по спряжению *loba-nâ* 'летать, лететь (многокр.)' и итеративы *lob-âl-ânâ* и *loba-l'ŕ'a-nâ* со сходным употреблением.

Учитывая, что все три способа обозначения глагольной множественности имеют сходную семантику, возникает вопрос,

---

¹⁷ Ср. [Алатырев 1959: 200]: «в современном удмуртском языке одна видовая форма может соотноситься с несколькими»; «сложились разные степени соотносительности видовых категорий».

как распределены глаголы в таких тройках (четверках). Довольно часто различные типы глаголов (второе спряжение, мультипликатив, итератив) имеют одну и ту же интерпретацию и находятся в отношении свободного варьирования. Так ведут себя приведенные выше глаголы *lob-âl-ânâ* и *loba-l'l'a-nâ*, *ž'ut-ja-nâ* и *ž'ut-âl-ânâ*. В таких случаях возможны индивидуальные семантические сдвиги, не связанные с семантикой множественности или аспектуальной семантикой. Различие между мультипликативами на *-ja* и итеративами на *-âl -l'l'a* (например, *ž'ut-ja-nâ* и *ž'ut-âl-ânâ*) обычно определяется более широкой семантикой итератива в бесермянском (см. выше, п. 2.2 и 2.3): итеративы вводят значения хабитуалиса, делимитатива, антирезультатива, экспериентива и др., а мультипликативы ограничиваются собственно мультипликативным и итеративным значениями.

Например, оба глагола *kotâr-(t)-č'k-âl-ânâ* (итератив от детранзитивного глагола, образованного от семельфактива) и *kotâr-ja-š'k-ânâ* (детранзитив от мультипликатива) могут использоваться в ситуации, когда объект совершает несколько кругов в рамках одного временного периода, т. е. в мультипликативном значении:

(89) а. *Šyrobokov Andrej kotâr-č'k-âl-i-z*
 Ширококов Андрей кружить-SMLF+DETR-ITER-PRT-3
samol'ot-en-âz Joževo-jez vâl-ti.
 самолет-INSTR-3 Ёжево-3 поверхность-PROL
 'Над Ежевом Андрей Ширококов на самолете кружился (пролетел несколько кругов)'.

б. *Pin'al-l'os mad'a-sa kotâr-ja-š'k-o*
 ребенок-PL петь-CONV кружить-MULT-DETR-PRS.3PL
jolka kotâr-ti.
 елка вокруг-PROL
 'Дети с песней обходят вокруг елки (делают несколько кругов)'.

Мультипликативный и итеративный глаголы в данных предложениях используются для кодирования одного и того же типа ситуаций. Однако итеративный глагол также может кодировать значение аннулированного результата, экспериентива и др.

Также не отмечается различий в семантике мультипликатива *ž'ut-ja-nâ* и итератива *ž'ut-ja-l'l'a-nâ* 'поднимать' (за исключением более широкого спектра значений итератива).

(90) а. *Jalan mešok ž'ut-ja-š'ko, ot-ân*
 всегда мешок поднимать-MULT-PRS там-INESS/INSTR
waš'k-e piž'.
 спускаться-PRS.3SG мука

‘{Рассказчица говорит о своей работе на мельнице} Все время мешки поднимаю [за мукой], а сверху идет мука’.
 [КФУТ]

б. *So legit' dârja-z ž'ut'-t'a-l'l'a-z girja.*
 тот молодой во.время-3 поднимать-MULT-ITER-3 гиря
 ‘Он в молодости регулярно поднимал гирю’.

В обоих случаях описывается многократное повторение множественной ситуации, т. е. «постоянно много раз поднимать».

То есть, в (90) комбинация итеративных суффиксов не приводит к новому значению глагола, а наблюдается избыточность выражения глагольной множественности в рамках одной глагольной словоформы. Иными словами, происходит комбинация значений по принципу соединения не противоречащих друг другу компонентов; при этом возможно повторение одного и того же компонента (итеративность/мультипликативность). О принципах композиции смыслов) см. [Падучева 2004: 113–129].

Однако существуют тройки и четверки глаголов, которые имеют различную интерпретацию с точки зрения аспекта или глагольной множественности. Рассмотрим несколько примеров.

1) Мультипликативные-семельфактивные пары глаголов с суффиксом итератива. Как было показано в разделе 2.2, среди мультипликативно-семельфактивных пар довольно много таких, в которых глаголы имеют только мультипликативную/семельфактивную интерпретацию, не развивая значения итератива или множественности объекта. В таких случаях итеративный суффикс присоединяется к обоим глаголам во всех своих значениях (итератив, привыкание, множественность объекта, давнопрошедшее, экспериментив и др.) — постольку, поскольку это возможно для данного типа ситуации по экстралингвистическим причинам — и обозначает множественность семельфактивной или мультипликативной ситуации.

Например, рассмотрим глагольную основу *č'ab-*. Глагол *č'ab-ja-nâ* имеет значения ‘царапать’, ‘скрести’ и ‘рыться когтями’. От данного глагола образуется семельфактив *č'ap-âšt-ânâ*, который имеет только одно значение, ‘царапнуть (однократно)’, например:

- (91) *Mone kureg ċ'ab-ja-z.*
я курица царапать-MULT-3
'Меня курица исцарапала (несколько царапин)'.
(92) *Mone ċ'ap-âšt-i-z piš'aj.*
я царапать-SMLF-PRT-3 кот
'Меня кошка оцарапала (одна царапина)'.

По-видимому, значения 'скрести' и 'рыться когтями' для данного глагола не закрепились по экстралингвистическим причинам.

От семельфактивного глагола образуется еще одна мультипликативная пара, с переосмыслением суффикса *-âšt* как комплекса, состоящего из суффикса семельфактива *-t* и части основы *-âš*¹⁸. Образованный таким образом глагол *ċ'apâš-ja-nâ* тем не менее имеет не только значение 'царапать', но и значения 'скрести' и 'рыться когтями', ср.:

- (93) *Pânâ ċ'apâš-ja-sa šâr-ez kut-i-z.*
собака царапать-MULT-CONV мышь-ACC ловить-PRT-3
'Собака, порывшись когтями в земле, поймала мышь'.

Обе мультипликативные пары, таким образом, являются взаимозаменяемыми; при этом они обозначают именно мультипликативную ситуацию, а не итератив, хабиитуалис или множественность объекта. Чтобы выразить смыслы из последнего ряда, используется образованный от глагола *ċ'ab-ja-nâ* итеративный глагол *ċ'ab-ja-l'l'a-nâ*:

- (94) *Mone jalan ċ'ab-ja-l'l'a-z piš'aj.*
я всегда царапать-MULT-ITER-3 кот
'Меня всегда кошка царапала'.

От семельфактивного глагола также образуется итератив со значением множественности семельфактивной ситуации, т. е. 'множественно оцарапать'. В отличие от *ċ'ab-ja-nâ* и *ċ'apâš-ja-nâ*, где речь идет об однократном совершении ситуации 'царапать', т. е. 'нанести несколько царапин в один момент времени (или в непосредственно следующие друг за другом моменты)', итератив

¹⁸ Возможно, впрочем, что произошло переосмысление в обратную сторону и исходным глаголом является *ċ'apâšjanâ*. В литературном удмуртском зафиксирована также семельфактивная пара для *чабъяны* — *чаптыны*.

от семельфактивного глагола обозначает ‘многократно оцарапать’, т. е. несколько раз повторить ситуацию ‘оцарапать один раз’.

Рассмотрим также пару глаголов *kapâr-ja-nâ* ‘застегнуть’ (много одноактных ситуаций подряд: несколько пуговиц или застежек на одежде) и *kapâr-t-ânâ* ‘застегнуть’ (одна такая ситуация: застегнуть одну пуговицу, застежку или молнию).

(95) *Mon kapâr-ja-š'ko plaška-os-m-e.*
я застегивать-MULT-PRS пуговица-PL-1-ACC
‘Я застегиваю пуговицы’.

(96) *Mon d'erem-m-âš' plaška-m-e kapâr-t-i.*
я рубашка-1-EL пуговица-1-ACC застегивать-SMLF-PRT
‘Я застегнул пуговицу на рубашке’.

Оба глагола образуют итеративы: *kapâr-ja-l'ŋ'a-nâ* со значением множественности мультипликативной ситуации, т. е. ‘несколько раз застегивать все пуговицы/застежки и под.’ (97) и *kapâr-t-ât-ânâ* со значением множественности семельфактивной ситуации, ‘несколько раз застегнуть одну пуговицу/застежку и под.’

(97) *Mon jalan kapâr-ja-l'ŋ'a-š'ko plaška-os-m-e.*
я всегда застегивать-MULT-ITER-PRS пуговица-PL-1-ACC
‘{Рубашка постоянно расстегивается.} Я постоянно застегиваю пуговицы’.

Ср. также глаголы *kwal'ek-ja-nâ* ‘дрожать’ и *kwal'ek-ja-l'ŋ'a-nâ* ‘многокр. дрожать’:

(98) *Mon kwal'ek-ja-š'ko / kwal'ek-ja-l'ŋ'a-š'ko kež'ât-lâš'.*
я дрожать-MULT-PRS дрожать-MULT-ITER-PRS холод-GEN2
‘Я (сейчас) дрожу от холода / часто дрожу от холода’.

Зачастую в таких парах итератив образуется только от мультипликативного глагола (возможно, по той причине, что семельфактивный глагол в паре не очень частотен, либо в силу того, что по экстралингвистическим причинам ситуация множественности семельфактивной ситуации является редкой или нерелевантной). Например, для пары *laškin'-n'a-nâ* ‘кататься’ и *laškin'-t-ânâ* ‘прокатиться’ (делимитатив) зафиксирован только итератив *laškin'-n'a-l'ŋ'a-nâ*¹⁹ со значением ‘кататься (часто/постоянно/регулярно)’.

¹⁹ В литературном удмуртском зафиксирован также итератив *лашкинтылыны*.

- (99) *Val-en laškin'-n'a-š'ko / laškin'-n'a-l'l'a-š'ko.*
 лошадь-INSTR кататься-MULT-PRS кататься-MULT-ITER-PRS
 'Я (сейчас) катаюсь на лошади / иногда катаюсь на лошади'.

Глаголы *baš'-ja-nâ* и *baš'-t-ânâ* 'брать', 'получать', 'покупать' формально образуют мультипликативно-семельфактивную пару; при этом, однако, различий в значении данных глаголов не зафиксировано. Оба они могут выступать для обозначения единичной или множественной ситуации, с единичным или множественным объектом (35). См. пример (36) на мультипликативный глагол в контексте единичного объекта в единичной ситуации.

От обоих глаголов данной пары образуется итератив — *baš'-t-âl-ânâ* и *baš'-ja-l'l'a-nâ*. Данные глаголы, в отличие от исходных, демонстрируют различное употребление. Наблюдается следующая тенденция: итератив от семельфактивного глагола обозначает множественную ситуацию с единичным объектом, а итератив от мультипликативного глагола обозначает множественную ситуацию с множественным объектом, ср.:

- (100) *Mon každyj tolež'-e pensija baš'-t-âl-i*
 я каждый месяц-ILL пенсия брать-SMLF-ITER-PRT
 (**baš'-ja-l'l'a-j*).
 брать-MULT-ITER-PRT
 'Я каждый месяц получал пенсию'.

- (101) *So tros ogrež' baš'-ja-l'l'a-z.*
 тот много огурец брать-MULT-ITER-3
 'Он несколько раз покупал много огурцов'.

Заметим, что на итератив от мультипликативного глагола при единичности объекта накладывается грамматический запрет — в отличие от исходного мультипликативного глагола (36).

То есть в данном случае итератив выражает множественность ситуаций, а суффиксы мультипликатива и семельфактива выражают не мультипликатив или итератив, а противопоставление по единичности / множественности объекта (что в принципе не характерно для данных суффиксов и чего не происходит с данными глаголами без суффикса итератива).

Для тех мультипликативно-семельфактивных пар, которые противопоставлены по признаку единичности / множественности ситуаций, добавление суффикса итератива дает то же самое зна-

чение, что и у мультипликативного глагола (а также те значения итератива, которые перечислялись в п. 2.3 — хабитуалис, антирезультатив, экспериентив и др.). Такая ситуация имеет место для пар *gož-ja-nâ* ‘писать (многokr.)’ и *gož-t-ânâ* ‘писать’ с итеративом *gož-ja-l’l’a-nâ* ‘писать (многokr.)’; *kotâr-ja-nâ* ‘кружить’, ‘двигаться вокруг чего-л. (многokr.)’, *kotâr-t-ânâ* ‘обойти (однокр.)’ и *kotâr-ja-l’l’a-nâ* ‘двигаться вокруг чего-л. (многokr.)’; *laškin’-ja-nâ*, *laškin’-t-ânâ* ‘кататься/прокатиться на транспорте’ и *laškin’-ja-l’l’a-nâ*; *uš’-ja-nâ*, *uš’-t-ânâ* ‘открывать (многokr./однокр.)’ и *uš’-ja-l’l’a-nâ*, *uš’-t-âl-ânâ* и др.

2) Старые пары по спряжению с суффиксом итератива. Как было показано в п. 2.1, пары по спряжению в половине случаев имеют различную семантику и примерно в 25% случаев обнаруживают сходное значение, однако с некоторым семантическим сдвигом. Образование итеративных пар от пар глаголов первого типа — легко объяснимый факт; такие пары имеют различное значение в силу различных значений у исходных глаголов.

Однако итеративные глаголы образуются также от тех пар по спряжению, которые имеют композиционную семантику, т. е. различаются по признаку единичность / множественность объектов или ситуаций. Например, от глаголов *šorânâ* и *šoranâ* (‘резать хлеб’ и ‘отрезать кусок хлеба’, соответственно) образуются итеративные пары со значением множественности (или хабитуальности) единичной ситуации и множественности (хабитуальности) множественной ситуации (ситуации с множественным объектом):

(102) *Jalan šor-âl-i-z as-lâ-z zâk n’an’.*
 всегда резать.хлеб-ITER-PRT-3 REFL-DAT-3 большой хлеб
 ‘Он всегда отрезал себе большой кусок хлеба’.

(103) *So jalan tros n’an’ šora-l’l’a-z.*
 тот всегда много хлеб резать.хлеб-ITER-3
 ‘Он всегда нарезал много хлеба’.

Довольно часто, однако, не наблюдается таких четких семантических различий, и оба итеративных глагола употребляются так же, как и глагол второго спряжения. Например, глагол *lobânâ* имеет значение ‘лететь (единичная ситуация)’, а глаголы *lobanâ* (пара по спряжению), *loba-l’l’a-nâ* и *lob-âl-ânâ* имеют одинаковое употребление в значении множественности ситуаций, ср.:

- (104) *Š'ed kwaka lob-i-z.*
 черный птица летать-PRT-3
 'Грачи улетели'.
- (105) а. *Č'ibin' loba.* б. *Č'ibin' lob-âl-e.*
 муха летать муха летать-ITER-PRS.3SG
 'а.=б. Муха летает (перелетает с места на место)'.
- (106) *Lud ž'až'eg odig gurt-âš' muked gurt-e*
 дикий гусь один деревня-EL другой деревня-ILL
loba-l'ŋ'a-l-o.
 летать-ITER-EXT-PRS.3PL
 'Дикие гуси перелетают из деревни в деревню'.

Значение альтернатива (летать с места на место) может кодироваться как парой по спряжению (105а), так и итеративными глаголами, образованными от глаголов первого и второго спряжения (105б)–(106). Далее, итеративы от глаголов обоих спряжений могут использоваться в одном и том же контексте, для обозначения повторяющейся ситуации в прошлом:

- (107) *So jalan odig pal-a loba-l'ŋ'a-z.*
 тот всегда один сторона-ILL летать-ITER-3
 'Он всегда в одну и ту же сторону летал'.
- (108) *Lud ž'až'eg každoj tol lob-âl-i-z.*
 дикий гусь каждый зима летать-ITER-PRT-3
 'Дикий гусь каждую зиму летал [на юг]'.

Третий логически возможный способ сочетания нескольких показателей глагольной множественности в рамках одной словоформы — это сочетание старых пар по спряжению с суффиксами мультипликатива и семьelfактива. Таких сочетаний не зафиксировано в бесермянском. Как было показано в п. 2.1 и 2.2, в принципе оба способа обозначения глагольной множественности — пары по спряжению и мультипликативно-семьelfактивные пары — охватывают лишь несколько десятков глаголов. Случаев, когда мультипликатив образуется от глагола одного спряжения при наличии пары другого спряжения, нами не обнаружено. Мультипликатив образуется от нескольких глаголов первого или второго спряжения, однако это глаголы, не имеющие пары по спряжению. Глаголы в двух таких парах лексикализуются, разви-

вая новые лексические значения, не выводимые из семантики исходного глагола и суффикса мультипликатива. Например, от глагола *č'og-ânâ* 'рубить', 'срубить' (пары *č'oganâ* нет²⁰) образуется мультипликатив *č'og-ja-nâ* с другим значением, 'воткнуть', 'вбить' и семельфактив *č'og-ž'-ânâ* со значением 'спотыкаться'; от *pogranâ* 'падать' (пары *pogr-ânâ* нет) образуется *pogâr-ja-nâ* 'валить', 'опрокидывать' и *pogâr-t-ânâ* со значением 'сбить с ног'.

Итак, при дублировании «старых» и «новых» показателей глагольной множественности в одной словоформе возможны следующие ситуации: добавление второго суффикса глагольной множественности не меняет исходного значения (если оставить в стороне тот факт, что суффикс итератива может также иметь экспериентивное и некоторые др. значения, не свойственные другим показателям глагольной множественности); для ряда глаголов исходный и производный глагол противопоставляются по принципу единичная мультипликативная ситуация / множественная мультипликативная ситуация, реже — единичность / множественность объекта в единичной или множественной ситуации.

4. Заключение

Итак, в бесермянском зафиксировано несколько способов выражения глагольной множественности, которые в различной степени способны развивать аспектуальные значения. Это старые пары глаголов по спряжению, мультипликативно-семельфактивные пары и регулярный итератив, который образуется практически от любой основы. Кроме того, зафиксировано несколько глаголов с суффиксами мультипликатива и семельфактива (не образующих мультипликативно-семельфактивных пар).

Наиболее старый способ обозначения множественности представлен в парах по спряжению (33 пары); соответственно, в таких парах отмечается наибольшее число случаев лексикализации и развития индивидуальных дополнительных значений, не связанных с семантикой множественности. Второй способ (37 пар) чаще всего противопоставляет глаголы с мультипликативным или семельфактивным значением (включая значение аль-

---

²⁰ Соответствующий глагол есть в литературном удмуртском, со значением 'запирать (на замок)'.

тернатива, т. е. разнонаправленные ситуации). Изредка данные глаголы используются для противопоставления единичных и множественных ситуаций. Что касается видовых значений, мультипликативные и семельфактивные глаголы демонстрируют различные свойства: мультипликативные глаголы, по нашим данным, не выражают таких значений; семельфактивные глаголы могут выражать такие значения перфектива, как инцептив и делимитатив. Мультипликативные глаголы могут также обозначать ситуации с аннулированным результатом.

Третий способ — присоединение итеративного суффикса — наиболее распространенная модель, продуктивная в современном языке. Данный суффикс может передавать широкий спектр значений, включая глагольную множественность (итератив, мультипликатив, дистрибутив), аспект (хабитуалис, раритив с оттенком аттенуатива, делимитатив), а также экспериентив, давнопрошедшее и антирезультатив.

Регулярный итератив, который в силу своей продуктивности и регулярности может называться квазиграмммемой (в терминах [Мельчук 1997; Плунгян 2011]), представляет собой проблему с точки зрения грамматической теории. По-видимому, данная категория находится на завершающей стадии грамматикализации, т. к. для большинства носителей она демонстрирует свойство грамматической обязательности в прошедшем времени. Проблема, однако, состоит в том, что категория итератива не проявляет это свойство в настоящем времени и в формах косвенной модальности. (См. [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994: 151–153] о типологически распространенной асимметрии кодирования хабитуалиса в настоящих и прошедших временах.) Анализ статуса данной категории как грамматической или неграмматической сталкивается с необходимостью принятия различных решений для разных глагольных форм, что, насколько нам известно, не допускается в современной грамматической теории.

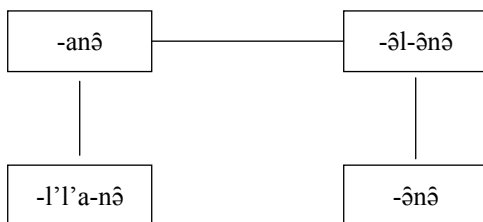
Все способы образования глагольной множественности в удмуртском бесермянском, кроме основного (наиболее частотного) значения (итеративность и множественность объекта для пар по спряжению и регулярного итератива и мультипликативность для глаголов с суффиксом *-ja*), развивают ряд дополнительных значений, одинаковых для всех перечисленных способов: итератив, множественность объекта, дистрибутив и мультипликатив.

В ходе развития языка все способы обозначения глагольной множественности из строго специализированного показателя превращаются в маркеры итератива и множественности объекта, что, по всей видимости, свидетельствует о последовательном стремлении языка отражать данные понятия, ища для них новые способы выражения (как в случае с перфектом и прогрессивом во многих языках, см. [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994]).

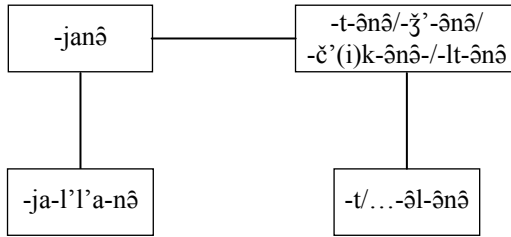
Зафиксирован ряд глаголов с двумя или более показателями множественности в рамках одной основы: это мультипликативно-семельфактивные пары, присоединяющие суффикс итератива или нелексикализованные пары по спряжению с суффиксом итератива. Для ряда глаголов добавление второго суффикса множественности не меняет исходного значения; по-видимому, в таком случае происходит комбинация значений не по принципу добавления нового семантического компонента, а по принципу соединения не противоречащих друг другу компонентов: при этом допускается повторение одного и того же компонента (итеративность) (см. [Падучева 2004: 113–129] о принципах композиции смыслов). Некоторые глаголы такого типа, напротив, противопоставляют полученные четверки глаголов по принципу единичная мультипликативная ситуация / множественная мультипликативная ситуация и единичная семельфактивная ситуация / множественная семельфактивная ситуация. Реже данное противопоставление трактуется как единичность / множественность объекта в единичной или множественной ситуации.

**Приложение:
модели глагольного словообразования
с суффиксами глагольной множественности
в удмуртском бесермянском**

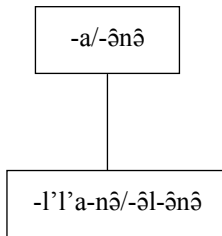
Пары первого vs. второго спряжения

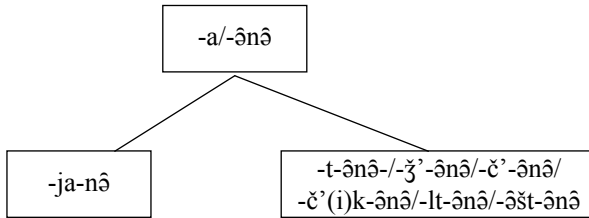
Мультипликативно-семельфактивные пары

Итеративные дериваты от глаголов без пары по спряжению

Мультипликативные и семельфактивные дериваты от глаголов без пары по спряжению

Сокращения

ACC — аккузатив; ADD — и (аддитивная частица); CAUS — каузатив; COMPL — комплементаризатор; CONV — конверб; DAT — датив; DEB — дебитатив; DETR — понижающая актантная деривация; DISTR — дистрибутив; EGR — эгрессив; EL — элатив; EXT — наращение глагольной основы; FUT — будущее; GEN1 — генитив первый; GEN2 — генитив второй; ILL — иллатив; INDEF — показатель неопределенного местоимения; INF — инфинитив; INSTR — инструменталис; ITER — итератив; INESS —

инэссив; NEG — отрицание; NZR — номинализатор; OBL — косвенная основа имени; 1/2/3SG/PL — лично-числовые показатели; PF — перфект; PL — множественное число; PROL — пролатив; PRS — настоящее; PRT — претерит; PTCL — частица; Q — вопросительная частица; REFL — рефлексив; RES — результатив; SG — единственное число; SMLF — семейфактив; VN — глагольное имя

Литература

- Алатырев 1959 — В. И. Алатырев. Вопросы удмуртского языкознания. Т. 1. Ижевск: Удмуртское книжное изд-во, 1959.
- Алатырев 1983 — В. И. Алатырев. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М.: Русский язык, 1983. С. 561—591.
- Бубрих 1949 — Д. В. Бубрих. Грамматика литературного коми языка. Л.: ЛГУ, 1949.
- Вострикова 2009 — Н. В. Вострикова. Экспериментальные предложения: грамматикализация дискурсивных функций // Вопросы языкознания 3, 2009. С. 19—31.
- ГСУЯ — Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. / Под ред. П. И. Перевозинова, В. М. Вахрушева, В. И. Алатырева. Ижевск: Ижевское книжное изд-во, 1962.
- Емельянов 1927 — А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л.: Издание ленинградского восточного института имени А. С. Енукидзе, 1927.
- Кельмаков 2006 — В. К. Кельмаков. Краткий курс удмуртской диалектологии. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2006.
- КФУТ — Корпус финно-угорских текстов; готовится к публикации в рамках проекта по созданию корпусов малых языков России при поддержке Программы Президиума РАН «Корпусная лингвистика». См. <http://darwin.philol.msu.ru/~searchtoo/index.php>.
- Майсак 2000 — Т. А. Майсак. Грамматикализация глаголов движения: опыт типологии // Вопросы языкознания 1, 2000. С. 10—32.
- Мельчук 1997 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том 1. М.: Прогресс, Языки русской культуры; Wien: Wiener Slawistischer Almanach, 1997.
- Новорожденных 2004 — Т. Ю. Новорожденных. Аспектуальность в языке бесермян. Отчет по результатам экспедиции 2003 и 2004 гг. в бесермянский диалект удмуртского языка. М.: рукопись, 2004.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.

- Серебренников 1960 — Б. А. Серебренников. Категории времени и вида в финно-угорских языках пермской и волжской групп. М.: Изд-во АН СССР, 1960.
- Серебренников 1964 — Б. А. Серебренников. Основные линии развития падежной и глагольной систем в уральских языках. М.: Наука, 1964.
- Тепляшина 1970 — Т. И. Тепляшина. Язык бесермян. М.: Наука, 1970.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Шматова, Черниговская 2011 — М. С. Шматова, Е. А. Черниговская. Категория числа существительного в марийском и пермских языках // А. И. Кузнецова (отв. ред.) Финно-угорские языки: фрагменты грамматического описания. Формальный и функциональный подходы. М.: Языки славянских культур, 2011. В печати.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. К типологии предикатной множественности: организация семантической зоны // Вопросы языкознания 1, 2006. С. 46–75.
- Budenz 1884 — J. Budenz. Az ugor nyelvek összehasonlító alaktana. Budapest: Magyar Tudományok Akadémia, 1884.
- Bybee, Perkins, Pagliuca 1994 — J. L. Bybee, R. Perkins, and W. Pagliuca. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the language of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994.
- Csucs 1990 — S. Csucz. Chrestomathia Votiatica. Budapest: Tankönyvkiadó, 1990.
- Cusic 1981 — D. Cusic. Verbal plurality and aspect. Ph.D. Diss. Stanford, 1981.
- Shluinsky 2009 — A. Shluinsky. Individual-level meanings in the semantic domain of pluractionality // P. Epps, A. Arkhipov (eds.) New Challenges in Typology. Transcending the Borders and Refining the Distinctions. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. P. 175–198.
- Winkler 2001 — E. Winkler. Udmurt. (Languages of the World/Materials 212). München: LINCOM Europa, 2001.
- Wood 2007 — E. J. Wood. The semantic typology of pluractionality. Ph.D. Diss. Berkeley, 2007.

А. Ю. Урманчиева

ИМПЕРФЕКТИВНЫЕ ФОРМЫ ЭВЕНКИЙСКОГО ГЛАГОЛА: АСПЕКТУАЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ И ДИСКУРСИВНЫЕ ФУНКЦИИ *

В данной статье рассматривается ряд аспектуальных показателей эвенкийского языка из семантической зоны имперфектива. Эти показатели распадаются на две группы: в первую входят показатели с *д у р а т и в н о й* семантикой, представляющие ситуацию как длящуюся, не достигшую предела или завершения, во вторую — показатели, передающие *х а б и т у а л ь н у ю* семантику. Помимо собственно аспектуального значения этих глагольных форм в статье также будет описано их дискурсивное употребление.

Эвенкийский язык, распространенный на значительной территории, от левобережья Енисея до Дальнего Востока, представляет собой по сути комплекс идиомов, которые могут грамматически достаточно сильно различаться (в том числе в таких существенных фрагментах грамматики, как система падежных форм или система деепричастий). В то же время, видовые показатели, пожалуй, можно отнести к тому грамматическому ядру, которое является общим для всего эвенкийского диалектного континуума: набор аспектуальных показателей и их семантика могут быть описаны для эвенкийского языка практически в отвлечении от диалектных границ.

Но сказанное касается только собственно аспектуальной семантики данной группы грамматических показателей. Что же касается их дискурсивного употребления, то оно иногда оказывается своеобразной «визитной карточкой» того или иного говора — настолько ярким и значительным может быть в данном случае варьирование в употреблении аспектуальных морфем.

1. Аспектуальная система эвенкийского языка (имперфективные формы)

Ниже будут рассмотрены шесть суффиксальных показателей эвенкийского языка; первые три из них, говоря неформально,

---

* Работа выполнена при поддержке Минобрнауки РФ, государственный контракт № 02.740.11.0595.

представляют ситуацию как длящуюся, скорее непрерывную во времени и не достигшую предела¹:

- 1) $-d'a$ ($\sim -d'e \sim -d'o$) / $-d'i$
- 2) $-t'a$ ($\sim -t'e \sim -t'o$)
- 3) $-t$ ($\sim -t'i$)

Три показателя, входящие во вторую группу, имеют в своем значении компонент хабитуальности:

- 4) $-ηna$ ($\sim -ηne \sim -ηno$)
- 4) $-wkī$
- 6) $-ηkī$ (две последних формы восходят к причастиям)

Употребление этих показателей было исследовано на материале фольклорных текстов, собранных Г. М. Василевич и опубликованных в [Василевич 1936] и [Василевич 1966]. Также привлекались материалы сборника [Романова, Мыреева 1971].

1.1. Дуратив. $-d'a$ ($\sim -d'e \sim -d'o$) / $-d'i$

Базовое значение показателя $-d'a$ — дуративное. Он выделяет в ситуации срединную фазу; тем самым, ситуация описывается как незавершенная в момент наблюдения. В эвенкийском этот показатель находится фактически на стыке аспектуальной и темпоральной систем: с одной стороны, в ряде грамматических форм этот показатель передает именно аспектуальное значение дуратива, с другой стороны, он является обязательным компонентом показателя настоящего времени.

А именно, можно говорить о том, что на данном этапе в эвенкийском образовался составной аффикс, $-d'a(-)ra$ ($\sim -d'e(-)re \sim -d'o(-)ro$), передающий значение настоящего времени и парадигматически противопоставленный аффиксу $-Ø-ra$ ($\sim -Ø-re \sim -Ø-ro$), передающему значение прошедшего времени. Тем не менее, есть все основания полагать, что и в составе формы настоящего времени показатель $-d'a$ не утратил дуративного компонента своего значения.

Приведу таблицу, в которой представлена система основных временных форм, имеющих референцию к настоящему и прошедшему времени:

---

¹ В данной статье рассматривается только система синтетических форм.

аспектуальные показатели	темпоральные показатели	
	<i>-ra</i>	<i>-t'ā</i>
-Ø	-Ø-ra пунктив + прошедшее время (I)	-Ø-t'ā пунктив + прошедшее время (II)
<i>-d'a</i>	<i>-d'a-ra</i> настоящее время	<i>-d'a-t'ā</i> дуратив + прошедшее время (II)

Таким образом, в этой системе представлена единственная презентная и три претериальных формы. Наиболее четко семантика аспектуального показателя *-d'a* проявляется в той оппозиции грамматических форм, которая не осложнена дополнительным противопоставлением по линии темпоральных значений — а именно, в оппозиции двух претериальных форм с показателем *-t'ā*, перечисленных в правом столбце таблицы. Форма с показателем *-t'ā* имеет референцию к прошедшему времени; в диалоговом режиме эта форма часто имеет значение перфекта (но необходимо отметить, что семантическая природа противопоставления двух форм прошедшего времени — с показателем *-ra* и с показателем *-t'ā* — в эвенкийском, и в особенности в его восточных говорах, в целом неясна). Форма с показателями *-d'a-t'ā* имеет значение дуратива в прошедшем времени:

- (1) *Er beje bi-t'ē-n murin-dū-wi*
 этот человек быть-PRAET_{II}-3SG конь-DAT.LOC.POSS.COREF.SG
ukt'alē-t'ī erkēn-dē ŋene-d'e-t'ē-n.
 ехать.верхом-??? быстро-PTCL **идти-DUR-PRAET_{II}-3SG**
Goro ō-da-n — ŋene-wi e-t'ē
 далеко стать-PRAET_I-3SG идти-POSS.COREF.SG NEG-PRAET_{II}
sā-re, daga ō-da-n — e-t'ē
 знать-CONN близко стать-PRAET_I-3SG NEG-PRAET_{II}
sā-re.
 знать-CONN
 'Этот человек, сидя на коне, быстро ехал. Далек ли, близко ли — не знает'. [Василевич 1966: 31]
- (2) *D'e, nēli-t teti-ksēkēn,*
 вот нагрудник-INSTR надеть-CONVB.ANTER

- bokatir-dulā dagamā-d'a-t'ā-n.*
богатырь-LAT **приблизиться-DUR-PRAET_{II}-3SG**
'Вот, надев нагрудник, она потихоньку шла [досл. приближалась] к богатырю'. [Василевич 1966: 32]
- (3) *Umūslīkēn-sōniṅ inṅaktakān, edīn-dū*
ИС-сонинг волосок ветер-DAT.LOC
edīn-mū-w-d'e-t'ē-n.
лететь.по.ветру-CAUS.MOV-PASS-DUR-PRAET_{II}-3SG
'Умусликон-богатырь, волосок, ветром гоним'. [Василевич 1966: 96]
- (4) *Mō-tīkin-dūlā-n sāme*
дерево-'каждый'-LAT-3SG метка.на.дереве
bū-dē-wi n'eke-d'e-t'ē-n.
дать-CONVB.PURP-POSS.COREF.SG **пробовать-DUR-PRAET_{II}-3SG**
'На каждом дереве он пробовал оставить знак'. [Василевич 1966: 27]
- (5) *Nuṅan-ṅi-n belemnī ōli bi-t'ē-n.*
он-ATTR.POSS-3SG помощник ворон быть-PRAET_{II}-3SG.
Tar ōli etejēt-t'e-t'ē-n
Тот ворон **охранять-DUR-PRAET_{II}-3SG**
ō-na-l-wā-n.
делать-PT.PASS-PL-ACC-3SG
'Его помощником был ворон. Этот ворон охранял творения его'. [Василевич 1936: 30]
- (6) *Nekūnin ampār-lā-w ī-t'a,*
младший.брат амбар-LAT-POSS.COREF.SG войти-PRAET_{II}
beje-ṅi-li-n hāl-tin
человек-POSS.ALIEN-PL-3SG часть-3PL
bū-ti-t'ā-l, hāl-tin in-d'a-t'a-l.
умереть-MULT-PRAET_{II}-PL часть-3PL **жить-DUR-PRAET_{II}-PL**
'Младший брат в амбар вошел, люди его часть поумирали, часть были живы'. [Василевич 1936: 31]
- (7) *Hulaki ṅene-d'e-t'ē-n, ṅene-d'e-t'ē-n*
лиса **идти-DUR-PRAET_{II}-3SG** **идти-DUR-PRAET_{II}-3SG**
amākā-w art'a-ra-n.
медведь-ACC встретить-PRAET_I-3SG
'Лиса шла, шла, медведя встретила'. [Василевич 1936: 13]

- (8) *Umnēkēn ehe-n'un n'ekē bakaldi-ra-Ø.*
 однажды медведь-COMIT соболь встретиться-PRAET_I-3PL
N'ekē-ŋi-n amja-du-wi
 соболь-POSS.ALIEN-3SG рот-DAT.LOC-POSS.COREF.SG
etu-w-d'e-t'ē-n eleptikī-wa.
нести-DUR-PRAET_{II}-3SG пташка-ACC
 'Однажды соболь с медведем встретились. Соболь во рту внезапно вылетающую (= птичку) нес'. [Василевич 1936: 18]
- Ниже для сопоставления приведены несколько примеров, в которых форма с показателем *-t'ā* употреблена без показателя дуратива *-d'a*. В этом случае форма прошедшего времени с показателем *-t'ā* имеет значение, наиболее близкое к перфектному:
- (9) *Ēdu ajī-t'ā-w oldro-wo.*
 здесь добыть-PRAET_{II}-1SG рыба-ACC
Mūdā-t'ā ajī-d'aki-w.
подняться.воде-PRAET_{II} добыть-CONVB.SEQUENT-1SG
 'Я здесь добыл рыбу. Вода поднялась после того, как добывал'. [Василевич 1936: 11]
- (10) *Nuŋan mine bu-wke-ne-wi*
 он я..ACC убить-CAUS-PT.PASS-POSS.COREF.SG
ke-re-n, bi sā-t'ā-w er-ē
 собираться-PRAET_I-3SG я **знать-PRAET_{II}-1SG** это-ACC.INDEF
d'er-mī erupt'u ō-da-n,
 есть-CONVB.COND.COREF плохо стать-PRAET_I-3SG
tarīt bi nuŋan-ma-n ana-t'ā-w.
 поэтому я он-ACC-3SG **столкнуть-PRAET_{II}-1SG**
 'Он меня отравить собирался, я знала, если это съем, плохо будет, поэтому я его столкнула <со скалы>'. [Василевич 1936: 15]
- (11) — *Īduk eme-t'ē-s?*
 откуда **прийти-PRAET_{II}-2SG**
 — *Bi eme-t'ē-w ugigit, munnukān-me*
 — я **прийти-PRAET_{II}-1SG** сверху заяц-ACC
īd'a-na.
 преследовать-CONVB.SIMULT
 '— Откуда ты пришел?
 — Я пришел сверху, преследуя зайца'. [Василевич 1936: 33]

- (12) — *Ir oro.r-bi?*
 — где олень.PL-1SG
 — *Oro.r-bo-s* *d'ep-t'ē-w,*
 — олень.PL-ACC-2SG **съесть-PRAET_{II}-1SG**
nadalla-du *mana-t'ā-w.*
 семь.дней-DAT.LOC **кончить-PRAET_{II}-1SG**
 ‘— Где мои олени?
 — Оленей твоих я съела, в неделю прикончила’. [Василевич 1936: 9]

- (13) *E-ŋne-kel* *ulgut'ē-ne* *ni-wel*
 NEG-HAB.PRAES-IMP2SG рассказать-CONN кто-PTCL
baka-mī *Kingit emep-t'ē-n.*
 найти-CONVB.COND.COREF ИС **принести-PRAET_{II}-3SG**
 ‘Не смей рассказывать, если кого-нибудь встретишь, <что тебя сюда> принесла Кингит’. [Василевич 1936: 35]

Как уже говорилось выше, если формы *-t'ā* ~ *-d'a-t'ā* противопоставлены аспектуальным значением, то различие между формами *-ra* и *-d'a-ra* лежит в несколько иной плоскости: первая из этих форм имеет значение (перфективного) прошедшего времени, вторая — настоящего. Приведем ряд примеров, иллюстрирующих употребление этих двух временных форм. В примерах (14–17) форма с показателем *-d'a-ra* передает значение настоящего актуального, в примерах (18–21) форма с показателем *-ra* передает значение прошедшего времени:

- (14) *...d'antakī* *hanŋūkta-ra-n:* *ē-wa*
 ...росомаха спросить-PRAET_I-3SG: «что-ACC
jēke-d'ere-n?” — “«*Amī!*» *jēke-d'ere-n*”,
кричать-PRAES-3SG?» — «Отец **кричать-PRAES-3SG**»,
hute-li-n *gū-ne-Ø.*
 ребенок-PL-3SG сказать-PRAET_I-3PL
 ‘...росомаха спросила: «Что кричит?» — «“Отец!” кричит»,
 дети сказали’. [Василевич 1936: 9]

- (15) *It'e-kte* *ōn-ka* *soŋo-d'ore-n.*
 смотреть-NORT1SG как-PTCL **плакать-PRAES-3SG**
 ‘Посмотрю-ка я, как он плачет’. [Василевич 1936: 10]

- (16) — *Sulakī, sī ē-d'a-nni?*
 — лиса, ты **что.делать-PRAES-2SG**

- *Huje-wi doŋoto-no-wō-n*
 — рана-POSS.COREF.SG замерзнуть-PT.PASS-ACC-3SG
t'ɥw-d'a-m.
лизать-PRAES-1SG
 ‘— Лиса, что ты делаешь?
 — Свою замерзшую рану лизу’. [Василевич 1936: 12]
- (17) — *Īlē ɲene-d'e-nne?*
 — куда **идти-PRAES-2SG**
 — *D'eptilē-l-e-wi gelēkte-d'e-m.*
 — еда-PL-ACC.INDEF-POSS.COREF.SG **искать-PRAES-1SG**
 ‘— Куда идешь?
 — Еду ищу’. [Василевич 1936: 14]
- (18) — *Ēkun emep-t'ē-n hine?*
 — что принести-PRAET_{II}-3SG ты.ACC?
Kingit emew-re-n?
ИС принести-PRAET_I-3SG
 — *Bi mēnekēn eme-t'ē-w.*
 — Я сам прийти-PRAET_{II}-1SG
 ‘— Что тебя принесло? Кингит принесла?
 — Я сам пришел’². [Василевич 1936: 36]
- (19) *Ɔene-re-n d'ū-la-n. Jantakī huri-lī-n*
 идти-PRAET_I-3SG дом-LAT-3SG росомаха ребенок-PL-3SG
jū-re-Ø d'ū-duk-par, gū-ne-Ø:
 выйти-PRAET_I-3PL дом-EL-POSS.COREF.PL сказать-PRAET_I-3PL
 “*Aba! aba eme-re-n*”.
 папа папа **прийти-PRAET_I-3SG**
 ‘Пошла ⟨лисица⟩ к его дому. Дети росомахи выскочили из
 дома, говоря: «Папа! папа пришел»’. [Василевич 1936: 10]

² Этот пример не только иллюстрирует употребление формы с показателем *-ra*, но и позволяет продемонстрировать, что семантическое различие между двумя формами прошедшего времени оказывается достаточно трудноуловимым: в этом примере трижды описываются ситуации, относящиеся к плану прошедшего времени (не противопоставленные, очевидно, ни аспектуальными, ни эвиденциальными, ни модальными характеристиками, ни значением временной дистанции), дважды — при помощи формы с показателем *-t'ā* и один раз — при помощи формы с показателем *-ra*.

- (20) *Beje sulakī-ŋi garpa-ra-n. Sulaki*
 человек лиса-POSS.COREF.SG выстрелить-PRAET₁-3SG лиса
beje-tkī gun-d'ere-n: "ēda sī mine-we
 человек-DIR сказать-PRAES-3SG почему ты я-ACC
garpa-Ø-nni; halgan-ma hekeli-Ø-nni?"
выстрелить-PRAET₁-2SG нога-ACC **ранить-PRAET₁-2SG**
 ‘Человек в лису выстрелил. Лиса человеку говорит: «Ты за-
 чем в меня выстрелил, ногу поранил?» [Василевич 1936: 12]
- (21) *Amākā ās-ne-n, emep-kēldru*
 дедушка **уснуть-PRAET₁-3SG** принести-IMP2PL
tiru-je-n.
 подушка-ACC.INDEF-3SG
 ‘Дедушка уснул, принесите ему подушку!’ [Василевич
 1936: 51]

Примеры (14–21) иллюстрируют употребление рассматри-
 ваемых форм в диалоговом режиме. В этом случае не вызывает
 сомнения тот факт, что рассматриваемые грамматические формы
 четко противопоставлены как выражающие настоящее и перфек-
 тивное прошедшее время. Однако их употребление в нарративе,
 на наш взгляд, трактуется не столь однозначно. Ниже мы приве-
 дем несколько нарративных фрагментов, в которых основной
 формой изложения служит форма прошедшего времени с показа-
 телем *-ra*, а форма с показателем *-d'ara* вполне ожидаемо исполь-
 зуется в таких контекстах, где уместным оказывается употребле-
 ние имперфективных форм:

- (22) *Etirkēn tar bū-re-n halkat'ān-mi.*
 старик тот дать-PRAET₁-3SG молоток-POSS.COREF.SG
Hulakī, bu-rēki-n, gilge-wē-n
 лиса дать-CONVB.COND.NON.COREF-3SG бык-ACC-3SG
wā-t'ā-n halkat'ān-d'ī
 убить-PRAET_{II}-3SG молоток-INSTR
umāī-d'ere-n, halkat'ān-d'ī-n
есть.костный.мозг-PRAES-3SG молоток-INSTR-3SG
dukta-d'ara-n, gū-ne-n:⟨...⟩
стучать-PRAES-3SG сказать-PRAET₁-3SG ⟨...⟩
 ‘Старик дал ей молоток. Когда старик дал ⟨ей молоток⟩, ли-
 са быка убила, молотком ест костный мозг, молотком по-
 стучивает, говорит: ⟨...⟩’. [Василевич 1936: 8]

- (23) *D'antakī nadan-ma oro.r-bī*
 росомаха семья-ACC олень.PL-POSS.COREF.SG
ɲene-wu-t-t'ere-n,
идти-CAUS.MOV-STAB-PRAES-3SG
elge-t-t'ere-n.
вести.в.поводу-STAB-PRAES-3SG
Art'a-ra-n hulakī-wa.
 встретить-PRAET_I-3SG лиса-ACC
 'Росомаха семья оленей ведет, под уздцы ведет. Встретила лису'. [Василевич 1936: 9]
- (24) *D'awrā-d'era-Ø,* *kukēkī gū-ne-n: <...>*
плыть.в.лодке-PRAES-3PL кукушка сказать-PRAET_I-3SG
 'Ехали они в лодке, кукушка сказала: <...>' [Василевич 1936: 9]
- (25) *Kukēkī wā-d'e-wki hute-l-bi,*
 кукушка убить-DUR-PT.HAB ребенок-PL-POSS.COREF.SG
wā-re-n upkati-l-wa. Hulakī e-t'ē,
 убить-PRAET_I-3SG много-PL-ACC лиса NEG-PRAET_{II}
wā-re ulēki-t-pi
 убить-CONN ложка-INSTR-POSS.COREF.SG
garpa-d'ara-n.
выстрелить-PRAES-3SG
 'Кукушка убивала своих детей, всех убила. Лисица не убила, притворно стреляла'. [Василевич 1936: 9]
- (26) *Bolo-ro-n ehilē, d'ukekē.r*
 настать.осени-PRAET_I-3SG теперь льдинка.PL
doɲoto-ɲno-ro-Ø, kukekī burdākte-d'ere-n.
 замерзнуть-HAB.PRAES-PRAET_I-3PL кукушка **прыгать-PRAES-3SG**
Hulakī gū-ne-n:
 лиса сказать-PRAET_I-3SG
"Beje holo-d'oɲō-s".
 человек идти.вверх.по.течению-FUT-2SG
 'Осень в это время настала, льдинки замерзли, кукушка прыгает по льду. Лиса <ей> говорит: «Мужик, вверх <по реке> пойдешь!»' [Василевич 1936: 9]
- (27) *Šulakī eme-re-n jantakī-tkī. Jantakī*
 лиса прийти-PRAET_I-3SG росомаха-DIR росомаха

- taktikan-ma ogo-t'ō, kigle-d'ere-n.*
кедр-ACC свалить-PRAET_{II} **лыжи.делать-PRAES-3SG**
S'ulaki amja-du-wi
лиса рот-DAT.LOC-POSS.COREF.SG
t'imet'in-me nēkt'e-d'ere-n,
жир.под.коленной.чашечкой-ACC **хранить-PRAES-3SG**
bulki-d'ire-n. Jantakī gū-ne-n:
жрать-PRAES-3SG росомаха сказать-PRAET_I-3SG
“*ē-wa bulki-d'a-ndri?*”
что-ACC **жрать-PRAES-2SG?**
‘Лиса пришла к росомахе. Росомаха кедр свалила, лыжи делала. Лисица во рту жир из-под коленной чашечки держала, ела. Росомаха сказала: «Что <ты> ешь?»’ [Василевич 1936: 10]
- (28) *Tālā baka-ra-n etirikēn-ma lut'a-wa. <...>*
там найти-PRAET_I-3SG старик-ACC русский-ACC
“*T'ankī-du-s uguwāni-cta.*”
санки-DAT.LOC-2SG сесть.в.сани-HORT1SG
Uy-ra-n t'anki-du. Etirikēn
сесть.в.сани-PRAET_I-3SG санки-DAT.LOC Старик
murin-mi elge-d'ere-n. Sulakī
лошадь-POSS.COREF.SG **вести.в.поводу-PRAES-3SG** лиса
oldro-ŋi-l-wā-n awś'a-wā-n
рыба-POSS.ALIEN-PL-ACC-3SG сумка-ACC-3SG
t'ēs'trā-na-n.
порвать-PRAET_I-3SG
‘Там встретила старика русского. <...> «В санку твою сяду-ка». Влезла в санку. Старик коня своего ведет. Лиса сумку с рыбой прорвала’. [Василевич 1936: 10]
- (29) *Baka-ra-n amākā ewunki-t*
найти-PRAET_I-3SG медведь поперечный-INSTR
ēsatari-l-d't wā-w-t'ā, t'ukī-du
глазастый-PL-INSTR убить-PASS-PRAET_{II} лабаз-DAT.LOC
oŋokto-t-wi son'olo-d'oro-n.
нос-INSTR-POSS.COREF.SG **зиять-PRAES-3SG**
‘Нашла — медведь убит поперечноглазыми (= людьми), на лабазе ноздрями (досл. носом) зияет’. [Василевич 1936: 17]

Приведенные выше примеры (22–29) иллюстрируют типичные случаи появления формы с показателем *-d'a-ra* в нарративе, относящемся к прошедшему времени. Как можно видеть, она употребляется прежде всего в фоновых контекстах, обозначая длительное действие, одновременное одной или несколькими ситуациям основной линии повествования. Маркирование фоновых ситуаций вообще, как известно, очень характерно для форм с имперфективной семантикой, см., в частности, работы С. Флейшман (например, [Fleischman 1985]), а также сборник [Гусев и др. 2008]).

В то же время, насколько можно судить по изученным текстам, отсутствуют более или менее обширные фрагменты нарративов, в которых изложение кульминационных, наиболее важных событий основной линии повествования велось бы с использованием формы с показателями *-d'a-ra* — иными словами, отсутствуют такие фрагменты, в которых можно было бы усмотреть использование формы с показателем *-d'a-ra* в функции так называемого «настоящего исторического». Таким образом, можно сказать, что нарративные функции этой формы predeterminedены не столько ее темпоральным значением, сколько входящим в ее состав аспектуальным показателем дуратива.

1.1.1. Грамматикализация дуративного показателя в глагольной системе эвенкийского языка. Помимо рассмотренных выше темпоральных форм, показатель дуратива, естественно, может употребляться и в других глагольных формах, в том числе в нефинитных. В данном случае можно выделить два типа грамматикализационных процессов в зависимости от типа семантического взаимодействия показателя дуратива с другими грамматическими показателями. Мы будем называть их «свободная» и «модифицирующая» грамматикализация.

В случае, который можно охарактеризовать как «свободную» грамматикализацию, показатель *-d'a* выражает собственно дуративное значение вне зависимости от значения других грамматических показателей. Такой тип грамматикализации представлен, в частности, в словоформах второго прошедшего времени с показателем *-t'ā*, см. примеры (1–13) выше. В данном случае значение аспектуального показателя *-d'a* никак не влияет на значение темпорального показателя *-t'ā*: грамматическая семантика словоформы остается полностью прозрачной, подчиняясь прин-

ципу аддитивности: *-d'a* ‘дуратив’ + *-t'ā* ‘прошедшее время’ > *-d'a-t'ā* ‘дуратив прошедшего времени’.

Случай свободной грамматикализации представлен в восточных диалектах также в форме деепричастия одновременности с показателем *-na*. С показателем дуратива деепричастие одновременности обозначает одновременную главную ситуацию, которая «объемлет» главную ситуацию по времени. Иными словами, обозначенная деепричастием одновременности ситуация началась раньше той ситуации, которая обозначена главным предикатом, и эта основная ситуация происходит во время ситуации, обозначенной подчиненным предикатом (см. примеры 30–34). Если же деепричастие одновременности употребляется без показателя дуратива, то оно также обозначает ситуацию, одновременную той, что названа основным предикатом, но при этом временное соотношение этих двух ситуаций иное: они либо совпадают по времени, либо второстепенная ситуация по времени вкладывается в главную (см. примеры 35–39). У форм одновременного деепричастия без показателя дуратива при этом имеется дополнительный прагматический эффект: функционально они в некоторых случаях близки обстоятельствам образа действия (см. пример (39) с глаголом *soŋo-* ‘плакать’). Подобный прагматический эффект невозможен у форм с дуративным показателем — ср. пример (40), в котором деепричастию одновременности, образованному от того же глагола *soŋo-*, но с дуративным показателем, невозможно приписать подобную интерпретацию.

- (30) *Nuŋar-tin degī-l-t'ē-tin tar buga-ikākī.*
они-3PL лететь-INCH-PRAET_{II}-3PL тот место-DIR.PTCL
Araj d'e, himāt deg-d'e-ne, araj
только вот быстро **лететь-DUR-CONVB.SIMULT** только
awahī-ŋi-n emēnmu-t'ē-Ø.
авахи-POSS.ALIEN-3SG отстать-PRAET_{II}-3SG
‘Они полетели в то место. Враг-авахи, хотя и быстро летел,
все же в полете отстал’. [Василевич 1966: 37]

- (31) *Đene-d'e-ne, nuŋan umūn tāken*
идти-DUR-CONVB.SIMULT он один колода
ojo-dū-n tege-re-n.
верхушка-DAT.LOC-3SG сестра-PRAET_I-3SG
‘Идя, она присела на колоду’. [Василевич 1966: 41]

- (32) *Degikt'ēn-ahākān, ugidē-dū-tin*
 ИС-девушка   верх-DAT.LOC-3PL
harikta-d'a-na, turēt-t'ere-n: <...>
парить-DUR-CONVB.SIMULT говорить-PRAES-3SG:
 'Догикчон-девица, паря вверху, такую речь держала: <...>'
 [Василевич 1966: 48]
- (33) *D'ulē-wi ajannā-d'a-na,*
 перед-POSS.COREF.SG **путешествовать-DUR-CONVB.SIMULT**
ineṅ dulin-duli-n ajanna-d'ara-n.
 день половина-PROL-3SG путешествовать-PRAES-3SG
 'Она, идя вперед, до полудня путешествовала'. [Василевич
 1966: 51]
- (34) *Tar jaṅd'a ojo-lō-n tūkti-ksē,*
 тот голец верхушка-LAT-3SG подняться-CONVB.ANTER
derumki-d'ere-n. Tar derūmki-d'e-ne,
 отдыхать-PRAES-3SG тот **отдыхать-DUR-CONVB.SIMULT**
dunne-we muni-t-te-n.
 земля-ACC осматривать-STAB-PRAET_I-3SG
 'Поднявшись на вершину гольца, он отдыхал. Отдыхая, ос-
 матривал местность'. [Василевич 1966: 21]
- (35) *Tāduk tar beje tādū bi-t'ē-Ø, ulle-we*
 потом тот человек там быть-PRAET_{II}-3SG мясо-ACC
d'ep-ne, nanna-wā-n
есть-CONVB.SIMULT шкура-ACC-3SG
tetkē-je-wi hunād'i-n ō-wki
 одежда-ACC.INDEF-POSS.COREF.SG сестра-3SG делать-PT.HAB
bi-t'ē-Ø.
 быть-PRAET_{II}-3SG
 'И вот жил там человек, питаюсь мясом, а сестра шила оде-
 жду из шкур животных'. [Василевич 1966: 19]
- (36) *Bumūrik huklē-d'e-nne", — tar akīn-īn bihinne*
 больной лежать-PRAES-2SG тот старший.брат-3SG .TOPIC
niṅaṅ-mā-n ulī-d'e-wkī bi-t'ē-Ø
 он-ACC-3SG кормить-DUR-PT.HAB быть-PRAET_{II}-3SG
bejṅē-l-be tikēn wā-ne arahinaj,
 зверь-PL-ACC так **убить-CONVB.SIMULT** разный

зависимого действия, обозначаемого данным деепричастием. Деепричастие с показателем *-raki-* без дуративного показателя имеет значение предшествования (41–44), а с дуративным показателем — значение одновременности (45–48). Такая ситуация характерна и для западных, и для восточных диалектов эвенкийского языка.

- (41) *Nonopti anjanī-dū elekes bira*
 начальный год-DAT.LOC впервые река
ejēn-t'e-d'e-reki-n, *elekes*
течь-STAT-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG впервые
t'uka baldi-d'a-raki-n, *d'ūr*
 трава **расти-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG** два
kuḡakān baldi-ksā, *baldi-t'ā-l*
 ребенок родиться-CONVB.ANTER жить-PRAET_{II}-PL
dulin dunne-dū.
 средний земля-DAT.LOC
 'В изначальные годы, когда река впервые текла, когда трава
 впервые росла, два ребенка родились и жили на средней
 земле'. [Василевич 1966: 27]

- (42) *Araj tar n'eke-d'e-reki-n,*
 только так **делать-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG**
araj so beje Kōdākt'en irgit
 только сильный человек ИС откуда
eme-ksēkēn, *tar mōra-lā*
 прийти-CONVB.ANTER тот море-LAT
tik-t'e-reki-n,
падать-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG
diginḡū-t'ā-n *ḡāle-t-pi*
 тянуть.вверх(?)—PRAET_{II}-3SG рука-INSTR-POSS.COREF.SG
ujīskī n'ōdāhin-na.
 вверх подбросить-CONVB.SIMULT
 'Между тем, Кодакчон-богатырь, появившись неведомо от-
 куда, когда конь падал в море, вытащил (его), подкинув
 кверху рукой'. [Василевич 1966: 28]

- (43) *Urkēn-kuḡakān elekes lukīkēn-d'i*
 сын-ребенок впервые маленькая.деревянная.стрела-INSTR
ewī-d'e-reki-n, *hunātkān*
играть-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG дочка

- kiptikān-d'i gir-d'a-raki-n,*
ножницы-INSTR **резать-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG**
iremē-d'ijē-w bi sin-dulē.
прийти.в.гости-FUT-1SG я ты-LAT
‘Когда твой сын будет впервые маленькой деревянной
стрелой играть, когда твоя дочь будет резать ножницами, я
приду к тебе в гости’. [Василевич 1966: 37]
- (44) *Er jū-ksēkēn, n'āmī-wa*
этот выйти-CONVB.ANTER важенка-ACC
sir-d'a-raki-n, araj uten
дойть-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG только утэн
kaltakā-n d'ū-dū-n ōkin-ka
половина-3SG дом-DAT.LOC-3SG когда-нибудь
e-ne-n dōldī-ra t'ērna-d'ara-n “Ti-ij!”.
NEG-PT.PASS-3SG слышать-CONN пищать-PRAES-3SG ти-ий!
‘Когда, она, выйдя, доила важенку, в ее получуме-утэн
(за)пищало <что-то> никогда не слышанное: «Ти-ий!»’. [Ва-
силевич 1966: 82]
- (45) *Tar n'eke-ksēkēn, bōkan-in nī-re-n.*
так сделать-CONVB.ANTER служанка-3SG открыть-PRAET_I-3SG
Nī-reki-n, niḡan-mā-n
открыть-CONVB.COND.NON.COREF-3SG он-ACC-3SG
īw-t'ē-n.
вести-PRAET_{II}-3SG
‘Потом служанка открыла <дверь>. Когда <она> открыла
<дверь>, <хозяйка> ввела <его>’. [Василевич 1966: 26]
- (46) *D'e, beje gerbī-wi*
вот человек имя-POSS.COREF.SG
ulgut'ē-neki-n, sā-ra-n.
рассказать-CONVB.COND.NON.COREF-3SG знать-PRAET_I-3SG
‘Человек, когда она рассказала о своем имени, узнал, <кто
она>’. [Василевич 1966: 26]
- (47) *N'urumn'a-l ḡenuši-ne-Ø*
ИС-PL пойти.обратно-PRAET_I-3PL
d'u-l-dulā-wer. Tāduk D'eke n'ān ewenkī
дом-PL-LAT-POSS.COREF.PL потом ИС опять эвенки

- ō-da-n,*   *šuru-rek-tin.*
 статья-PRAET_I-3SG   **уйти-CONVB.COND.NON.COREF-3PL**
 ‘Нюрумня отправились домой. После этого Деко опять превратилась в человека, когда они ушли’. [Василевич 1966: 132]
- (48) *Tar beje, inme   ō-ksā,*   *jū-t'ē-Ø.*
 тот человек иголка   статья-CONVB.ANTER   выйти-PRAET_{II}-3SG
Jū-reki-n,   *ahī*
выйти-CONVB.COND.NON.COREF-3SG   женщина
it'e-t'ē-Ø   — *tar beje   kaltakā-n   ēha-n*
 видеть-PRAET_{II}-3SG   тот человек   половина-3SG   глаз-3SG
āt'īn.
 NEG.NOM
 ‘Тот человек, превратившись в иголку, вышел. Когда он вышел, женщина увидела, что у этого человека нет одного глаза’. [Василевич 1966: 12]
- Другой случай модифицирующей грамматикализации представлен причастием с показателем *-rī*. В западных диалектах это причастие имеет более узкое значение, тогда как спектр его употреблений в восточных диалектах более широк. Без показателя *-d'a* это причастие может передавать значение различной временной соотнесенности. В достаточно редких случаях оно может соотноситься с ситуацией в недавнем прошедшем (49–51):
- (49) *Gune-rī-s*   *turē-nni   min-dū   elekin.*
сказать-PT.PRAES-2SG   речь-2SG   я-DAT.LOC   достаточно
 ‘Сказанных тобою слов мне довольно!’ [Василевич 1966: 26]
- (50) *It'e-ne-w,*   *dōldī-na-w*   *ēkūn-da*
 видеть-PT.PASS-1SG   слышать-PT.PASS-1SG   что-PTCL
āt'īn.   *Sī   ē-ja*   *dōldī-rī,*
 .NEG.NOM   ты   что-ACC.INDEF   **слышать-PT.PRAES**
it'e-rī   *bi-hi-nni?*
видеть-PT.PRAES   быть-PRAES-2SG?
It'e-ne-wī,   *dōldī-na-wī*
 видеть-PT.PASS-POSS.COREF.SG   слышать-PT.PASS-POSS.COREF.SG
sā-ne-wī   *ulgut'ē-kel!*
 знать-PT.PASS-POSS.COREF.SG   рассказать-IMP2SG
 ‘Виденного, слышанного мною нет. Ты что видела, слышала? Расскажи о том, что видела, что слышала, что знаешь’. [Василевич 1966: 47]

- (51) *Der-rī*   *d'ala-η-ηi*   *āt'in!*
устать-PT.PRAES сустав-POSS.ALIEN-2SG NEG.NOM
 'Нет у тебя уставших суставов'. [Василевич 1966: 72]
- Чаще же оно обозначает ситуацию в будущем (52–55):
- (52) *Si*   "*Tawar ajannā-rī-w*   *ēma*
 ты тот.самый **путешествовать-PT.PRAES-1SG** какой
buga-wa is-saḡā-w?"   *gun-ne*
 земля-ACC   дойти-FUT-1SG   сказать-CONVB.SIMULT
ḡenehin-t'ē-s.
 уйти-PRAET_{II}-2SG
 'Ты ушел, сказав: «Я-то, собирающийся путешествовать, куда приду?»' [Василевич 1966: 25]
- (53) *Ete-rī*   *suru-rī-gū*
прийти-PT.PRAES   **уйти-PT.PRAES-PTCL**
atagasta-raki-n,   *mine-we ētikāt*
 обидеть-CONVB.COND.NON.COREF-3SG я-ACC   обязательно
d'ōni-ḡna-kal-dā.
 вспомнить-HAB.PRAES-IMP2SG-PTCL
 'Если кто-то, кто придет или кто уйдет, тебя обидит, ты обязательно вспомни обо мне'. [Василевич 1966: 66]
- (54) *Beje-l*   *dili-l-wa-tin*   *asta-rī-w*
 человек-PL   голова-PL-ACC-3PL   **варить-PT.PRAES-1SG**
ineḡi-w   *ō-da-n.*
 день-1SG   стать-PRAET_I-3SG
 'Настал день, когда я должна варить головы людей'. [Василевич 1966: 94]
- (55) *Baldi-rī*   *kuḡakān e-t'ē-n*   *baldi-ra.*
родиться-PT.PRAES ребенок NEG-PRAET_{II}-3SG родиться-CONN
 'Не родились дети, которые должны были родиться'. [Василевич 1966: 36]

Это причастие может также обозначать ситуацию без четкой временной соотнесенности. В этом случае оно может обозначать ситуации двух типов. С одной стороны, это могут быть ситуации вневременного характера, близкие к хабитуальным или даже гномическим (56–59):

- (56) *Bū ewī-rī* *buga-lā-hun isna-ra-w.*
 мы **играть-PT.PRAES** место-LAT-2PL прийти-PRAET₁-1PL.EXCL
 ‘Мы добрались до мест ваших игрищ’. [Василевич 1966: 48]
- (57) *D'ilat'ā hergidē-dū-n* *ōske-rī*
 солнце нижняя.сторона-DAT.LOC-3SG **жить-PT.PRAES**
Tirgakt'ān-ahākān — umūn-mun.
 ИС-девица один-1PL.EXCL
 ‘Под солнцем живущая Тыргакчан-девица — одна из нас’.
 [Василевич 1966: 48]
- (58) *Upkat bejñē gōhi-lkān bi-t-te-n,*
 все зверь пара-HABIT_{II} быть-STAB-PRAET₁-3SG
dunne-lī-de girku-rī bejñē, ugi-lī
 земля-PROL-PTCL **ходить-PT.PRAES** зверь верх-PROL
deg-rī degi gōhi-lkān bi-t-te-n.
лететь-PT.PRAES птица пара-HABIT_{II} быть-STAB-PRAET₁-3SG
 ‘Всякий зверь пару имеет, и по земле ходящий зверь, и в
 выси летающая птица пару имеет’. [Василевич 1966: 90]
- (59) *Sā-rī-wi* *dunne-we ŋene-d'ere-Ø.*
знать-PT.PRAES-POSS.COREF.SG земля-ACC идти-PRAES-3PL
 ‘Идут <они> по известной <ей> земле’. [Василевич 1966: 48]

С другой стороны, это же причастие, приобретая дополнительный модальный оттенок, обозначает потенциальные ситуации⁴, как в примерах (60–65):

⁴ В принципе, обнаруживаемый у этого причастия кластер значений является типологически достаточно частотным: хабитуальность, модальность и отнесенность к плану будущего времени могут объединяться в значении одного показателя, см., например, [Haspelmath 1998] и [Татевосов 2004]. Оба исследователя считают исходным значением прогрессивный презенс, однако с точки зрения М. Хаспельмата это значение параллельно развивается в двух направлениях, давая одновременно значение будущего времени и значение хабитуалиса, тогда как С. Г. Татевосов предполагает, что имеет место линейный путь развития: прогрессивный презенс > хабитуалис > будущее время. По-видимому, рассматриваемое эвенкийское причастие в большей степени отвечает схеме, предложенной М. Хаспельматом, так как в его значении отчетливо выделяются прогрессивный и футуральный компоненты, хабитуальный же компонент имеет по сравнению с ними скорее второстепенное значение.

- (60) *Erkej nadarākān deku-degi-l umū-ksā-l*
 этот семь.раз ???-птица-PL класть.яйца-CONVB.ANTER-PL
is-tī buga-la is-t'ajā-s.
дойти-PT.PRAES место-LAT дойти-FUT-2SG
 ‘Ты дойдешь до той земли, до которой надо идти столько,
 что перелетная птица успеет семь раз снести яйца’. [Васи-
 левич 1966: 30]
- (61) *Īlī ŋenew-rī buga-wa bi sā-t'i-Ø-m-ŋen.*
 где **вести-PT.PRAES** земля-ACC я знать-STAB-PRAET_I-1SG-PTCL
 ‘Я знаю места, по которым можно провести (= которые
 следует показать)’. [Василевич 1966: 46]
- (62) *Si amŋa-s dō-lī-n amŋa-dū-s e-hī*
 ты рот-2SG нутро-PROL-3SG рот-DAT.LOC-2SG **NEG-PT.PRAES**
bat-ta ahī bi-hi-m!
поместиться-CONN женщина быть-PRAES-1SG
 ‘Я — такая женщина, что в твоём рту не помещусь’. [Васи-
 левич 1966: 57]
- (63) *Īlē-kegu hede-rī-tin beje-l-ti-ŋin*
 где-PTCL **перейти-PT.PRAES-3PL** человек-PL-INSTR-PTCL
kotor jēne-bira?
 ИС большая.река-река
 ‘Где могут перейти люди большую реку Котор (досл. Где
 переходима людьми большая река Котор)?’ [Василевич
 1966: 61]
- (64) *Ē-raki-n-kāt ōn-dā*
 что.делать-CONVB.COND.NON.COREF-3SG-PTCL как-PTCL
bi-hiki-n, degī-we
 быть-CONVB.COND.NON.COREF-3SG птица-ACC
d'ep-ne-d'e ete-rī-n buga
 есть-AND-N.ACT **прийти-PT.PRAES-3SG** местность
bi-t'ē-Ø.
 быть-PRAET_{II}-3SG
 ‘Как бы то ни было, это, оказывается, такое место, придя в
 которое, приходится птицей питаться’. [Василевич 1966: 52]
- (65) *Er beje “enī” guŋe-rī enī-n*
 этот человек мать.VOC **сказать-PT.PRAES** мать-3SG

āt'in bi-t'ē-Ø, "amī" gune-rī
 NEG.NOM быть-PRAET_{II}-3SG отец.VOC **сказать-PT.PRAES**
amī-n āt'in bi-t'ē-Ø.

отец-3SG NEG.NOM быть-PRAET_{II}-3SG

‘Не было у него матери, чтобы сказать «мама», не было у него отца, чтобы сказать «папа»’ (досл. ‘Не было у него мамой называемой матери, не было у него папой называемого отца’.) [Василевич 1966: 62]

Это же причастие без дуративного показателя может выступать не как атрибутивная, а как номинализованная форма глагола (66–77), в этом случае оно передает те же аспектуально-темпоральные и модальные значения, которые были перечислены выше применительно к атрибутивным употреблением этого причастия:

(66) *Edēje-l, erē ugū buga sōniḡi-l-tin ewī-kīt*
 друг-PL этот верхний мир богатырь-PL-3PL играть-PT.LOC
buga-dū-war umīp-tī-tin,
 местность-DAT.LOC-POSS.COREF.PL **собраться-PT.PRAES-3PL**
eme-rī-tin, ewī-nī-l-tin ineḡmēn
прийти-PT.PRAES-3PL играть-PT.PRAES-PL-3PL сегодня
ō-da-n.

статья-PRAET_I-3SG

‘Друзья, этого верхнего мира богатыри сегодня соберутся, придут и будут играть’ (досл. ‘...сегодня сбор, приход и игры наступают’). [Василевич 1966: 47]

(67) *Bi e-hī-w sā-ra āt'in.*
 я NEG-PT.PRAES-1SG **знать-CONN** NEG.NOM
 ‘Нет того, что было бы мне неизвестно!’ [Василевич 1966: 46]

(68) *Min-dū si ḡene-rī-s nāda āt'in-ḡan!*
 я-DAT.LOC ты **идти-PT.PRAES-2SG** надо NEG.NOM-PTCL
Bi mēn-mi sā-rī-t-pi
 я сам-POSS.COREF.SG **знать-PT.PRAES-INSTR-POSS.COREF.SG**
ajanna-d'aḡā-w!

путешествовать-FUT-1SG

‘Мне ни к чему знать, куда ты намереваешься идти! Я по своему разумению’ (досл. ‘тем, что сама знаю’) путешествовать буду’. [Василевич 1966: 43]

- (69) *Dōldī-kal-kat* *bi ulgut'ene-rī-we-w!*
 слушать-IMP2SG-PTCL я **рассказать-PT.PRAES-ACC-1SG**
 ‘Послушай, что я расскажу!’ [Василевич 1966: 45]
- (70) *Ḍenehine-rī-du* *belenne-ke!*
пойти-PT.PRAES-DAT.LOC готовиться-IMP2SG
 ‘Приготовься к поездке!’ [Василевич 1966: 33]
- (71) *Buga-lkān* *buga-lā-wi*
 место-НАВИТ_{II} место-LAT-POSS.COREF.SG
mut'u-rī-dū *elekin ḡ-dā-n.*
вернуться-PT.PRAES-DAT.LOC пора **стать-ПРАЕТ_I-3SG**
 ‘Настало время возвращаться домой’. [Василевич 1966: 49]
- (72) *Bi sine-we-ḡen ḡn-ka, ḡun-ne, nonopti*
 я ты-ACC-PTCL как-PTCL говорить-CONVB.SIMULT первый
bakaldī-rī-dū-war
встретиться-PT.PRAES-DAT.LOC-POSS.COREF.PL
e-t'ē-w *sine uha-t* *turēt-te.*
 NEG-ПРАЕТ_{II}-1SG ты.ACC плохой-INSTR говорить-CONN
 ‘Я тебя при <этой вот сейчас заканчивающейся> нашей пер-
 вой встрече, как ни говори, дурным словом не отругала’.
 [Василевич 1966: 43]
- (73) *Dōlt'āt-taki-n,* *araj*
 слушать-CONVB.COND.NON.COREF-3SG только
urke-dū-n *ēkūn-ka beje in-mi*
 дверь-DAT.LOC-3SG какой-PTCL человек ноша-POSS.COREF.SG
tikiw-rī-get'in *inḡū-re-n.*
уронить-PT.PRAES-SIMIL слышаться-ПРАЕТ_I-3SG
 ‘Прислушалась — у дверки звук раздался, как будто какой-
 то человек поклажу свою уронил’. [Василевич 1966: 52]
- (74) *Nuḡanmān bi wā-rī-dū* *wā-ksā,*
 он.ACC я **убить-PT.PRAES-DAT.LOC** убить-CONVB.ANTER
ulle-wē-n *d'eb-d'inḡē-w.*
 мясо-ACC-3SG есть-FUT-1SG
 ‘Когда я в битве его (<= медведя>) убью, мяса его поем’. [Ва-
 силевич 1966: 59]
- (75) *D'e,* *timātne dilat'ā jū-rī-dū-n*
 вот завтра солнце **выйти-PT.PRAES-DAT.LOC-3SG**

- is-t'aŋā-t.*
 достичь-FUT-1PL.INCL
 'Завтра долетим к тому времени, когда восходит солнце'.
 [Василевич 1966: 44]
- (76) *Kēj-ri-lā-wi* *ihi-Ø-nni.*
одолеТЬ-PT.PRAES-LAT-POSS.COREF.SG достичь-PRAET₁-2SG
 'Ты победы достиг'. [Василевич 1966: 24]
- (77) *Siwajba-wa* *baka-w-rī* *maŋa*
 свадебное.угощение-ACC **найти-PASS-PT.PRAES** трудно
e-t'ē *bi-hī.*
 .NEG-PT.PRAET быть-PT.PRAES
 'Угощение к свадьбе найти нетрудно'. [Василевич 1966: 54]⁵

С другой стороны, только что рассмотренным многочисленным и разнообразным употреблением причастия с показателем *-rī* без дуративного показателя семантически четко противопоставлены употребления глагольных форм, в которых этому причастному показателю предшествует показатель дуратива *-d'a*. Эти формы имеют значение одновременности (настоящего времени), ср. следующие примеры:

- (78) *Ēma* *buga-dū* *ajanna-d'a-rī*
 какой местность-DAT.LOC **путешествовать-DUR-PT.PRAES**
bi-hi-nni?
быть-PRAET₁-2SG
 'По какой местности путешествуешь?' [Василевич 1966: 21]
- (79) *Tādū* *togo-got'in-ŋu* *d'egde-d'e-rī* *mostā*
 там огонь-SIMIL-PTCL **гореть-DUR-PT.PRAES** площадка
bi-d'ijē-n.
 быть-FUT-3SG
 'Там будет пылающая, как огонь, площадка'. [Василевич 1966: 36]

⁵ Судя по тому, что в этом примере при глаголе с пассивным показателем употребляется прямой объект в винительном падеже, здесь мы наблюдаем образование причастной формы с безличным значением. Подобные безличные причастия есть в нанайском языке, причем они аналогичны данной эвенкийской форме и по функции, и по суффиксальной структуре. А именно, в нанайском языке безличные причастия образованы сочетанием пассивного показателя *-(e)o/-(e)u* с причастным показателем *-ri*, см. [Аврорин 1961: 84 и далее].

- (80) *Darakākī teget-t'e-rī* *ahākān-mi*
 рядом **сидеть-DUR-PT.PRAES** девица-POSS.COREF.SG
girkī-je-wi *baka-ksakān,*
 товарищ-ACC.INDEF-POSS.COREF.SG найти-CONVB.ANTER
ajakānd'i bi-dē-wer
 хорошо жить-CONVB.PURP-POSS.COREF.PL
n'eke-mī, *ehīle umūndū*
 собраться-CONVB.COND.COREF теперь вместе
bi-d'eṇē-t!
 жить-FUT-1PL.INCL
 'Вот, рядом сидящую девицу в друзья себе найдя, намереваясь хорошо жить, мы вместе теперь жить станем!' [Василевич 1966: 39]
- (81) *Eme-d'e-rī-wē-n* *it'et-te-n* —
приходить-DUR-PT.PRAES-ACC-3SG смотреть-PRAET₁-3SG
araj ehē.
 только медведь
 'Посмотрел на приближающегося — а это, оказывается, медведь'. [Василевич 1966: 59]

В то же время, отметим, что в восточных диалектах существуют колебания в отношении употребления этой причастной формы с теми глагольными основами, которые уже включают в себя показатель какого-либо имперфективного аспекта (колебания эти возможны в том случае, если показатель аспекта не является лексикализовавшимся, как он лексикализован, например, в паре глаголов *tege-* 'сесть' ~ *tege-t-* 'сидеть'). Такие причастные формы могут передавать значение одновременности и не имея в своем составе показателя *-d'a*. В этом случае имеет место эффект так называемой контекстной вытесненности: в том случае, если значение, передаваемое некоторым грамматическим показателем, уже выражено в контексте (в данном случае — «в морфологическом контексте»), употребление этого грамматического показателя блокируется. В то же время, глагольные основы с имперфективными показателями могут допускать употребление комбинации показателей *-d'a-rī*. Эта ситуация будет проиллюстрирована на примере глагольных основ с показателем статива *-t'a* (подробнее об этом показателе будет сказано ниже в статье). В трех приводимых нами примерах показатель статива обознача-

ет ддящуюся результирующую ситуацию, наступившую после совершения действия, названного производящим глаголом. В примере (82) причастный показатель *-rī* употреблен без предшествующего ему дуративного показателя, в примере (83) употреблена комбинация показателей *-d'a-rī*:

- (82) *Hōgi-ksākān, dolbohik dili-n*
отрубить-CONVB.ANTER волк голова-3SG
lokūt'a-rī-dū-n dilat'ā
висеть.STAT-PT.PRAES-DAT.LOC-3SG солнце
tikīptikī dili-ŋ-ŋi
в.сторону.захода голова-POSS.ALIEN-POSS.COREF.SG
loko-ro-n.
повесить-PRAET₁-3SG
'Отрубив, повесил мордой в сторону захода солнца на шесте, где висела голова волка'. [Василевич 1966: 61]
- (83) *Inme-kēn ō-ksākān dīkēn-t'e-d'e-ri*
игла-DIM статья-CONVB.ANTER **спрятаться-STAT-DUR-PT.PRAES**
dulin buga bugatir-in Hurugat'ōn
средний земля богатырь-3SG ИС
gun-mu-rī bukatir uhuk sēkse-n
сказать-PASS-PT.PRAES богатырь гнилой кровь-3SG
ur-dulē-n eme-re-n.
живот-LAT-3SG прийти-PRAET₁-3SG
'У прячущегося, после того как <он> превратился в иголочку богатыря средней земли, именуемого Хуругучоном, гнилая кровь в живот (=в желудок) пошла'. [Романова, Мыреева 1971: 48]

В западных диалектах эвенкийского языка причастная форма с сочетанием показателей *-d'a-rī* также представляет случай модифицирующей грамматикализации, однако соотношение форм с показателями *-rī* и *-d'a-rī* в этом случае несколько иное, чем в восточных диалектах: причастие с показателем *-rī* в западных диалектах употребляется крайне редко:

- (84) *Neŋi-rī-we tāken-me tukti-re-n.*
склониться-PT.PRAES-ACC лесина-ACC подняться-PRAET₁-3SG
'Поднялся на склонившуюся сухую лесину'. [Василевич 1966: 156]

- (85) *Bi bira d'apka-dū-n mat'āle-we*
 я река край-DAT.LOC-3SG беременная.самка-ACC
it'e-t'ē-w ure-rī-we
 видеть-PRAET_{II}-1SG **быть.похожим-PT.PRAES-ACC**
ēkun-ma-wal.
 что-ACC-PTCL
 'Я видел на берегу реки беременную самку, на кого-то по-
 хожую'. [Василевич 1966: 158]
- (86) *Bi ηēlet'i-ηne-Ø-m ewunki-t*
 я бояться-NAV.PRAES-PRAET_I-1SG поперечный-INSTR
ēsa-ta-ri-l-d'i.
глаз-USIT-PT.PRAES-PL-INSTR
 'Я боюсь поперечноглазых'⁶. [Василевич 1936: 17]

В этих немногочисленных примерах причастие с показателем *-rī* обозначает ситуации, не имеющие четкой временной соотнесенности. Формы с показателем *-d'a-rī* в западных диалектах, как и в восточных, обозначают одновременность, однако численное соотношение форм с показателями *-rī* и *-d'a-rī* в двух диалектных группах неодинаково: если в восточных диалектах причастие с показателем *-rī* употребляется достаточно часто, то в западных диалектах причастный показатель *-rī* в подавляющем большинстве случаев употребляется только в составе словоформ с показателем *-d'a-rī*.

- (87) *Tar digin d'ār beje-l nujanmān baka-ra-Ø*
 тот четыре десяток.PL человек-PL он.ACC найти-PRAET_I-3PL
d'olog-dū ā-d'e-rī-wa.
 каменистая.россыпь-DAT.LOC **спать-DUR-PT.PRAES-ACC**
 'Те сорок человек нашли его спящим на камнях'. [Василевич 1966: 152]

Следующий случай модифицирующей грамматикализации представлен формами с сочетанием показателей *-d'a-wkī*. Во всех эвенкийских диалектах форма с причастным показателем *-wkī* имеет финитные употребления, передавая в этом случае значение хабитуалиса (подробнее употребления этой формы рассматриваются далее в статье). Если же показателю *-wkī* предшествует дуратив-

⁶ Так в сказках западных эвенков звери называют людей.

ный показатель, то эта форма имеет итеративное значение (а также значение «настойчиво длящегося», т. е. интенсивного в широком смысле действия). В приводимых ниже примерах (88–90) представлены употребления хабитуальной формы с показателем *-wkī*, в примерах (91–97) — употребления формы с показателем *-d'a-wkī*.

(88) *Ūrēn-me kete ewenkī-l ulgut'ēn'i-wkī-l.*

ИС-АСС много эвенк-PL **рассказать-РТ.НАВ-PL**

‘Об Уроне много людей рассказывали’. [Василевич 1966: 158]

(89) *Ōmī-n aran-aran it'e-wu-wki, šamān*

душа-3SG едва-едва **видеть-PASS-РТ.НАВ** шаман

it'e-wkī.

видеть-РТ.НАВ

‘Душа еле видима, ее видел только шаман’. [Василевич 1966: 149]

(90) *Ūrēn bi-t'ē-n, beje hōniŋ bi-t'ē-n.*

ИС быть-PRAET_{II}-3SG человек сонинг быть-PRAET_{II}-3SG

Garpa-wkī-l nuŋan-mā-n — e-wkī-l

стрелять-РТ.НАВ-PL он-АСС-3SG NEG-РТ.НАВ-PL

wā-re. Ađaa-wkī,

убить-CONN увернуться-РТ.НАВ

garpa-rak-tin. Nuŋan beje-l-be

стрелять-CONVB.COND.NON.COREF-3PL он человек-PL-АСС

wā-wkī, nuŋan-mā-n e-wkī-l.

убить-РТ.НАВ он-АСС-3SG NEG-РТ.НАВ-PL

‘Жил Урон, <этот> человек был сонингом⁷. В него стреляли, но не убивали. Увертывался <он>, когда стреляли. Он убивал людей, его же — нет’. [Василевич 1966: 154]

(91) *Timānne dōldī-ra-Ō inetete: ēkūn-mal*

утром слышать-PRAET_I-3PL рано кто-PTCL

kuŋakān-ŋet'in un'a-d'a-pkī,

ребенок-SIMIL **качаться.в.люльке-DUR-РТ.НАВ**

soŋo-d'o-pkī.

плакать-DUR-РТ.НАВ

‘Рано утром слышали: кто-то, будто малое дитя, качается в люльке и плачет’. [Василевич 1966: 147]

⁷ Сонинг — искусный боец.

- (92) *Nuḡan beri-t-pi*
 он лук-INSTR-POSS.COREF.SG
adagu-d'a-na n'uri-l-ba-tin
 увертываться-DUR-CONVB.SIMULT стрела-PL-ACC-3PL
iktu-d'a-pkī.
бить-DUR-PT.НАВ
 ‘Он луком своим, увертываясь, отбивает стрелы’. [Василевич 1966: 157]
- (93) *Tar hurkekēn hute-n nuḡan-mā-n*
 тот парень ребенок-3SG он-ACC-3SG
teget-t'e-rī-we garpa-t'ī-l-la-n.
 сидеть-DUR-PT.PRAES-ACC выстрелить-STAB-INCH-PRAET₁-3SG
Garpa-t-t'a-wkī, hata
выстрелить-STAB-DUR-PT.НАВ еще
teget-t'e-ne, nuḡan
 сидеть-DUR-CONVB.SIMULT он
adaga-d'a-ra-n.
 увертываться-DUR-PRAET₁-3SG
 ‘Парень начал стрелять в сидящего. (Парень все) стреляет, (а Ховоко,) сидя, увертывается от стрел’. [Василевич 1966: 136]
- (94) *Tulīlē Ūrēn aha-ra-n, ganat'ī-l-da-n,*
 снаружи ИС гнаться-PRAET₁-3SG стрелять-INCH-PRAET₁-3SG
Uḡkēwul adagu-l-da-n. Alba-d'a-wkī
 ИС увертываться-INCH-PRAET₁-3SG **не.мочь-DUR- PT.НАВ**
garpat-t'a-mī.
 стрелять-DUR-CONVB.COND.COREF
 ‘На улице Урон погнался (за ним), начал стрелять, Унгковуль стал увертываться. [Урон] никак не мог попасть стрелой’. [Василевич 1966: 155]
- (95) *Jurgini ašī-n d'ū-duk-pi*
 ИС жена-3SG дом-EL-POSS.COREF.SG
hute-l-wi jūwū-t-te-n
 ребенок-PL-POSS.COREF.SG вывести-STAB-PRAET₁-3SG
tulīškī. Hunād'i-ḡī-tin tilemēt-t'e-wkī.
 наружу дочь-POSS.ALIEN-3PL **искать.вшей-DUR-PT.НАВ**
 ‘Жена Юргини из дома вывела вон детей. Дочь же продолжала искать вшей в голове мужа’. [Василевич 1966: 151]

- (96) *Deb-d'e-t'ē-n,* *deb-d'e-wkī.*
 есть-DUR-PRAET_{II}-3SG **есть-DUR-PT.НАВ**
 'Ест себе и ест'. [Василевич 1966: 32]
- (97) *Ėha-l-bā-n* *tumnī-d'a-pki,*
 глаз-PL-ACC-3SG **плевать-DUR-PT.НАВ**
tumnī-d'a-pkī *bole, e-lī-knen-in*
плевать-DUR-PT.НАВ PTCL NEG-INCH-CONVB.LIMIT-3SG
it'e-re.
 видеть-CONN
 'Плевал, плевал ему в глаза, пока тот не перестал видеть'.
 [Василевич 1966: 33]

Последний случай модифицирующей грамматикализации представлен в западных диалектах сочетанием дуративного суффикса с показателем деепричастия одновременности с показателем *-na*. В восточных диалектах, напомним, в этом случае имеет место свободная грамматикализация — см. примеры (30–40) выше. В восточных диалектах деепричастие одновременности с дуративным показателем обозначает действие более длительное, чем то, которое обозначено главным предикатом, в случае же простого деепричастия одновременности такого временного соотношения между ситуациями, обозначенными главным и зависимым предикатом, не наблюдается. В западных диалектах при любом типе одновременности этот деепричастный показатель обязательно сопровождается дуративным показателем (98–101). В том случае, если эта деепричастная форма употребляется без дуративного показателя, она обозначает в западных диалектах не одновременность, а непосредственное предшествование (вероятно, результат этой закончившейся ситуации должен быть наблюдаем — должен, так сказать, физически присутствовать — в момент обозначенной основным предикатом ситуации), см. (102–105):

- (98) *Mut'ū-d'a-na-l* *mōtī-wa*
возвращаться-DUR-CONVB.SIMULT-PL лось-ACC
it'e-re-Ø.
 увидеть-PRAET_I-3PL
 'Возвращаясь, увидели лося'. [Василевич 1966: 133]
- (99) *D'epi-t-t'e-ne* *ikte-ji*
есть-STAB-DUR-CONVB.SIMULT зуб-POSS.COREF.SG

- kaput-ta-n.*
 сломать-PRAET₁-3SG
 ‘Когда ⟨их⟩ ела, сломала зуб’. [Василевич 1936: 11]
- (100) *Bakad’a goro-wo anjanī-l in-t’ē-n,*
 ИС долго-ACC год-PL жить-PRAET_{II}-3SG
ewenkī-l-we aji-ηāt-t’a-na.
 эвенк-PL-ACC **лечить-???**-DUR-CONVB.SIMULT
 ‘Бакадя прожил много лет, леча людей ⟨эвенков⟩’. [Василевич 1966: 148]
- (101) *Kete-l-be tegē-l-be irgīt-t’e-ηki-n*
 много-PL-ACC сородич-PL-ACC растить-DUR-PT.НАВ.PRAET-3SG
bulta-d’e-ne, tari-t
охотиться-DUR-CONVB.SIMULT тот-INSTR
jerū-l-le-n.
 жидким.быть-INCH-PRAET₁-3SG
 ‘Многих сородичей выкормил он, охотясь, оттого ⟨его костный мозг⟩ жидким стал’. [Василевич 1966: 156]
- (102) *Dāmendreje eme-re-n, nuṅar-tin it’e-re-Ø,*
 медведь прийти-PRAET₁-3SG они-3PL видеть-PRAET₁-3PL
miše-re-Ø, gida-wā-n emē-ne.
 убежать-PRAET₁-3PL копьё-ACC-3SG **оставить-CONVB.SIMULT**
 ‘Медведь пришел, они увидели, убежали, бросив ее копьё’.
 [Василевич 1936: 23]
- (103) *Diṅnilē-ne n’ān umukēn guruka, n’ān*
пробежать-CONVB.SIMULT опять один плес опять
erihī-ne-n.
 крикнуть-PRAET₁-3SG
 ‘Пробежав еще один плес, опять крикнула’. [Василевич 1936: 8]
- (104) *Gētīkī-tin kupetu-l-lē ηene-re-n, ulukī-l-we,*
 каждый-3PL купец-PL-LAT идти-PRAET₁-3SG белка-PL-ACC
t’ipkā.r-wa emew-ne.
 соболь-PL-ACC **принести-CONVB.SIMULT**
 ‘Каждый пошел к купцам, принесся белок и соболей’. [Василевич 1966: 140]

- (105) *Beri-l-d'i-wer* *ijetē-ne-l*
 лук-PL-INSTR-POSS.COREF.PL **поднять-CONVB.SIMULT-PL**
dāgihi-ne-Ø.
 переправляться-PRAET₁-3PL
 'Подняв луки над головой, стали переходить реку'. [Васи-
 левич 1966: 155]

Тем самым, если суммировать приведенные выше наблюдения над грамматикализацией дуративного показателя *-d'a* в двух группах эвенкийских диалектов, получается следующая картина (см. Табл. 1).

В глагольной системе эвенкийского языка достаточно активно происходил процесс модифицирующей грамматикализации с участием дуративного суффикса. В результате образовались ряды параллельных грамматических форм, различающихся наличием / отсутствием дуративного суффикса. При этом формы с дуративным суффиксом последовательно обозначают ситуации, локализуемые во времени следующим образом: в случае финитной предикации это настоящее время, в случае зависимых форм это одновременность.

Процесс, названный здесь модифицирующей грамматикализацией, кажется достаточно интересным с точки зрения общей теории грамматикализации. Дело в том, что в данном случае дуративный показатель, встраиваясь в глагольную систему, провоцирует изменение значений других глагольных грамматических аффиксов. Насколько мне известно, примеры подобной «семантической реакции», в которую вступают несколько грамматических показателей, в рамках теории грамматикализации не были описаны. Дело в том, что эта теория прежде всего описывает грамматикализацию некоторого элемента *per se*, как некоторой изолированной единицы, претерпевающей определенные семантические изменения при включении в грамматическую систему. Представляется, что такой подход должен дополняться описанием «семантического движения» грамматических форм внутри грамматической системы. На мой взгляд, этот процесс принципиально отличается от процесса грамматикализации тем, что грамматическая система представляет собой систему семантических оппозиций, и включение в систему нового грамматического элемента неизбежно приводит к перестройке всех этих семантических

Грамматические формы	Восточные диалекты	Западные диалекты
Свободная грамматикализация		
<i>-t'ā</i>	прошедшее время	
<i>-d'a-t'ā</i>	дуратив + прошедшее время	
<i>-na</i>	деепричастие одновременности	<i>см. раздел про модифицирующую грамматикализацию</i>
<i>-d'a-na</i>	дуратив + деепричастие одновременности (обозначаемая деепричастием ситуация длится дольше, чем ситуация, обозначаемая главным предикатом)	
Модифицирующая грамматикализация		
<i>-ra</i>	прошедшее время	
<i>-d'a-ra</i>	(дуративное) настоящее время	
<i>-rakin</i>	условно-временное деепричастие предшествования	
<i>-d'a-rakin</i>	условно-временное деепричастие одновременности	
<i>-rī</i>	причастие без определенной временной соотнесенности — чаще будущее время либо ситуация без четкой временной локализации, в том числе гномическая либо потенциальная	крайне редко употребляемое причастие без определенной временной отнесенности ⁸
<i>-d'a-rī</i>	причастие настоящего времени	
<i>-na</i>	<i>см. раздел про свободную грамматикализацию</i>	деепричастие несредственного предшествования (возможно, подразумевается физически наблюдаемый результат)
<i>-d'a-na</i>		деепричастие одновременности
<i>-wkī</i>	хабитуалис	
<i>-d'a-wkī</i>	итератив либо настойчиво повторяющееся действие	

⁸ Возможно, в западных диалектах в данном случае мы наблюдаем уже лексикализовавшиеся формы причастий — ср. сходное отличие русских хабитуальных прилагательных (по происхождению причастий) типа *горячий, текущий* от современных причастий *горящий и текущий*.

оппозиций, затрагивая значение большинства элементов данного парадигматического ряда. Ранее я предложила отделять процесс семантического изменения грамматических аффиксов «со стажем» при включении в систему нового грамматического аффикса от процесса грамматикализации и называть последний «грамматическим дрейфом» (см. [Урманчиева 2008]; ср. также [Плунгян 2011: 88–93]). Дело в том, что грамматический дрейф, характерный для «старых» грамматических показателей, может давать иное изменение значений, нежели характерный для «новых» грамматических аффиксов процесс грамматикализации. Однако, говоря о грамматическом дрейфе, мы имели в виду прежде всего *парадигматические* взаимоотношения показателей. В случае же рассматриваемого эвенкийского показателя дуратива речь идет о *синтагматических* отношениях. В принципе теория грамматикализации подразумевает возможность семантического изменения неэлементарных грамматических единиц; речь идет о грамматикализации конструкций. Однако применительно к грамматикализации конструкций, насколько мне известно, не проводилась классификация возможных типов семантического взаимоотношения элементов внутри конструкции; обычно подразумевается лишь один, наиболее распространенный тип семантического отношения, при котором конструкция полностью или в значительной степени подвергается идиоматизации, и ее элементы утрачивают свою семантическую автономность.

Рассмотрим несколько подробнее возможные случаи грамматикализации конструкций в сфере глагольной грамматики (например, со вспомогательным глаголом). Здесь возможны, как кажется, два основных случая. В первом случае происходит «семантическое упрощение», идиоматизация грамматикализовавшейся конструкции, в результате чего грамматическое значение лишь формально выражается несколькими элементами, с семантической же точки зрения такая конструкция представляет собой единое целое: с одной стороны, вспомогательный глагол теряет свое лексическое значение (сохраняя определенные грамматические характеристики), с другой стороны — грамматическая форма главного глагола, внося определенный семантический вклад в значение всей конструкции как единого целого, утрачивает свое прямое значение, превращаясь в формальную базу такой грамма-

тикализовавшейся конструкции. Таковы, например, аналитические европейские перфекты. Естественно, элементы такой конструкции могут утратить свою самостоятельность и в формальном плане. Ср., например, весьма интересные с этой точки зрения формы орокского языка — в качестве примера будут рассмотрены формы глагола *ηene-* ‘идти’. Будущее время этого глагола имеет вид: *ηennē-le-mi* ‘я пойду’, где *ηennē* (< *ηene-ri) — форма причастия настоящего времени, к которой (вероятно, после опущения основы какого-то вспомогательного глагола) прибавлены аффиксы будущего времени *-le* и первого лица единственного числа *-mi*. Форма сослагательного наклонения от этого же глагола выглядит как *ηennē-le-hem-bi*, где к форме будущего времени (без личного показателя) прибавляется показатель причастия прошедшего времени *-hem* (< *-hen*) и личный аффикс первого лица *-bi*; вероятно, два последних аффикса исходно также прибавлялись к определенному вспомогательному глаголу, основа которого была опущена при трансформации аналитической конструкции в синтетическую. Таким образом, в форме *ηennē-le-hem-bi* скрыты две межсловных границы (вероятнее всего, исчезли они в разное время: сначала произошло «свертывание» формы будущего времени, к которой впоследствии был прибавлен еще один вспомогательный глагол в прошедшем времени для образования формы сослагательного наклонения):

[[[*ηennē*]_{причастие}+{*V*₁}-*le*]_{будущее время}+{*V*₂}-*hem-bi*]_{сослагательное наклонение}

Второй тип грамматикализации конструкций в сфере глагольной грамматики представлен так называемыми формами *прекращенного прошлого*. В этом случае к грамматической форме прибавляется аналитический показатель, определенным образом модифицирующий ее значение: этот показатель маркирует контраст, наблюдающийся между текущим положением дел и ситуацией, обозначаемой основным глаголом: эта ситуация точно прекратилась к моменту речи. Характерной особенностью показателей прекращенного прошлого является то, что они прибавляются к целому ряду глагольных словоформ, действуя как своего рода семантический оператор; при этом грамматическое значение основной глагольной формы *модифицируется* (то есть семантика такой конструкции не является аддитивной!), но не утрачивается.

Если пытаться рассматривать взаимодействие аффиксов при грамматикализации как своего рода «грамматикализацию конструкций» — конструкций, состоящих из морфем, — то окажется, что для них характерна прежде всего идиоматизация, то есть слияние аффиксов с утратой каждым из них собственного грамматического значения и образование в результате так называемого составного аффикса.

Что же касается грамматикализации имперфективного суффикса *-d'a* в эвенкийской глагольной системе, то с точки зрения семантического взаимодействия с другими аффиксами, он ведет себя скорее как семантический оператор, подобный оператору «прекращенного прошлого». А именно, образуется два параллельных ряда грамматических форм, в которых суффикс дуратива определенным образом модифицирует значение других грамматических показателей, придавая ситуации четкие временные контуры, привязывая ее к настоящему моменту.

Переходя к рассмотрению других показателей с имперфективной семантикой, отметим, что показатель дуратива принципиально отличается от них наличием особенно тесной семантической связи с грамматическими показателями времени и показателями причастий и деепричастий. Остальные имперфективные показатели в целом нейтральны по отношению к грамматическому оформлению глагольной словоформы.

1.2. *Статив -t'a*

Этот показатель имеет широкую инкомплетивную семантику: он выделяет в ситуации некоторую длящуюся фазу, при этом как длящаяся может рассматриваться собственно срединная фаза ситуации (статив-дуратив, см. примеры (106–110)), равно как и ее результат (статив-результатив, см. примеры (111–116)). Стативом данный показатель назван достаточно условно — значение его, говоря неформально, существенно более «выразительно»: во многих своих употреблениях этот показатель является скорее грамматической метафорой «замедленной съемки» или даже «стоп-кадра»⁹. Начнем с группы примеров, иллюстрирующих значение статива-дуратива:

---

⁹ Именно из-за этого эффекта «стоп-кадра» я остановилась на термине *статив*. Несмотря на то, что по типу совмещения значений

- (106) *Dēptiki ili-ksā,*
 напротив встать-CONVB.ANTER
porostilā-t'a-na, tikēn
проститься-STAT-CONVB.SIMULT так
guni-t-te-n: <...>
 сказать-STAB-PRAET₁-3SG
 ‘Встав против нее, прощаясь, так сказал: <...>’. [Василевич 1966: 20]
- (107) *Ēkūn-dulā helīn-t'e-d'e-nni?*
 что-LAT **спешить-STAT-PRAES-2SG**
 ‘Куда спешишь?’ [Василевич 1966: 43]
- (108) *D'e, satar hulī-t'e-wkē-kel!*
 INTER хотя.бы **согреться-STAT-CAUS-IMP2SG**
 ‘Хотя бы пусти меня погреться!’ [Василевич 1966: 45]
- (109) *Selergūn-sōniņ palka-wi*
 ИС-сонинг палица-POSS.COREF.SG
belennē-t'e-d'ere-n.
приготовиться-STAT-PRAES-3SG
 ‘Сэлэргун-сонинг готов к удару палицей’. [Василевич 1966: 61]
- (110) *Tikēn gū-ne-n beje ņene-re-n.*
 так сказать-PRAET₁-3SG человек идти-PRAET₁-3SG
Ďene-ksēkēn, n'ān-d'āt iktu-t'a-d'ara-n
 идти-CONVB.ANTER опять-PTCL **ударять-STAT-PRAES-3SG**
Mekīgdin-ma.
 ИС-ACC
 ‘Сказав это, парень <Мокигдын> пошел <к противнику Сэ-
 лергуну>. Когда он пошел, тот стоял наизготовку, чтобы
 ударить Мокигдына’. [Василевич 1966: 62]

В следующей группе собраны примеры, в которых глагольные формы с тем же суффиксом описывают состояние, наступившее в результате события, названного глагольной основой:

рассматриваемый показатель достаточно близок к инкомплетивным показателям, передающим одновременно прогрессивный и результативный аспекты, эвенкийский показатель *-t'a* отличается от «канонического» инкомплетива дополнительным семантическим компонентом стативности.

- (111) *Sōniŋ oluk-tu-wi*
сонинг ухо-DAT.LOC-POSS.COREF.SG
d'awu.t'a-d'a-na, turē-lkēn
взять.STAT-DUR-CONVB.SIMULT речь-НАВИТ_{II}
ō-d'ara-n <...>
статья-PRAES-3SG
‘Богатырь, держа себя за ухо, такую речь повел <...>’ [Васи-
левич 1966: 64]
- (112) *Urke-dū-n il-la-n. Tar*
дверь-DAT.LOC-3SG встать-PRAET_I-3SG тот
il-t'a-raki-n, umūn
встать-STAT-CONVB.COND.NON.COREF-3SG один
mata eme-re-n, “dorowo” gun-d'ere-n.
богатырь прийти-PRAET_I-3SG здорово сказать-PRAES-3SG
‘У дверей остановился. Пока он стоял, к нему подошел один
мата (= богатырь) и поздоровался’. [Василевич 1966: 73]
- (113) *Araj it'ehi-ne-n ajamat — er*
едва глянуть-PRAET_I-3SG хорошо этот
ēha-nd'ā-dū-n umūn tegerikta gara-nd'ā
глаз-AUGM-DAT.LOC-3SG один пядь сук-AUGM
mō lapku-t'a-d'ara-n.
дерево **засунуть-STAT-PRAES-3SG**
‘Взглянул хорошенько, а у того в глазу торчит сучок с пядь
величиною’. [Василевич 1966: 85]
- (114) *Tar dawarin.t'a-d'a-raki-n,*
тот **стоять.сбоку.STAT-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG**
munnukān-ŋan (?munnukān-nan) hetekēn-mu-t'ē-n.
заяц-PTCL (?заяц-COMIT) отскочить-VOLIT-PRAET_{II}-3SG
‘Пока тот, посторонившись, стоял, он убежал с зайцем’.
[Василевич 1966: 91]
- (115) *Er Umūslikēn-sōniŋ tar mō-nd'a tekēn-dū-n*
этот ИС-сонинг тот дерево-AUGM комель-DAT.LOC-3SG
dīkē-ne-n tar
спрятаться-PRAET_I-3SG тот
dīkēn-t'e-d'e-reki-n,
спрятаться-STAT-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG

sikse rāsnaĵ degī-l eme-l-le-Ø.
вечером разный птица-PL прийти-INCH-PRAET₁-3PL
‘Умусликэн-сонинг спрятался у комля этого огромного де-
рева. Когда он сидел в засаде, вечером стали прилетать раз-
ные птицы’. [Василевич 1966: 91]

- (116) *Amargut nuĵan-mā-n baka-ra-Ø*
после он-ACC-3SG найти-PRAET₁-3PL
ugdusīn-t'a-d'a-rī-wa.
влезть.куда.либо-STAT-DUR-PT.PRAES-ACC
‘Уже после нашли его спрятавшегося’. [Василевич 1966: 144]

1.3 Стабилитив -t/-t'i

Следующий суффикс из группы имперфективных — суф-
фикс *-t/-t'i* — передает достаточно необычное аспектуальное зна-
чение, которое я, по предложению А. М. Певнова, буду называть
с т а б и л и т и в н ы м. Это значение можно охарактеризовать сле-
дующим образом: описываемая ситуация длится так, что ее про-
текание является стабильным, занимая достаточно длительный
период времени, причем скорого прекращения этой ситуации
также не ожидается. Отмечу, что, несмотря на то, что эта форма
может маркировать и хабитуальные ситуации (примеры будут
приведены ниже), форма стабилитива нейтральна по отношению
к тому, по каким именно причинам ситуация обрела «стабиль-
ность» — в силу ли того, что она длится непрерывно в течение
долгого времени, или же в силу того, что она регулярно возоб-
новляется. То есть в данном случае важны не столько «темпо-
ральные контуры» ситуации, сколько именно стабильный харак-
тер ее протекания.

Вначале приведем примеры, в которых глагол с суффиксом
стабилитива употреблен в настоящем времени для обозначения
непрерывно длящейся стабильной ситуации. В этом случае форма
стабилитива может передавать значение, близкое к английскому
инклюзивному перфекту (Present Perfect Continuous): ‘действие
началось в прошлом и продолжается сейчас’:

- (117) *Ineĵi-we, dolboni-we girku-t'ī-Ø-m-ŋĕn.*
день-ACC ночь-ACC **ходить-STAB-PRAET₁-1SG-PTCL**
‘День и ночь я ухожу от погони’. [Василевич 1966: 22]

- (118) *Tar ilan d'ār anjanī-mak-tū*
 тот три десять.PL год-AUGM-DAT.LOC
ulī-t'i-Ø-m bi sine-we. Er tikin
кормить-СТАВ-PRAET₁-1SG я ты-ACC этот теперь
butu-t'i-Ø-nni.
болеть-СТАВ-PRAET₁-2SG
 'Уже 30 лет я кормлю тебя! А ты все болеешь'. [Василевич
 1966: 27]
- (119) *Goro-wo bakaldī-t'ā-duk-kar ōn*
 давно-ACC встретить-PT.PRAET-EL-POSS.COREF.PL как
n'ekejē-t'i-Ø-nni?
собираться-СТАВ-PRAET₁-2SG
 'Давно мы с тобой встречались, как ты путешествуешь
 <с тех пор>?' [Василевич 1966: 48]
- (120) *Beje-l kete-we in'e-t-te-Ø mine-we.*
 человек-PL много-ACC **смеяться-СТАВ-PRAET₁-3PL** я-ACC
 'Уже много люди надо мной смеялись'. [Василевич 1966: 27]

Однако форма настоящего времени с суффиксом стабилитива не обязательно предполагает, что ситуация началась задолго до момента речи и, соответственно, занимает достаточно большой период времени. В следующем примере суффиксом стабилитива оформлен глагол 'давать'. Данный событийный предикат, в принципе плохо сочетающийся с идеей протяженности во времени, употребляется с суффиксом стабилитива для обозначения следующей ситуации: взамен обещанной роду Хорболей невесты, неожиданно забеременевшей от другого, люди рода Чемдалей отдают другую девушку, настойчиво предлагая жениху согласиться на замену, однако Хорболи не желают ее брать:

- (121) — *Ē-d'a-s-kū,*
 — что.делать-FUT.INTERR-2PL-INTERR
bū-d'e-s-kū?
 дать-FUT.INTERR-2PL-INTERR
 — *Huŋtu-je bu-t-t'ere-w!*
 — другой-ACC.INDEF **дать-СТАВ-PRAES-1PL.EXCL**
 '— Что будете делать, отдадите <девушку>?'
 — Другую отдаем!' [Василевич 1966: 144]

В примере (120) выше суффиксом стабилитива оформлен глагол прошедшего времени *in'e-* ‘смеяться’. Ниже приведены еще несколько примеров, в которых употреблены глагольные формы прошедшего времени, содержащие суффикс стабилитива:

- (122) *Ur bōkatir ugīskēkī ugīr-re-n, bōkatir. Tikē*
 вот богатырь вверх поднять-PRAET_I-3SG богатырь так
ilan dolbonī-lkān ineḡi-l-be tandū-t-ta-n,
 три ночь-НАВИ_{II} день-PL-ACC **держать-СТАВ-PRAET_I-3SG**
garawū-t-ta-n.

перебрасывать-СТАВ-PRAET_I-3SG

‘〈Противника〉 богатырь поднял. Таким образом держал и перебрасывал его трое суток’. [Василевич 1966: 37]

- (123) *D'ūr-t'i ahī ahā-kān-dū*
 жилище-НАВИ_I женщина женщина-DIM-DAT.LOC
tujū-re-n. Ete-ksēkēr, nuḡar-tin
 угостить-PRAET_I-3SG закончить-CONVB.ANTER.PL они-3PL
ēkākān-me seherge-t-te-Ø, d'ūr ahī.
 мелочь-ACC **разговаривать-СТАВ-PRAET_I-3PL** два женщина
 ‘Хозяйка дома девицу угостила. Закончив, две женщины
 обо всем разговаривали’. [Василевич 1966: 45]

- (124) *Tar-kān-dulā ḡene-kēnim, hulakī*
 тот-DIM-LAT идти-CONVB.ANTER лиса
ḡipki-t'i-l-la-n. Ie
наблюдать-СТАВ-INCH-PRAET_I-3SG человек
hukulē-t-te-n, hukulē-t-te-n
лежать-СТАВ-PRAET_I-3SG **лежать-СТАВ-PRAET_I-3SG**
bolonī dolbonī-wā-n, d'emḡukin alba-ra-n
 осень ночь-ACC-3SG голодный **не.мочь-PRAET_I-3SG**
tere-t-t'e-mi —

выдержать-СТАВ-DUR-CONVB.COND.COREF

doḡoto-re-n.

замерзнуть-PRAET_I-3SG

‘Немного пройдя, лисица стала следить. Человек лежал, лежал в осеннюю ночь, голодный, не мог выдержать — замерз’. [Василевич 1936: 14]

- (125) *Moto-l-dū Ulbīmt'e sōniḡ bi-t'ē-n. Nuḡan*
 ИС-PL-DAT.LOC ИС сонинг быть-PRAET_{II}-3SG он

Kōrdujā-l-nun tugi-dē

ИС-PL-COMIT так-PTCL

garpa-t'i-māt'i-l-lā-n,

выстрелить-СТАВ-RECIPR-INCH-PRAET₁-3SG

oror-wo-tin d'eb-dē-wer.

олень.PL-ACC-3PL есть-CONVB.PURP-POSS.COREF.PL

‘У рода Момо сонингом был Ульбимчо. Он тоже затеял войну с Кордуялями, чтобы съесть их оленей (во время го-лода)’. [Василевич 1966: 136]

(126) *E-t'ē-wun wā-nā-d'e-re. Pat'akī*

.NEG-PRAET_{II}-1PL.EXCL убить-AND-DUR-CONN ИС

mēn-in wā-t'i-l-la-n.

сам-3SG **убить-СТАВ-INCH-PRAET₁-3SG**

‘Мы не приходили к ним биться. Сам Пачаки начал бой’.

[Василевич 1966: 140]

В последних трех примерах (124–126) суффикс стабилитива употребляется в сочетании с последующим инхоативным суффиксом *-l*. Такая комбинация морфем очень характерна для западных говоров эвенкийского языка. Вероятно, тут возникает определенного рода «грамматическая метафора»: для того, чтобы выделить в ситуации определенную фазу — в данном случае, начальную, — эта ситуация должна быть «растянута во времени», то есть представлена как длительная.

Приведем примеры других грамматических форм с суффиксом стабилитива:

(127) *Mit <...> e-t'ī-l-ti*

мы.INCL NEG-PT.TARD-PL-1PL.INCL

seherge-t-te.

разговаривать-СТАВ-CONN

‘(Выросши под светлым солнцем), мы до сих пор друг с другом не говорили’. [Василевич 1966: 50]

(128) *Si mine-we e-hī tokto-t-to*

ты я-ACC NEG-PT.PRAES стукнуть-СТАВ-CONN

ō-daki-s, bi sine-we ŋenew-d'ijē-w!

стать-CONVB.COND.NON.COREF-2SG я ты-ACC везти-FUT-1SG

‘Если ты меня не будешь бить, я тебя повезу на себе’. [Василевич 1966: 59]

- (129) *D'ūr tērī-ŋi-n ureje-l-dū*
 два пара-POSS.ALIEN-3SG ущелье-PL-DAT.LOC
ēkūn-ma-gū tiksu-t-mī,
 кто-ACC-INTERR **караулить-СТАВ-CONVB.COND.COREF**
ēkūn-ma-gū etēw-d'ere-s?
 кто-ACC-INTERR подждать-ПРАЕС-2PL
 ‘На двух сторонах ущелья карауля, кого вы ждете?’ [Васи-
 левич 1966: 61]
- (130) *Tar niŋan-mā-n uhe-re-n*
 тот он-ACC-3SG **устать-ПРАЕТ_I-3SG**
erī-t-t'e-mi. Kajatīn erī-d'eŋē-n?
звать-СТАВ-DUR-CONVB.COND.COREF как.долго звать-FUT-3SG
 ‘Устал он звать. До каких же пор звать будет?’
 [Василевич 1966: 32]
- (131) *Ugē-t-te-n dumajdā-t-mi.*
не.мочь-СТАВ-ПРАЕТ_{II}-3SG думать-СТАВ-CONVB.COND.COREF
 ‘Устал думать об этом’. [Василевич 1966: 62]
- (132) *Baran oron awdu-wa-dā irgi-t-t'ē*
 много олень.PL стадо-ACC-PTCL **растить-СТАВ-PT.ПРАЕТ¹⁰**
bi-hi-m.
быть-ПРАЕС-1SG¹¹
 ‘Много оленей (здесь) я вырастил’. [Василевич 1966: 73]
- (133) *Urī-ldī-re-Ø mata-l*
 статья.стойбищем-COMIT.VERBAL-ПРАЕТ_{II}-3PL мата-PL
e-ne-l šā-ldī-t-t'a-ra,
 .NEG-CONVB.SIMULT-PL **знать-COMIT.VERBAL-СТАВ-DUR-CONN**
urī-ne-dū-wer.
 статья.стойбищем-PT.PASS-DAT.LOC-POSS.COREF.PL
 ‘Остановились маты на одном стойбище, не признавая друг
 друга’. [Василевич 1966: 138]
- (134) *Sēktakān-d'i idakā-l-la-Ø, e-dē-tin*
 верба-INSTR бить-INCH-ПРАЕТ_I-3PL **NEG-CONVB.PURP-3PL**

¹⁰ К этому причастию восходит суффикс Praet_{II} -t'ā.

¹¹ Аналитическая конструкция, состоящая из причастия прошедшего времени и вспомогательного глагола *bi-* ‘быть’ в настоящем времени, имеет значение перфекта.

mēr-wer *gana-t-ta,*
сам.PL-POSS.COREF.PL **стрелять.из.лука-СТАВ-CONN**
aksa-mī.

поссориться-CONVB.COND.COREF

‘Начали их сечь розгами, чтобы, поссорившись, они не стреляли друг в друга’. [Василевич 1966: 141]

- (135) *Hī e-ηne-kel* *buli-ra,* *hata*
ты NEG-HAB.PRAES-IMP2SG тосковать-CONN еще
garpa-t-t'a-ηna-kal *nuŋar-ba-tin.*
выстрелить-СТАВ-DUR-HAB.PRAES-IMP2SG он.PL-ACC-3PL
‘Ты не пугайся, стреляй в них что есть мочи’. [Василевич 1936: 9]

Как уже упоминалось выше, стабилитив может также маркировать хабитуальные ситуации, причем разного рода. С одной стороны, стабилитив соотносится с такими ситуациями, которые целесообразно обозначить как «гномические» (в этом случае предложения с формой стабилитива являются утверждениями, справедливыми безотносительно к каким-то конкретным обстоятельствам). С другой стороны, некоторая ситуация может иметь хабитуальный характер применительно к какому-то конкретному персонажу в рамках конкретного повествования — для обозначения такого «ситуативного» хабитуалиса употребление стабилитива также уместно. Следует отметить, что несмотря на то, что гномическая хабитуальная ситуация включает и момент речи, в данном случае употребление показателя настоящего времени, как ни странно, не является необходимым (возможно, в силу того же эффекта «контекстной вытеснимости», о котором мы упоминали выше). В примерах (136–138) стабилитив употребляется для маркирования гномических хабитуальных ситуаций, в примерах (139–143) — для маркирования «ситуативного» хабитуалиса.

- (136) *Degi umukta-n nelki* *seslē-ne*
птица яйцо-3SG весной стайками.летать-CONVB.SIMULT
ηene-t-te-n-wit. *Bejŋē n'ān hute-t'ī*
идти-СТАВ-PRAET₁-3SG-PTCL зверь тоже ребенок-HABIT₁
ō-t-ta-n
стать-СТАВ-PRAET₁-3SG
‘Весной все птицы стайками летают и звери имеют детенышей’. [Василевич 1966: 19]

- (137) *Dulin Siwir dunne-dū huɣtutikīn dunne-l*
 средний ИС земля-DAT.LOC разный земля-PL
bi-t-te-Ø. Erget'in-ŋen e-hī
быть-СТАВ-PRAET_I-3PL такой-PTCL NEG-PT.PRAES
awgu-na awdanna-lkān, ilan halagī-lkān solko
 желтеть-CONN лист-НАВИТ_{II} три развилка-НАВИТ_{II} шелк
lekenne baldi-t-ta-n-iwit.
 дерево.лэкэннэ **расти-СТАВ-PRAET_{II}-3SG-PTCL**
 'На средней Сивир-земле есть различные места. Здесь рас-
 тут деревья-лэкэннэ с тройными стволами, с нежелтеющи-
 ми листьями'. [Василевич 1966: 51–52]
- (138) *N'ekē-ŋi-n gun-d'ere-n: «Beje-duk bī*
 соболь-POSS.ALIEN-3SG сказать-PRAES-3SG человек-EL я
sōmat ŋēle-Ø-m. Nuŋan n'ekē-l-we
 очень бояться-PRAET_I-1SG он соболь-PL-ACC
wā-t-ta-n».
убить-СТАВ-PRAET_I-3SG
 'Соболь говорит: «Человека я очень боюсь. Он соболей
убивает»'. Василевич 1936: 18]
- (139) *Tar dulgū-tin ūd'a-wa ŋenehi-ne-n. Tar*
 тот средний-3PL след-ACC пойти-PRAET_I-3SG тот
ŋene-ne-tin ūd'a-tin tar-tikī
 идти-PT.PASS-3PL след-3PL тот-DIR
iri-t-ta-Ø, beje mut'u-na-n —
волочить-СТАВ-PRAET_I-3PL человек вернуться-PT.PASS-3SG
ūd'a-n āt'in. Sō-l-dā hegdiŋē-l beje-l
 след-3SG NEG.NOM очень-PL-PTCL большой-PL человек-PL
ūd'a-l-tin bi-t'ē-l bi-t-te-Ø.
 след-PL-3PL быть-PT.PRAET-PL **быть-СТАВ-PRAET_I-3PL**
Beje ajannā-d'ara-n.
 человек путешествовать-PRAES-3SG
 'Отправился по средней тропе. На ней были следы шедших
 вперед и не было следов [ни одного] возвращавшегося че-
 ловека. Это были следы очень больших людей. Парень дви-
 гается дальше'. [Василевич 1966: 60]
- (140) *D'e, nuŋan bihem-dē jēne bira-dū*
 ну он TOPIC-PTCL большая.река река-DAT.LOC

- ōskē-d'ara-n-iwit.*   *Araj er bi-d'e-ne,*
расти-PRAES-3SG-PTCL   чуть этот жить-DUR-CONVB.SIMULT
d'ūr oro-t'ī   *bi-t-te-n.*   *Nī-dē*
два олень-НАВИТ₁   **быть-СТАВ-PRAET₁-3SG**   кто-PTCL
bū-ne-wē-n   *e-t'ē*   *sā-re.*
дать-PT.PASS-ACC-3SG   NEG-PT.PRAET   знать-CONN
'Живет она и живет на большой реке. Была она двухолен-
ной. Кто их (= оленей) дал, не знает'. [Василевич 1966: 82]
- (141) *Beju-mī-nun,*   *bejun-e*
охотиться-CONVB.COND.COREF-PTCL   зверь-ACC.INDEF
e-wkī   *wā-ra*   *e-hi-n*   *mut'a-na.*
NEG-PT.HAB   убить-CONN   NEG-PRAES-3SG   вернуться-CONN
Ḍuḡan ēmīdā   *wā-ksā,*
он   обязательно убить-CONVB.ANTER
eme-t-te-n.
прийти-СТАВ-PRAET₁-3SG
'Охотясь, зверя не убившим не возвращался. Обязательно
убив, приходил'. [Василевич 1966: 94]
- (142) *D'ep̄tilē-n — bejūn ulle-d'i-n.*   *Bejūn-me*
еда-3SG   зверь   мясо-INSTR-3SG   зверь-ACC
wā-mi,   *d'ebu-t-te-n,*
убить-CONVB.COND.COREF   **есть-СТАВ-PRAET₁-3SG**
e-mī   *wā-re —*
.NEG-CONVB.COND.COREF   убить-CONN
e-t-te-n   *d'ew-re,*
.NEG-СТАВ-PRAET₁-3SG   **есть-CONN**
omisi-t-ta-n.
голодать-СТАВ-PRAET₁-3SG
'Едой ему служило мясо дикого оленя. Если убивал — ел,
если не убивал — **не ел, голодал**'. [Василевич 1966: 96]
- (143) *Erkēn-tarkān bi-t'ē*   *bi-hi-n.*   *Nuḡan*
так-сяк   быть-PT.PRAET   быть-PRAES-3SG   он
bi-d'e-reki-n,   *gaki-dā*
жить-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG   ворона-PTCL
dō-ksākān,   *"gak" e-hi-n*
сесть(о.птице)-CONVB.ANTER   «гак»   NEG-PRAES-3SG
gun-d'e-re,   *kukēkī-dē*   *dō-ksākān,*
сказать-DUR-CONN   кукушка-PTCL   сесть(о.птице)-CONVB.ANTER

“*kuk*” *e-hi-n*   *gun-d'e-re*,
«кук» NEG-PRAES-3SG   сказать-DUR-CONN
wā-t-ta-n.

убить-СТАВ-PRAET₁-3SG

‘Он жил, поживал. Так когда он жил, ворона, сев, не могла сказать «гак», кукша, сев, не могла сказать «кук», ⟨всех⟩ **убивал**’. [Василевич 1966: 98]

Таким образом, если говорить о семантическом поле имперфективных нехабитуальных значений, то оно поделено следующим образом: показатель *-d'a* в своих собственно аспектуальных употреблениях передает наиболее нейтральное дуративное значение. Показатель *-t'a*, названный нами стативом, передает значение «устойчивой», не развивающейся ситуации; он создает эффект стоп-кадра, переводя динамические ситуации в разряд стативных; тем не менее, с точки зрения временной протяженности, такие стативные ситуации относительно недолговечны; это фиксация взгляда на определенной ситуации, которая как бы замерла в описываемый момент, но не стативность, обладающая значительной временной протяженностью. Значения стативного показателя делятся на две группы — это стативы-дуративы (зафиксирована срединная фаза ситуации) либо стативы-результативы (зафиксирована результирующая фаза ситуации). Наконец, последнее значение из данной семантической зоны — стабилитив. Показатель стабилитива используется для маркирования ситуаций, достаточно устойчивых во времени, имеющих стабильный характер протекания. Таким образом, в данной семантической зоне значения различаются прежде всего с точки зрения того, насколько обширный фрагмент ситуации вкладывается в поле наблюдения: наиболее «нейтральное» поле зрения представлено дуративом, более широкое — стативом и, наконец, стабилитив имеет окно наблюдения с наиболее широко раздвинутыми временными рамками.

1.4. Хабитуалис настоящего времени

Теперь перейдем к рассмотрению трех форм, специализированных на выражении хабитуального значения (в семантике каждой из этих форм, помимо хабитуальности, можно выделить дополнительные компоненты, разграничивающие употребление этих аспектуальных показателей).

Начнем с формы с показателем *-ηna*. Этот показатель передает значение хабитуального действия в настоящем времени. Интересно, что при этом показателем времени является показатель *-ra*, а не показатель *-d'ara* — то есть «синхронно» аспектуальный показатель *-ηna* в данном случае как бы замещает «исторически» аспектуальный показатель *-d'a* в составе презентного показателя *-d'ara*, и в данном случае значение настоящего времени передается комбинацией морфем *-ηna-ra*. С подобным же явлением мы сталкивались выше — в том случае, когда в глагольной словоформе употребляется показатель стабилитива, референция к настоящему времени передается такой словоформой также без участия показателя *-d'a*. В данном случае также наблюдается явление так называемой «контекстной вытеснимости» (см. [Плунгян 2011: 75–76]). Напомним, что под контекстной вытеснимостью понимаются такие случаи, когда грамматический показатель — в нарушение свойства обязательности — не употребляется в тех контекстах, в которых передаваемое им значение уже выражено иным способом.

Дело в том, что первоначально в глагольной системе эвенкийского языка показатель *-ra* употреблялся, вероятнее всего, как фактативный¹² показатель — а именно, со стативными и процессными глагольными основами (типа *ηene-* ‘идти’) он передавал значение (имперфективного) настоящего времени, а с событийными (типа *eme-* ‘прийти’) — значение (перфективного) прошедшего времени. Иными словами, показатель фактативного типа получает различное прочтение в зависимости от акционального класса основы. Подобным образом показатель *-ra* и сейчас употребляется, например, в родственном эвенкийскому негидальском языке (нег. *-ja* и другие алломорфы). В эвенкийском же сочетании имперфективного показателя *-d'a* с показателем *-ra* развилось в показатель настоящего времени, и тем самым исходная система с фактативным показателем была перестроена таким образом, что аспектуально-темпоральные значения стали выражаться независимо от акционального класса основы. Однако глаголы,

¹² Показатели с фактативным значением были впервые описаны В. Велмерсом [Welmers 1973] в глагольных системах ряда африканских языков; им же был предложен сам термин «фактатив». Подробнее о типологии фактатива см. статью А. Б. Шлуинского в настоящем сборнике.

в которых имперфективность не является «латентным», лексически обусловленным семантическим признаком, но, напротив, маркирована эксплицитно, при помощи одного из имперфективных показателей (показатель стабилитива *-t/-t'i*, хабитуальный показатель *-ηnā*), сохранили возможность выражать настоящее время при помощи одного показателя *-ra*. В данном случае как раз и имеет место так называемая контекстная вытеснимость: в процессе грамматикализации исходно имперфективный показатель *-d'a* еще не генерализовался настолько, чтобы распространиться в составе показателя настоящего времени и на те грамматические контексты, в которых употребляются семантически родственные ему показатели с имперфективной семантикой. Что же касается стативного показателя *-t'a*, то в его употреблении эффекта контекстной вытеснимости не наблюдается. Таким образом, статив входит с дуративом и стабилитивом в одно семантическое поле, но не в один парадигматический ряд. Напротив, показатель хабитуалиса *-ηna* входит с показателями дуратива и стабилитива в один парадигматический ряд, но в разные семантические поля.

Ниже приводятся примеры употребления показателя *-ηna*:

- (144) *Bi goro buga-duk*
я далекий местность-EL
ajannā-ηna-Ø-m.
путешествовать-НАВ.PRAES-PRAET₁-1SG
'Я из дальних краев путь держу (путешествую)'. [Василевич 1966: 45]
- (145) — *Ši ē-du ānηa-t'i-Ø-ndri?*
— ты что-DAT.LOC спать-STAB-PRAET₁-2SG
— *Bi ānηa.t'i-ηnā-Ø-m dōlā!*
— я спать-STAB-НАВ.PRAES-PRAET₁-1SG внутри.
Ši ē-du ānηa-t'i-Ø-ndri?
ты что-DAT.LOC спать-STAB-PRAET₁-2SG?
— *Bi nelge-du ānηa-t'i-ηnā-Ø-m,*
— я коряга-DAT.LOC спать-STAB-НАВ.PRAES-PRAET₁-1SG
eleptikīn d'ewu-ηnē-Ø-m
лесная.дичь **есть-НАВ.PRAES-PRAET₁-1SG**
mō-do-wi.
дерево-DAT.LOC-POSSCOREF.SG

— *Ō!* *eleptikī* *min-du* *ηēlemugdī.*
 — INTER! внезапно.вылетающий я-DAT.LOC страшный
 — *Bi ηēle-t'i-ηnē-Ō-m* *mugdekēn-d'ī*
 — я бояться-СТАВ-НАВ.PRAES-PRAET₁-1SG пень-INSTR
ewunikin ēša-l.

косой глаз-PL

‘— Ты где спишь?’

— Я сплю внутри (в дупле). Ты где спишь?’

— Я в коряжине ночую, внезапно вылетающих (птиц) ем
 в дереве.

— О! Внезапно вылетающие стра-ашные!

— А я боюсь пенька с поперечными глазами (= человека)?’.

[Василевич 1936: 16]

(146) — *T'aŋīt-pa* *it'e-t'ē* *bi-si-m.*
 — чангит-ACC увидеть-PT.PRAET быть-PRAES-1SG
Umūkēn-dulē *d'ū-lā-w* *d'uwū-gēt*
 один-LAT жилище-LAT-1SG перенести-IMP1PL.INCL
hulla-l-war.

одеяло-PL-POSS.COREF.PL

Gē *asī* *gū-ne-n:*

другой.из.двух женщина сказать-PRAET₁-3SG

— *Ēt* *upkat-ja*

— почему весь-ACC.INDEF

it'e-t'ī-ηne-Ō-s!

видеть-СТАВ-НАВ.PRAES-PRAET₁-2SG

‘— Я чангита¹³ видела. Давай перенесем наши одеяла в
 один чум!’

Другая женщина говорит:

— Почему вечно что-нибудь высматриваешь?’ [Василевич
 1966: 162]

(147) *Bi tar-gat'ī.r* *bejηē-l-we* *e-t'ē-w* *sā-re.*
 я тот-SIMIL.PL зверь-PL-ACC NEG-PRAET_{II}-1SG знать-CONN
B'i d'ūr alga-t'ī-wa *bejūkte-ηne-Ō-m.*
 я два нога-НАВIT₁-ACC **охотиться-НАВ.PRAES-PRAET₁-1SG**
 ‘Я таких зверей не знаю. Я на двуногих охочусь’. [Василе-
 вич 1966: 172]

¹³ Врага-иноплеменника.

«Степень хабитуальности» ситуации, обозначенной суффиксом *-ηnā*, может варьировать (примеры (148–153) ниже расположены «в порядке убывания хабитуальности»). Это может быть «полноценная» хабитуальная ситуация, как в (144–147) выше и в (148–150) ниже:

- (148) *Eré bi-t'ē-n*   *ile-l-dū*   — *n'uri-l-tin*
 это быть-PRAET_{II}-3SG илэ-PL-DAT.LOC   стрела-PL-3PL
mō-l-dū   *gōwsila-d'a-ηna-ra-Ø*.
 дерево-PL-DAT.LOC   **торчать-DUR-НАВ.PRAES-PRAET_I-3PL**
 ‘Это было у эвенков с самоназванием илэ — стрелы их торчат в деревьях’. [Василевич 1966: 145]
- (149) *Hōniη Epket'ēn mana-wki*   *bi-t'ē-n*
 сонинг ИС   прикончить-PT.НАВ   быть-PRAET_{II}-3SG
oki-ja-dā   *urine-hel.*   *Hōniη-l nonon*
 сколько-ACC.INDEF-PTCL   стойбище-PL   сонинг-PL   сначала
urēmket'i-ηne-re-Ø   *beri-l-ber,*   *tāduk*
сравнить-НАВ.PRAES-PRAET_I-3PL   лук-PL-POSS.COREF.PL   потом
garpa-t-māt'i-li-ηna-re-Ø
выстрелить-СТАВ-RECIPR-INCH-НАВ.PRAES-PRAET_I-3PL
oki-duk-kal   *girakta-l, guldi-kējimī-l.*
 сколько-EL-PTCL   шаг-PL   договориться-CONVB.ANTER-PL
Hegdenne-l-du-tin   *bi-ηne-re-n*
 спина-PL-DAT.LOC-3PL   **быть-НАВ.PRAES-PRAET_I-3SG**
n'ipt'ik. Tar n'ipt'ik-tu   *bi-ηne-re-Ø*
 колчан тот колчан-DAT.LOC   **быть-НАВ.PRAES-PRAET_I-3PL**
d'ūr-bel, ilan-mal n'amad'i-l n'uri-l tar
 два-PTCL   три-PTCL   сто-PL   стрела-PL   тот
n'uri-l-bar   *mana-knan*
 стрела-PL-POSS.COREF.PL   прикончить-CONVB.LIMIT
e-mī   *nawkā-ldi-ra,*
 NEG-CONVB.COND.COREF   попасть-COMIT.VERBAL-CONN
ajarāldi-wki-l.
 мириться-PT.НАВ-PL
 ‘Богатырь Опкочон прикончил немало стойбищ. Богатыри вначале сравнивали свои луки, потом начинали стрелять друг в друга с расстояния скольких-то шагов, договорившись. На спинах у них был колчан. В тех колчанах было две или три сотни стрел. Когда приканчивали те стрелы, не попавши друг в друга, — примирались’. [Василевич 1936: 94–95]

- (150) *Beje-l-we* *wā-ηne-re-n*
 человек-PL-ACC **убить-НАВ.PRAES-PRAET₁-3SG**
orokto-gat'in-ma. Šamā-šal jeje-re-Ø
 трава-SIMIL-ACC шаман-PL проклясть-PRAET₁-3PL
Šiktowul-wa, ēmat t'ipkār-e
 ИС-ACC никакой зверь-ACC.INDEF
e-ηne-re-n dagamā-re. Šiktowul
NEG-НАВ.PRAES-PRAET₁-3SG приблизиться-CONN ИС
d'ulū-duki-n ilaldra-duk t'ipkār-we¹⁴
 будущее-EL-3SG три.дня-EL зверь.PL-ACC
mēde-ηne-re-Ø,
узнать-НАВ.PRAES-PRAET₁-3PL
hukti-li-ηna-ra-Ø.
бежать-INCH-НАВ.PRAES-PRAET₁-3PL
 ‘⟨Шиктовуль⟩ убивал людей, как траву. Шаманы проклинали Шиктовуля, ни к какому зверю он не мог приблизиться. Звери узнавали о Шиктовуле за три дня, убежали’. [Василевич 1936: 86]

Ситуация может повторяться в течение достаточно короткого периода времени, например, в течение нескольких дней, как в следующем примере:

- (151) *Dunne-kēkun, aja-kākun, t'uka-t'ī, ile ūd'a*
 земля-AUGM хороший-AUGM трава-НАВIT₁ человек след
āt'in, ēkun-da āt'in.
 .NEG.NOM что-PTCL NEG.NOM
Bi-d'e-ηnē-re-n,
жить-DUR-НАВ.PRAES-PRAET₁-3SG
girku-d'a-ηna-ra-n. Tāduk
ходить-DUR-НАВ.PRAES-PRAET₁-3SG потом
it'e-re-n d'ū bi-d'e-re-n, ⟨...⟩
 видеть-PRAET₁-3SG жилище быть-DUR-PRAET₁-3SG
ahī bi-d'e-re-n ⟨...⟩. Hanηūkta-ra-n
 женщина быть-DUR-PRAET₁-3SG спросить-PRAET₁-3SG
niηan, ahī e-ηnē-re-n
 он женщина **NEG-НАВ.PRAES-PRAET₁-3SG**

¹⁴ Возможно, ошибочно записана форма винительного падежа.

dōldi-ra.   ⟨...⟩ *Ilalla-wa,*   *d'igille-we*   *beje*
слышать-CONN   три.дня-ACC   четыре.дня-ACC   человек
bi-d'e-t'ē-n,   *d'eptile d'epi-ηne-re-n.*
 жить-DUR-PRAET_{II}-3SG   еда   **есть-НАВ.PRAES-PRAET_I-3SG**
 “*Ēkun-d'ī d'eptile mana-wu-ηnā-re-n?*”
 что-INSTR   еда   **прикончить-PASS-НАВ.PRAES-PRAET_I-3SG**
gū-ne-n   *ahī.*
 сказать-PRAET_I-3SG   женщина
 ‘Землица очень хорошая, травянистая, следа человека нет,
 ничего нет. Живет, ходит. Потом увидел — дом стоит, ⟨...⟩
 женщина живет ⟨...⟩. Он спросил, а женщина не слышит.
 ⟨...⟩ Три, четыре дня жил, еду ел. «Почему еда кончается?» —
 говорит женщина’. [Василевич 1936: 35–36]

Это может быть ситуация, которая повторяется всего несколько раз, причем несколько раз подряд, как в (152):

(152) *Šerint'ē-we*   *wā-re-Ø,*   *uldre-wē-n*
 ИС-ACC   убить-PRAET_I-3PL   мясо-ACC-3SG
d'ig-d'i-ra-Ø,   *d'ig-d'i-ra-Ø*
 разрубить-DUR-PRAET_I-3PL   разрубить-DUR-PRAET_I-3PL
Šerint'ē   *n'ān*   *utunipi-ηne-re-n.*
 ИС   опять   **собраться-НАВ.PRAES-PRAET_I-3SG**
 ‘Шоринчо убили, тело его рубят, рубят, а Шоринчо опять
 собирается в одно’. [Василевич 1936: 89]

И, наконец, это может быть ситуация, которая занимает некоторый отрезок времени, в течение которого происходят другие события — ср. пример (153), где формы хабигуалиса от двух глаголов восприятия — *dōlt'at-* ‘слушать’ и *it'et-* ‘смотреть’ — обрамляют тот фрагмент повествования, в котором рассказывается, что именно увидела и услышала спрятавшаяся на дереве девушка¹⁵:

¹⁵ Так как этот отрывок фольклорного текста достаточно длинный, я опускаю глоссирование, ограничиваясь шрифтовым выделением глагольных форм, употребление которых призван проиллюстрировать данный пример. Для облегчения соотнесения эвенкийского текста и перевода все глагольные формы в эвенкийском тексте, исполняющие функцию финитного предиката либо деепричастия, снабжены записанными в нижнем регистре числовыми индексами, соответствующие номеру проставлены и в русском переводе. Аналогичным образом достаточно большие текстовые фрагменты будут размечаться и ниже в статье.

- (153) *Tadu teget'illen*[1] *dugēdu. Dōlt'att'āṅneren*[2], *nuṅanmān hewent'ēd'ekēne*[3], *wānāt'āl*[4], *kotot ut'ulāre*[5] *d'ūwān lupumnak, ahīwe ut'ulāra*[6]. *Tarīṅitin t'āṅjuherākin*[7], *gūne*[8]: “*Ke! kehegin, ehilē wārep*[9].” *It'ere*[10] *tarīṅjar, tariṅitin depe*. ⟨...⟩ *Taduk ahīwa ūd'awān gelēktere*[11] *togold'ī, bakara*[12] *hoktoliji, hurut'ē*[13] *amaskī, tarā ūd'ahina*[14] *togold'ī tarīṅitin, umukēndulē mōlā iskējim*[15], *hekeriwren*[16] *ūd'an. Murēli mujire*[17], *āt'in tariṅitin ūd'an, ilē-de ūd'an āt'in*. “*Nuṅanmān timātne bakad'ap*[18], *ilē-dē etēn*[19], *bakad'ap*[20] *timātna nuṅanmān*”. *Hurure*[21] *d'ūlāwer tarīl bejel. Ahī it'ett'eṅneren*[22] *mō duēdukin. Upkat āhit'ālātin*[23], *tarī ahī t'immenen*[24] *hiṅjiledulē*.

‘Там на вершине (наклоненной листовенницы женщина) села[1]. Служащий[2] — собравшись шаманить[3], пошли ее убить[4], прокололи[5] пальмой насквозь юрту, женщину прокололи[6]. Когда та затрещала[7], сказали[8]: «Ну, пусть мучается, теперь убили[9]». Посмотрели[10] ту, (а) та — гнилушки. ⟨...⟩ Потом след женщины искали[11] с огнями, нашли[12] дорогу, где она пошла[13] обратно; идя[14] с огнями по следу той, до одного дерева когда дошли[15], исчез[16] след. Кругом обошли[17], нет следа той, нигде нет следа. «Завтра найдем[18] ее, никуда не денется[19], найдем[20] завтра». Ушли[21] домой те мужики. А женщина-то **смотрит**[22] с вершины дерева. Когда все легли спать[23], женщина спрыгнула[24] в снег’. [Василевич 1936: 77]

Особый семантический сдвиг дает прибавление хабикулярного показателя *-ṅna* к отрицательным формам глагола (это имеет место по крайней мере в западных диалектах). В этом случае отрицательная форма глагола получает модальное значение *невозможности совершения действия* (ситуация при этом не обязательно является хабикулярной).

- (154) “*Kalan ete-kel!*”   *Kalan e-ṅne-re-n*
котел прийти-IMP2SG котел NEG-НАВ.PRAES-PRAET₁-3SG
ete-re   “*Kiṅ!*” *ō-da-n*   *ele*.
прийти-CONN   .I.D.E.O сделать-PRAET₁-3SG только
‘«Котел, приходи!» Котел не мог прийти, «Кинг!» только и сделал’. [Василевич 1936: 23]

- (155) *Amākā, tar-we-wel it'et-keḷ, huri-l-wi*
 дед тот-ACC-PTCL смотреть-IMP2SG ребенок-PL-1SG
tuksakta-d'ara-Ø, ḡn e-ḡne-Ø-ndri
 бегать-PRAES-3PL как NEG-HAB.PRAES-PRAET₁-2SG
it'e-re, it'et-keḷ, jonit-kal!
увидеть-CONN смотреть-IMP2SG всматриваться-IMP2SG
 ‘Дед, туда посмотри. там дети бегают, как же ты не видишь, посмотри, всмотрись!’ [Василевич 1936: 72]
- (156) *T'ikēn-d'i-reki-n Šintawul,*
 помочиться-DUR-CONVB.COND.NON.COREF-3SG ИС
Nara amargidā-du-n šegdendre-du-n
 ИС задняя.сторона-DAT.LOC-3SG спина-DAT.LOC-3SG
ult'amāt-t'a-ne. Šintawul
 вертеться-DUR-CONVB.SIMULT ИС
d'u-lā-wi ī-re-n, Nara
 жилище-LAT-POSS.COREF.SG войти-PRAET₁-3SG ИС
niḡan-nun-īn ī-re-n. Šintawul ēmat'
 он-COMIT-3SG войти-PRAET₁-3SG И.С ничего
e-ḡne-re-n til-dre.
.NEG-HAB.PRAES-PRAET₁-3SG **понять-CONN**
 ‘Когда Шинтовуль мочился, Нара за ним, за спиной у него вертелся. Шинтовуль в чум вошел, Нара с ним ⟨незаметно⟩ вошел. Шинтовуль ничего понять не может’. [Василевич 1936: 86]
- (157) *Tāduk upkat-pi ēruk-tin*
 потом весь-POSS.COREF.SG плохой-3PL
e-ḡne-re-Ø dēgde-re
NEG-HAB.PRAES-PRAET₁-3PL **выдержать-CONN**
ḡala-wā-n.
 рука-ACC-3SG
 ‘И все плохие ⟨олени⟩ не смогли выдержать ее руки’. [Василевич 1936: 40]
- (158) *Mine ḡēlem-du nē-Ø-nne hine*
 я.ACC грех-DAT.LOC положить-PRAET₁-2SG ты.ACC
ḡun-t'ē-w: e-ḡne-Ø-nne
 говорить-PRAET_{II}-1SG **NEG-HAB.PRAES-PRAET₁-2SG**

dōlt'at-ta, e-t'ē-s dōldi-ra mine.
слушать-CONN NEG-PRAET_{II}-2SG услышать-CONN я.ACC
 ‘Ты меня в грех ввел, я тебе говорила: ты не должен (никого слушать), <а> ты меня не послушался’. [Василевич 1936: 36]

Следует отметить также особенность употребления показателя *-ηnā* в императиве. Он может употребляться ожидаемым образом для маркирования хабитуального императива (см. (159–161)), но также и для маркирования отдаленного, или «отложенного» императива (см. пример (162)). В частности, очень характерным контекстом для употребления императивных форм с показателем *-ηnā* являются предложения, осложненные условно-временным деепричастием, которое указывает на то, когда именно должна наступить ситуация, описываемая императивной формой, см. также примеры (163–165).

(159) *Hurkēn kuḡākān-n'un ahātkan-ηan eduk d'ulēskī*
 юноша парень-COMIT девушка-PTCL отсюда вперед
e-ηne-ktin mekkus-te!
NEG-HAB.PRAES-IMP3PL ссориться-CONN
 ‘Парень с девицей с этих пор и впредь **пусть не ссорятся!**’
 [Василевич 1966: 81]

(160) *Luḡuri-du e-ηne-keldru girku-d'a-re,*
 ночь-DAT.LOC NEG-HAB.PRAES-IMP2PL ходить-DUR-CONN
ηēlemugdi.
 страшно
 ‘Ночью не ходите, страшно!’ [Василевич 1936: 53]

(161) *Hišegi-l-du*
 каменистый.берег-PL-DAT.LOC
d'erumki-li-ηne-ke! <...>
 отдыхать-INCH-HAB.PRAES-IMP2SG
Ešeḡeše-lē ηene-ηne-ke!
 наклоненное.дерево-LAT **идти-HAB.PRAES-IMP2SG**
 ‘Отдохни на камнях! <...> Пройди под наклоненным деревом!’ (т. е. не сейчас, а когда появятся подходящие условия — камни и наклонное дерево.) [Василевич 1936: 53]

(162) *Hulakī ērihi-naki-n,*
 лиса крикнуть-CONVB.COND.NON.COREF-3SG

- hu d'awu-ŋna-kaldu!*
вы откликаться-НАВ.PRAES-IMP2PL
 'Когда лиса крикнет, вы откликайтесь!' [Василевич 1936: 7]
- (163) *Halgar-bar hujē-l-ber*
 нога.PL-POSS.COREF.PL рана-PL-POSS.COREF.PL
ogo-rok-tin
 зажить-CONVB.COND.NON.COREF-3PL
buga-lā-war mut'ū-ŋna-kallu!
 местность-LAT-POSS.COREF.PL **вернуться-НАВ.PRAES-IMP2PL**
 'Когда раны на ногах заживут, возвращайтесь домой!' [Василевич 1966: 62]
- (164) *Diskī gū-nēki-w,*
 вверх.от.берега сказать-CONVB.COND.NON.COREF-1SG
diskī ō-ŋna-kal!
 вверх.от.берега **стать-НАВ.PRAES-IMP2SG**
 'Выше (от края скалы)! — если я скажу, подвинься повыше!' [Василевич 1936: 13]
- (165) *Ekun-mal uha ō-daki-n,*
 что-PTCL плохой стать-CONVB.COND.NON.COREF-3SG
mine-we ēri-ŋne-kel.
 я-ACC **звать-НАВ.PRAES-IMP2SG**
 'Что-нибудь плохое если случится, меня позови!' [Василевич 1936: 101]

Таким образом, в сфере императива наблюдается типологически достаточно необычное совмещение хабикуальности и временной дистанции.

Две следующие хабикуальные формы относят действие к плану прошедшего. Отличие этих форм от всех рассматривавшихся ранее состоит в том, что речь идет не о видовых аффиксах в составе различных модальных и временных форм эвенкийского глагола, как это имело место в случае дуратива, статива, стабилитива и хабикуалиса настоящего времени. Каждая из рассматриваемых ниже форм, восходящих к причастиям, целиком является отдельной формой глагольной парадигмы; при этом подавляющее число текстовых употреблений таких форм приходится на предикативную позицию.

1.5. *Хабитуалис прошедшего времени*

Первая форма — причастие с показателем *-wkī*. Особенность этого причастия состоит в том, что ни в атрибутивной, ни в предикативной позиции оно не принимает личных аффиксов. Из словоизменяемых показателей оно может присоединять в атрибутивной позиции только показатели падежа и показатель множественного числа *-l*, а в предикативной позиции — только показатель множественного числа *-l*. Ниже будут проиллюстрированы сначала атрибутивное, а потом предикативное употребление этого причастия. Интересно, что хабитуальный компонент в семантике формы с показателем *-wkī* обнаруживается прежде всего в случаях ее употребления в предикативной позиции. Что же касается атрибутивного употребления этой формы, то в таких — «ядерных» для причастия — контекстах показатель *-wkī* оформляет причастие не только с хабитуальным значением (см. (166–167)), но и со значением однократного прошедшего времени (168–169):

- (166) *Eme-ksē-l, niḡū-wkī-l*
 прийти-CONVB.ANTER-PL **кланяться-PT.НАВ-PL**
mō-ḡi-l-tin bi-d'ijē-n.
 дерево-POSS.ALIEN-PL-3PL быть-FUT-3SG
 ‘Там будет дерево, которому ⟨эвенки⟩, придя, поклоняются’. [Василевич 1966: 30]
- (167) *Bi digin-nun alga-t'ī-l-wa beḡḡē-l-we,*
 я четыре-PTCL нога-НАВИТ_I-PL-ACC зверь-PL-ACC
t'uni-wkī-l-we, sugīnekte-wkī-l-we,
свистеть-PT.НАВ-PL-ACC шипеть-PT.НАВ-PL-ACC
tugenī-we ātt'amār-wa
 зима-ACC спящий.PL-ACC
beḡḡkte-d'e-ḡne-Ø-m.
 охотиться-DUR-НАВ.PRAES-PRAET_I-1SG
 ‘Я только на четвероногих зверей — свистящих, шипящих и зимой спящих — охочусь’. [Василевич 1966: 172]
- (168) *Tari ašīlā-d'e-pkī e-t'ē-Ø*
 тот **жениться-DUR-PT.НАВ** NEG-PRAET_{II}-3SG
medūt'e-re, e-t'ē-Ø ḡēlūt't'e-re,
 предчувствовать-CONN NEG-PRAET_{II}-3SG бояться-CONN

pochem znat, girkī wa-d'e-n.

почем знать друг убить-FUT.INTERR-3SG

‘Тот женившийся ⟨парень⟩ не предчувствовал ⟨дурного⟩ и не боялся, откуда ему знать, что товарищ его убьет’. [Василевич 1966: 151]

- (169) *Kējī-ksākān,* *kētārī-wkī* *beje-we*
 победить-CONVB.ANTER **уступать-PT.НАВ** человек-ACC
 “*D’ū-lā-wi* *ḡene-kel!*”

жилище-LAT-POSS.COREF.SG идти-IMP2SG

guni-t-te-n.

сказать-STAB-PRAET₁-3SG

‘Одолев ⟨врага⟩, он сказал уступившему ⟨врагу⟩ человеку: «Ступай домой!»’ [Василевич 1936: 64]

Судя по примерам, особенность употребления этого причастия прошедшего времени состоит в том, что оно соотносится с ситуациями, уже известными из предтекста — тем самым, оно является атрибутом, тематическим по своей семантике. Употребляя такой атрибут, говорящий не сообщает новой информации, тем или иным образом характеризуя объект, а выбирает уже известное свойство этого объекта для его идентификации в дискурсе. Ср. следующий пример, где дается расширенный контекст для иллюстрации условий употребления этого причастия для обозначения однократных ситуаций в прошлом:

- (170) «*Er-ti ineymān ḡenewu-t’i-m.*» *Tar-ti*
 этот-PTCL сегодня везти-STAB¹⁶-1SG тот-PTCL
murin-d’i-war *ḡenehi-ne-Ø.*
 лошадь-INSTR-POSS.COREF.PL отправиться-PRAET₁-3PL
ḡenehini-ksēkēr,
 отправиться-CONVB.ANTER.PL
ajannā-d’a-ra-Ø *ilani. Meḡrunī etirkēn*
 путешествовать-DUR-PRAET₁-3PL втроем ИС старик
d’ū-lā-n *is-ta-Ø.* *Tar*
 жилище-LAT-3SG дойти-PRAET₁-3PL тот
iḡī-ksā-l, *tādū Ḫtanī bi-l-le-n.*
 дойти-CONVB.ANTER-PL там ИС жить-INCH-PRAET₁-3SG

¹⁶ Форма стабилитива может употребляться для обозначения будущего времени.

Bi-ksekēn, ur emewu-wkī ahī
 жить-CONVB.ANTER недавно **привезти-РТ.НАВ** женщина
amaskī mut'ū-t'a-Ø.

обратно вернуться-PRAET_{II}-3SG.

‘«Сегодня же отвезу!» Они отправились на лошадях. Отправившись, путешествовали втроем. Приехали домой к старику Мэнгруни. Когда они приехали, Отани стал там жить. Побыв немного, женщина, которая их привезла недавно, отправилась обратно’. [Василевич 1966: 81]

При употреблении в функции вершинного предиката причастие с показателем *-wkī* передает хабитуальное значение. В некоторых говорах в качестве вершинного предиката причастие на *-wkī* функционирует самостоятельно, в некоторых — в составе аналитической конструкции с вспомогательным глаголом *bi-* ‘быть’. Возможно также сочетание данного причастия с глаголом *ō-* ‘стать’ для передачи будущего времени:

- (171) *Nurgowul gerbi-t'ī hōniŋ, garpalān beje*
 ИС имя-НАВИ_I сонинг стрелок человек
bi-t'ē-Ø Nuŋan urine-l-e
 быть-PRAET_{II}-3SG он стойбище-PL-ACC.INDEF
mana-wki, bejetkēr-be wā-t'i-wki,
кончить-РТ.НАВ мальчик.PL-ACC **убить-СТАВ-РТ.НАВ**
ahatkār-be gā-wki men-du-ji.
 девочка.PL-ACC **взять-РТ.НАВ** сам-DAT.LOC-POSS.COREF.SG
 ‘Нюрговулем звался богатырь, стрелок был. Он стойбища разорял, мальчиков убивал, девочек к себе уводил’. [Василевич 1936: 92]

- (172) *Tār etirkēn hereke, e-t'ē-Ø N'urumn'a bi-šī.*
 тот старик чужой NEG-PRAET_{II}-3SG ИС быть-CONN
Hewekē hereke-je e-wkī wā-re,
 ИС чужой-ACC.INDEF NEG-РТ.НАВ **убить-CONN**
bulē-šel-wi wā-pkī.
 враг-PL-POSS.COREF.SG **убить-РТ.НАВ**
 ‘Тот старик чужой, не из рода Нюрумня. А чужеродцев Хо-воко не убивает, убивает только своих врагов’. [Василевич 1966: 133]

- (173) *Min-ŋet'in urine-l-e mana-wki*
 я-SIMIL стойбище-PL-ACC.INDEF **кончить-PT.НАВ**
ō-daji.
статья-IMP_{II}2SG
 'Будь как я, разорай стойбища' / [Василевич 1936: 93]
- (174) *Tari-t ěta-dā bejŋē-wa*
 тот-INSTR что-PTCL зверь-ACC
d'ulgīdē-lī-wi e-ne
 передняя.сторона-PROL-POSS.COREF.SG NEG-CONVB.SIMULT
ŋene-wkē-ne, wā-wkī bi-t'ē-n.
 идти-CAUS-CONN **убить-PT.НАВ быть-PRAET_{II}-3SG**
 'Он всякого зверя, перед собой не пропуская, убивал'. [Василевич 1966: 19]
- (175) *Nuŋar-tin bi-hik-tin, ilan d'ār*
 он.PL-3PL жить-CONVB.COND.NON.COREF-3PL три десять.PL
anŋanīmak-tū gē nekūn-in
 год.самый-DAT.LOC один.из.пары младший.брат-3SG
bumūrik huklē-d'e-wkī bi-t'ē-Ø
 больной **лежать-DUR-PT.НАВ быть-PRAET_{II}-3SG**
 «*Bumurik huklē-d'e-nne*» — *tar akīn-īn bihinne,*
 больной лежать-PRAES-2SG тот старший.брат-3SG TOPIC
niŋan-mā-n ulī-d'e-wkī bi-t'e-Ø.
 он-ACC-3SG **кормить-DUR-PT.НАВ быть-PRAET_{II}-3SG**
 'Так когда они жили, тридцать лет младший брат лежал
 больной. «Больной лежишь», — (говоря), кормил его стар-
 ший брат'. [Василевич 1966: 27]

1.6. Хабитуальное действие в прошедшем отдаленном

Третья форма, в значение которой входит хабитуальный компонент, оформляется показателем *-ŋkī*. Эта форма, также восходящая к причастию, сохранила следующие собственно причастные особенности:

1) в эвенкийских текстах, записанных Г. М. Василевич в Токме и на р. Ингаригде данная форма употребляется атрибутивно (и поселок Токма, и река Ингаригда расположены в Катангском районе Иркутской области; примеры представляют «секающе-хакающий» (Токма, Тутура) и «хакающий» (Ингаригда) говоры эвенкийского языка (по классификации Г. М. Василевич). О. А. Константинова указывает, что атрибутивные употребления

зафиксированы также в более южном, Качугском районе Иркутской области (Константинова 1964: 173); 2) В уже упоминавшихся текстах Г. М. Василевич, записанных в Катангском районе, а также в текстах, записанных Е. И. Титовым в Катангском (Тутура, секающе-хакающий говор) и Качугском (Карамо, секающе-хакающий говор) районах, эта форма, употребляясь предикативно, сохраняет причастные числовые показатели (-Ø в 3 лице единственного числа, -l в 3 лице множественного числа). Насколько можно судить по текстам, в других говорах, как западных, так и восточных, эта форма окончательно перешла в разряд финитных — как синтаксически (употребляясь только как вершинный предикат), так и морфологически (за ней закрепились лично-числовые показатели причастного ряда — -n в 3 лице единственного числа, -tin в 3 лице множественного числа). Интересно, что в причастных употреблении эта форма, так же, как и форма с показателем -wki, не имеет хабиутального значения, см. (176–177).

- (176) *Suru-re-n*   *ηene-d'a-ηki*   *hokto-li,*
уйти-PRAET_I-3SG   **идти-DUR-PT.НАВ.PRAET**   дорога-PROL
ηene-re-n   *goro-wo.*
идти-PRAET_I-3SG   далекий-ACC
'Отправился по дороге, по которой ходил раньше, ушел далеко'. [Василевич 1936: 98]

- (177) *Bargidā-du-n*   *nelgekē-we*
противоположная.сторона-DAT.LOC-3SG   коряга-ACC
it'e-t'ē-l   *amākā-we*   *hiti-l-be*
видеть-PRAET_{II}-3PL   медведь-ACC   гнилушка-PL-ACC
kapu-d'a-ηki-l-bā-n.
бить-DUR-PT.НАВ.PRAET-PL-ACC-3SG
'По другую сторону корягу увидели, медведя, гнилушки, им разбитые'. [Василевич 1936: 67]

Употребляясь в функции финитного глагола, форма с показателем -ηkī имеет в большинстве диалектов значение хабиутальной давнопрошедшей ситуации:

- (178) *Bilir, bilir eder*   *bi-ηehī-wi*
давно   давно   молодой   быть-CONVB.REM.PRAET-POSS.COREF.SG
bejūkte-ηkī-w.   *Bi-de*   *bejηē-we*
охотиться-PT.НАВ.PRAET-1SG   я-PTCL   зверь-ACC

- wā-ŋkī-w-ŋen.* *Sagdani-ksa,*
убить-PT.НАВ.PRAET-1SG-PTCL состариться-CONVB.ANTER
e-l-le-m *bejūkte-re.*
 .NEG-INCH-PRAET₁-1SG охотиться-CONN
 ‘Давно, давно, когда я был молод, я охотился, я зверя бил.
 Состарившись, перестал охотиться’. [Василевич 1966: 75]
- (179) *Bi-t’ā-n* *hegdi samān. Nuŋan*
 быть-PRAET_{II}-3SG большой шаман он
buni-l-e *aruwu-ŋki-n,*
 умерший-PL-ACC.INDEF **оживить-PT.НАВ.PRAET-3SG**
e-ŋki-n *utumkē-mēt-je*
NEG-PT.НАВ.PRAET-3SG один-‘даже’-ACC.INDEF
ile-je *bu-wka-na.*
 человек-ACC.INDEF **умереть-CAUS-CONN**
 ‘Был большой шаман. Он умерших оживлял, ни одному че-
 ловеку умереть не давал’. [Василевич 1936: 74]
- (180) — *En’i-nne on uguwu-ŋki-n* *hine?*
 мать-2SG как **сажать.верхом-PT.НАВ.PRAET-3SG** ты.ACC
 — *Ūt’akī-w* *ije-tkī-n* *dere-we-w*
 верховой.олень-1SG рог-DIR-3SG лицо-ACC-1SG
nē-ŋki-n *enī.*
класть-PT.НАВ.PRAET-3SG мать
 ‘— Как твоя (покойная) мать сажала тебя верхом?’
 — Лицом к рогам оленя сажала мать’. [Василевич
 1936: 66]

В приведенных примерах (178–180) хабитуальная ситуация не только относится к плану прошедшего, но и составляет контраст с текущим положением дел: из контекста либо «из общих соображений» известно, что эта хабитуальная ситуация прекратилась и более не имеет места. Ниже приводятся еще несколько примеров, в которых на первый план выходит именно значение контраста с текущим положением дел, а временная дистанция, отделяющая хабитуальную ситуацию от момента речи, оказывается не столь существенной. Приводимые в примерах ниже диалогические реплики оказываются реакцией на событие, которое, собственно, и прекращает ту хабитуальную ситуацию, которая описывается формой с показателем *-ŋkī*. Так, например, фраза в

(181) понимается следующим образом: ‘По моей земле до сих пор никто не ходил ⟨, а вот теперь ты пришел⟩’:

(181) *Er bi buga-lā-w ékūn-kat*
 этот я местность-LAT-1SG что-PTCL
e-ŋkī-n girkū-ra.
NEG-PT.НАВ.PRAET-3SG ходить-CONN
 ‘В мою землю ⟨до этих пор⟩ никто не захаживал’. [Василевич 1966: 90]

(182) *Nononpti-dū anŋanī-l-dū surakka-s-kat*
 прежний-DAT.LOC год-PL-DAT.LOC весть-ACC-2SG-PTCL
e-ŋkī-w dōldī-ra.
NEG-PT.НАВ.PRAET-1SG слышать-CONN
 ‘В прежние годы я о тебе ничего не слышал’. [Василевич 1966: 55]

(183) *Bi ojo-lī-w ékūn-dā āt'in —*
 я верх-PROL-1SG что-PTCL NEG.NOM
gunt'e-ŋkī-w.
думать-PT.НАВ.PRAET-1SG
 ‘Выше меня нет никого — ⟨так раньше⟩ думала’. [Василевич 1966: 81]

В нескольких говорах, распространенных в Качугском районе Иркутской области, эта форма, насколько можно судить по текстам, записанным Г. М. Василевич, и в особенности — Е. И. Титовым, является нейтральной хабитуальной формой прошедшего времени. В этих текстах она употребляется так, как в других говорах употребляется форма с показателем *-wkī*. Количество текстов, представляющих соответствующие говоры, не слишком велико, но в них форма с показателем *-wkī* мне не встретилась. Таким образом, можно предполагать, что в отсутствие конкуренции двух хабитуальных форм, имеющих референцию к прошедшему времени, форма с показателем *-ŋkī* не имеет тех дополнительных семантических компонентов, которые были проиллюстрированы выше в примерах (178–183). Примеры (184–185) ниже иллюстрируют указанное употребление формы с показателем *-ŋkī*.

(184) *Īdelā ānŋahi-na-Ø, gē hunāt*
 где ночевать-PRAET₁-3PL один.из.пары девушка

kolobo loku-ŋki.

хлеб **вешать-PT.HAB.PRAET**

‘Где останавливались на ночевку, там вторая девушка хлеб вешала’. [Василевич 1936: 81]

- (185) *Ere d'u ŋēluwka-t'i-ŋki dolbo-l,*
этот жилище **пугать-STAB-PT.HAB.PRAET** ночь-PL
e-keI, e-keI urke-we nī-re.
.NEG-IMP2SG NEG-IMP2SG дверь-ACC открыть-CONN
‘Эта юрта попугивает ночами, не открывай, не открывай дверь!’ [Титов 1936: 166]

Таким образом, оппозиции внутри семантического поля ха-
битуальности сформированы по признаку различной временной
отнесенности habituальной ситуации: показатель *-ŋnā* относит
хабитуальную ситуацию к настоящему времени, показатели *-wkī*
и *-ŋkī* относят habituальную ситуацию к прошедшему времени,
причем показатель *-ŋkī* имеет дополнительный семантический
компонент: ситуация относится к давнопрошедшему времени ли-
бо составляет контраст с текущим положением дел (значение так
называемого «прекращенного прошлого») ¹⁷.

2. Диалектные особенности дискурсивного употребления показателя стабилитива *-t/-t'i* и habituальных показателей *-wkī* и *-ŋkī*

В данном разделе будут рассмотрены дискурсивные упо-
требления имперфективных показателей, а именно, будут рас-
смотрены те их употребления, которые передают не собственно
аспектуальную семантику, но позволяют организовать текст в
единое целое, выделяя в нем фрагменты с различной коммуни-
кативной нагрузкой. Отметим, что в разных диалектных группах
дискурсивные функции сформировались у разных показателей:
например, в восточных диалектах в нарративе широко употреб-
ляется показатель стабилитива *-t/-t'i*, тогда как в западной группе
диалектов употребления этого показателя не выходят за рамки
собственно аспектуальных.

---

¹⁷ Объединение значений давнопрошедшего и прошедшего анну-
лированного в одном показателе — типологически достаточно харак-
терное явление.

2.1. Дискурсивные функции стабилитивного показателя *-t/-t'i*

Дискурсивные употребления характерны для стабилитива в восточных говорах (учурский, урмийский, амгуньский, чумиканский говоры по материалам Г. М. Василевич [Василевич 1966]). Форма стабилитива может употребляться для маркирования фоновых ситуаций, как в (186–187):

- (186) *Er beje bimi, dilat'ā tikiptikī it'ettekin, dilat'ā jūptutkīn it'ettekin, olus aja ηērī dunne it'ewu-t-te-n.*

‘Посмотрел в сторону захода солнца, посмотрел в сторону восхода солнца — красивая, светлая земля **видна**’. [Василевич 1966: 67]

- (187) *Kuhīnewi ūd'alīwi amaskī mut'ūd'aran. Ūd'alīwi mut'ūksākān, umūn bugadū sōma baran d'ū bit'ē bihin. Tādū adīkūn d'ū togo tīpū-t-ta-n. Tālā istan.*

‘Там, где бился, по своим следам пошел обратно. Когда он по своим следам некоторое время прошел, ⟨увидел, что⟩ в одном месте очень много чумов было. В некоторых чумах **шел дым** от костров. Он дошел туда’. [Василевич 1966: 73]

Фоновая ситуация может выступать также как хабикулярная, приобретающая стабильность на определенный период повествования, как в (188–189):

- (188) *Umūslīkēn-sōniη tūksad'ahint'en jūlten jūptutkēkīn. Ere beje ηenerīdūn d'oke mō tomkogot'in tomkowū-t-ta-n, hegdiη mō ηiηtemēdukwi ηiηtewū-t-ta-n.*

‘Умусликон побежал в сторону восхода солнца. От движения его маленькие деревья словно нити **извивались**, большие деревья с корнями **вырывались**’. [Василевич 1966: 90]

- (189) *Nuηartin kuhirīdūtīn tamnarīl tamnad'ara. Dolbonī ōd'akin, togogdo d'anū-t-ta-n, ineηī ōd'akin, tamnaksagda gulbū-t-te-n.*

‘Во время их боя туман расстилается. Ночью искры **сверкают**, днем туман **клубится**’. [Василевич 1966: 88]

Наконец, стабилитив используется в функции, которую я назвала бы панорамным изложением. В целом для подавляющего большинства нарративов типично так называемое секвентное изложение: цепочка предикаций соответствует цепочке сменяющихся

друг друга ситуаций, причем порядок предикаций соответствует хронологической последовательности описываемых ситуаций. При панорамном изложении нарратив как бы затормаживается, и описывается ряд параллельно происходящих ситуаций (190–191), в которых фигурируют различные субъекты, либо одна и та же ситуация описывается в различных своих аспектах, деталях (192–195). Так, в примере (192), после того, как рассказчик сообщает о том, что герой летел к месту игрищ, он рассказывает, каким именно был его полет, а в примере (193), после того, как рассказчик сообщает о том, что девушка пришла, он возвращается к обстоятельствам ее торжественного прихода:

(190) *Tar oronmo diginme wāt'al, badagar. Omolgīlin, hunīlin — bōkalīn butunnu umīwūksāl, hālditin mōja mōlā-t-ta, hālditin mūje mūlē-t-te, hālditin ullewe minē-t-te, hālditin ulē-t-te.*

‘Забили четырех оленей. Парни, девушки — слуги все собрались. Кто за дровами ходил, кто воду носил, кто мясо резал, кто мясо варил’. [Василевич 1966: 76]

(191) *Er Umūslīkēn-sōniṅ tar mōnd'a tekēndūn dīkēnen[1]. Tar dīkēnt'ed'erekin[2], sikse rāsnaṅ degīl emelle[3]. Er emeksēl[4], rāsnaṅ ewīnme ewī-t-te[5]: ṅī n'ōrt'arī — n'ōrt'a-t-ta-n[6], ṅī ikērī — ikē-t-te-n[7], ṅi istangalārī — istangalā-t-ta-n[8]. Erbēn sōniṅdūk umūkēme sōniṅ upkat ewīnd'i supti-t-ta-n[9] — Jūlten omolgin Garpawūlt'ān. Er ewīd'eneṅ sōniṅil bimī sōmnud'akāt'i-t-ta[10] <...> — gunnēl[11] sōkatte[12]. Er sōkātt'araktin[13], ugīskēkī Kidak dilganīn inṅūd'eren[14].*

‘Умусликэн-сонинг спрятался[1] у комля этого дерева. Когда он сидел в засаде[2], начали прилетать[3] разные птицы. Придя[4] [и став людьми], играли[5] в разные игры: борцы боролись[6], певцы пели[7], прыгуны прыгали[8] на двух ногах. Только один богатырь из такого количества богатырей во всех играх уступил[9] — сын Юлтони, Гарпавулчан. Играя, богатыри начали зазнаваться[10]. <...> — говорили[11], хвастаясь[12] они. Пока они хвастались[13], в небе раздалась[14] речь Кидак’. [Василевич 1966: 91]

(192) *Er Umūslīkēn meṅume ggkitkān ōksā, dilat'ā jūptutkēkīn degd'ehīnen. Er ṅened'ene, bolorīwān siṅksad'in sā-t-ta-n, tugerīwen saṅksad'in sā-t-ta-n, d'ugarīwān silēksed'in sā-t-ta-n.*

Er degd'ene, sōniṅ bimī, huṅtutikīr dunnewe iltenī-t-te-n. Targat'īn goro buga-wit ugū buga-wit. Deneksē, ṅeneksē ugū bugā ikēnd'ekkēn istan.

‘Умусликон стал серебряным ястребком, полетел в сторону восхода. Летя, он **узнавал** об осени по инею, о зиме **узнавал** по изморози, о лете **узнавал** по росе. Так он **пролетал** над разными землями. Уж очень большое пространство этот верхний мир! Летел, летел, наконец долетел до места игрищ в верхнем мире’. [Василевич 1966: 91]

- (193) *Hunāt, gennērektin, d'e, emeren. Umūn ahī elge-t-te-n, umūn ahī d'ulgidēdūn arpulī-t-ta-n. Emenedūn hunātpan d'ūr ṅaledukin d'awaksāl, tegewkēne.*

‘Когда за девушкой сходили, пришла она. Одна женщина ее под руку **ведет**, другая женщина впереди нее с опухалом **идет**. Взяв девушку за обе руки, усадили’. [Василевич 1966: 75]

- (194) ... *araj ēkūnduk-tā haktirā dunnedū ṅened'eren-ṅu, ēd'aran-ṅu. Dened'erīwi et'ē sāra. Araj sēnin kugune-t-ten. Beje ajamat ujdeksē, it'ehinen.*

‘... движется он по какой-то темной земле. Не может понять, куда движется. Только свист в ушах **раздается**. Парень пришел в себя, осмотрелся’. [Василевич 1966: 77]

Ниже приводятся еще несколько примеров, в которых показатель стабилитива маркирует нарушение последовательного изложения:

- (195) *Tar jand'a ojolōn tūktīksē, derūmkīd'eren. Tar d'erūmkīd'ene, dunnewe munnī-t-te-n. “Bira derēn tawālā bihin. Tar bira daptunin tālā bihin” — tikē gunne, it'et'i-t-te-n. D'e, beje bimī, teget'īksēkēn, d'erūmkīt'īksēkēn, illan, ṅenehindēwi n'ekeren.*

‘Поднявшись на вершину, отдыхает там. Отдыхая, **осматривал** местность. «Вон там исток реки. А там устье этой реки», — так говоря, **смотрел кругом**. Посидев, отдохнув, он встал, собрался идти’. [Василевич 1966: 21]

- (196) *Tiken gunne, eteren turēt'īksē. Umūntin ehin turette, d'ulesskēkī teget'i-t-te-n, tak dōlt'āt'i-t-ta-n. D'e, nuṅartin sikserwe d'ebgēwer d'epte. D'ebuksēkēr, āhina. Timātna erde tegere.*

D'ebgēwer d'epte, n'an mērdūwer ulē-t-te. Tar ahī bimī d'eptēwi eteren, tigewi kamujran.

‘Девица речь закончила. Одна из них ничего не говорила, **сидела**, [смотря] вперед, и **слушала**. Вот они поужинали. Поели, легли спать. Утром рано встали. Позавтракали, опять сами себе порознь **сварили**. Эта женщина кончила есть, собрала посуду’. [Василевич 1966: 51]

- (197) *Tāduk n'ehējīlwer awuksāl, Garpawult'ān bugalān ηenehint'ē-tin. Nonoptidūn sōniηnil ηenehinnedūtīn d'ūr jegin agdī agdī-tan, bōkta bōka-t-tan, targat'īn turgēnd'i ηene-t-te er sōniηil.*

‘Омыв пот, они отправились в места Гарпавулчана. Когда они шли, гром **гремел** дважды по девять раз, град **шел** — так быстро **шли** богатыри’. [Василевич 1966: 92]

- (198) *D'e, er sōniηilkān awahī kusīlt'ētīn. Awahīnd'ā Umūslikēnme umnēt ehīn nāwkāna. Urāksā, mugdēkērwe hōkilmīgda kolto-t-to-n.*

‘Вот, враг-авахи и сонинг начали кулачный бой. Авахи ни разу не удалось ударить Умусликона. Промахиваясь, он ударами кулака **раскалывал** пни’. [Василевич 1966: 93]

2.2. Дискурсивные употребления хабитуального показателя *-wki*

Дискурсивные употребления этого показателя зафиксированы в двух диалектных группах, причем дискурсивные функции форм с показателем *-wki* различны в этих двух группах. Наибольшая «дискурсивная экспансия» показателя *-wki* наблюдается в фольклорных текстах, записанных Г. М. Василевич на реке Чульман и в пос. Бомнак. В этих текстах форма с показателем *-wki* используется в так называемой секвентной функции: это базовая, наиболее частотная форма в нарративе, которая используется для обозначения ситуаций основной линии повествования. Ср. ниже достаточно большой фрагмент текста, в котором повествование ведется в форме с показателем *-wki*:

- (199) *Er enīnnunmi, amīnnunmi purostilāwki[1], ηenehiniwki[2] Huruget'ēn. D'e, tar Huruget'ēn ηened'ewki-dē[3], ηened'ewki[4], dolbonīwa ηenewki[5], ineηiwe. D'e, tar ηenekse, ηenekse, mentikīwi gunīwki[6]: “Hergū bugaduk emet'ē bihikiw, tiηilēktūw tukalā namarat'ā bid'īηēn” — gunne, it'ewki[7] tiηilēkwi — tiηilēktūn tukala āt'īn biwki[8]. Tāduk gūniwki[9]: “Dulin dunne*

ojolīn emet'ē bihikiw, arbagahiw huŋmalbi semkenetin bid'ijēn”, — *gunne, it'ewki*[10] — *arbagahin umnēt semket'ē biwki*[11]. *D'e, tar ŋeneksē meŋumēnd'ē d'ūlā ihiwki*[12]. *Tar emeksē d'ūlā, urkewēn nīksewki*[13] — *ewki*[14] *ōn-da nīre. Huruget'ēn, t'iwkāt'ān ōksā, mōnd'adū dōt'awki*[15]. *It'ett'ene awahīŋkūr-sōniŋ mōlād'awki*[16], *mōwa d'ūlā īwuliwki*[17]. *Tar awahīnd'ā d'ūwi urkewēn nīwki*[18]. *Tar n'īmurekin, Huruget'ēn, dīlkēn ōksā, d'ūlā īwki*[19]. *Tar īkse d'ūtīn dōdūn bilīwki*[20].

‘**Попрошался**[1] Хуругочон с отцом и матерью и **отправился**[2] в путь. **Шел**[3] Хуругочон, **шел**[4], ночью **шел**[5] и днем. Идя, **подумал**[6]: «Если бы я с нижней земли пришел — на пятках у меня была бы глина», думая так, **взглянул**[7] на свои пятки — на пятках глины **не было**[8]. Потом **подумал**[9]: «Если бы я со средней земли пришел, мой старый кафтан сносился бы» — думая так, **взглянул**[10] — а кафтан его уже **сношен**[11]. Идя, **дошел**[12] он до серебряного дома. Придя к дому, **попробовал открыть**[13] дверь — **не открыл**[14]. Хуругочон, превратившись в птичку, **сидел**[15] на дереве, глядя, как богатырь-авахи дрова **рубят**[16], дрова у дома **кладет**[17]. Тот громадина-авахи **открыл**[18] дверь своего дома. Когда дверь открылась, Хуругочон, став мухой, **влетел**[19] в дом. Влетев, в их доме **стал жить**[20]’. [Василевич 1966: 115]

В следующем примере видно, что форма с показателем *-wki* используется именно в секвентной функции. В данном примере приводится начало фольклорного текста. Повествование (история двух братьев) в этом тексте предваряется достаточно длинной предысторией. Во многих языках такой фрагмент, носящий вводный характер, отделяется от основного повествования за счет использования специальных глагольных форм; в этом случае принято говорить о специальной интродуктивной функции. В данных эвенкийских текстах в интродуктивной функции используется форма с показателем *-t'ā*, которую я в данной статье глоссировать как второе прошедшее время. В примере (200) первые предложения, носящие характер интродукции, содержат глагольные формы с показателем *-t'ā* (глагольные формы 1–15), и только когда повествование переходит непосредственно к истории Алтанэя и Тывьенэя, в тексте появляются глагольные формы с показателем *-wki* (глагольные формы 16–18):

(200) *Elekes bid'ekīl ed'īgīnikin ēkūn-ka emet'ē[1]. Arāhinaj on'ot'ī nikī birakjālī emet'ē[2]. Tara er hunāt gat'ā[3], nikīwe ewikēntēt'ē[4]. Tar n'eked'et'ēlēn, araj degī emet'ē[5]. Emet'ē-dē[6], d'ūn dagīdādūn dōksāk. Tar it'ettekin, Meksewul degī bit'ē[7]. Tar hegēne hawalt'ā[8], hunāt dōlt'ātt'arakin. Tar degī hegēlt'ē[9]: <...>. Tar deginīn degilt'ē[10]. Tar degilt'ēlēn, beje emet'ē[11]. Tar emehē, tar tuhakikāne būt'ē[12] hunāttū. "Bi sinewe hurubd'ijēw," — gult'ē[13]. Ewīkēne buhē, huruwt'ē[14].*

Tiwjēnej bejūd'et'ēn[15] Altānejnun. Tar bejūhēl Tiwjānej umūn tōkīwa garpawki[16]. Tāduk tōkīwa higd'erektin, hegēn id'ewki[17]. Altānej gunīwki[18] Tiwjānejwa: <...>

‘Давно в начале жизни кто-то **пришел**[1]. С низовья вдоль реки пестрые утки **пришли**[2]. Утку девушка **поймала**[3] и **начала** с ней **играть**[4]. Потом, когда она играла, птица **прилетела**[5]. **Прилетела**[6], опустившись неподалеку от дома. Когда девушка взглянула — оказалось, что это **была**[7] птица Моксовул. Когда девушка прислушалась, птица **запела**[8]. **Запела**[9] птица: <...>. Птица **улетела**[10]. Когда птица улетела, **пришел**[11] мужчина. Придя, **дал**[12] девушке зайца. «Я тебя уведу», — **сказал**[13] он. Дав игрушку, **увел**[14].

Тывьенэй **охотился**[15] с Алтанэем. Охотясь, Тывьенэй **убил**[16] лося. Когда он свеживал лося, **послышалось**[17] пение. Алтанэй **говорит**[18] Тывьенэю: <...>’ [Василевич 1966: 117–118]

В целом два приведенных выше примера дают представление об употреблении формы с показателем *-wki* в текстах, записанных Г. М. Василевич на р. Чульман. Однако следует отметить, что представленная в этих текстах нарративная стратегия оказывается не всегда настолько проста: в ряде случаев при изложении событий основной линии повествования цепочка форм с показателем *-wki* может прерываться формами второго прошедшего времени с показателем *-t'ā*, формами первого прошедшего с показателем *-ra* либо формами настоящего времени с показателем *-d'ara*. К сожалению, мы не располагаем достаточным количеством текстов для того, чтобы делать определенные обобщения в отношении тех тенденций, которыми регулируется употребление всех глагольных форм в рамках данной нарративной стратегии.

В диалектах западной группы употребление формы с показателем *-wkī* в нарративе диаметрально противоположно ее употреблениям в текстах, записанных на Чульмане. Если в текстах, записанных на Чульмане, финитные употребления хабитуального причастия соотносятся с событиями основной линии повествования, в западных диалектах эта форма соотносится с ситуациями, нарушающими порядок изложения.

Порядок изложения может нарушаться прежде всего в следующих случаях:

— это может быть комментарий-дополнение — разрыв нарративной цепочки «запоздавшим» сообщением о некоторой предшествующей ситуации, о которой рассказчик не упомянул вовремя, см (201–206):

- (201) *Loŋko āšīn šamān bit'ēn*[1], *D'eke gerbin. Loŋkowo wāre*[2] *N'urumn'al. Ašīlān emere*[3]. *Tādū ulgut'ēmēt'ille*[4] *N'urumn'al. Šamāriktal ememī ašīwan D'ekewe it'ere*[5], *tākendū tegett'erīwe. It'ett'ere*[6] — *D'eke melkēnen*[7]. *Tegett'ēktūn atakī tutukted'eren*[8]. *N'urumn'al ēwā-da albara bakamī*[9]. *Atakī bid'epkī*[10] *d'ūldulāwer ŋenuštelētīn.*

‘Жена Лонгко, по имени Деко, **была**[1] шаманкой. Нюрумняли **убили**[2] Лонгко. **Пришли**[3] к его жене. Нюрумняли **начали разговаривать**[4]. Но только одни шаманы **увидели**[5] Деко, сидящую на колоде. **Увидели**[6], что Деко **превратилась**[7] в шаманского духа. На том месте, где она сидела, **ползает**[8] паук. Нюрумняли ничего **не смогли найти**[9]. А паук **был**[10] только до тех пор, пока они не ушли домой’. [Василевич 1966: 132]

- (202) *Herkewd'erī wāmud'apkīwa purtatpi ut'ilēren*[1]. *Urāren*[2]. *Urāmī, wāmud'epkī tulŋūšinen*[3], *šuptidāwi. Tulŋud'ene, pektirēwūnmi gad'apkī*[4].

‘Перевязывавший (раненому голову) **ударил**[1] ножом того человека, который пытался убить его. Но **промахнулся**[2]. Когда он промахнулся, несостоявшийся убийца **бросился бежать**[3] на лыжах, чтобы скрыться. Уходя на лыжах, он **взял**[4] ружье’. [Василевич 1966: 149]

- (203) *Buššed'erī timānne aja ōdan*[1]. *Girkuktald'an*[2] *unememe, eteksē bumud'emī. D'eptilēji d'ewullen*[3] *ajat. D'ejerek eŋnekēnne lokopkī*[4], *törgāje lokopkī*[5].

- ‘Больной наутро **поправился**[1]. Перестав болеть, утром же **начал ходить**[2]. **Есть стал**[3] хорошо. <Лечившая его шаманка> Деерок **повесила**[4] <на дерево жертву —> теленка, **повесила**[5] и кусок ткани’. [Василевич 1966: 150]
- (204) *Munḡılwe d'alwawun manat'āl*[1] *mundū ulgut'ēnen*[2] *umūkēn ahātkān. Tuksahīnīwki*[3] *kuhīd'erektin*.
‘Что наших сородичей **убили**[1], нам одна девочка **рассказала**[2]. **Убежала**[3] она, пока они бились’. [Василевич 1966: 169]
- (205) *Tak tirgarakīn, dōldīra*[1] — *nulgīsille*[2], *asālwetin suruwülle*[3]. *Soḡokōkūr īd'ewkīl*[4].
‘На рассвете они **услыхали**[1], что чангиты **откочевали**[2], **увели**[3] их жен. Сильный плач **слышен был**[4]’. [Василевич 1966: 162]
- (206) *Nuḡan tarāwe ajawd'at'ān*[1]. *Huḡtuwe bāren*[2]. *Tarā būt'illektin, wāmuliwki*[3]. *N'ān etirkēn tar maḡararen*[4].
‘Он эту девушку **любил**[1]. От другой **отказался**[2]. Когда другую стали предлагать, <пришедшие с ним> **хотели ее убить**[3]. Этот старик <еще раз его любимую девушку> **свагал**[4]’. [Василевич 1966: 144]
- В приведенных ниже примерах (207–215) встречается другой тип нарушения последовательного изложения — упоминание о некоторой ситуации, которую невозможно поместить в хронологически упорядоченную цепочку событий.
- (207) *Pektirūmēt'ilkēkütte*[1]. *Pat'akī nekūnmēn pektirēne*[2] *siluktaldulīn. Pat'akī guluwūdūwi tegett'ewkī*[3]. *Akīndulāwi Pat'akī nekūnīn emeren*[4], *siluktalwi kormédūwi eksed'ene*.
‘**Начали стрелять друг в друга**[1]. Младшему брату Пачаки **попали**[2] в кишки. Пачаки **сидит**[3] у костра. К старшему брату **пришел**[4] младший брат Пачаки, таща кишки в поле <кафтана>’. [Василевич 1966: 144]
- (208) *N'ān t'ājīmna*[1]. *Berke n'ān surudēwi n'ekellen*[2], *t'ājwe umuksā. Nuḡartin ewkīl tīne*[3]. *T'aḡitīl enīntin urkelīwi sigīnt'awkī*[4].
‘Опять **стали пить чай**[1]. Опять Берко **собрался уходить**[2], чаю попив. Они **не пускают**[3]. Мать чангитов **через дверь высовывается**[4]’. [Василевич 1966: 168]

- (209) *Emeren*[1] *mōtīwa šilātt'arakтин guluwūndūwar, urīnedūwer. Beje tari šegdennegīd'in emerен*[2]. *Nuḡartin Ibd'ewer ewkīl it'esmētīre*[3]. *D'ebd'ejētīn*[4], *d'ebd'ere*[5] *šilašālwar*.
 'Пришел[1], когда они на стоянке у костра уже жарили мясо на рожнах. Парень подошел[2] сзади. Они не заметили[3] своего Ибде. Есть-то, конечно, станут[4], едят[5] они мясо с рожнов'. [Василевич 1966: 139]
- (210) *Gorojo Gadant'ā d'ulēsķī tuksant'aran*[1]. *N'uril sunmēn upkatpān kurukēre*[2], *nuḡanmān ewkīl wāre*[3]. *Nuḡan sellulēt'ī bit'ē*[4]. *Tuksanan*[5] *gorotķī*.
 'Далеко Гаданча бежал[1] вперед. Стрелы продырявили[2] весь его кафтан, но не убили[3]. Он был[4] в броне. Далеко убежал[5]'. [Василевич 1966: 144]
- (211) *Emet'ēl huḡtul asad'ara*[1] *Gadant'āwa. N'uriltin burud'ere*[2] *bōnagat'īn. Nuḡan tariḡwa turūnmuwkī*[3].
 'Пришли другие, погнались[1] за Гаданчей. Стрелы их падали[2], как град. <Гаданча> хотел их задержать[3] подольше'. [Василевич 1966: 144]
- (212) *Loḡko ašīn guluwūndulē bād'eren emed'emī*[1]. *Sāwedālwi umḡekēnd'epkī*[2]. *Mederēt'epkī*[3] *edēwi tāgiwre. Loḡko ašīn pulatitpi derewi d'ajūt'ad'apkī*[4], *kumulēt'ed'epkī*[5] *edētīn tāgre*. <...>. *Edīwi emedelēn sāwedādūwi bid'ewkī*[6].
 'Жена Лонгко не хочет подойти[1] к костру. Собирает[2] она свой скарб. Боится[3] быть узнанной. Жена Лонгко прикрывает[4] лицо платком, прячет[5], чтобы <ее> не узнали. <...> Сидит[6] у своих вещей, пока не придет ее муж'. [Василевич 1966: 138]
- (213) *Lūt'awa art'ara*[1]. *Palatkawa it'enēd'eren*[2]. *T'uketikēkūn, irget'ī sahand'apkī*[3], *edēn wālle. Ejēt'epkī*[4] *dorowodāwi. Lūt'a tugī-dē elekes ewenkīwe it'eren*[5]. *Liitt'arakтин, lūt'al emed'epkī*[6]. *Dorowod'oro*[7], *bād'ere*[8]. *Īēlett'ere*[9], *edēwer wāwre. Lūt'al mēnḡit heḡkēt'ewkī*[10]. *Ewenkīl ewkīl tille*[11]. *Tar moḡnon gund'ewkī*[12]: <...>. *Girkīn nupt'ad'awkī*[13], *edēn wālle. Gorowo tegette*[14].
 '<Эти два эвенка> русского встретили[1]. Тот идет смотреть[2] палатку. Самостоятельный, умный предупрежда-

ет[3] ⟨товарища⟩, чтобы не вздумал убить ⟨русского⟩. **Хочет**[4] поздороваться. Русский тоже впервые эвенка **увидел**[5]. Пока они стояли, ⟨другие⟩ русские **пришли**[6]. ⟨Русские⟩ **здороваются**[7], ⟨а эвенки⟩ **не хотят**[8]. ⟨Эвенки⟩ **боятся**[9] — не оказаться бы им убитыми. Русские по-своему **говорят**[10]. Эвенки их **не понимают**[11]. Глупый ⟨эвенк⟩ **говорит**[12]: ⟨...⟩. Товарищ **предупреждает**[13] его, чтобы не убивал ⟨русского⟩. Долго **сидели**[14]'. [Василевич 1966: 139]

- (214) *Art'amkaduk eted'emī šewent'ed'emī huteji gawkī*[1]. *Dōt'ī ōwkī*[2]. *Tolko D'ejerek baldīmī moŋnorōpkī*[3]. ⟨...⟩ *heŋkeje ewkī tīlle*[5]. *Šukupkīl*[6] *šewešel. D'ūrwe hutelwen portire*[7], *gé N'urik, gé Hagdant'ā. D'ūr moŋnor ōt'āl*[8]. *Tāduk D'ejerek eteren*[9] *d'ugēldīd'emī, eteren*[10] *dōt'ī bimī, šewent'ed'ene.*

‘Окончив камлать, она **взяла**[1] плод от Арчамки. **Стала**[2] ⟨снова⟩ беременной¹⁸. Только во время родов Деерок **сошла с ума**[3]. Слов **не понимала**[5]. **Испортили**[6] ее духи. Двух детей ее **испортили**[7], одного по имени Нюрик, другого — по имени Хагданча. Оба **стали**[8] сумасшедшими. С тех пор Деерок **перестала**[9] перевоплощаться, **перестала**[10] камлать, будучи беременной?’. [Василевич 1966: 150]

- (215) *Etirkēn tari hutēn Hewekēwe haništan*[1]. ⟨...⟩ *Hewekē ašašinan*[2] *N'urumn'awa. Taré etirken hutēn tukšad'apki*[3], *šuptīwt'awki*[4] *Hewekēwe. Tāduk bokont'opki*[5] *tukšamat. Tālā herelgendū N'urumn'awa bokono*[6].

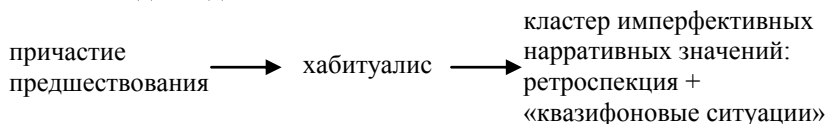
‘Тот сын старика **пошел сопровождать**[1] Ховоко. Ховоко **погнался**[2] за Нюрумнёй. Сын старика **бежал**[3], но **оставал**[4] от Ховоко. Потом **догнал**[5] его бегом. Там в низине они Нюрумню **догнали**[6]’’. [Василевич 1966: 133]

Два из всех возможных значений встречаются у данного показателя во всех диалектах, а именно: 1) хабитуальные ситуации в прошлом; 2) идентификация субъекта при помощи соотнесения его с прежде упоминавшейся ситуацией. Между этими зна-

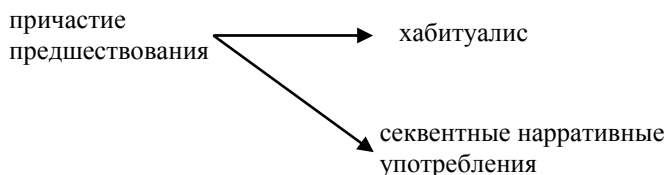
¹⁸ Отрывок взят из текста о камлании шаманки по имени Деерок, которая была беременной и на время камлания переложила плод из своего чрева в живот мужа.

чениями существует определенная семантическая связь, заключающаяся в особом характере соотношения субъекта и действия. Дело в том, что особенность хабитуальных форм на фоне всех прочих глагольных значений состоит в том, что они ориентированы не столько на описание определенной ситуации, сколько на характеристику субъекта через совершаемое им действие. То есть действие в данном случае служит — в силу своей регулярности — фактически признаком субъекта. Таким образом, в обоих этих употреблениях форма на *-wki* употребляется для характеристики субъекта. Можно предположить следующее развитие нарративных употреблений данной формы:

Западные диалекты:

говор р. Чульман:

Как кажется, базой для развития нарративных употреблений в этих двух случаях послужили разные семантические компоненты. Тот путь развития, который отражен на первой семантической карте, вероятно, основан на «побочных коммуникативных эффектах», обычных для форм имперфективного ряда. Во втором случае семантический переход к секвентным нарративным употреблениям, вероятно, основывается на референциальных свойствах субъекта, общих для хабитуальных и для атрибутивных употреблений данной формы — в первом случае всегда, а во втором — в подавляющем большинстве контекстов субъект оказывается определенным (в случае характеризационных атрибутивных употреблений эти референциальные свойства выступают особенно ярко, так как атрибутивные употребления этой формы как раз и служат для установления кореферент-

ности, тождества с уже упомянутым ранее субъектом). Очевидно, что и в случае секвентного изложения в последовательно разворачивающихся ситуациях действуют уже определенные в предтексте субъекты. Возможно, что в нарративах, записанных Г. М. Василевич на р. Чульман, форма с показателем *-wkī* используется в нарративе как своего рода средство для поддержания референции.

2.3. Дискурсивные употребления хабитуального показателя *-ŋkī*

В большинстве эвенкийских говоров, как уже говорилось, существуют две хабитуальные формы, имеющие референцию к прошедшему времени. Первая из них — рассматривавшаяся в предыдущем разделе форма с показателем *-wkī*, вторая — также восходящая к причастию форма с показателем *-ŋkī*. Эта вторая форма используется для передачи хабитуального значения в текстах особого рода, которые можно назвать *дескриптивами*. В отличие от нарратива, такие тексты лишены сюжета, они представляют собой не повествование о последовательно сменяющихся друг друга событиях, а рассказ типа «как раньше жили»:

(216) *Epteken Kurkēgir sōniŋ bit'ēn*[1]. *Pat'akī Momo bit'ēn*[2]. *Eptekēn Pat'akīnun manara*[3] *Kōrdujālwa. Pat'akī bejelin d'emuld'et'el*[4]. *Ulle āt'in bit'ē*[5]. *Nuŋartin Kōrdujāŋilwa ororwotin wād'eŋkītin*[6], *d'ewūld'eŋkītin*[7].

‘Оптокон **был**[1] сонингом у Куркогиrow. Пачаки **был**[2] <из рода> Момо. Оптокон с Пачаки **разбили**[3] Кордуялей. <Дело в том, что> Люди Пачаки **голодали**[4]. **Не было**[5] у них мяса. Они **убивали**[6] оленей Кордуялей и **ели**[6]’. [Василевич 1966: 135–136]

(217) *Momoldū Ulbīmt'e sōniŋ bit'ēn*[1]. *Nuŋan Kōrdujālnun tugi-dē garpat'imāt'illan*[2] *ororwotin d'ebdēwer. Kusīmēt'irdū bejelwe wād'eŋkītin*[3], *ororwotin tepūd'eŋkītin*[4], *asālwetin mērdūwer gad'aŋkītin*[5].

‘У Момолей сонингом **был**[1] Ульбимчо. Он тоже **стал воевать**[2] с Кордуялями, чтобы съесть их оленей. В схватках **убивали**[3] мужчин, **забивали**[4] оленей, **уводили**[5] к себе женщин’. [Василевич 1966: 136]

- (218) *Nonopti hōniŋ Oluwul, Nurgewul biŋkīn*[1]. *Oluwul bit'ēn*[2] *edū, Nurgewul — Limtidū. Garpatmātt'enel n'urilwe d'awaŋkītin*[3]. *Oluwul nonoptil huliŋel biŋesītin bid'et'ēn*[4]. *Oluwul ketewe bejelwe wāt'ā*[5]. *Nuŋanmān keterē d'awaŋkītin*[6]. *Oluwul d'ūlāwi tuksaktaŋkīn*[7]. *Oluwul ūd'alitin bejelwe asaŋkīn*[8].

‘Прежде **были**[1] сонинги Олувиль и Нурговиль. Олувиль **был**[2] здесь, Нурговиль — на Лимте. Стреляя друг в друга, они **ловили**[3] стрелы. Олувиль **жил**[4] в то время, когда были первые шуленги¹⁹. Олувиль **убил**[5] немало людей. Его много раз **ловили**[6], но Олувиль **убегал**[7] домой. Олувиль **гонялся**[8] за людьми по их следам’. [Василевич 1966: 153]

- (219) *Bilir nonoptidū ewenkīl d'awit ŋeneŋkītin*[1]. *Ugut'akīltin āt'ir biŋkītin*[2], *orortin-dā āt'ir biŋkītin*[3]. *Nuŋartin bejūktenkītin*[4]. *Elekes maŋil bit'ēl*[5]. *Maŋil t'aŋitil bit'ēl*[6]. *Murirdū ugut'ad'aŋkītin*[7].

‘Прежде эвенки **передвигались**[1] на лодках. У них **не было**[2] верховых оленей, **не было**[3] оленей вообще. Они **охотились**[4]. Давно **жили**[5] манги. Манги **были**[6] чангитами. Они **ездили верхом**[7] на конях’. [Василевич 1966: 172]

3. Заключение

В статье рассмотрены употребления имперфективных показателей эвенкийского языка, как аспектуальные, так и дискурсивные. Всего было рассмотрено шесть показателей, представляющих два семантических поля: семантическое поле собственно имперфективности и семантическое поле хабитуальности. Каждое из этих полей представлено тремя показателями. Соответственно, в семантическом поле собственно имперфективности семантические оппозиции грамматических показателей сформировались из особенностей того «окна наблюдения», в которое вкладывается у имперфективного показателя срединная фаза ситуации. Так, дуратив имеет наиболее «узкое», так сказать, немар-

¹⁹ Т. е. старосты.

кированное окно наблюдения, статив выделяет несколько более широкий фрагмент ситуации, и, наконец, у стабилитива представлено наиболее широкое окно наблюдения. В семантическом поле хабитуальности семантические оппозиции строятся на основе дополнительных темпоральных характеристик хабитуальной ситуации. А именно, различаются хабитуалис настоящего времени, хабитуалис «немаркированного» прошедшего времени и хабитуалис отдаленного либо «аннулированного» прошедшего времени.

Один из рассмотренных в статье имперфективных показателей — показатель дуратива *-d'a* — демонстрирует значительную грамматическую экспансию в глагольной системе эвенкийского языка. Этот показатель входит в целый ряд темпоральных форм и форм зависимой предикации. При этом, с одной стороны, значение этих форм не вычисляется аддитивно по принципу *значение дуративного суффикса + значение других грамматических показателей*, но, с другой стороны, не имеет места и образование так называемых (этимологически) составных аффиксов — идиоматичных, семантически неразложимых комплексов морфем. В данном случае при соединении дуративного показателя с другими грамматическими показателями наблюдается семантический эффект, который в данной работе назван модифицирующей грамматикализацией. А именно, соединяясь с другими грамматическими показателями, показатель дуратива определенным образом модифицирует их значение.

Во втором разделе статьи рассмотрены дискурсивные употребления трех показателей — показателя стабилитива *-t/-t'i* (дискурсивные употребления этот показатель имеет в восточных говорах; это фоновые ситуации и панорамное изложение) и двух хабитуальных показателей *-wkī* и *ηkī*. В фольклорных текстах, записанных Г. М. Василевич на реке Чульман и в пос. Бомнак (группа восточных диалектов), форма с показателем *-wkī* используется в секвентной функции. В западных диалектах эта форма выступает в нарративе для маркирования нарушения последовательного изложения. Наконец, форма с показателем *-ηkī*, соединяющая значение хабитуалиса и значение прошедшего отдаленного, используется для маркирования хабитуальных ситуаций в нарративах особого типа, в д е с к р и п т и в а х.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е и 3-е лицо (личные глагольные и посессивные показатели); ACC — аккузатив; ACCINDEF — аккузатив неопределенный (в частности, партитив); AND — андатив ('пойти что-то сделать'); ATTRPOSS — атрибутивная форма с посессивным значением (типа 'отчий'); AUGM — аугментатив; CAUS — каузатив; CAUSMOV — суффикс, производящий от глаголов движения переходные глаголы со значением 'перемещать объект способом, указанным производящей основой'; COMIT — комитатив (квази-падежная именная форма); COMITVERBAL — глагольный суффикс со значением совместного свершения действия; CONN — коннегатив; CONVBANTER — деепричастие предшествования; CONVBCOND COREF — односубъектное условное деепричастие (субъект деепричастия совпадает с субъектом основного глагола); CONVBCOND NONCOREF — разносубъектное условное деепричастие (субъект деепричастия не совпадает с субъектом основного глагола); CONVBLIMIT — деепричастие предела ('до тех пор, пока'); CONVBPURP — деепричастие цели; CONVBREMPRAET — деепричастие, указывающее, что зависимое действие, одновременное главному, относится к плану давнопрошедшего времени; CONVBSEQUENT — деепричастие со значением 'после того, как'; CONVBSIMULT — деепричастие одновременности; DATLOC — дательноместный падеж; DIM — диминутив; DIR — директив; DIRPTCL — падежный показатель директива, внутрь которого «инфигирован» суффикс с эмфатическим значением²⁰; DUR — дуратив; EL — элатив; EXCL — эксклюзив; FUT — будущее время; FUTINTERR — будущее вопросительное время; НАВИТ_I — хабитив; ('обладающий чем-то / кем-то'); НАВИТ_{II} — хабитив_{II} ('обладающий чем-то / кем-то'); НАВПРАЕС — хабитуалис настоящего времени; HORT — хортатив; IDEO — идефон; IMP — императив; IMPII — отдаленный императив; INCL — инклюзив; INCH — инхоатив; INSTR — инструменталис; INTER — междометие; INTERR — вопросительная частица; LAT — латив; MULT — мультисубъектность (непереходные глаголы) / мультиобъектность (переходные глаголы); NACT — имя деятеля; NEG — вспомогательный отрицательный глагол; NEGKOM — именное отрицание; PASS — пассив; PL — множественное число; POSSALIEN — отчуждаемая принадлежность; POSSCOREF — притяжательный суффикс со значением 'свой'; PRAES — настоящее время; PRAETI — прошедшее время; PRAETII — прошедшее время_{II}; PROL — пролатив; PTCL — частицы с различной семантикой; PTHAB — хабитуальное причастие; PTHABPRAET — хабитуальное причастие прошедшего времени; PTLOC —

²⁰ Этот «морфологический казус» объясняется тем, что исторически суффикс директива является составным показателем.

причастие места (напр., ‘то, где играют’); РТРАСС — пассивное причастие прошедшего времени; РТРАЕС — причастие настоящего времени; РТРАЕТ — активное причастие прошедшего времени; РТТАРД — тардативное причастие (‘такой, который еще никогда не...’); РЕЦИПРО — реципрок; SG — единственное число; SIMIL — суффикс со значением ‘подобный’; СТАВ — стабилитив (видовой показатель); СТАТ — статив; ТОРИС — показатель топика; УСИТ — узитатив (суффикс, образующий от имен глаголы со значением ‘использовать предмет, названный производящей основой’); ВОС — вокатив; ВОЛИТ — волитив (‘хотеть что-то сделать’); ИС — имя собственное

Литература

- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин. Грамматика нанайского языка. Том 2. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Василевич 1936 — Г. М. Василевич. Сборник материалов по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору. Л.: Изд-во института народов Севера ЦИК СССР им. П. Г. Сидовича, 1936.
- Василевич 1966 — Г. М. Василевич (сост.) Исторический фольклор эвенков. М.; Л.: Наука, 1966.
- Гусев и др. (ред.) 2008 — В. Ю. Гусев, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 4: Грамматические категории в дискурсе. М.: Гнозис, 2008.
- Романова, Мыреева 1971 — А. В. Романова, А. Н. Мыреева. Фольклор эвенков Якутии. Л.: Наука, 1971.
- Татевосов 2004 — С. Г. Татевосов. Есть — бывает — будет: на пути грамматикализации. // Ю. А. Ландер, В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 226–255.
- Титов 1936 — Е. И. Титов. Материалы по устному творчеству эвенков Приангарья // Василевич 1936. С. 162–214.
- Fleischman 1985 — S. Fleischman. Discourse functions of tense-aspect oppositions in narrative: towards a theory of grounding // *Linguistics*, 23.6. P. 851–882.
- Haspelmath 1998 — M. Haspelmath. The semantic development of old presents: new futures and subjunctives without grammaticalization. *Diachronica* 15.1. P. 29–62.

РЕФАКТИВ И СМЕЖНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ЗНАЧЕНИЯ¹

1. Введение

1.1. Общие замечания

Настоящая работа посвящена одной относительно периферийной группе глагольных деривационных значений — *рефактивными* значениям. Рефактивными² здесь и далее называются значения, включающие по крайней мере один из следующего набора компонентов: однократное повторение ситуации ('опять, еще раз'), возвращение к прежнему состоянию ('опять, как прежде') или к прежней точке в пространстве ('обратно, туда, где был ранее'). Значения рефактивной зоны в языках мира по-разному и с разной степенью подробности классифицируются в базе данных «*Verbum*»³ В. А. Плунгяна, в [Шлуинский 2005: 67–76; Wälchli 2006: 74–78]. Отдельные предложения по классификации рефактивных значений содержатся в работах, посвященных семантике рефактивных показателей в конкретных языках: например, в [Lichtenberk 1991] (океанийские языки), [Аркадьев рукопись] (адыгейский язык), [Evans 1995] (майали), ср. также обширную литературу по семантике рефактивных наречий в языках Европы: [von Stechow 1996; Fabricius-Hansen 2001; Tovena, Donazzan 2008] и многие др.

Рефактивные значения очевидным образом не принадлежат в точности ни к одной из трех традиционно выделяемых больших семантических зон основных глагольных значений — модальной, темпоральной и аспектуальной. К последней, тем не менее,

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №12-34-01255.

² На данный момент, как кажется, не существует общепринятого термина для обозначения данной группы значений. Удачный термин «рефактив» (см. [Мельчук 1998: 402]) используется практически исключительно в русскоязычных работах. В англоязычных работах чаще всего встречается термин *repetitive*, иногда для обозначения данного круга значений также используются такие термины, как *итератив*, *реитератив*, *семель-итератив*, *вертитив*.

³ <http://www.mccme.ru/ling/verbum.html>.

они — как указывающие на одну из модификаций структуры ситуации — оказываются несколько ближе: неслучайно, например, во многих традиционных грамматиках категория рефактива описывается как один из глагольных «видов» (ср., например, описание рефактивного суффикса *-gi* в нанайском языке как показателя «вида противоположности и повторности действия» в грамматике [Аврорин 1961: 54] в разделе «Категория вида»). Часто рефактивные значения, в противоположность «собственно видовым», рассматривают вместе с такими деривационными значениями, как интенсивность, начинательность, скорость совершения действия, объединяя этот, достаточно разнородный конгломерат значений аспектуальной периферии под терминами *совершаемость*, *способ действия*, *Aktionsart* (ср., например, описание рефактивной приставки *пере-* в русском языке в терминах «совершаемости» и «способа действия» в [Исаченко 1960] и [Мельчук 1998: 402]).

В данной работе предпринята попытка более точно установить место рефактивных значений в общей системе глагольных значений на основании типологических данных, прежде всего данных о *полисемии* рефактивных показателей, совмещающих рефактивное значение со значениями, принадлежащими к другим семантическим зонам (глагольной ориентации, глагольной множественности, аспекта, актантажной деривации и др.). В тех случаях, когда это оказывается возможным, в качестве вспомогательных привлекаются также диахронические данные по грамматикализации соответствующих значений в рефактивные или рефактивных значений в значениях других семантических зон.

Проблемы, связанные с внутренней структурой семантической зоны рефактива, в данной работе подробно не рассматриваются. Необходимые для дальнейшего описания типов полисемии рефактива краткие сведения о разновидностях рефактивных значений и семантических типах рефактивных показателей приводятся в разделе 1. Далее рассматриваются исключительно случаи совмещения того или иного из рефактивных значений (а чаще — кластера из нескольких значений) со значениями заведомо внешними по отношению к рефактивной семантической зоне, — такими, что:

а) они совмещаются с рефактивными значениями достаточно редко (по сравнению со случаями совмещения рефактивных значений друг с другом);

б) их связь с рефактивной зоной неочевидна и требует специального объяснения (подобные объяснения также являются задачей данной работы).

Естественно, в том, какие значения относить к частным разновидностям рефактивного, а какие рассматривать как выходящие за пределы рефактивной зоны, но склонные выражаться совместно с рефактивным значением, есть некоторая доля условности.

Во многих языках рефактивное значение может быть выражено только лексически — с помощью наречий (типа русских *опять, снова, заново, еще раз*), но распространен и морфологический способ выражения рефактива — с помощью словообразовательных аффиксов (таких как, например, префикс *re-* в романских языках: ср. франц. *calculer* ‘посчитать’ — *re-calculer* ‘посчитать еще раз, пересчитать’), которые в разных языках характеризуются разной степенью продуктивности и идиоматизации. Промежуточным случаем можно считать выражение рефактивного значения при помощи разного рода аналитических глагольных конструкций — со вспомогательными глаголами, частицами, а также в составе сериальных конструкций. В фокусе данного исследования находятся прежде всего морфологические показатели рефактива, в меньшей степени аналитические глагольные конструкции, данные по наречиям с рефактивным значением привлекаются только в качестве вспомогательных.

Достаточно распространенной является ситуация, когда один и тот же показатель используется как глагольный в рефактивном значении и как неглагольный в некотором другом значении. Самые характерные «именные» значения рефактивных показателей — ‘тоже’, ‘еще один’ (как, например, у рассматриваемой ниже клитики =*chik* в языке сипакапа). Неглагольные употребления рефактивных показателей специально в данной работе не рассматриваются. Они упоминаются только в тех случаях, когда соответствующее значение может выражаться с помощью рефактивного маркера и в глаголе.

Пределом морфологизации рефактивного показателя является, видимо, деривационный глагольный аффикс с практически неограниченной продуктивностью. Языки же, в которых показатель рефактива с очевидностью можно было бы считать словоизменительным, нам неизвестны. Естественно ожидать, что большинство значений, с которыми рефактивное значение вступает в

отношения полисемии, будут принадлежать к той же группе значений продуктивного словообразования или к грамматической периферии. Такие значения достаточно слабо изучены, особенно с типологической точки зрения, что делает задачу данной работы особенно привлекательной, в том числе и для типологии аспектуальных значений.

Материалом для исследования послужили данные грамматических описаний и (в отдельных случаях) специальных работ по семантике конкретных рефактивных показателей. С той или иной степенью подробности рассмотрены данные 119 языков разной генетической и ареальной принадлежности. В выборку вошли языки из всех крупных географических зон — Европы (в том числе Кавказа), Азии, Океании (в том числе Новой Гвинеи), Австралии, Северной, Южной и Центральной Америки. Рассмотренные языки принадлежат к следующим крупным ареально-генетическим объединениям: австралийские (6 языков), австроазиатские (7 языков), австронезийские (28 языков), тунгусо-маньчжурские (3 языка), аравакские (3 языка), индоевропейские (6 языков), атапаскские (6 языков), нигер-конго (30 языков), нило-сахарские (3 языка), нахско-дагестанские (2 языка), абхазо-адыгские (2 языка), сино-тибетские (5 языков), изоляты (4 языка: кваза, мосетен, хуп, ючи), а также по одному языку из следующих семей: араванской, арауканской, мускогской, отомангской, салишской, тайско-кадайской, тупи-гуарани, мяо-яо, хока, чибча, эскимосско-алеутской.

Несмотря на естественное желание представить типологическую картину полисемии рефактива наиболее полно, задачи сделать нашу выборку ареально и генетически сбалансированной все же не ставилось. Это решение продиктовано, во-первых, тем фактом, что нелексический способ выражения рефактивных значений очень неравномерно представлен на множестве языков мира (например, он, насколько нам известно, не встречается ни в одном из тюркских языков). Во-вторых, сбалансированная выборка дает адекватную картину частотности разных типов рассматриваемого явления, но заставляет игнорировать наиболее редкие типы. При этом, поскольку перед нами в первую очередь стояла задача максимально полной инвентаризации типов полисемии и их интерпретации, как раз наиболее редкие (которые, как

правило, оказываются в то же время семантически наиболее нетривиальными) типы полисемии представляли для нас особый интерес. Таким образом, стратегия исследования состояла в том, чтобы включить в рассмотрение максимальное количество доступных данных, стараясь не допускать заметных ареальных и генетических лакун, но и не ограничивая себя требованием строгой сбалансированности выборки.

Работа имеет следующую структуру. Во вводном разделе 1.1 кратко рассматривается внутренняя структура семантической зоны рефактива: перечисляются рефактивные значения, обсуждаются семантические связи между ними и основные типы их совмещения. В разделах 2–6 рассматриваются различные типы полисемии рефактива. Раздел 2 посвящен полисемии рефактива с пространственными значениями, раздел 3 — полисемии с группой периферийных значений глагольной деривации — значениями глагольной множественности, интенсива и реверсива, раздел 4 — полисемии с фазовыми значениями, раздел 5 — полисемии со значениями актантной деривации, раздел 6 — модально-дискурсивным употреблением рефактивных показателей. Раздел 7 представляет собой краткое обобщение представленных в работе данных.

1.2. Структура семантической зоны рефактива

Рефактивные значения с семантической точки зрения объединяет тот факт, что все они, выражая идею однократного повторения или возвращения, содержат отсылку к предшествующей ситуации (или ее фрагменту), в той или иной степени тождественной рассматриваемой; существование такой ситуации является для рефактивов своего рода пресуппозицией. Так, в работах по формальной семантике существует традиция описания рефактивных наречий в рамках класса «presupposition triggers» (ср., например, подробный обзор в [Beck 2005]). В соответствии с этим, в приводимом ниже списке рассматриваемых в работе значений, для каждого из них дается краткое толкование, в которое помимо асертивной части обязательно включается и пресуппозиция.

В семантическом отношении значения рефактивной зоны распадаются на две группы. Значения первой группы, формирующейся вокруг идеи «однократного повторения», содержат в пресуппозиции информацию о том, что ранее имела место ситуа-

ция, тождественная рассматриваемой. Значения второй группы, формирующейся вокруг идеи «возвращения», содержат в пресуппозиции информацию о том, что ранее имела место ситуация, в том или ином смысле противоположная рассматриваемой. К первой группе можно отнести следующие значения:

- репетитивное значение: ‘сделать еще раз’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее;

(1) ндут (атлантические), [Morgan 1996: 155]⁴

dì daas-aat-te foŋ

3 let-REP-PFV cry

{Она вскрикнула. Все слышали крик.} ‘Она снова вскрикнула’.

- расширенный репетитив (репетитив+): ‘повторение ситуации с другим(и) участником(ами)’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее с другим составом участников;

(2) агульский (нахско-дагестанские, Дагестан)

aw, gi-l-as qaj-na aɣp:a,

да DEMG-SUPER-ELAT REP:приходить:PF-CONV потом

abaw.a-n, qa-k'i-ne ha-me ze gada, sult'an

тетя-GEN REP-умирать.PF-PFT ha-DEMM мой сын Султан

‘Да, после этого (после того, как умер Нурудин), дочка, еще умер мой сын Султан’⁵

- реконструктивное значение ‘переделать’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее, но ее результат был признан неудовлетворительным, и потребовалась повторная реализация ситуации;

⁴ Здесь и далее, при цитировании примеров строка глосс оставлена на языке источника, строка перевода дана по-русски. Сокращения наиболее стандартных названий морфологических показателей унифицированы в соответствии с Лейпцигскими правилами глоссирования, показатель рефактива везде глоссируется REP, остальные глоссы соответствуют глоссам источника. В тех случаях, когда пример в источнике не сопровождается поморфемным глоссированием, глоссы наши.

⁵ Пример из коллекции текстов, собранной Д. Ганенковым, Т. Майсаком, С. Мердановой.

(3) русский

*Тех, у кого белье было вымыто плохо, заставляли **пере-сти-рывать** его во время отдыха.* [А. Новиков-Прибой. Цусима (1932-1935). НКРЯ ⁶]

- аддитивное значение: ‘делать с дополнительной порцией объекта’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S с (дополнительной) порцией инкрементального объекта X;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S уже имела место ранее с некоторым (недостаточным) количеством инкрементального объекта X;

(4) кваза (изолят, Бразилия), [Voort 2004: 462]

kui-'e-da-mũ
 drink-REP-1-VOL
 ‘Я выпью еще!’

- значение рефактивного континуатива: ‘продолжить после перерыва’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации S;
 п р е с у п п о з и ц и я: ситуация S началась ранее, но была прервана;

(5) намиа (сепик-раму, Папуа Новая Гвинея), [Feldpausch, Feldpausch 1992: 94]

par-p-elli-nak-e-le *apinoku*
 REP-PFV-follow-INCOMPL-NONFUT-go tracks
 {Мы постояли немного} ‘И опять продолжали идти по следам (свиньи)’.

Ко второй группе можно отнести следующие значения:

- р е д и т и в н о е з н а ч е н и е: ‘двигаться обратно’:
 а с с е р ц и я: реализация ситуации движения S из пункта A в пункт B;
 п р е с у п п о з и ц и я: ранее имела место ситуация движения anti-S из пункта B в пункт A;

(6) удэгейский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Nikolaeva et al. 2000: 37]

eme-gi-je, safani, guŋ-ki-ni
 come-REP-IMP enough say-PST-3SG
 ‘Возвращайся домой, достаточно!’

---

⁶ Примеры с пометой НКРЯ взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorgo.ru).

— реститутивное значение: ‘вернуться в прежнее состояние’:

а с с е р ц и я: реализация ситуации S, характеризующейся переходом из состояния А в состояние В;

п р е с у п п о з и ц и я: ранее имела место обратная данной ситуация anti-S, характеризующаяся переходом из состояния В в состояние А;

(7) французский

Enfin Bury re-leva la tête, parut m’entendre, se souvenir, et partit brusquement dans un rire clair. (A. de Saint-Exupéry. 1939. «Terre des hommes»)

{Бюри хмуро склонялся над тарелкой, он не слышал...}
‘Наконец Бюри словно бы очнулся и услышал меня, **поднял голову** <после того, как опустил> — и рассмеялся⁷’.

— р е с п о н с и в н о е з н а ч е н и е: ‘делать в ответ’:

а с с е р ц и я: реализация ситуации S с участником X в роли А и участником У в роли В;

п р е с у п п о з и ц и я: ранее имела место ситуация anti-S с участником X в роли В и участником У в роли А, реакцией на которую является рассматриваемая ситуация;

(8) аранда (пама-ньюнга, Австралия) [Wilkins 1989: 277]

re ayenge tw-irtne-ke

3SG.A 1SG.O hit-REP-PST.COMPL

‘Он ударил меня в ответ {после того, как я ударил его}’.

Для выявления семантических связей между перечисленными значениями был проведен анализ употреблений рефактивных аффиксов в 32 языках разной ареальной и генетической принадлежности: для каждого показателя был выявлен круг рефактивных значений по данным употреблений из текстов и/или корпуса примеров из грамматического описания (найденных по всей книге). Дополнительно привлекались менее подробные данные по примерно 150 рефактивным аффиксам. Собранные данные позволяют, во-первых, противопоставить центральные vs. периферийные значения рефактивной зоны. В качестве формального критерия была выбрана частота, с которой то или иное из рефактивных значений отмечалось в выборке. В этом смысле цен-

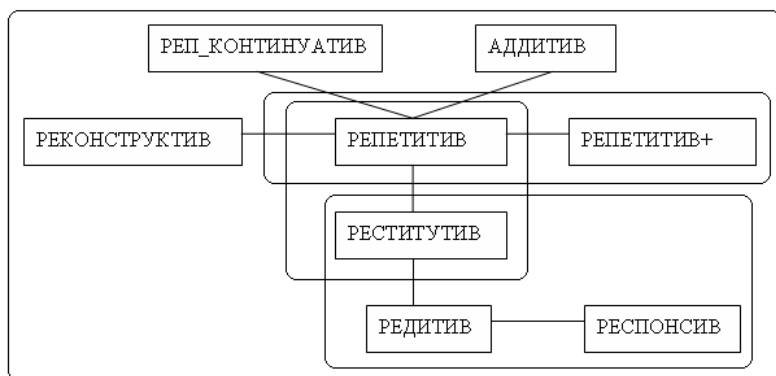
---

⁷ Перевод Н. Галь.

тральными оказываются значения редитива, реститутива и репетитива, что, как кажется, вполне соответствует интуиции об их центральном с семантической точки зрения положении среди рефактивных значений. Ср. количественные данные по 32 языкам:

<i>значение</i>	<i>количество</i>
repetitive	28
restitutive	28
reditive	23
additive	11
responsive	10
rep+	7
rep_continuative	3
reconstructive	3

На основании имеющихся типологических данных по распределению значений у конкретных рефактивных показателей, можно предположить следующие связи между значениями рефактивной зоны. Центральные значения репетитива и редитива связаны между собой через промежуточное значение реститутива. Диахронически естественнее всего предположить путь от редитива к реститутиву и далее к репетитиву (ср. о грамматикализации глагола ‘возвращаться’ в показатель повторности [Майсак 2005: 246–249]). Со значением репетитива связаны периферийные значения репетитивного континуатива, аддитива, реконструктива и расширенного репетитива. Со значением редитива — периферийное значение респонсива:

С точки зрения наиболее характерных комбинаций рефрактивных значений можно выделить следующие «типы» рефрактивных аффиксов.

Самым распространенным является широкий рефрактив, совмещающий все центральные значения рефрактивной зоны (редитив, реститутив и репетитив) и в некоторых случаях также тот или иной набор периферийных значений.

Для показателей с более узким набором рефрактивных значений основная граница проходит между значениями, сгруппированными вокруг идеи возвращения, и значениями, сгруппированными вокруг идеи повторения.

Тип рефрактив возвращения включает редитивное, реститутивное и иногда также респонсивное значение.

Тип рефрактив повторения включает репетитивное значение в качестве центрального и тот или иной набор периферийных рефрактивных значений, непосредственно связанных с репетитивным.

Еще один зафиксированный тип рефрактивных показателей можно назвать непространственным рефрактивом: из центральных значений он включает репетитивное и реститутивное, но не редитивное значение.

2. Пространственные значения

В данном разделе рассматриваются случаи совмещения рефрактивных значений со значениями пространственной зоны. П. 2.1. посвящен более подробному рассмотрению пространственного значения редитива (‘двигаться обратно, в точку отправления’), упомянутого в п.1 как принадлежащее в то же время к рефрактивной зоне. В п. 2.2. рассматривается более периферийный тип связи рефрактивной зоны с пространственными значениями через значение пролатива (‘двигаться через, сквозь объект’). В п. 2.3. рассматривается полисемия рефрактивного значения со значениями сопутствующего движения — ‘делать во время / до / после движения’.

2.1. Редитив и смежные пространственные значения

Основной точкой пересечения рефрактивной семантической зоны с зоной пространственных значений является значение редитива (‘двигаться обратно’). Это значение, с одной стороны,

принадлежит к пространственным значениям, с другой стороны, часто совмещаясь в одном показателе со значениями, связанными с однократным повторением и являясь одним из основных диахронических источников подобных значений (см. о грамматикализации глагола ‘возвращаться’ в показатели однократного повторения [Lichtenberk 1991; Майсак 2005: 246–249]), безусловно принадлежит также к собственно рефактивной зоне. В качестве «смежного» значения редитив будет рассмотрен в работе более подробно, чем остальные рефактивные значения, в контексте наиболее близких к нему пространственных значений.

Собственно редитивное значение ‘двигаться обратно’ объединяет с остальными рефактивными значениями тот факт, что оно содержит пресуппозицию о предшествующей аналогичной ситуации:

- (9) *Радищев приехал из Москвы **обратно** в Петербург.* Пресуппозиция: до этого он уже был в Петербурге.
- (10) *[?]Я попал **обратно** в какой-то незнакомый город.*

Строго говоря, логически можно противопоставить две отдельных разновидности редитивного значения — значение, предполагающее полное повторение предшествующего маршрута (в пресуппозиции предшествующее движение, противоположное рассматриваемому), и значение, предполагающее совпадение цели движения с исходным пунктом предшествующего движения, но не совпадение самих траекторий движения. Тем не менее, нам не известно — по крайней мере, морфологических — показателей редитива, отражающих подобное противопоставление, ср. примеры на выражение ситуаций обоих типов в русском языке с помощью глагола *возвращаться* и наречия *обратно*:

- (11) *Охотник **вернулся обратно** к реке по собственным следам.* Совпадение траекторий.
- (12) *Охотник **вернулся обратно** к реке другой дорогой.* Совпадение цели с исходным пунктом, несовпадение траекторий.

Существует два пространственных значения, очень близких к собственно редитивному и часто выражаемых совместно с ним, но не содержащих, в отличие от него, никакой пресуппозиции о предшествующей ситуации движения и, тем самым, семантически более далеких от рефактивной зоны. Первое из них содержит фиксированную цель ‘дом, место обычного пребывания’. Ситуа-

ция ‘двигаться домой’ так же, как и обычная редитивная ситуация, в принципе предполагает, что движению предшествовало противоположное движение (из дома), но эта информация не является актуальной для говорящего. Свидетельства употребления рефактивных показателей как в собственно редитивном значении, так и в «деэмпфатизированном» значении ‘домой’ характерно, в частности, для атапаскских языков и отомангских языков (см. обсуждение подобных употреблений в асоюу-глапанек и других отомангских языках в [Wichmann 1992]).

Другое близкое к редитивному значение — ‘двигаться назад’ — обозначает обратное движение, но не относительно некоторого предшествующего движения, а относительно объекта с выделенной асимметрией передней vs. задней части (прототипически человека — ‘назад’ = ‘противоположно направлению взгляда’). Ср. диагностические контексты, в которых в русском языке возможно употребление наречия *назад*, но не семантически близкого ему наречия *обратно*, которое может выражать только собственно редитивное значение, но не значение ‘назад’: *откинуть голову назад* / *обратно, *оглянуться назад* / *обратно. Ср. также примеры из нанайского языка (тунгусо-маньчжурские), иллюстрирующие возможность выражения собственно редитивного значения и значения ‘назад’ с помощью одного и того же морфологического показателя:

(13) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Оненко 1980]

а. *ту*: ‘падать’ — *ту:-зу* ‘падать обратно {на прежнее место}’

б. *ичэ* ‘смотреть’ — *ичэ-зу* ‘оглядываться {смотреть в сторону, противоположную обычной}’

В некоторых языках значение редитива может совмещаться не со значением направления, связанного с фасадными характеристиками объекта, а со значением соответствующей локализации — ‘быть / двигаться сзади от объекта’ (так называемая локализация POST). Ср., например, такие употребления редитивной приставки *zurück-* в немецком языке, как *liegen* ‘лежать, находиться’ — *zurück-liegen* ‘быть сзади, оставаться позади’. Одним и тем же глагольным префиксом *q-* выражается редитивное значение (а также более широкий круг рефактивных значений) и значение локализации POST в языках лезгинской группы — агуль-

ском, рутульском, табасаранском (ср. [Maisak, Merdanova 2011; Махмудова 2001: 107–108]). При этом для агульского языка в [Maisak, Merdanova 2011] показано, что на синхронном уровне есть основания считать q-редитив и q-POST разными — хотя и диахронически связанными — показателями.

Значение обратного движения может нетривиальным образом взаимодействовать с каузативной семантикой. Если для простой ситуации движения обратное направление однозначно трактуется как обратное с точки зрения единственного движущегося объекта ('туда, где движущийся объект был ранее'), то для ситуации каузации движения существует две логических возможности: а) обратно с точки зрения каузируемого ('туда, где каузируемый объект был ранее') vs. б) обратно с точки зрения каузатора ('туда, где каузатор был ранее'). Более естественным и типологически более частотным кажется первый вариант, ср.:

- (14) *Мы вместе отвели зверя **обратно** в цирк.* [Е. Власова. «Домовой». НКРЯ] {'туда, где зверь был раньше' / *'туда, где мы были раньше'}

Тем не менее, для некоторых показателей возможной оказывается и интерпретация обратного движения с точки зрения каузатора, дающая результирующее значение типа 'вернуться с чем-то', '(сходить и) принести что-то'. Ср. схожие примеры из нанайского и агульского языков:

- (15) нанайский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток):
baza-č era-go-j=goan' dolbo tul=də
 база-DIR нести-REP-PTCP.NPST=ведь ночь всегда=даже
 'А ночью мы, <когда рыбачим, все, что наловили,> **ОТВОЗИМ**
 на базу' {=возвращаемся обратно на базу и везем туда все,
 что наловили} ⁸

- (16) агульский (нахско-дагестанские, Дагестан):
sa ġurčaqan alčarx.u-guna,
 один охотник встречаться.PFV-TEMP
ġurčaqan.di qu-χ.a-j-e me uč.i-s
 охотник(ERG) REP-нести.IPFV-CONV-COP DEMM сам-DAT

⁸ Пример из текстов, собранных С. А. Оскольской и К. А. Крапивиной.

gada q'a-s,   *χul-as.*
сын   делать.IPFV-INF   дом-DAT

‘Встречается (герою) охотник, и этот охотник **забирает** его к себе в сыновья, домой’⁹ {=возвращается домой и ведет с собой героя}.

В обоих языках при этом возможны и употребления с интерпретацией с точки зрения каузируемого.

2.2. Пролатив

В некоторых языках наблюдается полисемия рефактива со значением пролатива (‘движение через что-л., сквозь что-л., вдоль чего-л.’) или развитие рефактивных показателей из глаголов со значениями ‘пересекать, переходить, проходить’. О семантике пролатива см. подробнее [Ганенков 2002], о путях грамматикализации глаголов ‘переходить, проходить’ — [Майсак 2005].

Данный тип полисемии демонстрирует русская приставка *пере-* и ее когнаты в других славянских языках. В данном случае речь идет о полисемии только с одним из значений рефактивной семантической зоны — реконструктивным (‘сделать еще раз, поновому, лучше, чем в прошлый раз’). Семантическая связь между значениями пролатива и реконструктива кажется достаточно прозрачной: идея пространственного перехода границы, лежащая в основе пролативного значения (*перебежать дорогу*), метафорически переносится в непространственную сферу так, что в качестве границы осмысляется результат ситуации, следовательно, в качестве перехода границы — достижение нового результата, *превосходящего* прежний (*перебежать стометровку*).

В чадских языках марги (суффикс *-ngári*) [Hoffmann 1963: 134] и бура (суффикс *-nkir*) [Hoffman 1955] наблюдается полисемия пролатива и локализации SUPER с репетитивным значением:

(17) марги (чадские, Нигерия), [Hoffmann 1963: 134]

- a) *cí* ‘рассказать, сказать’ — *cí-ngári* ‘рассказать что-то опять’;
- b. *fǎ* ‘положить’ — *fǎ-ngári* — ‘положить поверх чего-то’;
- c. *ndàl* ‘бросить’ — *ndàl-ngári* ‘бросить на что-то, перебросить через что-то’.

---

⁹ Пример из текстов, собранных Д. С. Ганенковым, Т. А. Майсаком, С. Р. Мердановой.

Пролатив, как и большинство пространственных значений, является в первую очередь именным значением (ср. [Плунгян 2002] о выражении пространственных значений при имени и при глаголе). Ситуация, когда один и тот же показатель выражает пролативное значение при имени и рефактивное при глаголе, наблюдается в австралийском языке банджаланг (пама-ньюнга). Транскатегориальный суффикс *-bu* в банджаланг выражает пролативное значение ‘по ориентиру, вдоль ориентира’, прибавляясь к существительным с пространственным значением (18a), тот же суффикс при глаголах служит показателем с широким кругом рефактивных значений (репетитив, реститутив, редитив) (18b):

(18) банджаланг (пама-ньюнга, Австралия), [Sharpe 2005: 214]

a. *gila-ŋu* *Balugahn Gunambre-bari balun-bu ŋula*
 тот-NEV Балугахн Гунамбре-житель залив-REP 3М
yaŋa-hn
 идти-IPFV

‘Этот Балугахн, житель Гунамбре, шел вдоль залива’.

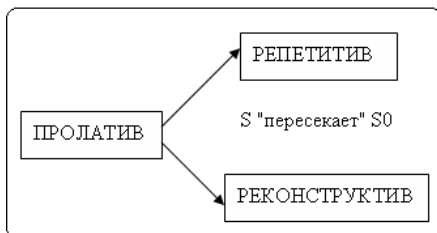
b. *gah ŋula ŋah-le-n-bu*
 туда 3М видеть-APS-IPFV-REP

‘Он опять туда {где пели птицы и цвели цветы} смотрел’.

За пределами сферы морфологических показателей рефактива, тот же тип полисемии представлен, например, в английском языке для частицы *over* (*to swim over* ‘переплыть’ vs. *to do over* ‘переработать’). Диахронические данные о том же типе семантической связи имеются в кантонском китайском языке [Matthews, Yip 1994: 207], где реконструктивное значение выражается конструкцией с глаголом *gwo* ‘пересекать’.

Таким образом, значение пролатива (или пролатива-суперэссива / суперлатива) может совмещаться как со специализированным значением реконструктива, так и с нейтральным репетитивным значением. Пролативное значение является диахронически исходным (ср. кантонский китайский). В обоих случаях в основании полисемии лежит, видимо, метафора, при которой исходная ситуация осмысливается как «траектория», по которой движется во времени повторная ситуация: повторная ситуация накладывается на исходную, перекрывает (или пересекает) ее, а в случае реконструктивного значения при этом выходит за пределы исходной ситуации, пересекая границу, определенную предшествующим результатом:

2.3. Сопутствующее движение

Одним из «экзотических» типов полисемии рефактивных показателей является совмещение рефактива со значениями «сопутствующего движения»¹⁰ («ситуация Р сопровождается перемещением субъекта»); этот тип мы также считаем возможным включить в пространственную группу. Имеются в виду прежде всего значения на основе редитива — «сделать по пути обратно», «сделать, вернувшись», «вернуться, чтобы сделать». Ср пример из араванского языка жаравара на употребление рефактивного суффикса *-ma* в значении «сделать, вернувшись»:

- (19) жаравара (араванские, Бразилия), [Vogel 2006: 160]
yama soki ya ota tafa-ma
 время быть.темно ADJUNCT 1PL.EXCL есть-REP
 «Ночью мы поели дома (=поели, вернувшись)».

Развитие подобного значения у рефактивных показателей зафиксировано в тех ареалах, для которых в принципе характерно наличие типологически достаточно редкой категории сопутствующего движения, — в Южной Америке и Австралии.

Встреченные нами случаи связи рефактивного значения со значениями сопутствующего движения достаточно неоднородны. Помимо «чистого случая», когда идея движения, сопровождающего ситуацию, выражается самим рефактивным маркером, представленного, как кажется, в жаравара и в аранда (см. ниже), возможна ситуация, когда рефактивный показатель может маркировать ситуацию, сопровождаемую обратным движением, но только если ситуация обратного движения независимо эксплицитно выражена в предшествующем контексте. Такова, судя по

¹⁰ «associated motion»

имеющимся примерам и описаниям, ситуация, наблюдаемая в аравакском языке янеша (суффикс *-err-* [Duff-Tripp 1997: 87]) и арауканском языке мапуче (суффикс *-tu* [Smeets 1989: 332]), ср. пример из мапуче, в котором используется глагол ‘вернуться’, а последующая ситуация оформляется рефактивным показателем, и пример из янеша, в котором эксплицитно выраженный глагол движения оформлен рефактивным показателем и тот же показатель используется для выражения последующего действия:

- (20) мапуче (арауканские, Чили, Аргентина), [Smeets 1989: 483]
wiño-me-ye-m kom fey-pi-pa-tu-ke-fi-y
return-thither-HAB-INV all that-say-hither-REP-HAB-APPL-IND-3
ti machi
 the medicine.woman
 ‘Вернувшись, они **рассказывают-REP** все колдунье’.

- (21) янеша (аравакские, Перу), [Duff-Tripp 1997: 87]
ahuo' ahuan-err-et pa'-pacll-o ahuo'
 RPT идти-REP-3PL POSS-дом-LOC RPT
čhačh-err-et ahuo' a'nan-u-err-et
 приходить.RDPL-REP-3PL RPT варить-TERM-REP-3PL
po'-shua-r
 POSS-рыба-POSS
 ‘Они вернулись-REP домой. Они пришли-REP и **приготови-
 ли-REP рыбу (придя)**’.

Случай, более далекий от прототипа, демонстрирует язык намиа (сепик-раму), в котором значение ‘ситуация сопровождается обратным движением’ выражается комбинацией рефактивного аффикса со специализированным аффиксом сопутствующего движения. В намиа представлены два специализированных морфологических показателя со значениями ‘прийти, чтобы сделать’ и ‘пойти, чтобы сделать’ [Feldpausch, Feldpausch 1992: 35]. Сочетание этих аффиксов с рефактивным аффиксом дает результирующее значение ‘вернуться, чтобы сделать’.

Естественно предположить, что значения сопутствующего движения связаны с редитивной, а не репетитивной частью рефактивной зоны. Подтверждением этому могут служить данные упоминавшегося выше языка аранда (пама-ньонга). Суффикс *-irtne* в аранда имеет редитивное значение при глаголах движения:

(22) аранда (пама-ньюнга, Австралия), [Wilkins 1989: 349]

Penny-le-me puke tape arrern-irtne-ke?
 Penny-ERG-Q book PL put-REP-PST.COMPL
 ‘Это Пенни положил книги обратно’ (на полку)?’

За пределами пространственной зоны он выражает реститутивное (23a) и респонсивное (23b) значения (но не значение репетитива), а также значение сопутствующего движения ‘сделать по пути обратно’ (23c) [Wilkins 1989: 275–277]:

(23) аранда (пама-ньюнга, Австралия), [Wilkins 1989: 275–277]

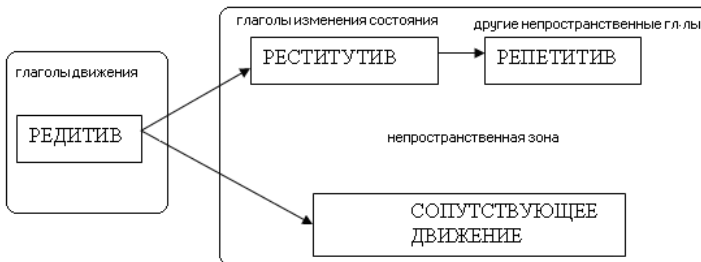
a. *iparrpe mwarr-irr-irtne-Ø-ewe*
 quickly good-INCH-REP-IMP-EMPH
 ‘Скорее выздоравливайте (снова становитесь здоровыми)!’

b. *re ayenge tw-irtne-ke*
 3SG.A 1SG.O hit-REP-PST.COMPL
 ‘Он ударил меня в ответ (после того, как я ударил его)’.

c. *nthenhe arrantherre arlkw-irtne-tyenhe thursday-nge*
 where 2PL.A eat-REP-NONPST.COMPL Thursday-ABL
 ‘Где вы будете есть по дороге назад в четверг?’

Во всех прочих обсуждавшихся выше языках рефактивные маркеры имеют достаточно широкий круг рефактивных значений, среди прочих и редитивное, что вполне согласуется с предложенной гипотезой.

Таким образом, развитие у рефактивного показателя значения сопутствующего движения (‘ситуация сопровождается обратным движением’) можно рассматривать как маргинальный путь эволюции показателя редитива при расширении сферы его употребления на непространственную лексику.

Более распространенный случай развития рефактивного показателя — от редитивного значения, совместимого только с глаголами движения, к репетитивному через реститутивное при охвате непространственной лексики (см. п. 1.1.). В нашем случае при расширении сферы употребления на непространственную зону редитивное значение ‘двигаться обратно’ преобразуется не в ‘делать повторно’, а в ‘делать при движении обратно’. Этот путь, как показывают наши данные, значительно более редкий. Он может присутствовать в языке не только как альтернатива первому (аранда), но и параллельно с ним (жаравара).

3. Глагольная множественность и смежные значения

В данном разделе рассматриваются случаи полисемии рефактива с разными типами глагольных деривационных значений, связанных с характером протекания ситуации, часто объединяемых под общим названием «Aktionsart» или «способы глагольного действия».

Большая часть раздела посвящена взаимодействию рефактива с так называемыми значениями «глагольной множественности» (verbal plurality [Cusic 1981], pluractionality [Newman 1990]), то есть значениями, связанными с (многократным) повторением ситуации. Поскольку рефактивные значения также связаны с повторением, возникает вопрос о рассмотрении их в рамках семантической зоны глагольной множественности (как это делается, например, в [Dressler 1968; Шлуинский 2005]). Как показывают разбираемые ниже данные, случаи полисемии рефактива со значениями глагольной множественности достаточно немногочисленны, то есть, несмотря на общую для рефактива и значений глагольной множественности идею повторения, рефактивная зона, видимо, достаточно сильно отстоит от значений глагольной множественности, связанных с многократным повторением.

В пп. 3.3–3.4 рассматриваются предполагаемые случаи полисемии рефактива со значениями, связанными с интенсивностью действия (интенсив, аттенуатив) и с реверсивным значением. Они также немногочисленны, многие из них спорны, некоторые естественнее интерпретировать как результат разрушения прежней полисемии с сильной лексикализацией и отмиранием промежуточных значений, чем как синхронную полисемию, свидетельствующую о непосредственной семантической связи.

3.1. Повторение ситуации: хабитуалис, итератив, мультипликатив

В некоторых грамматических описаниях отмечается использование одного и того же грамматического средства как для указания на однократное повторение ситуации, так и для указания на многократное повторение ситуации. Речь может идти как о значении «итеративного типа» (многократное повторение отдельных ситуаций), так и о значении «мультипликативного типа» (повторение отдельных квантов единой многоактной ситуации) в терминологии [Храковский 1989] (event-external vs. event-internal plurality по [Cusic 1981; Wood 2007]) или о наличии обоих значений сразу. Мы рассмотрим все эти случаи в одном разделе, поскольку, во-первых, не всегда наших (вторичных) данных достаточно, чтобы точно определить, с каким именно значением многократного повторения мы имеем дело, а во-вторых, поскольку во всех этих случаях, как нам кажется, действует сходный механизм семантического взаимодействия.

3.1.1. Рефактив в контексте многократного повторения: типологические данные. Известные нам случаи взаимодействия рефактива со значениями многократного повторения можно разбить на два типа:

- а) собственно случаи полисемии, когда многократное и однократное повторение выражаются в языке одним и тем же средством;
- б) случаи, когда рефактивный показатель является составной частью (обязательной или факультативной) конструкции, выражающей многократное повторение.

Как кажется, эти две группы случаев могут быть связаны. Ниже (п. 3.1.2) предлагается интерпретировать случаи типа а) как результат диахронического развития случаев типа б).

Случаи первого типа можно проиллюстрировать следующими примерами из аравакского языка варекена [Aikhenvald 1998: 346–348]. Суффикс *-tʃi* в первом примере употреблен в контексте однократного повторения ситуации (репетитивное значение), во втором — в контексте регулярного повторения (хабитуальное значение):

(24) варекена (аравакские, Венесуэла, Бразилия), [Aikhenvald 1998: 347, 233]

- а. *wa-tshima-hã*   *a.le-ma-ba-lu-ta*   *ate aliwa-tʃi-mia*
1PL-sleep-PAUS   so-DEL-AUG-EMPH   until dawn-REP-PFV

wa wa-fa-mia-tfi-wa

then 1PL-go-PERF-REP-INCOMPL

‘Мы спали, пока снова не взошло солнце, тогда мы опять пошли’.

b. *wa peya laguna ni-kulua-tfi weni paya:lu-ni*

then one lake 3PL-drink-REP water all-3PL

kuefi-nawi wali ni-kulua-hã weni

game-PL where 3PL-drink-PAUS water

‘Было одно озеро, где все они, звери, часто пили воду, где они пили воду’.

Сходная ситуация представлена в тотонакском языке тепе-ва-веветла (суффикс *-pala* [Kung 2007: 293–297]¹¹). «Итеративный» префикс *(i)p-* в карок (хока), по свидетельству [Bright 1957: 88–89], может обозначать как однократное повторение (а также реститутивную или редитивную ситуацию), так и многократное. Свидетельства рефактивно-хабитуальной полисемии приводятся в грамматиках для суффикса *-itk(a)r-* ‘1) опять; 2) всегда, время от времени’ в чибчанском языке рама [Grinevald 1990: 15] и для «эмфатического хабитуально-итеративного» суффикса *-na-* ‘обычно, опять’ в исчезнувшем в конце XVIII в. индейском языке-изоляте тимукуа [Granberg 1993: 96]. Репетитивное значение с мультипликативным (и, возможно, другими значениями глагольной множественности) совмещает суффикс *-si-* в тибето-бирманском языке монгсен-ао [Coupe 2007: 326].

Случай второго типа (рефактивный маркер в составе конструкции со значением многократного повторения) представлен в первую очередь в атапаскских языках. В описаниях некоторых атапаскских языков в качестве одной из функций рефактивного префикса фигурирует выражение хабитуального («customary», «usitative») и/или мультипликативного значения: ср. слэйви [Rice 2000: 292], бивер [Randoja 1990: 128], коюкон [Axelrod 1990: 171–177], танайна [Tenenbaum 1978: 53]. При этом в хабитуальных контекстах рефактивный показатель присоединяется к

¹¹ В грамматике [Kung 2007] этот суффикс описывается как итеративный, тем не менее, судя по примерам из той же самой грамматики и прилагающихся к ней текстов, у него есть также рефактивные употребления.

особой основе хабиуталиса или мультипликатива, как в приводимом ниже примере из слэйви, и употребление глагола в том же значении без рефактивного показателя также возможно.

(25) слэйви (атапаскские, Канада), [Rice 2000: 292]

'e-ghá-na-lé-g-a-the

OBJ-для-REP-DU-SBJ.PL-ACTV-идти.НАВ

‘Они регулярно ходили за мясом’.

Некоторые свидетельства против связи рефактива с хабиуталисом в атапаскских языках именно через репетитивное значение дает материал языка навахо. В большинстве атапаскских языков представлен единственный рефактивный префикс, выражающий как редитивное и реститутивное значение, так и репетитивное. В навахо ему соответствует два (видимо, этимологически связанных) рефактивных префикса — *náá-* («semeliterative») и *ná-* («revisionary») [Young 2000: 42–43; Smith 2000: 213–215]. Первый выражает репетитивное значение, второй — реститутивное и редитивное. Так же, как в других атапаскских языках, рефактивный префикс в навахо, прибавляясь к специальной основе, используется в хабиутальных контекстах. И это реститутивно-редитивный префикс *ná-*, а не репетитивный *náá-*. Таким образом, данные навахо заставляют думать о связи хабиутальных употреблений рефактива не с репетитивным значением, что кажется интуитивно наиболее естественным, а с реститутивным или редитивным, что кажется теоретически более проблематичным. При этом в [Young 2000: 467] предлагается считать хабиутальный *ná-* отдельной морфемой, не тождественной реститутивному *ná-* на синхронном уровне и потенциально связанной с ним (а также с репетитивным префиксом!) лишь диахронически.

В чадском языке хди рефактивный суффикс *-gl-* может использоваться в мультипликативном или дистрибутивном контексте, прибавляясь к специальной мультипликативной форме глагола («plural form») [Frajzyngier 2002: 219].

Тенденция к частому употреблению рефактивного суффикса *-t* в хабиутальной конструкции с глаголами *woowude* и *suttude* (‘иметь привычку’) отмечается в [Sow 1966: 19] для фула (диалект фута-джаллон).

В языке кваза (изолят, Бразилия) отмечена хабиутальная морфема *-ĩ?iẽ*, которая в описании [Voort 2004: 453] гипотетически возводится к сочетанию корня *-ĩ?iita*, также используемого в конструкции с хабиутальным значением, и рефактивного суффикса *-e-*.

Интересные дополнительные свидетельства взаимодействия рефактивной семантической зоны с хабитуалисом дают некоторые неглагольные употребления рефактивных маркеров. Так, рефактивная клитика *-nyali* в гунияди (бунаба) в сочетании с наречием *ngambiddi* ‘опять’ образует выражение *ngambiddi-nyali* ‘каждый день’ [McGregor 1990: 464]. Суффикс *-le* в языке ючи (изолят, Оклахома) при глаголе имеет рефактивные употребления, а при именах с временным значением выражает значение ‘каждый период времени’ (*yus’igano:we:ci-le* (вторник-CLF-REP) ‘каждый вторник’) [Linn 2000: 395].

3.1.2. Значение ‘как обычно’. Связь рефактива со значениями многократного повторения. Более простым для интерпретации кажется второй из рассмотренных случаев — употребление рефактивного маркера как дополнительного средства кодирования многократности. Принципиальным для объяснения кажется тот факт, что значение рефактива (репетитива) логически включено в значение многократного повторения: ‘ситуация многократно повторяется’ > ‘ситуация однократно повторяется’. Таким образом, употребление рефактивного маркера в контексте многократного повторения оказывается, с одной стороны, оправданным (однократное повторение имеет место), с другой стороны — избыточным. Оно не ведет к семантическому противоречию, но и не добавляет никакой новой информации. Для языка в такой ситуации есть две противоположных возможности: 1) запрет на употребление рефактивных показателей в хабитуальном контексте (по причине семантической избыточности); 2) конвенционализация употребления рефактивных показателей в хабитуальном контексте (по причине семантической близости)¹². Это не жесткие альтернативы, а скорее два полюса, к тому или иному из которых разные языки стремятся в большей или меньшей степени.

¹² В принципе существуют еще две логические возможности комбинации рефактивного и хабитуального значений, связанные с применением соответствующих операторов на разном уровне. Хабитуалис может входить в сферу действия рефактива и давать значение ‘повторение (прерванного) регулярного действия’ (*Он опять [чистит зубы каждое утро]*). Рефактив может входить в сферу действия хабитуалиса и давать значение ‘регулярное однократное повторение действия’ (*Он обычно [пере-читывает каждую страницу по два раза]*.) Эти случаи, менее интересные в контексте рефактивно-хабитуальной полисемии, мы здесь не рассматриваем.

Запрет на совместное употребление морфологических показателей рефактива и хабитуалиса наблюдается, например, по свидетельству [Watters 1981: 407], в языке эджагам: рефактив выражается с помощью префикса *krə-*, хабитуалис — с помощью особого тонового оформления личного префикса, их комбинация невозможна. Во французском префикс *re-* может употребляться в хабитуальных контекстах для эмфатизации регулярного повторения, но это скорее окказиональные употребления, чем отчетливая тенденция. Рассмотренные выше атапаскские языки, видимо, занимают на шкале конвенционализации рефактивного маркера в контексте многократности достаточно продвинутое положение.

Можно предположить, что возможность употребления рефактивного маркера в контексте многократного повторения и степень конвенционализации этой его функции коррелируют с общей тенденцией к «избыточному» маркированию однократного повторения. В работе [Wälchli 2006] на основании анализа большой выборки параллельных текстов вводится противопоставление «тяжелых» («heavy») и «легких» («light») рефактивных показателей¹³. Тяжелые показатели (чаще лексические) употребляются реже, только в наиболее эмфатических контекстах, легкие показатели (чаще морфологические) гораздо более частотны. Несколько огрубляя картину, можно сказать, что тяжелые рефактивы — это те, для которых в языке действует принцип «если важно, что аналогичная ситуация ранее уже имела место, используй рефактивный показатель», а легкие — те, для которых действует принцип «если аналогичная ситуация ранее хоть раз имела место, используй рефактивный показатель»¹⁴. Естественно предположить, что для показателей рефактива, которые в [Wälchli 2006] названы легкими, или для некоторой их части, для которой тенденция к «экспансии» особенно ярко выражена (видимо, «легкость» рефактивного показателя — скорее градуальное понятие, нежели абсолютное), характерен также некоторый семантический

---

¹³ Терминология Вельхли отсылает к известному противопоставлению тяжелых vs. легких рефлексивов, введенному в работе [Kemmer 1993].

¹⁴ При этом в полной мере этому принципу, видимо, не подчиняется ни один показатель рефактива в языках мира, речь скорее об общей тенденции.

сдвиг. А именно — сдвиг от значения, связывающего ситуацию с некоторой конкретной аналогичной ситуацией в прошлом (собственно рефактив), к значению, отсылающему к обобщенному множеству предшествующих аналогичных ситуаций. Это значение, которое можно было бы назвать «нереферентным репетитивом», часто специально отмечается в грамматиках и описывается выражениями типа «как всегда», «как обычно». Например, в [Sakel 2004: 289] отмечается, что в языке мосетен (изолят, Боливия) рефактивный суффикс *-ban*, помимо репетитивных контекстов, используется также для выражения «ожидаемых явлений, таких как традиционные действия, которые всегда повторяются вновь»¹⁵. В приводимом ниже примере употребления рефактивного показателя не отсылают ни к какому конкретному случаю потребления героями чичи, а указывают на то, что описываемая церемония происходит каждый раз по завершении охоты:

(26) мосетен (изолят, Боливия), [Sakel 2004: 292]

jöi 'yěě-**baj-te-in** *shokdye* ' *tye-ban*
 обслужить-STEM-APPL-REP-3M.OBJ-PL чича пить-REP.M.SBJ
 'Они принесли ему чичи, и он выпил (описание традиционного завершения охоты)'.

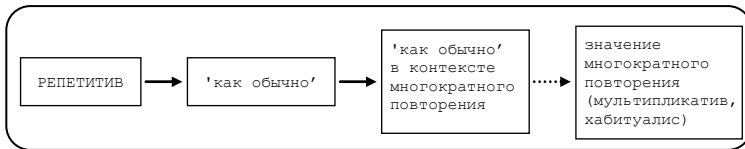
Аналогичные употребления описываются для рефактивного суффикса в тунгусо-маньчжурских языках: ороцком [Аврорин, Болдырев 2001: 282], удэгейском [Кормушин 1998: 93–94; Nikolaeva, Tolskaya 2001: 317], нанайском [Оненко 1977: 65].

Можно предположить, что именно этот тип употреблений связывает рефактив со значениями зоны глагольной множественности. Возможность отсылать не к конкретной ситуации в прошлом, а к классу аналогичных ситуаций очень хорошо сочетается с семантикой многократного повторения, и естественно допустить, что как раз рефактивы, которым свойственна наибольшая экспансия (легкие рефактивы) и семантический сдвиг от собственно репетитивного значения к «нереферентным» употреблениям типа 'как обычно', будут обладать особенной склонностью к употреблению в том числе в контексте многократного повторения и конвенционализации в этой функции. Подтверждение это-

¹⁵ «expected happening, such as traditional actions that always happen again».

му дает материал упоминавшихся выше атапаскских языков. Так, в языке бабин-вицувитен встречаются нерефактивные употребления рефактивного префикса *ne-*, объясняемые в [Nagrus 2007: 438] цикличной природой соответствующих ситуаций¹⁶. В собственно хабитуальной функции *ne-* в бабин-вицувитен не используется [Nagrus 2007: 360], но тот же префикс используется для выражения хабитуалиса в других атапаскских языках (см. выше). В языке танайна [Tenenbaum 1978: 173] рефактивный префикс *ni-* без специального акцента на повторении употребляется с глаголами типа 'надевать', 'обувать' (обозначающими «ситуации, совершающиеся снова и снова, каждая из которых является повторением»¹⁷). Тот же префикс, как было указано выше, используется в хабитуальном контексте с основой хабитуалиса.

В качестве дальнейшего диахронического сценария можно предположить следующий: показатель рефактива, регулярно употребляемый в контексте многократности, переосмысливается как собственно показатель многократного повторения (мультипликатив, хабитуалис). Если показатель рефактива при этом морфологический, а специального морфологического показателя многократности в системе до этого момента не было, этот сдвиг кажется вполне представимым¹⁸:

Таким образом, данная гипотеза постулирует для рассмотренных в 3.1.1. случаев полисемии рефактива со значениями многократности исходное репетитивное значение, конвенционализованное в контексте многократности. Прямых диахронических

¹⁶ «activities that happen on a cyclic, especially daily basis».

¹⁷ «actions performed over and over, each act being a repetition» [Tenenbaum 1978:173].

¹⁸ Заметим, что в атапаскских языках, например, это не так, поэтому даже при значительной степени конвенционализации рефактивного префикса в контексте многократности, ни в одном из них он не превращается в собственно показатель хабитуалиса или мультипликатива.

свидетельств в пользу именно такого сценария для большинства перечисленных в 3.1.1. языков нам не известно. Тем не менее, некоторые косвенные данные говорят в его пользу. Так, частичным подтверждением предлагаемого сценария могут служить данные по монгсен-ао, приводимые в [Cooper 2007]. При том, что суффикс *-si-* в монгсен-ао анализируется автором описания как синхронно выражающий и репетитивное, и мультипликативное значение, им также отмечается возможность дополнительного кодирования мультипликативного значения с помощью «показателя одновременности» *-li?*, что позволяет предполагать первичность репетитивного значения, а не мультипликативного.

(27) монгсен-ао (тибето-бирманские, Индия) [Cooper 2007: 327]

a-ji-la nə a-úk-la nə thəniŋ-pà?

NRL-dog-F AGT NRL-pig-F AGT work-NR

təlu? tʃu ku tʃhəm-si-li? táŋ wa

all DIST LOC trample-REP-SIM just go.PST

‘Собака пошла и (множественно) поковыляла все, что сделала Свинья’.

Еще одним, и более важным аргументом в пользу исходного статуса рефактивного значения *-si-* в монгсен-ао является тот факт, что этот суффикс восходит, по предположению [Cooper 2007: 327], к глаголу ‘поворачивать’. Это типологически наиболее частотный лексический источник рефактивных маркеров, но не маркеров мультипликатива. Итеративно-репетитивный суффикс *-pala* в тепева-веветла имеет когнаты в других тотонакских языках (ср. *-pal* в тепева-тлачичилько [Watters 1988: 240]) с рефактивным, но не итеративным значением. Наконец, в карок у соответствующего аффикса помимо репетитивного значения, обсуждаемого нами как связывающее рефактивную зону со значениями многократного повторения, зафиксированы также реститутивное и редитивное значение. Для рефактивных показателей типологически естественным является диахронический путь от редитивного значения к рефактивному, но не обратный; таким образом, в данном случае невозможно считать репетитивное значение вторичным по отношению к значению многократного повторения.

Обобщая вышеизложенное, можно сказать, что полисемия рефактива со значениями многократного повторения (мульти-

пликативом, итеративом, хабиитуалисом) встречается в некоторых языках, но остается, тем не менее, достаточно периферийным явлением. В качестве диахронического сценария для этого типа полисемии мы предлагаем развитие значения многократного повторения из репетитивного через конвенционализацию употреблений рефактивного показателя в контексте многократного повторения. Тенденция к употреблению и конвенционализации рефактива в контексте многократного повторения, как нам кажется, наиболее вероятна для «легких» показателей рефактива с семантическим сдвигом от собственно репетитивного значения, соотносящего описываемую ситуацию с конкретной ситуацией в прошлом, к «нереферентному» значению ‘как обычно’, соотносящему описываемую ситуацию с классом аналогичных ситуаций.

3.2. Дистрибутив

Полисемия рефактива с дистрибутивным значением (‘множественность участников ситуации’) обнаружена нами всего в двух (при этом ареально и генетически очень далеких) языках выборки.

В отомангском языке асойу-тлапанек [Wichmann 1992] суффикс *-li* употребляется как в рефактивном значении (репетитивном, редитивном, реститутивном), так и в дистрибутивном значении¹⁹:

- (28) асойу-тлапанек (отомангские, Мексика), [Wichmann 1992: 128]
- a. *-^hkwayun* ‘ужинать’ — *-^hkwayun-li* ‘ужинать повторно’
  - b. *-ndrehme* ‘рассыпать, разбрызгивать (напр., землю, жидкость)’ — *-ndrihma-li* ‘рассыпать, разбрызгивать во многих местах’

Судя по примерам, приводимым в [Wichmann 1992], речь в данном случае идет только об одной разновидности дистрибутивного значения, а именно — о значении дисперсива — ‘совершения ситуации в разных местах / в разных частях протяженного объекта’ [Храковский 1989: 34].

В языке куланго (гуп) [Elders 2007; Elders 2008: 197–199] суффикс *-ra* выражает рефактивное значение при контролируру-

---

¹⁹ В [Wichmann 1992] выделяется также в качестве отдельного значение ‘полного охвата ситуации’, достаточно близкое к дисперсивному дистрибутивному, о нем см. п. 3.2.

емых глаголах и значение субъектного дистрибутива²⁰ при неконтролируемых глаголах.

Отметим также, что дистрибутив — одно из продуктивных значений русской приставки *пере-* и ее когнатов в других славянских языках, наряду с реконструктивным (*перечитать сотню книг* vs. *перечитать «Войну и мир»*). Но в данном случае естественнее предполагать параллельное развитие двух этих значений из пространственного значения пролатива, чем непосредственную семантическую связь между ними. Случаи полисемии рефактива-дистрибутива-мультипликатива (как, например, в некоторых банту) также естественнее интерпретировать как результат опосредованной семантической связи.

И в куланго, и в асоу-тлапанек естественно предполагать развитие дистрибутивного значения из рефактивного, а не наоборот. В асоу-тлапанек в пользу этого говорит наличие у показателя «полного набора» рефактивных значений, в том числе реститивного и редитивного, которые, исходя из общих типологических данных по рефактиву, являются диахронически исходными, а также наличие когнатных показателей с рефактивным значением в близкородственных языках. Для куланго известен диахронический источник рефактивно-дистрибутивного суффикса *-pa* — это рефактивное наречие *pa* «опять» [Elders 2008: 198, 287–288]. Распределение рефактивного и дистрибутивного значений в куланго в зависимости от контролируемости укладывается в типологическую картину взаимодействия рефактивов с лексическими характеристиками глагола. Имеются независимые типологические данные по ограничениям на сочетание рефактива (репетитива и особенно реконструктива) с классом неконтролируемых глаголов: ср., например, неоднократно обсуждавшееся (ср. [Flier 1985: 144–145]) свойство реконструктивно-повторного *пере-* в русском языке сочетаться только с контролируемыми глаголами. Исходя из этого, гипотетический диахронический сценарий для суффикса *-pa* в куланго видится следующим образом: суффикс с исходным рефактивным значением вначале охватывает более «удобный» класс контролируемых предикатов, а затем распространяется на более «проблемный» класс неконтролируемых предикатов со сдвигом значения от рефактивного к другому связанному с повторением значению — дистрибутивному. Видимо,

---

²⁰ «la pluralité du sujet» [Elders 2008: 198].

одной из предпосылок развития у суффикса *-ra* дистрибутивного значения, связанного со сменой участников ситуации, является наличие среди собственно рефактивных его употреблений репетитивных употреблений с нетождественным объектом (типа *убить-REP X-a, убив до этого Y-a*), специально отмечаемых в [Elders 2008: 197].

3.3. Значения, связанные с интенсивностью действия

Рефактивное значение может совмещаться с достаточно широким кругом значений, связанных с интенсивностью действия — как повышенной (п. 3.3.1), так и пониженной (п. 3.3.2). Не во всех случаях понятно, является ли связь рефактивного значения с интенсивным прямой или опосредованной.

3.3.1. *Интенсив.* Рефактивное значение может совмещаться с разными значениями, связанными с повышенной интенсивностью ситуации — нейтральным значением ‘интенсивного проявления ситуации’, негативно окрашенным значением ‘делать слишком долго, слишком интенсивно’ и позитивно окрашенными значениями типа ‘делать тщательно’, ‘делать долго, с удовольствием’.

Полисемия рефактива с нейтральным значением ‘интенсивного проявления ситуации’ отмечается в языках манде джалонке (префикс *i-*) и какабе (префикс *ta-*).

(29) джалонке (манде, Гвинея), [Lüpke 2005]

a. *kənə xən-dii-na a i-kolon*
but bird-DIM-DEF 3SG REP-know
‘Но маленькая птичка опять узнала ее (кошку)’.

b. *a kətaa ha a i-kətaa*
3SG be.clever until 3SG REP-be.clever
‘Он же умный, он очень умный’.

Значение рефактивного префикса *re-* во французском языке при немногочисленной группе глаголов можно интерпретировать как интенсивное (*chercher* ‘искать’ — *re-chercher* ‘разыскивать, исследовать’, *sentir* ‘чувствовать, ощущать’ — *res-sentir* ‘испытывать’). При этом в [Mok 1964] аргументируется точка зрения, согласно которой на синхронном уровне продуктивная приставка *re-* (*re-/ré-/r-*) с рефактивным значением и непродуктивная приставка *re-* (*re-/r-*) со значением интенсификации формально противопоставлены.

В атлантическом языке нун есть суффикс *-is*, имеющий, с одной стороны, лексикализованные употребления, близкие к интенсивным или мультипликативным, и, с другой стороны, рефактивные (редитивные, репетитивные и реститутивные):

- (30) нун (атлантические, Сенегал) [Soukka 2000: 164, 171]
 а. *gúr* ‘резать’ — *gúr-is* ‘рубить на мелкие кусочки’
 б. *lëgís* ‘открыть’ — *lëgís-is* ‘снова открыть’

В [Soukka 2000: 164] показано, что в этих двух значениях он занимает разные морфосинтаксические позиции.

В языке куку-яланди (пама-ньюнга) [Patz 2002: 116–117] у клитики *-baja* наблюдается четкое распределение значений по глагольным классам: рефактивные значения (репетитив, редитив) реализуются при динамических глаголах, интенсивное значение — при стативных:

- (31) куку-яланди (пама-ньюнга, Австралия), [Patz 2002: 116]
 а. *nyulu*   *bambay-ma-l-baja*
 3SG.NOM(SBJ) sick-INCH-NONPST-REP
 ‘Он становится очень болен’.
 б. *bajabaja-ngka*   *jinkalmu*   *bayka-ny-baja*
 blue.tongue.lizard-ERG taipan.ABS bite-PST-REP
 ‘Синеязыкий сцинк опять укусил тайпана’.

Негативно окрашенное значение интенсивности, превышающей приемлемую, представлено у упоминавшихся выше полисемичных показателей с исходным пространственным значением пролатива, таких как русское *непе-* и английское *over* (*nepegpety*, *overheat*), которые — среди прочих — реализуют рефактивное значение реконструктива (*nepeniscat*, *overwrite*). В этом случае естественнее всего предполагать, что и реконструктивное значение, и интенсивное независимо развиваются непосредственно из значения пролатива. В пользу этого говорит, в частности, тот факт, что засвидетельствованы как независимая связь реконструктива с пролативом (см. обсуждавшуюся выше конструкцию с *gwo* в кантонском китайском), так и независимая связь интенсива с пролативом (как, например, у немецкой приставки *über-*, по семантике сходной со своим английским когнатом *over*, но без реконструктивного значения: *über-fliegen* ‘перелететь через ч-л.’ vs. *über-füttern* ‘перекормить’). Тем не менее, то обстоятельство, что значения реконструктива и интенсива развиваются, видимо, примерно по одной и той же простран-

ственной метафоре (реконструктив: ‘переход через границу предшествующей ситуации = улучшение ее результата’, интенсив: ‘переход через границу нормальной ситуации = чрезмерная интенсивность’), и то обстоятельство, что в языках мира встречаются и «чистые» случаи полисемии рефактив — интенсив, заставляют упомянуть данные случаи в этом разделе.

Еще один кластер с не очень ясными внутренними связями — рефактив-реверсив-интенсив — отмечается в языках банту (см. обсуждение этого случая в п. 3.4.1). В частности, например, у суффикса *-VrVr* в языке шона, наряду с рефактивным и реверсивным значениями, зафиксирована интересная разновидность положительно окрашенного интенсивного значения — ‘делать хорошо, тщательно, с удовольствием’ [Dembetembe 1987: 54–55]. Отдельные интенсивные употребления отмечаются и у реверсивно-рефактивного суффикса *-t* в фула.

Интенсивное значение не является прототипически глагольным (см. выше характерный пример языка куку-яланди, где оно распространяется только на маргинальный для глагола класс стативов). В дополнение к рассмотренным случаям можно упомянуть транскатегориальные показатели, реализующие рефактивное значение при глаголах и интенсивное при словах другой частеречной принадлежности. Например, суффикс *-gialla(k)* в восточноканадском инуктитуте (диалект лабладорский инуттут) [Smith 1978] выражает рефактивное значение при глаголе (*qukivuk* ‘он стреляет’ — *qukigiallavuk* ‘он опять стреляет’) и интенсивное при некоторых квантификаторах (*unuttut* ‘много’ — *unuttugiallait* ‘намного больше’). В австралийском языке гуниянди [McGregor 1990: 459–474] клитика *-nyali* с широким кругом рефактивных и околорефактивных значений при глаголе выражает интенсивное значение, присоединяясь к временным наречиям (*moongaya* ‘утром’ — *moongaya-nyali* ‘очень рано утром’) ²¹.

Для полисемичных показателей рефактива-интенсива часто характерна достаточно сильная степень лексикализации. В связи с этим встает вопрос о сопоставимости случаев а) продуктивный рефактив — продуктивный интенсив (как в куку яланди), б) продуктивный интенсив — лексикализованный рефактив (как в банту), в) лексикализованный интенсив — продуктивный рефактив (как во французском, в кабабе).

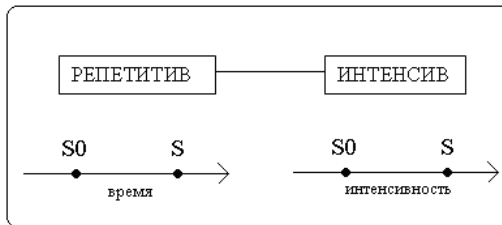
---

²¹ В данном случае интенсивное значение можно включить в более широкий круг значений типа ‘точно, как раз, действительно’, также отмечаемых у этой частицы.

Приведенные данные не кажутся достаточными для удовлетворительного объяснения семантической связи, лежащей в основе наблюдаемой полисемии. Значение интенсива кажется скорее связанным с репетитивной частью рефактивной зоны, чем с редитивной (по крайней мере, достоверных данных о полисемии редитивных или реститутивных показателей с интенсивом у нас нет). Можно предположить связь репетитива с интенсивом через следующие общие для этих значений семантические компоненты:

- а) описываемая ситуация соотносится с некоторой исходной ситуацией на определенной шкале;
- б) описываемая ситуация выше исходной по соответствующей шкале.

Для репетитивного значения соответствующая шкала будет временной, а исходная ситуация, соответственно, предшествующей по времени (описываемая ситуация соотносится с предшествующей аналогичной ситуацией, она происходит позже (находится выше на временной шкале) исходной ситуации). Для значения интенсива соответствующей шкалой будет шкала интенсивности, а исходной ситуацией, с которой происходит сравнение, — ситуация с нейтральной интенсивностью:

3.3.2. *Аттенуатив*. Более экзотическим явлением кажется совмещение значений рефактива и аттенуатива ('пониженная интенсивность/продолжительность действия'). Полисемия аттенуатива с рефактивом засвидетельствована в языке ноне для суффикса *-cé* [Нуман 1981: 87–88]. Наиболее продуктивное значение *-cé* — аттенуативное:

- (32) ноне (бенуэ-конго, бебодные, Камерун), [Нуман 1981: 87]
kám 'чихать' — *kám-cé* 'слегка чихать'

Рефактивные (реститутивные) употребления до той или иной степени идиоматизированы:

- (33) ноне (бенуэ-конго, бебодные, Камерун), [Нуман 1981: 87]
bóm ‘слепить’ — *bóm-cé* ‘заново слепить (сломанное)’
tóm ‘вышивать’ — *tóm-cé* — ‘зашивать, чинить (порванное)’

Также зафиксированы немногочисленные мультипликативные и дистрибутивные употребления со значениями типа ‘мало-помалу’, ‘один за другим’. Примеры на реститутивное употребление *-cé* рассматриваются в [Нуман 1981] в ряду примыкающих к аттенуативным идиоматизированным употреблениям, объединяемых в графу «мелких действий» («smaller job») типа *yow* ‘снять шкуру (со зверя)’- *uòy-cé* ‘почистить (напр., банан)’. Таким образом, связь с аттенуативным значением видится в том, что на повторение ситуации / восстановление состояния затрачивается всегда меньше усилий, чем на полноценную реализацию ситуации.

Интересна ситуация в фула, где среди многочисленных значений суффикса *-t*²² имеются и рефактивные значения (рефактив, реститутив, редитив), и интенсивное, и — менее продуктивное — аттенуативное:

- (34) фула (атлантические, Западная Африка), [Коваль, Зубко 1986: 45]
а. *nang-a* ‘схватить’ — *nang-it-a* ‘схватить еще раз’;
б. *tow-a* ‘быть высоким’ — *tow-t-a* ‘быть очень высоким’;
в. *wojj-a* ‘быть красным’ — *wojj-it-a* ‘быть красноватым’

Таким образом, совмещение рефактивного значения с аттенуативным, хотя и засвидетельствовано в языках мира, относится к периферийным явлениям и сводится, главным образом, к единичным лексикализированным случаям.

3.4. Реверсив

В данном разделе рассматриваются случаи совместного выражения рефактивного значения с реверсивным — ‘ликвидация результата ситуации, описываемой исходным глаголом’ (ср., например, английское *un-* в примере *lock* ‘запереть’ — *un-lock* ‘отпереть’). Эти случаи достаточно немногочисленны, некоторые

---

²² В фуланистике остается открытым вопрос о том, считать ли *-t* многозначным суффиксом или выделять несколько омонимичных суффиксов, и если да, то сколько именно.

из них, возможно, не следует интерпретировать как синхронную полисемию. В п.3.4.1 дан обзор соответствующих случаев, точек зрения исследователей относительно их синхронного статуса и возможных семантических связей рефактива с реверсивом. В п. 3.4.2 обсуждается семантический «параллелизм» между значением реститутива, относящимся к рефактивной зоне, и значением реверсива и возможности их совместного выражения.

3.4.1. *Рефактив и реверсив: полисемия или омонимия?* Продуктивные морфологические показатели реверсива наиболее характерны для языков нигер-конго (ср. о реверсивах в догон и других языках нигер-конго [Плунгян 1992]). Там же засвидетельствованы показатели, совмещающие реверсивное значение с рефактивным. Самым ярким, хотя и небесспорным, примером подобной полисемии является суффикс *-t* в фула, о котором уже шла речь выше. Примеры (35a–b) иллюстрируют образование с помощью одного и того же суффикса деривата со значением повторного действия от глагола ‘тянуть’ (‘тянуть еще раз’) и реверсивного деривата от глагола ‘закрыть’ (‘открыть’):

(35) фула (атлантические, Западная Африка), [Коваль, Нялибули 1997: 147]

a. *o food-it-i boggol ngol*
он **тянуть-REP-PFV** веревка ART
‘Он снова потянул за веревку’.

b. *o sot-t-i baafal ngal*
он **закрыть-REP-PFV** дверь ART
‘Он отомкнул дверь’.

В некоторых работах ([Arnott 1970; De Wolf 1987]) рефактив *-t* и реверсив *-t* интерпретируются как два независимых омонимичных суффикса, но основанием для такого решения является в основном различие в значении, а не серьезные различия в формальных свойствах²³.

²³ Данные [Arnott 1970] свидетельствуют о том, что рефактивные глаголы на *-t* ведут себя несколько иначе, чем реверсивные, с точки зрения залога. Во всех парах, относимых им к реверсиву, исходный и производный глагол употребляются с одинаковыми залоговыми показателями (актив — актив или медий — медий) В парах, причисляемых им к рефактиву, возможна как ситуация с сохранением исходного залога (медий — медий, несколько лексикализованных пар актив — актив), так

Помимо рефактивного и реверсивного значений у показателя *-t* отмечаются значения интенсива и рефлексивные употребления (см. пп. 3.3.1 и 5.1.1), так что, строго говоря, в данном случае можно предполагать опосредованную связь рефактивных значений с реверсивом. Нет ни типологических данных, ни семантических оснований, которые позволили бы постулировать непосредственную семантическую связь между реверсивом и рефлексивом. О возможности же совмещения реверсивного значения с интенсивным говорят данные языков банту (в некоторых языках рефактивное значение соответствующего показателя также засвидетельствовано, в некоторых нет), хотя семантическая связь между этими значениями не кажется очевидной.

Тем не менее, вероятной кажется более тесная связь реверсива именно с рефактивной зоной. В [Breedveld 1995] делается предположение о развитии у показателя *-t* в фула как всех рефактивных значений (репетитивного, реститутивного, респонсивного), так и реверсивного из пространственного значения *редитива* (также отмечаемого у этого суффикса). Пространственная метафора реверсивного действия как *обратного* (ср., например, наречие *на-оборот* в русском, развивающее на основе той же пространственной метафоры значение, близкое к реверсивному) достаточно правдоподобна, развитие же рефактивного значения из редитивного — типологически самый распространённый сценарий развития рефактива.

Менее убедительные, чем для фула, свидетельства полисемии реверсива с рефактивной зоной имеются в отдалённо родственном ему языке манканья (см. ниже) и в некоторых языках банту. В большинстве языков банту есть деривационный суффикс *-*ud*²⁴. Во многих банту встречается также редуцированная форма *-*udud*. Подробнее о деривационных суффиксах банту см.

и с меной залога (актив — медий). Однако непонятно, насколько, исходя из этих данных, можно считать, вслед за Арнотом, тенденцию к употреблению в медиальном залоге определяющей для рефактивного *-t* и видеть в этом принципиальное формальное отличие рефактивного *-t* от реверсивного.

²⁴ Реконструируемая форма прото-банту (см. [Schadeberg 2003]). В разных языках согласный может принимать форму *r*, *l*, *n*, гласный — форму *o*, *u* и др.

[Westphal et al. 1974; Hyman 2007] (в сопоставлении с системами глагольной деривации других языков нигер-конго), [Lodhi 2002; Schadeberg 2003: 72–79], подробнее о реверсивном суффиксе — [Dammann 1959; Schadeberg 1982]. У суффикса *-*ud* обычно выделяется две группы употреблений: первая наиболее многочисленная и семантически однородная — группа реверсивных употреблений, вторая — немногочисленная группа семантически разнородных и идиоматизированных употреблений, иногда объединяемых в описаниях под общим названием репетитивных (ср., например, противопоставление *inversiva* vs. *repetitiva* в [Dammann 1959]). Различие в синхронном статусе двух групп употреблений с той или иной степенью эксплицитности подчеркивается в большинстве работ по банту: чаще всего реверсивные употребления рассматриваются как основные, не-реверсивные — как периферийные. Например, в [Coupez 1985: 37] для языка руанда неревверсивные употребления описываются как «псевдодеривация». Для неревверсивных употреблений суффикса *-*ud* / *-*udud* характерны прежде всего значения интенсива и рефактива (репетитива, реконструктива), ср. примеры из языка лунда:

(36) лунда (банту, Замбия), [Kaumba Kawasha 2003: 167]

a. *kómb-* ‘почистить’ — *kómb-olol-* ‘вычистить дочиста’

b. *sot-* ‘приклеить’ — *sot-olol-* ‘переклеить’

В частности, рефактивные употребления, наряду с реверсивными и в некоторых случаях также интенсивными, зафиксированы у суффикса *-*ud* / *-*udud* в языках лунда [Kaumba Kawasha 2003: 167], ндонга [Fivaz 1986: 96] (*-ulul*), руанда [Coupez 1985: 37–38] (*-urur* / *-ür*), квангали [Dammann 1957: 74–75] (*-ur* / *-or*, *-urur* / *-oror*), венда [Poulos 1990: 185–186] (*-ulul* / *-olol*), кимбунду [Chatelain 1888: 101–102] (*-ulul*), лвена [White 1949: 34–35] (*-ulul* / *-unun* / *-olol* / *-onon*), шона [Fortune 1955: 222] (*-urur* / *-oror*), ила [Smith 1964: 130–131] (*-ulul* / *-unun* / *-onon*), северном сото [Poulos, Louwrens 1994: 144–145] (*-oll*), монго [Hulstaert 1965: 271–273] (*-ol*), конго (*-ul*, *-ulul*) [Laman 1934: 209–210], герепо [Möhlig, Kavari 2008] (*-oror* / *-urur*), ламба (*-ulul*) [Lodhi 2002]. В некоторых языках форма *-*ud* имеет только реверсивное значение, а редуцированная форма *-*udud* — только рефактивное и интенсивное: например, в кихолу [Daeleman 2003: 34] (*-ulul*), луба [Kabuta 1998: 130] (*-ulul*).

Для некоторых языков отмечаются также отдельные употребления, близкие к интенсивным, которые можно характеризовать как дистрибутивные, мультипликативные или комплетивные:

- (37) лвена (банту, Замбия), [White 1949: 34]
hand- ‘делить’ — *hand-unun-* ‘отделять много вещей друг от друга’
- (38) шона (банту, Зимбабве), [Fortune 1955: 222]
tuk- ‘проклинать’ — *tuk-urur-* ‘проклинать многократно, с повторениями’

В монго [Hulstaert 1965: 271–273] и конго [Laman 1934: 210] выделяется, помимо реверсивных, рефактивных и интенсивных, небольшая группа каузативных употреблений:

- (39) монго (банту, Конго), [Hulstaert 1965: 273]
- a. *-komb-* ‘закрывать’ — *-komb-ol-* ‘открывать’
  - b. *-leng-* ‘надрезать’ — *-leng-ol-* ‘отрезать’
  - c. *-lɔmb-* ‘спрашивать’ — *-lɔmb-ol-* ‘переспрашивать’
  - d. *-láng-* ‘слушать’ — *-láng-ol-* ‘заставлять слушать’

Вопрос о том, постулировать ли семантическую взаимосвязь между реверсивными, рефактивными и прочими употреблениями соответствующих суффиксов в банту, и если да, то как ее интерпретировать, решается разными исследователями по-разному. Одна из возможностей — считать ситуацию в банту проявлением синхронной полисемии, а одно из представленных выше значений — семантически и диахронически исходным. Главным кандидатом на роль исходного значения представляется на материале банту «основное» — реверсивное — значение (особенно наглядным кажется именно такое направление для языков, в которых реверсивное значение выражается простой формой, а рефактивное и/или интенсивное — редуцированной). Интерпретация, при которой реверсивное значение считается исходным, а рефактивное и интенсивное — параллельно развиваются из реверсивного при распространении соответствующего показателя на больший объем глагольной лексики, чем тот, что совместим с собственно реверсивным значением, предлагается, например, в статье [Schadeberg 1982]. Связь рефактива с реверсивом Т. Шадеберг объясняет, вслед за [Fortune 1955], предлагающим ту же интерпретацию для реверсива-рефактива в шона, тем фактом, что повторение действия предполагает в качестве важного компонента ликвидацию результата исходного действия (т.о., например, ситуация *переписать* может

осмысляться как *написать наоборот, противоположно* тому, как было написано в прошлый раз). Правда, логически та же идея необходимости ликвидации результата позволяет предположить и обратный переход от репетитивного значения к реверсивному: обратная, реверсивная ситуация в определенном смысле повторяет исходную (например, естественным переосмыслением операции *повторно открыть* применительно к уже открытой двери будет *закрытие двери*). Но, как было отмечено выше, для банту такой семантический переход кажется менее естественным. В [Dammann 1959] для банту в целом и в [Fivaz 1986: 96] для языка ндонга предлагаются интерпретации, сближающие реверсивное, рефактивное и интензивное значения через общую для всех этих значений идею «отклонения ситуации от нормального протекания» (в случае реверсива ситуация обратна «нормальной», в случае рефактива — добавочна или дополнительна по отношению к «нормальной», в случае интенсива — превосходит нормальную по интензивности). Обе гипотезы кажутся несколько искусственными и не имеют на материале банту конкретных подтверждений.

Другая логическая возможность — считать синхронные значения суффикса **-ud* в банту рудиментами полисемии, существовавшей на более раннем этапе диахронического развития и не искать непосредственной связи между существующими значениями (особенно учитывая достаточную степень лексикализации суффикса). В этом случае **-ud*-реверсив и **-ud*-рефактив естественнее всего рассматривать на синхронном уровне как два омонимичных суффикса. Так **-ud* интерпретируется, например, в описаниях [Kaumba Kawasha 2003] (лунда) и [Coupez 1985] (руанда), ср. также теоретическое обоснование этой позиции в [Плунгян 1992: 132–139].

Таким образом, ни материал фула, ни материал банту, ни их сопоставление не дает ясной картины взаимосвязи рефактивного значения с реверсивным, однако сам факт наличия рефактивно-реверсивной полисемии в двух генетически не самых близких группах языков позволяет предполагать для подобной взаимосвязи некоторые семантические основания, пока, может быть, не до конца понятные.

3.4.2. *Реверсив и реститутив: «две стороны одной медали»*. Отдельно следует упомянуть о взаимодействии значений ре-

версива и реститутива. Реститутивное значение — одно из основных значений рефактивной зоны — в определенном смысле антонимично реверсивному. Реверсив обозначает ситуацию, в некотором смысле противоположную ситуации, описываемой исходным глаголом. Реститутив, наоборот, обозначает ситуацию, аналогичную описываемой исходным глаголом, и противоположную некоторой — неназванной — предшествующей. Ср., например, замечания о семантическом «параллелизме» реститутива и реверсива на примере употреблений английского наречия *again* в [Cruse 1997: 105]. Исходя из этого, можно было бы предположить, что реститутивное и реверсивное значения не должны выражаться в языке одним и тем же показателем (то есть, если предположить диахроническое развитие обоих значений из значения редитива, язык должен выбирать либо реститутивный, либо реверсивный путь распространения редитивного значения на непространственную лексику). Ср. обсуждение этой проблемы и подобное предположение в [Шлуинский 2005].

В действительности же и в атлантических языках, и в банту такое совмещение значений оказывается возможным. Интересно, что в грамматике фула [Arnott 1970], где суффикс *-t* с рефактивным значением и суффикс *-t* с реверсивным значением описываются как два омонимичных суффикса, значительная часть реститутивных употреблений причисляется к особому подклассу реверсивного *-t*, а не к рефактивному *-t*²⁵, в том числе, например:

- (40) фула (атлантические, Западная Африка), [Arnott 1970: 341]
few-a ‘быть холодным’ — *few-t-a* ‘становиться холодным,
(повторно) охлаждаться’

Суффикс *-öš* в другом атлантическом языке — манканья — описывается в грамматике [Trifković 1969: 144] как реверсивный (*döš* ‘закрывать’ — *döš-öš* ‘открывать’). Тем не менее, в качестве примеров в грамматике приводятся, в частности, употребления, которые скорее можно интерпретировать как лексикализованный реститутив (*ḍiip* ‘копать’ — *ḍiip-öš* ‘раскапывать заново заваленную яму’). Других рефактивных значений у суффикса *-öš* не от-

---

²⁵ Это согласуется и с отмечаемой Арнотом тенденцией к употреблению рефактивного суффикса в меди: приводимые им реститутивные глаголы употребляются, как и реверсивные, в активном залоге.

мечается. Таким образом, в этом языке реверсивное и реститутивное значение не только совмещаются в одном показателе, но и являются единственным пересечением рефактивной и реверсивной семантических зон.

В грамматике [Fivaz 1986] языка ндонга (банту) для реверсивно-рефактивного суффикса *-ulul* приводятся не только примеры на реститутивное и реверсивное употребление с разными глагольными лексемами, но и антонимичные употребления с одной и той же лексемой:

(41) ндонга (банту, Намибия), [Fivaz 1986: 96]

tungá ‘построить’ — *okuutung-ulul-á* 1) ‘восстановить’ (реститутив); 2) ‘разрушить’ (реверсив)

Объяснить совмещение значений реститутива и реверсива можно следующим образом. Положим, что у некоторого показателя реверсивное значение и значения рефактивной зоны параллельно развиваются из значения редитива. Тогда значение реститутива, самое близкое к редитивному (см. п. 1) и промежуточное между ним и другими значениями рефактивной зоны, неизбежно окажется в числе значений этого показателя наряду с реверсивным.

Таким образом, логически как будто бы аномальное совмещение реститутива и реверсива объяснимо с диахронической точки зрения и засвидетельствовано в некоторых языках. Тем не менее, возможно, тенденция к тому, чтобы блокировать подобное совмещение, все-таки существует, и как раз проявлением этой тенденции можно объяснить относительную редкость совмещения значений рефактивной зоны с, казалось бы, семантически достаточно близким значением реверсива.

4. Фазовые значения: континуатив

Рефактивная зона смыкается с группой фазовых аспектуальных значений (значения, указывающие на временную фазу ситуации — прежде всего, середину и конец)²⁶. И связь эта, как будет показано ниже, обусловлена не только и не столько собственно близостью основных компонентов значения, сколько наличием

²⁶ Данное употребление термина «фазовые значения» не общепринято, см. подробное обсуждение этой группы понятий в [Плунгян 2011].

общих для рефактивной и фазовой зон дополнительных семантических оттенков, связанных с ожиданиями говорящего.

Наиболее частотным является совмещение рефактивных значений со значением континуатива ('продолжать делать, все еще делать'). Имеются также очень немногочисленные и фрагментарные данные по совмещению рефактивного значения с терминативным или комплетивным ('завершающая стадия ситуации'), в данной работе они подробно не рассматриваются.

Обзор типологических данных по полисемии рефактива и континуатива дан в п. 4.1. Континуативное значение семантически достаточно близко к центральному значению рефактивной зоны — репетитивному. В обоих случаях речь идет о значениях с пресуппозитивным компонентом. В случае репетитивного значения в пресуппозиции находится предшествующая ситуация, аналогичная рассматриваемой. В случае континуативного — предшествующая фаза той же ситуации. В п. 4.3 рассматриваются более периферийные значения рефактивной зоны — аддитив и рефактивный континуатив как промежуточные между репетитивным и континуативным значениями. Там же обсуждается общий для рефактива и континуатива дополнительный семантический компонент противоречия ожиданиям. П. 4.2 посвящен взаимодействию рефактива и континуатива с аспектуальными характеристиками глагола: репетитив рассматривается как естественная перфективная пара к аспектуально «дефектному» значению континуатива.

*4.1. Полисемия рефактив — континуатив:
типологические данные*

Совмещение рефактивных значений со значением континуатива ('продолжать делать, все еще делать') достаточно частотно. Ср. примеры из [Broadwell 2006: 316–317] на рефактивное и континуативное употребление суффикса *-moma* в языке чокто:

(42) чокто (мускогские, Оклахома), [Broadwell 2006: 317]

a. *hattak-ma piláashaash afaama-li-tokat*
man-DEM.ACC yesterday meet-1SG-PST.COMP.SS
himmah nittak afaama-li-moma-tok
now day meet-1SG-REP-PST

'Того человека, которого я встретил вчера, я опять встретил сегодня'.

b. <i>ot</i>	<i>chokkowa-li-hma</i>	<i>taloowa-sh</i>
come.and	enter-1SG-when.DS-TNS	sing-PTCP.SS
	<i>hhikíya-moma-tok</i>	
	stand.INCOMPL-REP-PST	
	‘Когда я вошел, он все еще пел’.	

Полисемия такого типа встречается в языках очень далеких друг от друга ареально и генетически. Так, совмещение рефактивного и континуативного значений засвидетельствовано для префикса *ga-* ‘опять, все еще’ в эве (ква) [Ameika 2008], для суффикса *-bu* в банджаланг (пама-ньюнга) [Sharpe 2005: 86–87], суффикса *-me* в дунгидьяву (пама-ньюнга) [Kite, Wurm 2004: 84–85].

Картина окажется более полной, если включить в рассмотрение многочисленные случаи полисемии рефактива с континуативом, встречающиеся за пределами глагольной аффиксации. Среди языков Европы следует упомянуть прежде всего романские языки (наречие *encore* во французском, *ancora* в итальянском (ср. анализ их семантики в [Tovena, Donazzan 2008]), частица *mai* в румынском [Donazzan, Mardale 2005]). В языках Африки значение рефактива и континуатива совмещают, например, вспомогательный глагол *bira* ‘повторять, продолжать’ в языке мбембе [Barnwell 1969: 221], «имперфективная частица» *bbáú* в языке куо [Glidden, Suellyn 1984: 48–50], вспомогательный глагол *-kong-*, восходящий к глаголу ‘продолжать’, в монго [Hulstaert 1965: 314], вспомогательный глагол *sáhá* в языке супире (гур, Мали) [Carlson 1994: 345–346]. Среди языков Азии рефактивно-континуативная полисемия характерна для мон-кхмерских языков: показатель *lai* во вьетнамском [Thompson 1965], показатель *plən* в мон [Bauer 2006: 415–416], показатель *gay* в кхму [Smalley 1961: 26], также зафиксирована для показателя *ik* в тайском языке [Noss 1954: 73]. Полисемия рефактива-континуатива наблюдается также в некоторых малайско-полинезийских языках. В кендаян [Adelaar 2005: 83, 62–63] частица *agi?* в постпозиции к глаголу служит рефактивным маркером, а в препозиции — континуативным. Показатель (*l)agi* в муаланг [Tjia 2007: 195] функционирует как аспектуальная частица с континуативным значением («дуратив») и как наречие с рефактивным значением. Репетитивные и континуативные употребления имеет частица *xai(si)* в удзгейском языке [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 439]. В [Watanabe 2003: 525] как один и тот же элемент в разных морфосинтаксических позициях рассматривается континуативный показатель *qəji* (препозитивная частица) и рефактивная энклитика *qil* в комокс (салишский).

4.2. Рефактив и континуатив: взаимодействие с аспектуальными характеристиками глагола

Для языков с рефактивно-континуативной полисемией характерна ситуация, когда соответствующий показатель выражает значение континуатива в сочетании с имперфективными глагольными формами и рефактивное значение в сочетании с перфективными глагольными формами. Например, показатель *sáhá* в языке супире имеет рефактивное значение при употреблении с перфективной частицей *á* и континуативное значение при употреблении с прогрессивной частицей *na* [Carlson 1994: 345–346]:

(43) супире (гур, Мали), [Carlson 1994: 345–346]

a. *tu sáhá á pa*
you REP PFV come
'Ты опять пришел'.

b. *fwòròbà sáhá na nye la*
cooperative REP PROG be Q
'Неужели кооперативы все еще существуют?'

В статье [Tovena, Donazzan 2008] на примере английского рефактивного наречия *again*, с одной стороны, и итальянского наречия *ancora* и французского *encore*, с другой стороны, предлагается выделять два типа рефактивных показателей в зависимости от того, как они ведут себя применительно к формам с имперфективной интерпретацией. Показатели первого типа выражают то же репетитивное (или реститутивное) значение, что и в перфективных формах (*he's happy again* 'он снова — как раньше — счастлив', *he's reading again* 'он снова — как раньше — читает'). Показатели второго типа имеют континуативную интерпретацию (*il est encore heureux* 'он все еще счастлив', *il est encore en train de lire* 'он все еще читает'). В более широкой типологической перспективе ситуация кажется более сложной: рефактивный показатель может иметь в имперфективных формах и континуативную, и репетитивную интерпретацию (как, например, частица *bbáú* в языке куо [Glidden, Suellyn 1984: 48–49]) или вообще не сочетаться / ограниченно сочетаться с имперфективными формами и классами глаголов, не допускающими перфективной интерпретации (например, рефактивный суффикс *-gi* в удэгейском языке не сочетается с глаголами психического со-

стояния [Nikolaeva, Tolskaya 2001: 317]). Тем не менее, важно, что, во-первых, осмысление точечного события как повторного, видимо, прагматически более естественно, чем соответствующее осмысление длящейся ситуации, и это влечет за собой бóльшую избирательность в поведении рефактивных показателей применительно к имперфективным формам, во-вторых, наиболее характерной имперфективной «парой» к репетитивному значению является континуативное.

4.3. Семантическая связь рефактивной зоны с континуативом: рефактивный континуатив, аддитив, противоречие ожиданиям

Континуативное значение указывает на срединную фазу ситуации, то есть на то, что 1) ситуация началась до рассматриваемого момента, 2) ситуация не закончилась к рассматриваемому моменту. От нейтрального значения прогрессива континуатив отличает обязательный семантический компонент оценки ситуации говорящим: тот факт, что ситуация к рассматриваемому моменту имеет место, не соответствует его ожиданиям ('ситуация должна была закончиться, но продолжается'). Семантический компонент 'наличие ситуации в рассматриваемый момент противоречит ожиданиям говорящего' объединяет континуативное значение со значением 'продолжения после перерыва', названного выше рефактивным континуативом (см. п.1). Два этих — на самом деле разных — значения часто выражаются в языке одним и тем же средством.

Независимое и совмещенное выражение континуатива и рефактивного континуатива можно проиллюстрировать на материале лексических показателей русского языка. Только континуативное значение выражается сочетанием *все еще*:

(44) *Надя управилась с посудой, а Служкин все еще читал.* [А. Иванов. Географ глобус пропил. НКРЯ]

(45) **Он отложил книгу, налил себе чаю, а потом все еще читал.*

Только рефактивно-континуативное значение выражается конструкцией *вернуться к*:

(46) *Судьба его — как большинства классиков — была нелегкой и включала, между прочим, арест и не то Соловки, не то высылку*

в Сибирь. Но теперь он благополучно **вернулся** к преподаванию в Ленинграде. [И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. НКРЯ]

Совмещение значений континуатива и рефактивного континуатива наблюдается для конструкции с глаголом *продолжать* / *продолжить*:

- (47) *Одна Собачонка, я видел, жутко перетрусилась, хотя и **продолжала** визжать, как зарезанная.* [В. Кунин. Кыся. НКРЯ] // ^{ок}...*хотя **все еще** визжала, как зарезанная.* континуатив
- (48) *Она визжала, носилась по каюте, кувыркалась на хозяйских кроватях... За что получила от него увесистый шлепок... А потом **продолжала** визжать, лаять, скакать и кувыркаться, как ни в чем не бывало...* [В. Кунин. Кыся. НКРЯ] // *...*а потом **все еще** визжала, лаяла, скакала и кувыркалась...* рефактивный континуатив

Естественным образом смыкаясь с континуативным значением, рефактивный континуатив упоминался выше как одно из частотных значений рефактивной зоны. Естественно предположить, что именно это значение связывает рефактивную зону с континуативом, ср. примеры из языка банджаланг на континуативное (48a), рефактивно-континуативное (48b) и репетитивное употребление одного и того же показателя (48c):

- (49) банджаланг (пама-ньюнга, Австралия), [Sharpe 2005: 131, 129]
- a. *ñula gannga-lih-ngu-bu ngurahm-wan.ga-hn*
3M think-NMLZ-ABL-REP asleep-INC-IPFV
'Все еще думая, он уснул'.
- b. *gundeh-gal yan.ga-hn-bu*
there-after go-IPFV-REP
'{На полпути они остановились и поели.} После этого они продолжили путь'.
- c. *dirahnggan-du waba-hn-bu*
witch-ERG look-IPFV-REP
'Дирангган еще раз посмотрел {и увидел женщину}'.

В качестве параллели к значению рефактивного континуатива (продолжение ситуации после перерыва), служащему точкой пересечения для рефактивной и фазовой семантических зон, можно указать еще одно — типологически более редкое значение рефактивных показателей. Речь идет об употреблении рефактива в контекстах завершения ситуации после перерыва (типа *допеть недопетую вчера песню*), отме-

чаемых, например, для агульского и адыгейского рефактивов ([Maisak, Merdanova 2011; Аркадьев рукопись: 20–21]). Подобные употребления сближают рефактив с еще одним фазовым значением — терминативным. Тем не менее, мы не располагаем надежными данными о возможности употребления рефактива в контексте завершения ситуации без перерыва (типа *допеть песню на одном дыхании*), которые позволили бы говорить о совмещении значений рефактива и терминатива, аналогичном совмещению рефактива с континуативом.

Достаточно близким к континуативному кажется также такое значение рефактивной зоны, как аддитив — ‘реализация ситуации с дополнительной порцией инкрементального участника’. С одной стороны, аддитивное значение часто выражается показателем с широким кругом рефактивных значений. С другой стороны, совмещение аддитивного значения с континуативным также отмечается, ср. пример на собственно континуативное и аддитивное употребление континуативного суффикса в сино-тибетском языке цян:

(50) цян (тибето-бирманские, Китай), [Huang 2005: 12]

a. *the stuaha tea-te*
3SG food CONT-eat
‘Он(а) еще ест’. континуатив

b. *a-zə a-tei-z*
a-little DIR-CONT-eat
‘Съешь еще немного!’ аддитив

Возможна и полисемия континуатив-репетитив-аддитив, как, например, у частицы *mai* в румынском языке:

(51) румынский, [Donazzan, Mardale 2005]

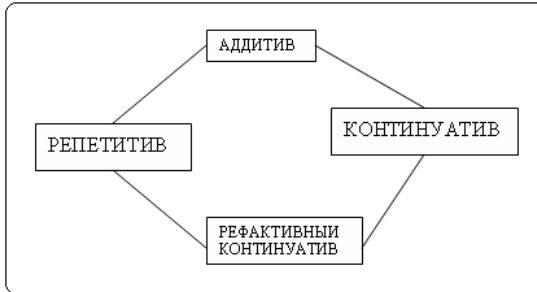
a. *Ion mai merge la bibliotecă*
John REP goes at library
‘Иван все еще ходит в библиотеку’. континуатив

b. *Ion mai vine în Paris la toamnă*
John REP come in Paris at autumn
‘Осенью Иван опять поедет в Париж’. репетитив

c. *Ion mai vrea mere*
John REP wants apples
‘Иван хочет еще яблок’. аддитив

Аддитивное значение естественно интерпретировать как стоящее в определенном смысле на стыке рефрактивной и континуативной зон. Для инкрементального контекста, в котором реализуется аддитивное значение, снимается противопоставление двух отдельных ситуаций (репетитив) vs. двух фаз одной ситуации (континуатив): положить несколько яблок + положить несколько яблок = положить несколько яблок.

Такая картина позволяет предполагать два логически равноправных диахронических сценария — от континуатива к рефрактиву и от рефрактива к континуативу. Первый: континуативный показатель через значение рефрактивного континуатива или аддитива охватывает перфективные формы, давая с ними репетитивное значение. Второй: репетитивный показатель получает в имперфективной форме рефрактивно-континуативную интерпретацию, а потом собственно континуативную. Рассмотренный пример из банджаланг заставляет предполагать скорее второй сценарий: основные употребления *-bu* — рефрактивные (в том числе и в формах с имперфективной интерпретацией), континуативные маргинальны. Но есть и типологические свидетельства в пользу первого сценария. Например, в океанийском языке мекео [Jones 1998: 427] слово *gege* (*keke*), функционирующее в западном диалекте как финитный глагол с континуативным значением ‘продолжать’, в других диалектах функционирует как частица с рефрактивным значением.

Отмеченный выше для континуативного значения семантический компонент противоречия ожиданиям объединяет его в целом с рефрактивной зоной. Повторение ситуации часто оказывается прагматически неестественным, избыточным, противореча-

щим ожиданиям. О часто наблюдаемой полисемии рефактива со значениями неожиданности см. п. 6.1.1.

В [Tovena, Donazzan 2008: 95] разбираются следующие интересные, в контексте обсуждения пересечения значений рефактива, континуатива и неожиданности, примеры на употребление итальянского наречия *ancora* ‘все еще, еще (один), опять’:

- (52) итальянский, [Tovena, Donazzan 2008: 95]
- a. *Maria sta ancora leggendo.*
    - 1) ‘Мария все еще читает’.
    - 2) * ‘Мария опять читает’.
  - b. *Maria sta leggendo ancora!*
    - 1) ‘Мария все еще читает!’
    - 2) ‘Опять Мария читает!’ {хотя окулист запретил ей читать}

Рефактивная интерпретация, в принципе возможная для наречия *ancora*, в общем случае не допускается в прогрессивной конструкции со значением длящегося непредельного процесса, в этом случае выбирается континуативная интерпретация (пример 51a). Единственное исключение — употребление в финальной позиции с просодическим выделением (пример 51b). В этом случае *ancora* может иметь не только континуативную, но и рефактивную интерпретацию, но в обоих случаях имеется в виду не нейтральное, а эмфатическое значение, дополнительно подчеркивающее противоречие ожиданиям говорящего: ‘все еще читает, хотя должна была прекратить’ в (1), ‘опять читает, хотя не должна читать’ в (2).

Итак, в некоторых языках отмечаются случаи полисемии континуатива и рефактива. Эти два значения семантически достаточно близки. Оба они содержат пресуппозитивный компонент, указывающий на совершение ситуации до рассматриваемого момента. Различие состоит в том, соотносится ли с этой предшествующей ситуацией следующая фаза той же ситуации (континуатив) или новая аналогичная ситуация (рефактив). Таким образом, вопрос о противопоставлении в языке рефактива и континуатива vs. совместном их выражении упирается в вопрос о границе ситуаций. Один и тот же фрагмент действительности может быть представлен в языке как единая ситуация с несколькими фазами или почленен на две отдельные ситуации. Континуатив-рефактив типологически представляет в этом отношении одну из точек вариативности: в зависимости от того, насколько релевантным оказывается разграничение двух аналогичных си-

упомянуть также показатель *-уо* в салиба, выступающий в той же функции [Margetts 1999: 334–335].

В языках Океании отмечается также множество неморфологических показателей рефактива-рефлекси́ва: ср. ново-ирландские языки халиа (показатель *pouts*) [Allen 1987: 77], вангуну [Lichtenberk 1991] и хоава [Davis 2003: 163, 49] (показатель *pule*); ново-каледонийские языки тинрин (показатель *mwâgi*), харачуу (показатель *mîgê*), харагуре (показатель *mîgê*) и меа (показатель *mwâi*), паичи (показатель *côwa*), хуаилу (Ajië) (показатели *yâi* и *tëë*) [Moyses-Faurie 2008]; а также в языках тавала (показатель *me-/meme*) [Ezard 1997: 136]; ненгоне (показатель *yawe*) [Moyses-Faurie 2008]; маори (показатель *apoo*) [Bauer 1999]; иааи (Iaai) (показатель *hmetu*) [Moyses-Faurie 2008], наканаи (показатель *lou*) [Johnston 1980: 46–47] и др.

Кроме того, о связи рефактива и рефлекси́ва можно говорить применительно к таким языкам, как банджаланг (паманьюнга) (показатель *-bu*) [Sharpe 2005: 86–87]; абхазо-адыгские: адыгейский (показатель *-ž'ə-*) [Рогава, Керашева 1966: 312], кабардинский (показатель *-ž-*) [Абитов и др. 1957: 133]; фула (показатель *-t-*) [Arnott 1970: 341–344], атапаскский язык бабин-вицуви́тен (показатель *ne-*) [Hargus 2007: 439–440].

5.1.1.1. Именные vs. глагольные рефлексивы. Следует оговорить, что понимается применительно к данным случаям под использованием рефактивных показателей в рефлексивном контексте. Ни в одном из вышеперечисленных языков показатель рефактива не является обязательным глагольным рефлексивным маркером, устраняющим объектную валентность глагола (типа русского *-ся*).

В ряде случаев речь идет об именных рефлексивах. Соответствующий показатель, присоединяясь к глаголу, выражает рефактивное значение, а присоединяясь к личному местоимению, превращает его в рефлексивное. Среди вышеперечисленных языков именные рефлексивы с рефактивным маркером зафиксированы в маори, харагуре, паичи, банджаланг. См. пример из банджаланг:

(54) банджаланг (паманьюнга, Австралия), [Geytenbeek, Geytenbeek 1971: 15]

njule-bu *gawga-ni* *djuŋuŋ-u*
он-REF резать-AOR нож-INSTR

‘Он порезался ножом’.

Для языков Океании характерен также промежуточный случай, когда рефактивный показатель в рефлексивной конструкции присоединяется к глаголу, но объектная валентность глагола сохраняется и заполняется соответствующим личным показателем. Так, в примере (55) из языка салиба рефактивный показатель *-уо-* употреблен при глаголе ‘видеть’ в рефлексивном контексте. Глагол при этом остается формально переходным и оформляется лично-числовым объектным показателем *-гаи*:

(55) салиба (океанийские, Папуа Новая Гвинея), [Margetts 1999: 334–335]

ya-kita-уо-i-gai

1SG-видеть-REF-APPL-1SG.OBJ

‘Я увидел себя’ (букв.: ‘Я увидел опять меня’).

5.1.1.2. Рефактивный маркер как вспомогательное средство во рефлексивизации. Во многих из рассмотренных языков глагольные показатели рефлексива-рефактива нельзя считать показателями рефлексива в строгом смысле, поскольку они являются не единственным средством, кодирующим рефлексив, а дополнительным и часто факультативным.

Так, в фула те употребления суффикса *-t-*, которые анализируются как рефлексивные, сопровождаются сменой залога (с активного на медиальный), и в некоторых описаниях (например, в [Breedveld 1995]) именно это считается основным средством кодирования рефлексива, а про рефактивный суффикс постулируется, что он употребляется в данном случае в значении, близком к исходному рефактивному, дополняя рефлексивную семантику²⁷.

В адыгейском (аналогичная ситуация в кабардинском) рефактивный суффикс *-ž’ə-* употребляется в рефлексивных контекстах факультативно вместе со специализированным показателем рефлексива *ze-*:

(56) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Рогава, Керашева 1966: 312]

ze-płə -ž’ə-в

REFL-смотреть-REF-PST

‘Он посмотрел на себя’.

---

²⁷ Ситуация несколько усложняется тем фактом, что, по описанию [Arnott 1970], большинство рефактивных употреблений *-t-* также предполагает мену залога.

В [Аркадьев рукопись] так же, как и для фула, предлагается считать, что в таких употреблениях мы имеем дело не с особым рефлексивным значением рефактивного показателя, а с прежним рефактивным значением, удачно вписывающимся в рефлексивный контекст.

В бабин-вицувитен рефактивный префикс *ne-* также употребляется в рефлексивных контекстах наряду со специализированными показателями рефлексива и специальным аффиксом *-d-*, относительно функций которого нет однозначного мнения в литературе по атапаскским языкам. В статье [Кибрик 2008], специально посвященной этому и двум другим аффиксам той же серии, показано, что основной его функцией является общее указание на понижающую актантную деривацию (в частности, рефлексив), тогда как конкретный тип деривации дополнительно задается специализированными аффиксами. Это интересно с той точки зрения, что показатель *-d-* в бабин-вицувитен и других атапаскских языках часто употребляется совместно с рефактивным показателем не только в рефлексивных, но и в рефактивных контекстах²⁸. Таким образом, рефактив в атапаскских языках в каком-то смысле осмысливается как понижающая деривация, что представляет дополнительный интерес в контексте рассуждений о связи рефактива с рефлексивом.

5.1.1.3. Рефактивный показатель в рефлексивном контексте: функция интенсификатора. И в языках с именными, и в языках с глагольными рефлексивными конструкциями рефактивный показатель оказывается факультативным средством выражения рефлексивного значения наряду с некоторым обязательным или одним из нескольких альтернативных рефлексивных показателей, морфологически более сложным. В таких случаях это, как правило, более периферийный рефлексивный маркер, используемый в наиболее выделенных, эмфатических контекстах, «тяжелый рефлексив» в терминологии [Kemmer 1993]²⁹. Например, в

²⁸ Правила употребления *-d-* в рефактивных контекстах достаточно тонкие и, видимо, различны для разных языков. См., например, корпусное исследование рефактивных употреблений *-d-* в танайна [Berez, Gries to appear].

²⁹ В соответствии с предположением С. Кеммер, если в языке есть несколько средств выражения рефлексивного значения, то морфологи-

языках паичи и хуаилу рефлексивное значение может выражаться с помощью глагольного префикса («легкое» средство) или с помощью комбинации глагольного префикса и рефактивного показателя («тяжелое» средство). Как показано в [Moyses-Faurie 2008], второй способ выражения рефлексива используется в эмфатических контекстах:

(57) хуаилу (океанийские, Новая Каледония), [Moyses-Faurie 2008: 149]

na *dè* *vi-êré* *è* *tëë* *yè* *padii-e*
3SG ASS REFL-говорить 3SG REP OBL брат-POSS.3SG
na *Maria*
SM Мария

‘Мария говорит своему брату о самой себе [а не о ком-то еще]’.

И формально, и функционально рефактивные показатели в рефлексивном контексте оказываются, таким образом, близки к интенсификаторам, употребление которых в рефлексивной функции (ср. английское *himself*) более частотно и широко известно (см., например, [Лютикова 2002]). Интенсификаторы также, прибавляясь к личному или специализированному рефлексивному местоимению, часто выступают в языке в качестве «тяжелого» эмфатического рефлексивного средства на фоне некоторого нейтрального.

5.1.1.4. Рефактив и рефлексив: семантические связи. Что касается семантической связи рефактивной зоны с рефлексивным значением, то интуитивно наиболее естественным кажется предположение о связи через значение редитива. Рефлексивное действие можно представить как метафорически направленное субъектом ситуации **обратно** к самому себе³⁰. Подобное объяснение независимо предлагается в [Lichtenberk 1991] для вангуну и паама и в [Аркадьев рукопись: 18] для адыгейского языка.

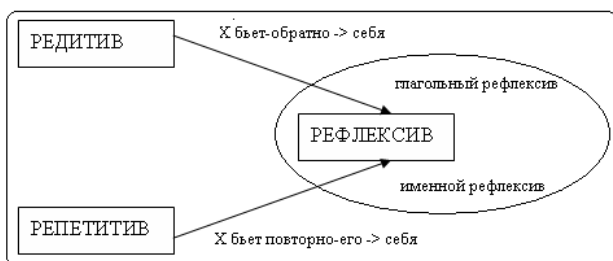

чески более простое используется в более нейтральных контекстах («легкий рефлексив»), а морфологически более сложное — в более эмфатических контекстах («тяжелый рефлексив») [Kemmer 1993: 25].

³⁰ Та же метафора используется в традиционных терминах «возвратный глагол», «возвратное местоимение».

При этом не противоречит интуиции и гипотеза о непосредственной семантической связи между рефлексивным и репетитивным значением.

Здесь следует вспомнить о противопоставлении глагольных vs. именных рефлексивов. Если для глагольного рефлексива связь между идеей повторного действия и рефлексивного действия не вполне очевидна, то в ситуации именного рефлексива, когда рефактивный показатель присоединяется к личному местоимению, указывающему на совпадающего с субъектом участника ситуации, она вполне прозрачна. Оформление участника ситуации рефактивным показателем метафорически указывает на то, что он появляется в ней — в новой роли — **еще раз, повторно**.

Итак, логически правдоподобными кажутся два варианта семантической связи. В пользу первого варианта говорят данные языков паичи, хуаилу и халиа, где рефлексивное значение выражает специализированный показатель редитива. В языке паичи в рефлексивной функции выступает наречие *sōwá* ‘обратно’, в хуаилу — частица *yâi* ‘обратно’ (наряду с частицей *tēē* ‘опять’), в халиа — наречие *pouts* ‘обратно’. В пользу того же варианта семантического развития говорят данные языков, в которых рефлексив диахронически связан непосредственно с глаголом ‘возвращаться’, но не с рефактивным показателем. В океанийском языке банони [Lincoln 1976: 184–186] рефлексивная конструкция образуется с помощью глагола *geroo* ‘возвращаться’. В рефактивном значении (за исключением некоторых идиоматизированных выражений) эта конструкция не используется. В статье [Schladt 2000], посвященной источникам грамматикализации рефлексива, упоминается развитие показателя рефлексива из глагола ‘возвращаться’ в южноамериканском языке саныма.

В пользу гипотезы о непосредственной связи репетитивного значения с рефлексивным говорят данные языка маори. Наречие *апоо* в маори имеет значение репетитива ('еще раз') и рефлексивные употребления (именной рефлексив). По-видимому, в значении редитива ('обратно') оно употребляться не может, это значение выражается конструкциями с глаголом *hoki* 'возвращаться' и наречием *whakamuri* 'обратно'.

5.1.2. *Посессивный рефлексив*. В адыгейском и кабардинском языках рефактивный показатель употребляется также в значении посессивного рефлексива — для указания на кореферентность субъекта действия и обладателя объекта действия:

(58) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Рогава, Керашева 1966: 312]

'e ə-plə-ž'ə-k

рука 3SG.SBJ-смотреть-REP-PST

'Он_i посмотрел на свою_i/*его_j руку'.

В этом случае он употребляется не вместе со специализированным показателем, а в качестве единственного средства выражения рефлексивного значения.

В посессивных рефлексивных контекстах употребляется и рефактивный префикс *ne-* в бабин-вицувитен.

5.1.3. *Рефлексивный бенефактив*. Помимо полисемии с собственно рефлексивным значением, в некоторых языках отмечается полисемия рефактива с близким к рефлексивному значением рефлексивного бенефактива, или автобенефактива ('делать для себя'). Этот тип полисемии зафиксирован в языке карок [Bright 1957: 88–89] для приставки *(i)p-* (репетитив, реститутив, редитив, рефлексивный бенефактив):

(59) карок (хока, Калифорния), [Bright 1957: 88]

a. *'áko* 'ударить' — *p-áko* 'ударить еще раз'

b. *iykara* 'убивать' — *p-iykara* 'убивать для себя, напр., забивать (скот)'

В атапаскском языке бабин-вицувитен [Hargus 2007: 439–440] рефактивная приставка *ne-* служит вспомогательным элементом, с одной стороны, как отмечено выше, в рефлексивной конструкции, с другой стороны — в рефлексивно-бенефактивной конструкции.

Среди неморфологических показателей тот же тип полисемии демонстрирует лексема *fāan* в кантонском китайском [Matthews, Yip 1994: 214], которая функционирует как глагол со значением ‘возвращаться’ и как частица со значениями рефактивной зоны, с одной стороны, и рефлексивного бенефактива (‘для себя, в свою пользу’), с другой стороны.

Как и собственно рефлексивное значение, значение рефлексивного бенефактива, скорее всего, связано с рефактивной зоной через значение редитива. Оно присутствует у всех обсуждавшихся выше показателей, а у показателя *fāan* в кантонском китайском является основным и не совмещается с репетитивным. Для данного типа полисемии естественнее всего предполагать метафорический перенос типа ‘делать обратно’ → ‘делать обратно к себе’ → ‘делать в свою пользу’.

Рассмотренные в разделе данные показывают, что выражение рефлексивного значения с помощью рефактивных показателей, хотя и не является очень широко распространенным в языках мира явлением, но наблюдается, тем не менее, в языках достаточно далеких друг от друга географически и генетически. Основным ареалом распространения *again*-рефлексивов, по-видимому, следует считать Океанию. Сходные явления зафиксированы также в Австралии (банджаланг), на Северном Кавказе (абхазо-адыгские языки), в ряде ареалов Северной Америки.

В большинстве случаев использование показателей рефактива в рефлексивных контекстах не является единственным или основным средством кодирования рефлексивной ситуации. Отмечается тенденция к использованию рефактивных показателей для выражения неканонических рефлексивных ситуаций. В этом смысле рефактивные показатели в рефлексивных конструкциях можно сопоставить с интенсификаторами.

С точки зрения формальной структуры, рассмотренные случаи представляют собой крайне неоднородную группу. Рефлексивные показатели в рассмотренных языках сильно различаются по степени грамматикализации. Среди них представлены как глагольные, так и именные маркеры. В связи с этим вопрос о возможности межъязыкового отождествления всех этих случаев и единой семантической интерпретации остается открытым.

На основании представленного в работе материала разных языков можно, тем не менее, постулировать наличие двух типов

семантической связи между рефлексивным значением и значениями рефактивной зоны. Первый тип предполагает непосредственную связь рефлексива с редитивом, второй тип — предлагаемый для именных рефлексивов — предполагает непосредственную связь рефлексивного значения с репетитивным.

Помимо случаев использования рефактива в собственно рефлексивных контекстах, в некоторых языках засвидетельствовано его использование в контексте посессивного рефлексива ('делать со своим объектом') и рефлексивного бенефактива ('делать для себя'). Подобные употребления, видимо, основаны на той же метафоре, что и собственно рефлексивные.

5.2. Реципрок

В некоторых из рассмотренных выше языков с рефактивно-рефлексивной полисемией соответствующие показатели имеют, помимо рефлексивного, также реципрокальное значение. Таковы ново-каледонийские языки тинрин (показатель *mwâgi*), харачуу (показатель *mûgê*) и меа (показатель *mwâi*) [Moyses-Faurie 2008], а также маори (показатель *anoo*) [Bauer 1999] и банджаланг (показатель *-bu*) [Crowley 1978]. Полисемия рефлексива и реципрока, как известно, широко распространена в языках мира (см. Nedjalkov (ed.) 2008). Возникает вопрос, обусловлено ли наличие у рефлексивной конструкции с рефактивным показателем значения реципрока только семантической близостью рефлексивного и реципрокального значений или существует также непосредственная семантическая связь между значениями рефактивной зоны и реципрокальным.

В пользу последнего утверждения говорят данные адыгейского языка и океанийского языка иааи, в которых рефактивный показатель используется и в рефлексивной, и в реципрокальной конструкции, но сами конструкции не тождественны. В адыгейском языке есть показатель рефлексива *ze-* и показатель реципрока *zere-*, оба факультативно сопровождаемые рефактивным маркером *-ž'ə-*. Ср. пример на употребление *-ž'ə-* с показателем реципрока:

(60) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Letuchiy 2007: 785]

zeč'e çəz-xe-r zere-лєв.-ž'ə-x

все человек-PL-ABS RECIP-видеть-REP-PL.SBJ

'Все люди видят друг друга (= встречаются)'

В языке иааи глагол *hmetu* является обязательной частью рефлексивной конструкции *ham*-POSS + V + *hmetu*. Он же факультативно выступает в реципрокальной конструкции *û*-...-*kôu* + *hmetu* (см. [Moyses-Faurie 2008: 146–147]).

Есть и языки с реципрокально-рефактивной полисемией без рефлексивного значения. Например, в океанийском языке восточный амбаэ (диалект лоловоли) в реципрокальной (но не рефлексивной) конструкции используется рефактивное наречие *taligu* ‘опять’:

(61) восточный амбаэ (океанийские, Вануату), [Hyslop 2001]

ra=*u*   *wehe*=*ra*   ***taligu***

3PL.SBJ   бить=3PL.OBJ   **опять**

1) ‘Они бьют друг друга’.

2) ‘Они_i опять бьют их_j’.

3) * ‘Они бьют сами себя’.

В языке мон показатель *plɔn* (восходящий к глаголу ‘поворачивать’) также имеет рефактивное и реципрокальное значения [Baueer 2006: 391].

Таким образом, рефактивное значение оказывается семантически связанным с реципрокальным не только опосредованно через значение рефлексива, но и непосредственно.

Семантическую близость реципрокального и рефактивного значений можно объяснить следующим образом. Реципрокальная ситуация состоит из двух подситуаций, которые в определенном смысле *повторяют* друг друга (ср. значение ‘еще раз’) и в определенном смысле направлены *в противоположном друг другу направлении* (ср. значение ‘обратно’). Различие между рефактивным и реципрокальным значениями состоит в подаче пропозиционального содержания высказывания. Каноническое рефактивное значение предполагает, что одна из ситуаций (повторяющая, противонаправленная) является ассертивным компонентом, а другая (повторяемая, исходная) находится в пресуппозиции. При реципрокальном значении обе ситуации находятся в ассерции. Можно предположить, что из частных значений рефактивной зоны ближе всего к реципрокальному значению респонсива (‘делать в ответ’). Тем не менее, надежных данных в пользу этой гипотезы у нас нет.

6. Модально-дискурсивные значения

Рефактивные показатели часто используются для выражения значений, которые можно объединить под общим именем модально-дискурсивных. Среди них, в частности, значения неожиданности или противоречия ожиданиям (п. 6.1), значение кульминации в нарративе (п. 6.2), значения, связанные с последовательностью изложения событий — ‘а потом’, ‘а еще’, ‘к тому же’ (п. 6.3), а также значение экспериентива (п. 6.4). Подобные употребления рефактива, как кажется, в большей степени характерны для лексических рефактивных средств, нежели для морфологических, что делает последующее изложение вынужденно неполным.

6.1. Значение неожиданности:

‘вдруг, неожиданно, вопреки ожиданиям’

В некоторых языках у рефактивных показателей отмечается значение неожиданности, противоречия ожиданиям. Ср. примеры на употребление префикса *um-* в океанийском языке сие [Crowley 1998: 104–105], который обозначает однократно повторяющиеся ситуации и «ситуации, развивающиеся сверх ожидаемого обычно»³¹:

(62) сие (океанийские, Вануату), [Crowley 1998: 104–105]

a. *um-omonki*

REP-drink

‘Пей опять!’

b. *y-ete*   *m-ete*   *yetwotal*   *m-um-mah*

3.DISTPST-stay S.SG-stay   short.while S.SG-REP-die

‘Она постояла немного и (вопреки ожиданиям) умерла’.

В тотонакском языке тепева-веветла [Watters 1988: 242; Kung 2007: 296–297] рефактивный суффикс *-pala* употребляется, в частности, когда «отмечается неожиданный ход событий или неуместное отношение или действие не одобряется говорящим»³².

³¹ «actions which take place over and above what is ordinary expected» [Crowley 1998:105]

³² «an unexpected turn of events is indicated or an unwarranted attitude or action is being reproved» [Watters 1988: 242, со ссылкой на Herzog, ms.]

Значение «противоречия ожиданиям говорящего» выделяется в [Аркадьев рукопись] в качестве одного из периферийных значений рефактивного суффикса *-ǝ'* в адыгейском языке.

Среди неморфологических показателей рефактива с подобными употреблениями можно отметить следующие. Частица *anoo* в маори [Williams 1957: 10], показатель *lis* в языке лителитс (океанийский) [Crowley 2006: 132], наречие *lai* в амбонском малайском [Minde 1997: 254–255], клитика *-nyali* в гуниянди (бунаба) [McGregor 1990: 460, 467], частица *lai* во вьетнамском [Thompson 1965: 348–349].

Значение противоречия ожиданиям непосредственно смыкается с обсуждаемыми ниже значениями, указывающими на структуру дискурса, которые также часто отмечаются у рефактивных показателей. Неудивительно, что часто значение противоречия ожиданиям появляется у рефактивного показателя наряду с некоторым набором дискурсивных значений. Особенно показательны случаи, когда все подобные употребления формально противопоставлены собственно рефактивным. Например, в языке эдзагам (бенуэ-конго, экойдные) [Watters 1981: 419–420] есть особая форма, называемая в описании «dependent temporal», которая характеризуется использованием рефактивного префикса *kpǝ-* и особым тоновым оформлением³³. Она употребляется в значении ‘вдруг, внезапно’, особенно часто при глаголах восприятия (‘видеть, слышать’):

(63) эдзагам (бенуэ-конго, экойдные, Нигерия), [Watters 1981: 420]
à-kpǝ-yúg   *Ǟ-jǝg*   *à-kǝ-bá*
 3SG.DEP-REP-hear CLF-elephant CLF-PROG-come
 ‘{Он гулял в кустах.} Внезапно он (что-то) услышал. Шел слон!’

Та же форма с рефактивным префиксом отсылает к предшествующему упоминанию той же ситуации в дискурсе (см. подробнее п. 6.3.2.).

За описанием значения как указывающего на неожиданность, противоречие ожиданиям может стоять на самом деле целый ряд близких, но не вполне тождественных явлений. Ситуация

³³ Высокий тон на личном префиксе и рефактивном префиксе для третьего лица множественного числа, низкий тон на личном префиксе и рефактивном префиксе для остальных лично-числовых форм.

может противоречить ожиданиям говорящего, слушающего, субъекта ситуации или всех их в равной степени. Она может противоречить ожиданиям, возникающим на основании логики предшествующих по времени или ранее изложенных событий (здесь значение неожиданности смыкается с целым рядом значений, указывающих собственно на структуру дискурса) или на основании общих представлений о мире. Наконец, это может быть противоречие тем или иным конкретным ожиданиям (что событие не произойдет, что событие произойдет, что оно будет иным, что вместо него произойдет другое событие и т. д.) или отсутствие каких бы то ни было ожиданий. Имеющиеся данные по полисемии рефактива со значениями противоречия ожиданиям пока недостаточны для того, чтобы говорить о том, какого именно рода употребления для указания на неожиданность особенно характерны для рефактивных показателей. Понятно, тем не менее, что круг таких употреблений широк и неоднороден. Ср. некоторые примеры из упомянутых выше языков:

(64) вьетнамский (мон-кхмерские, Вьетнам), [Thompson 1965: 348–349]

sao anh lại không đánh dây thép tru'ò'c
почему ты REP NEG бить телеграмма раньше
'Почему ты первым делом не послал телеграмму?' Ожидание говорящего: произойдет противоположное событие.

(65) тепева-веветла (тотонакские, Мексика), [Kung 2007: 297]

*maa toqlh 7an-paa juu laka-jip*³⁴
RPT burning go-REP.PFV ART PREF-fire
'Она (неожиданно) прыгнула в огонь'. У говорящего нет ожиданий относительно данной ситуации, она кажется ему маловероятной на основании энциклопедических знаний о мире.

Исходя из имеющихся данных, можно сказать, что значение неожиданности связано с рефактивной зоной через значение релетитива (ср., например, чисто релетитивный суффикс *-pala* в тепеуа). Объяснение данного типа полисемии может строиться на основании предположения о семантическом сходстве значений рефактива и неожиданности. Можно, например, постулировать метафорический перенос, при котором ситуация, происходящая

---

³⁴ 7 = ?

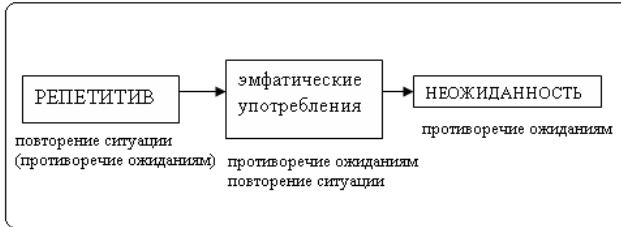
сверх ожиданий (значение неожиданности), осмысляется так же, как ситуация, происходящая сверх некоторой аналогичной ситуации (репетитивное значение). Подобные объяснения предлагают, например, в [Minde 1997] для малайского.

Тем не менее, мы предлагаем несколько иное объяснение, связывающее этот тип полисемии с постепенным вынесением на первый план идеи неожиданности, сопутствующей рефактивному значению изначально, через эмфатические употребления рефактива. Значение однократного повторения ситуации само по себе предполагает прагматический компонент неожиданности. Ситуации в действительности повторяются гораздо чаще, чем говорящие сообщают об этом. Очень немногие ситуации реального мира абсолютно уникальны. Несколько огрубляя, можно считать, что репетитив в большей степени имеет отношение к представлению ситуации, чем к отражению ее денотативных особенностей, то есть речь идет не о противопоставлении повторных и неповторных ситуаций, а о противопоставлении ситуаций, для которых говорящему важно, что они повторные, и тех, для которых это неважно. Рассуждения на эту тему см. в [Wälchli 2006: 69–70, 103–104; Fabricius-Hansen 2001]. Часто употребление рефактивного показателя указывает не только на то, что ситуация является повтором, а еще и на то, что этот повтор противоречит ожиданиям говорящего (или слушающего, по мнению говорящего). Естественный семантический сдвиг в этом случае — вынести на первый план информацию о противоречии ожиданиям, а информацию о повторе ситуации оставить на втором плане. Именно такой сдвиг наблюдается в эмфатических употреблениях рефактивных маркеров типа следующего:

- (66) *Какой там этаж? Опять восьмой? Восьмой же вроде был...* [А. Хайт. Из сборников прошлых лет. НКРЯ] Ожидание говорящего: этаж не может быть восьмым, потому что на восьмом он уже был; основная коммуникативная задача говорящего — выразить удивление несоответствию своим ожиданиям.

Употребления, в которых семантический компонент неожиданности остается единственным, а семантический компонент повтора исчезает совсем, можно считать естественным продолжением того же процесса.

Связывая употребления рефактива в значении неожиданности с эмфатическими употреблениями рефактива, полезно обратиться к противопоставлению тяжелых и легких рефактивных показателей, введенному в [Wälchli 2006] (см. п. 3.1.2). Исходя из гипотезы о связи значения неожиданности с эмфатическими употреблениями рефактива, можно предположить, что значение неожиданности в наибольшей степени должно быть характерно для тяжелых рефактивных маркеров в терминологии Б. Вельхли. Таким образом, полисемия со значением неожиданности должна быть особенно характерна для наречий (прототипических тяжелых рефактивов), которые практически не вошли в нашу выборку. Тем не менее, такой тип полисемии, как было показано выше, отмечается и у морфологических показателей (ср. адыгейский, гуниянди, сие). Из них адыгейский показатель *-z'ə-* вошел в выборку Вельхли, и анализ его употреблений показал, что они покрывают как зону, характерную для легких маркеров, так и зону, характерную для тяжелых маркеров, таким образом, наличие у него значения неожиданности не противоречит сформулированной выше гипотезе.

6.2. Кульминация в нарративе

В аравакских языках янеша (суффикс *-err*) [Duff-Tripp 1997: 87–88] и какинте (суффикс *-ah*) [Swift 1988: 51] отмечаются употребления показателей широкого рефактива для указания на кульминацию в нарративе. Ср. пример из янеша:

(67) янеша (аравакские, Перу), [Duff-Tripp 1997: 88]

y-achor-epa't   *o' rr-atat-err-ey*   *ačhcash*
 1PL.POSS-мать-SURPR PRF есть-CAUS-REP-1PL.OBJ карлик
 'Карлик дал нам мяса нашей матери!'

Такое употребление рефактивных показателей кажется близким к рассматриваемым выше эмфатическим употреблениям в значении 'противоречия ожиданиям', характерным для показателей рефактива во многих языках. В обоих случаях функция рефактивного показателя — маркировать некоторую выделенную

ситуацию. В случае 'противоречия ожиданиям' она, по мнению говорящего, противоречит логике развития описываемых событий, в случае 'кульминации' укладывается в нее, но не «на общих основаниях». Как и употребления в значении 'противоречия ожиданиям', употребления для указания на кульминацию, видимо, связаны (хотя и менее явным образом) с прагматической выделенностью, нетривиальностью ситуации повторения.

*6.3. Переосмысление идеи повторения в дискурсе:
'к тому же', 'а потом'*

В данном разделе рассматриваются употребления рефактивных маркеров для поддержания связности дискурса, в которых так или иначе переосмысляется идея однократного повторения (репетитивное значение). Для репетитивного значения принципиальными являются две идеи: 1) упорядоченность ситуаций во времени (рассматриваемая ситуация следует за некоторой аналогичной) и 2) тождественность ситуаций (рассматриваемая ситуация аналогична предшествующей). Обе эти идеи эксплуатируются при переносном употреблении рефактивного маркера в дискурсивной функции. В п.6.3.1. рассматриваются «присоединительные» употребления рефактива ('к тому же, кроме того, а еще'), в которых на первом плане оказывается идея тождества ситуаций, в п.6.3.2. — консекутивные употребления ('а потом, позже'), для которых центральным моментом является упорядоченность ситуаций во времени.

Подобные дискурсивные употребления более характерны для неморфологических показателей рефактива. Предельным случаем грамматикализации лексического маркера рефактива в дискурсивной функции можно считать превращение его в сочинительный союз, как, например, во многих языках Индии — дравидийских и мунда. (Ср. также некоторые данные по грамматикализации рефактива в сочинительный союз в языках других семей и ареалов в [Mithun 1988: 353] и [Wälchli 2006: 89]). Для морфологических показателей рефактива данный тип дискурсивных употреблений, как кажется, менее характерен, поэтому в данной работе он рассматривается не очень подробно.

6.3.1. Присоединительное значение: 'к тому же, кроме того, вдобавок, а еще'. Рефактивные показатели часто используют

ся для указания на то, что описываемая ситуация в некотором смысле уподобляется некоторой ранее упомянутой (служит ее логическим продолжением, подтверждением, уточнением, частным случаем и т. п.). Более характерны такие употребления для неморфологических показателей.

Так, хорошо известны подобные употребления рефактивных наречий в языках Европы (ср. дискурсивные употребления английского *again* или русское *опять же*). Ср. также некоторые примеры подобного употребления рефактивных маркеров в языках других семей и ареалов: в мбембе (кросс-ривер) [Barnwell 1969: 221] вспомогательный глагол *bira* употребляется в репетитивном значении и в значении «делать в дополнение к другому действию». В камбера (австронезийский) [Klamer 1994: 254] рефактивная клитика *-i* употребляется в значении «к тому же». Во вьетнамском языке упомянутый выше показатель *lại* в препозитивной позиции может иметь значение «кроме того, более того» [Thompson 1965: 348–349].

Тем не менее, дискурсивные употребления такого рода встречаются и у морфологических показателей рефактива. Ср. например, употребления рефактивного суффикса *-b'au* в языке хуп (изолят, Бразилия) типа (68), описываемые в грамматике [Epps 2008: 660], или употребления рефактивного суффикса *-ž'ə* в адыгейском языке типа (69), упоминаемые в [Аркадьев рукопись]:

(68) хуп (изолят, Бразилия), [Epps 2008: 660]

yúp tih key-d'əh-sak-g'et-pid-ih
that 3SG see-send-stand-DISTR-DECL
núp=b'au hōd-an tih waŋ-yəet-ni-b'au-áh
this=AGAIN hole-OBL 3SG spy-lie-be-REF-DECL

‘И собака встает (на задние лапы) у дерева и смотрит... а тот (мальчик), он ложится и заглядывает в нору {с одной и той же целью}’³⁵.

(69) адыгейский (абхазо-адыгские, Адыгея), [Аркадьев рукопись: 20]

jež' a-лєк,ə-к-ew ja-te-me
сам 3PL.A-видеть-PST-ADV 3PL.POSS-отец-ERG.PL

³⁵ Ср. интерпретацию этого примера в [Epps 2008: 660]: «Here *-b'au* apparently functions to relate the action of the boy to that of the dog, as simultaneous events (with a common goal) performed by different agents».

q-a-ʔ_we-ʒ'-ew

ze-x-a-xə-ke-r

INV-3PL.A-говорить-REP-ADV REFL-LOC-3SG.IO-слышать-PST-ABS

q-a-ʔ_we-š'təve

INV-3PL.A-говорить-IPF

‘Они рассказывали то, что сами видели, а также то, что слышали от своих отцов [букв. «то, что они слышали, когда их отцы тоже говорили»]’.

Подобные употребления семантически близки к репетитивным употреблениям рефактивных показателей (‘однократное повторение ситуации’). Различие в том, что если за репетитивным значением стоит две идеи: 1) повторная ситуация аналогична исходной, 2) повторная ситуация следует по времени за исходной, то в данном случае сохраняется идея тождества ситуаций (или скорее — представления ситуаций как тождественных), а следование во времени переосмысливается как следование предикаций в дискурсе.

6.3.2. Консекутивное значение: ‘а потом’. В некоторых языках зафиксировано использование одних и тех же показателей в рефактивной функции и в «консекутивной» (в терминологии [Нуман 1971]) функции — для указания на временную (или временную и причинно-следственную) связь ситуаций (‘ситуация1, а потом / тогда / как следствие ситуация2’). «Аддитивный» суффикс *-di/-du* в чадском языке боле [Gimba 2000: 128–134] употребляется в репетитивном значении, а также вводит второе по времени, «дополнительное» действие в прагматически естественных последовательностях действий (*поест и попить, вскопать поле и посадить что-то* и т. п.). Тем же суффиксом оформляется смысловой глагол в инструментальной сериальной конструкции с глаголом ‘брать’ (*взял бревно, обмолотил-REP зерно*). Этот тип употреблений следует, видимо, рассматривать как дальнейшую грамматикализацию консекутивного значения (*взял, а потом обмолотил*).

К консекутивным, судя по текстам [Nikolaeva et al. 2000], можно отнести некоторые употребления суффикса *-gi* с широким кругом рефактивных значений в удэгейском языке ³⁶:

³⁶ Тем не менее, в подробной грамматике [Nikolaeva, Tolskaya 2001], где семантике данного суффикса посвящен специальный раздел, консекутивные употребления *-gi* не упоминаются.

(70) удэгейский (тунгусо-маньчжурские, Дальний Восток), [Nikolaeva et al. 2000: 86]

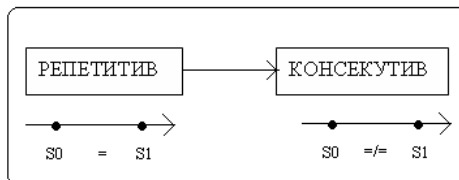
mui-ne-ni   *bu-o-k*   *mui*   *wei-le-ni*
horse-DEST-POSS.3SG   give-PST-3PL   horse   on-LOC-3SG
una-gi-ek   *ɲeni-e-ni*
mount-REP-EXPR   go-PST-3SG

‘Он дал им лошадь, и они сели-REP на лошадь и ускакали’.

Консекутивное употребление рефактивных показателей, как кажется, в большей степени характерно для неморфологических показателей. Например, в нило-сахарском языке лого [Wright 1995: 72–74] имеется показатель *gò* (называемый в грамматике «subsequence marker»), восходящий к глаголу ‘возвращаться’, который в ненарративном дискурсе выражает рефактивное значение, а в нарративном — консекутивное значение ‘затем, тогда, потом’. В первом случае он выступает как вспомогательный глагол, во втором — как вспомогательный глагол или союз (в препозиции к субъекту). Рефактивное и консекутивное значения имеет показатель *shi'i*, восходящий к глаголу ‘повторять’, в языке тив (тивоидные, [Abraham 1933: 52–53]). «Консекутивная частица» *ar* в океанийском языке атчин [Capell 1980: 82–83] употребляется в репетитивном значении и в консекутивном.

Семантическая связь консекутива с рефактивной зоной вполне прозрачна. Если репетитивное значение предполагает отсылку к аналогичной предшествующей ситуации, то в данном случае происходит такая же отсылка к предшествующей ситуации, но не аналогичной, а логически или прагматически связанной с данной.

Говорить о направлении связи от рефактива к консекутиву позволяют, например, данные тив (диахроническая связь с глаголом ‘повторять’) и лого (диахроническая связь с глаголом ‘возвращаться’). Говорить о связи именно с репетитивом позволяют данные атчин (только репетитивное значение рефактивной зоны).

Важное отличие консеккутивных употреблений от репетитивных, заставляющее рассматривать их как дискурсивные, состоит в следующем. Если в значении рефактива показатель может отсылать как к упомянутой ранее, так и к неназванной ситуации (это оказывается возможным, так как исходную ситуацию слушающий может достроить исходя из информации о повторной ситуации), то консеккутивные употребления обязательно предполагают отсылку к уже упомянутой ситуации, причем упомянутой в непосредственной близости от данной (в данном случае никакой информации о характере предшествующей ситуации у слушающего нет). Собственно функция консеккутивного показателя как раз и состоит в указании на то, что порядок изложения соответствует реальному порядку развития событий.

Видимо, и ограничения на степень линейной близости в тексте, и ограничения на степень и характер связанности предшествующей ситуации с данной существенно различаются в разных языках (например, строже для *-di* в боле, слабее для *gò* в лого), и, тем не менее, вышеназванные случаи представляют, как кажется, однородный класс явлений³⁷.

Необычный тип употреблений рефактивного показателя для выражения временной последовательности ситуаций отмечается в языке эджагам. В отличие от языков, рассмотренных выше, в эджагам формами перфекта, кондиционалиса, гортатива и упоминавшейся выше формой *dependent temporal* (6.1), оформленными рефактивным показателем, маркируется не вторая предикация в паре, связанной временным следованием, а первая ('после того, как ситуация1-REP, ситуация2') [Watters 1981: 405–406]:

- (71) эджагам (бенуэ-конго, экойдные, Нигерия), [Watters 1981: 406]
à-kpò-bá   *è-kádè*   *à-àm*
 3PL.PFV-REP-come   1PL.PFV-give   CLF-wine
 'Люди приходили и приходили (S1).} И когда они пришли (S1), мы дали (им) вина (S2)'.

³⁷ Логично было бы предположить, что возможность консеккутивных употреблений должна коррелировать со способностью рефактивного маркера кодировать «неточные повторы ситуации» (см. о типологическом варьировании по этому параметру п. 1.1). Для рефактивного показателя, который способен отсылать к неаналогичной, но схожей ситуации, естественным кажется расширение сферы употребления на контексты с просто предшествующей и логически связанной с данной ситуацией. Этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

Здесь логика употребления рефактивного показателя иная, чем в рассмотренных выше случаях. Данная конструкция предполагает, что ситуация S1 уже упоминалась в предшествующей клаузе (необязательно выраженная тем же глаголом). И именно на это предшествующее упоминание, видимо, иконически указывает показатель рефактива.

6.4. Экспериментивное и эвиденциальное значения

Интересный и неочевидный случай представляют немногочисленные, но отмеченные в целом ряде ареально и генетически далеких языков свидетельства совмещения рефактива с экспериментивным и эвиденциальным значениями. Решение рассматривать эти два типа полисемии в одном разделе продиктовано, с одной стороны, семантической близостью этих двух значений (см., например, [Вострикова 2010]), с другой стороны, тем фактом, что наиболее ярким случаем такого рода является как раз случай совмещения в одном показателе всех трех значений — рефактивного, экспериментивного и эвиденциального. Речь идет о современных китайских диалектах (языках). Так, в экспериментивном ('у участника есть опыт участия в подобных ситуациях') и эвиденциальном инферентивном значении ('логический вывод говорящего о наличии ситуации') употребляется показатель *gwo* в кантонском китайском (подробнее о его употреблении см. [Li 1984]):

(72) кантонский китайский, [Matthews, Yip 1994: 214, 206, 146]

a. *ngóhdeih yiu yáuh tàuh hōichí jouh gwo*
we need from head begin do REP
'Нам нужно опять начать с начала'.

b. *léih sihk-gwo yúhchi meih a*
you eat-REP shark.fin not.yet PRT
'Ты когда-нибудь ел акулий плавник?'

c. *hóuchíh yáuh yáhn yahp-gwo làih*
seem have person enter-REP come
'Кажется, кто-то вошел'.

Его когнаты используются для выражения экспериментивного и инферентивного значений в большинстве китайских языков (см. подробнее [Chappell 2004]). В [Chappell 2004] (со ссылкой на [Huang 1996: 243–244]) упоминается о наличии рефактивных употреблений этого показателя в части из них: в хакка (диалект чантин), в янцзянском диалекте группы юэ, в у (диалект цзиньхуа).

В мандаринском китайском показатель *gwo* (когнат кантонского *gwo*) используется в основном как показатель экспериентива, но может употребляться и в рефактивных контекстах, однако только в сопровождении специального рефактивного наречия.

Как отмечалось выше, показатель *gwo* восходит к глаголу ‘пересекать, переходить’. В [Matthews, Yip 1994: 214] для кантонского китайского предлагается трактовка *gwo*-рефактива и *gwo*-экспериентива как двух разных показателей с различным морфосинтаксическим поведением: *gwo*-экспериентив рассматривается как суффикс, *gwo*-рефактив — как частица (критерий — делимость от глагола). Такая интерпретация склоняет к тому, чтобы предположить параллельное развитие рефактивного значения, с одной стороны, и экспериентивного, с другой стороны, из пространственного пролативного значения. В [Chappell 2004] *gwo* рассматривается как единый показатель, и экспериентивные и рефактивные употребления интерпретируются как диахронически и семантически производные от эвиденциальных.

Семантическая связь рефактива с эвиденциалисом не кажется очевидной, тем не менее, типологическим подтверждением гипотезы Чэппел могут служить данные тотонакского языка тепева-тлачичилько: у рефактивного суффикса *-pal*, чаще всего при употреблении с глаголом ‘сказать’, отмечается эвиденциальная функция (значение цитатива) [Watters 1988: 252]. Отметим, при этом, что для тепева, в отличие от китайского, исходными с очевидностью следует считать рефактивные, а не эвиденциальные употребления, и что в этих двух случаях рефактивное значение совмещается с достаточно далекими друг от друга разновидностями эвиденциального значения.

Не столь загадочной с семантической точки зрения и типологически подтверждаемой бóльшим количеством случаев является непосредственная семантическая связь между рефактивом и экспериентивом. Так, экспериентивные употребления рефактивного суффикса *-je(v)u* в парагвайском гуарани обсуждаются в статье [Герасимов 2011], посвященной семантике этого суффикса. Ситуация в гуарани достаточно сильно отличается от описанной выше ситуации в китайских диалектах. Во-первых, если для показателя *gwo* основным являются экспериентивные употребления, а рефактивные периферийны, то для суффикса *-je(v)u* на-

блюдается обратная картина. Во-вторых, суффикс *-je(v)u* не связан с пролативным значением, и для него невозможно предположить обсуждавшуюся выше опосредованную семантическую связь. Этимологически *-je(v)u* связан с глаголом *-jevu* ‘возвращаться’ и с существительным *je(v)u* ‘раз’. В [Герасимов 2011] в качестве возможного объяснения данного типа полисемии предлагается связь репетитивного и экспериентивного значения через семантику существительного ‘раз’ (ср. *раз, как-то раз, один раз* как показатели экспериентива в русском: *был я раз в Парагвае*). Синхронные данные допускают интерпретацию, при которой *-je(v)u*-рефактив диахронически восходит к конструкции с глаголом ‘возвращаться’ (самый частотный источник грамматикализации для рефактивных маркеров), а *-je(v)u*-экспериентив — к конструкции с существительным ‘раз’ (аналогичной русской). Интерпретация, при которой оба значения развиваются из существительного ‘раз’, кажется менее правдоподобной. Для рефактивных маркеров это менее частотный лексический источник, чем глагол ‘возвращаться’, хотя и возможный (ср. выражение *еще раз* в русском). При этом для показателя, развившегося из существительного ‘раз’, естественно предполагать репетитивное значение, теснее всего связанное с семантикой этого слова (‘сделать дополнительный раз’), тогда как суффикс *-je(v)u*- обладает не только репетитивным значением, но и реститутивным и редитивным значениями, семантически близкими к глаголу ‘возвращаться’ и диахронически, как правило, предшествующими репетитивному значению. Можно, наконец, предположить и развитие экспериентивного значения из рефактивного. Как бы то ни было, на синхронном уровне в гуарани, как и в китайских диалектах, наблюдается полисемия рефактива и экспериентива.

Свидетельства полисемии рефактива с экспериентивом находятся также для неморфологических показателей. В языке белых мяо (ареально близком китайскому) наречие *dua* используется для выражения репетитивного значения (часто в комбинации с частицей *rov*). Это же наречие в контексте показателя перфекта *tau* используется для выражения экспериентивного значения («иметь случай сделать что-л.»³⁸) [Mottin 1978: 89, 108]. Экспериентивные употребления отмечаются, судя по примерам из грамматики [Harrison 1976: 187], у рефактивной частицы

---

³⁸ «avoir l’occasion de...» [Mottin 1978: 108].

pel в океанийском языке мокил. Наконец, в океанийском языке тинрин [Osumi 1995: 189] наблюдается нетождественный вышеописанным, но близкий тип полисемии. Частица *sau* (букв. *sa* ‘один’ + *u* ‘раз’) употребляется, с одной стороны, в репетитивном значении, с другой стороны, в значении ‘один раз, однажды’, близком к экспериментивному.

7. Заключение

Итогом данного исследования можно считать выявление круга значений, проявляющих склонность к совмещению с рефактивными, и предположения об их семантических связях с рефактивной зоной.

С пространственными значениями рефактивная зона смыкается прежде всего через значение редитива, реже наблюдаются диахронические или синхронные связи с пролативом. Иногда рефактивное значение совмещается со значением сопутствующего движения, связанным с обратным движением.

Будучи связанной с повторением ситуации, рефактивная зона смыкается с другими значениями глагольной множественности, хотя полисемия с этими значениями не так частотна, как можно было бы ожидать. Отмечаются случаи совмещения рефактивного значения с мультипликативным и итеративным значениями, с дистрибутивом, а также случаи использования рефактивных показателей в хабитуальных и близких к хабитуальным контекстах. Возможны также случаи полисемии с некоторыми периферийными глагольными значениями: разными типами интенсивного значения и со значением реверсива.

С аспектуальной зоной рефактив смыкается через значения, связанные с фазой ситуации: для рефактива характерна прежде всего полисемия с континуативом.

Как глагольный и не глагольный, рефактивный показатель может использоваться как основной или вспомогательный маркер интерпретирующей актантной деривации — в рефлексивных и реципрокальных конструкциях разного типа, а также для выражения значения рефлексивного бенефактива.

Частотным типом полисемии является для рефактива полисемия с модально-дискурсивными значениями. В частности, рефактивный показатель может иметь употребления, связанные с неожиданностью ситуации, противоречием ожиданиям. Для некоторых языков характерно употребление рефактивных

маркеров для указания на кульминацию в нарративе. Рефактивные показатели часто используются как средства организации дискурса — для отражения разного рода временной или логической связи ситуаций, для неморфологических рефактивных показателей известны случаи грамматикализации в союзы. Интересный случай представляют немногочисленные свидетельства пересечения рефактивной зоны с эвиденциальными и экспериментальными значениями.

Для большинства рассмотренных типов полисемии рефактивное значение является исходным, а не производным (естественное исключение — пространственные значения). Из частных значений рефактивной зоны самыми продуктивными источниками семантических переносов кажутся редитивное значение (принадлежащее к пространственной сфере — самому естественному источнику метафор) и репетитивное (центральное значение рефактивной зоны).

Сокращения

1 — 1 лицо; 2 — 2 лицо; 3 — 3 лицо; А — агенс переходного глагола; ABL — аблатив; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ACT — активный глагол; ACTV — деятельность; ADESS — адэссив; ADJUNCT — adjunct; ADV — наречие; AGT — агентивный падеж; ALL — аллатив; AOR — аорист; APPL — аппликатив; APS — антипассив; ART — артикль; ASP — аспект; ASS — сопутствующее движение; ASSOC — ассоциатив; ASSERT — асертив; ATTR — атрибутив; AUG — аугментатив; CAUS — каузатив; CLF — классификатор; COMP — комплементаризер; COMPL — комплетив; CON — конатив; CONJ — союз; CONT — континуатив; CONTRAST — контрастивность; CONV — деепричастие; COP — копула; CSO — cosubordination; DECL — декларатив; DEF — определенность; DEL — делимитатив; DEM — демонстратив; DEP — таксисная форма; DEST — дестинатив; DIM — диминутив; DISTPST — давнопрошедшее время; DISTR — дистрибутив; DS — нетождественный субъект; DU — двойственное число; EMPH — эмфаза; EPEN — эпентеза; ERG — эргатив; EVID — эвиденциальность; EXCL — эксклюзив; EXPR — экспрессив; F — женский род; FUT — будущее время; HAB — хабишуалис; IMP — императив; IN — локализация in; INC — инцептив; INCH — инхоатив; INCOMPL — инкомплетив; IND — индикатив; INF — инфинитив; INSTR — инструмент; INT — интенционал; INV — инверсив; IPFV — имперфектив; LNK — соединительная частица; LOC — локатив; M — мужской род; MID — медиальный залог; MOD — модальность; NEG — отрицание; NEW — новый топик; NMLZ — номинализация;

NOM — номинатив; NONFUT — небудущее время; NONPST — не прошедшее время; NTR — нейтральный видо-временной показатель; OBJ — объект; OBL — обликсвус; P — пациенс переходного глагола; PASS — пассив; PAUS — граница фонетического слова; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессив; POT — потенциалис; PREF — префикс; PREP — предлог; PRES — настоящее время; PRF — перфект; PROG — прогрессив; PRON — местоимение; PROX — проксиматив; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — вопрос; RDPL — редупликация; REAL — реалис; RECIP — реципрок; REDIT — редитив; REFL — рефлексив; REL — релятивизатор; RPT — репортатив; SBJ — субъект; SBRD — подчиненная клауза; SEQ — консекутив; SG — единственное число; SIM — одновременность; SS — тождественный субъект; STEM — основа; STV — статив; SURPR — неожиданность; TAM — время-вид-модальность; TERM — терминатив; TNS — дефолтное время; TOP — топик; VRBLZ — вербализатор.

Литература

- Абитов и др. 1957 — М. Л. Абитов и др. Грамматика кабардино-черкесского литературного языка. М.: Изд-во АН СССР, 1957.
- Аврорин 1961 — В. А. Аврорин, 1961. Грамматика нанайского языка. Т. 2. М. — Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- Аврорин, Болдырев 2001 — В. А. Аврорин, Б. В. Болдырев. Грамматика ороцкого языка. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
- Аркадьев рукопись — П. М. Аркадьев. Аспектуальная деривация в адыгейском языке: к постановке проблемы (рукопись).
- Вострикова 2010 — Н. В. Вострикова. Типология средств выражения экспериментального значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010.
- Ганенков 2002 — Д. С. Ганенков. Типология падежных значений: семантическая зона пролатива. // Плунгян, В. А. (ред.). Исследования по теории грамматики. Вып. 2. Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002.
- Герасимов 2011 — Д. В. Герасимов. Рефактив в парагвайском гуарани: семантика и грамматикализация // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. VII, ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 489–516.
- Исаченко 1960 — А. В. Исаченко. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Ч. 2. Братислава: Изд-во Словацкой АН, 1960.
- Кибрик 2008 — А. А. Кибрик. Пропозициональная деривация и атабаскские языки // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.) Глагольная деривация. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 127–148.
- Коваль, Зубко 1986 — А. И. Коваль, Г. В. Зубко. Язык фула. М.: 1986.

- Коваль, Нялибули 1997 — А. И. Коваль, Б. А. Нялибули. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Русские словари, 1997.
- Лютикова 2002 — Е. А. Лютикова. Когнитивная типология: рефлексивы и интенсификаторы. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Майсак 2005 — Т. А. Майсак. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
- Махмудова 2001 — С. М. Махмудова. Морфология ругульского языка. М.: Советский писатель, 2001.
- Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии. Том II. М.; Вена: Языки русской культуры, 1998.
- Оненко 1977 — С. Н. Оненко. Значение суффикса -го/-гу в современном нанайском языке // Исследования по языкам народов Сибири (Сборник научных трудов). Новосибирск: Наука, 1977.
- Оненко 1980 — С. Н. Оненко. Нанайско-русский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Плунгян 1992 — В. А. Плунгян. Глагол в агглютинативном языке (на материале догон). М.: ИЯз РАН, 1992.
- Плунгян 2002 — В. А. Плунгян. О специфике выражения именных пространственных характеристик в глаголе: категория глагольной ориентации. // В. А. Плунгян (ред.), Исследования по теории грамматики, вып. 2: Грамматикализация пространственных значений. М.: Русские словари, 2002. С 57–98.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Рogaва, Керашева 1966 — Г. В. Рogaва, З. И. Керашева. Грамматика адыгейского литературного языка. Краснодар — Майкоп: Адыгейское книжное изд-во, 1966.
- Храковский 1989 — В. С. Храковский. Семантические типы множества ситуаций и их естественная классификация // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Шлуинский 2005 — А. Б. Шлуинский. Типология предикатной множественности: количественные актуальные значения. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2005.
- Abraham 1933 — R. C. Abraham. The grammar of Tiv. Kaduna: Gov. Print, 1933.
- Adelaar 2005 — K. A. Adelaar. Salako or Badamea: sketch grammar, text and lexicon of a Kanayatn dialect in West Borneo. Wiesbaden: Harrassowitz, 2005.
- Aikhenvald 1998 — A. Yu. Aikhenvald. Warekena // D. C. Derbyshire, G. K. Pullum (eds.) Handbook of Amazonian languages. Vol. 4. Berlin: Mouton de Gruyter, 1998.

- Allen 1987 — J. Allen. *Halia grammar*. Ukarumpa, Papua New Guinea: Summer Institute of Linguistics, 1997.
- Ameka 2008 — F. K. Ameka. Aspect and modality in Ewe: a survey // F. K. Ameka, M. E Kropp Dakubu (eds.). *Aspect and modality in Kwa languages*. Amsterdam: Benjamins, 2008.
- Arnott 1970 — D. W. Arnott. *The nominal and verbal system of Fula*. Oxford: Clarendon Press, 1970.
- Axelrod 1990 — M. Axelrod. *The semantics of temporal categorization: the aspectual system of Koyukon Athabaskan*. Ann Arbor: UMI, 1990.
- Barnwell 1969 — K. G. R. Barnwell. *A grammatical description of Mbembe (Adun dialect): a cross river language*. Diss. Univ. of London. London, 1969.
- Bauer 1999 — W. Bauer. *Maori*. London: Routledge, 1999.
- Bauer, Hartmut 2006 — Ch. Bauer, R. Hartmut. *Morphology and syntax of spoken Mon*. Boston, Spa: British Library Document Supply Centre, 2006.
- Beck 2005 — S. Beck. There and Back Again: A Semantic Analysis // *Journal of Semantics*, 22, 2005. P. 3–51.
- Breedveld 1995 — J. O. Breedveld. *Form and meaning in Fulfulde: a morphophonological study of Maasinankooore*. Leiden: CNWS, 1995.
- Bright 1957 — W. Bright. *The Karok language*. Berkeley: Univ. of California Press, 1957.
- Broadwell 2006 — G. A. Broadwell. *A Choctaw reference grammar*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press, 2006.
- Capell 1980 — A. Capell. *Materials in Atchin, Malekula: grammar, vocabulary, and texts*. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, Australian Natl. Univ., 1980.
- Carlson 1994 — R. Carlson. *A grammar of Supyire*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1994.
- Chappell 2004 — H. Chappell. Typology of evidential markers in Sinitic languages // H. Chappell (ed.). *Chinese grammar: synchronic and diachronic perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2004. P. 56–84.
- Chatelain 1888 — H. Chatelain. *Grammatica elementar do Kimbundu ou lingua de Angola*. Geneva, 1888.
- Coupe 2007 — A. R. Coupe. *A grammar of Mongsen Ao*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2007.
- Coupez 1985 — A. Coupez. *La dérivation verbale en Rwanda* // Y. Cadiou (ed.). *Le Kinyarwanda: études de morpho-syntaxe*. Louvain: Peeters, 1985.
- Crowley 1978 — T. Crowley. *The middle Clarence dialects of Bandjalang*. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1978.
- Crowley 1982 — T. Crowley. *The Paamese language of Vanuatu*. Canberra: Australian National University, 1982.

- Crowley 1998 — T. Crowley. Erromangan (Sye) grammar. Honolulu: Univ. of Hawai'i Press, 1998.
- Crowley 2006 — T. Crowley. Naman: a vanishing language of Malakula (Vanuatu). Canberra: Australian National University, 2006.
- Cruse 1997 — D. A. Cruse. Lexical semantics. Cambridge: Cambridge University Press, 1997.
- Cusic 1981 — D. Cusic. Verbal plurality and aspect. Diss. Stanford: Stanford University, 1981.
- Daeleman 2003 — J. Daeleman. Notes grammaticales et lexique du Kiholu. München: LINCOM Europa, 2003.
- Dammann 1957 — E. Dammann. Studien zum Kwangali: Grammatik, Texte, Glossar. Hamburg: De Gruyter, 1957.
- Dammann 1959 — E. Dammann. Inversiva und Repetitiva in Bantusprachen. Afrika und Übersee 43, 1959. P. 116–127.
- Davis 2003 — K. Davis. A grammar of Hoava language, Western Solomons. Canberra: Pacific Linguistics, 2003.
- De Wolf 1987 — P. De Wolf. Further verbal extensions in Noŋaare Fulani: Reciprocal, iterative, iterative-reciprocal and verbalizing extensions // Afrika und Übersee 70, 1987. P. 61–72.
- Dembetembe 1987 — N. C. Dembetembe. A linguistic study of the verb in Korekore. Harare: Univ. of Zimbabwe, 1987.
- Donazzan, Mardale 2007 — M. Donazzan, A. Mardale. Romanian 'mai' as an additive particle. Talk delivered at Formal Semantics in Moscow IV, 2007.
- Dressler 1968 — W. Dressler. Studien zur verbalen Pluralität. Wien: Österreichische Akademie der Wissenschaften, 1968.
- Duff-Tripp 1997 — M. Duff-Tripp. Gramática del idioma yanesha' (amuesha). Lima, Perú: Inst. Lingüístico de Verano, 1997.
- Elders 2007 — S. Elders. Complex verb morphology in Kulango (Gur): Similarities and dissimilarities with Bantu // SOAS Working Papers in Linguistics. Vol. 15. 2007. P. 187–200.
- Elders 2008 — S. Elders. Grammaire kulango (parler de Bouna, Côte d'Ivoire). Köln: Köppe, 2008.
- Evans 1995 — N. Evans. A-quantifiers and scope in Mayali // E. Bach, E. Jelinek, A. Kratzer, B. H. Partee (eds.) Quantification in natural languages. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995.
- Ezard 1997 — B. Ezard. A grammar of Tawala, an Austronesian language of the Milne Bay Area, Papua New Guinea. Canberra: Australian National University, 1997.
- Fabricius-Hansen 2001 — C. Fabricius-Hansen. «Wi(e)der» and «Again(st)» // C. Féry, W. Sternefeld (eds.) Audiatur Vox Sapientiae: A Festschrift for Arnim von Stechow. Berlin: Akademie-Verlag, 2001. P. 101–130.

- Feldpausch, Feldpausch 1992 — T. Feldpausch, B. Feldpausch. Namia grammar essentials. Ukarumpa: SIL, 1992.
- Fivaz 1986 — D. Fivaz. A reference grammar of Oshindonga. Windhoek: The Academy at the University of Namibia, 1986.
- Flier 1985 — M. S. Flier. Syntagmatic constraints on the Russian prefix *pere-* // M. S. Flier, R. D. Brecht (eds.). Issues in Russian morphosyntax. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, 1985.
- Fortune 1955 — G. Fortune. Analytical grammar of Shona. London: Longman, Green and Co, 1955.
- Frajzyngier 2002 — Z. Frajzyngier. A grammar of Hdi. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2002.
- Geytenbeek, Geytenbeek 1971 — B. Geytenbeek, H. Geytenbeek. Gidabal grammar and dictionary. Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1971.
- Gimba 2000 — A. M. Gimba. Bole verb morphology. Ann Arbor: UMI, 2000.
- Glidden 1984 — S. H. Glidden. The Koh verbal system. Grand Forks: Univ. of North Dakota, 1984.
- Granberry 1993 — J. Granberry. A grammar and dictionary of the Timucua language. Tuscaloosa: Univ. of Alabama Press, 1993.
- Grinevald 1990 — C. G. Grinevald. A grammar of Rama. Lyon: Univ. de Lyon, 1990.
- Hargus 2007 — Sh. Hargus. Witsuwit'en grammar: phonetics, phonology, morphology. Vancouver: UBC Press, 2007.
- Harrison 1976 — Sh. P. Harrison. Mokilese reference grammar. Honolulu: The University Press of Hawaii, 1976.
- Hoffmann 1955 — C. F. Hoffmann. Untersuchungen zur Struktur und sprachlichen Stellung des Bura. Hamburg: Univ., 1955.
- Hoffmann 1963 — C. F. Hoffmann. A grammar of the Margi language. London: Oxford Univ. Press, 1963.
- Huang 1996 — B. Huang. Concordance of Chinese dialect grammar. Cingdao: Cingdao Publishers, 1996.
- Huang 2005 — Ch. Huang. Aktionsart and Aspect in Qiang. Paper delivered at The 2005 International Course and Conference on RRG, Academia Sinica, Taipei, June 26-30, 2005.
- Hulstaert 1965 — G. Hulstaert. Grammaire du Lomongo. Tervuren: Musée Royale d'Afrique Centrale, 1965.
- Hyman 1971 — L. M. Hyman. Consecutivization in Fe'fe' // Journal of African Languages 10, 1971.
- Hyman 1981 — L. M. Hyman. Noni grammatical structure: with special reference to verb morphology. Los Angeles: Dept. of Linguistics, Univ. of Southern California, 1981.

- Hyman 2007 — L. M. Hyman. Niger-Congo verb extensions: overview and discussion // D. L. Payne, J. Peca (eds.). Selected proceedings of the 37th Annual conference on African linguistics. Somerville, MA: Cascadilla Proceedings Project, 2007. P. 149–163.
- Hyslop 2001 — C. Hyslop. The Lolovoli dialect of the North-East Ambae language, Vanuatu. Canberra: Australian National University, 2001.
- Johnston 1980 — R. L. Johnston. Nakanai of New Britain: the grammar of an Oceanic language. Canberra: Dept. of Linguistics, Research School of Pacific Studies, The Australian Natl. Univ., 1980.
- Jones 1998 — A. A. Jones. Towards a lexicogrammar of Mekeo (an Austronesian language of West Central Papua). Canberra: Australian National Univ., 1998.
- Kabuta 1998 — N. S. Kabuta. Het Cilubà werkwoord: morfologie. Gent: RECALL, 1998.
- Kaumba Kawasha 2003 — B. Kaumba Kawasha. Lunda grammar: a morpho-syntactic and semantic analysis. Ann Arbor: UMI, 2003.
- Kemmer 1993 — S. Kemmer. The middle voice. Amsterdam: John Benjamins, 1993.
- Kite, Wurm 2004 — S. Kite, S. Wurm. Duungidjawa language of southeast Queensland: grammar, texts and vocabulary. Canberra: Australian National University, 2004.
- Klamer 1994 — M. A. Klamer. Kambara: a language of Eastern Indonesia. Den Haag: Holland Academic Graphics, 1994.
- Kung 2007 — S. S. Kung. A descriptive grammar of Huehuetla Tepehua. Ann Arbor: UMI, 2007.
- Laman 1934 — K. E. Laman. Grammar of the Kong language (Kikongo). New York: The Christian Alliance Pub. Co, 1934.
- Letuchiy 2007 — A. Letuchiy. Reciprocals, reflexives, comitatives and sociatives in Adyghe // V. P. Nedjalkov (ed.). Reciprocal constructions. Vol. 2. Amsterdam: John Benjamins, 2007. P. 773–812.
- Li 1984 — Ch.-Sh. Li. Etude du système aspectuel en chinois Cantonais: le marqueur guo. Besançon: Université de Franche-Compte, 1984.
- Lichtenberk 1991 — F. Lichtenberk. Semantic change and heterosemy in grammaticalization // *Language* 67, 3, 1991. P. 474–509.
- Lincoln 1976 — P. C. Lincoln. Describing Banoni — an Austronesian language of Southwest Bougainville. Diss. Ann Arbor: UMI, 1976.
- Linn 2000 — M. S. Linn. A grammar of Euchee (Yuchi). Ann Arbor: UMI, 2000.
- Lodhi 2002 — A. Y. Lodhi. Verbal extensions in Bantu (the case of Swahili and Nyamwezi) // *Africa and Asia*. Vol. 2, 2002. P. 4–26.
- Lüpke 2005 — F. Lüpke. A grammar of Jalonke argument structure. Nijmegen: MPI, 2005.

- Maisak, Merdanova 2011 — T. Maisak, S. Merdanova. Repetitive prefix in Agul and its areal/genetic background. Talk delivered at Conference on Caucasian Languages, Leipzig, Mai 13–15, 2011.
- Margetts 1999 — A. Margetts. Valence and transitivity in Saliba, an Oceanic language of Papua New Guinea. Nijmegen: MPI, 1999.
- Matthews, Yip 1994 — S. Matthews, V. Yip. Cantonese: a comprehensive grammar. London: Routledge, 1994.
- McGregor 1990 — W. B. McGregor. A functional grammar of Gooniyandi. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990.
- Minde 1997 — D. von Minde. Malayu Ambong: Phonology, morphology, syntax. Leiden: Research School CNWS, 1997.
- Mithun 1988 — M. Mithun. The Grammaticization of coordination // J. Haiman, S. A. Thompson (eds.). Clause combining in grammar and discourse. Amsterdam: John Benjamins, 1988. P. 331–359.
- Möhlig, Kavari 2008 — W. J. G. Möhlig, J. U. Kavari. Reference grammar of Herero (Otjiherero). Cologne: Köppe, 2008.
- Mok 1964 — Q. Mok. Le préfixe re- en français moderne: essai d'une description synchronique // *Neophilologus* 48, 1, 1961. P. 97–114.
- Morgan 1996 — D. R. Morgan. Overview of grammatical structures of Ndut: a Cangin language of Senegal. Arlington: Univ. of Texas at Arlington, 1996.
- Mottin 1978 — J. Mottin. *Eléments de grammaire hmong blanc*. Bangkok: Don Bosco Press, 1978.
- Moyse-Faurie 2008 — C. Moyse-Faurie. Constructions expressing middle, reflexive and reciprocal situations in some Oceanic languages // V. Gast, E. König (eds.). *Reciprocals and reflexives: Cross-linguistic Explorations*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008. P. 105–168.
- Newman 1990 — P. Newman. Nominal and verbal plurality in Chadic. Dordrecht: Foris Publications, 1990.
- Nikolaeva et al. 2003 — I. Nikolaeva, E. Perekhval'skaya, M. Tolskaya. *Udeghe texts*. Osaka: ELPR, 2003.
- Nikolaeva, Tolskaya 2001 — I. Nikolaeva, M. Tolskaya. *A grammar of Udihe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2001.
- Noss 1954 — R. B. Noss. *An outline of Siamese grammar*. Diss. Ann Arbor: UMI, 1954.
- Osumi 1995 — M. Osumi. 1995. *Tinrin grammar*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1995.
- Patz 2002 — E. Patz. *A grammar of the Kuku Yalanji language of north Queensland*. Canberra: Australian National University, 2002.
- Poulos 1990 — G. Poulos. *A linguistic analysis of Venda*. Pretoria: VIA Afrika Ltd, 1990.
- Poulos, Louwrens 1994 — G. Poulos, L. J. Louwrens. *A linguistic analysis of Northern Sotho*. Pretoria: VIA Afrika Ltd, 1994.

- Randoja 1990 — T. K. Randoja. The phonology and morphology of Halfway River Beaver. Ann Arbor: UMI, 1990.
- Rice 2000 — K. Rice. Morpheme order and semantic scope: word formation in the Athapaskan verb. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.
- Sakel 2004 — J. Sakel. A grammar of Mosestén. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Schadeberg 1982 — T. C. Schadeberg. Les suffixes verbaux séparatifs en Bantou // *Sprache und Geschichte in Afrika* 4, 1982. P. 55–66.
- Schadeberg 2003 — T. C. Schadeberg. Derivation // D. Nurse, G. Philippson (eds.). *The Bantu languages*. London: Routledge, 2003. P. 71–89.
- Schladt 2000 — M. Schladt. The typology and grammaticalization of reflexives // Z. Frajzyngier, T. S. Curl (eds.). *Reflexives: Forms and Functions*. Amsterdam: John Benjamins, 2000. P.103–124.
- Sharpe 2005 — M. C. Sharpe. Grammar and texts of the Yugambeh-Bundjalung dialect chain in Eastern Australia. München: LINCOM Europa, 2005.
- Smalley 1961 — W. A. Smalley. Outline of Khmu structure. New Haven, CT: American Oriental Society, 1961.
- Smeets 2007 — I. Smeets. A grammar of Mapuche. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2007.
- Smith 1964 — E. W. Smith. A handbook of the Ila language. Ridgewood, NJ: Gregg Press, 1964.
- Smith 1978 — L. R. Smith. A survey of the derivational postbases of Labrador Inuttut (Eskimo). Ottawa: National Museums of Canada, 1978.
- Smith 2000 — C. S. Smith. The semantics of the Navajo verb base // T. B. Fernald, P. Platero (eds.). *The Athabaskan languages: perspectives on a native American language family*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
- Soukka 2000 — M. Soukka. A descriptive grammar of Noon: a Cangin language of Senegal. München: LINCOM Europa, 2000.
- Sow 1966 — A. I. Sow. Remarques sur les infixes de dérivation dans le Fulfulde du Foûta-Djalon // *The journal of West African languages* 3, 1966. P. 13–21.
- Swift 1988 — K. E. Swift. Morfología del Caquinte (Arawak Preandino). Yarinacocha: Instituto Lingüístico de Verano, 1988.
- Tenenbaum 1978 — J. M. Tenenbaum. Morphology and semantics of the Tanaina verb. Ann Arbor: UMI, 1978.
- Thompson 1965 — L. C. Thompson. A Vietnamese grammar. Seattle: Univ. of Washington Press, 1965.
- Tjia 2007 — J. Tjia. A grammar of Mualang. Utrecht: LOT, 2007.
- Tovena, Donazzan 2008 — L. M. Tovena, M. Donazzan. On ways of repeating // *Recherches linguistiques de Venciennes* 37, 2008.

- Trifkovic 1969 — M. Trifkovic. *Le mancagne: étude phonologique et morphologique*. Dakar: Institut fondamental d'Afrique noire, 1969.
- Vogel 2006 — A. Vogel. *Jarawara-English dictionary*. Cuiabá: Sociedade Internacional de Linguística, 2006.
- von Stechow 1996 — A. von Stechow. The different readings of Wieder “Again”: A structural account // *Journal of Semantics* 13, 1996.
- Voort 2004 — H. van der Voort. *A Grammar of Kwaza*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Wälchli 2006 — B. Wälchli. Typology of light and heavy ‘again’, or the eternal return of the same // *Studies in Language* 30, 1, 2006. P. 69–113.
- Watanabe 2003 — H. Watanabe. *A morphological description of Sliammon, Mainland Comox Salish*. With a sketch of syntax. Osaka: ELPR, 2003.
- Watters 1981 — J. R. Watters. *A phonology and morphology of Ejagham: with notes on dialect variation*. Ann Arbor: UMI, 1981.
- Watters 1988 — J. K. Watters. 1988. *Topics in Tepehua grammar*. Ann Arbor: UMI, 1988.
- Westphal et al. 1974 — E. O. J. Westphal, J. R. Masiea, S. M. Tindleni, H. M. Jimba, I. V. Mzileni, M. T. Matiela. The verbal extensions in Southern Bantu languages: A descriptive and comparative classification // *Bulletin of the school of oriental and African studies, University of London*, 37, 1 *In Memory of W. H. Whiteley*, 1974. P. 213–222.
- White 1949 — Ch. M. N. White. *A short Lwena grammar*. London: Longmans, 1949.
- Wichmann 1992 — S. Wichmann. *A semantic framework for Azoyú Tlapanec Iterative* // *Acta linguistica Hafniensia* 25, 1992.
- Wilkins 1989 — D. R. Wilkins. *Mparntwe Arrernte (Aranda): studies in the structure and semantics of grammar*. Canberra: ANU, 1989.
- Williams 1957 — H. W. Williams. *A dictionary of the Maori language*. Wellington: Owen, 1957.
- Wood 2007 — E. J. Wood. *The semantic typology of pluractionality*. PhD Diss. Berkeley: University of California, 2007.
- Wright 1995 — D. S. Wright. *The verbal system of Logo (Logoti)*. Ann Arbor: UMI, 1995.
- Young 2000 — R. W. Young. *The Navajo verb system: an overview*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 2000.

А. Б. Шлуинский

ФАКТАТИВ И СМЕЖНЫЕ КАТЕГОРИИ: ОПЫТ ТИПОЛОГИИ¹

1. Фактатив: нефиксированная собственно видовая и временная интерпретация

Предметом рассмотрения настоящей работы является глагольная категория так называемого фактатива — глагольных форм, имеющих, в зависимости от семантических свойств глагольной лексемы, либо временную референцию к настоящему и имперфективную интерпретацию длящегося состояния или процесса, либо временную референцию к прошлому и перфективную интерпретацию завершенной ситуации.

Сам термин «фактатив» был предложен на материале ряда языков различных семей Тропической Африки (но в первую очередь — языков игбо и йоруба игбоидной и дефоидной ветвей семьи бенуэ-конго, соответственно) в работе [Welmers 1973], ср. характеристику глагольных форм, о которых идет речь, из этой работы: «В некоторых языках используется единая конструкция для референции к прошедшему времени для активных глаголов и к настоящему времени для стативных глаголов»² [Welmers 1973:

---

¹ Материалы к настоящей работе — в крайне предварительном варианте — обсуждались на конференции «Проблемы типологии и общей лингвистики» в 2006 г. в Санкт-Петербурге и были опубликованы в [Шлуинский 2006]. Автор выражает глубокую признательность всем участникам обсуждения. Эмпирическая база для настоящей работы была существенно расширена благодаря возможности работать в библиотеке Института эволюционной антропологии (г. Лейпциг) с грамматическими описаниями языков мира и более частными описательными работами. Отдельная благодарность М. А. Даниэлю, В. А. Плунгяну и Н. М. Стойновой, прочитавшим текст статьи и поспособствовавшим ее улучшению.

Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №12-34-01255 и частично в рамках проекта РГНФ №10-04-00269а.

² «Some languages use a single construction to refer to past time for active verbs and present time for stative verbs».

348]. Ср. также определение, предлагаемое в обзоре африканских глагольных систем в [Плунгян 2003: 32]: «Фактативные показатели ⟨...⟩ совмещают перфектив и дуратив. ⟨...⟩ В случае фактатива выбор конкретной аспектуальной интерпретации непосредственно зависит от семантического типа предиката: события и предельные процессы в комбинации с показателем фактатива выражают перфектив ⟨...⟩, тогда как непредельные процессы и состояния в комбинации с показателем фактатива выражают дуратив», — и определение, предлагаемое в [Nurse et al. Ms.]: «Фактатив имеет два характеризующих признака. С формальной точки зрения, он почти всегда представляет собой немаркированную форму — либо имеющую нулевое маркирование, либо, по крайней мере, наименее маркированную аспектуальную форму в языке. В частности, он обычно не маркирован в отличие от Имперфектива. С функциональной точки зрения, при сочетании с нестативными, или динамическими, глаголами он выражает законченные ситуации в прошлом, но при сочетании со стативными глаголами — текущие, незаконченные, состояния не в прошлом — то есть в настоящем или будущем»³.

Выясняется, однако, с одной стороны, что выбор интерпретации фактативных форм устроен не одинаково во всех языках, где такие формы есть, и не сводим во всех случаях к понятию событийности⁴ (или (не)предельности) глагольной лексемы или ее

³ «Factative has two characteristic features. Structurally, it is nearly always an unmarked form, either a zero form or the least marked aspectual form in a language. In particular, in contrast with Imperfective, it will generally be the unmarked form. Functionally, when used with non-stative or dynamic verbs, it typically represents past, complete, situations, but when used with stative verbs, it represents current, non-past, incomplete, states, that is, presents or futures».

⁴ В настоящей работе под событийными глаголами мы понимаем глаголы, способные выражать резкое изменение действительности (представляемое в языке как моментальное/точечное), а под несобытийными — глаголы, выражающие лишь не ограниченные ни «сверху», ни «снизу» процессы или состояния. Так, если классифицировать предикаты в терминах классических вендлеровых классов, то accomplishments и achievements для нас событийные, а states и activities — несобытийные. Термин «событийность» мы используем во избежание тяжелой неоднозначности, связанной с более привычным термином «предельность» в его русско-

«активности» vs. «стативности», а с другой стороны — что глагольные формы, содержательно сходные с теми, на материале которых был предложен термин «фактатив», представлены и за пределами африканского ареала. В настоящей работе мы, в связи с этим, ставим перед собой задачу типологического обзора фактативных форм — во-первых, с иллюстрацией типологически засвидетельствованных различных случаев организации выбора аспектуальной интерпретации фактативной формы, а во-вторых, по возможности — с привлечением ареально и генетически различного языкового материала. При этом, в силу того, что настоящая работа, насколько нам известно, представляет собой первый опыт типологии фактатива⁵, мы сознаем ее предварительный характер и, в частности, намеренно отказываемся от построения сбалансированной типологической выборки, ограничиваясь рассмотрением известных нам случаев фактатива (в разделе 2) и категорий, имеющих с ним содержательное сходство (в разделе 3). Необходимо также оговорить, что, как это часто бывает в случае типологического исследования, приводимый в работе материал в основном почерпнут из имеющейся литературы — грамматических описаний или более частных работ, рассматривающих конкретные глагольные системы; вторичные языковые данные имеют множество общеизвестных недостатков, в частности — всегда представляют собой крайне ограниченный корпус примеров, что ведет к неизбежным погрешностям и неточностям в интерпретации языковых фактов. В связи с этим мы отдаем себе отчет в том, что «функционал» настоящей работы — лишь обозначить пространство типологических возможностей, но не дать достоверную интерпретацию конкретным фактам рассматриваемых языков.

Лингвистической литературы, предметом рассмотрения в которой становился бы фактатив, как уже было сказано, немного.

язычном варианте. «Событийность» в нашем понимании в целом соответствует англоязычному термину *telicity* (так, в обсуждаемой ниже работе [Bohnenmeyer, Swift 2004] речь идет именно о противопоставлении *telic* vs. *atelic*), хотя и у этого термина, как и у большинства широко используемых терминов, возможны нетождественные значения.

⁵ Сходные с фактативом, но все же не тождественные ему, случаи «перфектно-прогрессивной полисемии» (см. 3.2) рассматриваются в типологической статье [Ebert 1995].

Помимо уже названных работ [Welmers 1973; Плунгян 2003], где фактатив включается в типологический обзор категорий африканского глагола, следует упомянуть соответствующий раздел монографии [Marchese 1986: 30–39], где рассматриваются фактативные формы в языках кру. Автор показывает, что категория фактатива, предложенная У. Велмерсом, широко представлена в языках данной семьи с тем же выбором аспектуальной интерпретации в зависимости от стативности vs. динамичности глагола, и проводит аналогии с некоторыми категориями языков других семей и ареалов. Интересно сделанное в этой работе наблюдение, свидетельствующее в пользу единства фактатива как категории и состоящее в том, что в языках кру фактативные формы имеют общий, независимо от аспектуальной интерпретации, отрицательный аналог, формально противопоставленный отрицанию других видо-временных категорий.

Из более новых работ назовем, прежде всего, статью [Bohnenmeyer, Swift 2004], где для фактативных форм языка инуктитут (диалект таррамит) предлагается термин «дефолтный вид» и предпринимается попытка формально-семантического анализа этой категории. Суть этого анализа состоит в том, что данная видовая категория не является ни перфективным, ни имперфективным видовым оператором, а принимает то видовое значение, которое является дефолтным для соответствующей глагольной лексемы — в случае инуктитут, на материале которого базируется анализ авторов, решающим фактором оказывается событийность глагола. Данная интерпретация перекликается с наблюдением, сделанным в [Welmers 1973: 346], о том, что в случае фактатива «конструкция выражает наиболее очевидный факт, связанный с рассматриваемым глаголом, который в случае активных глаголов состоит в том, что действие наблюдалось или имело место, но в случае стативных глаголов — в том, что имеет место в настоящем»⁶. С идеей дефолтной интерпретации непосредственно связано сделанное в [Плунгян 2003: 32–33] (в том числе и на материале данных, обсуждаемых в книге У. Велмерса) наблюдение о том, что «фактатив очень часто выражается ⟨...⟩ немаркирован-

---

⁶ «The construction expresses the most obvious fact about the verb in question, which in the case of active verbs is that the action was observed or took place, but for stative verbs is that the situation obtains at present».

ной формой глагола, т. е. ему соответствует либо нулевой показатель, либо морфологически наиболее элементарная конструкция» (см. также приведенную выше цитату из [Nurse et al. Ms.]). Действительно, вполне естественно ожидать, что если в языке есть некая «немаркированная» видо-временная форма, то она должна вводить семантически наименее маркированную интерпретацию соответствующего лексического значения. Примечательно, что и в языке инуктитут, материал которого рассматривается в [Bohnenmeyer, Swift 2004], речь идет о глагольной форме с нулевым маркированием.

Напомним, однако, что, как было уже сказано, «границей», разделяющей глагольные лексемы, имеющие перфективную vs. имперфективную интерпретацию фактатива, могут быть различные (и даже не всегда очевидные) семантические признаки, — следовательно, невозможно говорить о некоей априорно заданной универсальной дефолтной аспектуальной интерпретации данного лексического значения, скорее — о концептуализации данного лексического значения в определенном языке как дефолтно-перфективного или дефолтно-имперфективного. В связи с этим фактатив представляет здесь особый интерес (хотя, как известно, практически любая аспектуальная категория может оказаться релевантной для таксономической классификации глагольной лексики в конкретном языке).

Среди более частных публикаций, связанных с темой настоящей работы, отметим статьи [Выдрин 2010; Jóhannsdóttir, Matthewson 2008]. Предметом рассмотрения первой из них является «нейтральный вид» в языке дан-гуэта. Наиболее интересный общий факт, на который обращает внимание автор, состоит в том, что, помимо имперфективной (в частности, прогрессивной) и перфективной (в частности, в определенном контексте, перфектной) интерпретаций, у фактативной формы возможны и более частные значения — в том числе хабитуальное, доступное в дан-гуэта для фактатива, образованного от всякого глагола. С другой стороны, материал дан-гуэта интересен и тем, что наглядно показывает, что нестабильная аспектуальная интерпретация не всегда однозначно задает темпоральную: имперфективная интерпретация фактатива возможна в этом языке как с референцией к настоящему, так и с референцией к прошлому. Предметом рассмот-

рения второй статьи выбрана форма «нулевого времени» в языке гитксан (Gitksan; цимшианская группа семьи пенути, Канада). По данным авторов, в этом языке выбор интерпретации «нейтральной» видо-временной формы не закреплен за глагольной лексемой жестко, но есть две группы глаголов, имеющие противоположные друг другу основные, крайне предпочтительные интерпретации; в рамках настоящей работы мы классифицируем такого рода случаи не как фактатив, а как небудущее время (см. 3.1), но важно, что наглядно продемонстрирована их несомненная функциональная близость к фактативу.

Обозначим, отчасти повторяясь, характеристики глагольных форм, принимаемых нами «к рассмотрению» в качестве частных случаев фактатива:

— глагольная форма имеет две возможных аспектуальных интерпретации: перфективная (при которой ситуация, предшествующая моменту речи, рассматривается как завершенная) и имперфективная (при которой рассматривается длящаяся фаза ситуации, включающая момент речи); как правило, каждая из аспектуальных интерпретаций влечет за собой и темпоральную: перфективная аспектуальная интерпретация предполагает временную референцию к прошлому, а имперфективная — скорее к настоящему;

— доступность той или иной из этих двух возможных интерпретаций связана с семантическими свойствами конкретной глагольной лексемы;

— ни одна из этих двух возможных интерпретаций не имеет дополнительных, более тонких, семантических особенностей (в частности, не является перфектной или прогрессивной);

— рассматриваемая глагольная форма является основной в глагольной системе и в определенном смысле употребляется «по умолчанию» в контекстах, не требующих употребления модально-видо-временных форм с более сложными значениями.

Отличительной особенностью аспектуальных систем с фактативом является тот факт, что видо-временные глагольные формы, описывающие единичное событие, в них принципиально не делятся, по крайней мере без остатка, на перфективные и имперфективные.

Одна возможность состоит в том, что фактатив, перфективный или имперфективный ракурс которого задается параметрами лексической семантики глагола (конкретнее — акциональностью глагола), может быть противопоставлен и имперфективным (например, прогрессиву), и перфективным (например, перфекту) категориям. Системы такого рода рассматриваются нами в 2.1.

Вторая, более экзотическая, возможность, обсуждаемая в 2.2, имеет место в тех случаях, когда аспектуальная интерпретация фактатива (влекущая за собой временную интерпретацию или ограничения на нее) задана независимыми от него аспектуальными свойствами глагольной лексемы или предикации. Один из вариантов здесь представлен в системах со словоклассифицирующей категорией «собственно вида», в которых интерпретация фактатива определяется перфективностью vs. имперфективностью глагольной лексемы. Более сложный, но сходный случай имеет место, когда видовой ракурс частично задается глагольной аспектуальной деривацией, которая определяет и интерпретацию фактатива. Наконец, аспектуальная интерпретация предикации, в том числе и с фактативом, может быть задана аспектуальным показателем, категориально независимым от фактатива.

Помимо фактатива, в разделе 3 данной работы мы рассматриваем также ряд случаев, которые не являются примерами фактатива как такового, но имеют общие с фактативом существенные свойства: возможность временной референции и к прошедшему, и к настоящему и возможность и перфективной, и имперфективной аспектуальной интерпретации. Это, прежде всего, случаи форм «небудущего времени» (обсуждающегося в 3.1) или перфектных/перфективных форм, имеющих в сочетании с рядом глагольных лексем «аномальную» имперфективную интерпретацию (обсуждающихся в 3.2).

2. Выбор интерпретации фактатива: лексические характеристики глагола

Как уже было сказано, специфика фактативных форм состоит в том, что они способны выражать оба видовых ракурса — перфективный и имперфективный — в зависимости от свойств конкретной глагольной лексемы. В зависимости от общей организации категории вида в соответствующем языке эти свойства

относятся к ведению либо акциональности — класса глагола, характеризующего тип протекания ситуации во времени, — либо «собственно вида» как словоклассифицирующей категории. Первый случай — акциональные свойства глагольной лексемы как фактор, определяющий интерпретацию фактатива, — представляется наиболее распространенным, но притом оставляющим большое количество дальнейших возможностей того, какие именно глагольные лексемы как могут интерпретироваться с фактативом. Второй случай — видовая характеристика глагольной лексемы как фактор, определяющий интерпретацию фактатива, — устроен более прямолинейно: имперфективный глагол является триггером имперфективной интерпретации с референцией к настоящему, а перфективный — перфективной с референцией к прошлому.

В подразделах этого раздела мы рассматриваем примеры каждого из этих случаев.

2.1. Акционально определяемая дистрибуция

В большинстве обобщающих утверждений о семантике фактатива — ср. приводившиеся в начале настоящей работы цитаты из работ У. Велмерса и В. А. Плунгяна — речь идет о связи с динамическим vs. статическим или событийным vs. несобытийным характером глагольной лексемы. И семантический признак событийности, и семантический признак динамичности, действительно, имеют отношение к выбору интерпретации фактатива: несомненно, что несобытийность глагола является обязательным условием для выбора имперфективной интерпретации фактатива, а стативность существенно повышает шансы такого выбора; и наоборот, интерпретация фактатива событийного глагола непременно перфективная, а динамичность делает ее типологически вероятной.

Третья принципиальная возможность выбора семантического признака, по которому противопоставлены глагольные лексемы, имеющие перфективную vs. имперфективную интерпретацию фактатива, требует более подробного комментария. Существуют языки, в которых набор глаголов, имеющих имперфективную интерпретацию фактатива, еще уже, чем все стативные (и тем самым обязательно несобытийные) глаголы, так как ключевым оказывается признак, противопоставляющий предикаты «стадиального уровня» vs. «индивидуального уровня» (в терминологии, предло-

женной в [Carlson 1977] и далее используемой в формально-семантических работах), или «качества» vs. «явления» (в терминологии [Булыгина 1982]). Сущность данного противопоставления состоит в том, что если предикат «стадиального уровня», или «явления», описывает свойство некоторого периода существования объекта (индивида) (в формальной теории Г. Карлсона — точечную «стадию» его существования), то предикат «индивидуального уровня», или «качества», описывает свойство, в нормальном случае присущее объекту (индивиду) в течение всего срока его существования⁷. Предикаты «индивидуального уровня», или «качества», являются, таким образом, специфическим подмножеством стативных предикатов, выражающих устойчивые, а не «временные», состояния — ср. понятие «устойчивого состояния» в [Падучева 1985]. Если интерпретация фактатива определяется данным параметром, то имперфективная интерпретация ограничена глаголами, соответствующими предикатам «индивидуального уровня», или «качества», а все остальные глаголы получают перфективную интерпретацию.

Необходимо, впрочем, сделать следующую оговорку: хотя акциональные свойства глагола во многом и связаны с его лексической семантикой, в общем случае акциональная характеристика конкретного глагола в конкретном языке не может быть предсказана исходя из его лексического значения, а может быть лишь установлена эмпирически исходя из интерпретации его видовых форм. Интересно, что интерпретация глагола с определенным лексическим значением состояния как предиката «индивидуального уровня» / «качества» или как предиката «стадиального уровня» / «явления» также может быть различной в разных языках — если судить о ней на основании эмпирических языковых данных — в частности, по поведению фактативной формы. Та же оговорка, естественно, касается и распределения глагольных лексических

---

⁷ Ср. определение Т. В. Булыгиной: «Качества представляют собой относительно независимую от течения времени характеристику предмета и в то же время характеризуют сам мир, для которого истинна соответствующая предикация. Напротив, явления (проявления) описывают только некоторый момент или отрезок существования объекта, характеризуют при этом скорее лишь определенное (преходящее) “состояние мира”» [Булыгина 1982: 17].

значений между динамическими и стативными и даже между событийными и несобытийными — то есть по любому семантическому параметру, который может быть «водоразделом» двух интерпретаций фактатива.

Таким образом, несколько огрубляя картину в силу закономерных межъязыковых индивидуальных различий в классификации лексики, можно сказать, что основным типологическим параметром фактатива, зависимым от акциональной характеристики, является параметр определяющего признака событийности ~ несобытийности vs. динамичности ~ стативности vs. «стадиальности» ~ «индивидуности», разбивающий глагольные лексемы на две группы — с имперфективной (с референцией к настоящему) vs. перфективной (с референцией к прошлому) интерпретацией фактатива. Подчеркнем еще раз, что эти три типологические возможности находятся в определенном иерархическом соотношении: предикаты «индивидуного уровня» («качества») являются подмножеством стативных, а стативные предикаты являются подмножеством несобытийных (ср. Схему 1). Следовательно, можно говорить об имплицитивной типологической иерархии фактатива: если имперфективную интерпретацию фактативной формы имеют стативные глаголы «стадиального уровня» (стативные «явления»), то ее имеют и глаголы «индивидуного уровня» («качества»), а если имперфективную интерпретацию фактативной формы имеют динамические несобытийные глаголы (непредельные процессы), то ее имеют и все стативные глаголы (ср. Схему 2).

Схема 1. Иерархия типов событий, релевантных для интерпретации фактатива

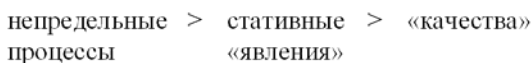

Схема 2. Иерархия имперфективной интерпретации фактатива

Перейдем к рассмотрению примеров конкретноязыковых систем с акционально-зависимым фактативом, начиная с наиболее просто организованных случаев и заканчивая более «экзотическими».

«Канонический» пример фактатива, интерпретация которого зависит от признака событийности, представляет собой соответствующая форма⁸ языка **игбо** (игбоидная ветвь бенуэ-конго), рассматриваемая в том числе и в [Welmers 1973] как пример фактатива («Subject Verb Form 1, Main» в классическом описании [Green, Igwe 1963], «аффирматив» в терминологии [Emenanjo 1987]). Хотя сам У. Велмерс, как было сказано, связывает интерпретацию фактатива в первую очередь с семантическим признаком динамичности, приводимые в описаниях примеры показывают, что определяющим для интерпретации фактативных форм в игбо является семантический признак событийности. Фактатив событийных глаголов имеет референцию к прошлому и выражает закончившуюся ситуацию в целом, ср. (1)–(2), а фактатив несобытийных глаголов, как стативных (3)–(4), так и динамических (5), имеет референцию к настоящему и выражает длящуюся ситуацию, без введения ее конечной и начальной точки.

(1) Игбо
chikēè sị àsị
Чике **говорить** ложь
‘Чике **солгал**’. [Emenanjo 1987: 169]

(2) Игбо
ha nīlèè chògà m̄
они все **отправляться_искать** я
‘Они все **пошли искать** меня’. [Emenanjo 1987: 169]

---

⁸ Строго говоря, в языке игбо представлены две формы — «нулевая» и с показателем *-rV*, — имеющие очень близкую семантику и дистрибуцию — настолько, что и в [Green, Igwe 1963], и в [Welmers 1973], и в [Emenanjo 1987] говорится о «вариантах» одной и той же формы с *-rV* и без *-rV*. В рамках настоящей работы мы не имели возможности исследовать вопрос более детально (тем более что, как отмечается в [Emenanjo 1987: 170], соотношение употреблений нулевого варианта и варианта с *-rV* сильно различается в различных диалектах игбо), но рассматриваем только примеры с «нулевой» формой.

- (3) Игбо
àdaà chò egō
 Ада **хотеть** деньги
 ‘Ада **хочет** денег’. [Emenanjo 1987: 169]
- (4) Игбо⁹
ànyù jì egō
 мы **держать** деньги
 ‘Мы **держим** деньги (We are holding money)’. [Emenanjo 1987: 169]
- (5) Игбо
àdaà bù itè
 Ада **нести** котел
 ‘Ада **несет** котел’. [Emenanjo 1987: 169]

Сходный выбор интерпретации фактатива, определяемый событийностью, у фактатива в языках **банда-линда** (семьи ада-мауа-убанги) и **инуктитут** (диалект таррамит; эскимосско-алеутской семьи). В (6) представлено предложение с событийным, а в (7) — с несобытийными глаголами банда-линда, маркированными высоким тоном («Accompli» в терминологии описания [Cloarec 1972]). В (8)–(9) — примеры из инуктитут, также различающиеся событийностью глагола и одновременно аспектуальной и темпоральной интерпретацией.

- (6) Банда-линда
ngâlè nà zú nó
 маниока DEF **гореть.FAC** весь
 ‘Вся маниока **сгорела**’. [Cloarec 1972: 83]
- (7) Банда-линда
tèrè ná é ká tĩ
 Тере **идти.FAC** и **ждать.FAC** покинутый
 ‘Тере **идет** и **ждет** один’. [Cloarec 1972: 83]

⁹ К предложениям (4), (18) и (23) мы, во избежание неточности, помимо русского перевода, даем английский перевод, предлагаемый в работах, из которых заимствованы данные примеры.

(8) Инуктитут
ani-juq
выходить-IND.3SG
'Он вышел'. [Bohnenmeyer, Swift 2004: 267]

(9) Инуктитут
pisut-tuq
идти-IND.3SG
'Он идет'. [Bohnenmeyer, Swift 2004: 267]

Фактатив дефоидного бенуэ-конголезского языка **йоруба** («простая форма» в терминологии одного из наиболее известных ранних описаний [Ward 1952], «небудущее время» в терминологии [Яковлева 1963], «нейтральное время» в терминологии [Vamgboşe 1966]) в общих чертах демонстрирует ту же дистрибуцию — перфективная с референцией к прошлому интерпретация событийных глаголов (10)–(11) и имперфективная с референцией к настоящему интерпретация несобытийных (12)–(13), — но ситуация осложняется тем, что несобытийные глаголы также (хотя и, по-видимому, в качестве более маргинальной возможности) допускают и референцию к прошлому, сохраняя при этом имперфективную аспектуальную интерпретацию — ср. примеры (14)–(15) и (16а-б).

(10) Йоруба
o pa ekun
он **убивать** леопард
'Он **убил** леопарда'. [Ward 1952: 79]

(11) Йоруба
to pe o
я **звать** ты.ACC
'Я **позвал** тебя'. [Ward 1952: 83]

(12) Йоруба
ile na tobi
дом DEF **быть_большим**
'Этот дом **большой**'. [Ward 1952: 79]

(13) Йоруба
efin mi sare
лошадь мой **бежать**
'Моя лошадь **бежит**'. [Ward 1952: 83]

- (14) Йоруба
o ri yin
 он **видеть** вы.АСС
 ‘Он **видит** вас’. [Ward 1952: 81]
- (15) Йоруба
to ri aya re l' oja l' ana
 я **видеть** жена твой в рынок в вчера
 ‘Я **видел** вчера твою жену на рынке’. [Ward 1952: 83]
- (16) Йоруба
eti lo
 я **идти**
 а. ‘Я **иду**’.
 б. ‘Я **шел**’. [Яковлева 1963: 73]

В другой группе фактативных форм акционально определяемая дистрибуция зависит от семантического параметра динамичности vs. стативности ситуации. Примером может служить фактатив (в терминологии описания [Childs 1995: 225] ‘перфектив’) атлантического языка **киси**, имеющий нулевое оформление. Эта форма, согласно описанию, имеет перфективную интерпретацию с референцией к прошлому в сочетании с динамическими глаголами — как событийными (17), так и несобытийными (18) — и имперфективную с референцией к настоящему в сочетании со стативными глаголами (19). Та же дистрибуция, насколько можно судить по имеющемуся описанию, наблюдается у фактатива (в терминологии описания [Gore 1926: 55], ‘Present Perfect’) в языке **занде** семьи адамауа-убанги — ср. перфективный пример (20) с динамическим глаголом и имперфективный (21) со стативным.

- (17) Киси
roombòò ò dèl lèŋ kpúnmgbùlún
 мальчик он **падать** земля сильно
 ‘Мальчик **грохнулся** на землю’. [Childs 1995: 226]
- (18) Киси
ò dèmbúú hènǵóó lákpólákpó
 он **лизать** миска с_удовольствием
 ‘Он **полизал** миску с удовольствием (He licked the pan with gusto)’. [Childs 1995: 226]

(19) Киси
mèṅndáṅ mà tḗṅgá
 вода оно **быть_чистым**
 ‘Вода **чистая / очищенная**’. [Childs 1995: 226]

(20) Занде
ko mangi gere tipagine
 он **сделать** это почему
 ‘Почему он **сделал** это?’ [Gore 1926: 55]

(21) Занде
mi bi kumba
 я **видеть** человек
 ‘Я **вижу** человека’. [Gore 1926: 55]

Более сложно устроена семантика фактативной формы («небудущего времени») в океанийском языке **тоабаита**. Применительно к данной форме также верно, что динамические глаголы, как событийные (22), так и несобытийные (23), имеют референцию к прошлому и перфективную аспектуальную интерпретацию, а стативные глаголы (24) — референцию к настоящему и имперфективную аспектуальную интерпретацию, но, кроме того, хотя и в качестве более маргинальной возможности, имперфективная с референцией к настоящему интерпретация в определенных условиях также возможна и для динамических глаголов, в том числе и событийных (25).

(22) Тоабаита
nau ku biqi fula boqo
 я 1SG.FAC только_что **прийти** PTCL
 ‘Я только что **пришел**’. [Lichtenberk 2008: 693]

(23) Тоабаита
kerā uufi-a aḡaa qi roqo
 3PL.FAC **дуть-3.OBJ** панфлейты LOC вчера
 ‘Они **поиграли** вчера на пановых флейтах (They played (the) panpipes yesterday)’. [Lichtenberk 2008: 692]

(24) Тоабаита
qo mataqi nena
 2SG.FAC **болеть** там
 ‘Ты **болеешь?**’ [Lichtenberk 2008: 692]

(25) Тоабаита

taa n-o qani-a
 что FAC-2SG.FAC есть-3.OBJ

‘Что ты **ешь** (в данный момент)?’ [Lichtenberk 2008: 693]

Наконец, третью группу фактативных форм образуют фактативы, зависимые от признака «стадиальности» vs. «индивидуности», иными словами, противопоставляющие глаголы «качества» всем прочим. Именно эта оппозиция релевантна для фактатива¹⁰ (в терминологии классического описания [Westermann 1907], «аорист») в языке эве семьи ква. Данная форма имеет перфективную интерпретацию с референцией к прошлому с событийными (26), динамическими несобытийными (27) и стативными глаголами-«явлениями» (28); кроме того, стативные глаголы-«качества» допускают две интерпретации — имперфективную с референцией к настоящему и более маргинальную перфективную с референцией к прошлому (см. подробнее [Агбоджо 1986: 28; Шлуинский 2008a]), ср. (29а-б), (30а-б).

(26)¹¹ Эве

kɔfi ŋlɔ agbalɛ
 Кофи **писать** письмо
 ‘Кофи **написал** письмо’.

(27) Эве

kɔfi wɔ dɔ
 Кофи **делать** работа
 ‘Кофи **работал / поработал**’.

¹⁰ Согласно [Westermann 1907], данная форма функционирует скорее как «небудущее время» и от любого глагола способна иметь как референцию к прошлому (и описывать завершённую ситуацию), так и референцию к настоящему, ср. (i):

(i) *me-yi*

1SG-идти
 а. ‘Я **иду**’.

б. ‘Я **пошел**’. [Westermann 1907: 65]

Наш материал — равно как и материал [Агбоджо 1986; Агбоджо, Литвинов 1989] — не подтверждает такого рода примеры. Данное несоответствие, очевидно, объясняется прежде всего диалектным варьированием.

¹¹ Приводимые здесь примеры эве (26)–(30) получены автором при работе с носителем языка Дж. Джонсоном в Москве в 2006 г.

- (28) Эве
kɔfi vɔ avɿ
 Кофи **бояться** собака
 ‘Кофи **боялся** собаки’.
- (29) Эве
kɔfi lɔ ama
 Кофи **любить** Ама
 а. ‘Кофи **любит** Аму’.
 б. ‘Кофи **любил** Аму’.
- (30) Эве
kɔfi nuɑ gli aɖe
 Кофи **знать** сказка INDEF
 а. ‘Кофи **знает** одну сказку’.
 б. ‘Кофи **знал** одну сказку’.

Иначе, но также с опорой на противопоставление «качеств» vs. «явлений», устроен выбор видо-временной интерпретации формы «нейтрального вида» в языке **дан-гуэ́та** семьи манде (см. подробнее специальное исследование [Выдрин 2010]). С глаголами, обозначающими «явления», и динамическими, и стативными, данная форма допускает как перфективную интерпретацию с временной референцией к прошлому (31а), (32а), так и имперфективную интерпретацию с временной референцией к настоящему (31б) или к прошлому (32б). В то же время со сравнительно небольшой группой глаголов, обозначающих «качества» (в терминологии автора описания — «лексически-стативных глаголов») данная форма имеет исключительно «стативное значение» — то есть соответствующие ситуации рассматриваются как длящиеся в настоящем; в качестве примеров глаголов, имеющих такую интерпретацию «нейтрального вида», В. Ф. Выдрин приводит глаголы *slòð* ‘быть достаточным’, *mɔ̀ɔ̀* ‘мочь’, *kɔ̀* ‘удивляться’, *bɔ̀* ‘течь, протекать (о сосуде)’ [Выдрин 2010: 68].

- (31) Дан-гуэ́та
pɿããgbɿ yɿ̃ tɿ̃ kɔ̀-bãŋ̃ gú
 Пиагбы 3SG **опираться.ФАС** дом-стена в
 а. ‘Пиагбы **оперся** о стену дома’.
 б. ‘Пиагбы **опирается** о стену дома’. [Выдрин 2010: 68]

- (32) Дан-гуэта
 уʃ̣ bāā bā ä wð yāādīʃ̣
 3SG маниока ART 3SG.NSBJ **извлекать.ФАС** вчера
 а. ‘Вчера он **выкопал** маниоку’.
 б. ‘Вчера он **копал** маниоку’. [Выдрин 2010: 67]

Суммируем типологические наблюдения, которые можно сделать на разбиравшемся материале языков с акционально определяемой дистрибуцией фактатива. В языках мира представлены системы, демонстрирующие каждый из трех обсуждавшихся семантических признаков, разделяющих глагольные лексемы на две группы с точки зрения возможной интерпретации фактативной формы: событийности vs. несобытийности, динамичности vs. стативности, «стадиальности» vs. «индивидуности». При этом наблюдается межъязыковое варьирование и в том, какие именно предикатные значения классифицируются данным языком как принадлежащие к той или иной из указанных категорий. Помимо «простых» случаев фактатива, в которых для каждой из двух групп глаголов доступна единственная видо-временная интерпретация, представлены и более сложные случаи, когда одна из групп допускает более одной интерпретации, причем видовая характеристика здесь оказывается в целом независимой от временной. Чем больше оказывается глаголов с возможными вариантами, тем дальше соответствующая форма от «канонического» варианта фактатива; среди рассмотренного материала «на грани» принадлежности к этой типологической категории оказывается форма «нейтрального вида» в дан-гуэта, у которого не существует второго варианта интерпретации лишь для «индивидуальных» глаголов, заведомо представляющих собой сравнительно немногочисленный класс.

В заключение данного раздела хотелось бы сделать два замечания.

Мы касались здесь только употреблений рассматриваемых форм, соответствующих единичной референтной ситуации; но упомянем то обстоятельство, что по меньшей мере часть рассмотренных форм имеет также и хабитуальные (в широком смысле) употребления с той или иной временной референцией, ср. пример (33) из тоабаита.

- (33) Тоабаита
wane naqi qe kafara qa-fa thato
 человек этот 3SG.FAC делать_копру PREP-CL день
ki sui bana
 PL PTCL PTCL
 ‘Этот человек **делает копру** каждый день’. [Lichtenberk 2008: 693]

Многие языки, в литературе по которым отмечается факта-тив, требуют дальнейшего исследования семантического параметра, отвечающего за выбор аспектуальной интерпретации и временной референции. Неудивительно, что в тех случаях, когда приводится лишь пара примеров, иллюстрирующих сам факт лексически определяемого выбора перфективного значения с референцией к прошлому или имперфективного с референцией к настоящему, они содержат полярные с этой точки зрения предикаты: событийный глагол и глагол «качества». Так, в [Marchese 1986] делается утверждение, что в ряде языков семьи кру факта-тив имеет ту же дистрибуцию, что названа в [Welmers 1973], — в зависимости от стативности vs. динамичности глагола. Тем не менее, мы видели, что в обсуждаемых У. Велмерсом языках игбо и йоруба фактически «водораздел» проходит между событийными vs. несобытийными глаголами. Это означает, что приводимые в [Marchese 1986: 31] примеры из языка девоин семьи кру с перфективной с референцией к прошлому интерпретацией событийного глагола (34) и имперфективной с референцией к настоящему интерпретацией глагола «качества» (35) фактически могут иллюстрировать любой из обсуждавшихся контрастов — по событийности, динамичности или «стативности» vs. «индивидуности».

- (34) Девоин
ó pī sāyè
 он готовить мясо
 ‘Он **приготовил** мясо’. [Marchese 1986: 31]

- (35) Девоин
í bélé bélé
 я иметь полотенце
 ‘У меня **есть** полотенце’. [Marchese 1986: 31]

2.2. Аспектуально определяемая дистрибуция

Случаи, рассматривавшиеся в предыдущем разделе, несмотря на их заметную неоднородность, имели одно существенное общее свойство: в каждом из них речь идет о фактативе как о специфической видо-временной категории, встроенной в ряд других видо-временных форм, часть из которых имеет, в отличие от нее, фиксированное собственно видовое значение — перфективное или имперфективное. Вполне типично сосуществование фактатива с акционально определяемой дистрибуцией с более привычными словоизменительными аспектуальными граммемами — например, с имперфективом (или прогрессивом) и с перфектом.

В данном разделе обсуждаются случаи другого рода. Их объединяет то, что собственно видовое значение глагольной лексемы или предикации — перфективный vs. имперфективный ракурс рассмотрения ситуации — задано за пределами ядерной глагольной словоизменительной системы и тем самым аспектуальная интерпретация фактатива задается автоматически, но категория собственно вида определяет и его временную дистрибуцию. Общая логика при этом сходна с тем, что мы наблюдали в случае фактатива с акциональной определяемой дистрибуцией: перфективное видовое значение влечет за собой референцию к прошлому, а имперфективное тяготеет к референции к настоящему.

Наиболее простой случай фактатива с аспектуально определяемой дистрибуцией представлен в языках, имеющих одновременно фактатив и бинарную словоклассифицирующую категорию собственно вида. Под последней мы имеем в виду видовую систему, сходную в общих чертах по организации со славянской: глагольная лексика однозначно разбивается на два класса — класс имперфективных глаголов (глаголов несовершенного вида) и класс перфективных глаголов (глаголов совершенного вида), при этом принципиально видовая характеристика глагола не зависит от его деривационной истории: существуют как перфективные, так и имперфективные непроеизводные глаголы.

Зависимость фактатива от лексически определяемого глагольного вида демонстрируют самодийские языки — **ненецкий**, **энецкий** и **селькупский**. Наименее маркированная ненецкая (тундровый диалект) глагольная форма (в терминологии [Терещенко 1947; Терещенко 1973] — «неопределенное время», в дру-

гой терминологической традиции, например [Salminen 1997], «аорист») имеет референцию к прошлому с перфективными глаголами (36) и референцию к настоящему с имперфективными глаголами (37)¹². Примеры (38)–(39) и (40)–(41) представляют собой аналогичные пары энецких (лесной диалект) и селькупских (тазовский диалект) предложений¹³. Парные видо-временные значения к выражаемым фактативом («неопределенным временем») производного глагола также могут быть выражены той же формой, но другого глагола — производного от исходного при помощи деривационных показателей. Так, в ненецком (тундровый диалект) примере (42а) представлен производный перфективный глагол, а в (42б) — производный от него имперфективный; в (43а), напротив, мы видим производный имперфективный глагол, а в (43б) — производный от него перфективный (см. подробнее о ненецкой видовой системе [Иосад и др. 2005]).

(36) Ненецкий

ня-ва''

мӓле хая

товарищ-NOM.SG.1PL уже **уйти.3SG.S**

‘Наш товарищ уже **уехал**’. [Терещенко 1973: 137]

---

¹² Сама логика выбора временной интерпретации в зависимости от вида глагола устроена крайне сходным образом и в наиболее изученных системах со словоклассифицирующим видом — славянских: одна и та же морфологическая категория имеет референцию к настоящему с имперфективными глаголами (например, русским *рублю*) и к будущему с перфективными (например, русским *куплю*). Логика выбора временной интерпретации самодийского фактатива («неопределенного времени») сходная, но с выбором для перфективных глаголов референции не к будущему, а к прошлому.

¹³ В нганасанском языке ситуация более сложная: там также представлена словоклассифицирующая категория собственно вида, но базовая форма глаголов совершенного вида с референцией к прошлому и базовая форма глаголов несовершенного вида с референцией к настоящему морфологически не тождественны — см. детали в [Терещенко 1979; Хелимский 1994; Katzschmann 2008; Гусев, настоящий сборник]. Камасинская видовая система в целом принципиально отличается от других самодийских — в этом языке вид является не словоклассифицирующей, а словоизменительной категорией — см. [Künnap 1978: 114–142; Klumpp 2005].

- (37) Ненецкий
пыдă мӓнзӓра
 он **работать.3SG.S**
 ‘Он **работает**’. [Терещенко 1973: 137]
- (38)¹⁴ Энецкий
и anⁱ kuniz toə-d
 ты и откуда **придти-2SG.S**
 ‘А ты откуда **пришел?**’
- (39) Энецкий
kasa-r texe fit ɔti
 товарищ-NOM.SG.2SG вон ты.ACC **ждать.3SG.S**
 ‘Вон твой товарищ тебя **ждет**’.
- (40) Селькупский
тап тогунӓ тӓ-η-ар
 я домой **придти-FAC-1SG**
 ‘Я **пришел** домой’. [Кузнецова и др. 1980: 235]
- (41) Селькупский
тап тура-η-ар
 я **подметать-FAC-1SG**
 ‘Я **подметаю**’. [Кузнецова и др. 1980: 236]
- (42)¹⁵ Ненецкий
 а. *was'a kniŋa-mʔ tola*
 Вася книга-ACC.SG **прочитать.3SG.S**
 ‘Вася **прочитал** книгу’.
 б. *was'a kniŋa-mʔ tola-mbʔi*
 Вася книга-ACC.SG **прочитать-DUR.3SG.S**
 ‘Вася **читает** книгу’.

¹⁴ Приводимые здесь энецкие примеры (38)–(39) взяты из базы энецких текстов, подготовленной автором и О. В. Ханиной в 2008–2011 гг. в рамках проекта «Документация энецкого языка» при поддержке международного фонда ELDP при Институте Азии и Африки Лондонского университета.

¹⁵ Приводимые здесь ненецкие примеры (42)–(43) взяты из базы данных по ненецкому глаголу, собранной в Ненецких экспедициях МГУ 2003–2005 гг. (рук. С. Г. Татевосов) при участии автора.

(43) Ненецкий

а. *was'a maša-mʔ*   *men'ie*
 Вася   Маша-ACC.SG   **любить.3SG.S**
 'Вася **любит** Машу'.

б. *was'a maša-mʔ*   *men'ie-lja*
 Вася   Маша-ACC.SG   **любить-INCH.3SG.S**
 'Вася **полюбил** Машу'.

Самодийская видовая система и зависимая от нее семантика самодийского фактатива требуют следующих дополнительных комментариев. Во-первых, в рассматриваемых нами ненецком, энецком и селькупском языках акциональная дихотомия событийных vs. несобытийных глаголов однозначно совпадает с аспектуальной дихотомией перфективных vs. имперфективных глаголов (для селькупского см. подробнее специальную статью [Казакевич 2008]¹⁶); иными словами, в данных языках не существует не только событийных имперфективных глаголов (что тривиально), но и несобытийных перфективных¹⁷. Это, вообще говоря, позволяет формулировать правила дистрибуции самодийского фактатива в терминах событийности — то есть в точности так же, как для рассматривавшихся в 2.1 случаев игбо, банда-линда и инуктитут. Такая формулировка, однако, затемняет существенное различие между данными двумя случаями: в игбо глагольная лексема в принципе имеет полную видовую парадигму и может образовывать и перфективные, и имперфективные видо-временные формы, и лишь в фактативе видовая характеристика оказывается нестабильной и связана с событийностью глагола; в самодийских языках, напротив, глагольная лексема имеет одну и ту же видовую характеристику во всех своих формах, а особенность фактатива состоит в том, что в данном случае видовая характеристика предопределяет различия во временной референции. Во-вторых,

¹⁶ В этой работе используется многозначный термин «предельность», но по контексту ясно, что речь идет о том значении «предельности», которое соответствует нашей «событийности».

¹⁷ В отличие от славянских языков, где существуют как минимум делимитативные (типа *постоять*) и пердуративные (типа *простоять*) перфективы, и от не обсуждаемого здесь нганасанского языка, где также есть делимитативы (см. [Гусев, настоящий сборник: 311–360]).

хотя в целом распределение в самодийских языках лексических значений по виду и тем самым по интерпретации фактатива неслучайно (перфективными глаголами описываются ситуации, обозначающие моментальное резкое изменение, имперфективными — естественные состояния и неопредельные процессы), некоторые случаи, по меньшей мере на первый взгляд, не самоочевидны. Так, в большинстве случаев имперфективные стативные глаголы непроизводны, а соответствующие им перфективные инцептивы производны от них, но есть и примеры обратного соотношения, ср. ненецкие глаголы *p'ina-* ‘бояться’ > *p'ina-l-* ‘испугаться {бояться-INCH}’, но *maja-* ‘обрадоваться’ > *maja-mba-* ‘радоваться {радоваться-DUR}’, *xamada-* ‘понять’ > *xamada-mba-* ‘понимать {понять-DUR}’. Обсуждавшаяся нами выше проблема конкретноязыковой специфики в классификации глагольной лексики по признакам, с которыми связана семантика фактатива, оказывается, таким образом, в случае дистрибуции фактатива, зависимой от словоклассифицирующего вида, еще более острой.

По-видимому, очень сходная с самодийской ситуация представлена в **западногренландском эскимосском** языке¹⁸, в котором фактатив (по [Fortescue 1984], «unmarked indicative form») перфективных глаголов имеет референцию к прошлому, как в (44), а фактатив имперфективных глаголов, в отличие от самодийских языков, допускает референцию как к настоящему (45а), так и к прошлому (45б).

¹⁸ Как можно заметить, речь идет о языке, близкородственном инуктитут, рассматривавшемуся выше в качестве примера языка с фактативом с акционально определяемой дистрибуцией, зависимой от событийности глагола, и о когнатных глагольных формах. С одной стороны, это обстоятельство можно рассматривать как довод в пользу того, что система самодийского типа, зависимая от видовой характеристики глагола, действительно содержательно близка к системе типа игбо, зависимой от акционального параметра событийности. С другой стороны, возможно, что мы имеем дело с (увы, довольно типичным) артефактом типологического исследования, возникшим в связи с различной интерпретацией сходных данных — и авторами работ, из которых мы заимствуем материал, и нашей собственной. Видовая система инуитской ветви эскимосско-алеутских языков и дистрибуция фактативной формы в них требуют, таким образом, дальнейшего изучения на представительном материале.

- (44) Западногренландский эскимосский
tikip-piq
прийти-IND.3SG
'Он пришел'. [Fortescue 1984: 272]
- (45) Западногренландский эскимосский
aggir-piq
подходить-IND.3SG
а. 'Он подходит'.
б. 'Он подходил'. [Fortescue 1984: 272]

Сложнее устроена аспектуальная система и связанная с ней семантика фактатива в некоторых палеоазиатских языках — мы рассмотрим **юкагирские** языки и **нивхский**. В этих языках нельзя говорить о бинарном распределении лексики без остатка на две группы в зависимости от значения словоклассифицирующего признака собственно вида, но нельзя говорить и о «среднеевропейской» словоизменительной категории собственно вида, при которой видовое значение определяется видо-временными формами в словоизменении глагола. В данном случае часть глагольной лексики имеет фиксированное собственно видовое значение, причем оно имеет морфологическое выражение — деривационный аспектуальный показатель. Фактатив, наименее маркированная видо-временная форма (для колымского юкагирского — «небудущее» [Maslova 2003a], для тундрового юкагирского — «witnessed» [Maslova 2003b], для нивхского — «небудущее» [Панфилов 1965]), допускает референцию и к настоящему, и к прошедшему с аспектуально немаркированными и с имперфективными глаголами, но с перфективными глаголами ее референция ограничена прошедшим временем. Так, колымские юкагирские примеры (46)–(48) иллюстрируют возможность интерпретации фактатива и с референцией к настоящему, и с референцией к прошлому (причем, в случае референции к прошлому — аспектуально нейтральной), но если глагольная лексема содержит перфективный деривационный аффикс *-j-* (подверженный чередованиям) и ограничен тем самым перфективной семантикой, то, как показано в [Maslova 2003a: 188], временная референция образованного от него фактатива ограничена прошедшим временем, ср. (49) (обсуждение сходной ситуации в тундровом юкагирском языке см. в [Maslova 2003b: 11–15]). Аналогично, нивхский пример (50) показывает, что фор-

ма «небудущего времени» может иметь как временную референцию к прошедшему (как в случае формы *ит-т'* 'сказал'), так и к настоящему, в том числе и в случае событийного предиката (как в случае формы *лыт-т'* 'делаю'), в соответствии с формулировкой автора описания: «Глагол в настоящее-прошедшем времени, или аористе, обозначает действие, которое может происходить как в момент речи, так и предшествовать ему» [Панфилов 1965: 91]. При этом, если глагол содержит деривационный перфективный маркер *-уыт-* и тем самым допускает только перфективную семантику, данная форма имеет стабильную референцию к прошлому, как в предложениях (51)–(52).

- (46) Колым. юкагирский
terikie-die iŋd'e-t modo-j
 старуха-DIM шить-SS.IPFV **сидеть-INTR.3SG**
 а. 'Старуха **сидит** и шьет'.
 б. 'Старуха **сидела** и шила'. [Maslova 2003a: 168]
- (47) Колым. юкагирский
tet qaduon-ge lejdi-mek?
 ты где-LOC **знать-TR.3SG**
 'Откуда ты это **знаешь?**' [Maslova 2003a: 168]
- (48) Колым. юкагирский
qaduon-ge juo-met mit šoromo?
 где-LOC **видеть-TR.2PL** наш человек
 'Где ты **видел** нашего человека?' [Maslova 2003a: 168]
- (49) Колым. юкагирский
taŋ oži lolho-s'
 этот вода **кипеть-PFV.INTR.3SG**
 'Эта вода **вскипела**'. [Maslova 2003a: 190]
- (50) Нивхский
иф н'эру ит-т': н'и вага лыт-т'
 он я.DAT **говорить-FAC** я ящик **делать-FAC**
 'Он мне сказал: «Я ящик **делаю**». [Панфилов 1965: 91]
- (51) Нивхский
чай ырк туз-уыт-т'
 чай уже **остывать-PFV-FAC**
 'Чай уже **остыл**'. [Панфилов 1965: 70]

(52) Нивхский

чын ыурыкон му-ыт-т'

вы давно **умирать**-PFV-FAC

‘Вы давно умерли’. [Панфилов 1965: 71]

Содержательно сходная, но принципиально иначе морфологически организованная ситуация представлена в муна-бутонском языке **туканг беси** (австронезийская семья). Здесь, как и во всех остальных представленных выше случаях, мы несомненно имеем дело с фактативом — наименее маркированной морфологически глагольной формой, которая с одной частью глагольной лексики (несомненно включающей несобытийные, а в первую очередь — стативные предикаты) имеет имперфективную видовую интерпретацию с временной референцией к настоящему (53)–(54), а с другой частью глагольной лексики (несомненно включающей событийные предикаты) — перфективную видовую интерпретацию с временной референцией к прошлому (55)–(56). Если же используется перфективный маркер *-то*, то любая ситуация рассматривается как завершенная, а фактативная форма получает референцию к прошлому, ср. имперфективную интерпретацию с референцией к настоящему (57а), (58а) и перфективную с референцией к прошлому (57б), (58б) с теми же глаголами. При этом, если рассмотренные выше ограничивающие видо-временную референцию юкагирские и нивхские перфективные маркеры представляют собой деривационные показатели, образующие отдельные перфективные лексемы, то перфективный маркер **туканг беси** имеет совсем иной статус. Как показано в [Donohue 1999: 170–171], этот показатель (входящий в один ряд с двумя другими аспектуальными показателями с более частной семантикой) не только не образует отдельной глагольной лексемы, но и в целом содержательно принадлежит скорее не к глагольной словоформе, а глагольной группе, так как может быть присоединен и к словоформе основного глагола, и к словоформе вспомогательного глагола, и к другим элементам глагольной группы. Таким образом, здесь мы имеем ту же, что и в рассмотренных выше случаях, общую логику зависимости интерпретации фактатива от заданного вне этой формы аспектуального значения, но задается это значение не «внутренним» фактором лексических свойств глагола, а «внешним» фактором аспектуального маркирования глагольной группы.

- (53) Туканг беси
o-mandawulu
3.R-быть_красивым
 ‘Она красивая’. [Donohue 1999: 152]
- (54) Туканг беси
no-tinti na ana
3.R-бежать ABS ребенок
 ‘Ребенок бежит’. [Donohue 1999: 165]
- (55) Туканг беси
jari no-'eka di wunua-no
 так **3.R-подняться** OBL дом-3
 ‘Итак, она поднялась в свой дом’. [Donohue 1999: 152]
- (56) Туканг беси
ku-gonti te kau
1SG.R-нарубить CORE дрова
 ‘Я нарубил дрова’. [Donohue 1999: 152]
- (57) Туканг беси
 а. *no-meha na watu iso*
3.R-быть_красным NOM скала вон_тот
 ‘Вон та скала красная’.
 б. *no-meha-mo na watu iso*
3.R-быть_красным-PFV NOM скала вон_тот
 ‘Вон та скала стала красной’. [Donohue 1999: 152]
- (58) Туканг беси
 а. *no-sai te kuikui*
3.R-делать CORE пирог
 ‘Она делает пироги’.
 б. *no-sai kuikui-mo*
3.R-делать пирог-PFV
 ‘Она сделала пироги’. [Donohue 1999: 167–168]

Таким образом, общая логика выбора интерпретации фактатива с аспектуально определяемой дистрибуцией в целом всегда единая: перфективная предикация ограничена референцией к прошлому, а имперфективная предикация в большей или меньшей степени тяготеет к референции к настоящему. Различия связаны в первую очередь с тем, как именно, за пределами фактати-

ва и вообще глагольного словоизменения, выражаются собственно видовые значения. Кроме того, как и в случае фактатива с акционально определяемой дистрибуцией, представлены случаи с неединственной временной интерпретацией, но в данном случае единственная «дополнительная» возможность здесь — референция к прошлому у имперфективных предикаций.

3. Смежные с фактативом случаи

В разделе 2 мы рассмотрели случаи, которые, в нашей интерпретации, являются разными манифестациями межъязыковой категории фактатива — зависимой, с одной стороны, от организации конкретноречевой видовой системы, с другой стороны — подверженной, как любая иная межъязыковая категория, типологическому варьированию. Во всех случаях эта категория следует некоторой общей логике: речь идет о базовой форме в глагольной системе, реализующей наиболее нейтральный способ выражения той или иной ситуации, а лексические свойства глагола при этом предопределяют, будет ли данная ситуация проинтерпретирована как делящаяся (и синхронная моменту речи) или завершенная (и предшествующая моменту речи). Во всех случаях по крайней мере для одной из двух групп глаголов, на которые разбивала глагольную лексику категория фактатива, была недоступна интерпретация этой формы, доступная для другой группы.

В данном разделе мы рассматриваем две типологически частотные возможности, которые можно определить как смежные с фактативом, — «небудущее время» и перфект(ив)но-стативно полисемичные формы. В первом случае (обсуждаемом в 3.1) речь идет о формах, референция к прошлому vs. к настоящему и перфективная vs. имперфективная референция которых принципиально не ограничены лексически и возможны у всякого глагола. Во втором случае (обсуждаемом в 3.2) — о маркированных перфектных или (реже) перфективных категориях с референцией к прошлому, имеющих, тем не менее, стативную интерпретацию с референцией к настоящему с некоторыми глаголами.

Оба случая мы бы не хотели относить к категории фактатива, но при этом они имеют содержательно близкие с ней свойства. Довольно подробное их обсуждение в рамках данной работы

обусловлено не столько тем, что мы хотели бы отграничить «чистый» фактатив от того, что, с нашей точки зрения, фактативом не является, сколько тем, что грань, отделяющая фактатив от нефактатива, в этих случаях в реальности оказывается крайне тонкой. Мы не ставим своей целью какую-либо конкретную диахроническую интерпретацию сходства этих категорий (прежде всего по причине недостаточной изученности большинства из рассматриваемых случаев), но уверены в том, что и «небудущее время», и перфектно-статальные формы могут быть связаны с фактативом диахронически в том или ином направлении.

3.1. «Небудущее время» без лексической дистрибуции

Как указывается, например, в авторитетной обзорной монографии по категории времени [Comrie 1985: 49–50], в ряде языков мира эта категория описывается как состоящая из двух граммем, противопоставляющих ситуацию в будущем ситуации в прошедшем или настоящем. Если оставить в стороне весьма дискуссионный вопрос о том, корректно ли говорить о том, что речь в таких случаях идет именно о формах небудущего времени, противопоставленных формам будущего времени (высказывались небезосновательные предположения о том, что в основе таких систем, как правило, лежат совсем другие семантические противопоставления, в первую очередь по реальности vs. ирреальности — см., например, [Плунгян 2011: 363]), то непреложным остается тот факт, что в глагольных системах языков мира представлены многочисленные формы, способные выражать реальную ситуацию как в прошлом, так и в настоящем, причем, более того, все рассмотренные нами выше случаи принадлежат к их числу. Но выше, опираясь на перечисленные нами в разделе 1 характеристики фактатива, мы говорили лишь о тех случаях, когда выбор временной и аспектуальной характеристики предикации с фактативом связан с какими-либо лексическими свойствами глагола, от которого он образован.

Тем не менее, это не единственная возможность: существуют языки, в которых (по крайней мере, согласно доступным описаниям) представлены глагольные формы, допускающие свободную временную референцию к настоящему или к прошлому для всей глагольной лексики (а в случае референции к прошлому — часто и свободную имперфективную и перфективную ин-

терпретацию). Таковы, например, язык **квача** (коая) (не классифицирован, Бразилия) и **дирбал** семьи пама-ньонга, ср. примеры (59)–(60) для каждого из них.

(59) Кважа

txa'hũ ba-jã'hỹ-ki

дорога **ЧИСТИТЬ-CL-DECL**

а. 'Он **ЧИСТИТ** дорогу'.

б. '**Он почистил / чистил** дорогу'. [van der Voort 2004: 389]

(60) Дирбал

banĩni

приходить.NONFUT

а. 'Он **приходит / подходит**'.

б. 'Он **пришел**'. [Dixon 1972: 55]

Такого рода случаи, на первый взгляд, связаны с фактативом лишь опосредованно. Выясняется, однако, что во многих других языках с формами «небудущего времени» (а возможно, в тех языках, в которых эти формы исследованы более детально) эти формы имеют предпочтения в том, какая интерпретация в большей степени естественна для какой глагольной лексемы. Неудивительно, что глагольная лексика при этом распределяется в соответствии с той же логикой, которую мы видели в случае акционально определяемой дистрибуции фактатива: глаголы, обозначающие «качества», имеют «по умолчанию» референцию к настоящему и/или имперфективную интерпретацию, а событийные глаголы — референцию к прошлому и/или перфективную интерпретацию.

Так, в трансновогвинейском языке **хуа** имеется наименее маркированная глагольная форма, способная для всякого глагола описывать как ситуацию в прошлом, так и ситуацию в настоящем. Но при этом ее «дефолтное» прочтение различно для глаголов разных акциональных типов: если в сочетании с динамическим глаголом в нейтральном контексте она имеет референцию к прошлому (и перфективную интерпретацию) (61), то в сочетании со стативным глаголом — референцию к настоящему (и имперфективную интерпретацию) (62), ср. также характеристику ее употребления, предлагаемую автором описания: «Вообще говоря, она используется для выражения действий в прошлом и состоя-

ний в настоящем. Реже она может выражать действия в настоящем или состояния в прошлом»¹⁹ [Haiman 1980: 136].

- (61) Хуа
hu-e
 делать.1SG-IND
 а. ‘Я сделал’.
 б. ‘Я делаю’. [Haiman 1980: 136]

- (62) Хуа
bau-e
 находиться.1SG-IND
 а. ‘Я (нахожусь) здесь’.
 б. ‘Я был здесь’. [Haiman 1980: 136]

Аналогичная ситуация отмечена в цимшианском языке **гитксан**, «небудущему времени» с нулевым маркированием в котором посвящена специальная публикация [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008]. Авторы формулируют обобщение в терминах классических вендлеровых классов: состояния имеют «дефолтное» прочтение с референцией к настоящему (прочтение (63а) предпочтительнее, чем (63б)), тогда как динамические классы — деятельности (activities), совершения (accomplishments) и достижения (achievements) — «дефолтное» прочтение с референцией к прошлому (понимания (64а), (65а) предпочтительнее, чем (64б), (65б)), причем для отдельных глаголов авторы отмечают даже факты запретов «недефолтных» интерпретаций их информантами.

- (63) Гитксан
luu amhl   *gots*   *diana*
 в **радоваться** сердце Диана
 а. ‘Диана **рада**’.
 б. ‘Диана **была рада**’. [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008: 300]

- (64) Гитксан
ama   *japdihl*   *m'al*
 положение **делать** каноэ
 а. ‘Я **починил** мое каноэ’.
 б. ‘Я **чиню** мое каноэ’. [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008: 300]

¹⁹ «Generally speaking, it is used to indicate past actions or present states. Less frequently, it may indicate present actions or past states».

- (65) Гитксан
baht *yoko*
бежать Йоко
а. 'Йоко **бежала**'.
б. 'Йоко **бежит**'. [Jóhannsdóttir, Matthewson 2008: 300]

Несколько другое распределение отмечается в **парагвайском гуарани**, в котором, согласно работе [Tonhauser 2006: 234–235] (см. также [Tonhauser 2009] и обсуждение в [Герасимов 2010]), различия в «дефолтной» интерпретации формы «небудущего времени» обуславливает фактор событийности. Дж. Тонхаузер отмечает, что в изолированном употреблении несобытийные глаголы в данной форме имеют референцию к настоящему (прочтение (66б), в отличие от (66а), возможно только в сильном контексте), а событийные — референцию к прошлому (прочтение (67б), в отличие от (67а), возможно только в сильном контексте).

- (66) Парагв. гуарани
o-yu'a
3-радоваться
а. 'Он рад'.
б. 'Он обрадовался'. [Tonhauser 2006: 235; Герасимов 2010: 43]

- (67) Парагв. гуарани
o-i
3-приходить
а. 'Он пришел'.
б. 'Он подходит'. [Tonhauser 2006: 235; Герасимов 2010: 43]

Используемые в цитируемых работах критерии «дефолтного» прочтения и (в условиях работы с языком, не имеющим представительного корпуса текстов) большей или меньшей частотности того или иного прочтения²⁰ как таковые глубоко проблема-

---

²⁰ Е. С. Маслова (устно) заметила, что процитированное выше утверждение Дж. Хэймана относительно частотности референции к настоящему vs. к прошлому у «небудущего времени» в хуа в зависимости от стативности vs. динамичности глагола в сущности означает лишь то, что, независимо от того, что речь идет о форме «небудущего времени», и в целом от организации видо-временной системы хуа, стативные глаголы чаще употребляются в контекстах с референцией к настоящему, а динамические — в контекстах с референцией к прошлому, а частот-

тичны. Тем не менее, то обстоятельство, что исследователи языков, находящиеся в разных частях света, независимо обращают внимание на сходные тенденции в интерпретации сходных форм, вряд ли случайно. Можно, таким образом, сказать, что если глагольная форма допускает референцию и к настоящему, и к будущему, то в той или иной степени на выбор ее аспектуальной и временной интерпретации влияет и акциональная семантика глагола — вопрос лишь, во-первых, в том, какой именно параметр акционального значения оказывается «критическим» в данной языковой системе, а во-вторых, является ли какая-либо из интерпретаций не просто маргинальной, а неграмматичной. Фактатив отличается от «небудущего времени» именно тем, что хотя бы у части глаголов одна из возможных видо-временных интерпретаций блокирована, а в «каноническом» случае для каждого глагола определена только одна интерпретация, концептуализированная в данном языке как наиболее естественная для его семантики.

3.2. Перфекты и перфективы с частичной стативной интерпретацией с референцией к настоящему

Вторую группу глагольных форм, имеющих содержательное сходство с фактативом, образуют случаи так называемой перфектно-статальной или перфектно-прогрессивной полисемии и примыкающие к ним. Речь идет, прежде всего, о случаях межъязыковой категории перфекта (выражающей завершенную ситуацию в прошлом, имеющую последствия для настоящего), имеющих ту специфическую особенность, что они могут выражать также и длящуюся ситуацию в настоящем — в сочетании с большим или меньшим кругом глаголов. Данный тип полисемии известен в грамматической типологии — см. специальную публикацию [Ebert 1995]²¹.

ность интерпретации нейтральной к категории времени глагольной формы является лишь следствием данного предпочтения и не связана с ее семантикой. В этой перспективе случаи «небудущего времени», рассматриваемые в данном разделе, отличаются от фактатива тем, что в их случае более частотный вариант не конвенционализирован как единственный возможный.

²¹ Примечательно, что К. Эберт включает в рассматриваемый материал не только случаи собственно перфектно-статальной/прогрессивной полисемии, но и случаи фактатива (например, в нивхском языке), и

Принципиальные отличия перфекта, отягощенного имперфективными употреблениями с референцией к настоящему, от фактатива следующие. Прежде всего, в отличие от перфективных с референцией к прошлому употреблений фактатива, перфект имеет собственную аспектуальную семантику релевантности прошедшей ситуации и лишь кроме того — характеристику ситуации как законченной, тогда как перфективные употребления фактатива всего лишь указывают на завершённую ситуацию в прошлом — в частном случае, возможно, и релевантную для текущего момента. Далее, фактатив, в отличие от такого рода перфектных форм, является основным и наиболее нейтральным способом описать ту или иную ситуацию — как в случаях перфективной интерпретации с референцией к прошлому, так и в случаях имперфективной с референцией к настоящему, тогда как перфекты обсуждаемого типа имеют более тонкую дистрибуцию. С тем и другим связано и то, что если для фактатива очевидна тенденция к минимальной морфологической маркированности и даже нулевому выражению, то для перфекта, напротив, как известно, характерны маркированные, часто аналитические, конструкции. Но при этом необходимо учитывать, что, как опять же хорошо известно, для перфекта характерно диахроническое развитие в перфективный претерит с одновременной постепенной утратой и собственно перфектной семантики, и «недефолтности» конструкции, и морфологической сложности, что, однако, не обязательно сопровождается полной потерей употреблений с референцией к настоящему, хотя бы для некоторого ограниченного круга глаголов-«маргиналов», что делает данную форму особенно близкой к фактативу.

Сравнительно редкий случай представляет собой тотальная перфектно-презентная полисемия, которую демонстрирует язык **камлинг** группы киранти — интересно, что именно эта нетривиальная конкретная система выбрана в качестве отправной точки в исследовании [Ebert 1995], автор которого известна в том числе и как специалист именно по данному языку. В камлинг перфект (в диахронической перспективе представляющий собой сложную

упоминаемые нами ниже случаи результативно-статальной полисемии (например, в карачаево-балкарском языке). Это лишний раз показывает, что речь идет о сходном и трудно разграничиваемом материале.

конструкцию со вспомогательным глаголом *ngas-* ‘оставаться’) может иметь как перфектное значение (68а), так и имперфективное с референцией к настоящему (68б).

- (68) Камлинг
ding-ḍi-ngas-ḍi
 пить-1SG-PRF-1SG
 а. ‘Я выпил’.
 б. ‘Я пью’. [Ebert 1997: 27]

Более распространенной является ситуация, при которой перфект с подавляющим большинством глагольных лексем имеет типологически стандартный круг перфектных значений, но с небольшим классом глаголов — заведомо несобытийных, но чаще стативных — выражает длящуюся ситуацию в настоящем.

Одним примером такого рода, насколько можно судить по разнородному материалу, представленному в различных публикациях (мы опираемся в первую очередь на [Njie 1982; Robert 1991; Perrin 2005]), является форма Перфекта (в терминологии [Njie 1982] «aspect zéro», в терминологии [Robert 1991; Perrin 2005] — «перфект») в атлантическом языке **волоф**, которая с «индивидуальными» глаголами («качествами») выражает длящееся в момент речи состояние (71), а с другими имеет типологически стандартную перфектную семантику (69)–(70).

- (69) Волоф
wasin na
рожать 3SG.PRF
 ‘Она **родила**’. [Robert 1991: 45]

- (70) Волоф
gis nga ko
видеть 2SG.PRF он.ACC
 ‘Ты его **видел**?’ [Robert 1991: 39]

- (71) Волоф
ndox mi tàng na
 вода DEF быть_горячим 3SG.PRF
 ‘Эта вода **горячая**’. [Robert 1991: 52]

Другим сравнительно хорошо описанным примером являются многие языки банту (см. [Аксенова 1997: 92–93]), рассмот-

(75) Хауса
naa ji
 PRF.1SG слышать
 ‘Я слышу’. [Щеглов 1970: 51]

(76) Хауса
naa sani
 PRF.1SG знать
 ‘Я знаю’. [Щеглов 1970: 51]

(77) Хауса
naa rantse
 PRF.1SG клясться
 ‘Я клянусь’. [Щеглов 1970: 51]

Случай перфектной формы, имеющей имперфективную интерпретацию с референцией к настоящему с более широким кругом несобытийных глаголов, как стативных (79), так и динамических (80), включая перформативные (81) (но в зависимости от более тонких деталей их акциональной семантики — см. подробнее [Шлуинский 2008b]), представляет собой терминатив²³ с показателем *bara* в языке **сусу** семьи манде, с существенно бóльшей частью глагольной лексики имеющий перфектную семантику (78).

(78)²⁴ Сусу
m bara fa
 1SG TRMN **приходить**
 ‘Я уже пришел’.

(79) Сусу
m bara gaxo bare yara
 1SG TRMN **бояться** собака перед
 ‘Я уже боюсь собаки’.

²³ Термин предложен в [Аксенова 1997: 104] (применительно к сусу — в [Плунгян, Урманчиева 2006]) для перфектных форм, имеющих, помимо собственно перфектной семантики, дополнительный семантический компонент ‘уже’ (‘раньше ожидаемого’). С точки зрения обсуждаемой проблематики, по-видимому, нет принципиальных различий между терминативом и собственно перфектом. Отметим, что обсуждаемая форма сусу имеет данный семантический компонент как в случае перфектной интерпретации, так и в случае презентной.

²⁴ Приводимые здесь примеры сусу (78)–(81) получены автором при работе с носителем У. Камара в Москве в 2004 г.

(80) Сусу

m bara wa

1SG TRMN плакать

‘Я уже **пла́чу**’.

(81) Сусу

m bara yi di uʒre xili fi n

я TRMN этот ребенок маленький имя **дать** я

tara ta

старший_брат к

‘Я **даю** этому ребенку имя моего старшего брата’.

Помимо разобранных нами «центральных» случаев перфектно-статальной/прогрессивной полисемии, следует упомянуть и два более периферийных случая — перфективный претерит с имперфективной интерпретацией с референцией к настоящему у узкого идиосинкратического класса глаголов и результативно-статальную полисемию.

Первый из этих случаев может рассматриваться как своего рода «вырожденный» вариант форм, представляющих перфектно-статальную/прогрессивную полисемию. Речь идет о претериальных формах, диахронически восходящих к перфекту, но синхронно имеющих дистрибуцию перфективного прошедшего, не обязательно как-либо соотносимого с моментом речи, и имеющих аномальное имперфективное значение с референцией к настоящему от нескольких глаголов. Классическим примером формы такого рода является Perfectum в **латинском** языке, дистрибуция которого в первую очередь включает общие перфективные контексты с референцией к прошлому. Как известно, имеется также ряд т. н. «недостаточных» глаголов, у которых форма «Перфекта» обозначает длящуюся ситуацию в настоящем — в [Соболевский 1999 (1948): 203] таких глаголов четыре: *novi* ‘знать’, *memini* ‘помнить’, *odi* ‘ненавидеть’, *consuevi* ‘иметь обыкновение’. Очевидно, что данные четыре глагольных лексемы не объединены каким-либо естественным семантическим признаком, так как имеются и глаголы с очень близкой семантикой, у которых длящаяся ситуация в настоящем выражается стандартной формой Презенса (ср. *odi* ‘ненавидеть’ и *amo* ‘любить’; *novi* ‘знать’ и *scio* ‘знать’), но, разумеется, не случайно, что все они являются глаголами, обозначающими «качества». Параллель (характеризуемая

автором как «неточная») между фактативом и претерито-презентными формами древних индоевропейских языков проводится в [Marchese 1986: 30]. Действительно, как и в случае фактатива, речь идет о форме, имеющей два типа видо-временной референции — перфективной с референцией к прошлому и имперфективной с референцией к настоящему — в зависимости от того, от какого глагола эта форма образована. Главное содержательное отличие здесь состоит в том, что если в случае фактатива речь идет о двух относительно равнозначных классах глаголов, противопоставленных друг другу по какому-то относительно ясному семантическому признаку, то в случае претериальных форм такого типа — об открытом классе «нормальных» глаголов и об очень небольшом закрытом классе глаголов «аномальных»²⁵. При этом, учитывая, что, как мы уже многократно отмечали, естественная языковая классификация глагольной лексики имеет конкретноязыковой характер, безусловно, для проведения границы между этими двумя случаями вряд ли могут быть предложены какие-либо формальные критерии.

Второй более периферийный случай — результативно-статальная полисемия (в терминах [Плунгян 2011: 403], «инкомплетив») — отстоит от фактатива дальше, чем рассматривавшаяся здесь перфектно-презентная (собственно, поскольку результа-

---

²⁵ Их «аномальность» подчеркивается еще и тем, что речь идет о глаголах морфологически дефектных — например, у приведенных латинских глаголов, как известно, в принципе отсутствует форма Презенса и ряд других морфологических возможностей. Но морфологические ограничения типологически более чем характерны для «индивидуальных» глаголов — так, часть «индивидуальных» глаголов эве, имеющих имперфективную интерпретацию фактатива (см. 2.1), не допускают сочетания с прогрессивом, выражающим имперфективное значение в остальных случаях (см. подробнее [Шлуинский 2008a]), а за пределами проблематики фактатива запрет на сочетание прогрессива с «индивидуальными» глаголами известен во множестве языков, начиная с английского. Морфологическая редуцированность, таким образом, не препятствие для логической возможности рассматривать латинский «Перфект» как фактатив, распределенный по признаку «стадиальности» vs. «индивидуности» с оговоркой, что в латинском языке лишь названные четыре глагола концептуализированы как «индивидуальные», а значит, эта возможность может быть отвергнута лишь на более интуитивных основаниях.

тив, как правило, рассматривается как диахронический источник перфекта, и в данном случае речь идет отчасти о диахронически предшествующей стадии). Имеются в виду формы, видо-временная референция которых всегда имперфективная и синхронная точке отчета, но при этом с частью глагольной лексики данная конструкция выражает фазу результирующего состояния, наступающего после описываемого ситуацией моментального резкого изменения, а с частью — фазу «естественного» состояния или процесса, непосредственно составляющего семантику данного глагола. Ярким примером является конструкция на *-p tur-* в ряде тюркских языков — например, **карачаево-балкарском** (см. подробнее [Недялков, Недялков 1987; Лютикова и др. 2006: 362–402]). Так, в карачаево-балкарском (черекский говор) примере (82), где данная конструкция образована от событийного глагола, описывается одновременная моменту результирующая фаза ситуации, а в (83), где употреблен несобытийный стативный глагол, — также одновременная моменту речи основная фаза ситуации.

(82)²⁶ Балкарский

alim eřik-ni ac-ip tur-a-di
 Алим дверь-ACC открывать-CONV стоять-IPFV-3SG
 ‘Алим **открыл** дверь / дверь **открыта** Алимом’.

(83) Балкарский

kerim zuqla-p tur-a-di
 Керим спать-CONV стоять-IPFV-3SG
 ‘Керим **спит**’.

Подводя итоги, можно сказать, что во всех рассмотренных случаях перфектно-статальной/прогрессивной полисемии в выборе интерпретации формы или конструкции задействованы те же факторы акционального значения, что и в случае фактатива — событийность, динамичность, «стадиальность» vs. «индивидуальность». При этом, чем уже круг глаголов, у которых эта форма или конструкция описывает в имперфективном ракурсе основную длящуюся фазу ситуации — «естественное» состояние или процесс, — тем более он идиосинкратичен. Заметим, что именно эта идиосинкратичность и отличает от фактатива случаи, особенно близкие

²⁶ Приводимые здесь карачаево-балкарские примеры (82)–(83) получены от носителей языка в рамках Балкарской экспедиции МГУ 2002 г.

к нему по другим параметрам, когда неочевидно более естественное различие в наличии у претериальных употреблений данной формы дополнительной перфектной или подобной ей семантики.

4. Заключение

Итак, в настоящей работе была рассмотрена видо-временная межъязыковая категория фактатива — «базовая» глагольная форма, имеющая перфективную интерпретацию с референцией к прошлому и имперфективную интерпретацию с референцией к настоящему, в зависимости от лексических свойств глагола, от которого она образована. Мы показали, что известные примеры глагольных систем с фактативом естественно делятся на два класса — те, в которых интерпретация фактатива зависит напрямую от акциональных свойств глагола, и те, в которых интерпретация фактатива связана с собственно видовой характеристикой, заданной в силу принадлежности глагольной лексемы к определенному видовому классу. В первом случае имеется дальнейший ряд возможностей в зависимости от того, какой именно акциональный параметр оказывается ключевым — событийность vs. несобытийность глагола, его динамичность vs. стативность или его принадлежность к классу «стадиальных» предикатов («явлений») vs. «индивидуальных» («качеств»). Во втором случае интерпретация всегда зависит от перфективного vs. имперфективного видового ракурса, но сам этот ракурс может быть задан различными способами: как покрывающая всю глагольную лексику словоклассифицирующая категория собственно вида, при помощи деривационных аспектуальных показателей, при помощи аспектуальных показателей, имеющих собственную позицию в предикации.

Далее мы рассмотрели две группы форм, проявляющих существенное сходство с фактативом как в том, какая видо-временная референция у них в принципе возможна, так и в том, какие лексические факторы могут влиять на ее выбор. Первая из этих групп — «небудущее время» — отличается от фактатива тем, что факторы выбора видо-временной референции там имеют нежесткий характер предпочтительных интерпретаций. Вторая — перфектно-презентная полисемия и подобные ей случаи — наличием перфектной семантики и/или идиосинкратичностью выбора «маргинальных» глаголов, предопределяющих более нестандарт-

ную интерпретацию. Отметим, что и фактатив, и данные два случая встраиваются в общий более широкий ряд «вариативных» аспектуальных категорий, зависящих от лексических свойств глагола — ср. обсуждение в [Csirmaz 2004].

В заключение хотелось бы обратить внимание на то, что видо-временные формы, относящиеся либо к той или иной разновидности фактатива, либо к другим обсуждавшимся здесь случаям, представлены в существенно большем количестве языков мира, чем те, материал которых рассматривался в данной работе — так, подобные категории засвидетельствованы, например, в ирокезском языке сенека [Holmer 1954: 34–36], в языке манамбу группы сепик [Aikhenvald 2008: 254–255], в языке каярдилд семьи пама-ньонга [Evans 1995: 256–257], в чадском языке ангас [Jungraithmayr, Holubová 2009: 162–166], в неклассифицированном австралийском языке вамбая [Nordlinger, Bresnan 1996] и многих других, но всякая из них требует более детального исследования — как и, впрочем, многие более изученные обсуждавшиеся здесь случаи. Автору остается надеяться, что представленная здесь сугубо предварительная типология будет полезна в качестве ориентира в дальнейших изысканиях.

Сокращения²⁷

1, 2, 3 — 1, 2, 3 лицо; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ART — артикль; CL — показатель согласовательного класса; CONV — деепричастие; CORE — показатель ядерной именной группы; DECL — показатель декларативного предложения; DEF — показатель определенности; DIM — диминутив; DUR — дуратив; FAC — фактатив; INCH — инхотатив; IND — индикатив; INDEF — показатель неопределенности; INTR — показатель непереходности; IPFV — имперфектив; LOC — локатив, локативная частица; NOM — номинатив; NONFUT — небудущее время; NSBJ — несубъектная местоименная серия; OBL — показатель косвенной именной группы; PFV — перфектив; PREP — предлог; PRF — перфект; PTCL — частица; R — реалис; S — субъектная серия лично-числовых показателей; SG — ед. число; SS — совпадение субъектов (same-subject); TR — показатель переходности; TRMN — терминатив.

---

²⁷ В тех случаях, когда цитируемый нами пример заимствован из источника, использующего поморфемное глоссирование, сокращения унифицированы нами (но с сохранением авторского морфемного членения и содержательной интерпретации морфем).

Литература

- Агбоджо 1986 — К. О. Агбоджо. Глагол и предикат в изолирующем языке (на материале языка эве). Дисс. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 1986.
- Агбоджо, Литвинов 1989 — К. О. Агбоджо, В. П. Литвинов. Выражение множественности ситуаций в языке эве // В. С. Храковский (ред.). Типология итеративных конструкций. Л.: Наука, 1989.
- Аксенова 1997 — И. С. Аксенова. Категории вида, времени и наклонения в языках банту. М.: Наука, 1997.
- Аксенова, Топорова 2002 — И. С. Аксенова, И. Н. Топорова. Грамматика языка аква. М.: УРСС, 2002.
- Булыгина 1982 — Т. В. Булыгина. К построению типологии предикатов в русском языке // О. Н. Селиверстова (ред.). Семантические типы предикатов. М.: Наука, 1982.
- Выдрин 2010 — В. Ф. Выдрин. «Нейтральный вид» в дан-гуэта и акциональные классы // Вопросы языкознания, 5, 2010.
- Герасимов 2010 — Д. В. Герасимов. Видо-временная система парагвайского гуарани: сфера действия и порядок показателей // Вопросы языкознания, 4, 2010.
- Гусев — В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке // Настоящий сборник. Иосад и др. 2005 — П. В. Иосад, А. Г. Пазельская, М. А. Цюрупа. Типологически значимые параметры глагольной лексики: имперфективирующие деривации ненецкого языка // В. И. Подлесская и др. (ред.). Четвертая типологическая школа. М.: РГГУ, 2005.
- Казакевич 2008 — О. А. Казакевич. К вопросу о моделях описания селькупской глагольной деривации // В. А. Плунгян, С. Г. Татевосов (ред.). Исследования по глагольной деривации. М.: Языки славянских культур, 2008.
- Кузнецова и др. 1980 — А. И. Кузнецова, Е. А. Хелимский, Е. В. Грушкина. Очерки по селькупскому языку. М.: Изд-во МГУ, 1980.
- Лютикова и др. 2006 — Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов, М. Ю. Иванов, А. Г. Пазельская, А. Б. Шлуинский. Структура события и семантика глагола в карачаево-балкарском языке. М.: ИМЛИ РАН, 2006.
- Недялков, Недялков 1987 — И. В. Недялков, В. П. Недялков. Карачаево-балкарская глагольная форма на -б/-п тур-а со значениями настоящего и прошедшего времени (в сравнении с формами на -б тур-а/тур-иб в узбекском языке) // А. М. Мухин и др. (ред.). Лингвистические исследования 1987. Функционально-семантические аспекты грамматики. М.: ИЯз АН СССР, 1987.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М.: Наука, 1985.
- Панфилов 1965 — В. З. Панфилов. Грамматика нивхского языка. Ч. 2. М.; Л.: Наука, 1965.

- Плунгян 2003 — В. А. Плунгян. Африканские глагольные системы: заметки к типологии // В. А. Виноградов, И. Н. Топорова (ред.). Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Восточная литература, 2003.
- Плунгян 2011 — В. А. Плунгян. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011.
- Плунгян, Урманчиева 2006 — В. А. Плунгян, А. Ю. Урманчиева. К описанию глагольной системы языка сусу (в сопоставлении с джалонке) // Исследования по языкам Африки 2005. М.: ИЯЗ РАН, 2006.
- Соболевский 1999 (1948) — С. И. Соболевский. Грамматика латинского языка. Ч. 1. Морфология и синтаксис. М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1948. Переизд.: СПб.: Летний сад, 1999.
- Терещенко 1947 — Н. М. Терещенко. Очерк грамматики ненецкого (юрако-самоедского) языка. Л.: Государственное учебно-педагогическое изд-во, 1947.
- Терещенко 1973 — Н. М. Терещенко. Синтаксис самодийских языков. Л.: Наука, 1973.
- Терещенко 1979 — Н. М. Терещенко. Нганасанский язык. Л.: Наука, 1979.
- Хелимский 1994 — Е. А. Хелимский. Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка // Таймырский этнолингвистический сборник. Вып. 1. Материалы по нганасанскому шаманству и языку. М.: РГГУ, 1994.
- Шлуинский 2006 — А. Б. Шлуинский. Типология «небудущего времени» и лексическое значение глагола // В. С. Храковский и др. (ред.). Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. СПб.: Нестор-История, 2006.
- Шлуинский 2008a — А. Б. Шлуинский. Акциональные типы глаголов в языке эве // В. А. Виноградов (ред.). Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia, 2008.
- Шлуинский 2008b — А. Б. Шлуинский. Акциональность глаголов языка сусу и ее взаимодействие с показателем *bara* // Е. И. Зеленев и др. (ред.). Востоковедение и африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.
- Щеглов 1970 — Ю. К. Щеглов. Очерк грамматики языка хауса. М.: Наука, 1970.
- Яковлева 1963 — В. К. Яковлева. Язык йоруба. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.
- Aikhenvald 2008 — A. Y. Aikhenvald. The Manambu language of East Sepik, Papua New Guinea. Oxford: Oxford University Press, 2008.

- Bamgboṣe 1966 — A. Bamgboṣe. *A grammar of Yoruba*. Cambridge: Cambridge university press, 1966.
- Bohnmeyer, Swift 2004 — J. Bohnmeyer, M. Swift. Event realization and default aspect // *Linguistics and philosophy* 27, 2004.
- Carlson 1977 — G. Carlson. *Reference to kinds in English*. Ph.D. diss. Amherst: Univ. of Massachussets, 1977.
- Childs 1995 — G. T. Childs. *A grammar of Kisi*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1995.
- Cloarec 1972 — F. Cloarec. *Le verbe Banda*. Paris: CNRS, 1972.
- Comrie 1985 — B. Comrie. *Tense*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Csirmaz 2004 — A. Csirmaz. Aspect and aspect change crosslinguistically // L. Hunyadi, G. Rákosi, E. Tóth (eds.). *Preliminary papers of LOLA 8*. Debrecen, 2004.
- Dixon 1972 — R. M. W. Dixon. *The Dyirbal language of North Queensland*. Cambridge: Cambridge University Press, 1972.
- Donohue 1999 — M. Donohue. *A grammar of Tukang Besi*. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999.
- Ebert 1995 — K. Ebert. 1995. Ambiguous perfect-progressive forms across languages // P. M. Bertinetto et al. (eds.). *Temporal reference, aspect and actionality*. Vol. 2. Torino: Rosenberg & Sellier, 1995.
- Ebert 1997 — K. Ebert. *Camling (Chamling)*. München; Newcastle: LINCOM Europa, 1997.
- Emenanjo 1987 — E. N. Emenanjo. *Elements of modern Igbo grammar*. Ibadan: University Press Limited, 1987.
- Evans 1995 — N. D. Evans. *A grammar of Kayardild*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995.
- Fortescue 1984 — M. Fortescue. *West Greenlandic*. London: Croom Helm, 1984.
- Gore 1926 — E. C. Gore. *A Zande grammar*. London: The Sheldon press, 1926.
- Green, Igwe 1963 — M. M. Green, G. E. Igwe. *A descriptive grammar of Igbo*. Berlin: Akademie Verlag, 1963.
- Haiman 1980 — J. Haiman. *Hua: a Papuan language*. Amsterdam: John Benjamins, 1980.
- Holmer 1954 — N. M. Holmer. *The Seneca language*. Upsala: A.-B. Lundequistska Bokhandeln, 1954.
- Jóhannsdóttir, Matthewson 2008 — K. Jóhannsdóttir, L. Matthewson. Zero-marked tense: the case of Gitxsan // *Proceedings of NELS-37*. Vol. 1, 2008.
- Jungraihtmayr, Holubová 2009 — H. Jungraihtmayr, M. Holubová. *Ngas (Angas): the verbal system* // P. Zima (ed.). *The verb and related areal features in West Africa*. München: LINCOM Europa, 2009.
- Katschmann 2008 — M. Katschmann. *Chrestomatia nganasanica*. Norderstedt, 2008.

- Klumpp 2005 — G. Klumpp. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas // *Acta Linguistica Hungarica* 52, 4, 2005.
- Künnap 1978 — A. Künnap. System und Ursprung der kamassischen Flexionssuffixe. Vol 2. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen, 1978.
- Lichtenberk 2008 — F. Lichtenberk. A grammar of Toqabaqita. Vol. 2. Berlin: Mouton de Gruyter, 2008.
- Marchese 1986 — L. Marchese. Tense/aspect and the development of auxiliaries in Kru languages. Arlington: SIL, 1986.
- Maslova 2003a — E. Maslova. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin: Mouton de Gruyter, 2003.
- Maslova 2003b — E. Maslova. Tundra Yukaghir. München: LINCOM Europa, 2003.
- Newman 2000 — P. Newman. The Hausa language: An encyclopedic reference grammar. New Haven: Yale University Press, 2000.
- Njie 1982 — C. M. Njie. Description syntaxique du Wolof de Gambie. Dakar etc.: Nouvelles éditions africaines, 1982.
- Nordlinger, Bresnan 1996 — R. Nordlinger, J. Bresnan. Nonconfigurational tense in Wambaya // *Proceedings of the LFG Conference*. Stanford: CSLI Publications, 1996.
- Nurse et. al. Ms. — D. Nurse, J. Hewson, S. Rose. Verbal categories in Niger-Congo. Ms. <http://www.mun.ca/linguistics/nico/index.php>
- Perrin 2005 — L.-M. Perrin. Des représentations du temps en wolof. Thèse ... docteur en sciences du langage. Paris: Université Paris 7, 2005.
- Robert 1991 — S. Robert. Approche énonciative du système verbal: le cas du wolof. Paris: CNRS, 1991.
- Salminen 1997 — T. Salminen. Tundra Nenets inflection. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1997.
- Tonhauser 2006 — J. Tonhauser. The temporal semantics of noun phrases: evidence from Guarani. Ph.D. Diss. Stanford, Stanford University, 2006.
- Tonhauser 2009 — J. Tonhauser. Is Paraguayan Guarani a tenseless language? // *Proceedings of semantics of under-represented languages of the Americas (SULA)* 5, 2009.
- van der Voort 2004 — H. van der Voort. A grammar of Kwaza. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Ward 1952 — I. C. Ward. An introduction to the Yoruba language. Cambridge: W. Heffer & Sons, 1952.
- Welmers 1973 — W. E. Welmers. African language structures. Berkeley: University of California press, 1973.
- Westermann 1907 — D. Westermann. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin: Dietrich Reimer, 1907.

УКАЗАТЕЛЬ ЯЗЫКОВ

В указатель включены названия отдельных языков, а также названия генетических и ареальных объединений, упоминаемых в статьях сборника. Названия генетических общностей сопровождаются пометой (*генетич.*), названия ареальных общностей — пометой (*ареальн.*). При каждом языке в скобках дается краткая информация о его генетической принадлежности; при менее известных языках в квадратных скобках дается их наиболее употребительное название (или названия), принятое в англоязычной литературе.

- Агульский (нахско-дагестанские / лезгинские) 199, 228–285, 872, 879–880, 912–913
адыгейский (абхазо-адыгские / адыгские) 912–913, 917–918, 922, 924, 927, 932–933
аква (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту С) 986
алюторский (чукотско-камчатские / чукотско-корякские) 398–454
амбонский малайский (австронезийские / малайско-сумбавские) 927
английский (индоевропейские / германские / западногерманские) 83, 112, 551 (сн. 11), 881, 897, 900, 906, 910, 920, 932
аранда (пама-ньюнга / арандские) 874, 882–885
асойу-глапанек (отомангские / суб-тьяба-глапанекские) 878, 894–895
атчин (отомангские / суб-тьяба-глапанекские) 934
аштынский (нахско-дагестанские / даргинские / кубачинский) 181–222
Бабин-вицувитен (на-дене / атапасские) 892, 917, 919, 922
багвалинский (нахско-дагестанские / аваро-андо-цезские / андийские) 271
банда-линда (нигеро-конголезские / адамава-убангийские / убангийские) 961
банджаланг (пама-ньюнга / банджалангские) 881, 909, 912–914, 917, 924
банту языки (*генетич.*) 902–907
белых мяо язык (мяо-яо) 938
бен (нигеро-конголезские / манде / южные) 607–611; *см. также* южные манде
бесермянский (уральские / финно-угорские / пермские) 735–783
бивер (на-дене / атапасские) 887
болгарский (индоевропейские / славянские / южнославянские) 20–21, 24, 107
боле (афразийские / чадские) 933, 935
бура (афразийские / чадские) 880

- Вангуну (австронезийские / океанийские / новоирландские) 917, 920
- варекена (аравакские / майпурские) 886–887
- венгерский (уральские / финно-угорские / обско-угорские) 25–26, 708
- венда (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту S) 903
- волоф (нигеро-конголезские / атлантические) 985
- восточноармянский (индоевропейские) 193–194 (сн. 9), 220
- восточный амбаэ (австронезийские / океанийские / северо- и центральновануатские) 925
- вьетнамский (австроазиатские / монкхмерские) 909, 927–928, 932
- Гбан (нигеро-конголезские / манде / южные) 611–615; *см. также* южные манде
- гереро (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту R) 903
- германские языки (*генетич.*) 9–10, 16, 20, 25, 708
- гитксан (цимшианские) 981–982
- годоберинский (нахско-дагестанские / аваро-андо-цезские / андийские) 271
- греческий (индоевропейские) 122–147, 709, 713
- грузинский (картвельские) 25, 122, 290–307, 708, 728, 729, 731
- гуниянди (бунабанские) 889, 898, 927
- гуро (нигеро-конголезские / манде / южные) 592–596, 626–629; *см. также* южные манде
- Дан-бло (нигеро-конголезские / манде / южные) 576–580, 616–620, 648–660; *см. также* южные манде
- дан-гуэта (нигеро-конголезские / манде / южные) 571–576, 616–620, 966–967; *см. также* южные манде
- даргинский (нахско-дагестанские) 282; *см. также* аштынский
- девоин (нигеро-конголезские / кру) 968
- джалонке (нигеро-конголезские / манде / юго-западные) 896
- дирбал (пама-ньюнга / дирбалические) 980
- догон (*генетич.*) 901
- древнеармянский (индоевропейские) 24, 146 (сн. 4)
- древнегреческий (индоевропейские) 24, 122–147, 305, 709–710, 713; *см. также* греческий
- древнегрузинский (картвельские) 292, 301–307; *см. также* грузинский
- дунгидьяву (пама-ньюнга / вакакабские) 909
- Ж**аравара (арауканские) 882
- З**ападногренландский эскимосский (эскимосско-алеутские / эскимосские / инуитские) 973–974
- И**ааи (австронезийские / океанийские / языки островов Общества) 917, 924–925
- игбо (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / игбоидные) 960–961
- идиш (индоевропейские / германские / западногерманские) 16, 83–85, 705
- ила (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту M) 903
- ингушский (нахско-дагестанские / нахские) 280

- инуктитут (эскимосско-алеутские / эскимосские / инуитские) 898, 953–954, 961–962, 973 (сн. 18)
- испанский (индоевропейские / романские / иберо-романские) 153–175
- итальянский (индоевропейские / романские / итало-романские) 143, 909, 910, 915
- Йоруба** (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / йорубоидные) 962–963
- Кабардинский** (абхазо-адыгские / адыгские) 918, 922
- какабе (нигеро-конголезские / манде / юго-западные) 896, 898
- какинте (аравакские / майпурские) 930
- камбера (австронезийские / бимасумбанские) 932
- кантонский китайский (сино-тибетские / китайские) 881, 897, 923, 936–937
- каратинский (нахско-дагестанские / аваро-андо-цезские / андийские) 271
- карачаево-балкарский (алтайские / тюркские / кыпчакские) 990
- карок (хока / карок-шаста) 887, 893, 922
- кашайя (хока / помо) 25
- кваза (изолят, территория Бразилии) 873, 888, 980
- квангали (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту К) 903
- кендаян (австронезийские / малайско-сумбавские) 909
- кимбунду (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту Н) 903
- киси (нигеро-конголезские / атлантические) 963–964
- кихолу (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту К) 903
- кла-дан (нигеро-конголезские / манде / южные) 580–583, 616–620; *см. также* южные манде
- комокс (салишские / центральные) 909
- конго (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту Н) 903–904
- коптский (афразийские) 534–564
- корякский (чукотско-камчатские / чукотско-корякские) 398–454
- коюкон (на-дене / атапаскские) 887
- куку-яланди (пама-ньюнга / яланди) 897–898
- куланго (нигеро-конголезские / гур) 894–895
- куо (нигеро-конголезские / адамава-убангийские / адамава) 909, 910
- кхму (австроазиатские / мон-кхмерские) 909
- Ламба** (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту М) 903
- латгальский (индоевропейские / балтийские) 46, 68
- латинский (индоевропейские / италийские) 25, 707–731, 988–989
- латышский (индоевропейские / балтийские) 23, 46, 68, 84
- лвена (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту К) 903–904
- лезгинский (нахско-дагестанские / лезгинские) 240–243, 272, 280–281
- литовский (индоевропейские / балтийские) 16, 25, 45–113, 725–726, 730–731
- литслитс (австронезийские / океанийские / северо- и центральновануатские) 927
- лого (нило-сахарские / центрально-суданские / восточные) 934–935

- луба (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту L) 903
- лужицкий (индоевропейские / славянские / западнославянские) 15
- лунда (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту K) 903, 905
- Майали** (гунвигские) 867
- мая языки (*генетич.*) 662–699
- македонский (индоевропейские / славянские / южнославянские) 16–17
- мандаринский китайский (сино-тибетские / китайские) 937
- манканья (нигеро-конголезские / атлантические) 902, 906–907
- мано (нигеро-конголезские / манде / южные) 583–586, 620–626; *см. также* южные манде
- маори (австронезийские / океанийские / полинезийские) 917, 922, 924, 927
- мапуче (арауканские) 883
- марги (афразийские / чадские) 23, 880
- мбембе (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / кросс-риверские / дельта-кросские) 909, 932
- меа (австронезийские / океанийские / новокаледонские) 917, 924
- мегрельский (картвельские / занские) 301
- мекео (австронезийские / океанийские / языки восточной оконечности Папуа) 914
- мокил (австронезийские / океанийские / микронезийские) 938–939
- мон (австроазиатские / мон-кхмерские) 909, 925
- монго (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту C) 903–904, 907
- монгсен-ао (сино-тибетские / тибето-бирманские / куки-нага) 887, 893
- мосетен (изолят, территория Боливии) 891
- муаланг (австронезийские / малайско-сумбавские) 909
- муан (нигеро-конголезские / манде / южные) 600–603, 626–629; *см. также* южные манде
- Навахо** (на-дене / атапаскские) 888
- нанайский (алтайские / тунгусо-маньчжурские) 370–371, 809 (сн. 5), 868, 878–879, 891
- нахско-дагестанские языки (*генетич.*) 219–220, 271
- нганасанский (уральские / самодийские) 311–359, 970 (сн. 13)
- ндонга (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту R) 903, 905, 907
- ндут (нигеро-конголезские / атлантические / северные) 872
- негидальский (алтайские / тунгусо-маньчжурские) 371
- немецкий (индоевропейские / германские / западногерманские) 708, 728, 878, 897
- ненгоне (австронезийские / океанийские / языки островов Общества) 917
- ненецкий (уральские / самодийские) 358–359, 969–973
- нивхский (*изолят*) 199, 458–532, 974–976
- новогреческий *см.* греческий
- новогрузинский *см.* грузинский
- ноне (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / бебоидные) 899–900
- нун (нигеро-конголезские / атлантические) 897

- Орочский** (алтайские / тунгусо-маньчжурские) 891
- осетинский** (индоевропейские / иранские / восточные) 25
- Паама** (австронезийские / океанийские / северо- и центральновануатские) 916–917, 920
- паичи** (австронезийские / океанийские / новокаледонские) 917, 920–921
- парагвайский гуарани** (тупи / тупи-гуарани / гуаранийские) 937–938, 982
- Рама** (чибчанские) 887
- романские языки** (*генетич.*) 9–10, 16, 20, 25, 122, 273
- руанда** (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту J) 903
- румынский** (индоевропейские / романские / балкано-романские) 909, 913
- русский** (индоевропейские / славянские / восточнославянские) 15–23, 134, 714, 717–718, 726, 729, 869, 873, 877–878, 880, 895, 897, 911–912, 917, 932, 938
- рутульский** (нахско-дагестанские / лезгинские) 240, 879
- Салиба** (австронезийские / океанийские / языки восточной оконечности Папуа) 917–918
- северный сото** (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту S) 903
- селькупский** (уральские / самодийские) 199, 358–359, 969–973
- семитские языки** (*генетич.*) 122
- сие** (австронезийские / океанийские / южновануатские) 926, 930
- сипакапа** (майя / киче-маме) 869
- славянские языки** (*генетич.*) 9–26, 52–60, 68, 72–73, 85, 122, 711, 714, 718, 720, 722, 724, 728–729
- слэйви** (на-дене / атапасские) 887–888
- словацкий** (индоевропейские / славянские / западнославянские) 56
- старославянский** (индоевропейские / славянские / южнославянские) 20–21, 24, 146 (сн. 4)
- супире** (нигеро-конголезские / гур) 909, 910
- сусу** (нигеро-конголезские / манде / западные) 987–988
- Табасаранский** (нахско-дагестанские / лезгинские) 240–241, 879
- тавала** (австронезийские / океанийские / языки восточной оконечности Папуа) 917
- тайский** (тай-кадайские) 909
- танайна** (на-дене / атапасские) 887, 892, 919 (сн. 28)
- тепева-веветла** (тотонакские / тепева) 893, 926, 928
- тепева-глаичилько** (тотонакские / тепева) 893, 937
- тив** (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / тивоидные) 934
- тимукуа** (изолят, территория Флориды) 887
- тинрин** (австронезийские / океанийские / новокаледонские) 917, 924, 939
- тоабайта** (австронезийские / океанийские / южносоломонские) 964–965, 967–968
- туканг беси** (австронезийские / сулавесийские / муна-бутонские) 976–977
- тунгусо-маньчжурские языки** (*генетич.*) 362

тура (нигеро-конголезские / манде / южные) 586–592, 620–626; *см. также* южные манде

Уан (нигеро-конголезские / манде / южные) 604–607; *см. также* южные манде

удинский (нахско-дагестанские / лезгинские) 271

удмуртский *см.* бесермянский

удгейский (алтайские / тунгусо-маньчжурские) 361–392, 873, 909, 910–911, 933–934

Французский (индоевропейские / романские / галло-романские) 107, 551 (сн. 11), 869, 874, 890, 896, 909–910

фула (нигеро-конголезские / атлантические) 888, 898, 900, 901–902, 906, 917–919

Халиа (австронезийские / океанийские / новоирландские) 921

харагуре (австронезийские / океанийские / новокаледонские) 917

харачуу (австронезийские / океанийские / новокаледонские) 917, 924

хауса (афразийские / чадские) 986–987

хди (афразийские / чадские) 888

хиналугский (нахско-дагестанские) 193 (сн. 9)

хоава (австронезийские / океанийские / новоирландские) 917

хуа (трансновогвинейские / нагорные / камано-ягария) 980–981, 982 (сн. 20)

хуаилу (австронезийские / океанийские / новокаледонские) 917, 920–921

хуп (изолят, территория Бразилии) 932

Цахурский (нахско-дагестанские / лезгинские) 274–275

цян (сино-тибетские / тибето-бирманские / тангут-цян) 913

Чамлинг (сино-тибетские / тибето-бирманские / киранти) 984–985

чеченский (нахско-дагестанские / нахские) 280

чешский (индоевропейские / славянские / западнославянские) 15, 56

чокто (мускогские / западные) 908

чукотский (чукотско-камчатские / чукотско-корякские) 398–454

Шона (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / банту S) 898, 903–904

Эвенкийский (алтайские / тунгусо-маньчжурские) 370, 786–864

эве (нигеро-конголезские / ква) 909, 965–966, 989 (сн. 25)

эвенский (алтайские / тунгусо-маньчжурские) 370

эджагам (нигеро-конголезские / бенуэ-конголезские / экоидные) 890, 927, 935

энецкий (уральские / самодийские) 358–359, 969–973

эстонский (уральские / финно-угорские/прибалтийско-финские) 112

Южные манде языки (*генетич.*) 566–639

юкагирские (*генетич.*) 974–975

ючи (изолят, территория Оклахомы) 889

Янеша (аравакские / майпурские) 883, 930

яурэ (нигеро-конголезские / манде / южные) 596–600, 626–629; *см. также* южные манде

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пётр Михайлович Аркадьев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела типологии и сравнительного языкознания Института славяноведения РАН (Москва). Электронная почта: peterarkadiev@yandex.ru.

Тимофей Александрович Архангельский — преподаватель факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва). Электронная почта: timarkh@gmail.com.

Олег Игоревич Беляев — младший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН (Москва), научный сотрудник НОЦ Современных лингвистических исследований при Московском государственном гуманитарном университете имени М. А. Шолохова (Москва). Электронная почта: belyaev@iling-ran.ru.

Игорь Андреевич Виноградов — младший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: igor.vinogradov@iling-ran.ru.

Олег Сергеевич Волков — студент курса отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва). Электронная почта: kot_gitarist@mail.ru.

Валентин Феодосьевич Выдрин — доктор филологических наук, профессор Национального института восточных языков и цивилизаций (INALCO, Париж), преподаватель-исследователь Лаборатории языков и культуры Тропической Африки Национального центра научных исследований (CNRS-LLACAN, Париж), профессор кафедры африканистики восточного факультета СПбГУ (Санкт-Петербург). Электронная почта: vydrine@gmail.com.

Елена Викторовна Горбова — доктор филологических наук, доцент кафедры общего языкознания филологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург). Электронная почта: elena-gorbova@yandex.ru.

Екатерина Юрьевна Груздева — кандидат филологических наук, университетский лектор отделения современных языков Хельсинкского университета (Хельсинки). Электронная почта: ekaterina.gruzdeva@helsinki.fi.

Валентин Юрьевич Гусев — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: valentin.gusev@iling-ran.ru.

Михаил Александрович Даниэль — кандидат филологических наук, профессор факультета филологии НИУ ВШЭ (Москва), доцент кафедры теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва). Электронная почта: misha.daniel@gmail.com.

Тимур Анатольевич Майсак — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: timur.maisak@gmail.com.

Сергей Владимирович Малышев — студент курса Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва). Электронная почта: sjerjozha@yandex.ru.

Владимир Александрович Панов — аспирант сектора типологии Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: panovmeister@gmail.com.

Елена Всеволодовна Перехвальская — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Электронная почта: elenap96@yandex.ru.

Владимир Александрович Плунгян — доктор филологических наук, заведующий отделом типологии и ареальной лингвистики Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: plungian@iling-ran.ru.

Мария Юрьевна Пупынина — младший научный сотрудник отдела языков народов России Института лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Электронная почта: pupynina@gmail.com.

Александр Александрович Ростовцев-Попель — научный сотрудник Франкфуртского университета имени И. В. Гёте. Электронная почта: gostropiel@gmail.com.

Дарья Александровна Рыжова — студентка Отделения теоретической и прикладной лингвистики МГУ имени М. В. Ломоносова (Москва). Электронная почта: daria.ryzhova@mail.ru.

Наталья Вадимовна Сердобольская — кандидат филологических наук, доцент Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета (Москва), старший научный сотрудник НИЦ Современных лингвистических исследований при Московском государственном гуманитарном университете имени М. А. Шолохова (Москва). Электронная почта: serdobolskaya@gmail.com.

Наталья Марковна Стойнова — кандидат филологических наук, младший научный сотрудник Отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва). Электронная почта: ash1@yandex.ru.

Анна Юрьевна Урманчиева — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: ugmanna@yandex.ru.

Андрей Болеславович Шлуинский — кандидат филологических наук, научный сотрудник Отдела африканских языков Института языкознания РАН (Москва). Электронная почта: ash1@yandex.ru.

Анна Владимировна Эрман — младший научный сотрудник Отдела этнографии Африки Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого РАН (Кунсткамера) (Санкт-Петербург). Электронная почта: aerman@yandex.ru.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

***П. М. Аркадьев.* Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных)**

В статье описывается аспектуальная система литовского литературного языка с привлечением диалектных и ареальных данных. Вопрос о традиционно постулируемой категории вида решается отрицательно в виду отсутствия в литовском собственно грамматических (морфосинтаксических) коррелятов каждого из «видов» и недостаточной детальности самой бинарной классификации, вместо которой предлагается более детальная система акциональных типов глаголов. Описываются основные механизмы деривационного аспекта: телисизирующая префиксация, делимитативные, семельфактивные и итеративные образования. В качестве словоизменительных аспектуальных категорий подробно рассматриваются хабитуальный претерит и ранее не описанный в литературе континуатив, выражающийся при помощи «внешнего» префикса *(te)be-*. Исследуются аналитические конструкции с аспектуальной семантикой: перфект/результатив и авертив.

Ключевые слова: литовский язык, деривационный аспект, акциональность, континуатив, авертив, перфект, результатив, хабитуалис

***Т. А. Архангельский, В. А. Панов.* Аспект в греческом языке: проблемные зоны и типология**

В статье дается краткое описание аспектуальной системы древне- и новогреческого языка и произошедших в ней диахронических изменений. Описываются типологические особенности греческой аспектуальной системы. Особо рассматриваются непрототипические употребления аспекта и случаи несимметричного использования перфектива и имперфектива, такие как инфинитив и императив в древнегреческом и императив/прохитив, «зависимое наклонение» и кондиционалис в новогреческом.

Ключевые слова: аспект, типология, греческий язык, диахрония

***О. И. Беляев.* Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского**

В статье рассматриваются морфология и семантика основных видовременных форм глагола в аштынском диалекте кубачинского языка

(даргинская группа нахско-дагестанских языков). Видовременная система данного диалекта представляет интерес с типологической точки зрения в связи с обилием и разнообразием форм, входящих в глагольную парадигму; так, в аштынском диалекте на морфологическом уровне противопоставлены три типа хабитуалиса. Кроме того, особое внимание в статье уделяется взаимодействию бинарной категории вида, выраженной в глагольной основе, и аспектуальных значений видовременных глагольных суффиксов. Описание аштынской видовременной системы сопровождается ее сопоставлением с системами других даргинских языков и диалектов.

Ключевые слова: даргинские языки, нахско-дагестанские языки, вид, время

И. А. Виноградов. Аспектуальные системы языков майя

Данная работа посвящена выражению аспекта в глагольной грамматике языков майя. В языках этой семьи представлено два типа аспектуальных систем в зависимости от количества аспектуальных показателей в составе глагольной словоформы: один (в языках горной части майянского ареала) или два (в языках равнинной части). Наибольший интерес с типологической точки зрения представляют языки второй группы, где аспектуальные значения выражаются сразу двумя грамматическими категориями, одна из которых состоит из небольшого числа граммем, имеющих достаточно общие значения, а другая, «интерпретирующая» грамматическая категория, наоборот, располагает большим числом граммем с более частными значениями.

Ключевые слова: аспект, глагольная грамматика, языки майя, типология

***О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова.*
К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков**

Статья представляет собой обзор видовых и видовременных категорий в чукотско-камчатских языках. Основным источником эмпирических данных являются собранные в разное время тексты на чукотском, корякском и алюторском языках. Данные корпусов, грамматик и типологических статей анализируются с точки зрения кластерного подхода к типологии аспекта, то есть в терминах типологически элементарных аспектуальных значений и их объединения. На основании внутригенетического типологического анализа выделены некоторые более и менее стабильные элементы аспектуальной системы и предложены возможные

пути их исторической эволюции. Кратко охарактеризована связь вида в чукотско-камчатских языках с некоторыми другими категориями — будущим временем, отрицанием и заглазностью.

Ключевые слова: аспект, перфект, перфектив, эвиденциальность, результатив, имперфектив, будущее время, чукотский, алоторский, корякский

***В. Ф. Выдрин.* Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе**

Генетическая дистанция между языками южной группы манде (нигеро-конголезская макросемья) сопоставима с таковой между языками германской группы. Однако, в отличие от индоевропейских языков, глагольная морфология здесь довольно трудно поддается реконструкции. Главная причина этого — преимущественно изолирующий характер праязыка; морфологические показатели, фиксируемые в современных языках группы, являются в большинстве своем результатом сравнительно поздних инноваций. Тем не менее, оказывается возможным реконструировать праязыковые конструкции имперфектива, перфектива и императива, а также высказать предположение о том, что большинство глагольных словоизменительных морфем в южных манде являются по происхождению локативными послелогоми.

Ключевые слова: языки манде, южные манде, дан, гуру, муан, mano, тура, гбан, бен, яурэ, уан, супин, герундий, имперфектив, перфектив

***Е. В. Горбова.* О строении аспектуально-темпоральной системы испанского языка**

В работе представлены две теоретические модели строения аспектуально-темпоральной системы испанского языка (ИЯ). Первая базируется на понятии бинарной грамматической оппозиции и положении о допустимой множественности аспектуальных оппозиций, в том числе и в рамках одной языковой системы. Вторая представляет собой многоуровневую модель описания аспектуальности ИЯ. Описанию обеих моделей предшествует обсуждение некоторых теоретических и методологических вопросов типологической аспектологии.

Ключевые слова: типологический подход, испанский язык, аспектуальные грамемы, грамматическая оппозиция, аспектуально-темпоральная система, перфективная и имперфективная зона, прогрессив, перфект, имперфект, аорист

Е. Ю. Груздева. Аспектуальные классы глаголов в нивхском языке

В статье рассматриваются различные способы выражения качественной аспектуальности в нивхском языке. Предлагается разбиение нивхских глаголов на десять аспектуальных классов, исследуются значения глагольных словоформ в различных языковых контекстах и анализируется взаимодействие глаголов, относящихся к различным классам, с показателями прогрессива, комплетива, континуатива и результатива.

Ключевые слова: аспектуальный класс глаголов, прогрессив, инхоатив, компетив, интенсив, результатив, континуатив

В. Ю. Гусев. Аспект в нганасанском языке

Система глагола в нганасанском языке основана на противопоставлении двух классов глаголов: перфективных и имперфективных; в первый класс входят мгновенные события и предельные процессы, во второй — неопредельные процессы и состояния. Перфективные глаголы не имеют формы настоящего времени, имперфективные не имеют формы перфекта. Для производных основ аспектуальный класс определяется последним из словообразовательных суффиксов.

В статье рассматривается распределение по аспектуальным классам корней и словообразовательных суффиксов, функционирование перфективных и имперфективных основ в тексте, а также употребление перфективного и имперфективного глагольных имен, противопоставление которых существует независимо от оппозиции аспектуальных классов.

Ключевые слова: аспект, бинарное противопоставление видов, нефинитные глагольные формы, нганасанский язык

Т. А. Майсак. Причастные формы в видо-временной системе агульского языка

Статья посвящена видо-временной системе индикатива в агульском языке (лезгинская группа нахско-дагестанской семьи). Основу этой системы составляют аналитические по происхождению формы Презенса, Хабитуалиса, Аориста и Перфекта, образованные от деепричастий имперфектива и перфектива. Особое внимание уделено дополнительной подсистеме, в которую входят формы, образованные от четырех субстантивированных причастий и вспомогательного глагола. Показано, что формы «причастной» подсистемы семантически параллельны базовым («деепричастным») формам, а специфические для них оттенки значений обусловлены семантикой причастий. Если базовые формы прежде всего используются в высказываниях, целью которых является сообщение о некоторой новой ситуации, то «причастные»

формы вводят в рассмотрение характеристики участников и факты из устоявшегося «фонда знаний». Рассмотрены также функции причастий в нефинитных клаузах (относительных, актантных и обстоятельственных) и в фокусной конструкции, где причастие возглавляет неассертивную часть высказывания. Исследование проведено на материале корпуса устных нарративов хпюкского говора.

Ключевые слова: агульский язык, лезгинские языки, нахско-дагестанские языки, грамматикализация, видо-временная система, аналитическая форма, причастие, презенс, хабитуалис, аорист, перфект, асерция, пресуппозиция, фокусная конструкция

***С. В. Малышев.* Аспект в коптском языке**

В статье дается синхронное описание передачи аспектуальных значений в саидском диалекте коптского языка: рассматривается семантика связанных с аспектом грамматических значений (прежде всего имперфектива, перфектива, результата, хабитуалиса и футурума) и проводится акциональная классификация (выделяется 12 классов глаголов).

Ключевые слова: коптский язык, аспект, акциональность, имперфектив, перфектив, результатив, хабитуалис, футурум

***В. А. Панов.* Аспектуальные функции латинских превербов: проблемы описания**

Латинский язык обладает набором глагольных префиксов (превербов). Основное значение превербов — пространственное. Однако, наподобие языков восточно-европейского и кавказского ареалов, латинские превербы способны оказывать влияние на аспектуальность глагола. Наблюдается два типа таких влияний: к первому типу относится перфективация за счет действия т. н. эффекта Вея-Схоневельда (в ней участвуют практически все превербы), ко второму — префиксальные способы действия, аналогичные способам действия славянских языков и других языков указанного ареала (превербы *con-*, *dis-*, *re-*, *per-*). Указанные явления исследуются на материале латинских текстов различных эпох.

Ключевые слова: латинский язык, превербы, префиксация, перфективация, эффект Вея-Схоневельда, способ действия, славянские языки, балтийские языки

***Е. В. Перехвальская.* Выражение аспектуальных значений в удэгейском языке**

В удэгейском языке нет категории грамматического вида. Аспектуальные значения выражаются: 1) кумулятивно с выражением време-

ни; 2) словообразовательными аффиксами, несущими аспектуальное значение. Аспектуальное значение конкретной глагольной формы зависит от взаимодействия значения «совершенности», «вшитой» в саму лексему, и аспектуального значения грамматической формы. Значительную роль играют акциональные свойства конкретного глагола.

Ключевые слова: тунгусо-маньчжурские языки, удэгейский язык, возникновение перфекта, словообразовательные суффиксы с аспектуальным значением

***А. А. Ростовцев-Попель.* Становление категории аспекта в грузинском языке**

В статье рассматриваются две системы выражения аспектуального противопоставления «перфектив — имперфектив» в грузинской литературной традиции. Древнегрузинская система использовала для выражения категории аспекта в первую очередь суффиксальные средства, но вследствие сокращения количества приглагольных пространственных элементов и формирования закрытого списка превербов, не обладавших уже синтаксической автономностью и окончательно ставших частью глагольной лексемы, выражение категории аспекта в глаголе уже в среднегрузинский период взяла на себя префиксация.

Ключевые слова: грузинский язык, аспект, перфектив, имперфектив, тмесис

***Н. В. Сердобольская.* Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности**

На синхронном уровне в бесермянском, как и в литературном удмуртском, зафиксировано три основных способа выражения множественности действия, что соответствует трем группам глагольных пар. Первая группа пар включает глаголы с одинаковой основой, противопоставленные по типу спряжения. Глаголы первого спряжения довольно часто противопоставляются глаголам второго спряжения по следующему принципу: глагол первого спряжения используется для обозначения единичной ситуации, глагол второго спряжения — для обозначения множественной ситуации.

Вторая группа представляет собой пары глаголов с суффиксом мультипликатива *-ja* и различными суффиксами семельфактива. Основы практически всех глаголов данной группы не употребляются без указанных аффиксов. Третья группа включает глаголы, образованные с помощью итеративного показателя *-əl/-lʹa*. Глаголы без данного показателя

теля могут обозначать как единичное, так и множественное действие, в то время как глаголы с данным показателем используются для обозначения повторяющегося действия. Данный показатель способен сочетаться с лексемами, содержащими суффикс мультипликатива или семельфактива, а также присоединяться к глаголам второго спряжения, обозначающим множественные ситуации.

В работе исследуется вопрос о разграничении семантики перечисленных выше стратегий кодирования глагольной множественности, а также о значении тех глаголов, которые включают более одного показателя множественности.

Ключевые слова: глагольная множественность, удмуртский язык, бесермянский диалект, итератив, хабитуалис, мультипликатив, семельфактив

Н. М. Стойнова. Рефактив и смежные глагольные значения

В статье рассматриваются т.н. рефактивные значения (значения типа ‘еще раз’, ‘обратно’, ‘в исходное состояние’, ‘в ответ’ и др.) с точки зрения их положения в системе глагольных категорий. Приводятся типологические данные по моделям полисемии рефактивных аффиксов, для каждой из них предлагается семантическая интерпретация. Обнаруженные в языках разной генетической и ареальной принадлежности типы полисемии говорят о близости рефактивных значений к следующим семантическим зонам: к зоне фазового аспекта (континуатив), глагольной множественности (хабитуалис, мультипликатив, дистрибутив), пространственной зоне (пролатив, значения типа ‘сделать по возвращении’), зоне актантажной деривации (рефлексив, реципрок), модально-дискурсивной зоне (адмиративное значение, значение кульминации в нарративе, присоединительное и консекутивное значения и др.), а также к таким словообразовательным глагольным значениям, как интенсификация и реверсив.

Ключевые слова: типология, грамматическая семантика, глагольная деривация, глагольная множественность, рефактив

А. Ю. Урманчиева. Имперфективные формы эвенкийского глагола: аспектуальные значения и дискурсивные функции

В данной статье рассматривается ряд аспектуальных показателей эвенкийского языка из семантической зоны имперфектива. Эти показатели распадаются на две группы: в первую входят показатели с дуративной семантикой, представляющие ситуацию как длящуюся, не достигшую предела или завершения, во вторую — показатели, переда-

ющие хабиутальную семантику. Помимо собственно аспектуального значения этих глагольных форм в статье также будет описано их дискурсивное употребление.

Ключевые слова: эвенкийский язык, аспект, имперфектив, дура-тив, хабиуталис, грамматикализация, дискурс

А. Б. Шлуинский. Фактатив и смежные категории: опыт типологии

В статье рассматривается глагольная категория так называемого фактатива — глагольных форм, имеющих, в зависимости от семантических свойств глагольной лексемы, либо временную референцию к настоящему и имперфективную интерпретацию длящегося состояния или процесса, либо временную референцию к прошлому и перфективную интерпретацию завершенной ситуации.

Показано, что доступная временная и аспектуальная интерпретация фактатива может определяться в разных языках различными лексическими характеристиками глагола. Выделяются случаи фактатива с акционально определяемой дистрибуцией и с аспектуальной определяемой дистрибуцией. Акционально определяемая дистрибуция может быть связана с семантическими признаками событийности (telicity) vs. несобытийности, стативности vs. динамичности, качества vs. явления (предиката индивидуального vs. стадийного уровня). Аспектуально определяемая дистрибуция сопряжена с перфективностью vs. имперфективностью глагола или предикации.

Кроме того, в статье обсуждаются смежные с фактативом категории, также имеющие презентно-претериальную полисемию: формы небудущего времени и формы, совмещающие перфектные и стативные или перфективные и стативные употребления.

Ключевые слова: фактатив, глагольный вид, аспектуальные категории, перфектив, имперфектив, акциональность, небудущее время

А. В. Эрман. Прогрессив в дан-бло

В дан-бло (южные манде < манде < нигер-конго) имеются три грамматические конструкции, выражающие значение прогрессива. В статье анализируются различия в грамматической семантике этих конструкций, а также высказываются предположения относительно этимологии их морфологических показателей.

Ключевые слова: дан-бло, прогрессив, южные манде

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Peter Arkadiev. The Aspectual System of Lithuanian (with references to areal data)

The paper deals with verbal aspect in standard Lithuanian with reference to dialectal and areal data. The traditional view that Lithuanian possesses a binary category of aspect is rejected, since no strictly grammatical (morphosyntactic) phenomena are associated with either of the alleged aspects, and because the binary classification is too coarse to adequately represent the aspectual properties of Lithuanian verbs. Instead, a more detailed classification of predicates into actional (situation) types is proposed. Major mechanisms of aspectual derivation, such as telicizing prefixation, delimitative, semelfactive, and iterative formations are described. In addition to the traditionally recognized Past Habitual, another inflectional category with aspectual meaning is described for the first time, i.e. the Continuative expressed by the “external” prefix *(te)be-*. Periphrastic aspectual constructions, such as the Perfect/Resultative and the Avertive, are also analysed.

Keywords: Lithuanian, derivational aspect, actionality, continuative, avertive, habitual, perfect, resultative

Timofey Arkhangel'skiy, Vladimir Panov. Aspect in Greek: problems and typology

The paper provides an outline of the Ancient and Modern Greek aspectual systems and of the diachronic change Greek has undergone. Typological peculiarities of the Greek aspectual system are described in more detail. The paper is particularly concerned with non-prototypical uses of aspect where the perfective and the imperfective are used asymmetrically, cf. the infinitive and the imperative in Ancient Greek vs. the imperative/prohibitive, the subjunctive, and the conditional in Modern Greek.

Keywords: aspect, typology, Greek, diachrony

Oleg Belyaev. The tense and aspect system of Ashti Dargwa

The paper addresses the morphology and semantics of key aspectual-temporal forms in the Ashti dialect of Kubachi (Dargi group of Nakh-Daghestanian languages). The tense and aspect system of this dialect is typologically remarkable because of the large number and variety of verbal para-

digm forms; for example, Ashti opposes morphologically three types of Habitual meanings. The paper also focuses on the interaction between the binary category of aspect expressed by verbal stems and the aspectual meanings of verbal inflectional suffixes. The description of the Ashti tense and aspect system is supplemented with its comparison with the systems of other Dargi languages and dialects.

Keywords: Dargi languages, Nakh-Daghestanian languages, aspect, tense

Michael Daniel, Maria Poupynina, Daria Ryzhova, Oleg Volkov.
A survey of aspectual categories in Chukchi-Kamchatkan languages

The paper proposes a functional survey of aspectual categories in the ‘core’ Chukchi-Kamchatkan languages Chukchi, Koryak and Alutor. It is based primarily on the existing corpora of these languages. The data from corpora, grammatical descriptions and text collections are reconsidered in terms of elementary aspectual meanings and their clustering. Based on an intra-genetic typological analysis, some more vs. less stable elements of the aspectual system are isolated, and their probable functional evolution is discussed. The paper briefly considers the interaction of aspectual meanings with other verbal categories: the future tense, the unwitnessed past, and negation.

Keywords: aspect, perfect, perfective, evidential, resultative, imperfective, future, Chukchi, Alutor, Koryak

Anna Erman. **The Progressive in Dan-Blo**

There are three grammatical constructions in Dan-Blo (Southern Mande < Mande < Niger-Congo) expressing the progressive meaning. These constructions and nuances of their grammatical semantics are analysed in the paper; certain ideas concerning the etymology of their morphological markers are advanced.

Keywords: Dan-Blo, Souther Mande, progressive

Elena Gorbova. **A sketch of the Spanish aspectual-temporal system**

The paper provides a description of the aspectual-temporal domain of the Spanish grammatical system presenting two possible theoretical models. The first is based on the notion of a binary grammatical opposition and the assumption of a theoretical possibility for a language to have more than one aspectual opposition. The second can be characterized as a multilevel model. The presentation of the two models is preceded by a discussion of some theoretical and methodological problems of aspectual typology.

Keywords: typological approach, Spanish, aspectual grammemes, grammatical opposition, aspectual-temporal system, perfective and imperfective aspectual domains, progressive, perfect, imperfect, aorist

Ekaterina Gruzdeva. Aspectual classes of verbs in Nivkh

The paper considers different ways of expressing qualitative aspectuality in Nivkh. It describes the distribution of Nivkh verbs in ten aspectual classes, examines the meanings of verb forms in various language contexts and analyses the interaction of verbs belonging to different classes with progressive, completive, continuative and resultative markers.

Keywords: aspectual class of verbs, progressive, inchoative, completive, intensive, resultative, continuative

Valentin Gusev. Aspect in Nganasan

The Nganasan verbal system is formed by two mutually opposed “perfective” and “imperfective” verb classes. The first class describes momentary events, in particular those representing the final points in telic processes, while verbs of the second class denote atelic processes and states. Perfective verbs have no present forms, while imperfective verbs have no perfect forms. With derived stems, the aspectual class is determined by the outermost derivational suffix.

The paper examines how verbal roots and derivational suffixes are distributed between the two aspectual classes and how perfective and imperfective stems are used in discourse. Another topic is the use of perfective and imperfective deverbal nouns which form an independent opposition.

Keywords: aspect, binary aspectual opposition, non-finite verbal forms, Nganasan

Timur Maisak. Participial forms in the tense-aspect system of Agul

The paper deals with the indicative tense-aspect system of Agul, a language of the Lezgian branch, the East Caucasian family. Its main forms include the Present, the Habitual, the Aorist, and the Perfect, all of which are of periphrastic origin and are built upon imperfective and perfective converbs. Special attention is given to the participial subsystem comprising periphrastic forms built upon four substantivized participles. It is argued that “participial” periphrastic forms are semantically parallel to the main (“converbial”) forms, and the peculiarities of their meanings should be explained by the semantics of the participles. In particular, while the main forms are basically used to introduce a new situation, participial forms refer to characteristics of the participants and to facts from a stable “bank of knowledge”. The last section

considers the functions of participles in non-finite (relative, complement, and adverbial) clauses, as well as their use in the focus construction where the participle is the head of the presupposed part of the utterance. The analysis is based on the corpus of spontaneous oral narratives in the Huppuq' dialect.

Keywords: Agul language, Lezgian languages, East Caucasian languages, grammaticalization, tense-aspect system, periphrastic form, participle, present, habitual, aorist, perfect, assertion, presupposition, focus construction

Sergey Malyshev. Aspect in Coptic

The paper provides a synchronic description of aspect expression patterns in Sahidic Coptic and focuses on the semantics of aspect-related grammatical meanings (such as the Imperfective, the Perfective, the Resultative, the Habitual, and the Future), and proposes an actional classification of 12 verb classes.

Keywords: Coptic, aspect, actionality, imperfective, perfective, resultative, habitual, future

Vladimir Panov. Aspectual functions of Latin preverbs: descriptive problems

Latin possesses a number of verbal prefixes (preverbs) with spatial characteristics of situations as their primary meanings. At the same time, similarly to East-European and Caucasian languages, Latin preverbs can influence aspect meanings. Two types of such influence can be observed: the first is the so-called Vey — Schooneveld effect involving practically all preverbs, and the second is represented by prefixal Aktionsarts similar to those found in Slavic and other languages of the areal (involving the preverbs *con-*, *dis-*, *re-*, *per-*). The Latin facts are studied based on texts of different epochs.

Keywords: Latin, preverbs, prefixation, Vey-Schooneveld effect, Aktionsart, Slavic, Baltic

Elena Perekhval'skaya. Expression of aspectual meanings in the Udihe language

There is no aspect as an overt grammatical category in Udihe. Aspectual meanings in Udihe are expressed: 1) in combination with temporal meanings; 2) by derivational verbal suffixes. The aspectual meaning of a particular verb form results from the interaction between the meaning of completion intrinsic in the lexeme and the aspectual meaning of the grammatical form. The actional properties of specific verbs also play a significant role.

Keywords: Tungusic, Udihe, origins of perfect, derivational suffixes with aspectual meaning.

Alexander Rostovtsev-Popiel. Aspect category formation in Georgian

This paper addresses two aspectual systems featuring the opposition of *perfective* vs. *imperfective* in the Georgian literary tradition. The aspectual grams used in Old Georgian were primarily suffixes, but as the number of adverbial spatial elements decreased and the system acquired a closed set of preverbs that had lost their syntactic freedom and become part of the verb, the expression of the category of aspect was taken over by prefixation as early as in the Middle Georgian period.

Keywords: Georgian, Aspect, Perfective, Imperfective, Tmesis

Natalia Serdobolskaya. Pluractionality and aspect in the Besermyan dialect of Udmurt: multiplicity of pluractional suffixes

The Besermyan dialect of Udmurt, like Standard Udmurt, has three strategies to encode pluractionality. First, there are “conjugation pairs” — verbs with the same stem that belong to two different conjugations. The verbs of the first conjugation usually differ from the verbs of the second conjugation in that the verb of the first conjugation denotes a single situation, while the verb of the second conjugation denotes iteration of situations.

Second, there are verb pairs where one verb includes the multiplicative suffix *-ja* and the other verb, one of the semelfactive suffixes. Most verb stems of this type cannot be used without the multiplicative or a semelfactive suffix.

Third, there are verbs formed with the iterative suffix *-šl/-lʹa*. Used without this marker, verbs can denote both single and plural situations, while verbs with this marker encode iteration of situations. This suffix may occur both with verbs with multiplicative or semelfactive suffixes and with second conjugation stems denoting plural situations.

The aim of this work is to determine the semantics of the aforementioned three strategies of encoding pluractionality, as well as the meaning of verbs with more than one pluractionality markers.

Keywords: pluractionality, Udmurt, Besermyan, iterative, habitual, multiplicative, semelfactive

Andrey Shluinsky. Factative and adjacent grams: a tentative typology

The paper deals with the verbal category of the ‘factative’. This label is used for verbal forms that can have either temporal reference to present and imperfective viewpoint or temporal reference to past and perfective viewpoints depending on the semantic features of a given verb.

The paper shows that temporal and aspectual interpretation of a factative in different languages can depend on different lexical features of a verb.

Factatives with actionality-based and aspect-based distribution are distinguished. The actionality-based distribution of a factative can be related to the semantic features of telicity vs. atelicity, stativity vs. dynamicity, qualities vs. occurrences (individual-level vs. stage-level predicates). Aspect-based distribution is related to the perfectivity vs. imperfectivity of a verb or clause.

Along with factatives, related verbal categories are discussed as well. These involve presental-preterial polysemy and include the categories of non-future tense and categories that have both perfect and stative or both perfective and stative uses.

Keywords: factative, verbal aspect, perfective, imperfective, actionality, non-future tense

Natalia Stoyanova. The Refactive: types of polysemy

The paper deals with the so-called reflexive meanings ('again', 'back', 'in response', and some others). It aims to find out a range of verb meanings that tend to be co-expressed with reflexive meanings. Cross-linguistic data on polysemy types of reflexive affixes is discussed. The data shows a relation of reflexive meanings to the following semantic domains: phasal aspect (continuative), verbal plurality (habitual, multiplicative, distributive), spatial meanings (prolative, associated motion), valency-changing meanings (reflexive, reciprocal), discourse meanings (mirative, additive, consecutive, etc.), intensive, reversive, and some others.

Keywords: typology, semantics, verbal derivation, verbal plurality, reflexive

Anna Urmanchieva. Imperfectives in Evenki: aspectual semantics and discourse functions

This paper deals with imperfective forms of Evenki (Tungusic). These forms can be divided into two semantic groups: Durative forms and Habitual forms. Both their aspectual semantics and their discourse functions in folklore narratives are discussed.

Keywords: Evenki, aspect, imperfective, durative, habitual, grammaticalization, discourse

Igor Vinogradov. Aspectual systems of Mayan languages

This paper deals with the expression of aspect in the verbal grammar of Mayan languages. There are two types of aspectual systems in the languages of this family, depending on the number of aspectual markers in the verbal word-form: either one single marker (in the languages of Mayan Low-

lands) or two distinct markers (in the Highlands). Typologically, the languages of the second group are most interesting: they express aspectual meanings by two grammatical categories at once, such that one of them consists of a short number of grams with extensive meanings, and the other (which may be called "interpreting"), on the contrary, has a broad number of grams with specific meanings.

Keywords: aspect, verbal grammar, Mayan languages, typology

Valentin Vydrin. Aspectual systems of Southern Mande languages in a diachronic perspective

The genetic distance among the languages of the Southern Mande group (Niger-Congo) is comparable to that among Germanic languages. Unlike what is typical for the Indo-European languages, the verbal morphology of Southern Mande is hard to reconstruct. The main reason is that the proto-Southern Mande was, most probably, a predominantly isolating language, and the morphological markers of the modern languages are, in their majority, recent innovations. Still, certain forms (imperfective, perfective, imperative) can be reconstructed. It turns out that the majority of inflexional morphemes in Southern Mande are, by their origin, locative postpositions.

Keywords: Mande, Southern Mande, Dan, Guro, Mwan, Mano, Tura, Gban, Beng, Yaure, Wan, supine, gerund, imperfective, perfective

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
-------------------	---

ЧАСТЬ I. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

I. *Восточная и Южная Европа*

П. М. Аркадьев

Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных)	45
---	----

Т. А. Архангельский, В. А. Панов

Аспект в греческом языке: проблемные зоны и типология	122
---	-----

Е. В. Горбова

О строении аспектуально-темпоральной системы испанского языка ..	149
--	-----

II. *Кавказ*

О. И. Беляев

Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского	181
--	-----

Т. А. Майсак

Причастные формы в видо-временной системе агульского языка	228
--	-----

А. А. Ростовцев-Попель

Становление категории аспекта в грузинском языке	290
--	-----

III. *Северная Сибирь и Дальний Восток*

В. Ю. Гусев

Аспект в нганасанском языке	311
-----------------------------------	-----

Е. В. Перехвальская

Выражение аспектуальных значений в удэгейском языке	361
---	-----

О. С. Волков, М. А. Даниэль, М. Ю. Пупынина, Д. А. Рыжова

К характеристике аспектуальной системы чукотско-камчатских языков	396
--	-----

Е. Ю. Груздева

Аспектуальные классы глаголов в нивхском языке	458
--	-----

IV. Африка и Америка

<i>С. В. Мальшиев</i> Аспект в коптском языке	534
<i>В. Ф. Выдрин</i> Аспектуальные системы южных манде в диахронической перспективе.....	566
<i>А. В. Эрман</i> Прогрессив в дан-бло	648
<i>И. А. Виноградов</i> Аспектуальные системы языков майя.....	662

ЧАСТЬ 2. АСПЕКТУАЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ

<i>В. А. Панов</i> Аспектуальные функции латинских превербов: проблемы описания	707
<i>Н. В. Сердобольская</i> Глагольная множественность и аспект в бесермянском диалекте удмуртского языка: множественность показателей множественности.....	735
<i>А. Ю. Урманчиева</i> Имперфективные формы эвенкийского глагола: аспектуальные значения и дискурсивные функции.....	786
<i>Н. М. Стойнова</i> Рефактив и смежные глагольные значения	867
<i>А. Б. Шлуинский</i> Фактатив и смежные категории: опыт типологии	950
Указатель языков	997
Сведения об авторах	1003
Аннотации и ключевые слова.....	1006
Annotations and keywords.....	1014

Научное издание

**ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA
ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
Том VIII, часть 2**

Исследования по теории грамматики

Подписано к печати 18.07.2012

Формат 60×90 1/16

Усл. печ. л. 64. Уч.-изд. л. 53,8. Тираж 400 экз.

Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука»
199034, Санкт-Петербург, Менделеевская линия, 1
main@nauka.nw.ru, www.naukaspb.com

Автор оригинал-макета — В. Ю. Гусев

Отпечатано в типографии «Нестор»
СПб., ул. Розенштейна, д. 21
тел./факс: (812)622-01-23
e-mail: manager_nestor@list.ru

ISBN 978-5-02-038306-7

9 785020 383067